

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ПРАВОВАЯ НАУКА
И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
К 100-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Материалы
Белорусского научно-образовательного конгресса

Минск, 20-23 октября 2025 г.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ПРАВОВАЯ НАУКА
И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
К 100-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Материалы
Белорусского научно-образовательного конгресса**

Минск, 20–23 октября 2025 г.

Минск
БГУ
2025

УДК 34:378.016(06)
ББК 67р30я431
У59

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *А. В. Шидловский* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *С. А. Калинин* (зам. гл. ред.);
доктор политических наук, профессор *Н. А. Антанович*;
доктор юридических наук, профессор *С. А. Балащенко*;
доктор юридических наук, профессор *Н. Л. Бондаренко*;
доктор юридических наук, член-корреспондент НАН Беларуси,
профессор *Г. А. Василевич*;
кандидат юридических наук, доцент *Л. Л. Голубева*;
кандидат юридических наук, профессор *А. А. Данилевич*;
доктор юридических наук, профессор *Т. И. Макарова*;
доктор политических наук, доцент *В. С. Михайловский*;
доктор юридических наук, доцент *М. В. Мецанова*;
кандидат юридических наук, доцент *О. Н. Романова*;
доктор юридических наук, профессор *А. Л. Савенок*;
кандидат юридических наук, доцент *Е. А. Свадковская*;
доктор юридических наук, профессор *В. Б. Шабанов*;
кандидат юридических наук, доцент *Д. В. Щербик* (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор *С. В. Решетников*;
доктор юридических наук, профессор *Л. М. Рябцев*

Университетская правовая наука и юридическое образование : к 100-летию
У59 юридического факультета Белорусского государственного университета : материалы Белорус. науч.-образоват. конгр. Минск, 20–23 окт. 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 722 с.
ISBN 978-985-881-839-5.

Ведущими учеными, государственными деятелями и специалистами в области юриспруденции рассмотрены вопросы совершенствования национального университетского юридического образования, становления белорусской правовой науки, а также ее современное состояние и перспективы развития.

УДК 34:378.016(06)
ББК 67р30я431

ISBN 978-985-881-839-5

© БГУ, 2025

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АББРЕВИАТУРЫ

АПК	– агропромышленный комплекс
АТЕ	– административно-территориальная единица
БГУ	– Белорусский государственный университет
БССР	– Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВНС	– Всебелорусское народное собрание
ЕАЭС	– Евразийский экономический союз
ЕГР	– Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей
ЕС	– Европейский союз
ИИ	– искусственный интеллект
ИКТ	– информационно-коммуникационные технологии
ИС	– интеллектуальная собственность
МПА СНГ	– Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств
НАТО	– Организация Североатлантического договора
ОДКБ	– Организация Договора о коллективной безопасности
ООН	– Организация Объединенных Наций
СМИ	– средства массовой информации
СНГ	– Содружество Независимых Государств
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
США	– Соединенные Штаты Америки
ШОС	– Шанхайская организация сотрудничества

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ

Банковский кодекс Республики Беларусь	– Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-3
Венская конвенция 1980 г.	– Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вена 11 апреля 1980 г.)
Водный кодекс Республики Беларусь	– Водный кодекс Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-3
ГК (ГК Республики Беларусь)	– Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3
ГК Казахстана	– Гражданский кодекс Республики Беларусь от 27 декабря 1994 г. № 268-ХІІІ
ГК РФ Ч. 1	– Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, Часть 1
ГК РФ Ч. 2	– Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, Часть 2
ГК РФ	– Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК (ГПК Республики Беларусь)	– Гражданско-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г.

Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8	– Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»
Директива Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11	– Директива Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительной дисциплины»
Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12	– Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства»
Закон «Об охране окружающей среды»	– Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (в редакции от 17 июля 2023 г.)
Закон «О конституционном судопроизводстве»	– Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве»
Закон Республики Беларусь «О научной деятельности»	– Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности»
Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»	– Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах»
Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных»	– Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных»
Закон Республики Беларусь «Об инвестициях»	– Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях»
Земельный кодекс РФ	– Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ
КГС Республики Беларусь	– Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З
КоАП Республики Беларусь	– Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З
КоАП РФ	– Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ
КоБС Республики Беларусь	– Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З
Кодекс Республики Беларусь об образовании	– Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З
Конституция (Конституция Республики Беларусь)	– Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.)
Конституция Казахстана	– Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г.

Конституция России	– Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.)
Концепция информационной безопасности Республики Беларусь	– Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1
Концепция национальной безопасности Республики Беларусь	– Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5
Концепция правовой политики Республики Беларусь	– Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196.
Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 г.	– Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 г., утвержденная Министерством образования Республики Беларусь от 31 августа 2017 г.
ПИКоАП Республики Беларусь	– Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З
РКИК ООН 1994 г.	– Рамочная конвенция ООН об изменении климата от 21 марта 1994 г.
СК РФ	– Семейный кодекс Российской Федерации от декабря 1995 г. № 223-ФЗ
ТК Республики Беларусь	– Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З
ТК РФ	– Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ
УК (УК Республики Беларусь)	– Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З
УК РФ	– Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ
УПК (УПК Республики Беларусь)	– Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З
ФЗ «Об охране окружающей среды»	– Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Уважаемые коллеги,
представители юридического сообщества!
Дорогие студенты!

Примите от меня лично и всего коллектива Белорусского государственного университета самые искренние поздравления со 100-летием юридического факультета!

Открытие в 1925 году факультета стало началом целой эпохи в истории БГУ, юридической науки и высшего юридического образования. Сегодня факультет является одним из ключевых в стране по подготовке специалистов-правоведов и неотъемлемым звеном кластера и взаимодействия Юридического колледжа, юридического факультета и Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции. Эта непрерывность обеспечивает подготовку кадров для всей правовой системы Беларуси.

Юридический факультет в наши дни является современным образовательным центром, сохраняя классический набор юридических специальностей и активно внедряя инновации в обучение и науку. Высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав реализует передовые идеи и новые технологии на стыке междисциплинарных знаний и креативных методик. Это позволяет создавать эффективные формы работы со студентами. Платформы по проведению виртуальных исследований, моделирование судебных процессов, интерактивные подходы к трактовке законодательной базы работают на имидж и авторитет юридического образования в БГУ и стране.

Университет гордится яркими страницами факультета, именами его основателей и современников, которые сегодня авторитетно представляют юридическое образование в стране и за ее пределами. Большая благодарность ветеранам отрасли – настоящим патриотам своего дела, традициям и БГУ. Их знания, бесценный опыт показывают молодому поколению достойный пример преданности нашей Родине.

За вековой период факультет подготовил тысячи специалистов, многие из которых внесли бесценный вклад в развитие национальной юриспруденции и сегодня занимают руководящие должности в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, учреждениях образования и науки, системе народного хозяйства и др. Среди выпускников факультета – выдающиеся ученые, педагоги, политики, представители юстиции, судов, правоохранительных органов, адвокатуры, бизнеса, общественные деятели. Факультет славится своей школой кандидатов и докторов юридических наук.

Каждый, кто переступил порог юридического факультета, оставил свой памятный след в его становлении и развитии.

Благодаря большой созидательной энергии, творческому поиску, высокому профессионализму коллектива, бережному отношению к сохранению традиций и новаторским проектам факультет уверенно шагает в ногу со временем, являясь ведущим среди учреждений высшего образования, добивается успехов в осуществлении самых смелых планов и идей.

Желаю коллективу юридического факультета инновационных идей и успешной их реализации! Студентам – личных побед, уникальных внутренних поисков и открытия жизненных смыслов! Юридическому факультету – дальнейших исторических и памятных свершений, новых достижений и процветания, уверенно держать планку признанного лидера элитного высшего юридического образования в нашей стране и за ее пределами!

*Ректор Белорусского государственного университета
доктор педагогических наук, профессор
Андрей Дмитриевич Король*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ДЕКАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Глубокоуважаемые почетные гости Белорусского научно-образовательного конгресса!
Дорогие преподаватели, студенты и выпускники!

Юридический факультет Белорусского государственного университета – наша *alma mater* в 2025 г. отмечает свое 100-летие. Вместе с юбилеем мы подводим итоги важного этапа в развитии белорусской юридической науки и юридического образования.

В Белорусском государственном университете уже с 1921 г. на факультете общественных наук функционировало правовое отделение. К 1925 г. БГУ выпустил 130 юристов.

В 1925 году СНК Белорусской ССР постановил открыть в Белорусском государственном университете факультет права и хозяйства. За вековую историю наша юридическая *alma mater* прошла большой и значительный путь, имела различные названия и организационно-правовые формы деятельности: факультет права и хозяйства (1925), факультет советского строительства и права (1930), Институт советского строительства и права (1931), Белорусский государственный юридический институт (1932), Минский юридический институт (1938), юридический факультет Белорусского государственного университета (1954). Однако, главным направлением деятельности университетской юридической школы было и остается подготовка высококвалифицированных юристов, воспитание достойных граждан нашей Родины.

Вековой юбилей нашей юридической школы дает возможность нам вспомнить его важные вехи и яркие страницы истории и, в первую очередь, людей, которые его создавали, работали и учились в разные годы. Основателями многих научных правовых школ являются ветераны Великой Отечественной войны – профессора «огненного выпуска», ученые-юристы поколения Победителей. Славные традиции факультета бережно сохраняются и приумножаются.

За свою вековую историю юридический факультет выпустил более 35 000 юристов. Среди его выпускников – 84 заслуженных юриста Беларуси (БССР, Республики Беларусь), 3 заслуженных деятеля науки Республики Беларусь, 3 заслуженных работника образования Республики Беларусь, 5 член-корреспондентов НАН Беларуси. В их числе руководители высших органов государственной власти и государственных учреждений Республики Беларусь, представители дипломатических миссий и международных организаций, известные ученые-юристы, общественные деятели, практикующие юристы.

На протяжении развития белорусской государственности ученые юридического факультета вносят большой вклад в процесс совершенствования организации и деятельности государственного аппарата, принимают самое непосредственное и активное участие в разработке проектов законодательных актов (в том числе кодификации).

В качестве научных экспертов преподаватели факультета регулярно включаются в составы научно-консультативных советов при государственных органах по решению правовых вопросов самого разного уровня, являются членами редколлегий и редсоветов большого круга белорусских и зарубежных юридических научных и научно-практических журналов, научных сборников и др.

Сегодня факультет сочетает традиции классического юридического образования с инновационными подходами в фундаментальных и прикладных исследованиях. На базе юридического факультета БГУ действует Научно-методический совет по группе специальностей «Право», объединяющий все учреждения высшего образования республики по подготовке юристов. Успех и гордость факультета – это разработка и издание учебников и учебных пособий (в том числе – с грифом Министерства образования Республики Беларусь), электронных учебно-методических комплексов, научно-практических комментариев, практикумов, справочников по правовым вопросам и юридических энциклопедий. Неоднократно научные и учебно-методические издания ученых юридического факультета БГУ становились лауреатами национальных и международных премий и наград.

На факультете сегодня получают высшее образование около 3000 обучающихся, преподают более 250 преподавателей, в том числе известные практикующие юристы, заслуженные юристы и работники образования Республики Беларусь, член-корреспондент НАН Беларуси, 23 доктора наук, профессора и 143 кандидата наук, доцента. Успешно защищаются кандидатские и докторские диссертации.

Юридический факультет Белорусского государственного университета – это флагман отечественной юридической науки и классического университетского юридического образования; это ведущий научно-образовательный юридический центр республики.

Настоящая гордость юридического факультета – одаренные студенты, опытные преподаватели, лучшие выпускники!

Искреннее уважение и благодарность всем тем, кто связан с факультетом! Своим трудом, готовя новое поколение юристов, мы создаем будущее Беларуси, воспитываем настоящих патриотов страны!

Поздравляю Вас, дорогие друзья! Желаю коллективу юридического факультета Белорусского государственного университета и всем его выпускникам процветания и радостных событий, новых личных достижений и памятных побед, профессионального долголетия и удачи!

С юбилеем, родной факультет!

*Декан юридического факультета
Белорусского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент
Андрей Викторович Шидловский*

РАЗДЕЛ I

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА: К ОБСУЖДЕНИЮ ВОПРОСОВ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 340.01

ПОТЕНЦИАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАДАЧ

О. И. Чуприс

*заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь
contact@president.gov.by*

В статье формулируется видение направлений использования потенциала юридической науки в решении государственных задач посредством усиления ее практической ориентированности (на основе изменения методологических требований к ней, обеспечения прогнозного видения последствий предлагаемых к внедрению выводов, формулирования практического запроса к науке, взаимодействия ученых и практических работников).

Ключевые слова: юридическая наука; научные исследования; правовые нормы; правовая политика; потребности практики.

Идет время, меняются события, но также, как и 100 лет назад ученые подтверждают желание и возможность служить государству, решать государственно значимые задачи, формулировать ответы на вызовы времени. Как указывает Президент Республики Беларусь, очень важно, чтобы действия ученых и их поступки отвечали интересам государства. Они должны уметь генерировать не только идеи, но и серьезно разрабатывать и делать их прикладными для нашей жизни [1]. Юридическая наука, предметом которой выступает такое явление, как право, имеет особенности, связанные с тем, что право отражает все разнообразие упорядочиваемых им сфер. Поэтому юридическая наука, как никакая другая, открыта для научного поиска, а значит она не может замыкаться сама в себе, формируя чистое, идеальное или свободное от реальности знание.

Как в свое время отмечал В. С. Нерсесянц, «у нас довольно быстро освоили термины «правовое государство», «правовое (гражданское) общество», «господство права», «правление права» и т.д. Хуже обстоит дело с представлениями о соотношении права и закона, с пониманием правовой природы, правового содержания и правового качества закона, смысла правового закона и правовой законности» [2]. Действительно, качество закона и законности продолжает оставаться актуальной темой правовых исследований, заказчиком которых являются государственные органы.

Другие вопросы также требуют ответа правоведов, например, такие, как тенденция к милитаризации, развивающаяся при отсутствии эффективных правовых инструментов охраны мирового порядка; неравномерность технологического развития государств

и в целом технологические угрозы и социогуманитарные вызовы; деформация рынка труда и кадровый дефицит [3].

В то же время следует отметить, что при проведении исследований в области права проще опираться на идеальное представление о регулируемых отношениях, описывая некую модель, безусловно имеющую познавательное значение, но не всегда применимую на практике. Конечно, познание закономерностей развития регулируемых правом сфер не является прерогативой юридической науки. Но без знания этих закономерностей и актуальных тенденций невозможна формулировка квалифицированных научных выводов об их упорядочении. Ученый-юрист должен понимать суть происходящих процессов и даже их механику, закономерности и актуальные тенденции в области не только права, политики, экономики, но и техники и технологий, а потом осознанно выбирать наиболее подходящий набор приемов регулирования. Однако ввиду быстроты, а порой кардинальных содержательных изменений таких процессов требуются соответствующие скорость реагирования и глубина погружения в них ученых-юристов.

То же можно сказать и об изучении собственно правовых норм, которые должны исследоваться с учетом причин их принятия и реальной потребности в них, в соотношении с практикой их реализации, а не основываясь преимущественно на требованиях юридической техники или лингвистических интерпретациях, или умозрительном представлении ученого о ценности закрепленных в законодательстве норм. «В анализ научного исследования должна входить действительная правовая и функциональная составляющая таких правовых норм, во всей их целостности и взаимосвязи» [4, с. 268].

В дополнение к указанному сохраняется обоснованное требование прогностического видения последствий претворения в жизнь формулируемых учеными предложений о совершенствовании законодательства. Говоря словами Ю. А. Тихомирова, не следует забывать об обеспечении научного предвидения динамики правовых состояний, т.е. меняющихся целей и уровней правового регулирования [5].

К сожалению, ученые не всегда задумываются о последствиях для государства от вносимых ими предложений, заимствования западных идей, доктрин и нормативно-правовой практики. К использованию зарубежного опыта регулирования общественных отношений следует относиться взвешенно. При внесении предложений о его заимствовании и внедрении других новаций следует учитывать их соответствие государственным и общественным интересам, национальным традициям. Такой подход отражен в п. 36 Концепции правовой политики. В ней также содержится требование о прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов. Кроме того, требование о научном прогнозировании правовых, общественно-политических, финансово-экономических, социальных, криминальных, экологических и иных последствий принятия (издания) нормативных правовых актов закреплено в п. 7 ст. 6 Закона «О нормативных правовых актах». А в п. 13 Директивы Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 закреплено общее требование к государственным органам и организациям о тщательной проработке принимаемых решений с точки зрения соответствия государственной политике, экономической эффективности и социальных последствий.

Отталкиваясь от этих требований, в Республике Беларусь сформулирован и запрос к юридической науке. Определены приоритетные направления научно-правовых исследований в области права, являющиеся ориентиром для тем конкретных правовых исследований, включая диссертации [6]. Данные направления касаются конституционной идентичности,

синергии права, искусственного интеллекта и иных новых технологий, правовых мер укрепления демографической безопасности, гарантий трудовых прав в условиях цифровизации, нетипичной занятости, преодоления санкционного давления и др. В рамках указанных ориентиров формулируются темы плана научных исследований и разработок для Национального центра законодательства и правовой информации, заказчиком которых является Администрация Президента Республики Беларусь. Тем самым сближаются юридическая наука и юридическая практика. Одновременно решается важная задача контроля за содержанием подготовки научных кадров за счет бюджета.

Однако пока не решена в полной мере задача взаимодействия с представителями реального сектора экономики и социальной сферы (с экономистами, медиками, строителями, специалистами в области искусственного интеллекта и др.), для которых также важно включение в процесс определения опережающих потребностей в правовом регулировании. К сожалению, можно констатировать, что право, а значит и юридическая наука, в настоящее время оказывается в роли догоняющего уже сложившуюся реальность, играя применительно к отраслевому регулированию вторичную роль.

Поэтому для современного правового регулирования общественных отношений велико значение смежных научных исследований. Оно вытекает из признания юридической науки, познающей право, как явление, отражающее те сферы, которые оно упорядочивает, а потому интегрирующей, аккумулирующей в себе их природу, принципы, сформулированные соответствующими науками, и, следовательно, потребляющей их знания [7, с. 320]. Более активное использование потенциала науки в решении государственных задач осуществляется на основе изменения подхода к взаимодействию с наукой: от реагирования на ее результаты к управлению научной деятельностью, включая постановку задач и контроль за их исполнением.

В п. 40 Концепции правовой политики Республики Беларусь повышение эффективности правовой политики непосредственным образом связывается с усилением роли правовой науки в научном обеспечении нормотворческого процесса, осуществлении мониторинга принятых актов и практики их применения, а также в выработке доктринальных основ правового регулирования общественных отношений.

В нашей стране решение этой проблемы применительно к нормотворчеству происходило административным путем. Указом Президента Республики Беларусь от 13 декабря 2007 г. № 630 «О некоторых мерах по совершенствованию правотворческой деятельности и научных исследований в области права» на базе Национального центра законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь путем присоединения к нему государственного научного учреждения «Институт государства и права Национальной академии наук Беларуси» был создан Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (в настоящее время – Национальный центр законодательства и правовой информации).

Прошедший с момента создания Института правовых исследований период времени показал, что роль и участие белорусских ученых-правоведов в формировании законодательной основы национальной правовой системы значительно возросли. Благодаря работе в Центре ученые имеют большие возможности для взаимодействия с практическими работниками как отраслевыми юристами, так и неюристами.

Хорошим примером результативного взаимодействия ученых и практиков является совместное их участие в правовом обеспечении конституционной реформы, разработке

Концепции правовой политики, проведении по поручению Президента Республики Беларусь масштабной ревизии законодательства в июле – декабре 2024 г. Возможности ученых были использованы в этой работе как при проведении общего анализа проблем, так и непосредственно в рабочих группах, объединяющих также практиков. Ученые помогли выявить не только недостатки. Во взаимодействии юристов теоретической и практической сфер были определены дальнейшие действия по их устранению и недопущению в будущем необоснованного роста числа нормативных правовых актов.

Кроме того, в настоящее время важно в полной мере задействовать потенциал белорусской юридической науки, включая науку, сосредоточенную в образовательных учреждениях, для развития концептуальных основ правоведения, включая нормотворческую деятельность, вопросы правовой идентичности и идеологии права и государства, развитие отраслей права и законодательства. Даже сохраняя в фокусе своего внимания вопросы общеправового характера и прикладные отраслевые вопросы, юридическая наука призвана обеспечивать реагирование на актуальную политическую и социально-экономическую повестки. Таким образом, практикоориентированность нацеливает на широкое задействование всех сегментов юридической науки для решения актуальных государственных задач.

Библиографический список

1. Церемония вручения дипломов доктора наук и аттестатов профессора // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/ceremonia-vrucenia-diplomov-doktora-nauk-i-attestatov-professora> (дата обращения: 30.05.2025).

2. Нерсисянц, В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы / В. С. Нерсисянц // lektii.org. – URL: <https://lektii.org/14-68653.html> (дата обращения: 30.05.2025).

3. Директор Института государства и права РАН Александр Савенков: Столетний порог институт переступает молодым // Интернет-портал «Российской газеты». – URL: <https://rg.ru/2025/03/13/gosudarstvo-i-pravo-sto-let-vmeste.html?ysclid=mbp7jafzf7398604355> (дата обращения: 30.05.2025).

4. Матарас, В. Н. Научные аспекты историко-правового исследования / В. Н. Матарас // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. М. Абрамовича, Минск, 24–25 мая 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : А. В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 266–269.

5. Тихомиров, Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере / Ю. А. Тихомиров // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozy-i-riski-v-pravovoy-sfere/viewer> (дата обращения: 30.05.2025).

6. Утверждены приоритетные направления научно-правовых исследований, включая диссертационные исследования в области права, на 2024–2029 гг. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/maj/77594> (дата обращения: 30.05.2025).

7. Дробязко, С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы / С. Г. Дробязко // Избранные труды / С. Г. Дробязко. – Минск : ЮрСпектр, 2022. – С. 312–331.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ОТ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ К ПЕРСПЕКТИВАМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

А. В. Шидловский

*декан юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
law@bsu.by*

В статье анализируется современное состояние юридического образования, актуальные тенденции его развития; характеризуются основные вызовы и угрозы, влияющие на подготовку специалистов для юридической сферы. Отдельное внимание уделено структуре уровней системы образования с учетом специфики подготовки юридических кадров. По результатам проведенного обобщения позиций о выполнении программных концептуальных положений в сфере национального юридического образования и накопленного многолетнего опыта в деятельности всей высшей школы республики предлагается рассмотреть ряд направлений совершенствования обучения по правовым специальностям и повышению эффективности в подготовке востребованных юридических кадров.

Ключевые слова: юридическое образование; юридические кадры; целевая подготовка; заказчик кадров; практикоориентированность высшего юридического образования; распределение; профориентационная работа; профессиональный стандарт.

***«Самое важное – мы сохранили преемственность
и качество классического образования»***

*Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко
(встреча с членами Республиканского совета ректоров
учреждений высшего образования, 13 февраля 2024 г.) [1].*

Юридическая профессия – это государствообразующая профессия. Юрист – это государственный, проводник государственной политики через право. Без квалифицированных юридических кадров невозможно функционирование правовой системы, а, следовательно, и государства. Поэтому главное в подготовке юриста – формирование патриотического отношения к своему государству как к модели публичной власти, которая обеспечивает защиту прав, свобод и социальной справедливости, развитие социума в целом.

Ориентиры развития юридического образования заданы руководящими документами: Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, Концепцией правовой политики Республики Беларусь, Концепцией развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г.

В текущем году истекает срок действия Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 (далее – Концепция). П. 39 Концепции правовой политики ставит задачу, с учетом заявленных требований и запросов практики, на системной основе осуществить пересмотр и обновление положений Концепции.

Вопрос о реализации Концепции, Плана мероприятий по ее реализации, а также предложения по дальнейшему совершенствованию юридического образования стали

предметом рассмотрения на заседании Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь (далее – Совет) в октябре 2025 г. На заседании Совета принято итоговое решение, каким руководящим документом будет определяться развитие юридического образования в Республике Беларусь.

Для подготовки к заседанию Совета была создана межведомственная рабочая группа, координацию работы которой осуществляет Конституционный Суд Республики Беларусь. Основную работу по анализу современного состояния юридического образования, а также по аккумулярованию и своду предложений заинтересованных государственных органов и учреждений образования организовало Министерство образования Республики Беларусь. В обсуждение перспектив подготовки кадров по правовым специальностям активно включилось общественное объединение «Белорусский республиканский союз юристов», которое в июне 2025 г. на базе юридического факультета БГУ провело круглый стол по обсуждению вопросов перспектив развития белорусского юридического образования с привлечением широкого круга спикеров – представителей заказчиков кадров.

Для обоснования концептуального решения о направлениях развития юридического образования в Республике Беларусь полагаем важным сделать акценты на его современном состоянии, проанализировать основные современные вызовы и на этой основе обозначить актуальные тенденции с вытекающими предложениями по его совершенствованию.

I. Состояние и актуальные тенденции совершенствования юридического образования на современном этапе.

1. Кадровый потенциал по юридическим специальностям УВО Республики Беларусь и пути его укрепления (включая совершенствование подготовки кадров высшей научной квалификации).

По УВО республики преподавание по юридическим специальностям осуществляют 955 штатных преподавателей, из которых свыше 80 % работают на 1 ставку. Кроме того, 476 человек преподает по совместительству (внутреннему или внешнему), 319 – на условиях почасовой оплаты труда. Из штатных преподавателей 463 (48,5 %) имеют ученую степень (47 человек (4,9 %) – доктора юридических наук, 416 человек (43,5 %) – кандидата юридических наук); 403 человека (42,2 %) – ученое звание (44 человека (4,6 %) – профессора, 403 человека (37,4 %) – доцента).

Справочно: В 6 УВО (40 %) отсутствуют лица, имеющие ученую степень доктора юридических наук, в 9 УВО (60 %) – лица, имеющие ученое звание профессора.

Из 16 УВО на юридический факультет БГУ, Академию управления при Президенте Республики Беларусь, Академию МВД и Белорусский государственный экономический университет приходится (штатных) 38 доктора наук (80,6 % от общего количества по УВО Республики Беларусь), 301 кандидат наук (72,4 % от общего количества по УВО Республики Беларусь), 39 профессоров (88,6 % от общего количества по УВО Республики Беларусь), 256 доцентов (71,3 % от общего количества по УВО Республики Беларусь).

Для региональных и негосударственных УВО в основном характерен недостаток юридических кадров высшей научной квалификации. Так, в отдельных УВО имеется всего 9 штатных преподавателей, из которых у 4 есть ученая степень или всего 5 штатных преподавателей, из которых только 2 – с ученой степенью. Трудно представить подготовку надлежащего качества по всем учебным дисциплинам образовательной программы для юриста с учетом имеющегося в учебном заведении кадрового потенциала.

В части укрепления кадрового потенциала обратим внимание на эффективность подготовки аспирантов и докторантов.

Приведем общее количество защищенных диссертаций в 2022 – 2025 гг. в Республике Беларусь (в течение трех лет со дня окончания аспирантуры, докторантуры). **Всего – 56 кандидатских, 6 докторских диссертаций**, из них:

БГУ (юридический факультет, факультет международных отношений) – 32 кандидатских диссертации (доля по республике – 57 %), 6 докторских диссертаций (доля по республике – 100 %);

Академия МВД – 18 кандидатских диссертаций (доля по республике – 32,1 %);

БГЭУ – 1 кандидатская диссертация (доля по республике – 1,8 %);

Региональные УВО – 5 кандидатских диссертаций (доля по республике – 8,9 %).

Таким образом, в ряде УВО существует проблема неэффективного научного руководства и нерационального планирования подготовки кадров высшей научной квалификации.

2. Сокращение числа учреждений высшего образования (далее – УВО) частной формы собственности. В течение 2023–2024 гг. 2 частных УВО прекратили свою деятельность в связи с непрохождением аккредитации.

В настоящее время подготовку кадров юристов с высшим образованием осуществляют 16 УВО (без учета филиалов), в том числе 13 государственных и 3 негосударственных. На негосударственный сегмент приходится 21 % обучающихся.

Справочно: По состоянию на 30 мая 2025 г. во всех УВО Республики Беларусь по юридическим специальностям общее высшее образование получало свыше 17 тыс. человек. На государственные УВО приходится около 13,5 тыс. обучающихся (79 %), на негосударственные УВО – 3,5 тыс. обучающихся (21 %). Среди государственных УВО доля Академии МВД – 2978 обучающихся (17,51 % от общего числа обучающихся), столичных УВО (Академия управления при Президенте Республики Беларусь, БГУ, БГЭУ) – 5514 обучающихся (32,4 %), 8 региональных УВО – 4531 человек (26,6 %). Из 3 негосударственных УВО лидером по количеству обучающихся является МИТСО (2921 человек, 17,17 % от общего числа обучающихся). На Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации и ЧУВО «Минский институт управления и предпринимательства» приходится 477 (2,80 %) и 183 (1,08 %) человек соответственно.

3. Реализация плавного перехода от платного к бюджетному юридическому образованию.

Справочно: В Республике Беларусь 4015 студентов (23,5% от общего числа) всех форм обучения получают образование за счет средств республиканского бюджета, 12 034 (76,5%) – на платной основе, из которых 3581 (29,8% от общего числа студентов-платников) – в негосударственных УВО.

Ежегодно в Республике Беларусь выпускается около 4 тысяч специалистов с высшим юридическим образованием (в 2024 г. набрано на 1 курс всех УВО более 3 600 чел., в том числе: на бюджетную форму получения образования 1258 чел., из которых 38,4 % пришлось на региональные государственные УВО). В сравнении с 2022 г. почти в 2 раза увеличено бюджетных мест (было 680).

Статистические данные по Республике Беларусь показывают устойчивый рост цифр приема на дневную бюджетную форму получения образования в УВО: с 886 человек в 2022 г. до 1238 человек (+39,7%) в 2024 г. Цифры приема на платную форму

получения образования изменяются (в сторону сокращения) незначительно. Указанное обуславливает увеличение доли бюджетной формы обучения по дневному отделению.

4. Профессиональные стандарты и обеспечение практикоориентированной подготовки юриста.

Разработка профессиональных стандартов по направлениям юридической деятельности (прокурорско-следственной, адвокатской, нотариальной, хозяйственно-правовой и др.) остается приоритетом совершенствования в республике юридического образования.

Создание единого универсального профессионального стандарта с охватом всех направлений правовой работы, предъявляемых требований и критериев по качеству соответствий, на наш взгляд, труднореализуемо ввиду значительных отличий и специфики отдельных сфер юридической деятельности. Например, опыт Российской Федерации формируется исходя из максимального учета ведомственной специфики и особенностей юридической деятельности, что отражается в профессиональных стандартах, принимаемых соответствующими органами.

Современное юридическое образование должно сбалансированно сочетать в себе теоретическую и практическую подготовку специалиста. Практическая составляющая, наряду с устоявшимися подходами к организации прохождения студентами учебных и производственных практик непосредственно по месту будущей работы (службы), может быть усилена, в том числе путем:

введения в рамках модулей учебного плана спецкурсов по технике юридического письма, нормотворчеству;

стимулирования участия студентов в конкурсах и состязаниях правоприменительной направленности по линии отдельных ведомств и видов юридической деятельности;

проработки вопроса о внедрении в образовательный процесс новых специальных факультативных (по выбору и с учетом специализации) учебных дисциплин (например, «Особенности адвокатской деятельности»).

Повышение эффективности прохождения обучающимися практики по юридическим специальностям предполагает правовое закрепление обязательного выставления оценки по результатам практики непосредственно самим руководителем по месту прохождения практики (базы практики), закрепленным за студентом.

5. Развитие юридического образования на условиях целевой подготовки и распределение выпускников-бюджетников.

В Республике Беларусь активно развивается получение образования на условиях целевой подготовки. Приведем пример юридического факультета БГУ. Так, с 2022 г. внедрена целевая подготовка в интересах Следственного комитета Республики Беларусь, РУП «Минское городское агентство по государственной регистрации и земельному кадастру», а также иных государственных органов и организаций (всего – 31 студент). В 2023, 2024 и 2025 гг. на условиях целевой подготовки поступило по 31 студенту соответственно. Таким образом, в настоящее время на юридическом факультете БГУ обучается всего 124 студента-целевика.

Справочно: В 2022 г. по республике осуществлен набор 32 обучающихся в 3 УВО, в 2023 г. – 173 (в 5,4 раза больше) обучающихся в 10 УВО, в 2024 г. – 240 (в 1,4 раза больше, чем в 2023) обучающихся в 11 УВО.

Основным заказчиком кадров, обучающихся на условиях целевой подготовки по республике, является Следственный комитет Республики Беларусь (свыше 80 % человек).

Специфика профиля отдельных УВО определяет круг организаций-заказчиков целевиков, например, в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии это преимущественно сельскохозяйственные и региональные субъекты хозяйствования.

Система распределения молодых специалистов-бюджетников при направлении на первое место работы требует некоторого правового упорядочения. Например, необходимо ранжировать заказчиков юридических кадров по их правовому статусу (базовые, основные, иные) и с учетом формы собственности (государственная, частная).

Предварительному распределению будущих специалистов, представляется, необходимо уделять больше внимания и начинать эту работу в УВО на более ранних этапах, например, с третьего курса, а возможно и со второго. Позитивным опытом следует признать развитие института внештатных работников (сотрудников) при организациях и ведомствах, стажировки студентов в юридических службах субъектов хозяйствования и др. Индивидуальное кураторство (тьюторство) обучающегося самим будущим нанимателем уже со студенческой скамьи, несомненно, вносит неоценимый вклад в улучшение подготовки (и что важно – практической составляющей) юриста.

В этой связи, нам представляется, целесообразным со стороны УВО усиление внутреннего контроля в части организации предварительного распределения будущих специалистов, а также обеспечения условий для индивидуального кураторства обучающегося с первых курсов со стороны самого заказчика кадров, поддержки института внештатных работников (сотрудников) при организациях и ведомствах, стажировок студентов в юридических службах субъектов хозяйствования и др. Соответствующие правовые уточнения могут быть внесены в программный документ по развитию юридического образования в Республике Беларусь.

6. Сокращение заочной формы получения юридического образования.

В Республике Беларусь 55,9% обучающихся по юридическим специальностям получают образование в дневной форме, 44,1% – в заочной. Анализ цифр приема в 2022–2024 гг. демонстрирует последовательное увеличение доли дневной формы получения образования: с 2 302 студентов (54,4% годового приема) в 2022 г. до 2 709 (61,7%) в 2024 г. Темп прироста за три года составил 17,7%, что подтверждает увеличение выбора абитуриентами очной формы обучения. В свою очередь число обучающихся в заочной форме получения образования сокращается: с 1 930 человек (45,6%) в 2022 г. до 1 684 (38,3%) в 2024 г. **Суммарное снижение за период – 12,7 %.**

На юридическом факультете БГУ прием на заочную форму получения образования на полный срок с 2023 г. прекращен, набор осуществляется только на сокращенный срок получения образования для выпускников учреждений среднего специального образования (далее – УССО) юридического профиля. Это обусловлено введением новых требований к стажу работы по специальности (не менее 10 месяцев) для абитуриентов-выпускников учреждений среднего образования и непрофильных УССО.

Указанная тенденция по УВО республики характерна и для экспорта образовательных услуг: количество иностранных обучающихся заочной формы получения образования сокращается в пользу очной: с 337 человек (37,77 %) в 2022 г. до 173 человек (15,23 %) в 2024 г.

7. Совершенствование системы учреждений среднего специального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров.

В настоящее время подготовку юристов со средним специальным образованием осуществляют 13 государственных и 2 негосударственных УССО. При этом преподавательский потенциал и качество подготовки обучающихся в ряде случаев вызывает серьезные вопросы. Выпускники большинства УССО «растворяются» на рынке труда, как правило, по юридической специальности не работая. Об этом также свидетельствуют данные о поступлении выпускников УССО для получения высшего юридического образования. Так, на юридический факультет БГУ ежегодно поступают представители одних и тех же 3–4 УССО (преимущественно из г. Минска). Аналогичная информация имеется и по другим УВО, осуществляющим подготовку в сокращенной форме получения высшего образования (очно и заочно).

Решая задачу совершенствования системы учреждений среднего специального образования (далее – УССО), осуществляющих подготовку юридических кадров, считаем назревшим определить в качестве учебно-методического центра для всех учреждений среднего специального образования (далее – УССО) УО «Юридический колледж БГУ» с возложением на него функций контроля за выполнением требований по качеству среднего юридического образования.

В этих целях необходимо:

обеспечить единые подходы к содержанию учебных программ УССО, установить требования к преподавательскому составу, учебно-методическому и материально-техническому обеспечению УССО;

выстроить систему мониторинга за бюджетным распределением и предоставлением выпускнику УССО первого рабочего места, последующей его профессиональной деятельностью;

сократить контрольные цифры приема в УССО на юридические специальности, особенно на заочную форму получения образования (с поэтапным ее исключением);

исключить подготовку по юридическим специальностям в непрофильных УССО.

Реализация указанных мер позволит создать в республике централизованную систему среднего специального юридического образования на основе профильных УССО.

8. Совершенствование профориентационной работы. Правовое воспитание и просвещение.

Позитивным примером масштабной профориентационной работы среди белорусских школьников является Республиканский правовой турнир «Сила Закона», который проводится ежегодно с 2021 г. в три этапа: районный, областной и республиканский (первый тур – на базе учреждений общего среднего образования, областные и республиканский (финальный) очные туры – на базе юридического факультета БГУ). Каждый из четырех уже состоявшихся турниров (I, II, III и IV) по общему количеству участников охватывал 25–30 тысяч учащихся старших классов. Инициаторами и организаторами интеллектуально-правового состязания республиканского значения выступают: Министерство образования Республики Беларусь, Национальный центр законодательства и правовой информации (ранее – Национальный центр правовой информации) Республики Беларусь, ОО «Белорусский республиканский союз юристов», ОО «Белорусский республиканский союз молодежи», юридический факультет БГУ при поддержке Белорусской республиканской коллегии адвокатов, ИППК Следственного комитета Республики Беларусь и иных заинтересованных ведомств.

В последнее время наметилась актуальная тенденция по открытию классов юридического профиля. Так, в 2024 г. стартовал новый совместный проект Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и УВО по открытию специализированных классов «Юный прокурор» на базе учреждений общего среднего образования г. Минска и регионов республики. Следственным комитетом Республики Беларусь по республике открыты профильные классы «Юный следователь». На базе многих средних школ республики реализовываются проекты школы юных: «Школа гражданского образования», «Школа правового и гражданско-патриотического образования» и т. п.

Следует концептуально и методически поддержать системное внедрение профильных правовых классов в учреждениях среднего образования (10–11 классы средней школы) с обязательным урегулированием правового статуса их выпускников, в том числе с решением вопроса о предоставлении им определенных преимуществ при поступлении на юридические специальности.

Важной инновационной платформой для подготовки юридических кадров стало создание специальных совместных информационных групп из числа студентов и практикующих юристов (судей, работников прокуратуры, следователей, адвокатов) по правовому просвещению и повышению уровня правовой культуры населения (учащихся, работающей молодежи и других категорий). Так, по инициативе Администрации Президента Республики Беларусь и при поддержке Министерства образования Республики Беларусь на юридических факультетах (факультетах права, отделениях) УВО с 10 апреля 2023 г. образованы студенческие мобильные информационные группы (далее – СМИГ). Реализация проекта по образованию и функционированию СМИГ была возложена на Научно-методический совет учреждений высшего образования по группе специальностей «Право» и юридический факультет БГУ, который выступает координатором деятельности СМИГ всех УВО, обеспечивающих подготовку юристов в Республике Беларусь. В частности, юридическим факультетом БГУ составлен сводный План-график работы СМИГ по всем УВО; проводится мониторинг деятельности СМИГ УВО в течение каждого учебного года.

Деятельность СМИГ в системе УВО республики признана эффективной и общественно полезной. Полагаем, практику информационно-просветительской деятельности как среди обучающихся, так и среди иных граждан, включая работу СМИГ по принципу «равный обучает равного», следует распространять по всем УВО и укоренять на системной основе.

9. Развитие экспорта образовательных услуг.

Анализ данных за последние 3 учебных года показывает широкую географию экспорта образовательных услуг в сфере юридического образования, а именно: 31 государство, включая 9 государств-участников СНГ, 10 государств Азии, по 5 государств Европы и Африки, 1 государство Южной Америки (Венесуэла).

Из контингента иностранных обучающихся из государств-участников СНГ (50,4 % иностранных граждан) большая часть приходится на 3 государства: Республику Туркменистан (564 человека, 18,9 % от общего числа иностранных граждан), Республику Узбекистан (486 человек, 16,3 % от общего числа иностранных граждан), Российскую Федерацию (343 человека, 11,5 % от общего числа иностранных граждан).

Значительная доля (46,5%) и наибольшее количество по приему иностранных обучающихся среди стран-партнеров (1389 человек) занимает Китайская Народная Республика.

Остальные иностранные обучающиеся (3,1%) приезжают из других государства мира: 40 человек из государств Азии; 26 человек – представляют европейские государства (в основном из постсоветского пространства: Украина (15 человек) и страны Балтии (10 человек), 1 человек из ФРГ); 26 человек прибыли для обучения из государств Африки.

Безусловным лидером экспорта юридического образования является БГУ – 33,4 % от всех иностранных обучающихся в УВО Республике Беларусь.

Справочно: в 2023 г. общее количество составило 959 человек (+7,4% к 2022 г.), в 2024 г. – 1136 человек (+18,5% к 2023 г.). За 2022–2025 гг. в 14 УВО принято 2 988 обучающихся, из которых: 2 283 человека – на дневное отделение (76,4%) и 705 человек – на заочное отделение (23,6%).

Анализ статистических демонстрирует уверенный рост числа иностранных обучающихся в Республике Беларусь.

Подводя предварительный итог современному состоянию и наметившимся тенденциям в национальном юридическом образовании, полагаем возможным отметить их очевидный ориентир на реализацию государственных интересов в деле подготовки высокопрофессиональных юридических кадров, которые связывают свое профессиональное будущее с Республикой Беларусь.

II. Основные вызовы и угрозы.

В качестве основных вызовов и угроз, которые, на наш взгляд, стоят перед юридическим образованием, следует назвать следующие:

1. *Глобальный кризис и рост глобальной политической нестабильности*, в результате чего увеличиваются возможности втягивания белорусской молодежи в антигосударственные мероприятия. Современная молодёжь как никогда подвержена информационным атакам, которые проводят как недружественные государства, так и наднациональные структуры. В этой связи очевидна необходимость усиления воспитательной составляющей в образовательном процессе, соблюдения условий безопасного присутствия в информационном пространстве. Только сильная и суверенная Беларусь, основанная на провозглашенных Конституцией Республики Беларусь принципах, способна обеспечить права и законные интересы каждого отдельно взятого белоруса и социальную справедливость в белорусском обществе в целом.

2. *Западный образовательный империализм*, который выражается в культурно-идеологической экспансии, в насаждении нашим молодым гражданам модели «западной демократической изворотливости» и статуса «вечного ученика». Как справедливо отметила на международном электоральном форуме 20 сентября 2024 г. первый заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь Н. В. Петкевич: «*Демократии надо учить!*» [2]. Только мы сами способны сохранять национальный суверенитет и государственность. Конституция Республики Беларусь основана на идеях прав человека, правового государства, разделения властей, демократии, национальных и исторических особенностях развития государства, что отражено и продолжает реализовываться в основных сферах правового регулирования общественных отношений. В связи с этим, считаем необходимым сохранение и обеспечение самодостаточности белорусского юридического образования. В этом плане целесообразно содержательно переосмыслить использование этих идей, создав национальные учебники по отраслям права нового поколения.

3. *Угрозы информационной безопасности* как никогда актуальны в современном мире. Глобальная компьютерная сеть Интернет, различные приложения, социальные сети и мессенджеры активно используются преступным элементом, в том числе зарубежным, для вовлечения наших граждан (причем не исключительно студентов) в разную, и порой с использованием весьма изощренных способов, противоправную деятельность. В среде молодежи (несмотря на их «продвинутость» как пользователей ИКТ) очевиден недостаточный уровень правосознания и безопасного поведения. Отсюда следует вывод о важности соблюдения требований информационной гигиены, этики общения в Интернете.

4. Новый вызов – *искусственный интеллект* – стремительно проникает во все сферы жизни общества, том числе молодёжную и образовательную среду, вытесняя человеческое мышление и творчество. Системы искусственного интеллекта и иные цифровые технологии должны использоваться как один из источников информации и технически сопровождать образование, а не заменять его. Необходим разумный баланс между социальным запросом и цифровым проникновением в содержание юридического образования.

Учебно-методической комиссией юридического факультета БГУ разработаны и внедрены в образовательный процесс методические рекомендации по использованию искусственного интеллекта при написании контрольных, курсовых, дипломных и иных работ. Их основная суть заключается в возможности использования технологий искусственного интеллекта, однако об их применении необходимо делать соответствующие ссылки.

Мы убеждены, что наша главная задача – сохранить «живое» юридическое образование, которое позволит будущим юристам справедливо разбираться в судьбах людей (работая следователем, прокурором, судьей, адвокатом и т.п.).

III. Структура уровней юридического образования в контексте статуса магистратуры.

Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко 20 июня 2025 г. на встрече с Министром образования Республики Беларусь А. И. Иванцом подчеркнул о необходимости «донастройки» системы образования [3]. Глава Государства справедливо отметил несовершенство отдельных элементов «болонского процесса», встроенных в нашу систему образования.

Углубленное высшее юридическое образование (магистратура) в современном формате, безусловно, имеет свои недостатки.

Во-первых, оно исключительно научно-ориентированное. Это создает парадоксальную ситуацию, когда поступивший в магистратуру, например, сотрудник правоохранительного органа для повышения квалификации имеет сложности с распределением по месту службы, поскольку возникает вопрос о наличии у него в должностных обязанностях функций, связанных с наукой, образованием и инновациями.

Во-вторых, как научно-ориентированное образование, магистратура – «предаспирантура» во многом служит определенным барьером для молодых ученых, увеличивая срок подготовки работников высшей квалификации (с ученой степенью).

Особую актуальность данный вопрос приобретает с учетом интеграции систем высшего юридического образования в рамках Союзного Государства Беларуси и России. Сегодня очевидно, что нам необходимо обеспечить конкурентоспособность бело-

русского юридического образования на едином рынке образовательных услуг. Белорусская система юридического образования должна быть привлекательной и по своему уникальной.

Справочно: в Российской Федерации рассматривается вопрос о переходе на 5-летний срок обучения по юридическим специальностям. Кроме того, в 2024 г. для обучения в университетах РФ было выделено 1,3 тысячи бюджетных мест для молодежи Республики Беларусь.

Указанная проблема требует системного решения. В ходе ее обсуждения на дискуссионных площадках с участием государственных органов, учреждений образования, организаций-заказчиков кадров на протяжении последних лет высказывались различные мнения.

1. Многие заинтересованные (в первую очередь – работодатели) высказываются за возврат к классической одноступенчатой системе высшего образования на основе 5-летнего учебного плана (вариант – 4 года обучения). В пользу этой позиции, в частности, приводятся следующие аргументы:

многолетний наработанный опыт (в советское время и до 2018 г.);

проведенные опросы нанимателей, свидетельствующие о более низком уровне подготовки выпускников с 4-летним сроком обучения;

существенная «перегрузка» обучающихся, которая снижает уровень усвоения преподаваемого материала.

Справочно: общая аудиторная нагрузка (без учета физической культуры, военной подготовки и др.) по учебному плану 2001 г. на юридическом факультете БГУ составляла 4102 часа (820 часов в среднем в год), по учебному плану 2023 г. – 3760 часов (940 часов в среднем в год, то есть +15%).

2. Предлагается сохранение двухступенчатой системы высшего образования с введением практико-ориентированной магистратуры. Такое решение позволило бы избежать указанных выше проблем с распределением и обеспечить возможность получать углубленное высшее образование (в том числе с целью последующей научно-исследовательской работой в своей отрасли) работникам правоохранительных, иных государственных органов, субъектов реального сектора экономики.

На наш взгляд, видится перспективным здесь следующее решение:

не исключать возможность получения по юридическим специальностям практико-ориентированного углубленного высшего образования при реализации непрерывной образовательной программы высшего образования, направленное на подготовку специалистов с присвоением квалификации и степени «Магистр»;

сохранить магистратуру для иностранных обучающихся на английском языке, а также как проект для развития сетевой, экспериментальной совместной магистратуры с УВО Союзного Государства Беларуси и России.

IV. Предложения по совершенствованию юридического образования в Республике Беларусь.

1. Подготовка юридических кадров в современных условиях должна сбалансированно включать единые подходы всех УВО:

1.1. усилить и повысить требования к подготовке кадров высшей квалификации (профессорско-преподавательского состава) в региональных УВО (*справочно: подавляющее большинство ученых-юристов (докторов и кандидатов наук) сосредоточен в четырех столичных государственных УВО (БГУ, Академия управления при Президенте*

Республики Беларусь, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Белорусский государственный экономический университет);

1.2. необходимо активно привлекать к преподавательской работе практикующих юристов *(например, на юридическом факультете БГУ ежегодно преподают не менее 20 % юристов высокого государственного ранга и класса, включая высших должностных лиц);*

1.3. важно сохранить классическое юридическое образование (преподавание на высоком уровне традиционных отраслей права: конституционное, административное, гражданское и семейное, трудовое, уголовное, гражданский и уголовный процессы и др.);

1.4. требуется системное внедрение в образовательный процесс нового комплекса правовых дисциплин и инноваций с обязательным учетом специализаций и профилизаций обучающихся (информационное право, цифровое или ИТ-право, правовое регулирование цифровой экономики, право ИС, право национальной экономической безопасности Республики Беларусь и т. д.);

1.5. продолжить совершенствовать подходы к преподаванию дисциплин цикла публичных отраслей права, в т.ч. уголовно-правовых, международного права (в частности, преподавание международного права в системе УВО Республики Беларусь должно осуществляться с учетом современной международной повестки);

1.6. актуализировать тематику научных работ с сохранением главных приоритетов исследований – востребованных экономикой аспектов развития национальной правовой политики и практико-ориентированного государственного подхода;

1.7. рассмотреть возможность создания единого республиканского независимого рейтинга юридических факультетов УВО на основе опросов организаций-заказчиков кадров – это непереносимое условие улучшения качества подготовки юридических кадров при обеспечении открытой конкуренции среди учебных заведений.

2. Целесообразно пересмотреть учебные планы по юридическим специальностям на предмет устранения дублирующих учебных дисциплин и сокращения числа непрофильных предметов социально-гуманитарного блока с обязательным сохранением базовых учебных дисциплин, таких как история белорусской государственности, история Великой Отечественной войны, философия, политология и т.п.

3. Важно продолжить развитие «междисциплинарных квалификаций», в том числе интеграцию юриспруденции с освоением экономических наук (в том числе биоэкономики) и технических аспектов цифровизации; определить принципы использования технологий искусственного интеллекта в образовательной деятельности.

4. Разработка профессиональных стандартов по направлениям юридической деятельности (прокурорско-следственной, адвокатской, нотариальной, хозяйственно-правовой и др.) остается приоритетом в совершенствовании национального юридического образования.

5. Требуется усиление практикоориентированного подхода в образовании, в том числе путем:

5.1. введения в рамках модулей учебного плана спецкурсов по технике юридического письма, нормотворчеству;

5.2. стимулирования участия студентов в конкурсах, состязаниях правоприменительной направленности;

5.3. проработки вопроса о внедрении в образовательный процесс новых специальных факультативных (по выбору и с учетом специализации) учебных дисциплин (например, «Особенности адвокатской деятельности».

6. Повышение эффективности прохождения обучающимися практики по юридическим специальностям предполагает правовое закрепление обязательного выставления оценки по результатам практики непосредственно самим руководителем по месту прохождения практики (базы практики), закрепленным за студентом.

7. Наряду с позитивным опытом целевой подготовки кадров в интересах Следственного комитета Республики Беларусь по УВО республики, назрела необходимость правового упорядочения правил и условий целевого набора, в том числе по перечню организаций-заказчиков кадров (с учетом государственной и частной форм собственности, возможностей обеспечения первым рабочим местом и социальными гарантиями молодого специалиста, а также с определением принципов распределения квот между региональными и столичными заказчиками в системе УВО), обеспечению условий равной конкуренции среди абитуриентов-целевиков.

8. Необходимо упорядочить систему распределения молодых специалистов-бюджетников при направлении на первое место работы по правовому статусу заказчика (базовые, основные, иные) с учетом его формы собственности (государственная, частная).

Следует усилить внутренний контроль УВО в части организации предварительного распределения будущих специалистов, а также обеспечения условий для индивидуального курирования обучающегося с первых курсов со стороны самого заказчика кадров, поддержки института внештатных работников (сотрудников) при организациях и ведомствах, стажировок студентов в юридических службах субъектов хозяйствования и др. Соответствующие правовые уточнения могут быть отражены в программном документе по развитию юридического образования в Республике Беларусь.

9. Решая задачу совершенствования системы учреждений среднего специального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров, считаем приоритетным:

9.1. определить в качестве учебно-методического центра для всех УССО республики УО «Юридический колледж БГУ»;

9.2. обеспечить единые подходы к содержанию учебных программ, установить требования к преподавательскому составу УССО, учебно-методическому и материально-техническому обеспечению УССО, а также контроль за их соблюдением со стороны УО «Юридический колледж БГУ»;

9.3. сократить прием в УССО на юридические специальности, особенно на заочную форму получения образования;

9.4. исключить подготовку по юридическим специальностям в непрофильных УССО.

Реализация указанных мер позволит создать централизованную систему среднего специального юридического образования на основе профильных УССО.

10. Важно продолжить работу УВО по расширению информационно-просветительской деятельности как среди обучающихся, так и среди иных граждан, включая работу студенческих мобильных информационных групп (СМИГ) по принципу «равный обучает равного». Правовое просвещение и воспитание является неотъемлемой частью в становлении гражданина и патриота своей Родины.

11. Следует концептуально и методически поддерживать системное внедрение профильных правовых классов в учреждениях среднего образования (10–11 классы средней школы) с обязательным урегулированием правового статуса их выпускников, в том числе с решением вопроса о предоставлении им определенных преимуществ при поступлении на юридические специальности.

12. Включить в исключение-перечень государственных органов, иных организаций (ч. 3 п. 11 Положения о порядке прогнозирования дополнительных потребностей в молодых специалистах, рабочих, служащих, формирования заказа на их подготовку и установления контрольных цифр приема для получения профессионально-технического, среднего специального, высшего образования за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2022 г. № 572), которые формируют заказ в установленном ими порядке (без использования АИС «Подготовка прогнозных показателей приема и формирование органами государственного управления заказа на подготовку квалифицированных кадров») Верховный Суд Республики Беларусь, Генеральную прокуратуру Республики Беларусь, органы адвокатуры и нотариата.

Указанные органы, организации не могут вносить такого рода информацию в АИС по соображениям национальной безопасности и внутриведомственной кадровой политики. Таким образом, образовательная концепция подготовки современных юридических кадров «на выходе» должна предполагать выпуск юриста, способного в будущей юридической деятельности профессионально и по государственному использовать свои знания в условиях глобальной нестабильности и изменяющихся общественных процессов.

Юрист нового поколения в личном портрете должен иметь такие качества как: *Профессионал, Справедливое отношение к людям, Патриот своего государства!* Как метко отметил Глава нашего государства – Александр Григорьевич Лукашенко, «**патриота может воспитать только патриот!**» [4].

Библиографический список

1. Встреча с членами Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-chlenami-respublikanskogo-soveta-rektorov-uchrezhdeniy-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 19.08.2025).

2. Демократии надо учить. Петкевич высказалась о политической культуре общества // SB.BY. Беларусь Сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/demokratii-nado-uchit-petkevich-o-politicheskoy-kulture-obshchestva.html> (дата обращения: 19.08.2025).

3. Лукашенко заявил о планах провести серьезную донастройку в системе образования // БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-zajavil-o-planah-provesti-serjeznuju-donastroyku-v-sisteme-obrazovaniya-722063-2025/> (дата обращения: 19.08.2025).

4. «Воспитать патриота может только патриот». Лукашенко о задачах белорусской системы образования // БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/president/view/vospitat-patriota-mozhet-tolko-patriot-lukashenko-o-zadachah-belorusskoj-sistemy-obrazovaniya-558551-2023/> (дата обращения: 19.08.2025).

МЕСТО И РОЛЬ ОБУЧЕНИЯ В МАГИСТРАТУРЕ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Д. А. Воропаев

*доцент кафедры теории и истории государства и права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
info@amia.by*

С. С. Касьянчик

*заместитель начальника факультета повышения квалификации и переподготовки
руководящих кадров по учебной работе Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
info@amia.by*

Статья посвящена вопросам подготовки специалистов с углубленным высшим образованием по специальности 7-06-0421-01 Юриспруденция в учреждении образования «Академия Министерств внутренних дел Республики Беларусь»

Ключевые слова: углубленное высшее образование; магистратура; юриспруденция.

Институт магистратуры на постсоветском образовательном пространстве появился в начале 1990-х гг. За время его функционирования реализовано множество магистерских исследований, значимая часть которых нашла, наряду с научным, также образовательное и практическое применение. Изданы образовательные стандарты, разработаны образовательные программы, сложилось предметное осознание общей значимости и понимание требований обеспечения качества магистерской подготовки. Однако в профессиональной среде магистратура как научно-образовательный институт вызывает научные дискуссии. Это объясняется тем, что значимость образования, способного соединить как теорию и практику, так и различные виды и уровни социального управления, ранее не была столь очевидной.

До сих пор образ будущего отечественного института магистратуры остается расплывчатым, а индикаторы успеха – спорными. Более значим [и при этом, уверены, неопровержим] тезис о том, что магистратура успела занять весьма важное место как в отечественной системе образования, так и в системе профессиональной подготовки специалистов.

Академию МВД сегодня можно назвать ведущей образовательной организацией в области подготовки юридических кадров для государственных органов системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Исходя из таких стратегических приоритетов, как развитие в качестве базового учреждения высшего образования по подготовке кадров для органов внутренних дел, научного центра по решению проблем с преступностью и совершенствования нормативного правового обеспечения правоохранительной деятельности в Республике Беларусь, и поддержание устойчивого функционирования системы непрерывного образования руководителей и специалистов

органов внутренних дел, Академия МВД успешно реализует образовательные программы углубленного высшего образования по специальностям 7-06-0414-02 «Государственное управление и право» и 7-06-0421-01 «Юриспруденция». Их реализация обеспечивает решение трех ключевых задач: формирование высококвалифицированного педагогического резерва (подготовка в магистратуре обеспечивает формирование резерва для комплектования преподавательских должностей), развитие научных исследований в сфере правоохранительной деятельности, научно аргументированная практико-ориентированная подготовка руководящего состава органов внутренних дел к занятию должностей, требующих от кандидатов системного мышления, стратегического видения и научно-аргументированных подходов в решении профессиональных задач.

Реализация образовательных программ углубленного высшего образования в Академии МВД осуществляется в заочной форме. Она позволяет обеспечить интеграцию теории и практики, при которой слушатель магистратуры имеет возможность одновременной апробации результатов исследований на практике, но и при этом каждая из задач научных (магистерских) исследований ставится исключительно исходя из проблемного поля правоохранительной деятельности.

Следовательно, магистерской подготовка в Академии МВД сегодня решает, как образовательные и научные, так и практические задачи в области решения проблем борьбы с преступностью и формирования кадрового резерва, способного и готового и к преподавательской, и к эффективной практической деятельности на важнейших руководящих должностях системы ОВД.

Прием лиц в Академию МВД для получения углубленного высшего образования в заочной форме за счет средств республиканского бюджета осуществляется в интересах Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз и иных государственных органов в соответствии с контрольными цифрами приема и квотами приема (как правило, две группы по 20–30 обучающихся). Срок получения образования – 1,5 года.

Особенностью поступления в магистратуру Академии МВД по специальности 7-06-0421-01 «Юриспруденция» является то, что к конкурсу допускаются лица, получившие общее высшее юридическое образование и имеющие стаж службы (работы) не менее 10 месяцев на момент конкурса, т.е. к началу обучения они имеют не менее одного года опыта практической деятельности. Значительную часть учебной группы, как правило, составляют выпускники Академии МВД предыдущего года.

Данное обстоятельство существенным образом влияет на выбор обучающимся тем магистерского исследования. Распространенной является практика продолжения магистрантами научных исследований в той сфере юриспруденции, в которой они пробовали свои силы во время учебы в Академии МВД при получении общего высшего образования при написании научных работ, подготовке научных публикаций. Более того, подготовка магистерской диссертации зачастую осуществляется под научным руководством того же педагога, который руководил работой исследователя еще в курсантские годы, а также по приглашению и с подачи которого он, собственно, и пришел к выводу о необходимости поступления в магистратуру. Это наиболее предпочтительная траектория развития молодого ученого.

Наличие определенного практического опыта позволяет магистранту формулировать тему исследования, ставить его цель и определять задачи исходя из непосредственного пересечения с проблемными вопросами, возникающими в практике деятельности правоохранительных органов, как правило, тех служб и подразделений, в которых обучающийся проходит службу, и устоявшейся практики их разрешения.

Отметим, что привлечение молодых сотрудников правоохранительных органов к получению углубленного высшего образования в первые годы после выпуска является желательным еще и потому, что обучающиеся не успевают утратить интерес к научной проблематике, исследование которой они начали в период обучения еще в статусе курсанта.

Положительной также является практика поступления в магистратуру лиц из числа профессорско-преподавательского состава Академии МВД, которые перешли на преподавательскую работу из территориальных подразделений заказчиков кадров и имеют существенный практический опыт, который успешно применяют как в преподавательской, так и научной деятельности.

В свою очередь, для получения углубленного высшего образования по специальности 7-06-0414-02 «Государственное управление и право» за счет средств республиканского бюджета на конкурсной основе принимаются лица, получившие общее высшее образование, как правило, из числа сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск, направляемых для поступления в магистратуру в соответствии с требованиями локальных правовых актов.

Результативность функционирования магистратуры высока, равно как и удовлетворенность заказчиков кадров подготовкой указанных лиц. Не подвергая качественно-количественной характеристике последний критерий, т.к. он не является ни целью, ни средством решения задач настоящей работы, подчеркнем, что в основе высокоэффективной подготовки магистерской подготовки специалистов в Академии МВД лежит фактор высокой мотивированности и заинтересованности в результатах обучения.

В этой части интерес для организации образовательного процесса, да и функционирования магистратуры в целом представляет вопрос о целях и мотивах лиц, поступающих для получения углубленного высшего образования в магистратуру Академии МВД по специальности 7-06-0421-01 Юриспруденция. Так, магистрантам по данной специальности наборов 2023 и 2024 гг. был задан вопрос: «Что привело Вас в магистратуру?»

Самый распространенный ответ может быть в общем сформулирован как потребность в личностном росте и развитии путем получения новых знаний в сфере права. Достаточно часто указывался и вариант, предполагающий перспективу поступления в адъюнктуру Академии МВД и самореализации на преподавательской работе. Ряд вариантов встречается в единичных случаях и по этой причине затруднителен для систематизации.

Таким образом, анализ предложенных вариантов ответов позволяет сделать вывод о том, что решение о получении углубленного высшего образования по специальности 7-06-0421-01 «Юриспруденция» в магистратуре Академии МВД в подавляющем большинстве случаев является осознанным самостоятельным шагом сотрудников к дальнейшему профессиональному и личностному росту. Их мотивация лежит преимущественно в плоскости дальнейшего самосовершенствования, саморазвития путем получения новых знаний и навыков. Важную роль для лиц, получающих углубленное высшее образование, играет перспектива поступления в адъюнктуру для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и реализации возможности осуществления преподавательской деятельности.

Еще одним вопросом, заданным слушателям магистратуры по специальности 7-06-0421-01 Юриспруденция наборов 2023 и 2024 гг., явился вопрос об их ожиданиях от обучения в магистратуре Академии МВД, который был сформулирован таким образом: «По итогам обучения в магистратуре я предполагаю, что стану (научусь, смогу, получу и т.д.) ...?». Ответы на данный вопрос коррелируют с теми мотивами, которые и привели обучающихся в магистратуру. Так, одним из самых распространенных стал ответ, сводимый к тому, что получение углубленного высшего образования, прежде всего, позволит получить новые знания и навыки, в том числе проведения научных исследований, подготовки научных публикаций. Также по мнению ряда респондентов получение диплома об окончании магистратуры позволит поступить в адъюнктуру и/или заниматься преподавательской деятельностью.

В общем и целом, можно утверждать, что лица, поступающие для получения углубленного высшего образования в Академию МВД по специальности 7-06-0421-01 Юриспруденция, мотивированы на успешное освоение соответствующей образовательной программы, подготовку квалификационной работы и ее успешную защиту, в целях обеспечения дальнейшего профессионального и личностного роста.

С учетом изложенного и принимая во внимание результаты системного мониторинга деятельности выпускников и анализа их отзывов об организации образовательного процесса в ведомственном учреждении высшего образования возможно прогнозировать рост популярности подготовки в магистратуре Академии МВД, темп которой задает высокая мотивированность категорий обучающихся в результатах их магистерских исследований, весомая практическая значимость таких исследований, роль магистратуры в системе профессионального образования, а также постоянно совершенствующееся качество реализующихся образовательных программ, организующееся в строгом соответствии с возложенными на магистратуру образовательными, научными и практическими целями.

СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ЮРЫДЫЧНАЙ АДУКАЦЫІ І ЮРЫДЫЧНАЙ НАВУКІ Ў БЕЛАРУСІ

Л. Л. Голубева

*загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт
lyudmila.golubeva@mail.ru*

Разгледжана станаўленне і развіццё юрыдычнай адукацыі і навукі ў Беларусі. Паказаны ўклад вучоных юрыдычнага факультэта БДУ у станаўленне і развіццё юрыдычнай адукацыі і юрыдычнай навукі ў Беларусі.

Ключавыя словы: Беларусь; юрыдычная адукацыя; юрыдычная навука; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; юрыдычны факультэт.

Рассматривается становление и развитие юридического образования и науки в Беларуси. Показан вклад учёных юридического факультета Белорусского государственного университета в становление и развитие юридического образования и юридической науки в Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь; юридическое образование; юридическая наука; Белорусский государственный университет; юридический факультет.

Вытокі юрыдычнай адукацыі і навукі ў Беларусі знаходзяцца ў старажытнасці і звязаны перш за ўсё з адкрыццём у 1641 г. у складзе Віленскай акадэміі юрыдычнага факультэта. Яго заснавальнікам з’явіўся сын Льва Сапегі – Казімір Леў Сапега, які перадаў акадэміі бібліятэку свайго бацькі (каля 3000 экзэмпляраў каштоўных кніг), ахвяраваў факультэту 12 500 польскіх злотых і запрасіў на працу чатырох прафесараў-правазнаўцаў: двух немцаў – прафесара цывільнага права С. Дзільгера, прафесара кананічнага права І. Шаўэра, іспанца – прафесара цывільнага права Б. Соксо і ўраджэнца Віцебшчыны, які меў дзве ступені доктара цывільнага і доктара кананічнага права – А. Алізароўскага. На факультэце выкладаліся курсы кананічнага і цывільнага права. Найбольш падрыхтаваным студэнтам прысуджаліся навуковыя ступені. Пазней юрыдычны факультэт уваходзіў у склад Галоўнай школы ВКЛ (1773), Галоўнай Віленскай школы (1796), Віленскага ўніверсітэта (1803) [1, с. 57]. Юрыдычную адукацыю ў гэтых навучальных установах у розныя гады атрымалі М. Сматрыцкі, К. Сарбеўскі, С. Полацкі, А. Каяловіч, А. Алізароўскі, І. Даніловіч і шмат іншых, якія не толькі ўнеслі вясомы ўклад у развіццё юрыдычнай адукацыі і юрыдычнай навукі Беларусі, але і займалі значныя дзяржаўныя пасады ў дзяржаве і ўплывалі сваёй дзейнасцю на развіццё беларускай дзяржаўнасці [2, с. 287–288].

25 лютага 1919 г. Прэзідыум ЦВК Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Беларусі прыняў пастанову аб адкрыцці ў Мінску дзяржаўнага ўніверсітэта і асігнаванні на першыя патрэбы па яго арганізацыі 1 міліён рублёў. 22 сакавіка 1919 г. на спецыяльнай нарадзе ў Маскве пры ўдзеле старшыні ЦВК БССР А. Ф. Мяснікова і кіруючых работнікаў Наркамасветы РСФСР па просьбе ЦВК БССР для арганізацыі

ўніверсітэта ў Мінску былі створаны дзве камісіі – Мінская і Маскоўская (старшыні – акадэмік Е. Ф. Карскі і прафесар В. П. Волгін) [3, с. 8–9].

У жніўні 1920 г. пасля вызвалення Мінска ўзнавіла работу камісія па арганізацыі ўніверсітэта. П Усебеларускі з’езд Саветаў, які праходзіў 13–17 снежня 1920 г. прызнаў неабходным хутчэйшае стварэнне ўніверсітэта ў Мінску. 31 снежня 1920 г. у Маскву, у Наркамсветы РСФСР, выехалі члены Мінскай камісіі па арганізацыі Беларускага ўніверсітэта [4].

18 красавіка 1921 г. Прэзідыум ЦВК прыняў пастанову аб адкрыцці ў Мінску Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і пачатку заняткаў на рабочым, грамадскіх навук, медыцынскім, сельскагаспадарчым і фізіка-матэматычным факультэтах [5].

8 чэрвеня 1921 г. быў выдадзены Загад аб прызначэнні рэктарам БДУ У. І. Пічэты. Згодна з Загадам № 39 ад 8 ліпеня 1921 г. аб прызначэнні Праўлення БДУ у яго склад уваходзілі прафесары У. І. Пічэта, У. М. Ігнатоўскі, М. Я. Фрумкіна, Ф. Ф. Турук. Старшынёй Праўлення быў прызначаны прафесар У. І. Пічэта. Зацвярджаўся склад факультэтаў: рабочы факультэт, факультэт грамадскіх навук (прававое аддзяленне з цыкламі: судовым і адміністрацыйным; эканамічнае аддзяленне з цыкламі: арганізацыя прамысловай працы, забеспячэнне і размеркаванне, фінансава-адміністрацыйнае), этнолага-лінгвістычны, фізіка-матэматычны, сельска-гаспадарчы, медыцынскі факультэты. Самым буйным і шматпрофільным быў факультэт грамадскіх навук (739 студэнтаў) [6].

У сувязі з утварэннем універсітэта Наркамат адукацыі РСФСР накіраваў у БССР групу вучоных. 9 верасня 1921 г. дзяржаўны вучоны Савет першымі прафесарамі факультэта грамадскіх навук зацвердзіў В. Г. Кнорына, С. Г. Гурвіча, В. Н. Дзякава, В. Н. Іваноўскага, Д. А. Жарынава, В. П. Канчалоўскага, С. Г. Лозінскага, Н. М. Нікольскага, В. Н. Перцава, У. І. Пічэту, І. М. Салаў’ева, Ф. Ф. Турука, Н. А. Янчука і інш.

Значны ўклад у развіццё прававой навукі ў гэты перыяд унёс першы рэктар БДУ У. І. Пічэта, які кіраваў навуковымі даследаваннямі і распрацоўваў шэраг праблем гісторыі Беларусі. Першымі выкладчыкамі на прававым аддзяленні былі Г. С. Гурвіч (савецкае дзяржаўнае права), У. М. Дурдзянеўскі (дзяржаўнае права буржуазных краін, дзяржаўнае права СССР, дзяржаўнае права БССР), М. Б. Кроль (судовая псіхіятрыя), І. Т. Цітоў (судовая медыцына), М. В. Грэдзінгер (грамадзянскае права і працэс), Б. В. Чрэдзін (рымскае права), Ф. Ф. Турук (гісторыя мясцовага права) і інш. Дэканам факультэта грамадскіх навук быў прызначаны прафесар У. М. Ігнатоўскі, а з 1922 г. ім стаў прафесар С. Я. Кацэнбоген.

29 кастрычніка 1921 г. адбылося пасяджэнне факультэта грамадскіх навук, на якім У. І. Пічэта прапанаваў арганізаваць прадметныя камісіі [7]. Была прынята пастанова арганізаваць наступныя камісіі: па эканамічных і прававых дысцыплінах, па гістарычных дысцыплінах, па філасофскіх дысцыплінах, літаратурная, лінгвістычная. У пастанове пасяджэння факультэта грамадскіх навук гаварылася «Обязанности комиссий заключаются в том, что бы в самое ближайшее время получить от профессоров и преподавателей университета программы их курсов и практических занятий, их рассмотреть и утвердить» [8]. Ужо ў 1926 г., на пасяджэнні Праўлення БДУ было прынята рашэнне аб арганізацыі прадметнай камісіі па грамадзянскіх справах (праатакол № 3 пасяджэння праўлення БДУ ад 16 верасня 2026 г.) [9]. Адначасова ў 1922 г. на прававым аддзяленні факультэта грамадскіх навук створаны кабінеты: крымінальнага права, грамадзянскага

права, дзеючага заканадаўства РСФСР, судовай медыцыны. Па архіўных звестках з 1921 г. ўжо працавалі і кафедры.

30 кастрычніка 1921 г. на факультэце грамадскіх навук пачаліся заняткі, а 25 снежня 1921 г. на ім навучалася 736 студэнтаў розных нацыянальнасцей, сярод якіх: беларусаў – 26 %, яўрэяў – 67 %, рускіх – 3,7 %, палякаў – 0,5 %, іншых нацыянальнасцей – 2,8 %. Членаў РКП(б) – 98, камсамольцаў – 19, эсэраў – 10, сацыял-дэмакратаў – 3, беспартыйных – 531 [10].

У жніўні 1924 г. Наркамасветы БССР ліквідаваў факультэт грамадскіх навук. Частка студэнтаў была пераведзена на педагогічны факультэт БДУ (2 курс), частка прадоўжыла вучобу ў Мінскім прамыслова-эканамічным тэхнікуме, частка – на факультэце права і гаспадаркі Іркуцкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Толькі студэнты 3 і 4 курсаў прадоўжылі вучобу на факультэце права і мясцовай гаспадаркі [3, с. 25; 11].

У БДУ змяняліся вучэбныя планы, удакладняліся, прыстасоўваліся да новых умоў жыцця вучэбныя праграмы. Так, ў 1924 г. была ўнесена прапанова аб абмежаванні лекцыйнай сістэмы выкладання, як не вельмі эфектыўнай. Народны камісарыят асветы даў указанне аб адмене лекцыйнага метаду выкладання і замене яго семінарскімі, практычнымі заняткамі па прынцыпу лабараторна-брыгаднага метаду. Гэта новаўвядзенне мела мэтай падрыхтоўку спецыялістаў у найбольш сціслыя, скарачаныя тэрміны: замест чатырох-пяці гадоў – за тры гады. І ўжо ў інстытуце савецкага будаўніцтва і права тэрмін навучання быў 3 гады (1931).

4 лістапада 1924 г. адбылася нарада прафесараў і выкладчыкаў 3 курса факультэта грамадскіх навук, на якой было прынята рашэнне прызнаць магчымымі дыпломнымі работы для студэнтаў прававога аддзялення на тэмы па наступных спецыяльнасцях: гістарычны матэрыялізм; гісторыя сацыялізму, з кропкі гледжання права; сацыялогія; дзяржаўнае права, агульнае і савецкае; крымінальнае права і працэс; адміністрацыйнае права, уключаючы рабочае; гісторыя права; агульная тэорыя права; зямельнае права; грамадзянскае права і працэс; міжнароднае права [12]. Першы выпуск студэнтаў адбыўся ў лютым 1925 г., другі выпуск – у ліпені 1925 г. За пяць гадоў у БДУ было падрыхтавана ўжо 130 юрыстаў [13].

26 жніўня 1925 г. СНК БССР пастанавіў адкрыць у БДУ факультэт права і гаспадаркі ў складзе прававога і эканамічнага аддзяленняў. Дэканам прызначаны прафесар С. Я. Вольфсан. Прадметныя камісіі разгарнулі актыўную працу. Так, 20 мая 1926 г. на аб'яднаным пасяджэнні эканамічнай і прававой прадметных камісій факультэта права і гаспадаркі, на якім прысутнічаў дэкан факультэта права і гаспадаркі прафесар С. Я. Вольфсан, быў заслуханы даклад рэктара ўніверсітэта У. І. Пічэты аб дзейнасці факультэта права і гаспадаркі, прававой і эканамічнай прадметных камісій. Ён адзначыў, «что факультет права и хозяйства благодаря особо выдающейся деятельности деканата уже в первом году своего существования достиг значительных результатов, в силу которых факультет занял определенное видное положение в системе высшего образования БССР и выражает полную признательность деканату за его работу, выражая уверенность в том, что и в дальнейшем факультет права и хозяйства будет поставлен на еще большую высоту и соберет вокруг себя выдающиеся научные силы» [14].

На 1926–1927 навучальны год запланавалі набор на прававое аддзяленне факультэта права і гаспадаркі – 80 чалавек” (Праатакол пасяджэння Праўлення Ўніверсітэта ад 14 ліпеня 1926 г.) [15].

У 1930 г. ва ўніверсітэце працавалі 6 факультэтаў, у тым ліку і факультэт савецкага права і будаўніцтва, які ў ліпені 1931 г. пастановай СНК БССР «О реорганизации Белорусского государственного университета» быў рэарганізаваны ў самастойны інстытут савецкага будаўніцтва і права з тэрмінам навучання 3 гады. У 1932 г. дадзены інстытут пераўтвораны ў Беларускі дзяржаўны юрыдычны інстытут. У 1937 г. дырэктарам Беларускага дзяржаўнага юрыдычнага інстытута стаў А. Н. Юрашкевіч.

25 верасня 1938 г. на Савеце Беларускага дзяржаўнага юрыдычнага інстытута быў зацверджаны Устаў Мінскага юрыдычнага інстытута. Дырэктарам Беларускага дзяржаўнага юрыдычнага інстытута назначаны дацэнт М. Н. Цвяткоў. У гэтым жа годзе дырэктарам Беларускага дзяржаўнага юрыдычнага інстытута быў назначаны прафесар А. М. Штейнгард.

Восенню 1938 г. адбылася першая Ўсесаюзная нарада навуковых работнікаў права, якая перагледзіла погляды на паняцце права. Замест сістэмы адносін або права-адносін права пачало разглядацца як сукупнасць або сістэма юрыдычных нормаў.

У гэты перыяд значны ўклад у развіццё юрыдычнай навукі ўнеслі вядомыя вучоныя-юрысты Н. А. Бонч-Асмалоўскі, А. В. Бурдзейка, Е. А. Вішнеўскі, П. М. Галанза, Ф. І. Гаўзе, М. А. Гельфер, С. М. Гофман, М. В. Грэдзінгер, М. М. Гуткоўскі, В. Д. Дружыц, У. М. Дурдыеўскі, Д. А. Жарынаў, Т. І. Забела, М. А. Канаплін, Р. Я. Парэчын, У. І. Пічэта, В. К. Пракуровіч, Л. А. Рудзіцкі, С. Слупскі, А. І. Таўсталес, В. М. Шыраеў і шмат іншых, якія заклалі трывалыя асновы навуковых школ юрыдычнага факультэта БДУ.

Вайна прыпыніла дзейнасць Мінскага юрыдычнага інстытута. Нямецка-фашысцкімі захопнікамі быў спалены вучэбны корпус інстытута, разбураны студэнцкія інтэрнаты і жылыя дамы навуковых супрацоўнікаў, у Германію вывезлі бібліятэку і вучэбнае абсталяванне.

З першых дзён Вялікай Айчыннай вайны студэнты, выкладчыкі, выпускнікі Беларускага дзяржаўнага юрыдычнага інстытута актыўна ўключыліся ў барацьбу з нямецка-фашысцкімі захопнікамі і ў дасягненне Вялікай Перамогі. У 2010 г. была надрукавана праца Л. П. Максімавай “Огненный выпуск. Факты. Документы”, прысвечаная студэнтам, выкладчыкам, выпускнікам МЮІ, іх гераічнай барацьбе супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў на тэрыторыі акупаванай Беларусі. Сярод іх А. Д. Азарноў, Н. М. Акуліч, А. Г. Бондар, Р. М. Бромберг, В. І. Бугаёў, А. П. Вярхоўкін, Г. М. Гейман, С. С. Гарковіч, У. Ф. Дашкоўскі, П. В. Дудкоўскі, К. П. Ярмоленка, В. С. Жудро, Б. З. Каган, М. К. Каржанеўскі, М. М. Крэчатовіч, А. Я. Ленчнер, Ф. Д. Максімаў, М. Ф. Малаковіч, М. В. Марціючэнка, Я. Р. Мар’яхін, М. П. Мельнік, Э. З. Мінін, Л. І. Мітрафанаў, І. Р. Некрашэвіч, М. Б. Осіпава, Р. Ц. Песнчэвіч, Б. А. Плоткін, С. Л. Прасаловіч, А. П. Пузырны, Д. А. Рэпін, П. Я. Рубінчык, В. П. Сахараў, У. З. Смарчак, А. А. Сакалова, У. І. Срэценскі, М. Э. Столаў, А. А. Тарлер, Г. А. Церахаў, І. С. Цішкевіч, А. М. Фралоў, М. І. Эпштэйн, А. А. Янушкевіч і інш. [16].

Многія ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны пасля яе заканчэння працавалі на юрыдычным факультэце БДУ, унеслі значны ўклад у развіццё юрыдычнай адукацыі

і навукі Беларусі, а некаторыя з іх з’явіліся заснавальнікамі і на працягу доўгага часу кіраўнікамі навуковых школ юрыдычнага факультэта БДУ. Гэта дактары юрыдычных навук, прафесары Я. А. Юхо, А. А. Галаўко, І. І. Гарэлік, С. Р. Драбязка, А. В. Дулаў, С. В. Курылёў, А. Ц. Лейзераў, І. С. Цішкевіч, В. Ф. Чыгір, М. Р. Юркевіч і інш.

20 верасня 1944 г. прынята пастанова № 594 СНК БССР “Аб узнёўленні дзейнасці Беларускага юрыдычнага інстытута ў г. Мінску”. 11 снежня 1944 г. інстытут прыступіў да заняткаў у складзе трох першых курсаў. На 1 курс было прынята 150 чалавек. На 2 і 3 курсы былі прыняты былыя студэнты інстытута (на 2 курс – 183 студэнта, на 3 курс – 16 студэнтаў) [17]. Дырэктарам Мінскага юрыдычнага інстытута ў 1944–1945 гг. з’яўляўся кандыдат юрыдычных навук, дацэнт І. С. Андрэйчык. 4 лістапада 1945 г. дырэктарам Мінскага юрыдычнага інстытута назначаны дацэнт Г. А. Павецьёў.

Цяжкія страты панесла прававая навука Беларусі і ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны. У сувязі з гэтым у першыя пасляваенныя гады з-за адсутнасці навуковых кадраў даследаванні па прававых праблемах амаль не праводзіліся [6, с. 16].

Згодна з прыказам па Міністэрству вышэйшай адукацыі СССР за № 1048 ад 7 кастрычніка 1954 г. Мінскі юрыдычны інстытут быў пераўтвораны ў юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Дэканам юрыдычнага факультэта быў прызначаны кандыдат юрыдычных навук, дацэнт Я. М. Семярыхін (1914–1963), які працаваў у Мінскім юрыдычным інстытуце і на юрыдычным факультэце БДУ з 1947 па 1963 г. З 1947 па 1950 г. ён быў дырэктарам Мінскага філіяла УЮЗІ, а з 1954 па 1955, а потым з 1958 па 1959 г. працаваў дэканам юрыдычнага факультэта БДУ [6, с. 16].

Пазней дэканамі факультэта былі: дацэнт В. А. Дарогін (1956–1957; 1959–1964), дацэнт М. Н. Меркушаў (1957–1958), прафесар І. М. Ігнаценка (1964–1965), прафесар В. А. Шкурко (1965–1972), прафесар В. Ф. Чыгір (1973–1983), прафесар В. Г. Ціхіня (1983–1989), прафесар В. М. Гадуноў (1989–2002), прафесар С. А. Балашэнка (2002–2020), дацэнт Т. М. Міхалёва (2020–2021). З 2021 г. па цяперашні час юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ўзначальвае кандыдат юрыдычных навук, дацэнт А. В. Шыдлоўскі.

Сёння на юрыдычным факультэце паспяхова працуюць навуковыя школы, асновы якіх былі закладзены ў 20–30-я гг. Заснавальнікамі многіх з іх з’яўляюцца ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны, якія на працягу многіх гадоў з’яўляліся іх кіраўнікамі, а таксама знакамітыя сучасныя вучоныя-юрысты.

Даследаванні праблемных і актуальных пытанняў у галіне права праводзяцца ў цесным супрацоўніцтве з айчыннымі навуковымі арганізацыямі і міжнароднай навуковай супольнасцю. Дзейнасць навуковых школ накіравана на ўдасканаленне дзяржаўнасці і нацыянальнай прававой сістэмы. Прадстаўнікі навуковых школ публікуюць манаграфіі, падручнікі; пад іх кіраўніцтвам паспяхова абараняюцца дысертацыі. На аснове пераемнасці працягваюць развіваць юрыдычную адукацыю і юрыдычную навуку Беларусі, і тым самым спрыяюць развіццю беларускай дзяржаўнасці.

Такім чынам, юрыдычная адукацыя і юрыдычная навука Беларусі прайшла доўгі і складаны шлях. Сёння юрыдычны факультэт БДУ з’яўляецца вядучым цэнтрам вышэйшай юрыдычнай адукацыі і флагманам навуковых прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь!

Бібліяграфічны спіс

1. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт: нарысы гісторыі і сучасны стан / пад агул рэд. А. Д. Караля: склад. А. А. Яноўскі; рэдкал. : А. Д. Кароль [і інш.] – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2021. – 504 с.
2. Шалькевіч, В. Ф. Віленскі ўніверсітэт / В. Ф. Шалькевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 2. Беліцк – Гімн / Беларус. Энцыкл. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 287 – 288.
3. Кожушков, А. И. Белорусский государственный университет: Хроника событий (1919–1989) / Под ред. Ф. Н. Капуцкого и др. – Минск : Университетское, 1990. – 238 с.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 2.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1.
6. Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны / рэдакц. : С. А. Балашэнка (старш.) [і інш.] ; рэдкал. : С. А. Балашэнка (адк. рэд.), А. В. Шыдлоўскі (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2015. – 263 с. : іл.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1113.
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1113.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Адз. сх. 218. Л. 145.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1124. Л. 29.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1126.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1.
13. Максимова, Л. П. Юридический факультет БГУ. История и современность / Л.П. Максимова. – Минск : БГУ, 1998. – 224 с.
14. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Адз. сх. 1141.
15. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Адз. сх. 218.
16. Максимова, Л. П. Огненный выпуск. Факты. Документы / Л. П. Максимова. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2010. – 159 с.
17. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 1.
18. Уклад прафесараў юрыдычнага факультэта БДУ – удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў развіццё юрыдычнай навукі і станаўленне навуковых школ / Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубева, А. В. Шыдлоўскі // Юстиция Беларуси. – 2025. – № 4. – С. 9–15.
19. Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров / под ред. С. В. Абламейко, А. И. Зеленкова. – Минск : БГУ, 2023. – 271 с. : ил.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

О. В. Емельянович

заместитель декана юридического факультета

Белорусского государственного университета

по международному сотрудничеству и интернационализации образования,

кандидат юридических наук

Emelyanovich@bsu.by

В настоящее время академическая мобильность реализуется на паритетной основе в очном, дистанционном или гибридном форматах, являясь мощным стимулом повышения качества юридического образования. Стратегическое планирование академической мобильности способствует минимизации рисков. Достижение максимального эффекта возможно при создании государствами благоприятных условий для мобильности студентов и преподавателей, поддержки со стороны ШОС, активном продвижении университетами академической мобильности.

Ключевые слова: высшее юридическое образование; интернационализация образования; академическая мобильность; международное сотрудничество; Шанхайская организация сотрудничества.

Трансформации глобального порядка и растущая значимость региональных интеграционных объединений играют ключевую роль в совершенствовании межуниверситетского сотрудничества. ШОС имеет значительным потенциалом в укреплении партнерских отношений между университетами государств-участников. Известно, чем выше научный потенциал государства, тем активнее оно участвует в профильном международном сотрудничестве [1, с. 19]. В условиях стремительного развития цифровых технологий, высоких требований к компетенциям и знаниям современных выпускников появляется запрос на получение качественного высшего юридического образования, соответствующего международным стандартам. В этой связи интернационализация высшего юридического образования в рамках ШОС является весьма актуальной, представляет деятельность по продвижению образовательных услуг на международном уровне и привлечению иностранных граждан для получения высшего юридического образования в национальной системе образования. Такая деятельность гармонично вписывается и направлена на реализацию одной из основных целей ШОС – укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства (ст. 1 Хартии ШОС) и способствует распространению достижений юридической науки государств – членов ШОС.

Интернационализация высшего юридического образования включает осуществление академической мобильности профессорско-преподавательского и студентов, внедрение международных образовательных стандартов, реализацию образовательных программ и поддержку образовательного процесса на иностранных языках, обучение как в очном, так дистанционном или гибридном форматах посредством *цифровых образовательных платформ*.

Рассматриваемая деятельность базируется на принципах равенства, взаимного уважения, этики и ответственности, инклюзивности, реализации целей устойчивого развития при получении высшего юридического образования. Среди целей интернационализация высшего юридического образования выделим следующие:

- повышение качества и конкурентоспособности высшего юридического образования; формирование, поддержание репутации и престижа юридических факультетов/институтов как образовательных и научных центров;
- использование в образовательном процессе ИКТ при проведении образовательных или научных мероприятий юридического профиля в дистанционном или гибридном форматах; развитие экспорта образовательных услуг.

В настоящее время академическая мобильность реализуется на *паритетной основе* и носит *временный характер*, осуществляется очно (классическая модель) или виртуально в дистанционном и гибридном форматах. Классическая академическая мобильность – очный обмен педагогическими работниками и студентами. Однако в современных условиях значительным потенциалом обладает виртуальная академическая мобильность, использующая цифровые образовательные платформы.

Академическая мобильность в рамках ШОС в контексте совершенствования высшего юридического образования имеет следующие преимущества:

Синтез классического образования и информационных технологий (использование *цифровых образовательных платформ*). Гибридный формат очной и виртуальной мобильности становится реальностью. Цифровизация образования способствует созданию единого образовательного пространства между университетами-партнерами.

Педагогические инновации в качестве нововведений в педагогической деятельности, изменения в содержании и технологии обучения и воспитания, направленные на повышение эффективности высшего юридического образования (Постановление МПА СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51-20 г. «О Согласованном словаре терминов в области образования»).

Обмен опытом. Обучение в зарубежных университетах позволяет студентам познакомиться с различными правовыми системами, методами преподавания и научными подходами. Это способствует формированию более глубокого и комплексного понимания права, развитию критического мышления и способности анализировать правовые проблемы с разных точек зрения.

Преподаватели, участвующие в программах академической мобильности, получают возможность на практике обменяться инновационными методиками обучения, что позволяет обновлять учебные программы, внедрять новые образовательные технологии, как следствие, повышать уровень подготовки студентов юридического профиля.

В этой связи необходимо поддерживать ориентированность на качество академической мобильности, что базируется на принципах гармонизации, совместимости (устранения субстантивных различий), сопоставимости образовательных программ, транспарентности [2, с. 28 – 29].

Совершенствование межкультурной компетенции и языковых навыков в поликультурной образовательной среде. Обучение за рубежом требует владения иностранными языками и умения работать в мультикультурной среде, что крайне важно для юристов-практиков.

Академическая мобильность сопряжена со следующими рисками:

Увеличение нагрузки студентов ввиду необходимости дополнительной сдачи дисциплин, предусмотренных учебными планами своего университета.

Трудности адаптации. Слабый уровень владения иностранным языком, отличие традиций и культурных особенностей могут снизить эффективность коммуникации и повысить уровень стресса у участников мобильности. Для преодоления трудностей адаптации видится результативным создание и обеспечение информационной поддержки в виде разработки соответствующих информационных брошюр. Кроме того, по желанию студентов – участников академической мобильности возможно закрепление за ними студентов-тьюторов принимающего университета.

Финансирование. Участие в академической мобильности требует значительных финансовых ресурсов. В большинстве случаев академическая мобильность студентов осуществляется за собственный счет.

Академическая мобильность может привести к *ослаблению кадрового потенциала*, когда студенты и преподаватели остаются за рубежом или переводятся в другие университеты.

Технические трудности поддержки образовательных цифровых платформ при виртуальной академической мобильности. Среди трудностей можно выделить следующие: низкая скорость и нестабильное Интернет-соединение может приводить к задержкам трансляции видеосвязи и потере данных. В таких условиях представляется затруднительным проведение онлайн-лекций и семинарских занятий. Технические различия компьютеров, планшетов, смартфонов и операционных систем порождают проблемы с совместимостью платформ и приложений.

Университеты-партнеры обязаны гарантировать должное обеспечение безопасности и защиты персональных данных участников в соответствии международными стандартами безопасности.

Важным представляется техническое и программное обеспечение доступности для лиц с ограниченными возможностями. Цифровые образовательные платформы должны быть пригодными для работы слабовидящих или слабослышащих участников. Интеграция цифровых образовательных платформ, библиотечных ресурсов и других сервисов, а также постоянный мониторинг их технического состояния требуют дополнительного финансирования со стороны университетов, государств и международных организаций.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, интернационализация высшего юридического образования, в частности академическая мобильность, в рамках ШОС являются мощным стимулом повышения качества юридического образования. Во-вторых, с целью минимизации выше указанных трудностей и рисков необходимо проводить стратегическое планирование академической мобильности с учетом приоритетных направлений социально-экономического развития государств, надлежащее обеспечение языковой подготовки, финансовой поддержки участников, обратной связи с возвращающимися преподавателями и студентами.

Библиографический список

1. Pedró, F. International Cooperation to Enhance Synergies / F. Pedró, V. Galán // UNESCO, Paris 2022. – 36 p.
2. Mills, D. Academic mobility in higher education / Mills Daviv // UNESCO, Paris. 2022. – 40 p.

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОЗНАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

С. А. Калинин

*заместитель декана юридического факультета
Белорусского государственного университета по научной работе,
кандидат юридических наук, доцент
kalinin@bsu.by*

Статья посвящена проблемам познания и преподавания дисциплин теоретической юриспруденции в контексте переосмысления Концепции юридического образования в Республике Беларусь до 2025 г. Юридическое образование осмысливается как элемент государственного управления, относящийся к высоким гуманитарным технологиям и большой стратегии.

Ключевые слова: Концепция юридического образования Республики Беларусь; природа и сущность Белорусской государственности; теоретическая юриспруденция; юридическое образование.

Многочисленные и разноприродные вызовы, стоящие перед Республикой Беларусь, требуют своевременных ответов, позволяющих Белорусскому государству и белорусскому народу сохраниться в истории. И одним из таких ответов является надлежащая организация подготовки профессиональных кадров, способных выявлять и успешно реагировать на постоянно возникающие вызовы и угрозы. В таком ракурсе важную роль в образовательной и научной функции любого государства играет профессиональная подготовка юридических кадров, обеспечивающих функционирование и правовой системы (в частности), и государственного (публичного) управления (в целом).

Правильная подготовка специалистов с юридическим образованием способствует реализации законности и обеспечения правопорядка, позволяет защитить права и законные интересы граждан, общества и государства, обеспечить успешное развитие социума, соотнесенное с принципами социальной справедливости и прогресса. При этом ошибочность в выборе вектора построения системы юридического образования может создать ситуацию, когда подготовленные кадры будут ментально стремиться разрушить (под видом реформирования либо заимствования «передового» опыта) собственное государство, либо встроить его в логику бытия иных субъектов. Например, многие выдающиеся дореволюционные юристы (С. А. Муромцев, Л. И. Петражицкий, Г. Ф. Шершеневич и т.д.), будучи депутатами I Государственной Думы, после роспуска данного органа заняли резко антигосударственную позицию, призывая к неповиновению власти [13, с. 327–328], тем самым способствуя будущему разрушению имперской государственности.

Вышеизложенное, соотнесенное с обновленной Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь [5], Концепцией правовой политики Республики Беларусь [6] и Директивой Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 [11], обуславливает необходимость актуализации концептуальных документов и подходов в области юридического образования, в том числе переосмысления

Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 г. [7].

Однако концептуальные документы содержат положения различного уровня абстракции и целеполагания, среди которых наиболее значимыми являются именно стратегические цели и задачи государства, вытекающие из ряда внешних детерминант. К таким детерминантам, на наш взгляд, следует относить глобальный мировой кризис, природу и сущность белорусской государственности, а также природу и целеполагание иных субъектов, с которыми Беларусь взаимодействует в Прошлом и Настоящем, а также продолжить взаимодействовать в Будущем. В таком контексте юридическое образование в наиболее общем значении следует относить к *высоким гуманитарным технологиям* [1; 8; 14] и *большой стратегии* [9; 10; 12], рассматривать как средство (инструмент), при помощи которого, в том числе, Беларусь противодействует ведущимся против нее войнам в широком смысле (санкционным, психоисторическим, гибридным и иным). К сожалению, юриспруденция объективно мало затрагивает вопросы войн в широком смысле как форм межгосударственного (межсубъектного) взаимодействия. Кроме этого данная позиция усиливается выраженной в государственном гимне саморепрезентацией Беларуси («Мы, беларусы, мірныя людзі»), которая некритически экстраполируется на иные государства и народы, в том время как нарративы отдельных народов и стран отрицают за Белорусским государством и народом право на самостоятельное существование.

Считаем, что формулирование стратегически концептуальных целей и задач для белорусского юридического образования в первую очередь находится в рамках двух требований-констатаций, отраженных в Концепции правовой политики Республики Беларусь, а именно:

1) негативной тенденции, выражающейся в «неготовности правоприменителей к работе с принципами права, правовыми нормами высокой степени обобщенности, запросе на чрезмерную детализацию нормативных правовых актов, наличии фактов искажения смысла нормативных правовых актов или их отдельных норм субъектами правоприменительной деятельности» [6, абз. пятый п. 26];

2) требования к юридическому образованию как «обеспечение сочетания в образовательном процессе глубокой теоретической подготовки и практикоориентированности» [6, абз. первый части второй п. 39].

Изложенное диалектически актуализирует необходимость обращения к более общим феноменам, включающим в себя юридическое образование, то есть к принципу открытой системности и теоремам К. Гёделя о неполноте формальным систем. Одним из таких феноменов является многоплановое явление «юриспруденция», холистически объединяющая деятельность, науку и образование. При этом каждый из названных элементов обладает собственной логикой и закономерностями развития и способен «самозамыкаться» в себе, игнорируя взаимодействие с иными элементами, либо, наоборот, навязывать им собственное целеполагание, отрицать за ними качественные отличия, стремиться перестроить их в собственных интересах. Однако и «самозамыкание», и «интервенция» играют негативную роль. Так, деятельность может игнорировать или несвоевременно использовать научные достижения, навязывать образованию невыполнимые требования, неадекватно прогнозировать последствия собственных решений;

наука – оторваться от реальных проблем и перейти к умозрительному анализу малозначительных феноменов; образование – готовить специалистов, невостребованных национальной правовой системой, но критически настроенных к своему государству.

Юриспруденция одновременно имеет и сложную холистическую взаимодополняемую дуальную природу. Во-первых, предмет юриспруденции включает государство и право. При этом государство изучается частично и через призму права, но право – полностью, однако с учетом исторически сложившихся принципов дифференциации и интеграции норм и отраслей. Большинство отраслей права не касаются вопросов государства и его целеполагания, частично данные вопросы изучают лишь отдельные отрасли знания. Во-вторых, юриспруденция как деятельность охватывает правотворчество и правоприменение, и, по сути, может быть рассмотрена в управленческой логике, в рамках чего право допустимо осмысливать как инструмент социального управления, осуществляемого через нормирование, регулирование и правосудие.

Такая ситуация, являясь традиционной и объективной, уже недостаточна для подготовки кадров, способных защищать «национальные интересы Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивать ее устойчивое развитие» [5, абз. 2 п. 4]. Объективность и традиционность недостаточного рассмотрения проблем государства обусловлена исторически тем, что, как верно указывает В. Н. Жуков, все отраслевые юридические науки возникли на основе анализа догмы права (текста) и практики правоприменения и могут быть охвачены общим понятием «догматическая юриспруденция», в то время как теоретическая юриспруденция, возникшая на основе энциклопедий права и аналитической юриспруденции, во многом представляет собой философствование о праве либо перенос на область права социологических либо иных принципов [3, с. 47]. То есть для юридической науки и образования в первую очередь характерны изучение существующих текстов, что накладывается на общепризнанную западную традицию анализа римского частного права. Именно это и объясняет характерную для традиционных отраслей права тенденцию «самозамыкания» в собственном исторически сложившемся предмете.

Юридическое образование одновременно принадлежит и правовой, и образовательной системам, причем последняя стремится «навязать» правовой системе собственные принципы, которые могут конфликтовать с требованиями, которые правовая система предъявляет к образованию. Отметим, что существует две разноприродные модели образовательного процесса. Во-первых, это подготовка специалиста, способного сразу выполнять профессиональные функции. Во-вторых, это подготовка специалистов с широкими теоретико-гуманитарными компетенциями, которые требуют стажировки и адаптации.

В белорусских реалиях это проявляется в различных реальных задачах, стоящих перед средним специальным и высшим юридическим образованием. В первом случае осуществляется подготовка специалистов, способных непосредственно выполнять профессиональные функции сразу после получения образования (помощник юриста, секретарь судебного заседания и т.д.). Во втором случае именно широкая теоретическая подготовка, позволяющая работать во всех сферах юридической деятельности, требует предварительной стажировки и специализации. В данном контексте следует отметить и такую проблему, как учет дисциплин, изученных в рамках среднего специального об-

разования, в рамках высшего. Формально, равенство часов, отводимых на изучение таких дисциплин позволяет признавать их «равнозначность» и учитывать оценки, полученные на уровне среднего специального образования в дипломе о высшем образовании. Однако преподавание любой дисциплины на уровнях среднего специального и высшего образования будет различно.

Это порождает проблему заказчиков юридических кадров и их способности корректно формулировать требования к квалификации будущих специалистов. Данная проблема обусловлена тем, что, во-первых, юридическая деятельность включает множество различных профессий, каждая из которых обладает собственной спецификой и требует акцента на определенные сферы знаний и умений. Во-вторых, важной составляющей юридической профессии является ее идеологическая составляющая, стремление и обязанность юриста (на любой должности) к укреплению законности и обеспечению правопорядка. Это порождает проблему формирования у будущих юристов адекватных навыков в данной сфере. С одной стороны, идеологический компонент присутствует в дисциплинах социально-гуманитарного блока. С другой стороны, само право имеет идеологическую направленность, которая зависит от конкретной отрасли права. Объективно наиболее идеологизированным является конституционное право, в минимальной степени идеология отражается в семейном праве, которое при этом имеет ярко выраженную мировоззренческую сущность («всесторонняя защита и сбережение института традиционной семьи как союза между женщиной и мужчиной по рождению» [5, абз. пятый п. 8]). Одновременно, идеологическая составляющая является неотъемлемым элементом дисциплин теоретико-исторического блока, что требует, на наш взгляд, определения и закрепления необходимого объема часов, отводимого на его изучения и прекращения попыток перераспределения учебного времени в интересах отраслевых дисциплин и дисциплин специализации за счет наук данного блока. Кажущийся позитивный эффект от введения новой дисциплины за счет сокращения изучения закономерностей развития государства и права в перспективе будет нивелирован тем, что будущие юристы не получают должной концептуально-исторической подготовки.

В данном контексте считаем необходимым вернуться к советской и ранней постсоветской практике годичного преподавания истории государства и права зарубежных стран, изучению истории политических и правовых учений на завершающих курсах с возвращением экзамена как формы итогового контроля, изучению социологии права параллельно с криминологией на старших курсах, введению обобщающего предмета «Проблемы государства и права» на итоговом курсе с одновременным введением государственного экзамена по общей теории права. Реализация данного предложения объективно требует возврата к 5-летнему сроку юридического образования, необходимость которого также обусловлена тем, что юрист (в любой сфере) – это специалист, связанный с обеспечением прав и законных интересов личности, юридических лиц, общества и государства. Это требует не только высокого уровня знаний, но и определенного жизненного опыта.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

Юридическое образование – это сложный феномен, который может рассматриваться в ряде взаимодополняемых ракурсов, а именно как:

1) подготовка кадров для правоприменения, связанного, в первую очередь, с правосудием, то есть с правильной квалификацией казуса;

2) подготовка кадров для правового регулирования юридически бесконфликтных ситуаций, выявления и констатации бесспорных юридических фактов (нотариат, договорная работа, обеспечение деятельности субъектов хозяйствования и т.д.);

3) подготовка кадров в сфере правотворчества, то есть нормирования наиболее значимых общественных отношений и прогнозирования его последствий, которое одновременно следует рассматривать как элемент государственного (социального) управления.

В наиболее узком ракурсе в рамках юридического образования происходит обучение поиску, толкованию и применению конкретной нормы права без акцента на ее адекватность социальным потребностям, что достигается при использовании догматического метода. Поэтому для непосредственного правоприменения целеполагающие причины принятия нормы являются избыточными. Однако для правотворчества, при его рассмотрении как элемента государственного управления, а не только в качестве правил юридической техники, важны иные требования, а именно – понимание современной и исторической сущности и природы целеполагания государства, в интересах которого осуществляется правовое регулирование, а также прогнозирование последствий принятия нормативных актов и управленческих решений.

Содержание юридического образования должно соответствовать природе, сущности и детерминантам белорусской государственности [2; 4, с. 208–321], обеспечивать ее успешное и своевременное реагирование на вызовы и угрозы, а также сохранение в мировой истории. Оно должно учитывать сложность имеющей дуальную природу юриспруденции, отражать как сложившиеся догматические подходы к пониманию и анализу нормы, так и целеполагающе-инструментальную природу права, являющегося в логике постнеклассической научной и управленческой рациональности элементом самоорганизации государства.

Важным требованием к юридическому образованию является необходимость глубокой теоретической подготовки обучающихся, что следует достигать возвращением к 5-летнему сроку обучения, установлением оптимального баланса дисциплин и часов, отводимых на изучение теоретико-исторических и иных дисциплин, а также введением в качестве государственного экзамена предмета «Общая теория права».

Библиографический список

1. Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям / Д. И. Широканов [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2009. – 199 с.

2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: вучэбны дапаможнік для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі / [І. А. Марзалюк і інш.]. 2-е выд., стэрэатыпнае. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2023. – 447 с.

3. Жуков, В. Н. Догматический метод и мифы юридического позитивизма / В. Н. Жуков // Государство и право. – 2018. – № 5. – С. 44–51.

4. Калинин, С. А. Концептуально-методологические проблемы современной теоретической юриспруденции / С. А. Калинин. – Минск : БГУ, 2024. – 311 с.

5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> – Дата доступа: 12.06.2025.

6. О Концепции правовой политики Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196> – Дата доступа: 12.06.2025.
7. Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 г. : Концепция Министерства образования Респ. Беларусь, 31 авг. 2017 г. // Информационно-поисковая система «Эталон онлайн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u01702893&q_id.530146706. – Дата доступа: 12.06.2025.
8. Лепский, В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию / В. Е. Лепский. – М. : Когито-Центр, 2009. – 208 с.
9. Лиддел Гарт, Б. Стратегия непрямых действий / Б. Лиддел Гарт. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2008. – 464 с.
10. Люттвак, Э. Н. Стратегия : логика войны и мира / Э. Н. Люттвак ; пер. с англ. Коваль А. Н., Платошкин Н. Н. – Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. – 390 с.
11. О реализации основ идеологии белорусского государства: Директива Президента Респ. Беларусь, 9 апр. 2025 г., № 12 // Президент Республики Беларусь: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g>. – Дата доступа: 12.06.2025.
12. Фурсов, А. И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты / А. И. Фурсов. – М. : Кн. мир, 2017. – 510 с.
13. Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917: Учеб. пособие для пед. интов по спец. «История» / Сост. В. Ф. Антонов и др.; Под ред. В. Г. Тюкавкина. – М. : Просвещение, 1990. – 416 с.
14. Цыганов, В. В. Социология общественной безопасности : [теория и высокие гуманитарные технологии общественной безопасности при изменениях и пределах роста] / В. В. Цыганов, В. Л. Шульц; Рос. акад. наук, Центр исследования проблем безопасности. – М. : Наука, 2014. – 414 с.

О РОЛИ ПРОФЕССОРОВ В. Г. ТИХИНИ И Н. Г. ЮРКЕВИЧА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

И. Н. Колядко

*профессор кафедры гражданского процесса и трудового права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
lawgrproc@bsu.by*

Проанализирована научно-педагогическая деятельность профессоров В. Г. Тихини и Н. Г. Юркевича, а также иных научных работников и их роли в развитии научно-педагогической школы гражданского процессуального права Беларуси. Отмечены их заслуги в развитии государственных учреждений суверенной Беларуси и иных институтов, обеспечивающих реализацию правовых норм, а также подготовке кадров для государственных органов.

Ключевые слова: научная деятельность; школа гражданского процессуального права; руководство диссертациями по гражданскому процессу; подготовка учебно-методических работ.

Основоположником школы гражданского процессуального права Беларуси бесспорно считается профессор С. В. Курылев [1, с. 43], который доктринально исследовал проблемы установления истины и создал условия для развития научных исследований его учениками. Его преждевременный уход из жизни замедлил подготовку ученых-процессуалистов в БГУ, и поэтому основная работа по подготовке ученых-процессуалистов была осуществлена В. Г. Тихиней и Н. Г. Юркевичем. Под редакцией данных профессоров были изданы учебные пособия: «Гражданский процесс БССР» в 4 частях [2] и «Практикум по гражданскому процессу» [3]. В последующем данные книги стали основой для издания первого в Беларуси учебника по гражданскому процессу в двух частях («Общая часть», 2000 и «Особенная часть», 2002) [1; 4].

Первоначально совместная деятельность В. Г. Тихини и Н. Г. Юркевича проявлялась в подготовке учебных работ и комментария к ГПК БССР 1964 г. [5]. В. Г. Тихиня в большей степени участвовал в подготовке специалистов по гражданскому процессу, в то время как Н. Г. Юркевич значительное внимание уделял вопросам социологии, гражданского и семейного права, а в последствии и гражданского процессуального права.

В. Г. Тихиня осуществлял фундаментальное исследование ряда проблем доказывания с привлечением смежных наук (криминалистики и др.), которое в определенной степени явилось развитием и процессуальной школы профессора С. В. Курылева в рамках советского законодательства и советской доктрины о доказывании [6]. При этом отметим широкое научное взаимодействие В. Г. Тихини с одним из ведущих советских и российских ученых в области гражданского процессуального права М. К. Треушниковым, которое началось с периода подготовки ими монографических работ, положенных в основу их докторских диссертаций, защищенных в один период времени (1984–1985 гг.). После издания М. К. Треушниковым монографии «Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе» В. Г. Тихиней была подготовлена и опубликована рецензия с высокой оценкой уровня исследования [7]. В свою очередь, М. К. Треушников совместно с Н. Т. Араповым высоко оценили

и отметили новеллы монографии В. Г. Тихини «Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве» [8].

Появление на кафедре процессуалиста – доктора юридических наук создало благоприятные условия для подготовки ряда кандидатских диссертаций, в частности: «Судопроизводство по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях» (И. Н. Колядко, 1986), «Частные определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе» (Л. И. Василевский, 1988), «Участие адвоката в доказывании по гражданским делам» (Е. Б. Клейн, 1988), «Вещественные доказательства в гражданском процессе» (А. П. Петров, 1989), «Участие прокурора в пересмотре судебных решений, определений и постановлений по гражданским делам, вступивших в законную силу (по материалам Белорусской ССР)» (В. С. Каменков, 1990), «Становление и развитие гражданского процессуального права Белорусской ССР (1917–1937 гг.)» (И. М. Казей, 1990), «Проблемы участия общественных организаций и объединений трудовых коллективов в советском гражданском процессе» (В. Г. Голованов, 1991). Это внесло неоценимый вклад в подготовку научных кадров высшей квалификации и заложил кадровую основу нового поколения руководителей научных исследований, которые затем обеспечили подготовку множества диссертаций в суверенной Беларуси.

Первым подготовленным В. Г. Тихиней кандидатом наук стал И. Н. Колядко (автор настоящей статьи), который в последующем с 2001 г. и по настоящее время подготовил 10 кандидатов юридических наук (Т. С. Таранова (2001), И. И. Верховодко (2001), Н. В. Козловская (2004), Т. В. Воронович (2008), В. В. Паращенко (2009), Е. П. Хотько (2012), Ю. В. Кочурко (2012), Е. А. Михасёва (2015), Б. С. Болохонов (2024), Ю. Х. Рапьян (2024)). В этом проявилась преемственность развития процессуальной школы В. Г. Тихини, а равно развитие, в отдельных случаях, этой школы И. Н. Колядко, т.к. его ученик – И. И. Верховодко – был научным руководителем М. Н. Мадудиной, защитившей диссертацию, посвященную порядку производства в хозяйственном суде кассационной инстанции (2013).

Другой ученик В. Г. Тихиня – профессор В. С. Каменков, защитивший докторскую диссертацию по теме «Правовые гарантии защиты интересов юридических лиц и граждан в хозяйственном (арбитражном) процессе» (2003), также подготовил ряд кандидатов юридических наук-процессуалистов (В. В. Жандарова (2002), (И. А. Бельская (2012), Н. А. Бесецкая (2017)), выступал в качестве официального оппонента.

К ученикам В. Г. Тихини также относится И. М. Казей, которая была одним из соавторов кафедральных учебников, комментариев и практикумов по гражданскому и хозяйственному процессу и руководила кандидатской диссертацией Д. В. Сысоева, посвященной вопросам приказного производства в гражданском процессе (2006).

Отметим высокий уровень организаторских способностей В. Г. Тихини, который в период с 1974 по 1989 гг. занимал должности старшего преподавателя, доцента, декана юридического факультета, первого проректора БГУ, а в 1989–1990 гг. и министра юстиции БССР и был удостоен звания заслуженного юриста БССР. В. Г. Тихиня также с 1993 по 1994 гг. являлся заместителем председателя ВАК при Совете Министров Республики Беларусь, а в 1994 г. стал первым Председателем Конституционного Суда Республики Беларусь. В 1994 г. В. Г. Тихиня был избран членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси [9, с. 18–20].

Будучи сотрудником НАН Беларуси, он осуществлял руководство диссертационными исследованиями не только процессуального профиля, но и по вопросам материального права (в первую очередь, международного частного права). В дальнейшем под руководством В. Г. Тихини были защищены диссертации О. А. Паферовой («Рассмотрение в судах гражданских дел по спорам, связанным с нарушением авторского права в сети Интернет» (2006), Т. А. Сигаевой («Рассмотрение в хозяйственных судах споров, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом» (2007), Аль-Хамри Сейф Салих («Принципы гражданского процессуального права Йеменской Республики» (2007). Профессор В. Г. Тихиня выступал в качестве научного консультанта по докторской диссертации Т. С. Тарановой («Проблемы унификации доказывания в гражданском и хозяйственном судопроизводстве», 2012).

В свою очередь Н. Г. Юркевич принимал активное участие в законопроектных работах. В частности, Профессор проявил инициативу и принял активное участие в разработке проекта нового ГПК и его концепции, а затем совместно с доцентами Т. А. Беловой и И. Н. Колядко в 1992 г. представил его в Министерство юстиции. После доработки авторами и представителями Верховного Суда, Прокуратуры и Министерства юстиции проект ГПК был представлен в Верховный Совет. Здесь проект был доработан и принят в 1993 г. Структура этого кодекса была положена в основу действующего ГПК 1999 г. Под руководством Н. Г. Юркевича подготовлен первоначальный текст проекта Закона «О международном арбитражном (третейском) суде». Он входил в состав комиссии (рабочей группы) по подготовке и доработке проекта Конституции Республики Беларусь 1994 г.

Будучи участником (партизаном) Великой Отечественной войны Н. Г. Юркевич награжден орденами Красного Знамени, Великой Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Великой Отечественной войны» I и II степени, «За победу над Германией», юбилейными медалями [10; 11, с. 12].

При подготовке учебной литературы Профессор особое внимание уделял теории гражданских процессуальных отношений, разработав ее оригинальную концепцию. В спецкурсе «Актуальные проблемы гражданского процесса» Н. Г. Юркевич творчески развил теорию мирного урегулирования споров, теоретически обосновал необходимость активного применения мировых соглашений и обеспечения сотрудничества сторон в гражданском процессе.

Н. Г. Юркевич успешно совмещал научно-педагогическую, практическую юридическую и издательскую деятельность. Так, он входил в состав научных советов по защите диссертаций, занимался организацией Международного арбитражного суда (МАС) при Белорусской торгово-промышленной палате и возглавлял его с момента создания в 1994 г., был главным редактором созданного им в 1996 г. журнала «Промышленно-торговое право» [11, с. 14]. За большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных кадров, многолетнюю плодотворную педагогическую и научную деятельность Н. Г. Юркевичу присвоено звание заслуженного юриста Республики Беларусь (1996).

Профессор Н. Г. Юркевич обеспечил подготовку диссертаций «Процессуальные проблемы возмещения вреда, причиненного здоровью рабочих и служащих при исполнении ими трудовых обязанностей в государственных организациях» (Т. А. Белова, 1989), «Рассмотрение судами споров между супругами о разделе имущества по советскому и вьетнамскому праву» (Динь Нгок Хьен, 1989), «Участие общественности в гражданском процессе по советскому и польскому праву» (Халубиньска Эва, 1991) «Решение

международного арбитражного суда» (А. С. Данилевич, 2004), «Иск как средство судебной защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц» (С. Б. Матвейчук, 2006), «Признание и приведение в исполнение решений международных арбитражных судов» (И. В. Перерва, 2007), «Заочное производство в гражданском процессе» (О. В. Бодакова, 2010).

Под руководством Т. А. Беловой подготовлены диссертационные исследования О. Н. Здрок (1999), О. Н. Романовой (Герасимович) (2001), В. П. Скобелева (2005), Н. Н. Никоновой (Тумашик) (2006). А ученица Т. А. Беловой – О. Н. Здрок – защитила докторскую диссертацию на тему «Примирительные процедуры в гражданском процессе» (2019) (научный консультант – В. С. Каменков), подготовила кандидата юридических наук (А. В. Лаевская, 2017), является научным консультантом по ряду докторских диссертаций. Изложенное указывает на проявление преемственности белорусской процессуальной школы.

Научно-педагогическая деятельность В. Г. Тихини и Н. Г. Юркевича обеспечила подготовку учебно-методических материалов для образовательного процесса, создание кадрового потенциала для развития научной деятельности и гражданской процессуальной школы. Это обусловило успешное функционирование научно-педагогической деятельности по проблемам гражданского процессуального права как на юридическом факультете БГУ, так и в иных белорусских вузах юридического профиля.

Библиографический список

1. Гражданский процесс. Общая часть : Учебник / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск : Амалфея, 2000. – 576 с.
2. Гражданский процесс БССР. В 4 ч. : Учеб. пособие / Под ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. – Минск : Вышэйшая школа, 1979–1982.
3. Практикум по гражданскому процессу БССР. / Под ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. – Минск : Вышэйшая школа, 1984.
4. Гражданский процесс. Особенная часть : Учебник / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. – Минск : Амалфея, 2002. – 592 с.
5. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР / под ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. – Минск : Изд-во «Беларусь», 1989. – 542 с.
6. Тихиня, В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве / В. Г. Тихиня. – Минск : Высш. школа, 1983. – 159 с.
7. Тихиня, В. Г. Рецензия на монографию М. К. Треушников «Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе». Изд. МГУ, 1982 / В. Г. Тихиня // Вестн. БГУ. Сер. III. – 1985. – № 1.
8. Арапов, Н. Т. Рецензия на книгу В. Г. Тихини «Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве». Минск. 1983 / Н. Т. Арапов, М. К. Треушников // Вестн. БГУ. Серия III. – 1984. – № 2. – С. 77–78.
9. Тихиня, В. Г. Избранные труды / В. Г. Тихиня. – Минск : ЮрСпектр, 2020. – 620 с.
10. Доўнар, Т. І. Уклад прафесараў юрыдычнага факультэта БДУ – удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў развіццё юрыдычнай навкі і станаўленне навуковых школы / Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубева, А. В. Шыдлоўскі // Юстиция Беларусі. – 2025. – № 5. – С. 9–15.
11. Юркевич, Н. Г. Избранные труды / Н. Г. Юркевич. – Минск : Редакция журн. «Промышленно-торговое право», 2015. – 592 с.

В. И. СЕМЕНКОВ И СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ ТРУДОВОГО ПРАВА

Е. В. Мотина

*доцент кафедры гражданского процесса и трудового права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
motina@bsu.by*

Статья посвящена научному наследию доктора юридических наук, профессора В.И. Семенкова, основателя белорусской школы трудового права. Рассматриваются ключевые концепции его трудов, включая институт охраны труда и методологию правового прогнозирования.

Ключевые слова: трудовое право; охрана труда; правовая школа; методология; трудовые отношения; научное наследие.

Белорусская научная школа трудового права создавалась в условиях трансформации советской системы и во многом обязана своим становлением В. И. Семенкову – доктору юридических наук, профессору, члена-корреспонденту НАН Беларуси. Его исследования в сфере правового регулирования охраны труда, механизмов государственного и общественного контроля, а также системный взгляд на трудовое право стали основой для формирования как образовательных программ, так и законодательных инициатив в рамках государственного правового развития. Он – автор и соавтор более 300 научных работ, в т.ч. 13 монографий и пяти учебников.

Биография В. И. Семенкова неразрывно связана с Беларусью. Родившись 26 декабря 1925 г., он прошёл путь от сельского школьника до фронтовика, а затем и одного из ведущих учёных в области трудового права. Великая Отечественная война, ранение, служба в химических войсках сформировали у него особое восприятие социальной справедливости.

В кандидатской диссертации (1962) В. И. Семенков обратился к вопросам государственного надзора и общественного контроля за соблюдением законодательства об охране труда, что затем развил в докторской диссертации и в монографии «Охрана труда в СССР», ставшей первым в отечественной юридической науке комплексным исследованием соответствующего института. Учёный подчёркивал, что охрана труда в правовом смысле – это не только совокупность норм, но и целостная система, основанная на взаимодействии законодательства, профилактики, надзора, технических стандартов и социальной защиты [1, с. 28]. В. И. Семенков предложил концептуальное разграничение понятий охраны труда в узком и широком смыслах. В узком понимании охрана труда – это «система организационно-правовых мер (средств), обязательных для исполнения (применения) всеми предприятиями, учреждениями, должностными лицами и способствующих созданию здоровых и безопасных условий труда» [1, с. 31]. В широком смысле – это институт трудового права, охватывающий законодательство, профилактические меры, общественный и государственный контроль, а также нормы специальной защиты различных категорий работников. В узком смысле под охраной труда понималось одно из основных трудовых прав – право на здоровые и безопасные условия труда [2, с. 41, 95].

Право на охрану труда шире по своему содержанию, чем право на здоровые и безопасные условия труда. Поэтому право на охрану труда включало в себя следующие правомочия: на получение информации об условиях труда; на инструктаж по безопасному введению работ; на обеспечение средствами защиты; на компенсации за работу во вредных и опасных условиях труда; на перевод на другую работу по медицинским показаниям; на рабочее место, соответствующее требованиям по охране труда; на требование расследования несчастного случая и профессионального заболевания и ряд других [2, с. 41]. В настоящее время охрана труда традиционно рассматривается как институт трудового права и как комплексный межотраслевой институт, поскольку включает нормы гражданского, административного, уголовного, экологического права, права социального обеспечения. Основа такого понимания была заложена, в том числе, и в трудах В. И. Семенкова.

Структура охраны труда, предложенная В. И. Семенковым, сохраняет значимость и в современных условиях. Она включает: а) нормативные акты по технике безопасности и санитарии; б) меры индивидуальной защиты; в) нормы охраны труда в отношении женщин, подростков и лиц с пониженной трудоспособностью; г) государственный и общественный контроль [1, с. 28]. Профессором ставились вопросы, подчеркивающие дуалистичный эффект научно-технического прогресса в сфере наёмного труда. С одной стороны, «научно-технический прогресс существенно изменяет содержание труда. Возрастает доля умственных операций, трудовая деятельность человека приобретает все более творческий характер» [1, с. 166]. С другой стороны, «механизация и автоматизация производственных процессов ставят и свои проблемы. Разделение труда на ряд самостоятельных, обособленных операций порождает повторяемость и однообразность движений – монотонность. А это утомляет рабочих и может привести к нервному перенапряжению» [1, с. 165]. Подобные идеи особенно актуальны в условиях цифровизации и автоматизации труда, появления нетипичных форм занятости и трансформации занятости в целом. Анализируя право на труд, В. И. Семенков подчёркивал его потенциальную декларативность без механизма реализации, утверждая: «следует совершенствовать отдельные положения законодательства (например, право на труд) во избежание декларативности его характера» [1, с. 9]. В современных условиях это не теряет своей актуальности.

Важным направлением исследований ученого было субъективное право работника на продвижение по службе, отсутствие закрепления которого снижает его эффективность и препятствует реальному карьерному росту работника [1, с. 32]. Сегодня этот аспект рассматривается в контексте правовой регламентации личных неимущественных прав работника и оценки его компетенций. Присоединяемся к позиции учёного, считавшего, что «неправильно полагать, что субъективное право отражает только интересы личности. Речь может идти лишь о преимущественном (но не исключительном) закреплении в нем интересов личности» [1, с. 56]. Поскольку наёмный труд, как правило, является коллективным трудом, то указанный тезис воплощается в принципе учета прав участников коллективного труда и недопущении дискриминации в области труда и занятий.

В. И. Семенков был членом рабочей группы по созданию Конституции Республики Беларусь 1994 г., возглавлял авторские коллективы по подготовке комментариев к ТК Республики Беларусь. Под его научным руководством защитились десятки кандидатов и докторов наук, многие из которых работали и работают на юридическом факультете БГУ. Это Г. А. Василевич (год защиты кандидатской диссертации – 1984), О. С. Курылева (1986),

А. А. Войтик (1991), Т. М. Петоченко (1995), Е. В. Мотина (2002), С. Л. Жвиридовская (2004), Л. В. Зинченко (2005) и др. В. И. Семенков поддерживал исследователей, поощрял оригинальные взгляды и настаивал на доказательности позиции.

Жизненный путь В.И. Семенкова демонстрирует, как личный и профессиональный опыт могут быть трансформированы в научную школу и использоваться как методологическая база в научных исследованиях, юридическом образовании и правоприменительной практике.

Библиографический список

1. Семенков, В. И. Избранные труды / В. И. Семенков. – Минск : Ред. ж-ла «Пром.-торг. право», 2013. – 535 с. (Наследие права).
2. Лушников, А. М. Охрана труда и трудовправовой контроль (надзор) / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М. : Проспект, 2015. – 245 с.

МЕДИАТИВНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО КАК ФОРМА ЮРИДИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

И. В. Орловская

*исполнительный директор общественного объединения
«Белорусский республиканский союз юристов»,
руководитель учебно-практического учреждения «Центр «Медиация и право»
evgandleo@gmail.com*

В статье исследуется феномен медиативного посредничества сквозь призму общей теории права как особая форма юридического воздействия. Обосновывается место медиативного посредничества в системе методов правового регулирования. Автор раскрывает отличительные черты медиативного воздействия, подчеркивая его нормативную и социально-коммуникативную природу. Делается вывод о необходимости признания медиативного посредничества в качестве полноценного метода правового регулирования.

Ключевые слова: медиативное посредничество; методы правового регулирования; юридическое воздействие; форма реализации права; гуманизация права.

В условиях развития национальной правовой системы и трансформации подходов к правовому регулированию все большее значение приобретает медиативное посредничество как инновационная форма воздействия на общественные отношения. Традиционно оно воспринимается исключительно в рамках альтернативного разрешения споров, однако данное явление обладает более глубоким содержательным и методологическим потенциалом. На уровне теоретико-правового анализа необходимо рассматривать медиативное посредничество как форму юридического воздействия, обеспечивающую достижение правовых целей за счет ненасильственного, согласовательного и восстановительного взаимодействия между субъектами. Такая постановка вопроса позволяет включить медиативное посредничество в методологическую систему общей теории права.

Такое переосмысление сущности медиативного посредничества требует обращения к базовым категориям общей теории права, в первую очередь – к понятию метода правового регулирования как способа юридического воздействия на общественные отношения. Именно через призму методов правового регулирования возможно теоретически обосновать место медиативного посредничества в системе юридических средств и раскрыть его функциональную специфику.

Методы правового регулирования в науке трактуются как способы воздействия на поведение субъектов, посредством которых реализуются правовые нормы. Классическая типология включает императивный и диспозитивный методы, основанные соответственно на властных предписаниях и автономии воли сторон. Однако современная правовая действительность требует расширения методологического инструментария. Как подчеркивает С. С. Алексеев, правовое регулирование – это динамическая система, требующая применения гибких и адаптивных форм воздействия, среди которых все чаще называют рекомендательные, стимулирующие и согласовательные подходы [1, с. 94]. В свете этой концепции медиативное посредничество может рассматриваться

как форма согласовательного метода правового регулирования, сочетающая в себе элементы юридической инициативы, диалога и восстановления правового равновесия.

В современных условиях правовое регулирование все чаще ориентируется не только на формально-нормативные параметры, но и на ценностные ориентиры, отражающие стремление субъектов к балансу интересов. В этой связи медиативное посредничество как форма согласовательного метода правового воздействия соответствует актуальным требованиям юридической практики: оно способствует достижению устойчивого компромисса и одновременно сохраняет конструктивное взаимодействие между участниками правовых отношений.

В Беларуси медиативное посредничество нормативно закреплено Законом от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации». Однако правовая значимость медиативных соглашений заключается не только в их содержании, но и в механизме достижения согласия, который формирует устойчивые социально-правовые связи [2, с. 102]. Это свидетельствует о нарастающем институциональном значении медиативного посредничества и требует его осмысления не только в рамках частноправового регулирования, но и как элемента общей правовой методологии. Тем самым медиативное посредничество обретает признаки полноценного правового института с самостоятельной методологической функцией в системе права.

Включение медиативного посредничества в систему методов правового регулирования позволяет более точно охарактеризовать его юридическую природу. В отличие от традиционных форм принуждения, медиативное посредничество основывается на принципах добровольности, равенства сторон, нейтральности посредника, автономии воли и т.п. Оно не заменяет правосудие, но выполняет важную стабилизирующую функцию, минимизируя количество правовых конфликтов, достигая эффекта восстановления нарушенного правового баланса без участия государства. Медиация выполняет не только правовую, но и коммуникативную функцию, способствуя устойчивости правопорядка [3, с. 259].

Мягкое воздействие, реализуемое через медиативные процедуры, позволяет субъектам самостоятельно сформулировать правовую позицию и прийти к взаимоприемлемому решению, что принципиально отличается от авторитарного навязывания воли через административные или судебные инструменты. Такая модель юридического влияния сближает право с нравственными и социокультурными механизмами регулирования. Медиативное посредничество также отражает более широкий сдвиг в правовом мышлении – от права как средства авторитарного воздействия к праву как пространству диалога и согласования интересов. Эта эволюция особенно заметна в сфере публичного управления, где традиционные вертикальные механизмы постепенно дополняются горизонтальными форматами взаимодействия. В условиях растущей социальной сложности и правового плюрализма такие подходы приобретают все большую значимость. Медиативные процедуры позволяют учитывать индивидуальные особенности ситуаций, снижать конфликтность и формировать субъективную правовую удовлетворенность, что становится важным критерием эффективности регулирования. Включение медиативных технологий в арсенал правовых средств – это не только функциональное, но и ценностное обогащение современного правопорядка. Таким образом, медиативное посредничество не только реализует согласовательный метод воздействия, но и органично вписывается в современную тенденцию переориентации права от формального предписания к конструктивному

взаимодействию с участием граждан, где приоритетом становится не репрессивная, а примирительная и стабилизирующая функция юридического регулирования.

Современные подходы к гуманизации права, особенно в условиях цифровизации и роста правового плюрализма, подтверждают актуальность таких форм воздействия, которые способствуют участию граждан в правовом процессе на паритетной основе. Медиативное посредничество в этом контексте выступает и как юридический, и как социокультурный феномен, способствующий укреплению правовой культуры и доверию между субъектами права. Как отмечается в литературе, медиативные процедуры в условиях цифровизации обладают рядом преимуществ, таких как гибкость по времени, устранение географических барьеров и повышение конфиденциальности. В целом, онлайн-медиация представляет собой эффективный инструмент для разрешения конфликтов, который сочетает в себе преимущества цифрового времени и традиционных методов медиации [4, с. 27]. По мнению В.С. Каменкова, именно участие граждан в процессе правового урегулирования – важнейший вектор развития современной правовой системы [5, с. 76].

Представляется целесообразным признание медиативного посредничества в качестве отдельной формы юридического воздействия – согласовательного метода правового регулирования. Это позволит восполнить пробел в классификации методов правового регулирования, где на сегодняшний день отсутствует легитимированная категория согласовательного метода, несмотря на его практическую востребованность.

Включение медиативного посредничества в научную и учебную традицию как отдельного метода откроет путь к формированию гибкой, человекоориентированной и восстановительной правовой парадигмы, особенно важной в условиях нарастания социальных напряженностей и цифровизации правовой среды и позволит не только систематизировать понятийный аппарат общей теории права, но и предложить более гибкие и адаптивные модели правового регулирования для законодательной и правоприменительной практики. В частности, представляется перспективным закрепление в теории и законодательстве Республики Беларусь понятия «согласовательный метод правового регулирования», включающего медиативные, консультативные и фасилитативные практики, а также расширение сферы применения медиативных процедур на административную и публично-правовую плоскость, как это реализуется, например, в Казахстане [6, с. 104] и Германии [7, с. 60].

В современных условиях медиативное посредничество становится неотъемлемым элементом стремления к устойчивому правопорядку, в котором первостепенное значение имеет качественное разрешение противоречий между субъектами. Такая форма юридического воздействия способна предотвращать перерастание социальных конфликтов в юридические споры, тем самым разгружая правовую систему и создавая предпосылки для формирования стабильной, сбалансированной правовой среды. Применение медиативных подходов также способствует закреплению правовой инициативы за гражданами и организациями, позволяя им самостоятельно участвовать в построении справедливых и приемлемых правовых моделей взаимодействия. Именно поэтому медиативное посредничество следует рассматривать как не только вспомогатель-

ный, но и стратегически значимый элемент правового регулирования, особенно в условиях цифровизации, роста социальных рисков и необходимости более гибкого, человекоцентричного подхода к праву.

Таким образом, медиативное посредничество обладает всеми признаками формы юридического воздействия. Оно выполняет согласовательную, стабилизирующую и профилактическую функции и заслуживает признания в качестве самостоятельного метода правового регулирования. Его интеграция в теоретико-правовую систему открывает новые горизонты для гуманизации правовых механизмов в Республике Беларусь.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник. В 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 328 с.
2. Здрок, О. Н. Международный круглый стол «Актуальные вопросы развития практики медиации: опыт Республики Беларусь и России» / О. Н. Здрок // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2018. – № 2. – С. 97–102.
3. Моторина, И. С. Преимущества примирительных процедур для сторон в судебном процессе / И. С. Моторина // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 2(30). – С. 253–262.
4. Леванькова, Я. П. Онлайн-медиация: преимущества и недостатки / Я. П. Леванькова, Д. Е. Солодуха // Право и медиация в цифровой эпохе: современные тренды и перспективы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 апр. 2024 г. / редкол. : О. В. Бодакова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Шкляревского. – Минск : БГЭУ, 2024. – С. 26–27.
5. Каменков, В. С. Медиация – действенный способ урегулирования конфликтов в мире, Европе, Беларуси / В. Каменков, Л. Сурма // Юрид. мир. – 2017. – № 2. – С. 75–80.
6. Мицкая, Е. В. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан / Е. В. Мицкая // Научный ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. – 2018. – Т. 18, Вып. 3. – С. 103–121.
7. Попова, Н. И. Проблемы правового регулирования и практики применения законодательства о медиации в Российской Федерации / Н. И. Попова // Юрист. – 2024. – № 7. – С. 59–66.

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

В. И. Павлов

*профессор кафедры конституционного и международного права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, профессор
vadim.i.pavlov@yandex.by*

В статье рассматриваются основные тенденции формирования общей теории права на современном этапе. Акцент делается на принципиальных изменениях в методологии развития, в частности, в связи с разработкой постклассических направлений в праве. Дается характеристика основным тенденциям развития общетеоретического знания в рамках формирования постклассической юриспруденции. Раскрывается значение принципа методологического плюрализма, формирование различия между типами научной рациональности и типами правопонимания, дается характеристика принципа человекомерности права и развития в Беларуси современной антропологической концепции права.

Ключевые слова: общая теория права; методология права; постклассическая юриспруденция; антропология права.

1. Постсоветский период развития общетеоретической юриспруденции имеет свои особенности формирования, познание которых важно и для общей теории права, и для всех юридических наук. Различие этапов формирования постсоветской общетеоретической юриспруденции важно для верной постановки задач, выявления актуальных проблем, выбора методологии познания. Общетеоретическое мышление о праве позволяет увидеть закономерности развития последнего в ракурсе, который недоступен либо затруднен для понимания на основе методологических ресурсов отраслевых юридических наук. Меж- или даже транс-дисциплинарность современных общетеоретических исследований о праве позволяет синтезировать дискурсы не только различных дисциплинарных блоков правовой науки, но и всего социогуманитарного поля, что в современных реалиях является важнейшим условием успешного научного исследования. Кроме того, «возвращение» ценностного фактора в проведение научных исследований в форме правовой идеологии также указывает на необходимость иметь общетеоретическую картину правовой действительности и правового дискурса, с которыми имеет дело ученый.

2. Несмотря на то, что постсоветское правоведение уже 25 лет развивается в условиях новой политико-правовой реальности, до настоящего времени в общей теории права остается актуальной необходимость утверждения *принципа методологического плюрализма*. Согласно нему, для эффективного развития юридической науки конструктивную роль играет наличие не одной, а нескольких конкурирующих правовых теорий, концепций, подходов, которые в правовом познании выступают относительно друг друга в качестве взаимодополнительных. Это соотносится с признанием в современной методологии науки гетерогенности познавательной деятельности, означающей «отказ от позиции монологизма в интерпретации рационального познания» [1, с. 143–144].

Принцип методологического плюрализма все больше утверждается в теоретико-правовых исследованиях и становится методологической нормой [1, с. 256–261; 2]. При этом методологический плюрализм не означает утверждения волюнтаристского релятивизма: напротив, сосуществование нескольких конкурирующих концепций, включающих собственные аргументированные позиции, позволяет глубже познать предмет исследования, представив его многоаспектно.

Безусловно, методологический плюрализм непосредственно связан с типами правопонимания, которые не исследуются отраслевыми юридическими науками. Однако правопонимание – это ключевой элемент познания права, следовательно, и воздействия на правовую действительность, на правовое регулирование общественных отношений. Тот факт, что в правовом порядке действует конституция, в которой утвержден приоритет прав и свобод человека в качестве высшей ценности общества и государства, в которой установлена система конституционного контроля и институт конституционной жалобы, закреплён принцип верховенства права и т.д., свидетельствует о том, что на государственном уровне в рамках официального правоприменения признается *естественно-правовой тип правопонимания*. Это, однако, не означает резкого различия права и закона, радикальной проблематизации позитивного права, невнимания к источникам судебного права. В каждом правовом порядке создается своя, уникальная система факторов и условий формирования и реализации права, которые в итоге влияют на модель правопонимания, признанную и поддерживаемую обществом и государством. Однако важно, чтобы в юридической практике не закреплялся пессимизм относительно сущностных основ права, выявляемых в рамках различных концепций правопонимания, чтобы практик не мыслил в рамках методологического монизма, не замыкался на понимании права только как системы норм позитивного права. Акцент правоприменителя на правопонимании не означает игнорирование принципа законности. Вопрос о понимании права (абстрактного в определенной сфере регулирования и конкретного) всегда оказывается актуальным при внесении изменений либо при разработке новых нормативных положений практически в любой сфере правовой регламентации. Кроме того, как показывает складывающаяся практика рассмотрения индивидуальных жалоб Конституционным Судом Республики Беларусь, даже при повседневном, типичном правоприменении возможно избежать неконституционной практики правореализации, если формировать правильное понимание права.

3. Второй тенденцией развития современной отечественной общей теории права является наличие *новых возможностей по разработке методологии общетеоретической*, а также *и отраслевой юриспруденции* в связи с кризисными явлениями в западноевропейском социогуманитарном знании, в том числе и с кризисом в сфере юриспруденции. В 1990-х гг. эта возможность по объективным причинам была недоступна и непрозрачна для отечественного правоведения, возможности ее использования появились лишь в начале 2000-х гг. после некоторого «отрезвления» от некритического восприятия западноевропейских либерально ориентированных правовых концепций и методологии права. В этой связи упомянем Г. Дж. Бермана, который, характеризуя негативные тенденции в западной традиции права, указывал на факт «...беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права – не только так называемые либеральные концепции последних

нескольких столетий, но и сама структура западного правового порядка, корни которого находятся в XI и XII вв.» [4, с. 48].

Социогуманитарный кризис западного мира, сопровождающийся негативными явлениями в сфере политико-правовой теории и практики, имеет культурно-исторические истоки и во многом связан с особенностями формирования методологии эпохи Нового времени. В современной юридической литературе неоднократно указывалось на его проявления [см.: 5–7]. Правовые и социально-политические проблемы, вызванные кризисом идентичности, проблемой мультикультурализма и связанной с ней проблемой мигрантов, стагнацией институтов международного права, политизацией учения о права человека и т.д. дают основание более критично отнестись к концепциям, сформированным на базе политико-правовых ценностей западной цивилизации. А. Н. Медушевский, связывая кризис западного права с процессами глобализации, указывает на его проявления «практически во всех значимых областях жизни: разрушении исторически сложившейся системы международного права; растущем конфликте международного и национального права и деформации последнего под влиянием интеграционных процессов (размывание понятия суверенитета)... эрозии традиционной, культурной, религиозной и национальной идентичности в современной Европе, проблемы которой оказывается трудно разрешить в рамках прежней демократической легитимности и доктрины прав человека» [8, с. 89]. И. Л. Честнов, характеризуя влияние западной правовой идеологии на другие правовые порядки, отмечает ее мифологический характер: «в силу экспансии Европы эти мифоидеологемы... насаждаются всему остальному миру, выдаваясь за универсальные, единственно-пригодные естественно-правовые ценности...» [9, с. 351–352]. Характеризуя практику деятельности Европейского Суда по правам человека, М. Н. Марченко указывает на усиливающиеся тенденции политизации деятельности данного органа, наличие проблем, связанных с независимостью и беспристрастностью судей [10, с. 9].

Осознание противоречий в современном западном правовом порядке и науке дает возможность более внимательно *проанализировать собственные цивилизационно-культурные основания правового познания, обратиться к собственной правовой традиции*, не отказываясь при этом от возможности конструктивного использования критического инструментария современной западноевропейской юриспруденции. Именно поэтому в два последних десятилетия отечественное юридическое сообщество все больше начинает обращать внимание на недостатки и риски, которые содержат в себе правовые заимствования. Это отражается как на уровне правовой доктрины, так и на уровне законодательства, определения основных направлений правовой политики Республики Беларусь, что нашло отражение в том числе в Концепции правовой политики Республики Беларусь. Разработку методологии права с учетом собственных цивилизационно-культурных оснований еще предстоит осуществить.

4. Социогуманитарный кризис в западной культуре серьезно повлиял на переосмысление классической новоевропейской методологии права эпохи Нового времени. Кризис западноевропейского общества, особенно в ценностно чувствительных областях (трансформация понятия традиционной семьи, брака, отмена половой идентификации с ее заменой на гендерную и т.д.) указывал и на кризис методологии познания. В социогуманитарном знании этот кризис в целом обозначается как *кризис классического типа рационально-*

сти и рассматривается в контексте формирования иных типов рациональности – неклассического и постнеклассического [11, с. 362]. Основная разграничительная линия между типами рациональности проходит между классическим и следующими за ним типами рациональности. Главным отличием классики от неклассического и постнеклассического типов рациональности является отсутствие в классическом типе фиксации субъектных установок и учета ценностей человеческой размерности знания [12, с. 147–148]. Для правоведения, которое институционализировалось в рамках классического, буржуазного типа рациональности, принципиально важно отличать классику и те направления, которые формируются на отличных от нее основаниях.

Сопоставляя категории «тип научной рациональности» и юридическую категорию «тип правопонимания», следует указать, что последняя как внутриюридическое описание права всегда соотнобразуется с определенным типом научной рациональности как с более широким познавательным контекстом. Тип научной рациональности представляет собой методологическую среду, в рамках которой развиваются все системы знания, в том числе юридическое. Учитывая, что всякое общетеоретическое юридическое исследование предполагает использование того или иного методологического подхода, на основе которого оно осуществляется, *теоретику права необходимо учитывать исторические и цивилизационно-культурные условия, в которых этот подход сформировался.*

Данное требование познания приобретает важнейшее значение при разработке общетеоретических правовых концепций. Учет условий формирования методологического подхода в рамках определенного типа научной рациональности позволяет нивелировать исторические и цивилизационно-культурные особенности и осуществить критическую саморефлексию, поскольку каждый тип научной рациональности формирует свойственные ему черты методологических подходов.

5. Современная методологическая ситуация в общеправовой теории отличается возможностью исследователя в рамках методологического плюрализма избрать методологию, разработанную в рамках любого типа научной рациональности. В связи с этим правомерен вывод о том, что *в современной теории права сосуществуют классические и постклассические правовые концепции и подходы к познанию права.* Это важная тенденция и особенность развития современной науки о праве.

В современной общей теории права принято выделять не три типа правопонимания, соответствующих трем типам научной рациональности, а два – *классический* и *постклассический* [см.: 13]. Хотя такое выделение является условным и отражает методологию, на основании которой разрабатывается та или иная правовая концепция, тем не менее, в отношении вопроса о понимании права оно является существенным. В связи с тем, что юридическая традиция в основном сформировалась на базе классических методологических концепций эпохи Нового времени, правовые концепции, которые основываются на иных методологических основаниях, принято относить к *постклассическим*, т.е. разработанным в период, следующий за классической буржуазной политико-правовой эпохой. В постклассических правовых концепциях пересматриваются методологические подходы правового познания на основании использования постклассической методологии, а также предпринимается попытка представления и понимания правовой реальности с позиции другого, отличного от классического, методологического языка. Методологиче-

ской основной постклассического правового мышления выступают, соответственно, философско-методологические концепции герменевтики, феноменологии, экзистенциализма, постструктурализма, антропологии и др., которые либо отдельные элементы которых адаптируются к целям правового познания.

Выделение классических и постклассических традиций правового познания не обуславливает их жесткого противопоставления, тем более обличения их отношений в конфликтную форму. Следует учитывать, как преемственность юридического знания, так и его развитие соответственно изменениям, происходящим в методологии научного познания и в правовой действительности. Формирование постклассических правовых концепций и в целом постклассического правоведения связано с объективным развитием методологии юриспруденции и не связано с модой на инновации, как это иногда воспринимается в литературе.

6. Важной тенденцией развития постклассических правовых концепций является использование *идеи человекомерности (человекоразмерности) правовой реальности*, которая в современной эпистемологии характеризуется в трех аспектах: понимание мира и всех его элементов как мира человека; понимание человека как меры, а не как исключительно рационального субъекта познания, что предполагает включение целей, ценностей (культурных, социальных и др.), личных качеств человека в предмет исследования; личностное осознание и освоение идеалов научной истины, включая принятие личной ответственности за следование этому идеалу и освоение ценностей наивысшего уровня [14, с. 229–231].

В отечественной фундаментальной юриспруденции идея человекомерности права разрабатывается в рамках *антропологии права* как постклассической правовой концепции [15; 16]. Ее основные положения, наряду с постклассическими разработками других современных белорусских правоведов-теоретиков права, формируют отечественную традицию развития фундаментальной юриспруденции.

Библиографический список

1. Швырев, В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность / В. С. Швырев. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.
2. Веденеев, Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм : моногр. / Ю. А. Веденеев. – М. : Проспект, 2022. – 328 с.
3. Фролова, Е. А. Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права / Е. А. Фролова // Правосудие. – 2021. – Т. 3. – № 3. – С. 17–32.
4. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М. : Изд-во МГУ, ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – 622 с.
5. Калинин, С. А. Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и стратегия развития / С. А. Калинин, В. И. Павлов, С. М. Сивец // Весці Нац. Акад. навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2014. – № 2. – С. 83–88.
6. Савенков, А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : моногр. / А. Н. Савенков. – М. : Проспект, 2020. – 446 с.
7. Бабурин, С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма / С. Н. Бабурин. – М. : Норма, 2020. – 535 с.
8. Медушевский, А. Н. Кризис права как проблема теоретической юриспруденции / А. Н. Медушевский // Право и общество в эпоху перемен : материалы философско-правовых

чений памяти акад. В. С. Нерсисянца ; Отв. ред. В. Г. Графский, М. М. Славин. – М. : Ин-т гос. и права РАН, 2008. – С. 89–112.

9. Честнов, И. Л. Постклассическая теория права : моногр. / И. Л. Честнов. – СПб. : Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.

10. Марченко, М. Н. О юридической природе и характере решений Европейского Суда по правам человека / М. Н. Марченко // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 2016. – № 2. – С. 5–22.

11. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

12. Бабосов, Е. М. Постнеклассическая наука и поливероятностная интерпретация антропного космического принципа / Е. М. Бабосов // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина / редкол. : А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – С 147–153.

13. Лапаева, В. В. Типы правопонимания : правовая теория и практика : моногр. / В. В. Лапаева. – М. : РАП, 2012. – 577 с.

14. Мелков, Ю. А. Человекомерность постнеклассической науки : моногр. / Ю. А. Мелков. – К. : Издатель Парапан, 2014. – 254 с.

15. Павлов, В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : моногр. / В. И. Павлов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 560 с.

16. Павлов, В. И. Антропологическая концепция права в современном фундаментальном правоведении: теоретико-методологическое содержание и инструментальное значение : моногр. / В. И. Павлов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2025. – 622 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. Е. Побережная

*заместитель декана юридического факультета
Белорусского государственного университета
по учебной работе и образовательным инновациям,
кандидат политических наук, доцент
olga14021977@gmail.com*

В статье рассматривается сущность, роль и значение профессиональных стандартов, необходимых для поддержания высокого уровня квалификации и компетентности в области юридической деятельности, обеспечения доверия государства и общества к юридической профессии. Отдельное внимание уделяется основным компонентам профессиональных стандартов. Анализируются современные вызовы, такие как цифровизация и изменение запросов государства и общества, которые диктуют необходимость постоянной адаптации и развития профессиональных стандартов. Определяется стратегическая значимость профессиональных стандартов для устойчивого развития юридической профессии исходя из целей и задач развития белорусского государства.

Ключевые слова: Национальная система квалификаций; секторальный совет квалификаций; профессиональные стандарты; юридическая профессия; юридическая этика; компетентность; правовое регулирование; цифровая трансформация.

Беларусь в соответствии со Стратегией совершенствования Национальной системы квалификаций Республики Беларусь (далее – Стратегия) [1] определены цели, задачи, направления и этапы выполнения работ по формированию новой модели Национальной системы квалификаций (далее – НСК) с учетом международной практики в этой области, в частности опыта Российской Федерации, Республики Казахстан и т.д. Созидаемая система НСК основывается на действующей системе квалификаций и предполагает поэтапное внедрение в нее следующих элементов: профессиональных стандартов, вместо действующих тарифно-квалификационных (квалификационных) характеристик, Секторальных советов квалификаций¹, Национальной и секторальных рамок квалификаций и т.д., что позволяет обеспечить преемственность действующей и новой систем квалификации, их одновременное существование на этапах перехода к актуальной национальной модели НСК².

¹ Секторальный совет квалификаций – постоянно действующий коллегиальный орган, работа которого основана на принципах добровольности, самоуправления, самостоятельности в принятии решений в пределах своей компетенций.

² На 1 сентября 2025 г. в Республике Беларусь действует 21 Секторальный совет квалификаций при министерствах, ведомствах, государственных организациях и государственных концернах, в том числе Секторальный совет квалификаций при Министерстве юстиции (создан приказом Министерства юстиции от 29 января 2021 г. № 9.). 27 апреля 2021 г. состоялось первое заседание Секторального совета квалификаций при Министерстве юстиции Республики Беларусь, на котором было принято решение о разработке профессионального стандарта «Деятельность по принудительному исполнению исполнительных документов». На данный момент действующие профессиональные стандарты в сфере юридической деятельности в нашей стране отсутствуют.

НСК представляет собой совокупность институтов, инструментов и механизмов, обеспечивающих взаимодействие рынка труда, системы образования и обучения. Важнейшим инструментом НСК являются *профессиональные стандарты*, поскольку они обеспечивают тесную связь, нелинейное сопряжение, между потребностями рынка труда, системы государственного управления в соответствующих квалификациях и их подготовкой в системе образования, компетенциями, заложенными в *образовательные стандарты*. Профессиональные стандарты помогают установить единые требования и критерии для специалистов, обеспечивая высокий уровень компетенции и эффективности работы. Одной из основных задач профессиональных стандартов является регулирование и упорядочение деятельности специалистов в конкретной области знаний и навыков. Они определяют не только требования к уровню знаний и опыта специалиста, но и стандарты ведения деловой коммуникации, этики и профессионального поведения.

Профессиональный стандарт по сути – это характеристика содержания трудовых функций и требования к квалификации работников, необходимой для их выполнения [2]. Он определяет не должности и даже не профессии, а *область экономической, профессиональной, трудовой деятельности*, что делает его более универсальным инструментом обеспечения профессии квалифицированными и компетентными кадрами.

Особую актуальность разработка профессиональных стандартов имеет для юридической профессии. В рамках Главы 4 Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь была предусмотрена «разработка отраслевой рамки квалификаций в сфере юриспруденции, соответствующей Национальной системе квалификаций, профессионального стандарта юриста». Планируемым результатом реализации данной задачи должны были стать профессиональные стандарты юриста, включающие социально обусловленные новые компетенции и определяющие образовательные стандарты и компетентностные модели на всех уровнях непрерывного юридического образования с целью формирования современного юриста, обладающего актуальными новыми компетенциями, т.к. профессиональные стандарты в юридической деятельности выступают не только как свод правил, но и как фундамент, на котором строится доверие государства и общества к юридической профессии.

Сущность профессиональных стандартов юриста заключается в установлении рамок допустимого и обязательного профессионального поведения, обеспечивая единообразие и предсказуемость в юридической практике, защите законных прав и интересов, гарантии высокого качества юридических услуг и профессионализма специалистов. Стандарты призваны стимулировать постоянное профессиональное развитие, обучение и адаптацию к новым условиям, формирование положительного имиджа всей юридической профессии в нашей стране. Основными компонентами профессиональных стандартов юриста являются: требования к компетентности (знания, в том числе углубленные и междисциплинарные, навыки – коммуникативные, исследовательские, практические, в том числе использование современных технологий); наличие практического опыта работы, подтверждающего способность применять знания и навыки в реальных ситуациях; *непрерывное образование* как обязанность постоянно повышать квалификацию, следить за изменениями в законодательстве и развитии правовой мысли. Важным компонентом также являются этические принципы юридической профессии такие как, добросовестность и честность, компетентность, соблюдение требований корпоративной культуры, профессиональная ответственность, гражданственность и патриотизм.

Современный мир ставит перед юридической профессией серьезные вызовы, в том числе развитие правоотношений в рамках международных союзов и организаций (Союзное государство, ЕАЭС, ШОС и т.д.), в которые входит Беларусь, требует от юристов понимания различных правовых систем, а также возможности осуществлять деятельность не только в пределах национальных юрисдикций. Цифровая трансформация и развитие технологий, в первую очередь: появление ИИ, блокчейна, больших данных и других цифровых инструментов, что кардинально меняет подходы к юридической работе и стимулирует развитие новых отраслей права. Профессиональные стандарты должны адаптироваться к этим изменениям, включая требования к цифровой грамотности юристов, этическим аспектам использования ИИ в юридической практике (например, ответственность за ошибки ИИ, конфиденциальность данных), а также к кибербезопасности.

Углубление специализации в праве (IT-право, экологическое право, спортивное право), что требует разработки более детализированных стандартов для каждой области. Одновременно растет потребность в междисциплинарных знаниях, что влечет за собой необходимость включения в стандарты требований к пониманию смежных наук.

Профессиональные стандарты должны учитывать роль юристов в обеспечении доступа к правосудию для всех слоев населения, включая развитие *pro bono*¹ деятельности и оказание бесплатной юридической помощи, предусмотренное, например, в адвокатской деятельности.

Перспективы развития профессиональных стандартов в нашей стране связаны с их постоянной адаптацией к этим вызовам. Разработку гибких, но четких стандартов, способных к быстрой актуализации, интеграцию требований к цифровым компетенциям и этике использования технологий, повышение значимости непрерывного профессионального образования как инструмента поддержания актуальности компетенций юристов. Задача разработки и внедрения профессиональных стандартов юриста остается актуальной и востребованной для развития юридического образования в Республике Беларусь в настоящее время исходя из стратегических целей и задач развития современного белорусского государства, обозначенных в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и Концепции правовой политики Республики Беларусь.

Библиографический список

1. О стратегии совершенствования Национальной системы квалификаций Республики Беларусь : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24 октября 2018 г. № 764 : в ред. от 17 мая 2022 г. № 311; от 6 февраля 2024 г. № 88; от 5 декабря 2024 г. № 906. – URL: https://нск.бел/media/law_documents/2025/02/Об_утверждении_Рекомендаций_по_применению_профессиональных_стандартов.pdf (дата обращения: 30.08.2025).

2. Общие положения Единого квалификационного справочника должностей служащих (в редакции постановления Министерства труда и соц. защиты Республики Беларусь от 22 июля 2021 г. № 55) – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22137120p> (дата обращения: 30.08.2025).

¹ Pro bono (с лат. «ради общественного блага») – безвозмездное оказание профессиональной помощи, как правило, юридическими или другими специалистами, благотворительным, общественным организациям или малоимущим людям, которые не могут оплатить услуги.

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРЕРЫВНОСТИ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т. Н. Пунько

*заместитель директора по учебной работе Института переподготовки
и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений
юстиции Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
tanya_punko@mail.ru*

Статья отражает современное состояние дополнительного образования взрослых в контексте повышения квалификации юридических кадров. Проводится анализ формальной структуры системы дополнительного юридического образования, рассматриваются вопросы содержания программ повышения квалификации юридических кадров. Подтверждается взаимное влияние высшего образования на содержание и всю систему образовательных программ дополнительного юридического образования. Сделаны предложения по развитию дополнительного юридического образования в рамках анализа реализации Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 г. и подготовки нового концептуального документа в этой сфере.

Ключевые слова: дополнительное образование взрослых; дополнительное юридическое образование; непрерывность образования; переподготовка; повышение квалификации.

Принцип непрерывности образования реализуется через возможность получать образование и повышать профессиональный уровень граждан на протяжении всей жизни. Непрерывность образования рассматривается в психолого-педагогической литературе как непрекращающееся развитие человека через призму прохождения последовательных этапов профессионального и личностного развития. При этом переход на каждый новый этап создает предпосылки для перехода на более высокий уровень развития, транслируя новую профессионально-значимую информацию и приращение новых знаний, навыков и умений [1, с. 20].

В полной мере эти подходы применимы и к системе юридического образования. С точки зрения формы реализации принципа непрерывности юридического образования оно представлено следующими структурными элементами: среднее специальное образование; высшее образование (общее высшее образование при реализации образовательной программы бакалавриата; углубленное высшее образование при реализации образовательной программы магистратуры, специальное высшее образование при реализации непрерывной образовательной программы высшего образования, направленное на подготовку специалистов с присвоением квалификации и степени «Магистр»); дополнительное образование взрослых.

Важно отметить, что если на получение средне-специального и высшего образования отводится период времени 5–7 лет, то профессионально расти специалисту необходимо последующие 30–35 лет.

Длительность периода получения профессионального образования, узкоспециализированный характер необходимой информации, высокая степень практикоориентированности – все эти качества дополнительного образования свидетельствуют о существенной роли дополнительного образования взрослых в системе юридического образования. Более того, важно отметить, что для большинства юридических профессий непрерывное образование и повышение профессионального уровня – это не столько право, сколько обязанность. Так, например, повышение профессионального уровня судьи, адвоката, прокурорского работника может и должно рассматриваться как его личный вклад в повышение эффективности правосудия.

В Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г., определена цель развития дополнительного образования взрослых – постоянное повышение качества непрерывного образования, обеспечение роста конкурентоспособности специалистов на рынке труда.

Дополнительное юридическое образование в соответствии с Концепцией развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 г. определено как дополнительное образование специалистов, занятых профессиональной юридической деятельностью, обеспечивающее их профессиональное совершенствование, освоение новых методов, технологий и элементов профессиональной деятельности, формирование профессиональных навыков, а также присвоение квалификации «Юрист» либо иной квалификации, основной частью которой является квалификация «Юрист», на уровне высшего образования.

В настоящее время дополнительное юридическое образование обеспечивается через реализацию образовательных программ повышения квалификации руководящих работников и специалистов, переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, стажировки, специальной подготовки, необходимой для занятия отдельных должностей, стажировки, а также обучающих курсов дополнительного образования взрослых. Так, по состоянию на 1 июня 2025 г. по направлению 0421 «Право» в ОКРБ 011-2022 «Специальности и квалификации» включены пять специальностей переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование: 9-09-0421-01 Правоведение; 9-09-0421-02 Экономическое право; 9-09-0421-03 Спортивное право; 9-09-0421-04 Международное право; 9-09-0421-05 Социальное партнерство и право. По всем специальностям разработаны и утверждены образовательные стандарты.

Наиболее востребованными являются образовательные программы повышения квалификации, которые реализуются учреждениями дополнительного образования взрослых (структурными подразделениями учреждений высшего образования), иными организациями, осуществляющими образовательную деятельность, реализующими образовательные программы дополнительного образования взрослых (ст. 246 Кодекса Республики Беларусь об образовании).

Учреждение образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» (далее – Институт) является ведущим учреждением дополнительного образования взрослых в сфере образования по профилю образования Е «Коммуникации. Право. Экономика. Управление. Экономика и организация производства» и направлению образования 042 «Право» ОКРБ 011-2022.

Учреждения образования, подобные Институту, имеющие целью обеспечение непрерывной подготовки юридических кадров, существуют практически во всех странах, но функционируют в различном статусе: как самостоятельное учреждение образования, как структурное подразделение учреждений высшего образования либо как структура, созданная при определенном государственном органе (Верховном суде, Министерстве юстиции и т.д.) для узковедомственной подготовки кадров.

При формировании национальной системы непрерывной подготовки юридических кадров, как представляется, было принято правильное решение о нецелесообразности в масштабах государства создания нескольких ведомственных учреждений образования для обособленной подготовки судей, прокуроров, следователей и иных специалистов в сфере права, в связи с чем на Институт была возложена задача по осуществлению дополнительного образования всех категорий юристов [2, с. 14].

На сегодняшний день обучение в Институте проходят более 25 категорий слушателей, среди которых: кандидаты на должность судьи; судьи; специалисты судов по работе с обращениями граждан и юридических лиц; помощники председателей судов; заведующие канцеляриями, архивариусы, секретари судов; прокурорские работники; следователи Следственного комитета Республики Беларусь; руководители и работники органов принудительного исполнения; адвокаты и соискатели лицензии на осуществление адвокатской деятельности; лица, оказывающие юридические услуги, и лица, готовящиеся к сдаче аттестационного экзамена для получения свидетельства лица, оказывающего юридические услуги; нотариусы; руководители и работники органов, регистрирующих акты гражданского состояния; юрисконсульты; работники государственных органов и организаций, курирующие нормотворческую деятельность; сотрудники подразделений правового обеспечения органов пограничной службы и Вооруженных Сил Республики Беларусь; работники комиссий по делам несовершеннолетних; преподаватели правовых дисциплин; лица, оказывающие риэлтерские услуги, и лица, готовящиеся к сдаче аттестационного экзамена для получения свидетельства риэлтора; агенты по операциям с недвижимостью; лица, претендующие на получение свидетельства медиатора и медиаторы и др.

Институт не является монополистом на рынке образовательных услуг в сфере дополнительного юридического образования взрослых. Система учреждений, осуществляющих реализацию образовательных программ дополнительного образования взрослых включает ведомственные учреждения образования и учебные центры, например, ГУО «Центр подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров системы Госкомимущества», ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», УО «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», РУП по оказанию услуг «БелЮрОбеспечение», учебно-методические центры при Белорусской республиканской коллегии адвокатов (далее – БРКА) и Белорусской нотариальной палате (далее – БНП).

Учитывая данную тенденцию, Институт при организации своей деятельности совместно с заказчиками кадров и соответствующими учреждениями и центрами определяет новые формы взаимодействия, которые бы позволяли не только сохранять, но и наращивать количество обучающихся и перечень образовательных программ.

Например, для БНП и БРКА апробирована такая форма взаимодействия как организация однодневных обучающих курсов по актуальным вопросам развития законодательства и практики его применения [2, с. 15].

Говоря о совершенствовании системы юридического образования необходимо с уверенностью констатировать взаимное влияние основного высшего образования и дополнительного образования взрослых. Представляется, что на уровне основного высшего образования должна осуществляться фундаментальная, базовая подготовка по правовым дисциплинам, формирование у студентов понятий о системе права, общих и отраслевых принципах правового регулирования, основах правотворческой деятельности. Дополнительное юридическое образование направлено на подготовку юридических кадров, способных к профессиональной деятельности в условиях процесса глобализации и интенсивного экономического роста, для удовлетворения потребностей в них органов государственной власти и управления, судов, органов прокуратуры и иных правоохранительных органов. Организация процесса обучения должна проходить в тесном взаимодействии с организациями-заказчиками юридических кадров.

Концепцией развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г. в качестве основных задач дополнительного образования взрослых определены такие как: обеспечение соответствия содержания дополнительного образования взрослых требованиям потребителей и заказчиков образовательных услуг и обеспечение практико-ориентированного подхода при реализации образовательных программ повышения квалификации и переподготовки кадров.

Следует отметить, что решение данных задач уже активно ведется по несельским направлениям. Во-первых, это активное вовлечение в образовательный процесс заказчиков кадров, например, путем заключения двусторонних договоров о сотрудничестве с государственными органами и организациями, выступающими в качестве заказчиков кадров, а также договоров (соглашений, дорожных карт, меморандумов) с организациями иностранных государств о совместной деятельности в сфере образования. Во-вторых, это разработка учебных программ с учетом требований заказчиков кадров. В настоящее время расширяется практика нормативного закрепления обязательного согласования учебных программ обучающих курсов и повышения квалификации для отдельных специалистов с республиканским государственным органом, реализующим государственную политику в соответствующей сфере. Так, в соответствии с ч. 1 п. 3 ст. 14 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, как уполномоченный государственный орган по государственным закупкам, согласовывает образовательные программы дополнительного образования взрослых в сфере государственных закупок; в соответствии с п. 3 ст. 19 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2025 г. № 71-З «О риэлтерской деятельности» Министерство юстиции Республики Беларусь согласовывает учебно-программную документацию образовательной программы обучающих курсов для подготовки к аттестационному экзамену для получения свидетельства об аттестации риэлтора.

Улучшение системы подготовки юридических кадров – значимое направление развития системы юридического образования. Достижению соответствующих задач по со-

вершенствованию системы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава способствовало включение в перечень учреждений образования, в которых педагогические и иные работники государственных учреждений образования, проходят повышение квалификации и переподготовку за счет средств республиканского или местных бюджетов Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ [3].

В заключении важно подчеркнуть, что в каждом государстве в зависимости от социально-культурного, экономико-политического контекста складываются свои формы и способы дополнительного образования юридических кадров на протяжении их карьеры. Однако в процессе реализации образовательных программ дополнительного юридического образования обнаруживаются общие закономерности, позволяющие достичь принципа непрерывности образования. К числу таких закономерностей, определяющих тенденции эволюции дополнительного юридического образования, относятся его институционализация и профессионализация, а также разнообразие образовательных программ и методик обучения.

Библиографический список

1. Тригунова, Л. А. Дополнительное образование взрослых и высшее образование: пути взаимодействия / Л. А. Тригунова // Вышэйшая школа. – 2016. – № 1 (111). – С. 20–22.
2. Здрок, О. Н. Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ: 25 лет устойчивого развития / О. Н. Здрок // Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности в контексте функционирования национальной правовой системы: материалы Междунар. научно-практ. конф., посвящ. 25-летию Ин-та переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорус. гос. ун-та, Минск, 5–6 сент. 2024 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол. : М. А. Городецкая (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2024. – С. 12–19.
3. О повышении квалификации и переподготовке педагогических и иных работников в учреждениях образования: Пост. Министерства образования Респ. Беларусь, 12 янв. 2024 г., № 7 // ЭТАЛОН : информ.—поисковая система (дата обращения: 03.06.2025).

ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СТРАТЕГИЯ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

С. Е. Чебуранова

декан юридического факультета

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,

кандидат юридических наук, доцент

cheburanova_se@grsu.by

Статья посвящена проблемам высшего юридического образования, выявляются особенности его совершенствования, предлагается разработать стратегию развития юридического образования, обосновывается необходимость принятия новой Концепции юридического образования.

Ключевые слова: юридическое образование; стратегия, концепция юридического образования; образовательная среда; формы, методы и технологии обучения; цифровизация; применение искусственного интеллекта.

В современном мире высшее образование продолжает оставаться необходимым востребованным элементом социальной жизни, так как актуальным является формирование человеческого капитала, образованного и подготовленного для решения профессиональных задач в условиях конкуренции, социальной мобильности, изменения технологий и экономических моделей и других изменений.

Высшее образование продолжает оставаться социальным институтом, основой для трудоустройства для многих граждан, так как ряд должностей требует наличие высшего образования, но недостаточным для успешного трудоустройства ввиду отсутствия необходимых компетенций, неумения гибко адаптироваться к новым условиям. В условиях государственного заказа на подготовку специалистов важным условием является формирование модели специалиста-юриста с точки зрения работодателей.

Университетское образование характеризуется подготовкой специалистов, которые должны обладать широким спектром навыков и компетенций: самостоятельной работе с информацией, решении любой задачи в своей либо смежной области, экспертизе в своей области знаний и т.д. «В университете учат находить новые нестандартные решения, экспериментировать, обдуманно рисковать» [1].

Для высшего юридического образования характерными являются подготовка специалистов универсального профиля, т.к. последующее трудоустройство является весьма разнообразным с точки зрения сферы применения знаний и компетенций: правоохранительная, государственное управление, промышленные предприятия, аграрный сектор, социальная сфера и т.д.

Развитие юридического образования, с одной стороны происходит в рамках существующих тенденций развития образовательной среды: сокращение сроков обучения, усиление практикоориентированной подготовки, расширение целевого набора, проведение научных исследований инновационного характера, востребованных экономикой, цифровизация, усиление воспитательной функции в обучении, а, с другой стороны, в рамках особенностей, присущих именно высшему юридическому образованию. Актуаль-

ность совершенствования высшего юридического образования обусловлена значимостью той сферы, где будут работать выпускники: нормотворческая и правоприменительная, правоохранительная и формирование правовой культуры, и другие. Концепция развития юридического образования на период до 2025 г. выполнила свое предназначение и в настоящее время требует значительной модификации. Необходимо сформулировать стратегические цели высшего юридического образования, задачи, а затем выработать новую Концепцию юридического образования.

В качестве уровней использования понятия «стратегия» могут быть предложены следующие: 1. Стратегия как совокупность ориентации в дальнейшем, реализуемая в поведении. 2. Стратегия как система рационально обоснованных решений (этапов, шагов). 3. Стратегия как система действий [2; с. 160].

При определении стратегии развития юридического образования необходимо разработать данные уровни стратегии. На первом этапе определить цель юридического образования, ориентацию в будущем, далее выработать этапы достижения данной цели и предложить систему действий по достижению поставленной цели.

Одной из тенденций современного высшего образования в мире является сближение систем образования для целей академической мобильности студентов и преподавателей, организации совместных образовательных программ, сетевого обучения. Академическая мобильность и совместные образовательные программы позволяют расширить границы образовательной среды, обеспечить межкультурные коммуникации и продемонстрировать различные варианты и формы обучения. Увеличение сроков обучения в вузах в России до пяти лет вызывает определенные трудности при взаимодействии вузов двух стран по организации совместных образовательных программ и программ академической мобильности. Так как совместить образовательные программы по срокам обучения и в связи с этим с образовательными стандартами сложно как по формальным моментам, так и содержательно. Стратегия развития юридического образования могла бы определить цели и на основании их мероприятия по достижению данных целей: оставаться в рамках своих сроков обучения или заимствовать российский опыт, разрабатывать новые образовательные стандарты или ограничиться внесением дополнений в действующие, сокращать цифры приема на юридические факультеты или оставаться в рамках утвержденных, какие навыки и компетенции являются самыми востребованными с точки зрения работодателей и т.д.

Одной из составных частей стратегии может быть необходимость учитывать различные формы, методы, технологии обучения: индивидуализация обучения, проектное обучение, смешанное обучение, геймификация, междисциплинарный подход, кейс-метод и другие. Данные технологии способствуют развитию навыков исследования, командной работы, коммуникации и общения, решения комплексных задач, развития системного мышления, аналитических навыков, использование искусственного интеллекта, необходимые не только для юристов, но и для работников других сфер.

Кроме того, сегодняшние юристы не могут представить свою работу без справочно-правовых систем, которые позволили повысить уровень законотворчества и правоприменения, а также сэкономить огромное количество времени и сил профессиональных юристов. Справочно-правовые системы позволяют в несколько кликов получить полную фактуру по конкретному вопросу, сформировав подборку нормативно-правовых актов, судебной практики, доктринальных позиций. Правовая цифровизация транс-

формируются в официальные документы государственных органов не только предметно, но и содержательно. Поэтому подготовка юриста должна включать и формирование навыков «цифрового юриста».

Как верно полагает О.В. Танимов «в контексте права цифровизацию можно рассмотреть как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы. Она, можно сказать, стирает грани между отраслями права, ведь информация и технологии присутствуют уже в каждой отрасли. Они постепенно становятся общим знаменателем и способны определять единую логику права» [3; с. 11].

Отметим, что «юридические школы должны реагировать на вопрос о будущей роли профессии юриста, влиянии на нее технологического прогресса и автоматизации и, соответственно, определять содержание юридического образования» [4, с. 103].

Разработка стратегии развития высшего юридического образования позволит определить направления его развития с учетом как национальных потребностей в высококвалифицированных юридических кадрах, так и мировых тенденций и опыта подготовки специалистов. Интеграция высшего юридического образования в мировое образовательное пространство вряд ли может быть в том числе приоритетных целей развития, представляется, можно развивать интеграцию со странами-партнерами – на двусторонней либо трехсторонней основе, так как это позволит сохранить свои национальные особенности правовой системы и воспринять положительный опыт вузов стран-партнеров. Таким образом можно в качестве цели определить сближение юридического образования стран-партнеров. Кроме того, интеграция может быть достигнута и в отдельных сферах университетской деятельности.

В стратегии должны быть заложены риски, как внешней среды, так и внутренней, предусмотрена гибкость в адаптации к меняющимся условиям, учтены наиболее положительные и эффективные подходы различных систем подготовки юридических кадров.

Разработка и принятие новой Концепции развития высшего юридического образования будет являться необходимым условием для предназначения высшего юридического образования: создания условий для формирования компетентного всесторонне развитого специалиста, профессионала и патриота.

Библиографический список

1. Сущность университета // ОБРАЗОВАНИЕ.by. Образование и обучение в Беларуси. – URL: <https://obrazovanie.by/sandakov/sushchnost-universiteta.html> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Озерова, М. В. Образовательные стратегии студентов вузов: подходы к исследованию / М. В. Озерова // Изв. Уральского фед. ун-та. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2008. – № 3 (116). – С. 159–161.
3. Танимов, О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации / О. В. Танимов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т.15. – №2. – С. 11–18.
4. Вегера, И. В. Современные вызовы и перспективы развития высшего юридического образования / И. В. Вегера // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Юрид. науки. – 2021. – № 14. – С. 103–108.

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ И ПРЕПОДАВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. А. Чеботарева

*заведующий кафедрой «Правовое обеспечение государственного управления
и экономики» юридического института Российского университета транспорта,
доктор юридических наук, доцент
anna_galitskaya@mail.ru*

Исследуется проблематика развития системы высшего образования и преподавания государственного управления в условиях реформ, технологического развития и стремления к технологическому лидерству. Формулируется ряд выводов о тенденциях в развитии образовательных программ и преподавания государственного управления в условиях технологического развития и изменений в системе высшего образования.

Ключевые слова: технологическое развитие и лидерство; государственное управление; образовательные программы; система высшего образования.

Система высшего образования в целом, развитие конкретных образовательных программ всегда зависимы от выстраивания государственных стратегий и целевых установок, а в условиях цифровизации не только не снижается значимость реализуемых образовательных программ, но и повышается их зависимость от инновационных подходов, решения задач конкурентоспособности, овладения нужными профессиональными компетенциями, а сегодня и соответствия общему курсу на технологическое лидерство. Что осложняется в целом очередным периодом реформ, ожидаемой в России в 2027–2028 учебном году новой системой высшего образования.

Не вызывает спора тезис, что достижение технологического лидерства в свете реализации норм вступившего в силу Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» невозможно без тесного и продуктивного взаимодействия, партнерства высшего образования с государством и бизнесом. И университеты при этом не только должны стремиться становиться центрами научных разработок, но приоритетно решать задачу подготовки специалистов с востребованными компетенциями.

Можно поддержать позицию о том, что «цифровизация как фундаментальная основа для перехода человеческой цивилизации на очередной уровень промышленной революции формирует новую социальную и государственную информационную и телевизионную коммуникацию, в которой появляются цифровые технологии нового поколения («сквозные» цифровые технологии) для обслуживания и работы с которыми необходимы соответствующие цифровые навыки и новые рабочие специальности, а также значительные финансовые инвестиции по их созданию и внедрению» [1, с. 26].

Отметим ведущую роль участников программы «Приоритет-2030», ВУЗов, вносящих значимый вклад в развитие технологического лидерства. Проецируя будущую архитектуру образовательных программ и векторов преподавания государственного управления в условиях технологического развития и изменений в системе высшего образования, можно предположить, что тренд технологического развития очевиднее всего будет проявляться не столько в базовом высшем образовании, а в специализированном, к примеру, в различных вариациях программ магистратуры по управлению цифровизацией (или управлению цифровыми продуктами/сервисами), программ, ориентированных на подготовку специалистов, которые смогут полноценно занимать позиции менеджеров цифровых продуктов, владельцев продуктов, руководителей IT-проектов и других.

«На кадровую обеспеченность в сфере цифровых технологий влияют постоянно развивающиеся процессы информатизации и цифровой экономики. Это оказывает значимое влияние на спрос в отношении новых способностей и возможностей специалистов различных профессий в сфере информационных технологий» [2, с. 43]. Отметим, что уже и сегодня востребованы большинство таких образовательных программ, развитие которых только будет набирать обороты в условиях реформ, технологического развития и стремления к технологическому лидерству. Например, Российским университетом транспорта (МИИТом) успешно реализуется программа магистратуры 27.04.05 «Аналитика для цифровой трансформации на транспорте». Программа готовит специалистов в области управления современными цифровыми технологиями при разработке и внедрении инноваций в бизнесе. А, к примеру, многотрековая магистерская программа «Организация и управление цифровыми наукоемкими производствами» в Университете науки и технологий МИСИС готовит управленцев нового поколения, и предполагается, что выпускники востребованы в фармацевтике, биотехнологиях, инжиниринге и умном производстве. Управленцев, способных эффективно работать в цифровой среде государства и бизнеса, призвана готовить магистерская программа «Цифровое государство (стратегическое развитие информационного общества)» Президентской академии РАНХиГС. В Московском политехе реализуют программу (по направлению подготовки 27.04.02) – «Управление цифровой трансформацией (Управление качеством)». Российским университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы реализуется магистерская программа по направлению менеджмента – «Цифровые технологии в управлении». При этом при описании профессии подчеркивается, что общее количество вакансий по направлению цифровой трансформации только в Москве превышает 1200 на сайте hh.ru, что говорит о высокой потребности рынка труда в соответствующих специалистах, интересе работодателей и потенциальной востребованности выпускников, прошедших подготовку в рамках программы. Выпускники смогут претендовать на позиции: специалист по цифровой трансформации, менеджер по цифровой трансформации бизнеса, бизнес-аналитик, главный менеджер направления цифровой трансформации, эксперт по цифровой трансформации, руководитель проектов по цифровой трансформации. В свою очередь, в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина заявлена программа «Цифровой регион: управление цифровой трансформацией в государственном и корпоративном секторах». Программа рассчитана на подготовку экспертов по цифровому развитию и созданию «умных» территорий, а ее авторы уверены, что с распространением систем ис-

кусственного интеллекта и аналитики растет спрос на специалистов, обладающих навыками взаимодействия в онлайн-среде и способных к комплексному междисциплинарному видению перспектив устойчивого развития территорий. Задачи по цифровизации стоят в каждой сфере. И решать их могут только профильные специалисты: без людей никакие технологии внедряться не будут. Ряд программ отражают специализацию применительно к конкретной сфере. Приведенные примеры – лишь часть объемного «пула» уже разработанных и реализуемых российскими ВУЗами программ.

Очевидно, что в ближайшие годы будет наблюдаться развитие образовательных программ, в том числе и сфере государственного управления, в условиях технологического развития, а, учитывая происходящие изменения в системе высшего образования, можно предположить, что тренд технологического развития прежде всего будет проявляться в специализированном высшем образовании, усиливая профильность выпускаемых специалистов. При этом вовсе не исключается, а скорее предполагается развитие актуальных программ и в сфере базового высшего образования, к примеру, на уровне специалитета. Вызывает определенный оптимизм положительные тенденции, отмечаемые специалистами: «за последние несколько лет ученые все больше начали обращать внимание на цифровую экономику и заниматься исследованиями в данной области. Сегодня данная тема является достаточно популярной и в государственных органах, в каждый из установленных для них периодов они отчитываются о программах цифровизации, которые они смогли успешно внедрить, появляется множество научных работ в данной области, а высшие учебные заведения внедряют в процесс обучения новые образовательные программы, а также возможности для дистанционного образования» [3, с. 16].

Библиографический список

1. Зайцев, И. А. Некоторые размышления о цифровизации как о новом социально технологическом феномене развития человеческой цивилизации / И. А. Зайцев // Административное право и процесс. – 2024. – № 6. – С. 22–26.
2. Пибаева, Е. А. Цифровое неравенство и его преодоление как гарантия равного доступа к образованию в Российской Федерации / Е. А. Пибаева // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 10. – С. 32–44.
3. Милосердов, А. С. Актуальные проблемы и вопросы предпринимательского права в эпоху развития информационных технологий / А. С. Милосердов // Безопасность бизнеса. – 2022. – № 6. – С. 16–19.

РАЗДЕЛ II

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342.5

СТАРАЖЫТНЫЯ ВЕЧА І «АБЛАСНЫЯ» СОЙМЫ XIII–XV СТСТ. ЯК ПЕРШЫЯ ІНСТЫТУТЫ НАРОДАЎЛАДДЗЯ І ПРАВАТВОРЧАСЦІ Ў БЕЛАРУСІ

Т. І. Доўнар

*прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
доктар юрыдычных навук, прафесар
dovnar-taisa@rambler.ru*

Т. У. Іванова

*старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
my@tatsianaivanova.ru*

У працы разглядаюцца старажытныя веча і «абласныя» соймы XIII–XV стст. як праявы ранніх форм народнага ўдзелу ў палітычным жыцці Беларусі. Выяўляецца іх роля ў фарміраванні інстытутаў народнай улады і праватворчасці, аналізуецца структура, функцыі і механізмы прыняцця рашэнняў у гэтых органах. Адзначаецца, што веча і соймы заклалі аснову для далейшых форм прадстаўнічага ўдзелу і развіцця прававых норм у беларускім грамадстве.

Ключавыя словы: старажытнае веча; абласныя соймы; народная ўлада; праватворчасць; самакіраванне.

В статье рассматриваются древнее вече и «областные» соймы XIII–XV веков как проявления ранних форм народного участия в политической жизни Беларуси. Раскрывается их роль в формировании институтов народной власти и законотворчества, анализируются структура, функции и механизмы принятия решений в этих органах. Отмечается, что вече и соймы заложили основу для дальнейших форм представительного участия и развития правовых норм в белорусском обществе.

Ключевые слова: древнее вече; областные соймы; народная власть; законотворчество; самоуправление.

Гістарычныя дакументы сведчаць, што з даўніх часоў насельніцтва старажытных беларускіх княстваў-дзяржаў (Полацкай, Віцебскай, Смаленскай і інш.) збіралася для вырашэння важных жыццёвых пытанняў на агульныя сходы. Часцей за ўсё яны склікаліся з мэтай выбарання князёў, вырашэння пытанняў вайны і міру, прызначэння падаткаў.

Увогуле сістэма органаў дзяржаўнай улады ў старажытных беларускіх дзяржавах уяўляла сабой сукупнасць трох асноўных інстытутаў: князя, княжацкай рады і веча, якія

ў сваёй функцыянальнай дзейнасці ў значнай ступені залежалі адзін ад другога. Пры гэтым паўнамоцтвы князеў знаходзіліся ў асноўным у сферы выканаўча-распарадчай дзейнасці і яны амаль не валодалі правам прыняцця новых законаў. Такое права прызнавалася звычайна ў большасці за калегіяльнымі органамі і перш за ўсё за веча, якое і было на той час галоўным заканадаўчым органам. Як адзначаў А. Е. Праснякоў, князь – гэта «вождь и организатор народного ополчения, глава общего управления землей, защитник от внешней опасности и гарант внутреннего мира» [1, с.197]. Пры рашэнні ж галоўных дзяржаўных пытанняў князь вымушаны быў раіцца з «думчымі», «добрымі» мужамі, а з мэтай падтрымкі ўсяго насельніцтва – склікаць веча, у якім удзельнічала ўсё дарослае мужчынскае насельніцтва.

Письмовыя дакументы XIII–XV стст. сведчаць, што паўнапраўнымі ўдзельнікамі веча, якое найменавалася таксама на беларускіх землях словамі «снем», «капа», «купа» «сойм» і інш., звычайнае права прызнавала вольных мужчын – дамаўласнікаў, не падпарадкаваных сямейнай уладзе. Напрыклад, жыхары Друцка, запрашаючы да сябе князя Рагвалода Барысавіча, гаварылі: «Приезжай, князь, не мешкай, рады мы тебе; если придется, станем биться за тебя и с детьми» [2, с.517]. Адсюль відаць, што бацькі рашалі і за паўналетніх дзяцей, якія ўжо былі здольныя ваяваць за інтарэсы князя.

На той час удзел у палітычным жыцці дзяржавы ўсіх паўнапраўных людзей з’яўляўся неабходнай умовай для належнага функцыянавання старажытнай дзяржаўнасці. Пры невялікім службовым апарате органы ўлады змушаны былі пастаянна шукаць падтрымкі ў насельніцтва і ўсё важныя пытанні дзяржаўнай палітыкі вырашаць толькі з яго згоды. Аднак, галоўнае месца на вечавых сходах з цягам часу пачало належыць феадальным вярхам. Рашэнні і пастановы пачалі прымацца часцей за ўсё па іх прапанове і жаданні, хоць і вырашаліся пытанні пераважнай большасцю галасоў усіх прысутных на веча. Як правіла, пры разыходжанні меркаванняў прымалася рашэнне, за якое выказалася найбольш моцная частка вечавога сходу, якая была ў стане схіліць (або прымусіць) астатніх пагадзіцца з іх прапановай.

Веча збіралася ў вызначаных месцах: у больш старажытны перыяд часцей за ўсё на месцах паганскіх каповішчаў, пазней – каля царквы, на гандлёвых пляцах і інш. Як правіла, яно склікалася князем. Аднак веча лічылася правамоцным і тады, калі па якіх-небудзь прычынах збіралася стыхійна і не ў загадзя вызначаным (традыцыйным) месцы.

Нягледзячы на панаванне звычая ў старажытных дзяржавах, паступова павялічвалася роля пісаных законаў і ўзмацняецца праватворчая дзейнасць, аб чым сведчаць летапісы і іншыя гістарычныя крыніцы. Да нашага часу дайшла толькі невялікая частка самых старажытных пісаных помнікаў права Беларусі. Галоўным чынам гэта дагаворы аб палітыка-эканамічных адносінах беларускіх княстваў (Полацкага, Віцебскага, Смаленскага і інш.) з горадам Рыгай, саюзам прыбалтыйскіх гарадоў і нямецкімі купцамі [3, с. 11–12 і інш.]. Са зместу іх вынікае, што са старажытных часоў існавалі даволі ўстойлівыя гандлёвыя і дыпламатычныя сувязі паміж беларускімі княствамі і іншымі дзяржавамі, якія грунтаваліся на роўнасці правоў і абавязкаў іх удзельнікаў.

Кола пытанняў на веча не было строга азначана. Часцей вырашаліся найбольш важныя дзяржаўныя справы: абранне і зняцце з пасады (выгнанне) князя, прызначэнне на пасады вышэйшых службовых асоб і пазбаўленне іх гэтых пасадаў, пытанні вайны і міру,

міжнародныя адносіны, арганізацыя апалчэння і абароны, падаткі, важныя судовыя справы. На вечы маглі абмяркоўвацца і менш важныя пытанні. Пры гэтым часам вечы і без князя маглі вырашыць значныя дзяржаўныя пытанні, асабліва калі гэта тычылася вайсковых адносін з суседнімі землямі. Так, калі ў 1186 г. мяжу Полаччыны перайшлі войскі Смаленска і Ноўгарада, палачане, абмеркаваўшы сітуацыю на вечы, выбралі сваіх прадстаўнікоў, правялі перамовы і мірна ўрэгулявалі спрэчныя пытанні [4, с. 32].

Гісторыя існавання старажытных княстваў на Беларусі ведае перыяды, калі сістэма кіравання ў іх значна адрознівалася ад той, што склалася традыцыйна. Так, летапісы сведчаць, што некаторы час, пачынаючы з другой паловы XII ст., улада ў Полацку належала 30 «мужам», ці, як іх яшчэ называлі, «старцам». Напрыклад, у «Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай» утрымліваюцца звесткі «о полоцкой свободности або Венеции». Там гаворыцца, што палачане «в той час волно себе пановали и жадной зверхности над собою не мели, только 30 мужов с посродку речи посполитой своей на поточные sprawy судей и сенаторов прекладали... все збиралися; там и о справах своих, и о потребах речи посполитое и держав своих радили, бо держали на той час землю Рускую сами мещане полоцкие... взявши кшталт справованя речи посполитой от оных славных справ грецких афиненов...» [5, с. 20–21]. Падобна на тое, што гэта быў орган нахштальт «савету гаспод» Наўгародскай феадальнай рэспублікі. Тая ж хроніка гаворыць, што ў другой палове XIII ст. «полочане, гды ся в том Глебе остатный потомок князей полоцких з Литвы замкнул (бо без потомства умер), почали себе волно жити, а пана над собою не мели». Гэта значыць, што палачане самі без князя ў той час кіравалі ўласнай дзяржавай.

Паступова з узмацненнем расслаення грамадства і павелічэннем дзяржаўнага апарата змяншаецца значэнне простых людзей і ўзрастае роля кіруючых феадальных вярхоў, якім і належала праватворчасць. Менавіта таму вечы становіцца менш патрэбным і яго паступова перастаюць склікаць.

Пры гэтым вечы (соймы) на Беларусі працягвалі дзейнічаць і ў перыяд фарміравання Вялікага княства Літоўскага (далей – ВКЛ), у сувязі з чым вучоныя адзначалі, што агульнадзяржаўны (вальны) сойм, які склаўся значна пазней, вырас са старажытных вечавых сходаў.

На пачатковым этапе існавання ВКЛ, калі былыя старажытныя беларускія княствы і іншыя землі толькі пачалі кансалідавацца вакол Навагрудскага княства, тэрыторыя дзяржавы падзялялася яшчэ ўмоўна на землі цэнтральныя і прыслухоўваючыя. Менавіта больш на т.зв. прыслухоўваючых землях працягвалі дзейнічаць вечавыя сходы, а гэтымі землямі ў асноўным і былі старажытныя беларускія княствы, што ўваходзілі ў склад новай дзяржавы на пэўных ўмовах. Аб гэтым сведчаць летапісныя звесткі і першыя заканадаўчыя акты новай дзяржавы. Так, водгукі старажытных вечавых парадкаў і соймавых сходаў (мабыць, словы «снем», «сойм» азначалі «скапленне народу») бачны ў заканадаўстве ВКЛ і ў першую чаргу ў так званых абласных граматах.

Вялікія князі вымушаны былі выдаваць абласныя граматы пры ўваходзе зямель (княстваў) ў склад новай дзяржавы як неабходную ўмову ўзаемаадносін з насельніцтвам гэтых зямель. Аднак самыя першыя граматы да нашага часу не дайшлі. Захаваліся ў асноўным больш познія, пацвярджальныя граматы (Полацкай зямлі 1511, 1547, 1580, 1634 гг., Віцебскай зямлі 1503, 1509, 1561 гг., Смаленскай зямлі 1505 г.,

Драгічынскай зямлі 1511, 1547 гг. і інш.). Перш за ўсё гэтыя граматы мелі моц і значэнне старажытных мясцовых законаў. Таксама яны рэгламентавалі ўзаемаадносіны мясцовага насельніцтва з кіраўніцтвам ВКЛ і фактычна з’яўляліся вынікам кампрамісу паміж цэнтральнай уладай і жыхарамі гэтых старажытных княстваў. Так, вялікі князь абяцаў не ўмешвацца ў царкоўныя і судовыя справы гэтых зямель; павінен быў вызваліць жыхароў ад шэрага павіннасцей, прызнаваў за імі права свабоднага выезду з тэрыторыі дзяржавы, мог прызначаць ваяводу (замест былога мясцовага князя) са згоды насельніцтва і інш. Напрыклад, у Полацкай грамаце 1511 г. гаварылася: «Теж полочаном всем жити в Полоцку добровольно, покуль хто хочет; а будеть ли которому Полочанину от нас насильство, нам его силою не держати: ино ему путь чист, куды хто хочет, без каждое зацепки» [3, с. 107].

Наяўнасць грамат, якія мелі дзяржаўна-прававы характар, сведчыць аб асаблівым становішчы гэтых зямель. Многія палажэнні грамат гавораць аб захаванні пэўнай зямлі як адзінага цэлага, як адасобленай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі ў складзе ВКЛ. Так, Вялікі князь абяцаў Вялікі князь абяцаў не ўмешвацца ў царкоўныя справы гэтых зямель, не пасылаць жыхароў гэтых зямель на пагранічную службу, не змяняць падаткаў, вызваляў жыхароў гэтых зямель ад шэрагу павіннасцей, за баярамі і мяшчанамі гэтых зямель прызнавалася права свабоднага выезду і інш. Напрыклад, у Віцебскай грамаце 1503 г. гаварылася: «В подводы коней в городских людей и в поселских путных не брати» [3, с. 95]. Аналагічнае палажэнне мела месца і ў іншых абласных граматах. Напрыклад, у Полацкай грамаце было запісана: «А в заставу нам бояр и мещан Полоцких и поселских путников не посылати», «давати нам воеводу нашего Полочаном по их воли; а который будеть воевода наш нелюб им, и нам воеводу дати по их воли» [3, с. 106–107]. Несумненна, усе гэтыя нормы мелі канстытуцыйны характар.

Увогуле абласныя граматы сведчаць, што гэтыя землі былі аўтаномнымі ў складзе ВКЛ і карысталіся асаблівымі правамі і ільготамі. Аўтаномны характар зямельвыразна праяўляўся ў заканадаўчым замацаванні ў асноўным нормаў мясцовага звычайнага права. Пра гэта гаворыць і даволі працяглая дзейнасць мясцовых вечавых сходаў – соймаў, якія пазней сталі галоўным узорам для ўтварэння вальнага сойму. Менавіта перш за ўсё на землях былых старажытных княстваў ў складзе ВКЛ досыць доўгі перыяд часу існуюць і дзейнічаюць т.зв. «абласныя» соймы (веча) У склад іх уваходзілі не толькі не толькі вышэйшыя службовыя асобы гэтых зямель, буйныя землеўладальнікі, але і іншыя свабодныя людзі, у тым ліку і гараджане, чорныя людзі, слугі. Увесь склад сойма называўся «паспольства», а ў яго складзе былі мужы старыя (старэйшыя) і меншыя. Мясцовыя соймы са старажытнасці вырашалі пытанні аб кіраванні дзяржавай, прыняцці заканадаўства, разглядалі судовыя справы, фінансавыя, ваенныя і інш. Пэўны час «абласныя» соймы (веча) існуюць і дзейнічаюць побач з агульнадзяржаўнымі соймамі, на якіх вырашаюцца важнейшыя пытанні: міжнароднай палітыкі і ваенных саюзаў з іншымі дзяржавамі, выбараў новага князя, падаткаў і інш.

Увогуле ж мясцовыя («абласныя») соймы сталі ўзорамі для стварэння агульнадзяржаўнага, т.зв. вальнага сойма ВКЛ, які склікаўся першапачаткова як пашыранае пасяджэнне рады. Так, у дакументах XV – першай паловы XVI стст. ўсё часцей гаворыцца аб скліканні пашыраных пасяджэнняў рады, якія называюцца: («зупольная рада»,

«з'еханне», «с'нем», «сойм», а часам – вялікі сойм). Такія соймы збіраліся для вырашэння важнейшых спраў адносна кіравання дзяржавай, асабліва пасля таго як вялікія князі па традыцыі становіліся адначасова і каралямі Польшчы, перыядычна выезджаючы туды па справах, Ф. І. Леантовіч піша, што ва «удельную эпоху» дзейнічалі таксама соймы вялікіх і удзельных князёў па справах усіх, або некалькіх земляў, на якіх абмяркоўваліся галоўным чынам пытанні знешняй бяспекі. Напрыклад, саюз Княства з нямецкім ордэнам пры Міндоўгу і Вітаўце абмяркоўваў сойм, або ў 1379 г. мытны дагавор з крыжакамі абмяркоўваў сойм Ягайлы [6, с. 20–21]. Вучоны нават лічыць, што ў гэты перыяд існуюць і агульныя («вспольныя») соймы Вялікага княства з Польшчай, асабліва з пачаткам уній. У тым ліку і унія 1385 г. была заключана на агульным сойме, а з моманта заключэння Гарадзельскай уніі 1413 г. ўвогуле утвараюцца агульныя польска-літоўскія соймы. Ён адзначае і існаванне ў той перыяд ваенна-палявых або лагерных соймаў і прыводзіць прыклад 1432 г., калі быў заключаны дагавор з нямецкім ордэнам.

Аб пераўтварэнні ў перыяд вайны ваеннага лагера ў сойм піша і Н. А. Максімейка, які адзначае, што менавіта такі сойм адбыўся ў Навагародку ў 1502 г., у Менску – у 1507 г., у Віцебску – у 1562 г. і інш. Таксама навукоўцам выказана думка, што ва ўдзельную эпоху узніклі соймы паноў-рады, якія называліся «зуполная рада», «з'еханне», «сойм», дзеля разгляду судовых спраў і пытанняў адносна кіравання дзяржавай [7, с. 75]. Падставай узнікнення такіх соймаў ён лічыць заснаванне трыбуналаў і іншых шляхецкіх судов і адзначае, што ў Статутах 1566 і 1588 гг. аб асобных соймах паноў радных ужо не ўзгадваецца. Таксама Н. А. Максімейка на падставе аналізу матэрыялаў Літоўскай Метрыкі даказвае, што да канца XV ст. ў дзяржаве дзейнічалі толькі «абласныя» (мясцовыя) соймы – віцебскі, полацкі і інш. [7, с. 20, 75 і інш.].

Несумненна, кампетэнцыя агульнадзяржаўнага сойма выпрацоўвалася на працягу стагоддзяў пад уплывам практыкі дзейнасці «абластных соймаў». Сойм становіцца агульнадзяржаўным органам толькі тады, калі гэтыя землі падпарадкоўваюцца непасрэдна цэнтральнай уладзе і замест «абластных соймаў» узнікаюць мясцовыя шляхецкія соймікі, на якіх выбіраюцца па два дэлегаты (дэпутаты) ад павеятаў на вальны сойм.

Трэба адзначыць, што да сярэдзіны 60-х гг. XVI ст. не існавала ніякіх агульных законаў, якія б вызначалі склад соймавых «станаў». Асабісты склад вальных соймаў вызначаўся пры іх скліканні спецыяльнымі ўрадавымі распараджэннямі. Першы Статут ВКЛ 1529 г., як адзначаюць даследчыкі, толькі ўпамінаў пра сойм. А ўжо тыя змены, што адбыліся ў сацыяльна-палітычным і эканамічным жыцці дзяржавы ў 40–50-ых гадах XVI ст., запатрабавалі ўдасканалення дзейнасці сойма і ўнясення зменаў у заканадаўства. У лістападзе 1551 г. ў сувязі з просьбай дэпутатаў сойма вялікі князь Жыгімонт Аўгуст са згоды паноў рады вырашыў утварыць соймавую камісію з дзесяці асобаў (пяць католікаў і пяць праваслаўных) для перагляду Статута 1529 г. Перад імі ставілася задача тэкст першага Статута «добра обачити и разважити и выразумети то, чого бы потреба была прибавити альбо убавити, альбо отменити» [4, с. 124]. На сойме 1565 г. шляхта зноў падымала пытанне аб рэфармаванні сойма, адпаведна чаму Віленскі прывілей 1565 г. заканадаўча замацаваў правіла склікання павятовых соймаў за чатыры тыдні перад вальным соймам і абмеркавання на іх пытанняў, якія былі адзначаны ў вялікакняжацкіх лістах, а таксама выбары на сойм двух павятовых дэпутатаў [8, с. 15]. Дэпутатам, якія былі абраныя на павятовых соймах, даваліся пісьмовыя інструкцыі і даручэнні заяўляць і адстойваць на соймах тыя пытанні, якія былі вызначаны

на павятовых соймах. У выніку права заканадаўчай ініцыятывы, якое пэўны час належыла вялікаму князю і радзе, на падставе Віленскага прывілея 1565 г. і Статута 1566 г. надаецца сойму. Так, у ім гаварылася: «При том тежъ уставуемъ, съ призволенъемъ радъ нашихъ духовныхъ и свѣцкихъ и со всеми станы сойму належачыми, на теперешнем сойму великомъ Виленскомъ, хочеы то все мѣти вѣчными часы, ижъ маемъ мы и потомки наши Великіе Князи Литовскіе съ потребы Речи Посполитое за радою радъ нашихъ того жъ панства, або за прозбою рыцерства, складати сеймы вальныя въ томъ же панствѣ Великомъ Князствѣ Литовскомъ завжды, коли колко того будетъ потреба» [8, р. III, арт.6]. З гэтага часу на вальным сойме абмяркоўваліся кандыдатуры і выбіраліся вялікія князі, вырашаліся фінансавыя і падатковыя пытанні, міжнародныя справы адносна саюзаў, дагавораў, войнаў з іншымі дзяржавамі, разглядаліся некаторыя судовыя справы, а самае галоўнае – абмяркоўваліся і прымаліся заканадаўчыя акты.

Увогуле ўжо на стадыі свайго фарміравання агульнадзяржаўны сойм складаўся з трох частак (станаў): вялікага князя, рады і прадстаўнікоў шляхецкага саслоўя. Вучоныя разыходзяцца ў поглядах адносна паўнамоцтваў «станаў» і кампетэнцыі самога сойма. Так, Н. А. Максімейка лічыў, што вялікі князь і станы былі роўнамоцнымі бакамі, якія мелі патрэбу адзін у адным і таму шляхам узаемных саступак прыходзілі да пагадненняў і хаця не было прававаго прынцыпа аб вызначэнні таго, які бок павінен падпарадкоўвацца іншаму боку ў выпадку канфліктаў паміж імі, дзейнічаў рэгулярны фактычны – ваенная небяспека. Менавіта яна прымушала бакі саступаць адзін аднаму і шукаць кампраміс [8, с. 75 і інш.]. Хоць іншыя навукоўцы лічаць, што перавагу мелі князь і рада, на наш погляд, патрэбна ўлічваць час, калі адбываўся сойм, а таксама важнасць разглядаемага пытання.

У цэлым жа, сойм Вялікага княства Літоўскага як вышэйшы праватворчы орган дзяржавы фарміраваўся паступова на працягу XV – першай паловы XVI стст. на падставе дэмакратычных вечавых традыцый старажытных беларускіх княстваў і паралельна з працэсамі складання цэнтралізаванай дзяржавы і саслоўнага падзелу грамадства. Канчаткова была заканадаўча замацавана праватворчая функцыя сойма Статутам 1566 г., што потым было пацверджана потым Статутам 1588 г. Працяглая ў часе і даволі прадукцыйная дзейнасць соймаў ВКЛ і Рэчы Паспалітай сведчыць аб актыўных развіцці на землях Беларусі парламентарызму, канстытуцыйналізму і народаўладдзя.

Некалькі пазней, на наступных гістарычных этапах развіцця Беларусі вечавыя дэмакратычныя традыцыі, выпрацаваныя на вечавых сходах, абласных соймах, а потым – агульнадзяржаўных (вальных) соймах, пераемна ўспрымаліся новымі дзяржаўнымі органамі. У тым ліку ў савецкі перыяд, калі пачалі дзейнічаць з’езды саветаў рабочых, сялянскіх і салдацкіх дэпутатаў, а пазней саветы народных дэпутатаў і Вярхоўны савет БССР – тагачасныя паўнамоцныя, прадстаўнічыя органы народаўладдзя, якімі былі ўспрыняты дэмакратычныя прынцыпы дзейнасці папярэдніх органаў. Гэта тычыцца і сучаснага этапа развіцця Рэспублікі Беларусь. Менавіта лагічным працягам пераемнасці развіцця парламентарызму і народаўладдзя стала не толькі дзейнасць парламента Рэспублікі Беларусь, але і стварэнне Ўсебеларускага Народнага Сходу – новага канстытуцыйнага органа і важнейшага прававага інстытута ў структуры беларускай мадэлі дэмакратыі і механізма народаўладдзя.

Бібліяграфічны спіс

1. Пресняков, А. Е. Лекции по русской истории. Т.1. Киевская Русь / А. Е. Пресняков. – М. : Соцэкгиз, 1938. – 282 с.
2. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М., 1959. – Кн. 1. – Т. 2. – 811 с.
3. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права: Дапаможнік / Я. Юхо, А. Абрамовіч, Т. Доўнар, У. Сатолін. – Мінск : БДУ, 2000. – 127 с.
4. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т. І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
5. Хроника Литовская и Жмойтская... // Полное собрание русских летописей. – М., 1975. – Т. 32. – 234 с.
6. Леонтович, Ф. И. Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском / Ф. И. Леонтович // Журн. М-ва народного просвещения. – 1910. – № 2. – С. 23–274.
7. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. – Харьков : Типография А. Дарре, 1902. – 205 с.
8. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкал. Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.

О ЗНАЧЕНИИ МЕТОДОЛОГИИ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

И. А. Иванников

*профессор кафедры теории, истории государства и права
Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции,
доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор
freiheit2061@gmail.com*

Исследованы современные методы в теоретическом и практическом познании государственной власти, государства и права. Делается вывод, что знание иерархии методов и их правильное применение способствует реализации принципа перехода от абстрактного к конкретному в теоретическом познании государственных и правовых явлений.

Ключевые слова: методология; государство; государственная власть; право; понимание права; сила.

Проблема понимания государства, государственной власти и права имеет многовековую историю и во много зависит от методологии исследования. Большое количество определений государства и права свидетельствует не о кризисе юриспруденции, а о сложности изучаемых явлений. Г. И. Муромцев отмечал, что с распадом СССР изменился статус правовой науки, и Российское общество не было готово сразу воспринять нормы и ценности буржуазного права. Нужен был исторический переходный период [5, с. 8]. С позиций культурно-исторического (системно-культурного) подхода историческая типология государства и права характеризуется типологией трактовок государства и правопонимания, а потом лишь структурой этих феноменов, их механизмом действия. Г. И. Муромцев отметил, что современное право отражает разные стадии развития капитализма, оно сложилось на основе буржуазных отношений собственности. На его основе формируется концепция и конструкция прав человека [5, с. 13].

Цель статьи заключается в выяснении этапов исследования государства и права в рамках реализации системы всеобщих (философских), общенаучных, частнонаучных, дисциплинарных и междисциплинарных методов. Стоит признать верной позицию С. А. Калинина о том, что методология есть многоуровневое явление, которое одновременно представлено совокупностью подходов и приёмов теоретического и практического познания предмета, а также учениями о способах «...теоретического освоения эмпирического материала, которые одновременно могут выступать и результатами, и принципами исследования» [4, с. 233]. Актуальность изучения понятия «...«государство» обусловлено факторами политических практик, лежащих в основе государственно-правового строительства, поиска оптимальных форм государства» [3, с. 35]. При исследовании различных подходов, практик и методов дается определение государства. По определению автора «государство – это исторически сложившаяся, обусловленная природно-климатическими и антропогенными факторами, уникальная суверенная организация публичной политической власти общества, призванная

обеспечить правопорядок, производство, распределение и обмен материальных благ в пределах государственной территории, защищая ценности данного общества и официально представляющая весь народ в системе международных отношений» [3, с. 45].

Познание права, как и любых сложных социальных явлений, необходимо начинать с философских методов, гносеологии, в которой познание есть процесс приобретения знания, который предполагает научную деятельность, направленную на получение, освоение, переработку и систематизацию новых научных знаний, на расширение системы научных знаний. Там, где исследуются тексты, практически всегда применяется герменевтический метод, который хорошо изучен еще в средневековой европейской науке и был популярен в юридической науке Российской империи. Российский юрист Е. В. Васковский писал, что толкование (интерпретация) права есть «... совокупность приемов, применяемых произведением человеческого духа с целью понять их» [1, с. 30].

В первой трети XX в. в России было актуально изучение права в соотношении с силой. Решения проблемы можно найти у Л. Н. Толстого, И. А. Ильина, Л. И. Петражицкого, Г. К. Гинса и др., которые искали ответ на вопрос о том, что первично: право или сила? Всегда официальное право было результатом закрепления воли социальной силы.

Г. К. Гинс писал, что без силы нет права, которая его поддерживает и гарантирует. Он отмечал, что «сила является то основанием, то гарантией, то стимулом права» [2, с. 44]. Поэтому «никакие нравоучения не устроят этих стихийных проявлений борьбы за существование, в этом смысле власть силы будет всегда ощущаться» [2, с. 111].

В демократическом государстве не только на силе основан порядок, но и на сознании граждан, их высокой культуре. Г. К. Гинс понимал, что «право должно быть выше силы» [2, с. 112], а поэтому в будущем рассчитывал на господство силы права, а не права силы. Известный криминолог В. В. Лунеев отмечает, что «...познанная необходимость в праве – это научно выверенные законы, принятые демократическим путем. А если законы пишутся чиновниками... то мы живем в порочной необходимости» [7, с. 112]. Поэтому методология необходима и теоретикам, и практикам. Болгарский теоретик права и судья Я. Стоилов отметил, что реализация права «...немыслимо без публичной власти, которая обеспечила бы его применение» [6, с. 237]. С. А. Калинин обосновал такие новые методологические феномены как мир-системный анализ, мировоззренческая исследовательская программа и субъектный подход [4, с. 6] и применил их к познанию государства и права Беларуси; отметил, что при субъектно-деятельностном подходе акцент делается на геополитический статус государства и его способности к развитию и при помощи права, а не способное к развитию государство обречено на деградацию [4, с. 187].

При применении частно-научных методов познаются конкретные явления. Известны уровни научного познания: чувственный, эмпирический и теоретический. Исследователь должен не только описать действовавшее, действующее и желаемое в будущем право, но и объяснить, почему оно соответствует конкретным признакам, систематизировать правовые нормы, источники и формы, и прогнозировать его развитие. Методы имеют разные уровни. Их последовательное применение приближает исследователя к познанию государственных и правовых явлений. Методологическую культуру ученого образует совокупность его знаний о способах получения, обоснования и применения научных данных. На основе полученных знаний, в процессе применения различных методов, формируются политические и юридические практики.

Библиографический список

1. Васьковский, Е. В. Руководство к толкованию и применению законов (практическое пособие) / Е. В. Васьковский. – Москва, 1997. – 152 с.
2. Гинс, Г. К. Право и сила / Г. К. Гинс. – Харбин, 1929. – 112 с.
3. Иванников, И. А. Трактовки государства в современной теории и практике / И. А. Иванников // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2025. – № 1. – С. 35–46.
4. Калинин, С. А. Концептуально-методологические проблемы современной юриспруденции / С. А. Калинин ; Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2024. – 311 с.
5. Муромцев, Г. И. О некоторых методологических проблемах современной российской юридической науки / Г. И. Муромцев // Вестн. РУДН. Право. – 2007. – № 1. – С. 5–15.
6. Стоилов, Я. Принципы права: понятие и применение / Я. Стоилов; вступ. ст., науч. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2023. – 312 с.
7. Лунеев, В. В. Соотношение криминальных реалий и теорий права в России / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2015. – № 4. – С. 110–114.

**ПРАВО НА СЛУЖБЕ МУЛЬТИЦЕНТРИЧНОГО МИРОУСТРОЙСТВА
И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЕНИЯ
ИНТЕГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР,
ЕС И ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ**

Е. Г. Энтина

*заведующая отделом Черноморско-Средиземноморских исследований
Института Европы РАН, профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
доктор политических наук, профессор
e.entina@hse.ru*

М. Л. Энтин

*заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России,
профессор Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доктор юридических наук, профессор,
Чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса
entinmark@gmail.com*

Народы Союзного государства Беларуси и России, республик бывшего СССР, а также КНР внесли определяющий вклад в Великую Победу во Второй мировой войне. Воплощением этой победы стали всемирная организация безопасности и Устав ООН, являющиеся краеугольной основой мультицентричного мироустройства. Поэтому Союзное государство, КНР, ЕАЭС, ШОС, Большой БРИКС, продолжая работу по обустройству мультицентричного миропорядка, ставят перед собой задачу сохранения и защиты императивных принципов и механизмов ООН. Решая эту задачу, все наши народы вынуждены противостоять многочисленным угрозам и попыткам трансформации мировой политики и экономики в односторонних интересах. Курс США на такую трансформацию под стягом, на котором начертано «Америка превыше всего», имеет системную мотивацию. Соответственно он будет проводиться, несмотря на все сопутствующие издержки, к чему надо быть готовыми. Важнейшим инструментом реализации этого курса является ведение технологических войн. Отсюда стремление Союзного государства, ЕАЭС, всех и любых интеграционных объединений к обретению технологического суверенитета. В статье раскрываются слагаемые технологического суверенитета, показана специфика подходов интеграционных объединений разного типа к его обеспечению.

Ключевые слова: Устав ООН; международное право; мультицентричное мироустройство; технологический суверенитет; правовые механизмы трансграничного стимулирования создания и освоения высоких технологий; Союзное государство; ЕАЭС; АСЕАН; МЕРКОСУР; ЕС; ШОС; БРИКС.

Со времен Вестфальского мира шаг за шагом человечество формировало систему международного права (МП) и международных организаций (МО), главным предназначением которой является создание материальных, институциональных, процессуальных и юридических гарантий, препятствующих утверждению гегемонии в международных отношениях, господству какой-либо одной державы над другими, т.е. возникновению мироустройства, идентифицируемого в качестве однополярного. Весомый вклад в утверждение и совершенствование такой системы внесли Европейский Концерт

(которым завершилась эпоха наполеоновских войн) и Лига Наций (так и не сумевшая предотвратить бедствия новой мировой войны). Безусловной вершиной исторического процесса формирования указанной системы МП и МО стали намного более эффективная всемирная организация безопасности, сделавшая утверждение однополярного мира физически невозможным, и Устав ООН, превратившийся в подлинную Конституцию мультицентричного мироустройства [1].

ООН и Устав ООН по праву считаются одним из важнейших результатов победы во Второй мировой войне народов России, Беларуси, всех республик бывшего СССР и народа КНР совместно с союзническими странами над фашистской Германией и милитаристской Японией, над всеми человеконенавистническими и гегемонистскими теориями превосходства избранных наций и цивилизаций над всеми иными, 80-летие которой именно мы обоснованно широко и последовательно отмечаем в текущем 2025 г. То, что нынешняя система МП и МО олицетворяет Великую Победу и выступает ее материальным воплощением, объясняет, почему Союзное государство, ЕАЭС, КНР, БРИКС+ и ШОС позиционируют себя в качестве естественного защитника императивных принципов и норм современного МП, той силы, которая всё более энергично обустривает мультицентричное мироустройство. Добываясь этого, они стремятся положить конец колониальным, неоколониальным и гегемонистским практикам, реализовать мечту о справедливости, которой пропитаны ООН и Устав ООН [2].

Убедительным подтверждением того, как наши народы позиционируют себя в этом качестве, служит Тяньцзиньская декларация и другие итоговые документы Совета глав государств-членов ШОС от 1 сентября 2025 г. В частности, в Декларации акцентируется, что: (1) Великая Победа «стала возможной благодаря сплочению народов всех миролюбивых стран в противостоянии нацизму, фашизму и милитаризму». (2) Она воплощена в ООН и Уставе ООН. (3) Поэтому все государства обязаны неукоснительно придерживаться буквы и духа Устава ООН. (4) «Принципы взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности государств, равноправия, взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы ее применения являются основой устойчивого развития международных отношений». (5) Стержнем мультицентричного мироустройства выступает востребованность «центральной координирующей роли ООН». (6) Совершенствование и обустройство мультицентричного мироустройства должны привести к утверждению «справедливости в международных отношениях» и «формированию архитектуры равной и неделимой безопасности», в том числе в соответствии с «идеями создания сообщества единой судьбы», инициативами «Одна Земля. Одна семья. Одно будущее» и «О мировом единстве за справедливый мир, согласие и развитие». (7) В этих целях последовательно ведется международное институциональное строительство и наращивание нормативной базы сотрудничества фактически во всех областях человеческой деятельности. (8) В этих же целях необходимо противостоять «блоковым и конфронтационным подходам», попыткам подчинить мировую торговую и финансовую системы односторонним интересам, «противоправным односторонним ограничительным мерам», т.е. фактически торговым, технологическим и санкционным войнам [3].

В этом контексте чрезвычайно важно понимать мотивы, которые стоят за лозунгом «Америка превыше всего» и его воплощением во внутри-, внешнеполитическом и внешнеэкономическом курсе республиканской администрации [4]. Они обусловлены,

как минимум, следующими факторами. Во-первых, политические элиты США пришли к выводу о том, что прежние формы глобализации выгодны Китаю, Индии, ЕС, России, другим державам и объединениям, а им вредят, и, как следствие, их надо менять, причем менять исключительно в интересах Америки. Во-вторых, все страны, вопреки правилам взаимности и свободы торговли, наживаются за счет США, ввели в действие дискриминационное законодательство, повышенные таможенные пошлины и неоправданные меры эквивалентного характера, с чем в обязательном порядке необходимо покончить. В-третьих, не только союзники и партнеры, но и все остальные взвалили на США расходы по поддержанию международного порядка, осуществлению принудительных мер, ведению войн в целях восстановления мира и безопасности, соответственно эти расходы надо перераспределить. В-четвертых, неминуемо грядет второй глобальный финансово-экономический кризис, к которому все остальные, кроме США, усиленно готовятся, и в этом отношении ситуацию тоже важно радикально менять. В-пятых, для получения отдачи от качественно нового витка технологической революции, связанной с повсеместным внедрением систем искусственного интеллекта (ИИ) следующего поколения, надо создать корреспондирующую ему индустриальную базу на территории США и под юрисдикцией США и привлечь к ее принудительному строительству все страны, все производительные силы планеты. Инструментом принуждения сделать в первую очередь повышение таможенных пошлин, как было обосновано членами экономического блока команды Дональда Трампа в исследованиях, докладах и монографиях еще 2008, 2011 и 2015 гг. и разъясняется в последних публикациях Офиса Торгового представителя США, а также односторонние ограничения в области передачи и использования прорывных технологий, налагаемые на третьи страны и их корпорации, что равносильно ведению технологических войн.

Ответом стала ставка всех ведущих мировых игроков и объединений государств на обретение технологического суверенитета. Положения о технологической независимости и/или «технологической автономии» вошли в директивные документы, стратегии развития, предвыборные программы различных политических формирований и государственных структур в России, Беларуси, Китае, Индии, ЕС, других глобальных и региональных игроков. Для их достижения были приняты десятки правительственных программ. Так, на последних съездах и заседаниях высших органов власти Китая в 2025 г. вновь был подтвержден курс на превращение страны в безусловного мирового лидера в области ИИ.

Вместе с тем понятие технологического суверенитета по-прежнему остается более чем размытым. Вроде, все понимают, о чем речь. Практических шагов предпринимается много. Соответствующим образом меняется администрирование, налоговое законодательство, образовательные программы, политика в области субсидирования и госзакупок, регламентация доступа к длинным деньгам и т.д. Но законодатель осознанно избегает давать определение технологического суверенитета. С одной стороны, по своему содержанию технологический суверенитет сильно отличается от классических представлений о государственном суверенитете как абсолютном контроле за внутригосударственными процессами и полной самостоятельности в области внешней политики. С другой стороны, законодатель заинтересован в том, чтобы не загонять усилия по завоеванию и удержанию технологического суверенитета в прокрустово ложе зауженного арсенала средств

и направлений деятельности и соответственно в том, чтобы постоянно пополнять перечень стимулируемых им начинаний, добиваясь максимальной гибкости правового регулирования с учетом всё новых и новых достижений науки и техники.

Напротив, цели технологического суверенитета поддаются определению. Их нормативное закрепление возможно и желательно, поскольку с его помощью задаются четкие ориентиры и для частного капитала, и для государственного аппарата, становится понятным, как перестраивать государственное управление и на что ориентировать стратегическое планирование.

Таких целей несколько. Как достижение указанных целей выглядит на практике, очень хорошо демонстрирует «разбор полетов», который был проведен на совещании по развитию двигателестроения с участием президента Российской Федерации В. В. Путина, состоявшемся на площадке опытно-конструкторского бюро в ПАО «ОДК-Кузнецов» 5 сентября 2025 г. после осмотра выставки образцов двигателей – продукции предприятий «Объединённой двигателестроительной корпорации» [5]. Ситуация именно в двигателестроении особенно показательна, поскольку она напрямую влияет на положение дел в пассажирской, транспортной и боевой авиации, конкурентоспособность в коммерческом освоении небесных тел и космического пространства, поставки столь нужных ТЭКу силовых установок, обеспечивая, таким образом, как устойчивое технологическое развитие всей национальной экономики, так и технологический суверенитет и России, и Союзного государства, и ЕАЭС в целом.

За 2022–2025 гг. в этом отношении удалось много сделать: а) количество произведенных авиадвигателей выросло с 791 до 1227, иначе говоря, на 50%; б) завершено импортозамещение двигателей на вертолетах «Ансат» – на них установлен новейший газотурбинный двигатель ВК-650В и авиалайнерах «Сухой Суперджет» – их оснастили турбореактивным двигателем ПД-8; в) изучается возможность оснащения двигателем ПД-8 и других самолетов; г) поставлена задача в кратчайшие сроки завершить разработку и начать серийный выпуск принципиально нового, более эффективного и экономичного турбореактивного двигателя большой тяги ПД-26, нужного для модернизации военно-транспортной авиации и создания широкофюзеляжного гражданского самолета нового поколения, его серийного производства; д) ускорилося последовательное обновление производственных мощностей по выпуску двигателей для ракет-носителей; е) удалось за короткие сроки разработать ряд инновационных двигателей для энергетики, для газотранспортной инфраструктуры (например, газотурбинный двигатель большой мощности ГТД-110М), которые будут использоваться, в том числе при реализации масштабного проекта «Сила Сибири-2», серийное производство которых не зависит от получения технологий и комплектующих извне.

Как демонстрирует «разбор полетов», технологический суверенитет обеспечивается достижением следующих целей. Первая из них состоит в накоплении и всемерном увеличении такого образовательного, кадрового, научного, исследовательского, внедренческого, производственного потенциала, который бы обеспечивал ускоренное социально-экономическое и технологическое развитие с опорой на свои собственные возможности. Вторая – в осуществлении системы мер, достаточных, чтобы обезопасить развитие общества от внешнего давления, ограничений, любого типа подрывной деятельности. Третья – в об-

ретении и поддержании максимально высокого уровня международной конкурентоспособности, нужной, чтобы господствовать на своем внутреннем рынке в условиях свободной экономики и завоевывать внешние, даже несмотря на преграды протекционистского типа.

Очевидно, что триада целей носит взаимообусловленный и взаимоподдерживающий характер. И именно в таком виде их нужно привязывать и адаптировать к сотрудничеству как международного, так и интеграционного плана, в том числе через сближение и гармонизацию законодательства, в рамках ЕАЭС, ШОС, БРИКС+, на просторах Большой Евразии. При этом важно учитывать, что каждое интеграционное объединение, будь то ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, ЕС и т.д., отдают предпочтение различным подходам и механизмам обретения и поддержания технологического суверенитета и технологического лидерства.

Так, ЕАЭС делает ставку на развитие цифровых платформ. Их использование станет на порядок эффективнее, если они получат юридический статус, позволяющий им пользоваться национальным правовым режимом во всех государствах-членах [6; 7; 8].

АСЕАН осуществляет большое количество проектов и программ, изюминка которых состоит в создании максимально благоприятного правового климата для деятельности в юрисдикции государств-членов иностранных высокотехнологичных компаний, которые, пользуясь его преимуществами, одновременно обеспечивают внедрение, коммерциализацию и масштабирование применения новейших технологий [9].

Напротив, ЕС все активнее принимает законодательство, которое дает преимущество национальным производителям в том, что касается стимулов административного и финансового характера, налоговых послаблений, бюджетного финансирования, доступа к длинным деньгам по льготным ставкам, субсидирования, организации спроса, создания новых потребительских рынков и т.д. [10]

Каждое из интеграционных объединений накапливает крайне полезный опыт, который в ряде случаев целесообразно использовать и учитывать при решении ряда интеграционных задач [11].

Библиографический список

1. Энтина, Е. Г. Воплощение Великой Победы в ее конституционализации при формировании послевоенного мироустройства и необходимость их защиты от новейших посягательств / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина // Россия и мир: Развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство : Материалы XV междунар. науч.-практ. конф., 2-3 апр. 2025 г., в двух частях. Часть 1. – С. 33–47. URL: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2025/08/%D0%A0%D0%B8%D0%9C_2025_1.pdf (дата обращения 12.05.2025).
2. Энтин, М. Л. Американский инструментарий восстановления и подрыва однополярного мира. Перспективы сохранения глобального доминирования США / М. Л. Энтин // Вестн. ученого совета РИСИ. – 2019. – №4. – С. 132–152. URL: <https://riss.ru/article/16555/> (дата обращения 12.05.2025).
3. Энтин, М. Л. Императивы создания правовых барьеров на пути применения односторонних ограничительных мер / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, А. А. Вадов // Международная жизнь. – 2025. – № 3. – С. 40–59. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3172?ysclid=m8pqznxnr9361049204> (дата обращения 12.05.2025).
4. Энтин, М. Л. Реальность угрозы сползания в ад однополярного мира / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина // Российский совет по международным делам. – 27.05.2019. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-ugrozy-spolzaniya-v-ad-odnopolyarnogo-mira/> (дата обращения 12.05.2025).

5. Совещание по вопросам развития двигателестроения // Сайт Президента России. Самара. 5.09.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77932> (дата обращения 12.05.2025).
6. Вадов, А. А. Перспективы правового обеспечения технологического суверенитета ЕАЭС на основе протекционного опыта ЕС / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, А. А. Вадов // Международная жизнь. – 2023. – № 12. – С. 118–127.
7. Шугуров, М. В. Формирование модели научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС: теоретические и методологические аспекты / М. В. Шугуров // Политика и Общество. – 2020. – № 4. – С. 50–81.
8. Шугуров, М. В. Санкционное давление на российскую науку и международное научно-технологическое сотрудничество России: политико-правовой аспект : моногр. / М. В. Шугуров, А. А. Васильев, Г. В. Колодуб, Ю. В. Печатнова. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2024. – 583 с.
9. Энтин, М. Л. Методы гибкой интеграции Ассоциации государств Юго-Восточной Азии при формировании правового регулирования развития науки, технологий и инноваций / М. Л. Энтин, А. А. Вадов // Моск. журн. междунар. права. – 2025. – № 1. – С. 49-68.
10. Энтин, М. Л. Политическое и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов: Усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 гг. : моногр. / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина. – М. : Галактика, Изд. Дом «Зебра Е», 2023. – 760 с.
11. Энтина, Е. Г. Межцивилизационное противостояние vs межцивилизационное сотрудничество / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет – 25 лет развития: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф., Москва, 3-4 апр. 2024 г. – Москва : Изд. дом УМЦ, 2024. – С. 35–42.

МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Л. В. Карнаушенко

*начальник кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета Министерства внутренних дел России,
доктор исторических наук, профессор
karnl@mail.ru*

Статья посвящена комплексному анализу феномена современного государства с позиций сравнительно-исторического подхода. Исследование фокусируется на взаимодействии универсальных институциональных характеристик с региональными и цивилизационными особенностями их реализации. На примере западноевропейской, советской и восточноевропейской моделей демонстрируется, как модернизационные принципы адаптируются к контекстуальной специфике. Особое внимание уделено концепции множественных модернов.

Ключевые слова: современное государство; множественные модерны; суверенитет; рационализация; социализация.

Современные политико-правовые трансформации выявляют глубокий кризис доминирующей модели национального государства. Структуры, еще недавно воспринимавшиеся как апогей институционального развития, снижают адаптивность перед лицом глобализации, трансграничных вызовов и эрозии оснований легитимности. Анализ в докладе о судьбах современных империй фиксирует нарастающее сомнение в универсальности национального государства как единственно возможного формата политической организации, подчеркивая относительность и нестабильность его применимости в современных условиях [1, с. 12].

В европейской интеллектуальной традиции современное государство – это цивилизационно обобщенный тип власти, где государственность не просто институционализирована, но укоренена в культурной нормативности. По М. Циммеру модерн – это идеологическая структура, охватившая европейское пространство и претендующая на глобальное распространение [2, с. 47]. Это актуализирует важность сопоставительного анализа, раскрывающего как универсалии современного порядка, так и его региональные воплощения.

По Д. Л. Хоффманну идея множественности модернизационных траекторий позволяет осмыслить вариативность форм реализации современного государства. Так применение рационализации управления, бюрократизации и активного вмешательства в социальную сферу обусловлено конкретным историко-культурным контекстом [3, с. 23]. Это позволяет интерпретировать советскую модель как альтернативный современный проект, сочетающий централизованное управление с идеологической мобилизацией [3, с. 42]; расширить рамки типологии государственности; усилить значимость концепта множественных модернов [3, с. 57].

Идея множественных модернов предполагает отказ от европоцентричного универсализма в пользу рассмотрения локальных логик государственного становления. Этот подход

предлагает анализировать государственность не как линейную проекцию европейского опыта, а как результат сложного взаимодействия универсалий и культурной специфики.

Д. Л. Хоффманн смещает акцент с нормативных суждений на содержательные характеристики социалистического проекта как разновидности современного правления. Он подчеркивает, что советская система, несмотря на репрессивные черты, воплощала ключевые принципы современной власти – управление через социальную мобилизацию и институционализированное вмешательство [3, с. 211]. Такая трактовка позволяет освободить анализ от редуционистских схем и оценивать советскую государственность в терминах внутренней логики модернизации.

Ю. Д. Гранин обращает внимание на методологические искаженности, возникающие при игнорировании процессов становления государства в пользу анализа уже устоявшихся форм. Он указывает на то, что эссенциалистский подход, редуцирующий современное государство к фиксированным характеристикам, блокирует понимание процессов национализации и социализации как ключевых трансформационных векторов [4, с. 36].

Следовательно, изучение современного государства требует методологической гибкости и многослойного анализа, учитывающего как институциональные универсалии, так и региональные формы их конкретизации. Только при таком подходе возможно адекватное осмысление государственности как феномена современной эпохи.

Понятийное поле, связанное с познанием государства, отличается методологической и терминологической сложностью. Это проявляется прежде всего в полисемантическойности самого термина «государство», который, попадая в различные любые дисциплинарные рамки приобретает принципиально различные значения. По Ю. Д. Гранину «государство» – это междисциплинарная категория, а его трактовка варьируется в зависимости от исследовательского контекста [5, с. 36].

Особую важность приобретает различие эссенциалистской и процессуальной оптик в изучении феномена современного государства. Многие научные интерпретации сосредоточены на фиксированных формах государственности, тем самым исключая из рассмотрения процессы становления и институционального усложнения. Интерпретации, реализованные в рамках эссенциалистского подхода, зачастую рассматривают современное государство как уже состоявшееся «национальное» или «социальное» образование, не анализируя механизмы его формирования. Такая редукция ведет к игнорированию исторической динамики и затрудняет осмысление политико-правовых трансформаций.

Ключевым методологическим ориентиром для анализа государства Модерна остается концепция рационального господства М. Вебера, которая опирается на идею монополии на легитимное насилие в пределах определенной территории – концепт, развиваемый далее в институциональных теориях Э. Гидденса и его последователей [5, с. 39]. М. Циммер, интерпретируя эту традицию, подчеркивает, что современное государство отличается от предшествующих форм не только объемом власти, но и способом ее институционального обоснования [6, с. 48].

Современные исследования расширяют это понимание, обращаясь к модели множественных модернов (Ш. Н. Айзенштадт, Д. Л. Хоффманн), что позволяет рассматривать не как универсальный процесс, а как набор альтернативных траекторий, развивающихся в разных культурных контекстах [7, с. 57]. Советский опыт, по Д. Л. Хоффманну, как пример характеризует вариант модернизации с выраженным идеологическим содержанием и централизованной структурой власти [3, с. 42].

В отечественной правовой мысли это разнообразие отражено в интерпретации государства как правового института, эволюционирующего от носителя суверенитета к субъекту нормативного порядка. Такой переход сопровождается формализацией публичного управления через механизмы административного и конституционного права, а также усилением социальной функции государства [8, с. 91]. В основе этих процессов лежат тенденции к национализации и социализации, которые, по мнению Ю. Д. Гранина, часто остаются вне поля зрения исследователей, сосредоточенных на фиксированных институциональных структурах. Тем самым утрачивается динамика формирования современного государства как социального и национального феномена [5, с. 39].

Институциональное развитие сопровождалось централизацией власти, расширением бюрократического аппарата и упорядочением управленческих механизмов. Государственная власть стала действовать напрямую по отношению к населению, минуя местные посреднические формы [1, с. 14]. Это сопровождалось юридической унификацией и усилением нормативного контроля, оформленного правом [6, с. 49; 1, с. 17].

Значимым компонентом современной государственности стало системное вмешательство в социальную сферу. Советская модель, вбирая элементы западного социального проектирования, развивала их в направлении дисциплинарной мобилизации, сочетающей заботу и контроль как единую технологию управления [7, с. 320].

Наконец, современное государство выступает не только внутренним регулятором, но и полноправным актором международных отношений. По М. Циммеру, суверенные государства современной эпохи сохраняют центральное положение в мировой системе, несмотря на процессы глобализации [6, с. 51–52]. Это подтверждается и в сфере экономического взаимодействия, где, несмотря на функциональное разделение экономики и политики, между ними сохраняется структурная взаимозависимость, формирующая капиталистическую модель и укрепляющая международную государственную архитектуру [6, с. 53].

Таким образом, современное государство – это сложный историко-правовой тип, в котором сочетаются универсальные принципы рационального управления с вариативностью институциональных реализаций, обусловленных культурными и политическими контекстами. Национализация, бюрократизация, социализация и международная активность формируют каркас его политико-правовой идентичности.

Формы современного государства нельзя свести к вариациям единого образца: они представляют собой результат различий в социокультурных, правовых и институциональных контекстах. Универсальные черты модерна – централизация власти, бюрократическое управление, нормативная рациональность – зависят от исторических условий.

В западноевропейской традиции государственность закрепились через парламентскую систему, правовой индивидуализм и рыночные отношения. Эти элементы обеспечили легитимацию власти через юридические процедуры, а не через сакральные авторитеты. М. Циммер связывает европейскую модель с экспансией идеологии суверенитета и правовой автономии в глобальном масштабе [6, с. 46–47].

Советская модель возникла в ответ на иные вызовы: необходимость ускоренной модернизации в условиях идеологического мобилизма и слабости частных институтов. По Д. Л. Хоффманну, она оформилась как централизованный механизм социального формирования, где забота и контроль функционировали в логике административного насилия. Как указывает Б. Е. Степанов, насилие здесь понималось не как отклонение, а как инструмент достижения нормативной целостности [9, с. 319, 321].

Восточная Европа и Россия развивались в рамках незавершенного перехода от имперской системы к национальному государству. А. И. Миллер отмечает, что слабая институционализация и напряженность между символикой империи и риторикой нации затруднили формирование устойчивой государственной идентичности [10, с. 10–14].

Важные интуиции государственности представлены в культурных репрезентациях. А. Марей показывает, как в фэнтезийной вселенной Вестероса латентно присутствуют ожидания централизованной власти, несмотря на ее фактическое отсутствие [11, с. 4], что отражает действие государства как глубинной структуры социального воображения.

Региональные различия охватывают и способы правового мышления и легитимации, позиционируемые как логичное следствие цивилизационных траекторий. Государства, вышедшие за рамки европоцентричного шаблона, демонстрируют зачастую большую устойчивость. По А. И. Миллеру именно культурно адаптированные модели оказываются жизнеспособнее в новых глобальных условиях [10, с. 12]. М. Эман выявляет корни современного государства в слиянии христианской догматики, реформаторских движений и индустриализации, подчеркивая их роль в формировании правовых и административных систем [12, с. 34–36].

Отказ от линейной модели модернизации позволяет признать альтернативные пути как равноправные формы политического развития. Ю. Д. Гранин подчеркивает необходимость учитывать взаимодействие универсальных принципов с локальными традициями [4, с. 28]. С этим соглашается и Д. Л. Хоффманн [3, с. 316–319].

Изучение современного государства опирается на выявление устойчивых институциональных признаков и их региональных модификаций (централизация власти, бюрократическая координация и рационально-правовой механизм легитимации), конкретное содержание которых проявляется в пределах определенного социокультурного и правового контекста. Правовые системы, религиозные традиции и социальная структура задают вариативность форм реализации современной государственности.

Современная трансформация государственности выражается в перестройке политико-правовых конфигураций. Национальное государство, возникшее как институциональный итог Модерна, теряет способность к эффективной адаптации перед лицом глобальных вызовов. Наблюдается переход к гибридным моделям, сочетающим принципы территориального суверенитета с наднациональным управлением, цифровыми механизмами контроля и элементами символической мобилизации. Формирующиеся структуры, обладая внутренней согласованностью, выходят за пределы классической модели суверенитета. Развертывание таких процессов задает вектор для междисциплинарных исследований. Особое внимание заслуживает анализ трансформации правовых и административных институтов под давлением глобальной нормативной среды. Не менее значимо обращение к символическим формам репрезентации государственности, в том числе в массовой культуре, где через фикциональные нарративы артикулируются представления о праве, власти и легитимности. Реконструкция этих нарративов позволяет выявить устойчивые модели политического воображаемого, сохраняющие актуальность в условиях институциональных сдвигов.

Переосмысление государственности в XXI в. требует включения теории права в диалог с исторической социологией, политической антропологией и теорией международных режимов, что позволяет фиксировать и эволюцию форм, и трансформацию логики политического порядка.

Библиографический список

1. Миллер, А. И. Модерные империи и их значение для современности: аналитический доклад / А. И. Миллер, А. А. Вершинин и др. – М. : РОССПЭН, 2017. – 112 с.
2. Циммер, М. Модерн, государство и международная политика: историко-политологический анализ / М. Циммер; пер. с нем. В. Л. Иноземцева // Современная Европа. – 2013. – № 2 (58). – С. 47–56.
3. Хоффманн, Д. Л. Вращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / Д. Л. Хоффманн; пер. с англ. А. Терещенко. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 480 с.
4. Гранин, Ю. Д. Анализ теоретизирования о «государстве модерна» и его исторических формах / Ю. Д. Гранин // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. – 2018. – № 4. – С. 35–51.
5. Миллер, А. И. Модерные империи и их значение для современности: аналитический доклад / А. И. Миллер, А. А. Вершинин и др. – М. : РОССПЭН, 2017. – 112 с.
6. Циммер, М. Модерн, государство и международная политика: историко-политологический анализ / М. Циммер; пер. с нем. В. Л. Иноземцева // Современная Европа. – 2013. – № 2 (58). – С. 47–56.
7. Хоффманн, Д. Л. Вращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / Д. Л. Хоффманн; пер. с англ. А. Терещенко. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 480 с.
8. Гранин, Ю. Д. Анализ теоретизирования о «государстве модерна» и его исторических формах / Ю. Д. Гранин // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. – 2018. – № 4. – С. 35–51.
9. Степанов, Б. Е. Он садовником родился? [Рец. на кн. : Хоффманн Д. Л. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. – М. : Новое литературное обозрение, 2018] // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 155. – С. 316–323.
10. Миллер, А. И. Модерные империи и их значение для современности: аналитический доклад / А. И. Миллер, А. А. Вершинин и др. – М. : РОССПЭН, 2017. – 112 с.
11. Марей, А. Карлик, евнух и банкир: интуиции современного государства в Вестеросе / А. Марей // Теория моды. – 2020. – № 56. – С. 3–18.
12. Эман, М. Категории современного государства, христианства, Реформации и Промышленной революции в концептах глобальной истории: взгляд из Италии / М. Эман // Теория моды. – 2021. – № 4. – С. 34–43.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Лагун

*доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
theory-law@bsu.by*

В статье анализируются проблемные вопросы реализации гражданами Республики Беларусь права законодательной инициативы, а также предлагаются пути совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: законодательная инициатива; право законодательной инициативы граждан; законотворческий процесс.

Право законодательной инициативы граждан впервые в отечественном законодательстве закрепляется в Конституции Республики Беларусь и выступает одним из признаков формирующегося демократического режима. В соответствии с ч. 1 ст. 99 Конституции оно принадлежит в том числе гражданам, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тыс. человек. По законам, вносящим изменения и дополнения в Конституцию такое количество должно составлять не менее 150 тыс. человек (ст. 138 Конституции).

Под законодательной инициативой принято понимать юридически обеспеченное (гарантированное) предложение к Парламенту начать рассмотрение (принятие) соответствующего закона. Особо обратим внимание, что это право позволяет субъекту начать процесс принятия будущего закона, а не его окончательное принятие, так как Парламент имеет право отклонить внесенный в данном порядке законопроект.

Легальное определение законодательной инициативы закреплено в п. 4 ст. 2 Закона о нормативных правовых актах: это официальное внесение субъектом права законодательной инициативы, установленным Конституцией Республики Беларусь, законопроекта в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь. Также легальное определение данного понятия, но применительно к гражданам Республики Беларусь содержится в ч. 1 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы и права на внесение предложений Всебелорусскому народному собранию гражданами Республики Беларусь» с учетом изменений и дополнений (далее – Закон № 248-З): это гарантированное Конституцией Республики Беларусь право вносить в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь проекты законов, подлежащие обязательному рассмотрению Палатой представителей в порядке, установленном законодательством.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что два Закона содержат хотя сходные, но не тождественные легальные определения указанного понятия, что, в свою очередь, порождает двойственность (двусмысленность) понимания и является недопустимой. Считаем более полным и исчерпывающим легальное определение, закрепленное

в Законе № 248-З. Именно оно должно стать исходным при корректировке Закона «О нормативных правовых актах».

Конституционная легализация права законодательной инициативы граждан стала первым, но не основным шагом на пути демократизации законотворческого процесса в Республике Беларусь. Некоторое время, вплоть до 2003 г., это право фактически не могло быть реализовано, т.к. отсутствовал профильный закон, детально регламентировавший данную процедуру. Только в ноябре 2003 г. после принятия Закона Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» (в актуальной редакции – Закон Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы и права на внесение предложений Всебелорусскому народному собранию гражданами Республики Беларусь») данный конституционно-правовой пробел был устранен.

Анализ последующей практики применения данного Закона показал, что граждане Республики Беларусь ни разу не воспользовались своим конституционным правом на инициирование принятия закона. Можно признать, что нормы Конституции, предусмотренные ч.1 ст.99 и ст.138 в части такого субъекта права законодательной инициативы как граждане, остались недействующими. Полагаем, что Конституция, целью которой является регулирование важнейших общественных отношений, не может и не должна содержать недействующие нормы (в отличие от спящих норм, применяемых при чрезвычайных, экстраординарных, нетипичных обстоятельствах: военное положение (п. 29 ст. 84 Конституции), чрезвычайное положение (п.22 ст.84 Конституции) и т.д.).

Системный анализ указанной проблемы позволяет в качестве основной причины сложившейся ситуации выделить необоснованно усложненную процедуру осуществления права законодательной инициативы гражданами, закрепленную Законом № 248-З. В последнем избран подход к данной юридической процедуре по аналогии с избирательным процессом через вовлечение в него Центральной избирательной комиссии и системы местных исполнительных и распорядительных органов (исполкомов) всех уровней, на которые возлагается обязанность подсчета и проверки собранных на бумажных носителях подписей граждан, выразивших согласие на реализацию права законодательной инициативы

Но если в отношении выборов Президента и депутатов Палаты представителей, а также проведения референдума такая сложно-составная, комплексная процедура оправдана, то в отношении права законодательной инициативы ее, на наш взгляд, следует признать чрезмерной и перегруженной. Так, продолжительность периода реализации гражданами права законодательной инициативы может достигать до 7-и месяцев и более (не говоря уже о финансовых и трудовых затратах). Поэтому усложненная, перегруженная аналоговыми действиями при активном развитии цифровых технологий процедура препятствует реализации гражданами права законодательной инициативы.

Цифровизация административных процедур в Республике Беларусь, внедрение государственных электронных платформ оказания услуг, распространение электронных цифровых подписей граждан, успешная реализация Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг.» (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66), позволяют в современных условиях

государству беспрепятственно идентифицировать граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом, в виртуальном пространстве и провести подсчет поданных в электронном виде голосов.

Иными словами, в Республики Беларусь уже сформирована система цифровой идентификации граждан, которая может быть эффективно внедрена в процесс сбора и подсчет подписей граждан по реализации их конституционного права законодательной инициативы. Поэтому считаем, что в целях демократизации законотворческого процесса необходимо провести комплексный пересмотр положений Закона № 248-З в русле внедрения цифрового подхода к сбору и подсчету подписей граждан при реализации ими законодательной инициативы.

Второй и не менее значимой причиной, препятствующей свободной реализации гражданами права законодательной инициативы, на наш взгляд, выступает сам механизм законодательной инициативы, воспринятый отечественным законодателем.

В теории права она может проявляться в нескольких видах. Во-первых, полная законодательная инициатива, при которой предложение принять закон сопровождается приложением подготовленного текста законопроекта. Во-вторых, законодательное предложение, когда предложение принять закон подается без приложения текста подготовленного законопроекта. И в-третьих, комбинированная законодательная инициатива, предлагающая принять закон и сопровождаемая текстуальным изложением лишь основных идей будущего закона, принципов (подходов) к его правовому регулированию.

Считается, что полная законодательная инициатива должна возлагаться на «профессиональных» субъектов права законодательной инициативы (президент, депутаты, правительство и др.), а законодательное предложение или комбинированная законодательная инициатива – на «непрофессиональных» субъектов (граждан). Однако, Закон о нормативных правовых актах (п.2 ст.41), в отличие от Конституции Республики Беларусь, допускает только полную законодательную инициативу.

Учитывая изложенное, полагаем, что в отношении граждан допустимо закрепление на уровне Закона «О нормативных правовых актах» реализации права законодательной инициативы путем законодательного предложения или комбинированной законодательной инициативы. Это, безусловно, будет способствовать повышению инициативности участия граждан как представителей народа в законотворческом процессе.

Таким образом, процесс реализации гражданами права законодательной инициативы требует существенной модернизации через перевод его в цифровую форму. Данная трансформация будет способствовать развитию и полноценному воплощению в правовую реальность конституционных положений касательно непосредственного участия граждан в законотворчестве. Параллельно следует совершенствовать сам механизм реализации законодательной инициативы через расширение видового разнообразия последней и внедрение в законотворческую практику законодательного предложения и комбинированной законодательной инициативы в отношении «непрофессиональных» субъектов (граждан). В целях устранения коллизии в законодательстве и выполнения требований нормотворческой техники необходимо унифицировать легальное определение законодательной инициативы, приняв за основу формулировку дефиниции, закрепленной в Законе № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы и права на внесение предложений Всебелорусскому народному собранию гражданами Республики Беларусь».

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВ ГЕРМАНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XVIII–XIX ВВ.

К. В. Малофеев*председатель Попечительского совета Института «Царьград»,**кандидат юридических наук**info@tsargrad.institute*

Статья посвящена изучению проблемы эволюции и трансформации полномочий и компетенции королей Пруссии, а затем и императора Германии. Указан процесс перехода понимания и содержания статуса короля в условиях упадка феодализма и эволюции государственности Пруссии. Выявлено, что его функции и права были приспособлены к новым условиям и требованиям.

Ключевые слова: Пруссия; Рейх; Германия; король; император; права; обязанности; трансформация; полномочия конституция.

Превращение Пруссии в королевство в 1701 г. стало важной вехой в его истории и стало возможным благодаря ослаблению Речи Посполитой, а также начавшейся конфронтацией между Россией и Швецией [1]. Общий земельный закон для прусских государств (19 тыс. параграфов), впервые опубликованный в 1791 г., был введен в действие в 1794 г. Его разработка была начата еще в 1721 г. по распоряжению короля, однако, по различным причинам, данный процесс был приостановлен и восстановлен распоряжением Фридриха Великого в 1780 г. Проект всестороннее обсуждался, а одним из направлений его всесторонней критики была абсолютная власть короля. Данный акт [2] соответствовал своей эпохе. С одной стороны, он сохранял абсолютную монархию и патримониальное право, с другой – в нем делалась попытка установления гражданских и личных свобод, что отражало политический конфликт между абсолютной монархией и буржуазными отношениями [3].

Начало эпохи наполеоновских войн ускорило процесс дефеодализации Европы [4]. И если Конституция королевства Бавария 1807 г. [5] все еще содержала пережитки феодализма в виде феодальных прав и повинностей, то Конституция королевства Вестфалия 1807 г. [6] была от них свободна и отталкивалась от совершенно иной идеологической базы.

В условиях близящейся конфронтации с наполеоновской Францией руководству германских государств, в том числе и Пруссии, необходимо было заручиться поддержкой широких масс населения, пойдя им на существенные уступки. С 1807 г. началась ликвидация крепостного права в Пруссии, что позволило существенно усилить позиции власти короля [7].

Окончание эпохи наполеоновских войн потребовало не только восстановления правопорядка, существовавшего до начала событий в Франции, но создания коллективных гарантий его сохранения. Результатом данной деятельности стал Венский трактат, в том числе содержащий и многочисленные компромиссы между победителями как залог стабильного и длительного мира. Согласно данному документу, Саксония была уступлена Пруссии (ст. 15). Произошел взаимный отказ от феодальных прав между королями Пруссии и Саксонии (ст. 19). Ст. 20 устанавливалось право перемещения подданных и их имущества в рамках Пруссии и Саксонии. Россия, Англия, Австрия

и Франция гарантировали королю Пруссии, его потомкам и преемникам владение землями, указанными в ст. 15 «как их полная суверенная собственность» (ст. 17). Австрийская империя отказалась от своих прав сюзеренитета над Лужицей (ст. 18).

И, наконец, с учетом важной роли Великобритании в борьбе с Наполеоном устанавливалось, что «Король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии» «...принял вместо своего прежнего титула Курфюрста Священной Римской империи титул Короля Ганновера. Поскольку этот титул признан державами Европы, а также князьями и свободными городами Германии, земли, которые ранее составляли курфюршество Брауншвейг-Люнебург, а также их границы, признанные и определенные на будущее следующими статьями, составляют Королевство Ганновер» (ст. 26). Король Пруссии уступил свой титул по Ганноверу королю Великобритании (ст. 27).

Данные события приостановили существенные политические изменения в Европе вообще и в Пруссии в частности. Однако, после «весны народов» в 1848–1949 гг. в Пруссии 5 декабря 1848 г. была принята конституция, которая, не смотря на создание представительных органов объявляла неприкосновенность личности короля (ст. 41), а ответственность возлагалась на министров посредством контрасигнатуры актов короля (ст. 42). Устанавливалось, что лишь король обладает исполнительной властью, что выражалось в назначении и увольнении министров, его праве обнародования законов и издания необходимых для исполнения законов указов (ст. 43). Верховное командование армией королем сохранилось (ст. 44), как и королевское право назначения на все армейские должности и в иных отраслях государственной службы (ст. 45).

За монархом закреплялось право объявлять войну, заключать мир и заключать договоры с иностранными правительствами. Однако, торговые соглашения, а также другие соглашения, которые налагали бремя на государство или обязательства на отдельных граждан, требовали одобрения Палат для того, чтобы быть действительными (ст. 46).

Традиционно король обладал правом помилования и смягчения наказания. Однако, в отношении министра, осужденного за его официальные действия, это право могло быть реализовано только по заявлению Палаты, из которой исходило обвинение. Королю предоставлялось прекратить уже начатые расследования только в силу специального закона (ст. 47). За королем сохранялось право жаловать ордена и другие награды, не связанные с привилегиями, как и право чеканки монет в соответствии с законом (ст. 48).

Королу вверялась высшая власть и контроль над деятельностью высших представительных органов. В частности, он имел право созывать Палаты и откладывать их заседания; распустить обе Палаты одновременно или только одну из них. В таком случае, однако, следовало созвать выборщиков в течение 40 дней с момента роспуска, а Палаты созваны в течение 60 дней с момента роспуска (ст. 49). В тоже время, король получил право объявлять перерыв в работе Палат. Однако, без их согласия эта отсрочка не могла превышать 30 дней и повторяться в течение одной сессии (ст. 50). Без согласия обеих Палат королю не позволялось одновременно быть правителем иностранных королевств (ст. 53) [8].

В 1850 г. Конституция Пруссии была пересмотрена в сторону усиления власти короля, при общем сохранении его прав, в том числе назначения судей, созыва палат, объявления войны, командования армией и т.п. [9]. В следующие два десятилетия позиции Пруссии и ее короля в германском мире существенно усилились. Окончательное объединение Германии в единое государство, во главе с императором, стало окончательно возможно после

Франкфуртского мирного договора 1871 г. [10] и ознаменовалось принятием новой конституции, теперь уже Германского Рейха. Несмотря на участие и упоминание в Конституции 1871 г. иных «земель», а Рейх именовался «Вечным Союзом», по сути создавалось единое государство с предоставлением землям некоторого самоуправления, а высшее руководство оказалось в руках Рейха (ст. 2). Эльзас и Лотарингия перешли под прямое управление императора. Позиции руководства Рейха и, соответственно императора, усиливались признанием наличия общего коренного народа (ст. 3), члены которого были равны в своих правах на всей территории государства, а заодно и в обязательствах по его защите.

Перечень компетенции вопросов Рейха охватывал все важнейшие отрасли права и экономики, в том числе пути сообщения, армия и флот, полиция и т.п. (п. 4). Не смотря на то, осуществление законодательной власти закреплялось за федеральным советом и Рейхстагом. При этом, места в федеральном совете (58) между членами союза распределялись еще с учетом прежней расстановки сил (ст. 6). Именно этому органу давалось право решать вопросы о внесении законопроектов на рассмотрение Рейхстага, а в его составе создавалось 7 комитетов, в том числе по вопросам сухопутной армии и крепостей, морского сектора (ст. 8). Однако, руководство Федерального совета поручалось канцлеру, которого назначал император (ст. 15).

Императору конституция вручала право исполнения и оглашения законов, осуществление контроля за их исполнением (ст. 17), назначения императорских чиновников (ст. 18). Он назначал и увольнял рейхсканцлера, который председательствовал в Бундесрате и руководил делами правительства империи, без согласия Бундесрата и Рейхстага, контролировал исполнение имперских законов, хотя его протесты против исполнения закона и обретали силу после контрассигнации канцлером.

С разрешения Бундесрата император получил право использовать принудительные меры в отношении государств-членов рейха, которые не исполняли своих конституционных обязанностей. Ст. 41 закрепила право империи выкупа железных дорог у их собственников, по последующее строительство и оборудование данных дорог должно было контролироваться федеральными правительствами. Военно-морской флот империи, в виду его важности (как и железных дорог), оказался под высшим командованием императора, который также отвечал за его состав и организацию, назначал офицеров (ст. 53).

Верховный главнокомандующий контингентом, а также все офицеры, которые командовали войсками более чем одного контингента (т.е. воинские формирования из представителей разных земель), как и все командиры крепостей назначались императором и, соответственно, приносили присягу на верность. Сухопутные вооруженные силы ранее различных государств теперь образовывали единую армию под командованием императора в мирное и военное время (ст. 63). Император получил право выбирать, с целью перемещения, повышения по службе или без такового, любого офицера в прусской армии или иных контингентах (ст. 64). За ним также закреплялось право на строительство крепостей на территории всего рейха (ст. 65) [11].

В случае военного нападения император имел право объявить войну, с контрассигнацией канцлера, но акты командования, как и акты командования императора уже не требовали контрассигнатуры со стороны императора. Имея право осмотра войск и определения структуры армии, он не мог самостоятельно устанавливать численно армии в мирное время или регулировать военные расходы. Лишь контрассигнации канцлера было достаточно для объявления императором осадного положения.

Таким образом, эволюция прав прусских королей, а затем и императоров Германии, отражает сложный, процесс, во многом основанный на эволюции общественных отношений на германских землях и на осмыслении монаршей власти. Конституционное и законодательное признание за различными сословиями Германии некоторых политических прав, в том числе и создание представительных органов, лишь отчасти ограничивало права монарха, сохранявшего в своих руках контроль над правительством, судами, полицией, отчасти нормотворчеством, вооруженными силами, с опорой на широкие слои населения. Смена правящих элит к концу XIX в. несколько не ослабила данной власти, т.к. как прежние, так и новые элиты были заинтересованы в сильной королевской власти, военной, политической и экономической экспансии Германии.

Библиографический список

1. Вахминцев, М. Пруссия. Королевство Гогенцоллернов. – URL: <https://clck.ru/3PASkc> (дата обращения: 14.06.2025).
2. Allgemeines Landrecht für die Preußischen Staaten. – URL: <https://opiniojuris.de/quelle/1622>; Allgemeines Landrecht für die Pruschen Staaten. – Berlin, 1870. – Berlag von J. Guttentag. – URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10551855?page=7> (дата обращения: 14.06.2025).
3. Rath, M. Fremd und modern zugleich. – URL: <https://www.lto.de/recht/feuilleton/f/verwaltungsrecht-preussen-verwaltung-deutscher-bund-koenig-friedrich-wilhelm-rechtsgeschichte> (дата обращения: 14.06.2025).
4. Dubler, Anne-Marie: «Herrschaftsrechte», in: Historisches Lexikon der Schweiz (HLS), версия от 09.11.2006. URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/008979/2006-11-09> (дата обращения: 14.06.2025).
5. Konstitution des Königreichs Bayern, erlassen von König Maximilian I., mitunterzeichnet von den Ministern Montgelas, Hompesch und Morawitzky (25. Mai 1808). – URL: <https://germanhistorydocs.org/de/das-heilige-roemische-reich-1648-1815/konstitution-des-koenigreichs-bayern-erlassen-von-koenig-maximilian-i-mitunterzeichnet-von-den-ministern-montgelas-hompesch-und-morawitzky-25-mai-1808> (дата обращения: 14.06.2025).
6. Konstitution des Königreichs Westfalen“, proklamiert von Napoleon Bonaparte zu Fontainebleau (15. November 1807). – URL: <https://germanhistorydocs.org/de/das-heilige-roemische-reich-1648-1815/konstitution-des-koenigreichs-westfalen-proklamiert-von-napoleon-bonaparte-zu-fontainebleau-15-november-1807> (дата обращения: 14.06.2025).
7. Bearbeitet von Peter Weidel. Leibeigenschaft, Bauernbefreiung und das Ende der Leibeigenschaft. – URL: <https://www.landarbeiter.eu/leibeigenschaft-bauernbefreiung-und-das-ende-der-leibeigenschaft> (дата обращения: 14.06.2025).
8. Verfassungsurkunde für den preußischen Staat vom 5. Dezember 1848. – URL: <https://verfassungen.de/preussen/preussen48-index.htm> (дата обращения: 14.06.2025).
9. Verfassungsurkunde für den Preußischen Staat 31. Januar 1850 (Preußische Gesetz-Sammlung 1850, S. 17 ff.). – URL: <https://www.jura.uni-wuerzburg.de/professoren/professoren-im-ruhestand/dreier-horst/verfassungsdokumente-von-der-magna-carta-bis-ins-20-jahrhundert/revidierte-preussische-verfassung-1850/> (дата обращения: 14.06.2025).
10. Франкфуртский мирный договор 1871. – URL: <https://bigenc.ru/c/frankfurtskii-mirnyi-dogovor-1871-7de253> (дата обращения: 14.06.2025).
11. Gesetz betreffend die Verfassung des Deutschen Reiches vom 16. April 1871 (Reichsgesetzblatt 1871 S. 63). – URL: <https://www.jura.uni-wuerzburg.de/professoren/professoren-im-ruhestand/dreier-horst/verfassungsdokumente-von-der-magna-carta-bis-ins-20-jahrhundert/bis-marck-verfassung-1871/> (дата обращения: 14.06.2025).

ФОРМАЛЬНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В СИСТЕМЕ ПРАВОПОРЯДКА

В. Н. Матарас

*доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
mat-rs@mail.ru*

В статье анализируются формальные и содержательные явления системы правопорядка. Наряду с формальными нормами в системе правопорядка функционирует сложная система латентных этнических норм различного уровня масштаба, без учета которых формальные нормы права не действуют.

Ключевые слова: правовая система; социально-формальные нормы; этнические нормы; параметры правопорядка.

Мы всегда встречаем правопорядок в определенной временной организации своего поколения, где данный правопорядок чаще всего изучается в связи с деятельностью публичной власти и ее институтов. Поскольку правовые нормы исследуются только как часть политико-правового процесса, то в правовой науке создание правопорядка рассматривается как рукотворный факт через политико-правовую норму. При этом не учитываются сложность многослойных этнических, социальных и культурных процессов и их объективная натуральность, где властная группировка не может ничего ни исправить, ни изменить вследствие объективных трансформаций состояний коллектива и социокультурных констант.

Что считать прогрессом в системе правопорядка? И есть ли он? И как разные народы создают различные системы правопорядков? И почему стабилизация правопорядка не постоянная величина? Какой объем в стабилизации правопорядка занимает система формальных норм права, а какой – иные формы регуляции? Почему в одних периодах системы правопорядка доминируют установки на создание формальных норм, а в других – иные нормативные установки в виде правовых доктрин, правовых традиций и социокультурных доминант, создающих латентные и явные дисциплилируемые границы поведения в системе правообязанностей? Или это только различные параметры правопорядка и в зависимости от состояния структуры того или иного социума, определяющие требования к различным формам нормирования? На самом деле идет постоянный процесс трансформации правопорядка с подъемами и спадами, где временную стабилизацию мы воспринимаем как наведение правопорядка.

Правоведы, исследуя правовой порядок как явление, как правило акцентируют внимание на его формальных характеристиках, не уделяя должного внимания наличию сложного неоднородного фундамента вышеназванной системы [1, с. 27], забывая о том, что, если формальный закон не становится естественным продолжением традиционного представления о справедливости, то никакая модернизация не сможет «ни поднять под себя», ни трансформировать даже архаичную норму поведения [2, с. 70].

Необходимо держать в уме, что формальная норма права схватывает алгоритмом только определенный объем в системе правоотношений. При помощи математического алгоритма формальной нормы как рационального явления (т.е. упрощения), он не в состоянии охватить весь объем сложных систем поведения в коллективе, группе или личности. Сводить систему правопорядка к филологическому исследованию системы формальных норм права является крайним упрощением, где базисом выступает формальная норма права как монопараметр системы правопорядка. В результате взгляд исследователя направлен не на сложную динамическую систему правообязанностей, а на филологическую систему формальных норм, связанных иногда с реальностью только умозрительно.

При отсутствии достаточных разработок по фундаментальной теории правопорядка, в теории права заимствованные понятия и термины становятся упрощенной философией или уходят в прикладную узкоспециализированную сферу. Исследование такой узкой формальной платформы приводит к тому, что правовая наука попадает в «мышеловку» узкой предметности. Исследовательское движение по предмету без получения информации с междисциплин приводит к процессу возделывания облюбованных узких пятчиков правовой науки и к тупикам в исследовании. Все больше и больше о все меньшем, а дольше только переход к тривиальностям как крайней степени упрощения в правовой науке. При том, что над отечественными историками права и теоретиками правовой науки тяготеет инерция старого линейного подхода и ложного эволюционного подхода.

Как правило, правоведы в сфере теории права торопливо, в угоду научной моде берут на веру все, что им предложат социологи и философы, склонные, в свою очередь, к бездумным заимствованиям и не утруждающие себя направлением к реально-научным эмпирическим обобщениям (помимо тех парадигмальных установок, которые якобы вписываются в их теории). Возрождается ситуация времен и народов, когда реально существующая правовая теория и система правопорядка и та, которая излагается в учебных пособиях существуют как бы в разных измерениях. Где при помощи формально-правовых норм пытаются умозрительным способом наложить на этническую систему нормирования, не учитывая пределы вариаций автохонности и взаимовлияния, а следовательно, объективные процессы в системах этнического правопорядка. Они иногда взаимодействуют в системном единстве, иногда функционируют параллельно, а иногда и не совпадают. В динамических процессах правопорядка и его коллектива происходит взаимодействие этнического и социально-правового феноменов с разной степенью наполнения, не прямо, а опосредованно, но в содержании каждого имеются свои параметры функционирования и накопления.

У правоведов исследующих социально-правовой феномен возникает «философская вера» в формальную норму как панацею от социальных неустройств и потрясений, где коллектив стал рассматриваться как субъективный рациональный конструкт. Судя по большинству работ, правильно принятая норма и внешние правовые конструкты приведут к земной благодати, где правоведы станут ее магами, а конституционная реформа и создание кодексов – чудодейственное лекарство от всех социальных болезней. А желание рационализировать в исповедовании правовой доктрины, исходящей из философской веры конструктивизма – правового государства, приводит к возрастанию объема формально-правовых норм в прогрессивном объеме.

Правопорядок – это всегда вопрос времени. Застывшая в неподвижной статике социально-формальной рационализации система правопорядка возникает только в силу

абберации близости. Естественные природно-биологические ритмы коллектива постоянно пересекаются и резонируют в ней с ритмами этнического, социально-правового и культурного происхождения [2, с. 36]. Чаще всего правоведы, переходя на язык философии, смешивают и подменяют процессы этногенеза, правогенеза, социогенеза и научно-технического прогресса.

Стоило бы усвоить правоведам и политологам, что в разные эпохи люди думают и принимают политико-правовые решения по-разному: без понимания «языка эпохи» они останутся непочитанными историками правоведами [3, с. 15]. В исторической социологии права формальная норма права не отражает в полном объеме нормирование системы правопорядка и не является единственной в системе регулирования.

Доступные для теоретического осмысления параметры системы правопорядка не всегда проявляются в формализованном виде для эмпирического обобщения, иногда исследование происходит опосредованно. Для современника они не видны, их степень определенности правового института иногда связана со временем функционирования хотя бы средней длительности и по законченным параметрам проявления этих эмпирических фактов мы сможем сделать эмпирические выводы в пределах допуска. Между тем создание фундаментальной концепции системы правопорядка является основополагающей как для системы теории права и правовой системы, так и отраслевых наук, так как правовая наука есть явление, находящееся в постоянном изменении, а при наличии творческой потенции у правоведов – и в углублении.

В системе правопорядка присутствуют правовые явления, которые видны современникам, т.е. явления, о которых мы знаем, что они есть, например, правовые институты, закрепленные в системе формальных норм кодексов и конституциях. Есть неявные феномены – явления, о которых мы знаем, что они не всегда ясны для современника и они не всегда проявлены в достаточной мере для эмпирических фактов например, функционирование этнических латентных норм и императивов поведения ведущей группы, а есть еще правовые феномены, которые в силу сложности не проявлены и тем самым не видны эмпирические параметры законченных процессов правопорядка, так как они не закончены, поэтому мы не всегда знаем, в каких параметрах системы правопорядка они будут проявлены. Они не видны современникам и не всегда понятны историкам права, которые видят чаще всего то, что записано и формально присутствует как письменный источник права.

При этом историки права не обращают внимания на эти мелочи, а научное исследование идет по пути изучения филологически известных норм и памятников права. Не исследуется социологическая история правопорядка, т.е. не учитываются ни время, ни обстановка появления и функционирования данных норм. А функционировали ли они вообще и в каком промежутке времени? Возникает логика причинно-следственных связей формальных норм не на уровне науки, а на уровне философской спекуляций слов.

Система правопорядка включает элементы правовой системы, которые, взаимодействуя создают структуру и содержание временного состояния правопорядка. Если мы хотим исследовать трансформацию правопорядка, то ее необходимо рассматривать в рамках среднего или большого временного цикла, когда процессы закончены, а малый цикл при необходимости можно не учитывать, так как он насыщен вариативными политико-правовыми решениями, что создает помехи и шумы.

Следовательно, расцвет одной сферы функционирования правопорядка может быть не связан с упадком другой составляющей или ее нейтральным состоянием. А если историки позднее определили, что это является расцветом и классикой римского права, а Римское государство пало, и остатки юридической техники как застывший феномен правовой культуры стали изучать и принимать другие народы, утверждая, при этом, что они и являются продолжателями этой кристаллизованной формы записанных формальных нормативных установок исчезнувшего народа. Например, сначала эти правовые установки, переработав их, внося свое содержание переняли форму римского права Византийцы, а затем западноевропейцы, не имея ни малейшего представления о том, что составляло содержание исторической формы правопорядка. Историкам социологии права необходимо всегда учитывать, что между правовой формой и содержательным наполнением системы правопорядка присутствуют разбежки.

Библиографический список

1. Раков, К. А. Современный правопорядок: формальные и содержательные основания : моногр. / К. А. Раков. – М. : Проспект, 2023. – 120 с.
2. Булдаков, В. П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН. 2007. – 204 с.
3. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920 –1930 гг. / В. П. Булдаков. – М. : Рос. политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 759 с.

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ: ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ А. В. ДУЛОВЕ

Е. И. Орловская

*доцент кафедры теории и истории государства и прав
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
mr.rubis@gmail.com*

В статье рассматриваются основные жизненные и творческие вехи основоположника белорусской криминалистической науки – А. В. Дулова.

Ключевые слова: криминалистика; судебная экспертиза; судебная психология; криминалистический анализ.

На первый взгляд название статьи о выдающемся ученом-криминалисте, фронтовике, педагоге, учителе, просто Человеке с большой буквы – Андрее Васильевиче Дулове, может показаться несколько пафосным и формальным. Однако личность А. В. Дулова настолько масштабна, многогранна и объемна, что можно смело сказать, что и при жизни фигура Ученого как глыба возвышалась на криминалистическом и научном небосклоне. Речь идет о другом. По моему глубокому убеждению, опережающие время идеи и суждения Профессора, его прорывные и пророческие мысли лишь сейчас начинают в полном объеме осмысливаться и осознаваться учеными и практиками. Наверно нет ни одного новаторского и креативного исследования в области криминалистики, где бы в той или иной степени не использовались, не применялись, не развивались мысли Профессора. То есть, лишь постоянное творческое переосмысление многогранного наследия Наставника позволяет отчетливо понять и увидеть глубину и масштаб его личности, которая сквозь годы не только не меркнет, а становится еще более значимой и монументальной.

Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор Андрей Васильевич Дулов родился 21 октября 1924 г. в Ленинграде. Трудовую деятельность начал в 1939 г. в качестве электромонтера Ленинградского завода «Красная заря».

В июле 1941 г. А. В. Дулов добровольцем ушел на фронт, в звании старшего сержанта, командира пулеметного отделения, 1-й дивизии народного ополчения Ленинградского фронта защищал Ленинград. После тяжелого ранения, полученного в конце 1941 г. и последовавшей ампутации руки, был демобилизован из Красной армии. В эвакуации в Ярославле окончил юридическую школу. В 1944 г. назначен на должность следователя прокуратуры г. Ленинграда. В 1949–1950 гг. Андрей Васильевич был откомандирован в Генеральную прокуратуру СССР, где расследовал ряд крупных уголовных дел. За профессиональные успехи в следственной деятельности был награжден Почетной грамотой Генерального прокурора СССР. С 1952 г. по 1955 г. обучался в аспирантуре Ленинградского государственного университета.

А. В. Дулов заинтересовался проблемами применения судебных экспертиз в процессе расследования, исторические, теоретические и прикладные аспекты использования которых отразил в таких публикациях как «Некоторые вопросы подготовки к производству экспертизы на предварительном следствии» (1955); «Экспертиза на предварительном следствии в советском уголовном процессе» (1955); «О взглядах Д. И. Менделеева на судебную экспертизу» (1956) и др. Проведенные исследования позволили А. В. Дулову в 1955 г. успешно защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Экспертиза на предварительном следствии». В 1958 г. ученый переехал в Минск на должность доцента кафедры уголовного права и процесса юридического факультета БГУ, неразрывно связав свою жизнь с Беларусью и белорусской юридической наукой.

Монография «Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе» (1959) стала одной из первых работ, посвященных концептуальному исследованию института судебной экспертизы в уголовном процессе. В данной работе А. В. Дуловым рассмотрены вопросы сущности и метода судебной экспертизы, принципы проведения и пределы использования судебной экспертизы, соотношение судебной экспертизы и других видов доказательств, пределы компетенции эксперта, роль уголовно-процессуальной науки в развитии судебной экспертизы.

Большое внимание А. В. Дулов уделял вопросам психологии, которые были комплексно раскрыты в монографии «Права и обязанности участников судебной экспертизы» (1962), посвященной широкому кругу проблем, возникающих в процессе проведения экспертизы при расследовании и рассмотрении судом уголовных дел. Ученым вносится ряд предложений, направленных на дальнейшую демократизацию советского уголовного процесса, аргументируется необходимость четкого разделения двух процессуальных форм проведения экспертизы, значительного увеличения круга ее участников. Особое внимание обращают на себя предложения А. В. Дулова, направленные на подробную регламентацию прав и обязанностей участников процесса при сборе сравнительного материала, при проведении экспертизы через судебно-экспертное учреждение, которые впервые были так детально рассмотрены в советской процессуальной и криминалистической литературе.

В 1965 г. Андрей Васильевич успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы теории судебной экспертизы», в основе которой лежали четыре крупных монографических исследования и более 70 авторских статей, а в 1966 г. получил ученое звание «профессор».

Проведенные исследования создали предпосылки к формированию общей теории криминалистики и созданию белорусской научной криминалистической школы. Профессор по праву считается новатором, реформатором криминалистической науки. Глубина научных воззрений, которые опережали свое время, фундаментальность в изучении насущных проблем криминалистики, креативность и в то же время глубокая теоретическая проработка проблем и аргументированность – вот фирменный стиль его научной деятельности.

Важнейшей составляющей криминалистического обеспечения доказывания А. В. Дулов считал судебную психиатрию. В классической работе «Введение в судебную психологию» (1969.) им не только заложена основа отечественной науки судебной психологии, но и теоретически обосновано системообразующее значение психологии

в деятельности следователя. При этом существенное внимание уделено рассмотрению предмета судебной психологии, детально обосновано понятие судебно-психологических методов, их сущность и значение. В учебном пособии «Судебная психология» (1970) четко конкретизируется психологическая структура деятельности по осуществлению правосудия: рассматриваются предмет и метод судебной психологии, подвергается исследованию психологическая структура деятельности по осуществлению правосудия, излагаются цели и способы изучения личности, воздействия на нее, психологические основы следственной тактики и ряд других важнейших вопросов, от решения которых зависит правильная деятельность органов правосудия. В дальнейшем Наставник постоянно обращался к проблематике судебной психологии (работы «Судовая або правая (юрыдычна) псіхалогія» (1970), «Структурный анализ в системе методов судебной психологии» (1972), «Основы психологического анализа на предварительном следствии» (1973), «Основы формирования криминалистической теории доказывания» (2004) и др.).

А. В. Дулов был также выдающимся организатором науки, инициировав создание в 1972 г. кафедры криминалистики БГУ, которую возглавлял до 1990 г., являясь вдохновителем плодотворной деятельности коллег и студентов, которые с огромным почтением и благодарностью хранят воспоминания об Учителе. Новаторские идеи Андрея Васильевича нашли отражение в диссертациях и научных публикациях его учеников. Он был научным руководителем 66 кандидатских и научным консультантом 10 докторских диссертаций.

Особенностью научного стиля Учителя была способность сосредотачиваться на том, что до него никто не делал, что в дальнейшем позволило сформировать ряд новых направлений в теории и практике криминалистики, в том числе выработать теорию криминалистического изучения преступления. Профессор впервые отметил, что из изучаемых криминалистикой закономерностей выпадает важнейшее звено – само преступление, как системное образование. Это породило идею о необходимости исследования в криминалистике материальной структуры преступления, которая в дальнейшем, в рамках школы А. В. Дулова, стала именоваться криминалистической структурой преступления, что поставило под сомнение доминировавшую в советском правоведении идею об универсальном и всеобъемлющем характере понятия «криминалистическая характеристика преступлений» [1, с. 8].

Обоснованный А. В. Дуловым вывод о недостаточности отдельного изучения следственных действий породил новое революционное направление в криминалистике, касающееся тактических операций, характеризующих наличие самостоятельного тактического средства расследования преступлений. Основные прорывные выводы данной теории были отражены в монографии «Тактические операции при расследовании преступлений» (1979), посвященной процессуальным, логическим, психологическим и этическим проблемам тактических операций как нового средства решения криминалистических задач.

Исследования Профессора привели к парадоксальному выводу о наличии криминалистической составляющей в деятельности государственных структур и институтов, не занимающихся непосредственно расследованием преступлений. Так, должностные лица контрольно-ревизионных органов для успешного выполнения профессиональных функций должны обладать знаниями о системе признаков преступлений, совершаемых

в сфере их деятельности, уметь отличать случайные признаки от закономерных, оценивать их значение, обеспечивать сохранность будущих доказательств, знать и применять положения криминалистической тактики. Данный теоретический и эмпирический вывод позволил обосновать относящуюся к сфере криминалистики идею о необходимости создания единой государственной системы выявления преступлений.

А. В. Дулов переосмыслил роль криминалистики в системе юридических наук и профессиональной деятельности юриста, указав на ее интегрирующую роль. Трансформация предмета исследования при изучении криминалистической деятельности позволило на более прочной научной основе подойти к решению многих проблем криминалистики, в ином ракурсе шире рассмотреть проблему криминалистической профилактики, что было развито как самим Профессором, так и его учениками. Обращение А. В. Дулова к концептуально-методологическим проблемам юридической науки в целом и криминалистики в частности позволило его ученикам раскрыть такие способы познания объективной реальности как метод психологического анализа, системный анализ в криминалистической деятельности, метод экономического анализа, метод бухгалтерского анализа, метод матрицирования, метод ретроспекции, метод рефлексии, метод анализа генезисного развития преступления и др., которые позволили сформировать интегральный метод криминалистического анализа.

Изучение общих тенденций развития науки позволило Ученому выявить в структуре научного знания такой новый элемент как «стратегия развития науки» и использовать его для развития криминалистики, дополнив общепризнанную в криминалистике четырехзвенную систему науки (теоретические основы криминалистики; криминалистическая техника; тактика; методика расследования отдельных видов преступлений) новым разделом – криминалистическая стратегия.

Идеи и доктрины А. В. Дулова имели и имеют как несомненную теоретическую значимость, так и непосредственное практическое применение. В основу подхода Профессора было заложено понимание криминалистики как сущностной основы доказывания, сложной, многоуровневой и многофункциональной системы деятельности ряда субъектов, органов, ведомств, которые осуществляют свою деятельность по трансформации следовой картины преступления из материальных сред, показаний, документов в процессуальные источники доказательств в рамках уголовного процесса. Фактически Ученый всегда на шаг опережал развитие традиционной криминалистической науки, обращаясь к новым ракурсам осмысления классических задач криминалистики (тактика и методика проведения отдельных следственных действий и расследования отдельных видов преступлений, судебно-экспертное и криминалистическое обеспечения расследования и т.д.). В то же время именно идеи А. В. Дулова легли в основу формирования современных направлений развития криминалистики и судебной экспертологии.

Одним из таких направлений выступает необходимость более тесной интеграции деятельности судебных экспертов в систему деятельности по обеспечению процессов доказывания. Современное развитие научных знаний во всех его проявлениях не может не отражаться на судебно-экспертных технологиях, которые, в свою очередь, с обязательностью должны быть жестко интегрированы в процесс доказывания. И что очень важно – в практической деятельности по осуществлению доказывания оба вида деятельности должны детерминировать друг друга. Здесь оптимизация уголовно-про-

цессуального законодательства, которое регулирует деятельность эксперта в ходе осуществления доказывания, расширение пределов поисково-познавательной деятельности уполномоченных лиц – это уже не тема для научных дискуссий, а настоятельная потребность сегодняшнего дня. Синтезируя свой колоссальный научный опыт, Наставник заложил основы принципиально нового научного направления в криминалистике – формирование криминалистической теории доказывания.

Многогранная деятельность А. В. Дулова была проникнута заботой о развитии криминалистической науки и подготовкой мыслящих и всесторонне развитых специалистов. Он создал новые направления в криминалистике, развил передовые теории и концепции, чем заслуженно приобрел научный авторитет и всеобщее признание как новатор и реформатор криминалистической науки. Профессор, как автор более 600 научных работ, всегда был авторитетом для коллег, вдохновителем для молодых ученых, педагогом для нескольких поколений практических работников, мэтром белорусской криминалистической науки, прекрасным и мудрым человеком, который щедро делился накопленными знаниями.

Государство высоко оценило огромный вклад А. В. Дулова в развитие науки (Почетные грамоты Президиума Верховного Совета БССР, медаль «За заслуги в развитии криминалистики» Российского отделения ЮНЕСКО, почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Беларусь», премии БГУ имени В. И. Пичеты, высшая юридическая премия «Фемида» в номинации «За вклад в юридические науки») и защиту Родины (ордена Отечественной войны I и II степени, медали).

Андрей Васильевич Дулов скончался 15 декабря 2018 г. в Минске в возрасте 94-х лет. До последнего дня выдающийся ученый трудился на благо юридической науки, преподавал, консультировал коллег.

Библиографический список

1. Балащенко, С. А. Андрей Васильевич Дулов: развитие теории и практики криминалистики / С. А. Балащенко, В. Б. Шабанов, Г. А. Шумак, И. Р. Веренчиков, // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч.–практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 335 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Т. А. Постовалова

*доцент кафедры гражданского процесса и трудового права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
luboko@mail.ru*

В статье рассматриваются теоретические подходы к понятию и роли функций права социального обеспечения по современному этапу. В работе анализируются экономическая, политическая, социальная (социально-реабилитационная), демографическая, духовно-идеологическая (воспитательная), информационная, защитно-компенсационная и социально-адаптационная функции права социального обеспечения. Обосновывается идея важности отразить в проекте Кодекса социального обеспечения принцип оптимального согласования защитно-компенсационной и социально-адаптационной функций права социального обеспечения.

Ключевые слова: право социального обеспечения, функции права социального обеспечения, экономическая функция права социального обеспечения, социально-адаптационная функция, защитно-компенсационная функция.

Система социального обеспечения Республики Беларусь сформировались с учетом специфики экономического, социального и культурного развития страны, а также с учетом мирового опыта. Право социального обеспечения, как и любая иная отрасль, реализует общеправовые функции с учетом предмета и метода данной отрасли. Регулятивная и охранительная функции как присущие праву в целом, реализуются в праве социального обеспечения, отражая специфику его предмета и метода.

Функции права социального обеспечения – это основные направления правового воздействия данной отрасли на регулируемые общественные отношения, реализация которых призвана достичь цели и обеспечить решение задач, стоящих перед государством и отраслью по предупреждению бедности и гарантированию каждому и его семье достойных условий жизни и непрерывного их улучшения [2, с. 11].

В современной научной и учебной литературе к функциям права социального обеспечения относят экономическую, политическую, социальную (социально-реабилитационную), демографическую, информационную, профилактическую и защитную функции. Ряд авторов дополняют этот перечень указанием на духовно-идеологическую (воспитательную) функцию [3, с. 24].

Одной из основных функций права социального обеспечения является экономическая функция. Как отмечает П. А. Гуцко «экономическая функция выражается в предоставлении гражданам различных видов социального обеспечения с целью создания достойного уровня жизни, учитывая личные интересы граждан, а также направлена на создание условий для стабилизации экономики» [4, с. 33].

М. Ю. Федорова обосновывает, что предоставление гражданам материальных благ в размере ниже прожиточного минимума или в размере, сопоставимом с прожиточным

минимумом, не экономическая функция, а функция социальной помощи. Об экономической функции, т. е. воздействии социального обеспечения на экономическую систему, можно говорить только при условии, что размер предоставляемого социального обеспечения значительно превышает прожиточный минимум [5, с. 158-162].

К социальной функции относят поддержание социального статуса человека в случае наступления различных жизненных обстоятельств, с которыми связаны риски утраты либо уменьшения источника средств его существования (в случае болезни, инвалидности, старости, смерти кормильца, безработицы, бедности), путем предоставления различных видов материального обеспечения, социальных услуг, льгот, гарантирующих достойные условия жизни. Социальную функцию практически невозможно обособить от функции экономической, поэтому вполне правомерно рассматривать их в неразрывном единстве. Посредством социальной функции осуществляется и реабилитационное направление социального обеспечения, целью которого является восстановление (полностью либо частично) полноценной жизнедеятельности человека, позволяющей ему обучаться, трудиться, самостоятельно себя обслуживать, общаться с другими людьми и т. д. В этих целях нормы данной отрасли закрепляют не только права граждан на реабилитацию, но и соответствующий механизм их реализации.

По мнению Э. Г. Тучковой, отделить социальную функцию от экономической невозможно [6, с. 38]. А И. Р. Маматказин доказывает, что эффективность системы социального обеспечения проявляется на макроэкономическом уровне через относящиеся к экономическим категориям показатели, определяющие уровень развития экономики в целом и носящие ярко выраженный социально-обеспечительный характер. Это подтверждает, по его мнению, наличие тесной связи между экономической и социальной функциями права социального обеспечения [7, с. 84].

Регулятивная функция права социального обеспечения – это обусловленное ее социальным назначением направление правового воздействия на социально-обеспечительные отношения, которое выражается в установлении позитивных правил поведения, предоставлении субъективных прав и возложении юридических обязанностей на их субъектов.

Охранительная функция обусловлена необходимостью охраны социально-обеспечительных отношений, образующих предмет данной самостоятельной отрасли права. Право социального обеспечения пресекает, запрещает действия, которые препятствуют их нормальному возникновению и функционированию. Основное назначение охранительной функции связано с ее превентивной ролью – предотвращением нарушений норм права социального обеспечения. Эффективность охранительной функции тем выше, чем больше субъектов права подчинились предписанию норм права, выполнили требование запрета.

Мы разделяем мнение Э. Г. Тучковой, что не имеется существенных разногласий во взглядах ученых по вопросу классификации функций социального обеспечения, а различия касаются лишь формулировок самих функций и их количества.

Как отмечает П. А. Гуцко, «к основным направлениям реализации демографической функции права социального обеспечения на современном этапе относятся совершенствование системы государственных пособий с переориентированием на поддержку семей с двумя детьми и более, а также детализация порядка предоставления

супружеским парам бесплатной попытки ЭКО. С помощью системы социально-обеспечительных мер необходимо обеспечить защиту от социального отторжения членов общества, нуждающихся в социальном обеспечении» [8, с. 17].

Поскольку мотивационная функция права социального обеспечения определяется порядком формирования социально-обеспечительных прав, то нужно учитывать, что разные права на социальное обеспечение предполагают и различные процессы их формирования, что в свою очередь определяет особенности проявления мотивационного воздействия на волю и интересы субъектов [9, с. 74].

Ю. В. Воронин считает, что один из главных уроков, который следует извлечь из политики структурной перестройки в России, заключается в том, что «укрепление систем социального обеспечения, особенно в странах с формирующейся рыночной экономикой, может помочь стимулировать внутренний спрос, уменьшить избыточные накопления, сократить слишком высокие уровни неравенства и способствовать равноправному и устойчивому социально-экономическому развитию» [10, с. 468].

М. В. Лушникова выделяет две основные функции права социального обеспечения – защитно-компенсационную и социально-адаптационную (интеграционную). «Синтез рассматриваемых функций – неповторимая, специфическая черта именно права социального обеспечения как отрасли, в которой сочетаются публичные и частные интересы. Кроме того, названные функции диктуют цели и задачи законодательства о социальном обеспечении, которые отражают государственную социальную политику. Роль государства заключается не только в том, чтобы защитить население путем материальной компенсации последствий социальных рисков, но и гарантировать право на защиту от социального отторжения путем реализации политики социальной адаптации, «интеграции в активную жизнь» этих членов общества. Единство рассматриваемых функций проявляется и во взаимодействии (соотношении) страховых и не страховых форм социального обеспечения» [11, с. 99].

Мы полагаем, что под функциями права социального обеспечения следует рассматривать основные направления правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу распределения социальных благ и услуг лицам, нуждающимся в социальной защите.

Как отмечает И. Р. Маматказин «с достаточной долей уверенности можно говорить, что все ранее сформированные функции социального обеспечения останутся востребованными. Новые функции возникнут тогда, когда появится достаточно многочисленный класс новых работников, деятельность которых будет качественно отличаться от существующих сегодня трудовых отношений. Иным будет труд, иными будут формы оплаты труда, соответственно, другими будут и формы социальной защиты и социального обеспечения индивидов» [12, с. 576–577].

В будущем при разработке проекта Кодекса социального обеспечения важно реализовать принцип оптимального согласования защитно-компенсационной и социально-адаптационной функций права социального обеспечения, закрепив ее в качестве основной цели законодательства о социальном обеспечении.

Библиографический список

1. Лушникова, М. В. Курс права социального обеспечения / М. В. Лушникова, А. М. Лушников. – М. : ЗАО Юстицинформ, 2009. – 656 с.
2. Тучкова Э. Г. Основные функции права социального обеспечения / Э. Г. Тучкова / Функции трудового права и права социального обеспечения в условиях рыночной экономики: материалы X Междунар. науч.–практ. конф., Москва, 4-5 апр. 2014 г. / Моск. гос. юрид. акад. ; сост. : М. И. Акатнова, М. Э. Дзарасов. – М. : Проспект, 2014. – С. 9–18.
3. Право социального обеспечения / под ред. М. В. Филипповой. Учебник – М: Юрист, 2006. – 444 с.
4. Гуцко, П. А. Реализация экономической функции права социального обеспечения на примере пенсионного законодательства / П. А. Гуцко // Трудовое и социальное право. – 2021. – № 4. – С. 30–35.
5. Федорова, М. Ю. Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования / М. Ю. Федорова. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. – 240 с.
6. Проблемы Общей части права социального обеспечения : моногр.. / отв. ред. Э. Г. Тучкова. – М. : Проспект, 2017. – 416 с.
7. Маматказин, И. Р. Соотношение социальной и экономической функций в праве социального обеспечения (постановка проблемы) / И. Р. Маматказин // Рос. право. Образование. Практика. Наука. – 2018. – № 1. – С. 78–85.
8. Гуцко, П. А. Реализация демографической функции права социального обеспечения / П. А. Гуцко // Трудовое и социальное право. – 2021. – № 2. – С. 14–18.
9. Маматказин, И. Р. Юридическая природа и значение мотивационной функции права социального обеспечения / И. Р. Маматказин // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2022. – № 1. – С. 66–89.
10. Воронин, Ю. В. К вопросу о роли социального обеспечения в рыночной экономике / Ю. В. Воронин // Функции трудового права и права социального обеспечения в условиях рыночной экономики: материалы X междунар. науч.–практ. конф. / сост. М. И. Акатнова, М. Э. Дзарасов. – Москва : Проспект, 2014. – С. 465–471.
11. Лушникова, М. В. Функции права социального обеспечения / М. В. Лушникова // Вестн. Омск-го ун-та. Серия «Право». – 2009. – № 3. – С. 95–99.
12. Маматказин, И. Р. Функции права социального обеспечения в условиях цифровой экономики / И. Р. Маматказин // Пермский юрид. альманах. – 2019. – № 2. – С. 572–577.

**СТИМУЛИРУЮЩАЯ И ДЕСТИМУЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИИ НАЛОГОВОЙ
И ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ
РЕСУРСОВ, СОКРАЩЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОТХОДОВ**

А. В. Рощупкин

*первый заместитель генерального директора Унитарного производственного
предприятия «Кока-Кола Бевриджиз Белоруссия»
andrei.roschupkin@cchellenic.com*

А. А. Рощупкин

*преподаватель кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Белорусского государственного университета
3058545@gmail.com*

В статье сформулированы подходы к установлению дифференцированной ставки налога с учетом соответствия отраслевым нормативам затрат воды на производство одного литра продукции, дифференцированных тарифов на потребляемые производителями электроэнергии и газа и размеров платы за организацию сбора, обезвреживания и (или) использования отходов товаров и упаковки. Обоснована возможность достижения баланса интересов государства и производителей за счет неизменности объема собираемых средств в целом со всех производителей, при одновременном использовании стимулирующей и дестимулирующей функции налоговой и тарифной политик.

Ключевые слова: ставка налогообложения; тарифы; инновации; баланс интересов; собираемость налогов и сборов; стимулирующая и дестимулирующая функции налоговой и тарифной политик.

Согласно Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. (Указ Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292) внедрение принципов «зеленой» экономики в Беларуси будет способствовать в экономической сфере устойчивому экономическому росту, основанному на инновациях, и повышению конкурентоспособности: в социальной – улучшению качества жизни, а в экологической – снижению нагрузки на окружающую среду и повышению эффективности использования природного капитала. Результатом реализации Национального плана будет обеспечение «зеленого» экономического роста в условиях сохранения природного капитала и повышения занятости, в том числе за счет создания «зеленых» рабочих мест, и, как следствие, достижение Целей устойчивого развития, содержащихся в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1], а также гармонизация экологических, экономических и социальных интересов белорусского общества.

Согласно ст. 2 Общей части НК Республики Беларусь к принципам налогообложения относятся, в том числе, принципы справедливости и экономической обоснованности налогообложения, которые тесно связаны со стимулирующей функцией налогов, сборов и тарифов, налоговых вычетов, налоговых кредитов, налоговых и тарифных преференций. При помощи этих инструментов государство вынуждает хозяйствующие субъекты действовать в нужном направлении, при этом отмечается, что действие функции проявляется в долгосрочном периоде, в отличие от исключительно фискальной [2].

Как и любая другая функция стимулирующая функция имеет как преимущества, так и недостатки. К преимуществам следует отнести положительное влияние на ускорение развития отдельных отраслей экономики (появлению новых предприятий, созданию рабочих мест, увеличению объемов производства, улучшению качества продукции и т.п.), в том числе повышение уровня экспортоориентированной составляющей и развития конкуренции. Однако, наряду с этим, необходимо учитывать и недостатки излишнего использования механизмов стимулирующей функции налоговой и тарифной политик, что может привести к снижению доходов государства и неэффективному использованию ресурсов, а также к перераспределению налоговой и платежной нагрузки между различными отраслями экономики, что не всегда оправдано с экономической точки зрения. В силу этого выделяется и дестимулирующая подфункция, устанавливающая налоговые препятствия для развития экономики. При этом воспроизводственная подфункция заключается в аккумулировании средств для восстановления используемых ресурсов [3].

Обратимся к итогам целенаправленного совершенствования производственных процессов на унитарном предприятии «Кока-Кола Бевриджиз Белоруссия». Так, затраты воды для производства одного литра напитков снизились в 2024 г. с 2011 г. на 0,42 литра или на 23,59%. Результат 2024 г. является одним из лучших в отрасли: для производства 1 литра продукции затрачено 1,36 литра воды. Если в 2014 г. доля вторичного использования воды в производственном процессе составляла один процент, то в 2024 – 38 %. Затраты энергии для производства одного литра готовой продукции уменьшились в среднем на 0,074 МДж или на 25,42%. Внедрение инновационных решений позволило уменьшить размер бутылок и колпачка для различных форматов бутылок. Обобщенный результат общего снижения веса преформы, пересчитанный на объем выпуска продукции с 2014 по 2024 г. (за нулевой уровень принят общий вес упаковки, использованной в 2014): 696 тонн пластика не попало на рынок и соответственно не требовался его сбор и переработка.

Налоговая ставка – это основной элемент юридической конструкции налога и как элемент налогообложения является отображением реализации принципа соразмерности и общности налогообложения [4]. В современных условиях практически все государства пытаются проводить реформы налоговой и тарифной политик, которые позволяют не только повышать их эффективность, но и будут способствовать росту конкурентоспособности, внедрению инноваций и развитию экономики в целом [5].

Представляется, что установление отраслевого нормирования использования воды для производства одного литра продукции, с установлением дифференцированной ставки налога, которая изменяется в большую или меньшую сторону в зависимости от соотношения результатов по расходованию воды на производства одного литра готовой продукции, позволит не только достичь нужного баланса интересов государства

по наполнению бюджета за счет неизменности объема собираемого налога, но и одновременно, возможно впервые, эффективно использовать стимулирующую и дестимулирующую функции налоговой политики. То есть производители, которые используют технологические процессы, направленные на уменьшение расхода воды как основного ингредиента для производства продукции, будут платить меньше налогов, а те, которые допускают перерасход воды относительно установленного норматива – больше.

Полагаем, что использование одновременно стимулирующей и дестимулирующей функций налоговой и тарифной политик в рамках одной отрасли (например, производство безалкогольных напитков, с учетом особенностей технологий) позволяет достигать баланса интересов между достижением целей государства и производителей с соблюдением принципов справедливости и эффективности налогов и тарифов.

Библиографический список

1. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. : Резолюция Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – URL: <http://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 29.01.2025).
2. Жидкова, Е. Ю. Налоги и налогообложение: учеб. пособие / Е. Ю. Жидкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – 480 с.
3. Брызгалин, А. В. Налоги и налоговое право: учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Брызгалин. – М. : Аналитика-Пресс, 1998. – 600 с.
4. Кобзев, Д. А. Способ прогресса налогового законодательства и налоговой системы / Д. А. Кобзев // Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. ст. XXV Междунар. науч.-практ. конф., в 3 ч., Ч. 2. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. – С. 14–17.
5. Ордынская, Е. В. Налоговая реформа: к вопросу о справедливости налогообложения / Е. В. Ордынская, М. В. Черковец, Е. Д. Костина // Научные труды. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2024. – № 2. – С. 143–160.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НОВОГО ВИДА ПРЕДЕЛОВ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ПРОВЕРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. П. Скобелев

*заместитель декана юридического факультета
Белорусского государственного университета
по учебной работе и образовательным инновациям,
кандидат юридических наук, доцент
Skobelev@bsu.by*

Показано, что норма ч.2 ст. 575 КГС дает основания выделять новый вид пределов апелляционной проверочной деятельности – пределы проверки в части заявленных апеллянтом требований. Обосновано, что проверка решения суда в пределах требований апеллянта в действительности подразумевает соблюдение уже известных пределов апелляционной проверки – предметных, субъектных и аргументационных, в связи с чем предлагается слова «и требований» из ч. 2 ст. 575 КГС исключить.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; апелляция; апеллянт; требования апеллянта; пределы апелляционной проверочной деятельности.

Содержание ст. 418 «Предмет и пределы рассмотрения апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста» ГПК Республики Беларусь, а также достижения теории цивилистического процесса позволяют утверждать, что проверочная деятельность апелляционных судов имеет следующие четыре вида пределов [1, с. 38–39; 2, с. 24–25]:

– **предметные** пределы – касаются того, какое судебное постановление подлежит проверке в апелляционном порядке, в каких его структурных частях и касательно каких содержащихся в этих частях властных суждений;

– **субъектные** пределы – определяют, на каких субъектов (как являвшихся, так и не являвшихся участниками процесса в суде первой инстанции) может распространяться проверочная деятельность апелляционных судов;

– **аргументационные** пределы – имеют отношение к доводам, приводимым заинтересованными лицами в пользу правильности / неправильности проверяемого в апелляционном порядке постановления суда;

– пределы в части **критериев** осуществления проверочной деятельности – устанавливают требования, на соответствие которым судебное постановление должно проверяться в апелляционном порядке (законность и обоснованность, а если решение является условным или альтернативным – то также и требование определенности).

Положения ст. 418 ГПК нашли почти дословное воспроизведение в ст. 575 «Предмет и пределы рассмотрения дела судом апелляционной инстанции» КГС Республики Беларусь, правда, с одним очень существенным нюансом-дополнением. Так, если ч. 2 ст. 418 ГПК гласит, что «суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе и (или) апелляционном протесте, возражениях на них, и проверяет законность и обоснованность решения только в обжалуемой (опротестовываемой) части», то в соответствующей ей ч.2 ст. 575 КГС закреплено:

«суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов *и требований*, изложенных в апелляционной жалобе и (или) апелляционном протесте, отзывах на них, и проверяет законность и обоснованность решения только в обжалуемой (опротестовываемой) части». Получается, что согласно ч.2 ст. 575 КГС суд апелляционной инстанции помимо проверки решения с учетом всех остальных пределов проверочной деятельности должен его проверять также в пределах требований, изложенных в апелляционной жалобе (протесте), что позволяет говорить о выделении законодателем нового (пятого по счету) вида пределов апелляционной проверочной деятельности в дополнение к названным выше, – ***пределов проверочной деятельности в части заявленных апеллянтом требований***.

Однако отмеченная новелла заслужит, на наш взгляд, негативной оценки. Ведь требования апеллянта есть не что иное, как указание на то полномочие суда апелляционной инстанции (эти полномочия закреплены в ст. 578 КГС и корреспондируют аналогичным полномочиям, предусмотренным ст. 423 ГПК), которое апеллянт просит применить по результатам рассмотрения его апелляционной жалобы (протеста). Следовательно, неправильный выбор апеллянтом одного из полномочий, указанных в ст. 578 КГС, не позволит суду апелляционной инстанции применить то полномочие, которое к данной конкретной ситуации действительно подходит (разумеется, данный вывод не касается полномочия, оговоренного п.1 ст. 578 КГС – оставить решение суда без изменения, а апелляционную жалобу (протест) без удовлетворения, которое суд апелляционной инстанции вправе применить в любом случае). Например, если апеллянт просит изменить решение суда первой инстанции (п.2 ст. 578 КГС), а обстоятельства ситуации таковы, что требуют не изменения решения, а вынесения по делу нового решения (п. 3 ст. 578 КГС), то с учетом новеллы ч. 2 ст. 575 КГС суду апелляционной инстанции не останется ничего другого, как в удовлетворении требований апеллянта отказать.

С новеллой ч. 2 ст. 575 КГС связан и еще один не совсем позитивный момент: из буквального содержания ч. 2 ст. 575 КГС следует, что апелляционная инстанция должна проверять решение в пределах требований, изложенных не только в апелляционной жалобе (протесте), но и в отзывах на апелляционную жалобу (протест). Однако может ли отзыв на апелляционную жалобу (протест) содержать какие-либо требования? Положения ст. 566 «Отзыв на апелляционную жалобу и (или) апелляционный протест» КГС прямого ответа на данный вопрос не дают. Нам представляется, что содержательное наполнение отзыва должны составлять не какие-то требования представляющего отзыв лица, а прежде всего изложение данным лицом своего отношения (позиции) к апелляционной жалобе (протесту), в том числе в виде оценки этой жалобы (протеста) через призму содержания решения суда и материалов гражданского дела.

Если речь о включении в отзыв какого-либо требования вести вообще и возможно, то, вероятно, лишь по отношению к требованию о применении судом апелляционной инстанции полномочия, закрепленного п.1 ст. 578 КГС, потому что данное полномочие суд апелляционной инстанции вправе применять всегда априори, т.е. независимо от заявления любого из участников судопроизводства. Но если отзыв содержит требование о реализации какого-то иного полномочия из числа названных в ст. 578 КГС, то суд апелляционной инстанции должен предложить подателю отзыва переоформить его в заявление о присоединении к апелляционной жалобе (если требования подателя отзыва совпадают с требованиями апеллянта) либо в самостоятельную апелляционную

жалобу или протест (если требования подателя отзыва отличаются от требований апеллянта), а если сроки, установленные для присоединения к апелляционной жалобе или для подачи самостоятельной апелляционной жалобы (протеста) истекли и восстановлению не подлежат, то суд апелляционной инстанции в принятии подобного отзыва, вероятно, должен вообще отказать, одновременно разъяснив его подателю, что он вправе в пределах срока, предусмотренного ст. 566 КГС, снова представить отзыв, но уже без изложения тех требований, которые он ранее в отзыве приводил.

Коль скоро с анализируемой новеллой ч. 2 ст. 575 КГС связано столько проблем, то возникает резонный вопрос, зачем она разработчиками КГС была введена? Вероятно, причина кроется в том, что в некоторых зарубежных законодательствах, а также в трудах отдельных ученых можно встретить указание о том, что проверка судебных решений судом апелляционной инстанции должна осуществляться в том числе в пределах требований апеллянта. Однако внимательный анализ показывает, что в этих случаях под проверкой судебного решения в пределах требований апеллянта на самом деле подразумевается не строгое следование судом второй инстанции тому полномочию, которое апеллянт потребовал применить, а соблюдение судом второй инстанции установленных апеллянтом предметных, аргументационных и субъектных пределов проверочной деятельности.

Е. А. Борисова пишет, что, «объем апелляционной проверки судебного решения зависит от того, насколько суд второй инстанции связан *доводами* (здесь и далее выделено нами – В. С.) апелляционной жалобы и возражений относительно нее. Вопрос о пределах проверки является недостаточно теоретически разработанным и наиболее дискуссионным в науке российского гражданского процесса. В суде второй инстанции решение может проверяться или в полном объеме, или в объеме *требований*, указанных в поданной жалобе» [3, с. 158]. Как видно, здесь под проверкой решения в объеме требований поданной жалобы подразумевается его проверка с соблюдением аргументационных пределов. Далее автор указывает, что «в зависимости от *требований* апелляционной жалобы апелляционный суд должен проверять правильность решения суда первой инстанции в отношении *лица*, подавшего жалобу, и только в отношении обжалованной им *части судебного решения*. В связи с этим суд апелляционной инстанции не должен касаться тех *частей решения*, которые не были обжалованы» [3, с. 158–159]. Здесь Е. А. Борисова проверку решения с учетом требований апелляционной жалобы отождествляет с соблюдением субъектных и предметных пределов проверочной деятельности. Аналогичного рода высказывания допускаются и по поводу иностранного судопроизводства: «В современном европейском гражданском процессе апелляционная проверка судебного решения осуществляется, как правило, в пределах, установленных в апелляционной жалобе. В соответствии с §462 ГПК Австрии апелляционный суд проверяет решение суда первой инстанции в пределах апелляционных *требований*. В апелляционном производстве в немецком гражданском процессе апелляционный суд проверяет и разрешает только апелляционные *требования*» [3, с. 160–161].

Такие же утверждение находим и в более поздней работе автора: «Под «пределами рассмотрения дела судом апелляционной инстанции» необходимо понимать объем проверочной деятельности суда апелляционной инстанции. Объем апелляционной проверки судебного решения зависит от того, насколько суд второй инстанции связан *доводами* апелляционной жалобы и возражений относительно нее. Как следует из приведенных выше положений законов, в суде второй инстанции решение может проверяться

или в полном объеме, или в объеме **требований**, указанных в поданной жалобе» [4, с. 196]. В приведенном тексте Е. А. Борисова проверку решения в объеме требований жалобы связывает с соблюдением судом второй инстанции аргументационных пределов. Несколько ниже, описывая теорию и практику апелляционного производства в России до 1917 г., ученый отмечает: «Руководствуясь правилом о пределах проверки судебного решения в зависимости от **требований** апелляционной жалобы, апелляционный суд должен проверять правильность решения суда первой инстанции в отношении **лица**, подавшего жалобу, и только в отношении обжалованной им **части судебного решения**. В связи с этим суд апелляционной инстанции не должен касаться тех **частей решения**, которые не были обжалованы» [4, с. 196–197]. А здесь уже автор, как и в работе 2008 г., проверку решения с учетом требований апелляционной жалобы отождествляет с соблюдением судом второй инстанции субъектных и предметных пределов проверочной деятельности.

Обращаясь к австрийскому процессуальному законодательству, отметим, что оно содержит положение о том, то «апелляционный суд проверяет решение суда первой инстанции в пределах апелляционных требований» [5, с. 41], и Е. А. Борисова в своих высказываниях по поводу законодательства данной страны права. Вместе с тем представляет большой интерес, как данное положение процессуального законодательства Австрии трактуется самими учеными данной страны. Так, ими утверждается, что «проверка проводится только в рамках заявленных **оснований и ходатайств** (§ 462 ГПУ – запрет поворота к худшему). Постановление проверяющего суда не может ухудшить правовое положение стороны, если только этого не требует другая сторона. Лишь в исключительных случаях правовое положение обжалующей решение стороны может быть ухудшено, если проверяющий суд должен по собственной инициативе (*ex officio*) учесть **основания** ничтожности. Однако и тогда действует правило, согласно которому постановление остается обязательным в необжалуемой **части** (частичная законная сила), что исключает изменение решения в **части**, выходящей за пределы **требований** обжалующей стороны» [5, с. 21–22]. Отсюда следует, что проверка решения в пределах апелляционных требований предполагает соблюдение австрийским судом второй инстанции аргументационных и предметных пределов.

Предписание, аналогичное австрийскому процессуальному законодательству, содержит и Гражданское процессуальное уложение Германии, параграф 528 которого гласит, что «проверке и решению апелляционного суда подлежат только апелляционные **требования**. Решение суда первой инстанции может быть пересмотрено только в пределах, определяемых **требованиям** сторон» [5, с. 189]. И по этому поводу немецкие ученые дают такой комментарий: «Апелляционный суд проверяет и разрешает только апелляционные **требования**, т.е. обжалуемое решение может быть изменено только в той **части**, в какой это изменение заявлено (§528 ГПУ ФРГ)» [5, с. 173]. Выходит, что пересмотр решения в пределах апелляционных требований – это такой пересмотр, при котором соблюдаются предметные пределы проверочной деятельности.

В ст. 252 ГПК Венгрии присутствуют нормы, свидетельствующие о связанности суда апелляционной инстанции требованиями апелланта и других заинтересованных лиц:

«(1) Апелляционный суд вне зависимости от **требований**, заявленных в апелляционной жалобе, присоединяющейся апелляции, возражениях на апелляционную жалобу, отменяет своим определением решение суда первой инстанции и направляет дело

на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае, если будет выяснено, что решение было принято судом первой инстанции в незаконном составе, а также если судья, в отношении которого имелись предусмотренные законом основания для отвода, принимал участие в вынесении решения.

(2) Апелляционный суд вне зависимости от **требований**, заявленных в апелляционной жалобе, присоединяющейся апелляции, возражениях на апелляционную жалобу, отменяет своим определением решение суда первой инстанции и направляет дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае, если будет выяснено, что необходимо повторно рассмотреть дело или вынести новое решение ввиду допущенных существенных нарушений правил судопроизводства в суде первой инстанции» [5, с. 145–146].

В венгерской науке по поводу данных норм отмечается следующее. «Выраженная в жалобе **просьба** стороны направлена на изменение решения суда первой инстанции. Эта просьба имеет чрезвычайно важное значение, поскольку определяет пределы, в которых апелляционный суд может проверить оспариваемое решение, основываясь на принципе «*ne ultra petitum*» («в пределах исковых требований») и в условиях связанности действиями сторон. Суд апелляционной инстанции обязан провести проверку обжалуемого постановления суда первой инстанции в пределах **доводов** апелляционной жалобы, присоединяющейся апелляции и возражений на жалобу. Однако суд вправе в указанных пределах разрешить **вопросы**, связанные с правами, заявленными в исковых требованиях, или с правами, положенными в основу доводов ответчика, заявленными в суде первой инстанции, которые не были оценены и разрешены судом первой инстанции. Независимо от **доводов** жалобы, присоединяющейся апелляции и возражений на жалобу апелляционный суд должен разрешить **вопрос** о неуплаченных обязательных платежах, а равно о понесенных государством издержках, которые не были покрыты. В случае если суд первой инстанции допустил грубое нарушение норм процессуального права, суд апелляционной инстанции обязан или вправе отменить судебный акт суда первой инстанции в зависимости от характера допущенного нарушения независимо от **доводов** жалоб» [5, с. 126]. То есть, связанность суда апелляционной инстанции заявленными требованиями – это его связанность аргументационными и предметными пределами проверки, определенными апеллянтом и другими участниками апелляционного производства.

Наконец, относительно процессуального права Англии и Уэльса исследователи указывают, что «исходя из провозглашенной ПГС цели гражданского процесса, а именно стремления обеспечить справедливое рассмотрение дела, апеллянт вправе поставить перед апелляционным судом иные **вопросы**, отличные от ранее заявленных в апелляционной жалобе. В соответствии с правилом 52.11(5) ПГС выход за пределы заявленных **требований** может быть осуществлен только в случае, если апелляционный суд даст соответствующее разрешение» [5, с. 92]. Отсюда видно, что выход апелляционного суда за пределы заявленных требований есть не что иное, как выход за предметные пределы апелляционной проверки.

Таким образом, новелла ч. 2 ст. 575 КГС не привносит в правовую сферу ничего нового (проверка решения суда в пределах требований апеллянта означает соблюдение предметных, аргументационных и субъектных пределов проверки) и способна лишь запутать правоприменителей (создать у них впечатление о безусловности связанности апелляционного суда тем полномочием, о применении которого апеллянт попросил).

Поэтому слова «и требований» из ч. 2 ст. 575 КГС целесообразно исключить.

Библиографический список

1. Скобелев, В. П. Пределы апелляционной проверки судебных постановлений в гражданском процессе: проблемы теории и правоприменительной практики / В. П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 8. – С. 37–43.
2. Скобелев, В. П. Пределы апелляционной проверки судебных постановлений в гражданском процессе: проблемы теории и правоприменительной практики / В. П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2023. – №9. – С. 18–25.
3. Борисова, Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе / Е. А. Борисова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издат. Дом «Городец», 2008. – 224 с.
4. Борисова, Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие / Е. А. Борисова. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
5. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / З. Х. Баймолдина [и др.]; под ред. Е. А. Борисовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. – 768 с.

ИНТЕРЕС КАК ИСТОК И ИСТОЧНИК ПРАВА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

М. Ю. Спирин

*доцент кафедры теории государства и права Московского
государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
myuspirin@msal.ru*

Рассматривается проблематика интереса в праве с точки зрения развития исторической традиции романо-германской юриспруденции и с позиции современной оценки данной категории. Анализируется использование категории интереса в немецкой догматике права. Делаются выводы о возможности двойственного восприятия интереса в праве как истока права и как источника права.

Ключевые слова: интерес в праве; частный интерес; публичный интерес; юриспруденция интересов; правомочный интерес; законный интерес; исток права; источник права; форма права.

Проблематика интереса в праве и его места (значения) для определения объёма и основных направлений правового регулирования является перманентно актуальной для доктринальной юриспруденции [1; 2; 3; 4; 5; 6]. С точки зрения этимологии интерес в праве определяется от лат. *utilia, utilita* – польза, полезность; лат. *bonum, bonus* – благо; позднелат. тия, можно сказать, что интерес выражает стремление к определённом благу, воспринимаемому и прогнозируемому лицом, которое, вместе с этим, является полезным и правильным не только для него, но и для других лиц, окружающих его в обществе.

Вопрос о юридическом значении интереса изучается со времён римской классической юриспруденции: так, ещё в III в. Домиций Ульпиан использовал разделение общественных и личных интересов (*res publica et res privata*) в качестве основного критерия последующего разграничения публичного и частного права как важнейших компонентов системы права. Отсюда возникла знаменитая формула, до настоящего времени определяющая сущность и предназначение права: *ius est ars boni et aequi* (право есть искусство доброго и равного; т.е., понимание права как результата сформированной гармонии охраняемых интересов различных лиц, отражённого, в первую очередь, в законодательстве).

Первый тип интереса – частный интерес, который по природе является внутренним либо выраженным внутри человека интересом. Он отражает индивидуальную волю и является основой уникальности любого человеческого поведения. При этом для возникновения, последующего формулирования (объективации) и защиты частного интереса особое значение имеют субъективные права и свободы человека, которые основаны на нём и предоставляют возможности для его развития. На базе определения частного интереса возникла формула *ius privatum* (частное право есть право, которое относится к пользе отдельных лиц; *privatum ius quod ad singulorum utilitatem* – *Ulpianus, fr. 2. D. 1.1*).

Второй тип интереса – публичный интерес, который выступает как внешний либо выраженный вовне интерес. Он выражает коллективный разум и унифицирует человеческое поведение на основе установленного обществом единого стандарта деятельности [7]. Для формулирования сущности и содержания публичного интереса принципиальное значение имеет институт государства, который главным образом и определяет направления реализации публичного интереса и защищает его от эгоизма отдельных лиц [8, с. 203, 207, 210]. При этом следует различать публичный и государственный интересы, поскольку государственный интерес персонифицируется с государственным аппаратом, а публичный интерес – более широкая по смыслу категория. На основе выделения публичного интереса возникла формула *ius publicum* (публичное право есть право, которое относится к положению (состоянию) Римского государства; *publicum ius est quod ad statum rei Romanae spectat* – *Ulpianus, fr. 2. D. 1.1*).

Таким образом, соотношение, взаимодействие и гармонизация двух данных типов интереса является принципиальной задачей правового регулирования [9]. В качестве примера можно привести Конституцию, которая отражает соответствующий баланс или гармонию частных и публичных интересов в соответствующем обществе.

Развитие доктрины интересов в праве следует рассматривать как движение в первую очередь немецкой догматики права от юриспруденции понятий (*Begriffsjurisprudenz*) первой половины XIX в. (Г. Пухта, Ф. фон Савиньи, ранний Р. фон Иеринг) к юриспруденции интересов (*Interessenjurisprudenz*) второй половины XIX в. (Ф. фон Хек, Р. Мюллер-Эрцбах, поздний Р. фон Иеринг) [10; 11; 12], что стало глобальным трендом развития юридического мышления в XIX – начале XX вв. [13; 14; 15]

При этом стоит выделять концептуально важную роль Р. фон Иеринга в развитии юриспруденции интересов, которая была модифицирована в его юридической социологии и теории правового реализма конца XIX в. Особое значение в данном вопросе имеют два центральных произведения Р. фон Иеринга: Венский доклад «Борьба за право» (1872) и «Цель в праве» (в 2 тт., 1877–1883). В этих работах методологически отражены постулаты философии прагматизма и определена естественность эгоистических, часто противостоящих друг другу индивидуальных интересов лиц. В таком случае право является конкретным средством защиты интереса определённого типа, поскольку столкновение и борьба интересов, закреплённых в существующем праве и ищущих своего закрепления в новом праве, являются движущей силой его развития [14, с. 22].

Со времён Р. фон Иеринга немецкая юридическая догматика выделила несколько видов интереса в праве:

- 1) *ein anerkanntes Interesse* – признанный интерес;
- 2) *ein abgegrenztes Interesse* – отграниченный интерес;
- 3) *ein geschütztes Interesse* – защищённый интерес;
- 4) *ein angemessenes Interesse* – разумный или соизмеримый интерес;
- 5) *ein berechtigtes Interesse* – обоснованный или правомочный интерес.

При этом классическая теория интересов в праве традиционно воспринимает само право как главным образом защищённый интерес (*ein geschütztes Interesse*), на чём основана современная социологическая концепция права, определяющая объективное право в качестве средства отражения закреплённых юридическими формами многообразных социальных интересов [16]. Это породило известную идею баланса частных

и публичных интересов в праве, а в дореволюционной российской юриспруденции – концепция гармонизации соответствующих типов интереса.

Немецкая правовая догматика, развивая юриспруденцию интересов, в XX в. пришла к концепции юриспруденции ценностей (*Wertungsjurisprudenz*) [17]. При этом можно заметить отчётливое влияние развития немецкой догматики права в XIX – XX вв. на известных российских теоретиков права (Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич и др.), что, с одной стороны, выразилось в появлении идеи разграничения интересов в праве и в проблематике нормативного оформления такого разграничения (Н. М. Коркунов), а с другой стороны, – в создании доктрины естественного противостояния интересов различных лиц и необходимости формального их закрепления как взаимодействующих и взаимозависимых субъективных прав и юридических обязанностей в содержании юридического отношения (Г. Ф. Шершеневич). В этой связи отметим важное значение правообразующих интересов (религиозных, социально-экономических) как истоков правового регулирования с точки зрения социологии права и теории правотворчества.

Современная немецкая догматика права (Б. Рютерс, Т. Вестинг, К. Фишер, А. Бирк) продолжает традиции юриспруденции интересов, рассматривая проблемы разграничения интересов в обществе и используя категорию *ein abgegrenztes Interesse* (отграниченный интерес) [18; 19].

Обратим внимание на логическую дихотомию категорий, связанных с самим содержанием понятия «интерес»:

1) интерес и потребность (нуждаемость; *der Bedarf*) (субъективная потребность, «растворённая» в объективном качестве и количестве потребностей всех лиц в обществе);

2) интерес и желание («хотение», вожеление; *der Wille*) (сугубо субъективная, эгоистическая, индивидуалистическая категория);

3) интерес и притязание (*der Anspruch*; как справедливое, т.е., подтверждённое обществом, так и несправедливое, т.е., осуждаемое и неподдерживаемое обществом) [20, с. 15];

4) интерес и правомочие (*die Berechtigung*; субъективное право, которое возникает и осуществляется на основе устойчивого, постоянно проявляемого и признанного обществом интереса).

Последнюю дихотомию подчеркнул С. Н. Братусь, который определял интерес в качестве важнейшей предпосылки и последующей цели реализации субъективного права [21, с. 20].

Обратим внимание, что именно обоснованный или правомочный интерес (с позиции немецкой правовой доктрины – *ein berechtigtes Interesse*) является наиболее распространённой категорией рационалистической философии и основным современным юридическим понятием (именно отсюда возникает известная концепция законного интереса в советской и постсоветской юриспруденции) [22; 23; 24]. Важным моментом теории интереса в праве выступает признание соответствующего интереса обществом и государством как гарантия реальности субъективного права, основанного на данном интересе (*ein anerkanntes Interesse* – признанный интерес). Помимо этого значения, в современной немецкой доктрине существует представление о разумном или соизмеримом интересе (*ein angemessenes Interesse*) как отдельной категории в философии естественного права, что отражено, например, в известной концепции пропорциональности соизмеримых интересов Р. Алекси [25; 26].

В рамках теории интереса в праве следует выделять три группы сообщающихся и взаимодействующих интересов в обществе:

- 1) личные (индивидуальные; частные; внутренние) интересы;
- 2) социальные (общественные; публичные или внешние 1 уровня, корпоративно-публичные) интересы [27, с. 46];
- 3) государственные (публичные или внешние 2 уровня, территориально-публичные) интересы.

Соотношение этих групп интересов приводит к возникновению проблемы иерархии интересов, приоритета одного интереса по отношению к другим, степени устойчивости, обоснованности и нормативной закреплённости того или иного типа интереса. Наиболее часто употребляемым смыслом интереса в современной немецкой догматике права является *ein berechtigtes Interesse* (обоснованный, правомочный интерес; интерес, защищённый правом, правовыми средствами), производным которого является устойчивое представление об интересе в праве как о «законном интересе» в русскоязычной юриспруденции.

Необходимо иметь в виду узкий и широкий смыслы интереса в праве (интереса, выраженного правовыми средствами). Эти смыслы подчёркивают различие сущностной глубины категорий «интерес в праве» и «законный интерес» и позволяют также выделять неформализованный социальный интерес как интерес первоначальный, а также интерес, защищённый (формально закреплённый) действующим законодательством. Очевидно, что в таком значении защищённый интерес будет наиболее узкой по смыслу и более современной категорией. На этом основании можно построить логическую цепочку типов интереса в обществе: социальный интерес – интерес в праве – законный интерес.

Отметить особое значение категории «национальный интерес» в теории международного права. По сути, национальный интерес в таком значении является модификацией публичного интереса во взаимодействии с другими вариантами публичных интересов, носителями которых выступают иные общества и государства.

Таким образом, интерес является классической устойчивой абстрактной конструкцией, которая обосновывает и само существование права (объективного и субъективного), и значение его реализации. Именно в этом значении Р. фон Иеринг писал о важности борьбы за право. Это позволяет утверждать о тройственном значении интереса в праве, что подчёркивается современной романо-германской юридической догмой:

- 1) интерес как философское основание права;
- 2) интерес как средство подтверждения (утверждения) права;
- 3) интерес как исток права и как источник права.

Следовательно, интерес может выступать и как исток права (правообразующий глубинный или первоначальный интерес), и как источник права (выраженные вовне субъективные или конкретные интересы лиц: признанные, отграниченные, защищённые, соизмеримые и правомочные (обоснованные или законные) интересы). Формой права, таким образом, становится внешняя оболочка («вместилище» или резервуар) данных субъективных интересов, отражённых в содержании юридических норм, наполняющих эту внешнюю оболочку. По сути, это – ещё один аргумент в пользу разграничения категорий «источник права» и «форма права» в современной юридической доктрине.

Библиографический список

1. Куликов, А. К. Категория интереса в социальной юриспруденции / А. К. Куликов // Правоведение. – 1977. – № 6. – С. 89–96.
2. Экимов, А. И. Интересы и право в социалистическом обществе / А. И. Экимов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – 134 с.
3. Иванец, Г. И. Право как нормативное выражение согласованных интересов: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 30 с.
4. Першина, И. В. Интерес в праве: дис.... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 183 с.
5. Интересы в праве. Жидковские чтения: материалы Всероссийской науч. конф., Москва, 25–26 марта 2016 г. / Отв. ред. М. В. Немытина. – М. : Изд-во РУДН, 2017. – 633 с.
6. Ганаева, Е. Э. Понятие интереса в теории государства и права / Е. Э. Ганаева / Вестн. Чеченского гос. ун-та. – 2019. – Т. 34. – № 2. – С. 135–141.
7. Тотьев, К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве / К. Ю. Тотьев // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 19–25.
8. Милосердов, Н. А. Публичные интересы в праве: понятие и содержание / Н. А. Милосердов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. Т. 16. – № 10 (131). – С. 202–211.
9. Червонюк, В. И. Согласование интересов как вид современных законодательных технологий / В. И. Червонюк, И. В. Гойман-Калинский // Государство и право. – 2004. – № 8. – С. 30–38.
10. Heck, Ph. Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz. – Tübingen, 1914.
11. Heck, Ph. Begriffsbildung und Interessenjurisprudenz. – Tübingen, 1932.
12. Wiethölter R. Begriffs-oder Interessenjurisprudenz // Festschrift Gerhard Kegel. – 1977. – S. 213–263.
13. Муромцев, С. А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. Изд. 2-е. – М. : Типография А. И. Мамонтова, 1886.
14. Шепелев, Д. И. История правовой мысли о категории «интерес» / Д. И. Шепелев // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 4 (17). – С. 20–30.
15. Федорчукова, О. Я. Категория «интерес» в отечественной дореволюционной правовой мысли / О. Я. Федорчукова // Евразийский юрид. журн. – 2017. – № 7 (110). – С. 95–96.
16. Edelman, J. Die Entwicklung der Interessenjurisprudenz. Bad Homburg, 1967.
17. Wank, R. Von der Begriffsjurisprudenz zur Wertungsjurisprudenz / Juristische Methodenlehre. München: Franz Vahlen, 2020.
18. Rüthers, B., Fischer Ch., Birk A. Rechtstheorie und juristische Methodenlehre. 13 Aufl. München: C. H. Beck, 2025.
19. Vesting, Th. Rechtstheorie. 2 Aufl. München: C. H. Beck, 2015.
20. Смирнова, М. Г. Социальные притязания и субъективное право / М. Г. Смирнова. – СПб. : Издат. дом «Книжный мир», 2008. – 135 с.
21. Братусь, С. Н. Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1950. – 367 с.
22. Гукасян, Р. Е. Правовые и охраняемые законом интересы / Р. Е. Гукасян // Советское государство и право. – 1973. – № 7. – С. 113–116.
23. Малько, А. В. Законные интересы как правовая категория / А. В. Малько, В. В. Субочев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 359 с.
24. Крашенинников, Е. А. Правовая природа охраняемого законом интереса / Е. А. Крашенинников // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – № 5. – С. 72–80.
25. Alexy, R. Begriff und Geltung des Rechts Freiburg u. München : Verlag Karl Alber, 1992.
26. Alexy, R., Koch H.-J., Kuhlen L., Rüßmann H. Elemente einer juristischen Begründungslehre. Baden-Baden : Nomos, 2003.
27. Немытина, М. В. Интересы в праве и корпоративно публичное регулирование / М. В. Немытина // Право и государство. – 2014. – № 2 (63). – С. 45–49.

ПРАВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

А. Н. Фиронов

*доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук
tolik-fironov@mail.ru*

В статье рассматривается ценностное понимание права, рассмотренного в ракурсе культурного измерения (культурного феномена). Это позволяет изучать право через его положительную, либо отрицательную значимость для социума.

Ключевые слова: право как ценность; ценность права; ценность; справедливость; полезность; идеалы; предназначение.

В достаточно сложной системе социальных ценностей отдельным историческим периодам соответствуют различные ценностные системы, детерминированные, в том числе, социальным укладом, а также включающие различные отношения к праву. Это порождает проблему ценности права для социума, которая сама по себе является и междисциплинарной, и философской, восходящей еще к Платону и Аристотелю. Рассмотрение права в ценностном измерении, взятого в культурном (культурологическом) измерении, является и важной современной проблемой, решение которой имеет важное научное и практическое значение.

Право любой исторической эпохи ориентируются на определенный образ человека, в котором заложены определенные нравственно-мировоззренческие качества. В свою очередь, правовые нормы ориентированы на определенные социально-полезный тип (например, человек добросовестный, честный, заботливый родитель, хороший хозяин и т.д.). При этом отметим, что современное право ориентировано на особый тип человека «*homo economicus*», восходящий к эпохе Нового Времени, Просвещения и развития капиталистической мир-экономики. Поэтому праву как форме правового менталитета присваивается некая совокупность проявлений экономического мышления и соответствующего ему правового поведения, навыков и привычек, которые характерны для *homo economicus*, человека, целью которого является экономическая деятельность и извлечение прибыли.

Ценностное измерение права наиболее очевидно в сравнительном рассмотрении систем обычного, индустриального и постиндустриального права. То есть, сравнение культурно-исторической ценности права позволяет сделать вывод о том, что правовой обычай основывается на факте однообразного поведения индивидуумов, у которых в сознании закреплена необходимость такого поведения, а значит, что его мотивационное действие сильнее, в отличие от действия закона.

Обычай более основательно укоренен в культуре отдельной общности. Заимствованное право, адаптированное отдельной культурой, уже изменяется, становится принципиально другим явлением. Значение обычая в индустриальном обществе уже ограничивается, и его нормативные положения выступают как одно из эффективных средств реализации норм и ценностей.

В индустриальном обществе право реализуется по усмотрению государства из экономических принципов эффективности (неэффективности), а также выгоды (невыгоды). В постиндустриальном обществе право также исходит из экономических регуляторов, которые и обозначают его природу. Право используется для упорядочения общественных отношений, достижения экономического прогресса, при этом стремясь определять границу и меру свободы, пределы вмешательства в жизнь отдельного человека.

Таким образом, в любых обществах право выступает также и культурной ценностью, которая имеет одновременно различное содержание, занимая разное место в системе социальных ценностей. В отдельных обществах право выступает высшей социальной ценностью, тем самым подчиняя себе другие ценности (моральные, религиозные и т.д.). В других – оттесняется на второй план и выполняет вспомогательную функцию. Указанное актуализирует вопросы о ценности самого права, что переводит дискуссию (в большей степени) в философско-правовой ракурс.

Изменение роли права в различные исторические периоды подтверждает его содержательную подвижность, которая демонстрирует и динамику ценности права, изменение ценностей права и т.д. Тем не менее, всегда сохраняются такие базовые ценности права, как справедливость, стремление обеспечить социальные потребности общества, взятые в контексте исторических вызовов.

В советской и постсоветской науке значительный вклад в изучение ценностной составляющей права внес В. С. Нерсесянц, в основе либертарно-юридической концепции которого заложен принцип формального равенства и абсолютной справедливости права. В таком ракурсе ценность права заключается, в том, что право выступает всеобщей, необходимой, общеобязательной формой выражения таких общечеловеческих ценностей, как равенство, свобода, справедливость [4]. Однако аксиологическая концепция В. С. Нерсесянца не отличается абсолютной новизной и корреспондируется с идеями Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, К. Маркса и др., где принцип свободы выступает ключевым.

Однако существуют и аксиологические подходы к праву, отрицающие его абсолютную справедливость. Так, Р. фон Иеринг в работе «Борьба за право» (1907) указывает, что ценность права заключается в реализации заложенной в нем цели, что не характерно для большинства современных юридических концепций. Право, согласно Р. фон Иерингу, является вторичной и инструментальной ценностью в то время, как жизнь, свобода, достоинство личности, собственность выступают первичными ценностями, которые и должны диктовать праву его содержание.

В немецкой философии права ценностной составляющей права значительное внимание уделит Э. Гуссерль, согласно которому ценность права следует искать в социальной и культурной плоскости бытия, в социальном аспекте права, то есть интенция права отражается в его направленности на социальную действительность и ее регулирование [2, с. 26].

В советской науке ценностная трактовка права осмысливалась и С. С. Алексеевым, который акцентировал внимание на утрату в рамках постмодернизма единой культурной и ценностной парадигмы, что не позволяет современным ученым сформулировать некий общий для всех правоведов единый методологический подход к категории права и его ценностной составляющей [1]. С. С. Алексеев считает, что право выступает в качестве области интуитивно постигаемых ценностей, к чему наиболее близко подошел Л. И. Петражицкий. По Л. И. Петражицкому существуют определенные «неразложимые и первоначальные эмоциональные акты», которые выступают основой того, что

мнение человека называет правом. Однако его неточностью, по мнению С. С. Алексеева, стало утверждение о присутствии субъективности правовых ценностей, которые, как считает С. С. Алексеев, наполнены исключительно объективным содержанием [1].

Вышеуказанные теории представляют собой незначительную часть разнообразных теоретических подходов к трактовке права, как особого культурного феномена, выделения его базовых аксиологических детерминант, но отражают их основные, сущностные направления. При этом каждое из приведенных направлений имеет и практическое значение, позволяющее инструментально выявлять и разрешать назревшие социальные противоречия. При этом одной из форм разрешения социальных противоречий является формирование позитивной правовой культуры общества, базирующейся на основных ценностях права. Это требует формирования особой нормативной системы, которая будет основываться, с одной стороны, на нормах традиционного права, а, с другой стороны, ориентироваться на ценности современного постиндустриального высокоразвитого общества (при всей их сложности и противоречивости).

В таком ракурсе правовая культура – это и есть совокупность ценностей, содержательно (применительно к Беларуси) коррелирующих с Христианством, и выражающихся в нормах, институтах, поступках, оценках, взглядах. То есть современная правовая культура Беларуси должна включать как элементы современной, так и предшествующих правовых культур. Однако, самодостаточная правовая культура не может существовать без «культуры права», «права, как особого культурного феномена», которая и выступает мерой освоения, утверждения и закрепления правовых ценностей, носителей таких ценностей, реализацией самого правового мышления и правового опыта современного общества.

Таким образом, в части аксиологической составляющей права на протяжении всей теории права не было достигнуто консенсуса, и очевидно данный вопрос так и не будет разрешен. Это объясняется сложностью самой категории права, которое возникло позднее правовых институтов, представляя собой попытку их концептуализации и универсализации, став постепенно главенствующей системой социальных стандартов.

Несмотря на содержательную изменчивость права, в его содержании присутствуют и определенные базовые («вечные») принципы (справедливость, равенство, социальная направленность, гуманизм и т.д.), которые должны признаваться любым позиционирующим себя демократическим социальным и правовым государством.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев. – М., 1971. – 222 с.
2. Гусейнов, А. И. Право как культурный феномен / И. А. Гусейнов, дисс. д-ра юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2007. – 176 с.
3. Майорова, М. С. Понятие и значение правовых ценностей в культурном изменении / М. С. Майорова, Д. А. Матанцев // Исторические, философские и культурные науки. – 2017. – № 8. – С. 115–117.
4. Нечаев, А. Н. Ценность права с позиции либертарно – юридической концепции правового понимания, разработанной академиком В. С. Нерсисянцем / А. Н. Нечаев // Гуманитарные науки. Право. Вестн. ТГУ. – 2011. – № 6. – С. 30–38
5. Фабрика, И. В. К вопросу о ценности права / И. В. Фабрика // Вестн. ЮУрГУ. – 2011. – № 40. – С. 30–34.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

Д. В. Щербик

*доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
ShcherbikDV@bsu.by*

В статье описываются взгляды футурологов на становление постиндустриального (информационного) общества, его основные тенденции. Выявляется влияние последних на развитие государства. Отмечаются тенденции как способствующие повышению, так и снижению роли государства. Рассматриваются перспективы развития высших органов государственной власти. Даются прогнозы по определению роли главы государства в период перехода к постиндустриальному обществу.

Ключевые слова: глава государства; постиндустриальное общество; кризис парламентаризма; демократия участия.

Современная эпоха – это эпоха перемен. С этим согласны как ученые, так и обычные люди. Дискуссия возникает о направленности изменений, их количественном или качественном характере, их влиянии на политическую и государственную системы общества. Большинство авторов рассуждают о начавшемся процессе перехода к постиндустриальному обществу, т.е. к такому обществу, которое в своих основных системах будет существенно отличаться от основных характеристик индустриального общества. При концентрации внимания на отдельных элементах социальной системы для его описания могут использоваться и иные названия (например, информационное общество, общество знаний и др.).

По вопросам изменений в экономике, технике, социальной структуре общества в многочисленных работах футурологов выявлены общие тенденции [1; 2; 3; 4; 5]. Среди таковых в сфере экономики обычно выделяется деиндустриализация (снижение численности населения, занятого в промышленности; рост сферы услуг; рост в стоимости материальных благ информационной доли экономики и доли сферы услуг), рост значения инноваций, нематериальных активов, человеческого капитала, увеличение роли мелкосерийного производства, рост значения «высоких технологий», «экономики знаний» и др. В социальной сфере к ним относят формирование «когнитариата», снижение значения неквалифицированного труда, появление «прекариата» и др. Однако, взгляды на характер воздействия последних на развитие политических институтов до настоящего времени немногочисленны и противоречивы, как противоречивы и тенденции, складывающиеся в политической жизни.

Футурологи говорят о постиндустриальном обществе как о мире, в котором монополия на власть национального государства будет размываться. Конкуренцию ему с одной стороны составляют транснациональные, в том числе опирающиеся на цифровую экономику, корпорации. Принятые в их среде нормы, стандарты, решения, уже оказы-

вают огромное влияние на жизнь людей, сопоставимое с влиянием национальных государств. С другой стороны, на смену национальному государству приходят региональные и глобальные блоки государств, связанные сходством культуры и общностью интересов.

С третьей стороны, происходит рост значения «профессиональных» органов власти, способных оперативно принимать решения, в том числе на основе узкоспециализированных знаний. Центральные банки, комиссии по регулированию ценных бумаг, органы по антимонопольному регулированию и другие, связанные с сферой финансов, являются примером проявления постиндустриальных тенденций в сфере экономики [6]. Сюда же можем отнести торговые палаты, коммерческие арбитражи, медиацию, чьи решения опираются на доверие к специальным знаниям, близости к заинтересованным участникам.

С четвертой стороны, дальнейшее развитие мобильности, 3D-технологий, технологий в сфере обеспечения личной (телесной) безопасности и др., как прогнозируется, приведет к обеспечению большей самостоятельности личности от общества и государства. Мобильность населения, в свою очередь, переносит акцент с национальной идентичности, культивируемой в индустриальную эпоху, на культурную общность. Коллективизм индустриальной эпохи будет замещаться расцветом индивидуализма и субкультурности [4; 5]. Не класс, не нация, а скорее индивиды и их объединения в равноправные и свободные субкультуры – новая реальность эпохи постиндустриализма.

Иные тенденции наоборот обеспечивают необходимость в государстве, в значимости его суверенитета. Постиндустриальная экономика будет сосуществовать с индустриальной, как та сосуществовала и сосуществует с аграрной. В результате возникает необходимость в эффективном согласовании различных сегментов экономики, что в условиях все еще разделенного политическими границами мира крайне важно для населения отдельных государств. Важность государства обуславливается и возможными кризисными явлениями эпохи перехода. Пример кризиса периода COVID-19, наступившей эпохи санкций, очевиден.

Требуют урегулирования и социальные проблемы, которые возникают в результате становления постиндустриальной экономики. Формирование когнитариата, расцвет его влияния и имущественного благополучия, как очевидно, сопровождается и ростом численности прекариата, снижением достатка социальных групп, выполняющих малоквалифицированный труд, не имеющих доступа к необходимому уровню образования или информационным технологиям [2; 4]. Вызванный данными проблемами технически оснащенный терроризм, политический и религиозный экстремизм станут вызовами, которые необходимо будет решать как отдельным государствам, так и всему международному сообществу.

Именно государство, несмотря на все его проблемы, связанные с глобализацией и цифровизацией экономики, будет выступать единственным субъектом, который сможет попытаться представлять и защищать интересы своих граждан, лоббируя их как перед лицом транснациональных корпораций, так и на региональном и глобальном уровне международного сотрудничества. Нарастание популизма в странах Западной Европы является очевидным подтверждением того факта, что в лице своего государства граждане пытаются найти защитника в противостоянии с глобальными угрозами и общеевропейской бюрократией, которую они воспринимают как ставленников корпораций и глобализма.

При написании первых работ о постиндустриальном обществе большинство авторов крайне оптимистично высказывались его демократической перспективе. Это касалось как марксистской, или в целом социалистической, политической мысли, рисовавшей посткапиталистическое общество как общество коммунистической самоорганизации, так

и работ западных футурологов. Так, Д. Белл прогнозировал переход к справедливо и демократически организованной меритократии [1, с. 609–616], а Ё. Масуда предполагал, что информационное общество будет бесклассовым и бесконфликтным, это будет общество согласия, которое будет опираться на «демократию участия» с небольшим по численности правительством и государственным аппаратом управления [7, с. 86; 8, с. 5].

Подобный оптимистичный взгляд был характерен и для Э. Тоффлера, который предлагал обсудить набор решений, сочетающих расширение прямой демократии, власти меньшинств, субсидиарности в принятии решений и электронной демократии [5, с. 654–697]. Отметим, при этом, что все эти авторы отмечали, что постиндустриальные тенденции вызывают очередной кризис парламентаризма и либеральной демократии, которые не справляются с изменяющимся миром. К традиционным проблемам, возникшим в период массового общества (вызванная «дороговизной» избирательных компаний коррумпированность депутатов связями с олигархическими корпорациями; кулуарность, а не публичность принятия решений [9]), добавляется вызванное демассовизацией и субкультурализацией общества исчезновение стабильных социальных и политических групп, а следовательно упадок традиционных политических партий и отсутствие основы для формирования стабильного парламентского большинства [5, с. 654–683]. Любые попытки его обеспечить через манипуляции с мажоритарной избирательной системой в обществе с постоянными изменениями в политическом пространстве, в котором граждане ситуативно объединяются по различным проблемам в различные группы давления приводят к еще большей политической фрустрации населения и падению авторитета парламентаризма. Кроме того, непрофессионализм депутатов явно вступает в противоречие с складывающимися представлениями о качественном управлении, его связи с техническими новациями в виде искусственного интеллекта и использовании результатов обработки больших баз данных.

Может быть поэтому в работах футурологов наряду с призывами к «демократии участия», «электронной демократии» начинают звучать пессимистические прогнозы и оценки. Так, еще в 1972 г. З. Бжезинский опасался перехода к жестко контролируемому обществу, как результату поиска выхода из нарастающего кризиса через использование научно-технических технологий и мессианской личности лидера [2, с. 245]. В свою очередь современный марксистский политэкономист Я. Варуфакис также отмечает тенденции к подрыву демократии в пользу «технолордистских» практик как политических аспектов свершившегося «технофеодального» перерождения капитализма [10; 11].

Отметим, упоминание З. Бжезинским возрастания роли лидерства. В подобном ключе в конце 90-х гг. высказывается и М. Кастэльс в труде «Стратегические игры, модифицированные по заказу представительства, и персонализированное лидерство заменяют классовые объединения, идеологическую мобилизацию и партийный контроль, которые были характерными для политики индустриальной эры» [4, с. 500].

Опасения по поводу персонального лидерства ряда футурологов не должно отвлекать от факта, что именно с подобным лидерством фрустрированное изменениями население связывает защиту своих интересов в столкновении с глобальными проблемами и кризисами. Можно смело утверждать, что возрастание роли главы государства как гаранта конституции, закреплённых в ней представлений общества об основах построения государства, экономической и социальной систем, а равно и положения личности,

будет усиливаться. Рост популизма в политике, усиление роли политических лидеров и глав государств/правительств лишь отражает данную тенденцию.

Соответственно, важнейшими полномочиями главы государства обеспечивающими реализацию данной функции гаранта будут те, которые соответствуют стоящим перед обществом проблемам: внешнеполитические полномочия как ответ на возрастание важности защиты интересов государства на международном уровне и во взаимодействии с ТНК; полномочия в сфере защиты конституционного строя, охраны конституции и обеспечения общественной безопасности как реакция на необходимость разрешения острых социальных кризисов и противодействие экстремизму, терроризму «исключенных» социальных групп; усиление его позиций в сфере исполнительной власти как ответ на потребность в оперативном формировании органов из ad hoc специалистов; рост нормотворческих полномочий, в том числе оперативного нормотворчества, для быстрого реагирования на возникающие проблемы экономической и социальной жизни и др. Однако, в отличие от периода индустриализации, эффективность возросших «оперативных» полномочий главы государства будет обеспечиваться не только за счет концентрации в его руках властных полномочий, но и за счет их использования в опоре на развитые, в том числе цифровые, формы самоорганизации населения («демократия участия»). Взаимодействие «оперативной» власти главы государства и гибкого государственного аппарата по удовлетворению оперативно ими отслеживаемых высказанных общественными инициативами потребностей смогут предотвратить бюрократический коллапс, который стал одной из причин падения СССР, не смогшего адаптироваться к растущим вызовам формирующегося постиндустриального общества [12].

Таким образом, очевидно, что тенденции развития общества вызовут трансформацию государственности и совершенствование способов нормативного регулирования. В результате, перед современным государством стоит задача не закрыться в бесплодной борьбе, не принимая происходящие изменения, а выработать стратегию по адаптации к ним, возглавить процессы самоорганизации общества, сохраняя за собой координационные функции, а равно оперативный контроль в целях минимизации негативных явлений постиндустриализма. Ведущую роль в этом должно сыграть как формирование институтов «демократии участия», «электронного правительства», так и развитие оперативных полномочий глав государств как гарантов оптимального развития общества, его защиты от угроз «технофеодализма».

Библиографический список

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М. : Academia, 2004. – 788 с.
2. Бжезинский, Зб. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники / З. Бжезинский; пер. с англ. И. М. Максимовой. – М. : Прогресс, 1972. – 308 с.
3. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире / В. Л. Иноземцев. – М. : Academia ; М. : Наука, 1998. – 640 с.
4. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.

6. Саркисян, Т. Конец государства или новая форма организации общества / Т. Саркисян // 21-й век. – 2008. – С. 3–24.
7. Батракова, Л. Г. Организация жизнедеятельности людей в информационном обществе / Л. Г. Батракова // Ярославский педагогический вестн. – 2013. – Том 1. – С. 85–87.
8. Бутенко, Е. В. Эволюция теорий информационного общества : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Л. Г. Бутенко. – Томск, 2004. – 19 с.
9. Щербик, Д. В. Критика современного парламентаризма в творчестве К. Шмитта / Д. В. Щербик // Теоретико-методологические и конституционные основы устойчивого развития национальной правовой системы в условиях глобальных и региональных процессов в контексте защиты прав человека и построения правового государства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19-20 окт. 2015 г. / Юрид. фак. БГУ; кол. авторов. Под общ. ред. С. А. Балашенко. – Минск : Юридический факультет БГУ, 2015. – С. 220–223.
10. Варуфакис, Янис. Технофеодализм : что убило капитализм / Янис Варуфакис ; пер. с англ. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2025. – 304 с.
11. Varoufakis, Y. Neoliberalism is dead. Say hello to Techlordism / Y. Varoufakis // Yanis Varoufakis. Thoughts for the post-2008 world. – URL: <https://www.yanisvaroufakis.eu/2025/04/15/neoliberalism-is-dead-say-hello-to-techlordism/> (дата обращения: 29.06.2025).
12. Шубин, А. Модернизация и постиндустриальный барьер, или Почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6 (74). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sh24.html> (дата обращения: 29.06.2025).

РАЗДЕЛ III

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА А. А. ГОЛОВКО

УДК 342

ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД

Г. А. Василевич

*заведующий кафедрой конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь
Gregory5581@yandex.by*

В статье затрагиваются аспекты развития института конституционной жалобы в Республике Беларусь. Обращается внимание на совершенствование законодательства и практики в данной области. Позитивно оцениваются произошедшие после референдума 2022 г. изменения Конституции, направленные на дополнительную защиту прав и свобод граждан посредством судебного конституционного контроля.

Ключевые слова: конституционная жалоба; Конституционный Суд.

Одним из вопросов, привлекающих внимание исследователей, является вопрос о конституционной жалобе, под которой обычно понимают право граждан (в некоторых случаях организаций) на обращение в Конституционный Суд за защитой нарушенных прав и свобод. Институт конституционной жалобы имеет длительную историю. В одних государствах он получил правовое закрепление много десятилетий назад, в других (например, в странах Восточной Европы) – его внедрение начало происходить в конце прошлого столетия.

Л. Лазарев справедливо подчеркивает, что «действенность конституционного правосудия, его реальное влияние на конституционно правовую сферу тем не менее во многом зависит от самих конституционных судей, их профессионализма и правовой принципиальности, конституционно-правовой обоснованности принимаемых решений, но также от уровня демократизма существующего в стране политического режима и конституции, правовой и политической культуры властвующей элиты и общества, выражающейся, в частности, в отношении к конституционной юстиции, к исполнению решений конституционного суда» [1, с. 77].

Судебный конституционный контроль является разновидностью конституционного контроля, который осуществляют органы публичной власти в соответствии с их полномочиями (Президент, Парламент, Правительство и др.) [2]. Для судебного конституционного контроля характерна своя специфика. Его можно классифицировать

по кругу осуществляющих такой контроль органов, предмету контроля, времени осуществления, последствиям проверки, можно выделить контроль обязательный и факультативный, материальный и формальный и т.д. [3, с. 26–29].

В Республике Беларусь отношение к институту конституционной жалобы претерпело к настоящему времени существенную корректировку. На начальном этапе, то есть с момента начала функционирования Конституционного Суда Республики Беларусь в 1994 г., судебный конституционный контроль ограничивался инициативными обращениями уполномоченных государственных органов и должностных лиц. К ним относились: Президент Республики Беларусь, Председатель Верховного Совета, постоянные комиссии Верховного Совета, не менее 70 депутатов Верховного Совета, Верховный Суд и др. Граждане и организации могли лишь обращаться к указанным субъектам для внесения ими предложения в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативных правовых актов. Реализация такой процедуры была крайне редкой. На первоначальном этапе деятельности Конституционного Суда наиболее активно действовал Председатель Верховного Совета, который ставил вопросы о проверке конституционности актов Президента. Были примеры коллективных обращений в Конституционный Суд депутатов Верховного Совета.

Принятый в 1994 г. в развитие положений ст. 116 Конституции Закон Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» также не предусматривал прямого обращения граждан в Конституционный Суд. Хотя предусмотреть такую возможность Основной Закон предоставлял: согласно ст. 116 Конституции компетенция, порядок организации и деятельности Конституционного Суда определяется законом, то есть законом можно было расширить статус Конституционного Суда.

Подчеркнем, что до изменения конституционного текста на референдуме 1996 г. Конституционный Суд также обладал правом возбуждать производство по делу о конституционности нормативного акта с вынесением в итоге заключения. О заключении как акте Конституционного Суда в действовавшем подконституционном законодательстве было указано, что они являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат. Что касается решений, то такого указания в законе не было. В период действия норм, позволявших Конституционному Суду возбуждать производство по делам по своей инициативе, этот орган власти свои акты о толковании ранее вынесенных заключения облекал в форму решения, что, на наш взгляд, было неверным. На этот счет, работая в составе Конституционного Суда с момента его создания, приходилось высказывать свое особое мнение. Позиция заключалась в том, что в целом, не только акт толкования Конституционного Суда, но и иного органа, когда речь идет об аутентическом толковании, по форме акт толкования и толкуемый акт должны совпадать. Данный экскурс к формам акта нами делается в силу того, что по юридической силе заключения и решения различались.

Наличие права у Конституционного Суда возбуждать производство по делу по своей инициативе позволяло ему реагировать на поступающие к нему обращения граждан и при наличии, по его мнению, оснований, соответствующим образом реагировать на них, вынося собственные заключения. К сожалению, Конституционный Суд таким мощным правом разумно, на наш взгляд, не воспользовался: он дал основания для упрека в необъективности, когда увлекся возбуждением производств по делам в отношении преимущественно актов Президента, оставляя длительное время без внимания акты белорусского Парламента, хотя их конституционность также вызывала сомне-

ния. Одной из субъективных причин такого одностороннего взгляда было то, что Конституционный Суд был сформирован полностью Верховным Советом. В начале 1996 г. Президент внес в Парламент двухстраничный проект закона, согласно которому предлагал предусмотреть формирование Конституционного Суда на паритетных началах, то есть Президентом и Парламентом. Однако этот проект даже не был обсужден и рассмотрен в Парламенте. В итоге на референдум в 1996 г. были предложены Главой государства более объемные изменения в Конституцию. Среди них – лишение права Конституционного Суда возбуждать дела по своей инициативе.

После изменений Конституции в 1996 г. граждане продолжали обращаться в Конституционный Суд со своими проблемами, когда не получали их разрешения в иных инстанциях. Конечно, были обращения по поводу правомерности принятия решений по индивидуальным вопросам. Но когда ставился вопрос о проверке конституционности нормативного правового акта, то Конституционный Суд, видя необходимость оказания помощи в разрешении правового конфликта, стал выносить решения, то есть те акты, которые имели несколько меньшую юридическую силу: Конституционный Суд не находил правовых оснований для того, чтобы в резолютивной части решения указывать, что они также, как и заключения, являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат. Вместе с тем, решения в абсолютном большинстве безукоризненно исполнялись, то есть оказывала свое воздействие сила аргументов. Такая практика активно развивалась на протяжении 1997–2008 гг. Ежегодно в Конституционный Суд обращалось несколько сот граждан. Это свидетельствовало о востребованности судебного конституционного контроля. Автор статьи последовательно отстаивал необходимость введения института конституционной жалобы. На практическом уровне это также выражалось в том, что, будучи Председателем Конституционного Суда, им проводилась линия на рассмотрение обращений граждан, когда они исчерпали все иные возможности для защиты своих прав.

В силу ряда причин в 1996 г. правовой статус Конституционного Суда был уточнен: пересмотрен круг субъектов обращения, порядок его формирования и др. Однако и на том этапе еще не было признано необходимым наделить граждан правом обращения в Конституционный Суд.

Конституцию необходимо рассматривать как целостный документ, статьи которого находятся в органической связи. Это же касается и судебного конституционного контроля. С целью его полного функционирования можно назвать следующие статьи Конституции, действовавшие в редакции до 15 марта 2022 г., а именно: ст. 7, 40, 60, 112, 116, 122, 137. Эти статьи, рассматриваемые во взаимосвязи, дают более полную картину возможной реализации судебного конституционного контроля. Кратко отметим, что использование понятий «заключение» и «решение» для обозначения актов Конституционного Суда не самое идеальное. Более широким является понятие «решение». Его разновидностью могли бы быть такие по форме акты, как постановления и определения. Однако практика использования данных понятий стала развиваться с 1994 г.

Если исходить из текста Конституции, не все заключения и решения Конституционного Суда, могут быть исполнены. Например, когда коллегиальный орган государственной власти, предварительно запросив заключение Конституционного Суда, не набирает необходимое число голосов. Или Глава государства, используя арбитражную функцию, не реализует свое право на роспуск Парламента или отставку Правительства, посчитав, что делать это нецелесообразно в конкретной ситуации.

Заключение Конституционного Суда имеет специфическую форму. В Законе «О нормативных правовых актах» заключения и решения Конституционного Суда не упоминаются. В ст. 17 названного Закона отмечено, что Верховный Суд Республики Беларусь принимает нормативные правовые акты в форме постановлений Пленума Верховного Суда в пределах компетенции, установленной Конституцией, Кодексом о судостроительстве и статусе судей, иными законодательными актами, а также Регламентом Пленума Верховного Суда. Однако если обратиться к ст. 3 ГК, то можно увидеть, что данный Кодекс к актам гражданского законодательства как системе нормативных правовых актов относит акты Конституционного Суда. Таким образом, можно сделать вывод, что акты Конституционного Суда являются нормативными правовыми актами. Нормативным правовым актам присущи такие признаки: приняты компетентным органом в соответствии с установленной процедурой, имеют общеобязательный характер, рассчитаны на неопределенный круг лиц, не исчерпываются однократным применением.

В литературе высказываются различные позиции относительно природы актов Конституционного Суда. Одни авторы их считают правоприменительными, иные – нормативными правовыми. Иногда подчеркивается, что Конституционный Суд выступает в качестве «негативного» законодателя. Действительно, он выводит из правового оборота неконституционные акты. Однако вряд ли их следует относить к нормативным правовым актам в традиционном их понимании как результат деятельности органов представительной и исполнительной власти. Это акты особой формы и особого предназначения.

Отличительной чертой полномочий Конституционного Суда является то, что он вправе проверять на соответствие Конституции нормативные правовые акты всех органов государственной власти сверху донизу, то есть, включая решения сельского Совета депутатов.

Согласно действующей ст. 112 Конституции суды осуществляют правосудие на основании Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных правовых актов. При этом в части второй указано: если при рассмотрении конкретного дела у суда возникнут сомнения в конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению, суд до вынесения судебного постановления ставит в установленном законом порядке перед Конституционным Судом вопрос о проверке конституционности данного нормативного правового акта. В таком случае можно сделать следующие выводы: 1) суд общей юрисдикции, получив право приостанавливать производство по делу, может обратиться в Конституционный Суд до вынесения судебного постановления, если только у него есть сомнения в конституционности нормативного правового акта; 2) если у него нет сомнений и он уверен в правоте своего вывода, то он может в Конституционный Суд не обращаться. Это также вполне вписывается в требования ст. 7 Основного Закона о верховенстве и прямом действии конституционных норм. В такой ситуации, когда суд выносит свое постановление, основываясь непосредственно на статье Конституции, то есть он уверен в неконституционности акта, не сомневается в своем выводе, было бы полезно в порядке делового сотрудничества информировать Конституционный Суд о такого рода решениях.

А как быть, если все же вывод суда общей юрисдикции о конституционности (неконституционности) подлежащего применению в деле нормативного правового акта неправильный, то имеются надзорные механизмы. Когда речь идет о такой разновидности нормативных правовых актов, как законы, то граждане могут воспользоваться своим правом на подачу конституционной жалобы (см. часть пятую ст. 116¹). Хотя, на наш взгляд, даже если суд ссылался

при вынесении своего постановления не на закон, а на подзаконный акт, все равно имеется возможность обосновать непосредственную связь подзаконного акта с законом. На практике также возникнут вопросы о более широком понимании «закона», в данном случае имеем в виду всю совокупность законодательных актов. Также, как это происходило при реализации конституционной нормы, закрепленной в ст. 23 Конституции: в ней идет речь о законах, но, на наш взгляд, подход может быть более широким, включать законодательные акты.

Конституционная жалоба допустима если она подана *в срок не позднее одного года со дня принятия судебного постановления (решения), которым исчерпываются все другие средства судебной защиты по соответствующей категории дел* (ст. 153 Закона «О конституционном судопроизводстве»). Под исчерпанием всех других средств судебной защиты понимаются:

а) по гражданским делам – *последовательное* обжалование (в апелляционном, кассационном и надзорном порядке) судебных постановлений, в том числе соблюдение одного из следующих условий:

– наличие в совокупности следующих обстоятельств: отказ судьи Верховного Суда в передаче дела на рассмотрение Президиума Верховного Суда, оставление без удовлетворения Председателем Верховного Суда или его заместителем надзорной жалобы на определение судьи Верховного Суда о таком отказе, отказ Генерального прокурора или его заместителя в принесении протеста в порядке надзора;

– оставление надзорной жалобы (протеста в порядке надзора) Президиумом Верховного Суда без удовлетворения;

б) по уголовным делам – *последовательное* обжалование (в апелляционном, кассационном и надзорном порядке) судебных постановлений, в том числе соблюдение одного из следующих условий:

– наличие в совокупности следующих обстоятельств: отказ судьи Верховного Суда в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда, оставление без удовлетворения Председателем Верховного Суда или его заместителем надзорной жалобы на постановление судьи Верховного Суда о таком отказе, отказ Генерального прокурора или его заместителя в принесении надзорного протеста;

– оставление надзорной жалобы (надзорного протеста) Президиумом Верховного Суда без удовлетворения;

в) по делам об административных правонарушениях – оставление Верховным Судом без удовлетворения жалобы (протеста) на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении.

На наш взгляд, даже если гражданин не использовал *последовательно* свое право на обращение в апелляционную или кассационную инстанции, но инициировал надзорную жалобу и она в итоге была отклонена, то предпочтительнее признавать его право обратиться в Конституционный Суд. Важно, чтобы был соблюден годичный срок на ее подачу.

Гражданин может реализовать свое право на защиту своих прав и свобод «косвенным» образом, обратившись к уполномоченным субъектам (см. часть первую ст. 116¹ Конституции).

Ряд статей Конституции, а не только ст. 116 и 116¹, имеют непосредственное отношение к судебному конституционному контролю, конечно, центральное место в области судебного конституционного контроля занимают ст. 112, 116 и 116¹. Однако следует

иметь в виду, что вывод о действии закрепленного в Конституции правила следует делать, анализируя статьи Основного Закона в совокупности и взаимосвязи.

Например, институт конституционной жалобы не ограничивается только основанием, предусмотренным в ч. 5 ст. 116¹ Конституции. Ч. 4 ст. 122 во взаимосвязи со ст. 7, 60, 116 позволяет делать уверенный вывод о праве граждан на обжалование в Конституционный Суд нормативных правовых решений местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, если они ограничивают или нарушают права, свободы и законные интересы граждан.

Благодаря изменениям и дополнениям Конституции, вынесенным Президентом на республиканский референдум 2022 г., Конституционный Суд получил право толковать Конституцию (ст. 116¹ Основного Закона). Это важнейшая миссия органа судебного конституционного контроля. Благодаря реализации данного полномочия более полно будет обеспечено прямое действие конституционных принципов и норм (см. ст. 7 Конституции), более активно может продвинуться дальше процесс конституционализации отраслевого законодательства и практики.

Общим, что объединяет всю канву корректив полномочий Конституционного Суда, является его право осуществлять проверку всех нормативных правовых актов сверху донизу. Чаше конституционные суды обладают правом проверки конституционности актов общегосударственного уровня, у нас он обладает правом проверки даже нормативных решений местных Советов депутатов. В настоящее время, пожалуй, хотя бы на теоретическом уровне возникает вопрос о возможности проверки нормативных правовых актов ВНС.

В этой связи обратимся к ст. 89⁵ Конституции: ВНС для реализации возложенных на него конституционных функций принимает решения. Решения ВНС являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. В этой статье идет речь о возможности отмены не только правовых актов, но и иных решений. Наделение ВНС таким мощным правом дает повод для вопроса, например, о его праве отменить, если это противоречит интересам национальной безопасности, решение уполномоченного субъекта об обращении в Конституционный Суд. При такой широкой формулировке, это не исключается. Ясность в этом вопросе необходима.

Определенный когнитивный диссонанс имеют нормы о праве Конституционного Суда проверять конституционность выборов и праве ВНС устанавливать легитимность выборов. Нежелательны противоположные решения указанных органов по вопросу, касающемуся выборов. Очень важно, чтобы законодатель адекватно отразил в нормативных правовых актах требования Конституции и надлежащим образом была сформирована правоприменительная практика.

Библиографический список

1. Лазарев, Л. Роль Конституционного Суда в обеспечении стабильности и развития правопорядка / Л. Лазарев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 3 (48). – С. 77–79.
2. Клишас, А. А. Основные концепции конституционного контроля и конституционного правосудия: политико-правовое обоснование / А. А. Клишас // Вестн. Акад. экон. безопасности МВД России. – 2010. – № 7. – С. 82–92.
3. Василевич, Г. А. Конституционное правосудие / Г. А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2012. – 326 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

П. П. Миклашевич

*Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь,**заслуженный юрист Республики Беларусь**ksrb@kc.gov.by*

На основании опыта конституционных реформ исследуются такие устойчивые тенденции современного конституционализма как конституционализация изменяющихся общественных отношений, развитие ценностного содержания национальных конституций в законотворчестве и правоприменении, утверждение в жизнедеятельности общества и государства конституционных ценностей и их защита средствами конституционного правосудия. Автором анализируются изменения Конституции Республики Беларусь 2022 г. как пример «конституционного измерения» политических и общественных процессов в государстве. Обосновывается понятие судебного конституционализма как неотъемлемого элемента современного конституционализма и роль конституционных судов в его становлении.

Ключевые слова: конституционализм; конституционализация; Конституция Республики Беларусь; Конституционный Суд Республики Беларусь.

Одной из тенденций развития конституционализма в XXI в. является то, что преобразования в государственно-правовом строительстве связываются прежде всего с изменениями конституционно-правового регулирования, использованием демократических механизмов и процедур, традиционных для современных политических систем и закрепленных в большинстве конституций мира. Такое «конституционное измерение» политических и общественных процессов в государствах свидетельствует о новом уровне конституционализма как общего для современных государств политико-правового феномена, основанного на духе и букве национальных конституций.

Известный конституционалист В. Е. Чиркин отмечает, что «содержание понятия современный конституционализм многообразно... это общественно-политическое движение, научная теория, государственная доктрина и конституционная практика, соответствующие общечеловеческим ценностям, идеям свободного, открытого общества, демократического, социального, правового и светского государства» [2, с. 85].

Современный конституционализм, вышедший за пределы суверенного государства, выступает как глобальный фактор формирования современной конституционно-правовой картины мира: господствующей в правовой политике государств стала общая для подавляющего большинства идеология конституционализма, система идей которого предполагает модель организации государства и общества на конституционной основе, юридически насыщенные масштабные конструкции государственного суверенитета, народовластия, правового государства, демократии, разделения властей, прав и свобод человека и гражданина [3, с. 38].

Углубленная трансформация конституционных предписаний выступает ответом на изменяющиеся условия жизни. Как отмечают конституционалисты, в завершающее десятилетие XX в. и начале XXI в. происходили многочисленные конституционные реформы во всем мире, назначение, масштаб и динамика которых заметно отличаются от прежних

лет. Особое влияние на национальные правовые системы в целом и на конституционное развитие в частности в указанный период оказывают глобализационные процессы, глубина которых нередко влечет потенциальную возможность и даже неизбежность наступления фундаментальных изменений на уровне конституционных норм [4].

Можно констатировать, что тенденциями современного конституционализма являются конституционное измерение правового регулирования в условиях современного миропорядка, конституционализация изменяющихся общественных отношений, развитие ценностного содержания национальных конституций в законотворчестве и правоприменении, утверждение в жизнедеятельности общества и государства конституционных ценностей и их защита средствами конституционного правосудия.

В белорусской конституционно-правовой доктрине выработан аксиологический подход к пониманию конституционализма: на сегодняшний день доктрина конституционализма выстроена как система идей, вобравшая достижения современной цивилизации к XXI в., как конституционные ценности и идеалы, накопленные человечеством [3, с. 39]; реальный конституционализм означает системное и осмысленное наличие конституционных ценностей в общественной жизни, поэтому путь от конституции к конституционализму, то есть от желаемого к реальному, лежит через конституционализацию общественных отношений [5, с. 5]; в современном конституционализме преломляются объективные, исторически обусловленные национальные, политические, социальные и культурные особенности развития, духовно-нравственные традиции народа [6, с. 60].

Формирование конституционного устройства, базирующегося на общечеловеческих принципах гуманизма, свободы, равенства и справедливости, находит развитие в белорусской государственности на протяжении не одного столетия.

При разработке принятой в 1994 г. Конституции Республики Беларусь как суверенного независимого государства использовались конституционная доктрина ведущих европейских стран и мировой опыт конституционализма. Это позволило в целом учесть объективные факторы переходного периода и определить конституционные цели развития общества и государства на перспективу.

Следует подчеркнуть, что Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко назвал Конституцию «квинтэссенцией белорусской государственности от ее древних истоков, стремления наших предков заявить о себе как о состоявшейся нации до создания собственного государства на земле, по праву нам принадлежащей» [1, с. 2].

Время, прошедшее с момента принятия Конституции в 1994 г., показало значимость конституционных положений и сформулированных в ней ценностных ориентиров для интенсивного государственно-правового строительства. За прошедшие годы Республика Беларусь укрепила свой суверенитет и независимость, проводит самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Были созданы политические, идеологические, конституционно-правовые, социально-экономические основы устойчивого развития белорусского государства.

Процесс разработки и принятия на референдуме обновленной Конституции 2022 г. показал, что Конституция является не только правовым документом высшей юридической силы, но выступает как общественный договор, наполненный реальным содержанием, на основе которого достигается общественное согласие и доверие между лично-

стью, обществом и государственной властью. Как подчеркивают современные конституционалисты, Конституция позволяет стране находиться на столбовом пути всемирной истории, а не на ее задворках [7, с. 6]. Следует согласиться, что «конституционная модель – это определенный образец, единая схема регулирования определяющих общественных отношений. Она с позиций общечеловеческих ценностей, применяя их с учетом специфических условий страны, образует «каркас» для регулирования общественного и государственного, конституционного строя, положения различных коллективов в обществе, правового статуса личности [8].

27 февраля 2022 г. состоялся республиканский референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию. Реализовав свое конституционное право, граждане Республики Беларусь на республиканском референдуме приняли обновленную Конституцию. Согласно результатам референдума за принятие изменений и дополнений Конституции проголосовали 82,86 % голосовавших, или 65,16 % от внесенных в списки для голосования граждан.

Сохранение президентской формы правления с перераспределением полномочий Президента, Парламента и Правительства исходя из их конституционных функций можно определить в качестве ключевой характеристики конституционных изменений. Был установлен конституционный статус ВНС как высшего представительного органа народовластия, определяющего стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающего незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Следует подчеркнуть, что установление конституционного статуса ВНС – высшего представительного органа народовластия – позволило расширить гарантии народного представительства, укрепить незыблемость устоев народовластия.

В качестве ключевых направлений изменений Конституции можно также отметить совершенствование конституционных основ избирательной системы, определение конституционного статуса Центральной избирательной комиссии. Конституционные положения о социальном характере белорусского государства получили развитие и содержательное наполнение в виде усиления гарантий социальных прав. Установление полномочие Конституционного Суда по рассмотрению конституционных жалоб граждан на нарушение их прав и свобод расширило гарантии судебной защиты прав граждан.

В отношении президентской формы правления и принципа разделения властей следует отметить, что институт президентства с сильной президентской властью в полной мере оформился положениями Конституции с изменениями 1996 г., что явилось объективно обусловленным ответом на те вызовы времени, которые переживал народ Беларуси в период становления и развития суверенной государственности. Прошедший период развития подтвердил эффективность, состоятельность и целесообразность функционирования института Президента, его ключевую роль во всех общественно-политических процессах, социально-экономическом развитии, укреплении суверенитета и независимости страны.

Наукой предложены различные теоретические конструкции форм правления, но, безусловно, одних внешних формальных или нормативных характеристик недостаточно; следует исходить из полноты реализации конституционной модели системы сдержек и противовесов, всей практики конституционализма в государстве, и даже, как указывают Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин, «от конкретной ситуации» [8].

Предложения, обсуждавшиеся Конституционной комиссией, об изменении конституционных положений о функциях и полномочиях Президента, Парламента и Правительства касались прежде всего реального действия принципа разделения властей: во-первых, уточнение установленных за каждым органом государственной власти полномочий для эффективного выполнения своих конституционных функций, исключение «параллельных» полномочий и их «дублирования»; во-вторых, – недопущение разбалансированности системы государственной власти, определение уровня ответственности и самостоятельности при принятии решений.

При этом следует согласиться с выводом ведущих конституционалистов, анализирующих конституционные реформы на постсоветском пространстве: «К Конституции нельзя подходить с арифметической точки зрения – столько-то полномочий прибавлено, столько-то убавлено. Меняется сама логика взаимоотношений ветвей власти и философия, которая лежит в основе действующей Конституции» [4].

Учитывая современные геополитические факторы, вопросы национальной и внешнеполитической безопасности, конституционные положения, определяющие конституционно-правовой статус и функции Президента (ст. 79 Конституции), дополнены положениями о порядке функционирования государственной власти в случае вакансии должности Президента или невозможности исполнения им своих обязанностей (ст. 88¹ Конституции). Определение статуса Президента, прекратившего исполнение своих полномочий (ст. 89 Конституции), выступает логическим продолжением неприкосновенности и гарантий, предоставляемых действующему Главе государства.

Нормы обновленной Конституции отвечают потребностям времени, укрепляют баланс ветвей власти, основанный на системе сдержек и противовесов. Одновременно перераспределение некоторых президентских полномочий в пользу законодательной и исполнительной властей свидетельствует о поступательном движении в направлении укрепления их конституционно-правового статуса и придания им большей самостоятельности, что обусловлено достижением определенной степени зрелости государственных институтов, устойчиво и ответственно функционирующих в настоящее время в рамках сложившейся государственно-правовой системы Республики Беларусь [9, с. 46–47].

Следует подчеркнуть, что изменения и дополнения Конституции 2022 г. базируются на национальных конституционно-правовых традициях, сложившейся системе ценностей историко-культурного и духовного наследия, учитывают назревшие объективные потребности общества, отвечают стратегическим целям и задачам государства. Претворение в жизнь положений обновленной Конституции повлекли изменения более 90 законов, сформировали новую правоприменительную практику, усилили тенденцию конституционализации общественных отношений.

В современных условиях, при достигнутой политической и социальной стабильности в стране, эффективном функционировании и взаимодействии ветвей власти ключевым являются продолжение реализации конституционных положений в законодательстве и правоприменении, утверждение конституционных принципов и норм как основополагающего начала и регулятора государственной и общественной жизни, скрепляющего белорусское общество и государство.

2. Важнейшей задачей развития современного конституционализма является сохранение и развитие конституционных ценностей, сохранение конституционной идентичности, то есть обязательным условием утверждения современного конституционализма объективно становится конституционализация общественных отношений.

Традиционно понятие конституционализации рассматривается прежде всего как конституционализация права: законодательное развитие конституционных принципов, норм, ценностей, обеспечение верховенства конституционных предписаний в законодательстве. Однако в настоящее время данное понимание расширяется: в современном конституционализме конституционализация раскрывается как комплексный процесс реализации конституционных положений во всех сферах человеческой деятельности: «Конституция в единстве буквы и духа должна выступать важнейшим стабилизирующим фактором социального прогресса, обеспечивать цивилизационный механизм преодоления социальных противоречий ради гражданского мира и согласия, что предполагает последовательную конституционализацию правовой системы, всей правовой жизни общества» [10, с. 15]. Некоторые авторы включают в процесс конституционализации поведение человека, правосознание и культуру: «Конституционализация социального поведения человека – это путь к проявлению определенной конституционной культуры, адекватной осмысленному бытию данного социума, это системное и осознанное наличие конституционных ценностей в реальной общественной жизни, на чем базируется вся правовая система» [11, с. 4].

Идейная сфера конституционализма является в массовом сознании мировоззренческо-идеологической областью, в которой утверждаются важнейшие правовые и нравственные ценности. Доверие граждан к власти, высокий уровень правовой культуры, правосознания, становление и развитие конституционного мышления превращают конституционные нормы в реально действующий инструмент. При этом конституционализация общественных отношений, формирование конституционной культуры должны являться обязанностью всех государственных и общественных институтов, должностных лиц и граждан. Неотъемлемым элементом современного конституционализма является судебный конституционализм как «политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей» [10, с. 10].

Феномен судебного конституционализма, несмотря на его возникновение и развитие в национальных правовых системах, предполагает общие конституционные ценности, принципы и подходы, которыми руководствуются институты конституционного правосудия в различных государствах. Такие императивы выработаны за более чем полувековую историю, когда институт судебного конституционного контроля стал безусловным атрибутом конституционного развития государств.

Следует согласиться с подходом Н. С. Бондаря, много лет плодотворно изучающего феномен судебного конституционализма, что в центре этого понятия должны находиться «судебно-юрисдикционные факторы интеграции конституции в правовую жизнь общества» [10, с. 20].

При этом ключевое значение в данном контексте имеет практика конституционных судов по уяснению конституционных предписаний, выявлению их глубокого ценностного смысла.

При осмыслении конституционных ценностей и наполнении формально-юридическим содержанием данных конструкций необходимо обратить внимание, что их содержание не остается неизменным. Интенсивное развитие общественных отношений, осмысление новых концептуальных подходов к правам человека, взаимовлияние национальных правовых систем закономерно влекут «приращение» смыслового содержания

конституционных предписаний, делая их более многогранными. Благодаря деятельности органов конституционного контроля содержание конституционных положений обретает определенность и точность.

Конституционный Суд Республики Беларусь в практике конституционного контроля постоянно отмечает необходимость последовательной и эффективной реализации конституционных ценностей для обеспечения защиты человека, его прав и свобод и гарантий их реализации как высшей ценности и цели общества и государства.

В заключение следует отметить, что обеспечение верховенства и прямого действия Конституции, выработка на законодательном уровне реально действующих правовых механизмов для полной и точной реализации конституционных норм обуславливают претворение в жизнь конституционной модели организации общественных отношений. При этом авторитетная государственная власть, баланс социально-политических интересов, конструктивное взаимодействие государства и гражданского общества способствуют утверждению конституционализма, в конечном итоге предопределяя поступательное движение к подлинно демократическому социальному правовому государству.

Библиографический список

1. Лукашенко, А. Г. Суверенную Беларусь создаем вместе : послание Президента Респ. Беларусь А. Г. Лукашенко белорус. народу и Нац. собр. Респ. Беларусь, 19 апр. 2019 г. / А. Г. Лукашенко // Государство для народа. – 2019. – № 5. – С. 2–23.
2. Конституция в XXI в. : сравнительно-правовое исследование : моногр. / Е. Б. Абросимова [и др.] ; отв. ред. В. И. Чиркин. – М. : Норма, Инфра-М, 2011. – 656 с.
3. Миклашевич, П. П. Конституционный контроль: конституционализация права и правоприменения / П. П. Миклашевич // Весн. Канстытуцыйнага Суда Рэсп. Беларусь. – 2019. – № 1. – С. 38–46.
4. Хабриева, Т. Я. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андрюченко // Вестн. Пермск. ун-та. Юрид. науки. – 2017. – № 3. – С. 272–287.
5. Воронович, Т. В. Роль конституционного правосудия в становлении современного конституционализма / Т. В. Воронович // Вестн. Евразийской ассоциации органов конституционного контроля. – 2019. – № 1. – С. 5–20.
6. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году : послание Конституц. Суда Респ. Беларусь Президенту Респ. Беларусь, Палате представителей Нац. собр. Респ. Беларусь, Совету Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 23 янв. 2018 г. № Р-1120/2018 // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 35–62.
7. Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2011. – 719 с.
8. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. – М. : Норма, 2007. – 320 с.
9. Карпович, Н. А. Президент – Глава государства Республики Беларусь: развитие конституционно-правового статуса в нормах обновленной Конституции / Н. А. Карпович, О. И. Чуприс // Весн. Канстытуцыйнага Суда Рэсп. Беларусь. – 2022. – № 4. – С. 17–48.
10. Бондарь, Н. С. Правосудие: ориентация на Конституцию : моногр. / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. – М. : Норма, 2020. – 224 с.
11. Арутюнян, Г. Г. Конституционализация социального поведения человека в правовом государстве / Г. Г. Арутюнян // Журн. конституционного правосудия. – 2013. – № 5. – С. 1–4.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА И ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ – КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕЛЬ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Н. А. Карпович

*заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь,
профессор кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
karpovich@kc.gov.by*

Системно анализируются нормы Конституции Республики Беларусь и обосновывается значимость их последовательной реализации для достижения конституционной цели поддержания мира и гражданского согласия. Изложен вывод о том, что построение на основе принципов и норм Конституции справедливого общества, взаимное доверие власти и народа – залог утверждения мира и гражданского согласия на благо устойчивости и динамичного развития общества и государства.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь; мир и гражданское согласие; народ; демократические социальное правовое государство; права и свободы граждан; социальная ответственность; обязанности государства; историческая память.

Мир, согласие, гармония и единство рассматриваются в философии и других общественных науках как важнейшие составляющие бытия народа, в наибольшей степени отражающие порядок в жизни общества и государства, свидетельствующие о народной мудрости и являющиеся условием сбережения материальных и духовных ценностей народа.

Белорусский мыслитель и поэт Николай Гусовский в поэме «Песнь о зубре» говорил об общественном согласии как об одном из важнейших достояний. В юридической литературе отмечается, что данная идея входит также в число фундаментальных постулатов социальной философии Андрея Волана – белорусского мыслителя второй половины XVI – начала XVII в., который считал, что мир и согласие – необходимые условия нормального функционирования общества; что тенденция к дисгармонии может вести к нарушению согласия и в конечном итоге к распаду общества; что хранителями социального мира являются прежде всего законы и мудрая государственная власть [1, с. 77]. Современные государствоведы также сходятся во мнении, что только слаженное взаимодействие отдельных личностей и социальных структур позволяет сохранять исторические и культурные ценности народа, реализовывать возможности по их приумножению; что гармония, мир и согласие – слагаемые процветания и устойчивого бытия народа.

Важнейшие цели Конституции Республики Беларусь также обозначены в соответствующих терминах. Преамбула Конституции выражает политическое единство народа Беларуси как нации и субъекта мирового сообщества, его желание обеспечить мир и гражданское согласие, благополучие граждан, незыблемость народовластия, независимость и процветание Республики Беларусь.

Мировой конституционализм свидетельствует, что стабильность развития достигается при соблюдении приоритета ценностей и целей народа, закрепленных в Основном законе.

Нормы Конституции о Республике Беларусь как унитарном демократическом социальном правовом государстве (ч. 1 ст. 1) обуславливают взаимоотношения личности, общества и государства, отвечающие благу каждого и пользе для общества в целом, что отмечено в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 5 марта 2024 г. № ПР-2/2024 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь».

Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства при многообразии политических институтов и мнений (ч. 1 ст. 4 Конституции). А. А. Головки писал, что демократия – такой правовой режим, при котором свободная личность может полностью самореализоваться, выразить себя и свои возможности в интересах общества и государства, а также обеспечить гражданское согласие к числу более чем 60 конституционных гарантий демократии [2, с. 96–97, 147]. Широкое вовлечение граждан в выработку государственных решений, создание в Беларуси правовых и иных условий для гражданских инициатив отвечают целям повышения уровня конституционной культуры людей, их заинтересованности в поступательном развитии страны, содействии общему благу.

Руководствуясь ст. 2 и 59 Конституции, государство последовательно выполняет обязанности по созданию условий для свободного и достойного развития личности, принимает меры для наиболее полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь согласно формуле «государство для народа». Конституция, закрепляя правовые механизмы обеспечения прав и свобод личности, одновременно предусматривает условия для самореализации граждан, использования человеком своих способностей для улучшения качества жизни [3]. В ст. 21 Конституции определено, что граждане должны проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ч. 3).

Неразрывной является связь благополучия каждого с ростом благополучия общества в целом. Говоря о социальном государстве, А. А. Головки отмечал, что его конституционно-правовой статус «предполагает обеспечение экономических и социальных прав, свобод человека и гражданина, а также соответствующих обязанностей государства в этом отношении. При таком положении государство служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия» [2, с. 155]. В настоящее время социальное государство, выступая основным фактором роста благосостояния граждан, создавая условия для удовлетворения их материальных и духовных потребностей, одновременно содействует развитию их экономической и иной активности, преодолению иждивенческих настроений. С учетом этих положений в социальном государстве обеспечивается баланс социальных интересов, социальная справедливость, а также реализуется социальная ответственность каждого и тем самым достигается социальная солидарность.

Конституционный правопорядок обеспечивает также надлежащее выполнение конституционного долга каждого охранять природную среду, обязанности соблюдать Конституцию, законы и уважать государственные символы и национальные традиции Беларуси (ст. 52 и 55 Конституции).

В современных условиях гражданам важна уверенность в справедливости и общеобязательности нормативных предписаний. Функционирование Республики Беларусь как правового государства означает реальное претворение в жизнь конституционных

ценностей путем развития их в законодательном регулировании и обеспечения в практической деятельности государственных органов и должностных лиц.

Конкретизируя основы правового государства, Конституция устанавливает в Республике Беларусь принцип верховенства права и определяет, что иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией; государство, все его органы и должностные лица, организации и граждане действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (ч. 1–3 ст. 7). Неукоснительное следование этим требованиям государственно-правовых институтов укрепляет доверие к ним граждан – важнейшую составляющую общественного согласия.

В ст. 9 Конституции закреплены нормы о территории Республики Беларусь как естественном условии существования и пространственном пределе самоопределения народа, основе его благосостояния и суверенитета Республики Беларусь, о единстве и неотчуждаемости территории Беларуси. Данные нормы непосредственно связаны с историческими событиями, определившими бытие Беларуси в ее современных государственных границах. Вместе с тем, они не только выражают территориальный аспект целостности страны, но и закрепляют идею единства белорусской нации, готовность народа совместно утверждать свою субъектность, защищать свое право на суверенитет.

Целям укрепления мира и гражданского согласия отвечают также предусмотренные среди основ конституционного строя запрет создания и деятельности политических партий, других общественных объединений ведущих пропаганду войны, любых форм вражды (ч. 3 ст. 5); требование о регулировании государством отношений между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов (ч. 1 ст. 14); норма о том, что Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, мирного урегулирования споров (ч. 1 ст. 18). Данные положения обуславливают утверждение мира и гражданского согласия как базового мировоззренческого принципа жизни общества и государства.

Соответствующая цель также ярко выражена в конституционном статусе органов государства. Согласно ст. 79 Конституции Президент Республики Беларусь олицетворяет единство народа. Глава государства в своей повседневной деятельности консолидирует общество вокруг базовых общенациональных ценностей и единых целей и задач развития. Исходя из ст. 81 Конституции, устанавливающей, что Президент избирается непосредственно народом Республики Беларусь на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права, Президент в системе государственной власти представляет всех граждан, и выражает интересы всего народа Беларуси.

Одной из основных идей конституционных преобразований в 2022 году выступает всемерное укрепление сплоченности народа. Широкий диалог по обсуждению поправок в Конституцию позволил обществу утвердиться в фундаментальных ценностях и приоритетах в современных условиях, укрепил готовность их утверждать и защищать. На конституционном уровне закреплён статус Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия, на который возложено определение стратегических направлений развития общества и государства, обеспечение незыблемости конституционного строя, преемственности поколений и гражданского согласия (ст. 89-1 Конституции). Всебелорусское народное собрание отражает традиции народовластия на территории Беларуси и обеспечивает высокую вовлечённость населения в принятие важнейших стратегических и программных решений.

В этой связи отметим емкие слова А. А. Головки: «чем выше наука и культура общества, чем быстрее и всестороннее человек осознает самого себя, чем теснее и доверчивее устанавливаются постоянные связи между народами и государствами мира, тем больше и чаще человечество обращается к народовластию, демократии с надеждой найти в таком режиме, способе управления обществом и государством гуманность, честность, доброту и справедливость» [2, с. 35].

В Республике Беларусь эффективно действуют и другие представительные органы – Национальное собрание Республики Беларусь, местные Советы депутатов. Они выражают интересы избирателей и соответствующих территорий, способствуют реализации общегосударственных целей и задач развития. Обращаясь к законодательной власти, А. А. Головки отмечал необходимость «глубоко продумывать создаваемый проект каждого закона на предмет его положительного воздействия в сфере дальнейшего развития и становления демократического социального правового государства и гражданского общества» [2, с. 82].

Сегодня важно, чтобы всеми гражданами белорусская государственность и Конституция воспринимались как высочайшее достояние, которое надлежит сохранить и передать потомкам. Нормы ст. 15 и 54 Конституции гласят о сбережении культуры, традиций и духовного мира, сохранении исторической памяти, определяющих самоидентификацию народа.

Таким образом, гуманистический характер Конституции определяет идеологию белорусского государства и выражает национальную идентичность, определяет сущность фундаментальных гарантий прав и свобод личности. Как в трудах выдающихся правоведов предшествующих периодов, так и в современной юридической литературе неизменно превалирует мысль, что именно в подлинно демократическом социальном правовом государстве утверждается конституционное правосознание граждан как патриотов своей страны, разделяющих общие конституционные ценности и содействующих общему благу. Построение на основе принципов и норм Конституции справедливого общества, взаимное доверие власти и народа – залог утверждения мира и гражданского согласия, устойчивости и динамичного развития общества и государства.

Библиографический список

1. Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды. – Минск : Редакция журн. «Промышленно-торговое право», 2017. – 320 с.
2. Головки, А. А. Теоретические основы демократии (конституционно-правовой аспект) / А. А. Головки // Головки А. А. Избранные труды. – Минск : ЮрСпектр, 2018. – С. 35–217.
3. Карпович, Н. А. Конституционный статус граждан Республики Беларусь : преемственность и развитие / Н. А. Карпович // Право.by. – 2023. – №3 (83). – С. 5–14.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

А. Г. Тиковенко

*судья Конституционного Суда Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
Tikovenko@kc.gov.by*

В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения национальной и государственной идентичности. Автор выявляет сущность национально-государственной идентичности, прослеживает закрепление ее основ в конституционном законодательстве Республики Беларусь. Отмечается важность правового обеспечения защиты государственной и национальной идентичности в условиях становления информационного общества.

Ключевые слова: национальная идентичность, государственная идентичность, конституционная идентичность, информационное общество.

1. В ситуации роста глобальных и региональных вызовов и угроз в сообществах актуализировались вопросы защиты национальной и культурной самобытности. Ответом сообществ противостоять масштабам глобализации явились теории идентичности (политической, культурной, национальной, государственной, религиозной, инклюзивной и др.). Рост международных миграционных потоков вызвал, по мнению С. Хантингтона, процесс фрагментации национальной идентичности [1, с. 36–38].

В условиях миграционных процессов для Республики Беларусь являются весьма актуальными вопросы национально-государственной идентичности. Неслучайно в Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 гг. (Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 января 2024 г. № 48), одним из ее направлений является совершенствование законодательства о гражданстве в целях сохранения национальной идентичности при обеспечении баланса интересов Беларуси и переселенцев. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, одним из внутренних источников угроз в политической сфере является разрозненность смысловых концептов государственной идеологии, размывание общенациональной идентичности единой общности «белорусский народ», формирование негативного образа государства и его институтов (п. 31). Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг. (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773) рассматривает в качестве одной из патриотических ценностей национально-культурную идентичность и указывает на одну из своих важнейших задач: формирование национальной идентичности – внедрение и утверждение общественно-государственных (национальных) ценностей, формирование нации как единого целого, представленного уникальными традициями и культурой. В этих условиях Директива Президента Республики Беларусь № 12, отражающая нормы Конституции Республики Беларусь, предусматривает необходимость сохранения национально-исторических традиций, ценностей и интересов белорусского народа во взаимосвязи с национально ориентированным государственным аппаратом,

которые выступают в качестве основы упрочения национально-государственной идентичности, способствуют, на наш взгляд, устойчивости общенациональной идентичности единой общности «белорусский народ». Кстати, преамбула Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. ориентирует на необходимость уважения истории, культуры и традиций народов при развитии евразийской экономической интеграции (абз. 4 преамбулы).

2. С точки зрения социальных наук идентичность имеет ценностную основу, формируемую, приобретаемую в результате взаимодействия, диалога индивида или социальной группы, характеризующееся обладанием ими уникальными качествами, которые позволяют выделить данного индивида или группу из числа сходных в процессе их самоосознания (самоотождествления, самопознания и самоопределения).

3. Национальная идентичность имеет тесную ценностную связь между настоящим и прошлым – историей и культурой, этикой и теологией. Она осуществляется через язык, предания, быт и организацию социального пространства. В языке заключена национальная идентичность, в нем видят «символ сплоченности, культуры, духа, отношения к миру» [2, с. 37]. По мнению И. М. Меликова, «Язык – это то, на основе чего живет и культура нации, и вся нация в целом.... Сила нации выражается силой ее языка. ...Через язык можно вести захватнические войны, подчинять себе другие народы, менять общество и общества в нужном ключе» [3, с. 223–224]. Достаточно выразительное значение языка содержится в преамбуле Закона Республики Беларусь «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь», согласно которой «Мова – не толькі сродак зносін, а і душа народа, аснова і важнейшая частка яго культуры. Жыве мова – жыве народ. Кожная мова, яе літаратурная, жывая мясцовая і гістарычная разнавіднасць – неацэнны скарб, які належыць не аднаму народу, а ўсяму чалавецтву». Беларусь является полиэтническим государством, ибо на ее территории проживают представители около 140 национальностей [5, с. 71]. Нормы Преамбулы Конституции Республики Беларусь во взаимосвязи с ее статьями (часть 1 ст. 14, ст. 15, ст. 17, часть 3 ст. 32, ст. 50, 51 и ст. 54) свидетельствуют об условиях для формирования национальной идентичности, которые получают развитие, конкретизацию в законах, что гарантирует личности право на уважение ее идентичности, самоидентификации, обеспечивающих удовлетворение ей своей идентичностью. Так, в соответствии со ст. 39 Кодекса Республики Беларусь «Аб культуры» ад 20 июля 2016 г. № 413-З «кожнаму грамадзяніну гарантуецца права на культурную самабытнасць, адраджэнне, захаванне і развіццё нацыянальных культурных традыцый». Беларусь гарантирует национальным меньшинствам равные политические, экономические и социальные права и свободы: право на получение помощи со стороны государства в деле развития национальной культуры и образования, право на изучение и пользование родным языком, право на сохранение национальных традиций, право занимать любые должности в государственных органах и др. (ст. 6 Закона Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь»).

Национальная идентичность белорусского народа находит выражение в использовании гражданами государственными языками – белорусским и русским, за равный статус которых высказалось 83,3% участвующих в республиканском референдуме, состоявшемся 14 мая 1995 г. Так, ст. 2 Закона Республики Беларусь «Аб мовах у Рэспубліцы

Беларусь» предусмотрено, что Республика Беларусь обеспечивает всестороннее функционирование белорусского и русского языков во всех сферах общественной жизни, проявляет государственную заботу о свободном развитии и использовании всех национальных языков, которыми пользуется население республики (ст. 2). Положениями стст. 3 и 4 Закона установлено, что граждане имеют право пользоваться национальным языком и выбирать язык общения. Руководители, другие работники государственных органов, организаций должны владеть белорусским и русским языками в объеме, необходимом для исполнения ими своих служебных обязанностей.

Таким образом, национальная идентичность заключена в языке, проявляет себя в культуре, литературе, архитектуре. Следует согласиться, что полностью принятая национальная идентичность становится открытой к диалогу с другими национальными идентичностями [2, с. 39]. На наш взгляд, диалогическая модель развития национальной идентичности в условиях миграционных процессов способна исключать конфликты на национальной почве.

Анализ социокультурной природы национально-государственной идентичности побуждает обратиться к одному из элементов ее формирования – исторической памяти, о значении которой для общества и государства свидетельствует ее конституционный уровень. Так, ч. 2 ст. 54 Конституции гласит: «Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь». Одной из основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества, предусмотренных Законом Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. №250 «Об основах гражданского общества», является участие в духовно-нравственном и патриотическом воспитании граждан.

4. В условиях масштабных интеграционных процессов, добровольной интеграции государств в надгосударственные структуры, взаимодействия норм национального и наднационального права актуализировались вопросы национальной идентичности, послужившие выкристаллизации конституционной идентичности. Согласно Концепции правовой политики Республики Беларусь, характерными чертами правовой политики являются: конституционная идентичность и верховенство Конституции в системе законодательства и при формировании наднационального права, в том числе в рамках интеграционных процессов, ее прямое действие на всей территории государства (п. 20). При этом важно, как отмечается в Концепции, осуществлять толкование конституционных норм и положений законов, принятых в их развитие, на основе модели конституционной идентичности, опирающейся на социально-культурные ценности белорусского общества (подп. 41.2). Национальная идентичность обеспечивает самосохранение этноса, его духовно-нравственных констант, этнокультурных кодов [4, с. 6], во многом определяет смысловое понятие конституционной идентичности, являющейся основой для «конституционного ядра» – конституционных ценностей, принципов и норм.

5. Важное значение для понимания национальной идентичности имеют конституционные положения о культурных и духовных традициях белорусского народа, его нравственных ценностях. Основным нормативным правовым актом, максимально отражающим, концентрирующим правовые ценности и устанавливающим их объективную иерархию, является Конституция. Закрепляясь, как правило, в преамбуле Конституции, ее нормах-целях, нормах-задачах и нормах-принципах, они приобретают статус конституционно-правовых ценностей, занимая таким образом центральное место во

всей системе ценностей. Сохранение и утверждение традиционных ценностей белорусского народа является одной из целей Концепции развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 гг. (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2023 г. № 961).

Осознание нацией своей тесной связи с государством, его институтами свидетельствует о развитии национального самосознания, призванного на основе конституционных положений и во взаимосвязи с государственностью формировать национально-государственную идентичность, выступающую основополагающим фактором стабильности конституционного строя, укрепления социальной солидарности, обеспечения государственного суверенитета, национальной безопасности.

6. Национальная и государственная идентичность взаимосвязаны, ибо формирование последней зависит от развития национального самосознания, являющегося результатом процесса самоидентификации национальной общности на историко-культурной и духовной основе, представляющей себя в образе коллективного «мы» – конституционной формуле «Мы – народ Республики Беларусь (Беларуси)...», содержащейся в преамбуле Конституции и других ее положениях (об общности культурных и духовных традиций, направлениях развития белорусской государственности), а также в ряде статей, определяющих цели и задачи Республики Беларусь, источник государственной власти, взаимную ответственность гражданина и государства, человека и общества (ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 3, ч. 3 ст. 23 Конституции и др.). Это коллективное «мы», вытекающее из единой общности «белорусский народ», олицетворяет нашу коллективную идентичность, народное единство. Слова: «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси) ...», открывающие Конституцию, свидетельствуют о двух важнейших тесно взаимосвязанных конституционных ценностях, предопределяющих в силу этого взаимодействие народа и государства, что позволяет говорить о государственной идентичности, выступающей основой их единства. Государственная идентичность представляет собой осознание личностью тождественности с государством. Она формируется под воздействием объективных и субъективных факторов. Среди них особое место занимает сознательная и целенаправленная идентификационная деятельность государства и его институтов. Государственная идентичность предполагает внедрение в массовое и индивидуальное сознание идей о субъективной значимости данного государства для любого гражданина, их обоюдной тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Таким образом, государственная идентичность – это важный консолидирующий фактор для населения.

7. Современное информационное общество представляет собой новый этап развития цивилизации с преобладанием знаний и информации, воздействием информационных технологий на все сферы человеческой деятельности. Кардинально повышается роль информационных технологий в реализации прав и свобод граждан. Сегодня Интернет, став неотъемлемой частью повседневной жизни, породил «электронного гражданина», который посредством использования интернет-технологий активно реализует свои права и исполняет обязанности, ведет блог (сетевой журнал или дневник событий) – новый инструмент современной демократии – демократии индивидов (или «нанодемократии»), утверждая основные права и свободы в виртуальном пространстве, актуализируя важность создания системы цифрового гражданства.

Формирование информационного общества, обеспечивающего доступность информации, распространение и использование знаний для поступательного и прогрессивного развития, в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, рассматривается как национальный приоритет и общегосударственная задача. Стратегической целью развития информационного общества в Республике Беларусь является обеспечение устойчивого социально-экономического, политического и культурного развития страны, улучшение качества жизни граждан, создание широких возможностей для удовлетворения потребностей и свободного развития личности.

Вместе с тем трансформация социума в информационное общество порождает новые риски, вызовы и угрозы, которые напрямую затрагивают вопросы обеспечения безопасности личности, национальной безопасности, в том числе защищенность информационного пространства, информационной инфраструктуры, информационных систем и ресурсов. В информационной среде наблюдается появление «цифровой личности» (цифрового анонимного человека, имеющего только ник (прозвище), что приводит к распаду человека: он удваивается, утраивается, становится множественным и в этом состоянии перестает быть личностью. В связи с этим возникают проблемы как с самоидентификацией личности, так и с ее отношением к правовой реальности, осознанной включенности в социальные, правовые отношения, что в свою очередь затрудняет развитие и формирование правовой идентичности, выработки и приобретения правовых качеств (совокупности прав, свобод и обязанностей, их зависимости), необходимых для человека юридического (*homo juridicus*) как активного участника конституционных отношений, гражданина Республики Беларусь и члена правового гражданского общества. Широкое распространение нейротехнологических методов воздействия на сознание и психику человека создает угрозу его ментальному самоопределению (ментальной идентичности), что может повлечь, на наш взгляд, размывание общенациональной идентичности единой общности «белорусский народ». В условиях нейротехнологических вызовов, вызванных результатами прогресса нейронауки, актуализируется право человека на ментальную идентичность и неприкосновенность его сознания, которое нуждается в осмыслении и правовой защите.

Библиографический список

1. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М., 2018. – 544 с.
2. Матьё, Б. Право против демократии? : моногр. / Б. Матьё. – М., 2021. – 200 с.
3. Меликов, И. М. Социальное бытие свободы: моногр. / И.М. Меликов. – М., 2024. – 432 с.
4. Кошкарлова, Ю. А. Сохранение национальной идентичности как фактор обеспечения национальной безопасности / Ю. А. Кошкарлова // Труд и социальные отношения. – 2018. – № 5. – С. 5–11.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ И БРАКА КАК ВЕКТОР МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Н. Е. Таева

*профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент
netaeva@msal.ru*

Рассматриваются проблемы преломления традиционных семейных ценностей в российском миграционном законодательстве. Установлено, что проблемы семейной миграции являются одними из наиболее сложных для правового регулирования, так как требует установления баланса между соблюдением права на неприкосновенность частной жизни, права на создание и воссоединение семей как естественных прав человека и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: конституция; гражданство; миграция; миграционная политика; традиционные ценности; семья; брак; права человека.

Рассматривая проблематику преломления традиционных семейных ценностей в миграционном законодательстве нашего государства, необходимо подчеркнуть, что такого рода ценности являются на сегодня важнейшим ориентиром государственной политики, о чем свидетельствуют нормы самого высокого уровня – это положения Конституции РФ, а также документов стратегического планирования. Нормы о защите семьи, материнства, отцовства и детства представлены в Конституции РФ в достаточном объеме. Ст. 7 Конституции РФ закрепляет поддержку семьи, материнства, отцовства и детства в числе основных направлений социальной политики государства, включая такую поддержку в содержание принципа социального государства как важнейшей и неизменной основы конституционного строя России. Законом о поправке к Конституции РФ 2020 г. в главу о федеративном устройстве были также дополнительно включены положения о защите института брака как союза мужчины и женщины; создании условий для достойного воспитания детей в семье (ст. 72), а также о признании защиты детей в качестве приоритета государственной политики (ст. 67.1). Статья, в которой речь идет непосредственно о защите традиционных семейных ценностей содержится в Конституции РФ в главе о Правительстве РФ (введена Законом о поправке к Конституции РФ 2020 г.), где в подп. «в» п. 1 ст. 114 Конституции РФ установлено, что Правительство РФ обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области сохранения традиционных семейных ценностей [1, с. 1024].

Направленность государственной политики на сохранение и продвижение традиционных семейных ценностей, укрепление института семьи четко прослеживается в стратегических документах. Так, Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» называет укрепление семьи в числе целей государственной политики. В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» поставлена

задача по укреплению института семьи, сохранению традиционных семейных ценностей, преемственности поколений россиян. Таким образом, законодательное регулирование жизни общества, в том числе и в сфере миграции, в России должно осуществляться в контексте традиционных представлений о семейных ценностях.

Трансграничные семейные отношения являются одним из проявлений глобализации и, в целом, характеризуют современное мироустройство. При этом, именно проблемы семейной миграции в контексте их правового регулирования являются одними из наиболее сложных на сегодня. Это объясняется необходимостью поддержания баланса между интересами индивида и общественными интересами. В данной сфере с одной стороны необходима защита и охрана права на неприкосновенность частной жизни, права на создание и воссоединение семей как естественных прав человека, а с другой стороны семейная миграция сопровождается большим числом злоупотреблений (фиктивные браки, фиктивные усыновления, подделка документов предоставление заведомо ложных сведений о составе семьи, фиктивное родство и др.), что вызывает заинтересованность общества и государства в ее более жестком регулировании с целью обеспечения безопасности государства и общества.

В научной литературе типология семейной миграции проводится по разным основаниям. Для целей нашего исследования будем выделять два типа миграции [2, с. 67]: во-первых, миграция с целью создания семьи; во-вторых, въезд совместно с членами семьи, въезд семей в полном составе (так называемая «сопровождающая семья»).

Миграция с целью создания семьи прежде всего реализуется посредством заключения браков с гражданами России. Учет традиционных российских ценностей при реализации миграционной политики по этому направлению предполагает два основных момента.

Во-первых, брак в РФ рассматривается только как союз мужчины и женщины. Применительно к пониманию брака как союза мужчины и женщины следует отметить, что в 2020 г. посредством включения соответствующего положения в Конституцию РФ (п. «ж. 1» ст. 72) была создана важная юридическая гарантия традиционного института брака. При этом, такое регулирование не является специфическим. В частности, В. И. Лафитский указывает, что в настоящее время в конституциях более чем 40 государств содержатся нормы о том, что брак может быть заключен только между мужчиной и женщиной. К таким государствам относятся, к примеру, Беларусь (ст. 32), Молдова (ст. 48), Армения (ст. 35), Таджикистан (ст. 33), Кыргызстан (ст. 36), Туркменистан (ст. 40), Литва (ст. 38) и другие [3, с. 124].

В миграционном законодательстве понимание брака как союза мужчины и женщины связано с тем, что при въезде в Россию супругов законодательством не регулируется возможность въезда полигамных семей, однополых пар и тем самым подчеркнута демонстрируется позиция государства, что такие формы брака официально не признаны.

Во-вторых, брак в его ценностной интерпретации должен быть союзом устойчивым, создаваемым как для совместного проживания супругов, так и для рождения детей. Устойчивость семьи напрямую связана с благополучием и процветанием государства, его национальной безопасностью. В миграционной сфере относительно данного контекста главной проблемой является организация незаконной миграции посредством заключения фиктивных браков заключение браков иностранцев с гражданами Российской Федерации [4, с. 153]. Какие же способы решения указанной проблемы нашел за-

конодатель? В Федеральном законе от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» в условия приема в гражданство отдельных категорий граждан включена норма о необходимости не просто состоять в браке с гражданином России, проживающим в стране (как это было прежде), но и иметь общего ребенка (в том числе усыновленного (удочеренного)) – п. 5 ч. 2 ст. 16. С января 2025 г. изменились условия выдачи разрешения на временное проживание (далее – РВП) вне квоты. Для этого теперь недостаточно будет лишь заключить брак с российским гражданином. Право на получение РВП без учета утвержденной Правительством РФ квоты есть только у иностранцев, состоящих в браке с гражданином РФ не менее трех лет либо без учета срока состояния в браке, но имеющие общего ребенка, рожденного (усыновленного) в браке – п. 4 ч. 3 ст. 6 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Направленность государственной политики на сохранение брака как устойчивого социального института, который не должен использоваться в неправомерных целях, прослеживается и в новом правовом режиме высылки иностранцев, который начал действовать с февраля 2025 г. в частности, иностранцы, в отношении которых введен режим высылки не смогут заключать брак.

Вторым направлением семейной миграции является въезд для воссоединения семей или так называемые «сопровождающие семьи».

Сопровождение семей, прежде всего, имеет место в трудовой миграции. Так, в России предусмотрен въезд одновременно членов семей в следующих случаях: въезд высококвалифицированных специалистов и членов их семей; ай-ти специалистов и членов их семей; иностранцев, осуществляющих инвестиции в российскую экономику совместно с членами семьи; въезд по государственной программе переселения соотечественников и членов их семей и некоторые иные.

Следует отметить, что в российском законодательстве нет единого определения понятия «семья» применительно к иностранным гражданам. Нормативно отражено несколько подходов к пониманию того, кто относится к членам семьи. При этом закон существенно расширяет общее понятие членов семьи, включая в него не только лиц, которые находятся на иждивении или содержании «основного мигранта», но и иных лиц, которые могут самостоятельно осуществлять трудовую деятельность и обеспечивать себе достойный уровень жизни: супруги, дети (в том числе усыновленные), причем не только несовершеннолетние дети, находящиеся на попечении работника, но и вполне трудоспособные члены его семьи, более того и члены их семей. Какие же преференции предусмотрены в данной сфере? В российском законодательстве предусмотрено получение РВП по линии воссоединения семьи и, прежде всего, это получение РВП вне квоты с целью воссоединения семей; получение вида на жительство (ВНЖ) по линии воссоединения семьи. С 2019 г. для членов семьи российских граждан есть возможность получения ВНЖ, минуя получение РВП. По Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в перечень лиц, которым это право предоставлено, вошли почти все варианты, связанные с воссоединением семей. Предусмотрено получение гражданства РФ членам семьи (без срока проживания, подтверждения знания истории России и всех остальных условий, кроме ВНЖ) родителям, детям, родственникам – ч. 2 ст. 16 ФЗ «О гражданстве РФ»).

Новый институт, появившийся в российском миграционном законодательстве – репатриация. Статус репатрианта имеет особенности: им предоставлено право переселяться по программе переселения соотечественников в любой субъект РФ совместно с членами семьи [5, с. 56].

При этом, для членов семей «основного» трудового мигранта установлены в качестве условий въезда обязательное дактилоскопирование, медицинское освидетельствование и отсутствие ряда заболеваний. Одновременно учитывается возможность иностранца содержать себя и членов семьи, находящихся на его иждивении. Так, РВП либо ВНЖ аннулируется либо вообще не выдается, если иностранный гражданин не имеет достаточных средств в размерах, позволяющих содержать себя и членов своей семьи, находящихся на его иждивении, не прибегая к помощи государства, на уровне не ниже прожиточного минимума, установленного законом субъекта РФ, на территории которого ему разрешено временное проживание.

Подводя итог, отметим, что понимание брака и семьи в контексте традиционных российских ценностей существенно меняет правовое регулирование в миграционной сфере в Российской Федерации, становясь одним из его основных векторов. При этом, на данном историческом этапе государству удастся сохранить баланс между соблюдением прав и свобод личности, признания прав человека высшей ценностью и требованиями общественной и государственной безопасности.

Библиографический список

1. Кравчук, Н. В. Уважение традиционных семейных ценностей как конституционный принцип / Н. В. Кравчук // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17-1. – С. 1023– 025.
2. Шапиев, К. А. Особенности семейной миграции в ЕС / К. А. Шапиев // Юрид. мир. – 2007. – № 12. – С. 67–69.
3. Лафитский, В. И. Конституционные ценности семьи в борьбе цивилизаций за выживание: моногр. / В. И. Лафитский. – М., Проспект, 2021. – 224 с.
4. Примакова, С. В. Актуальные вопросы, связанные с регистрацией фиктивных браков между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами / С. А. Примакова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11-2. – С. 152–154.
5. Таева, Н. Е. Законодательство о гражданстве Российской Федерации – современный этап развития // Закон. – 2024. – № 3. – С. 48–58.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕДИАТИВНОГО ПРОЦЕССА

О. В. Бреский

*заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,
кандидат юридических наук, доцент
oleg.bresky@hotmail.com*

Статья посвящена исследованию конституционных оснований медиации как формы разрешения споров. Существует проблема в определении ее статуса в правопорядке: является ли медиация лишь вспомогательным механизмом или полноценной реализацией права на справедливое разбирательство. Рассматривается соотношение медиации с правом на доступ к правосудию, принципом пропорциональности вмешательства государства, верховенством права и автономией личности. Приводится анализ судебной практики международных и национальных судов.

Ключевые слова: медиация; эффективность правовой защиты; верховенство права; автономия; свобода договора.

Конфликт и спор – это неотъемлемый элемент любого социума. Конституционный механизм предполагает настройку многочисленных механизмов, которые обеспечивают возможность мирного урегулирования конфликта и составления балансов, позволяющих субъектам сосуществовать в виду многообразия их интересов. Признание многообразия и права на автономию – фундаментальное конституционное допущение, легитимизирующее особенности и возможность обладать субъектностью. Медиация опирается на добровольное участие и самоопределение сторон, что соответствует этим конституционным ценностям. Дж. Де Пало отмечает, что «медиация – это не альтернатива правосудию, а другой путь к нему. Ее следует продвигать не только из-за эффективности, но и потому, что она отражает конституционное право на справедливый, соразмерный и доступный процесс разрешения споров» [5, с. 8].

Статус субъекта социальных отношений предполагает способность человека к заключению сделок и широко понимаемую ответственность. Большинство споров и конфликтов разрешаются людьми без обращения к правовым механизмам, но формы и методы такого рода вне правовых процессов имеют важное значение для публичного порядка, и, конечно, должны быть гармонизированы с его основными принципами.

Конституция обращена и к публичной сфере, и к сфере частного, автономного. В сфере публичного конституция обеспечивает должный процесс и защищает правовой статус, в области частного – она защищает автономию и свободу субъектов. Конституционные основания медиации относятся к основополагающим правовым и конституционным принципам, которые поддерживают и легитимируют использование медиации как формы разрешения споров в правовой системе. Хотя конституции редко упоминают медиацию прямо, несколько ключевых конституционных ценностей и прав обеспечивают ее прочную нормативную основу.

Большинство конституций гарантируют право на справедливое судебное разбирательство, доступ к правосудию или эффективные средства правовой защиты. Модель для такого рода института заложена международным правом. Многие современные конституции включают или интерпретируют международные документы по правам человека. Эти документы поддерживают альтернативное разрешение споров, включая медиацию, как часть более широкого права на эффективные средства правовой защиты и справедливые процедуры. Медиацию можно рассматривать как механизм обеспечения правосудия, обеспечивающий более широкий доступ к правосудию за счет процесса, основанного на автономии сторон. К примеру, раздел 34 Конституции ЮАР гарантирует право на разрешение споров в справедливом публичном слушании или «на другом независимом и беспристрастном форуме», что включает и медиацию [7].

Принцип верховенства права охватывает не только формальные юридические процедуры, но и механизмы, способствующие мирному разрешению конфликтов, в том числе, медиацию. Конституционный порядок подразумевает, что вмешательство государства должно быть пропорциональным и субсидиарно применяться, только в случае, когда потенциал других средств исчерпан или они явно неэффективны. Поощрение медиации уважает способность разрешать споры без государственного принуждения, в соответствии с минимальным вмешательством государства.

В время состоялись множество судебных разбирательств, связанных с установлением границы между формальной системой правосудия и альтернативными способами разрешения споров. Так, в 2010 г. в деле *Alassini v Telecom Italia* [4] Суд справедливости ЕС постановил, что национальное право, регулирующее медиацию и признающее, что медиация является обязательной в некоторых областях споров, не нарушает принцип эффективной правовой защиты, закрепленный в ст. 47 Хартии фундаментальных прав.

Конституционный суд Италии в решении № 272/2012 рассматривал конституционность законодательного акта Италии об обязательной медиации в гражданских и коммерческих спорах. Суд установил, что обязательная медиация, если она структурирована с достаточными гарантиями (например, ограничениями по продолжительности, возможностью отказа), не нарушает конституционные гарантии прав на защиту (ст. 24 Конституции Италии) или доступа к судам (ст. 111) [6].

Федеральный конституционный суд Германии в решении 1 BvR 142/02 (2002), рассматривая конституционность решения суда о направлении сторон на медиацию и того, нарушало ли это право на правовую защиту, постановил, что направление сторон на медиацию не нарушает конституционных прав, пока оно остается необязательным и не лишает возможности доступа к судебной защите [1]. Подобную практику установил и Конституционный совет Франции, и Верховный суд США [3]. Европейский суд по правам человека в деле *Deweert v. Belgium*, № 6903/75 (1980) постановил, что внесудебные соглашения могут быть действительными в случае свободного согласия сторон, а право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ) не утрачивается полностью [2].

В конституционных демократиях свобода выражения мнения и участие в принятии решений – это защищенные права. Медиация способствует диалоговым процессам и инклюзивному, уважительному участию, соответствующему демократическим конституционным ценностям.

Библиографический список

1. BVerfG, Beschluss der 1. Kammer des Ersten Senats vom 26. August 2002 – 1 BvR 142/02 – Rn. 1-36. – URL: https://www.bverfg.de/e/rk20020826_1bvr014202 (дата обращения: 13.07.2025).
2. Deweer v. Belgium, приложение № 6903/75, ЕСПЧ (1980). – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57469> (дата обращения: 13.07.2025).
3. Howsam v. Dean Witter Reynolds, Inc., 537 U.S. 79 (2002). US Supreme Court. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/537/79/> (дата обращения: 13.07.2025).
4. Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 18 March 2010. Rosalba Alassini v Telecom Italia SpA (C-317/08), Filomena Califano v Wind SpA (C-318/08), Lucia Anna Giorgia Iacono v Telecom Italia SpA (C-319/08) and Multiservice Srl v Telecom Italia SpA (C-320/08). European Court Reports 2010 I-02213.
5. Palo, Giuseppe De. A Ten-Year-Long “EU Mediation Paradox”. hen an EU Directive Needs To Be More ...Directive. / Briefing requested by the JURI committee. 2018. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/608847/IPOL_BRI%282018%29608847_EN.pdf (дата обращения: 13.07.2025).
6. Sentenza № 272/2012. La Corte Costituzionale. Repubblica Italiana. – URL: <https://giurcost.org/decisioni/2012/0272s-12.html> (дата обращения: 13.07.2025).
7. The Constitution of the Republic of South Africa. – URL: <https://www.justice.gov.za/constitution/SACConstitution-web-eng.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ И КОНТЕКСТЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

И. В. Иванов

*доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
sarmat212@yandex.ru*

В статье рассматриваются актуальные вопросы государственного строительства Союзного государства России и Республики Беларусь на современном этапе. Определяется правовая природа Союзного государства, основные проблемы в его формировании и формулируются предложения по их разрешению.

Ключевые слова: Союзное государство; Российская Федерация; Республика Беларусь; органы публичной власти; Конституционный Акт; государствовподобное образование; суверенитет.

Союзное государство Беларуси и России образовано на основе Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 2 апреля 1997 г. «О Союзе Беларуси и России», Устава Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 г. Продолжение развития Союзного государства связано с принятием Договора от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства», который вступил в силу 26 января 2000 г. До этого объединение России и Беларуси именовалось Союзом (1997–1999 гг.), хотя и предполагало единое гражданство, но государством не именовалось.

Конституционно-правовая природа Союзного государства лежит в плоскости международного публичного права и конституционного права двух государств – России и Беларуси. Единого мнения относительно его природы не имеется. Отдельные ученые видят в нем «конфедеративный союз» [3, с. 6] другие говорят, что оно обладает конкретным набором признаков, свойственных любому государству [8, с. 28–30]. Союзное государство рассматривают в качестве субъекта международного права и обладателя международной правосубъектности [7, с. 84–90]. С. А. Авакьян отмечает, что Союзное государство специфический союз государств, при котором степень единства пошла дальше конфедерации [4, с. 5–10]. А. А. Гваришвили рассматривает Союзное государство как самостоятельную структуру в рамках СНГ [5, с. 75]. Таким образом, Союзное государство надгосударственное образование.

В этом контексте возникает вопрос о наличии государственного (конституционного) права Союзного государства. Необходимо определить основные характеристики Союзного государства, направления его развития. Существование этого государства в течение более 25 лет позволяет определять тенденции его развития, а также отметить нерешенные до настоящего времени вопросы его государственного строительства.

При рассмотрении правовой системы Союзного государства отмечается, что такая система не сформировалась, как таковое право Союза не сложилось [6, с. 14–26]. В этом

случае, подобное государство является в большей степени международной организацией. С этим сложно согласиться. Союзное государство имеет государственный аппарат, который представлен рядом органов, из которых некоторые не сформированы.

Исследование системы органов власти Союзного государства («органы Союзного государства») позволяет проследить консенсус в его образовании, выраженный в специфике конструкции высшего органа – Высшего Государственного Совета. Для сохранения баланса интересов двух государств в этот орган по «номенклатуре» входят главы государств, главы правительств, руководители палат парламентов России и Беларуси (ч. 2 ст. 34 Договора о создании Союзного государства). Возглавляют этот орган поочередно главы государств – участников Союзного государства. Полагаем, что Высший Государственный Совет – это коллективный президент Союзного государства, который оперативно принимает решения по всем важным вопросам государственной и общественной жизни, при соблюдении интересов его государств-участников.

Многие технические вопросы Союзного государства решает Государственный секретарь Постоянной Комиссии, который назначается и освобождается от должности Высшим Государственным Советом по представлению Председателя Совета Министров Союзного государства (ст. 45 Договора). Эта должность является координационной, с учетом, что Высший Государственный Совет является коллегиальным органом, то должно быть ответственное должностное лицо за управление делами в области исполнительно-распорядительной деятельности Союза.

В ходе практической деятельности Союзного государства постановлением Совета Министров Союзного государства от 18 июля 2012 г. № 26 была образована Группа высокого уровня Совета Министров Союзного государства. В полномочия этой Группы входит обсуждение актуальных вопросов союзного строительства, предварительное рассмотрение повесток заседания Совета Министров и Высшего Государственного Совета, исполнение иных задач. В Группу высокого уровня в настоящее время входят два сопредседателя и два члена, от каждого из государств-участников Союзного государства. Этот рабочий орган ведет подготовку основных вопросов заседаний органов власти Союзного государства, принимает нормативные правовые акты в форме протокольных решений.

Существует проблема параллелизма в принятии решений органами власти Союзного государства, отсутствия унифицированного наименования нормативных правовых актов, издаваемых этими органами. Так Высший Государственный Совет принимает постановления, декреты, которые предметно могут регулировать однородные общественные отношения. Совет Министров принимает директивы, постановления, декреты, резолюции, которые также не всегда имеют своей «специализации» и распространяются на неограниченный круг лиц. Принимаемые Высшим Государственным Советом и Советом Министров решения позволяют говорить о том, что зачастую эти органы осуществляют одинаковые полномочия в области исполнительно-распорядительной деятельности [10, с. 1–312; 9, с. 1–224]. Подобная проблема определяется отсутствием единого конституционного закона, который регулировал бы полномочия и сферы деятельности этих органов.

В этих условиях вопрос о наличии государственного права Союзного государства можно разрешать положительно, т.к. на основании Договора о создании Союзного государства можно дать его основные характеристики, с учетом наличия реально действующих его органов. Союзное государство имеет систему разделения властей, является

демократическим правовым государством с республиканской формой правления президентского типа, т.к. Парламент не является высшим государственным органом, а Высший Государственный Совет в большей степени является прототипом, как мы отмечали выше, президента, сформированного на коллегиальной основе.

Государства-участники Союзного государства сохраняют государственный суверенитет, что предполагает формирование этого Союза как договорной федерации. В полном смысле отсутствие понимания Союзного государства как классической формы государства связано с отсутствием у него суверенитета, точнее с отсутствием его провозглашения в Договоре. В советском государственном праве применялся термин «государствозподобное образование», которое отражало правовой статус советской автономной республики в составе Союзной Республики как национально-политической формы советского государства без суверенитета [1, с. 210–222]. Признавалась конструкция советского государства со всеми свойственными ему атрибутами без государственного суверенитета. Подобные достижения советского государственного права, объясняющие особенности государства без суверенитета, могут быть применены к современной государственно-правовой природе Союзного государства.

Кроме того, Союзное государство имеет декларативные (единое гражданство; единая валюта) и реально существующие признаки государства (бюджет, территория). До настоящего времени вопросы единой денежной эмиссии, денежной единицы (валюты), единого гражданства не решены. В то же время о реальном осуществлении этим государством своей деятельности, выполнении им своих функций свидетельствует ежегодное утверждение бюджета Союзного государства. Бюджет Союзного государства на 2024 г. установлен Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 декабря 2023 г. № 7, принят постановлением от 18 декабря 2023 г. № LXV-5.2 Парламентским Собранием Союза Беларуси и России, в размере 6 970 105,1 тыс. российских рублей. При этом бюджет Союзного государства является профицитным.

В настоящее время происходит образование отраслей права Союзного государства, формирующихся в экономической плоскости его деятельности и опосредующих товарооборот государств-участников этого Союза. Одной из таких отраслей можно назвать таможенное право.

Важность политико-экономической консолидации России и Беларуси признают в обеих странах. Подобное союзническое единство, по мнению В. А. Мельника, определяется несколькими факторами: общностью этнического происхождения белорусского и русского народов; их цивилизационной идентичностью; высоким уровнем производственно-экономических, военно-политических, духовно-культурных связей; волей белорусского народа, заявленной на референдуме о сохранении Союза СССР 17 марта 1991 г. (82,7 %), и референдуме об экономической интеграции с Россией 14 мая 1995 г. (83,3 %) [2, с. 287–298]. Стоит признать, что это объективные предпосылки укрепления Союзного государства и превращения его в федеративное государство. К подобным фактам консолидации народов Беларуси и России можно добавить само существование Союзного государства, т.к. государства его участники не имеют аналогичных государственных образований. Объединение двух народов России и Беларуси в одно Союзное государство основано и на исторической памяти многовекового единства этих народов, олицетворением которого являлась защита Отечества во время Великой Отечественной войны.

Органы власти Союзного государства имеют исторические наименования, отправляющие их к СССР и Российской империи. Среди них Совет Министров, Высший Государственный Совет. Само название государства – «Союзное», использование в его документообороте «Союз», также созвучно с Советским Союзом. Это является историческим правопреемством в государственном строительстве Союзного государства. Критически можно относиться к наименованию законодательного и представительного органа Союзного государства – «Парламент». Этот термин не является традиционным для конституционного права обоих государств, а заимствованным из зарубежного права. Полагаем, что при принятии Конституционного Акта законодательный и представительный орган Союзного государства может именоваться – Федеральным Советом, а его палаты – Совет Союза и Совет Представителей. В качестве федеративного государства Союзное государство может основываться на принципах неделимости территории; праве народов на самоопределение; единстве системы органов публичной власти.

Стоит отметить динамику Союзного государства в последние годы по количеству принимаемых его органами нормативных правовых актов. Одними из самых значимых решений являются: Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы»; Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2 «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года».

Согласно официальному portalу Союзного государства только за 2023–2024 гг. было принято 57 решений Высшим Государственным Советом и иными органами этого Союза, имеющих значение для военной, экономической, научно-технической, образовательной, культурной интеграции России и Беларуси. В то же время за 2016–2022 гг. было только 4 таких решения. Подобные тенденции создают реальные предпосылки к выполнению всех положений Договора и переходу к принятию Конституционного Акта Союзного государства.

В последнее время вводится практика сотрудничества регионов России и Беларуси. К примеру, между Гродненской областью Республики Беларусь и Алтайским краем Российской Федерации 29 мая 2024 г. утвержден План мероприятий по сотрудничеству на 2024–2026 гг. Вводится практика Форумов регионов России и Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного, перспективами развития Союзного государства должно стать формирование всех его органов, принятие Конституционного Акта путем проведения референдума, закрепление в Конституциях России и Беларуси конституционного статуса этого Союза, формирование многонационального народа Союзного государства с единым гражданством. Провозглашение суверенного Союзного государства возможно только на демократических принципах.

Только на этих основах возможно полноценное функционирование всех отраслей народного хозяйства России и Беларуси с исключением каких-либо национальных преференций, созданием условий полного равноправия граждан России и Беларуси в Союзном государстве.

Россия и Беларусь имеют общее историческое прошлое. Оба государства входили в состав Союза ССР на правах союзных республик, до этого эти государства составляли Российскую империю. Подобные аспекты показывает «родство» системы права обоих государств, их близкие исторические связи. Подобные обстоятельства влияют на эффективное и гармоничное развитие Союзного государства.

Библиографический список

1. Лепешкин, А. И. Советский федерализм /А. И. Лепешкин. – М. : Юридическая литература, 1977. – 319 с.
2. Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства: учеб. Пособие / В. А. Мельник. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Выш. шк., 2011. – 343 с.
3. Ботнев, В. К. Становление Союзного государства Беларуси и России: конституционно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. К. Ботнев ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2002. – 24 с.
4. Авакьян, С. А. Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о создании Союзного государства: конституционно-правовой анализ / С. А. Авакьян // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11 «Право». – 2001. – № 1. – С. 5–10.
5. Гваришвили, А. А. К вопросу о природе Союзного государства Беларуси и России / А. А. Гваришвили // Вестн. РУДН. Серия Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 74–81.
6. Егоров, А. В. К вопросу о формировании правовой системы Союзного государства Беларуси и России / А. В. Егоров // Журн. рос. права. – 2021. – № 6. – С. 14–26.
7. Каширкина, А. А., Морозов, А. Н. Международная правосубъектность Союзного государства: от научной концепции к международно-правовой модели / А. А. Каширкина, А. Н. Морозов // Право.by. – 2019. – № 2. – С. 84–90.
8. Сергиенко, Ю. П. Правовая система Союзного государства / Ю. П. Сергиенко // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 6. – С. 28–30.
9. Сборник нормативных правовых документов Союзного государства за II полугодие 2020 г. и I полугодие 2021 г. Официальное издание. – М. : Постоянный Комитет Союзного государства; Вече, 2021. – 224 с.
10. Сборник основных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность Союзного государства (2000–2022 гг.). Часть 1. – изд. 2-е, дополн. и перераб. – М. : Постоянный Комитет Союзного государства; Вече, 2023. – 312 с.

КОММУНИКАЦИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Т. М. Киселёва

*доцент кафедры конституционного права юридического
факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
tat-kis@yandex.by*

В статье раскрываются основные формы коммуникации между органами местной власти и населением соответствующих территорий в Республике Беларусь. Установлено, что основной формой коммуникации выступают обращения граждан, выявлен невысокий уровень использования неформальных форм коммуникации с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: местное самоуправление; местное управление; коммуникация государства и граждан; непосредственная демократия.

Важным условием осуществления государственной власти в демократическом государстве является наличие эффективных каналов коммуникации между государством и населением. Особое внимание организации коммуникации между государством и обществом должно уделяться на местном уровне. Проблема организации должной коммуникации между государством и его населением неоднократно поднималась в науке. Профессор А. А. Головкин в отношении должностных лиц органов государственной власти республиканского и местного уровня в свое время отмечал, что «они никогда не отчитываются перед нашими гражданами и не советуются с ними при решении сложных проблем. Служащие же демократического государства любого ранга (министр, инструктор, инспектор, начальники управлений, заведующие отделами и др.) обязаны служить народу, информировать соответствующие группы граждан о своей деятельности, советоваться с ними, своевременно выполнять их требования и просьбы» [1, с. 72]. Полагаем, что с течением времени ситуация изменилась в лучшую сторону, однако отдельные проблемы сохраняются.

Взаимодействие между местными органами власти и гражданами осуществляется в различных формах, к которым можно отнести информирование населения о деятельности органов местного управления и самоуправления, направление гражданами обращений, их участие в обсуждении проектов решений местных органов власти и др. Отдельное место занимает коммуникация между депутатом местного Совета и жителями соответствующей АТЕ, опосредованная императивным депутатским мандатом. Также коммуникация может осуществляться в форме действий, когда местные органы власти реализуют предложения граждан, или граждане участвуют в реализации различных инициатив.

В сложившейся ситуации наиболее активной формой коммуникации между местными органами власти и населением АТЕ выступают обращения граждан. На местном уровне обращения стали основной формой коммуникации в силу требований Указа Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц», согласно которому по общему пра-

вину обращения первоначально подлежат рассмотрению по существу в местных исполнительных и распорядительных органах. Обязанность рассматривать обращения возлагается также на местные Советы депутатов, которые имеют статус государственных органов. Однако на практике поступившие в местный Совет обращения граждан зачастую рассматриваются должностными лицами соответствующего исполкома. Данная практика объясняется отсутствием в структуре местных Советов специальных подразделений, которые могли бы осуществлять организационную работу по приему и регистрации обращений.

Следует различать обращения, которые поступают от избирателей к конкретным депутатам по вопросам их деятельности, и обращения в местные Советы депутатов по общим вопросам осуществления власти на местах. Институт обращений на местном уровне нуждается в совершенствовании. В частности, в отношении местных представительных органов необходимо сохранить обращения к депутатам в рамках императивного мандата и обращения по вопросам реализации местным Советом своих исключительных полномочий.

Одной из важных форм коммуникации местных органов власти и граждан является публичное обсуждение проектов решений местных органов. Оно может организовываться различными способами, в том числе в сети Интернет на Правовом форуме Беларуси (<https://forumpravo.by>). В отношении проектов решений местных органов подобные обсуждения являются скорее исключением, чем правилом. Так, в 2024 и в 2025 гг. на публичное обсуждение было вынесено по одному акту: 28 июня 2024 г. был вынесен проект решения Могилевского областного Совета депутатов «Об установлении перечня» (вопросы осуществления деятельности субъектов хозяйствования), а 18 апреля 2025 г. проект решения Дрибинского районного Совета депутатов «О создании места погребения». Характерно, что на оба этих проекта замечания граждан не поступали.

Такая низкая активность граждан может быть связана с невысокой информированностью населения, низким доверием граждан к установленной процедуре обсуждения, сложностью в использовании форума и иными. Полагаем, следует активизировать практику публичного обсуждения проектов решений местных органов власти, обеспечив широкое информирование общественности через официальные сайты и каналы в социальных сетях местных органов власти, местных СМИ и иных источниках. Важно наработать практику обратной связи от граждан, продемонстрировать ценность полученных предложений и замечаний.

Значимым элементом коммуникации граждан и местных органов власти является взаимодействие избирателей и депутатов местных Советов. В Республике Беларусь депутаты осуществляют свою деятельность на основе императивного мандата, что предполагает особую связь депутата и населения соответствующей АТЕ. В соответствии со ст. 18 Закона Республики Беларусь от 27 марта 1992 г. № 1547-ХІІ «О статусе депутата местного Совета депутатов» депутат осуществляет коммуникацию с избирателями в следующих формах: рассмотрение обращений граждан и юридических лиц, личный прием граждан, их представителей и представителей юридических лиц; проведение встреч с гражданами; участие в работе комиссий по общественному обсуждению в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности; отчеты перед избирателями.

В условиях цифровизации коммуникация депутата местного Совета и избирателей может осуществляться с использованием информационных технологий. Однако на практике

существует ряд препятствий для развития такой коммуникации. Следует отметить, что местные Советы депутатов и сами депутаты не имеют собственных официальных сайтов.

Государственной единой (интегрированной) республиканской информационной системе учета и обработки обращений граждан и юридических лиц обеспечена возможность направления электронных обращений в местный Совет депутатов, но не конкретному депутату. Полагаем, что заявитель может направлять обращение в местный Совет с уточнением в качестве адресата определенного депутата. При этом признаем, что для депутатов существует ряд сложностей в подготовке ответов на обращения. Так как депутаты (за исключением председателя Совета) осуществляют свои полномочия без отрыва от трудовой (служебной) деятельности, то ответ они будут готовить в свободное время. Депутаты могут не знать законодательство об обращениях граждан. Существует явная проблема в обеспечении исполнения на должном уровне обязанности депутатов местных Советов по рассмотрению обращений избирателей.

Полагаем, что для коммуникации депутатов и избирателей следует развивать менее формализованные способы общения, в том числе с использованием сети Интернет. В частности, профессором Г. А. Василевичем было сформулировано предложение по развитию официальных страниц местных Советов в сети Интернет. По его мнению, «полезно сделать эти сайты площадкой для возможных опросов населения, отчетов депутатов перед избирателями и сбора отзывов о таких отчетах и обсуждениях» [2, с. 70]. Однако следует помнить, что местные Советы не имеют собственных сайтов, информация о их деятельности размещается на страницах сайтов местных исполнительных органов. И обязанность по наполнению таких страниц также возлагается на органы местного управления.

В современных условиях перспективным представляется создание и ведение депутатами страниц или групп в популярных социальных сетях и мессенджерах, в условиях которых можно организовать неформальное общение с населением соответствующих территорий по вопросам развития АТЕ, осуществления депутатом своих полномочий в Совете и в округе, выполнения им предвыборной программы и т.д. Безусловно, ведение таких страниц требует модерации и постоянного контроля за той информацией, которая публикуется гражданами.

Важно понимать, что формирование навыка коммуникации как с использованием современных технологий, так и в традиционных формах, требует специальных знаний и опыта. В связи с этим полагаем необходимым организацию соответствующего обучения должностных лиц.

Таким образом, институт коммуникации государства и граждан на местном уровне нуждается в совершенствовании. Полагаем возможным сохранить только обращения избирателей к депутатам, а также обращения по вопросам реализации местным Советом своих исключительных полномочий. Перспективным является расширение практики использования неформальных средств коммуникации в сети Интернет.

Библиографический список

1. Головки, А. А. Избранные труды / А. А. Головки. – Минск : ЮрСпектр, 2018. – 496 с.
2. Василевич, Г. А. Непосредственное участие граждан в решении вопросов местного значения как средство развития правовой грамотности / Г. А. Василевич // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе : Материалы II Междунар. научно-практ. конф., Грозный, 30 апр. 2021 г. / Отв. ред. Л. А. Тхабисимова. – Грозный : Чеченский гос. пед. ун-т, 2021. – С. 64–73.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Е. Ю. Комлев

*заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества
и правоохранительной деятельности юридического института
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
кандидат юридических наук, доцент
komlev_eyu@pfur.ru*

В статье анализируются положения нового Федерального закона РФ о местном самоуправлении. Акцент сделан на новых подходах к понятию местного самоуправления, территориальным, функциональным и организационным основам местного самоуправления. Выявлены основные изменения с учетом тенденций развития законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальная власть; публичная власть; муниципальная реформа.

Вопросы организации местного самоуправления всегда находились в фокусе внимания законодателя в современной России. За прошедшие после принятия Конституции РФ годы в России принят уже третий Федеральный закон о местном самоуправлении. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» больше остальных по содержанию соответствовал своему названию. Он действительно содержал лишь общие принципы организации муниципальной власти, предоставляя широкие возможности по правовому регулированию местного самоуправления субъектам федерации и самим муниципальным образованиям. В нем в достаточно общем виде регламентировались территориальные, функциональные и организационные основы местного самоуправления. Такой подход вполне применим в федеративных государствах. Вместе с тем, учитывая заметный контраст нового (по сравнению с советским периодом) подхода к организации публичной власти в целом и муниципальной – в частности, следует констатировать, что подходящей нормативной, политической и социальной базы для реализации такого подхода в России на момент принятия и действия Федерального закона № 154-ФЗ сформировано не было, ни на федеральном уровне, ни на региональном.

В условиях продолжавшегося строительства федерализма в новых реалиях, реализация норм Федерального закона № 154-ФЗ на практике не могла не столкнуться с многочисленными трудностями. Об этом свидетельствует и довольно многочисленная практика Конституционного Суда, который нередко признавал законы субъектов Российской Федерации противоречащими Конституции, разъясняя смысловое содержание конституционных норм о местном самоуправлении. В условиях отсутствия подробного федерального регулирования региональные законодатели нередко использовали предоставленную им дискрецию не в целях развития, а в целях ограничения местного самоуправления [1, с. 58–66].

Следующим этапом нормативно-правового регулирования местного самоуправления в России стало принятие Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Принятие данного закона значительно изменило подход к правовому регулированию местного самоуправления: на федеральном уровне были урегулированы многие вопросы, которые ранее подобной регламентации не получили. Это касается территориальных основ (закрепление конкретного перечня видов муниципальных образований), статуса органов местного самоуправления (порядок их формирования, полномочия, ответственность), компетенции местного самоуправления, форм участия населения в осуществлении местного самоуправления [2, с. 345–264].

По мнению Т. Я. Хабриевой, одной из основных задач Федерального закона № 131-ФЗ стало обеспечение «стабильности и единообразия базовых организационных основ построения местного самоуправления с сохранением возможности определения конкретных элементов взаимосвязей органов местного самоуправления между собой по решению самого местного сообщества уставом муниципального образования» [3, с. 14].

В рамках конституционной реформы 2020 г. в текст Конституции России были внесены значительные изменения, в том числе касающиеся норм о местном самоуправлении. Ключевым из них видится конституционализация понятий «публичная власть» и «единая система публичной власти». Указанные понятия ранее использовались в практике Конституционного Суда РФ, но прежде всего для обозначения муниципальной власти как разновидности публичной власти. В тексте Конституции данные понятия получили схожее, но все же не тождественное значение.

По итогам реформы был принят Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 14-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», и очевидным было принятие нового закона о местном самоуправлении. В результате, после многочисленных обсуждений, был принят Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Наиболее важными видятся следующие положения нового закона о местном самоуправлении:

1. Изменение подходов к понятийно-категориальному аппарату. Был изменен подход к определению самого понятия местного самоуправления. Вместо «формы осуществления народов своей власти...» под местным самоуправлением теперь предложено понимать «форму самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти...». Упоминание о самостоятельности решения соответствующих вопросов на местах в новом законе осталось, а вот указания на то, что они решаются «населением под свою ответственность», в определении больше не содержится. Последнее выглядит логичным, поскольку ответственность за осуществление полномочий на местном уровне несут скорее органы местного самоуправления, чем население.

Помимо этого, вместо понятия «вопросы местного значения» в новом законе используется понятие «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Нельзя утверждать, что само по себе данное изменение носит масштабный характер хотя бы потому, что прежним законом в ст. 2 вопросы местного значения определялись в качестве вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. На первый взгляд понятие «вопросы местного значения» видится более широким. Однако практическое влияние изложенных изменений еще предстоит проанализировать.

2. Акцент на необходимости учета особенностей отдельных территорий. Представляется, что новый закон уделяет данному вопросу повышенное внимание. Так, ч. 5 ст. 4

закреплено, что принимаемые по вопросам местного самоуправления нормативные правовые акты разного уровня «должны учитывать социально-экономические, природно-климатические, территориальные и иные особенности местности, а также исторические, культурные, национальные и иные местные традиции...». Упоминается об этом, но в нескольких иных формулировках, в ст. 7 (в части наименования муниципальных образований), ст. 8 (официальные символы муниципальных образований), ст. 9 (в качестве исключения для сохранения двухуровневой модели территориального устройства), ст. 15 в части определения административного центра муниципальных образований. Вероятно, это связано с характером принятых изменений в части изменения территориальных, организационных и функциональных основ местного самоуправления. Однако для того, чтобы закрепленные Федеральным законом принципы учета соответствующих особенностей обеспечивались на практике, представляется, необходимы дополнительные гарантии и механизмы. Особая роль в этом вопросе принадлежит судам.

3. Территориальные основы организации местного самоуправления. Одним из наиболее дискуссионных при обсуждении проекта нового Федерального закона стал вопрос о полном переходе к одноуровневой модели муниципально-территориального устройства. Изначально проект закона предусматривал именно такой подход. Он же сохранился в итоговом тексте закона в качестве базового, однако предусмотрены и исключения. В соответствии с ч. 7 ст. 9 Федерального закона № 33-ФЗ в субъектах РФ, имеющих социально-экономические, исторические, национальные и иные особенности, регулирование вопросов организации местного самоуправления может осуществляться с учетом особенностей, предусматривающих возможность сохранения установленной законом субъекта РФ территориальной организации местного самоуправления с осуществлением местного самоуправления в видах муниципальных образований, указанных в Федеральном законе.

Ст. 89 закона посвящена особенностям организации местного самоуправления в муниципальных образованиях, образующих двухуровневую систему организации. Ее основу составляют положения прежнего закона о поселениях и муниципальных районах. Несмотря на наличие возможности сохранения двухуровневой модели муниципально-территориальной организации, такая возможность сохраняется в качестве подлинного исключения. В качестве базовой модели новым законом предусмотрена именно одноуровневая модель, и его нормы, безусловно, сформулированы прежде всего исходя из указанной модели. Очевидно, что в сохранившихся поселениях и муниципальных районах могут возникнуть трудности в применении норм закона, особенно в части разграничения полномочий органов местного самоуправления.

4. Правовой статус органов местного самоуправления. Последние годы в фокусе внимания законодателя, правоприменителей и научного сообщества находится вопрос об отдельных элементах правового статуса органов местного самоуправления. Среди них выделяется вопрос о порядке формирования органов местного самоуправления и избрания должностных лиц. Признанный в рамках постановления Конституционного Суда по «Иркутскому делу» конституционным подход с применением конкурсной комиссии и косвенным влиянием высшего должностного лица субъекта федерации на процедуру избрания главы муниципального образования стал в некотором смысле отправной точкой. Последовавшая конституционализация соответствующих положений, а также дополнение отдельных федеральных законов положениями о согласовании при назначении отдельных должностных лиц давали основания полагать о расширении сложившейся практики.

Новым законом расширен перечень способов избрания главы муниципального образования. К ранее предусмотренным добавился еще один – избрание представительным органом из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта федерации. Для административных центров (столиц) субъектов федерации данный способ избрания главы муниципального образования является обязательным, для остальных муниципальных образований – опциональным.

Еще одним наглядным подтверждением взаимосвязи высшего должностного лица субъекта федерации и главы муниципального образования является норма ч. 20 ст. 19 рассматриваемого закона, согласно которой в соответствии с принципом единства системы публичной власти глава муниципального образования одновременно замещает государственную должность субъекта РФ и муниципальную должность. Данная норма требует конкретизации как минимум в части правовых последствий замещения главой муниципального образования упомянутой государственной должности. Видится неправильным полагать, что само по себе такое указание является достаточным, например, для расширения оснований и упрощения механизмов привлечения главы муниципального образования к ответственности в виде отрешения от должности.

Отметим, что подобный подход известен зарубежным правовым порядкам, в частности, государствам Латинской Америки [4]. В то же время, в государствах Латинской Америки нередко реализован подход, согласно которому среди функций органов местного самоуправления указывается реализация государственной политики на муниципальном уровне. Учитывая изложенное, норму ч. 20 ст. 19 Закона № 33-ФЗ также уместно рассматривать в указанном контексте, что соответствует реализации принципа единства публичной власти. Но для этого необходимо внести соответствующие уточнения в законодательство.

5. Компетенция местного самоуправления. Одним из центральных вопросов нового закона о местном самоуправлении является новый подход к определению компетенции местного самоуправления. Закон закрепляет следующие виды полномочий органов местного самоуправления:

- 1) Собственные полномочия, которые не подлежат перераспределению между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта федерации);
- 2) Презюмируемые по общему правилу собственные полномочия, но которые могут быть перераспределены для осуществления органами государственной власти субъектов федерации;
- 3) Полномочия, которые презюмируются собственными для органов государственной власти субъектов федерации, но могут быть перераспределены для осуществления органами местного самоуправления
- 4) Переданные государственные полномочия.

Важное значение в данном вопросе приобретает финансовое обеспечение осуществления полномочий – одна из ключевых проблем местного самоуправления не только в России, но и в большинстве современных государств. Законодателем предпринята попытка гарантировать финансовое обеспечение полномочий органов местного самоуправления. Так, перераспределение в пользу субъектов федерации полномочий не влечет перераспределения доходов между местным и региональным бюджетом (ч. 12 ст. 32 Закона). В то же время перераспределение полномочий, которые новым законом презюмируются полномочиями субъектов федерации, для осуществления их органами местного

самоуправления предполагает передачу в бюджеты муниципальных образований нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов.

Обратим внимание на то, что ряд вопросов пока не получили своего регулирования. Среди них – вопрос о подходах к определению природы публичной власти и роли и места местного самоуправления в единой системе публичной власти. Представляется, что общих определений, содержащихся в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», едва ли достаточно, на что обоснованно указывается в юридической науке [5, с. 49–62]. Очевидно, что закон, в названии которого содержится указание на единую систему публичной власти, нуждается в более подробной регламентации вопроса о роли и месте местного самоуправления в единой системе публичной власти. Указание на то, что «в соответствии с Конституцией Российской Федерации органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти», является фактически констатацией и повторением конституционных норм.

Особо следует отметить вопрос судебной защиты местного самоуправления. В российской и зарубежной науке признается, что одним из основных механизмов защиты прав местного самоуправления является конституционное правосудие. Данный элемент правового статуса муниципальных образований обоснованно привлекает повышенное внимание ведущих отечественных [6, с. 22–38] и зарубежных ученых [7, с. 240]. Несмотря на то, что Конституционный Суд признал право органов местного самоуправления на подачу соответствующих жалоб, уточнение процессуальных аспектов в этой части видится обоснованным и своевременным, однако данный вопрос не получил должной регламентации в новом законе о местном самоуправлении. Представляется, что дополнение законодательства в части регулирования вышеуказанных вопросов должно стать приоритетным в ближайшие годы.

Библиографический список

1. Баженова, О. И. Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России / О. И. Баженова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 1. – С. 58–66.
2. Шугрина, Е. С. Органы местного самоуправления: новые подходы к правовому регулированию / Е. С. Шугрина // Lex russica (Русский закон). – 2007. – № 2 (66). – С. 245–264 с.
3. Хабриева, Т. Я. Современная конституция и местное самоуправление / Т. Я. Хабриева // Журн. рос. права. – 2005. – № 4 (100). – С. 10–18.
4. Еремян, В. В. Публичное право стран Латинской Америки: в 2 т. Т. 1. Становление и развитие институтов местного самоуправления (от городов-государств до конца XX в.) / В. В. Еремян. – М. : Международные отношения, 2016. – 624 с.
5. Кожевников, О. А. Единая система публичной власти: дискуссионные аспекты нормативной регламентации / О. А. Кожевников, А. Н. Костюков, А. А. Ларичев // Правоприменение. – 2022. – № 6 (3). – С. 49–62.
6. Гриценко, Е. В. Защита прав местного самоуправления средствами Конституционного правосудия в России и Германии / Е. В. Гриценко, В. Розмари // Журн. конституционного правосудия. – 2015. – № 4. – С. 22–38.
7. Santiago García Aranda. La autonomía local en la doctrina y en la jurisprudencia del Tribunal Constitucional // Revista de derecho UNED. – 2016. – № 18. – p. 240 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-spacio.uned.es/fez/view/bibliuned:RDUNED-2016-18-5035>.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРИНЦИПАМ ДЕМОКРАТИИ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА А. А. ГОЛОВКО И ИХ СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Н. М. Кондратович

*доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
kondratovichn@mail.ru*

Т. С. Масловская

*доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
maslovskayat@bsu.by*

В статье рассматриваются концептуальные подходы к принципам демократии, разработанные профессором А. А. Головки, и их современная реализация.

Ключевые слова: демократия; принципы демократии; гражданское общество.

Все чаще человечество обращается к народовластию с надеждой найти в таком способе управления государством и обществом справедливость. В своих трудах профессор А. А. Головки ярко и убедительно исследовал демократию в конституционно-правовом аспекте, раскрывая ее сущность, социально-правовую значимость, принципы, гарантии.

Осмысливая различные подходы к демократии, А. А. Головки отмечал: «проводятся поиски идеального демократического общества и государства во всем мире с тем, чтобы испытать из этого родника живительного эликсира мудрости, добра и блага людского, научиться жить по-новому, распространить подобный уклад правления обществом по миру» [1, с. 3]. Отмечая при этом, «к сожалению, при всем желании нам негде научиться идеальной демократии» [1, с. 3].

Профессор А. А. Головки рассматривал демократию как основной путь сдерживания негативных глобальных общественных процессов. В своей работе «Теоретические основы демократии (конституционно-правовой аспект)» [1] автор выделяет двадцать восемь основных принципов демократии: достижение общности, единства политических интересов граждан при реализации власти народом, органами государства, общественными формированиями, гражданами АТЕ; установление равновесия в обществе; сочетание формы и содержания демократии; принцип законности; несовместимость свободы граждан и должностных лиц с попустительством их поведения; гуманизм; интернационализм; справедливость демократии; дисциплина; контроль народа; совмещение воли народа с волей парламента, президента, правительства и их лидеров; совмещение воли граждан с волей местных органов самоуправления, управления и их лидерами; широкая гласность, информированность народа, граждан на определенной тер-

ритории; принцип плюрализма свободы мнений граждан; равноправие граждан; сочетание широких прав, свобод граждан с их обязанностями и ответственностью; реальная защита основных прав и свобод граждан; принцип обеспечения неприкосновенности человека и гражданина; формирование в широком масштабе нового человека – личности, ставящей общественный интерес выше частного; обеспечение положения о разделении государственных властей, их взаимных сдержек и противовесах; добровольность и потребность граждан в организации и функционировании самоуправления; совместимость суверенитета народа, суверенитета нации (народности), суверенитета государства с волей и действием народа, нации; несовместимость демократических процессов с вмешательством внешних властей во внутреннюю и внешнюю политику государства и общества; совместимость торжества реального самоуправления народа, уклада его жизни с сущностью гражданского общества; постоянное поглощение государства обществом; принцип учета большинства и меньшинства при коллективном решении вопросов; несовместимость народовластия с бюрократией, охлократией, плутократией, демагогией, эгоизмом, тоталитаризмом, субъективизмом, анархией и деспотией; несовместимость демократических процессов развития общества с войной.

Коснемся отдельных из названных принципов демократии в рамках конституционно-правового осмысления. Новой тенденцией правового развития XX-XXI вв. является конституционализация государственной и общественной жизни, когда конституция становится основой национальной правовой системы [2, с. 37]. Именно в ней закрепляются основополагающие принципы демократии.

Основным конституционным принципом является провозглашение власти народа. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией (ст. 3 Конституции). Находит свое конституционное закрепление и принцип участия граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается согласно Конституции проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами. В своем широком понимании этот принцип включает кроме участия граждан в выборах и референдумах, право на равный доступ к государственной службе и на занятие государственных должностей, право участвовать в отправлении правосудия, право на получение объективной информации, право на подачу петиций, право участия в местном самоуправлении. Чаще в конституциях закрепляются конкретные формы проявления этого принципа. Фактор участия граждан в управлении делами общества и государства заключается и в непосредственном участии граждан в принятии самой конституции и во внесении в нее изменений.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Конституции 1994 г. «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Принцип равноправия граждан выражается в равных правах, равных обязанностях и гарантиях. На первый взгляд, по справедливому замечанию А. А. Головки, «кажущаяся простота реализации настоящего принципа весьма обманчива. Достичь идеального равноправия, наверное, станет возможным лишь при построении гражданского общества, и к этому надо стремиться» [1, с. 56].

Как верно отмечал профессор А. А. Головки, «контроль народа является высшей формой контроля в обществе и государстве» [3, с. 93]. Представительные органы формируются непосредственно народом, в демократическом государстве несут перед ним

ответственность. Существующая правовая конструкция взаимоотношений между депутатами и избирателями, включая отзыв депутата, предполагает наличие ответственности депутатов перед избравшими их гражданами. Это важнейшая составляющая общественного контроля. Отметим, что конституционная реформа 2022 г. расширила круг субъектов инициативы смещения с должности Президента Республики Беларусь: отныне такое право помимо депутатов Палаты представителей принадлежит гражданам Республики Беларусь, обладающим избирательным правом в количестве не менее 150 тысяч человек. Решение вопроса о смещении Президента с должности отныне относится к полномочиям ВНС. Таким образом, сфера контроля народа расширяется.

Конституционной реформой в Конституцию включена норма о гражданском обществе (ст. 89²). Отметим, что в конституциях данная категория встречается крайне редко, хотя в научной литературе дискутируется достаточно давно. Высказываются различные подходы к пониманию гражданского общества [4; 5; 6]. Так, С. А. Авакьян, обобщая имеющиеся научные точки зрения, выделяет несколько подходов. Первый подход – заключается в том, что категория «гражданское общество» фактически полностью тождественно категории «общество». Второй подход заключается в том, что «гражданское общество» – это общество, достигшее определенного качественного уровня развития (с идеологическим многообразием и политическим плюрализмом), как обеспечение определенного уровня экономического, социального, организационного, духовно-нравственного, межличностного и информационного состояния общества. Третий подход напрямую связан с уровнем сознания граждан и их способностями управлять общественными делами. «Гражданское общество – это новое состояние общества, основанное на развитых формах общественной самоорганизации и саморегуляции, на оптимальном сочетании публичных и частных интересов при определяющем значении последних и при безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод» [7, с. 21].

Выявляя сильные и слабые стороны каждого подхода, С. А. Авакьян делает вывод о том, что «гражданское общество» – «это общество сознательных граждан и активных участников общественных процессов; в нем существует внутреннее единство во имя стратегических социальных и политических целей, когда нет условий непримиримой конфликтности различных общественных слоев, групп, сил; предполагается наличие общественных дел и самостоятельных общественных механизмов управления ими; общество не противопоставляется государству, а исходит из потребности в конструктивном взаимодействии с ним; общество проявляет максимальное внимание к человеку, его личным заботам и проблемам, воспитывает граждан в духе сочетания индивидуальных и общественных интересов» [8, с. 488–490].

Этот комплексный подход во многом нашел отражение в Законе Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. «Об основах гражданского общества», не имеющий аналогов на постсоветском пространстве. Согласно ст. 1 названного Закона гражданское общество – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством. Было бы логичным, с нашей точки зрения, расширить формулировку: гражданское общество – граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях

и институтах, не запрещенных законодательством, конструктивно взаимодействующих с государством в созидательных целях.

Профессор А. А. Головкич, уделяя пристальное внимание принципу совмещения воли народа с волей парламента, президента, правительства и их лидеров, отмечал, что он относится к принципам реальной демократии [3, с. 93]. Особое внимание им было обращено на принцип совмещения воли граждан с волей местных органов самоуправления, управления и их лидерами. Практическое воплощение данные принципы нашли в новой конституционной конструкции ВНС (ст. 89¹ Конституции), по мнению Г. А. Василевича, являющегося «высшим представительным органом народа Республики Беларусь» [9, с. 20]. Данная статусная характеристика определяет особый характер конституционного органа, его правовую природу, место в системе представительных органов. Предназначение данного органа в том, чтобы, с одной стороны, служить связующим звеном между государством и обществом, не допускающим разрыва между ними, укреплять их взаимосвязь, с другой – выступать институциональной опорой государственного механизма. Следует согласиться с О. И. Чуприс в том, что «фактически в Республике Беларусь получила конституционно-правовое закрепление новая форма гражданского участия в осуществлении государственной власти» [10, с. 9].

Среди принципов демократии А. А. Головкич выделял принцип реальной защиты основных прав и свобод граждан. Научные идеи профессора послужили основой для дальнейшего развития гарантий защиты прав и свобод граждан. Так, в результате конституционных преобразований 2022 г. в Республике Беларусь была введена конституционная жалоба, т.е. право прямого обращения гражданина в Конституционный Суд с жалобой на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененном в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты (ст. 116¹ Конституции). Прямой доступ граждан к конституционному правосудию демонстрирует с одной стороны, цель обеспечить защиту их фундаментальных прав и свобод, с другой – утвердить верховенство Конституции во внутреннем правопорядке. Белорусская модель конституционной жалобы носит ограниченный характер, поскольку обращаться в Конституционный Суд возможно за защитой конституционных прав и свобод, нарушенных только законом, а не любым нормативным правовым актом, примененном в конкретном деле; субъектом обращения в Суд, в соответствии с используемой в ст. 116¹ конституционной формулой выступает «гражданин» (без указания на принадлежность к определенному государству), что дает основание для расширительного толкования данного термина посредством включения в эту категорию граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства с учетом ч. 1 ст. 60 Конституции, закрепляющей право каждого на судебную защиту. Вопрос о возможности обращения в Суд юридических лиц остается открытым.

В заключение отметим следующее. «Развитие демократизма зависит не только от народа в целом и от всего государственного аппарата, но прежде всего от поведения каждого человека в обществе. Каждое преступление, неповиновение нормам права, их неисполнение, неуважение к людям, проявление высокомерия и бюрократизма руководителями государственных органов, предприятий и организаций подрывают демократические устои, тормозят прогрессивное развитие общества. Без гарантий и защищенности прав и свобод граждан не может быть истинной демократии и правового государства» – убежден профессор А. А. Головкич [1, с. 154].

Библиографический список

1. Головки, А. А. Теоретические основы демократии (конституционно-правовой аспект) / А. А. Головки. – Минск : Право и экономика, 2004. – 164 с.
2. Тихомиров, Ю. А. Государство: преемственность и новизна: научное издание / Ю. А. Тихомиров. – М. : ИД «Юриспруденция», 2011. – 80 с.
3. Головки, А. А. Избранные труды / А. А. Головки. – Минск : ЮрСпектр, 218. – 496 с.
4. Дробязко, С. Г. Генезис гражданского общества и основные этапы его развития / С. Г. Дробязко // Экономика. Управление. Право. – 2002. – № 1. – С. 21–23.
5. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы : моногр. / Рук. авт. колл. и отв. редактор – д. ю. н., профессор Авакьян С. А. – М. : Юстицинформ, 2015. – 652 с.
6. Гражданское общество: Учебник / [А. С. Автономов и др.]; под ред. В. Малахова, А. Автономова – М. : МГИМО-Университет, 2016. – 390 с.
7. Богданова, Н. А. Теория гражданского общества в конституционно-правовом измерении / Н. А. Богданова, А. А. Троицкая // Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы . моногр. / Рук. авт. колл. и отв. ред. С. А. Авакьян. – М. : Юстицинформ, 2015. – 652 с.
8. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – Т. 1 – М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. – 863 с.
9. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г. А. Василевич // Право.by. – 2022. – № 2(76). – С. 14–23.
10. Чуприс, О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности / О. И. Чуприс // Право.by. – 2022. – № 2(76). – С. 5–13.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В. К. Ладутько

*заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
факультета права Белорусского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
violadutska@mail.ru*

В статье поднимаются вопросы понимания налогового суверенитета, его конституционно-правового обеспечения и реализации. Предлагается законодательно закрепить понятие налогового суверенитета. Данная правовая категория предоставляет возможность разработки государственной стратегии в борьбе с такими негативными тенденциями, как размывание налоговой базы, незаконная минимизация налогообложения, в том числе путем уклонения от уплаты налогов.

Ключевые слова: конституционные основы; налоговый суверенитет; национальная безопасность; незаконная минимизация налогов.

Социально-экономическое развитие государств в условиях глобализации сталкивается с рядом новых вызовов и угроз, которые могут иметь прямое влияние на его устойчивость и национальную безопасность. Налоговый суверенитет является отражением нового направления реализации государственного суверенитета в области налогообложения в условиях глобализации и интеграционных процессов. Понятие налогового суверенитета как правового явления в составе государственного суверенитета обуславливает необходимость формирования теоретико-методологической базы для реализации новых подходов в налоговой политике. Данная правовая категория предоставляет возможность разработки государственной стратегии в борьбе с такими негативными тенденциями, как размывание налоговой базы, незаконная минимизация налогообложения и т.д.

В соответствии со ст. 132 Конституции финансово-кредитная система включает: бюджетную систему, банковскую систему, а также финансовые средства внебюджетных фондов, организаций и граждан. В свою очередь, бюджетную систему составляют республиканский и местные бюджеты. При этом ст. 24 Бюджетного кодекса Республики Беларусь к доходам бюджетов относит в том числе налоговые доходы.

Следует обратить внимание, что большей степени именно налоговые доходы формируют доходную часть бюджета. Например, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2024 г. № 48-З «О республиканском бюджете на 2025 год» доходы республиканского бюджета предусмотрены в размере 45 835 837 522,0 рублей, из них налоговые доходы предполагаются в размере 34 479 855 001,0 рублей, т.е. 75 % всех доходов республиканского бюджета в 2025 г. будут сформированы за счет налоговых доходов. Тем самым, формирование теоретико-правовых и законодательных основ концепции налогового суверенитета Беларуси является актуальным в условиях обеспечения национальной безопасности.

В настоящее время в Беларуси законодательное определение налогового суверенитета отсутствует. Выступая разновидностью государственного суверенитета, налоговый суверенитет обладает всеми признаками первого (верховенство, независимость

и самостоятельность государственной власти, полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении) применительно к сфере налогообложения. Ученые-конституционалисты выделяют, помимо перечисленных, такой важный признак суверенитета, как единство государственной власти [1, с. 7].

Однако не следует сводить реализацию налогового суверенитета лишь к установлению и взиманию налогов и сборов на территории государства [2]. Налоговый суверенитет проявляется в признаках, в частности, в:

- установлении налогов на территории государства, а также в отношении субъектов, экономически связанных с государством [3, с. 91];
- сборе налогов, в том числе их взыскании в одностороннем порядке, а также в отказе от их взимания («налоговая амнистия») [4, с. 371];
- установлении и реализации механизмов контроля и ответственности в налоговой сфере [5, с. 10];
- разрешении споров между участниками налоговых отношений [6, с. 11–12].

Таким образом, сущностные признаки и формы реализации налогового суверенитета находятся в системной взаимосвязи.

Следует обратить внимание на российский опыт, где на уровне постановлений Конституционного Суда Российской Федерации используется понятие налогового суверенитета. Например, в своем постановлении от 25 июня 2015 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 207 и ст. 216 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Беларусь С. П. Лярского» Конституционный Суд указал, что Конституция РФ, закрепляя основы налогового суверенитета России, который, по смыслу ее ст. 3 (ч. 1), 4 (ч. 1 и 2), 8 (ч. 1) и 57, заключается в том числе в признании всеми субъектами международных налоговых отношений права государства устанавливать и взимать налоги и сборы с физических лиц и организаций, осуществляющих экономическую деятельность в пределах его территории, вместе с тем допускает, как это следует из ее ст. 15 (ч. 4) и 79, возможность заключения Россией международных договоров по вопросам налогообложения, в частности предусматривающих особенности – по сравнению с национальным законодательством – налогообложения доходов иностранных граждан от источников на территории РФ.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь в п. 29 к основным угрозам национальной безопасности относит в том числе: посягательства на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь; дестабилизацию национальной финансово-кредитной системы; ухудшение состояния законности и правопорядка, пропаганда или оправдание правонарушений; рост количества преступлений и иных правонарушений, особенно связанных с посягательствами на жизнь и здоровье граждан, собственность, порядок осуществления экономической деятельности, проявлениями коррупции, использованием ИКТ, трансграничной организованной преступностью, деятельностью транснациональных либо зарубежных преступных групп и организаций и др.

Стратегическими национальными интересами в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь являются в том числе: обеспечение неза-

висимости, территориальной целостности и суверенитета, незыблемости конституционного строя и идеологии белорусского государства; устойчивое социально-экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики.

Поскольку доходную часть бюджетов формируют именно налоговые доходы, можно говорить о том, что налоговый суверенитет выступает составной частью государственного суверенитета и влияет на устойчивое социально-экономическое развитие. Данное обстоятельство свидетельствует о стратегических национальных интересах при формировании и реализации налоговой политики.

Налоговый суверенитет любого государства непрерывно подвергается угрозам. Исходя из классического подхода к разделению таких угроз, по территории их возникновения можно классифицировать на внутренние и внешние угрозы налоговому суверенитету. Внутренние угрозы возникают на территории, находящейся под налоговой юрисдикцией государства. Источник возникновения внешних угроз находится за пределами территории государства. Это могут быть решения наднациональных образований, членство в которых имеет государство, действия и решения иных государств либо транснациональных корпораций.

Заключение международных договоров, в рамках которых государство принимает на себя обязательства в сфере налогообложения, не ограничивает налоговый суверенитет, а напротив, является одним из способов его реализации [7, с. 254]. Не исключена возможность денонсации договоров, в случае если они перестанут отвечать интересам государства и начнут создавать угрозу его налоговой безопасности. Международное сотрудничество в сфере правоприменения (обмен налоговой информацией, противодействие налоговым преступлениям, совместная деятельность налоговых служб различных государств) значительно способствует обеспечению налоговой безопасности каждого государства.

Выделение самостоятельного понятия «налоговый суверенитет» является новым направлением правового анализа реализации государственного суверенитета в области налогообложения. Значение налогового суверенитета состоит в том, что его наличие позволяет государству проводить самостоятельную налоговую политику, способную удовлетворять собственные потребности общества и отдельных граждан, проживающих на территории государства. Потому препятствия в реализации налогового суверенитета угрожают налоговой безопасности государства.

Одним из дискуссионных вопросов является место налоговой безопасности в системе национальной безопасности. Некоторые исследователи полагают, что налоговая безопасность, выступая разновидностью экономической безопасности, представляет собой «... такое состояние государства, при котором количество собираемых налогов соответствует количеству, запланированному с учетом необходимости полного финансирования всех функций задач государства и муниципальных образований как в текущем периоде, так и в перспективе» [8, с. 119].

В исследованиях также высказывается мнение о синонимичном значении терминов «экономический суверенитет» и «экономическая безопасность», а значит, и их проявлений в налоговой сфере [9, с. 72]. Полагаем, что данные понятия не могут являться синонимами.

На сегодняшний день понятие налогового суверенитета не получило надлежащего внимания в отечественной науке. Продолжительный период времени среди российских

ученых существовало мнение, что налоговый суверенитет является синонимом фискального суверенитета. Однако глобализация экономики и развитие сотрудничества стран в области контроля движения денежных потоков, предотвращения размывания налоговой базы транснациональными компаниями, перевода прибыли в низконалоговые юрисдикции стали причиной развития международного налогового сотрудничества и усиления роли налоговых систем всех стран.

В силу того, что финансовая деятельность государства осуществляется «в целях реализации задач социально-экономического развития, поддержания обороноспособности и безопасности страны» [10, с. 86], то поддержание национальной безопасности является целью и результатом деятельности государства по реализации его суверенных прав в финансовой сфере. Своевременное и полное взимание налогов и сборов – это условие надлежащего обеспечения функций государства и национальный интерес в налоговой сфере. Уклонение от уплаты налогов создает значительную угрозу для национальной безопасности. Состояние налоговой безопасности государства является целью реализации налогового суверенитета.

В последнее время в условиях глобализации экономики и интеграционных процессов выделение самостоятельного понятия налогового суверенитета становится актуальным интерес. Понятие налогового суверенитета (tax sovereignty) начало все более активно исследоваться и использоваться в зарубежной литературе [11, с. 78]. Так, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рассматривает налоговый суверенитет с точки зрения противодействия размыванию налоговой базы и подразумевает под термином tax sovereignty такое проявление государственности, при котором государство способно самостоятельно осуществлять меры в области налогообложения и противодействовать размыванию налоговой базы с целью формирования доходов для покрытия государственных расходов [12]. Развитие данного понятия во многом связано с глобализацией экономических процессов во всем мире и стремлением стран защитить свои налоговые системы.

На развитие понятия «налоговый суверенитет» повлияли следующие мировые тенденции:

- глобализация понятия «налогоплательщик». Сегодня налоговым органам стран противостоят «глобальные налогоплательщики», которые, в первую очередь, представляют собой крупные международные компании, осуществляющие свою деятельность в различных странах мира;
- ослабление экономической и юридической связи с географическим источником дохода ввиду развития цифровой экономики и сложных финансовых инструментов;
- обострение вопросов двойного налогообложения. Страны уже не могут эффективно противостоять двойному налогообложению исключительно посредством двусторонних соглашений, что требует усиления национальных законодательств в области налогообложения и развития международной интеграции;
- усиление потребности в осуществлении обмена налоговой информацией между странами с целью уклонения от неуплаты налогов;
- недобросовестная налоговая конкуренция, т.е. стремление стран защитить и сохранить национальную налоговую базу в условиях развития недобросовестной налоговой конкуренции с целью перевода доходов в низконалоговые юрисдикции и уменьшения налоговых обязательств [12].

Таким образом, налоговый суверенитет – это право государства на проявление властных полномочий в интересах страны по установлению, контролю и взиманию налогов с доходов граждан и субъектов хозяйствования, ведущих свою экономическую деятельность на территории государства, либо лиц, относящихся к юрисдикции данного государства.

Понятие налогового суверенитета как правового явления в составе государственного суверенитета обуславливает необходимость формирования теоретико-методологической базы для реализации новых подходов в налоговой политике. Полагаем, что закрепление понятия налогового суверенитета в национальном законодательстве имеет важное значение для правового обеспечения налогового суверенитета.

Библиографический список

1. Конституционное право: учеб. : в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. – М., 2016. – Т. 2. – 318 с.
2. Маслов, К. В. Налоговый суверенитет: понятие и место в системе обеспечения налоговой безопасности государства / К. В. Маслов // Пролог: журнал о праве. – 2016. – С. 29–33.
3. Кучеров, И. И. Теория налогов и сборов (правовые аспекты): моногр. / И. И. Кучеров. – М., 2009. – 202 с.
4. Годме, П. М. Финансовое право / П. М. Годме. – М., 1978. – 371 с.
5. Погорлецкий, А. И. Принципы международного налогообложения и международного налогового планирования / А. И. Погорлецкий. – СПб., 2005. – 187 с.
6. Овсянников, С. В. Конституционно-правовые основы налоговых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / С. В. Овсянников. – СПб., 2001. – 24 с.
7. Шахмаматьев, А. А. Международное налоговое право / А. А. Шахмаматьев. – М., 2014. – 824 с.
8. Костюков, А. Н. Правовые аспекты обеспечения налоговой безопасности государства / А. Н. Костюков, К. В. Маслов // Вестн. Омск. ун-та. – 2015. – № 4 (45). – С. 117–121.
9. Болдырев, О. Ю. Вызовы глобализации и проблемы защиты экономического суверенитета государства / О. Ю. Болдырев // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 5. – С. 71–75.
10. Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н. И. Химичева. – М., 2012. – 214 с.
11. Шахмаматьев, А. А. Налоговый суверенитет и налоговая юрисдикция государства / А. А. Шахмаматьев // Современное право. – 2013. – № 3. – С. 76–82.
12. Боровский, А. А. Налоговый суверенитет государства в условиях глобализации экономики / А. А. Боровский, И. А. Лукьянова / Вестн. Витебск. гос. технологич. ун-та. – 2019. – № 1 (36). – С. 176–186.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. С. Минько

*ведущий научный сотрудник Института правовых исследований
Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
natallia.minko@gmail.com*

В статье представлена проблематика конституционной правосубъектности интеграционных образований в процессе интеграционного развития белорусского государства на евразийском пространстве. Выделяются внутренний и внешний контуры правовой регуляtorики интеграционного образования. Затрагиваются вопросы учета положений институционального права Союзного государства, ЕАЭС и СНГ. Отмечено, что эволюционная трансформация институциональной системы интеграционного союза связана с постепенным развитием конституционно-правового механизма интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве.

Ключевые слова: конституционная правосубъектность; консолидированный суверенитет; интеграционное образование; институциональное право; институциональная система интеграционных союзов.

Правовые институты наиболее полно раскрываются для понимания тогда, когда учитывается историческая и концептуальная обусловленность их содержания, соответствие или несоответствие реальным экономическим и социальным потребностям на том или ином этапе государственного строительства, в том числе интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве. Конституционная правосубъектность интеграционных образований является динамичным понятием, эволюционирующим вместе с углублением интеграционных процессов.

Признание конституционной правосубъектности интеграционного образования другими субъектами международного права является важным фактором его легитимности и эффективности. Чем шире круг государств и международных организаций, признающих правосубъектность объединения, тем больше возможностей у него для реализации своих целей и задач. Конституционная правосубъектность интеграционных образований предполагает наличие у них следующих внешних и внутренних функций. По мере расширения сфер сотрудничества и передачи суверенных полномочий от государств-членов интеграционному объединению, спектр его внешних и внутренних функций закономерно возрастает. Внешние функции включают в себя право заключать международные соглашения, участвовать в международных организациях и других интеграционных образованиях, выступать в качестве субъекта международных, в том числе интеграционных отношений. «Как субъект международного права интеграционное объединение связано как заключаемыми им международными договорами, так и нормами международного обычного права, поскольку даже заключение международных договоров невозможно без соблюдения и применения международного права. С другой стороны, передача государствами части своих суверенных полномочий

на наднациональный уровень также не освобождает их от взятых на себя в рамках международных договоров обязательств» [1, с. 96].

Внутренние функции охватывают полномочия по принятию обязательных для исполнения на территории государств-членов правовых актов, включая технические акты, а также по установлению правил и процедур, регулирующих отношения внутри интеграционного объединения. Эффективная реализация указанных функций позволяет интеграционным образованиям выступать в качестве самостоятельных акторов на международной арене и обеспечивать согласованное развитие государств-членов в различных сферах.

Важным аспектом конституционной правосубъектности является наличие у интеграционного образования собственной правовой системы, в рамках которой осуществляется единообразное применение норм и принципов на всей территории интеграционного объединения. Эта система должна быть независимой от национальных правовых систем государств-членов и предусматривать механизм разрешения коллизий между ними. Однако конституционная правосубъектность интеграционных образований не является абсолютной и ограничивается сферой переданных ему полномочий. Государства-члены сохраняют свой суверенитет в областях, не затронутых интеграцией, и вправе самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику. Конституционная правосубъектность интеграционного образования предусматривает консолидированный суверенитет интеграционного образования при сохранении суверенитетов государств-членов; надгосударственную институциональную систему (структуру), включая механизмы разрешения споров и урегулирования конфликтов; правовую систему интеграционного образования (включая внутренний и внешний контуры правовой регуляtorики интеграционного образования); социально-гуманитарное, информационное и экономическое развитие.

Внутренний и внешний контуры правовой регуляtorики интеграционного образования формируются под воздействием множества факторов, определяющих как содержание самой интеграции, так и ее институциональное оформление. Внутренний контур охватывает нормативные акты, разработанные и принятые непосредственно участниками интеграционного объединения (договоры о создании союза, решения его органов, акты, гармонизирующие законодательство стран-участниц). Он регулирует вопросы функционирования общего рынка, таможенного союза, валютной зоны и других интеграционных форм.

Внешний контур составляют нормы международного права, регулирующие взаимодействие интеграционного образования с третьими странами и международными организациями (международные договоры о торговле, инвестициях, сотрудничестве). Кроме того, к внешнему контуру относятся нормы национального права, регулирующие отношения государства с интеграционным объединением и другими его участниками, а также влияющие на имплементацию интеграционных решений. Эффективное взаимодействие этих контуров обеспечивает устойчивость и развитие интеграционного образования, способствует достижению целей интеграции и защите интересов его участников.

С учетом указанного, как нам видится, отдельному исследованию подлежат признаки и элементы конституционной правосубъектности государств в интеграционных образованиях, внешние гарантии, индивидуальные и коллективные права, вопросы бюджетной политики, разграничения полномочий, межпарламентское и межправительственное сотрудничество, а также их институциональная основа.

Вопрос конституционной правосубъектности государств в интеграционных образованиях требует учета положений институционального права Союзного государства, ЕАЭС и СНГ – институционального права Беларуси в интеграционных образованиях на евразийском пространстве.

Институционализм как направление государственно-правовых исследований в общем виде «включает в себя два аспекта: «институции» – нормы, обычаи поведения в обществе, «институты» – закрепление норм и обычаев в виде законов, организаций, учреждений. Смысл институционального подхода состоит в том, чтобы не ограничиваться анализом экономических явлений и процессов в чистом виде, а включить в анализ институты, учитывать внеэкономические факторы» [2, с. 343]. «Институциональная система международной организации – это опорная категория, позволяющая оценить интеграционный уровень, потенциал взаимодействия государств в той или иной форме международного сотрудничества, которая ими избрана» [3, с. 134]. А. Н. Морозов отмечает, что «институциональная система – понятие, характеризующее взаимосвязь ее существенных элементов как международной межгосударственной организации, включая ее структуру, механизм взаимодействия органов в рамках данной организации и за ее пределами, а также вопросы компетенции и порядок принятия решений» [3, с. 132].

Институциональное право Союзного государства, ЕАЭС и СНГ в рамках отечественного интеграционного конституционализма раскрывает институциональную систему, тенденции развития законодательства и права Союзного государства, ЕАЭС и СНГ (закономерности его адаптивности, в том числе унификации и гармонизации), особенности правового статуса надгосударственных органов, должностных лиц, дальнейшее формирование институтов надгосударственного нормотворчества, правоприменения (включая вопросы судебной деятельности), союзного гражданства и правового статуса гражданина союзного образования, консолидированного суверенитета, интеграционной безопасности и др., «наполняя» новое направление научных исследований – союзное государствоведение с его выделением и развитием в рамках конституционного права, где раскрывается конституционная правосубъектность государства в составе интеграционных образований.

Именно конституционные принципы закладывают основы формирования системы органов союзных образований – институциональную систему. Например, в основу взаимоотношений между ЕАЭС и государствами–членами заложен принцип наделения компетенцией, согласно которому Союз действует лишь в пределах той компетенции, которая была непосредственно передана государствами на основании Договора о ЕАЭС. А гражданство ЕАЭС представляет собой важный институт, способствующий укреплению сотрудничества и развитию возможностей для граждан стран-участниц, способствуя их свободному перемещению, работе и проживанию внутри союза (с учетом ограничений голосования или занятия публичных должностей в других странах–участницах).

Можно согласиться с Т. Н. Михалевой и Т. А. Волкогон в том, что «единообразные правовые инструменты наиболее эффективно создаются только при наличии соответствующих органов. Такие органы должны обладать функциями и полномочиями, которые позволят: снять все противоречия на этапе согласования нормы и максимально соответствовать ожиданиям и интересам всех участвующих в ее разработке и принятии государств; обеспечить направленность этой нормы на реализацию целей и задач инте-

грации, т.е. руководствоваться не только совокупностью интересов государств, но и интересом интегрирующегося сообщества; в дальнейшем гарантировать ее единообразное и эффективное применение» [4, с. 39]. Вместе с тем институциональная система евразийских интеграционных союзов в рамках союзного государственного устройства должна выстраиваться на основании конституционных принципов и формул [5, с. 261]. Изучение институционального права Беларуси в евразийских интеграционных образованиях в рамках союзного государственного устройства видится целесообразным на основе интегративного методологического подхода. Эволюционная трансформация институциональной системы интеграционного союза связана с постепенным развитием конституционно-правового механизма интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве, дальнейшей адаптацией права и законодательства.

Библиографический список

1. Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС : моногр. – М. : Проспект, 2021. – 352 с.
2. Гавриленко, В. Г. Капитал: экономико-правовой энциклопедический словарь ; под науч. ред. В. Ф. Медведева, Н. И. Ядевич. – Минск : Право и экономика, 2014. – 774 с.
3. Морозов, А. Н. Роль и значение институциональной системы для развития интеграции в ЕАЭС и ЕС: сравнительно-правовой дискурс / А. Н. Морозов // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 1. – С. 131–140.
4. Михалева, Т. Н. О методологии права региональной интеграции / Т. Н. Михалева // Изв. Алтайского госуд. ун-та. – 2018. – № 6 (104). – 37–41.
5. Минько, Н. С. Формирование конституционно-правового механизма интеграционного развития Беларуси на Евразийском пространстве: теоретические изыскания / Н. С. Минько // Беларусь в современном мире: мат. XXII Междунар. науч. конф., посвящ. 102-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та. – Минск : БГУ, 2023. – С. 259–265.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

А. М. Синицына

*доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук
sinitsyna_anna_by@mail.ru*

В статье предпринята попытка разграничения понятий «законность», «конституционная законность», «конституционность», «конституционализм», на основе правовых позиций Конституционного Суда Республики Беларусь определены характерные черты конституционной законности.

Ключевые слова: конституционная законность; законность; конституционализм; Конституционный Суд.

Категория «конституционная законность» – сложное и многогранное понятие. Исследователи придерживаются различных подходов к определению содержания данной категории, что обусловлено, прежде всего, наличием смежных с «конституционной законностью» терминов: «законность», «конституционность», «конституционализм», разграничение затруднительно. Вместе с тем, уточнение содержания «конституционной законности» является необходимым и имеет значение для установления круга субъектов, ответственных за ее утверждение.

В 90-ых гг. XX в. в актах, составляющих правовую основу деятельности созданных на территории постсоветского пространства конституционных судов, наряду с понятием «законность» стал употребляться термин «конституционная законность», а органы специализированного конституционного контроля отдельных государств были наделены правом ежегодно обобщать данные о ее состоянии в стране.

В 1995 г. Конституционный Суд впервые принял Послание «О состоянии конституционной законности в республике», но содержание категории «конституционная законность» в нем не раскрывалось, лишь уточнялось, что соблюдение прав, свобод человека – определяющий показатель ее состояния.

Сегодня термин «конституционная законность» используется в Кодексе о судостроительстве и статусе судей, Законе «О конституционном судопроизводстве», Регламенте Конституционного Суда. Однако в условиях отсутствия легального определения единство мнений о содержании конституционной законности не достигнуто. В юридической литературе конституционная законность рассматривается как средство ограничения власти, принцип, особый правовой режим.

Так, Н. М. Колосова отмечает, что «конституционно установленная обязанность не только граждан, но и органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц соблюдать Основной Закон и изданные на его основе нормативные правовые акты позволяет рассматривать конституционную законность с точки зрения способа ограничения власти» [1, с. 27]. С. А. Авакьян рассматривает конституционную законность как принцип деятельности органов государственной власти [2, с. 25].

Принимая во внимание названные позиции, отметим, что само по себе установление на уровне Конституции пределов полномочий государственных органов, должностных лиц, обязанности принимать нормативные правовые акты и осуществлять свою деятельность в строгом соответствии с Основным Законом еще не свидетельствует о конституционной законности. Конституционная законность утверждается вследствие реального воплощения и соблюдения конституционных положений в деятельности всех субъектов конституционно-правовых отношений.

Сторонники узкого подхода к определению сущности конституционной законности (С. А. Пунтус, В. Е. Чиркин и др.) представляют конституционную законность в качестве принципа, предполагающего соответствие всех нормативных правовых актов государства Конституции [3, с. 7; 4, с. 302]. М. А. Ибрагимова трактует конституционную законность в узком значении как соответствие законов Конституции [5, с. 13]. Фактически в данном случае конституционная законность отождествляется с принципом конституционности в нормотворчестве, что воспринято Законом «О нормативных правовых актах». В нормах Закона «О конституционном судопроизводстве» о конституционности говорится в значении формально-юридического свойства нормативного правового акта. Однако, конституционная законность предполагает развитие в конституционных рамках не только нормотворчества, но и правоприменения.

В таком, более широком значении, термин «конституционная законность» используется в ч. 1 ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, согласно которой Конституционный Суд призван обеспечивать верховенство Конституции и ее прямое действие, соответствие нормативных правовых актов государственных органов Конституции, утверждение конституционной законности в нормотворчестве и правоприменении.

Таким образом, конституционная законность – более широкое понятие нежели конституционность. Конституционная законность включает в себя конституционность, но, как отмечает Ш. М. Нурадинов, «не исчерпывается ею» [6, с. 36], конституционность нормативных правовых актов лишь является одним из условий утверждения конституционной законности.

Не в полной мере раскрывается сущность такого многоаспектного понятия как конституционная законность в определениях, где конституционная законность сводится к «строгому, неукоснительному соблюдению всеми субъектами положений Основного Закона» [7, с. 7; 8, с. 5]. Подобная дефиниция отражает лишь один из элементов конституционной законности.

Кроме того, поскольку законность в широком смысле принято рассматривать в качестве особого правового режима, характеризуемого «строжайшим, неукоснительным соблюдением и исполнением всех юридических норм, всех правовых предписаний всеми субъектами» [9, с. 78], представление конституционной законности через «соблюдение всеми субъектами положений Основного Закона» порождает противопоставление этих двух самостоятельных категорий как общего и частного.

Несовершенно в этом смысле и законодательство: в соответствии с п. 1 ст. 6 Закона «О нормативных правовых актах» принцип конституционности в скобках именуется принципом законности, т.е. отождествляется с последним. В науке также не достигнуто единство мнений по данному вопросу. В. Б. Евдокимов утверждает, что «конституционная законность уже, чем «общая» законность» [10, с. 12], А. А. Головкин отмечает, что

конституционная законность, наряду с правообразующей, правореализующей, актоисполнительной законностью – один из уровней законности [11, с. 12].

Вследствие того, что рядом авторов законность интерпретируется с позиции верховенства права, конституционная законность понимается как часть режима законности. Однако конституционная законность не может сводиться лишь к соблюдению норм и принципов Конституции. Нормы Основного Закона содержат многочисленные отсылки к иным актам законодательства, развивающим ее положения и подлежащим неукоснительному соблюдению всеми субъектами отношений.

Таким образом, конституционная законность – многоаспектное понятие, категория более высокого порядка, нежели законность. В широком смысле ее следует рассматривать в качестве базовой по отношению к законности категории, являющейся основой для претворения в жизнь режима законности.

В Республике Беларусь важную роль в раскрытии содержания понятия конституционной законности играют ежегодные послания Конституционного Суда. Так, в первом Послании о состоянии конституционной законности в республике Конституционный Суд указал, что определяющим показателем состояния конституционной законности в государстве является соблюдение прав и свобод человека. Более развернуто сущность анализируемого понятия была раскрыта в Послании о состоянии конституционной законности в 1997 г., в котором было отмечено, что конституционная законность заключается в обеспечении верховенства, стабильности Конституции, защите предусмотренных ею прав и свобод человека и гражданина, реализации принципа разделения властей, соблюдении иерархии правовых норм.

Анализируя состояние конституционной законности в 1998 г., Конституционный Суд выразил позицию о том, что конституционный контроль должен рассматриваться в качестве одной из наиболее эффективных форм реагирования на нарушения конституционной законности. При этом функции укрепления конституционной законности принадлежат и иным государственным органам. В частности, было обращено внимание на недопустимость игнорирования судами положений ч. 2 ст. 112 Конституции, поскольку пассивное поведение в данном случае препятствует формированию единообразной правоприменительной практики, что, в свою очередь, негативным образом сказывается на состоянии конституционной законности.

В Послании о состоянии конституционной законности в 2012 г. Конституционный Суд определил конституционную законность как режим неукоснительного соблюдения Конституции всеми субъектами конституционно-правовых отношений, при этом в перечень субъектов, ответственных за утверждение конституционной законности, помимо государственных органов и должностных лиц, были включены граждане, организации, иные институты гражданского общества.

По мнению Конституционного Суда, соблюдение конституционной законности является конституционной обязанностью всех субъектов общественно-политических отношений и граждан нашей страны в целях обеспечения противодействия любому деструктивному воздействию на стабильность и суверенитет государства, гражданский мир и согласие в обществе, устойчивость конституционного строя.

Таким образом, конституционная законность является обязательным элементом государственности, неотъемлемым условием эффективного функционирования власти

в демократическом правовом государстве. Основу конституционной законности составляют надлежащее обеспечение прав и свобод личности, их охрана и защита со стороны государства, обеспечение верховенства Конституции, прямого и непосредственного действия ее норм в правотворчестве и правоприменении. Неоднократно Конституционный Суд обосновывал связь уровня конституционной законности и глубокое осознание всеми государственными органами и должностными лицами ответственности за ее состояние.

Среди условий утверждения конституционной законности Конституционным Судом в разные периоды назывались: построение сбалансированной правовой системы, отличающейся последовательностью законодательства, полнотой, системностью и комплексностью законодательного регулирования; реализация принципа верховенства права в законотворчестве посредством соблюдения и развития конституционных ценностей, принципов и норм; реализация конституционных предписаний в правоприменительной деятельности; обеспечение упорядоченной работы государственного аппарата; усиление контроля за соблюдением действующего законодательства со стороны коллегиальных органов представительной власти; осуществление мониторинга правоприменительной практики; осуществление конституционного контроля и своевременное исключение из правовой системы неконституционных норм; своевременное и надлежащее исполнение актов Конституционного Суда; формирование единообразной судебной практики; создание действенных правовых механизмов реализации и защиты прав и свобод личности; юридическое просвещение населения, высокий уровень правового сознания и конституционной культуры и др.

Таким образом, конституционная законность не ограничивается обеспечением принципа верховенства Конституции, ее содержание значительно шире. Обобщение доктринальных подходов, правовых позиций Конституционного Суда дает основания утверждать, что конституционная законность означает развитие в конституционных рамках нормотворчества, правоприменения, конституционализацию общественных отношений посредством: обеспечения соответствия нормативных правовых актов Конституции и нормативным правовым актам большей юридической силы; обеспечения согласованности нормативных правовых актов одинаковой юридической силы; реального единообразного претворения требований Основного Закона в поведении граждан, деятельности государственных органов, должностных лиц, общественных объединений и иных организаций; обеспечения прямого действия норм Конституции, их единообразного применения; устранения правовых коллизий и правовой неопределенности; обеспечения своевременного исполнения актов Конституционного Суда и т.д.

Конституционная законность является составляющей конституционализма, ее утверждение служит условием развития правового демократического государства, функционирования особого правового режима, характеризуемого тождеством юридической и фактической Конституции. В законодательстве термин «конституционная законность» преимущественно употребляется по отношению к деятельности Конституционного Суда, однако указанное обстоятельство не умаляет значимость иных субъектов в процессе утверждения конституционной законности. Утверждение конституционной законности – сфера позитивной ответственности всех субъектов общественных отношений.

Библиографический список

1. Колосова, Н. М. Обеспечение конституционной законности / Н. М. Колосова // Законность в Российской Федерации / В. Н. Кудрявцев [и др.]. – М., 1998. – С. 27–29.
2. Авакян, С. А. Организация государственной власти в России и зарубежных странах : учеб.-метод. комплекс / С. А. Авакян. – М. : Юстицинформ, 2014. – 692 с.
3. Пунтус, С. А. Проверка конституционности законов по запросам судов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С. А. Пунтус. – Екатеринбург, 2004. – 195 л.
4. Чиркин, В. Е. Современное государство / В. Е. Чиркин. – М. : Междунар. отношения, 2001. – 412 с.
5. Ибрагимова, М. А. Конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации в системе обеспечения конституционной законности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М. А. Ибрагимова ; Моск. гуманитар. ун-т. – М., 2010. – 23 с.
6. Нурадинов, Ш. М. Конституция и конституционная законность / Ш. М. Нурадинов, В. И. Червонюк, Б. М. Курбанов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2013. – № 6. – С. 35–39.
7. Елагин, Р. И. Конституционная законность в организации органов государственной власти субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Р. И. Елагин ; Акад. упр. МВД России. – М., 2003. – 27 с.
8. Клочков, В. В. О конституционной законности / В. В. Клочков // Конституционная законность и прокурорский надзор : сб. науч. тр. / Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре Рос. Федерации ; редкол. : В. В. Клочков (отв. ред.) [и др.]. – М., 1994. – С. 3–10.
9. Алексеев, С. С. Государство и право : учеб. пособие / С. С. Алексеев. – М. : Проспект, 2010. – 148 с.
10. Евдокимов, В. Б. Конституция как нормативно-правовая основа конституционной законности в Российской Федерации / В. Б. Евдокимов // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Фед. – 2015. – № 1. – С. 10–14.
11. Головкин, А. А. Законность – универсальное явление в жизни человека / А. А. Головкин // Юрид. журн. – 2006. – № 1. – С. 11–15.

**ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ И ВСЕКИТАЙСКОЕ
СОБРАНИЕ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

И. Г. Скороход

*доцент кафедры теории и истории права факультета права
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
skorohod.igor@mail.ru*

Проводится сравнительно-правовой анализ двух конституционных институтов – Всебелорусского народного собрания и Всекитайского собрания народных представителей. Исследование сосредоточено на анализе конституционно-правового статуса, порядка формирования и компетенции этих институтов.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание; Всекитайское собрание народных представителей; демократия; власть народа; народное представительство.

Современная политическая карта мира характеризуется широким спектром форм государственного устройства и конституционных моделей. Особый интерес представляют институты представительной демократии, функционирующие в условиях, отличающихся от западных либеральных демократий. Их примерами являются Всебелорусское народное собрание в Республике Беларусь и Всекитайское собрание народных представителей в Китайской Народной Республике (далее – КНР).

Краткий исторический обзор. Идеи народного представительства в Беларуси имеет давние корни, уходящие к традициям вечевых собраний в Великом княжестве Литовском, а также к деятельности различных сословных органов, таких как сеймы Речи Посполитой. В период становления независимой Республики Беларусь возникла необходимость в создании органа, который объединил бы различные политические силы и позволил вести диалог о будущем страны. Идея создания Всебелорусского народного собрания была выдвинута Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко в середине 1990-х гг. Собрание задумывалось как площадка для обсуждения важнейших вопросов жизни общества и государства.

Первое Всебелорусское народное собрание, состоявшееся в 1996 г., проходило в контексте острого противостояния между Президентом и Верховным Советом и фактически выразило поддержку политике Президента, утвердило Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 гг., а также одобрило инициативу Президента о проведении республиканского референдума по внесению изменений и дополнений в Конституцию.

На последующих собраниях (2001, 2006, 2010, 2016, 2021 и 2024 гг.) обсуждались приоритеты развития страны, утверждались программы социально-экономического развития, формировались основные направления внутренней и внешней политики. До 2022 г. собрание обладало, в основном, совещательными функциями. 27 февраля 2022 г. в Республике Беларусь был проведен референдум, по результатам которого в Конституцию Беларуси были внесены поправки, кардинально изменившие правовое положение

Всебелорусского народного собрания, которое получило статус конституционного органа с расширенными полномочиями.

Формирование и развитие Всекитайского собрания народных представителей проходило в контексте китайской революции и политики реформ. После победы коммунистической партии Китая (КПК) в гражданской войне в 1949 г. была провозглашена КНР. 20 сентября 1954 г. была проведена 1-я сессия 1-го Всекитайского собрания народных представителей. На этом собрании была принята первая Конституция КНР.

В период социалистического строительства (1950–1970-е гг.) и, в особенности, в эпоху «Культурной революции» (1966–1976 гг.) деятельность Всекитайского собрания народных представителей была существенно ограничена. «Культурная революция» оказала негативное воздействие, подорвав престиж органа и разрушив кадровый состав. Этот исторический период стал важным уроком для КНР, продемонстрировав, что эффективность функционирования Собрания напрямую зависят от политической стабильности в стране, а также от приверженности правящей партии принципам законности и правового государства [1, с. 62].

В декабре 1978 г., по инициативе Дэн Сяопина, на третьем пленуме одиннадцатого созыва Центрального комитета КПК было принято решение о проведении реформ, направленных на социалистическую модернизацию КНР. За годы реформ Всекитайское собрание народных представителей приняло обширный комплекс законодательных актов, регулирующих все аспекты экономической, государственной и общественной жизни. Также оно значительно усилило свою роль в контроле за деятельностью правительства и формировании государственной политики, при этом сохранялась ведущая роль КПК. В течение последних десятилетий осуществлялось постоянное совершенствование структуры и механизмов работы Всекитайского собрания народных представителей, включая создание специальных комитетов, развитие системы контроля за деятельностью правительства.

Конституционно-правовой статус органов. Всебелорусское народное собрание формируется из делегатов, представляющих различные социальные слои и группы общества. В него входят Президент; Президент, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки; представители законодательной, исполнительной и судебной власти; представители местных Советов депутатов; представители гражданского общества. Предельная численность делегатов составляет 1200 человек. Срок полномочий – 5 лет. Постоянно действующим органом Всебелорусского народного собрания является Президиум, предельная численность которого составляет 15 человек. Рабочим органом является Секретариат.

Президиум Всебелорусского народного собрания 11 февраля 2025 г. принял организационную структуру собрания. Общая численность из 1189 человек распределена на 10 делегаций: от законодательной, судебной, исполнительной власти и 7 делегаций от регионов. Средняя численность каждой порядка 70 человек. Самая массовая – от Минска, 192 человека.

В соответствии с Законом КНР от 3 апреля 1992 г. «О депутатах Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей различных уровней», депутаты Всекитайского собрания народных представителей избираются на уровне провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и специальных административных районов, а также Народно-освободительной армии. Распределение

депутатских мест осуществляется пропорционально численности населения с учетом представительства этнических меньшинств и других факторов. Выборы депутатов проводятся посредством косвенного избрания через нижестоящие собрания народных представителей.

Число депутатов не должно превышать 3000 человек, что делает его крупнейшим представительным и законодательным органом в мире. Срок полномочий – 5 лет.

Состав включает представителей КПК, других партий, общественных организаций, разных этнических групп, профессий и социальных слоев. Депутаты не являются постоянными профессиональными парламентариями и совмещают депутатскую деятельность с основной работой. В структуру Всекитайского собрания народных представителей входит Постоянный комитет, который является постоянно действующим органом, осуществляющим его функции в период между сессиями. Он выполняет важную роль в законотворческом процессе, осуществляет контроль за исполнением законов, назначает и освобождает высших должностных лиц государства. Также действуют несколько специальных комитетов, занимающихся конкретными вопросами (например, по делам законодательства, финансов, внешней политике и т.д.).

Полномочия. Всебелорусское народное собрание принимает решения стратегического и программного характера (утверждает основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности, программы социально-экономического развития); инициирует изменения и дополнения в Конституцию, проведение республиканских референдумов; обладает правом законодательной инициативы; рассматривает вопрос о легитимности выборов; вводит на территории страны чрезвычайное или военное положение; избирает Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного и Верховного Судов и осуществляет иные полномочия.

Всекитайское собрание народных представителей осуществляет законодательную власть; вносит изменения в Конституцию; осуществляет контроль за исполнением Конституции; избирает и освобождает от должности Председателя и заместителя Председателя КНР; утверждает кандидатуру Премьера Государственного совета и иных должностных лиц; избирает председателя Верховного народного суда; избирает Генерального прокурора; рассматривает и утверждает планы экономического и социального развития, отчеты об их выполнении, государственный бюджет и отчет о его исполнении; решает вопросы войны и мира; освобождает от должности Премьера, заместителя Премьера Государственного совета и иных должностных лиц и осуществляет другие полномочия.

Всебелорусское народное собрание и Всекитайское собрание народных представителей, несмотря на наличие некоторых общих черт, имеют существенные различия в своем конституционно-правовом статусе, структуре, порядке формирования и, соответственно, в своей роли в системе государственных органов. Их функциональные характеристики и воздействие на политические и правовые процессы обладают спецификой, которая определяется историческими, социальными, экономическими факторами, а также конституционно-правовым устройством государств.

Библиографический список

1. Бородич, В. Ф. Системы государственного администрирования КНР в активной фазе «культурной революции» (1966–1969 гг.) / В. Ф. Бородич // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2021. – № 2. – С. 58–64.
2. Регзенова, Д. Б.-О. Основные принципы и сущность реформ Дэн Сяопина / Д.Б.-О. Регзенова // Вестн. Бурятского гос. ун-та. – 2010. – № 6. – С. 189–193.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И. В. Шахновская

*заведующий кафедрой конституционного и уголовного права
юридического факультета Полоцкого государственного
университета имени Евфросинии Полоцкой,
кандидат юридических наук, доцент
irochka15012@yandex.ru*

В статье рассматриваются особенности и принципы деятельности местного самоуправления в цифровую эпоху. Рассматривается содержание принципов цифровизации, транспарентности, гласности, информационной открытости в деятельности органов местного самоуправления, определяются основные задачи цифровизации местного самоуправления. Уделяется внимание негативным аспектам цифровизации местного самоуправления, в частности, тенденции сближения органов местного самоуправления и государственной власти.

Ключевые слова: цифровизация; местное самоуправление; умный город; цифровое развитие; местные Советы депутатов; онлайн трансляции.

Местное самоуправление в Республике Беларусь следует рассматривать сквозь призму двух важнейших организационных форм: 1) система органов местного самоуправления (местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления); 2) форма организации и деятельности населения соответствующей АТЕ (местные собрания, местные референдумы и др.).

Население АТЕ является носителем прямой демократии в различных формах:

- 1) население АТЕ в целом как единый субъект;
- 2) инициативные группы граждан в рамках АТЕ (с фиксированным количеством граждан либо в процентном отношении к населению всей АТЕ);
- 3) часть АТЕ (совокупность граждан), количественный состав которой не регламентирован законодательством;
- 4) индивидуальное участие граждан АТЕ.

Население АТЕ в целом как субъект конституционно-правовых отношений участвует в проведении местных референдумов и местных собраний. Такие формы являются основными формами прямой демократии на местном уровне и основными формами местного самоуправления в Республике Беларусь. Кроме того, населению АТЕ (избирателям) принадлежит право возбуждения вопроса об отзыве депутата.

Инициативные группы граждан в рамках АТЕ в зависимости от цели создания подразделяются на следующие виды:

- 1) инициативные группы по выдвижению кандидата в депутаты местного Совета депутатов (количественный состав членов инициативной группы от 3 до 10 человек);
- 2) участие населения областей и населения г. Минска в составе инициативной группы по инициированию проведения республиканского референдума (количественный состав – не менее 100 человек);

3) инициативные группы по проведению местного референдума (количественный состав различается в зависимости от вида АТЕ);

4) инициативные группы по проведению местных собраний.

Совокупность граждан АТЕ наделена правом участия в свободном и всестороннем обсуждении предвыборных программ кандидатов в Президенты, в депутаты Палаты представителей, местные Советы депутатов; правом проведения агитации за или против кандидата.

Части АТЕ (территории микрорайонов, кварталов, улиц, дворов, агрогородков, поселков, деревень и др.) наделены правом на осуществление территориального общественного самоуправления. В отношении части АТЕ предусмотрено также право проведения местных собраний на соответствующей территории.

Совокупность граждан АТЕ обладают правом направлять коллективные обращения в государственные органы. Отдельные граждане АТЕ наделены такими правами как право на участие в местном собрании; на участие в местном референдуме; на участие в территориальном общественном самоуправлении; право направлять обращения в государственные органы, в том числе, в электронной форме.

Вторая форма местного самоуправления определяет отдельного субъекта конституционно-правовых отношений – население соответствующей АТЕ, которое обладает правом участвовать в принятии решений местного значения. Самоуправление может осуществляться как в единоличной (например, направление электронных обращений с предложениями о развитии местной территории), так и в коллегиальной форме (инициативы граждан, проведение местных собраний). В последних научных исследованиях выделяется новый элемент конституционно-правового статуса данного субъекта – «право на цифровое самоуправление».

Определение организационно-правовых форм местного самоуправления позволяет сформулировать некоторые аспекты цифровизации местного самоуправления, подлежащие оценке:

1) внедрение и реальное использование цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления (местных Советов и органов территориального общественного самоуправления);

2) наличие механизмов участия населения в управлении делами общества на местной территории, степень вовлеченности населения в решение практических задач.

В условиях цифровизации важное значение для исследования занимают принципы деятельности местного самоуправления, особенности их содержательного переосмысления под воздействием цифровых технологий. Одним из принципов нормотворческой деятельности, в том числе, органов местного самоуправления является принцип цифровизации. К практической реализации данного принципа ряд авторов относится весьма скептически, обуславливая свою позицию ограниченным применением информационных технологий в различных регионах. В целом такие подходы направлены на сохранение традиционного нормотворчества с привлечением цифровых инноваций [2].

В научных исследованиях актуальным стало раскрытие принципа открытости и транспарентности в деятельности органов местного самоуправления. При этом содержание данных принципов не носит синонимичного характера. В частности, ряд авторов склоняется к такой позиции, что принцип открытости предполагает представление информации о деятельности и решениях местных органов. Принцип информационной открытости получил законодательное закрепление в Российской Федерации в Федеральном Законе

«Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Сущность информационной открытости состоит в доступности для населения информации, созданной в пределах своих полномочий органами местного самоуправления, в том числе, к муниципальным правовым актам, устанавливающим структуру, полномочия, порядок формирования и деятельности органов местного самоуправления, иной информации, касающейся деятельности местных органов.

В то же время с транспарентностью связываются также вопросы открытости к взаимодействию с населением, проведение общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления, достоверность предоставляемой информации [10].

Принцип гласности в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления заключается, по большей части, в вынесении на публичное обсуждение на «Правовом форуме Беларуси» проектов решений местных Советов депутатов. Под цифровизацией местного самоуправления следует понимать процесс постоянного внедрения информационных технологий в деятельность органов местного самоуправления, а также постепенный переход к механизмам прямой и косвенной демократии на местном уровне в цифровой формат. Основными задачами в области цифровизации местного самоуправления в Республике Беларусь должны стать:

- 1) внедрение новых форм и механизмов взаимодействия населения АТЕ с местными органами власти;
- 2) повышение вовлеченности местных граждан в процесс управления делами общества на соответствующей территории;
- 3) ликвидация цифрового разрыва в регионах (реального доступа к информационным технологиям всего населения);
- 4) повышение уровня доверия населения к электронным формам взаимодействия.

Анализ Типовой концепции позволяет выявить противоречия в нормотворческой деятельности по цифровому развитию регионов. Так, в 2023 г. в Республике Беларусь принято постановление Министерства связи и информатизации Республики Беларусь «Об уровне цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц», которым утверждены критерии для показателей уровня цифрового развития АТЕ (доля городов в области (районов в г. Минске), внедривших технологии региональной государственной цифровой платформы «Умный город (регион)», охват населенных пунктов интеллектуальными транспортными системами, уровень цифрового развития жилищно-коммунального хозяйства и др.). Безусловным плюсом является разработка таких критериев, что позволит составлять национальные рейтинги городов, на основании которых можно предложить определенные льготные условия, государственное финансирование для дальнейших процессов цифровой трансформации как стимулирующие меры. Все обозначенные в постановлении критерии носят, как правило, оценку технического состояния либо количественную оценку оказываемых административных процедур в электронной форме. При этом, в перечне отсутствуют те из них, которые отражали бы уровень участия населения в управлении делами соответствующей АТЕ с использованием цифровых технологий. Ими могут быть доля поданных электронных обращений граждан, реализация инициатив по принятию решений местных Советов в сети Интернет и др.

А. А. Шишкин видит возможности развития местного самоуправления в Беларуси в условиях цифровизации посредством проведения местных собраний в онлайн режиме с использованием цифровых платформ [6]. В целом поддерживая данное предложение,

считаем более правильным начать внедрение «электронных форм принятия решений» на уровне территориального общественного самоуправления в Беларуси. В частности, согласно национальному законодательству о местном самоуправлении в части АТЕ может создаваться только один коллегиальный орган территориального общественного самоуправления как с образованием юридического лица, так и без него. Именно в работу таких коллегиальных органов стоит внедрять использование информационных технологий при реализации своих полномочий (при изучении, анализе и учете мнения граждан по вопросам экономического и социального развития, в случае содействия в осуществлении нормотворческой инициативы граждан по вопросам местного значения и др.).

Новеллой белорусского законодательства в изучаемой области стало принятие Закона Республики Беларусь от 12 июля 2023 г. №281-З «Об изменении законов по вопросам местного управления и самоуправления», в рамках которого предусмотрено создание постоянно действующего окружного совета территориального общественного самоуправления в городе Минске на срок полномочий Минского городского Совета депутатов. В полномочия данного Совета будет входить принятие решений рекомендательного характера. Перспективным видится внедрение в порядке правового эксперимента в работу Окружного Совета применение информационных технологий в процессе принятия решений.

Новой формой местного самоуправления с 2023 г. стал институт гражданских инициатив. Такие инициативы могут быть поданы как на бумажном носителе, так и в электронной форме. Согласно нововведениям, гражданские инициативы, прошедшие конкурсный отбор, могут претендовать на финансирование из средств республиканского бюджета. Следовательно, можно вести речь о расширении способов финансирования местного самоуправления. В науке схожая идея была изложена Г. А. Василевичем, где предлагалось вводить предоставление субвенций, проведение конкурсов на реализацию социально значимых проектов среди органов территориального общественного самоуправления [1].

Перспективным направлением видится развитие института оценки деятельности органов местного самоуправления с использованием цифровых технологий. Закон Республики Беларусь от 27 марта 1992 г. № 1547-ХП «О статусе депутата местного Совета депутатов» предусматривает такие формы оценки деятельности депутатов местного Совета населением как проведение встреч с избирателями (информирование о деятельности депутата, изучение общественного мнения), а также отчеты депутата перед избирателями (отчет о деятельности и ходе выполнения предвыборной программы). Здесь можно предложить совершенствование порядка проведения депутатом местного Совета встреч с гражданами с использованием ссылок на онлайн трансляции, где каждый присоединившийся избиратель сможет задать вопрос либо написать его в общем чате. Реализация данного предложения требует внесения следующих изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О статусе депутата местного Совета депутатов»:

1) название ст. 20 изложить в следующей редакции: «Статья 20. Проведение депутатом Совета встреч с гражданами, прямых трансляций».

2) дополнить ст. 20 частью третьей: «Встречи депутата Совета с гражданами могут быть организованы посредством использования сети Интернет путем проведения прямых трансляций».

Отдельного внимания заслуживает отчет депутата местного Совета перед избирателями о ходе выполнения предвыборной программы. Анализ интернет-сайтов местных ис-

полнительных и распорядительных органов в части исследования информации о деятельности депутатского корпуса конкретного местного Совета демонстрирует отсутствие там самого текста предвыборной программы. Как следствие, возникает вопрос, итоги выполнения какой программы представляет депутат местного Совета перед своими избирателями? В связи с этим предлагается обязать депутатов местных Советов на официальных страницах в сети Интернет размещать предвыборную программу и отчеты о ходе ее реализации. Данное предложение будет способствовать дальнейшей реализации принципа открытости и гласности в деятельности органов местного самоуправления.

Цифровые технологии можно использовать при организации заседаний местных Советов депутатов. Так, предлагается внедрить проведение онлайн трансляций заседаний местных Советов. Нет необходимости 100%-ного перевода всех заседаний на формат онлайн. Однако, те из них, на которых рассматриваются важнейшие вопросы местного значения (утверждаются программы социально-экономического развития региона, концепции молодежной политики и др.) должны быть доступными для населения. В связи с этим предлагается дополнить ст. 12 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении» нормой: «В отдельных случаях, определенных Регламентом Совета, по решению председателя Совета, а в случае его отсутствия или по его поручению – его заместителем, на заседаниях Совета организуются онлайн трансляции в порядке, определенном законодательством».

Разумным видится представление ссылки на онлайн трансляции заседаний местных Советов субъектам гражданского общества, определенных законодательством. В связи с этим предлагается расширить перечень особых форм взаимодействия государственных органов (организаций) и субъектов гражданского общества, что потребует дополнение ч. 1 ст. 7 Закона «Об основах гражданского общества» аб. 4: «участие в проведении онлайн трансляций заседаний местных Советов депутатов».

Библиографический список

1. Василевич, Г. А. О некоторых направлениях развития непосредственной и представительной демократии на местном уровне: организационные и правовые вопросы / Г. А. Василевич [Электронный ресурс] // Эталон ONLINE. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02200319&q_id=9294725 (дата обращения 11.11.2023).
2. Воропаев, Д. А. Принцип цифровизации нормотворческой деятельности / Д. А. Воропаев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2023 г. : тез. докл. : [к 65-летию Акад. МВД Респ. Беларусь] / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; [редкол. : П. В. Гридюшко (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2023. – С. 12–13.
3. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Д. Зорькин // Российская газета. – 2018. – № 7578. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchatcifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения 12.11.2023).
4. Казанцева, О. Л. Цифровые технологии в местном самоуправлении / О. Л. Казанцева // Алтайский юрид. вестн. – 2022. – №2. – С. 20–24.
5. Кондратенко, З. К. Правовое регулирование технологии Smart City в условиях цифровизации / З. К. Кондратенко // Аграрное и земельное право. – 2020. – №12. – С. 45–48.
6. Шишкин, А. А. Перспективы развития непосредственного (прямого) участия граждан в осуществлении местного самоуправления в контексте региональной цифровой трансформации [Электронный ресурс] / А. А. Шишкин // Эталон ONLINE. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02201484&q_id=9294725 (дата обращения 09.11.2024).

РАЗДЕЛ IV

ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА, ПРАВО, ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 32.001

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ НАУК¹

Н. А. Антанович

*заведующий кафедрой политологии
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор политических наук, профессор
antanovich@bsu.by*

В статье рассматриваются особенности понимания справедливости в политической и правовой науках. Показано, что справедливость в равной степени входит в ядро научных программ политологии и юриспруденции. Представлены особенности экспликации справедливости в трудах Г. Кельзена, О. Хёффе, Дж. Ролза, К. Шмитта. Выявлены идеи вариативности моделей справедливости и конституционного закрепления модели справедливости в конкретной стране. Показано, что в белорусской науке делается акцент на идеологическом базисе и идентичности в основе понимания справедливости.

Ключевые слова: справедливость; общее благо; солидарность; идентичность; политическая наука; юриспруденция

Наука как вид человеческой деятельности и освоения окружающего мира формирует фундаментальное знание, воплощенное в теориях, и знание прикладное. Согласно Закона Республики Беларусь «О научной деятельности», фундаментальная наука включает «теоретические и (или) экспериментальные исследования, направленные на получение новых знаний об основных закономерностях развития природы, человека, общества, искусственно созданных объектов». Любая наука описывается на исходные положения: аксиомы, понятия, принципы, методы. Понятие справедливости формировалось как философская и научная категория, рефлексивно формируемая как практикой социальной жизни, так и интеллектуальными усилиями мыслителей различных эпох и цивилизаций. Можно утверждать, что справедливость в равной степени входит в ядро «исходников» / «исходных кодов» научных программ политологии и юриспруденции.

Справедливость есть представление о должном, правильном положении вещей в обществе, требование соответствия вклада и воздаяния. Хрестоматийной истиной стало знание о платоновском проекте справедливого государственного устройства, основанного на чётком разделении способностей, статусов и обязанностей жителей полиса. Аристотель разграничи-

¹ Статья подготовлена в рамках НИР «2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.).

вал воздающую и распределительную виды справедливости. Античные мыслители связывали справедливость, как и саму политику с общественным благом, а также с моральными добродетелями. Идея абсолютного блага «предполагает справедливость, на познание которой нацелены практически все диалоги Платона». При этом «идеи абсолютного блага находятся за пределами рационального познания» [1, с. 355]. Восточные мыслители в описании того, что справедливо, акцентировали гармонию, баланс, социальную взаимосвязанность. Западная мысль развивалась в т. ч. в направлении инструментального понимания справедливости (определенное устройство управленческих институтов, распределение благ, модель иерархии и достижения равенства). Так, в античной традиции письменное законодательство Солона «ограничивало власть противоборствующих общественных групп. Сдерживающая сила законов воспринималась как основа справедливого порядка» [2, с. 14].

В труде Конфуция «Лунь юй» справедливость – одно из «врожденных качеств человека... характеристика “благородного мужа”, которая выражает единство знания и действия, основанное на благодати “дэ”, реализующееся посредством этико-ритуальной благопристойности – “ли” и направленное на осуществление “дао” («жизненного пути») [3, с. 132]. Данная категория рассмотрена в качестве «личного долга, персональной ответственности перед самим собой... Соотнесенность человека со сферой морального должностования гармонично встроена в концепт “благородного мужа” (“цзюнь-цзы”), являющий собой идеал правильной жизни» [4, с. 134].

Справедливость остается неизменным предметом и научного, и политического дискурса. Остановимся на рассмотрении правовых оснований справедливости Г. Кельзеном, концепция которого, как отмечает М. В. Антонов, «знаменует собой точку невозврата для теоретического правоведения – невозможность наивной веры в объективность и идеологическую нейтральность понятий юридической догмы» [1, с. 9]. Для Г. Кельзена право – «особый социальный метод контроля человеческого поведения путём нормированного применения принуждения» [1, с. 37]. «... полный объективизм при исследовании государства невозможен по определению. Государство не есть только институт, совокупность лиц, органов, их взаимосвязей и деятельности – оно есть нечто большее. Это “большее” и придает, “вменяет” структуре органов, взаимосвязи лиц, результатам их деятельности особую характеристику – быть приписанными к тому или иному правопорядку» [1, с. 39–40].

По Г. Кельзену, обязательность норм права «не обосновывается и не доказывается, а лишь постулируется в рамках той “схемы истолкования”, через которую юрист описывает лежащий перед ним правопорядок» [1, с. 46]. И еще одна важная установка: конституция – та аксиоматическая основа, на которой возможно конструирование «схемы истолкования процесса правогенеза и правоприменения в данном правовом порядке» [1, с. 42].

В лекции 1952 г. в Университете Калифорнии (Беркли) «Что есть справедливость?» Г. Кельзен утверждал: «Справедливость является возможным, но не необходимым качеством социального строя, регулирующего человеческие взаимоотношения». И далее «социальный строй справедлив, если «регулирует поведение людей таким образом, который удовлетворяет всех; иными словами, все люди находят в этом строе свое счастье: поэтому он ищет счастье в обществе. Справедливость является социальным счастьем» [1, с. 341]. Согласно английскому философу и юристу И. Бентаму, речь должна идти не об индивидуальном счастье, а «наибольшем счастье для наибольшего количества людей» [1, с. 344].

У Г. Кельзена прослеживается идея относительности справедливости: «демократия может быть оправдана только в качестве относительно (но не абсолютно) справедливой формы правления» [1, с. 353]. Как правовед, Г. Кельзен связал справедливость с принципом воздаяния, выражающим «особую технику позитивного права, которое против зла правонарушения действует злом санкции» [1, с. 358]. Мыслитель также указывал на принцип равенства в моделях справедливости. Г. Кельзен связывает два выше указанных принципа с идеями категорического императива нравственности в формулировке И. Канта. Подобной аргументации в дальнейшем следовал политический философ Дж. Ролз.

Достижением Г. Кельзена также является разграничение метафизического и рационалистического понимания справедливости. Метафизическая трактовка возводит справедливость в абсолютный трансцендентальный принцип социального, а рационалистическая – конструируемую по определенным принципам модель социально-политических институтов. Приведем цитату: «Абсолютная справедливость является иррациональным идеалом или, что то же самое, иллюзией – одной из вечных иллюзий человечества. С точки зрения рационального познания, существуют лишь интересы людей и конфликты этих интересов» [1, с. 369]. Сам мыслитель заявляет о личных оценках справедливости: «“моей”... является справедливость свободы, ...мира, ...демократии – справедливость терпимости» [1, с. 374].

В политологии, что логично, одним из фундаментальных исходных понятий является политическая справедливость. Среди первых исследователей XX в., которые сфокусировались именно на политической справедливости, называют Дж. Ролза («Теория справедливости», 1971), О. Хеффе («Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства», 1994), О. Кирххаймера («Политическая справедливость: использование юридической процедуры в политических целях», 1980), Ю. Хабермаса («Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе», 2010). Хотя авторство категории «политическая справедливость» приписывают и английскому философу, одному из основателей анархизма У. Годвину («Исследование политической справедливости и ее влияние на всеобщую добродетель и счастье», 1793) [5, с. 57].

Дж. Ролз в работе «Теория справедливости» выдвинул концепцию «справедливости как честности», которая противопоставлена утилитаризму, влиятельному в англосаксонской политической мысли. Утилитаризм основан на принципах: 1) оценка явлений с точки зрения их полезности, возможности служить для достижения каких-либо целей; 2) основной критерий нравственных поступков – польза (И. Бентам). С точки зрения Дж. Ролза, утилитаризм не позволяет объяснить природу социального целого и не дает оснований для объяснения основных прав и свобод граждан. Дж. Ролз исходил из вопроса: как из единичных, корыстных интересов складывается всеобщее благо, возникают кооперативные эффекты?

Общество рассматривается Дж. Ролзом как «кооперативное предприятие во имя взаимной выгоды». Благополучие каждого зависит от схемы кооперации, сотрудничества. Базисная структура общества представлена как совокупность институтов. Под институтом Дж. Ролз понимал общепринятую систему правил, устоявшихся социальных практик и учреждений. Институты позволяют построить упорядоченный социум [6, с. 85].

По Дж. Ролзу, фундаментальная особенность упорядоченного человеческого общества – его справедливое устройство. “Справедливость социальной схемы зависит от того,

как приписываются фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий различных слоев общества» [6, с. 23]. Каковы условия или обстоятельства возникновения проблемы справедливости? К примеру, в экономике ключевой является проблема безграничности потребностей и ограниченности ресурсов для их удовлетворения. «Обстоятельства для возникновения справедливости возникают всякий раз, когда люди выдвигают конфликтующие притязания на дележ социальных преимуществ в условиях умеренной скудости ресурсов» [6, с. 121]. Пока не возникает подобная ситуация, нет повода для появления такой добродетели, как справедливость, «точно так же, как в отсутствие угрозы жизни или ранения не было бы храбрости или героизма... Справедливость – это добродетель практик, где есть конкурирующие интересы и где люди чувствуют себя вправе предъявить свои требования друг другу. В обществе святых с общим идеалом... вопрос о справедливости не возникает» [6, с. 122]. Дж. Ролз пишет, что «обстоятельства справедливости – это нормальные условия, при которых человеческая корпорация возможна и необходима» [6, с. 120]. Он различал два вида таких обстоятельств: 1) совместная жизнь на одной территории; 2) естественная скудость ресурсов.

Таким образом, концепция справедливости у Дж. Ролза связана с конфликтующими интересами членов общества и имеет оценочный характер, поскольку описывает, какое общественное устройство представляет собой благо. Оценочная природа справедливости не противоречит ее инструментальному характеру, поскольку важны пути и средства установления и поддержания справедливости. Основная идея теории справедливости сводится к процессу установления общественного договора: «принципы справедливости мыслятся как возникающие из исходного соглашения» [6, с. 28]. Данное исходное соглашение возможно при соблюдении ряда принципов и условий. Во-первых, Дж. Ролз пишет, что «преимущество, достигаемое угрозой, не представляет собой концепции справедливости». Во-вторых, принципы справедливости должны иметь публичный характер: граждане осведомлены об этих принципах и принимают их. «Условие публичности заключается в том, что стороны оценили концепцию справедливости... в качестве эффективной моральной составляющей социальной жизни» [6, с. 125].

Дж. Ролз связывает достижение справедливости со следованием моральным принципам, которые рассматриваются как предмет рационального выбора. Это положение вытекает из принятия ригористических принципов И. Канта. Дж. Ролз подчеркивает, что Кант обосновал не только то, что принципы морали имеют всеобщий характер, но и то, что мораль автономна. Человек действует автономно, когда «принципы его действий выбираются им как наиболее адекватное выражение его природы как свободного и рационального существа» [6, с. 224].

Немецкий ученый О. Хёффе в книге «Справедливость. Философское введение» (2007) разграничивал личную и институциональную справедливость. Личное понимание справедливости не равно признанию правильности устройства социальных институтов. Политическая справедливость, дающая оценку государства и права, – часть институциональной справедливости. О. Хёффе подчеркивал связь справедливости с общественной солидарностью, трактуемой как взаимопомощь, эмоциональная связь между людьми, понимание общности своей судьбы. Н. А. Шавеко, исследователь концепции О. Хёффе, подчёркивает идею беспристрастности в основании справедливости. «Беспристрастность удовлетворяет критерию справедливости “выгода для каждого”... Еще одна формули-

ровка основного принципа справедливости – «дистрибутивно выгодное свободное существование» [7, с. 29]. По О. Хёффе, дистрибутивная справедливость, в отличие утилитаристской, возникает благодаря «трансцендентальному обмену». Такой обмен в фундаментальном плане означает, что в справедливо устроенном обществе власть устроена таким образом, что социальные блага в равной степени приносят пользу всем.

«Справедливость, по О. Хёффе, носит праводефинирующий характер, ...под правом он подразумевает нечто, что хотя бы минимально соответствует справедливости. Чтобы каждый был согласен на ограничение его естественного состояния обществом, последнее должно гарантировать некоторые базовые ценности....» [7, с. 32]. При этом ценности и убеждения разнятся, а государство должно гарантировать ограниченный перечень необходимых прав.

Интерес для данной статьи представляет концепция немецкого юриста и политического теоретика консервативного толка К. Шмитта (1881–1985). В работе «Понятие политического» (1927) К. Шмитт определил политическое как свойство человеческих коллективов определять (идентифицировать) друг друга как друзей либо врагов, т.е. как воплощения различных «образов жизни». Между противоположными субъектами политики, говоря современным языком, ведется «смертельная схватка», «рвение членов группы убивать и умирать на основе нерациональной веры в субстанцию, связывающую их коллективы, опровергает основные принципы Просвещения и либерализма» [8].

К. Шмитт не отстаивал первичности прав и самоценности личности. Именно государственная власть наделяет граждан правами. Вторая мировая война «положила предел потенциальному нормативизму К. Шмитта, на первое место вышло «решение» – понятие, обозначающее фундаментальный выбор *ad hoc*, ввиду не нормальной ситуации, а исключения, выхода за пределы нормы» [9, с. 154]. В труде К. Шмитта «Понятие политического» юридические и политические трактовки социальности переплетаются при доминировании объяснительной модели «децизионизма». «Политическое» определено не через отношение к общему благу, а через «наличие интенсивного и неснимаемого противопоставления “друга” и “врага”» [9, с. 157]. Государство «как «решающее политическое тело», обладает «монополией на определение всеобщего врага, обладая правом на войну» [9, с. 158]. В начальный период творчества К. Шмитт рассматривал ценностные и нормативные основания права. «После 1918 г. сформировал доктрину децизионизма с ее культом “решения” и исключительного случая» [9, с. 18]. Трактовка справедливости К. Шмиттом с нашей точки зрения, сводится к ее установлению решением, волей победившей политической силы.

Политологи в рамках системной теории рассматривают справедливость как характеристику окружения политической системы. Как утверждал Д. Истон, все политические системы выполняют две основные функции: предлагать обществу ценности и вынуждать большинство его членов признавать их в качестве обязательных [10]. Если рассматривать социокультурные характеристики конкретной страны в качестве окружения политической системы, то в основе политической культуры лежит понимание равенства и неравенства, свободы и ответственности, меры воздаяния за общественный вклад и наказания за нарушение социальных норм, что и воплощается в идентичности граждан и определенной трактовке справедливости.

Таким образом, справедливость как социально-политический феномен выполняет конструирующую мировоззренческую и коммуникативную функции. Справедливость может выступать в обществе генератором добра, трудолюбия, стимулом общественной деятельности. Справедливость – конкретная категория, требующая учета вида уравнивания неравных и конфликтующих интересов.

Преамбула Конституции Республики Беларусь гласит о том, что белорусский народ утверждает «устой правового государства и социально справедливого общества, желая обеспечить мир и гражданское согласие, благополучие граждан, незыблемость народовластия, независимость и процветание Республики Беларусь». В Концепции правовой политики Республики Беларусь социальная справедливость представлена как баланс прав и обязанностей человека и гражданина, социальная ответственность каждого, включающая понимание свободы и равенства, патриотизм, народовластие, благосостояние, устойчивое развитие.

Подводя итог, отметим взаимодополняемость трактовок справедливости в политической и правовой науках: справедливость рассматривается в качестве трансцендентной предпосылки, которой придается сакральный характер. Юриспруденция и политология в прикладном плане выявляют конкретные кейсы проявления справедливости. Политологи при этом рассматривают власть как борьбу за установление норм, в т. ч. норм справедливости. Правоведы изучают как естественные нормы (традиции, мораль) влияют на право и как позитивное право формирует нормы, находясь под влиянием идеологии и утверждая определенную модель справедливого устройства. Политологи обращают внимание на вариативность моделей справедливости и конституционного закрепления модели справедливости в конкретной стране. В белорусской науке и политико-правовой практике в основе понимания справедливости делается акцент на идеологический базис и идентичность, включающую этно-культурную, историческую, правовую и гражданско-политическую составляющие.

Библиографический список

1. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен ; пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. – СПб. : Издат. дом «Алеф-пресс», 2015. – 704 с.
2. Соловьева, А. А. Восточная и западная правовые традиции понимания справедливости: проблемы генезиса / А. А. Соловьева, А. Н. Бабенко // Вестн. ЮУрГУ. Сер. : Право. – 2015. – № 1. – С. 12–15.
3. Ходыкин, А. В. Философский анализ феномена справедливости / А. В. Ходыкин // Научно-методич. электрон. журнал «Концепт». – 2017. – Т. 2. – С. 130–134.
4. Эрдниева, Б. Д. Понимание справедливости в культурно-философском контексте древнего Китая / Б. Д. Эрдниева // Вестн. КалмГУ. – 2023. – № 1 (57). – С. 133–141.
5. Гапоненко, С. С. Политическая справедливость: становление понятия / С. С. Гапоненко // Среднерусск. Вестн. обществ. наук. – 2015. – № 1. – С. 56–63.
6. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск, 1995. – 535 с.
7. Шавеко, Н. А. Политическая справедливость по Отфриду Хёффе / Н. А. Шавенко // Вестн. Томск. гос. ун-та. Право. – 2019. – № 33. – С. 26–37.
8. Carl Schmitt. German jurist and political theorist // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/biography/Carl-Schmitt> (дата обращения: 30.06.2025).
9. Назмутдинов, Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта / Б. В. Назмутдинов // Правоведение. – 2016. – № 1 (324). – С. 150–165.
10. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли: В 5 т. – Т. II. – М. : Мысль, 1997. – С. 629–642.

МЕСТО И РОЛЬ ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

О. Е. Побережная

*заместитель декана юридического факультета
Белорусского государственного университета
по учебной работе и образовательным инновациям,
кандидат политических наук, доцент
Poberezhnaya@bsu.by*

Статья посвящена анализу центрального положения и многогранной роли теории политики в структуре современной политической науки. Рассматривается исторический генезис дисциплины и ее основные функции. Обсуждаются современные вызовы и перспективы развития политической теории в условиях современной турбулентности и трансформаций.

Ключевые слова: Политическая теория, политическая наука, философия политики, методология, концептуализация, нормативный анализ, критический дискурс, история политической мысли.

Политическая наука как самостоятельная академическая дисциплина прошла долгий путь становления, эволюционируя от философских размышлений о государстве, политике и власти к многомерному, междисциплинарному полю исследований. В этом сложном и динамичном ландшафте особое место занимает теория политики – область, которая является квинтэссенцией фундаментальных знаний о политическом.

В условиях стремительных глобальных изменений всей политической архитектуры мира и усложнения политических процессов, возрастает потребность в их глубоком концептуальном осмыслении. Эмпирические данные не могут быть интерпретированы и осмыслены вне теоретического контекста. Это означает, что место и роль теории политики можно определить не только как историческое ядро политической науки, но и продемонстрировать её актуальную и незаменимую роль в современном политическом анализе, методологии и нормативном целеполагании.

Теория политики – старейшая часть политической науки, уходящая корнями в Античность. Уже Платон и Аристотель заложили основы систематического изучения политики, задав вопросы о природе справедливости, идеальном государстве, формах правления и целях политического сообщества, которые оставались центральными на протяжении всей истории политической мысли – от Средневековья до Нового времени.

В XIX и начале XX века политическая теория начала отделяться от чистой философии. Настоящим интеллектуальным прорывом стал марксизм как учение, объединяющее теории труда и капитала, социально-формационный подход к развитию исторического процесса и политических институтов с теорией революции, и, в целом, марксистская парадигма изучения политики, а также рационально-критическая парадигма государства и власти М. Вебера, теории элит, корпоративистский подход [1, с. 47–52].

Вызов статусу теории политики был брошен в середине XX в. с расцветом бихевиоризма. Акцент на количественных методах, наблюдаемом поведении и «научной» строгости привел к некоторому снижению интереса к нормативной и исторической полити-

ческой теории, которая часто воспринималась как «умозрительная» или «схоластическая». А. В. Павлов отмечает, что после «бихевиоральной революции» стало казаться, что теория политики это сплошные «вопросы без ответов». ... Все эти подходы к политической теории и ответы на вопрос, чем является «политическая теория», разнятся не только по своему значению и той роли, которую они сыграли в истории политического знания, но и по своему методологическому инструментарию, а также предмету, который каждый из этих подходов ставит во главу угла [2, с. 55–65].

К концу 1960-х – началу 1970-х годов произошел «ренессанс» политической теории (Дж. Ролз, Х. Арендт, Ю. Хабермас, Н. Луман и др.) Было осознано, что эмпирические исследования, лишённые теоретической базы, рискуют стать бессмысленным набором фактов, а политическая наука без нормативного измерения теряет способность к критическому анализу и целеполаганию. Здесь необходимо акцентировать внимание на возвращение к изучению политики уже в рамках системного подхода Т. Парсонсом, Д. Истоном, К. Дойчем, теоретическое обоснование места и роли политической культуры Алмондом и Инглхарт, мир-системный подход И. Валлерстайна.

Отдельным генеральным направлением в теории политики стало теоретическое и прикладное обоснование государственной политики, особенно активно развивающееся в Беларуси и России. Большой вклад в его развитие внесли белорусские ученые Н. А. Антанович (теория и методология анализа государственного управления), Г. А. Василевич (конституционно-правовые основы государственного управления), С. В. Решетников (принятие политических решений), В. Н. Ватыль (сущность государства и государственного управления), О. И. Чуприс (государственная служба), Э. Н. Северин (государственная политика в области прав человека) и др., российские ученые Б. А. Исаев (взаимосвязь государственной политики и геополитики), Т. А. Алексеева (государственная политика в современных политических теориях) и др.

В БГУ в рамках учебного курса «Теория политики» студенты-политологи помимо классических подходов изучают и такие актуальные проблемные области теоретических исследований, как политическая антропология, теория политических конфликтов, новые концепции политики и т.д. [3]. Целью преподавания является также необходимость способствовать выработке мировоззренческих установок гражданственности и ценностной жизненной позиции, патриотизма будущих специалистов в русле идеологии белорусского государства.

Теория политики выполняет ряд критически важных функций. В концептуальной (онтологической) функции теория политики выступает источником и хранителем основных понятий и категорий, которыми оперирует политическая наука. Она отвечает на фундаментальные вопросы происхождения, сущности, эволюции политического и формирует разнообразные исследовательские подходы к их определению.

В рамках методологической функции политическая теория предлагает различные подходы и парадигмы для изучения предмета. Она формирует рамки для формулирования исследовательских вопросов, выдвижения гипотез и интерпретации данных.

Политическая теория также выполняет критическую и нормативную функции. Критическая функция одна из наиболее отличительных и важных функций политической теории. В отличие от эмпирических исследований, которые описывают «то, что есть», теория политики активно занимается вопросами «того, что должно быть», например поиск оптимальных вариантов государство-строительства. Она подвергает беспристрастному анализу существующие политические институты, практики и идеологии, выявляет

их специфику, ограничения и когерентность текущей политической реальности. При этом она обеспечивает сохранение «идеальных моделей» и делает их инструментом научного анализа. Нормативная теория предлагает идеалы, принципы и критерии для оценки политической жизни, а также разрабатывает модели «идеального» политического устройства. Без этих функций политическая наука рискует стать чисто технологической дисциплиной, лишенной в значительной степени этического и нравственного измерения.

Основываясь на понимании природы политических явлений и их исторической динамики, теория политики может способствовать прогнозированию возможных сценариев развития событий. Она выявляет глубинные тенденции, потенциальные конфликты и точки роста. Более того, теоретические дискуссии постоянно генерируют новые исследовательские вопросы, стимулируют междисциплинарные связи и открывают новые горизонты для эмпирических исследований. Таким образом, политическая теория выполняет прогностическую и эвристическую функции.

Современная политическая теория сталкивается с рядом серьезных вызовов, которые связаны как с углублением, так и с высокой специализацией политического знания и его расширением. Углубление специализации внутри самой политической науки может привести к относительной изоляции теории от эмпирического знания. Требование релевантности (немедленной применимости) и решения текущих задач может отвлекать от фундаментальных, долгосрочных теоретических исследований, результаты которых не всегда очевидны в моменте и привести к недооценке качественного, ценностного, сравнительного и нормативного анализа, который является прерогативой теории.

Немаловажным является и вызов, связанный с постмодернистской критикой универсализма, его истин и метанарративов. Характерная для постмодернизма черта критического анализа – «ничто не истинно, все возможно, все верно», ставит под вопрос возможность построения всеобъемлющих политических теорий.

При этом перспективы развития политической теории остаются обнадеживающими. Будущее теории политики определяется неизменной целью создавать универсальные теории высшего порядка с высоким прогностическим и эвристическим потенциалом, необходимостью осмысления политических процессов в незападных культурах, развитие неевропоцентричных политических теорий, изучение аутентичного, национального опыта государство-строительства и разработкой теоретических подходов к осмыслению цифровой политики, искусственного интеллекта, экологической справедливости, новых форм неравенства и конфликтов [3]. Особенно значимым становится восстановление нормативного измерения политики, усиление роли теории в формулировании этических принципов и ценностей для современного политического действия.

В условиях постоянно меняющегося мира, роль теории политики как ориентира, указывающего направление для осмысленного исследования и ответственного действия, становится только важнее. Вклад в развитие политической теории – это вклад в фундаментальное наполнение и, одновременно, релевантность всей политической науки.

Библиографический список

1. Политическая теория : учебник для академического бакалавриата / под ред. Б. А. Исаева. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2017. – 435 с.
2. Павлов, А. В. «Гражданская война» в политической теории / А. В. Павлов // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 40 – 65.
3. Теория политики : пособие / Н. А. Антанович [и др.] ; под ред. Н. А. Антанович. – Минск : БГУ, 2024. – 327 с.

КОАЛИЦИОННЫЙ ФУНДАМЕНТ УСТОЙЧИВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. Н. Левчук

*главный научный сотрудник Научно-исследовательского института
Вооруженных Сил Республики Беларусь,
доктор политических наук, доцент
1234_73@list.ru*

Н. И. Пастух

*начальник научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского
института Вооруженных Сил Республики Беларусь,
кандидат юридических наук
pastuh.nii@mod.mil.by*

В статье раскрывается преемственность политики государств-членов ОДКБ по формированию устойчивой архитектуры евразийской безопасности.

Ключевые слова: ОДКБ; международная безопасность; евразийская безопасность; коалиции; баланс сил; НАТО.

С 1 января 2025 г. в ОДКБ председательствует Кыргызстан. Президент Кыргызстана Садыр Жапаров, выступая на сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 28 ноября 2024 г. в Астане, отметил, что особое внимание будет уделяться продолжению диалога с международными организациями и третьими странами в сферах, представляющих взаимный интерес для усиления роли ОДКБ в вопросах поддержания мира и безопасности. Кыргызстан будет содействовать углублению сотрудничества с профильными структурами СНГ и ШОС в борьбе с международным терроризмом, продолжит работу по продвижению позитивного образа Организации в медийной сфере [1]. На сессии Совета коллективной безопасности (СКБ) ОДКБ 23 ноября 2023 г. накануне председательства в ОДКБ Казахстана Касым-Жомарт Токаев также предложил ряд приоритетов деятельности организации. Они совместимы с видением председательствовавшей в 2023 г. Беларуси и созвучны с приоритетами Кыргызстана на 2025 г., что указывает на преемственность политики ОДКБ в данной сфере.

Разрушение архитектуры международной, а, следовательно, и евразийской безопасности, как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, обусловлено нарушением сложившегося стратегического баланса сил, вовлечением в сферу влияния Запада третьих стран без предоставления им членства, в том для ведения прокси-войн, как это произошло в Украине. В данном контексте ОДКБ является фактором достижения стратегического баланса сил на Евразийском континенте. В 2023 г. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев назвал следующие приоритеты уже состоявшегося в 2024-м председательства страны в ОДКБ. Первое – сотрудничество ОДКБ с заинтересованными странами и международными организациями в сфере безопасности.

Он предложил сосредоточиться на поддержании наработанного уровня взаимодействия с ООН и ее структурами [2].

Второе – взаимодействие по вопросам военного сотрудничества, поскольку в до-работке нуждалась нормативно-правовая база по вопросам обеспечения оперативного развертывания Коллективных сил ОДКБ. Третье – развитие сотрудничества по противодействию международному терроризму и экстремизму. Как отметил Президент Казахстана, организация также должна противодействовать незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Значимыми направлениями работы были названы борьба с незаконным оборотом оружия и организованной транснациональной преступностью, углубление сотрудничества по вопросам предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, противодействие преступлениям в сфере информационных технологий [2].

На сессии СКБ ОДКБ в речи по поводу завершения председательства Беларуси 23 ноября 2023 г. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко сделал акценты, касающиеся построения устойчивой архитектуры международной безопасности. Он напомнил об учебной отработке в 2016 г. сценария нанесения ядерного удара по Беларуси, инициированного администрацией «так называемого лауреата Нобелевской премии мира Барака Обамы» [3]. По замыслу учений Беларусь даже не была вовлечена в конфликт. Президент Беларуси выразил беспокойство по поводу охватившего мир предчувствия глобальной катастрофы: «из искры регионального конфликта может разгореться пламя новой мировой войны... Об этом говорят часто и много, а за океаном только и ждут, что в нее будут втянуты страны, близкие к линии зоны ответственности ОДКБ... Этот так называемый управляемый хаос, муть – то, чего желают Соединенные Штаты и Запад» [3].

Украинский театр военных действий стал для Запада испытательным полигоном, на котором вырисовывается образ вооруженного конфликта будущего. Связь – основа боевого управления войсками, силами и средствами, гарантирующая оперативную передачу приказов командования, данных разведки и целеуказаний. На украинском театре военных действий в интересах украинских войск работают более 500 спутников США и НАТО. На земле, на воде и в воздушном пространстве украинские войска обеспечивает связью и данными «гражданская» компания Starlink. Без этой системы невозможна онлайн-передача Украине разведданных, целеуказаний, навигации подразделений и беспилотников. В настоящее время российский аналог Starlink – 96 спутников компании SR NET – полностью охватывает территорию России широкополосным доступом в сеть [4].

Очевидно, что современная война перемещается в космос. Беспилотники становятся расходным материалом на поле боя, они будут «умнеть», их возможности будут возрастать. На эту тревожную тенденцию необходимо реагировать адекватно и оперативно – стремительно наращивать производство беспилотников. В настоящее время Россия становится мировым лидером в области разработки, производства и боевого применения дронов-камикадзе с искусственным интеллектом, новых систем радиоэлектронной борьбы, способных подавлять своим сигналом спутники на геостационарной орбите.

США и НАТО на Украине отработали новые технологии боевого управления войсками, совершенствовали средства онлайн-передачи данных о дислокации российских войск, тактику массированного и комбинированного применения беспилотников и морских дронов-камикадзе. Украинскому конфликту высокой интенсивности в XXI в. аналогов нет [4]. На фоне стремительно изменяющегося облика современной войны подходы

к обеспечению военной безопасности объективно не могут оставаться неизменными [5]. На государственном и межгосударственном уровнях требуется формулирование и закрепление новых идей и взглядов. Такая работа ведется Генеральным штабом Вооруженных Сил Республики Беларусь. Предлагаемые новации были отражены в Военной доктрине (решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 6), Планы обороны и других документах по строительству и развитию военной организации Беларуси. Реализованные в этих актах современные подходы к обеспечению военной безопасности отражают военную политику государства, соответствуют требованиям времени и перспективам развития Беларуси в контексте коллективной безопасности.

Белорусское председательство в ОДКБ в 2023 г. проходило под девизом «Через солидарность и сотрудничество – к миру и безопасности». Президент Республики Беларусь считает, что только наличие мощного оружия гарантирует безопасность в регионе и дает право голоса на международной арене. [3]. На внутреннем контуре Беларуси стремилась повысить сплоченность государств–членов ОДКБ в целях укрепления самой организации, а также обеспечения безопасности и стабильности в зоне ответственности. На внешнем контуре целью председательства Беларуси было усиление роли и значимости организации в системе международных отношений. По итогам председательства Беларуси в ОДКБ была подписана декларация СКБ ОДКБ, призванная подчеркнуть основополагающие принципы деятельности организации, в которой выражается позиция ОДКБ по актуальным проблемам международной безопасности. Принято решение о мерах по развитию системы кризисного реагирования ОДКБ. В новой редакции утверждено положение о порядке реагирования ОДКБ на кризисные ситуации и о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ [3]. Приоритеты других стран–членов ОДКБ в ходе их председательства в организации созвучны с белорусскими инициативами.

Укрепление ОДКБ отвечает вызовам времени. Военно-политическая обстановка в Восточноевропейском регионе коллективной безопасности ОДКБ остается нестабильной, ее развитие идет по негативному сценарию. Жесткими и бескомпромиссными стали отношения геополитических центров силы. Под сомнение поставлена сама целесообразность участия представляющих их стран в международных договорах о мерах безопасности и доверия. На региональном уровне ориентированность на противостояние нашла свое отражение в военно-политических документах практически всех государств Запада.

В 2018 г., выступая на встрече Основной группы Мюнхенской конференции по безопасности, А. Г. Лукашенко охарактеризовал обстановку в мире и непосредственно вокруг Республики Беларусь, следующим образом: «Наша планета подошла к краю пропасти, за которой находится глобальный конфликт» [6]. В геометрической прогрессии растут интенсивность и масштабы мероприятий оперативной и боевой подготовки НАТО на границе с Беларусью. Происходит дальнейшее нарастание конфликтного потенциала в Восточноевропейском регионе при том, что на территории Украины уже разгорелся вооруженный конфликт. Происходящие в сфере европейской безопасности трансформации поражают своими масштабами и динамикой. При этом абсолютно очевидно – спектр военных опасностей в современных

условиях существенно расширился. Опасности стали комплексными – их корни зачастую выходят за рамки чисто военной сферы [7]. Реальными центрами силы современности становятся транснациональные корпорации.

В условиях нарастания военно-политической напряженности в Восточноевропейском регионе коллективной безопасности залогом поддержания мира и стабильности в Европе и на Евразийском континенте в целом является развитие коалиционных механизмов обеспечения безопасности в рамках ОДКБ. Целями организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам. Их достижение обеспечивается согласованной и преемственной политикой, проводимой государствами-членами ОДКБ по формированию устойчивой архитектуры евразийской безопасности [8], в том числе в рамках поочередного председательства в данной организации. Именно поэтому в качестве одной из целей военной политики Беларуси провозглашено укрепление в рамках ОДКБ региональной системы коллективной безопасности, меры по повышению сплоченности государств-членов организации, совершенствованию системы кризисного реагирования, а также расширению участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности. Активное участие в деятельности ОДКБ для Беларуси является неотъемлемой составляющей обеспечения евразийской безопасности, устойчивая архитектура которой выстраивается на коалиционном фундаменте ОДКБ.

Библиографический список

1. Председательство в ОДКБ с 1 января 2025 г. перешло к Кыргызской Республике // Парламентская ассамблея ОДКБ. – 2025. – URL: <https://paodkb.org/events/s-1-yanvary-a-nachalos-predsedelstvo-kyrgyzstana-v> (дата обращения: 19.05.2025).
2. Казахстан возглавил ОДКБ // Tengri News. – 2024. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakhstan-vozglavil-odkb-521975/ (дата обращения: 14.05.2025).
3. Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ // Президент Республики Беларусь. – 2023. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/sammit-organizacii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 19.05.2025).
4. Хроленко, А. СВО: три новых технологии Пентагона на украинском ТВД / А. Хроленко // Sputnik. – 2023. – URL: <https://sputnik.by/20230926/svo-tri-novykh-tehnologii-pentagona-na-ukrainskom-tvd-1079766847.html> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Муравейко, П. Н. Реализация прогностической функции военной науки / П. Н. Муравейко // Наука и военная безопасность. – 2024. – № 3. – С. 2–8.
6. Открытие встречи Основной группы Мюнхенской конференции по безопасности // Президент Республики Беларусь. – 2018. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/otkrytie-vstrechi-osnovnoj-gruppy-mjunchenskoj-konferentsii-po-bezopasnosti-19782> (дата обращения: 19.05.2025).
7. Тумар, В. Киберпространство как среда военных действий: подходы в контексте Концепции информационной безопасности Республики Беларусь / В. Тумар, Н. Левчук // Беларус. думка. – 2020. – № 1. – С. 20–25.
8. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на II Минской международной конференции по евразийской безопасности // Президент Республики Беларусь. – 2024. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/ii-minskaa-mezdunarodnaa-konferencia-po-evrazijskoj-bezopasnosti> (дата обращения: 19.05.2025).

ИНСТРУМЕНТЫ И ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д. В. Белявцева

*доцент кафедры политологии
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат политических наук, доцент
belyavtseva@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности национального строительства на современном этапе. Выделяются инструменты и факторы эволюции территориальной организации. Анализируются изменения в механизмах взаимодействия центральных и местных органов власти Республики Беларусь.

Ключевые слова: государственное строительство; территориальная организация государства; территориальное устройство государства; отношения центр–регионы.

Одним из важнейших вопросов государственного строительства является вопрос территориальной организации государства. Государственное строительство как стратегический уровень государственного управления всегда отражает сущность государственной власти, расстановку политических сил, уровень развития экономики, особенности внешнего окружения. Оно определяется не только политической волей правящих элит, но и историческими, социокультурными особенностями населения, проживающего на территории данного государства.

Модели территориальной организации государства, в первую очередь, нацелены на обеспечение его безопасности, суверенитета и управляемости и являются устойчивыми характеристиками государства. Тем не менее, в условиях активных изменений параметров внешнего и внутреннего развития государственных образований вопросы стратегического уровня государственного строительства приобретают особую актуальность и заставляют субъектов территориально–властных отношений корректировать модель территориальной организации государства. Современность демонстрирует существенные сдвиги в геополитических и экономических процессах и отношениях и выдвигает проблематику территориальной организации государства на авансцену государственного строительства в Республике Беларусь.

Государственное строительство как результат есть территориальное устройство государства или государственное устройство, система взаимоотношений между государством в целом, его центральной властью и территориальными составными частями, точнее населением территориальных частей и действующими там органами публичной власти.

В XX–XXI вв. в отечественном дискурсе доминировало стремление к отражению вопросов государственного строительства с позиций правового (нормативного) и политико-правового (политико-нормативного) подходов. В частности, термин «административно–хозяйственное деление» подчеркивал активную роль государства в области экономики, соответствовал этапам существенных экономических преобразований и отражал функциональные аспекты строительства. Сегодня он, по сути, закреплён в нормативных

документах и доминирует при изучении унитарных образований. Например, в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь» вышеуказанный термин определяется как деление территории Республики Беларусь на определенные части в целях эффективной организации государственного управления и местного самоуправления, обеспечения законности и правопорядка, реализации прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь.

Государственное строительство как процесс есть целенаправленное формирование отношений между центром и регионами. Субъектами этого процесса являются, в первую очередь, органы государственной власти, а также иные политические институты, которые могут действовать опосредованно, пытаясь влиять на органы государственной власти.

Модель государственного строительства подвержена корректировке с учетом исторического и геополитического контекста. Динамика в рамках указанных процессов может быть обозначена как «маятник государственного строительства». Выбор направления эволюции модели территориального устройства отражает баланс отношений между центральной и местной властью с учетом цивилизационных и ценностных оснований государственности.

Сегодня в научном дискурсе и политической практике наблюдается обращение к процессуальным вопросам территориально-властного обустройства в контексте децентрализации процессов управления, что есть отражение политической воли правящих элит и их стремления выстраивать новые отношения между центром и регионами. А. Г. Лукашенко, анализируя процессы региональной интеграции, в частности отмечал, что «ЕАЭС, СНГ и Союзное государство – это разные форматы сложившейся многоуровневой интеграции... Но это воля глав государств, правительств, элиты этих государств» [1].

Процессы территориальной организации государства также определяются политико-идеологическими особенностями и традициями политического пространства. Так, в преамбуле Конституции Республики Беларусь обозначается значимость многовековой истории развития белорусской государственности, культурных и духовных традиций народа Беларуси, а в ст. 4 – идеологии белорусского государства – для функционирования и развития государства. Актуализация цивилизационных, ценностных и идеологических составляющих в государственном строительстве Республики Беларусь подчеркивает тот факт, что в основе понятия «территориальная организация государства» лежит трактовка последнего не только как географического, но и политического явления.

Важнейшим фактором положительной национальной динамики во всех сферах жизни общества сегодня становится формирование модели территориального устройства, предполагающей расширение полномочий территориальных субъектов власти и обеспечение потребностей субъектов территориальных сообществ. Ключевыми инструментами эволюции модели территориальной организации власти становятся политико-правовые решения по изменению механизмов взаимодействия общенациональных и региональных органов управления, позволяющие сохранить суверенитет, адаптироваться к новым вызовам и создать институты и каналы связи с внутренней и внешней средой. Изменения во взаимоотношениях центральных и местных властей должны учитывать цивилизационные и ценностные основания государственности, а также потенциал, потребности и самобытность территорий.

Политическая воля в данном вопросе реализована в ряде нормативных правовых актов Главы государства. Указ Президента Республики Беларусь № 74 от 21 февраля 2025 г. «Об усилении роли председателей исполнительных комитетов базового уровня в развитии регионов» определил новые инструменты для повышения благосостояния регионов и благополучия граждан через усиление статуса местных исполкомов и их председателей, более эффективное местное управление. В частности, расширены финансовые возможности исполкомов базового уровня для развития территорий и удовлетворения потребностей граждан. Существенно расширены кадровые полномочия местных исполкомов и их председателей в отношении государственных органов и иных организаций, действующих на соответствующей территории. Председатели рай-, горисполкомов получили право наряду с изданием распоряжений выносить письменные требования (предписания) об устранении нарушений законодательства и о привлечении к дисциплинарной ответственности работников. Требования (предписания) могут быть адресованы руководителям нижестоящих исполкомов и иных расположенных на соответствующей территории организаций. Эти меры позволят укрепить влияние местных органов власти на ситуацию в регионе, повысить эффективность их работы.

Директива Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 предполагает оптимизацию структуры и численности местных органов власти, привлечение на государственную службу лиц, способных по своим знаниям, навыкам и деловым качествам работать с учетом современных политических и социально-экономических вызовов. Местные исполнительные и распорядительные органы совместно с Правительством обязаны принимать меры по мотивации участия граждан в экономике страны, стимулированию их трудоустройства.

В соответствии с Директивой Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 местные Советы местные исполнительные и распорядительные органы власти определены как субъекты реализации идеологии белорусского государства. Формами коммуникации власти и общества, в том числе на региональном уровне определены отчеты власти перед населением, встречи с трудовыми коллективами, общественные обсуждения. Координация идеологической работы на определенной территории с учетом комплексного подхода осуществляется местными исполнительными и распорядительными органами.

Таким образом, территориальная организация государства определяется конфигурацией политического пространства и может подвергаться динамике с учетом необходимости обеспечения безопасности, территориальной целостности и устойчивого развития государства в условиях внутренних и внешних вызовов. Ключевыми инструментами эволюции модели территориальной организации государства являются политическая воля правящей элиты, нормативные правовые документы и потенциал, потребности и самобытность территорий. Выбор направления эволюции модели территориального устройства отражает баланс отношений между центральной и местной властью с учетом цивилизационных и ценностных оснований государственности.

Библиографический список

1. Встреча с Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии Бакытжаном Сагинтаевым, 26 февраля 2024 г. // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predsdatelem-kollegii-evraziyskoy-ekonomicheskoy-komissii-bakytzhanom-sagintaevym?openVideo=true> (дата обращения: 27.06.2025).

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. МИЦКЕВИЧА В СТРУКТУРЕ ГРОДНЕНСКОГО
ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ (1988–1991 гг.)**

О. Г. Казак

*заведующий кафедрой политологии социально-экономического факультета
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат исторических наук, доцент
kazak_og@bseu.by*

В статье рассматриваются основные направления взаимодействия Гродненского областного отделения Советского фонда культуры с польскими организациями БССР в позднесоветский период. Основу источниковой базы статьи составили впервые вводимые в научные оборот документы Государственного архива Гродненской области.

Ключевые слова: национальные меньшинства; межнациональные отношения; поляки; Польское культурно-просветительское общество им. А. Мицкевича; Советский фонд культуры.

В период перестройки в Советской Беларуси наблюдалась резкая активизация культурной деятельности общественных объединений, представлявших интересы национальных меньшинств. Это касается и кристаллизации польского этнополитического движения в Беларуси (по данным переписи населения, в БССР в 1989 г. проживало порядка 417 тыс. поляков, около 300 тыс. из них – в Гродненской области). Анализ документов Гродненского областного отделения Советского фонда культуры (далее – СФК) позволяет утверждать, что даже в сложный в общественно-политическом и социально-экономическом плане позднесоветский период в Беларуси предпринимались необходимые меры для сохранения этнокультурного разнообразия и удовлетворения адекватных культурных запросов национальных меньшинств.

Инициатива создания культурно-просветительских институций польского меньшинства в БССР исходила от руководства Гродненского областного отделения СФК. На заседании отделения 26 июня 1988 г. было принято решение об учреждении польских культурно-просветительских секций и создании инициативных групп в г. Гродно, г. Лида, Волковысском, Гродненском, Свислочском, Щучинском, Берестовицком районах (всего – 12 человек). Члены инициативных групп в основном занимались преподавательской и творческой деятельностью (и.о. доцента Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (далее – ГрГУ им. Янки Купалы) Г. Ч. Шушкевич, директор Лидского краеведческого музея И. Ф. Тимашевский, учитель русского языка средней школы № 1 г. Щучина В. Ф. Веткевич и др.), некоторые лица работали в органах местного управления (секретарь Волковысского районного исполнительного комитета Д. Ф. Миклашевич, председатель плановой комиссии Берестовицкого районного исполнительного комитета Я. В. Липницкая) [1, л. 15–17]. 30 августа 1988 г. на очередном заседании Гродненского областного отделения СФК на основе польских секций было создано Польское культурно-просветительское общество им. А. Мицкевича (далее – ПКПО им. А. Мицкевича), которое возглавил Т. Ф. Гавин.

С самого начала функционирования ПКПО им. А. Мицкевича действовало в тесном контакте с Гродненским областным отделением СФК. Заместитель председателя президиума отделения Н. А. Труханович одновременно являлась членом правления ПКПО им. А. Мицкевича и принимала активное участие в работе последнего. К середине октября 1988 г. ПКПО им. А. Мицкевича насчитывало около 2 тыс. человек, отделения организации действовали в сельских населенных пунктах Сопоткин и Голынка (Гродненский район), г. Новогрудке, группы любителей польской культуры функционировали в г. Мосты, г. Волковыске, городских поселках Ивье и Берестовица. При содействии областного отделения СФК ПКПО им. А. Мицкевича провело торжественное собрание, посвященное 45-летию Войска Польского (26 декабря 1988 г.) [2, л. 5 об.; 3, л. 9].

Руководство Гродненского областного отделения СФК пыталось привлечь дополнительные средства для финансирования деятельности ПКПО им. А. Мицкевича. Так, председатель президиума областного отделения СФК С. А. Габрусевич в апреле 1990 г. направил руководителям крупных предприятий области письма с просьбой оказать материальную помощь полонийной организации. Подчеркивалось, что данная помощь «будет способствовать развитию, дружбе и взаимообогащению белорусской, польской и других национальных культур на Гродненщине». Аналогичные по содержанию письма за подписью Н. А. Труханович были направлены председателям колхозов Щучинского, Вороновского и Островецкого районов [3, л. 21–22]. В условиях экономических сложностей периода перестройки, однако, заметного отклика руководителей предприятий подобные обращения не имели. Эту тенденцию отметила Н. А. Труханович в статье в областном издании «24 часа» в 1991 г. [4, с. 5].

Руководитель Гродненского областного отделения СФК С. А. Габрусевич всегда подчеркивал свое позитивное отношение к культурным проектам поляков БССР. Так, во время выступления перед населением Берестовицкого района в ходе электоральной кампании по выборам в Верховный Совет БССР 12 февраля 1990 г. С. А. Габрусевич отметил необходимость открытия в области польских школ и классов и сообщил, что как проректор ГрГУ имени Янки Купалы приложил немало усилий для организации польско-белорусского и польско-русского отделений [5, с. 1].

1 февраля 1989 г. состоялся пленум Гродненского областного отделения СФК, в президиум которого был избран Т. Ф. Гавин. Председатель полонийной организации выразил благодарность С. А. Габрусевичу и Н. А. Труханович за всестороннее содействие работе ПКПО им. А. Мицкевича. Кроме того, Т. Ф. Гавин сообщил о начале взаимодействия с областным и районными управлениями народного образования в деле подбора и подготовки учителей польского языка [6, л. 11–13]. В то же время в ходе пленума звучала осторожная критика работы ПКПО им. А. Мицкевича. Председатель краеведческой комиссии областного отделения СФК, декан исторического факультета ГрГУ им. Янки Купалы В. Н. Черепица рекомендовал польскому общественному объединению более тесно взаимодействовать с другими национально-культурными организациями области [6, л. 9–10]. Данную точку зрения разделял доцент ГрГУ им. Янки Купалы, известный литературовед

и краевед А. М. Петкевич. Он обратил внимание, что во время празднования юбилея А. Мицкевича в г. Гродно организация польского национального меньшинства не присоединилась к общегородским мероприятиям, а провело отдельный вечер, что могло трактоваться как стремление к национальной изолированности [6, л. 29–30]. Определенные опасения в связи с деятельностью ПКПО им. А. Мицкевича, отдельные аспекты которой характеризовались чрезмерной напористостью, выразил руководитель республиканского отделения СФК И. Г. Чигринов во время встречи руководства Коммунистической партии Белоруссии с представителями Союза писателей БССР 17 ноября 1988 г. В то же время И. Г. Чигринов отмечал, что в целом этнополитические движения национальных меньшинств были «здоровыми и интересными», и призывал власти к конструктивному взаимодействию с этими движениями [7, с. 176–177].

Таким образом, в позднесоветский период Гродненское областное отделение СФК оказывало всестороннюю организационную, методическую и материальную поддержку ПКПО им. А. Мицкевича, рассматривая деятельность полонийной организации как инструмент гармонизации межнациональных отношений и обогащения культурного наследия Беларуси. Вместе с тем руководство республиканской и областной структур СФК подчеркивало нежелательность отдельных аспектов деятельности организации, направленных на искусственную политизацию этничности и национальную изолированность.

Библиографический список

1. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 288. Оп. 1. Д. 9.
2. ГАГр. – Ф. 288. Оп. 1. Д. 10.
3. ГАГр. – Ф. 288. Оп. 1. Д. 14.
4. Труханович, Н. Проекты, планы, поиски / Н. Труханович // 24 часа. – 1990. – 27 марта. – С. 5.
5. Лук'яненка, У. Сустрэчы з выбаршчыкамі / У. Лук'яненка // За камунізм. – 1990. – 17 лютага. – С. 1.
6. ГАГр. – Ф. 288. Оп. 1. Д. 15.
7. Пушкін, І. М. Удзел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919–1990 гг.) : манагр. / І. А. Пушкін. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2010. – 319 с.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

А. И. Минаева

*преподаватель кафедры теории государства и права Московского
государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
lab.ktgp@msal.ru*

В статье рассматриваются отдельные аспекты и направления цифровизации государственного управления, представлены результаты анализа таких категорий как «цифровое государство», «цифровой суверенитет», «цифровая зрелость» и других, а также развитие нормативного регулирования цифровой трансформации российского государства.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления; цифровое государство; цифровой суверенитет; электронный чиновник; государственная информационная система; цифровая зрелость.

В настоящее время получил распространение термин «Индустрия 4.0», который связан с активной автоматизацией и роботизацией производства, использованием технологий «Big Data» (массивов данных большого объема, обрабатываемых при помощи автоматизированных инструментов), «Интернета вещей» (глобальной вычислительной сети, объединяющей в себе различного рода физические объекты, способные взаимодействовать между собой и внешним миром), виртуальной и дополненной реальности, квантовых вычислений, блокчейн технологий и так далее. Проникновение цифровых технологий в государственное управление привело к появлению таких категорий, как «цифровое государство» и «цифровой суверенитет».

Термин «цифровое государство» является достаточно дискуссионным, поскольку дословно «цифровой» означает выраженный цифрами. Понятно, что государство не может быть цифровым в буквальном смысле слова. В 2019 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации заявило о выделении 526 млн. рублей на популяризацию «цифрового государства», четко не определяя само понятие, его сущность и содержание. Трактовать понятие «цифровое государство» можно как комплекс инфраструктуры, связанный с оказанием государственных услуг и осуществлении других государственных функций посредством цифровых технологий; большую технологическую платформу, представляющую собой различные объекты цифровой инфраструктуры (облачные технологии, технологии дополненной реальности, «Интернет вещей», «Big data», искусственный интеллект и др.), а также как новый подход к осуществлению государственного управления, предполагающий высокую децентрализацию государственной власти и появления новых «цифровых» субъектов государственной власти.

При этом в рамках «цифрового государства» выделяют такие структурные элементы как «цифровое правительство» («электронное правительство»); «цифровая демократия» («электронная демократия»); «цифровое правосудие» («электронная судебная система», «электронное судопроизводство»); «цифровой общественный контроль над государственным управлением» [1, с. 48].

«Цифровое государство» не может представлять собой самостоятельную категорию, так как сущность государства как организации политической власти, обладающий территорией, суверенитетом, монополией на издание законов и установление и сбор налогов, аппаратом принуждения не поменялась. Также представляется недостаточно обоснованным говорить, скажем, о так называемых электронных чиновниках, как о новых самостоятельных субъектах государственного управления. Концепция «электронного (цифрового) чиновника» означает процесс оптимизации деятельности государственных органов путем унификации отчетности и сокращения документооборота на бумажных носителях.

В 2024 г. Президентом Российской Федерации было дано поручение Правительству Российской Федерации разработать национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», предусмотрев формирование к 2030 г. цифровых платформ во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы, а также в сфере государственного управления; повышение доли предоставляемых массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде в проактивном режиме с использованием в том числе технологий искусственного интеллекта в общем объеме таких услуг (Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом Российской Федерации 30 марта 2024 г. № Пр-616). Кроме того, в целях обеспечения технологического суверенитета России Правительству России было поручено обеспечить разработку, утверждение и реализацию новых национальных проектов по такому направлению, как цифровая трансформация государства.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется федеральный проект «Цифровое государственное управление», который направлен на развитие указанных выше направлений, а также на достижение «цифровой зрелости» в ключевых отраслях экономики и сферы государственного управления.

«Цифровая зрелость» государственного и муниципального управления является одним из показателей, необходимых для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц и исполнительных органов субъектов Российской Федерации. В настоящее время в России утверждена Методика расчета фактически достигнутого значения (уровня) показателя «Цифровая зрелость» государственного и муниципального управления (Приложение № 16 к Постановлению Правительства Российской Федерации от 28 января 2025 г. № 58 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации»). Можно сказать, что речь идет о контроле со стороны государства за внедрением в субъектах России цифровых технологий в такие области как городская среда и жилищно-коммунальное хозяйство; здравоохранение; образование (общее); физическая культура и спорт; транспорт; туристская индустрия.

Отдельным крупным направлением в рамках цифровой трансформации государства является формирование государственных информационных систем, под которыми согласно п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. В соответствии со ст. 14 указанного закона такие системы создаются в целях реализации полномочий государственных органов

и обеспечения обмена информацией между этими органами на основе статистической и иной документированной информации, предоставляемой физическими лицами, организациями, государственными органами, органами местного самоуправления. Так, на сегодняшний день в России действуют, например, Федеральная государственная информационная система координации информатизации (ФГИС КИ); Единая информационная система Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ЕИС Роскомнадзора); Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) и другие.

Цифровая трансформация государства, с одной стороны, может повышать эффективность государственного аппарата за счет экономии времени и сокращения бумажного документооборота в рамках межведомственного взаимодействия, отчасти снижать коррупционную составляющую за счет сокращения личной коммуникации заинтересованных субъектов с государственными служащими при оказании тех или иных государственных услуг, а также способствовать принятию управленческих решений на основе автоматизированной обработки больших данных.

С другой стороны, в условиях развития цифровых технологий большое значение имеет принцип равноправия, реализация которого возможна только при равном доступе субъектов права к цифровой инфраструктуре, при чем доступ опосредуется определенными технологическими, экономическими условиями, а также достаточным уровнем знаний о цифровой среде. Отсутствие у лица навыков безопасного и эффективного использования цифровых технологий не позволит ему эффективно реализовывать свои права в цифровой среде. Дискриминация в цифровом пространстве может возникать из-за технической невозможности получить доступ к цифровой среде, то есть возможен так называемый цифровой разрыв (различия в возможности получить доступ и использовать в своих интересах объекты цифровой инфраструктуры) [2, с. 42]. Разница в уровне экономического благосостояния и образования, в территориальных (инфраструктурных) особенностях, поколенческая принадлежность, ставшие причиной цифрового неравенства, фактически ограничивают определенные группы граждан в реализации своих прав в отношениях с применением цифровых технологий, что может представлять собой определенную современную форму дискриминации. Кроме того, серьезной проблемой является риск утечки данных, который особенно усиливается при централизации их сбора и хранения на единых информационных платформах.

В связи с чем остро встает вопрос об обеспечении «цифрового суверенитета» государства. Само понятие «цифровой суверенитет» является также дискуссионным и может рассматриваться в различных контекстах: как верховенство власти государства в отношении применяемых цифровых технологий; как возможность контроля государства над цифровыми данными, над созданием и использованием цифровых технологий; как часть технологического суверенитета, то есть создание внутренних систем связи, собственного программного обеспечения, обеспечение деятельности исключительно национальных компаний в сфере цифровизации. Однако, представляется, что выделение отдельного вида суверенитета может приводить к некоторому размыванию его классического содержания как общего верховенства государства на своей территории и независимости от других государств при принятии управленческих решений. Контроль государства над функционированием цифровой среды и содействие развитию цифровых

технологий имеет значение практически для всех областей, в которых действует государство, влияет некоторым образом, если не на все, то на большинство функций государства, поэтому цифровой суверенитет должен восприниматься как элемент общего суверенитета государства.

Таким образом, необходимо рассматривать цифровые технологии как новое средство реализации государственных функций, при этом осознавая возможные риски при использовании цифровых технологий государственными органами, в частности, в вопросах сохранения в тайне сведений, составляющих основу деятельности государственного аппарата. Выделение таких понятий как «цифровое государство», «цифровой суверенитет», «цифровой чиновник», «цифровая армия» и так далее приводит, как представляется, к размыванию сущности категорий, к подмене содержания формой, субъекта (то есть самого государства) средствами (то есть цифровыми технологиями). Для дальнейшего развития государственного аппарата и нормативного регулирования его деятельности необходимо исходить из того, что все инновационные технологии современной действительности выступают инструментарием, позволяющим повысить эффективность государственного управления, но не могут становиться абсолютным приоритетом в общем массиве государственных задач.

Библиографический список

1. Понкин, И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология / И. В. Панкин // Государственная служба. – 2021. – № 5. – С. 47–52.
2. Артемова, С. Т. «Цифровой разрыв» и конституционные гарантии «цифрового равенства» / С. Т. Артемова, Н. А. Жильцов, О. И. Чердаков // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 41–45.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. И. Симановский

*доцент кафедры политологии
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат философских наук, доцент
simans@ya.ru*

Статья посвящена исследованию проблем патриотического воспитания белорусской молодежи как одного из направлений государственной молодежной политики.

Ключевые слова: патриотизм; молодежь; государственная молодежная политика; духовно-нравственное воспитание; историческая память.

Ускоряющееся развитие информационного общества, борьба за мировое лидерство различных центров сил приводят к нарушению глобальной системы межгосударственного сосуществования. Сохранять стабильность и поступательное развитие способны страны с устойчивой национальной идентичностью и высоким уровнем патриотизма граждан. В этой связи особенно актуальна задача формирования патриотизма и гражданских ценностей у молодежи, поставленная Президентом Республики Беларусь. Он подчеркнул, что «патриотизм – это и экономическая победа, и сохранение социальных устоев, традиций – это многоплановое понятие. В основе всех наших успехов лежит патриотизм. Не будет его – не будет никаких успехов... Начиная с рождения, через детский сад, школу, вуз, каждый должен не просто понять умом, но и впитать душой такие категории, как Родина, патриотизм, свой народ, своя история, культура» [1].

Для реализации патриотического воспитания молодежи как направления государственной молодежной политики актуальными являются «Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы» (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773), программа «Образование и молодежная политика на 2021 – 2025 годы» (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 57). Они определяют патриотическое и духовно-нравственное воспитание как систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у белорусской молодежи активной гражданской позиции, высокого патриотического сознания, уважения к национальным ценностям, готовности к участию в общественной жизни страны, выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей.

Примером воспитания патриотизма является совместная российско-белорусская деятельность в сфере сохранения общего исторического наследия, осуществляемая в рамках Союзного государства. Темой VII Форума регионов Беларуси и России (сентябрь 2020 г.) было историческое наследие Великой Победы как основы социально-экономических и духовных связей народов двух стран. Также отметим проект «Россия – Беларусь: Война.

Память. Семья», организованный осенью 2022 г. на базе филиала Национального исследовательского университета «МЭИ» в г. Смоленске и объединивший студентов Смоленской, Витебской и Могилевской областей [2, с. 3].

Тема исторической памяти присутствует и в повестке Белорусско–Российского молодежного форума. В центре внимания участников VIII Форума (2020) находились вопросы сохранения объективной исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [3, с. 449].

Реализуется международный белорусско-российский патриотический культурно-образовательный проект «Поезд Памяти», инициированный в 2021 г. Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации и Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь. Он направлен на объединение молодежи стран СНГ, формирование уважительного отношения к исторической памяти братских народов. В его рамках старшеклассники из Беларуси, России и стран СНГ ежегодно совершают двухнедельное путешествие на специальном поезде по городам и местам, связанным с историей Великой Отечественной войны [4].

Успешно реализуются Республиканский патриотический проект «Цветы Великой Победы», Республиканский молодежный инновационный проект «100 идей для Беларуси» и др. в рамках направлений гражданско- патриотического и правового воспитания молодежи, студотрядовское и волонтерское движения, поддержка талантливой и одаренной молодежи, пропаганда здорового образа жизни, международное сотрудничество и работа с молодежью в информационном пространстве [5].

В ходе реализации государственной программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества» на 2021–2025 гг., направленной на сохранение военно-исторического наследия белорусского народа и патриотического воспитания молодежи, в Республике Беларусь было организовано более 3,5 тысяч экспозиций в музейных комнатах, уголках, библиотеках школ, гимназий, учреждений профессионального образования [6].

Понятие «патриотизм» активно используется в дискурсе руководителей и представителей политических партий и общественных организаций страны. В Уставе политической партии «Белая Русь» в качестве одной из главных целей провозглашается «объединение граждан Республики Беларусь на основе приоритетности национальных интересов, культурных традиций, исторической памяти, патриотических и духовно-нравственных ценностей белорусского народа...» [7]. Патриотические проекты партии: «Время» (патриотическое воспитание через институт семьи), «Люди со знаком качества» (труд на благо родной страны, активная гражданская позиция), «Спина к спине», «Время сильных» и др.

Основные направления сферы государственной молодежной политики закреплены за общественными организациями соответствующей направленности. Большой вклад в формирование патриотизма в системе образования вносят Белорусский республиканский союз молодежи, Белорусский союз женщин, профсоюзные организации и др.

Выделим несколько направлений патриотического воспитания:

- 1) Проведение патриотических мероприятий.
- 2) Развитие волонтерских движений.
- 3) Вовлечение в патриотическое воспитание молодежи не только государственных институтов, но и семей.

Важную роль в патриотическом воспитании молодежи играют социальные сети. Они могут использоваться как платформы для распространения информации, обмена опытом и нравственными ценностями, а также для вовлечения молодежи в дискуссии на патриотические темы.

Библиографический список

1. В основе всех наших успехов лежит патриотизм – Лукашенко // БелТА. – URL: <https://belta.by/president/view/v-osnove-vseh-nashih-uspehov-lezhit-patriotizm-lukashenko-99772-2012/>. – Дата публ. : 09.05.2012.
2. Проект патриотической направленности «Россия – Беларусь: Война. Память. Семья» / А. Г. Нагорная, Н. П. Стародворцева, М. Н. Горяева, Д. С. Рассказа // Международн. научно-исследовательский журн. – 2023. – № 3 (129). – С. 1–5
3. Бахлова, О. В. Патриотическое воспитание молодежи в контексте политики идентичности: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь / О. В. Бахлова, И. В. Бахлов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : материалы Третьей междунар. научно-практ. конф. в рамках Общественно-научн. форума «Здравствуй, Россия!». Т. 2 В. 3. Ч. 2. Отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва, 2020. – С. 447–450.
4. Участники проекта «Поезд Памяти» посетят в 2025 году 15 городов Беларуси и России // БелТА. – 2025. – URL: <https://belta.by/society/view/uchastniki-proekta-poezd-pamjati-posetjat-v-2025-godu-15-gorodov-belarusi-i-rossii-694882-2025/> (дата обращения: 7.04.2025).
5. Официальный интернет-портал Общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» : [сайт]. – 2025. – URL: <https://brsm.by/ru>. – (дата обращения: 07.04.2025).
6. О геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны // Минский городской исполнительный комитет. – 2025. – URL: https://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/2022/inf_material_2022_03.shtml. (дата обращения: 07.04.2025).
7. Партия «Белая Русь» : [сайт]. – 2025. – URL: <https://partiya.by>. (дата обращения: 07.04.2025).

ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ РЕФЕРЕНДУМЕ 1995 г.

И. С. Турлай

*доцент кафедры управления и экономики высшей школы
Республиканского института высшей школы,
кандидат экономических наук, доцент
istur@yandex.by*

В статье рассмотрен процесс принятия современных Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь. Обосновано соответствие референдума и принятие по его итогам государственных символов нормам белорусского законодательства.

Ключевые слова: Государственный флаг; Государственный герб; Президент Республики Беларусь; республиканский референдум; Верховный Совет Республики Беларусь.

В 2025 г. исполнилось 30 лет с даты проведения в Республике Беларусь первого в истории суверенного государства республиканского референдума, на котором были приняты современные Государственный флаг Республики Беларусь и Государственный герб Республики Беларусь.

21 марта 1995 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на основании многочисленных обращений внес предложение в Верховный Совет Республики Беларусь о назначении на 14 мая того же года республиканского референдума [1]. 13 апреля 1995 г. Верховный Совет принял решение о проведении республиканского референдума по четырем вопросам: «Согласны ли Вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?»; «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?»; «Согласны ли Вы с необходимостью внесения изменений в Конституцию Республики Беларусь, которые предусматривают возможность досрочного прекращения полномочий Верховного Совета Президентом Республики Беларусь в случаях систематического или грубого нарушения Конституции?»; «Поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?».

Процесс назначения республиканского референдума проходил согласно нормам белорусского законодательства того времени. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь, принятой в 1994 г., на основе внесенного Президентом предложения о назначении референдума Верховный Совет обязан был назначить его проведение. Отклонить инициативу Президента Верховный Совет мог лишь в том случае, если предлагаемые вопросы нельзя было выносить на референдум по законодательству [2, с. 85]. Согласно действовавшему Закону «О народном голосовании (референдуме) в Республике Беларусь» от 13 июня 1991 г., на республиканский референдум запрещалось выносить вопросы, нарушающие неотъемлемые права народа Республики Беларусь на суверенную национальную государственность, государственные гарантии существования белорусской национальной культуры и языка; вопросы, которые могут вызвать нарушение территориальной целостности

Республики Беларусь; вопросы о принятии чрезвычайных и неотложных мер по охране общественного порядка, защите здоровья и безопасности населения; вопросы о налогах и бюджете; вопросы об амнистии, помиловании; вопросы, связанные с избранием и освобождением некоторых должностных лиц; вопросы, касающиеся выполнения обязательств, вытекающих из международных договоров Республики Беларусь.

Вопросы, которые выносились Президентом на республиканский референдум, не противоречили положениям действовавшего законодательства. Тем не менее, назначению референдума попыталась противиться небольшая группа настроенных радикально-националистических депутатов Парламента. Эта группа депутатов на волне распада СССР в 1991 г. с помощью ряда манипуляций смогла протолкнуть используемую ею псевдонациональную символику, которая по результатам голосования в Верховном Совете была принята в качестве государственной символики Республики Беларусь. Спустя три с половиной года эти же депутаты стремились сорвать назначение референдума по вопросу государственной символики и другим предложенным А. Г. Лукашенко вопросам. У трибуны зала Парламента ими было устроено пикетирование и объявлена голодовка с целью создания резонанса в обществе и оказания давления на депутатский корпус. Выносимые на референдум вопросы они определили незаконными, якобы нарушавшими право белорусского народа на национальную самобытность, не имевшими юридической точности и не позволявшими гражданам дать однозначный ответ. Стремясь сорвать назначение референдума, радикально-националистическая оппозиция понимала, что их символика не пользовалась популярностью среди населения, а ее принятие в 1991 г. как государственной было случайностью.

Несмотря на устроенную в зале Парламента провокацию, инициатива Президента о проведении республиканского референдума все же была одобрена Верховным Советом, принявшим 13 апреля 1995 г. Постановление «О проведении республиканского референдума по вопросам, предложенным Президентом Республики Беларусь, и мерах по его обеспечению». На основании данного Постановления, а также действовавших положений Конституции и Закона «О народном голосовании (референдуме) в Республике Беларусь» три вопроса – о придании русскому языку равного статуса с белорусским, установлении новой государственной символики, поддержке курса на экономическую интеграцию с Россией – выносились на обязательный республиканский референдум; один вопрос – о необходимости внесения изменений в Конституцию, касающихся возможности досрочного прекращения полномочий Верховного Совета, – выносился для принятия консультационного решения, которое носило рекомендательный характер.

Сторонники радикальных политических сил как доказательство якобы нелегитимности назначенного референдума и принятой по его результатам государственной символики делали отсылки к периоду времени, в который принималось Постановление Верховного Совета о проведении референдума: будто бы по Конституции референдум не мог быть назначен в последние шесть месяцев работы Верховного Совета, завершавшего свои полномочия. На деле Конституция устанавливала только второе из названных ограничений. С учетом, что формулировки трех вопросов, которые выносились на республиканский референдум, не предусматривали поправок в Конституцию (четвертый вопрос носил рекомендательный характер), нарушений по назначению референ-

дума не имелось. На состоявшемся республиканском референдуме большинство проголосовавших граждан поддержали все вынесенные на него вопросы. В референдуме приняли участие 64,8% избирателей, за установление новых государственных символов высказались 75,1% проголосовавших граждан.

В соответствии с Законом «О народном голосовании (референдуме) в Республике Беларусь» 25 мая было опубликовано сообщение Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов «Об итогах голосования на республиканском референдуме 14 мая 1995 г.» [3]. Далее требовалось формальное подписание решения республиканского референдума Председателем Верховного Совета. В нарушение Закона последним это сделано не было. На основании решения референдума, 7 июня Президентом были подписаны Указы «Об утверждении эталона Государственного герба Республики Беларусь и Положения о Государственном гербе Республики Беларусь» и «Об утверждении Положения о Государственном флаге Республики Беларусь». Данные Указы были официально опубликованы 13 июня и вступили в силу со дня их опубликования. Решение республиканского референдума по государственной символике и соответствующие Указы Президента не затрагивали действовавших положений Конституции страны, поскольку описание Государственного флага и Государственного герба в ней отсутствовало.

Результаты референдума не устроили сторонников радикально-националистической оппозиции, которые, стремясь обосновать их нелегитимность, стали указывать на недействительность данных подсчета голосов: ведь в один день с республиканским референдумом также проходили и выборы депутатов Верховного Совета Республики Беларусь, которые не состоялись в большинстве избирательных округов из-за низкой явки избирателей; однако проходивший в тех же округах референдум был признан состоявшимся. Ситуация с выборами депутатов Верховного Совета, проходившими в один день с республиканским референдумом 14 мая 1995 г., была следующей: по данным Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов в голосовании по выборам депутатов приняло участие практически такое же количество граждан, сколько и в республиканском референдуме (64,7% избирателей участвовало в выборах, 64,8% – в референдуме), при этом выборы были признаны состоявшимися в подавляющем большинстве округов – 235 из 260. Было избрано только 18 депутатов Верховного Совета. Такой результат обусловлен тем, что в оставшихся избирательных округах (где выборы состоялись) для определения победителей предстояло проведение второго тура голосования [4]. Данные по выборам депутатов Верховного Совета и по голосованию на республиканском референдуме не противоречили друг другу.

Конституционный Суд Республики Беларусь в послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 1995 году» от 9 февраля 1996 г. не отметил нарушений, связанных с проведением республиканского референдума и с изменением государственной символики страны. Формально не были отменены законы о прежней государственной символике, принятые Верховным Советом в 1991 г. Свое решение по данному вопросу Верховный Совет оформил 28 июня 1996 г., приняв Закон «О признании утратившими силу законодательных актов Республики Беларусь по вопросам государственной символики». Впоследствии на смену Указам Президента о государственных символах пришел Закон «О госу-

дарственных символах Республики Беларусь» от 5 июля 2004 г., принятый Палатой представителей, одобренный Советом Республики и вступивший в силу 20 июля 2004 г., который внесенными в него изменениями и дополнениями действует по настоящее время.

В заключении стоит обратить внимание на периодически встречающуюся ошибочную информацию о том, что современные Государственный герб и Государственный флаг Республики Беларусь были утверждены Указами Президента Республики Беларусь от 7 июня 1995 г. Для недопущения подобных пробелов в рамках проводимой идеологической и воспитательной работы необходимо разъяснять, что Указами Президента Республики Беларусь от 7 июня 1995 г. на основании решения республиканского референдума были утверждены эталон Государственного герба и Положения о Государственном гербе и Государственном флаге, сами же государственные символы были приняты решением республиканского референдума от 14 мая 1995 г.

Библиографический список

1. Лукашэнка, А. Р. ...Мы разам павінны быць адказнымі перад кожным грамадзянінам Беларусі: выступленне на сесіі Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 21 сакавіка 1995 г. / А. Р. Лукашэнка // Народная газета. – 1995. – 23 сак. – С. 1, 2.
2. Василевич, Г. А. Референдумы в Беларуси и ее путь к независимости в конце XX столетия / Г. А. Василевич. – Минск, 2001. – URL: https://law.bsu.by/pub/11/Vasilevich_8.doc (дата обращения: 27.06.2025).
3. Аб выніках галасавання на рэспубліканскім рэферэндуме 14 мая 1995 г.: Паведамленне Цэнтральнай камісіі Рэсп. Беларусь па выбарах і правядзенню рэспубліканскіх рэферэндумаў, 22 мая 1995 г. // Звязда. – 1995. – 25 мая. – С. 1, 3.
4. Аб выніках першага тура выбараў дэпутатаў Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, якія адбыліся 14 мая 1995 г.: Паведамленне Цэнтральнай камісіі Рэсп. Беларусь па выбарах і правядзенню рэспубліканскіх рэферэндумаў, 22 мая 1995 г. // Звязда. – 1995. – 25 мая. – С. 1.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. В. Худяков

*главный специалист Научно–практического центра укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь,
кандидат политических наук
khudyakov_1971@list.ru*

В статье исследовано содержание и представлено определение основных факторов, оказавших влияние на развитие отечественной политической системы. В рамках циклической концепции выделены основные этапы ее развития.

Ключевые слова: государство; политическая система; Республика Беларусь; цикличность.

Вопросы развития современной политической системы важного элемента белорусского государства представляют интерес как для отечественных [1; 2], так и для зарубежных специалистов [3; 4; 5]. Оценка развития основных институтов политической системы позволяет сгруппировать их в четыре этапа.

Первый этап (1991 – 1993) – формирование политической системы независимого государства потребовало трансформации советской институциональной подсистемы, создание новой конфигурации коммуникативной подсистемы, дальнейшего развития культурно–идеологической подсистемы.

Второй этап (1994 – 1996) – появление в институциональной подсистеме нового субъекта (института президентства) и трансформация сложившейся коммуникативной подсистемы.

В 1994 г. с принятием Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) произошел переход от парламентской к парламентско-президентской республике, законодательно закреплён переход к современной политической системе: признание основных принципов разделения властей, введен институт президентства. Либеральный закон о политических партиях способствовал развитию многопартийности.

Сложившаяся конфигурация политической системы, сочетавшая советский орган народного представительства (Верховный Совет) и структуру западной демократии (институт президента), препятствовала поиску компромисса в решении политических проблем и проведению преобразований.

В 1996 г. для снижения негативного воздействия на институциональную, нормативную и коммуникативную подсистемы и адаптации политической системы к внутренним воздействиям был проведен референдум, закрепивший в Конституции трансформацию парламентско-президентской республики в суперпрезидентскую, однопалатный парламент – в двухпалатный, с передачей части его полномочий Главе государства. Важную роль в стабилизации политической системы выполнило первое ВНС, созданное по инициативе Главы государства.

Третий этап (1997 – 2020) – наряду с дальнейшим развитием политической системы неоднократно предпринимались попытки со стороны институциональных

и неинституциональных субъектов оказать на нее деструктивное воздействие. В 1999 г. для снижения негативного воздействия на институциональную и нормативную подсистемы и адаптации политической системы к внешним и внутренним воздействиям через изменение законодательства произошли изменения в партийной системе. Принятые меры явились ответом на попытку бывших депутатов Верховного Совета и представителей оппозиционных партий расшатать ситуацию в стране по случаю пятилетия со дня первых выборов Главы государства.

В 2001 г. прошли очередные выборы Президента Республики Беларусь. В этот год прошло два события, затронувшие политическую систему: для придания ей устойчивости было проведено ВНС, а со стороны деструктивной оппозиции при поддержке Запада предпринята попытка проведения «цветной революции». В 2004 г. для снижения негативного воздействия на институциональную и нормативную подсистемы и адаптации политической системы к внутренним и внешним воздействиям проведен референдум. В 2006, 2010, 2015 и 2020 гг. прошли выборы Президента Республики Беларусь, в очередной раз со стороны политических маргиналов была предпринята попытка дестабилизировать политическую систему [6]. Прошло ВНС, определившее основные направления развития страны.

Четвертый этап (2022 г. – настоящее время) – дальнейшее развитие политической системы происходит в рамках ее адаптации к произошедшим изменениям. Состоявшийся в 2022 г. референдум способствовал дальнейшему развитию институтов гражданского общества. По его итогам были перераспределены властные полномочия между Главой государства, парламентом и ВНС, а последнему был придан конституционный статус. Произошел переход от суперпрезидентской к президентской республике.

Таким образом, с момента обретения независимости политическая система Республики Беларусь проходит третий цикл своего развития, где точками бифуркации служат события 1994, 1996 и 2022 гг. Началом первого цикла в политической истории Республики Беларусь как суверенного государства послужило введение института президентства и переход от парламентской к парламентско-президентской республике. Началом второго цикла послужил политический кризис, приведший к переходу от парламентско-президентской к суперпрезидентской республике. Начало третьего цикла обусловлено необходимостью адаптации политической системы к новым вызовам. Произошел переход от суперпрезидентской к президентской республике.

Каждый из циклов сопровождался изменениями в институциональной и нормативной подсистеме, включавшими трансформацию одного из институтов, с правовым закреплением его нового статуса, перераспределение полномочий между Главой государства и другими институтами, а также трансформацию партийной системы. Внутри каждого цикла происходили повторяющиеся процессы институционального и неинституционального характера.

Библиографический список

1. Котляров, И. В. Политическая система Беларуси: теоретическое регулирование и социологическое осмысление / И. В. Котляров // Социолог. альманах / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – 2011. – Вып. 2. – С. 41–54.
2. Шендик, Т. А. Партийное строительство в Республике Беларусь: сущность, предпосылки, технологии / Т. А. Шендик. – Минск : РИВШ, 2023. – 208 с.

3. Абрамов, А. В. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем / А. В. Абрамов, Р. А. Алексеев // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28. – № 3. – С. 54–64.
4. Алексеев, Р. А. Конституционно-правовое оформление постсоветских политических систем: сравнительный анализ / Р. А. Алексеев // Северо-Кавказ. юрид. вестн. – 2022. – № 4. – С. 73–86.
5. Гронский, А. Д. Отношения Белоруссии с ЕС и США (1992–2018 гг.): от дистанцирования к дрейфу на Запад / А. Д. Гронский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 71–97.
6. Худяков, А. В. Избирательные кампании в Беларуси: циклический подход / А. В. Худяков // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Сер. : Филос.–гуманитар. науки / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2024. – Вып. 23. – Ч. 1. – С. 190–196.

РАЗДЕЛ V
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 347.4

**БАЛАНС ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

М. А. Бажина

*профессор кафедры предпринимательского права имени В. С. Якушева
Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева,
доктор юридических наук, доцент
mashsol@mail.ru*

С внедрением цифровых технологий представляется крайне важным определить соотношение применения частно-правовых и публично-правовых элементов в регулировании транспортно-логистической деятельности. В статье приведены примеры, связанные с увеличением объема публично-правового регулирования, что обусловлено требованиями по обеспечению безопасности и прозрачности осуществления транспортно-логистической деятельности.

Ключевые слова: транспортно-логистическая деятельность; технологии; платформенные решения; субъект; беспилотная авиационная система.

Значимость развития транспортно-логистической деятельности подчеркивается в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. (Постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р). Так, в качестве целей достижения выделяются следующие: увеличение объема и скорости транзита груза, развитие мультимодальных перевозок и транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей перевозочный процесс, повышение конкурентоспособности транспортного сектора за счет масштабного внедрения высоких технологий. Во многом успех в реализации поставленных целей зависит от того, насколько гармонично выстроено нормативно-правовое регулирование с точки зрения сочетания частно-правовых и публично-правовых средств. В этой связи считем целесообразным обратиться к тем правоотношениям, которые возникают в процессе осуществления транспортно-логистической деятельности.

Во-первых, разработка цифровых технологий (например, интернета-вещей, технология больших данных, высокоскоростного интернета, квантовых технологий) предполагает появление новых технологических решений, которые внедряются в транспортно-логистическую деятельность. В качестве примера можно привести процесс внедрения платформенных решений в транспортно-логистическую деятельность в рамках разработки электронного документооборота, применения высокоавтоматизированных транспортных средств, «умной» инфраструктуры. Применение платформенных решений предопределяет появление новых субъектов, осуществляющих координацию различных элементов, способствующих работе платформенных решений в соответствующей сфере.

Так, при развитии электронного документооборота появляется такая фигура как оператор электронного документооборота. По отчету за 2024 г. обеспечение формирования электронных документов и внесение их в Государственную информационную систему электронных перевозочных документов (далее – ГИС ЭПД) осуществляется двенадцать операторами информационной системы электронных перевозочных документов (операторы ИС ЭПД), которые обработали более 8,2 млн единиц документации в течение календарного года, что отмечается в Докладе о реализации Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утвержденном Министерством транспорта РФ. Самим оператором ГИС ЭПД является Минтранс Российской Федерации (далее – РФ, России), который осуществляет допуск операторов на рынок операторов ИС ЭПД по согласованию с ФНС России (п. 5 Приказа Минтранса России от 25 мая 2022 г. № 200 «Об утверждении Порядка включения юридических лиц в реестр операторов информационных систем электронных перевозочных документов и исключения из него»). Сфера электронного документооборота является стратегически важной для обеспечения прозрачности, достоверности сведений, вносимых в государственную информационную систему, доступ к которой имеют иные государственные органы. Именно поэтому в указанном выше Порядке предусмотрены требования, предъявляемые к операторам ИС ЭПД, в частности, связанные с наличием определенной суммы чистых активов (не менее трехсот миллионов рублей), права собственности или владения на аппаратные средства электронной подписи, на помещения для размещения на территории РФ связанной системы ИТ-инфраструктуры и инженерной инфраструктуры, оборудования, подключенного к внешним инженерным и телекоммуникационным сетям, и являющегося комплексным объектом информатизации, в котором могут размещаться государственные и коммерческие ИТ-инфраструктуры автоматизированных и информационных систем различного назначения хранилище, а также сертифицированных средств электронной подписи, соответствующих требованиям п. 2 ч. 5 ст. 8 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Законодатель императивно закрепил правила обмена электронными перевозочными документами и сведениями, содержащимися в них, между участниками информационного взаимодействия, направления таких документов и сведений в ГИС ЭПД, а также представления иной информации, связанной с обработкой таких документов и сведений, из ИС ЭПД в ГИС ЭПД по запросу оператора государственной информационной системы электронных перевозочных документов в одноименном Постановлении Правительства РФ от 21 мая 2022 № 931. Тем самым возникает некая парадоксальная ситуация. С одной стороны, документы, о которых идет речь, подтверждают факт передачи груза и, соответственно, заключение сделки (например, транспортная накладная) по перемещению груза из пункта отправления в пункт назначения (ст. 25 УЖТ РФ). С другой стороны, с введением электронного документооборота, данный документ является предметом публично-правового регулирования с целью обеспечения работы самой системы электронного документооборота. Детальная регламентация содержаний файлов обмена, из которых состоит электронная транспортная накладная, а также порядка их направления необходима для функционирования самой системы (например, для соответствия структуры имени файла требованиям формата).

В этой связи публичный элемент правового регулирования имеет существенное значение для соблюдения единообразия, а также обеспечению работы информационной системы и государственной информационной системы.

Следует учитывать еще один аспект, который требует публично-правового регулирования, а именно: соответствие форматов и порядка ведения электронного документооборота на международном уровне при оформлении внешнеэкономических сделок. Здесь также есть возможность несовпадения форматов документов, а, следовательно, невозможность осуществления транспортно-логистической деятельности в необходимые сроки [1; 2].

При обращении к анализу правового регулирования применения автоматизированных транспортных средств также следует констатировать преобладание публично-правовых норм. Связано это в большей степени с необходимостью обеспечения безопасности и прозрачности функционирования автоматизированных транспортных средств [3]. В качестве примера можно привести нормативно-правовые акты, которыми устанавливаются различные экспериментально-правовые режимы применения того или иного технологического решения. Так в Постановлении Правительства РФ от 8 ноября 2024 г. № 1518 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Нижегородской области» определены нормативные правовые акты, которые не применяются при апробации беспилотных авиационных систем, а также определены обязательные для соблюдения требования. В качестве одного из краеугольных аспектов по допуску беспилотных авиационных систем к эксплуатации можно назвать получение сертификатов беспилотной авиационной системы. При этом, прохождение сертификации является крайне сложным процессом, что обусловлено требованиями безопасности. Однако, разработанные для гражданских нужд беспилотные авиационные системы не всегда могут пройти достаточно длительную и затратную с точки зрения финансов процесс допуска к эксплуатации таких систем. Часты случаи нелегального использования беспилотных авиационных систем для опрыскивания полей. Указанное требует изменения в действующее законодательство для развития применения беспилотных авиационных систем в различных сферах.

Кроме того, применение беспилотных авиационных систем напрямую связано с применением платформенных решений, так как по своей сути беспилотные авиационные системы представляют собой комплекс, включающий в себя беспилотные воздушные суда, а также наземные технические средства передачи-получения данных, которые учитываются для управления полетом (Национальный стандарт Российской Федерации. Системы беспилотных авиационных. Термины и определения. ГОСТ Р 57258-2016). Дальнейшее развитие беспилотных авиационных систем направлено на создание единой, бесшовной цифровой среды, в рамках которой возможно осуществление взаимодействия беспилотников различных видов и их различных сред (например, беспилотное воздушное судно, осуществляющее мониторинг определенной территории может выявить неполадки на железнодорожном пути и направить сигнал наземному беспилотнику для устранения выявленной неисправности) [4]. Такое перспективное направление требует правового регулирования в сфере применения цифровых транспортных

платформ, определения субъектного состава, принципов ответственности и порядка привлечения к ответственности в случае причинения вреда жизни, здоровью и имуществу при эксплуатации беспилотных транспортных средств и систем. В настоящее время законодатель закрепляет лишь отдельные положения о цифровых платформах применительно к различным сферам. В отношении транспортной отрасли большее внимание сосредоточено на функционировании платформы электронного документооборота. Думается, что общие аспекты, излагаемые учеными в отношении применения цифровых платформ (С. Ю. Филиппова, Ю. С. Харитонов), могут быть также положены в основу развития законодательства о цифровых транспортных платформах [5].

Исходя из вышеизложенного, сочетание публично-правовых и частно-правовых элементов при регулировании транспортно-логистической деятельности претерпевают изменения, что связано с внедрением цифровых технологий. Их применение требует более пристального внимания, что связано с обеспечением безопасности, прозрачности осуществления транспортно-логистической деятельности.

Библиографический список

1. Бажина, М. А. Правовые предпосылки применения смарт-контрактов / М. А. Бажина, Е. П. Щекочихина // Вестн. Караганд. ун-та. Серия «Право». – 2024. – № 29. – 2 (114). – С. 94–101.
2. Бажина, М.А. Правовые проблемы применения смарт-контрактов в России / М.А. Бажина // Предпринимательское право. – 2024. – № 3. – С. 27–32.
3. Беспилотные автомобили и безопасность: путь к более безопасным дорогам // URL: <http://vestnik-glonass.ru/news/avtonet/bespilotnye-avtomobili-i-bezopasnost-put-k-bolee-bezopasnym-dorogam/> (дата обращения: 21.08.2025).
4. Технологическое лидерство в области БАС – национальный приоритет №1 // URL: https://roscongress.org/materials/bespilotnye-aviatsionnye-sistemy-rossii-tehnologicheskoe-liderstvo-i-innovatsii-2024/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 21.08.2025).
5. Бажина, М. А. Правовое регулирование платформенных решений в транспортной системе / М. А. Бажина // Транспортное право. – 2025 – № 2. – С. 5–8.

ПЕРЕХОД НА РИСК-ОРИЕНТИРОВАННУЮ МОДЕЛЬ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. А. Гусева

*и.о. заведующего кафедрой конституционного,
административного и финансового права юридического института
Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева,
доктор юридических наук, профессор
guseva2002@rambler.ru*

В статье обосновывается, что заявленный в начале российской реформы контрольно-надзорной деятельности приоритет проведения профилактических мероприятий, направленных на снижение риска причинения вреда (ущерба), по отношению к проведению контрольных (надзорных) мероприятий был реализован

Ключевые слова: контроль (надзор); проверки; виды профилактических мероприятий; соглашение о надлежном устранении выявленных нарушений обязательных требований.

В связи с продолжающейся реформой контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти с 2025 по 2030 г. в планы проведения плановых проверок нельзя включать значительную часть контролируемых лиц. Исключение из правил: если объекты контроля относятся к категориям высокого риска, чрезвычайно высокого риска; к опасным производственным объектам II класса опасности; гидротехнические сооружения II класса и некоторые другие. Запрещается включать в объекты контроля отнесенные к категориям низкого риска, умеренного риска, среднего риска.

Основное направление работы контролеров в 2025 г. – это профилактика правонарушений. К профилактическим мероприятиям Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о контроле (надзоре)) относит: информирование; обобщение правоприменительной практики; меры стимулирования добросовестности; объявление предостережения; консультирование; самообследование; профилактический визит.

Контрольные (надзорные) органы при проведении профилактических мероприятий осуществляют взаимодействие с гражданами, организациями только в случаях, установленных прямо Законом о контроле (надзоре). Если иное не установлено законом, профилактические мероприятия, в ходе которых осуществляется взаимодействие с контролируемыми лицами, проводятся только с согласия данных контролируемых лиц либо по их инициативе.

По итогам такого профилактического мероприятия как наблюдение, контролирующий орган не может ни привлечь к ответственности, ни выдать предписание об устранении выявленных нарушений; выдавать предписания можно по любым контрольно-надзорным мероприятиям (далее – КНМ), за исключением КНМ без взаимодействия.

С 2024 г. решение о проведении КНМ оформляется записью в Едином реестре контрольно-надзорных мероприятий (ЕРКНМ) без оформления отдельного решения; то же самое касается и предостережения – вместо вынесения отдельного документа и внесения его в ЕРКНМ, в реестре подписывается и публикуется электронный паспорт предостережения, о

чем можно сформировать выписку с QR-кодом. Предостережение не будет специально отсылаться адресату – достаточно самого факта его публикации в ЕРКНМ.

По результатам профилактического визита, если нарушения не будут устранены в процессе КНМ, то в отношении государственных и муниципальных объектов (больниц, интернатов и т.п.) и образовательных организаций выдадут предписание об устранении выявленных нарушений.

Одной из самых спорных ситуаций последних лет стал вопрос о возможности привлечения к административной ответственности в отсутствие акта проверки, но при наличии состава административного правонарушения. Суды не усматривали в данной практике ничего незаконного, так как «действующее законодательство не ограничивает способы непосредственного обнаружения достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, исключительно проведением контрольно-надзорных мероприятий» (см., например, постановления Девятнадцатого ААС от 1 февраля 2022 г. № 19АП-7527/21 и др.).

Законодатель, устанавливая особенности организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля посредством профилактики, находится в поиске сбалансированного решения, которое позволило бы не только предупреждать, но и выявлять нарушения обязательных требований в рамках профилактического визита, корректировать деятельность контролируемого лица, не применяя при этом меры ответственности.

Таким решением стала возможность составление соглашения об устранении выявленных нарушений. Ст. 90.2 Закона о контроле (надзоре) предусматривает возможность подать ходатайство о заключении с контрольным (надзорным) органом соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований, если в отношении него выявлены нарушения обязательных требований. Если такое соглашение заключается, то контрольный (надзорный) орган принимает решение о приостановлении действия предписания об устранении выявленных нарушений обязательных требований в отношении контролируемого лица. Стремится «догнать» в этом плане Закон о контроле (надзоре) и КоАП РФ. Так, рассматривается законопроект, позволяющий, возможность заключить соглашение с уполномоченным государственным органом, если в отношении этого лица ведется производство по административной статье.

Исполнение этого соглашения освободит нарушителя от административной ответственности – и, соответственно, от уплаты штрафа. В случае заключения соглашения производство по административному делу будет приостановлено со следующего дня после дня вступления соглашения в силу. Об этом будет вынесено определение. Если соглашение не исполнено, суд или другой уполномоченный орган возобновят дело об административном правонарушении со дня, следующего за днем признания соглашения неисполненным. В этом случае тоже вынесут определение. Авторы законодательной инициативы надеются, что такие изменения уменьшат нагрузку на привлекаемых к административной ответственности лиц, которые стремятся устранить допущенные нарушения (включая бюджетные учреждения и их должностных лиц).

В заключении отметим, что принятая Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2023 г. № 3745-р, предусматривает дальнейшее развитие системы управления рисками в рамках проверок, доработку используемых в контрольной деятельности цифровых сервисов, а также внедрение новых подходов к профилактике нарушений.

ПАРАДИГМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВО, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

В. С. Михайловский

*заведующий кафедрой государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор политических наук, доцент
vadzim09071987@gmail.com*

Выявлена сущность правовой, политической и экономической парадигмы государственного управления. Правовая парадигма государственного управления является основанием идентичности и структурной самостоятельности кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета.

Ключевые слова: государственное управление; парадигма; право; политика; экономика.

Парадигма – это фундаментальная установка, которая объединяет членов научного сообщества. Фундаментальной установкой кафедры государственного управления юридического факультета БГУ является правовой подход к государственному управлению. Этим задается направленность кафедры на изучение правовых основ государственного управления вне его политических, экономических, психологических и иных аспектов, которые фундируют альтернативные (конкурентные) парадигмы государственного управления. Цель статьи – выявить сущность правовой, политической и экономической парадигмы государственного управления.

Согласно правовой парадигме в основе государственного управления находится принцип верховенства права. В теоретическом измерении на формирование правового подхода к государственному управлению оказали влияние камералистика XVII – начала XIX в., а также научные разработки середины – конца XIX в. В. Вильсона, Ф. Дж. Гуднау и в начале XX в. М. Вебера. Камералистика изучала структуру административных служб и было связана с вопросами управления посредством специальных органов. М. Вебер видел основную задачу государственных служащих в применении управленческих принципов к конкретным ситуациям, но посредством общих административных правил (инструкций).

В основе правовой парадигмы государственного управления находится идеализм. Государство рассматривается в двух крайних состояниях: хаос и порядок. Мерой порядка выступает соответствие государства своему идеальному образу (состоянию), который априорно дан, т.к. зафиксирован в актах законодательства и в первую очередь в конституции. Государственное управление предстает как деятельность уполномоченных органов и лиц по применению права. Максимальная исполнительность и дисциплина в рамках этой деятельности определяется как залог достижения идеального государственного состояния. Критерий эффективности государственного управления в правовой парадигме сводится к фразе «максимальное правоприменение – максимально обеспечивает достижение идеального государственного состояния».

Альтернативные политическая и экономическая парадигмы к государственному управлению являются материалистическими. Они исходят из того, что идеальное государственное состояние окончательно не определено, а формируется в момент осуществления управленческого действия. Согласно политической парадигме основной задачей государственного управления является максимально лучшее воплощение воли народа. На формирование этого подхода оказали влияние исследования Г. Саймона, Д. Смитцберга, В. Томпсона, Д. Истона в 1940-60-е гг. XX в. Указанные авторы исходили из того, что политическая власть, а не административная деятельность является основой эффективного государственного управления. Для политолога воля народа является более динамичным и изменчивым феноменом общественной жизни, чем для юриста. Политический подход к государственному управлению сфокусирован на изучении политической воли и групп интересов в политике. Для практикующего юриста, государственного служащего в рамках правовой парадигмы государственного управления воля народа априорно определена и зафиксирована в конституции, как общественном договоре, который надо воплощать на практике (1) государству посредством раскрытия в актах отраслевого законодательства и правоприменения, а (2) гражданам посредством правореализации. Приведем два актуальных примера.

В Директиве Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 закреплено, что идеология белорусского государства как «система идей, взглядов и представлений, которая отражает национально-исторические традиции, интересы и ценности белорусского народа, определяет цели развития личности, общества и государства» «разработана в развитие положений Конституции Республики Беларусь». Это означает, что цели развития белорусского государства определены и закреплены в конкретном нормативно правовом акте, а не бытуют как невыявленные общественные интересы, требующие согласования и правоустановления.

В Директиве Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 закреплено, что «всестороннее преобразование государства и общества» требует «неукоснительного следования конституционному принципу разделения государственной власти», «законности», «координации деятельности с учетом законодательно представленных государственным органам и государственным организациям полномочий». Это означает, что прообраз преобразованного государства определен и закреплён в нормативных правовых актах, а не является предметом управленческого поиска.

Наш тезис в том, что государственное управление в рамках политической парадигмы предстает как деятельность по перманентному достижению политического согласия в обществе посредством легитимного правотворчества и принятия поддерживаемых населением государственных управленческих решений. В рамках правовой парадигмы государственное управление есть деятельность по легальному применению в управленческих решениях права как социального регулятора, априорно закрепляющего уже достигнутое общественное согласие в стране. Отсюда в фокусе правового подхода к государственному управлению находятся вопросы законности правовых актов управления, дисциплины государственной службы, реализации полномочий государственных органов, доступности административных процедур, а не стилей, типов, технологий управления, административного маркетинга и легимитации государственной власти.

В. Вильсон и Ф. Дж. Гуднау исходили из признания деятельности правительственных учреждений как аппарата управления независимо от политики. С их точки зрения сущность любой государственной системы заключается в отношениях между властью, создающей законы, и администрацией, исполняющей эти законы. Правовая парадигма государственного управления предполагает первоочередное изучение органов государственного управления, а не всех органов государственной власти. Исходя из этого, определенным компромиссом может послужить тезис, что правовая парадигма государственного управления наиболее применима для изучения исполнительной ветви государственной власти (органов государственного управления), а политическая – для законодательной ветви (представительных органов государственной власти). При таком подходе в науке в очередной раз возникает вопрос об управленческой функции законодательной ветви власти и тяготении политологии в большей мере к изучению формирования государственных политик, а юриспруденции к их практической реализации.

Согласно экономической парадигме государственное управление изучается как государственный менеджмент – деятельность по достижению максимальной результативности. На формирование этого подхода в начале XX в. повлияла «школа научного управления» (Ф. Тейлор, Ф. Гилбрет и др.). В рамках этой школы была сформулирована система знаний, благодаря которой управление стало признаваться самостоятельной областью научных исследований. В результате государственное управление стало изучаться как управление специфической (особой) организацией. Также в первой трети XX в. «классическая школа менеджмента» (А. Файоль, Л. Уайти др.) вышла на формирование универсальных принципов управления, которые экстраполировались на государственное управление как частный пример. Можно выделить и «школу человеческих отношений» 1930-50-х гг. XX в. (Г. Мюнстерберг, М. Фоллетти др.), в рамках которой управление рассматривалось не как сфера выполнения задач, а как сфера отношения между людьми.

Согласно правовой парадигме проблемы государственного управления – это всегда проблемы несовершенства законодательства или проблемы правоприменительной практики, но никогда не проблемы права как главного социального регулятора и основы государственного управления. Политический и экономический подходы к государственному управлению допускают нивелирование значения права, сведение его к факультативному атрибуту в государственном управлении. Для политологии право является одним из ресурсов политической власти, а политическая воля и политическое решение не обязательно имеют правовую форму. Для экономической парадигмы право может рассматриваться как издержка на фоне более «универсальных» принципов управления, благодаря которым государство как «организация» достигнет успеха.

Все три обозначенные в статье парадигмы государственного управления (правовая, политическая, экономическая) обоснованы и вносят свой вклад в познание государственного управления. Фундаментом школы кафедры государственного управления юридического факультета БГУ является признание административного (управленческого) права самостоятельной отраслью права, представляющей совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в процессе организации и осуществления государственного управления, ядром которого является государственная служба. Правовая парадигма государственного управления является основанием идентичности и структурной самостоятельности кафедры государственного управления юридического факультета БГУ.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

С. Ю. Морозов

*декан юридического факультета
Ульяновского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
fsglaw@mail.ru*

Сформулированы основные направления совершенствования гражданского законодательства в сфере транспортной деятельности, отмечена необходимость гармонизации транспортного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, предложено решить проблему разработки Транспортного кодекса Союзного государства.

Ключевые слова: транспортный договор; организация перевозок; система договоров; пассажиры; багаж.

Транспортное законодательство – «кровеносная система» экономики Союзного государства. Его гармонизация приобретает стратегическое значение в условиях формирования единого транспортного пространства к 2030 г. Сравнительно-правовой анализ договорных институтов России и Беларуси выявляет не только пробелы правового регулирования отношений в сфере транспорта, но и позитивные решения, чей имплементационный потенциал заслуживает внимания. Цивилистическая специфика требует фокуса на договорных конструкциях. Одним из ключевых направлений совершенствования транспортного права является построение стройной системы транспортных договоров. Как отмечал Ф. Энгельс: «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической взаимосвязи, побуждает науку выявлять эту систематическую взаимосвязь повсюду, как в частностях, так и в целом» [1, с. 35–36].

Одной из важных научных задач является выявление роли и места системы договоров, направленных на организацию перевозок пассажиров и багажа, в системе договоров об организации перевозок. Системное правовое регулирование организации перевозок пассажиров и багажа представляется продуктивным по многим причинам. Во-первых, согласованная работа всех элементов системы позволяет ей реализовать ее интегративное свойство, которое реализовать по отдельности каждый элемент не может. Открытые системы, к которым относится и правовая система, позволяют достичь синергетического эффекта, когда результат действия системы гораздо больше, чем простая сумма результатов действия всех элементов. Во-вторых, системное исследование позволяет выявить мертвые (недействующие) элементы. В-третьих, в результате такого исследования выявляются элементы системы, которые дублируют функции либо работают неэффективно. В-четвертых, системный взгляд исследователя позволяет определить неправильно построенные либо нарушенные связи между элементами, что не позволяет наиболее оптимальным образом преобразовывать поток базового ресурса

[2, с. 17–17]. Перечисленного вполне достаточно, чтобы продемонстрировать важность системного правового регулирования договорных отношений в сфере организации перевозок пассажиров и багажа.

Между тем, такое регулирование на данный момент признать удовлетворительным нельзя. Иллюстрацией может служить глава 40 ГК РФ «Перевозка», в которой система договоров, направленных на организацию перевозок, со временем потеряла свою гармоничность. Объясняется это тем, что появились новые виды транспорта, например, внеуличный транспорт. Развиваются средства индивидуальной мобильности и высокоавтоматизированные транспортные средства. С появлением владельцев транспортной инфраструктуры, операторов железнодорожного подвижного состава, операторов такси и других новых субъектов, рынок транспортных услуг заметно преобразился. Появились новые схемы доставки грузов и багажа и обслуживания населения. В гражданском обороте стали использоваться новые договорные конструкции: кар-шеринг, код-шеринг, кик-шеринг, договор перевозки порожнего вагона, договор об обеспечении осуществления деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковыми такси и др. Между тем, глава 40 ГК РФ осталась неизменной.

Исходя из того, что система договоров, направленных на организацию перевозок пассажиров и багажа является подсистемой договоров об организации перевозок, следует выявить проблемы структуры последней. Д. А. Керимов отмечает важность методологического познания структуры, которое «является логическим следствием познания внутренней формы права, ее дополнением, конкретизацией и развитием» [3, с. 179]. Каково же сейчас состояние системы договоров, направленных на организацию перевозок? Логично было бы начать с выявления видов перевозки, организация которых возможна посредством гражданско-правовых договоров. С момента принятия второй части ГК РФ в 1996 г. было наличие дисбаланса в регулировании складывающихся общественных отношений. Организации перевозок посвящена всего лишь ст. 798 ГК РФ, в которой речь идет только об организации перевозок грузов. Между тем, по критерию объекта перевозки, общепринято выделять перевозки грузов и перевозки пассажиров и багажа.

Договорному регулированию организации перевозок пассажиров и багажа в главе 40 ГК РФ, к сожалению, места не нашлось. Конечно, этому есть объяснения, которые заключаются в том, что договоры об организации перевозок пассажиров являются публично-правовыми (административными), поскольку, согласно действующему российскому законодательству, такие договоры перевозчики заключают с органами государственной власти субъектов РФ либо с органами местного самоуправления. Это, например, дало основание Д. А. Петрову утверждать со ссылкой на Определение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2005 №78-Г05-57 следующее: «Проведение конкурса на право осуществлять перевозки пассажиров по установленным маршрутам производится в рамках административных правоотношений, возникающих между государственными органами и перевозчиками при реализации первыми своих полномочий по организации обслуживания пассажиров наземного пассажирского маршрутного транспорта общего пользования» [4, с. 34].

На наш взгляд, отсутствие в ГК РФ правил о договоре об организации перевозок пассажиров свидетельствует о несовершенстве действующего законодательства, о неизбежном подходе при формировании понятийного аппарата транспортного права, в том числе наименования транспортных договоров, а также об искусственном сужении

сферы гражданско-правового регулирования исследуемых общественных отношений. Достаточно сказать, что в ГК Республики Беларусь наряду с договором об организации перевозок грузов нашел закрепление договор об организации перевозок пассажиров и багажа. Так, согласно п. 2 ст. 752 ГК РБ перевозчик при необходимости осуществления систематических перевозок пассажиров может заключать с гражданами или юридическими лицами договоры об организации перевозок пассажиров. Как видно из определения договора, контрагентом перевозчика по данному договору в отличие от российского законодательства является не орган государственной власти или местного самоуправления, а юридическое либо физическое лицо. Данные нормативные правила выглядят вполне логично, поскольку и в договоре об организации перевозок грузов и в договоре об организации перевозок пассажиров перевозчику противостоят частные лица. Отметим, что в Законе Республики Беларусь от 14 августа 2007 г. № 278–З «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» имеется ст. 22 «Договор об организации автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении». Белорусский опыт мог бы быть позаимствован в РФ, а несоответствия в понятийном аппарате российского транспортного права могли бы быть устранены путем изменения названия договора, заключаемого между перевозчиком и органами государственной власти, направленного на надлежащее исполнение договора об организации перевозок пассажиров.

При построении системы договоров об организации перевозок пассажиров и багажа следует учитывать, что в российском транспортном законодательстве наряду с грузом и пассажиром появился новый объект перевозки – порожний (пустой) вагон. Мы не будем на данном этапе останавливаться на вопросе доказательства отличия договора перевозки порожнего вагона от договора перевозки груза. О том, что данные договоры отличаются как по своему предмету, субъектному составу, форме, содержанию и ответственности, на наш взгляд, убедительно доказано в наших трудах [5, с. 152–161], трудах В. А. Сапеги [6] и др. В Уставе железнодорожного транспорта общего пользования, утвержденном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 августа 1999 г. № 5/1506 данные отношения не урегулированы.

Во-вторых, необходимо отметить, что фигура перевозчика в договорных отношениях, связанных с организацией перевозки, является центральной. В нашем случае важно, что без перевозки, а значит, и без перевозчика, услуга не будет оказана. Поэтому участником всех складывающихся договорных связей при организации перевозок пассажиров и багажа всегда является перевозчик. По субъектному составу можно выделить четыре основных видов отношений: 1) перевозчик – пассажир; 2) перевозчик – перевозчик; 3) перевозчик – владелец транспортной инфраструктуры; 4) перевозчик – оператор службы заказа такси; 5) перевозчик – владелец транспортных средств.

Как видим, четыре из пяти перечисленных видов подразумевают заключение договоров между транспортными организациями. В правовом регулировании данных отношений, к сожалению, имеется большое количество несостыковок и проблем. Ст. 799 ГК РФ «Договоры между транспортными организациями» равно как и ст. 753 ГК Республики Беларусь «Договоры между перевозчиками» морально устарели. Так, ст. 799 ГК РФ допускает заключение договоров между организациями различных видов транспорта по обеспечению перевозок грузов. Возникает масса вопросов. Разве договоры между транспортными организациями одного вида транспорта не являются договорами между транспортными организациями? Почему данные договоры

направлены только на организацию выполнения работы? Из смысла статьи получается, что организуются отношения подряда, а не услуги по перевозке. Далее, в качестве примеров договоров между транспортными организациями приводятся два основных вида договора – узловые соглашения и договоры на централизованный завоз (вывоз) грузов. Этим же страдает и ст. 799 ГК Республики Беларусь.

Правила ст. 799 ГК РФ не позволяют отнести договорные отношения между пассажирским перевозчиком и такими субъектами, как другой перевозчик того же вида транспорта, владелец транспортной инфраструктуры, владелец транспортных средств, служба заказа такси, к числу договоров между транспортными организациями. Ни один из них не относится к перевозке грузов, и не направлен на организацию работ. Отчасти можно согласиться с мнением К. К. Бурдина о том, под транспортными организациями следует понимать «зарегистрированные в установленном законодательством порядке лица, имеющие транспорт на законном основании и осуществляющие с его помощью деятельность в рамках перевозочного процесса» [7, с. 7]. В то же время ст. 788 ГК РФ допускает договорное регулирование взаимоотношений транспортных организаций при перевозках пассажиров разными видами транспорта.

Согласно ст. 742 ГК Республики Беларусь смешанная перевозка грузов осуществляется или обеспечивается экспедитором по договору транспортной экспедиции в порядке, предусмотренном главой 41 настоящего кодекса. Получается, что оператором смешанной перевозки грузов по белорусскому законодательству может быть только экспедитор. Данное утверждение имеет свои плюсы и свои минусы. С одной стороны, четко определяется статус лица, организующего перевозку в прямом смешанном сообщении. С другой – ограничивает круг лиц, которые могут заниматься этой деятельностью.

До настоящего времени дискуссионными остаются некоторые проблемы договора транспортной экспедиции, которые поднимались уже неоднократно на страницах юридической литературы. Так, дискутируя с профессором В. В. Витрянским по поводу предмета договора транспортной экспедиции, я обратил внимание на то, что он слишком широко трактует предмет договора транспортной экспедиции, включая в понятие «организация перевозки грузов» перевозку груза собственными средствами [8, с. 19]. Не буду повторять свои аргументы. Но отрадно, однако, что В. С. Каменков, будучи Председателем Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, поддержал мою позицию и отметил, что оказание услуги по перевозке грузов не является предметом договора транспортной экспедиции ни при каких условиях [9, с. 19].

Важно также отметить позитивную динамику интеграционных механизмов, которую можно обнаружить в ключевых инновациях, отраженных в Соглашении о международных автомобильных перевозках между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 18 августа 2023 г. К их числу можно отнести поэтапную отмену разрешений для перевозок в третьи страны до 2030 г., доступ к каботажным перевозкам для белорусских перевозчиков по территории РФ (и наоборот). В результате наблюдается экономический эффект: рост экспорта логистических услуг Республики Беларусь на 10% в 2024 г. Также необходима и налоговая гармонизация в сфере перевозок.

Векторы совершенствования транспортного законодательства связаны с имплементацией некоторых белорусских решений в законодательство РФ, в частности, ведение в ГК РФ аналога ст. 752 ГК Республики Беларусь о договорах организации пассажирских перевозок и закрепление критерия «систематичности» для

долгосрочных обязательств; унификацию терминологии; принятием совместного Транспортного кодекса Союзного государства. Транспортное право – не система норм, а инфраструктура интеграции. Гармонизация законодательства РФ и Республики Беларусь способна превратить правовые «мостики» в скоростные магистрали экономического роста.

Библиографический список

1. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. – Т. 20. – 858 с.
2. Гражданско-правовые механизмы в цивилистических исследованиях : моногр. / Отв. ред. С. Ю. Морозов. – Москва : Проспект, 2023. – 600 с.
3. Керимов, Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – 4-е изд. – М. : Изд-во СГУ, 2008. – 521 с.
4. Петров, Д. А. Проблемы конкурсного отбора перевозчиков при организации транспортного обслуживания населения автомобильным транспортом / Д. А. Петров // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Серия 14. – Вып. 3. – 2011. – С. 32–38.
5. Морозов, С. Ю. Транспортное право: учебник для вузов / С. Ю. Морозов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд-во «Юрайт», 2024. – 322 с.
6. Сапега, В. А. Договорное регулирование транспортно-экспедиционной деятельности / В. А. Сапега. – Ульяновск, 2023. – 183 с.
7. Бурдин, К. К. Понятие транспортной организации / К. К. Бурдин // Транспортное право. – 2024. – № 4. – С. 4–7.
8. Морозов, С. Ю. К вопросу о соотношении договоров транспортной экспедиции и перевозки грузов / С. Ю. Морозов // Транспортное право. – 2011. – № 2. – С. 18–20.
9. Каменков, В. С. Предмет договора транспортной экспедиции / В. С. Каменков. – URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/255867> (дата обращения: 28.06.2025)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СОДЕРЖАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Д. В. Перевалов

*ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем
обеспечения пограничной безопасности научно-исследовательской части
Института пограничной службы Республики Беларусь,
доктор юридических наук, доцент
perevalovdim@gmail.com*

С. А. Михалёнок

*доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
kafedra_gu@bsu.*

В статье рассматривается проблема определения содержания государственного управления в области борьбы с преступностью. В качестве одного из решения данной проблемы предлагается использовать подходы, сложившиеся в административном праве относительно отраслевого государственного управления и теории обеспечения национальной безопасности. Выделены компоненты, составляющие содержание рассматриваемого отраслевого государственного управления, и дается их содержательная характеристика.

Ключевые слова: государственное управление; борьба с преступностью; профилактика правонарушений; раскрытие преступлений; расследование преступлений; исполнение наказаний; охранная деятельность меры государственного управления; методы государственного управления.

Необходимость переосмысления на настоящем этапе содержания государственного управления в административно-политической сфере, в частности, в области борьбы с преступностью, обуславливается характером складывающихся в этой сфере общественных отношений, потребностью в выработке и реализации адекватных мер противодействия угрозам национальной безопасности, необходимостью в этой связи определения основных направлений государственной политики в данной сфере и создания условий для их реализации и др. При этом анализ научно-практической литературы и правоприменительной практики уполномоченных государственных органов системы обеспечения национальной безопасности показывают, что названной проблеме уделяется неоправданно мало внимания. Данная проблематика фрагментарно исследовалась в советское время [1, с. 135–146]. Для современности характерны единичные работы в России [2, с. 174–192]. Как в РФ, так и в Республике Беларусь государственное управление в данной области рассматривается в основном в учебных изданиях [3, с. 256–278; 4, с. 531–558; 5, с. 249–262; 6, с. 643–651; 7, с. 463–510; 8, с. 510–517]. При этом за пределами научных исследований остались многие вопросы, связанные с содержанием государственного управления в исследуемой области, не сформированы

единые взгляды на состав его компонентов, требует теоретического осмысления сложившаяся практика данного вида государственного управления. В связи с этим представляется обоснованным и актуальным раскрыть содержание государственного управления в области борьбы с преступностью, выделить составляющие его компоненты и дать им развернутую характеристику. Основываясь на сложившихся подходах относительно отраслевого государственного управления в административно-политической сфере [1, с. 17–280; 2, с. 7–344; 3, с. 225–302; 4, с. 492–579; 5, с. 249–262; 6, с. 630–663; 7, с. 424–510; 8, с. 494–533], можно обоснованно констатировать, что государственное управление в области борьбы с преступностью, как и иные составные элементы государственного управления в области внутренних дел является подотраслью отраслевого государственного управления внутренними делами, которому присущи все основные признаки (вертикаль соподчинения; реализация единой политики через отраслевые органы государственного управления; обеспечение необходимых внутриотраслевых пропорций и т.д.).

Учитывая изложенное, а также содержание правового регулирования, практику правоприменения и реализации соответствующих государственных мер в содержании государственного управления в области борьбы с преступностью целесообразно выделять следующие основные компоненты.

1. *Объектом рассматриваемого управления является область борьбы с преступностью.* Традиционно данная подотрасль государственного управления в области внутренних дел именуется «профилактика правонарушений и организация борьбы с преступностью» [1, с. 135], «профилактика и раскрытие правонарушений» [2, с. 174]. В состав подотрасли включают такие функции, как профилактика правонарушений, раскрытие преступлений, расследование совершенных преступлений и изобличение виновных лиц, а также организация исполнения уголовных наказаний [1, с. 138–146; 2, с. 174–187], в отдельных случаях – организация частной охранной и детективной деятельности [2, с. 187–192]. При этом общепредупредительные меры, создающие благоприятные внешнеполитические и внутригосударственные условия борьбы с подрывной деятельностью противника, и меры непосредственного противодействия конкретным, преимущественно тайным преступным акциям вражеских разведчиков и агентов, в первую очередь, выявление, предупреждение и пресечение особо опасных государственных преступлений, относили к управлению в области обеспечения государственной безопасности [1, с. 68–69]. Между тем на современном этапе развития белорусского государства исследуемая область государственного управления приобрела свои отличительные особенности, характеризующие ее содержание в значительной степени по-иному, чем в советский период или в первые годы суверенного развития стран постсоветского пространства. В связи с этим видится обоснованным в настоящее время в качестве функций государственного управления в области борьбы с преступностью выделять: *профилактику правонарушений*, которая в соответствии с абз. 10, 11 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон о профилактике) будет представлять собой деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики противоправных виновных действий (бездействия), за совершение которых предусмотрена уголовная или административная ответственность, уполномоченными субъектами в соответствии с законодательством; *установление административных правонарушений*, представляющее

собой обнаружение и пресечение таких правонарушений, определение лиц их совершивших; *раскрытие преступлений*, которое целесообразно рассматривать как выявление и пресечение оперативно-розыскным путем неочевидных преступных деяний, когда личности совершивших их лиц неизвестны; *расследование административных правонарушений*, заключающееся в проведении комплекса административно-процессуальных и иных действий по подготовке дел об административном правонарушении, их рассмотрению и вынесению постановления о наложении административного взыскания; *расследование преступлений*, осуществляемое в виде предварительного расследования (проводится в форме дознания или предварительного следствия) и направленное на установление фактов совершения преступных деяний, установления виновных в их совершении лиц, сбора доказательств их вины и подготовке уголовного дела для передачи в суд для рассмотрения; *исполнение наложенных административных взысканий*, предполагающее реализацию мер административной ответственности, применяемых к физическим и юридическим лицам в соответствии с постановлением суда или иного уполномоченного органа; *исполнение уголовных наказаний*, которое представляет собой процесс реализации мер уголовной ответственности, примененных к осужденным физическим лицам в соответствии с постановленным приговором суда; *осуществление охранной деятельности*, заключающееся по стст. 1, 9, 15, 16, 24 Закона Республики Беларусь «Об охранной деятельности» (далее – Закон об охранной деятельности) в предоставлении уполномоченными субъектами услуг по защите имущества юридических лиц, а также жизни, здоровья и имущества их сотрудников или работников от противоправных посягательств.

2. *Субъектами рассматриваемого отраслевого государственного управления являются государственные органы, занимающие надведомственное положение по отношению к организационно подчиненной им области управления – борьба с преступностью.* Управление в области борьбы с преступностью напрямую связывают с функционированием МВД (как отраслевого органа государственного управления) и его территориальных органов [1, с. 135–146; 2, с. 174–192; 3, с. 256–278; 4, с. 531–558; 5, с. 249–262; 6, с. 643–651; 7, с. 463–510; 8, с. 510–517]. Между тем представляется, что такой подход не в полной мере соответствует реалиям сегодняшнего дня.

Во-первых, если в СССР все указанные выше функции соответствующей подотрасли управления реализовывались Министерством внутренних дел СССР, республиканскими министерствами внутренних дел и их территориальными органами (за исключением организации охранной деятельности), то Республике Беларусь данные функции выполняют различные ведомства. Так, *профилактику правонарушений* в соответствии со ст. 5 Закона о профилактике осуществляет 21 субъект, где органы внутренних дел (далее – ОВД) являются лишь одними из них. При этом координацию деятельности по профилактике правонарушений в пределах компетенции осуществляется Генеральным прокурором Республики Беларусь и нижестоящими прокурорами территориальных и транспортных прокуратур (ст. 6 указанного закона). *Установление административных правонарушений* по смыслу ст. 3.30 ПИКоАП Республики Беларусь уполномочены осуществлять 40 субъектов, среди которых ОВД не выделяются в качестве основных. *Раскрытие преступлений*, исходя из положений стст. 3, 12, 14 и 15 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», в пределах своей компетенции осуществляет 7 субъек-

тов, где ОВД также не являются ключевыми. *Расследование административных правонарушений* осуществляет 40 уполномоченными органами (ст. 3.30 ПИКоАП), а *расследование преступлений* только следователями Следственного комитета Республики Беларусь и органов государственной безопасности Республики Беларусь (далее – ОГБ) (чч. 1, 2 ст. 182 УПК Республики Беларусь). *Исполнение наложенных административных взысканий* по смыслу чч. 4 и 5 ст. 14.2, ст. 17.1, 18.1, 19.1 и др. ПИКоАП осуществляется соответствующим уполномоченным государственным органом в соответствии со своей компетенцией. В составе данных органов включены и ОВД, но только в той части, которая относится к их полномочиям. *Исполнение уголовных наказаний* в соответствии со ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь возложена как на структурные подразделения ОВД, так и органами принудительного исполнения (п. 2 Положения об органах принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов, утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 190). *Охранную деятельность* в соответствии с Законом об охранной деятельности (ст. 9) осуществляют уполномоченные на это организации.

Во-вторых, *Совет Министров Республики Беларусь* (Правительство Республики Беларусь) в соответствии со ст. 19 Закона Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» в области обеспечения законности и правопорядка уполномочен принимать меры по борьбе с преступностью, а также руководить деятельностью подчиненных ему республиканских органов государственного управления и иных организаций по борьбе с преступностью и коррупцией. Кроме того, положения ст. 12 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (координация деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией, профилактике правонарушений) устанавливают, что Генеральный прокурор Республики Беларусь, нижестоящие прокуроры территориальных и транспортных прокуратур координируют правоохранительную деятельность ОВД, ОГБ, других государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, в пределах своей компетенции – деятельность по профилактике правонарушений. Таким образом, в Беларуси Правительство и Генеральная прокуратура фактически осуществляют государственное управление в области борьбы с преступностью. Это обуславливает целесообразность выделения в качестве субъектов государственного управления в области борьбы с преступностью не две группы органов государственного управления: 1) государственные органы общей компетенции – Правительство Республики Беларусь, Генеральная прокуратура Республики Беларусь; 2) государственные органы специальной компетенции – ОВД, ОГБ и иные государственные органы системы обеспечения национальной безопасности в пределах, предоставленных им законодательством полномочий.

3. *Функциональным компонентом государственного управления в области борьбы с преступностью является система соответствующих мер.* В рассматриваемой области управления могут быть выделены следующие взаимосвязанные группы мер, которые реализуют уполномоченные субъекты: 1) регуляционные меры, в состав которых целесообразно включать правотворческие меры, которые предусматривают издание нормативных правовых актов, обязательных для всех неподчиненных им органов и организаций, а также инициирование, разработку и принятие законодательных актов в области борьбы

с преступностью; организационно-методические меры, которые предполагают разработку предложений по формированию государственных программ в области борьбы с преступностью, определяющих направления, формы и содержание деятельности в этой области; 2) координационные меры, которые могут составлять: согласительные меры, направленные на снятие и устранение противоречий, возникающих в результате столкновения интересов различных государственных органов и иных организаций при осуществлении деятельности по борьбе с преступностью; организующие меры, ориентированные на выработку и реализацию решений и действий, обеспечивающих организационное единство деятельности уполномоченных государственных органов в рассматриваемой области; 3) контрольные меры, охватывающие, как правило, разрешительные меры, обеспечивающие выдачу специальных разрешений на осуществление отдельных видов деятельности; надзорные меры, предусматривающие проведение контроля за соблюдением государственными органами, иными организациями установленных в области борьбы с преступностью норм и правил, а также осуществление административно-надзорной деятельности в рассматриваемой области.

4. При реализации государственного управления в области борьбы с преступностью применяются соответствующие методы управления. С. Н. Князев, Н. Б. Антонова и другие ученые указывают, что в числе методов государственного управления могут быть выделены общенаучные и специальные методы, прямые и косвенные, административно-распорядительные, экономические, социально-психологические и т. д. [9, с. 99–102]. В области рассматриваемого государственного управления также представляется обоснованным выделять административно-распорядительные, экономические и социально-психологические методы, обладающие собственным своеобразным содержанием.

5. Целью государственного управления в области борьбы с преступностью является достижение и поддержание максимального уровня защищенности интересов личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Если в советский период целью ставилось искоренение нарушений правопорядка и ликвидация преступности [1, с. 136], то в настоящее время целевой подход изменился. В соответствии с действующими концептуальными и нормативными документами цель рассматриваемого управления будет заключаться в достижении и поддержании максимального уровня защищенности интересов личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств.

Библиографический список

1. Советское административное право : Управление в области административно-политической деятельности / А. С. Бахов, В. М. Безденежных, Н. В. Блинова [и др.] ; ред. кол. : Ю. М. Козлов, Б. М. Лазарев, А. Е. Лунев [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1979. – 344 с.
2. Полянский, И. А. Государственное управление в административно-политической сфере / И. А. Полянский. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. – 359 с.
3. Алехин, А. П. Административное право России : учебник / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий. – М. : «Зерцало-М», 2011. – Вторая часть. – 312 с.
4. Административное право : учебник / А. Б. Агапов, Э. П. Андрюхина, Н. Н. Бакурова [и др.] ; под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 2-е изд., перераб. и доп. – 704 с.

5. Административное право Российской Федерации : учебник для СПО / А. И. Стахов, В. А. Зюзин, Н. В. Ландерсон [и др.] ; под ред. А. И. Стахова, В. А. Зюзина. – М. : РГПУ, 2022. – 420 с.
6. Мах, И. И. Административное право Республики Беларусь : учеб. пособие / И. И. Мах. – М. : Амалфея, 2008. – 704 с.
7. Крамник, А. Н. Административное право. В 2 ч. : учебник / А. Н. Крамник, О. И. Чуприс. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – Ч. 1 : Управленческое право. – 567 с.
8. Административное право : Л. М. Рябцев, О. И. Чуприс, Т. В. Телятицкая [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 607 с.
9. Основы государственного управления: для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования : учеб. пособие / Н. Б. Антонова, Т. В. Бутова, Л. С. Вечер [и др.] ; под ред. С. Н. Князева, Н. Б. Антоновой; Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 414 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ОПЕРАТИВНОМУ РЕАГИРОВАНИЮ НА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ

О. Н. Толочко

*профессор кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
o.tolochko@mail.ru*

Статья посвящена актуальным проблемам развития международного сотрудничества по противодействию и оперативному регулированию на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации. Обосновывается необходимость включения рассматриваемых вопросов в повестку ЕАЭС и изменение ряда статей Закона Республики Беларусь «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Ключевые слова: международное сотрудничество; международное право; законодательство о чрезвычайных ситуациях; экологические угрозы; оперативное реагирование.

Международное сотрудничество по реагированию на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации является важным инструментом реализации экологической политики Республики Беларусь и достижения Целей устойчивого развития. Потребность в эффективном межгосударственном взаимодействии в данной сфере возрастает ввиду глобального изменения климата, интернационализации последствий природных катаклизмов и чрезвычайных ситуаций, урбанизации и сосредоточения большого количества людей в населенных пунктах, увеличения количества наводнений, засух, ураганов и волн экстремальных температур. Несмотря на то, что ряд проблем, касающихся совершенствования управления рисками, оперативного реагирования, преодоления последствий и адаптации к возрастанию количества экологических угроз и чрезвычайных ситуаций, уже исследован, еще множество проблем не разрешено.

Экологические угрозы – собирательное и в значительной мере условное понятие. В Стратегии в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2035 г. (Приказо Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 24 декабря 2021 г. № 370-ОД) в качестве вызовов и угроз выделяются повышение аридизации климата, увеличение повторяемости опасных метеорологических явлений – засух, периодов с аномально высокой температурой, неблагоприятных условий рассеивания загрязняющих веществ и др. Особый вид экологических угроз связан с недостаточным уровнем экологической культуры населения, следствием чего является потребительское отношение к природе, несоблюдение правил поведения в окружающей среде, нарушение природоохранного законодательства.

В настоящее время «экологическая проблематика по приоритетности значительно отстает от социально-экономической и политической, как правило, отодвигаясь в политическом публичном пространстве на периферию. Попытки включить экологическую повестку в официальный дискурс обернулись декларативностью целей и задач и, как

следствие, слабой включенностью населения в экологические проекты» [1, с. 211]. Это не способствует решению назревших проблем.

Чрезвычайная ситуация Законом Республики Беларусь 5 мая 1998 г. № 141-З «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» определяется как «обстановка, сложившаяся на определенной территории в результате промышленной аварии, иной опасной ситуации техногенного характера, катастрофы, опасного природного явления, стихийного или иного бедствия, которые повлекли или могут повлечь за собой человеческие жертвы, причинение вреда здоровью людей или окружающей среде, значительный материальный ущерб и нарушение условий жизнедеятельности людей».

Возрастающая взаимозависимость государств в условиях новых экологических вызовов и угроз и обусловленных ими чрезвычайных ситуаций требует эффективного международного сотрудничества. В настоящее время основным органом в структуре ООН, координирующим глобальное реагирование на чрезвычайные ситуации для спасения жизней и защиты людей в гуманитарных кризисах, является Управление по координации гуманитарных вопросов. Создан и функционирует Центральный фонд чрезвычайного реагирования с упрощенным механизмом получения финансовой помощи, который финансируется государствами – членами ООН, а также многосторонние Объединённые страновые фонды. В качестве одного из структурных подразделений функционирует Система оценки и координации действий при стихийных бедствиях ООН (UNDAC). В целом Управление по координации гуманитарных вопросов представляет собой глобальную систему оперативного мониторинга, прогнозирования и реагирования на чрезвычайные ситуации различного характера с учетом их специфики и географического региона.

В международную систему противодействия чрезвычайным ситуациям включены также специализированные учреждения, фонды и программы ООН – Всемирная организация здравоохранения, Детский фонд ООН, МВФ, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Всемирная метеорологическая организация, МАГАТЭ, Международная организация гражданской авиации, Всемирная продовольственная программа, которые занимаются конкретными чрезвычайными ситуациями радиационного или химического характера, голодом, засухами, эпидемиями и др. Кроме того, создано и действует Управление ООН по снижению риска бедствий, которое организует мероприятия с участием специалистов по соответствующим проблемам и официальных представителей государств, международных организаций и бизнеса.

В настоящее время действует довольно большое количество универсальных международных договоров, призванных обеспечить взаимодействие государств в деле предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. В числе таких договоров Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий 1992 г., Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г., Конвенция о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации 1986 г., Конвенция о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи 1998 г. и др. Значительное число универсальных международных соглашений, а также актов международных организаций по вопросам предупреждения и ликвидации последствий экологических угроз и чрезвычайных ситуаций, даёт основания некоторым авторам говорить о формировании международного права чрезвычайных ситуаций [2, с. 23].

Сотрудничество в сфере оперативного реагирования на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации предусматривается основополагающими актами интеграционных объединений (ЕС, СНГ и др.), а также региональных международных межправительственных организаций, таких как АСЕАН, ШОС, Африканский союз. Так, Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций 2015 г. устанавливает, что в случае возникновения чрезвычайной ситуации или появления угрозы ее возникновения на территории одной из сторон эта сторона может обратиться с запросом о предоставлении помощи к другой стороне или сторонам; при этом условия предоставления помощи определяются в каждом конкретном случае по договоренности, запрашивающей и предоставляющей сторонами. Созданы и функционируют Межгосударственный совет СНГ по чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера, Координационный совет по чрезвычайным ситуациям государств – членов ОДКБ. Заключаются межправительственные и межведомственные соглашения по отдельным вопросам реагирования на чрезвычайные ситуации и бедствия. Республика Беларусь заключила более 50 таких международных договоров, в том числе с Австрией, Венгрией, Вьетнамом, ФРГ, Италией, Турцией и др., взаимодействует с ведущими профильными международными организациями, такими как ООН, МАГАТЭ, ОДКБ, Международная организация гражданской обороны, Международная ассоциация пожарных и спасательных служб.

Международное сотрудничество способствует совершенствованию системы снижения рисков бедствий, оперативного оповещения о чрезвычайных ситуациях и реагирования, развития технологий помощи и спасения, подготовки кадров, применения и распространения передового опыта в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и преодоления их последствий, а также научно-исследовательской деятельности. Республика Беларусь неоднократно оказывала помощь государствам, пострадавшим от природных и иных чрезвычайных ситуаций, в том числе помогала в тушении лесных пожаров в Греции, Грузии, Латвии, России и Турции.

Сотрудничество в сфере реагирования на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера стоит также в повестке ОДКБ. В числе основных задач Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ – участие в выполнении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи. В соответствии со ст. 2 Соглашения о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ, формирования направляющей Стороны могут направляться на территорию принимающей Стороны в соответствии с официальным обращением последней для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, если это не противоречит законодательству обеих Сторон.

Очевидно, что вопросы международного сотрудничества и коллективных мер по противодействию экологическим угрозам, предотвращению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций должны обрести своё место также в праве ЕАЭС. Нарастание климатических проблем, рост числа техногенных аварий, обусловленных в значительной мере износом основных фондов и оборудования, дефицитом кадров и иными объективными и субъективными факторами ставит в повестку активизацию сотрудничества государств в рамках наиболее эффективного на данный момент интеграционного объединения с участием Беларуси – ЕАЭС. Отсутствие в рамках экономического

союза, каковым является ЕАЭС, правовых механизмов коллективного реагирования на такого рода вызовы представляется очевидным пробелом. В связи с этим необходимо инициировать подготовку (возможно, в виде отдельного Приложения к Договору о ЕАЭС 2014 г.) договора о реагировании, сотрудничестве, гуманитарной и технической помощи при возникновении на территории государства-участника чрезвычайной ситуации техногенного или экологического характера. В таком документе должен быть предусмотрен порядок обращения за помощью, её объем, проведение аварийно-спасательных работ, а также механизмы финансирования соответствующих мероприятий. Возможно, стоит рассмотреть вопрос о создании соответствующего фонда противодействия экологическим угрозам и чрезвычайным ситуациям, страхование рисков, условия обращения в Евразийский банк развития за соответствующим кредитом или субсидией и др. Нет сомнений, что коллективные меры, принятые «консорциумом» государств-участников, будут гораздо более масштабными и эффективными, а наличие урегулированного договором алгоритма действий ускорит и облегчит оперативное реагирование на такого рода ситуации.

Как уже отмечалось, в Республике Беларусь действует Закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», определяющий общие организационно-правовые нормы в области защиты индивидов, территорий, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды от чрезвычайных ситуаций. С целью более полной и эффективной реализации указанной функции представляется полезным дополнить указанный Закон положениями, имплементирующими передовые международные практики в части оповещения населения, оказания экстренной медицинской и психологической помощи и финансового обеспечения соответствующих мероприятий.

Так, ст. 1 «Основные понятия» следует дополнить терминами, определяющими субъектов соответственных отношений, в том числе ввести понятия «пострадавший», «спасатель», «добровольный спасатель», «волонтер», «медицинский работник», «сотрудник психологической службы» и т. п. Ст. 8 «Гласность и информация в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» целесообразно дополнить нормами, регулирующими экстренное оповещение. В ныне действующем Законе речь идет об информации и гласности, однако понятия «информация», «гласность» и «оповещение» не являются идентичными. Необходимо установить конкретные правила задействования системы экстренного оповещения, как, например, в Законе Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. № 188-V ЗРК «О гражданской защите». Закон определяет сигнал оповещения «Внимание всем» и устанавливает, что при задействовании такого сигнала система оповещения должна обеспечить одновременное и многократно повторяемое доведение информации об угрозе возникновения или возникновении чрезвычайной ситуации до населения и о порядке действий людей в сложившейся ситуации. Следует также дополнить действующий Закон нормами, регулирующими оказание медицинской и психологической помощи при ликвидации последствий чрезвычайной ситуации. С учетом тенденции к нарастанию количества и масштабов чрезвычайных ситуаций и экологических угроз, возможно, следует рассмотреть вопрос о создании в структуре Министерства здравоохранения Республики Беларусь Службы медицины катастроф с соответствующим организационно-техническим обеспечением.

Эти и другие изменения, направленные на реализацию международных стандартов реагирования на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации, могут быть осуществлены в процессе подготовки Кодекса о гражданской защите, предусмотренной Национальной стратегией по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на период до 2030 г., утвержденной премьер-министром – начальником гражданской обороны Республики Беларусь 30 ноября 2018 г.

Помимо Национальной стратегии, практическим вопросам предупреждения и ликвидации последствий экологических угроз и чрезвычайных ситуаций в Республике Беларусь посвящены такие документы как Основные направления реализации единой государственной политики в области гражданской обороны (Постановление Совета Министров Республики Беларусь 30 декабря 2024 г. № 1050) и Государственная программа «Урегулирование чрезвычайных ситуаций» на 2021–2025 гг. (Постановление Совета Министров Республики Беларусь 22 марта 2021 г. № 158). При разработке этих актов были учтены положения принятой под эгидой ООН Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. Как представляется, содержащиеся в указанных документах положения могут быть дополнены мероприятиями по профилактике восприимчивости людей к ложной и вводящей в заблуждение информации и склонности к ее распространению, поскольку неэффективное информирование может подпитывать слухи, подрывать доверие, препятствовать принятию решений и увеличивать риски.

Таким образом, экологические угрозы и чрезвычайные ситуации становятся серьёзным вызовом для государств и международного сообщества. Стремительно меняющаяся в связи с экологическими, социально-политическими и иными факторами ситуация свидетельствует о том, что на данном направлении требуются новые, еще более решительные меры.

Библиографический список

1. Великая, Н. М. Экологические угрозы как фактор экологизации общественного сознания / Н. М. Великая, О. П. Новоженина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 209–227.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Н. В. Валюшко-Орса

*доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
natallia_v@inbox.ru*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с государственным регулированием в сфере защиты персональных данных несовершеннолетних в глобальной компьютерной сети Интернет.

Ключевые слова: несовершеннолетний; персональные данные; Интернет; биометрическая идентификация; биометрическая аутентификация; обезличивание.

На современном этапе ИКТ (сети беспроводной и кабельной связи, электронную почту, сотовую связь, сеть Интернет и др.) получили широкое развитие и распространение не только среди взрослого населения, но и среди несовершеннолетних. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь удельный вес детей в возрасте 6-17 лет, использовавших ИКТ в 2024 г, в частности Интернет, составил 97,1 % (из них 90,9 % выходило в Интернет ежедневно) [1].

Несмотря на то, что Интернет имеет позитивный эффект, например, в рамках образовательного процесса (благодаря доступности различного рода информации), повышении познавательной активности и др., имеются и определенные онлайн-угрозы. Особое место в перечне угроз, с которыми могут столкнуться несовершеннолетние при использовании Интернета, занимают проблемы защиты персональных данных и управления ими. С учетом того, что ИКТ все активнее проникают во все сферы жизни, возникает вопрос о защите их персональных данных [2, с. 93].

Согласно ст. 1 Закона «О защите персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. К персональным данным интернет-пользователя можно отнести следующую информацию: имя, отчество и фамилию; адрес проживания; номер телефона; данные, размещенные в социальных сетях (например, фотографии) и т.д.

Обратим внимание на то, что завладение персональными данными несовершеннолетних может не только нанести существенный вред их психологическому развитию, но и подвергнуть риску их собственную жизнь и жизни близких им людей [3, с. 125].

В настоящее время существуют специально разработанные различные средства для защиты персональных данных, такие, например, как пароли, идентификаторы, электронные цифровые подписи. Тем не менее, риски распространения и ненадлежащего использования персональных данных достаточно высоки, т.к. среди онлайн-пользователей имеется довольно большое количество несовершеннолетних [2, с. 93], которые

в силу возраста и недостаточно развитого критического мышления, не могут надлежащим образом оценить все риски утечки их персональных данных.

Отметим, что в начале своего развития Интернет был анонимным, его протоколы не предусматривали передачи данных о пользователях, а их действия не требовали раскрытия личности. Однако с появлением цифровых платформ, на которых стало возможным заказывать различного рода товары, пользоваться государственными услугами, заключать договоры возникла потребность в идентификации пользователей в качестве реально существующих субъектов права. Стали использоваться «привязанные» к телефонным номерам коды и пароли, электронные подписи и т.д. [4, с. 94]

На современном этапе может возникнуть вопрос относительно достоверности введенных персональных данных и правомерности их использования со стороны несовершеннолетних, то есть речь идет о том, что, например, несовершеннолетний для совершения покупки дорогостоящего товара может ввести данные одного из своих законных представителей.

По нашему мнению, для того, чтобы оградить несовершеннолетних от контента, который предназначен для лиц с восемнадцати лет, в том числе и опасного контента, необходимо ввести обязательную биометрическую идентификацию и биометрическую аутентификацию несовершеннолетних пользователей при регистрации на сайтах, а также в различных социальных сетях с установленной возрастной категорией «18+».

Биометрическая идентификация долгое время не получала распространения в интернет-среде, хотя именно она позволяет с высокой степенью достоверности соотносить виртуальную личность с реальным человеком. Причиной тому была высокая нагрузка на сети и устройства при обработке и хранении биометрической информации. Однако, развитие технологий обработки данных, появление информационных носителей нового поколения и «скоростных» сетей связи 4G и 5G открыло возможность широкого использования технологий удаленной биометрической идентификации и биометрической аутентификации [4, с. 94].

Важным средством защиты персональных данных несовершеннолетних является их обезличивание [5, с. 642]. Согласно ст. 1 Закона «О защите персональных данных» обезличивание персональных данных – действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных. В общей сложности, персональные данные несовершеннолетних должны быть максимально защищены от доступа со стороны третьих лиц, то есть обезличены в своем первоначальном виде [6, с. 143].

В связи с большим объемом персональных данных, хранящихся, например, в социальных сетях, несовершеннолетним пользователям необходимо иметь реальную возможность управлять их конфиденциальностью, что требует внедрения средств управления конфиденциальностью персональных данных, доступных и понятных каждому несовершеннолетнему пользователю, а также сервисов, сообщающих о любом использовании и передаче их персональных данных [6, с. 144].

В целом, для решения имеющихся вопросов, следует использовать комплексный подход, при реализации которого будут задействованы как законные представители несовершеннолетних, так и соответствующие государственные органы. Только совместными усилиями можно достичь положительных результатов при решении существующих проблем, касающихся защиты персональных данных несовершеннолетних в Интернете.

Библиографический список

1. Статистический обзор / Международный день защиты детей // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/official_statistika/statobzor-deti-2025.pdf (дата обращения: 11.06.2025).
2. Солдатова, Г. У. Персональные данные и дети: вопросы безопасности / Г. У. Солдатова, О. И. Теславская // Эпоха науки. – 2017. – № 12. – С. 92–102.
3. Елистратова, О. В. Обеспечение информационной безопасности персональных данных детей и молодежи / О. В. Елистратова // Актуальные вопросы информационного противодействия распространению идеологии терроризма : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2023. – С. 124–131.
4. Государственное регулирование Интернета и права человека / М. С. Саликов, С. Э. Несмеянова, Н. Е. Колобаева, С. С. Кузнецова, А. Н. Мочалов; под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. С. Саликова. – Екатеринбург : Изд. УМЦ УПИ, 2022. – 220 с.
5. Максимова, В. С. Проблемы защиты персональных данных несовершеннолетних в цифровой действительности и пути их решения / В. С. Максимова, И. А. Гусева // Молодеж. вестн. ИрГТУ. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 640–644.
6. Беззатеева, В. С. Сохранность и защита персональных данных несовершеннолетних в социальных сетях / В. С. Беззатеева // Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки: сб. докладов науч. сессии. – СПб., 2022. – С. 143–144.

О КОМПЛЕКСНОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЕ

А. В. Карамышев

*доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
akarwamot@gmail.com*

В статье в контексте теоретико-прикладной проблематики административного процесса обозначены ключевые параметры формирования отраслевой субсидиарной модели общей и специальных административных процедур на началах процессуальной консолидации.

Ключевые слова: административный процесс; общая административная процедура; специальные административные процедуры; субсидиарная модель; комплексный базовый закон.

Рассмотрение проблематики административной процедуры можно начать с паспорта научной специальности 12.00.14. Административный процесс, который охватывает весь комплекс проблем теоретического исследования данного правового феномена. И хотя административная процедура здесь не названа, хотя именно она формирует процесс. В то же время, в паспорте научной специальности обозначены «административные процедуры». Из-за своей специфичности этот организационно-правовой блок отделен от специальной проблематики процессуализации и помещен в общем наборе институтов административного права. Также из административного процесса выведен юрисдикционный механизм судебного контроля в государственном управлении. Он отнесен к научной специальности 12.00.15 – гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс, с задачей исследования «особенностей рассмотрения дел с участием государственных органов».

Такая ситуация обусловлена дисбалансом процессуальной системы. В теоретическом плане это проявляется в сохраняющемся делении административно-процессуальных отношений на административно-процедурные, осуществляемые органами государственного управления при разрешении бесспорных, неконфликтных административных дел, и административно-юрисдикционные отношения, связанные с разрешением административных споров [1, с. 503]. Признавая определенную научно-прикладную полезность данной конструкции, отметим, что группировка выстроена при отсутствии системного процедурно-процессуального законодательства, в котором отсутствует деление на административно-процедурный («неконфликтный») и административно-юрисдикционный («конфликтный») блоки. Эти блоки объединены в канве двувидовой (неформальной/ординарной и формальной/осложненной) общей административной процедуры и некоторых ее специальных форм. Обозначить такую модель можно используемым в научном обороте понятием «комплексная правовая процедура» [2, с. 97]. Ее отдаленной «реминисценцией» выступала модель, состоявшая из «простой» и «сложной (многоступенчатой)» административных процедур, первоначально закрепленная в Законе Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» (далее – Закон об основах административных процедур).

В условиях, когда вопрос о принятии процедурно-процессуального законодательства не вошел в практическую повестку, деление правоотношений на «процедурные» и «юрисдикционные» наряду с другими многочисленными классификациями можно было допустить в канве широкого теоретического дискурса. Резонно отмечено: «в связи с многообразием точек зрения на структуру административного процесса сложно определить даже приблизительно количество выделяемых учеными видов административных производств» [3, с. 11]. Однако на фоне примеров современного процедурно-процессуального праворегулирования количественный фактор утрачивает свое значение.

Именно данный фактор, а не качественный (структурный), превалирует в сохраняющихся подходах к выделению «административных процедур» и «административных производств». Важно подчеркнуть, что такое разделение не соответствует общепринятой нормативно-процедурной модели. Административно-процедурная упорядоченная компонента (рецепция «германской» модели) получила материальное воплощение в постсоветской административистике в формате законов об административной процедуре (административном производстве) либо административных процедурно-процессуальных кодексов.

Тем не менее, отечественная административистика оперирует количественным критерием, связывая его с «характером индивидуально-конкретных дел» [4, с. 269; 5, с. 220]. С принятием Закона об основах административных процедур и сопутствующего нормативного массива это число дало экспоненциальный рост за счет объемных перечней «процедурных производств», которые к тому же являются ничем иным, как материально-правовыми конструкциями.

В учебниках находим следующие виды административных производств: производство по изданию правовых актов управления, регламентарное производство, лицензионное производство, регистрационное производство, разрешительное производство, производство по обращениям граждан и юридических лиц, производство по осуществлению административных процедур [4, с. 269–270].

Несколько иная группировка представлена на Правовом форуме Беларуси: 1) административно-процедурное производство (лицензирование; регистрационное; правотворческое); 2) юрисдикционное производство (производство по предложениям, заявлениям и жалобам граждан; производство по делам о дисциплинарных проступках; производство по делам об административных правонарушениях) [6].

Очевидно, что такого рода наполнения методологически не выверены. Так, производства по изданию правовых актов управления как такового не существует. Оно беспредметно, абстрактно. Для выделения (обособления) некоторых других производств также нет отличительных процессуальных (процедурных) критериев. Объективно эти категории административных дел умещаются в типовую (общую-специальную) процедурную канву, которая должна регулироваться «комплексным базовым законом», что повсеместно реализовано в административном праве (процедурно-процессуальном законодательстве).

Проиллюстрируем проблематику. В ранее действовавшем постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156 об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей указывалось (п. 2), что оно не распространяется на отношения, связанные с лицензированием отдельных видов деятельности. Более того, п. 12 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2020 г. № 450, устанавливает, что в нормативных правовых актах,

не регулирующих вопросы лицензирования в целом, как правило, не должны содержаться нормы, определяющие его порядок и условия. В действующем постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2021 г. № 548 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования» такая норма отсутствует, а перечень, в свою очередь, содержит ряд лицензионных «процедур».

С принятием Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании» (далее – Закон о лицензировании) Закон об основах административных процедур был дополнен в ст. 3 п. 5¹ (сейчас это п. 7). Согласно новелле, если законодательными актами в сфере лицензирования установлены «иные правила», чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются нормы законодательных актов в сфере лицензирования.

Данный пункт сформулирован аналогично п. 8 статьи о примате международного договора над нормами Закона об основах административных процедур. Таким образом, в обоих случаях предполагается коллидирующее соотношение (полное замещение) процедурных порядков, отличное от субсидиарного взаимодействия общей и специальной норм (применения в неурегулированной части). Представляется, что к соотношению норм Закона об основах административных процедур и Закона о лицензировании коллизионная формула, в принципе, некорректна.

Это подтверждает и сам характер процедурного наполнения Закона о лицензировании. Нормы глав 4 и 5, по сути, имеют материальное содержание. Процедурный элемент представлен фрагментарно. Таким образом, лицензионное производство не выглядит полным, самодостаточным. Требуется компенсационный механизм принципов и правил общей административной процедуры, что важно, в ее актуальной парадигме. Вопрос о субсидиарной связи с базовой административной процедурой также важен и для других производств. Рассмотрим альтернативные формулы: «общая процедурная норма (принцип) применяется в части, не урегулированной специальной нормой», либо – «специальная норма действует в части, не урегулированной общей нормой (принципом)». Характер процедурного наполнения Закона о лицензировании явно предполагает активацию последней. В рассмотренном примере (как и во многих других) такой выбор можно первично охарактеризовать как вынужденный, ситуационный. Однако, и в целом при рациональном форматировании типовой административно-процедурной модели в основу должна быть положена именно данная субсидиарная формула.

Библиографический список

1. Зеленцов, А. Б. Административный процесс как вид юридического процесса: современные проблемы понимания и нормативно-правовой регламентации / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Право. – 2018. – № 4. – С. 501–521.
2. Байтин, М. И. Теоретические вопросы правовой процедуры / М. И. Байтин // Журн. рос. права. – 2000. – № 8. – С. 97–98.
3. Стариков, Ю. Н. Административный процесс: «административная подделка ради легкости административных воздействий» или Способ усиления судебного контроля над администрацией / Ю. Н. Стариков // Полицейское право. – 2006. – № 4. – С. 5–23.
4. Рябцев, Л. М. Административное право: учебник / Л. М. Рябцев, О. И. Чуприс [и др.] – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 607 с.
5. Рябцев, Л. М. Административное право: учебник / Л. М. Рябцев, О. И. Чуприс [и др.] – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2024. – 558 с.
6. Правовой форум Беларуси. – URL: <https://forumpravo.by/forums/information/?id=202> (дата обращения: 04.06.2025).

**МЕЖДУНАРОДНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ:
В ПОИСКЕ ОТВЕТОВ НА ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ОБ
ИЗБЕЖАНИИ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ)**

Е. В. Килинкарова

*доцент кафедры административного и финансового права
юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
e.kilinkarova@spbu.ru*

Общим для правового регулирования международного налогообложения в России и Беларуси является заключенное между государствами соглашение об избежании двойного налогообложения. Автор обращается к знаковым для развития судебной практики в России делам, связанным с применением данного соглашения: делу АО «ОКБ «Кристалл», в котором суды еще раз подтвердили, что налогоплательщик не вправе выбирать, в каком из государств платить налог, и делу ООО «Колтйюбинг Сервис», в котором были рассмотрены вопросы методологии квалификации прямо не поименованных в соглашении доходов.

Ключевые слова: международное налогообложение; налоговое право; налоги; устранение двойного налогообложения; соглашение об избежании двойного налогообложения.

Налоги являются неотъемлемым признаком государства, и существование эффективной налоговой системы во многом предопределяет состояние публичных финансов государства и его степень его успешного функционирования. Правила налогообложения в трансграничных ситуациях обычно формируются государствами с учетом цели поощрения развития международных инвестиций в экономику, что, впрочем, не должно создавать возможности для злоупотреблений и порождать ситуации двойного неналогообложения.

Налоговое право призвано создавать правовой режим для надлежащего исполнения обязанности по уплате налогов. Несмотря на то, что налоговые системы государств могут существенным образом различаться, тем не менее в последние десятилетия подходы в организации налогового администрирования сближаются и широкое распространение получают общие налогово-правовые конструкции, особенно в сфере международного налогообложения. В этой связи следует положительно оценить как публикации белорусских авторов по вопросам налогового права Беларуси в российских изданиях [1; 2], так и исследование российскими авторами отдельных вопросов правового регулирования налогообложения в Республике Беларусь [3].

На наш взгляд, правовое регулирование международного налогообложения представляет собой ту часть налогового права, в которой особо требуется научное взаимодействие ученых России и Беларуси в целях содействия совершенствованию правового регулирования и развитию единообразной практики правоприменения. И если положения налогового законодательства могут быть схожи, но все же различаться в деталях, что влияет на практику их применения, то общим для наших правовых систем является

Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 21 апреля 1995 г. «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и имущество» (далее – СИДН), подходы к толкованию которого, как представляется, должны быть едиными.

Практика применения российскими арбитражными судами СИДН между Россией и Беларусью в целом немногочисленна – по данным СПС КонсультантПлюс до арбитражных судов округов дошло чуть менее четырех десятков дел. Это в целом неудивительно, учитывая, что количество дел, в которых применяются СИДН, как правило составляет очень малую долю в числе рассмотренных судами налоговых споров (например, за период 2021–2023 гг. рассмотренные арбитражными судами округов в кассационном порядке дела, связанные с применением СИДН, составили чуть менее половины процента всех налоговых дел) [4, с. 121]

Вместе с тем, как представляется, в данном случае имеет значение не количество дел, а то, какие вопросы были в них поставлены и насколько значимыми стали решения судов для развития теории и практики международного налогообложения в конкретном государстве.

В рамках данной статьи рассмотрим два дела – дело АО «Опытно-конструкторское бюро «Кристалл» (итоговым по делу стало постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 апреля 2025 г. по делу № А40-163174/2024) и ООО «Койлтюбинг Сервис» (данное дело прошло несколько кругов рассмотрения, последним решением стало определение Верховного Суда РФ от 18 октября 2021 г. № 302-ЭС20-7898 по делу № А33-5439/2019), которые вызвали определенный резонанс в профессиональном сообществе и, бесспорно, являются значимыми для российского налогового права.

В деле АО «Опытно-конструкторское бюро «Кристалл» спорным оказался вопрос о толковании формулировки СИДН «могут облагаться налогом» в ситуации, когда статья соглашения наделяет оба государства – и государство источника дохода, и государство резидентства налогоплательщика, правом на налогообложение. Весьма любопытно, что с позиций доктрины права международных налоговых договоров данный вопрос не является дискуссионным. Вместе с тем, как показывает практика, существуют риски разного толкования данных правил налогоплательщиками, налоговыми агентами и даже судами.

Данное дело было рассмотрено совсем недавно, в конце 2024 г. – начале 2025 г., и спровоцировало широкое обсуждение в экспертном сообществе. Пристальное внимание профессионального сообщества к данному делу было связано с тем, что суды первой и апелляционной инстанции согласились с налоговым агентом, который полагал, что если налог в полном объеме уплачен налогоплательщиком в Беларуси (государстве резидентства), то удерживать налог в России (государстве источника дохода) не требовалось. Вместе с тем, как совершенно верно отметил суд кассационной инстанции со ссылкой на практику Верховного Суда РФ, если СИДН предоставляет обоим государствам право на налогообложение, то участники трансграничных операций не вправе по своему усмотрению выбирать, в каком из государств должны уплачиваться налоги. Отношения по поводу исчисления и уплаты налога являются публично-правовыми и не предполагают диспозитивности, поэтому стороны не вправе определять, каким образом исчислять и уплачивать налог – обязательства установлены совокупностью международных и национальных норм. Таким образом, налог должен был быть удержан

налоговым агентом в государстве источника дохода, а затем данная сумма должна была быть учтена при исчислении налога в государстве резидентства налогоплательщика.

Гораздо более сложный вопрос стал предметом рассмотрения в деле ООО «Колтнубинг Сервис», итоговая точка в котором была поставлена в 2021 г. В данном деле камнем преткновения стал вопрос квалификации дохода, который прямо не поименован в СИДН. Речь шла о выплатах по договору международного финансового лизинга, в отношении которых на разных этапах спора рассматривался вопрос о применении ст. 7 «Прибыль от предпринимательской деятельности», ст. 10 «Проценты» и ст. 18 соглашения «Другие доходы». Анализ данного дела представлен в литературе [4, с. 124–125].

Отметим правовую позицию Верховного Суда РФ, согласно которой ст. 7 является общей для доходов от предпринимательской деятельности организаций, и если доход не связан с деятельностью постоянного представительства, то допустимость налогообложения в государстве источника дохода зависит от того, могут ли спорные выплаты быть отнесены к одной из категорий дохода, указанных в специальных положениях международного договора, и от правил налогообложения, предусмотренных этими положениями. На основе анализа условий договоров применительно к конкретной ситуации суды сделали вывод о неприменимости ст. 10 и ст. 18 СИДН в отношении вознаграждения лизингодателя в рамках международного выкупного лизинга.

При толковании соглашения об избежании двойного налогообложения государства должны демонстрировать единые подходы, чтобы не ставить налоговых резидентов договаривающихся государств в неравные условия. В этой связи хочется выразить надежду, что обмен опытом между нашими государствами в части правового регулирования и практики применения налоговых правил будет осуществляться на регулярной основе.

Библиографический список

1. Абрамчик, Л. Я. Актуальные проблемы налогового права в Республике Беларусь / Л. Я. Абрамчик // Современное право. – 2021. – № 8. – С. 140–143.
2. Ярмош, Е. П. Постоянное представительство российской организации в Республике Беларусь: когда оно образуется? / Е. П. Ярмош // Налоговед. – 2024. – № 11. – С. 75–81.
3. Гончаренко, И. А. Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Республике Беларусь / И. А. Гончаренко, В. А. Мошин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 2. – С. 101–108.
4. Килинкарлова, Е. В. О развитии российской судебной практики применения соглашений об избежании двойного налогообложения / Е. В. Килинкарлова // Правоприменение. – 2024. – № 2. – С. 120–129.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Ж. Ч. Коновалова

*заведующий кафедрой права и экономических теорий
Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации,
кандидат юридических наук, доцент
konovalova65@mail.ru*

Исследуются правовые основы обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности. Выявляются субъекты государственного управления в области безопасности генно-инженерной деятельности.

Ключевые слова: безопасность; генно-инженерная деятельность; государственное управление; правовые основы.

Генно-инженерная деятельность – это относительно новая для Беларуси область правового регулирования, которая активно развивается последние годы. Однако потребность интеграции в мировое сообщество и стремление занимать лидерские позиции по разным направлениям научной деятельности стало для Беларуси мотивом к началу работы над созданием собственной нормативной правовой базы в данной области.

Генно-инженерная деятельность – деятельность, связанная с созданием генно-инженерных организмов, осуществлением работ с генно-инженерными организмами в замкнутых системах, высвобождением их в окружающую среду для проведения испытаний, использованием в хозяйственных целях, ввозом в Республику Беларусь, вывозом из Республики Беларусь, транзитом через ее территорию генно-инженерных организмов, их транспортировкой, хранением и обезвреживанием. Результатом ее осуществления становятся генно-инженерные организмы (патогенные, непатогенные и условно-патогенные).

Картахенский протокол, принятый Конференцией Сторон Конвенции о биологическом разнообразии 29 января 2000 г. в г. Монреале, создает стимулирующую среду для экологически безопасного применения биотехнологии. Присоединение Республики Беларусь к данному протоколу в 2002 г. обусловило формирование правового регулирования и государственного управления в данной сфере, основой которой стали Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности» (далее – Закон № 96-З), Закон Республики Беларусь № 217-З от 29 июня 2003 г. «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» и ряд иных нормативных правовых актов (Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 382 от 12 июня 2019 г. «Об оценке рисков в генно-инженерной деятельности и выдаче разрешительного документа» и др.).

Закон № 96-З устанавливает правовые основы обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности и направлен на охрану здоровья человека и окружающей среды, регулирует отношения в области обеспечения безопасности при генно-инженерной деятельности с биологическими объектами, за исключением человека, его органов и тканей, обращением с лекарственными средствами, продовольственным сырьем и пищевыми

продуктами, кормами для животных, полученными из генно-инженерных организмов или их компонентов, которые регулируются специальным законодательством.

Государственное управление в области безопасности генно-инженерной деятельности осуществляют Президент Республики Беларусь, Совет Министров, специально уполномоченные республиканские органы государственного управления в области безопасности генно-инженерной деятельности (Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Министерство здравоохранения Республики Беларусь, Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь).

Совет Министров Республики Беларусь утвердил перечень организаций, которые уполномочены проводить оценку рисков возможных вредных воздействий генно-инженерных организмов на здоровье человека и окружающую среду: 1) Государственное научное учреждение «Институт генетики и цитологии Национальной академии наук Беларуси»; 2) Государственное научное учреждение «Институт микробиологии Национальной академии наук Беларуси»; 3) Государственное научное учреждение «Институт леса Национальной академии наук Беларуси»; 4) Государственное научное учреждение «Институт биофизики и клеточной инженерии Национальной академии наук Беларуси»; 5) Государственное научное учреждение «Институт физиологии Национальной академии наук Беларуси»; 6) Государственное научно-производственное объединение «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по биоресурсам»; 7) Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет»; 8) Государственное учреждение «Республиканский научно-практический центр эпидемиологии и микробиологии»; 9) Республиканское унитарное предприятие «Научно-практический центр гигиены».

Представляется, что деятельность такого круга государственных организаций в сфере обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности должна координироваться специально созданным органом, которые органы с различным наименованием и кругом полномочий создаются в различных странах.

Также назрела необходимость переосмысления действующего закона о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности, в котором должно найти отражение расширение перечня установленных руководящих принципов, положенных в основу государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности.

Необходимым представляется закрепление в законодательстве о генно-инженерной деятельности полного, достоверного информирования граждан не только о мерах, принимаемых для обеспечения безопасности, но и о результатах генно-инженерной деятельности, вреде и пользе генетически модифицированной продукции; установление разграничения компетенции государственных органов власти по вопросам регулирования в области генной инженерии; закрепление прав граждан и разработчиков генетически модифицированных организмов, а также соответствующих гарантий при осуществлении ими своей деятельности или в случае причинения вреда; введение положения об ответственности уполномоченных органов за обеспечение прав субъектов общественных отношений в области генной инженерии и прочее.

На сегодня существует потребность в издании единого нормативного правового акта, который бы содержал все нормы правового регулирования в области генно-инженерной деятельности, включая вопросы генно-инженерной деятельности с органами и тканями человека.

Для совершенствования системы контроля в области обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности представляется целесообразным создать единый координационный орган для разработки и реализации государственной политики при осуществлении генно-инженерной деятельности на основе оценки рисков.

В целях совершенствования контрольно-надзорной деятельности в Республике Беларусь представляется необходимым урегулировать вопросы, связанные с выпуском в окружающую среду генно-модифицированных организмов и поступлением их на рынок генно-модифицированной продукции, в том числе, при необходимости – полный или частичный запрет эксплуатации генно-инженерной установки, а также утилизации соответствующего оборудования.

ЭВОЛЮЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Л. А. Краснобаева

*доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
krasnabayeva@bsu.by*

В статье проводится анализ процесса эволюции и институционализации публичных услуг. Особое внимание уделяется рассмотрению предпосылок становления публичных услуг как самостоятельного института, анализу современных моделей и практики их предоставления, а также выявлению ключевых факторов, влияющих на эффективность институционализации данных услуг.

Ключевые слова: органы государственного управления; публичные услуги; государственное управление.

В современной теории государственного управления и административного права исследование института публичных услуг обладает особой актуальностью, т.к. данный феномен является интегративным элементом взаимодействия государства и общества. Его концептуальные основы включают в себя такие ключевые аспекты, как правовая природа, механизмы предоставления, качество и доступность.

В правовом контексте публичная услуга представляет собой юридически оформленное действие или совокупность действий, осуществляемых органами государственного управления в целях удовлетворения потребностей граждан и организаций.

Институциональное функционирование публичных услуг в зарубежных странах представляет собой сложную систему, которая может быть классифицирована по двум основным моделям – англо-американской и континентальной. Первая – характеризуется высокой степенью децентрализации и рыночной ориентации. В ее рамках услуги предоставляются на контрактной основе, что позволяет привлекать частные компании для выполнения государственных функций.

Континентальная модель (включает французскую и немецкую системы), наоборот, отличается более высокой степенью централизации и государственного регулирования. В этих странах публичные услуги обычно предоставляются государственными органами и учреждениями.

Французская модель основывается на признании исключительной роли публичных служб в предоставлении услуг, представляющих общественный интерес, и предполагает, что такие услуги могут оказываться исключительно государственными органами [1, с. 140].

Доктрина была воспринята и адаптирована в других странах континентальной правовой семьи. В рамках французской модели правоприменительная практика постепенно расширяла возможности передачи части полномочий по оказанию услуг негосударственным организациям. Тем не менее, административная деятельность государственных органов по удовлетворению потребностей частных лиц, включая регистра-

цию граждан, актов, прав, объектов, выдачу разрешений и предоставление информации, продолжала оставаться в рамках «понятия административной службы и осуществлялась исключительно государственными органами» [2, с. 142].

Развитие института публичных услуг в Германии связано с именем Э. Форстхоффа, который для характеристики государственного управления ввел сложное комплексное понятие «обеспечение жизнедеятельности» [3, с. 54–55]. В контексте немецкого правового дискурса, концепция «публичных услуг» не получила нормативного закрепления. Вместо этого, деятельность по предоставлению услуг интерпретируется как реализация административных процедур, что отражает фундаментальный принцип административного права, акцентирующий внимание на публично-правовом характере таких действий. Государственное управление по оказанию публичных услуг предусматривает удовлетворение потребностей населения не только путем издания административных актов, но также в «форме публично-правового договора» [4, с. 19–24].

Немецкая модель управления демонстрирует свою универсальность и адаптивность, успешно интегрируясь в политические системы различных регионов мира, в отличие от англосаксонского административного права, где публичные услуги включают в себя различные виды деятельности. С одной стороны, это «административная деятельность органов власти, которая рассматривается в качестве государственной функции» [5, с. 163]. С другой стороны, деятельность негосударственных институтов.

В Великобритании действует Закон «О публичных услугах (их социальном значении для общества)» (2012), регламентирующий вопросы предоставления публичных услуг органами власти, в том числе посредством их закупки у частных субъектов.

В США практически любая деятельность государства по взаимодействию с личностью, при буквальном толковании актов, «считается публичной услугой» [6, с. 1]. При этом при организации деятельности по их оказанию широко применяются договорные формы, принципы и механизмы контрактных отношений. Понятие публичных услуг рассматривается в качестве публично значимой деятельности, осуществляемой под контролем государства и муниципальных органов. В ядре «англо-американской концепции публичных услуг лежит теория так называемого нового государственного менеджмента и основанная на ней система оценки качества и результативности работы» [7, с. 73].

Обе модели имеют свои структурные особенности и подходы к организации публичных услуг, что приводит к формированию различных институциональных механизмов и принципов функционирования, которые отражают уникальные исторические, культурные и политические контексты каждой страны.

В рамках европейской интеграции национальные концепции реализации публичных услуг подверглись существенной модификации. В Договоре о функционировании ЕС и Протоколе № 26 о службах общего значения вместо выражения «публичные службы» используется термин «службы общего значения» [8, с. 104; 9; 10, с. 3], а также «экономические службы, которые включают направления, необходимые для нормального функционирования экономики в целом (транспортные, почтовые, телекоммуникационные службы, службы электроснабжения, газоснабжения, водоснабжения и другие), и «неэкономические службы», регламентирующие порядок предоставления публичных услуг на национальном уровне.

В контексте большинства постсоветских государств наблюдается формирование модели, где практически любое взаимодействие между государством и индивидом ин-

терпретируется как публичная услуга. Некоторые исследователи, стремясь к концептуальной универсализации, расширяют это понятие, включая в него не только предоставление социальных и государственных услуг, но и такие институциональные процессы, как принятие нормативных правовых актов, уплату налогов и даже содержание граждан в местах лишения свободы [11, с. 99]. Однако подобная трактовка представляется некорректной и методологически ошибочной.

Публичная услуга, в классическом понимании, представляет собой форму государственного управления, направленную на удовлетворение общественных потребностей и обеспечение социальной справедливости. Она характеризуется наличием определенных стандартов качества, механизмов предоставления и нормативной правовой регламентацией. Принятие нормативных правовых актов, уплата налогов и содержание граждан в местах лишения свободы, напротив, относятся к более широкому спектру государственных функций и институциональных механизмов, которые не могут быть адекватно классифицированы как публичные услуги.

Таким образом, расширение понятия публичной услуги за пределы традиционного определения может привести к методологической путанице и искажению концептуального понимания государственного управления. Для более точного анализа и оценки эффективности взаимодействия государства и граждан необходимо придерживаться четкого разграничения между публичными услугами и государственными функциями, а также иными формами государственного регулирования и контроля.

Отметим, что эволюция взглядов и научных подходов относительно реализации концепции публичных услуг может быть сведена к трем подходам: классическому, неклассическому и постнеклассическому [12; 13].

Первый получил наиболее последовательное развитие в экономической концепции услуг. Неклассическая (либеральная) доктрина, в свою очередь, утвердилась как концепция, признающая приоритет человека, его прав и свобод. В рамках данной парадигмы государство трансформируется из пассивного получателя публичных услуг в их активного поставщика, приобретая тем самым ярко выраженную социальную направленность. Его деятельность теперь сосредоточена на предоставлении услуг социально незащищенным группам населения, что неизбежно приводит к перераспределению ресурсов в их пользу за счет других слоев общества. Публичные услуги, направленные на поддержку этих уязвимых категорий граждан, приобретают статус конституционных прав и воспринимаются как неотъемлемые возможности доступа к социальным благам, независимо от степени участия в их создании.

Постнеклассическая теория рассматривает публичные услуги как социальные блага, установленные государством для всех слоев населения. Е. Н. Доброхотова указывает, что «публичными в современном (постиндустриальном) обществе следует считать услуги, направленные на удовлетворение юридически признанных социально значимых потребностей, формирующих благодаря их оказанию публичные ресурсы развития общества, обеспечивающие таким образом достижение социально значимых целей; само их производство (оказание) должно контролироваться и обеспечиваться каким-либо субъектом публичной власти либо уполномоченным им компетентным субъектом под государственные гарантии их доступности для всех» [14, с. 105].

Таким образом, институт публичных услуг представляет собой сложную и многоаспектную систему, требующую всестороннего и междисциплинарного анализа. Концепту-

альные основы его формирования и эволюции включают в себя комплексный анализ правовых, организационных и социально-экономических детерминант, определяющих эффективность его функционирования в условиях современного общества.

Многообразие подходов и моделей управления публичными услугами свидетельствует о том, что данная сфера требует комплексного и интегрированного подхода, учитывающего как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на качество и доступность услуг. В условиях глобализации и цифровизации, растущих ожиданий граждан, институциональные структуры должны быть гибкими и адаптивными, способными оперативно реагировать на изменения внешней среды и внутренние вызовы. Глубокое понимание концептуальных основ и специфики функционирования данного института является необходимым условием для разработки эффективных стратегий управления и обеспечения высокого уровня предоставляемых услуг в интересах общества.

Библиографический список

1. Талапина, Э. В. Административное право Франции сегодня / Э. В. Талапина // Ежегодник сравнительного правоведения. – М. : НОРМА, 2004 – С. 136–151
2. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / С. А. Белов, Е. В. Гриценко, Д. А. Жмулина – М. : Инфотропик, 2015. – 528 с.
3. Васильева, А. Ф. Сервисное государство: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России / А. Ф. Васильева. – М. : РАП, 2012. – 332 с.
4. Административно-процессуальное право Германии / пер. с нем. / введ., сост. В. Бергман. – 2-е изд. – М.; Берлин : Инфотропик Медиа, 2013. – 247с.
5. Административное право зарубежных стран / В. Я. Кикоть, Г. А. Василевич, Н. В. Румянцев. – М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2012. – 431 с.
6. Андриенко, А. И. Влияние концепции «сервисного государства» на развитие института социально ориентированных некоммерческих организаций / А. И. Андриенко // Право и политика. – 2019. – № 4. – С. 1 – 6.
7. Езекян, А. Р. Основные модели публичной службы (сравнительно-правовое исследование) / А. Р. Езекян // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 72–74.
8. Винницкий, А. В. Публичные услуги в ЕС и России: конституционные основы и законодательное регулирование / А. В. Винницкий // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 3(94). – С. 101–114.
9. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / Отв. ред. С. Ю. Кашкин, пер. А. О. Четвериков. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 696 с.
10. Винницкий, А. В. Институт публичных услуг в России: перспективы развития в контексте европейского опыта / А. В. Винницкий // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2013. – № 10. – С. 1–27.
11. Кирсанов, С. А. Муниципальные услуги: способы предоставления / С. А. Кирсанов, А. Т. Ошурков // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 3. – С. 97–114.
12. Иванова, А. С. Классическая, неклассическая и постнеклассическая модели социального познания / А. С. Иванова // Вестн. Москов. гос. областн. ун-та. Серия: Философские науки. – 2010. – № 3. – С. 22–29.
13. Лебедев, С. А. Философия и методология науки / С. А. Лебедев –М. : Академический проект; 2021 – 626 с.
14. Доброхотова, Е. Н. Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт) : [сборник статей] / [под общ. ред. Е. В. Гриценко, Н. А. Шевелевой]. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 245 с.

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ДЛЯЩИХСЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

П. А. Курындин

*доцент кафедры административного и финансового права
юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук
p.kuryndin@spbu.ru*

В статье осмыслена проблема определенности в контексте привлечения к административной ответственности.

Ключевые слова: срок давности; административная ответственность; административная процедура; правовая определенность; длящиеся правонарушения.

Конституционный суд РФ (далее – КС РФ), рассматривая вопрос исчисления сроков при привлечении к ответственности, уточнил (Постановление КС РФ от 17 мая 2022 г. №19-П) момент начала течения сроков давности привлечения к ответственности – сроки текут со дня совершения административного правонарушения, а не со следующего, принято во всех отраслях права. КС РФ заключает, что формальная определенность состоит в следующем: «федеральный законодатель обязан проявлять надлежащую заботу о качестве устанавливаемых им правовых норм, с тем чтобы исключить их неоднозначную интерпретацию в правоприменительной практике» (Постановление КС РФ от 15 января 2019 г. № 3-П). Срок рассмотрения дел об административных правонарушениях – это один из существенных вопросов, который проверяется на момент принятия решения по делу об административном правонарушении.

Длящееся правонарушение не определяется ни в КоАП РФ, ни «непрофильными» актами (ст. 15.14 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» и ст. 41 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»), ни судебной практикой. Получается, что для законодателя важен лишь факт начала течения срока давности. В связи с этим Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) в п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Постановление ВС РФ № 5) указывает, «что днем обнаружения длящегося административного правонарушения считается день, когда должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выявило факт его совершения». Однако такая постановка вопроса создает неопределенность, поскольку административный орган не однороден с точки зрения функций его должностных лиц. Иными словами, одно лицо уже обладает данной информацией, а уполномоченное – нет.

Длящиеся правонарушения имеют следующую специфику. Во-первых, закон не позволяет понять, какой из составов является таковым. Так, ч. 1 ст. 7.14 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение требований законодательства об охране

объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ. В частности, за проведение работ без получения разрешения на сохранения объекта культурного наследия в силу ст. 45 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Судебной практикой признается, что по характеру объективной стороны оно является длящимся (см. решение Санкт-Петербургского городского суда от 14 января 2021 г. № 12-2/2021 по делу № 5-482/2020 (оставлено в силе постановлением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 июня 2021 г. № 16-2681/2021) и постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 марта 2024 г. № 16-1078/2024). При этом ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ запрещает уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем. Хотя в силу п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» такое правонарушение не будет длящимся, потому что «будет окончено по истечении предусмотренных ч.2 ст. 67 ТК РФ трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе».

В обоих случаях объективная сторона правонарушения – это бездействие, поскольку ответственное лицо не оформило (запросило) те или иные документы (разрешения), но после этого юридического факта все равно осуществляется хозяйственная или иная деятельность. Однако именно в этом и проявляется непоследовательность, потому что применяются разные способы исчисления сроков давности привлечения к ответственности. Хотя стоит признать наличие в этом легитимной логики. Важно, чтобы лицо, нарушившее требования, не избегало ответственности лишь ввиду истечения сроков давности. По мнению ВС РФ, обнаружение административного правонарушения может быть только должностным лицом, уполномоченным составлять протокол о таком нарушении. На практике это означает, что признаки правонарушения могут быть выявлены в рамках административной процедуры. В силу п. 3.29 Положения о Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28 апреля 2004 г. № 651) данный орган участвует в приемке работ по сохранению объекта культурного наследия, включенного в реестр, или выявленного объекта культурного наследия. В деле № 5-482/2020 лицо, привлекаемое к ответственности, указывало, что сотрудники указанного административного органа знали о существующих признаках правонарушения, что означало необходимость с этого момента исчислять сроки давности привлечения к ответственности. Получается, к моменту рассмотрения дела срок давности уже истек. Однако все судебные инстанции встали на позицию, сославшись на п. 14 Постановления ВС РФ № 5. То есть единственно значимым обстоятельством для судей – получение данных должностным лицом, имеющим право составлять протокол об административном правонарушении.

Отсутствие координации между подразделениями, а возможно, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей должностными лицами приводит к нарушению прав лица, привлекаемого к административной ответственности на основании

ч. 1 ст. 7.14 КоАП РФ. Отсутствие временных рамок создает условия для правовой неопределенности, т.к. должностные лица могут злоупотреблять полномочиями, не передавая в смежные подразделения юридически значимую информацию.

Вид состава правонарушения влияет на порядок исчисления сроков давности. По КоАП РФ они являются пресекательными (ст. 7.6 КоАП Республики Беларусь устанавливает порядок приостановления сроков давности), но, с другой стороны, действия или бездействие должностных лиц административных органов не должны быть произвольными, то есть не обеспечивать курсирование информации внутри органа. Полагаем, что риск долгой передачи юридически значимой информации от одного подразделения к другому не может ложиться на невластного субъекта. При этом ст. 1.5 КоАП РФ закрепляет презумпцию невиновности, требуя толкования всех сомнений в пользу лица, в отношении которого ведется производство дела об административном правонарушении. И при установлении лицом, рассматривающим дело об административном правонарушении, реальной затяжки передачи информации такая задержка должна трактоваться как нарушение презумпции невиновности. И в целом представленный пример следует рассматривать в контексте единства и дифференциации административных процедур, осуществляемых единым субъектом права.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВЕ, И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ: СОДЕРЖАНИЕ, ГЕНЕЗИС И СООТНОШЕНИЕ

Е. Н. Мазаник

*доцент кафедры международного экономического права
факультета права Белорусского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
mazanik.e@mail.ru*

В статье рассматриваются концептуальные подходы к организации международных отношений: порядок, основанный на праве, и порядок, основанный на правилах.

Ключевые слова: международный порядок; право; правила; государства; международная норма; международная практика.

В последнее десятилетие в рамках международной системы утвердился новый неонарративный «порядок, основанный на правилах», который все чаще звучит с политических трибун. В связи с чем представляется актуальным рассмотрение подходов к дефинициям «миропорядок, основанный на праве», и «миропорядок, основанный на правилах». Под миропорядком понимается относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов (государственных и негосударственных) правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил [1, с. 1]. Устоявшейся концепцией принято считать миропорядок, основанный на праве, который является результатом развития права с момента возникновения определенных общепринятых правил поведения, которые с течением времени складывались в международный правовой обычай, а позднее закреплялись в международных правовых актах. В качестве исторических форм миропорядка традиционно выделяют Вестфальский, Венский, Версальский, Ялтинско-Потсдамский миропорядок, а также современный, постсоветский миропорядок. Результаты Ялтинской (4–11 февраля 1945 г.) и Потсдамской (17 июля – 2 августа 1945 г.) конференций, заложили основы мирового порядка, базирующегося на Уставе ООН, закрепив миропорядок, основанный на праве и согласованной воле большинства суверенных государств.

Согласованная воля государств в международном праве подтверждается наличием сформированных императивных норм *jus cogens*, которые исходя из положений ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. являются императивными нормами общего международного права. При этом каждая такая норма «принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» [2]. Указанные нормы порождают обязательства *erga omnes*, т.е. обязательства в отношении всего международного сообщества. Нормы *jus cogens* обязательны для всех субъектов международного права: для одних – обязательства являются договорными, а для других –

вытекают из международного правового обычая. «Международно-правовая ответственность возникает не только в случае нарушения договорной нормы, но и при нарушении обычной нормы» [3, с. 95].

В противовес концепции миропорядка, основанного на праве, выступает концепция миропорядка, основанного на правилах. Так, в XVII в. Г. Гроций писал в книге «*De jure belli ac pacis libri tres*» о «правилах нравственных поступков», в соответствии с которыми «любое действие, в зависимости от того, соответствует оно или не очень мудрой природе», рассматривается как «морально постыдное или морально необходимое» [4]. В тоже время, Б. И. Нефедев указывает: «Как отмечает программа Google Books Ngram Viewer (с ее помощью мы можем узнать о частоте упоминаний заданного термина во всех источниках, опубликованных в интернете), первые упоминания о *rulesbased order*, т. е. о «порядке, основанном на правилах» (и на *English*, и на *British English*, и на *American English*) относятся к 1992 году» [5, с. 36], что соответствует началу формирования такой исторической формы миропорядка, как постсоветский миропорядок.

Отсутствие единого доктринального толкования понятия «правило» и единого подхода использования его в дипломатической практике порождает проблему определения содержания концепции миропорядка, основанного на правилах. Так, одни авторы используют понятие в качестве синонимичного определению «миропорядка, основанного на праве». К примеру, Масуд Хан, который на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН сказал буквально следующее: «*The Charter, international law and a rule-based international system should underpin a just world order.*», т.е. «Устав, международное право и основанная на правилах международная система должны лежать в основе справедливого мирового порядка.» [6]. В качестве иного примера можно рассматривать формулировку, высказанную министром иностранных дел Ирландии Б. Коуэном в его выступлении на конференции по разоружению в Женеве в 2004 г. : «*A rules-based system is one respected by all*» (система, основанная на правилах – это та, которую уважают все) [7, с. 15]. То есть общие согласованные правила миропорядка есть «наиболее авторитетные правила, поддерживаемые мировым сообществом на которых базируется глобальный порядок». Другие авторы рассматривают данную концепцию как преемственную по отношению к концепции миропорядка, основанного на праве, и дополняющую ее. Сущность концепции заключается в расширении концепции миропорядка, основанного на праве, путем международного взаимодействия, механизмов обновления международного права, подразумевая под собой совокупность формальных договоренностей и сложившихся практик поведения.

Представляется, что порядок, основанный на правилах, не следует рассматривать в качестве преемника порядка, основанного на праве, по следующему ряду причин. Первым принципиальным различием выступает противоречие механизмов образования обязательных норм, регулирующих международные (в первую очередь межгосударственные) отношения. Так, нормы права универсального уровня формируются посредством согласованной воли большинства государств и являются обязательными для исполнения. Правила, как показывает практика устанавливаются либо на региональном уровне определенной группой государств, либо в рамках национальных правовых систем и не обязывают другие государства к исполнению установленных правил. Правила могут содержаться в региональных договорных или обычных нормах, а также национальных нормах.

Однако международное признание они могут приобрести лишь с согласия большинства суверенных государств, из чего следует, что рассматриваемые концепции не являются приемственными по отношению друг к другу, но являются взаимозамещаемыми.

Как отмечает С. В. Лавров: «Сейчас моноцентричная система переживает глубокий кризис. Первопричиной стало стремление отдельных членов Организации подменить международное право и Устав ООН неким «порядком, основанным на правилах». Эти «правила», которые не были предметом прозрачных международных переговоров, никто не видел. Очевидно, что они изобретаются и применяются с целью противодействия естественным процессам становления и укрепления новых самостоятельных центров развития, которые и есть объективное проявление многосторонности» [8]. Альтернативный подход к пониманию концепции подразумевает использование правил вместо права и размывает различие между международными нормами и необязательными правилами, создавая среду, в которой все субъекты международного права, должны подчиняться порядку, независимо от их согласия. Таким образом, возникает вопрос о целесообразности применения миропорядка, основанного на правилах, при наличии множества инструментов международного права, принятых большинством государств и определяющих их четкие обязательства.

Содержание концепции международного порядка, основанного на правилах, раскрывается в выступлении посла Дэниела Бэера на совместном заседании Форума по сотрудничеству в области безопасности и Постоянного совета в Вене 9 марта 2016 г.: «Основанный на правилах международный порядок, по самому своему определению, основывается на правилах, признанных всеми. Для нас, участников этого совместного заседания ФСОБ и ПС, правилами являются принципы и обязательства, принятые всеми 57 государствами-участниками» [9]. Данное высказывание отражает по своей сути региональную сферу влияния концепции, т.е. распространение согласованной воли только на государства, выразившие волеизъявление.

В этой связи также невозможно применение концепции международного правового обычая в отношении государств, не выразивших согласие, согласно которой международным правовым обычаем является недоговорная форма закрепления нормы международного права, созданная путем достижения соглашения субъектов международного правотворчества, относительно признания обязательности применения определенного сформировавшегося в международных отношениях правила поведения. Международный обычай должен обладать такими признаками как признание большинством государств, подлинность применения в аналогичных прецедентах, закрепление в мировой практике. Вследствие, можно предположить, что обоснование действий или бездействий того или иного государства, противоречащих обязательным нормам международного права, и оправдание их правомерности со ссылкой на «правила» есть способ обойти право.

«Порядок, основанный на правилах» приобретает характер идеологемы, не имеющей строго определенного значения, которое может варьироваться в зависимости от конъюнктуры, что порождает отсутствие единых подходов к реализации международных норм различными государствами. Для поддержания международного порядка международные нормы должны основываться на согласованных позициях государств и применяться без допущения исключительности, монополии и (или) двойных стандартов.

Библиографический список

1. Никитин, А. И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы / А. И. Никитин // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 1–16. – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/f5e/sovremennyy-miroпорядок-ego-krizis-i-perspektivy.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 10.06.2025).
2. Венская конвенция о праве международных договоров : принята 29 мая 1969 г. // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 10.06.2025).
3. Колосов, Ю. М. Ответственность в международном праве / Ю.М. Колосов. – 2-е изд., стер. – М. : Статут, 2014. – 224 с. – URL: https://mgimo.ru/upload/2016/05/KOLOSOV_otvet_v_mezhd_prave.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 10.06.2025).
4. Grotius, H. De jure belli ac pacis / H. Grotius. – Moscow: Gosyurizdat Publ. 1956. – 868 p. – URL: https://ia801303.us.archive.org/31/items/hugonisgrottiide21grot/hugonisgrottiide_21grot.pdf (дата обращения: 10.06.2025).
5. Нефедов, Б. И. Мировой порядок: международно-правовой аспект : моногр. / Б. И. Нефедов. – Москва : Проспект, 2024. – 176 с.
6. United Nations A/C.6/68/SR.6. General Assembly Sixty-eighth session. Agenda item 85: The rule of law at the national and international levels (continued) (A/68/213). – URL: <https://docs.un.org/ru/A/C.6/68/SR.6> (дата обращения: 10.06.2025).
7. Нефедов, Б. И. Понятие «правил» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» / Б. И. Нефедов // Россия вчера, сегодня, завтра. – С. 6–21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravila-v-doktrine-mezhdunarodnogo-poryadka-osnovannogo-na-pravilah/viewer> (дата обращения: 10.06.2025).
8. Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь : [сайт]. – Минск, 2025. – URL: https://belarus.mid.ru/ru/press-centre/news/podlinnaya_mnogostoronnost_i_diplomatiya_protiv_poryadka_osnovannogo_na_pravilakh_statya_sergeya_lav/. (дата обращения: 10.06.2025).
9. Миссия США при ОБСЕ. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/6/5/228586.pdf>. (дата обращения: 10.06.2025).

О КОРРЕКТИРОВКЕ НАЛОГОВОЙ БАЗЫ ПРИ ДРОБЛЕНИИ БИЗНЕСА

А. А. Пилипенко

*доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
pilipenko-bsu@mail.ru*

На нормативном, доктринальном и прикладном уровнях анализируются проблемы определения налоговых последствий дробления бизнеса с учетом фактически уплаченных сумм обязательных платежей реальным налогоплательщиком. Делается вывод о несоответствии применяемой модели налоговой реконструкции принципу справедливости налогообложения.

Ключевые слова: налоговая база, корректировка налоговой базы, дробление бизнеса, налоговая реконструкция, избыточное налогообложение, справедливое налогообложение.

Новой редакцией п. 4 ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-3 (далее – НК) с 1 января 2019 г. введен институт корректировки налоговой базы, к основаниям которой: 1) установление искажения сведений о фактах (совокупности фактов) совершения хозяйственных операций, об объектах налогообложения, подлежащих отражению плательщиком в бухгалтерском и (или) налоговом учете, налоговых декларациях (расчетах), а также в других документах и (или) информации, необходимых для исчисления и уплаты налогов (сборов); 2) основной целью совершения хозяйственной операции являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет, возврат суммы налога (сбора). Особенности отнесения действий или событий к хозяйственным операциям, основной целью совершения которых являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет, возврат суммы налога (сбора), устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь; 3) отсутствие реальности совершения хозяйственной операции (включая случаи, когда фактически не поступил товар (нематериальные активы), не выполнены работы, не оказаны услуги, не переданы имущественные права).

Абз. 7 ч. 1 п. 2 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2022 г. № 465 «Об особенностях оценки отдельных хозяйственных операций» (далее – постановление № 465) под дроблением бизнеса понимается намеренная государственная регистрация нескольких юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей и (или) намеренное разделение деятельности между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, имеющими право на применение особых режимов налогообложения и (или) налоговых льгот.

Белорусский законодатель предпринял попытку юридического моделирования данного явления, придав ему атрибутивные признаки, подлежащие изучению в ходе проверки субъекта хозяйствования, в том числе: государственной регистрации участников и (или) разделения их деятельности; прямой или косвенной взаимозависимости (аффилированности) субъекта хозяйствования и участников; наличия у участников трудовых, финансовых, материальных и иных ресурсов, достаточных для осуществления

реальной предпринимательской и (или) иной экономической деятельности в своих интересах и на свой риск, а также в интересах субъекта хозяйствования; организационного взаимодействия субъекта хозяйствования и участников; принятия управленческих решений, выполнения координирующих функций органами управления субъекта хозяйствования, участников, а также иными лицами, имеющими право давать обязательные для субъекта хозяйствования, участников указания либо возможность иным образом определять их действия, непосредственно оказывать влияние на их деятельность; налоговой нагрузки субъекта хозяйствования и участников; осуществления идентичных и (или) связанных между собой направлений (видов) деятельности.

Считаем, что критериальность искусственности дробления бизнеса – дихотомична. С одной стороны, наличие критериев является положительным моментом, так как субъекты предпринимательской деятельности, ориентируясь на них, в целях предотвращения контролирующими органами претензий, в интересах собственной безопасности могут проводить анализ наличия того или иного критерия и оценку соответствующих рисков. С другой стороны, наличие критериев с повышательной тенденцией их формирования, нормативные основания которых неочевидны, может препятствовать развитию предпринимательской инициативы. С достаточной долей уверенности можно констатировать, что контролирующие органы будут видеть умысел в любых действиях, хоть как-то снижающих налоговое бремя. В этом случае, фискальные обязательства налогоплательщика подлежат налоговой реконструкции, размер которой в настоящее время представляется дискуссионным.

Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь выразило позицию по данному вопросу в разъяснении «О мониторинге правоприменительной практики налоговых органов», опубликованном 31 марта 2023 г. и постулирующем, что «Принцип проводимой налоговой реконструкции предполагает предъявление сумм налогов, которые должны были быть уплачены плательщиком в случае отсутствия нарушений. При наличии обоснованных доводов пункт 5 статьи 33 НК позволяет уменьшить предъявляемые проверкой налоговые обязательства за счет добровольного раскрытия плательщиком информации, предоставления документов, сведения о которых ранее в учете не отражались либо намерено искажались. В противном случае контролирующий орган, не располагая такой информацией, не сможет учесть, например, реальный размер покупной стоимости ТМЦ, затрат и других расходов».

Дефиниция налоговой реконструкции (также известной как концепция действительного налогового обязательства) не нашла своего отражения в законодательстве. Научные изыскания с количественной точки зрения не отличаются ее осмыслением по причине приоритетности прикладного значения рассматриваемого явления. Как отмечает А. А. Копина «налоговая реконструкция может рассматриваться как правовой термин, поскольку представляет собой понятие, используемое в правоприменительной практике для обозначения определенных последствий, но не как категория налогового права, поскольку на данном этапе можно говорить только о выделении явления, но не о формировании широкого, фундаментального, обобщающего понятия, которое бы устанавливало наиболее существенные признаки таких явлений» [1, с. 24]. Долгое время экономико-правовая природа налоговой реконструкции, основанная на многочисленных позициях судов Российской Федерации, заключалась в том, что под ней понима-

ются обязанности налоговых органов определять объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции, то есть осуществлять доначисление суммы налогов и сборов, подлежащих уплате в бюджет, так, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом.

Аналогичным образом в настоящее время поступают белорусские контролирующие органы, детерминируя правоприменение, в рамках которого при налоговой реконструкции учитываются только налоговые платежи, уплаченные проверяемым субъектом без учета фискальных обременений раздробленных субъектов. По нашему мнению, взыскание налоговых платежей в полном объеме (без учета налоговых платежей раздробленных субъектов предпринимательской деятельности) означает не что иное, как возложение на налогоплательщика налогового бремени в объеме, превышающем те налоговые изъятия, которые он должен был бы претерпеть при осуществлении полной налоговой реконструкции. В данном случае речь идет об избыточном налогообложении, которое следует признать неправомерным. Как справедливо отмечает С. В. Овсянников, «имущественные последствия для налогоплательщика превысят и величину его налоговой выгоды, и потери, понесенные бюджетной системой. Фактически это будет означать применение к налогоплательщику не только компенсационных, но и карательных мер в форме взыскания налогов» [2, с. 29]. Также видится абсолютно верным суждение Л. В. Осиповой: «Представляется, что сам по себе факт получения необоснованной налоговой выгоды не может служить основанием для взимания налога в относительно большем размере, в противном случае становится дополнительной мерой налоговой ответственности, которая налоговым законодательством не предусмотрена. В основе налоговой реконструкции должен быть заложен принцип, исключающий искажение реального размера налоговых обязательств: налоговые обязательства налогоплательщику должны быть установлены, как если бы налогоплательщик не получал необоснованную налоговую выгоду, как если бы не злоупотреблял правом; должны быть учтены операции в соответствии с их действительным экономическим смыслом, операции, обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера), реальной предпринимательской или иной экономической деятельностью» [3, с. 97]. В. В. Голенев, рассуждая на тему избыточного налогообложения, ведет речь о действительной налоговой обязанности, под которой он понимает «обязанность налогоплательщика уплатить государству определенную сумму в соответствии с его действительным объемом прав и обязанностей в сфере налогообложения, в соответствии с действительным экономическим смыслом (подлинным экономическим содержанием) совершенных налогоплательщиком операций в их взаимосвязи по результатам применения принципа приоритета (главенства) существа над формой и принципа деловой цели» [4, с. 10].

В контексте нивелирования (а, возможно, и полного отрицания) позиции контролирующих органов хотелось бы отметить, что при доказывании дробления бизнеса в целях минимизации налоговых обязательства они обладают достаточными полномочиями и инструментарием (в том числе, реализуемые в их системной взаимосвязи) для выявления реального налогоплательщика, которому вменяют не только организацию схемы по дроблению бизнеса, но и доначисляют налоговые платежи в повышенном размере без учета налогов, уплаченных раздробленными субъектами предпринимательской деятельности. Т.е., при выявлении организатора налоговой схемы он, с точки зрения контролирующих органов, полностью атрибутивен раздробленным субъектам,

а при определении сумм налогов, подлежащих уплате в бюджет, происходит с организационно-экономической точки зрения, его практически абсолютное дистанцирование от них. Следуя логике контролирующих органов можно сделать парадоксальный вывод, что реальный налогоплательщик организовал абсолютно все аспекты деятельности подконтрольных ему компаний, но к уплате налогов, признанных на конституционном уровне, обязательным элементом любой экономической деятельности в контексте финансирования публичных расходов государства, не имеет никакого отношения. Ситуация усугубляется еще и тем, что применяемая методика налоговой реконструкции со стороны контролирующих органов не только увеличивает налоговую недоимку, штрафные санкции и пени, но риски уголовного преследования.

В контексте сравнительного анализа хотелось бы обратить внимание на позицию налоговых органов Российской Федерации, которые рассматриваемую в нашей статье проблематику, разрешили следующим образом. В соответствии с письмом ФНС России от 14 октября 2022 г. № БВ-4-7/13774 «О возврате излишне уплаченной суммы налога» суммы налогов, уплаченные элементами схемы «дробления бизнеса» в отношении дохода от искусственно разделенной деятельности, наряду с доходами и расходами, а также ранее не заявленными налоговыми вычетами по налогу на добавленную стоимость, должны учитываться при определении размеров налогов по общей системе налогообложения, а также пеней и штрафов, доначисляемых решением по налоговой проверке налогоплательщику – организатору схемы «дробления бизнеса».

Вышеизложенное позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Подлинная налоговая реконструкция, определяющая действительную налоговую обязанность, должна осуществляться в системной взаимосвязи установления реального организатора схемы по дроблению бизнеса и реального налогоплательщика, которые в данном случае являются идентичными субъектами и, соответственно, учета всех налоговых платежей, уплаченных раздробленными субъектами хозяйствования при определении налоговых обязательств реального налогоплательщика.

2. На уровне Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь следует четко определить методику корректировки налоговой базы при дроблении бизнеса с учетом отражения всех налоговых обязательств реального налогоплательщика, в том числе и подконтрольных (в случае выявления таких и вменения со стороны контролирующих органов такой предпринимательской конструкции) ему раздробленных субъектов.

Библиографический список

1. Копина, А. А. Налоговая реконструкция / А. А. Копина // Финансовое право. – 2022. – № 4. – С. 23–28.
2. Овсянников, С. В. Налоговая реконструкция при искусственном дроблении бизнеса отменяется? / С. В. Овсянников // Вестн. экономического правосудия Рос. Федерации. – 2022. – № 5. – С. 23–30.
3. Осипова, Л. В. «Налоговая реконструкция» в контексте статьи 54.1 НК РФ: неопределенность в правоприменении / Л. В. Осипова // Вестн. арбитражной практики. – 2022. – № 5. – С. 95–101.
4. Голенев, В. В. Действительная налоговая обязанность налогоплательщика в налоговом праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / В. В. Голенев. – М., 2021. – 229 л.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ

Н. О. Рамазанова

*доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
nataly-ramazanova@yandex.ru*

В статье рассмотрены ключевые этапы развития миграционного законодательства Республики Беларусь. Особое внимание уделено последним изменениям в законодательстве, направленным на упрощение легальной миграции и усиление борьбы с незаконной миграцией.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование; миграционные процессы; незаконная миграция; трудовая миграция; национальная безопасность; миграционная политика; межрегиональное сотрудничество.

Миграционные процессы в современном мире играют важную роль в социально-экономическом развитии государств и непосредственно влияют на национальную безопасность. К середине 2024 г. количество международных мигрантов достигло 281 миллиона человек [1]. В условиях интеграционных процессов управление миграцией становится приоритетной задачей для многих стран, включая и Беларусь. «Сбалансированность миграционной политики должна сочетать интересы национальной безопасности и экономические нужды страны с приверженностью соблюдения международных стандартов и прав человека» [2, с. 96]. За последние годы Беларусь провела ряд значительных изменений в области миграционного регулирования. Однако, несмотря на проделанную работу, необходимо продолжать совершенствовать правовую базу, обеспечивая ее соответствие международным стандартам и реалиям. Важным является предотвращение незаконной миграции, создание условий для успешной интеграции иностранных граждан, укрепление социальной стабильности и улучшение демографической ситуации. Усиление сотрудничества с другими государствами, особенно в рамках интеграционных объединений, станет важным шагом на пути решения этих задач.

Миграционное законодательство Республики Беларусь прошло сложный путь становления, начиная с момента обретения страной независимости. Одним из последних ключевых изменений в миграционном законодательстве Республики Беларусь стало упрощение трудовой миграции, вступившее в силу с 1 июля 2023 г. В рамках этих изменений был отменен ряд требований, ранее действовавших в отношении иностранных граждан, желающих работать в стране. В частности, белорусские работодатели больше не обязаны получать разрешения на привлечение иностранных работников, если количество таких работников не превышает 10 человек.

Введены новые требования к квалификации руководителей коммерческих организаций, которые хотят работать в Беларуси без получения специального разрешения. Теперь такие руководители должны иметь не менее двух лет опыта работы и получать зарплату, превышающую установленный минимальный размер оплаты труда в пять раз.

Также были приняты меры для улучшения контроля за трудовой деятельностью иностранных граждан. Новые правила требуют, чтобы работодатель уведомлял органы миграции в течение трех дней о заключении или прекращении трудовых договоров с иностранными гражданами. Это позволяет усилить государственный контроль за трудовой деятельностью мигрантов и предотвратить нелегальные формы занятости.

Последние изменения в законодательстве Республики Беларусь также касаются усиления мер по противодействию незаконной миграции. Было введено ужесточение санкций за нарушения миграционного законодательства. Теперь к основаниям для аннулирования разрешений на трудовую деятельность или вид на жительство добавлены новые условия, такие как отсутствие трудовой активности в течение шести месяцев или неуплата обязательных взносов работодателем в социальные фонды. Государственные органы получили дополнительные полномочия для оперативного выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства, что также способствует укреплению безопасности.

4 сентября 2023 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь № 278 «О порядке выдачи документов и совершения действий», ограничивающий возможность получения или продления паспортов и других документов для белорусов, находящихся за пределами страны. Это создает дополнительные сложности для белорусских граждан, работающих или проживающих за границей и связано с усилением государственного контроля за миграционными потоками. Названные меры показывают, что миграционная политика Беларуси продолжает эволюционировать в сторону усиления контроля за миграционными процессами, одновременно создавая условия для привлечения квалифицированных работников и защиты национальных интересов.

Несмотря на предпринятые шаги по упрощению легальной миграции и улучшению условий для иностранных граждан, проблема незаконной миграции продолжает оставаться серьезной угрозой для национальной безопасности. Она несет с собой не только социальные, но и экономические риски, а также может способствовать росту преступности и межнациональной напряженности в обществе. В связи с этим вопрос борьбы с незаконной миграцией становится одним из приоритетных направлений государственной политики.

Незаконная миграция является одной из наиболее серьезных проблем, с которой сталкиваются многие страны, включая Республику Беларусь. «В политической сфере она выступает прямой угрозой безопасности страны, ее геополитическим интересам и международному авторитету; в экономической сфере – способствует расширению масштабов теневой экономики, развивающейся вне экономического законодательства, изъятию из финансового оборота существенной доли денежных средств, ... в социальной сфере – приводит к усилению социальной напряженности» [3, с. 37].

Ситуация усугубляется тем, что незаконные миграционные потоки часто оказываются вне контроля государственных органов, что создает дополнительные риски для экономической стабильности и социальной безопасности. Незаконные мигранты, не имея официального статуса, оказываются вне правового поля, что затрудняет их привлечение к ответственности за правонарушения, а также делает их уязвимыми для эксплуатации. То есть проблема незаконной миграции – это не только «безопасность общества и государства, затрагиваемых миграционными процессами, но и безопасность личности, прежде всего самих мигрантов, которая во многом зависит от вида перемещения (миграции) и его оснований» [4, с. 311]

В Республике Беларусь проблема незаконной миграции особенно актуальна ввиду ее географического положения, поскольку республика является транзитной страной для многих миграционных потоков, направляющихся в ЕС. Бизнес, обеспечивающий нелегальное перемещение мигрантов, по уровню прибыльности занимает третье место после контрабанды наркотиков и оружия [5]. «Незаконная миграция постепенно превратилась в четко организованный криминальный бизнес с иерархичной структурой, многомиллионным количеством вовлеченных лиц и огромным оборотом финансового капитала» [6, с. 20–23].

В последние годы Республика Беларусь предприняла дополнительные меры для ужесточения контроля за незаконной миграцией. Была расширена база оснований для аннулирования разрешений на пребывание в стране и разрешений на трудовую деятельность. Введены новые меры по повышению контроля над работодателями, которые обязаны сообщать государственным органам о заключении или расторжении трудовых договоров с иностранными гражданами в течение трех дней после таких событий. Значительно преобразились ориентиры в развитии миграционной политики и Российской Федерации. Если в 1990-е гг. основным направлением было правовое регулирование вынужденной миграции, то сегодня «государственная миграционная политика сосредоточена на правовом регулировании трудовой миграции, решении проблем нелегальной миграции, обеспечении полной и надежной системы миграционного учета, в целях обеспечения национальной безопасности, а также особое внимание уделяется улучшению демографических показателей за счет миграционного потока» [7, с. 287].

Однако, в условиях нарастающих миграционных потоков, ключевую роль в борьбе с незаконной миграцией, играет сотрудничество с соседними странами и международными организациями. Республика Беларусь участвует в ряде соглашений, касающихся предотвращения незаконной миграции и борьбы с ней. Это, в частности: Конвенция Международной организации труда № 97 «О трудящихся-мигрантах (пересмотренная в 1949 г.)» (заключена в г. Женеве 1 июля 1949 г.); «Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников СНГ» (заключена в г. Кишиневе 14 ноября 2008 г.); Конвенция Международной организации труда № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» (заключена в г. Женеве 24 июня 1975 г.); «Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией» (заключено в г. Москве 6 марта 1998 г.); «Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств» (заключено в г. Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г.) (ред. от 10 октября 2014 г.) и др.

Несмотря на достигнутые успехи в совершенствовании правовой базы, остаются актуальными вопросы, связанные с усилением контроля за миграционными потоками, предотвращением незаконной миграции и обеспечением национальной безопасности. В условиях международной интеграции очевидно необходимы дальнейшие шаги по совершенствованию административных механизмов регулирования миграции.

На этом фоне предлагаются следующие инициативы, направленные на улучшение управления миграционными процессами и повышение их эффективности как на национальном, так и на международном уровнях.

1. Создание единой электронной платформы для мониторинга миграционных потоков. Несмотря на существующую координацию в рамках Союзного государства,

можно создать централизованную систему, которая будет не только отслеживать перемещения мигрантов, но и оперативно управлять данными о легальных и нелегальных мигрантах. Такая платформа могла бы объединять информацию из миграционных служб обеих стран, а также автоматизировать процессы регистрации и предоставления разрешений на работу. Это упростит контроль за миграцией и повысит прозрачность в области трудовой миграции.

2. Введение мобильных приложений, предоставляющих мигрантам доступ к государственным услугам, таким как подача документов на разрешение на работу, уведомления о сроках пребывания и возможность отслеживания статуса миграционных запросов, может значительно упростить административные процедуры. Это также снизит нагрузку на государственные органы и ускорит процесс обработки документов.

3. В дополнение к уже существующим мерам по стимулированию возвратной миграции, можно ввести программы для активного возвращения белорусских и российских специалистов, работающих за границей. Эти программы могут включать налоговые льготы для тех, кто возвращается и открывает бизнес, а также программы содействия в трудоустройстве для высококвалифицированных специалистов в приоритетных отраслях экономики, таких как ИТ и инженерные специальности.

4. Создание совместных учебных программ и семинаров для миграционных служб обеих стран. Это может включать обмен опытом в вопросах управления миграцией, адаптации мигрантов и противодействия незаконной миграции. Профессиональное обучение и повышение квалификации сотрудников в сфере миграционной политики будут способствовать более скоординированной и эффективной работе.

Библиографический список

1. Report Overview: Migration Continues to Be Part of the Solution in a Rapidly Changing World, but Key Challenges Remain: World Migration Report [electr. resource]. – Access mode: <https://worldmigrationreport.iom.int/what-we-do/world-migration-report-2024-chapter-1/world-migration-report-2024>. – Date accessed: 10.05.2025.

2. Харламов, С. О. Формула миграционно-правовых отношений / С. О. Харламов, А. Ю. Соколова // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 3. – С. 94–97.

3. Смирнова, В. А. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности РФ / В. А. Смирнова // Миграционное право. – 2009. – № 1. – С. 36–40.

4. Андриченко, Л. В. Миграционное законодательство Российской Федерации : тенденции развития и практика применения : моногр. / Л. В. Андриченко, И. В. Плюгина. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 392 с.

5. Всемирный доклад о миграции 2024 [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01041/biblio01.php>. – Дата доступа: 10.05.2025.

6. Степанов, А. В. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации: понятие, содержание, направления противодействия / А. В. Степанов // Административное право и процесс. – 2013. – № 8. – С. 20–23.

7. Чупаков, Р. Р. Нормативно-правовое регулирование миграционных процессов в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / Р. Р. Чупаков // Вестн. науки. – 2024. – № 3 (72). – Том 5. – С. 286–292.

**НОВЫЙ КОНЦЕПТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ОТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К МЕТОДАМ
ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ТРАНСПОРТНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ**

О. А. Хотько

*доцент кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
o.a.khatsko@gmail.com*

В современных изменяющихся условиях развития транспортной деятельности целесообразным является рассмотреть вопросы совершенствования транспортного законодательства с учетом направлений сотрудничества Республики Беларусь с другими государствами, потребностями решения задач в области права и обеспечения развития транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: транспортное право; транспортное законодательство; терминология; методология; интеграция; транспортная отрасль; национальная безопасность.

Специфика регулируемых транспортным правом отношений, связанных с выполнением организационных и иных операций по перемещению грузов и пассажиров, других работ и услуг в транспортной сфере, определяют выбор модели государственного воздействия на поведение участников этих отношений. В условиях внедрения цифровых решений и искусственного интеллекта в осуществление транспортной деятельности, изменения торговых потоков, развития транзитного потенциала требуется создание условий для дальнейшего развития механизмов взаимодействия государственных институтов, а также сопряжения интеграционных процессов в сфере транспорта и возможности реализации совместных инфраструктурных проектов в рамках функционирования Союзного государства, партнерства ЕАЭС, деятельности ШОС, СНГ.

При современном правовом регулировании важно не только осмыслить специфику вышеуказанной деятельности в целях правового упорядочения отношений в условиях участия Республики Беларусь в межгосударственных образованиях, трансформации социального государства, выражающуюся в обеспечении приоритетов при осуществлении социально-экономической политики государства, включая повышение «социальной ответственности всех хозяйствующих субъектов независимо от форм собственности» [1, с 14], но и обнаружить необходимые правовые средства, выработать верные подходы к применению права и предложить теоретические решения, поскольку, как отмечал С. Г. Дробязко, «от этого зависят и правильные установления и правореализация» [2, с. 4]. В действительности, именно теории, являясь базисом практической деятельности, принадлежит служить и ориентировать, чтобы достоверно понимать, на чем должно быть основано правовое регулирование и каким образом воздействовать на отношения субъектов транспортной деятельности. Кроме того, важно на данном этапе убедиться в однозначном подходе о назрев-

шей потребности изменения правового регулирования транспортной деятельности с учетом современных тенденций развития общества, государства, обусловленных поиском механизмов обеспечения стабильности законодательства.

В литературе подчеркивается роль правовой оценки понятийного аппарата транспортного права [3–5], отмечена потребность обеспечения научной основы для регулирования достаточно многообразной транспортной деятельности [6; 7]. Вместе с тем, обратим внимание на существенное значение не только правовых подходов, вносящих неоспоримый вклад при принятии решений органами государственного управления, недостаточный учет которых может привести к серьезным упущениям развития транспортной отрасли. В качестве примера в белорусской науке назовем профессора Д. В. Капского, являющегося, по мнению автора, основоположником развития транспортного права.

Проведение комплексных научных исследований осуществлено в рамках и других правовых отраслевых наук [8; 9], что позволяет выявить направления преобразования механизма правового регулирования транспортной деятельности и сформулировать актуальную повестку транспортной политики. Существенными обстоятельствами трансформации транспортной деятельности выступает потребность в применении системного и комплексного подхода, так как в настоящий период теория транспортного права является перспективным направлением научного познания с учетом нового технологического уклада, которое может способствовать развитию правовой науки, модернизации правовых норм транспортного законодательства в условиях междисциплинарного синтеза, что в свою очередь влияет на динамику правового регулирования общественных отношений, которые развиваются в процессе воздействия политических, социальных и иных факторов, включая идеологические императивы правовой политики (п. 9–18 Концепции правовой политики Республики Беларусь).

Применительно к процессу трансформации транспортного законодательства укажем, что в нормах права в транспортной сфере не всегда учтены разнонаправленные векторы правовой динамики в рамках познания социально-экономических процессов, инновационных достижений. При этом нормы должны соответствовать требованиям нормотворческой техники (полнота правового регулирования, единство терминологии и др.), а также усиливать публично-правовых средств в законодательном обеспечении транспортных отношений в соответствии с Законом Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 140-З «Об основах транспортной деятельности».

Выявленные проблемы В национальном законодательстве о транспортной деятельности следует связывать с недостаточностью учета современных экономических и социальных процессов. В юридической науке идеи развития конституционно-правовых основ социального государства получают воплощение в контексте исследования феномена социальной справедливости с учетом устойчивого развития государства и защиты прав человека [10]. Ценности, обеспечивающие баланс прав и обязанностей, национальную безопасность государства, экологическое благополучие граждан как приоритетные направления современной политики, должны находить отражение в правовой системе. В связи с этим видится необходимость не только признания в нормативных правовых актах особо значимых правовых институтов, например, касающихся транспортной безопасности, деятельности беспилотного транспорта, интеллектуальной

транспортной системы и внедрения цифровизации, а также включения норм об экологизации транспортной деятельности и иных аспектах, но и систематизации данных явлений и процессов в соответствующих главах законов и подзаконных актов.

В. В. Лазарев, рассматривая конкретные приемы установления пробелов в праве, поясняет, что означает неурегулированность: либо это пробел в праве либо «законодатель молчаливо отвергает признание за данными обстоятельствами наступления (ненаступления) определенных юридических последствий» [11, с. 34]. О необходимости подготовки соответствующих (недостающих) норм свидетельствуют специальные средства и приемы регулирования транспортных отношений, позволяющие определить подлежащие устранению проблемы в правовом обеспечении соответствующих отношений (формально-юридический, логический, систематический, грамматический методы, метод правового моделирования и т.д.).

Общеметодологической основой правового регулирования транспортных отношений является доктрина устойчивого развития. При этом в целях обеспечения баланса интересов участников транспортной деятельности и экологизации соответствующей сферы, гармонизации законодательства государств-членов интеграционных объединений с участием Республики Беларусь при внедрении принципов «зеленой» экономики должны быть учтены соответствующие методы с учетом организационных подходов межгосударственного характера в соответствующей сфере.

В итоге отметим следующее. Соглашаясь с непосредственной связью государства и права, подчеркнем: право всегда регулирует отношения, которые имеют значение для развития государства. Задачей транспортного права выступает своевременное регулирование сложившихся отношений в данной сфере, а также требующих модернизации в связи с недостаточностью отражения в нормах права инновационных достижений. Таким образом, нормы транспортного законодательства должны составлять прочную основу осуществления транспортной деятельности, формировать благоприятные условия для сотрудничества заинтересованных субъектов и быть реализованы с учетом методологии правового обеспечения данной области общественных отношений, динамики условий развития общества, идеологических императивов правовой политики, противостояния угрозам безопасности, в том числе при функционировании региональных интеграций с участием Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь : науч. -практ. комментарий / Под общ. ред. П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – 2024. – 544 с.
2. Дробязко, С. Г. Что и как регулирует право в контексте формирования социального государства и гражданского общества / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – Вып. 18. – С. 3–11.
3. Бажина, М. А. Транспортное право России: роль понятийного аппарата в развитии правового регулирования / М. А. Бажина. – М. : Проспект, 2023. – 304 с.
4. Морозов, С. Ю. Понятийные ряды как методологическая категория / С. Ю. Морозов, М. А. Бажина // Актуальные проблемы транспортного права / под ред. А. В. Габова, С. Ю. Морозова. – М. : Проспект, 2023. – С. 8–23.
5. Вавилин, Е. В. Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам / Е. В. Вавилин // Хозяйство и право. – 2023. – № 8. – С. 3–21.

6. Хотько, О. А. Перспективные направления транспортного права и обеспечение научной основы для правового регулирования транспортной деятельности / О. А. Хотько // Право в современном белорусском обществе / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2024. – Вып. 19. – С. 435–448.
7. Хотько, О. А. Доктринальные подходы к регулированию отношений в сфере правового обеспечения транспортной безопасности в защиту интересов Российской Федерации и Республики Беларусь / О. А. Хотько // Трансп. право. – 2025. – № 1. – С. 6–11.
8. Карпович, Н. А. Экологическая функция государства: в 2-х ч. Ч. 1. / Н. А. Карпович. Минск : РИВШ, 2011. – 294 с.
9. Бондаренко, Н. Л. Совершенствование понятийно-категориального аппарата хозяйственно-правовой науки / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – С. 9–26.
10. Шидловский, А. В. Восстановление социальной справедливости как основа уголовной политики Республики Беларусь / А. В. Шидловский // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2024. – № 3. – С. 56–65.
11. Лазарев, В. В. Пробелы в праве и пути их устранения / В. В. Лазарев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 184 с.

КУРС НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОРСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В. Е. Чеботарев

*заведующий кафедрой «Морское право и международное право»
Юридического института Российского университета транспорта,
кандидат экономических наук, доцент
v.tchebotarev@mail.ru*

На примере морского автономного транспорта освещаются вопросы достижения технологического лидерства. Подчеркивается значимость оптимизации и усовершенствования всего комплекса мер – правовых, экономических, организационных и иных по обеспечению технологического лидерства в транспортной сфере.

Ключевые слова: технологическое лидерство; морское законодательство; автономное судно; морские автономные надводные суда; кибербезопасность.

Глобальная цифровизация обуславливает масштабные процессы цифровой трансформации морской деятельности. Именно сейчас Международной морской организацией (ИМО) разрабатывается комплексная стратегия цифровизации морского судоходства, ожидаемая к принятию к концу 2027 г., прежде всего в целях создания условий для самого эффективного применения новейших технологий искусственного интеллекта, обработки больших данных, обеспечения безопасности. Очевидно, что Россия, безусловно, внесет существенный вклад в развитие данного стратегически важного направления, что, тем более, важно в свете Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Приобретают первоочередную значимость оптимизация и усовершенствование всего комплекса мер по обеспечению технологического лидерства России и экономического развития на основе отечественных технологий. В свою очередь, подчеркнем позицию государства, подразумевающую, в поступательном движении к технологическому лидерству, сохранение национального контроля над критическими и сквозными технологиями на основе собственных линий разработки технологий в целях экспорта конкурентоспособной высокотехнологичной продукции и (или) замещения ею на внутреннем рынке продукции, создаваемой на базе устаревших и (или) иностранных технологий, а также превосходство таких технологий и продукции над зарубежными аналогами.

Названный закон в целом оценивается как очередной и значимый шаг к снижению зависимости от иностранных технологий и построению независимой информационной экосистемы, обеспечению кибербезопасности. Не вызывает больших сомнений тезис о том, что «по мере развития цифровых технологий все более актуальным становится вопрос о последствиях этой трансформации» [1, с. 40]. Можно сделать прогноз, что при усложнении технологий, применяемых на морском транспорте, неизбежно будут расти и риски. И, конечно, важной составляющей в этом движении вперед является баланс между применением технологий и обеспечением необходимого уровня надежности,

безопасности применяемых инструментов. В связи с чем возрастает значимость повышения эффективности, совершенствования мер, прежде всего, правового характера. Еще более усиливается значимость цифрового и технологического суверенитета, кибербезопасности в целом, о которых мы неоднократно рассуждали в наших исследованиях [2, с. 272–277; 3, с. 6–9].

В целом законодательство подчеркивает значение безопасности при эксплуатации автономных судов. Так, п. 1.2. ст. 8 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» устанавливает, что требования по обеспечению транспортной безопасности в отношении автономных судов должны учитывать особенности управления автономными судами, установленные законодательством.

Продолжается эксперимент, установленный Постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2020 г. № 2031 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации автономных судов под Государственным флагом Российской Федерации», согласно которому при проведении опытной эксплуатации автономного судна судовладелец автономного судна обязан в том числе постоянно контролировать безопасность проведения опытной эксплуатации автономного судна и в случае возникновения угроз безопасности плавания автономного судна или безопасности других судов в назначенном районе прекратить опытную эксплуатацию автономного судна до устранения таких угроз и обеспечить выполнение требований международных договоров РФ и законодательства РФ в области безопасности мореплавания и защиты окружающей среды от загрязнения с судов, а также предпринять меры обеспечения кибербезопасности и отказоустойчивости систем автоматического и дистанционного управления автономным судном. В свою очередь, Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ четко регламентирует, что владелец автономного судна должен обеспечить безопасную эксплуатацию автономного судна в соответствии с российским законодательством и международными договорами Российской Федерации, в том числе в отношении охраны жизни и здоровья людей и сохранности имущества третьих лиц.

Упомянем и Стратегию развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 г. (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28 сентября 2012 г.), в которой упоминается, что еще в 2012 г. Указом о долгосрочной государственной экономической политике от 7 мая 2012 г. № 596 Президентом России поставлена задача совершенствования системы стратегического планирования в целях повышения темпов и обеспечения устойчивого роста, увеличения реальных доходов граждан Российской Федерации, достижения технологического лидерства российской экономики. А цифровизация флота – и это подчеркивается в Распоряжении Правительства РФ от 28 октября 2019 г. № 2553-р «Об утверждении Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года» – позволяет уменьшить вероятность возникновения ошибок, повысить уровень безопасности на море, а также снизить затраты на трудовые ресурсы и уменьшить зависимость от человеческого фактора. Движение вперед в описываемых нами процессах очевидно, но оно не лишено и трудностей, препятствий на пути развития цифровых технологий. Поддержим заключение о том, что успех зависит, прежде всего, от «гармонизированных усилий государственных органов, заинтересованных сторон частного сектора и поставщиков технологий для обеспечения целостной и эффективной цифровой экосистемы» [4, с. 4].

Завершая наши краткие рассуждения на заявленную тематику, без преувеличения отметим, что сегодня морская отрасль переживает настоящую технологическую революцию, в условиях стремительного развития морской электроники, автоматизации, развития «умных» судов и интеллектуальной навигации, что, в свою очередь, повышает значимость усовершенствования всего комплекса мер – правовых, экономических, организационных и иных по обеспечению технологического лидерства.

Библиографический список

1. Лолаева, А. С. Принятие Закона о технологической политике как инструмент обеспечения цифрового суверенитета России / А. С. Лолаева // Хозяйство и право. – 2025. – № 3. – С. 29–41.
2. Чеботарев, В.Е. Международный Кодекс морских автономных надводных судов: безопасность как приоритет / В.Е. Чеботарев // Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности : материалы Шестого Междунар. трансп.-правового форума, Москва, 14–15 февр. 2024 г. / Рос. ун-т трансп. ; под ред. А.А. Чеботаревой, В.Е. Чеботарева, Л.М. Малешинной. – М. : Юрид. ин-т РУТ (МИИТ), 2024. – С. 272–277.
3. Чеботарева, А. А. Цифровой суверенитет и кибербезопасность на транспорте в санкционных условиях / А. А. Чеботарева, В. Е. Чеботарев // Цифровой суверенитет и безопасность: материалы Четвертого Междунар. трансп.-правового форума, Москва, 9–10 февр. 2022 г. / Рос. ун-т трансп. ; под ред. А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева. – М. : Юрид. ин-т РУТ (МИИТ), 2022. – С. 6–9.
4. Гельфонд, Д. В. Эффекты и ограничения цифровой трансформации экономической деятельности морских портов / Д. В. Гельфонд // Экономика. Право. Инновации. – 2025. – № 1. – С. 4–12.

РАЗДЕЛ VI
СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИСТИКА:
ПРЕЛОМЛЕНИЕ 100-ЛЕТНЕГО НАСЛЕДИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

УДК 347

**РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА:
НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ¹**

Е. В. Вавилин

*заведующий кафедрой гражданского права
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в почетной отставке,
член Совета при Президенте Российской Федерации
по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства
evavilin@yandex.ru*

В. Е. Вавилин

*ведущий советник отдела законодательства в сфере
внешнеэкономической деятельности правового департамента
Министерства экономического развития Российской Федерации
v.vavilin@yandex.ru*

Статья направлена на выявление тенденций в развитии законодательства и судебной доктрины в сфере цифровизации гражданского оборота в Российской Федерации. Выявлены причины, обуславливающие нарушения принципа единообразия судебной практики. Авторами даны рекомендации по вопросам нормотворческой деятельности в сфере цифровизации гражданского оборота.

Ключевые слова: цифровизация; криптовалюта; аккаунт; титульные знаки; цифровая валюта.

В последние годы в числе приоритетных направлений развития называется цифровая трансформация экономики, социальной сферы и государственного управления. Включение цифровой трансформации в перечень национальных целей развития, закрепленный в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», обеспечило легализацию названного направления в документах стратегического планирования, что свидетельствует о значимости рассматриваемого процесса в условиях современных вызовов.

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему: «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

Важной стороной решения поставленных Президентом Российской Федерации задач является определение правовой природы инновационных объектов цифровой среды, установление их правового режима, соответствующего целям гражданского оборота и позволяющего использовать высокотехнологичные разработки наиболее эффективным образом.

В результате определения наиболее подходящего для российской правовой системы подхода, связанного с установлением места виртуальных объектов в системе объектов гражданских прав, будет спроецировано новое правовое регулирование, гармонично восполняющее правовые лакуны в высокотехнологичной сфере.

Ускорение экономического развития и особая политико-правовая ситуация повышают общие темпы нормотворческой работы, что в ряде случаев сказывается на эффективности избранных регулятивных моделей. Такая ситуация, в том числе обусловлена тем, что законодатель стремится преодолеть проблему правового вакуума в быстро развивающихся отраслях, в ряде случаев прибегая к опережающему регулированию. Например, изменения, внесенные в Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и ГК РФ предвосхитили появление цифрового рубля. Вместе с тем высокий темп реформирования нормативного массива сопряжен с рисками возникновения правовой неопределенности, преодоление которой возлагается на правоприменителя.

В данном контексте интересным представляется опыт, сформированный судами при рассмотрении споров, связанных с владением и использованием непоименованных в законе элементов цифровой среды. Суды в ряде случаев с осторожностью подходят к вопросу защиты прав, связанных с обладанием виртуальным имуществом.

Показательным является спор, описанный в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 сентября 2021 г. № 29-КГ21-5-К1 [1]. В данном правоприменительном акте рассматривается спор, связанный с владением, использованием и распоряжением «титულными знаками». Восстанавливая хронологию событий, надзорная инстанция обращается к решению суда первой инстанции, согласно которому «титулные знаки» не являются вещами, поскольку «не являются объектами реального мира и не существуют в физически осязаемой форме», не могут выступать в качестве средства платежа, поскольку «каждый эмитент использует собственные виртуальные денежные единицы, непредусмотренные законодательством». На основании представленных рассуждений судом первой инстанции сделан вывод об отсутствии оснований для отнесения «титулных знаков» к поименованным в ст. 128 ГК РФ объектам гражданских прав. Аналогичной позиции придерживаются суды апелляционной и кассационной инстанций.

Не соглашаясь с логикой нижестоящих судов, надзорная инстанция демонстрирует иное понимание спорных правоотношений. Правоприменитель отмечает следующее: во-первых, для всех типов кошельков системы WebMoney Transfer доступны способы пополнения, такие как «обмен наличных (безналичных) на WebMoney Transfer в одной из секции биржи Exchanger, обмен наличных на WebMoney Transfer в одном из обменных пунктов, обмен электронной валюты других систем, пополнение кошелька WM-картой»; во-вторых, гарантом по обязательствам WebMoney Transfer, связанным с выпуском и обращением «титулных знаков», выступает организация Amstar Holdings Limited. Кроме того, суд отметил, что «титулные знаки» WebMoney Transfer выступают в качестве платежных средств во многих странах мира, в том числе на территории России, позволяя оплачивать государственную пошлину, налоги, штрафы, коммунальные услуги, услуги

операторов связи, производить расчеты между клиентами банков и совершать иные операции. Вставая на сторону истца, правоприменитель отмечает: «Суд при рассмотрении дела не указал, на основании какой нормы действующего гражданского законодательства, основанного на принципе диспозитивности, отношения, связанные с уступкой права требования на титульный знак системы интернет-платежей, не могут быть защищены в рамках гражданского судопроизводства». Данный пример демонстрирует эволюцию судебной доктрины в вопросе охраноспособности «титульных знаков», которая обеспечивает высокий уровень единообразия правоприменительной практики.

Известны и другие примеры, свидетельствующие об отсутствии достаточного уровня единства при определении места элементов цифровой среды, в частности пользовательских аккаунтов и криптовалюты в системе объектов гражданских прав. Ворошиловский районный суд г. Ростов-на-Дону в рамках решения от 24 ноября 2021 г. по делу № 2-2566/2021 [2], рассматривая иск об истребовании из чужого незаконного владения и признании права собственности, делает вывод о применимости в отношении аккаунта одной из американских интернет-платформ нормы, закрепленной в ст. 301 ГК РФ. Подтверждая выводы суда, апелляционная [3] и кассационная [4] инстанции отметили: «Суд первой инстанции исходил из того, что спорный канал был создан по заказу истца, передан во временное владение и пользование», и далее: «По истечении договоров учетные данные (логин и пароль) от канала не были возвращены, в связи с чем суд первой инстанции пришел к выводу об истребовании аккаунта от канала из чужого незаконного владения».

Иные важные выводы содержатся в решении Московского областного суда от 11 сентября 2023 г. по делу № 33-31050/2023 [5]. Согласно материалам дела, истец обратилась к ответчику с требованием о взыскании убытков в связи с неправомерным удалением аккаунта из социальной сети «ВКонтакте». Истцом отмечено, что названный аккаунт являлся активом, приносящим прибыль. Анализируя позицию суда первой инстанции, правоприменитель поясняет, что «владельцем и администратором социальной сети ВКонтакте является ООО «В Контакте», именно администрация сайта определяет техническую архитектуру, в том числе порядок и условия создания и использования персональных страниц пользователей», также «пользователи сайта могут быть лишь правообладателями контента, размещаемого на сайте, однако предоставление для пользователей функциональной возможности размещения на сайте контента не означает, что пользователи приобретают какие-либо права на персональные страницы – их правообладателем всегда является ООО «В Контакте». Мотивируя свои доводы, суд оценивает возможность признания аккаунта самостоятельным объектом гражданских прав в качестве базы данных и приходит к выводу, что подобное отождествление возможно в случае, когда создание или развитие аккаунта требует «значительных финансовых затрат», в связи с чем такая совокупность данных приобретает «материальную ценность».

Рассмотренные примеры судебных решений, несмотря на их полярность, содержат указание на основной критерий, позволяющий признать аккаунт в социальной сети объектом гражданских прав. По мнению правоприменителя, ключевой характеристикой аккаунта, определяющей его охраноспособность как базы данных, является материальная ценность.

Иным виртуальным имуществом, регламентация правового режима которого занимает центральное место в системе формирования актуальной проблематики в сфере цифровизации гражданского оборота, является криптовалюта.

Последние тенденции реформирования законодательства в части легализации со-здания и владения такими объектами учитывают, в первую очередь, публичный инте-рес, связанный с обеспечением безопасности государства и общества и недопущения использования материальной ценности криптовалюты на противоправные цели. Вместе с тем при разрешении гражданско-правовых споров указанное обстоятельство приво-дит к нарушению принципа единообразия судебной практики и повышает роль судеб-ного усмотрения при рассмотрении дел, связанных с владением, использованием и распо-ряжением криптовалютой.

В одном случае суды признают криптовалюту объектом гражданских прав. В реше-нии Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 2 апреля 2024 г. по делу № 2-1954/2024 [6] представлен спор, согласно которому ответчик выдал истцу расписку и обя-зался вернуть последнему криптовалюту в размере 0,23567752 биткойна и 0,01 эфириума, однако обязанность не исполнил. Суд констатирует, что ответчиком нарушено обязатель-ство по возврату цифровой валюты, в связи с чем истцу причинены убытки в виде стои-мости цифровой валюты, указанной в расписке. Правоприменитель признает требования, связанные с обладанием криптовалютой, подлежащими судебной защите и взыскивает с ответчика сумму долга. В другом решении от 26 июня 2024 г. по делу № 2-6060/2024 Ленинский районный суда г. Тюмени [7] отмечает, что «криптовалюту можно продать, обменять или подарить». Согласно решению Всеволожского городского суда Ленинград-ской области от 6 июня 2023 г. по делу № 2-5380/2023 [8], охраноспособной можно при-знать ту криптовалюту, «владение, пользование и распоряжение которой не нарушает действующего законодательства Российской Федерации, не противоречит каким-либо общественным интересам, принципам гуманности и морали».

В другом случае суды не находят оснований для защиты прав, связанных с владе-нием и использованием криптовалюты. Так, Тимирязевский районный суд г. Москвы в решении от 16 января 2025 г. по делу № 2-240/2025 [9] указывает, что «криптовалюта не предусмотрена ст. 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав». Аналогичной позиции придерживается Верховный суд Республики Марий Эл в апелляционном опре-делении от 21 января 2025 г. по делу № 33-90/2025 [10]. Правоприменитель указывает, что термин «стейблкоин» в российском законодательстве не используется.

Такая полярность в вопросе определения гражданско-правового режима крип-товалюты связана с последними нормотворческими тенденциями, устанавливаю-щими приоритет разработки и совершенствования публично-правового регулирова-ния в рассматриваемой сфере.

Проблема цифровизации гражданского оборота носит межотраслевой характер. Во-просы правовой природы виртуальных объектов и их охраноспособность должна рас-сматриваться с учетом публичного интереса и в контексте тех рисков, с которыми стал-киваются участники гражданского оборота в указанной сфере. Вместе с тем нельзя назвать оправданным подход, призванный в короткие сроки разрешить комплекс пуб-лично-правовых проблем в отрыве от цивилистических вопросов, обеспечивающих ста-бильность гражданского оборота и повышающий доверие субъектов к цифровой эконо-мике. Следовательно, совершенствование правового регулирования отношений в высо-котехнологичных отраслях целесообразно проектировать, соблюдая баланс частноправо-вых и публично-правовых интересов.

Библиографический список

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 сентября 2021 г. № 29-КГ21-5-К1 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 11.04.2025).
2. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 6 апреля 2022 г. по делу № 33-5780/2022 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 11.04.2025).
3. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2022 г. по делу № 88-22711/2022 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 11.04.2025).
4. Решение Московского областного суда от 11 сентября 2023 г. по делу № 33-31050/2023 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 09.04.2025).
5. Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 2 апреля 2024 г. по делу № 2-1954/2024 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 09.04.2025).
6. Решение Ленинского районного суда г. Тюмени от 26 июня 2024 г. по делу № 2-6060/2024 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 09.04.2025).
7. Решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 6 июня 2023 г. по делу № 2-5380/2023 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 09.04.2025).
8. Решение Тимирязевского районного суда г. Москвы от 16 января 2025 г. по делу № 2-240/2025 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 09.04.2025).
9. Решение Ворошиловского районного суда г. Ростов-на-Дону от 24 ноября 2021 г. по делу № 2-2566/2021 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 11.04.2025).
10. Апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл от 21 января 2025 г. по делу № 33-90/2025 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 11.04.2025).

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА: НОВЫЕ АРГУМЕНТЫ

О. Ю. Ильина

*декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права
юридического факультета Тверского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
ilina.oy@tversu.ru*

В статье анализируется современная судебная практика, связанная с установлением отношений фактического воспитания ребенка в течение не менее пяти лет до его совершеннолетия. Акцентируется внимание на двойственности статуса отчима, который был признан фактическим воспитателем погибшего военнослужащего. Отмечается цель правового регулирования соответствующих отношений, для достижения которой необходимо установление семейно-правовой связи. По мнению автора, это дополнительный аргумент в пользу самостоятельности семейного права как отрасли права, обладающей особым предметом.

Ключевые слова: гражданское право; семейное право; субъекты семейных правоотношений; фактический воспитатель; отчим; денежная компенсация.

Дискуссия о самостоятельности семейного права или подчиненности его гражданскому праву имеет длительную историю и, очевидно, такую же перспективу. Сторонники полярных по своей сути позиций выдвигают аргументы, которые не могут не учтены или опровергнуты, что в то же время не означает безоговорочного признания семейного права как самостоятельной отрасли права или же его «включенности» в состав гражданского права. Необходимо признать, что только совокупность признаков, свидетельствующих о месте семейного права в системе отечественного права, как, впрочем, и о месте семейного законодательства в системе российского законодательства, позволяет дать объективный ответ на поставленный в рамках научной дискуссии вопрос. В рамках настоящей статьи не предполагается анализ имеющихся в цивилистике воззрений на этот счет, полагаем возможным указать на новые аргументы, характеризующие прежде всего смещение устоявшихся постулатов.

Конечно же, это характеристика субъектного состава семейных отношений и, как следствие, семейных правоотношений. При установлении пределов семейно-правового регулирования в ст. 2 СК РФ законодатель указал на членов семьи (супруги, родители и дети, усыновители и усыновленные), а также других родственников и иных лиц, отношения между которыми регулируются только в случаях и пределах, предусмотренных семейным законодательством. Обращает на себя внимание то, что течение нескольких последних лет судебная практика по установлению семейно-правовых связей приобрела новые оттенки. Так, например, возникла необходимость установить факт наличия правовых отношений между фактическим воспитателем и фактическим воспитанником (заметим, институт фактического воспитания традиционно воспринимался в науке семейного права как «мертвый»), поскольку любое лицо, принявшее на себя обязанности по воспитанию ребенка, должно иметь соответствующий статус, то есть быть

назначенным опекуном, попечителем и т.д. Более того, необходимость квалификации семейных отношений в данном случае повлекла за собой формальное изменение статуса каждого из действующих лиц).

Так, Майкопский городской суд Республики Адыгея рассмотрел заявление П-н В. И. о признании его лицом, фактически содержавшим и воспитывавшим военнотрудового М-ва А. Ю. в течение более пяти лет (с 4 августа 1993 г. и до наступления совершеннолетия – 24 августа 2000 г.). В обоснование заявления было указано, что П-н В. И. является отчимом М-ва А. Ю., проживал вместе с его матерью М-ой С. Ф. одной семьей после прекращения брака последней с биологическим отцом М-ва А. Ю., при этом 14 июля 2000 г. П-н В. И. и М-ва С. Ф. зарегистрировали брак.

Таким образом, с 04 августа 1993 г. М-в А. Ю. находился на воспитании П-на В. И., который фактически заменил ему отца. При этом П-н В. И. обеспечивал совместный семейный отдых, долгое время состоял в родительском комитете школы, где учился М-в А. Ю. В тот же период М-ва С. Ф. была домохозяйкой, занималась воспитанием детей, трудовую деятельность не осуществляла, единственным источником дохода семьи была заработная плата П-на В. И. Отец М-ва А. Ю. алименты на его содержание не выплачивал, связь с сыном не поддерживал.

К сожалению, 24 июня 2022 г. военнотрудовой М-в С. Ф., проходивший службу по контракту, погиб при исполнении обязанностей военной службы в Луганской области в период проведения специальной военной операции.

Признание судом П-на В. И. фактическим воспитателем М-ва А. Ю. не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия необходимо П-ну В. И. для обращения в военный комиссариат с заявлением о предоставлении меры социальной поддержки в виде ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной ч. 9 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнотрудовых и предоставлении им отдельных выплат».

Решением Майкопского городского суда Республики Адыгея от 21 декабря 2023 г. заявление П-на В. И. о признании его фактическим воспитателем военнотрудового удовлетворено.

Данное решение было отменено апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Адыгея, определением судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение оставлено без изменения.

Проверив материалы дела, обсудив доводы поданной кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации констатирует наличие оснований для отмены обжалуемых судебных постановлений.

В п. 4 ч. 11 ст. 3 вышеуказанного Федерального закона указано, что членами семьи военнотрудового, имеющими право на получение ежемесячной денежной компенсации, установленной ч. 9 ст. 3 названного закона, независимо от нахождения на иждивении погибшего (умершего, пропавшего без вести) кормильца или трудоспособности считается лицо, признанное фактически воспитывавшим и содержавшим военнотрудового в течение не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия (фактический воспитатель). Признание лица фактическим воспитателем производится судом в порядке особого производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Соответствующее указание на решение суда как документ, прилагаемый к заявлению фактического воспитателя, содержится и в п. 4 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации (Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. № 14 «О финансовом обеспечении и об осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10 и 13 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»).

Судебная коллегия Верховного Суда РФ также отметила несостоятельность выводов суда апелляционной инстанции о наличии спора о праве. В материалах дела содержатся письменные отзывы иных лиц, права которых могли быть затронуты решением суда первой инстанции о признании П-на В. И. фактическим воспитателем М-ва А. Ю., погибшего при исполнении обязанностей военной службы (его сестры, матери, вдовы), поддержавших заявление П-на В. И.

Решение Майкопского городского суда Республики Адыгея по указанному делу было оставлено в силе [1].

Представленная в материалах дела история позволяет продемонстрировать специфику предмета семейно-правового регулирования, а именно субъектного состава соответствующих общественных отношений.

П-н В. И. состоял в браке с матерью М-ва А. Ю., то есть являлся его отчимом, однако в рамках правоотношений, связанных с социальным обеспечением, он был признан фактическим воспитателем. Означает ли это, что один и тот же гражданин (П-н В. И.) одновременно может быть субъектом семейных правоотношений, обладая правами/ обязанностями и отчима, и фактического воспитателя?

Очевидно, мы должны руководствоваться целью правового регулирования соответствующих отношений. Да, применительно к статусу фактического воспитателя эта цель состоит в получении денежной компенсации, но ведь из решения суда следует, что фактическим воспитателем признан заявитель, являющийся отчимом М-ва А. Ю.

Во-первых, мы наблюдаем явное усиление социально-правовой значимости таких семейных отношений как фактическое воспитание при ином отраслевом регулировании, в данном случае, при установлении круга членов семьи военнослужащего в рамках правоотношений по социальному обеспечению.

Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что непосредственно в СК РФ законодатель разграничивает статус отчима и фактического воспитателя, о чем свидетельствует самостоятельность алиментных обязательств, хотя и обозначенных в одной главе 15 СК РФ как «Алиментные обязательства других членов семьи». Более того, Пленум Верховного Суда РФ в п. 50 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» разъясняет, кого следует понимать под фактическими воспитателями, обязанность по содержанию которых возлагается на их воспитанников.

Укажем и на различия в условиях исполнения соответствующей алиментной обязанности фактических воспитанников и пасынка, падчерицы. Так, согласно ст. 97 СК РФ отчим, мачеха вправе требовать выплаты алиментов от трудоспособных совершеннолетних пасынка, падчерицы, *обладающих необходимыми для этого средствами (курсив мой – О. И.)*. В то время как при предъявлении требования фактического воспитателя о взыскании алиментов с совершеннолетнего фактического воспитанника наличие у последнего необходимых для этого средств значения вроде как не имеет (ст. 96 СК РФ).

Кстати, предусматривая основание для освобождения и пасынка/падчерицы, и фактического воспитанника от выплаты алиментов, законодатель в СК РФ тоже апеллирует к пятилетнему сроку (если ребенка содержали или воспитывали менее пяти лет), но вовсе нет «привязки» этого срока к моменту достижения ребенком совершеннолетия, что мы наблюдаем в правилах о выплате денежной компенсации членам семьи военнослужащего.

Таким образом, отчим/мачеха и пасынок/падчерица, фактический воспитатель и фактический воспитанник выступают субъектами семейных правоотношений лишь в случаях и пределах, прямо предусмотренных семейным законодательством, в данном случае – СК РФ. В иных отраслевых правоотношениях (мы пока выявили такой подход лишь в правоотношениях по социальному обеспечению) воспитание и содержание ребенка отчимом может быть квалифицировано по-иному.

По нашему мнению, вышеизложенное позволяет очередной раз подчеркнуть специфику предмета семейного права, представив тем самым дополнительный аргумент в пользу самостоятельности соответствующей отрасли права.

Библиографический список

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 24-КГ24-14-К4.

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ V. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

М. В. Мещанова

*заведующий кафедрой гражданского права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
miashchanava@gmail.com*

В статье анализируются легальные предпосылки для осуществления унификации / гармонизации частного правового регулирования в рамках региональных интеграционных образований, на примере ЕАЭС. Приводятся аргументы в пользу объективной невозможности реализации целей построения единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза без устранения целого ряда барьеров и ограничений, многие из которых имеют частноправовую природу. На примере наднационального регулирования сферы государственных закупок делается вывод о преимуществах и недостатках метода «дательной гармонизации» при его использовании в области частного правового регулирования.

Ключевые слова: гармонизация права; государственные (муниципальные) закупки; надгосударственные объединения; единая политика; унификация права.

Любые межгосударственные интеграционные процессы не могут быть результативными без определенной степени сближения законодательства государств-участников. Сферы правового регулирования, которые подлежат первоочередной гармонизации, зависят от целей создания того или иного интеграционного объединения и, как правило, определяются в его учредительных документах. Для достижения максимальной степени сближения национального законодательства – унификации, государства передают часть своей нормотворческой компетенции на межгосударственный (интеграционный) уровень, наделяя правом принимать решения и издавать нормативные предписания органы соответствующего объединения. В рамках деятельности ЕАЭС (далее – Союз) такая компетенция осуществляется в рамках единой политики: «политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий» (ст. 2 Договора о ЕАЭС, подписан в г. Астане 29 мая 2014 г., с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 24 июня 2024 г. (далее – Договор о ЕАЭС)).

Одной из основных целей создания ЕАЭС является «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза», поэтому на основании ст. 32 Договора о ЕАЭС в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями Договора о ЕАЭС.

Очевидно, что указанный контекст подразумевает, в первую очередь, разработку унифицированного публично-правового регулирования, направленного на ликвидацию барьеров и ограничений для осуществления свобод единого рынка: применение единого тарифного и нетарифного регулирования внешней торговли, унифицированного порядка взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг и др. [1]. Вместе с тем, барьеры и ограничения могут выходить и на частноправовую проблематику. Для единообразной квалификации препятствий на внутреннем рынке Союза решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 марта 2023 г. утверждена Методология квалификации препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза и признания барьеров и ограничений устраненными (далее – Методология).

Так, в отношении Республики Беларусь оценивалось как барьер для реализации свободы оказания услуг (по классификации Евразийской экономической комиссии) – отсутствие возможности открытия филиала юридического лица государства-члена Союза в Республике Беларусь (Реестр барьеров по состоянию на 15 мая 2023 г.). Рассмотренный барьер, несомненно, имел частноправовую природу – право на открытие филиалов и представительств юридических лиц предусматривается гражданским законодательством. Более того, отмеченный барьер нарушает право частных лиц (компаний) на свободное учреждение обособленных подразделений с широкой сферой полномочий (филиалов). Таким образом, частноправовой барьер влияет на создание единого рынка ЕАЭС, что составляет одну из целей данного регионального интеграционного образования.

Интересным представляется тот факт, что в ст. 51-1 ГК на момент квалификации барьера регламентировалась только деятельность представительств иностранных организаций, про филиалы вообще ничего не говорилось, в том числе не содержалось запрета на их открытие на территории Республики Беларусь иностранными юридическими лицами. При этом барьеры, согласно п. 3 Методологии, представляют собой препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза и их доступа на рынки государств-членов Союза, возникшие вследствие несоответствия действующих либо принятых, но не вступивших в силу норм законодательства государств-членов или сложившейся в государствах-членах правоприменительной практики праву Союза. Во внимание была принята именно правоприменительная практика, которая опиралась на буквальное толкование ст. 51-1 ГК и не допускала открытия на территории Республики Беларусь филиалов иностранных организаций.

После вступления в силу Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» ст. 51-1 ГК была изложена в новой редакции: «Представительства иностранных организаций и филиалы иностранных юридических лиц». Это легализовало возможность открывать и располагать на территории Республики Беларусь филиалы иностранных юридических лиц, которые являются их обособленными подразделениями, осуществляющими все или часть функций соответствующего юридического лица, в том числе функции представительства. С принятием новой редакции ст. 51-1 ГК отмеченный барьер для реализации свободы оказания услуг и свободы учреждения был ликвидирован.

Многоаспектной сферой правового регулирования, где тесно переплетаются элементы как частноправового, так и публично-правового характера является осуществление государственных закупок. Согласно ст. 88 Договора о ЕАЭС регулирование отношений в сфере закупок осуществляется законодательством государства-члена о закупках и международными договорами государств-членов, то есть указанная область правового регулирования не переносится на уровень Союза. При этом государства берут на себя обязательство по предоставлению другим государствам-членам национального режима в сфере закупок, а также по недопущению предоставления третьим странам режима в сфере закупок более благоприятного, чем предоставляемый государствам-членам. Несмотря на общий подход к правовому регулированию государственных закупок, закрепленный в ст. 88 Договора о ЕАЭС, Приложение № 25 к данному Договору (далее – Протокол о закупках) достаточно детально и в основном императивно регулирует как понятийный аппарат закупок, так и их процедуры, создавая тем самым надгосударственный уровень регламентации данного явления. При этом право Союза прямо предписывает внести определенные положения в национальное законодательство государств-членов, например, законодательством государства-члена о закупках должно быть предусмотрено формирование и ведение реестра недобросовестных поставщиков (п. 13 Протокола о закупках). В отношении иных положений устанавливается право государств-членов на соответствующее регулирование, например, государство-член вправе в своем законодательстве определять товарные биржи, на которых могут осуществляться закупки (п. 9 Протокола о закупках). Следовательно, право Союза создает своеобразные рамки для регулирования закупок в государствах-членах. Указанный метод получил условное наименование «детальная гармонизация», когда в праве интеграционного объединения не только закрепляются цели, принципы и общие ориентиры регулирования того или иного явления, но и значительное число точных предписаний, который подлежат перенесению в национальное законодательство без изменений. Для частноправового регулирования метод «детальной гармонизации» имеет как положительные, так и проблемные аспекты. Так, норма частного права как императивная, так и диспозитивная, должна быть максимально определенной и не допускать двусмысленного толкования, в противном случае возможны разночтения при защите однородных прав и интересов частных лиц. Именно поэтому стандартная гармонизация, допускающая закрепление на надгосударственном уровне только целей, которые необходимо достигнуть государствам в результате соответствующей корректировки своего законодательства или правоприменительной практики, в области гражданского права зачастую не приводит к нужному эффекту. При этом «детальная гармонизация», генерируя точные предписания, которые следует внести в национальное законодательство государств-членов, достигает отмеченного эффекта гораздо более результативно, однако по своей сути такая гармонизация максимально приближена к унификации законодательства. «Детальная гармонизация» может «зацементировать» в национальной правовой системе норму, которая недостаточно правильно коррелирует с иными нормами соответствующего законодательства, что в свою очередь может потребовать изменений целого комплекса регуляторных положений. Более того, в деятельности таких интеграционных объединений как ЕАЭС закономерен вопрос о наличии наднациональной компетенции на осуществление «скрытой» унификации законодательства, которая может проводиться только в рамках единой политики.

Анализ регламентации государственных (муниципальных) закупок на уровне ЕАЭС демонстрирует тесную взаимосвязь закупок с процессом построения и функционирования внутреннего рынка. Именно поэтому возможные отклонения, которые допускаются государствами-членами при регулировании закупок, как правило, расцениваются в качестве барьера на внутреннем рынке ЕАЭС. Так, Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК) был проведен анализ норм белорусского законодательства в области государственных закупок, в части установления требований по закупке легковых автомобилей производства Республики Беларусь с применением процедуры государственной закупки из одного источника, в том числе для использования таких транспортных средств в качестве служебных и специальных легковых автомобилей. По итогам анализа указанных требований и проведенного мониторинга Комиссия пришла к выводам о наличии препятствия с признаками барьера на внутреннем рынке ЕАЭС.

ЕЭК провела согласования по вопросам ликвидации данного барьера с уполномоченными органами Республики Беларусь. В результате соответствующие нормативные правовые акты были скорректированы путем исключения вышеуказанных требований, и 27 мая 2025 г. Коллегия ЕЭК признала препятствие с признаками барьера устраненным [2].

Несмотря на значительную специфику процессов сближения национального законодательства в сфере частного права, необходимо согласиться с позицией А. Л. Маковского о том, что «унификация частного права разных государств и государственных образований – закономерность развития частного права» [3, с. 14].

Проведя весьма беглый анализ процессов унификации и «детальной гармонизации» законодательства государств-участников ЕАЭС в сфере частного права, констатируем, что данные процессы неизбежны и протекают перманентно, даже учитывая тот факт, что прямых полномочий на унификацию / гармонизацию частноправового регулирования в общем плане у ЕАЭС, учредительным договором не предусмотрено. В большинстве случаев процессы сближения частноправового регулирования обусловлены необходимостью ликвидации барьеров и ограничений для реализации свобод внутреннего рынка ЕАЭС.

Библиографический список

1. Функционирование внутреннего рынка Евразийского экономического союза: [сайт]. – ЕАЭС. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru> (дата обращения 04.07.2025).
2. В сфере государственных закупок устранено очередное препятствие с признаками барьеров: [сайт]. – ЕАЭС. – URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru/news/news/card/68382d8471f5c3192a876301> (дата обращения 04.07.2025).
3. Проблемы унификации международного частного права : моногр. / Отв. ред. Н. Г. Дорогина. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации – 2-е изд., перераб. и доп.; ИД «Юриспруденция», 2023. – 669 с.

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ, СОЗДАННОГО С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Р. И. Ситдикова

*профессор кафедры предпринимательского и энергетического права
юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета,
доктор юридических наук, профессор
ms.rs575@gmail.com*

С. А. Барышев

*доцент кафедры гражданского права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент
barsh1976@yandex.ru*

Статья посвящена анализу правовой специфики цифрового изображения, как объекта гражданских прав. В ней исследуется правовое понятие «изображение» и «цифрового изображения», как объективированных форм творческого произведения, обосновывается теоретическая и практическая необходимость использования единого понятия «цифрового изображения» для обозначения изображений, создаваемых при помощи технологий искусственного интеллекта, как являющихся объектами авторских прав, так и не являющихся таковыми.

Ключевые слова: изображение; цифровое изображение; контент; искусственный интеллект; интеллектуальные права; творческое произведение.

Непрерывное развитие технологий в современном обществе неизбежно приводит к появлению новых и существенной трансформации ранее существовавших объектов материальной культуры. Не составляет в этом исключения и такая важнейшая сфера жизнедеятельности общества, как создание творческих произведений.

При создании произведений, в рамках интеллектуальной, творческой деятельности все чаще используются различные средства цифровизации, которые самым существенным образом влияют на природу создаваемых таким образом объектов. Также существенные изменения претерпевает и правовое регулирование отношений, связанных с их созданием и использованием. Одним из наиболее часто встречающихся в практике результатов использования средств цифровизации, являются различного рода изображения, создаваемые с помощью программ для ЭВМ. Современное российское законодательство не содержит понятия, которое позволяло бы однозначно определить данные объекты. Более того, в российском законодательстве в целом отсутствует определение понятия «изображение», которое, тем не менее, используется в различных правовых нормах (например, ст. 152.1, 1259, 1370 ГК РФ). Используемые в данных статьях понятия «изображение» подробно определяются в научной литературе и судебной практике в соответствии с его смысловым значением, выявленным применительно к отдельным

нормам гражданского права. Например, изображение гражданина рассматривается как нематериальное благо, выраженное в любой объективированной форме [1, с. 13].

В то же время понятие изображения широко используется для определения особой материальной формы выражения, результата творческой деятельности физического лица, а именно произведения изобразительного искусства, основным признаком которого является наличие оригинала произведения, в рамках которого произведение существует в неразрывной связи со своей предметной формой [2, с. 9]. С этой точки зрения, изображение, как объективированная форма выражения, может быть как результатом интеллектуальной деятельности, так и результатом технических процессов, например, автоматической фото и видеофиксации, медицинской томографии, которые не приводят к созданию объекта интеллектуальных прав, либо такая форма может быть результатом функционирования программ для ЭВМ, что в частности отмечается в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Развитие современных технологий позволяет, на наш взгляд, выявить особый вид изображений, а именно «цифровые изображения». Данное понятие практически отсутствует в российском гражданском законодательстве. Однако, схожие по своему содержанию понятия используются рядом национальных стандартов Российской Федерации, например, «ГОСТ Р 70955-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Картография цифровая. Термины и определения» (Приказ Росстандарта от 4 октября 2023 г. № 1046-ст). Кроме того, схожее по смыслу понятие используется и в ст. 1261 ГК РФ, в которое выделяются «аудиовизуальные изображения, порождаемые программами для ЭВМ».

Соответственно, справедливым представляется вопрос о цели выделения такого рода объекта как цифровое изображение. Цель определяется необходимостью анализа правового режима изображений, создаваемых при помощи технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Существующие в настоящее время системы ИИ могут использоваться для создания (генерации) объектов в самых различных объективных формах, в том числе в виде текстов, изображений, звуков и их отображений, а в ряде случаев и объектов, подпадающих под признаки технических решений. Данные формы существенно отличаются друг от друга по своей материальной природе.

Однако, что еще более важно, они отличаются и с точки зрения их правопонимания, как объектов гражданских прав. Даже возможность существования творческих произведений, объектов авторских прав в форме текста, изображения и музыки, не исключает их видового разнообразия. Например, наличие права доступа и права следования в отношении произведений изобразительного искусства, разграничения аудиовизуальных произведений на произведения со звуком и без звука, выделение к качеству самостоятельного объекта авторских прав отдельных кадров аудиовизуального произведения, разные правовые возможности и правовые механизмы реализации коллективного управления исключительным правом, наличие особенностей использования музыкального произведения в составе аудиовизуального, а также особенности свободного использования произведений [3, с. 6–7].

Цифровые изображения, как изображения, создаваемые при помощи программ для ЭВМ, безусловно, существовали и до появления технологий ИИ. Правовая природа такого рода изображений определялась участием физического лица в их создании, что не представляло особой проблемы. В том случае, если физическое лицо непосредственно

создавало изображения с использованием программных средств либо редактировало уже существующие изображения, такое изображение можно было определить, как объект авторских прав в зависимости от степени творческого вклада автора. Создание изображения, обладающего признаками объекта авторского права, без творческого участия физического лица было фактически невозможным.

В другом случае изображение являлось прямым производным результатом работы программы для ЭВМ и соответственно в отношении такого результата применялись нормы, регламентирующие интеллектуальные права на программы для ЭВМ.

Широкое использование технологий ИИ приводит к усилению значимости выделения цифровых изображений как особых объектов гражданских прав, особенно в виду возможности создания объектов при минимальном участии человека [4, с. 63]. В отсутствие специального правового регулирования объектов, созданных с использованием ИИ, единого понятийного аппарата, четкого понимания правового режима данных объектов, в частности содержания и видовой принадлежности возникающих на них прав, принципиально важным является разграничение данных объектов с целью изучения их правового режима. Практическая актуальность выделения цифровых изображений, в частности, подтверждается и техническим обособлением, разграничением цифровых сервисов, предназначенных для генерации цифровых изображений с помощью ИИ.

В качестве примера можно привести различные определения объектов, создаваемых с использованием ИИ, содержащиеся в пользовательских соглашениях, сервисов «Kandinsky» и «Шедеврум». Так в п. 1.10 «Пользовательского соглашения об использовании Сервиса Kandinsky» [5]. используется понятие «сгенерированный контент», под которым понимаются представленные в графическом формате объекты, сгенерированные пользователем с помощью сервиса. При этом объекты, представляющие собой «сгенерированный контент», а по факту изображение, созданное с помощью системы ИИ, могут как являться результатами интеллектуальной деятельности, так и не являться таковыми. Таким образом, условия данного пользовательского соглашения не исключают возможности создания объекта авторских прав в виде цифрового изображения. Данная возможность подчеркивается и в п. 5.7 соглашения, в соответствии с которым «исключительное право на Сгенерированный Контент, являющийся результатами интеллектуальной деятельности/средствами индивидуализации, принадлежит Пользователю».

В то же время, «Условия использования сервиса «Шедеврум» используют в п. 2.3 и других понятия «изображения» и «текста», созданных с использованием ИИ. При этом, условия прямо не предусматривают возможности создания изображений, являющихся результатами интеллектуальной деятельности. Следовательно, в отсутствие объекта интеллектуальных прав, как результата использования соответствующего сервиса, пользователю предоставляется лишь возможность свободного использования данных изображений, а также изображений, сгенерированных другими пользователями в некоммерческих целях и использования по согласованию с сервисом в коммерческих целях [6].

Таким образом, на примере двух достаточно распространенных сервисов ИИ, по созданию изображений, можно сделать вывод об отсутствии в настоящее время не только единства в определении понятия создаваемых при помощи технологий ИИ изображений, но и принципиальных различий в понимании правовой природы данных объектов. В первом примере речь идет о принципиальной возможности признания цифро-

вого изображения, созданного при помощи ИИ результатом интеллектуальной деятельности с последующим использованием данных объектов системой на условиях безвозмездной, безотзывной лицензии. Во втором же случае, правовой режим цифрового изображения в целом не определяется и права на него фактически признаются за правообладателем системы ИИ, что, в свою очередь, оставляет открытым вопрос о правовых последствиях создания в результате взаимодействия пользователя и системы ИИ цифрового изображения, являющегося объектом авторских прав.

В связи с вышеизложенным нами предлагается, в целях определения субъективных гражданских прав, возникающих на изображения, создаваемые при помощи технологий ИИ, использовать понятие «цифровое изображение», под которым следует понимать существующие изначально только в цифровой форме и создаваемые исключительно при помощи программ для ЭВМ изображения, в том числе с помощью систем ИИ.

Также, предлагается разработать единые подходы к определению правового режима цифровых изображений, создаваемых с помощью систем ИИ, в части наделения их статусом объектов авторских в случае наличия у них признаков результатов интеллектуальной деятельности, и отграничению их от цифровых изображений, не являющихся результатами творческой деятельности.

Библиографический список

1. Иванов, А. В. Изображение как объект гражданских прав в Российской Федерации и Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. / Иванов Андрей Викторович; Моск. ун-т МВД Рос. Федерации им. В. Я. Кикотя. – Москва, 2024. – 34 с.
2. Удалкин, В. А. Интеллектуальные права на произведения изобразительного искусства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. / Удалкин Владимир Александрович; Рос. гос. ин-т интеллектуальной собственности. – Москва, 2010. – 25 с.
3. Иванов, Н. В. Правовое регулирование использования музыкальных произведений в составе телевизионных программ / Н. В. Иванов // Журн. Суда по интеллектуальным правам. – 2017. – № 17. – С. 63–73.
4. Милюков, С. А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта как объекты авторских и смежных прав / С. А. Милюков // Журн. Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 9. – С. 67–73.
5. «Пользовательское соглашение об использовании Сервиса Kandinsky» // Портал Сбербанк : [сайт]. – Москва, 2025. – URL: <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/promo/kandinskiy-terms/kandinskiy-terms-of-use.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).
6. Условия использования сервиса «Шедеврум» // Яндекс Правовые документы : [сайт]. – Москва, 2025. – URL: https://yandex.ru/legal/shedevrum_termsofuse/ru/ (дата обращения: 20.06.2025).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАКУПКИ

Ю. А. Амельчя

*ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права Института правовых исследований
Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
amelchenyat@center.gov.by*

В статье проанализированы подходы к изменению условий договора государственной закупки, причины неизменности таких условий при его исполнении, а также выявлена теоретико-прикладная проблема одностороннего изменения условий договора государственной закупки, реализация которого в практической плоскости в ряде случаев на сегодня ограничена.

Ключевые слова: договор государственной закупки; изменение договора; условия договора; электронная торговая площадка.

Реализация целей и принципов в сфере государственных закупок обеспечивается рядом инструментов, в числе которых так называемая стабильность и неизменность отдельных условий договора государственной закупки как его отличительный признак [1, с. 295]. Такая стабильность движима необходимостью его заключения для обеспечения государственных интересов в сфере государственных закупок. Это означает, что такому договору присуще действие принципа реального исполнения [2, с. 59–68] в большей степени, чем для любого иного, предполагающего, что заключенный договор «должен быть исполнен в точном соответствии со всеми его условиями, и ни одной из сторон не разрешается ни уклоняться от осуществления лежащей на ней обязанности, ни вносить какие-либо изменения в содержание договора» [3, с. 315]. Хотя, как верно отмечает И. Б. Новицкий, определяющее значение принципа реального исполнения было присуще договорам начала советского периода [4, с. 203]. На это также обращали внимание В. М. Гордон, отмечая, что «большой устойчивостью может обладать принцип исполнения договора по точной букве его, принцип *«pacta sunt servanda»*» [5, с. 17], В. Н. Годунов, подчеркивая, что принцип стабильности договорных отношений создает предпосылки для стабильности гражданского оборота, когда «сам договор выполняет свои функции наилучшим образом» [6, с. 90]. Законодатель не абсолютизирует принцип реального исполнения договора государственной закупки, но указывает на возможные отступления от него, когда стороны могут изменить соответствующие условия (п. 1 ст. 25 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон)).

В отличие от расторжения договора, для которого Законом установлены основания его реализации, для изменения условий договора в ч. 1 п. 2 ст. 25 Закона содержится лишь норма о его изменении по соглашению сторон, совершаемом в той же форме, что и договор. Тем не менее, упоминание в Законе об изменении договора по соглашению сторон не исключает такое изменение решением суда или в одностороннем порядке. На это указывает ст. 3 Закона и ГК, который предусматривает, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК, а в случае расхождения

указанных актов с ГК действует последний (ч. 3 п. 2 ст. 2 ГК). Согласно ст. 420 ГК изменение договора возможно:

- **по соглашению сторон**, если иное не предусмотрено ГК и иными актами законодательства или договором (п. 1 ст. 420 ГК);

- **по требованию одной из сторон** договор может быть изменен по решению суда только: при существенном нарушении договора другой стороной; в иных случаях, предусмотренных ГК и иными актами законодательства или договором (п. 2 ст. 420 ГК);

- в случае **одностороннего отказа от исполнения договора частично**, когда такой отказ допускается законодательством или соглашением сторон (п. 3 ст. 420 ГК). Об одностороннем изменении договора достаточно уведомления второй стороны (ч. 8 п. 19 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров»).

Кроме того, применяются общие нормы ст. 291 ГК, предусматривающие, что односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, если иное не вытекает из законодательства или договора. Тем самым ситуация с частичным односторонним отказом от исполнения договора, а также с односторонним изменением условий договора государственной закупки приемлема с позиции гражданского законодательства, если на это указывают законодательство или договор. Например, для договора поставки, который может быть положен в основу договора государственной закупки, сам ГК содержит условия для одностороннего изменения условий договора его сторонами (ст. 493 ГК).

Факт, что в Законе отсутствуют предписания относительно одностороннего изменения условий договора государственной закупки, а также одностороннего отказа от исполнения договора в части, не исключает его одностороннее изменение. Однако это должно осуществляться, при наличии соответствующего основания в законодательстве или самом договоре государственной закупки, и обстоятельства для одностороннего изменения договора должны согласовываться с ч. 1 п. 1 ст. 25 Закона и допустимыми случаями изменения отдельных условий такого договора.

Приведем пример. При обжаловании в Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) содержания конкурсных документов по процедуре государственной закупки заявитель посчитал неправомерно установленным заказчиком в проекте договора государственной закупки (предметом договора являлись выполнение работ и поставка оборудования, т.е. смешанный договор) следующее условие: «В случае превышения фактической себестоимости Оборудования относительно указанной в договоре приемка и оплата будет производиться по цене, указанной в п. 4.1.2. Договора, а в случае, если при исполнении договора фактическая себестоимость Оборудования будет меньше стоимости, указанной в договоре, то приемка и оплата Оборудования будет производиться по фактической себестоимости, с приложением документального подтверждения понесенных затрат, предусмотренных настоящим пунктом» [7]. Аргумент заявителя состоял в том, что условие такого содержания влечет за собой ограничение количества потенциальных поставщиков, так как не все поставщики могут работать в убыток.

В итоге комиссия МАРТ пришла к выводу, что оспариваемое условие согласуется с п. 3 ст. 455 ГК. В то же время при возникновении фактической ситуации изменения цены в ходе исполнения договора государственной закупки должны быть соблюдены условия и основания для этого, предусмотренные п. 1 ст. 25 Закона.

В данном примере прослеживается установление проектом договора, а впоследствии при заключении самим договором государственной закупки основания для одностороннего изменения условия договора при наступлении определенных обстоятельств, и такое одностороннее изменение согласуется с законодательством о государственных закупках. В то же время, с практической точки зрения, для договора государственной закупки, заключенного на электронной торговой площадке (далее – ЭТП), его одностороннее изменение в той же форме и способом, как заключался договор, невозможно, поскольку не предусмотрено техническим инструментарием ЭТП. Как следствие, реализация субъективного права заказчика на одностороннее изменение условий договора государственной закупки ограничена. Для договора государственной закупки, заключенного по результатам процедуры закупки из одного источника не на ЭТП, созданная за счет электронного формата процедур государственных закупок проблема исключена.

Законодательство о государственных закупках тесно связано с гражданским законодательством. Ситуация одностороннего изменения условий договора или частичного отказа от исполнения договора с позиции гражданского законодательства в сфере государственных закупок допустима, но такое изменение должно осуществляться при наличии соответствующего основания в законодательстве или самом договоре государственной закупки, а обстоятельства для одностороннего изменения договора должны согласовываться с допустимыми случаями изменения условий договора государственной закупки.

Представляется целесообразным нормативное установление права заказчика на одностороннее изменение условий договора государственной закупки в допустимых случаях и пределах с соответствующей корректировкой ст. 25 Закона. Такое право следует установить именно для заказчика как стороны, обеспечивающей функциональное назначение государственных закупок и отвечающей за достижение возложенных задач, эффективность использования бюджетных средств. Подобный подход развивает идею об ограничении действия основных начал гражданского законодательства ввиду доминирования государственного интереса в сфере государственных закупок.

Библиографический список

1. Амельчя, Ю. А. Система договоров в сфере государственных закупок / Ю. А. Амельчя. – Минск : Колорград, 2021. – 344 с.
2. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.
3. Основы советского права / М. И. Брагинский [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1967. – 535 с.
4. История советского гражданского права / Д. М. Генкин, И. Б. Новицкий, Н. В. Рабинович ; под ред. Д. М. Генкина. – М. : Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1949. – 544 с.
5. Гордон, В. М. Система советского торгового права. Обзор действующего законодательства по внутренней торговле / В. М. Гордон. – 2-е изд. – Харьков : Юрид. Изд-ВО НКЮ УССР, 1927. – 196 с.
6. Годунов, В. Н. Общие положения о договоре: направления совершенствования / В. Н. Годунов // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 сент. 2019 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол. : С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 88–93.
7. Протокол заседания комиссии по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и (или) решения заказчика (организатора), комиссии по государственным закупкам и (или) ее членов, товарной биржи, оператора электронной торговой площадки при осуществлении государственных закупок от 1 августа 2024 г. № 2. – URL: <https://gias.by/gias/#/appeal/registry/view/ca2368ac-cf08-472e-9398-c1c0706d25b0> (дата обращения: 10.07.2025).

ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА (ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА) ИЛИ ОТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ ПО ДОГОВОРУ

О. А. Бакиновская

*заместитель руководителя Института – начальник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права Института правовых
исследований Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
Bakinovskaya@center.gov.by*

Статья содержит краткий анализ законодательных подходов к правовому регулированию одностороннего отказа от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору, в том числе показаны некоторые проблемы правоприменения. Автором предложено признать сохранение за сторонами договора подряда предоставленного актами законодательства права на односторонний отказ от договора (исполнения договора) при наличии закреплённой в договоре возможности его расторжения только по соглашению сторон и отсутствии согласованного волеизъявления по условиям, регламентирующим односторонний отказ.

Ключевые слова: односторонний отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору; договор с публичным элементом, инвестиционный договор; договор государственной закупки.

Односторонний отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору является давно устоявшейся категорией гражданско-правовой доктрины, которая с недавнего времени в обозначенной формулировке получила закрепление в ст. 420-1 ГК. Возможность одностороннего отказа от исполнения обязательства (договора) или одностороннего изменения их условий, по мнению В. А. Белова, удачно сопрягается с принципами стабильности и определенности правового положения частных лиц, юридического равенства, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, неприкосновенности частной имущественной сферы и прочими фундаментальными началами частного права [1].

В ст. 420-1 ГК изложен порядок осуществления одностороннего отказа от договора (исполнения договора) и порядок осуществления одностороннего отказа от осуществления права по договору. В целях повышения степени систематизации ГК, упрощения понимания нормативного материала, высказываем позицию о необходимости включения положений п. 3 ст. 420 ГК «об объеме» одностороннего отказа от исполнения договора (полностью или частично) в содержание ст. 420-1 ГК. Одновременно, учитывая, что с точки зрения нормотворческой техники при изложении текста нормативного правового акта сначала располагаются наиболее важные нормативные правовые предписания общего характера, которые имеют определяющее значение для содержания всего нормативного правового акта и конкретизируются в последующих нормативных правовых предписаниях, а также требований об изложении текста нормативного правового акта от общего к особенному, предлагаем содержание п. 2 ст. 420-1 включить в п. 3 ст. 420 ГК. Это также позволит

придать определенную стройность и последовательность изложения общих подходов ГК к анализируемой категории, сохраняя законодательный подход об указании допустимых оснований изменения и расторжения договора в ст. 420 ГК. В частности, аналогичный подход наблюдается в ГК РФ.

Право на односторонний отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору предоставляется ГК, иными актами законодательства или договором. По справедливому указанию В. Н. Годунова «если возможность одностороннего изменения или расторжения договора либо одностороннего отказа от исполнения договора для данного типа (вида) договора не предусмотрена законодательством, стороны могут установить это по соглашению сторон. Такая возможность может быть не обусловлена нарушением договора» [2, с. 68].

В практике возникает вопрос о соотношении одностороннего отказа от договора (исполнения договора) и расторжения договора по соглашению сторон, т.е. сохраняется ли возможность одностороннего отказа от договора (исполнения договора) при наличии закрепленного в договоре условия о расторжении договора по соглашению сторон и отсутствии упоминания об одностороннем отказе. Российская судебная практика применительно к договору подряда дает отрицательный ответ на обозначенный вопрос, исходя из позиции, что если согласно условиям договора подряда он расторгается по соглашению сторон, то у заказчика отсутствует право на одностороннее расторжение договора и, следовательно, договор является действующим [3]. Позиция российского суда строится на соотношении ст. 431, 450 и 717 ГК РФ. В частности, согласно правилу ст. 717 ГК РФ заказчику по договору подряда предоставлено право отказаться от исполнения договора в любое время до сдачи ему результата работы. В данном случае оплате подлежит часть установленной цены по договору пропорционально той части работы, которая была выполнена до получения извещения об отказе заказчика от исполнения договора. Но обозначенное правило носит диспозитивный характер, т.е. правило ст. 717 ГК РФ действует постольку, поскольку иное не предусмотрено договором подряда. Соответственно, российская судебная практика исходит из позиции, что наличие в договоре подряда согласованной позиции сторон о расторжении договора по соглашению сторон свидетельствует об отсутствии у заказчика права на одностороннее расторжение договора, и соответственно о том, что договор является действующим.

Полагаем, что наличие в договоре условия о расторжении договора по соглашению сторон, не свидетельствует о том факте, что стороны договора исключили возможность реализации права на односторонний отказ от договора (исполнения договора), предоставляемый в соответствии с актами законодательства. Но и противоположная трактовка имеет право на существование, т.е. согласовав условие о возможности расторжения договора по соглашению сторон, контрагенты рассчитывают на стабильность договорных отношений, понимая, что они лишаются возможности «быстрой» реакции на недобросовестное поведение другой стороны либо возможности «быстрого» прекращения договорных отношений при наличии основания, не связанного с контрагентом. Безусловно, можно порекомендовать сторонам договорных отношений при вступлении в такие отношения более четко формулировать основания расторжения договора применительно к механизму одностороннего отказа от договора (исполнения договора), сохраняя или исключая такую возможность (в зависимости от императивности/диспозитивности нормы акта законодательства, закрепляющего право на односторонний отказ от договора или

его исполнения), не полагаясь на последующее толкование содержания договора. Но в целом мы должны понимать, что «в то же время интересы стабильности договорных обязательств требуют, чтобы отступление от принципа *pacta sunt servanda*, ограничивалось случаями, когда для этого имеются бесспорные и исключительно важные причины, а законодательство содержало механизм, обеспечивающий защиту прав участников договорных отношений в случае прекращения договорных обязательств по инициативе одной из сторон» [4, с. 5].

По нашему мнению, в отсутствие законодательного решения проблемы о соотношении одностороннего отказа от договора (исполнения договора) и расторжения договора по соглашению сторон в вышеуказанном контексте необходимо применительно к каждой конкретной ситуации устанавливать соотношение баланса интересов сторон с учетом наличия или отсутствия публичного элемента в таком договоре. Именно «направленность на обеспечение баланса интересов сторон, в том числе стремление сторон к уравниванию выгод и потерь каждой стороны при расторжении и изменении договора, становится пределом свободы договора в отношениях контрагентов во всем многообразии обстоятельств, возникающих в динамике договора, поскольку конкретным договором предпринимательская деятельность субъектов оборота, сам оборот не ограничиваются, а ценой такого взаимодействия контрагентов (доверие, сотрудничество, уважение) становится формирование деловой репутации контрагентов как надежных и честных партнеров» [5]. В силу этого и иных обстоятельств возможность стороны отказаться от договора (исполнения договора) ограничивается обязанностью действовать добросовестно и разумно, в тех пределах, которые предусмотрены ГК, иными актами законодательства или договором.

Определенное превалирование публичного элемента, например, в инвестиционных договорах, договорах государственной закупки должно содержать защитные, в том числе компенсационные механизмы, обеспечиваемые законодательно.

Законом Республики Беларусь «Об инвестициях» к числу обязательных условий инвестиционного договора отнесено право Республики Беларусь на односторонний отказ от исполнения своих обязательств по инвестиционному договору при существенном нарушении инвестором (инвесторами) и (или) реализующей организацией (при ее наличии) условий инвестиционного договора (ч. 3 подп. 1.8 п. 1 ст. 24 Закона об инвестициях). Например, к элементам защитного механизма может быть отнесено уведомление инвестору (инвесторам) и реализующей организации (при ее наличии) о подготавливаемом или принятом в таком случае решении на основании норм Положения о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 сентября 2024 г. № 650 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 8 января 2024 г. № 350-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях».

Исследование проблематики одностороннего отказа от договора (исполнения договора) с публичным элементом показало наличие в отношении публичных элементов потенциальной угрозы (рисков). В частности, применительно к договору государственной закупки не допускается односторонний отказ от исполнения договора заказчиком и (или) поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в случае надлежащего исполнения договора другой стороной, за исключением случаев, установленных п. 4 ст. 25 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон). Общим правилом законодательства о государственных закупках является отсутствие у сторон договора государственной закупки возможности

согласования в самом договоре допустимости одностороннего отказа от исполнения договора в ситуации, когда данный договор надлежаще исполняется. Например, правило п. 2 ст. 736 ГК о праве исполнителя по договору возмездного оказания услуг отказаться от исполнения обязательств по договору при условии полного возмещения заказчику убытков не должно применяться при осуществлении государственной закупки, несмотря на внешне императивный характер нормы п. 2 ст. 736 ГК. Иная позиция предлагается Ю. А. Амелъченей, отмечающей «даже если Законом предусмотрен запрет на односторонний отказ от исполнения договора государственной закупки при его надлежащем исполнении, на основании приоритета норм ГК исполнитель, даже надлежаще исполняя договор, вправе отказаться от его исполнения» [6, с. 128]. И это представляется обоснованным с учетом приоритета ГК как системообразующего акта гражданского законодательства, убедительно доказанного М. В. Мещановой [7]. По справедливому замечанию М. В. Мещановой «ГК в системе гражданского законодательства, регулирующего все имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, за исключением основанных на административном подчинении одной стороны другой, является актом высшей юридической силы, поэтому любые исключения из правил о его приоритете могут устанавливаться (помимо Конституции Республики Беларусь) только им самим» [7, с. 28]. Но трактовка о допущении возможности применения п. 2 ст. 736 ГК к договору государственной закупки по возмездному оказанию услуг может привести к отрицательным последствиям для заказчика в государственных закупках, что аргументированно указано Ю. А. Амелъченей в контексте возникновения дисбаланса и угрозы государственному интересу, обеспечиваемому посредством государственных закупок, и справедливо предложена соответствующая корректировка норм п. 2 ст. 736 ГК [6, с. 128]. Мы полагаем, что до соответствующей корректировки ГК норма п. 2 ст. 736 ГК применительно к договору государственной закупки должна применяться через призму п. 2 ст. 420-1 ГК, т.е. сторона, которой ГК, иными актами законодательства или договором предоставлено право на отказ от договора (исполнения договора), должна при осуществлении этого права действовать добросовестно и разумно *в пределах*, предусмотренных ГК, *иными актами законодательства* или договором. А пределы действия п. 2 ст. 736 ГК применительно к государственным закупкам как раз таки и установлены п. 3 ст. 25 Закона.

Иное решение обозначенной проблемы можно предложить, основываясь на нормах п. 22 Приложения № 25 «Протокол о порядке регулирования закупок» к Договору о ЕАЭС (далее – Протокол № 25), согласно которым в законодательстве государства-члена о закупках должен быть согласно которым в законодательстве государства-члена о закупках должен быть предусмотрен запрет на односторонний отказ заказчиков и поставщиков от исполнения договорных обязательств в случае надлежащего исполнения другой стороной обязательств по договору (контракту) о закупке и в случаях, не предусмотренных таким законодательством. Республики Беларусь установила такой запрет в п. 3 ст. 25 Закона. В свою очередь согласно п. 2 ст. 6 ГК установлен приоритет норм международного договора Республики Беларусь над нормами ГК Республики Беларусь. Таким образом, системно толкуя нормы Протокола № 25 о запрете одностороннего отказа от исполнения договорных обязательств в случае надлежащего исполнения другой стороной обязательств по договору государственной закупки, который должен быть предусмотрен национальным

законодательством, п. 2 ст. 6 и п. 2 ст. 736 ГК, полагаем возможным придание приоритета в пользу п. 3 ст. 25 Закона применительно к договору государственной закупки, предметом которого выступает возмездное оказание услуг. Иное толкование лишает смысла п. 3 ст. 25 Закона, если предметом государственной закупки является оказание услуг, и создает существенные риски для публичного элемента такого договора.

На основании вышеизложенного, считаем необходимым признать сохранение за сторонами договора подряда предоставленного актами законодательства права на односторонний отказ от договора (исполнения договора) при наличии закрепленной в договоре возможности его расторжения только по соглашению сторон и отсутствию согласованного волеизъявления по условиям договора, регламентирующим односторонний отказ.

Законодательная определенность в регламентации одностороннего отказа от договора (исполнения) договора с публичным элементом или от осуществления прав по договору с публичным элементом необходима для обеспечения охраны интересов как сторон такого договора, так и для стабильности самого гражданского оборота.

Полагаем целесообразным рассмотреть потенциальную возможность корректировки норм ГК, в том числе в части учета специфики договоров с публичным элементом, что позволит устранить имеющиеся расхождения в толковании и правоприменении.

Библиографический список

1. Белов, В. А. Состав и система случаев-оснований возникновения права одностороннего отказа от договоров (обязательств) и их исполнения и одностороннего изменения их условий / В. А. Белов // Гарант : информ.-поисковая система (дата обращения: 22.08.2025).
2. Годунов, В. Н. Изменение и расторжение гражданско-правовых договоров / В. Н. Годунов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол. : И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2013. – С. 66–78.
3. Определение ВАС РФ от 27.02.2013 № ВАС-18062/12 по делу № А40-17788/12-56-160 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 21.08.2025).
4. Бондаренко, Н. Л. Pacta sunt servanda и право на прекращение договора в одностороннем порядке / Н. Л. Бондаренко // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.- практ. заоч. конф., Минск, 10–15 апр. 2017 г. / Междунар. Ун-т «МИТСО». – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 3–5.
5. Позднышева, Е. В. Расторжение и изменение гражданско-правового договора / Е. В. Позднышева // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 21.08.2025).
6. Амелечня, Ю. А. Договорное регулирование отношений в сфере государственных закупок / Ю. А. Амелечня. – Минск : Альфа-книга, 2025. – 460 с.
7. Мещанова, М. В. Приоритет Гражданского кодекса Республики Беларусь как системообразующего акта гражданского законодательства / М. В. Мещанова // Право.by. – 2024. – № 3 (89). – С. 23–29.

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТАХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В. А. Богоненко

*доцент кафедры гражданского права юридического факультета
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой,
кандидат юридических наук, доцент
v.bogonenko@psu.by*

На примере стран романо-германского права рассматриваются публично-правовые институты гражданского права. Анализируются тенденции кодификационного нормотворчества, а также проблемы заимствования иностранного правового опыта.

Ключевые слова: гражданское право; гражданский кодекс; законы; публично-правовые элементы; договор; заимствованные институты; кодификация; нормотворчество; интересы частных лиц.

Гражданское право стран романо-германской правовой семьи находится в постоянном развитии, что проявляется как в процессе кодификации, так и в правоприменительной практике. Будучи по природе частным или конкретным правом, гражданское право основывается на традиционных институтах, таких как юридические лица, вещное право, договорные и внедоговорные обязательства, наследственное право и др. Вместе с тем, гражданское право как самостоятельная отрасль права в своей динамике характеризуется внутренними процессами, развивающимися в двух основных направлениях: а) совершенствование традиционных гражданско-правовых институтов; б) интегрирование новых гражданско-правовых институтов, как посредством привлечения иностранного правового опыта, так и при помощи национальной кодификации.

В качестве самостоятельного процесса, влияющего на гражданское право и распространяющегося на многие его подотрасли и институты, выделяется процесс наполнения гражданского права нормами публично-правового характера. В этом случае можно говорить о своеобразном «расщеплении» гражданского права, как отрасли права, поскольку речь уже не может идти о его монолитности и идентификации только лишь в качестве частного права. Эти явления, знакомые праву многих стран, приводят к необходимости переосмысливания классических теорий, влияющих на процесс структурирования норм права. С другой стороны, ряд теорий, имеющих философскую или идеологическую направленность, не всегда уживаются с современными представлениями и реалиями.

Новации в праве не всегда могут относиться к конкретной отрасли права из-за сложности идентификации характера регулируемых отношений и претендуют на структурирование в рамках самостоятельных отраслей права и/или законодательства (медицинское право, энергетическое право и т.д.). Примерами соответствующих кодификаций являются: Кодекс о здравоохранении (Code de la santé publique) во Франции [1, с. 31] и Энергетический кодекс (Energy Code) в Канаде [2, с. 363].

В качестве противоположного и более распространенного подхода законодателя можно назвать российский и белорусский нормотворческий опыт. Так, в РФ уже первоначально законодательство об охране здоровья строилось на не кодифицированном акте, а именно: «Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» утв. ВС РФ 22 июля 1993 г. № 5487-1 (ред. от 7 декабря 2011 г.), а в настоящее время действует – Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Достаточно противоречивым и непростым оказался процесс нормотворчества в сфере энергоснабжения, в которой сочетаются частноправовые (гражданско-правовой договор энергоснабжения) и публично-правовые начала (энергосбережение). Здесь лишь частично, нормы права, направленные на регулирование отношений в нефтегазовой отрасли, были кодифицированы в РФ и в Республике Беларусь. В России был принят Водный кодекс от 3 июля 2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.), а в Беларуси Кодекс о недрах 14 июля 2008 г. № 406-З. В качестве же основного правового регулятора отношений в нефтегазовой сфере были приняты законы: в России – Закон «Об экспорте газа» от 18 июля 2006 г. № 117-ФЗ, Закон «О газоснабжении в Российской Федерации» от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ, а в Беларуси – Закон «О магистральном трубопроводном транспорте» от 9 января 2002 г. № 87-З и Закон «О газоснабжении» 4 января 2003 г. № 176-З.

По общему правилу закрепление в конституциях основных положений о собственности и освоении природных ресурсов осуществляется под воздействием тех тенденций, которые на определенном историческом этапе развития общества задают направление внутренней и внешней политики государства и наиболее ясно и отчетливо очерчивают общую сферу публично-правовых интересов. Стабильность элементов политической системы предполагает и стабильность правоотношений, реализуемых в сфере энергетики. По своей сути основной закон призван обеспечить устойчивость и неизбежность основ конституционного строя, различных общественных отношений, в том числе отношений собственности и недропользования. В этом смысле конституции Беларуси и России представляют основу нормотворчества по разработке внутригосударственных нормативных правовых актов и международных соглашений в нефтегазовой сфере. Международные соглашения в области энергетики естественным образом следуют из процесса трансформации частных экономических интересов отдельных государств в общие экономические интересы различных регионов мира. Наиболее последовательно этот процесс идет в ЕАЭС.

Не менее интересен и опыт нормотворчества в сфере страхования, особенностью правоотношений которой является их сложная правовая природа. Данные отношения аккумулируют в себе частноправовые и публично-правовые начала. В наибольшей степени публично-правовой характер правоотношений страхования проявляется в сфере организации страхования. Страхование представляет собой важное звено финансовой системы. Как финансовый институт страхование представляет собой однородные, взаимосвязанные по формам и методам аккумуляции или распределения денежных средств экономические отношения [3, с. 6]. Такие отношения регулируются нормами финансового права.

Отношения страхования, основанные на договоре, регулируются нормами гражданского права. Вместе с тем, договор страхования как гражданско-правовая форма не

закрыт для публично-правовых начал, а напротив, совершается при их активном воздействии. Так, возможность выступать в договоре страхования в качестве страховщика предполагает необходимость выполнения государственно-властных предписаний, касающихся порядка создания и деятельности страховых организаций.

Франция одна из первых, осуществила кодификацию норм, образующих страховое право. Продолжительное время отношения по страхованию во Франции регулировались самими различными законодательными актами. При решении вопросов, связанных с необходимостью установления договорных отношений, возмещения убытков, наряду с нормами специального законодательства применялись и нормы ГК. Увеличение числа объектов или интересов, которые могут быть застрахованы, все возрастающая сложность страховых процедур и сложность применения множества законодательных актов о страховании, привели к необходимости пересмотра законодательства о страховании. С другой стороны, процесс пересмотра законодательных актов в сфере страхования совпал по времени с периодом интенсивной кодификации всего французского законодательства. Отдельным вопросом, который требовал своего решения, был вопрос, связанный с применением норм о возмещении убытков, возникающих из страховых правоотношений. Ждал своего решения и вопрос об ответственности самых различных участников страховых правоотношений. Само решение этих вопросов в значительной мере связано с решением проблемы о соотношении частноправовых и публично-правовых начал в страховом праве. Нормы Кодекса о страховании (*Code des assurances*, 1994 г.) применяются с учетом соответствующих положений ГК, например, в части, касающейся возмещения причиненных убытков [4].

Традиции кодификации стран романо-германского права свидетельствуют, с одной стороны о все более детальном структурировании норм права (Франция) и увеличении за счет этого числа кодифицированных актов, а с другой – об акценте на не кодифицированное нормотворчество (Германия). Не кодифицированное нормотворчество свойственно России и Беларуси. Уязвимость теорий структурирования норм права в наибольшей степени просматривается на примере гражданского права, которое традиционно позиционируется в качестве частного права. В странах романо-германского права термин «гражданское право» используется в нескольких значениях: нередко западные юристы отождествляют гражданское право и право частное; иногда гражданскому праву дается более узкое толкование – гражданским признается лишь один из разделов (точнее, общий раздел) частного права [5, с. 8].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Интегрирование норм публично-правового характера в гражданском праве сопряжено с проблемой структурирования норм гражданского права. Проблема структурирования норм права носит межотраслевой характер и может решаться лишь на основе общетеоретических положений, касающихся сущности права и государства.

2. Область теоретико-правовых оснований структурирования норм гражданского права не может быть монополизирована лишь какой-то одной правовой теорией, поскольку теоретико-правовые основания структурирования норм права имеют перспективу дальнейшего развития лишь на основе универсальных критериев, выработанных на протяжении всей истории политических и правовых учений.

3. Существующее деление правовых норм по отраслям во многом носит условный характер из-за невозможности полной идентификации норм права и существующего феномена их взаимопроникновения.

Библиографический список

1. Богоненко, В. А. Кодекс Наполеона: историко-правовой аспект : моногр. / В. А. Богоненко. – Минск : А. Н. Вараксин, 2014. – 244 с.
2. National Energy Code of Canada for Buildings 2020. – URL: <https://nrc.canada.ca/en/certifications-evaluations-standards/codes-canada/codes-canada-publications/national-energy-code-canada-buildings-2020> (date of access: 13.06.2025).
3. Грачева, Е. Ю. Финансовое право России : учебник / Е. Ю. Грачева, Н. А. Куфакова, С. Г. Пепеляев. – М. : ТЕИС, 1995. – 232 с.
4. Code des assurances. – Edition Dalloz, 1994. – 975 p.
5. Кулагин, М. И. Предпринимательство и право: опыт Запада / М. И. Кулагин. – М. : «Дело», 1992. – 144 с.

РОДИТЕЛЬСКОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ В ПРИЗМЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

А. В. Гринева

*доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Юго-Западного государственного университета,
кандидат юридических наук
annagrin@rambler.ru*

В статье обосновывается значение правовой связи между родителями и ребёнком, а также надлежащего осуществления родительских прав в сфере наследственных правоотношений. Впервые в цивилистике описывается конфликт интересов между наследниками, участвующими в различных родительских правоотношениях. Отмечается тождество защиты наследственных прав кровных родственников, усыновителей и усыновлённых при критике аналогии воспитательных правоотношений. В контексте баланса публичных и частных интересов анализируется постмортальная репродукция и защита наследственных прав иных наследников умершего мужчины.

Ключевые слова: наследственное право; родительское правоотношение; недостойные наследники; усыновление; постмортальная репродукция.

Семейные и наследственные правоотношения традиционно взаимосвязаны в отечественном гражданском законодательстве. Наличие кровного родства, иных семейно-правовых связей предопределяет формирование очередности и иные правила наследования. Современные семейные правоотношения характеризуются некоторым «усложнением», правовое значение достаточно часто приобретают социальные признаки, ранее если и принимаемые во внимание, то не всегда имевшие юридические последствия в контексте защиты семейных и наследственных прав. Представляется, что родительское правоотношение нуждается в специальном исследовании с позиции применения норм наследственного права. Во-первых, современная правоприменительная практика демонстрирует новые установки на признание отцовства и материнства как основы родительского правоотношения. Во-вторых, в наследственном праве в большей степени, чем в семейном, акцентируется внимание на тождестве родительского правоотношения, основанного на кровном родстве, и отношений, возникающих между усыновителем и усыновленным. В-третьих, в наследственных правоотношениях применение понятия «недостойные наследники» предполагает обращение к принципу надлежащего осуществления родительских прав как основы родительского правоотношения. В-четвертых, в наследственных правоотношениях возможен конфликт поколений, поскольку наследниками одного и того же наследодателя могут быть субъекты самостоятельных родительских правоотношений.

В соответствии со ст. 1142 ГК РФ родители и дети традиционно являются наследниками первой очереди. Как разъясняет п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», соответствующие отношения должны быть подтверждены документами, выданными в установленном законом порядке (свидетельство о рождении, выданное на основании записи акта о рождении ребенка). Согласно п. 1 ст. 1116 ГК РФ к наследованию должен призываться и ребенок наследодателя, зачатый при его жизни и родившийся живым после

открытия наследства. Если наследодатель состоял в браке с матерью ребенка, то запись об отце делается в силу презумпции отцовства (п. 2 ст. 48 СК РФ). При наличии спора, связанного с призванием такого ребенка к наследованию, он разрешается в судебном порядке. Отметим, что по инициативе наследников, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации, ст. 52 СК РФ была дополнена [2].

Наследственные правоотношения с участием родителей и детей могут иметь различные вариации, обусловленные, в том числе, и активным применением вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). Считаем, что проблема правового регулирования постмортальной репродукции на данный момент не может быть решена лишь установлением запрета либо сохранением режима «что не запрещено, то разрешено». Поводом для актуализации дискуссии стала позиция Конституционного Суда Российской Федерации по жалобе о признании права на получение пенсии по случаю потери кормильца, поскольку ребенок был зачат после смерти его отца¹.

Ребенок, зачатый с помощью ВРТ после смерти своего отца – супруга матери, имеет право на получение пенсии по случаю потери кормильца. Конституционный Суд РФ учел, что супруг при жизни выразил намерение иметь детей с использованием соответствующих технологий, в отношении умершего судом был установлен факт отцовства, однако признание за ребенком права на пенсию фактически открывает «ящик пандоры», причем применение аналогии может спровоцировать конфликт частных и публичных интересов в других правоотношениях, прежде всего, в семейных и наследственных. Согласимся, что ВРТ призваны обеспечивать и публичные интересы государства в условиях сложной демографической ситуации, и частные интересы супругов, нуждающихся в оказании им такой медицинской услуги по состоянию здоровья. Однако признание отцовства в случае не только смерти отца, но и самого зачатия после смерти отца – факт, который повлечет за собой как формирование соответствующей судебной практики, так и переосмысление воззрений на природу отцовства и родительства, включая и корректировку норм наследственного права в части установления круга наследников, призываемых к наследованию.

Законодатель приравнивает усыновленного и его потомство с одной стороны и усыновителя с его родственниками с другой стороны к родственникам по происхождению (кровным родственникам) (п. 1 ст. 1147 ГК РФ). Автор уже критиковал устоявшуюся версию тождества соответствующих семейных правоотношений [1, с. 18] и представляет дополнительное обоснование позиции и применительно к наследственным правоотношениям.

Ст. 1147 ГК РФ дает возможность одновременного наследования усыновленным после смерти усыновителя и родителя, а также иных родственников по происхождению, если соответствующие отношения были сохранены при вынесении судом решения об усыновлении. Наличие двух самостоятельных правоотношений по воспитанию ребенка в семье провоцирует злоупотребление правом в наследственных правоотношениях. Считаем, что усыновление должно быть ответственным и окончательным решением, и лишь такой подход даст основания утверждать о тождестве родительского правоотношения и отношений между усыновителем (усыновителями) и усыновленным.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 7. – ст. 694.

Если дети были усыновлены после смерти родителей, имущество которых они вправе были наследовать, они этого права не утрачивают [2, с. 130]. Прекращение правоотношений между детьми и родителями возможно при лишении последних родительских прав, вследствие чего родители утрачивают все права, основанные на факте родства с ребенком, ребенок же сохраняет право наследования после смерти родителей, лишенных родительских прав (ст. 71 СК РФ, п. 1 ст. 1117 ГК РФ). Применительно к последствиям отмены усыновления используется общая формулировка: «При отмене судом усыновления ребенка взаимные права и обязанности усыновленного ребенка и усыновителей (родственников усыновителей) прекращаются и восстанавливаются взаимные права и обязанности ребенка и его родителей (его родственников), если этого требуют интересы ребенка» в (п. 1 ст. 143 СК РФ).

При этом в отличие от правовых последствий лишения родительских прав открытым остается вопрос о возможности наследования бывшим усыновленным после смерти бывшего усыновителя, если усыновление было отменено вследствие ненадлежащего воспитания и содержания ребенка, то есть по основаниям, предусмотренным в п. 1 ст. 141 СК РФ, который фактически аналогичен перечню для лишения родительских прав. Кстати, отдельные авторы комментируют правовые последствия только в отношении бывшего усыновленного, умалчивая про соответствующее право бывшего усыновителя [3, с. 113]. Представляется, что редакция п. 1 ст. 143 СК РФ содержит императивную норму, вследствие чего наследование указанными субъектами после отмены усыновления невозможно.

При рассмотрении требования об отстранении от наследования родителей или детей как недостойных наследников (п. 2 ст. 1117 ГК РФ) нужно учитывать специфику родительского правоотношения. Как разъясняет Пленум ВС РФ в п. 20 Постановления № 9: «Граждане могут быть отстранены от наследования по указанному основанию, если обязанность по содержанию наследодателя установлена решением суда о взыскании алиментов. Такое решение суда не требуется только в случаях, касающихся предоставления содержания родителями своим несовершеннолетним детям». Таким образом, если наследником выступает совершеннолетний ребенок, который по заявлению заинтересованного лица может быть признан недостойным наследником, суд должен установить в первую очередь, факт наличия решения суда о взыскании с него алиментов на содержание умершего родителя и, соответственно, злостный характер уклонения от уплаты средств на содержание нетрудоспособного родителя.

Таким образом, в рамках одного и того же наследственного дела возможен конфликт интересов субъектов двух родительских правоотношений, в одном из которых умерший был родителем, а в другом – ребенком. При этом ненадлежащее осуществление прав и обязанностей в соответствующем семейном правоотношении может иметь правовые последствия в наследственных правоотношениях.

Библиографический список

1. Гринева, А. В. К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей / А. В. Гринева // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Серия: Право. – 2024. – № 3 (79). – С. 16–29.
2. Наследственное право : учеб. пособие / под ред. О. Ю. Ильиной, Н. Д. Эриашвили, М. В. Самойловой. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 311 с.
3. Крашенинников, П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П. В. Крашенинников. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2019. – 302 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

К. Д. Дроздовская

судья экономического суда г. Минска,

кандидат юридических наук

ec7-sudja24@court.by

В статье рассматриваются вопросы современного правового регулирования корпоративных правоотношений в Республике Беларусь, формулируются отдельные проблемы национального корпоративного права, вносятся предложения по совершенствованию корпоративного законодательства.

Ключевые слова: корпоративное право; корпорация; корпоративные правоотношения; хозяйственные общества; доля в уставном фонде хозяйственного общества.

В связи с изменениями ГК в 2024 г. правовое регулирование корпоративных отношений в системе национального права требует серьезного переосмысления. Сам термин «корпоративное право» и необходимость его использования в отечественной правовой науке до настоящего времени носят дискуссионный характер [1, с. 27–28].

Между тем, проводившиеся в Беларуси правовые исследования проблем учредительства (участия) в юридических лицах обусловили принятие белорусским законодателем целого массива правовых норм, формулирующих значимые общие положения корпоративного права, что следует признать важным шагом на пути обособления корпоративного права в качестве самостоятельной подотрасли гражданского права.

Так, в подраздел 4 раздела 1 «Общие положения» ГК внесена глава 9–1 «Решения собраний»; ст. 11 ГК дополнена таким способом защиты гражданских прав, как признание решения собрания недействительным (подпункт 4-3); существенные изменения претерпели положения ГК о юридических лицах; изменились подходы к вопросам перехода долей в уставных фондах обществ с ограниченной ответственностью – далее ООО (обществ с дополнительной ответственностью – далее ОДО) в порядке универсального правопреемства, уточнен порядок раздела долей в уставных фондах ООО (ОДО) между супругами.

Действующее процессуальное законодательство Республики Беларусь и вступающий с 1 января 2026 г. в силу КГС предусматривают исключительную подсудность дел, вытекающих из применения условий учредительства юридического лица и (или) участия в нем, экономическим судам, что также свидетельствует о необходимости выделения корпоративных отношений в качестве самостоятельной подотрасли гражданского права.

Принятые новеллы ГК порождают настоятельную необходимость выработать новые научные подходы к пониманию предмета и метода правового регулирования корпоративных отношений в Республике Беларусь, сформировать научно-обоснованную судебную практику применения норм корпоративного законодательства.

Остановимся на наиболее значимых, на наш взгляд, проблемах национального корпоративного права на современном этапе.

1). В гражданском законодательстве Республики Беларусь до настоящего времени термины «корпорация», «корпоративные отношения» практически не используются.

Представляется, что текущая экономическая реальность и судебная практика настоятельно требуют четкого определения данных понятий.

В научной литературе нет единого мнения о природе и содержании корпоративных правоотношений, о сущности и видах корпорации [2, с. 26–28]. Под корпорациями в разных случаях понимают: а) акционерные общества; б) коммерческие организации, основанные на объединении капиталов; в) любые юридические лица, созданные несколькими лицами путем объединения имущества для достижения какой-либо цели. Введение легального определения термина «корпорация» позволило бы применять общие нормы и принципы для регулирования сходных правоотношений.

Полагаем, что в узком значении к «корпоративным правоотношениям» следует относить внутрифирменные отношения в коммерческих организациях между участниками хозяйственных обществ и товариществ, а также между этими лицами и самой коммерческой организацией (корпорацией).

Вместе с тем, схожесть в характере возникающих общественных отношений, механизмов их правового регулирования, терминологии и способов защиты позволяют рассматривать «корпоративные правоотношения» в более широком смысле, как внутренние общественные отношения, возникающие в иных коллективах лиц, объединенных необходимостью достижения общей (не обязательно коммерческой) цели. При таком более широком подходе к «корпоративным правоотношениям» могут быть отнесены правоотношения, возникающие между членами некоммерческой организации и самой организацией в лице ее органов. Элементы корпоративных отношений проявляются также в коллективах лиц, объединенных единой целью, не являющихся, с точки зрения гражданского права Республики Беларусь, юридическими лицами (например, между товарищами в простом товариществе, между участниками совместного домовладения или кандидатами в правообладатели на имущество совместного домовладения при выборе способа управления общим имуществом).

Полагаем, что термин «корпоративные отношения», как наиболее емкий и активно используемый в науке и практике, его официальная дефиниция, а также пределы правового регулирования корпоративных правоотношений, целесообразно отразить в законодательстве, четко обозначив подходы законодателя к этой проблеме на современном этапе развития экономики Республики Беларусь.

С учетом особенностей национальной правовой доктрины подлежат научно обоснованному разрешению вопросы установления круга субъектов корпоративных правоотношений, перечня и содержания корпоративных прав (активов), пределы применения гражданско-правовых способов их защиты, соотношения корпоративных прав, как объектов гражданских прав, и статуса участника корпорации, иерархии полномочий органов и представителей корпорации, правовой природы действий участников корпорации.

В данной статье термин «корпоративные правоотношения» используется в его узком смысле и, прежде всего применительно к ООО и ОДО.

2. Теоретической проблемой выступают отдельные вопросы приобретения статуса участника хозяйственного общества при переходе долей в уставных фондах ООО или ОДО к третьим лицам.

В свете последних изменений гражданского законодательства следует признать, что законодатель реализует подход, при котором в порядке правопреемства (наследования и

реорганизации), а также при разделе совместно нажитого имущества супругов к правопреемнику, бывшему супругу переходит доля в уставном фонде ООО (ОДО), как объект гражданских прав (вид имущества). Право участия приобретателя доли в ООО или ОДО при наследовании может быть поставлено в зависимость от согласия остальных его участников, если это предусмотрено уставом общества (ранее п. 6 ст. 92 ГК предусматривал возможность установить в уставе необходимость получения согласия на переход доли к правопреемнику, а не на участие в хозяйственном обществе). При разделе общей совместной собственности супругов, включающей долю в уставном фонде ООО (ОДО), для приобретения статуса участника общества супругом участника согласно новой редакции п. 3-1 ст. 259 ГК требуется согласие остальных участников общества.

Указанные изменения, на наш взгляд, предполагают разграничение статуса владельца (обладателя) доли в уставном фонде ООО (ОДО) и статуса участника общества, при котором участнику общества обязательно должна принадлежать доля в уставном фонде, однако владелец доли может и не стать участником общества, что, несомненно, требует уточнения положений ст. 13 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» (далее – Закон) в части момента и порядка приобретения статуса участника хозяйственного общества.

В целом вопросы раздела долей в уставных фондах ООО и ОДО между супругами, а также проблемы наследования корпоративных прав связаны с необходимостью более детального правового регулирования возникающих на стыке нескольких отраслей права «корпоративно-семейных споров», понятие и особенности которых исследуются в научной литературе [3, с. 26].

3. Отдельную проблему представляют собой вопросы, связанные с так называемыми «неформальными договоренностями» участников корпоративных правоотношений. Очевидно, что в силу специфики складывающихся здесь правоотношений (фидуциарного характера отношений между участниками ООО и ОДО, жесткой регламентации внутрифирменных отношений в акционерных обществах, наличия в отдельных организациях конфликта интересов мажоритарных и миноритарных участников), между участниками корпоративных отношений могут достигаться негласные договоренности, не совпадающие с содержанием письменных корпоративных документов.

Законность такого рода договоренностей, их правовые последствия, средства доказывания их содержания обуславливают актуальность данной проблематики применительно к разрешению корпоративных споров.

В настоящее время судебная практика в большей степени придерживается формализованного подхода к оценке фактов приобретения, изменения и утраты корпоративных прав, что объясняется серьезным влиянием данных правоотношений на права и обязанности иных лиц (работников, потребителей, кредиторов хозяйственного общества и государства в целом). По этой причине концепции «фактического бенефициара» в корпоративных правоотношениях либо «фактического руководителя» корпорации, используемые в публичных правоотношениях в Республике Беларусь, до настоящего времени не восприняты при разрешении частных корпоративных споров.

4. В качестве отдельной проблемы можно обозначить вопросы утраты статуса участника корпоративных правоотношений в связи с бездействием правообладателя.

Согласно ст. 103 Закона исключение участника ООО (ОДО) из состава общества допускается только в судебном порядке. Однако, ч. 2 ст. 100 Закона в качестве последствий невнесения вклада в уставный фонд ООО (ОДО) в срок, определенный решением

об учреждении общества, либо внесения только части вклада предусматривает переход доли такого участника к самому обществу со дня истечения срока внесения вклада.

Выявленные в судебной практике факты злоупотреблений, когда при возникновении конфликта между участниками ООО (ОДО) в отношении «неудобного» участника, у которого по той или иной причине не сохранились документы, подтверждающие внесение вклада в уставный фонд, хотя факт оплаты им вклада на протяжении длительного периода времени не подвергался сомнению со стороны общества, вносятся изменения в устав общества о переходе доли этого участника к самому обществу, подтверждают необходимость более тщательного изучения судами вопросов утраты статуса участника ООО (ОДО) по основанию невнесения вклада в уставный фонд хозяйственного общества.

В настоящее время размеры вкладов в уставный фонд ООО и ОДО могут устанавливаться в существенно меньшем размере, чем приходящаяся на соответствующую долю в уставном фонде хозяйственного общества стоимость чистых активов, а в отношении порядка внесения вклада в уставный фонд физическими лицами в денежной форме детальная процедура оформления документов законодательством не регламентирована.

Последствия, установленные ч. 2 ст. 100 Закона, не предусматривают направления какого-либо требования (напоминания) в адрес просрочившего срок внесения вклада участника, а также не регламентирована обязанность уведомления выбывшего участника о состоявшемся переходе доли. Не закреплены законодательством и сроки, в течение которых общество может либо должно воспользоваться этим механизмом.

В подобных ситуациях суды учитывают всю совокупность косвенных доказательств внесения вклада в уставный фонд хозяйственного общества физическим лицом, однако процесс доказывания данного факта носит крайне трудоемкий характер.

Выявленные практические ситуации свидетельствуют о необходимости совершенствования ч.2 ст.100 Закона, например, путем установления в Законе требования для учредителей (участников) хозяйственного общества направлять копии документов по формированию уставного фонда в регистрирующий орган, а также установления обязанности хозяйственного общества предъявить участнику, не внесшему свой вклад в установленный срок, письменное требование об исполнении данной обязанности и только в случае ее невыполнения лишать такого участника принадлежащей ему доли.

5. Отдельным блоком следует выделить проблему принятия корпоративных решений в ущерб интересам иных участников гражданского оборота. В настоящее время ст. 45 Закона предоставляет право оспорить в судебном порядке решения общего собрания участников хозяйственного общества только участникам, акционерам (бывшим участникам, акционерам) общества. Вместе с тем, такие решения могут затрагивать права и законные интересы иных лиц (супругов участников или акционеров хозяйственного общества, контрагентов хозяйственного общества, его кредиторов), в связи с чем возникают вопросы о механизме правовой защиты указанных иных лиц при несогласии с принятыми общим собранием участников хозяйственного общества решениями.

К примеру, на практике встречаются ситуации, когда при разделе совместно нажитого имущества супругов, один из которых является участником ООО (ОДО), такое хозяйственное общество принимает решение, влекущее уменьшение имущества, подлежащего разделу (о непропорциональной выплате прибыли участникам общества, о перераспределении долей и др.).

В п. 3 ст. 182-2 новой редакции ГК право оспаривания решений собраний предоставлено не только лицам, имевшим право участвовать в данном собрании, но также иным лицам, для которых решение собрания порождает правовые последствия. Вместе с тем,

до внесения соответствующих изменений в Закон, в силу прямого уточнения, сделанного в п. 1 ст. 182-1 ГК, о приоритете специального правового регулирования (в данном случае норм Закона) перед положениями ГК, иные лица не вправе оспорить решения общего собрания участников хозяйственного общества, участниками которого они не являются.

С учетом выработанной судебной практикой Республики Беларусь подхода о том, что корпоративные акты (решения) не могут оспариваться в качестве гражданско-правовых сделок, представляется актуальным определить иные правовые механизмы защиты интересов лиц, не являющихся участниками хозяйственных обществ, чьи права и законные интересы затрагиваются принятием корпоративных решений.

На наш взгляд, данную проблему следует разрешать путем определения правовой силы корпоративных решений для лиц, не являющихся участниками (акционерами) хозяйственного общества.

Например, при предоставлении такой возможности в законодательстве (путем внесения соответствующих изменений в КоБС), суд мог бы при разделе совместно нажитого имущества супругов в случае установления фактов злоупотребления правом со стороны супруга – участника хозяйственного общества отступить от принципа равенства долей, если установит, что такое корпоративное решение было принято в течение года до предъявления в суд иска о разделе имущества супругов с ведома или согласия супруга – участника хозяйственного общества в ущерб интересам второго супруга либо их несовершеннолетних детей, с отнесением негативных имущественных последствий такого злоупотребления на недобросовестного супруга.

Безусловно, наметились новые тенденции в вопросах информационной осведомленности и защиты информации в области корпоративных правоотношений, в подходах к целям и способам корпоративного управления, а также в вопросе повышения роли гражданско-правового договора, как механизма регулирования корпоративных отношений.

Таким образом, что современные тенденции правового регулирования корпоративных отношений в Республике Беларусь свидетельствуют о том, что положения законодательства, ранее в большей степени носившие прикладной характер, постепенно должны быть выстроены в четкую взаимосогласованную систему, комплексно регулируемую весь массив корпоративных правоотношений, что позволит поднять правовое регулирование в этой сфере на более высокий уровень, позитивным образом скажется на качестве корпоративного права Республики Беларусь, защите прав и законных интересов участников корпоративных правоотношений.

Библиографический список

1. Бондаренко, Н. Л. Правовая сущность корпоративного права и корпоративных отношений / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования : сб. материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2020 г. / Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь ; редкол. : Г. В. Пальчик (пред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 27–28.
2. Тужилова-Орданская, Е. М. Корпорация как участник корпоративных правоотношений / Е. М. Тужилова-Орданская // Гражданское право. – 2025. – № 1. – С. 26–28.
3. Соловых, С. Ж. Корпоративно-семейные споры: понятие, основания возникновения и компетенция судов / С. Ж. Соловых, З. И. Цыбуленко // Гражданское право. – 2024. – № 6. – С. 26–30.

СОГЛАСИЕ (РАЗРЕШЕНИЕ) ОБЛАДАТЕЛЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Д. В. Иванова

*ведущий специалист отдела права промышленной собственности
и договоров управления правового и кадрового обеспечения
Национального центра интеллектуальной собственности,
кандидат юридических наук, доцент
divliv@gmail.com*

В сфере интеллектуальной собственности рассматривается проблема необходимой и достаточной формы согласия (разрешения) правообладателя на использование объекта интеллектуальной собственности. Точки зрения, как ученых, так и практиков, в том числе при разрешении споров судом, расходятся. Решение данной проблемы имеет практическое значение, поскольку прямо связано с установлением правомерности использования объекта интеллектуальной собственности и, как следствие, наступлением ответственности. Предложено уточнить в законодательстве получение такого согласия не только посредством заключения соответствующего договора, но и в иной форме.

Ключевые слова: владелец товарного знака; договор; интеллектуальная собственность; исключительное право; лицензионный договор; объект интеллектуальной собственности; правообладатель; патентообладатель.

Ч. 3 п. 1 ст. 983 ГК установлено общее правило, согласно которому использование другими лицами объекта интеллектуальной собственности (далее – ОИС), в отношении которого лицу принадлежит исключительное право, допускается только с согласия (разрешения) такого лица, за исключением случаев, предусмотренных ГК или иным законом. В ряде случаев у различных субъектов возникает вопрос о том, как должно быть выражено такое согласие (разрешение), обязательно ли заключение в этом случае соответствующего договора. Чаще всего, речь идет о согласии (разрешении) на использование товарных знаков (знаков обслуживания). Существует две основных точки зрения: 1) необходимо заключение договора; 2) достаточно письменного волеизъявления правообладателя.

По мнению Е. А. Жукова, наделение обладателем исключительного права третьего лица субъективным правом использования ОИС возможно посредством совершения односторонних сделок, включая «de lege ferenda простое письменное согласие (разрешение) правообладателя исключительного права, прямо направленное по волеизъявлению на предоставление права использования интеллектуального объекта конкретному лицу» [1, с. 71]. Основанием для такого вывода служит толкование стст. 1229 и 1233 ГК РФ. Как указывает автор, «арбитражная практика достаточно определённо занимает позицию о допустимости de facto одностороннего согласия правообладателя исключительного права, направленного на разрешение использовать интеллектуальный объект без заключения лицензионного договора, даже в тех институтах права интеллектуальной собственности, где по закону требуется обязательная государственная регистрация соответствующих договоров по распоряжению исключительным правом» [1, с. 71; 2].

Б. А. Шахназаров, рассматривая согласие правообладателя на использование ОИС в рамках проблемы исчерпания исключительного права и параллельного импорта, высказывает мнение о том, что во избежание проблемного толкования одностороннее волеизъявление обладателя исключительного права в качестве выражения согласия на использование ОИС следует предусмотреть в законодательстве, в частности в ГК РФ [3, с. 64]. Следует иметь в виду, что в ст. 1233 ГК РФ предусмотрена возможность публичного заявления о предоставлении любым лицам возможности использовать (безвозмездно) объекты авторского и смежных прав, права на которые принадлежат лицу, сделавшему это заявление.

Данная проблема соприкасается с доктриной подразумеваемой лицензии (*implied license*), применяемой в ряде зарубежных странах. Так, в американской судебной практике наряду с исчерпанием права и принципом «первой продажи» эта доктрина позволяет при отсутствии договора при определенных условиях признать наличие разрешения со стороны правообладателя на использование ОИС. Как правило, она применяется в отношении объектов авторского права [4, с. 106–110]. В частности, данная доктрина была применена в споре правообладателей татуировок игроков Национальной баскетбольной ассоциации (NBA) с правообладателями соответствующей компьютерной игры, где они использовались в связи с абсолютно точным воспроизведением одноименных игроков ассоциации.

Применение доктрины подразумеваемой лицензии в Беларуси довольно проблематично, поскольку данный инструмент в целом характерен для англо-саксонской правовой системы, где она работает вкупе с иными доктринами в сфере интеллектуальной собственности, а также в целом в системе прецедентного права. В этой ситуации более предпочтительным видится традиционный для нашей правовой системы подход, а именно урегулирование вопроса в законодательстве, как и предлагает Б. А. Шахназаров.

В ГК отсутствуют положения, бесспорно свидетельствующие о возможности выражения правообладателем согласия на использование ОИС без заключения договора. В соответствии с п. 1 ст. 985 ГК лицо может распорядиться принадлежащим ему исключительным правом на ОИС любым не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом, в том числе путем его отчуждения по договору другому лицу или предоставления другому лицу права использования соответствующего ОИС в определенных договором пределах, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Таким договором может выступать лицензионный договор. Согласно п. 1 ст. 987 ГК по лицензионному договору сторона, обладающая исключительным правом на ОИС (лицензиар), обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования соответствующего ОИС в пределах, определенных договором. Основанием для правомерного использования ОИС может также являться договор франчайзинга, если в лицензионный комплекс такого договора входит право использования ОИС (п. 1 ст. 910 ГК).

Кроме того, условия о предоставлении права использования ОИС могут включаться в иные договоры. В соответствии с ч. 2 п. 2 ст. 985 ГК к договору, предусматривающему предоставление права использования ОИС в период его действия другому лицу на ограниченное время, применяются правила о лицензионном договоре (ст. 987 ГК).

Следует принять во внимание, что упомянутые договоры, заключаемые в отношении объектов права промышленной собственности (за исключением секретов производства (*ноу-хау*)) требуют государственной регистрации в Национальном центре интеллектуальной собственности в соответствии с законодательными актами. Порядок регистрации установлен постановлением Совета Министров Республики Беларусь

от 21 марта 2009 г. № 346 «О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)». При отсутствии государственной регистрации такие договоры являются недействительными.

Осуществление государственной регистрации договора подтверждает в том числе достоверность публичной информации, как о правах лица, использующего ОИС, так и о «состоянии» исключительного права на ОИС, например, его наличии, отсутствии исключительной лицензии иного лица, иных притязаний. Информация вносится в соответствующие Государственные реестры.

Приведенные предписания ставят под сомнение вывод о возможности выражения согласия (разрешения) путем простого направления письменных документов, в частности, писем, как нередко происходит на практике.

Наличие заключенного и зарегистрированного в установленном порядке договора имеет ряд очевидных преимуществ.

В некоторых случаях допускается предоставление права использования соответствующего ОИС на определенный срок без заключения договора с правообладателем, например, при обращении взыскания на имущество правообладателя. Однако такие случаи должны быть предусмотрены ГК и иными законодательными актами (п. 5 ст. 985 ГК). Также в соответствии с новой редакцией раздела V ГК в ч. 4 п. 1 ст. 983 ГК установлено, что выполнение работ или оказание услуг с применением ОИС для обладателя исключительного права на такой объект по его заданию (заказу), выраженному в договоре, третьими лицами не являются использованием ОИС этими третьими лицами. Соответственно, в данном случае отсутствует необходимость в получении разрешения на использование ОИС.

Таким образом, следует признать, что использование терминов «согласие» и «разрешение» с целью определения порядка использования ОИС лицами, не являющимися обладателями исключительного права на этот ОИС, не позволяет сделать однозначный вывод о форме выражения такого согласия (разрешения). С целью урегулирования спорной ситуации в будущем может быть рассмотрено предложение об уточнении в ГК такой формы в сторону ее упрощения. В настоящее время во избежание возможных споров с обладателем исключительного права на ОИС потенциальному пользователю ОИС рекомендуется заключать договор.

Библиографический список

1. Жуков, Е. А. Основания возникновения субъективных прав использования объектов интеллектуальной собственности / Е. А. Жуков // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». – 2012. – № 1. – С. 70–73.
2. Постановление Семнадцатого ААС № 17АП-7745/2010-ГК от 24.08.2010 г. по делу № А50-5252/2010. – URL: <http://kad.arbitr.ru/?id=abd18ae4-7d6d-40ba-bc69-cdb9f5de59cf>. (дата обращения: 01.06.2025).
3. Шахназаров, Б. А. Параллельный импорт и реализация принципа исчерпания исключительных прав в контексте договорных отношений хозяйствующих субъектов / Б. А. Шахназаров // Вестн. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 9. – С. 52–65.
4. Толмачева, Е. А. Подразумеваемая лицензия (implied license) как способ предоставления права использования объектов авторского права / Е. А. Толмачева // Междунар. науч. журн. «Вестн. науки». – 2023. – № 8. – С. 106–110.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Козырева

*доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Тверского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
21october21@gmail.com*

Статья посвящена компенсации морального вреда как способу защиты результатов интеллектуальной деятельности. Определяются случаи применения данного способа защиты не только при нарушении личных неимущественных прав автора на результат интеллектуальной деятельности, но и при нарушении имущественных прав граждан в случае кражи рукописи произведения как объекта авторских прав.

Ключевые слова: компенсация морального вреда; способ защиты; личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности; исключительное право.

Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав прочно обосновался в российском гражданском законодательстве и правоприменительной практике. В связи с развитием ИИ и значимостью результатов интеллектуальной деятельности среди других объектов гражданских прав данный способ защиты не утратил свою актуальность, что обусловлено ценностью человека (ст. 2 Конституции РФ). Применительно к результатам интеллектуальной деятельности, которые получили закрепление в ст. 1225 ГК РФ, она возможна при защите личных неимущественных прав автора на произведения науки, литературы и искусства.

Компенсация морального вреда как способ защиты за нарушение авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности и одновременно мера ответственности [1; 2] закреплена в части первой ГК РФ (стст 2, 151), части второй ГК РФ (ст. 1099–1101) и части четвертой ГК РФ (ст. 1251). Изначально, компенсация морального вреда была возможна в силу ст. 49 Закона от 9 июля 1993 г. № 5351-І «Об авторском праве и смежных правах» (утратил силу), где законодатель ее прямо не выделял, но ссылаясь на способы защиты, предусмотренные ГК РФ («Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда» (ст. 151 ГК РФ).

Компенсация морального вреда возможна при нарушении личных неимущественных прав и нематериальных благ гражданина. При нарушении имущественных прав гражданина в ст. 1099 ГК РФ указано, что она возможна только в случаях, предусмотренных законом. В настоящее время единственным законом, предусматривающим компенсацию морального вреда, при нарушении имущественных прав граждан, является

Федеральный закон от 7 февраля 1992 г. № 2300-І «О защите прав потребителя», в преамбуле которого указано, что он применяется к отношениям, возникающим между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами, владельцами агрегаторов информации о товарах (услугах) при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг). Отсюда следует, что при нарушении личных неимущественных прав автора на результат интеллектуальной деятельности имеются все основания для предъявления иска о компенсации морального вреда (ст. 1251 ГК РФ «Защита личных неимущественных прав»). К личным неимущественным правам законодатель отнес: право авторства (ст. 1265 ГК РФ), право на имя (ст. 1265 ГК РФ), право на неприкосновенность произведения и защиту произведения от искажения (ст. 1266 ГК РФ), право на обнародование, включая право на опубликование (ст. 1268 ГК РФ), право на отзыв (ст. 1269 ГК РФ).

Отметим, что, называя способы защиты исключительных прав, составляющих имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности (ст.ст. 1226, 1229, 1270 ГК РФ) компенсация морального вреда не предусмотрена в ст. 1252 ГК РФ. К действиям, составляющим исключительное право и одновременно к имущественным правам, нашедшим закрепление в ст. 1270 ГК РФ относят: воспроизведение, распространение, публичный показ, импорт оригинала или экземпляра произведения, а также публичное исполнение и сообщение в эфир, перевод или другая переработка произведения и др. Такой подход основан на законе и отвечал требованиям реалий, которые сложились на момент вступления в силу части четвертой ГК РФ с 1 января 2008 г. Но с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-ІІ по делу «О проверке конституционности ст. 151 ГК РФ в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского», которым расширились границы применения компенсации морального вреда, стало возможным предъявление иска о компенсации морального вреда в тех случаях, когда имело место совершение преступления в отношении гражданина и оно было направлено против его собственности, например в случае кражи рукописи произведения как результата интеллектуальной деятельности.

Основанием для компенсации морального вреда при защите авторских прав на результат интеллектуальной деятельности является следующее: наличие физических и или нравственных страданий потерпевшего-автора; неправомерные действия причинителя; причинно-следственная связь между действиями и моральным вредом; вина причинителя вреда (стст. 151, 1064, 1099 ГК РФ). При определении критериев компенсации морального вреда следует обратиться к п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», в котором сформулировано, что «при определении размера компенсации морального вреда, причиненного нарушением личных неимущественных прав автора результата интеллектуальной деятельности, суду следует принимать во внимание, в частности, общественную оценку ущемленного интереса и нарушенного неимущественного права, личность и известность потерпевшего-автора, содержание и популярность объекта авторских прав, степень вины причинителя вреда и тяжесть для автора наступивших последствий правонарушения». При этом Пленум Верховного Суда РФ акцентировал внимание «общественной оценке интереса», что представляется важным хотя бы потому, что при утрате материального носителя и его уничтожения автор теряет право на рукопись, поскольку ее нет в наличии, а интерес автора, несомненно, присутствует. Неслучайно, данный вопрос пристально изучается учеными, среди которых следует выделить Р. Е. Гукасяна [3].

Анализ судебной практики по данной категории дел отражает наличие презумпции морального вреда и презумпции авторства, что облегчает истцу процесс доказывания. Однако отметим, что в основном предъявляются иски авторами при нарушении их имущественных прав (исключительного права), хотя в настоящее время наметилась устойчивая тенденция по увеличению количества предъявляемых исков, связанных с защитой личных неимущественных прав авторов на результаты интеллектуальной деятельности, что вселяет надежду на реализацию в полной мере принципа охраны прав и законных интересов авторов.

Библиографический список

1. Гуцин, Д. И. Юридическая ответственность за моральный вред (теоретико-правовой анализ) / Д. И. Гуцин. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 166 с.
2. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом / А. М. Эрделевский. – М. : Изд-во группа ФОРУМ-ИНФА, 1997. – 240 с.
3. Гукасян, Р. Е. Охраняемый законом интерес как предмет судебной защиты / Р. Е. Гукасян // Ученые тр. Саратовского юрид. ин-та. – Саратов, 1969. – Вып. 3. – С. 166–179. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 21.08.2025).

ЦИФРОВОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В ИСПАНИИ КАК ОДИН ИЗ ТРЕНДОВ РАЗВИТИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Т. М. Комлева

*юрисконсульт нотариальной конторы г. Москвы,
кандидат юридических наук
tm.shulgina@mail.ru*

В статье рассматриваются процессы цифровизации в наследственном праве, анализируются действующее законодательство Испании и недавняя судебная практика.

Ключевые слова: цифровое завешание; наследство; электронная подпись.

В Испании новые тенденции в наследственном праве сосредоточены на толковании и применении существующих правил, влиянии новых технологий на появление новых возможностей при совершении нотариальных действий, внедрение различных электронных баз и ресурсов, развитие электронного документооборота в целом, появлении новых видов наследства, ведутся дискуссии о свободе завешания, а также о сроке исковой давности в отношении права на обязательную долю, ее размере.

Сегодня концепция наследства больше не ограничивается физическими, материальными активами. Развитие цифровых технологий привело к появлению целого ряда новых видов объектов наследования, которые варьируются от аккаунтов в социальных сетях до криптовалют, цифровых кошельков и других нематериальных активов. Растущая важность этого типа наследства породила ряд правовых вопросов.

В настоящее время некоторые авторы, дискутируя по вопросу о видах завешания, рассуждают о допустимости или недопустимости существования такого нового вида завешания как цифровое завешание, т.е. завешание, которое оформлено с использованием компьютерных программ или специальной техники вместо традиционных бумажных носителей, а также подписано с использованием электронной подписи. Поэтому нотариусы всячески пытаются соответствовать требованиям нынешнего общества, по возможности корректировать действующее законодательство и внедрять новые технологии. Однако в данном вопросе существует много тонкостей, формальностей и требований, разрешить которые с использованием новых технологий порой не представляется возможным.

Цифровое завешание в настоящее время упоминается в основном на уровне испанской доктрины в классификации завешаний, которые подразделяются общее, специальное и исключительное (необычное). Кроме того, каждый тип завешаний имеет свои различные виды.

Общие завешания: 1) голографическое завешание (рукописное, собственноручное завешание); 2) открытое завешание; 3) закрытое завешание.

Специальные завешания: 1) военные завешания; 2) морские завешания; 3) завешания, сделанные за границей.

Исключительные (необычные) типы завешаний: завешание под угрозой смерти, завешание на случай эпидемии, цифровое завешание.

Наследственные правоотношения в Испании, правовую основу которых составляет прежде всего Гражданский кодекс Испании 1889 г. (далее – ГК Испании) [1], обладают значительной преемственностью и учитывают исторические, традиционные и культурные аспекты развития страны, сохраняющие актуальность по сегодняшний день. Отличительная особенность правового регулирования наследственных правоотношений в Испании – предоставление отдельным автономным сообществам права принятия собственных нормативных актов: гражданских кодексов, законов о гражданском праве Сообщества и др. В испанской доктрине такой подход именуется форальным правом или форальным режимом. При этом в автономных сообществах на законодательном уровне признается приоритет регионального законодательства в области гражданского регулирования над национальным; последнее регулирует общественные отношения в части, неурегулированной региональным законодательством. В автономных сообществах существуют свои законы о гражданском праве, Гражданские кодексы, сборники или иные нормативные правовые акты, регулирующие гражданское и наследственное право, имеющие свое действие в пределах указанных территорий.

В Испании регулирование цифровых завещаний является предметом дискуссий, и до сих пор в ГК Испании нет специального положения. В ст. 667 ГК Испании закреплено общее понятие завещания как акта, посредством которого человек распоряжается всем или частью своего имущества после смерти. ГК Испании отражает, что завещание должно быть подписано собственноручно, и не упоминается о том, что оно может быть подписано электронной подписью [1].

Можно привести в пример некоторые нормы форального права, такие как Закон 2/2006 от 14 июня 2006 г. «О гражданском праве Галисии», который регулирует аспекты, связанные с цифровыми завещаниями, позволяя составлять их в электронном формате при соблюдении определенных юридических требований [2]; Закон 10/2008 от 10 июля 2008 г. «Об утверждении четвертой книги Гражданского кодекса Каталонии о наследовании», который в ст. 421-14 упоминает об электронной подписи и составлении закрытых завещаний в электронном виде [3].

Что касается возможности завещателя оставить свою последнюю волю с помощью аналоговых или цифровых средств, то ст. 64.3 Закона «О нотариате» от 28 мая 1862 г., касающаяся представления, уведомления, вскрытия и протоколирования завещаний, составленных в устной форме, устанавливает, что «должны быть приложены запись, запоминающее устройство или носитель, на котором находится аудио- или видеозапись последних распоряжений наследодателя, при условии, что они позволяют ее воспроизвести и были сделаны в момент совершения завещания» [4]. Разрешение на запись последнего волеизъявления решает проблему в случае смерти всех свидетелей [5].

Закон 15/2015 от 2 июля 2015 г. «О добровольной юрисдикции» был реформирован в отношении ст. 65 п. 5, где о завещаниях лиц, находящихся под угрозой смерти, говорится: «Когда воля завещателя была зафиксирована в записи, на запоминающем устройстве или долговечном магнитном или цифровом носителе...» [6].

Таким образом, очевидно, что уже на законодательном уровне присутствуют такие слова и термины как долговечные магнитные или цифровые носители.

Необходимо обратиться к регулированию, которое было введено Органическим законом 3/2018 от 5 декабря 2018 г. «О защите персональных данных и гарантии циф-

ровых прав», ст. 96 которого указывает на новый вид завещаний под названием «цифровое завещание», которое регулирует доступ к контенту, управляемому провайдерами услуг информационного общества в отношении умерших лиц [7]. Это не завещание в анализируемом смысле, поскольку оно даже не содержит требований к его оформлению и действительности, чтобы считаться таковым, а просто обозначает доступ к содержанию так называемого цифрового имущества.

Составление завещания через онлайн-платформы или цифровые платформы невозможно, поэтому в вышеуказанном Органическом законе 3/2018 «завещанием» называется то, что не является таковым и что не совсем верно.

Аналогичным образом, когда в Законе 10/2017 от 27 июня 2017 г. «О цифровых завещаниях и внесении изменений во вторую и четвертую книги Гражданского кодекса Каталонии» [7] говорится о цифровом завещании, то имеется в виду не завещание, а распоряжение цифровым имуществом, которое отличается от формы составления, поскольку речь идет о содержании, а не о форме составления завещания.

В развитие норм о цифровом завещании законодатель Каталонии учредил электронный реестр цифровых завещаний (который нашел свое отражение в вышеуказанном Законе 10/2017), в котором соответственно должно быть зарегистрировано цифровое завещание. Однако, Конституционный суд Испании Постановлением Пленума № 7/2019 от 17 января 2019 г. [9] признал нормы в части создания электронного реестра цифровых завещаний Закона 10/2017 неконституционными, поскольку нарушаются полномочия государства по организации публичных реестров актов гражданского состояния. Конституционный суд Испании постановил, что ведение публичных реестров частного права, имеющих гражданско-правовые последствия, является исключительной компетенцией государства, а не автономных сообществ.

Также в вышеуказанном Постановлении Конституционного суда Испании № 7/2019 был обозначен вопрос о недействительности цифрового завещания в том случае, когда умерший составил завещание в виде цифрового документа, используя *простую электронную подпись* и сохранив его в облачном хранилище. Хотя завещание явно отражает волю умершего, оно не соответствует требованиям ГК Испании, поскольку не было составлено нотариально и не содержит квалифицированной электронной подписи. В связи с этим завещание признается недействительным, а имущество распределяется в соответствии с правилами наследования по закону. В таком случае подчеркивается важность строгого соблюдения действующих правовых требований к действительности цифрового завещания, а также необходимость более четких и актуальных правил в этой области.

Одним из ключевых вопросов остается то, что как гарантировать подлинность и юридическую безопасность цифрового завещания, особенно в отношении идентификации завещателя и целостности содержания документа.

В этой связи Закон 6/2020 от 11 ноября 2020 г. «О регулировании некоторых аспектов оказания электронных услуг», устанавливает определенные механизмы, такие как использование квалифицированных электронных подписей, которые предоставляют гарантии относительно личности подписавшего и неприкосновенности документа [10].

Отсутствие четких национальных правил цифровых завещаний привело к тому, что многие завещатели на практике продолжают использовать традиционные форматы.

Несмотря на это, молодое поколение, более привыкшее к технологиям, требует цифровых решений, обеспечивающих большую гибкость в управлении своим имуществом, что позволяет ожидать законодательных изменений в этой области в ближайшие годы.

Как говорит испанский нотариус Франсиско Росалес де Саламанка Родригес: *«Увидим ли мы завещания, записанные на аудио или видео? Пока это невозможно, но не технически, и законы мало-помалу продвигаются в регулировании нового цифрового мира, чему я рад, поскольку это необходимость, востребованная обществом»* [11].

Электронные активы и цифровые завещания представляют собой как новые возможности для наследственного права, так и проблемы, которые необходимо решить законодателю. К основным проблемам относятся: правовая неопределённость, обеспечение подлинности цифровых завещаний, их фальсификация, хранение и выявление при открытии наследственного дела, установление личности завещателя и т.д. Несмотря на то, что квалифицированная электронная подпись и передовые системы шифрования, являются инструментами, которые могут помочь снизить этот риск, многие цифровые активы требуют ключей доступа, которые при неправильной передаче могут быть утрачены навсегда. Крайне важно, чтобы завещатели предоставили чёткие инструкции о том, как получить доступ к этим активам.

В Испании наследственное право ещё не полностью адаптировано к цифровой эпохе. Отсутствие национального регулирования цифровых завещаний создаёт правовую неопределённость и способствует судебным тяжбам между наследниками.

С другой стороны, возможности, предоставляемые цифровизацией, не менее значительны. Цифровые завещания позволяют завещателям быстро и легко обновлять свои положения, облегчая адаптацию к изменениям в их личных или финансовых обстоятельствах, а также могут снизить расходы, связанные с оформлением завещания, устраняя необходимость личного посещения нотариуса.

Цифровизация наследства и цифровые завещания – две наиболее важные тенденции в современном наследственном праве. Поэтому введение цифрового завещания является одним из наиболее значимых достижений в области наследственного права. Несмотря на многочисленные проблемы, которые необходимо преодолеть, таких как правовая неопределённость и отсутствие четкого регулирования, технологии также открывают возможности для улучшения управления наследством и его адаптации к новым цифровым реалиям [12].

По мере того, как общество становится всё более адаптировано к цифровизации, ожидается, что наследственное право будет продолжать развиваться, отвечая потребностям граждан. Недавняя судебная практика уже начала прокладывать путь, но законодателям необходимо добиться прогресса в создании нормативной правовой базы, которая будет адекватно регулировать эти новые явления. Хотелось бы отметить, что в настоящее время в Испании цифровое завещание является предметом дискуссии, оно не имеет юридической силы, а также не имеет своего отражения ни на национальном, ни на региональном уровне. При использовании законодателем некоторых понятий, связанных с «цифровым завещанием», имеется ввиду скорее регулирование цифрового имущества и его обозначение в завещании, а не завещания в классическом широком его понимании как документа выражения последней воли человека. Таким образом, на сегодняшний день в Испании используются традиционные для мировой практики виды завещаний. Однако, в конечном счёте, эволюция наследственного права в сторону цифровизации – это необратимый процесс, который потребует сотрудничества юристов, судей, нотариусов и других специалистов в области права для обеспечения правовой определённости и соблюдения прав наследников и завещателей в цифровой среде.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Испании, утвержден Королевским Декретом от 24 июля 1889 г. // Boletín Oficial del Estado. 1889. № 206.
2. О гражданском праве Галисии : Закон 2/2006 от 14 июня 2006 г. // Boletín Oficial del Estado. 2006. № 124. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2006-14563> (дата обращения: 16.07.2025).
3. Об утверждении четвертой книги Гражданского кодекса Каталонии о наследовании : Закон 10/2008 от 10 июля 2008 г. // Boletín Oficial del Estado. 2008. № 5175. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2008-13533> (дата обращения: 16.07.2025).
4. О нотариате : Закон от 28 мая 1862 г. // Boletín Oficial del Estado. 1862. № 149. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1862-4073> (дата обращения: 16.07.2025).
5. Ripoll, A., Testamentos en caso de epidemia y en peligro de muerte, [en línea] A. Ripoll // Notarios y Registradores,. – 2020. – №1. – URL: <https://www.notariosyregistradores.com/web/secciones/oficinanotarial/otros-temas/testamento-en-caso-de-epidemia-y-en-peligro-de-muerte/> (дата обращения: 16.07.2025).
6. О добровольной юрисдикции : Закон 15/2015 от 2 июля 2015 г. // Boletín Oficial del Estado. 2015. № 158. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-7391> (дата обращения: 16.07.2025).
7. О защите персональных данных и гарантии цифровых прав : органический закон 3/2018 от 5 декабря 2018 г. // Boletín Oficial del Estado. 2018. № 294. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2018-16673> (дата обращения: 16.07.2025).
8. О цифровых завещаниях и внесении изменений во вторую и четвертую книги Гражданского кодекса Каталонии : Закон 10/2017 от 27 июня 2017 г. // Boletín Oficial del Estado. 2017. № 173. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2017-8525> (дата обращения: 16.07.2025).
9. Постановление Пленума Конституционного суда Испании № 7/2019 от 17 января 2019 г. // Boletín Oficial del Estado. 2019. № 39. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2019-2033> (дата обращения: 16.07.2025).
10. О регулировании некоторых аспектов оказания электронных услуг : Закон 6/2020 от 11 ноября 2020 г. // Boletín Oficial del Estado. 2020. № 298. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2020-14046> (дата обращения: 16.07.2025).
11. Francisco Rosales De Salamanca Rodríguez. Testamento digital. La revista Testamento ¿digital? Edición especial – Septiembre 2016. – URL: <file:///C:/Users/%D0%A2%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%B0/Downloads/Di%20alnet-TestamentoDigital-657167.pdf> (дата обращения: 16.07.2025).
12. Nuevas Tendencias en el Derecho de Sucesiones: La Digitalización del Patrimonio y los Testamentos Electrónicos. Abogados en Sevilla. Madrid Salinas Abogados. 20.09.2024 URL: <https://mslegal.es/abogado-derecho-de-sucesiones-sevilla-digitalizacion-patrimonio-testamentos-electronicos/> (дата обращения: 16.07.2025).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ОБОРОТ НЕИСПОЛЬЗУЕМОГО ИЛИ НЕЭФФЕКТИВНО ИСПОЛЬЗУЕМОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Э. Л. Король

заместитель председателя Экономического суда Гродненской области,

кандидат юридических наук, доцент

ec-grodno@court.by

В статье рассматриваются особенности правового регулирования вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого или неэффективно используемого государственного имущества, а также механизм такой реализации. Исследуются вопросы включения в договор купли-продажи обязательных условий отчуждения объектов государственной собственности, проблема четкости и однозначности формулировок таких договорных условий. Анализируются особенности ответственности за нарушение обязательных условий отчуждения государственного имущества в виде уплаты в бюджет денежной суммы, взыскиваемой с покупателя неэффективно используемого объекта государственной собственности, раскрывается ее правовая природа и возможность уменьшения взыскиваемой в доход бюджета неустойки.

Ключевые слова: отчуждение; купля-продажа; государственное имущество; аукцион; обязательные условия; ответственность.

Договор купли-продажи объектов гражданского оборота, обладающих экономическим свойством товара, давно выступает одним из наиболее часто заключаемого договорного обязательства. Изучение данного договорного обязательства предусмотрено учебными планами высших учебных заведений юридического профиля в рамках дисциплины «Гражданское право».

Свои особенности имеет договор купли-продажи, когда объектом отчуждения выступает государственное имущество, находящееся в республиканской или коммунальной собственности. Как показывает практика, преимущественно таким объектом отчуждения выступает государственное недвижимое имущество.

Особенности правового регулирования отчуждения такого объекта гражданского оборота, как государственное имущество, а также возникающие проблемы правоприменения в данной области, к сожалению, остаются за рамками изучения студентами-юристами цивилистических основ обязательства по купле-продаже товаров. Между тем, юристы, работающие в государственных органах и организациях, а также местных исполнительных и распорядительных органах, неизбежно сталкиваются с вопросами правового регулирования вовлечения государственного имущества в хозяйственный оборот, в том числе путем его возмездного отчуждения, а также последующего контроля за полным исполнением договорного обязательства покупателем.

Государственное имущество с позиции объектов гражданских прав, закрепленных в ст. 128 ГК, выступает вещью (имуществом).

Под государственным имуществом понимается имущество, закрепленное за республиканскими и коммунальными юридическими лицами, в том числе государственными органами, на праве оперативного управления, хозяйственного ведения, а также имущество, составляющее казну Республики Беларусь и АТЕ.

В отличие от казны, которая является неотчуждаемым объектом исключительной собственности государства, неиспользуемое или неэффективно используемое имущество, закрепленное за республиканскими и коммунальными юридическими лицами, в том числе государственными органами, может выступать объектом отчуждения в частную собственность.

На сегодняшний день значительная часть имущества находится в государственной собственности (республиканской и коммунальной). Как справедливо отмечается в юридической литературе, проблема заключается в том, что в государственной собственности находится часть имущества, в отношении которой необходимо проводить действенную работу по ее вовлечению в хозяйственный оборот [1, с. 397]. Не все государственное имущество используется (эффективно используется), поэтому возникла особая необходимость в урегулировании распоряжения такой собственностью, в том числе путем продажи неиспользуемого (неэффективно используемого) государственного имущества, в том числе на аукционе с начальной ценой, равной одной базовой величине [2, с. 14]. При этом отмечается, что малый и средний бизнес достаточно активно скупает неиспользуемое государственное имущество для использования в своей предпринимательской деятельности [3, с. 13].

Несмотря на то, что ГК не содержит никаких специальных норм, регулирующих отчуждение государственного имущества, тем не менее такие нормы закреплены в иных нормативных правовых актах. Причем, законодательство, регулирующее отчуждение государственного имущества, развивается и совершенствуется с учетом предыдущей практики своего применения.

Договор купли-продажи государственного имущества является видом договора купли-продажи и к нему применяются положения, предусмотренные § 1 гл. 30 ГК «Общие положения о купле-продаже» (п. 5 ст. 424 ГК), а также нормы о договоре-купли-продажи недвижимого имущества (ст. 520 ГК).

Основные специальные нормативные правовые акты, регулировавшие порядок отчуждения государственной (республиканской) собственности:

- Указ Президента Республики Беларусь от 4 июля 2012 г. № 294 «О порядке распоряжения государственным имуществом» (далее – Указ № 294) действовавший с 6 июля 2012 г. по 14 мая 2019 г.

- Указ Президента Республики Беларусь от 10 мая 2019 г. № 169 «О распоряжении государственным имуществом» (далее – Указ № 169), действовавший с 15 мая 2019 г. по 20 сентября 2022 г.

На сегодняшний день действует Указ Президента Республики Беларусь от 19 сентября 2022 г. № 330 «О распоряжении имуществом» (далее – Указ № 330, начало действия с 21 сентября 2022 г.). Местным Советам депутатов было предписано определить порядок распоряжения имуществом, находящимся в собственности соответствующих АТЕ, принимались решения Советов депутатов, определяющие порядок распоряжения

объектами коммунальной собственности, в последующем – решения местных исполкомов, на основании которых происходила реализация неиспользуемого либо неэффективно используемого имущества коммунальной собственности.

Общим для перечисленных Указов и соответствующих инструкций о порядке распоряжения коммунальным имуществом местных Советов депутатов было установление механизма понижения цены продаваемого на аукционе государственного имущества (50, 80%) с возможностью его реализации за 1 базовую величину, а также необходимости закрепления в договорах в последнем случае обязательных условий отчуждения государственного имущества и ответственности покупателя за неисполнение обязательных условий продажи госсобственности.

В целом механизм реализации государственного имущества выглядит следующим образом: формируются перечни неиспользуемого и неэффективно используемого имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь или АТЕ, в целях вовлечения его в хозяйственный оборот; принимаются решения уполномоченными органами об отчуждении объекта государственной собственности; проводится аукцион по продаже государственного имущества; заключается договор купли-продажи объекта государственной собственности; осуществляется контроль продавцов и местных исполнительных и распорядительных органов за выполнением покупателем обязательных условий продажи государственного имущества.

Основную массу предлагаемого к вовлечению в хозяйственный оборот государственного имущества составляют объекты социально-культурного характера (бывшие клубы, библиотеки, детские сады, школы, учебные помещения, а также фельдшерско-акушерские пункты и лечебные корпуса), которое менее привлекательно для потенциальных приобретателей в осуществлении своей производственной деятельности из-за необходимости привлечения значительных капитальных вложений. Наибольший же интерес у потенциальных покупателей вызывают производственные площади (производственные базы, склады, коровники и т.п.) [4, с. 16].

При продаже капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, иного недвижимого имущества на аукционе с начальной ценой, равной одной базовой величине, закрепляются обязательные условия такого аукциона, которые в последующем находят отражение в тексте заключаемых по результатам аукциона договорах купли-продажи объекта государственной собственности в пунктах, посвященных обязательным условиям продажи государственного имущества, обязанности покупателя выполнить в установленный срок данные обязательные условия, а также предусматривается ответственность покупателя за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких условий.

После заключения договора купли-продажи имущества, приобретенного на аукционе с начальной ценой, равной одной базовой величине, обязательно осуществляется контроль (анализ) выполнения покупателем взятых на себя обязательств с целью принятия решения о выполнении им условий либо мер по расторжению такого договора, в связи с их невыполнением (периодически проводится комиссионное обследование проданного объекта с составлением акта осмотра и фотоснимков объекта с предварительным извещением об осмотре покупателя, проводятся совещания на базе местных исполнительных и распорядительных органов с приглашением покупателей, направляются продавцом письма покупателю с требованием предоставления документов, подтверждающих выполнение обязательных условий продажи) [2, с. 15]. Нюансов в такой

работе много, но обязательно соблюдается строгий регламент проведения мониторингов, а также учитываются намерения и возможности нового собственника [3, с. 14].

До принятия Указа № 330 определяемая к взысканию в бюджет денежная сумма за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательных условий продажи объектов государственной собственности была указана как «разница между оценочной стоимостью приобретенного недвижимого имущества, указанной в решении о его продаже без понижения начальной цены продажи, увеличенной с учетом индекса цен производителей на его промышленную продукцию производственно-технического назначения, и ценой его приобретения» (Указ № 294 И Указ № 169).

Такая законодательная формулировка гражданско-правовой ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательных условий продажи объектов государственной собственности стала предпосылкой для формирования мнения об отдельном виде гражданско-правовой ответственности, не являющейся неустойкой, в том числе обусловленной ее публично-правовой природой с учетом ее взыскания не в пользу стороны по договору, а в бюджет.

Между тем, ГК традиционно среди форм гражданско-правовой ответственности закрепляет взыскание неустойки с ее разновидностями в виде штрафа (однократно взыскиваемой неустойки) и пени (взыскиваемой за конкретный период неустойки) (ст. 311 ГК), возмещение убытков (ст.ст. 14, 364 ГК), взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами пользование чужими денежными средствами (ст. 366 ГК).

В Указе № 330 прямо предусмотрено, что покупатель несет ответственность путем уплаты в республиканский бюджет неустойки в размере разницы между оценочной стоимостью приобретенного на возмездной основе имущества (за исключением историко-культурных ценностей), действующей на дату принятия решения о его отчуждении, увеличенной с учетом индекса цен производителей промышленной продукции производственно-технического назначения, и ценой приобретения этого имущества.

Таким образом, Указ № 330 окончательно определил правовую природу ответственности покупателя государственного имущества в форме неустойки, а сама разница между оценочной стоимостью приобретенного на возмездной основе имущества с учетом индекса цен и ценой приобретения этого имущества фактически выступает механизмом расчета такой неустойки.

На сегодняшний день исполнение договоров купли-продажи, заключенных по результатам аукционов с начальной ценой, равной 1 базовой величине, применение мер ответственности и осуществление контроля за совершением и исполнением договоров по распоряжению находящимся в собственности Республики Беларусь имуществом, решения о продаже (безвозмездной передаче) которого были приняты до вступления в силу Указа № 330, осуществляются в соответствии с его положениями.

Подавляющее большинство дел составляют дела по требованиям о расторжении договора купли-продажи в связи с невыполнением (ненадлежащим исполнением) договора купли-продажи и взыскании разницы между оценочной стоимостью приобретенного имущества и ценой его приобретения, которые, как правило, соединяются истцами как взаимосвязанные. Однако каждое такое требование возможно рассмотреть и в отдельности, поскольку их разрешение порождает различные правовые последствия, не исключающие исполнения договора в будущем собственником имущества (покупателем). К примеру, для взыскания разницы между оценочной стоимостью приобретенного имущества и ценой его приобретения нет необходимости расторгать договор [5, с. 28–29].

Независимо от заявленного требования, предмет доказывания по делам данной категории связан с установлением факта выполнения либо невыполнения обязательных условий отчуждения объекта, что всегда требует судебной оценки формулировок обязательных условий.

Как показала практика разрешения судами данной категории дел, зачастую условием продажи для покупателя договорами установлено «вовлечение имущества в хозяйственный оборот», «начало осуществления покупателем предпринимательской деятельности с использованием недвижимого имущества». При этом непосредственно договоры, как правило, не конкретизируют содержание данных условий, что при наличии спора вызывает определенные вопросы и трудности при оценке заявленных сторонами доводов и возражений, и может явиться основанием для отказа в иске.

При рассмотрении дел данной категории покупатели зачастую ссылаются на использование приобретенных объектов недвижимого имущества в своей хозяйственной деятельности для хранения инструмента, материалов, демонтированных объектов (окна, двери, водосточные трубы и т.п.)). Значение выражения «по целям, не противоречащим законодательству Республики Беларусь» в договорах также, как правило, не раскрывается, а равно не содержится конкретных способов реализации данной обязанности покупателем, что создает сложности и вариативность в толковании данного условия договора при оценке его исполнения или неисполнения ответчиком.

Акты осмотра объектов ограничиваются, как правило, осмотром внешнего состояния недвижимого имущества, и не дают полного представления о фактическом использовании или не использовании такого имущества в соответствии с условиями договора.

Еще одним вопросом, связанным с исследуемой темой, является возможность применения ст. 314 ГК к неустойке за нарушение покупателем обязательных условий продажи государственного имущества с учетом ее взыскания в бюджет с контрагента по гражданско-правовому договору.

Как представляется, с учетом отчуждения государственного имущества по гражданско-правовым договорам, отнесения Указом № 330 взыскиваемых сумм к ответственности покупателя в форме неустойки, к рассматриваемым правоотношениям возможно применение ст. 314 ГК. При формировании указанного подхода достигается соблюдение баланса интересов сторон, государства, когда в каждом конкретном случае оценке подлежат размер неустойки и последствия нарушения обязательств (степень выполнения условий отчуждения, иные критерии).

Таким образом, подводя итог статье, отметим, что договор купли-продажи объектов государственной собственности имеет свои особенности исходя из объекта отчуждения, а также специального правового регулирования. Предмет доказывания по делам об отчуждении государственного имущества связан с установлением факта выполнения либо невыполнения обязательных условий продажи объекта, что требует прозрачности, четкости и ясности формулировок договоров об отчуждении имущества, находящегося в государственной собственности. Абстрактные, многовариативные и неконкретные формулировки обязательных условий продажи государственного имущества не конкретизируют формы использования покупателем приобретенного недвижимого имущества, что создает основание для использования приобретенных объектов по своему усмотрению и сложности в объективном контроле за исполнением договоров.

Библиографический список

1. Адамович, А. В. О некоторых вопросах модернизации правового регулирования распоряжения государственным имуществом в целях его вовлечения в хозяйственный оборот / А. В. Адамович // Заметки ученого. – 2022. – № 5. – С. 397–402.
2. Сацута, Н. В. Судебная практика комитета «Гомельоблимушество» по вопросам отчуждения государственного имущества с начальной ценой продажи, равной одной базовой величине / Н. В. Сацута // Земля Беларуси. – 2021. – № 3. – С. 14–20.
3. Сацута, Н. В. Имущество должно работать / Н. В. Сацута // Земля Беларуси. – 2020. – № 3. – С. 12–16.
4. Акулов, Е. Продажа неиспользуемого государственного имущества как одно из основных направлений вовлечения в хозяйственный оборот. Факторы, влияющие на оперативность отчуждения объектов государственной собственности / Е. Акулов // Земля Беларуси. – 2017. – № 4. – С. 14–16.
5. Минич, А. Последствия нарушения обязательств по договорам купли-продажи госсобственности по начальной цене продажи в одну базовую величину / А. Минич // Судебный Вестник Плюс: экономическое правосудие. – 2023. – № 6. – С. 24–32.

ЗАВЕРЕНИЯ В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

М. П. Короткевич

*доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
mpkorotkevich@yandex.by*

В статье анализируются основные условия наступления последствий вследствие недостоверных заверений в обстоятельствах.

Ключевые слова: заверения в обстоятельствах; договор; гражданско-правовая ответственность; неустойка; реальный ущерб.

Одной из новаций, появившихся в ГК с принятием и вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон об изменении кодексов), выступает институт «заверения в обстоятельствах» (ст. 401-2 «Заверения в обстоятельствах»). Впервые данный институт был закреплен в пп. 5.6 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 и прошел апробацию в рамках отношений с участием резидентов Парка высоких технологий. Учитывая, что в Декрет нормы об институте заверения в обстоятельствах были включены в целях апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в белорусское гражданское законодательство, данная апробация прошла успешно.

Исходя из новизны закрепленного в ст. 401-2 ГК института заверения в обстоятельствах, существенного расширения субъектов, которые могут воспользоваться преимуществами данного института после его закрепления в нормах ГК, в настоящей статье обозначим наиболее важные условия наступления правовых последствий вследствие недостоверных заверений в обстоятельствах.

В соответствии с нормами ч. 1 п. 1 ст. 401-2 ГК сторона, которая при заключении договора предоставила другой стороне недостоверные заверения в обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе относящихся к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий, специальных разрешений (лицензий), своему финансовому состоянию, наличию прав на материальные или нематериальные активы либо относящихся к третьему лицу и др.), обязана по требованию другой стороны возместить ей реальный ущерб, причиненный недостоверностью таких заверений, и выплатить неустойку, если таковая предусмотрена договором.

В первую очередь следует определить временной период, в течение которого предоставляются недостоверные заверения в обстоятельствах. Согласно ГК, этот период обозначен как «при заключении договора». Исходя из момента заключения договора, который по общему правилу в п. 1 ст. 403 ГК переделяется моментом получения лицом, направившим оферту, её акцепта, полагаем, что предоставление недостоверных

заверений «при заключении договора» следует понимать как полученные одной из договаривающихся сторон заверений до момента заключения договора, но после начала процесса заключения договора (после направления оферты).

Вторым моментом, на который обратим внимание, это субъекты возникающих отношений: сторона, которая при заключении договора предоставила другой стороне недостоверные заверения в обстоятельствах (которую можно обозначить как заверитель), и её контрагент (заверяемый). Следовательно, субъекты определяются через заключенный ими договор. То есть если процесс «заключения договора», при котором были получены недостоверные заверения в обстоятельствах, заканчивается отказом субъектов от заключения договора, то последствия, предусмотренные ст. 401-2 ГК не наступят. В судебном практике Российской Федерации имеет место и иное понимание. Так, исходя из содержания части четвертой п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» следует, что заверение «может также быть предоставлено третьим лицом, обладающим правомерным интересом в том, чтобы между сторонами был заключен, исполнен или прекращен договор, с которым связано заверение».

Важным квалифицирующим признаком, определяющим возможность наступления неблагоприятных последствий для стороны, предоставившей заверения, является характеристика этих заверений. Во-первых, заверения должны быть недостоверными, во-вторых, – заверения должны иметь значение для заключения договора, его исполнения или прекращения. Таким образом, если первая характеристика носит объективный характер, заверения не соответствуют объективной реальности, то вторая характеристика может вызвать неоднозначные толкования, так как из указания «имеющие значение для заключения договора, его исполнения или прекращения» однозначно нельзя определить для кого из сторон договора данные обстоятельства имели такое значение. Для сравнения, в ГК РФ ч. 3 п. 1 ст. 431.1 закрепляет, что ответственность, предусмотренная данной статьей, наступает, если сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них, или имела разумные основания исходить из такого предположения. Тем самым российский законодатель пошел по пути восприятия своего заверения стороной, выражающей такое заверение.

В ГК только в п. 2 ст. 401-2 находим ответ о значении восприятия сторонами договора таких заверений. Однако в данной норме идет речь о применении не таких последствий как в ч. 1 ст. 401-2 – требовании о возмещении реального ущерба и взыскании неустойки – а уже о иных требованиях – отказ от договора, то есть этой стороне законодатель предоставляет право в одностороннем порядке отказаться от договора (иное может быть предусмотрено соглашением сторон).

Таким образом, для требования о возмещении реального ущерба и взыскании неустойки законодатель Республики Беларусь не устанавливает условия о субъективном восприятии имевших место недостоверных заверений, достаточно, чтобы они были недостоверны и объективно имели значение для заключения договора, его исполнения или прекращения. Например, для исполнения договора существенное значение имеет наличие прав на материальные или нематериальные активы.

Цель существования института заверения в обстоятельствах – это возможность взыскания контрагентом заверителя с последнего реального ущерба, причиненного недостоверностью таких заверений, а также неустойки, предусмотренной договором, либо возможности уйти из этих договорных отношений (право на отказ от договора). В данном контексте следует разграничить институт заверения в обстоятельствах от ещё одного нового института гражданского права – возмещение имущественных потерь, возникающих в случае наступления определенных договором обстоятельств, который теперь закреплён в ст. 309-1 ГК. Возмещение имущественных потерь в отличие от заверения в обстоятельствах нацелено на сферу предпринимательской деятельности – соглашением предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных таким соглашением обстоятельств и не связанные с нарушением обязательства его стороной могут стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности. Кроме того, имущественные потери могут распределить только стороны уже существующего обязательства по взаимному соглашению, когда как заверения в обстоятельствах должны иметь место на стадии заключения договора, только для наступления последствий в форме взыскания неустойки требуется их взаимное соглашение. И, наверное, самое важное отличие – наступление обязанности по возмещению имущественных потерь не может быть связано с нарушением обязательства одной из сторон, для наступления последствий заверения в обстоятельствах заверения должны быть недостоверными, то есть должно иметь место ненадлежащее поведение со стороны заверителя. В отличие от ст. 309-1 ГК, в которой теперь закреплена возможность согласования сторонами обязательства условий о распределении бремени имущественных потерь между ними, по нашему мнению, заверение в обстоятельствах всегда нацелено на защиту контрагента лица, предоставившего недостоверные заверения в обстоятельствах. Только в ситуациях, когда одна из сторон умышленно содействовала увеличению размера имущественных потерь (п. 2 ст. 309-1 ГК), суд может уменьшить размер возмещения имущественных потерь ему его контрагентом. Таким образом, целевой получатель и условия получения возмещения в приведенных ситуациях существенно отличаются.

С учетом указанного, правоприменительной практике еще предстоит выработать определённые подходы к рассмотрению возникающих спорных ситуаций при применении ст. 401-2 ГК, что послужит импульсом для дальнейших исследований данного института гражданского права.

ПРОБЛЕМЫ «НОРМАТИВНОЙ ИНФЛЯЦИИ» И «ДЕФЕКТОВ НОРМОТВОРЧЕСТВА» НА ПРИМЕРЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИРАКА

С. В. Одинцов

*доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права
Юридического института Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, кандидат юридических наук, доцент
odintsov_sv@pfur.ru*

Г. К. Т. Абухадма

*аспирант кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права Юридического института
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
1042248145@pfur.ru*

В статье рассмотрены риски, влияющие на устойчивость инвестиционного климата: коллизии и множественность источников, размытость нормативных формулировок. Акцентируется значение приоритета разрешения споров через институт международного коммерческого арбитража. Отмечается, что дисбаланс между динамикой законодательства и качеством норм влечет системные риски для юрисдикции с переходной экономикой. Делается вывод о том, что без системного повышения качества нормативного регулирования, невозможно сохранить доверие инвесторов.

Ключевые слова: законодательная инфляция; инвестиционное законодательство; защита прав инвесторов; правовая неопределенность; нормотворчество; дефекты законопроектов; правоприменение.

Законодательный процесс играет решающую роль в формировании правовой базы сферы инвестиций, для которой необходима регуляторная стабильность. Во многих правовых порядках обсуждают феномен так называемой «законодательной инфляции», характеризующейся неоправданным увеличением количества источников. Поскольку в качестве источников регулирования правоотношений выступают не исключительно законы, то, исходя из обоснованности использовать альтернативное понятие – «нормативная инфляция», в том числе как это употребляется, прежде всего, арабскими исследователями [1]. Актуальность данной проблематики выражается в обеспокоенности по поводу рисков влияния на качество законодательства. «Современная политико-правовая реальность стремительно меняется. Устойчивые институционально-структурные основания и ставшие традиционными формы публично-властного управления качественно эволюционируют» [2]. Под воздействием социально-политических и экономических процессов принимаются новые нормативные акты, направленные на решение возникающих проблем, но этот огромный объем новых регуляторных источников может привести к серьезным последствиям, поскольку погоня за количеством в ущерб точности формулировок, согласованности и ясности текстов юридических документов влияют на качество действующего законодательства.

«Нормативная инфляция» может быть связана условно с качественным аспектом нормотворчества, который влечет за собой ухудшение законодательства на уровне

его содержания. Следует обратить внимание на явление, противоположное «нормативной инфляции» – «законодательный вакуум» (или пробел в законодательстве), когда отсутствие правового акта, регулирующего конкретную ситуацию, провоцирует в правоприменении вынужденность толкования, с целью устранения затруднений в деятельности судебных органов, которые могут оказаться неспособными к рассмотрению спора, в связи с отсутствием правового регулирования данного вопроса законодателем. Мировые процессы глобализации различных секторов экономики, в том числе, энергетики, добывающей и перерабатывающей промышленности, что крайне важно для Ирака, а также развитие информационных и коммуникационных технологий, в частности, привело к созданию новых правоотношений, когда механизмы правового регулирования адаптируются к развитию цифровой экономики и новому подходу к интеллектуальной собственности по мере необходимости.

Закон Республики Ирак от 10 октября 2006 г. № 13 «Об инвестициях» (далее – «иракский закон об инвестициях») [3] был принят для регулирования привлечения инвестиций, включая иностранные, а также различных аспектов правоотношений между инвестором и государством для создания безопасного инвестиционного климата. «В результате принятия данного закона иностранным инвесторам были предоставлены права пользоваться всеми преимуществами, льготами и гарантиями, возложив на них обязательства, изложенные в иракском законодательстве» [4, с. 8]. В целом, наблюдается «нормативная инфляция» изначально в результате политических преобразований, которые произошли в стране после перехода к демократии и полноценно рыночной экономики в 2003 г. За последние десятилетия в иракское инвестиционное законодательство, включая подзаконные нормативные акты, было внесено множество поправок, и большинство из них, вроде бы отвечали политическим, социальным и экономическим соображениям, обусловленным изменением экономической (инвестиционной) политики государства, за которым последовали изменения и появление новых правовых текстов и последовательных поправок. Но, при этом, возможно усмотреть, так скажем, и обратную сторону нормотворческой активности, выражающуюся в недостаточной правовой стабильности, что не отвечает интересам инвесторов. Первые новеллы иракского закона об инвестициях – это поправки, установленные законом № 2 2010 г. [2], и № 50 2015 г. (далее – вторая поправка) [6].

Другим обстоятельством, вызывающим сложности применения положений иракского закона об инвестициях, является определенный дефект в разработке законопроектов. Субъективность или отсутствие конкретики возникают из-за неправильного использования понятий в соответствии с изначальными идеями, когда текст законопроекта не отражает истинного значения, которое он имел в виду законодатель. Дефект в формулировке возникает, когда законодатель использует неправомерные выражения или выражения, обозначающие в широком смысле, что приводит к путанице в применении правового текста и невозможности достижения урегулирования вопросов компетенции и полномочий. Например, как указано в ст. 4/II иракского закона об инвестициях, в которой законодатель использовал описательную характеристику – «опытный и компетентный». Отмечается, что это «общая фраза, значение которой не определено то ли, это профессиональный опыт лица в результате своей инвестиционной работы и приобретаемого им опыта, либо требуется обладание сертификатом, подтверждающим получение ученой степени или конкретной специализации в области инвестиций» [7]. Среди законодательных дефектов отмечается некорректная формулировка определения самих инвести-

ций (ст. 1/VI иракского закона об инвестициях с последующими поправками), «как использование капитала в любой экономической деятельности или проекте, которые приносят пользу, но изначальный текст закона представлялся более точным, поскольку в нем требуется прилагательное «законность деятельности», которое необходимо для определения масштабов незаконной деятельности в рамках действия закона об инвестициях» [7]. Проблема неточности формулировок юридических текстов проявляется в ситуации, когда в положениях содержатся определенные неоднозначности и двусмысленности. Так, согласно ст. 1 второй поправки иракского закона об инвестициях, которые касаются застройщиков, поскольку в законе об инвестициях нет правовых положений, которые проводили бы различие между отдельными лицами, одновременно являющимися застройщиками в одном инвестпроекте, то есть за рамками регулирования остаются вопросы определения владения объектом инвестирования полностью или частично. Например, можно ли считать в связи с практическим применением, что «иракский законодатель должен проводить различие между застройщиком и инвестором-застройщиком, с одной стороны, и между застройщиком и инвестором, получившим инвестиционную лицензию в соответствии с положениями иракского закона об инвестициях, с другой стороны» [8].

Дефект в разработке регулирования инвестиций возникает при несоблюдении иерархии в разработке нормативных источников, как в случае с нормами ст. 15/III иракского закона об инвестициях с внесенными в него поправками, в котором говорится, что «Национальное инвестиционное управление увеличивает количество лет, не облагаемых налогами и сборами, прямо пропорционально увеличению доли участия иракских инвесторов на период реализации проекта составит пятнадцать лет, если доля иракских инвесторов в проекте (партнерстве) более пятидесяти процентов». Но данная возможная фискальная льгота находится в противоречии с Конституцией Республики Ирак 2005 г. [9] и налоговым законодательством, предусматривающим, что налогоплательщики освобождаются от уплаты налогов и сборов только на основании закона (а не решения исполнительного/административного органа). Тоже касается и ст. 1/11 («регионы инвестиций») иракского закона об инвестициях с учётом последних редакций, в которой упоминаются льготы и гарантии, однако отсутствует уточнение оснований и порядка, в том числе достаточно ли процедуры предоставления исключительно одобрением Совета министерства Республики Ирак.

Возвращаясь к проблеме «нормативной инфляции», укажем, что национальная правовая система Ирака представлена большим количеством сложных текстов, что является результатом многих регуляторных инициатив. Расширение источников регулирования инвестиций приводит к возникновению проблем у компетентных органов в области применения тех или иных актов, и их способность определять положения, действующие и отмененные в связи с принятием нового правового документа либо изменением, поправками или дополнением действующего иракского закона об инвестициях. Учитывая многообразие правовых актов, регулирующих инвестиционные правоотношения Национальное инвестиционное управление (специализированный орган исполнительной власти, созданный Советом министров Республики Ирак) в рамках своей компетенции и в соответствии со ст. 32 иракского закона об инвестициях разработали следующие регламенты: Инвестиционные правила (Внутренние Инструкции) 2009 г. (№ 2 и № 3 [10; 11]), а также 2013 г. № 4 [12] – все эти подзаконные нормативные акты касались вопросов организации (создания и регистрации) инвестиционных субъектов, и их деятельности, в том числе в отдельных провинциях, не объединенных в регионы. В результате чего генерируются и накаплива-

ются противоречия между текстом иракского закона об инвестициях и подзаконными документами, например, касательно определения сроков рассмотрения жалобы: по законодательному акту (ст. 20/IV) срок подачи жалобы ограничен пятнадцатью днями, чтобы подать запрос на повторное рассмотрение в Национальное инвестиционное управление, которое должно принять решение по заявке в течение семи дней. В то время как в соответствии с вышеуказанными процедурами указанных Инвестиционных правил срок подачи жалобы составляет десять дней, и комиссия должна принять решение по заявлению в течение пятнадцати дней.

Для устранения потенциальных рисков для иностранных инвесторов вследствие выше обозначенных проблем целесообразно использовать традиционные инструменты международного частного права. «Необходимость в международном частном праве возникает потому, что национальное законодательство разных государств значительно отличаются друг от друга» [13, с. 203]. Таким образом, положения о выборе сторонами применимого права и арбитражная оговорка являются наиболее распространенными в международных контрактах. Условие стабильности в отношении договорного (контрактного) источника частного-правового регулирования инвестиционных проектов основывается на включение в контракт условий, которые отвечают их интересам, а закон не ограничивает их волю, за исключением случаев нарушения общественного порядка и морали, и до тех пор, пока в контракте этого нет, ничто не препятствует включению оговорки о регуляторной стабильности в рамках условий контракта и закона об инвестициях, и это подтверждается текстом ст. 131/1 Гражданского кодекса Ирака [14]. Ст. 13 иракского закона об инвестициях предусматривает, что любые поправки к этому закону не имеют обратной силы и не влияют на гарантии льгот и прав инвесторов, установленные в соответствии с ст. 26 данного закона, сохраняются для любого инвестпроекта, до истечения срока действия льготы и ее условий [3]. При этом, исходя из предыдущих редакций законодатель включил требование стабильности, что считается одной из важнейших гарантий привлечения иностранных инвестиций.

В дополнение к ст. 27/1 иракского закона об инвестициях: споры, возникающие в связи с применением этого закона, регулируются законодательством Ирака [3]. Несмотря на юрисдикцию иракской судебной системы, с инвестором может быть согласовано право обращения в коммерческий арбитраж, который выступает в данном случае не как альтернатива национальному суду, а в качестве фундаментального элемента доверия для инвестора. Выражая согласие с мнением арабских исследователей, подчеркнем, что «международная коммерческая арбитражная оговорка является одной из гарантий того, что иностранный инвестор прибегает к ней для освобождения от национального законодательства в условиях отсутствия стабильности» [15]. В частности, для нивелирования проблем «нормативной инфляции» и законодательных дефектов – оговорка о международном коммерческом арбитраже является одной из важнейших гарантий, к которой может прибегнуть иностранный инвестор, чтобы избавиться от внезапной изменчивости и нестабильности национального законодательства, особенно при возможных спорах, которые возникают в вопросах инвестирования и требуют отсылки к обычаям международного делового оборота. Таким образом, «этот метод повышает уровень уверенности, который может испытывать иностранный инвестор в рамках национальной судебной системы, то есть назначение нейтрального арбитра считается элементом уверенности для иностранных инвесторов» [16].

Библиографический список

1. L'inflation normative / E. Mackaay // Lex Electronica. – 2018. – Vol. 23. – URL: <https://www.lex-electronica.org/en/articles/volume-23/inflation-normative/> (date of access: 15.08.2025).
2. Mamychhev, A. Y. «The Future» as an attractor of modern political, legal and socio-economic transformations: an overview of the main problems and approaches. / A. Y. Mamychhev, E. E. Frolova, A. A. Kim // Advances in Law studies. – 2020. – URL: <https://riorpub.com/en/nauka/article/37808/view> (date of acces: 15.08.2025);
3. Об инвестициях : Закон Республики Ирак от 10 окт. 2006 г. № 13 // National Investment Commission. – URL: <https://investpromo.gov.iq/wpcontent/uploads/2016/10/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%AB%D9%85%D8%A7%D8%B1-1.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).
4. Zeenah sahib Gawzan, Esraa Mahmood Badr Alsamee, Legal obstacles to foreign investment in Iraq. Conference: UUM ILC2021 at: 11th International Legal Conference. – Najaf, Iraq: Imam Al-kadhim University College, March 2021. – URL: https://www.researchgate.net/publication/352519190_LEGAL_OBSTACLES_TO_FOREIGN_INVESTMENT_IN IRAQ THE RIGHT OF THE FOREIGN INVESTOR TO_OBTAIN_INFORMATION#fullTextFileContent (date of acces: 15.08.2025).
5. Al-Sanrai, Legal Obstacles and Guarantees for Foreign investments. V. 1, Al-Wad Research Center, 2006, الاستثمار الأجنبي : المعوقات والضمانات القانونية ، مركز دراسات الوحدة العربية ، دريد محمود السامرائي ، 2006 ، URL <https://asfar.io/product/foreign-investment-obstacles-and-guarantees/> (date of acces: 15.08.2025).
6. Bthial Gazy, The impact of legislative inflation on the quality of the law (the Iraqi investment law as a model). .College of Law, University of Kufa, 2024, أثر التضخم التشريعي على جودة القانون (قانون الاستثمار العراقي أنموذجا) – URL: <https://www.researchgate.net/publication/384052569> (date of acces: 15.08.2025).
7. Абухадма, Г. К. Т. «Центр основных интересов» как критерий коллизийной привязки при трансграничной несостоятельности (банкротстве). Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота / Г. К. Т. Абухадма, С. В. Одинцов : Сб. ст. Междунар. науч.-практ. форума памяти проф. В. К. Пучинского. – М. : РУДН, 2022. – С. 202–209.
8. Asher Abdel Al-Ayyam Al-Rifai, Arbitration for Private Relations: international: arbitration Court. Legal books Publishing House, 2006, Alexandria, Egypt. pp. 756. أشعر عبد العال الأييام الرفاعي، التحكيم . 2006 في العلاقات الخاصة: دولي: محكمة التحكيم. دار الكتب القانونية للنشر، ٢٠٠٦، الإسكندرية، مصر. – URL: <https://islamarchive.cc/bibliography-ar/2053300> (date of acces: 15.08.2025);
9. Saddi Magaddadi, A. Arbitration and legal disputes in connection with the development contract: Technology, Vol. 1, Al-kr Al-Ajlai, 2005. أ. سعدي مقدادي، التحكيم والنزاعات القانونية المتعلقة بعقد التطوير. – URL: <https://uqu.edu.sa/jill/145874> (date of acces: 15.08.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ АРЕНДНОГО ЖИЛЬЯ В СОБСТВЕННОСТЬ ГРАЖДАН

И. В. Попова

*доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
popova.irina.vasilievna@gmail.com*

В статье перечислены и кратко охарактеризованы правила нормативных правовых актов Республики Беларусь, посвященные приобретению в собственность арендного жилья его нанимателями и иными гражданами.

Ключевые слова: жилые помещения коммерческого использования; арендное жилье; распоряжение государственным жилищным фондом.

Жилищный фонд Республики Беларусь представлен жилыми помещениями государственного и частного жилищных фондов. В состав жилых помещений государственного жилищного фонда входят жилые помещения социального пользования, жилой фонд общежитий, специальные жилые помещения и арендное жилье. Фонд арендного жилья (до 1 января 2020 г. – даты вступления в силу новой редакции Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК) – арендное жилье называлось жилыми помещениями коммерческого использования) начал формироваться в Республике Беларусь после издания Указа Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 512 «О некоторых вопросах использования государственного жилищного фонда» (далее – Указ от 8 ноября 2011 г.). Указом от 8 ноября 2011 г. было постановлено создать фонд жилых помещений коммерческого использования за счет свободных (освободившихся) жилых помещений государственного жилищного фонда и строительства (реконструкции), приобретения жилых помещений за счет бюджетных средств, средств, полученных от сдачи жилых помещений коммерческого использования в наем, и иных источников, не запрещенных законодательством.

Данным указом устанавливался размер платы за пользование жилыми помещениями коммерческого использования исходя из размера базовой ставки платы за пользование такими жилыми помещениями, устанавливаемой Советом Министров Республики Беларусь, с применением коэффициентов, определяемых облисполкомами и Минским горисполкомом в зависимости от степени благоустройства и места нахождения жилых помещений. Срок договора найма жилого помещения коммерческого использования устанавливался не превышающим пяти лет и подлежал обязательной регистрации организациями, предоставляющими жилые помещения коммерческого использования, в местных исполнительных и распорядительных органах. Наниматель жилого помещения коммерческого использования, надлежащим образом исполнявший свои обязанности, по истечении срока действия договора найма жилого помещения коммерческого использования наделялся преимущественным перед другими лицами правом на заключение договора найма на новый срок. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2011 г. № 1739 «О некоторых мерах по реализации

Указа Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 512» утвердило Типовой договор найма жилого помещения коммерческого использования государственного жилищного фонда.

Правила об определении размера платы за пользование арендным жильем, о сроке договора найма арендного жилья и возможности его продления сохранились и действуют в настоящее время.

Концепция государственной жилищной политики Республики Беларусь до 2016 г. была утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 апреля 2013 г. № 267. За период ее действия планировалось построить не менее 1 млн. кв. метров жилых помещений коммерческого использования. Для стимулирования развития данного направления планировалась передача в фонд жилых помещений коммерческого использования жилых помещений государственного жилищного фонда, в том числе служебного жилья, с сохранением за государственными органами и государственными организациями права хозяйственного ведения или оперативного управления таким жильем. Предполагалось, что законодательством будут определены категории граждан, которые будут иметь преимущественное право на получение жилых помещений коммерческого использования. Таким законодательным актом стал Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013 г. № 563 «О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений» (далее – Указ от 16 декабря 2013 г.), в соответствии с которым в состав жилых помещений коммерческого использования вошли:

- жилые помещения, предоставляемые в связи с характером трудовых (служебных) отношений определенным категориям граждан (судьям, прокурорским работникам; молодым рабочим (служащим), специалистам, получившим образование за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, прибывших по распределению, направленных на работу в соответствии с договором о целевой подготовке специалиста (рабочего, служащего); работникам при назначении на должность в случае их переезда из другого населенного пункта при условии, что из числа работников в данном населенном пункте для занятия вакансии нет равноценной замены; военнослужащим, лицам рядового и начальствующего состава, проходящих военную службу (службу) в государственных органах и организациях, в которых предусмотрена военная служба, сотрудникам Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз и некоторым иным категориям граждан), не имеющим жилых помещений в собственности (долей в праве общей собственности на жилые помещения) и (или) во владении и пользовании, за исключением жилых помещений, занимаемых гражданами по договорам найма жилого помещения в общежитии, в населенном пункте по месту работы (службы) (бывшие служебные);

- жилые помещения, предназначенные для проживания государственных служащих, занимающих должности согласно перечню, определяемому Президентом Республики Беларусь (бывшие специальные служебные);

- жилые помещения государственного жилищного фонда: не приватизированные до 1 июля 2016 г.; раньше относились к общежитиям, но в отношении которых местным исполнительным и распорядительным органом принято решение об изменении назначения здания общежития на многоквартирный жилой дом; жилые помещения государственного жилищного фонда в зданиях, выделенных для размещения органов и подраз-

делений по чрезвычайным ситуациям, находящиеся в хозяйственном ведении или оперативном управлении государственных органов и государственных организаций, кроме органов и организаций МЧС;

– некоторые виды жилых помещений, которые относились к категории специальных (расположенные на закрытых территориях; предназначенные для проживания военнослужащих органов пограничной службы, проходящих военную службу в подразделениях, непосредственно охраняющих Государственную границу Республики Беларусь, расположенных вне закрытых территорий; расположенные на территории иностранных государств и на территории Республики Беларусь и предназначенные для проживания работников организаций, подчиненных Управлению делами Президента Республики Беларусь).

После издания Указа Президента Республики Беларусь от 21 марта 2022 г. № 112 «Об особенностях использования арендного жилья» возможность строительства арендного жилья была предоставлена государственным организациям за счет собственных средств и (или) с привлечением кредитов. Построенное такими организациями жилье закрепляется за ними на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Государственные организации наделялись правом самостоятельно определять порядок и условия предоставления построенного жилья нанимателям в соответствии со своими локальными правовыми актами (в том числе коллективными договорами), а также устанавливать размер платы за пользование жильем, предоставляемым своим работникам на условиях договора найма арендного жилья на период трудовых отношений не менее размера платы за пользование арендным жильем, определяемого в соответствии с ЖК. В целях стимулирования государственных организаций и юридических лиц к обеспечению своих работников арендным жильем Президент Республики Беларусь 29 августа 2024 г. подписал Указ № 344 «О субсидировании юридических лиц при возведении или приобретении жилых помещений», в соответствии с которым государственным организациям и юридическим лицам предоставлено право на получение субсидий в размере 50% ставки рефинансирования Национального банка для уплаты части процентов за пользование кредитами для последующего предоставления жилых помещений, возведенных или приобретенных с использованием субсидий, своим работникам.

Согласно п. 3 ст. 104, ст. 115, п. 3 ст. 117 ЖК жилые помещения социального пользования, жилые помещения государственного жилищного фонда в общежитиях, специальные жилые помещения не подлежат передаче в собственность, обмену, разделу, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Применительно к арендному жилью в ЖК аналогичной нормы нет. Ее содержал подпункт 1.2 Указа от 16 декабря 2013 г., но Указом Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2020 г. № 121 «О жилищных отношениях» (далее – Указ от 7 апреля 2020 г.) Указ от 16 декабря 2013 г. признан утратившим силу. Однако обмен арендного жилья запрещен ст. 75 ЖК. Его раздел возможен при наличии технической возможности по правилам ст. 17 ЖК о переустройстве и (или) перепланировке. Передача арендного жилья в собственность возможна в соответствии с Указами Президента Республики Беларусь.

Порядок отчуждения на возмездной основе, общий для всех жилых помещений республиканского жилищного фонда, установлен Указом Президента Республики Беларусь от 26 июля 2010 г. № 388 «О порядке распоряжения государственным жилищным фондом». Согласно этому Указу по решению Президента Республики Беларусь

осуществляется отчуждение на возмездной основе путем продажи на аукционе находящихся в собственности Республики Беларусь жилых помещений.

17 сентября 2018 г. вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь от 13 июня 2018 г. № 237 «О распоряжении государственным жилищным фондом», которым было установлено, что незаселенные жилые дома, квартиры, расположенные в сельской местности и находящиеся в собственности Республики Беларусь, доли в праве собственности на них могут быть проданы на аукционе, в том числе с начальной ценой, равной одной базовой величине, а также без проведения аукционов в случаях, предусмотренных этим Указом при условии их невостребованности в течение шести месяцев подряд и более и письменного отказа местных исполнительных и распорядительных органов от их приобретения в коммунальную собственность. Позже применительно к многоквартирным жилым домам и квартирам в блокированных жилых домах не только республиканского, но и коммунального жилищного фонда Указом от 7 апреля 2020 г. было установлено, что такие жилые помещения могут быть переданы по заявлениям их нанимателей, а при отсутствии нанимателей либо с их согласия – совершеннолетних членов их семей в их собственность при наличии в совокупности следующих условий:

- жилые помещения предоставлены этим гражданам во владение и пользование до 1 апреля 2014 г. (до даты вступления в силу Указа от 16 декабря 2013 г.);

- признание многоквартирных, блокированных жилых домов и их придомовых территорий, квартир в блокированных жилых домах не соответствующими установленным для проживания санитарным и техническим требованиям.

Передача в собственность жилых помещений осуществляется по договору купли-продажи, существенными условиями которого являются: обязанность покупателей по ремонту (реконструкции) жилых помещений, сроки проведения работ по ремонту (реконструкции) жилых помещений и ответственность за неисполнение обязательств. Жилые помещения передаются покупателю по оценочной стоимости, но не выше рыночной.

В целях обеспечения социально-правовых гарантий для военнослужащих в области жилищных отношений Указом Президента Республики Беларусь от 13 февраля 2023 г. № 7 «Об арендном жилье для военнослужащих» установлено, что арендное жилье, предоставленное в связи с характером служебных отношений, передается военнослужащим, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, в собственность по их заявлениям: при наличии 20 календарных лет выслуги на службе – на возмездной основе по оценочной стоимости, но не выше рыночной; при наличии 25 календарных лет выслуги – безвозмездно.

В целях создания дополнительных условий для обеспечения арендным жильем отдельных категорий граждан, а также повышения эффективности его использования издан Указ Президента Республики Беларусь от 27 января 2025 г. № 38 «Об особенностях предоставления и использования арендного жилья» (далее – Указ от 27 января 2025 г.), которым местные исполнительные и распорядительные органы наделяются правом при возведении ими многоквартирных жилых домов за счет бюджетных средств, а также средств, полученных от предоставления арендного жилья и иных источников, определять, что такие жилые дома (их части) предназначаются для проживания граждан наиболее востребованных должностей служащих (профессий рабочих) на условиях договора найма арендного жилья. Жилые помещения в таких домах предоставляются

гражданам на период трудовых отношений на основании решений районных, городских исполнительных комитетов, администраций районов г. Минска согласно спискам, формируемым на основании индивидуальных ходатайств государственных органов и организаций, с которыми эти граждане состоят в трудовых отношениях.

Указом Президента Республики Беларусь от 19 июня 2025 г. № 235 «Об изменении указов Президента Республики Беларусь» Указ от 27 января 2025 г. дополнен п. 11 следующего содержания: «Арендное жилье республиканского и коммунального жилищного фонда, расположенное в населенных пунктах с численностью населения до 20 тыс. человек (за исключением населенных пунктов Минского района), предоставленное на период трудовых отношений гражданам, относящимся к категории наиболее востребованных должностей служащих (профессий рабочих), передается в собственность этих граждан». Условия для предоставления арендного жилья в собственность нанимателю, порядок его предоставления и оплаты, иные имеющие отношение к предоставлению арендного жилья в собственность сведения, определены в приложении к Указу от 27 января 2025 г. в виде Порядка передачи арендного жилья в собственность граждан, относящихся к категории наиболее востребованных должностей служащих (профессий рабочих).

В Концепции государственной жилищной политики Республики Беларусь до 2030 г. (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 марта 2025 г. № 144) сообщается, что на конец 2023 г. в Республике Беларусь насчитывалось 4,4 млн. жилых помещений и 4,5 млн. домохозяйств – оптимальное соотношение потребности в жилье и наличии жилищного фонда в среднем по стране. В этой связи, основное внимание государства должно быть обращено не на валовые показатели строительства жилья, а на обеспечение им отдельных категорий граждан, нуждающихся в государственной поддержке, а также на реновацию существующих жилых домов, непригодных для проживания. Она указывает на необходимость наращивания объемов строительства арендного жилья и жилых помещений социального пользования, а также реновации жилья.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ТОКЕНЫ

С. П. Протасовицкий

*доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
hello@prata.me*

Автор дает определение токенов и теоретическое обоснование права собственности на них. По его мнению, право собственности на токены не тождественно праву собственности на вещи. Он приходит к выводу, что право собственности на токены подлежит защите обязательственно-правовыми способами. Предложена презумпция права собственности на токены, основанная на подтверждении технической возможности распоряжения ими. Научная значимость результатов состоит в развитии теории объектов цифрового имущества и прав на них.

Ключевые слова: токены; криптовалюта; вещи; право собственности; владение; контроль; виндикация; блокчейн.

Выявление и решение проблемных вопросов права собственности на определенный вид объектов зависит от понимания сути этих объектов, в нашем случае токенов. Последние имеют легальную дефиницию, закрепленную в п. 12 приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8: «цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой».

Как объясняет Л. Ю. Василевская, токен, будучи достаточно гибким цифровым инструментом, «дает возможность участникам цифрового гражданского оборота совершать в киберпространстве определенные (цифровые) действия (транзакции), прежде всего цифровые „сделки“» [1, с. 115]. Однако его правовая природа вызывает дискуссии.

По мнению Е. Н. Гладкой, «токены не могут быть отнесены к деньгам, в том числе электронным, ценным бумагам, иному имуществу, не признаются исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, а отнесение их к имущественным правам возможно лишь для целей налогообложения» [2, с. 60]. Под ними, полагает ученый, «следует понимать некий аналог деньгам или финансовый актив, представляющий собой цифровой ключ, с помощью которого осуществляется идентификация для доступа к определенному объекту» [2, с. 59–60]. О. М. Куницкая, устанавливая место токенов в системе объектов гражданских прав, видит их в «ином имуществе» [3, с. 36]. На взгляд О. В. Степанова и Д. Г. Цыганкова, токен заключает в себе «цифровой финансовый актив в виде единицы криптовалюты, структурно состоящий из строки (набора) сложных технических символов... и дающий его владельцу полномочия на объект имущественных гражданских прав в информационной системе» [4, с. 96].

С нашей точки зрения, токены – это объекты гражданских прав, создание, перевод и прекращение которых осуществляется в распределенной информационной системе посредством

цифровых (криптографических) технологий. В отличие от других объектов цифрового имущества, они существуют только в распределенной информационной системе. Она состоит из множества узлов, на каждом из которых хранится копия базы данных (файлов) системы.

Мы не можем согласиться с тем, что токены являют собой записи в информационной системе. Запись есть фиксация информации о токене, но не сам токен – нематериальный объект, обладающий меновой ценностью.

Согласно п. 3 приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8, субъектам гражданского права токены принадлежат «на праве собственности или на ином вещном праве». Однако в цивилистической традиции объектом права собственности выступают только вещи, а токены, будучи нематериальными объектами, к вещам не относятся. Здесь мы фиксируем проблему квалификации субъективного права на токены. По нашему мнению, это все же право собственности.

Так, гражданский оборот предполагает принятие каждым его участником дихотомии «свое – чужое». Свое может естественно принадлежать субъекту (нематериальные блага гражданина от рождения) или быть результатом присвоения чужого. В присвоенности, на наш взгляд, состоит сущность собственности. Как пишет С. Н. Братусь, «собственность – это состояние присвоенности материальных благ» [5, с. 21].

Присвоенность – отношение субъекта и объекта (присвоенного), детерминированное их свойствами. Они зависят от основания (характера) присвоения. Юридические свойства, думается, связаны с правом собственности. Переводя на юридический язык отношение к средствам производства «как к своим», А. В. Венедиктов поясняет: «... „своими“ средства производства являются для того, кто может использовать их своей... властью и в своем интересе» [6, с. 35], а «в сочетании своей власти и своего интереса заключается специфическое отличие права собственности...» [6, с. 39–40]. Следовательно, на одной стороне отношения у нас субъект, имеющий право собственности, а на другой – объект, которому свойственно находиться в собственности. Порожденная юридическим фактом и указанными свойствами связь субъекта и объекта являет собой юридическую принадлежность (присвоенность) имущества, или собственность.

Любой токен может быть присвоен, равно как и стать чужим, потому он способен находиться в собственности. Его невещественный характер не препятствует этому. Согласно ст. VIII.-1:202 Модельных правил Европейского частного права, включенных в Проект общей справочной схемы (англ. Draft Common Frame of Reference), право собственности (англ. *ownership*) есть наиболее полное право на имущество (англ. *property*), а последнее «может быть движимым и недвижимым, телесным и бестелесным» (*пер. мой – С. П.*) [7, с. 563]. В соответствии с § 353 Всеобщего гражданского уложения Австрии «все, что принадлежит кому-либо, включая телесные и бестелесные объекты, именуется его собственностью» (*пер. мой – С. П.*). «Бестелесность, – пишет С. Глисон (S. Gleeson), – не является препятствием к нахождению в собственности...» (*пер. мой – С. П.*) [8, с. 13].

Отметим, в отношении своего имущества собственник вправе совершать не определенные действия, а любые, «не противоречащие... не наносящие... и не ущемляющие...» (ч. 1 п. 2 ст. 210 ГК). Очевидно, что содержание права собственности (круг возможных действий) зависит от его объекта. Поэтому право собственности на токены и право собственности на вещи имеют общие признаки, но не тождественны.

Функциональным аналогом владения в отношении токенов выступает контроль над ними, что нашло отражение в секции 12-105 Единообразного торгового кодекса США и

п. 6 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. по цифровым активам и частному праву. Считается, что лицо контролирует токены, если имеет техническую возможность (1) извлекать выгоду от токенов, (2) препятствовать другим лицам в извлечении такой выгоды и (3) распоряжаться токенами.

Различие между правом на токены и правом на вещи проявляется в способах их защиты. Токены в отличие от вещей виндигировать нельзя. Полагаем, право собственности на токены подлежит защите обязательственно-правовыми способами: путем возврата неосновательного обогащения и взыскания убытков.

Между обладателем токенов и адресом в блокчейне, где они хранятся, должна быть связь, свидетельствующая о юридической принадлежности токенов этому обладателю. Однако в основе рождения токенов лежит идея сокрытия указанной связи. Как пишет разработчик биткойна, известный под псевдонимом Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto), «традиционная банковская модель поддерживает необходимый уровень конфиденциальности, предоставляя доступ к информации лишь сторонам и доверенному третьему лицу. Необходимость открытой публикации транзакций исключает такой подход, однако приватность по-прежнему можно сохранить, если публичные ключи будут анонимными. Открытой будет информация о том, что кто-то отправил кому-то некоторую сумму, но *без привязки к конкретным личностям (курсив мой – С. П.)*» [11, с. 6–7]. Отсюда возникает проблема публичности права собственности на токены. Мы видим следующее ее решение.

Каждому адресу в блокчейне соответствует приватный ключ. Обладание им обеспечивает контроль над токенами по данному адресу (техническую возможность распоряжения ими), что дает основания полагать наличие у контролирующего лица права собственности на токены. Подтверждением контроля может служить успешное совершение тестовой операции или подписание тестового сообщения.

Для контроля над токенами часто необходимо волеизъявление более чем одного лица (в современной практике нередко создают адреса, требующие использования нескольких приватных ключей, или прибегают к протоколу криптографического разделения ключа на доли). Кроме того, другое лицо может получить самостоятельный контроль над токенами, скажем, в результате предоставления ему кошелька с паролем, приватного ключа или мнемонической фразы. Тогда решение вопроса о личности собственника (собственников) зависит от условий соглашения контролирующих лиц и иных обстоятельств. В случае неправомерного получения контроля никаких прав и правомочий в отношении токенов не возникает. Следовательно, контроль не является достаточным основанием для признания права собственности на токены. Однако это не препятствует введению презумпции: лицо, подтвердившее в установленном порядке техническую возможность распоряжения токенами, находящимися по определенному адресу, признается, пока не установлено иное, собственником токенов по этому адресу. Для упомянутого подтверждения можно предусмотреть нотариальное действие – удостоверение технической возможности распоряжения токенами с выдачей нотариального свидетельства.

Изложенное применимо к тем случаям, когда известны личность и адрес, между которыми предполагается связь. При отсутствии сведений об одном из элементов требуется отыскать недостающий. Это актуально главным образом для публичного права.

Таким образом, токены – это объекты гражданских прав, создание, перевод и прекращение которых осуществляется в распределенной информационной системе посредством

цифровых (криптографических) технологий. Мы имеем догматические и теоретические основания утверждать, что субъективное право на токены есть право собственности, которое не тождественно праву собственности на вещи и подлежит защите обязательно-правовыми способами: путем возврата неосновательного обогащения и взыскания убытков. Считаем возможным ввести презумпцию: лицо, подтвердившее в установленном порядке техническую возможность распоряжения токенами, находящимися по определенному адресу, признается, пока не установлено иное, собственником токенов по этому адресу.

Библиографический список

1. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
2. Гладкая, Е. Н. Токен и криптовалюта в значении, определенном Декретом № 8: отдельные проблемы правоприменения / Е. Н. Гладкая // BENEFICIUM. – 2019. – № 1. – С. 53–66.
3. Куницкая, О. М. Цифровые знаки (токены) в системе объектов гражданских прав и как инвестиции по законодательству Республики Беларусь / О. М. Куницкая // Право.by. – 2020. – № 3. – С. 34–39.
4. Степанов, О. В. О формировании термина «цифровой знак (токен)» в юридической науке / О. В. Степанов, Д. Г. Цыганков // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2023. – № 6. – С. 92–98.
5. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.
6. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – М. : Статут, 2004. – Т. II. – С. 7–412.
7. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) : Outline Edition / ed. by C. von Bar and others. – Munich : Sellier. European Law Publishers GmbH, 2009. – 643 p.
8. Gleeson, S. The Legal Concept of Money / S. Gleeson. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 224 p.
9. Накамото, С. Биткойн: система цифровой пиринговой наличности / С. Накамото // Bitcoin Project. – URL: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (дата обращения: 29.06.2025).

ПРИНЦИП ВЗАИМНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. Н. Романова

*заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
RamanovaON@bsu.by*

Статья посвящена механизмам реализации принципа взаимности в международном гражданском процессе Республики Беларусь. Делается вывод, что на современном этапе развития цивилистического процессуального законодательства в данном механизме происходят серьезные изменения, вызванные необходимостью установления дополнительных гарантий защиты прав, свобод и законных интересов отечественных субъектов в условиях санкционного давления. Предлагается уточнить редакцию ряда норм цивилистического процессуального регламента, регулирующих порядок реализации взаимности в негативном и позитивном смыслах.

Ключевые слова: международный гражданский процесс; принцип взаимности; реторсии; контрсанкции.

Принцип взаимности закреплён в настоящее время в ст. 542 ГПК в качестве специального принципа международного гражданского процесса. КГС, который вступит в силу 1 января 2026 г. также пошел по пути легального закрепления указанного принципа наряду с иными специальными принципами международного гражданского процесса (ч. 2, ст. 504). Сущность взаимности состоит в предоставлении физическим и юридическим лицам иностранного государства определенных прав при условии, что физические и юридические лица государства, предоставляющего данные права, будут пользоваться аналогичными правами в данном иностранном государстве.

Действующее цивилистическое процессуальное законодательство не дает представления о том каковы пределы взаимности, как устанавливается взаимность. В настоящее время, действие принципа взаимности в Республике Беларусь специально оговаривается в отношении признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений (ст. 254 ХПК, ст. 545 ГПК, п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2014 г. № 18 «О применении судами законодательства о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений»). При этом, по мнению Верховного Суда Республики Беларусь, «в контексте рассмотрения дел о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений взаимность представляет собой процессуальную презумпцию, то есть наличие взаимности предполагается, если не доказано иное» [1, с. 24]. В КГС, наряду с закреплением анализируемого нами принципа в качестве одного из специальных принципов международного гражданского процесса в целом, взаимность упоминается отдельно в качестве основания оказания международной правовой помощи (ч. 2 ст. 524, ч. 6 ст. 525, ч. 2 ст. 526), а также признания и приведения в исполнение решений иностранных судов, иностранных третейских судов (арбитражей) (ч. 1 ст. 527).

Необходимость закрепления принципа взаимности в качестве специального принципа международного гражданского процесса сомнений не вызывает и вызывать, по нашему убеждению, не должно. Принципиального несоответствия принципа взаимности принципу предоставления иностранным лицам национального режима, мы не усматриваем и полагаем вполне оправданным и необходимым наличие у государства права применять реторсии (так называемая, взаимность в негативном смысле). Действующее цивилистическое процессуальное законодательство и КГС наделяет правом устанавливать ответные ограничения (реторсии) в отношении иностранных лиц тех иностранных государств, в которых допускаются специальные ограничения гражданских процессуальных прав граждан и организаций Республики Беларусь Правительство Республики Беларусь (ч. 3 ст. 541 КГС, ч. 4 ст. 242 ХПК, ч. 4 ст. 503 КГС).

Введение отдельными государствами в отношении Республики Беларусь санкций (ограничительных мер) оценивается нашим государством в качестве одной из основных угроз национальной безопасности (п. 29 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь). Оказавшиеся под санкциями физические лица или компании часто лишены возможности обращаться в иностранные суды, сталкиваются с трудностями в получении надлежащей юридической помощи, в проезде для представления своих доводов и в переводе денежных средств для уплаты судебных издержек и покрытия расходов по судебному или торговому арбитражу [2]. В связи с этим, применительно к сфере законодательства о национальной безопасности поставлена задача усилить правовыми средствами обеспечение различных сфер национальной безопасности, с тем, чтобы законодательство позволяло не только оперативно реагировать на любые вызовы и угрозы, но и профилировать, предупреждать возможные риски (подпункт 42.1. Концепции правовой политики Республики Беларусь). Кроме того, необходимо отметить, что 22 ноября 2024 г. в г. Бресте по результатам ежегодного совместного заседания коллегии МИД Республики Беларусь и коллегии МИД Российской Федерации под руководством глав внешнеполитических ведомств двух стран была принята Декларация Российской Федерации и Республики Беларусь о повышении роли международного права и о руководящих принципах, касающихся квалификации односторонних принудительных мер в качестве противоправных, а также путей и средств противодействия, смягчения и компенсирования негативных последствий таких мер (Совершено в г. Бресте 22 ноября 2024 г.) (далее – Декларация). Применительно к исследуемому нами вопросу в Декларации было отмечено, что Российская Федерация и Республика Беларусь заявляют о недопустимости создания препятствий в связи с односторонними принудительными мерами для доступа физических и юридических лиц к правосудию, реализации права на справедливое судебное разбирательство, к мерам защиты прав, а также для привлечения к ответственности и получения возмещения причиненного ущерба (подпункт 2.3.); любое решение иностранного суда, вытекающее из применения национальных законов, указов и постановлений, предусматривающих принятие односторонних принудительных мер в отношении других государств или иных субъектов международного права, не должно ни признаваться, ни исполняться национальными компетентными органами (п. 5).

В настоящее время в Республике Беларусь принят целый ряд нормативных правовых актов, направленных на защиту национальных интересов и безопасности Респуб-

лики Беларусь, ее суверенитета и территориальной целостности, политической и экономической стабильности, прав, свобод и законных интересов граждан и организаций Республики Беларусь. При этом, одним из важных элементов системы контрсанкционного правового регулирования Республики Беларусь являются новеллы цивилистического процессуального законодательства, предусматривающие:

- новые основания исключительной подсудности судам Республики Беларусь дел по отдельным категориям споров (ст. 10 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2023 г. № 280-З «О применении специальных ограничительных мер» (далее – Закон о применении специальных ограничительных мер));

- новый юридический инструмент, позволяющий установить запрет инициировать или продолжать разбирательство по отдельным категориям споров (ст. 11 Закона о применении специальных ограничительных мер);

- приостановление исполнения исполнительных документов, выданных (вынесенных) в пользу резидентов иностранных государств, совершающих в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц недружественные действия, по перечню таких государств, определенному Советом Министров Республики Беларусь (Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 137 «Об исполнительных документах»).

Таким образом, в механизме реализации принципа взаимности в международном гражданском процессе Республики Беларусь в настоящее время происходят серьезные изменения, вызванные, в первую очередь, необходимостью установления дополнительных гарантий защиты прав, свобод и законных интересов отечественных субъектов в условиях санкционного давления. В остальном же, ответ на вопрос о пределах применения взаимности очевидным для нас не является: в частности, возможность и пределы его применения при производстве дела в суде первой инстанции, в рамках оказания правовой помощи в форме судебных поручений. На наш взгляд, механизмы реализации и пределы действия взаимности должны зависеть от вида взаимности (негативная или позитивная). Обращение к взаимности в негативном смысле должно быть возможно только в случаях, прямо предусмотренных законодательными актами (в этой связи, полагаем необходимым внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 541 КГС), в то время, как обращение к взаимности в позитивном смысле должно относиться к судебскому усмотрению и иметь самые общие ограничения, а именно, если это не противоречит основным принципам законодательства и (или) публичному порядку Республики Беларусь (данное правило также должно, с нашей точки зрения, найти отражение в КГС).

Библиографический список

1. Судебная практика по гражданским и экономическим делам о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2015. – № 1. – С. 23–33.

2. Довгань, Е. Ф. Доступ к правосудию в условиях односторонних санкций и их избыточного соблюдения : доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань // ООН. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/79/183> (дата обращения: 05.06.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Н. В. Сирик

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета истории и права
Смоленского государственного университета; доцент кафедры гражданского права
и процесса Смоленского филиала Международного юридического института,
кандидат юридических наук, доцент
nsirik@yandex.ru*

А. С. Кусков

*председатель Саратовской региональной общественной организации
«Центр правовой защиты потребителей»,
начальник департамента внутреннего мониторинга качества образования
Федерального ресурсного центра подготовки кадров для индустрии туризма
и гостеприимства при Российском государственном университете туризма и сервиса,
кандидат культурологии
askuskov@mail.ru*

В статье рассматриваются как договоры, опосредующие предоставление как комплекса услуг, образующих туристский продукт, так и иные договоры, заключаемые при оказании отдельных туристских услуг, а также особенности их регламентирования в законодательстве Российской Федерации. Используя компаративистский метод, авторы анализируют особенности туристского законодательства РФ и Республики Беларусь.

Ключевые слова: договор о реализации туристского продукта; туристская индустрия; туристский продукт; туроператор; владелец агрегатора информации о туристских услугах.

Наличие в туристской индустрии значительного количества субъектов (туроператоров, турагентов и контрагентов), а также, с другой стороны, туристов как потребителей туристских услуг, обуславливает широкое разнообразие заключаемых договоров. Данное обстоятельство затрудняет защиту прав и законных интересов туристов, в связи с чем существующая в Российской Федерации договорная система, особенно в условиях постоянной диверсификации туристских правоотношений, требует ее унификации и совершенствования. Согласно Федеральному закону от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон «Об основах туристской деятельности в РФ») основным договором, затрагивающим интересы туриста и требующим особого регулирования, является договор о реализации туристского продукта. При этом отметим, что действующее российское законодательство о туризме не предусматривает заключения с туристами иных видов договоров.

Туроператор вправе заключать договоры с туристом как непосредственно, так и при посредничестве турагента. В зависимости от предмета договора – а это туристский продукт, либо отдельные туристские услуги, не формирующие туристский продукт, – заключается или договор о реализации туристского продукта, или договор возмездного оказания услуг (договор туристского обслуживания). Но Закон «Об основах

туристской деятельности в РФ» квалифицирует правоотношения в качестве туристских только через призму туристского продукта, а предоставление отдельных туристских услуг регламентируется правилами оказания отдельных туристских услуг (экскурсионных, ресторанных, гостиничных, транспортных и т. д.).

Определение юридической сущности и предмета договора о реализации туристского продукта требует анализа экономических отношений, которые он регулирует. Такое соглашение служит не только ключевым правовым механизмом для достижения конкретного результата, но и выполняет функцию гражданско-правового средства защиты прав и интересов туристов в процессе совершения путешествия, что определяет важность его тщательного исследования.

Анализируя объект правоотношения между туроператором и туристом, важно исходить из понятия объекта обязательственного правоотношения как блага, которое составляет непосредственный интерес для управомоченного субъекта, и по поводу которого субъекты правоотношения осуществляют деятельность в процессе реализации субъективных гражданских прав и обязанностей. Так, к отдельным туристским услугам могут относиться услуги по размещению, питанию, перевозке, экскурсионные услуги, услуги гидов-переводчиков и иные услуги, направленные на удовлетворение потребностей туристов в совершении ими путешествий. Таким образом, комплекс из вышеназванных услуг может являться и предметом договора о реализации туристского продукта – если речь идет о совокупности услуг размещения и перевозки, и предметом договора туристского обслуживания – в том случае, если речь не идет о комплексе услуг, не являющемся туристским продуктом.

Квалификация комплекса услуг, образующих туристский продукт, и совокупности туристских услуг, не образующих туристский продукт, важна для определения норм законодательства, которыми будут регулироваться данные правоотношения, и установления того, вносятся ли сведения в единую информационную систему электронных путевок. Актуализировался вопрос такого разграничения между туристскими продуктами и иными комплексами туристских услуг в последние годы в сфере внутреннего туризма, так как именно внутренние туры в большинстве своем не предусматривают предоставление туристам в пакете с услугами размещения услуг перевозки.

В 2024 г. для целей разграничения туристского продукта в сфере въездного и внутреннего туризма и туристского продукта в сфере выездного туризма был внесен проект Федерального закона № 918087-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», который уже успешно прошел первое чтение в Госдуме. В нем предлагается изменить понятие туристского продукта, которое в Законе о туризме сегодня определяется как «комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта». Вместо этого определения предлагается разделить понятие туристского продукта для внутреннего и въездного туризма, заменив применительно к внутреннему и въездному туризму формулировку «перевозка и размещение» на «размещение и любая другая услуга» (например, трансфер или экскурсия и прочее).

Не все теоретики и практики в сфере туризма соглашаются с такими изменениями. Так, по мнению Ассоциации туроператоров России (АТОР) внесение изменения в определение туристского продукта в отраслевом законе может привести к росту случаев незаконного предпринимательства и оказания некачественных услуг в этой сфере, так как

резко расширит число субъектов предпринимательской деятельности, которые должны получать статус туроператора. Не согласны с таким неоднозначным подходом к определению туристского продукта и в другом отраслевом объединении – Альянсе туристических агентств (АТА), указывающем, в том числе, и на то, что при реализации данной новеллы будет снижена роль турагентов на рынке услуг.

Мы тоже не совсем согласны с внесенной законодательной инициативой по ряду причин: во-первых, внесенная дефиниция туристского продукта существенно «размывает» границы туризма и туристской деятельности, а ведь для того чтобы потребитель стал туристом его надо переместить в иное место временного пребывания – то есть оказать ему услугу перевозки, и разместить его в месте, являющемся целью поездки – то есть предоставить ему услугу размещения; во-вторых, первичной в туризме в целом и в туристском продукте в частности, является именно услуга перевозки, так как в законодательных определениях туризма и туриста «размещение» отнесено к вариативным признакам, тогда как приоритетным является признак нахождения туриста в месте временного пребывания более 24 часов; в-третьих, предложенное понятие, с одной стороны, «разрушает» туристский продукт в классическом его понимании, и, с другой стороны, в ряде случаев неоправданно расширяет субъектный состав туристской индустрии, включая в него средства размещения, санаторно-курортные организации, транспортные компании и даже турлидеров – физических лиц, предоставляющих отдельные туристские услуги. Как вывод, считаем, что такое определение туристского продукта не решит всего комплекса проблем, характерных, в том числе, и для внутреннего туризма.

В Беларуси наблюдается иной подход, который снимает многие из названных выше проблем – а именно, конечный результат путешествия декларируется через понятие услуги. Так, в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 11 ноября 2021 г. № 129-З «О туризме» (далее – Закон о туризме) содержится понятие «туристическая услуга», включающая перевозку, размещение, экскурсионную и иную услугу, оказание которой в комплексе туристических услуг позволяет совершить туристическое путешествие, и понятие «комплекс туристических услуг» как совокупность двух и более названных туристических услуг. Такой «комплекс», согласно Закону о туризме, формируется исключительно туроператором. В настоящее время в связи с развитием новых видов туризма (промышленный, сельский, научно-популярный, патриотический, экологический туризм) появляются новые субъекты, предоставляющие комплексы туристских услуг, не являющиеся туристскими продуктами. Например, принятие указанного выше проекта Федерального закона в существующем виде потребует от фермерских хозяйств, оказывающих туристские услуги, получать статус туроператора, что для них неприемлемо в большинстве случаев. В Республике Беларусь договоры в сфере сельского туризма регламентированы типовой формой договора на оказание услуг агроэкотуристам, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 декабря 2022 г. № 860 «О реализации Указа Президента Республики Беларусь от 4 октября 2022 г. № 35».

В российском законодательстве какая-либо регламентация договорных отношений в этой сфере отсутствует, но при этом в ст. 1 Закона «Об основах туристской деятельности в РФ» представлено определение сельского туризма, из которого, опять-таки, вытекает обязанность субъектов сельского туризма становиться туроператорами и турагентами при формировании, продвижении и реализации туристских продуктов. Не теряет актуальности и вопрос о формировании и реализации комплексов из отдельных туристских услуг, не образующих в совокупности туристский продукт, или же,

в ряде случаев, подменяющих туристский продукт (в первую очередь, через аффилированность юридических лиц, либо через создание комплексов из услуг, приобретаемых у отдельных их исполнителей).

На наш взгляд, в ст. 1 Закона «Об основах туристской деятельности в РФ» необходимо ввести понятие нового субъекта туристской индустрии – организатора туризма, который сможет формировать и предоставлять комплексы из отдельных услуг, не образующих в совокупности туристский продукт. Соответственно, такие организаторы туризма будут заключать с туристами не договор о реализации туристского продукта, а договор на туристское обслуживание. Такой же договор могут заключать и туроператоры, которые будут формировать и реализовывать эти комплексы туристских услуг. По аналогии с договором о реализации туристского продукта важно установить ответственность организатора туризма за все услуги, входящие в комплекс туристских услуг, и такая же по своему объему ответственность будет предусмотрена Законом «Об основах туристской деятельности в РФ» и для туроператоров.

Еще одной проблемой является правовое регулирование единичных туристских услуг, которые не образуют в совокупности туристский продукт. Показателен в таком случае пример Беларуси, в законодательстве которой определены и регламентированы две договорные конструкции, в рамках которых реализуются либо услуги, связанные с организацией туристского обслуживания, либо комплекс услуг, состоящий из нескольких услуг (ст. 23 Закон о туризме). В России такими комплексными по своему характеру услугами являются услуги отпускного размещения, таймшера, клубного отдыха, а также так называемые программы наземного обслуживания, предлагаемые как российскими туроператорами, так и зарубежными туроператорами, ведущими деятельность по приему российских туристов.

В российской практике договоры на комплексное обслуживание наиболее часто заключаются в гостиничной сфере, а их предметом является предоставление не гостиничных услуг, а гостиничного продукта, зачастую включающего, наряду с услугами размещения, еще и услуги питания, анимационно-досуговые, трансферные и иные услуги.

С развитием цифровых технологий многие сферы жизнедеятельности переходят в интернет-пространство, когда, например, огромное количество договоров в сфере туризма заключается на агрегаторах и маркетплейсах, таких как МТС Travel, Травелата, Суточно, Левел-трел и т.д. Тем не менее, деятельность агрегаторов и маркетплейсов не регулируется отраслевыми нормами, которые распространяются на туристские компании. С одной стороны, они не проходят регистрацию как туроператоры, не обязаны предоставлять финансовые гарантии, вносить сведения в Единый федеральный реестр туроператоров или государственную информационную систему «Электронная путевка». Это позволяет таким платформам минимизировать издержки, связанные с соблюдением государственных требований, а на сформированные таким образом комплексные туры не распространяются и нормы туристского законодательства, касающиеся защиты прав туристов.

Продавец обязан заключить с клиентом договор, где исполнителем может быть только туроператор, включенный в Единый федеральный реестр туроператоров. Однако, если услуги по перевозке и размещению оказываются одним и тем же туристам на одинаковые даты, но от разных юридических лиц, такая схема может быть расценена как притворная сделка, направленная на реализацию туристского продукта без регистрации в реестре туроператоров (ЕФРТ). Это многократно уже разъясняли Верховный Суд РФ, Роспотребнадзор, Министерство экономического развития РФ.

Итак, можно сделать следующие важные выводы:

1) Существующая система туристских правоотношений в России постоянно диверсифицируется и углубляется, что сопровождается и значительным расширением субъектного состава туристской индустрии, в который постепенно «втягиваются», наряду с туроператорами и турагентами, также владельцы агрегаторов, цифровые площадки, исполнители отдельных услуг и их комплексов, отвечающие целям путешествий туристов. В этой связи законодательство о туризме должно оперативно реагировать соответствующими изменениями, приоритетным из которых, на наш взгляд, является расширение предмета регулирования – от только туристского продукта к иным комплексам туристских услуг и отдельным услугам, которые удовлетворяют потребности граждан в путешествиях;

2) в сфере внутреннего и въездного туризма более 80% туров не отвечают законодательным признакам туристского продукта, так как в их структуре отсутствуют услуги перевозки, приобретаемые самостоятельно. Для регулирования таких правоотношений считаем целесообразным: а) дополнить ст. 1 Закона «Об основах туристской деятельности в РФ» дефинициями «комплекс туристских услуг», «туристская услуга», «комплексная транспортно-туристская услуга» (применительно к организациям-перевозчикам, предоставляющим туристские услуги в процессе перевозки), б) изложить в иной редакции дефиницию понятия «туристский продукт»; в) законодательно определить перечень конкретных (а не любых и не всех подряд) туристских услуг, из которых могут быть сформированы комплексы туристских услуг;

3) действие Закона «Об основах туристской деятельности в РФ» необходимо распространить и на новых субъектов туристской индустрии: а) организаторов туризма, определить которых следует в ст. 1 вышеуказанного закона в качестве субъектов туристской индустрии, формирующих, продвигающих и реализующих комплексы туристских услуг, не являющиеся туристскими продуктами; б) владельцев агрегаторов информации о туристских услугах, в отношении которых должен быть установлен прямой запрет на формирование и реализацию туристских продуктов и комплексов туристских услуг; в) исполнителей отдельных туристских услуг (в первую очередь, экскурсионных, гостиничных и транспортных услуг), предусмотрев для них прямой запрет на формирование и реализацию туристских продуктов и комплексов туристских услуг;

4) Закон «Об основах туристской деятельности в РФ», учитывая предлагаемые выше к внесению в него новеллы, необходимо дополнить двумя новыми договорными конструкциями – договором на туристское обслуживание (предоставление комплекса туристских услуг), который могут заключать с туристами туроператоры и организаторы туризма, и договором возмездного оказания услуг (отдельных туристских услуг), заключаемым как туроператорами и организаторами туризма, так и иными субъектами туристской индустрии (средствами размещения, владельцами агрегаторов, самозанятыми экскурсоводами, предприятиями питания, транспорта и т. д.).

ИЗМЕНЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. В. Ульянова

доцент кафедры гражданского права

Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева,

кандидат юридических наук, доцент

maryulianova14@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена совершенствованием правового регулирования и потребностью осознания условий брачных договоров как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь, что взаимосвязано с возможностью популяризации института и заимствованием удачных правовых решений. В работе осмысливается осуществление имущественных прав супругов, в том числе супруга, ведущего домашнее хозяйство и осуществляющего уход за детьми.

Ключевые слова: брачный договор; изменение и расторжение договора; осуществление имущественных прав супругов; режим имущества супругов.

Интерес к институту брака приобретает новые аспекты. Семья, основанная на браке, является приоритетом государственной политики как в РФ (закреплено среди национальных целей развития до 2030 г. Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» выделена поддержка семьи (п. 1 «а»)), так и в Республике Беларусь (ст. 1 КоБС), поэтому и необходимость исследования различных видов семейных правоотношений, в том числе имущественных, на которые оказывает воздействие индивидуальное правовое регулирование, при расширяющейся свободе усмотрения субъектов семейных правоотношений [1, с. 173], видится значимой.

Интерес для сравнительного анализа представляет брачный договор, допускаемый законодательством и России, и Беларуси. Брачный договор позволяет отойти от режима, предусмотренного законом, создав индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений.

Современное правовое регулирование брачного договора в Республике Беларусь и в Российской Федерации на первый взгляд имеет ряд общих черт. Одним из важных моментов является возможность изменения или расторжения брачного договора. Внести изменения или расторгнуть брачный договор можно по взаимному согласию сторон, либо в судебном порядке по требованию одной из заинтересованных сторон. Интерес представляет применение ст. 43 СК РФ, отсылающей к ст. 451 ГК РФ, и ст. 13 КоБС, отсылающей к главе 29 ГК. Суды крайне редко изменяют или расторгают брачные договоры по требованию одного из супругов [2; 3, с. 30–31]. Не менее важным является признание брачного договора недействительным, что предусмотрено в ст. 13 КоБС и в ст. 44 СК РФ. В ст. 44 СК РФ содержится указание на основание признания его недействительным, если условия брачного договора ставят супруга в крайне неблагоприятное положение. КоБС не содержит указаний для признания его таковым, что позволяет предположить, что суд использует гражданско-правовые основания.

Вместе с тем, следует отметить, что в интересах кредиторов, судебная практика признания брачных договоров недействительными возможна по трем основаниям, которые являются гражданско-правовыми и защищают интересы кредиторов. К ним относятся основания, предусмотренные главой 9 ГК РФ, либо ст. 10 ГК РФ, главой III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что подтверждается и судебной практикой.

В. А. Рясенцев, описывая брак в советский период, констатировал, что это «в принципе пожизненный союз» [4, с. 70], но, как и до революции, в советский период, так и в настоящее время ситуации семейного разлада имеют место, и раздел имущества как в браке, так и после брака случается. При нормальном течении супружеской жизни, супруги и далее пользовались бы имуществом, в некоторых случаях не задумываясь о его принадлежности. В советский период не велась предпринимательская (хозяйственная) деятельность физическими лицами. Поэтому вопросы раздела имущества не были осложнены существованием различных видов имущества и его режимов. Потребность в создании альтернативного режима (договорного режима) относительно совместной собственности супругов возникает с момента развития рыночной экономики. Интерес к дискуссии о правовой природе брачного договора проявляется в конце 1990-х гг., начале 2000-х гг. [5; 6; 7; 8]. Одни авторы полагают, что это разновидность особого гражданско-правового договора и на него распространяется гражданско-правовой механизм [9, с. 100; 10, с. 9], относят его к гражданско-правовой сделке с особенностями субъектного состава [11, с. 11], семейно-имущественной сделке [12, с. 10]. Некоторые авторы в момент принятия норм СК РФ, при отсутствии правоприменения, комментируя СК не отрицали возможности применения гражданско-правового регулирования к брачному договору, но считали необходимостью учитывать особенности семейных отношений [13, с. 122]. Третья группа – полагает, что у него смешанный характер [6; 14; 15, с. 27–30]. Дискуссия не исчерпана и продолжается до сих пор, поддерживаем М. П. Короткевич, которая высказала мысль, что это семейно-правовой договор [16, с. 176]. Полагаем, что изменение представлений о правовой природе, позволит не отсылать к гражданского законодательству, а использовать самостоятельные семейно-правовые основания для изменения и расторжения брачного договора, что позволит защитить имущественные права обоих супругов.

Ст. 451 ГК РФ и ст. 421 ГК предусмотрена возможность изменения или расторжения договора по требованию одной из сторон договора судом в случае существенного изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора. Однако такие обстоятельства свойственны гражданско-правовым отношениям, основанным на конъюнктуре рынка [13, с. 123], и не отражают существа семейных отношений. Как выход для конкретного брачного договора видится ситуация, когда стороны при заключении договора оговаривают, или как пишут авторы, желательно чтоб оговорили [15, с. 27–31] какие нарушения существенны и могут явиться основанием изменения или расторжения договора. Например, в предмет брачного договора в РФ входят только вопросы имущественного характера, в то время как в КоБС предмет договора шире. Поэтому, такая причина как измена одного из супругов или иное недобросовестное поведение одного из супругов может стать основанием изменения или расторжения в Республике Беларусь и не может в РФ.

Супруги, согласно семейному законодательству (п. 2 ст. 31 СК РФ, ст. 20-1 КоБС), равны, поэтому включать условия, которые будут ставить одного из супругов в заведомо неравное положение, противоречит существу семейных отношений. В настоящее время положение супругов, заключающих брачный договор, рассматривается как заключение договора между двумя равными дееспособными лицами, относится к сфере частноправового регулирования.

Одним из случаев существенного изменения обстоятельств для семейных отношений может быть ухудшение отношений между супругами. Расторжение брака зачастую проходит конфликтно, в том числе в силу раздела имущества. Поэтому сторона, задумываясь о расторжении брака, не заключила бы договор на подобных условиях, или заключила на значительно отличающихся условиях (особенно когда супруги ведут предпринимательскую деятельность).

Супруги, заключая брачный договор, в том числе имеют целью обособить имущество, необходимое для ведения предпринимательской деятельности, например, исключив его из имущества на которое будет обращено взыскание, либо не обращаться за согласием супруга при совершении сделок, возможностью получить кредит в банке и т.д., что обосновано экономической выгодой физического лица и семьи в целом (на благо обоих супругов и их несовершеннолетних детей) (уместно вспомнить о знаменитой виндшейдовской теории предположений и доктрину П. Эртманна в данном случае важным становится субъективный элемент заинтересованной стороны: на что сторона рассчитывала и в чем заключались ее цель и интерес; категории «интерес» и «цель» брачного договора заслуживают отдельного и обстоятельного исследования [17, с. 151–166]).

Другой пример, когда молодые, вступая в брак, желают заключить брачный договор и рассчитывают на свои профессиональные способности, планируют реализовать себя и получать доход. При равенстве мужчин и женщин не каждая жена готова или способна остаться в профессии после рождения детей, и не каждый мужчина ради ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми откажется от карьерного роста [18, с. 239–247]. Традиционно принята модель оформлять недвижимость на мужчину. Как результат за годы нажитое имущество в виде жилого помещения и других ценных вещей, зарегистрировано и является собственностью одного супруга [19, с. 6–16]. Имущество семьи имеет функционально социальное назначение, оно в ряде случаев предназначается для удовлетворения нужд как супруга, так и нетрудоспособных и несовершеннолетних членов семьи (у супругов могут быть дети и их совершеннолетние дети-инвалиды), за которыми осуществляется уход. Поэтому при расторжении брака, когда супруг осуществлял ведение домашнего хозяйства и заботился о детях, он мог бы в судебном порядке ставить вопрос о изменении или расторжении брачного договора, защищая свои имущественные права. Для осуществления имущественных прав супругов в РФ значимо, что в крайне неблагоприятном положении супруг оказывается не в момент заключения брачного договора, а при расторжении брака и исполнении брачного договора. Логично такое основание рассматривать не как основание для признания брачного договора недействительным, а как основание для его изменения или расторжения.

Полагаем возможным сделать ряд выводов. Правовое регулирование брачного договора РФ и Республики Беларусь имеет сходные элементы, но и различия, которые

интересны для исследования. Поддерживая подход о семейно-правовой природе брачного договора, думается, следует учитывать семейно-правовые основания для признания брачного договора недействительным. Отсылка к ГК РФ и ГК для изменения и расторжения брачного договора не отражает существа семейных отношений. Основания для изменения и расторжения брачного договора не только могут быть указаны в брачном договоре, их следует закрепить в правовом регулировании. Таким основанием может являться крайне неблагоприятное положение стороны в результате исполнения брачного договора. Подобный подход позволит защитить права супруга, который осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода. Поэтому для правовых систем обоих государств видится возможным совершенствование института брачного договора.

Библиографический список

1. Короткевич, М. П. Договорное регулирование личных неимущественных прав и обязанностей родителей в брачном договоре и соглашении о детях / М. П. Короткевич // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы междунар. круглого стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 172–183.
2. Личные и имущественные правоотношения супругов : учебное пособие / К. М. Арсланов, З. А. Ахметьянова, А. Г. Демиева и др. ; отв. ред. О. Н. Низамиева. – М. : Проспект, 2023. – 128 с.
3. Низамиева, О. Н. О гарантирующем эффекте договоров в семейном праве / О. Н. Низамиева // Российская юстиция. – 2021. – № 6. – С. 30–31.
4. Рясенцев, В. А. Семейное право / В. А. Рясенцев. – М. : Юрид. лит., 1971. – 200 с.
5. Чашкова, С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Чашкова Светлана Юрьевна. – Москва, 2004. – 23 с.
6. Максимович, Л. Б. Брачный договор в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Максимович Любовь Борисовна ; Инст. гос. и права Рос. Акад. наук. – Москва, 2002. – 179 с.
7. Дороженко, С. С. Правовое регулирование брачного договора: теоретический и практический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дороженко Сергей Сергеевич ; Инст-т экономики упр. и права Рос. гос. гум. ун-та. – Москва, 2007. – 202 с.
8. Ласковенко, Д. А. Брачный договор в системе института охраны и защиты семьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ласковенко Денис Андреевич ; Моск. ун-т МВД России. – Москва, 2007. – 24 с.
9. Гонгало, Б. М. Семейное право : Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / Б. М. Гонгало [и др.] / Под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2008. – 300 с.
10. Толстикова, О. М. Правовая природа брачного договора в Российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Толстикова Ольга Михайловна ; Рос. Акад. гос службы при Президенте РФ. – Москва, 2006. – 32 с.
11. Сляднева, Н. А. Брачный договор по законодательству РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Сляднева Наталья Алексеевна ; Рос. гос ин-т интел.собств. – Москва, 2007. – 23 с.
12. Ништ, Т. А. Семейно-имущественные сделки в законодательстве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ништ Татьяна Александровна ; Рос. гос. соц. ун-т. – Москва, 2010. – 30 с.
13. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. И. М. Кузнецова. – М. : БЕК, 1996. – 512 с.
14. Левушкин, А. Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах. – участниках СНГ и Балтии : учебно-практ. пособие. – М. : Юстицинформ, 2012. – 208 с.

15. Левушкин, А. Н. Проблемы применения и пути совершенствования законодательного регулирования института брачного договора / А. Н. Левушкин // Нотариус. – 2011. – № 4. – С. 27–31.
16. Короткевич, М.П. Кодексу Республики Беларусь о браке и семье 25 лет: традиции, ценности и развитие / Современное частное право: вызовы и преемственность : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовой информации Респ. Беларусь ; под ред. М. В. Мещановой [и др.]. – Минск : НЦЗПИ, 2024. – С. 440–450.
17. Кривцов, А. С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве / А. С. Кривцов – М. : Статут, 2003. – 314 с.
18. Ульянова, М. В. Материнство и отцовство в правовом контексте: возможно ли фактическое и юридическое равенство? / М. В. Ульянова // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Серия: Право. – 2025. – № 1(81). – С. 239–247.
19. Румак, В. Потенциал Семейного кодекса не используется до конца [Интервью с М. В. Антокольской] / В. Румак // Закон. – 2018. – № 6. – С. 6–16.

ТОПОЛОГИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ МИКРОСХЕМЫ КАК ОБЪЕКТ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

К. К. Уржинский

*доцент кафедры права интеллектуальной собственности
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
mary1998@mail.ru*

В статье изложен ряд вопросов, связанных с проблематикой правовой охраны топологий интегральных микросхем. Проведен историко-правовой и сравнительно-правовой анализ норм международного права, законодательства Республики Беларусь и ряда зарубежных стран в соответствующей сфере. В процессе исследования были изучены некоторые мнения белорусских и российских авторов, сделаны выводы о перспективах оптимизации законодательства Беларуси в области охраны топологий интегральных микросхем.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; промышленная собственность; автор; правообладатель; исключительное право; интегральная микросхема; топология интегральной микросхемы.

История становления и развития интегральной микросхемы как научно-технического решения и её топологии, как объекта правовой охраны, относительно молода в сравнении с другими объектами права ИС. Так, с момента принятия в Англии Статута о монополиях 1624 г. и Статута королевы Анны 1710 г., которые являются первыми специальными актами писанного права в этой сфере, и до настоящего времени прошло несколько веков [1, с. 11]. Однако появление и широкомасштабное использование топологий интегральных микросхем (далее – ТИМ), как объекта права, приходится на вторую половину XX в. Старт и дальнейшее развитие юридических исследований также соотносится с данными временными рамками. Отметим определенную активность российских авторов, которые предпринимали неоднократные попытки научных изысканий различных аспектов ТИМ [2, с. 13–29; 3, с. 6–37; 4, с. 213–218; 5, с. 83–84]. Определенный вклад в изучение проблемы внесли и белорусские правоведы, в частности, И. В. Попова [6, с. 179–182], С. С. Лосев [7], Е. Б. Леанович [8].

Абстрагируясь от нормативных дефиниций ТИМ, отметим, что интегральная микросхема представляет собой совокупность электрически связанных компонентов (транзисторов, диодов, резисторов и др.), изготовленных в едином технологическом цикле на единой полупроводниковой основе (подложке). Одной из главных идей микроэлектроники является интеграция компонентов. Появление интегральных микросхем – это своего рода научно-техническая революция, которая дала импульс стремительному развитию других сфер человеческой деятельности и отраслей экономики на международном и национальном уровне.

Создание экстраординарных научно-технических новаций потребовало соответствующего правового обеспечения как на национальном, так и на наднациональном уровне. В данном случае международное право не отличается многообразием и представлено следующими актами. Как известно, «первопроходец» – Парижская конвенция по охране промышленной собственности (заключена в г. Париже 1883 г.) не упоминает в качестве объектов ТИМ

(не в ее первоначальной, не в последующих редакциях). К числу актов международного права универсального характера относятся: Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 1994 г.) (далее – Соглашение ТРИПС) (раздел 6, ст. 35–38); тематически направленный Договор об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем (принят в г. Вашингтоне 1989 г.) (далее – Вашингтонский договор) (не вступил в силу) [10]. Среди региональных актов можно отметить Директиву Совета № 87/54/ЕЕС 1986 г. о правовой охране топологий полупроводниковых продуктов, Договор о ЕАЭС (Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности», пп. 34–38) (далее – Договор о ЕАЭС).

Наряду с международным правом с 80-х гг. XX в. начинают формироваться национальные законодательства. Первый специальный акт от 8 ноября 1984 г. был принят в США о защите полупроводниковых продуктов и чипов. Далее последовала Япония – Закон от 31 мая 1985 г. «О регистрации топологий интегральных полупроводниковых микросхем». Аналогичное законодательство имеется также и в других государствах: ФРГ – Закон от 22 октября 1987 г. «О защите топологий микроэлектронных полупроводниковых изделий»; Закон Республики Корея от 8 декабря 1992 г. «О топологиях интегральных полупроводниковых микросхем»; Австралия – Закон от 22 мая 1989 г. «О топологиях интегральных микросхем». Как мы видим, политико-правовая карта ТИМ достаточно широка и представлена самыми различными государствами и регионами.

Анализ законодательств и научных источников, посвященных данной теме, позволяет сделать вывод о том, что во всем этом географическом многообразии существует три основные правовые формы, используемые для охраны ТИМ: авторско-правовая, патентно-правовая или иной, особый вид правовой охраны. Как отмечают исследователи, государства неоднозначно подошли к проблеме охраны права на ТИМ, что в значительной мере обусловлено спецификой этого объекта. В частности, в Великобритании и Индии они отнесены к объектам авторско-правовой охраны, в Швейцарии и Аргентине они охраняются законом о недобросовестной конкуренции [5, с. 84]. Были также высказаны некоторые критические замечания в отношении применимости тех или иных режимов охраны ТИМ. Так, например, А. Ю. Чурилов и А. В. Мостовщиков утверждают, что хотя бы ТИМ и представляет собой научно-техническое решение, порождающее соответствующий инновационный технический результат, режим патентно-правовой охраны для нее вряд ли является целесообразным, поскольку не сможет соответствовать условиям охраноспособности изобретений [4, с. 218].

Международные стандарты (которые здесь достаточно лаконичны, о чем уже упоминалось ранее) в данном случае ориентированы на внутреннее законодательство государств. Так, например, в ст. 4 Вашингтонского договора закреплено, что «каждая Договаривающаяся сторона свободна выполнять свои обязательства по настоящему Договору специальным законом о топологиях или своим законом об авторском праве, патентах, полезных моделях, промышленных образцах, недобросовестной конкуренции или любым иным законом или сочетанием любых этих законов». В Договоре о ЕАЭС предусмотрено, что «права интеллектуальной собственности на топологию интегральной микросхемы охраняются в соответствии с законодательством государств-членов» (п. 35 Приложения № 26 «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности»). В этой связи остановимся на основных положениях законодательства Беларуси и РФ в сфере ТИМ.

В Республике Беларусь изначально ТИМ относились к объектам авторского права. Так, согласно ст. 6 Закона Республики Беларусь от 16 мая 1996 г. № 370-ХІІІ «Об авторском праве и смежных правах» объектами авторского права являлись: литературные и литературно-художественные произведения (книги, брошюры и другие письменные произведения), научные, научно-технические, в том числе и топологии интегральных микросхем и т.д. (в настоящее время данный нормативный правовой акт утратил силу). Однако уже во второй редакции Закона от 11 августа 1998 г. № 194-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» ТИМ были исключены из числа объектов авторского права. Практически в это же время принимается специальный акт законодательства – Закон Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 214-З «О правовой охране топологий интегральных микросхем» (далее – Закон «О правовой охране ТИМ»). ГК в своей первой редакции от 7 декабря 1998 г. включил ТИМ в число объектов права промышленной собственности (ст. 998 ГК). Данная концепция ГК остается неизменной и в настоящее время (ст. 997 ГК). Перевод ТИМ из объектов авторского права в категорию объектов права промышленной собственности означает, что согласно ст. 998 ГК правовая охрана в отношении ТИМ возникает на основании государственной регистрации в патентном органе либо по иным основаниям, предусмотренным ГК и иными законодательными актами. Согласно ст. 4 Закона «О правовой охране ТИМ» правовая охрана ТИМ предоставляется на основании регистрации этой топологии в Государственном реестре топологий интегральных микросхем Республики Беларусь государственным учреждением «Национальный центр интеллектуальной собственности».

В РФ общественные отношения, связанные с ТИМ, также изначально регулировались нормами авторского права, что отмечается в научных источниках [2, с. 13–14]. Специальный нормативный правовой акт в РФ был принят в 1992 г. – Закон от 23 сентября 1992 г. № 3526-1 «О правовой охране топологий интегральных микросхем». Данный Закон утратил силу 1 января 2008 г. в связи с принятием Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Анализ законодательства РФ позволяет сделать вывод, что в настоящее время ТИМ формально не относятся ни к категории авторского права и смежных прав, ни к объектам права промышленной собственности. Кроме того, российский законодатель вместо термина «право промышленной собственности» использует термин «патентное право», которое охватывает такие объекты, как: изобретение, полезная модель и промышленный образец. Отметим, что в Договоре о ЕАЭС, также как и в законодательстве РФ, употребляется термин «патентные права», который применяется к таким объектам, как изобретение, полезная модель, промышленный образец. ТИМ, соответственно, не относятся ни к авторскому, ни к патентному праву, представляя самостоятельный объект правовой охраны и регулируются национальным законодательством государств-членов. Согласно ст. 1350 ГК РФ правовая охрана в качестве изобретения не предоставляется ТИМ. Аналогичное правило действует и в отношении полезных моделей (ст. 1351 ГК РФ). В соответствии со ст. 1452 ГК РФ «правообладатель в течение срока действия исключительного права на топологию интегральной микросхемы может по своему желанию зарегистрировать топологию в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности». Таким образом, мы видим еще одну отличительную особенность законодательства РФ – законодательство Беларуси фактически предусматривает обязательную регистрацию ТИМ, законодательство РФ не предусматри-

вает такой обязательной процедуры. Подобная вариативность внутригосударственных правовых подходов не противоречит международным стандартам (ст. 38 Соглашения ТРИПС, ст. 7 Вашингтонского договора), которые оставляют выбор императивности либо диспозитивности на усмотрение национального законодателя.

Существуют также и некоторые другие отличия по вопросам ТИМ в законодательствах Беларуси и РФ. Так, например, в ст. 4 и в ст. 13 Закона «О правовой охране ТИМ» белорусский законодатель устанавливает в отношении данного объекта правила приоритета. Необходимость установления правил о приоритете ТИМ в законодательстве Беларуси некоторые авторы подвергают сомнению, например, И. В. Попова. Этот же автор полагает, что в современных условиях, учитывая специфику создания ТИМ, необходимо пересмотреть подходы к субъектному составу рассматриваемых отношений, принимая во внимание, что все ТИМ являются служебными [6, с. 181–182].

Таким образом, в целом отечественное законодательство в сфере ТИМ достаточно эффективно обеспечивает сочетание интересов авторов, иных правообладателей и третьих лиц в этой сфере, предоставляя им эквивалентные возможности осуществления надлежащего контроля за действиями соответствующих корреспондирующих субъектов в целях недопущения злоупотребления правами либо других недобросовестных действий в отношении какой-либо стороны. Однако справедливым будет также сделать вывод и о том, что дальнейшая оптимизация изучаемого правового сегмента не исключена и имеет право на реализацию, в частности, по отмеченным нами позициям.

Библиографический список

1. Моллаева, Д. Г. Патентное право Великобритании, унификация его с европейским патентным правом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. / Моллаева Диана Гамидовна ; Ин-т пром. собств. и инноватики Роспатента. – Москва, 1993. – 22 с.
2. Корнеев, В. А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Корнеев Владимир Александрович ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 31 с.
3. Копанова, Е. А. Топология интегральной микросхемы: понятие, субъекты и содержание исключительного права / Е. А. Копанова // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Серия: Право. – 2024. – Т. 9, вып. 1. – С. 5–38.
4. Чурилов, А. В. Проблемы правовой охраны топологии интегральных микросхем / А. Ю. Чурилов, А. В. Мостовщиков // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2023. – № 490. – С. 212–219.
5. Штоляков, В. И. Об охране интеллектуальных прав на топологии интегральных микросхем / В. И. Штоляков, М. В. Яганова / Вестн. МГУП им. Ивана Федорова. – 2015. – № 6. – С. 83–84.
6. Попова, И. В. О некоторых особенностях правовой охраны топологий интегральных микросхем / И. В. Попова // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – 579 с.
7. Лосев, С. С. Комментарий «Новая редакция Закона «О правовой охране топологий интегральных микросхем» : обзор основных изменений» : по состоянию на 11.07.2019 г. / С. С. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 25.06.2025).
8. Леанович, Е. Б. Топологии интегральных микросхем : по состоянию на 01.11.2013 г. / Е. Б. Леанович // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 25.06.2025).

О НЕКОТОРЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЯХ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

А. В. Фиошин

доцент кафедры гражданского права

Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева,

кандидат юридических наук, доцент

avfioshin@bk.ru

Статья посвящена исследованию некоторых оценочных понятий, используемых в нормах наследственного права Российской Федерации и Республики Беларусь. В работе анализируются ключевые оценочные понятия наследственного права, имеющие важное значение как для цивилистической доктрины, так и для практики правоприменения двух стран.

Ключевые слова: наследственное право; оценочные понятия.

Оценочные понятия – уникальное и неотъемлемое явление правовой действительности, характерное для всех правопорядков и отраслей права [1, с. 18–21; 2, с. 90–113]. В этой связи, компаративное исследование проблематики оценочных понятий наследственного права, которое играет важную роль в обеспечении правопреемства имущественных активов, защите законных интересов участников гражданского оборота и стабильности экономических отношений, важно и для доктрины, и для правоприменительной практики. Законодательства России и Беларуси обладают рядом общих черт, обусловленных историческими факторами развития, общим прошлым, настоящим и хочется верить, что будущим. Вместе с тем, интересующие нормы наследственного права рассматриваемых правопорядков имеют различия.

Оценочное понятие – это относительно-определённая законодательная конструкция, содержание которой устанавливается в ходе правоприменения. В ГК РФ, содержится немного больше оценочных понятий наследственного права, чем в ГК. В ряде случаев их формулировки очень схожи, а иногда и полностью совпадают. Так, в п.1 ст. 1117 ГК РФ «Недостойные наследники» присутствуют оценочные понятия: «противоправные действия граждан, которые способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию, либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства». В п. 2 аналогичной ст. 1038 ГК Республики Беларусь также содержится оценочное понятие – «умышленные противозаконные действия, способствующие призванию наследников или близких им лиц к наследованию либо увеличению причитающейся им доли наследства». Формулировка ГК РФ более широкая, ибо включает в себя не только соответствующие действия, но и попытку совершения таковых. Белорусский законодатель говорит о «близких» недостойным наследникам лицам, в то время как российский законодатель использует словосочетание «других лиц». Понятие, употребляемое в российском законе более широкое. Вместе с тем, надлежит сказать, что широта приведённых формулировок едва ли влияет на частоту применения ст. 1117 ГК РФ. На сегодняшний день это редчайшее явление. Российские суды чрезвычайно и, зачастую, излишне осторожны в применении исследуемых норм.

Оценочное понятие в нормах, регламентирующих институт недостойных наследников, содержится в п. 2 ст. 1117 ГК РФ, согласно которому суд может отстранить от наследования по закону граждан, «злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя». П. 3 ст. 1038 ГК предусматривает отстранение от наследования граждан «злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу акта законодательства обязанностей по содержанию наследодателя, если это обстоятельство подтверждено в судебном порядке». В обоих случаях оценочным понятием является «злостное уклонение» от содержания наследодателя.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – Постановление Пленума № 9) в отношении данного оценочного понятия разъясняет следующее: «Злостный характер уклонения в каждом случае должен определяться с учетом продолжительности и причин неуплаты соответствующих средств. В качестве злостного уклонения от выполнения указанных обязанностей могут признаваться не только непредоставление содержания без уважительных причин, но и сокрытие алиментнообязанным лицом действительного размера своего заработка и (или) дохода, смена им места работы или места жительства, совершение иных действий в этих же целях». Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» (далее – Постановление Пленума № 16) разъяснений в отношении злостного уклонения не содержит. Принимая во внимание содержательную идентичность законодательных формулировок рассматриваемого оценочного понятия, думается, что разъяснения Постановления Пленума № 9 могли бы быть полезными и при совершенствовании Постановления Пленума № 16.

Оценочные понятия присутствуют и в нормах, регулирующих недействительность завещания. Так, в силу п. 3 ст. 1131 ГК РФ завещание не может быть признано недействительным, если имеют место опiski и «другие незначительные нарушения порядка его составления, подписания или удостоверения, если судом установлено, что они не влияют на понимание волеизъявления завещателя». Практически аналогичная норма содержится в п. 2 ст. 1052 ГК Республики Беларусь. В Постановлении Пленума № 9 в качестве иллюстрации незначительных нарушений приводятся отсутствие или неверное указание времени и места совершения завещания. В Постановлении Пленума № 16 разъяснения по этому вопросу, к сожалению, отсутствуют. Думается, что наличие в нём хотя бы минимального разъяснения (даже на уровне примеров) могло бы быть полезным для уяснения нижестоящими судебными инстанциями и другими правоприменителями сути рассматриваемого оценочного понятия.

Нормы, регламентирующие принятие наследства по истечении установленного законом срока (ст. 1155 ГК РФ и ст. 1072 ГК), содержат оценочное понятие «уважительные причины» пропуска срока принятия наследства. «К числу таких причин (п. 40 Постановления Пленума №9) следует относить обстоятельства, связанные с личностью истца, которые позволяют признать уважительными причины пропуска срока исковой давности: тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п. (ст. 205 ГК РФ), если они препятствовали принятию наследником наследства в течение всего срока, установленного для этого законом». Справедливости ради отметим, что наличие данных разъяснений не всегда способствует единообразию правоприменительной практики российских судов. Так, если срок принятия наследства был пропущен по причине нахождения наследника в местах ли-

шения свободы, то одни суды признают это уважительной причиной, а другие – нет. Думается, что такое обстоятельство можно отнести к уважительным причинам. Вместе с тем, если судом будет установлено, что наследник не поддерживал и не желал поддерживать общение с наследодателем вследствие чего своевременно не узнал об открытии наследства, пропустив соответствующий срок, то само по себе его нахождение в «местах не столь отдалённых» едва ли можно признать уважительной причиной пропуска срока принятия наследства.

В схожих оценочных понятиях наследственного права двух правопорядков есть определенные отличия. Так, в соответствии с п. 4 ст. 1041 ГК Республики Беларусь «Завещатель вправе обусловить получение наследства определенным правомерным условием относительно характера поведения наследника, отменить и изменить составленное завещание в любой момент после его совершения и не обязан при этом указывать или сообщать кому-либо о причинах отмены или изменения им завещания». П. 5 ст. 1041 ГК содержит оценочное понятие – невыполнимые для наследника в силу объективных причин условия его поведения для получения наследства. Аналогичные оценочные понятия в ГК РФ отсутствуют. Более того, в российском гражданском законодательстве отсутствует прямое указание на возможность совершения завещания под условием. В России подавляющее большинство нотариусов придерживаются позиции, согласно которой «...завещание – это всегда «безусловная сделка» и такие элементы, как «условие в сделке» и «завещание», принципиально несовместимы друг с другом и в корне противоречат взаимной юридической природе» [3, с. 26]. И хотя диспозитивность является основным методом цивилистики, а ГК РФ допускает возможность совершения завещания под условием, факт остаётся фактом – в большинстве случаев российские нотариусы отказывают в удостоверении таких завещаний.

Ещё одно оценочное понятие, которое есть в ГК и отсутствует в ГК РФ – фактическое прекращение брака до открытия наследства. Согласно п. 2 ст. 1065 ГК, по общему правилу, супруг может быть отстранён от наследования по закону, если «брак с наследодателем фактически прекратился до открытия наследства и супруги в течение не менее пяти лет до открытия наследства проживали раздельно и не вели общее хозяйство». Такое оценочное понятие позволяет исключить из числа наследников супруга де-факто таковым не являющегося. Представляется, что это оценочное понятие выполняет важную функцию – отстранение от наследования по сути чужих для наследодателя людей. Думается, что аналогичная норма была бы весьма кстати и в ГК РФ. На данный момент в России супруг не перестаёт быть наследником первой очереди даже если он годами не проживает и не ведёт совместное хозяйство с другим супругом. Более того, такой супруг может наследовать после другого супруга даже в случае, если наследство открылось в ходе бракоразводного процесса. Едва ли это возможно признать приемлемым в качестве общего правила. В этой связи заимствование обозначенного белорусского опыта представляется целесообразным.

Библиографический список

1. Ильина, О. Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? / О. Ю. Ильина // Нотариус. – 2019. – № 3. – С. 18–21.
2. Фиошин, А. В. Об оценочных понятиях частного и публичного права / А. В. Фиошин // Вестн. гражданского процесса. – 2022. – № 5. – С. 90–113.
3. Мыскин, А. В. Терра инкогнита наследственного права. К вопросу о допустимости совершения условных завещаний (часть первая) / А. В. Мыскин // Нотариус. – 2021. – № 3. – С. 26–30.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕТРАДИЦИОННЫХ ОБЪЕКТОВ СМЕЖНЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. О. Ядревский

*доцент кафедры права интеллектуальной собственности
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
yadreus@bsu.by*

В статье рассматриваются объекты смежных прав, которые можно отнести к нетрадиционным в силу их правовой охраны в ограниченном числе государств. На основе анализа теоретических положений и норм законодательства отдельных государств оценивается целесообразность правовой охраны новых объектов смежных прав в Республике Беларусь.

Ключевые слова: смежные права; музейный объект; пресс-релиз; название произведения.

В связи с изменениями ст. 995 ГК, предусматривающими возможность правовой охраны наряду с исполнениями, фонограммами и передачами организаций вещания иных объектов смежных прав, ранее нами рассматривалась перспектива правовой охраны в Республике Беларусь нетворческих баз данных, прав публикатора на объекты авторского права, перешедшие в общественное достояние, нетворческих видеозаписей (видеограмм) и фотографий, объектов, созданных искусственным интеллектом и обладающих признаками объектов авторского права [1, с. 435–438; 2, с. 284–286].

Вместе с тем, существуют и иные объекты смежных прав, которые необходимо рассмотреть с точки зрения их целесообразности для правовой охраны в Беларуси. Так, по мнению А. Г. Матвеева, в российский перечень смежных прав необходимо включить такие права как: 1) право издателя энциклопедий, энциклопедических словарей, периодических и продолжающихся сборников научных трудов, газет, журналов и других периодических изданий использовать такие издания; 2) право изготовителя аудиовизуального произведения или право на видеозапись; 3) право музеев на публикацию музейных предметов и музейных коллекций.

Применительно к первому предложенному праву следует отметить, что, на наш взгляд, оно может быть охвачено правовой охраной нетворческих баз данных. Второе право может быть реализовано при введении правовой охраны видеограмм и нетворческих фотографий.

Что касается третьего права, А. Г. Матвеев отмечает неоднозначность предоставления музеям исключительных прав на публикацию музейных предметов и коллекций. По его мнению, право музеев следует регламентировать как одно из смежных прав лишь при том условии, что оно вообще должно остаться в российской правовой системе, поскольку имеются большие сомнения в необходимости и справедливости этого права как такового [3, с. 495].

В Республике Беларусь музейному делу посвящена глава 19 Кодекса Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З (далее – Кодекс о культуре). Как указывается в п. 4 ст. 172 Кодекса о культуре, право первой публикации музейных предметов, входящих в Музейный фонд Республики Беларусь, принадлежит музею, являющемуся юридическим лицом, или юридическому лицу, в состав которого входит музей, в музейные фонды которого они входят.

Правовая природа указанного права первой публикации в отечественной науке не исследована. Представляется, что наиболее близким к нему является рассмотренное ранее право публикатора произведений науки, литературы, искусства, ранее не обнародованных и находящихся в общественном достоянии. В этой связи, при условии расширения данного права в отношении музеев, его целесообразно закрепить в качестве отдельного смежного права.

Полагаем возможным на примере Федерального Закона Австрийской Республики об авторском праве на литературные и художественные произведения и смежных правах 1936 г. (далее – Закон Австрии об авторском и смежных правах), как содержащего один из наибольших в мире перечней объектов смежных прав, рассмотреть иные, ранее не исследованные потенциальные объекты смежных прав [4].

Согласно § 76f Закона Австрии об авторском и смежных правах, любой поставщик услуг, который по собственной инициативе и под своей редакционной ответственностью и контролем выпускает пресс-релиз в аналоговой или цифровой форме, имеет исключительное право сделать пресс-релиз доступным для онлайн-использования полностью или частично.

Пресс-релиз в значении указанной нормы представляет собой сборник преимущественно литературных произведений публицистического характера, который выходит в виде одного выпуска периодически или регулярно обновляемого издания под единым названием, например, газеты, журналы или периодические издания общего или специального интереса, и который служит цели информирования общественности о новостях или других темах.

Следующим объектом смежных прав по австрийскому законодательству являются письма, дневники, иные конфиденциальные записи. Согласно § 77 Закона Австрии об авторском и смежных правах, указанные объекты не могут быть зачитаны вслух публично или распространены каким-либо иным способом, который делает их доступными для общественности, если это нанесет ущерб законным интересам автора или, если он или она умерли, не дав разрешения или распоряжения о публикации, нанесет ущерб близким родственникам. Полагаем, что указанный объект по своей правовой природе не относится к объектам смежных прав, а представляет собой гарантию реализации прав на тайну переписки и сведений о частной жизни гражданина.

В соответствии с § 79 Закона Австрии об авторском и смежных правах, сообщения для прессы, содержащиеся в газетной корреспонденции или других сообщениях, предназначенных для передачи новостей газетам или журналам за плату, могут воспроизводиться в газетах или журналах только в том случае, если с момента их публикации в газете или журнале, уполномоченных на это сборщиком новостей, прошло не менее 12 часов.

Согласно § 80 Закона Австрии об авторском и смежных правах, в коммерческих сделках ни название или иное обозначение литературного или художественного произведения, ни внешнее обозначение произведения не могут быть использованы для другого произведения таким образом, что это может вызвать путаницу.

Таким образом, круг объектов смежных прав, охраняемых в зарубежных юрисдикциях, является очень широким. Одни из указанных объектов получают правовую охрану вследствие развития новых цифровых технологий и невозможности охраны порождаемых ими объектов имеющимися правовыми средствами, другие представляют собой дань юридическим традициям того или иного государства. В то же время, на основе рассмотренного материала, представляется, что в Республике Беларусь в ближайшее время актуальным может быть закрепление права первой публикации для музеев в отношении экспонатов, входящих в Музейный фонд Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Ядревский, О. О. Система объектов смежных прав: современное состояние и перспективы развития / О. О. Ядревский // Современное частное право: вызовы и преемственность : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовой информации Респ. Беларусь ; под ред. М. В. Мещановой [и др.]. – Минск. : НЦЗПИ, 2024. – С. 432–439.
2. Ядревский, О. О. К вопросу возможности правовой охраны новых объектов смежных прав / О. О. Ядревский // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 окт. 2024 г., в 3 ч. / под общ. ред. В. А. Рябоволова; редкол. : А. П. Заяц (отв. ред.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2024. – Ч. 3. – С. 282–287.
3. Матвеев, А. Г. Круг смежных прав в международном праве и национальных правовых системах / А. Г. Матвеев // Вестн. Пермск. ун-та. Юридические науки. – 2017. – Вып. 38. – С. 484–496.
4. Закон об авторском праве на литературные и художественные произведения и смежных правах 1936 г., Австрия. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22638> (дата обращения: 25.06.2025).

РАЗДЕЛ VII

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 346.1

ИННОВАЦИОННОЕ ПРАВО – ПРАВО ОБЩЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ, ЕГО ПРЕДМЕТ И МЕТОДОЛОГИЯ

Н. Л. Бондаренко

*заведующий кафедрой хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
2iu@tut.by*

Ю. Г. Конаневич

*старший преподаватель кафедры хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук
konanewitsch@yahoo.com*

В статье определен предмет инновационного права, который составляют три группы общественных инновационных отношений, складывающихся по поводу общественного обновления. Одновременно определены группы общественных отношений, которые не являются по природе инновационными, однако ошибочно включены в предмет регулирования Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности». Охарактеризована свойственная инновационному праву методология, в основе которой находится идея императивного управления процессом общественного обновления.

Ключевые слова: инновационное право; инновационные правоотношения, инновационное благо; предмет инновационного права; методология инновационного права.

В научной литературе последних лет часто встречаются термины: «инновационное развитие», «инновационный менеджмент», «инновационная функция государства» и др. Однако, если задуматься о сути этих терминов, то возникают сомнения в их корректности. Так, очевидно, что любое развитие, как интенсивное, так и экстенсивное всегда предполагает нечто новое; управлять инновациями невозможно в принципе, поскольку можно управлять лишь процессом их использования в рамках функционирования системы хозяйствования, социальной и политической сфер; а, если исходить из того, что «функции государства – это основные направления (стороны, виды) деятельности государства» [1, с. 82], то очевидно, что государство не осуществляет инновационную деятельность, а, значит, не существует инновационной функции государства [2, с. 41]. Критическая оценка приведенных терминов порождает вопрос: «А имеет ли право на существование инновационное право?». И ответ на этот вопрос будет утвердительным.

Прежде всего, необходимо определить «сферу влияния» инновационного права, то есть определить его предмет. По нашему мнению, предмет инновационного права составляют три группы общественных отношений:

Первая группа – инновационные отношения институционального характера, складывающиеся по поводу формирования и реализации государственной инновационной политики, а также по поводу обеспечения национальной экономической и национальной научно-технологической безопасности. Особенностью данной группы инновационных правоотношений является содержание регулирующей функции: как в рамках регулятивной, так и в рамках регуляторной ее составляющих, фактическим объектом государственно-правового воздействия является не какой-то определенный родовыми признаками объект, а «предположение о таком объекте», поскольку результат осуществления инновационных отношений спрогнозировать сложно.

Вторая группа – инновационные отношения организационного и процессуального характера, складывающиеся по поводу целенаправленного создания условий или содействия процессу производства инновационных благ, имеющих природу приоритетных новшеств и инноваций, а также целенаправленного производства инновационных благ, имеющих природу приоритетных новшеств и инноваций (то есть, по поводу осуществления инновационной деятельности в качестве профессиональной деятельности, включая случаи осуществления ее в «любительском режиме» (то есть, рационализаторство или изобретательство [3])).

Третья группа – инновационные отношения организационного и процессуального характера, складывающиеся по поводу признания и юридического закрепления факта создания приоритетного новшества или инновации, являющихся результатом случайного стечения обстоятельств, либо результатом осуществления субъектом общественных отношений любой из известных форм деятельности (трудовой, хозяйственной, хозяйственно-трудовой или творческой [4]), не содержащей признаков хозяйственной деятельности субъекта инновационной инфраструктуры или же профессиональной инновационной деятельности (разовый факт создания новшества или инновации «несубъектом» инновационных правоотношений).

Уникальной особенностью круга инновационных правоотношений является то, что все три категории обозначенных общественных отношений дополнительно подразделяются на два сектора: инновационные правоотношения общегражданского характера (далее – гражданские инновационные правоотношения) и фискальные инновационные правоотношения, природу которых определяет ч. 3 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности».

В настоящее время данным Законом регулируются некоторые общественные отношения, которые, по своей природе, не могут быть охарактеризованы как инновационные. Во-первых, любая форма деятельности физического лица или хозяйственная деятельность организации, не содержащая признаков профессиональной инновационной деятельности [5] или хозяйственной деятельности субъекта инновационной инфраструктуры. Такие общественные отношения составляют предмет трудового, хозяйственного, финансового, административного и других отраслей права. Предмет инновационного права – только результат такой деятельности, выраженный в созданном инновационном благе – приоритетном новшестве или инновации.

Во-вторых, общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления высокорисковых (венчурных) инвестиций в производство приоритетных новшеств и инноваций. Такого рода правоотношения составляют предмет венчурного права – комплексной отрасли права, составляющей инвестиционно-правовой цикл отраслей права, призванной регулировать особую разновидность отношений инвестиционного характера. Причем, как относящихся к числу инвестиционных (отношений инвестиционного характера, складывающихся по поводу осуществления инвестиций в пределах гражданского оборота), так и относящихся к категории фискально-инвестиционных (отношений инвестиционного характера, складывающихся по поводу осуществления инвестиций в товарные рынки, функционирующие вне гражданского оборота) [6]. Инновационное право и венчурное право – аффилированные отрасли, поскольку основу правового режима осуществления венчурных инвестиций формирует инновационное право, а порядок и условия их осуществления – венчурное.

В-третьих, общественные отношения, складывающиеся по поводу финансирования инновационной деятельности, упоминаемой в Законе «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности», однако не содержащей признаков профессиональной инновационной деятельности или хозяйственной деятельности субъектов инновационной инфраструктуры. Такие правоотношения составляют предмет финансового права (бюджетные правоотношения), хозяйственного права (в части самофинансирования подобной деятельности субъектами хозяйственной деятельности и финансирования, осуществляемого иными субъектами в рамках хозяйственных правоотношений) и макроэкономического права (в части государственного планирования и государственного прогнозирования функционирования региональных экономик Республики Беларусь, отраслей, экономических комплексов и секторов, составляющих национальную экономику). Что касается института «финансирования инновационной деятельности», то он используется в ч. 1 ст. 29 Закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» в расширительном толковании, вступающим в противоречие с нормами Закона «Об инвестициях», поскольку включает в такое финансирование инвестиционные правоотношения. Соответственно, осуществление инвестиций, не относящихся к категории венчурных инвестиций, в инновационную деятельность, упоминаемую в Законе «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности», однако не содержащую признаков профессиональной инновационной деятельности или хозяйственной деятельности субъектов инновационной инфраструктуры, регулируется нормами инвестиционного права или финансового права (осуществление финансовых инвестиций в рамках функционирования финансового рынка).

В-четвертых, правоотношения, складывающиеся по поводу осуществления маркетинга для целей создания приоритетных новшеств и инноваций, которые составляют предмет маркетингового права (как подотрасли инвестиционного права) [7] и антимонопольного права.

Следовательно, инновационное право регулирует «процесс управления предположением» о приоритетном новшестве или инновации, институционализации и имплементации в систему общественных отношений результата такого управления в виде фактически созданного приоритетного новшества или инновации.

Не менее уникальна и свойственная инновационному праву методология, в основе которой находится идея императивного управления процессом общественного обновления, результат которого не известен никому из субъектов инновационных правоотношений до момента фактического создания новшества или инновации. Следовательно, методология инновационного права – это «методология поиска неизвестного и неизведанного», предполагающая наличие множества допущений, предположений, исключений и сомнений.

Выявленные характеристики предмета и методологии инновационного права предопределяют свойственность ему еще одного феномена: инновационное право – это «философское право», в основе ядра которого находится доктрина функционирования научной и технологической основы государства, доктрина функционирования инфраструктуры общественного обновления, а также доктрины инноватики. Суть этого феномена состоит в том, что инновационное право – это отрасль права и наука, предметом которого является «общественная интуиция», то есть своеобразная способность государства и общества выбрать и реализовать наиболее эффективный сценарий общественного обновления. Это характеризует инновационное право как право общественного обновления.

Библиографический список

1. Малец, В. Т. Понятие функций государства / В. Т. Малец // Вестн. БГУ. Сер. 3. – 2012. – № 1. – С. 82–85.
2. Степаненко, Д. М. Сущность и принципы реализации инновационной функции государства / Д. М. Степаненко // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 7 (151). – С. 41–45.
3. Бондаренко, Н. Л. Изобретательство и рационализаторство как тип самозанятости и элемент методологической основы обеспечения технологического суверенитета Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко, Н. А. Мешкова, А. И. Сергеенко // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2024. – № 2. – С. 8–15.
4. Конаневич, Ю. Г. Хозяйственная деятельность как объект правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Конаневич Юрий Григорьевич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2024. – 198 л.
5. Бондаренко, Н. Л. Правовая природа инноваций в контексте необходимости совершенствования терминологического аппарата Закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2022. – № 1. – С. 21–28.
6. Бондаренко, Н. Л. Система общественных отношений инвестиционного характера (в контексте оценки перспектив кодификации инвестиционного законодательства) / Н. Л. Бондаренко, О. А. Кузнецова // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 9(270). – С. 14–19.
7. Бондаренко, Н. Л. Маркетинговое право и его место в системе хозяйственно-правовой науки / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Коммерческое право. – 2023. – Т. 51, № 4. – С. 53–69.

ДОГОВОР КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

В. А. Витушко

*доктор юридических наук, профессор
vovka50@mail.ru*

Гражданско-правовой договор рассматривается как универсальная цивилизационная правовая система, обеспечивающая решение национальных и международных частноправовых и публично-правовых задач. К публично-правовым функциям договора отнесены: обеспечение осуществления общественного производства, обмена, потребления и перераспределения; сбалансированное регулирование общественных отношений; обеспечение осуществления и защита прав и законных интересов граждан; обеспечение исполнения договорных и внедоговорных обязательств; иное обеспечение прав и законных интересов конкретных, а также неопределенного числа третьих лиц.

Ключевые слова: договор; система; универсальный; многофункциональный; частноправовой; публично-правовой.

Договор как совокупность специальных норм и как соглашение получил свое обоснование и закрепление в древнеримском гражданском праве [1, с. 330]. Данная традиция сохраняется в романо-германской, англо-американской и других системах права. Но история становления и развития договора как системы исчисляется десятками тысячелетий, начиная с первобытного образа жизни людей, когда человек стал вести производительное хозяйство и осуществлять обмен своими продуктами сельскохозяйственного производства, ремесленничества, охоты и других видов деятельности.

Необходимость координации взаимных действий и сотрудничества, учета взаимных и общественных интересов при обмене товарами, особенно на долгосрочную перспективу, формировали особую культуру соглашений и обязательств, впоследствии названную договорным правом. Данная культура формировалась волей народов на основе складывавшихся традиций, обычаев и мудрости народов.

Между тем договорное право никогда не складывалось стихийно, спонтанно. Оно всегда имело и имеет свои непререкаемые ориентиры, алгоритмы. Основным из них является закон социальной организации жизни человека разумного, обеспечивающий соответствие воли и частных интересов участников договора воле и интересам своих сообществ (общественным, публичным интересам), интересам семей, родов, общин, государств, неопределенного числа третьих лиц. Причем, у человека разумного, эволюционного и генетического продукта социально организованных животных, помимо физиологического и когнитивного единства со своими сообществами, всегда существовало и существует духовое единство, императивы партнерства и взаимодействия [2, с. 186]. Человек всегда активно действовал и действует, совершает сделки не только в своих, но и в общественных интересах. Таким образом, обязательственное, особенно договорное право, стало первой формой системы права у народов и цивилизаций.

При появлении государств, они стали законодательно систематизировать договорные и иные нормы народной мудрости и обычаев, как например, в Законах XII таблиц,

действовавших на всем протяжении истории Древнеримского государства и права. Законы государств, в свою очередь, не были заурядными фотокопиями обычаев, вносили в систему договорного права новые формально-юридические алгоритмы, укрепляющие систему договорного права. Эти алгоритмы касались торжественной обрядности, особой формальности договора, свободной и доброй воли участников договора, соответствия договора праву и законодательству, твердого соблюдения договора, соблюдения слов и намерений сторон договора, существа договора [1, с. 331–333]. Но народная воля в формировании системы права, особенно договорного, продолжала быть решающей. Сегодня этот постулат получил свое закрепление в ст. 3 Конституции Беларуси, ст. 3 Конституции России о том, что единственным источником государственной власти, включая правотворческую власть, является народ.

В настоящее время договор по традиции относится к институтам гражданского права [3, с. 257–290]. Но многие представители цивилистики обращают внимание на более широкое, общее социальное значение договора. Так, договор определяется как правовая форма экономических отношений, а также как способ самоорганизации хозяйственной деятельности [4, с. 171–174]. Тем самым, в гражданско-правовом договоре отмечается всеобщее социально-экономическое содержание и назначение, не ограничивающееся сугубо частными интересами. Некоторые авторы прямо указывают, что договор применяется в различных общественных отношениях, в том числе в частных и публичных, в различных отраслях права, включая административное и международное право. Высказывается мнение, что договор выполняет праворегулирующую роль (функцию), и в этом своем предназначении грань между договором и нормативным правовым актом стирается [5, с. 13–20]. В предисловии к книге английского автора Вильяма Ансона «Договорное право» профессор О. Н. Садиков к особенностям договорного права относит не только определение прав участников договора, но и «защиту предоставленных им в силу договора правомочий» [6, с. 8]. Профессор Л. Жюллио де ла Морандьер также пишет, что наличие соглашения на основе свободы воли субъектов договора является необходимым. Но «юридическая сделка черпает свою силу не только в свободе воли, ...но и в соответствии этих воли потребностям общества, в сотрудничестве отдельных людей с законодателем». Такой подход обусловлен сближением публичного права с правом частным при регулировании договоров. Причем, в настоящее время область действия частного права сужается, в то время как значение публичного права возрастает [7, с. 48, 76, 113 и др.]. На соблюдение общественных интересов в договорах указывается и в англо-саксонском праве [8, с. 13–17 и др.].

Однако, механизм соответствия воли субъектов договора воле и интересам общества еще не стал достаточно осознанным и воспринятым. Причиной тому является то, что договор не рассматривается как саморазвивающаяся система. С точки зрения системологии всякая система, включая и систему договора, объединяет, подчиняет себе и управляет своими структурными элементами. Соответственно субъекты договора не объединяются в договоре и не действуют сугубо по своему усмотрению, а подчинены целям и функциям договора как всеобщей социально-правовой системы, имеющей свои общественно значимые частные и публичные цели и функции. При этом, надо еще раз сказать, что субъектам договора общественные, публичные интересы не чужды. Наоборот, как существа социальные, субъекты договора выражают в нем свою волю, сбалансировано сочетая ее с общественно значимыми, публичными целями и интере-

сами. Так, субъекты договоров всегда осуществляли и осуществляют свою хозяйственную деятельность с учетом своих и общественных потребностей, несут налоговые, военные и иные повинности, установленные законодательством.

В связи с изложенным, наряду с договорными горизонтальными правоотношениями между субъектами договоров, следует выделить в договорах неразрывно связанные с горизонтальными гражданско-правовые вертикальные правоотношения. Вертикальные правоотношения складываются между обособленными субъектами договоров с договором как управляющей социальной системой. Вертикальными данные правоотношения названы потому, что они связывают добрую волю субъектов договора с указанными публичными интересами. Кроме того, влияние договора-системы на свои структурные элементы с целью учета и обеспечения общественных интересов происходит в силу формально-юридических императивов. Такими императивами являются нормы гражданского законодательства о недействительности, незаключенности договора, ответственности сторон и иные, установленные как раз для соблюдения единообразия формы и содержания договоров в общественных интересах. Отражение в договоре существенных условий, согласно их законодательной универсальности (ст. 402 ГК, ст. 432 ГК России), ограничивает свободу субъектов договора, что продиктовано общественными интересами. Равно и другие императивы о субъектах, объектах договоров, вопросов заключения, изменения, расторжения и исполнения договоров обеспечивают не только частные, но и общественные, публичные интересы.

Кроме того, графически нельзя обозначить все названные выше договорные правоотношения как горизонтальные. Вертикальные правоотношения бывают абсолютными, относительными. Их можно назвать диагональными, смежными, придаточными, но это сути дела не меняет. Вертикальные гражданские правоотношения присутствуют в любой гражданско-правовой системе, например, в системе юридического лица, между юридическим лицом и его учредителями. Взаимосвязь горизонтальных и вертикальных гражданских правоотношений в системе названа юридическим континуумом [9, с. 49–51].

Связь воли субъектов гражданских отношений с публичными интересами, публично-правовые свойства договора в законодательстве стран ЕАЭС системно не отражены, хотя того требует социализация государства и права, закрепленная конституционным законодательством государств-членов ЕАЭС (ст. 1 Конституции Беларуси, ст. 7 Конституции России, ст. 1 Конституции Казахстана и др.). Как известно, императивы социального права означают, что любое частное лицо, его имущество, права и интересы на сбалансированной основе связаны с общественными интересами и должны служить общественным интересам. Этот императив подкреплён ст. 2 ГК, согласно которой экономическая деятельность должна осуществляться в общественных интересах, и выполняется основной массой законопослушных граждан. На регулирование гражданским законодательством публично-правовых отношений указывают и п. 4 ст. 1 ГК, п. 3 ст. 2 ГК России, п. 4 ст. 1 ГК Казахстана. Это также дает повод говорить, что в предмете гражданского и договорного права присутствуют элементы властного подчинения частных интересов интересам общества, публичным интересам. В то же время, указывая на связь частноправовых и публично-правовых интересов гражданское законодательство стран ЕАЭС сохраняет одиозные нормы времен начала XIX в. о том, что в гражданском обороте и хозяйственной деятельности каждый действует «своей волей и в своих интересах» (ч. 3 ст. 2 ГК, п. 1 ст. 8 ГК; п. 2 ст. 1 ГК России, п. 1 ст. 9 ГК России; п. 2 ст. 2 ГК Казахстана, п. 1 ст. 8 ГК Казахстана).

На то, что договор является универсальной и многофункциональной правовой системой на национальном и международном уровне, связывающей частные и публичные интересы, указывает не только приведенная выше доктрина, но и практика современной международной торговли. Согласно праву Всемирной торговой организации право собственности более не играет никакой роли в развитии торговли и бизнеса. Сегодня можно начать товарную хозяйственную деятельность, бизнес любых размеров, не имея первоначального капитала, как это требовалось в период зарождения капитализма. Ныне деньги, кредиты сами ищут своих потребителей. Это значит, что договорное право вновь берет на себя роль всеобщего цивилизационного регулятора. При этом, сущность договорного права как продукта и института цивилистики сохраняется.

Среди важнейших публичных функций договора особо выделяется функция защиты прав. Защита прав осуществляется по договорам, которые заключают заказчики с целью самозащиты своего имущества путем установки охранных устройств (замков, сигнализации) силами подрядчиков, осуществления охраны своего имущества силами соответствующих охранных организаций и т.п. Договоры страхования обеспечивают осуществление и защиту «имущественных интересов граждан, организаций и государства, являются необходимым элементом социально-экономической системы общества» [10, с. 499, 501, 505–506]. Главной функцией страхования является «обеспечение безопасного осуществления экономической (хозяйственной) деятельности посредством предоставления ее участникам гарантированной защиты от различного рода опасностей, угрожающих их материальным благам (ценностям), тем самым содействуя увеличению безопасности как каждого из них, так и всей экономической системы» [11, с. 299]. Таким образом, договоры обеспечивают осуществление и защиту как частноправовых, так и общественных, публично-правовых интересов.

Обеспечительная функция договоров страхования критически анализировалась в литературе [12, с. 31–32]. Но она не противоречит ст. 310 ГК и праву субъектов договора на ее использование. Страхование имеет как универсальные, так и особенные признаки в сравнении с классическим гражданско-правовым институтом обеспечения исполнения обязательств. Так, при страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств за причинение вреда (ст. 823 ГК; ст. 931 ГК России), такое страхование выполняет функции способа обеспечения исполнения внедоговорных обязательств, связанных с возложением бремени ответственности страхователя перед неопределенным числом третьих лиц, которым может быть причинен вред по вине страхователя. В данном случае обеспечение исполнения внедоговорных обязательств осуществляется путем публичного понуждения страхователя к заключению договора страхования за свой счет в интересах неопределенного числа третьих лиц и носит универсальный характер. Эта особенность понятия способа обеспечения исполнения обязательств по договору страхования в пользу неопределенного числа третьих лиц отличает его от классического частноправового понятия способа обеспечения исполнения договорных обязательств, когда выгодоприобретателем является заранее определенное лицо, контрагент по договору. Но социально-правовое назначение обоих этих способов обеспечения исполнения обязательств единое.

Явно проявляется универсальный характер обеспечения исполнения обязательств при страховании ответственности по договору. По такому договору страхования выгодоприобретателем является контрагент (кредитор) по основному договору, которому предоставляется компенсация потерь в силу договора страхования, совершенного его

должником одновременно с совершением основного договора. Таким образом, множество функций договоров носит многомерный характер, поскольку функции имеют не только отраслевой гражданско-правовой, но и межотраслевой, в том числе, публично-правовой характер. Управление договором как системой своими структурными элементами обеспечивается: исторически сложившейся культурой единства воли и интересов народа, партнерства и взаимодействия, сформированной генетически на подсознательном уровне; законодательным ограничением индивидуализма и эгоизма личности в обществе, обременением ее интересами неопределенного круга лиц, общества (социализацией права); формальными законодательными требованиями соответствия договора условиям действительности и заключенности. Данные факторы и формируют договор как саморазвивающуюся систему.

Таким образом, гражданско-правовой договор является универсальной и многофункциональной цивилизационной правовой системой, обеспечивающей решение национальных и международных взаимосвязанных частноправовых и публично-правовых задач. К публично-правовым функциям договора отнесены: обеспечение осуществления общественного производства, обмена, потребления и перераспределения; сбалансированное регулирование общественных отношений; обеспечение осуществления прав и законных интересов граждан; защита прав и законных интересов граждан; обеспечение исполнения договорных и внедоговорных обязательств; иное обеспечение прав и законных интересов конкретных, а также неопределенного числа третьих лиц.

Библиографический список

1. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М. : Зерцало-М, 2012. – 560 с.
2. Витушко, В. А. Духовное единство, коллективизм и сотрудничество как врожденные социально-правовые и социально-психологические свойства человека и народа / В. А. Витушко // Власть закона. – 2024. – № 1 (57). – С. 168–189.
3. Тихомирова, Л. В., Тихомиров, М. Ю. Юридическая энциклопедия. – 5-е изд., доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 2005. – 972 с.
4. Гражданское право: в 4 т. Т. 3; Обязательственное право: учебник / Витрянский В. В. и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 800 с.
5. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский ; – 2-е испр. изд. – М. : Статут, 2000. – 848 с.
6. Садиков, О. Н. Предисловие / В кн. : Ансон, В. Договорное право. – М. : Юрид. лит., 1984. – 463 с.
7. Морандьер, Л. Ж. Гражданское право Франции: учебник: в 4-х т. Т. 1. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 742 с.
8. Ансон, В. Договорное право / В. Ансон. – М. : Юрид. лит., 1984. – 463 с.
9. Витушко, В. А. Публично-правовые функции договора / В. А. Витушко // Шестые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной, : сб. материалов, Минск, 13 марта 2024 г. ; под ред. М. Н. Шимкович, Т. М. Халецкой. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2024. – С. 47–51.
10. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказанию услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – изд. доп., испр. – М. : Статут, 2002. – 1055 с.
11. Гражданское право: в 4 т. Т. 4: Обязательственное право / В. В. Витрянский и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 816 с.
12. Марчук, С. И. Способы обеспечения исполнения кредитного обязательства : моногр. / С. И. Марчук. – Минск : Амалфея, 2021. – 196 с.

КРАУДФАНДИНГ КАК СПОСОБ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ И НАУЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В. С. Каменков

*научный консультант кафедры хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
volhakun@mail.ru*

О. М. Куницкая

*доцент кафедры хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
volhakun@mail.ru*

Потребность образования и науки в дополнительных вложениях, наличие реального потенциала их получения с помощью краудфандинга, отсутствие практики его использования, а также несовершенство его правового регулирования предполагают необходимость исчерпывающего анализа и решения проблемы привлечения инвестиций в данную деятельность в правовом аспекте. В статье проводится указанный анализ и формулируется вывод о перспективах развития инвестиционного законодательства, направленного на устранение дефектов и пробелов правового регулирования привлечения инвестиций.

Ключевые слова: краудфандинг; инвестор; наука; образование; интернет-платформа; права инвесторов; риски.

Непосредственная заинтересованность в успешном развитии образовательной деятельности вытекает из основных дефиниций «образование» и «образовательная деятельность», поскольку образование – это обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, ...», а образовательная деятельность – «деятельность по обучению и воспитанию...» (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь об образовании). Сходные и общие для человека, общества и государства интересы обнаруживаются и в определениях научной деятельности и научных исследований (ст. 1 Закона «О научной деятельности»). Финансирование образовательной и научной деятельности в Республике Беларусь осуществляется главным образом за счет средств республиканского и местных бюджетов, а также иных средств, поступающих из источников, не запрещенных законодательством.

При наличии большого количества электронных площадок многих белорусских университетов, институтов и иных организаций («edu.by», «Знай.бай», «e-vedy.adu.by») целевых электронных площадок, которые бы позволяли аккумулировать денежные и иные финансовые средства от граждан и организаций, в том числе на конкретные проекты (а это и есть краудфандинг), найти трудно.

Инициативы отдельных лиц по сбору средств на реализацию их проектов получили широкое распространение благодаря появлению специализированных платформ

для краудфандинга. Современное представление о краудфандинге можно получить базируясь на исследованиях данного явления как экономико-социального института. Идея краудфандинга состоит в том, что люди сами выбирают продукт, который надо финансировать, что обеспечивает наибольшую эффективность распределения денежных фондов [1, с. 96].

Учитывая, что национальный инвестиционный климат для классических моделей финансирования значимых, в т. ч. инновационных проектов не достигает необходимых количественных значений (особенно в условиях противостояния беспрецедентному санкционному давлению со стороны отдельных стран), актуален поиск возможных альтернативных способов и форм привлечения инвестиций. При этом использование альтернативных инструментов сопряжено со значительными рисками, минимизации которых должна стать задачей инвестиционного законодательства.

Интерес представляет один из распространенных в мире способов финансирования проектов через использование инвестиционных интернет-платформ. Во-первых, краудфандинг – более доступный источник по сравнению с другими традиционными вариантами финансирования (включая венчурное финансирование), что определяет его как неформальное инвестирование. Во-вторых, краудфандинг возникает и развивается благодаря интернет-технологиям. В-третьих, он позволяет привлечь в качестве инвесторов широкий круг непрофессиональных инвесторов, обычных людей [2, с. 219].

Легального определения краудфандинга, а также особенностей правового регулирования данного инструмента национальным законодательством не предусматривается. Однако анализ Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. (Указ Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г. № 31) позволяет сделать вывод о том, что краудфандинг понимается как интернет-платформа для взаимодействия потребителей и производителей товаров и услуг, инвесторов и соискателей инвестиций. Из анализа Закона «Об инвестициях» явствует, что краудфандинг прямо не называется ни как способ привлечения, ни как способ осуществления инвестиций. Терминология данного Закона и его определения не отражают особенностей и специфики такого способа инвестирования [3, с. 143].

В Республике Беларусь правовая база этого явления разработана пока еще недостаточно, несмотря на предпринятые серьезные шаги в формировании правового регулирования цифровой экономики и реализованную Государственную программу инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., которой предусматривалось развитие интернет-платформ (краудфандинга) в качестве инструмента взаимодействия инвесторов и соискателей (заказчиков) инвестиций. Возмездный (коммерческий) краудфандинг предполагает участие как минимум трех сторон: оператора интернет-платформы; производителей товаров и услуг/соискателей инвестиций; потребителей/инвесторов – лиц, осуществляющих инвестиции посредством интернет-платформы. На стороне соискателей инвестиций могут выступать также агенты или организаторы конкурса для предоставления инвестиций.

В некоммерческом краудфандинге наряду с оператором интернет-платформы участвуют лица, привлекающие средства на безвозмездной основе, и лица, дающие средства без встречного предоставления.

Анализ законодательства Республики Беларусь свидетельствует об отсутствии всестороннего правового регулирования всех видов краудфандинга. Так, Декретом

Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 регламентирована деятельность криптоплатформ и криптобирж, однако круг субъектов ограничен и включает только резидентов Парка высоких технологий, осуществляющих операции с криптовалютами. При этом деятельность краудфандинговых платформ, не являющихся резидентами Парка высоких технологий, надлежащим образом не урегулирована. Иная ситуация имеет место в других странах [4, с. 25].

Краудфандинговые платформы, регулируемые Указом № 196, предоставляют возможность физическим и юридическим лицам привлекать финансирование для различных проектов. Данные платформы должны быть включены в специальный реестр Национального банка Республики Беларусь. Данный Указ установил правовую базу для деятельности краудфандинговых платформ в качестве сервисов онлайн-заимствования. Согласно Указу № 196 выделяют: 1) краудфандинг, при котором собранные средства предназначаются реципиенту; 2) краудфандинг, где кроме реципиента есть третье лицо (лица) – конечный получатель (получатели) средств.

В Российской Федерации действует Федеральный закон от 2 августа 2019 г., № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». Этот Закон «...регулирует отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, регулирует возникновение и обращение утилитарных цифровых прав, а также выдачу и обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права». Формулировка о предмете правового регулирования указанного Закона не раскрывает полного правового регулирования всех общественных отношений, связанных с инвестированием через инвестиционные платформы. Но одновременно дается понимание на возможное будущее правовое регулирование.

В данном Законе раскрывается содержание понятия «инвестиционная платформа», которая используется для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования. Инвестиции определяются как «денежные средства, используемые в целях получения прибыли или достижения иного полезного эффекта путем приобретения предусмотренных Федеральным законом ценных бумаг или цифровых прав либо путем предоставления займа». Особенности, связанные со спецификой краудфандинговой деятельности, отражаются в специфической конструкции утилитарных цифровых прав, которые, исходя из определения, не всегда подлежат денежной оценке. «Полезный эффект», скорее, является общественно-полезным, а в краудфандинговой деятельности – еще и индивидуальным.

То есть российские краудфандинговые платформы предоставляют возможность безвозмездного сбора средств, однако законодательство не выделяет подобный способ финансирования [5, с. 114].

Для сравнения, в белорусском законодательстве мы найдем только схожее общее понятие «государственная цифровая платформа» (Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации»).

Как видим, краудфандинг в Беларуси также развивается как альтернатива традиционным способам финансирования, таким как кредиты. В целом в современных условиях задача поиска финансирования инновационных социальных, исследовательских проектов, которые заведомо не принесут экономического эффекта в краткосрочной

перспективе, остается сложной. Для построения эффективной системы их правового регулирования при осуществлении инвестиций важно учитывать децентрализованную финансово-экономическую природу краудфинансов, мультифункциональность сервисов краудплатформ [6, с. 246–247].

Практически все сказанное выше относится и к возможностям краудфандинга в отношении образовательной и научной деятельности. Значимость данных вопросов для сферы образования, допустимость комплексного финансирования подтверждают и нормы Кодекса Республики об образовании, относительно источников финансирования.

Правила и принципы финансирования науки также схожие: «...в целях обеспечения надлежащих правовых гарантий и материальных условий развития науки ежегодно осуществляется государственное финансирование научной деятельности из республиканского бюджета. Финансирование осуществляется также за счет средств местных бюджетов, научных фондов, организаций, иных источников, не запрещенных законодательством» (ст. 6 Закона «О научной деятельности»).

Даже в качестве одного из принципов государственного регулирования научной деятельности в ст. 4 Закона «О научной деятельности» называется «...стимулирование научной деятельности посредством создания благоприятных условий для инвестирования сферы научной деятельности».

Несмотря на все сказанное, широкой практики применения краудфандинга в научной и образовательной сферах, в том числе с использованием электронных площадок, пока не существует. Для такого состояния дел имеются объективные и субъективные предпосылки. К первым следует отнести отсутствие, как правило, скорой окупаемости итоговых результатов этих сфер в смысле инвестиционных вложений, а также многолетнее привычное (остаточное) отношение к ним. Следует активизировать механизмы коллективного финансирования.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь идет по пути стимулирования возмездного краудфандинга, легализации владения токенами, совершения операций с ними, ICO и др. Многие вопросы еще остаются открытыми, но процесс правовой регламентации идет достаточно активно. Отсутствие специального правового регулирования безвозмездного краудфандинга с учетом объективного существования данных общественных отношений выступает в качестве одного из существенных барьеров для реализации важнейших крауд-проектов высокой социальной значимости. Возникает необходимость согласованной работы законодателей из разных стран. Отсутствие международного терминологического единообразия и единых подходов к определению правовой сущности краудфинансирования негативно влияет на его развитие [2, с. 224–225].

Закон «Об инвестициях» не содержит каких-либо (даже отсылочных) норм об исследуемом способе привлечения инвестиций. Отсутствует специальный нормативный правовой акт, регулирующий общественные отношения, возникающие в связи с привлечением инвестиций с использованием интернет-платформ посредством всех видов и форм краудфандинга. Это создает потенциальную угрозу фрагментированного регулирования рассматриваемых правоотношений. Требуется гармонизация правовых норм об инвестиционных отношениях, главной целью которой должно стать формирование баланса публичных и частных интересов при привлечении инвестиций посредством всех видов и форм краудфандинга. В первую очередь в социальные сферы.

Библиографический список

1. Хау Джефф. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса / Джефф Хау; Пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2012. – 287 с.
2. Куницкая, О. М. Правовые аспекты краудфинансирования и его разновидности / О. М. Куницкая, Ю. П. Гаврильченко // Юрыдычная наука і адукацыя ў Беларускім дзяржаўным універсітэце: гісторыя і дзяржаўнасць: да 95-годзя юрыдычнага факультэта: зб. навук. прац / рэдкал. Т. М. Міхалёва (гал. рэд) [і інш.]; пад рэд. Т. М. Міхалёвай [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2020. – С. 217–226.
3. Куницкая, О. М. Понятие и виды краудфандинга: законодательное закрепление / О. М. Куницкая, Е. А. Славинская // Финансовое право в условиях цифровизации экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 13 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 143–147.
4. Куницкая, О. М. Перспективы правового регулирования краудинвестинга в Республике Беларусь / О. М. Куницкая, С. Е. Баранов // Современные хозяйственные отношения: перспективы правового регулирования и проблемы соотношения интересов государства, общества и бизнеса : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, г. Минск, 15 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 24–29.
5. Мазеин, А. В. Современное состояние и перспективы регулирования краудфандинга как формы инвестиционной деятельности в России и за рубежом / А. В. Мазеин, Д. Я. Белов, Д. А. Вильданова // Юрид. Вестн. Дагестанск. гос. ун-та. – 2024. –Т. 51, № 3 (71). – С. 109–118
6. Куницкая, О. М. Перспективы правового регулирования использования краудтехнологий при осуществлении инвестиций / О. М. Куницкая // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, УО «Могилевский ин-т МВД Респ. Беларусь»; редкол. : И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилевский ин-т МВД, 2020. – С. 243–247.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

А. С. Панова

*профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
albina_2005@rambler.ru*

В статье представлена правовая характеристика института семейного предпринимательства в России. Показаны перспективы его использования для развития национальной экономики. Сделан вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев он представлен субъектами малого и среднего предпринимательства, семейный бизнес можно отнести к разряду «массового предпринимательства». Наблюдается недостаточность нормативно-правового регулирования отношений в области семейного предпринимательства, в том числе технического регулирования, регулирования отношений, связанных с продвижением созданных в рамках семейного предпринимательства товаров (работ, услуг) на потребительский рынок при помощи электронных платформ.

Ключевые слова: семейное предпринимательство; правовое обеспечение; субъекты малого и среднего предпринимательства; качество продукции семейных предприятий; электронная торговля.

Семейные предприятия в условиях нестабильной глобальной экономики становятся опорой для многих регионов России. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2024 г. они обеспечили 35% ВВП страны, а к 2025 г. их роль продолжит расти [1]. По подсчетам Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, на начало 2025 г. больше 74 % предприятий малого и среднего бизнеса в стране – это семейные компании. Речь о тех организациях, в которых заняты два и более членов одной семьи. Всего на начало 2025 г. в России зафиксировано 6,6 млн предприятий малого и среднего бизнеса, из них почти 4,9 млн – семейные [2].

Популярность семейного бизнеса следует связывать, в первую очередь, с возможностью создания «собственного общего дела», стремлением воплотить в жизнь общие бизнес-проекты, идеи. Увлекать может интерес к созданию «семейного бренда» как особой семейной ценности. Вместе с тем, «реально оценить масштабы семейного предпринимательства в России не позволяет отсутствие официальных статистических данных» [3, с. 27], несмотря на то, что «сейчас члены семьи принимают самое активное и непосредственное участие в предпринимательских правоотношениях» [4, с. 146].

Наряду с положительными моментами, которые характеризуют современную ситуацию с семейным бизнесом, можно указать на существование и некоторых негативных обстоятельств. Так, в современных условиях семейный бизнес находится в недостаточно благоприятной окружающей среде, проявляющейся в воздействии целого ряда объективных (социальных, политических, экономических, правовых, культурных) факторов, испытывает влияние субъективных факторов, связанных с личностными свойствами предпринимателей (боязнь начинать бизнес из-за страха провала, недостаточный уровень профессиональной и управленческой компетентности и т.д.) [5, с. 11].

Говоря о семейном бизнесе в России следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев он представлен субъектами малого и среднего предпринимательства, в этой связи семейный бизнес можно отнести к разряду «массового предпринимательства». Существуют исследования, доказывающие особую роль массового предпринимательства как фактора экономического роста [6, с. 536].

Предпринимательство не следует отождествлять с малым и средним или только с частным бизнесом. Социально ориентированная рыночная экономика предполагает их сотрудничество и кооперацию с государственным предпринимательством и крупным бизнесом [7]. В современных условиях требуется усиливать развитие форм сотрудничества малого и среднего семейного предпринимательства с государством и крупным бизнесом. Например, развивать программы партнёрства с государственными корпорациями, доступ к корпоративным закупкам таких корпораций, а также государственных компаний, публично-правовых компаний и др., участие в поставках продукции для федеральных государственных нужд и т.п.

Необходимо полностью согласиться с тем, что главным условием успешного развития предпринимательства является не неограниченная частная собственность, а свободный доступ к продукции, информации и кредитам в правовой экономике [8, с. 276]. В этой связи одна из задач законодателя «видится в создании комфортной правовой среды для семейного предпринимательства» [9, с. 53].

Несмотря на активное развитие в России семейного бизнеса констатируем сохраняющуюся недостаточность правового регулирования общественных отношений в этой сфере. В большинстве случаев отсутствуют специальные нормативные правовые акты о семейном предпринимательстве. Имеющиеся немногочисленные акты носят, в основном, доктринальный, программный характер (например, Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р). И несмотря на то, что «по большому счету они используются для выражения общей политики государства в той или иной области общественных отношений и (или) государственного управления» [10, с. 488], сложившаяся на сегодня практика разработки, принятия и реализации стратегических документов не в достаточной степени отвечает потребностям времени [11, с. 22–23].

Как справедливо отмечено в юридической литературе, в «отечественном законодательстве сформировался специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства» [12, с. 338], содержание которого составляет «совокупность установленных законом особенностей нормативного правового регулирования деятельности малых и средних предприятий в виде сочетания средств воздействия на указанных субъектов с целью достижения определенных государством целей» [13, с. 26]. Предполагается, что действие такого правового режима возможно распространять и на субъектов семейного предпринимательства [12, с. 338]. На наш взгляд, в современных условиях такой подход является оправданным и во-многом продиктован недостаточностью специальных норм о семейном предпринимательстве.

Положительным фактом является то, что понятия, связанные с семейным предпринимательством, находят свое закрепление в региональном законодательстве. Так, впервые в 2022 г. в Нижегородской области посредством внесения изменений и дополнений в Закон Нижегородской области № 171-З от 5 декабря 2008 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Нижегородской области» введен новый вид малого и

среднего предпринимательства – семейное предприятие, гарантируется оказание поддержки таким предприятиям. По существу аналогичные законоположения закреплены в Рязанской, Владимирской, Тамбовской, Кировской областях, в Республике Башкортостан, в Камчатском крае и Якутии. Активная работа в этом направлении ведется в Ставропольском крае, Кемеровской, Тульской и Курской областях, Республике Татарстан, Пермском крае и Свердловской области [14].

В связи с имеющейся недостаточностью нормативно-правового регулирования отношений в области семейного предпринимательства определенные сложности могут возникать с «вычленением» из общего числа судебных споров дел, касающихся специфики именно семейного предпринимательства. Исследование данной категории дел могло бы способствовать не только успешному развитию хозяйственной практики семейного предпринимательства, но и способствовать разработке соответствующего законодательства.

Изучение хозяйственной практики в области семейного предпринимательства показывает, что если ранее малое семейное предпринимательство сосредотачивалось в значительной степени на приобретении товаров у изготовителей и последующей их перепродаже, то в настоящее время приоритет имеет изготовление собственной продукции и ее последующая реализация, а также выполнение работ, оказание услуг. Наиболее востребованными направлениями семейного предпринимательства в наши дни являются: выращивание фермерской продукции и ее реализация; оказание образовательных услуг, их продвижение на рынок; создание и продажа антивирусных продуктов ИТ-среды; оказание услуг в сфере туризма, гостиничного дела; изготовление и реализация косметической продукции; выпечка хлеба [14]. Распространенным сегодня является пошив одежды, осуществляемый «семейными» ателье. Таким образом, наблюдается укрепление и развитие такого направления в области предпринимательский деятельности как семейный бизнес.

Представляется, что семейные предприятия могли бы играть более существенную роль в создании инноваций и обеспечении устойчивого развития национальной экономики в силу их ориентированности на долгосрочное выживание и успех, а не на краткосрочную прибыль. Семейные компании могут играть важную роль и в поддержании занятости, обеспечивать значительное количество рабочих мест, что является важным для сохранения социальной стабильности [15]. Вопросы обеспечения качества продукции семейных компаний подпадают под сферу действия законодательства о техническом регулировании, и, если в отношении продукции установлены обязательные требования, такая продукция должна им соответствовать. Как показывает изучение практики, семейные предприятия часто отличаются высоким качеством продукции. Это обусловлено тем, что такие компании ориентированы на долгосрочные результаты и стремятся к улучшению своих продуктов, процессов и технологий.

Среди факторов, которые могут влиять на качество продукции семейных предприятий можно отметить следующие:

- *консервативный подход к управлению*: для семейных предприятий характерно меньше долгов и осторожность в инвестировании капитала [16];

- *отсутствие мотивации использовать некачественное сырье*, поскольку в дальнейшем это отразится на имидже компании. Для таких предприятий характерна взаимозаменяемость и желание работать на общий результат. Такая компания более стабильна, качество выпускаемой ею продукции отличается высоким уровнем [17];

- *репутация бренда*: включение собственного имени в название торговой марки делает продукцию заслуживающей доверия в глазах потребителей [16].

Несомненно, что созданные в рамках семейного предпринимательства товары (работы, услуги) требуют своего продвижения к потребителям. На этом этапе востребованной становится такая отрасль материального производства как торговля. Верно то, что «торговля является наиболее «подвижным» видом предпринимательской деятельности» [18, с. 53], однако успех торговых операций во многом зависит от правильной организации торгового оборота, предполагающей сегодня в том числе внедрение элементов цифровизации. В юридической литературе обоснованно утверждается, что хотя операции товародвижения носят и при любых условиях будут носить реальный характер, документальное оформление и сопровождение этих операций неизменно будет перенесено в сеть Интернет [19, с. 68]. Таким образом, во-первых, очевидным представляется ожидаемое усиление цифровизации процессов торгового оборота, во-вторых, торговый оборот все больше будет перемещаться в сферу электронной торговли (e-commerce). Это характерно для семейного предпринимательства.

Российский законодатель в вопросах правового регулирования электронной торговли стремится проявлять осторожность и «идет по пути внесения частичных изменений в многочисленные нормативные акты» [20, с. 46]. В свою очередь глобальные электронные платформы заинтересованы в сохранении статус-кво и стремятся к саморегулированию [20, с. 44–45]. Так, в России разработаны и действуют «Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с продавцами товаров», «Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов». Стандарты приняты в целях саморегулирования интернет-торговли, они призваны защищать продавцов, большинство из которых – представители малого и среднего бизнеса. Считается, что стандартизация в серьезной степени может улучшить качество работы маркетплейсов, снизить их конфликты с поставщиками и контрагентами, улучшить взаимодействие с потребителями. В этой связи в настоящее время ведутся работы по разработке семейства национальных стандартов (ГОСТов) для работы маркетплейсов [21]. Как верно утверждается, «нужно установить «прозрачные» правила для владельцев маркетплейсов, выступающих сильной стороной в договорных отношениях с другими участниками онлайн-продаж на цифровых платформах» [22, с. 151].

Таким образом, представляется, что развитие семейного предпринимательства в России осложняется имеющейся недостаточностью нормативно-правового регулирования данной сферы общественных отношений, а также определенным дефицитом правового регулирования электронной коммерции.

Библиографический список

1. Кондакльва, Т. Семейный бизнес 2025: тренды, вызовы и стратегии роста / Т. Кондакова // allestate.pro/news. – URL: <https://allestate.pro/news/11.04.2025/semeynyy-biznes-2025-trendy-vyzovy-i-strategii-rosta>. – дата публ. : 11.04.2025.
2. Скрып, А., Как ТПП России и Татарстан решили вместе лоббировать «семейный бизнес» в Москве / А. Скрып, А., Е. Малиновская // business-gazeta. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/666720.html>. – дата публ. : 20.03.2025.
3. Ершова, И. В. Семейное предпринимательство: в поисках баланса интересов семьи и государства / И. В. Ершова // Вест. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8. – С. 26–34.
4. Левушкин, А. Н. Реорганизация семейных компаний в Великобритании и Испании как вектор прогрессивного развития семейного предпринимательства в России / А. Н. Левушкин // Вест. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 8. – С. 145–154.

5. Сазонова, А. П. Семейный бизнес как форма предпринимательской деятельности: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 5.4.2. / Сазонова Анастасия Петровна; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. – М., 2024. – 30 с.
6. Жигунов, А. П. Массовое предпринимательство как база модернизации экономики / А. П. Жигунов // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2. – С. 534–536.
7. Абалкин, Л. И. Заметки о российском предпринимательстве / Л. И. Абалкин. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 128 с.
8. Курс переходной экономики / под ред. Л. И. Абалкина. М., 1997. – 647 с.
9. Ершова, И. В. Семейный бизнес – явление уникальное и не до конца изученное // Семейный бизнес в правовом пространстве России: моногр. / Отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. – М.: Проспект, 2020. – 624 с.
10. Мушинский, М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М. А. Мушинский // Юридическая техника. – 2015. – №9. – С. 488–499.
11. Зубарев, С. М. Стратегические акты управления в области обеспечения национальной безопасности / С. М. Зубарев // Вест. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 11. – С. 21–29.
12. Семейное предпринимательство: современное состояние и перспективы правового регулирования / Левушкин А. Н // Актуальные проблемы предпринимательского права: учебник / отв. ред. И. В. Ершова. – М: Проспект, 2021. – Гл. 9. – С. 338.
13. Ершова, И. В. Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы / И. В. Ершова // Журн. предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 2. – С. 22–26.
14. В России растет число семейных компаний / Союз «Новороссийская торгово-промышленная палата». – URL: <http://novorossiysk.tpprf.ru/ru/news/537817/> (дата обращения: 06.03.2025).
15. Закиров, А. Модель Mittelstand: семейные предприятия и их вклад в немецкую экономику / А. Закиров // vc.ru. – URL: <https://vc.ru/id2410926/955199-model-mittelstand-semeinye-predpriyatiya-i-ih-vklad-v-nemeckuyu-ekonomiku>. дата публ.: 20.06.2025.
16. Стоит ли выстраивать семейный бизнес в России // URL: <https://companies.rbc.ru/news/LiqW8qNAb6/stoit-li-vyistraivat-semejnyij-biznes-v-rossii/> (дата обращения: 20.06.2025).
17. Выживут ли семейные предприятия: помощь правительства или печальные перспективы? // yarosonline. : события и новости – URL: <https://www.yarosonline.ru/novosti/obshhestvo/semeinye-predpriyatiya-v-rossii/> (дата обращения: 15.06.2025).
18. Андреева, Л. В. Современные правовые проблемы развития торговой инфраструктуры / Л. В. Андреева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 4. – С. 50–56.
19. Цветков, И. В. Договорное регулирование товарного рынка: тенденции и перспективы в свете цифровизации экономики и использования современных технологий / И. В. Цветков, С. Ю. Филиппова // Закон. – 2019. – № 5. – С. 66–75.
20. Сергеева, О. В. Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов / О. В. Сергеева // Право. Журн. Высш. шк. экономики. – 2024. – № 2. – С. 23–50.
21. ГОСТы для маркетплейсов появятся в России в 2025 году // alta.ru – URL: https://www.alta.ru/external_news/111215/ (дата обращения: 15.06.2025)
22. Андреева, Л. В. Согласование интересов участников товарных цифровых платформ (маркетплейсов): правовые проблемы / Л. В. Андреева // Вест. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8. – С. 149–157.

СМАРТ-КОНТРАКТ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОМ ОБОРОТЕ: О ПРОБЛЕМЕ ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЫ ДОГОВОРА

Я. И. Функ

*председатель Международного арбитражного суда
при Белорусской торгово-промышленной палате,
доктор юридических наук, профессор
tbox@ssi.by*

А. Я. Чигилейчик-Функ

*юрист
mr.arseniy0027@mail.ru*

В статье исследована проблема применения смарт-контрактов во внешнеэкономическом обороте с участием субъектов, подюрисдикционных праву Республики Беларусь, анализируется соответствие смарт-контрактов требованиям белорусского законодательства о письменной форме договоров, определяются правовые рамки и практические возможности внедрения смарт-контрактов.

Ключевые слова: смарт-контракт; внешнеэкономическая деятельность; форма договора, требования законодательства, международный торговый оборот.

Экономика Республики Беларусь является экспортно-ориентированной, в связи с указанным для достаточного количества субъектов, подюрисдикционных праву Республики Беларусь, является актуальным участие в международном торговом обороте.

С 19 ноября 2024 г., то есть с даты вступления в силу Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. №312-З «Об изменении кодексов», белорусский законодатель «больше не поддерживает» под страхом ничтожности сделки, обязательное совершение внешнеэкономической сделки с участием субъекта, подюрисдикционного праву Республики Беларусь, в письменной форме. С 19 ноября 2024 г. исключен п. 3 ст. 163 ГК, предусматривавший ничтожность внешнеэкономической сделки, совершенной не в письменной форме. Также изменена редакция п. 2 ст. 1116 ГК, указывавшая на необходимость совершения внешнеэкономического договора в письменной форме. Правда, и после указанных изменений ГК сделка, совершаемая белорусским юридическим лицом во внешнеторговом обороте, должна быть совершена в письменной форме.

Однако с 19 ноября 2024 г., при отсутствии письменной формы внешнеэкономической сделки с участием субъекта, подюрисдикционного праву Республики Беларусь, такая сделка не является ничтожной. Стороны указанной сделки не могут ссылаться на свидетельские показания для подтверждения фактов ее совершения и условий такой сделки (п. 1 ст. 163 ГК).

Кроме того, Республика Беларусь, присоединялась к Венской конвенции с условием того, что субъекты, подюрисдикционные праву Республики Беларусь, несмотря на положения Венской конвенции об обратном, должны совершать договоры международной купли-продажи товаров, к которым применяются положения Венской конвенции,

исключительно в письменной форме. Несмотря на указанное выше изменение ГК, Республика Беларусь не денонсировала приведенную выше оговорку к Венской конвенции.

Исходя из изложенного, несмотря на «либерализацию» подходов национального законодателя к письменной форме внешнеэкономической сделки с участием белорусских субъектов, последним стоит придерживаться письменной формы внешнеэкономического договора. Приведенный подход необходим и в связи с «формированием системы доказательств», субъектов, подюрисдикционных праву Республики Беларусь, в случае возникновения спора по внешнеэкономическому договору с их участием. Без письменной формы внешнеэкономической сделки у белорусских субъектов могут возникнуть проблемы с защитой своих имущественных интересов в судах (арбитражах).

В связи с необходимостью соблюдения письменной формы внешнеэкономического договора с участием субъектов, подюрисдикционных праву Республики Беларусь, возникает вопрос, насколько смарт-контракт отвечает требованиям к письменной форме договора, и могут ли белорусские субъекты использовать смарт-контракт для достижения указанной формы соответствующего договора.

Белорусский законодатель определяет письменную форму сделки (договора) как текстовый документ, включая документ в электронном виде (в т. ч. электронный документ), выражающий содержание сделки, который подписан лицом (лицами), совершающими сделку (договор). При этом, подписание документа должно обеспечить идентификацию соответствующих лица или лиц. Смарт-контракт представляет собой не отдельный договорный тип (вид, подвид), а исключительно особую форму договора – математически-электронную.

Если белорусский законодатель все-таки требует совершения договора в письменной форме, то насколько совершение договора в «математически-электронной форме» будет соответствовать указанному законодательному требованию. Указанного соответствия нами не наблюдается. В этой связи, совершение внешнеэкономического договора, с участием белорусского субъекта, в форме смарт-контракта, будет возможно лишь настолько, насколько белорусский законодатель допускает применение данного правового явления субъектами, подюрисдикционными праву Республики Беларусь.

Смарт-контракт не является «общей формой» договора по праву Республики Беларусь. В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 смарт-контракт «доступен» лишь резидентам Парка высоких технологий. В этой связи для соблюдения требований смарт-контракты в рамках международного торгового оборота могут совершать данные субъекты.

Что же касается иных субъектов, подюрисдикционных праву Республики Беларусь, совершение ими внешнеэкономического договора в форме смарт-контракта, по нашему мнению, все-таки не будет соответствовать требованиям белорусского права, хотя указанное с 19 ноября 2024 г. не влечет за собой ничтожность соответствующего договора. Это даст возможность белорусским субъектам защитить свои права и имущественные интересы при использовании смарт-контракта в качестве формы внешнеэкономического договора, если субъект сможет надлежащим образом идентифицировать смарт-контракт и его условия.

В связи с тем, что надлежащее правовое регулирование смарт-контракта в значительном количестве правовых систем мира отсутствует, либо наблюдается «не детализированное» его регулирование в тех правовых системах, где регламентация смарт-контракта есть [1, 2, 3], остаются проблемными многие правовые вопросы. Более того, правовое регулирование в значительной степени направлено на решение не правовых, а технических вопросов.

Не совсем понятно, насколько указанное правовое регулирование можно использовать для регламентации отношений с участием белорусского субъекта (нерезидента Парка высоких технологий). Белорусские субъекты, используя в качестве формы внешнеэкономического договора смарт-контракт, должны «детально продумать его применение» и решать, насколько его использование возможно в рамках их участия в международном торговом обороте.

Библиографический список

1. Arizona House Bill 2417 (2017). – URL: <https://www.azleg.gov /legtext/53leg/1r/bills/hb2417p.pdf> (дата обращения: 30.06.2025)
2. Smart contracts and Italian regulations. – URL: <https://www.firenzelegale.it /en/smart-contracts-and-italian-regulations/> (date of access: 30.06.2025)
3. Smart contracts: Is the Law Ready? – URL: <https://cointhinktank.com /upload/Smart-Contracts-Is-The-Law-Ready-WEB.pdf> (date of access: 30.06.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. Н. Гладкая

*руководитель центра государственного строительства и права
Института экономики НАН Беларуси,
кандидат юридических наук, доцент
kate5785@mail.ru*

В работе приведены тенденции и предпосылки трансформации правового регулирования общественных отношений в контексте обеспечения технологического лидерства Республики Беларусь. Отмечены наиболее афферентные сферы правового регулирования к созданию, совершенствованию и внедрению высоких технологий. Подчеркнуты проблемные аспекты, существующие в этих сферах. Представлено авторское виденье по адаптации имеющихся и формированию новых элементов механизма правового регулирования общественных отношений, нацеленных на обеспечение технологического прорыва.

Ключевые слова: трансформация правового регулирования; технологическое лидерство; технологический прогресс; инновационное развитие; цифровизация; инновации; искусственный интеллект.

Общемировые кризисные явления, сопровождаемые ухудшением условий внешней торговли, введением необоснованных экономических мер ограничительного характера, установлением дополнительных барьеров и дискриминационных условий осуществления экспортно-импортных операций, обостряют необходимость перехода экономики Республики Беларусь на новый технологический уклад. В этих условиях инновации выступают средством обеспечения национальной экономической и научно-технологической безопасности.

В Проекте Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. отмечено, что в ближайшие десятилетия в Республике Беларусь основные усилия предстоит сконцентрировать на создании базовой основы для безопасного технологического развития, включая меры, обеспечивающие доступность и необходимый уровень развития ключевых технологий с позиции национальной безопасности и наибольшего вклада в достижение целей устойчивого развития; отмечается необходимость перехода к интеллектуальной экономике, основанной на потоке инноваций, цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности [1]. Стратегическая цель в этой сфере заключается в создании условий для ускоряющейся динамики научно-технологического прогресса и перехода экономики на новый технологический уклад, развития цифровой экономики. Для успешного достижения поставленной цели потребуются совершенствование правовых инструментов, направленных на стимулирование научной деятельности как драйвера инновационного развития Республики Беларусь. Основные усилия должны быть направлены на расширение государственно-частного партнерства в сфере науки; увеличение доли инновационных фондов и внебюджетных источников, а также собственных средств организаций-исполнителей в объе-

мах финансирования научно-технической деятельности; обеспечение условий для создания наукой и производством совместных инновационных предприятий, способных в сжатые сроки создавать наукоемкий продукт с высокой добавленной стоимостью.

Цифровая трансформация экономики будет связана с последовательным внедрением высоких технологий во все сферы жизнедеятельности общества. Основными направлениями цифровой трансформации станут: развитие национальной ИТ-индустрии с учетом потребностей экономики; интеграция цифровых решений в традиционные сектора экономики; стимулирование и поддержка новых цифровых инициатив и проектов; обеспечение цифрового суверенитета. Для ускорения цифровой трансформации потребуется формирование и развитие законодательной базы для построения экосистемы цифровой экономики, включая вопросы интеграции в международное цифровое пространство, прежде всего в рамках ЕАЭС [1].

Стремительное развитие технологий будет являться толчком к появлению новых общественных отношений, требующих соответствующего правового регулирования. Потребуется актуализация действующих механизмов правового регулирования общественных отношений и разработка новых с учетом трансформации всех сфер жизни человека, общества и государства под влиянием высоких технологий. Положительно оценивается использование риск-ориентированного подхода, где путем сокращения регуляторных издержек формируется основа перспективного правового регулирования.

Наиболее афферентным к созданию и внедрению высоких технологий является правовое регулирование общественных отношений, основанных на праве собственности и других вещных правах, на праве интеллектуальной собственности; вытекающих из причинения вреда; по охране и защите персональных данных.

Развитие цифровых технологий ставит перед юристами задачи по определению правовой природы и правового режима новых для гражданского оборота цифровых объектов. Сохраняет свою актуальность решение вопросов об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет. Ведутся дискуссии о возможной субъективизации новых для правовой науки явлений (искусственный интеллект и роботы), что потребует пересмотра подходов к определению субъектов общественных отношений.

Поднимаются вопросы пределов управляемости и регулируемости всего массива высоких технологий [2]. Разработчики отмечают невозможность предсказания результата применения технологий искусственного интеллекта, поскольку внутри системы идут закрытые процессы, регулируемые самой системой, что обуславливает определенные риски при их использовании. Правового регулирования требует этическая сторона использования технологий искусственного интеллекта. Появляется потребность в постоянной оценке регулирующего и фактического воздействия действующего законодательства в части учета указанных рисков.

Адаптация правового регулирования к изменяющимся условиям развития общественных отношений будет сопровождаться появлением новых комплексных отраслей и подотраслей права, что потребует подготовки квалифицированных специалистов в новых областях научного знания. Подлежат урегулированию вопросы пределов допустимости применения технологий искусственного интеллекта в деятельности юриста для формирования у обучающегося необходимых компетенций в период обучения. Предполагается издание специальных нормативных правовых актов, направленных

на регулирование общественных отношений, основанных на высоких технологиях (Цифровой кодекс, Закон «Об искусственном интеллекте», и др.).

Основной задачей для законодателя Республики Беларусь на перспективу является адаптация имеющихся и формирование новых элементов механизма правового регулирования общественных отношений, нацеленных на обеспечение технологического прорыва при соблюдении прав и основных свобод человека.

К механизмам реализации поставленной задачи относятся:

- качественное изменение подходов к правовому регулированию общественных отношений в условиях технологического прогресса путем адаптации к нему существующих отраслей законодательства и разработки новых, отвечающих его вызовам;
- систематизация нормативных правовых актов, регулирующих технологическое развитие Республики Беларусь;
- использование экспериментальных правовых режимов;
- развитие и расширение практики применения инструментов регуляторной политики (оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов, оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, юридического прогнозирования и других) в условиях развития цифровых технологий;
- формирование нормативной правовой базы для обеспечения юридической безопасности субъектов общественных отношений в цифровом пространстве;
- разработка правовых инструментов минимизации и механизмов управления юридическими рисками в цифровой среде;
- определение ключевых направлений правового регулирования общественных отношений с использованием технологий искусственного интеллекта на долгосрочную и среднесрочную перспективу;
- внедрение принципа бережного использования персональных данных в условиях развития технологий искусственного интеллекта с целью недопущения дискриминационных проявлений и нивелирования рисков непреднамеренного распознавания;
- развитие механизмов правового обеспечения охраны и защиты товарных знаков и фирменных наименований от их незаконного использования в сети Интернет;
- разработка стандартов и регламентов, направленных на правовое обеспечение конфиденциальности нераскрытой информации и безопасности данных;
- повышение уровня правовой культуры.

Отметить, что предложенные механизмы направлены на установление баланса в правовом регулировании, в условиях которого законодательство Республики Беларусь с одной стороны будет способствовать обеспечению технологического прорыва, с другой – защите прав и основных свобод человека в новой цифровой реальности.

Библиографический список

1. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitiya-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).
2. Стратегический план формирования и развития законодательства об искусственном интеллекте в Республике Беларусь: разработан представителями школы хозяйственного права БГУ. – URL: https://t.me/economic_law_and_science/145 (дата обращения: 25.05.2025).

ПОНЯТИЕ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

Е. А. Гурьева

*доцент кафедры хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук
alenahuryeva@gmail.com*

Электронное правосудие – это форма осуществления правосудия, использующая информационно-коммуникационные технологии для взаимодействия судов, участников процесса и других заинтересованных лиц. Электронное правосудие в информационном обществе и государстве происходит на основе внедрения в процесс судопроизводства технических средств.

Ключевые слова: суд; электронное правосудие; информационное общество; электронный документооборот; электронное судопроизводство.

Становление электронного правосудия является одной из приоритетных задач государственной стратегии развития Беларуси. Единого подхода к определению понятия «электронное правосудие» на сегодняшний день ни на законодательном, ни на научном уровне в нашей стране не выработано. Вместе с тем, оно необходимо для установления направлений развития правового регулирования [1, с. 46].

Некоторыми учеными под электронным правосудием понимается применение различных информационных и коммуникационных технологий в гражданском процессе [2, с. 80–81]. Зарубежные исследователи полагают, что «электронное правосудие – это использование информационно коммуникационных технологий при осуществлении правосудия, использование электронных систем при выполнении действий, ранее выполняемых иным способом» [3, с. 26–31].

Аналогичная позиция по определению электронного правосудия сформулирована в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии, где «электронное правосудие определено как использование информационных коммуникационных технологий в реализации правосудия заинтересованными сторонам в юридической сфере».

Некоторые исследователи, определяя термин «электронное правосудие» выделяют только его основные элементы. Так, С. В. Василькова [4, с. 50] такое определение ограничивает только двумя элементами судопроизводства: возможностью удаленного общения между участниками процесса и возможностью передачи данных в недокументированной форме. Система электронного правосудия состоит из большего числа элементов, которые неправильно считать второстепенными по сравнению с указанными.

Особого мнения придерживается И. Ю. Кирвель, которая считает, что в электронном правосудии используются информационные коммуникационные технологии в процессуальной форме, которая означает определенный порядок рассмотрения и разрешения дел судом, и процессуальные действия совершаются в электронном виде» [5].

Анализ показывает, что различие в подходах сводится к акценту на использование ИКТ в судебном процессе и уточнению областей судебной деятельности, где предусматривается использование информационных технологий. В научных трудах недаром акцентируется внимание на необходимость выработки и закрепления единообразного определения понятия «электронное правосудие» в судебном процессе.

А. Е. Кириллов видит определение «электронное правосудие»: «в узком смысле как юрисдикционная правоприменительная деятельность с использованием электронных технологий, а процессуальная основа электронного правосудия – это совокупность (система) правовых норм, регулирующих порядок и форму такой деятельности; в широком смысле электронное правосудие отождествляется со всей судебной системой, с точки зрения обращения информации» [6]. С. В. Романенкова указывает, что «в широком смысле электронное правосудие – это совокупность автоматизированных информационных систем, носящих прикладной, вспомогательный характер, не изменяющих способов ведения судебного процесса. В узком смысле слова – собственно возможность участников судебного процесса осуществлять процессуальные действия» [7].

Иные авторы полагают, что вместо термина «электронное правосудие» следует использовать термин «электронное судопроизводство». Так, с точки зрения М. В. Чижова в незначительной степени затронуто содержание судебной деятельности [8, с. 32]. О. В. Степанов придерживается аналогичного мнения [9, с. 42–43].

Согласно вышеприведенным позициям, электронное судопроизводство – это только совокупность процессуальных действий, основанных на информационных коммуникационных технологиях.

Интерес представляет мнение В. А. Пономоренко, который под электронным правосудием понимает такой порядок рассмотрения дел, который полностью предопределяется электронной формой процессуального взаимодействия участников судебного процесса» [10, с. 26]. С точки зрения ученого термин «электронное правосудие» образовался «стихийно» и не соответствует внутренней лингво-логической форме представляемого им явления [11, с. 57].

В. И. Решетняк и Е. С. Смагина также утверждают, что технические новинки, обеспечивающие традиционную процессуальную форму, не могут рассматриваться как электронное правосудие [12, с. 18]. Кроме того, авторы отметили, что «понятие правосудия включает не только особый характер деятельности суда по рассмотрению и разрешению дел в установленной законом процессуальной форме, но и осуществление этой деятельности только судом в составе судей. Соответственно, до тех пор, пока рассмотрение дела будет осуществляться человеком, а не машиной, использовать термин «электронное правосудие» можно исключительно условно» [13, с. 18–19].

В рамках приведенной позиции целесообразно заострить внимание на отдельных моментах. *Во-первых*, правосудие вершит судья, а не машина. Споры о том, заменят ли в будущем судей машины, ведутся уже много лет. Некоторые исследователи видят возможным замену судьей электронной вычислительной машиной [14]. Другие же ученые утверждают, что «компьютеры не имеют возможности в полном объеме заменить человеческий фактор при устранении противоречий разрешая спор по существу, так как оценка доводов основана не только на логических способах мышления, но и на жизненном опыте» [15]. Большинство в юридическом сообществе не поддерживает идею «электронных роботов-судей» [16, с. 48; 17]. В свою очередь А. А. Иванов писал, что

«полная механизация права невозможна до тех пор, пока сохраняется человеческое общество. Это вспомогательный прием, который позволяет праву достигать своих целей, а не господствующий принцип, при помощи которого мы должны перестроить право» [18, с. 37– 39].

Во-вторых, в смысловой структуре изучаемого термина слово «электронный» имеет вторичное значение, не требующее детального анализа [1, с. 57]. Понятие «правосудие» полагается необходимым раскрыть с точки зрения юридической науки. По определению С. И. Ожегов «правосудие – это деятельность судебных органов» [19, с. 511]. По словарю В. И. Даля «правосудие – это правый суд, решение по закону, по совести... правда» [20, с. 380].

В современной практике используется определение правосудия как деятельность суда по рассмотрению и разрешению судебных споров с соблюдением норм материального и процессуального права и, при необходимости, принятию мер ответственности в целях охраны и защиты прав и законных интересов участников процесса [21, с. 35]. Правосудие – деятельность суда в строго регламентированной процессуальной форме, порядок организации судебного процесса с соблюдением прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.

Концепция «электронное правосудие» находится в активной стадии развития. Внедрение современных технологий в процесс отправления правосудия значительно изменило существующие способы обеспечения судопроизводства, позволило сформировать информационно-технологическую платформу, построенную на принципах доступности, прозрачности и гласности правосудия, что способствует развитию в Республике Беларусь электронного правосудия. В силу того, что это относительно новый институт, многие общие концептуальные понятия и категории еще не устоялись.

Представляется возможным предложить следующее определение. Электронное правосудие – процессуальная деятельность суда по осуществлению правосудия, в рамках которой удаленное (дистанционное) взаимодействие с участниками процесса, а также бездокументарная форма передачи данных (сведений) происходит с применением ИКТ, которая является альтернативным или субсидиарным средством взаимодействия, а также преимущественным способом относительно документарной формы передачи данных (информации), имеющих значение для производства по делу.

Библиографический список

1. Кондюрина, Ю. А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Кондюрина Юлия Алексеевна – Омск, 2020. – 197 с.
2. Балашов, А. Н. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве / А. Н. Балашов, Н. Г. Ефремова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 8. – С. 8–12.
3. Михайлов, А. С. Создание единого информационного пространства судебной системы России / А. С. Михайлов // Смальта. – 2015. – № 3. – С. 95–97.
4. Василькова, С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Василькова Светлана Витальевна – СПб., 2018. – 251 л.
5. Кирвель, И. Ю. Электронное правосудие: понятие, сущность, перспективы / И. Ю. Кирвель // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т; редкол. : И. Э. Мартыненко [и др.]. – Гродно, 2010. – С. 334–345.
6. Кириллов, А. Е. Процессуальные основы электронного правосудия / А. Е. Кириллов // Вестн. гражданского процесса. – 2018. – № 1. – С. 220–228.

7. Романенкова, С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран / С. В. Романенкова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 4. – С. 26–31.
8. Чижов, М. В. Применение информационных и коммуникационных технологий в судебной деятельности в условиях формирования информационного общества : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Чижов Максим Владимирович – М., 2013. – 179 л.
9. Степанов, О. В. Некоторые аспекты развития электронного судопроизводства в гражданском процессе в Республике Беларусь / О. В. Степанов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 5. – С. 42–43.
10. Пономаренко, В. А. Новое упрощенное производство: эра электронного правосудия наступила? / А. В. Пономаренко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 3. – С. 25–30.
11. Пономаренко, В. А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции / А. В. Пономаренко. – М. : Проспект, 2015. – 183 с.
12. Решетняк, В. И. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве. Российский и зарубежный опыт : учеб. пособие / В. И. Решетняк, Е. С. Смагина. – М. : Городец, 2017. – 302 с.
13. Сас, В. В. «Электронное правосудие» как элемент «сетевого общества»: теоретические проблемы / В. В. Сас // Юридическая наука. – 2012. – № 2. – С. 102–103.
14. Rule, C. Online dispute resolution for business: B2B, e-commerce, consumer, employment, insurance, and other commercial conflicts / C. Rule. – San Francisco : Jossey-Bass, 2002. – 326 p.
15. Parlade, C. Online dispute resolution and the future of justice / C. Parlade // Annu. Rev. of Law a. Social Science. – 2020. – Vol. 16. – P. 277–292.
16. Котлярова, В. В. К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия / В. В. Котлярова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 12. – С. 46–49.
17. Калинкович, В. Л. Информационные технологии и право: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / В. Л. Калинкович // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015) : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 мая 2015 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Минск, 2015. – URL: https://pravo.by/conf2015/files/proceedings_of_the_conference_2015.pdf. (дата обращения: 30.05.2025).
18. Иванов, А. А. О глубине механизации права / А. А. Иванов // Закон. – 2018. – № 5. – С. 37–39.
19. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов. – 15-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1984. – 816 с.
20. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Терра – Кн. клуб, 1998. – Т. 3. – 1782 стб.
21. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – 782 с.

О СООТНОШЕНИИ НОРМ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ

Т. А. Корень

*заместитель декана факультета экономики и права
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова
по идеологической и воспитательной работе,
кандидат юридических наук, доцент
koren@m.su.by*

В статье рассматриваются соотношение норм частного и публичного права на примере анализа законодательства Республики Беларусь об урегулировании неплатежеспособности. Выявлена их специфика, характерные элементы публично- и частноправовых составляющих.

Ключевые слова: публичное право; частное право; урегулирование неплатежеспособности; законодательство о банкротстве.

Сущность доктрины дуализма права заключается в делении права как единственного общеобязательного регулятора общественных отношений на частное и публичное [1, 2]. Относительно специфики банкротства, как важнейшего элемента рыночной экономики, отметим, что законодательство о банкротстве по мнению многих, в том числе зарубежных [3, 4] ученых, представляет собой уникальный правовой гибрид, в котором отношения между частными кредиторами и должниками пересекаются с соображениями общественного интереса. С. А. Карелина обращает внимание на комплексность законодательства о несостоятельности [3, с. 12], что обусловлено двойственной природой банкротства: с одной стороны, оно позволяет урегулировать претензии, с другой – сохранить системную экономическую стабильность.

В настоящее время преобладающей точкой зрения является рассмотрение института банкротства как комплексного правового института. Для него характерны взаимодействие частноправовых и публично-правовых средств, совпадение в одном лице субъектов, использующих как один, так и другой вид правовых средств, тесное переплетение частноправовых и публично-правовых норм. Первоначально в его основе лежат нормы, регулирующие долговые отношения между должником и кредитором. Являясь изначально институтом гражданского права (стст. 24, 61 ГК), он содержит значительное количество процессуальных норм. Указанное обусловлено тем, что нормы законодательства о процедурах несостоятельности и банкротства могут быть реализованы только в рамках процессуальной формы в деле об урегулировании неплатежеспособности.

Таким образом, механизм функционирования банкротных норм состоит в следующем: материальное право устанавливает критерии банкротства, а процессуальное право активирует сам механизм банкротства, «переводящий такого участника из разряда обычных, обладающих равной с остальными дееспособностью, в категорию особых, дееспособность которых определяется их правовым положением – объявленным судом статусом банкрота» [5, с. 591].

При этом главным назначением процессуальных норм в контексте банкротства видится создание условий для выведения из гражданского оборота должника либо его финансовая реабилитация и возвращение юридического лица в нормальный режим функционирования. В свою очередь, как справедливо писал В. Д. Перевалов, «процессуальное право по своей природе имеет публичные начала, поскольку в императивном порядке регламентирует деятельность судов, однако оно обеспечивает защиту и реализацию как публичных, так и частных интересов субъектов права, и полнота реализации зависит от совершенства процессуальной формы» [6, с. 13].

Академическая точка зрения относит процессуальное право к публичному (С. В. Дорохин, В. В. Жандаров, В. С. Каменков, И. Э. Мартыненко, Ю. Д. Подольский, М. Л. Скуратовский, В. В. Ярков [6–9]), но оно имеет элементы частноправового регулирования, например, отражающие диспозитивные полномочия его участников. Анализ норм об урегулировании неплатежеспособности позволил выделить такие элементы частного права: мировые соглашения (гл. 12 Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности»); иные соглашения; досудебное оздоровление; права кредиторов на удовлетворение требований; свобода, ограниченная законом, на заключение сделок и распоряжение имуществом должника и др.

В числе важных элементов публичного права выявлены: судебный контроль процедур урегулирования неплатежеспособности; приоритет компетенции суда, в частности, заключающийся в праве суда утвердить согласованный с уполномоченным государственным органом план санации при принятии собранием кредиторов решения об отказе в его согласовании в отношении должника – государственной организации (организации с долей государства), градообразующей или приравненной к ней организации, не являющейся государственной (с долей государства) (п. 9 ст. 111 Закона № 227-З); значительная роль государственных органов в предупреждении неплатежеспособности, согласование ими предварительных планов санации и планов санации, а также кандидатур управляющих в ряде случаев; защита публичных интересов при возбуждении дела в отношении отдельных категорий должников и др.

Сравнительный анализ белорусских законов, действовавших в различное время, и новелл Закона № 227-З позволяет сделать вывод об усилении публично-правовой составляющей регулирования процедур несостоятельности и банкротства. Ключевой проблемой является доминирование публичного контроля или наоборот приоритет частных интересов, которые могут привести к дисбалансу в регулировании.

Бесспорно, в реальной действительности публичный и частный интерес постоянно взаимодействуют между собой [10]. При этом разрыв между государственным и частным секторами проявляется в таких основных противоречиях, как: автономия кредиторов в противовес надзору со стороны регулирующих органов, эффективность урегулирования задолженности в противовес социальной защите, распределение частных активов в противовес приоритетам государственных доходов. Как показывает анализ законодательства различных стран и его эволюции, современные режимы банкротства во всем мире отражают непрерывную перекалибровку, когда юрисдикции применяют различные подходы, основанные на их правовых традициях и социально-экономических приоритетах.

Соглашаясь с позицией С. А. Карелиной, отметим особенности института несостоятельности (банкротства): направленность на достижение основной цели правового регулирования на основе разумного сочетания частноправовых и публично-правовых

средств; соразмерность применяемых публично-правовых средств цели правового регулирования [3, с. 11].

Следует признать факт того, что двойственность законодательства о банкротстве между публичной и частной составляющими остается необходимой, но по своей сути нестабильной. Баланс интересов основывается на процедурной прозрачности, сохраняющей автономию кредиторов, и ограниченном учете общественных интересов во избежание искажения рынка.

Таким образом, законодательство о банкротстве в Республике Беларусь, как и законодательство всех стран с рыночной экономикой, демонстрирует синтез частных и публичных начал, где частное право обеспечивает гибкость процедур, а публичное – гарантирует стабильность экономики через судебный контроль и защиту социальных интересов. В Республике Беларусь это соотношение отражает диалектику рыночных механизмов и государственного контроля. Поиск и обеспечение баланса между публичными и частными интересами видится главной задачей правоведов в постоянно меняющемся мире. Представляется, что оптимизация соотношения частного и публичного права в банкротстве будет способствовать защите прав кредиторов и устойчивости национальной экономики.

Библиографический список

1. Акинфиева, В. В. Публичное, частное, гражданское и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных источниках / В. В. Акинфиева, С. Г. Воронцов // Вестн. Пермск. ун-та. Юридич. науки. – 2020. – № 2. – С. 226–247.
2. Чуприн, М. Г. Соотношение норм частного и публичного права как правовая сущность законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / М. Г. Чуприн // Юрист. – 2020. – № 6. – С. 43–48.
3. Карелина, С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.03 / Карелина Светлана Николаевна; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 54 с.
4. Bankruptcy and the Public-Private Divide / L. N. Coordest // Yale Law & Policy. – 2025. – Review 4. – Issue 2. – 64 p. – URL <https://yalelawandpolicy.org/bankruptcy-and-public-private-divide> (date of access: 01.05.2025)
5. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. В. Ярков. – 10-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2025. – 830 с.
6. Перевалов, В. Д. Проблемы соотношения частного и публичного права в деятельности арбитражных судов / В. Д. Перевалов // Арбитражные суды: теория и практика правоприменения: сб. статей к 75-летию Арбитражного суда Свердловской области / отв. ред. И. В. Решетникова, М. Л. Скуратовский. – Екатеринбург, 2006. – С. 10–18.
7. Дорохин, С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект / С. В. Дорохин. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 136 с.
8. Мартыненко, И. Э. Судостроительство и судопроизводство по хозяйственным спорам: учеб. пособие / И. Э. Мартыненко. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 599 с.
9. Жандаров, В. В. Хозяйственный процесс в Республике Беларусь / В. В. Жандаров, В. С. Каменков. – Минск : Амалфея, 2000. – 224 с.
10. Бондаренко, Н. Л. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, М. С. Бондаренко, А. Г. Костенко // Эталон: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.05.2025).

МОДЕЛЬ ЗАВЕРЕНИЙ: КОНСТРУКЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. К. Кремлёва

*доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
okremlev@mail.ru*

В работе рассматриваются конкретные меры обеспечения ответственности корпораций за результаты осуществляемой деятельности. Гражданско-правовая ответственность недобросовестных организаций в пределах коммерческих отношений отнюдь не всегда компенсирует причинённые убытки. Для предотвращения подобных ситуаций предлагается на практике применять потенциал действующего законодательства, а именно настойчиво рекомендовать коммерческим организациям устанавливать меры корпоративной социальной ответственности.

Ключевые слова: обеспечение стабильной экономической деятельности; возложение ответственности; заверения об обстоятельствах; конструкция заверения в законодательстве; практика и потенциал применения заверений.

В ходе реформы обязательственного права ГК России дополнен ст. 431.2 Заверения об обстоятельствах (Федеральный закон от 8 марта 2015 г., № 42-ФЗ). В силу п. 1 ст. 431. 2 ГК России следует, что предоставившая при заключении договора либо до или после его заключения недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе относящихся к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий и разрешений, своему финансовому состоянию либо относящихся к третьему лицу), сторона обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку другой стороне. Из данной нормы следует, что, во-первых, такие заверения должны были быть предоставлены; во-вторых, указанные сведения должны обладать важным значением для заключения, исполнения или прекращения договора; в-третьих, должно быть доказано, что данные сведения оказались недостоверными; в-четвертых, сторона, пострадавшая от предоставления недостоверных сведений, должна потребовать от причинителя убытков их возмещения либо в качестве альтернативы уплаты договорной неустойки. Также в силу п. 2 ст. 431.2 ГК России добросовестная сторона вправе отказаться от договора, если только иное не предусмотрено соглашением сторон.

При оценивании действий сторон в качестве добросовестных или, напротив, недобросовестных, следует опираться на п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», то есть при понимании добросовестности исходить из поведения, ожидаемого от любого участ-

ника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, что в том числе подразумевает, содействие контрагенту в получении необходимой информации. В п. 34 Постановления Пленума № 49 разъяснено, что сторона договора, явно и недвусмысленно заверившая другую сторону об обстоятельствах, тем самым, принимает на себя ответственность за соответствие заверения действительности дополнительно к ответственности, установленной законом или вытекающей из существа регулирования обязательств.

Модель заверений предназначена для договорного регулирования распределения рисков посредством возложения ответственности за предоставление осведомлённой в силу объективных обстоятельств стороной договора информации другой стороне. Модель конструирует возникновение ответственности за предоставление договорных заверений, исходя из презумпции свободы воли, то есть, из предположения, что принятие решения происходит в связи с предоставлением или непредоставлением достоверной определённой информации, достаточной для формирования воли лица, чтобы установить его обязательства.

Смысл узаконения данной модели сводит к минимуму осуществление намерений не предоставлять контрагенту значимую информацию, исказить её или иным образом попытаться воспользоваться его неосведомленностью. В предпринимательских отношениях значение модели трудно переоценить. Так как ответственность заверявшего лица наступает за сам факт объективного несоответствия заверений действительности. Таким образом, данная модель способствует обеспечению более справедливого договорного обеспечения и в перспективе стабильного хозяйственного оборота.

В теоретических, но ещё более того в прикладных целях следует определить категории заверений. Среди заверений виднейшее место занимает информация достаточно важная для признания нарушений, допущенных в отношении заверений, достаточными для того, чтобы повлечь возмещение ущерба или взыскание договорной неустойки, а возможно и отказ от исполнения договора. В первую очередь, это существенные условия договора, каковым всегда выступает предмет договора. В таком случае последствия недостоверности заверений вытекают из общих положений о договорах и обязательствах ст.431.1, ст.450, ст.451.1, ст.451 ГК России.

Модель заверений весьма продуктивна для применения в договорных отношениях, поскольку позволяет возложить ответственность за информирование об обстоятельствах возникновения обязательств, способных в будущем стать причиной убытков приобретателя. Так, другой категорией заверений, являются заверения об обстоятельствах, касающихся состояния финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов на момент совершения сделки, с их имуществом имеют непосредственное отношение к предмету договоров о его отчуждении. В результате дачи таких заверений теряет всякий смысл злонамеренное отчуждение имущества субъектов, находящихся в предбанкротном состоянии, а также дезинформация о финансово-положении хозяйственных обществ при купле-продаже долей в уставном капитале и пакетов акций. Опираясь на толкование п. 35 Постановления Пленума № 49 и абз.3 п.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. №54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», возможно невинное вменение в соответствии с

п.4 ст.431.2 ГК России в отношении лиц, отвечающих критериям осуществления предпринимательской деятельности, а именно в случае недостоверности заверения предусмотренные п.1 и п.2 ст.431.2 ГК России последствия, применяются к предоставившему заверение лицу и не требуют доказывания независимо от его поведения и вне зависимости от того, было ли ему известно о недостоверности заверений. К заверениям предпринимателей приравниваются заверения данные в связи с заключением корпоративных договоров, договором об отчуждении акций (долей в уставном капитале) хозяйственных обществ. Так, например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021, где оспаривалось требование о солидарном взыскании неустойки за недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи доли в уставном капитале общества, установлено: «продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности Общества, по общему правилу отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и возникновением (выявлением) соответствующих нарушений, неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки и т.п.».

Возникает вопрос о глубине ретроспективности сведений о хозяйственно-финансовой деятельности, способной повлечь искажение представлений об истинном положении дел и повлиять на принятие решения о приобретении активов или титулов собственности на них. Полагаем, что заверения даются лишь в отношении конкретных состоявшихся юридических фактах. Именно за такие факты одна сторона договора ручается перед другой. Поручиться за действия иных лиц было бы превышением полномочий, то есть достоверность всех иных фактов не подлежит заверению стороной отношений, а, следовательно, не подлежит ответственности и ущерб, причинённый действиями третьих лиц. Так, например, продавцы кооперативных паёв, акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ способны дать заверения только в пределах собственной правоспособности, не выходя в сферу компетенции деятельности хозяйствующих субъектов, а стало быть не подлежат взысканию убытков или в качестве альтернативы неустойки за результаты их деятельности и, разумеется, не возникает основания для расторжения договора о продаже паёв, долей и акций. Более того, в случае возникновения претензий к приобретателю, которому в договоре, опосредующем отчуждение имущества предоставлялись заверения, по поводу данного имущества возникают претензии, возникновение которых по мнению нынешнего обладателя обусловлено предшествующим периодом владения, ему следует привлечь заверявшего его при отчуждении лицо к судебному или административному процессу. В ином случае, воспользовавшись нормой ст. 431.2 ГК России, истец рискует снижением меры ответственности заверителя. Действительно, в отношении обстоятельств. В предшествовавших отчуждению и по поводу которых собственно и давались заверения, отчуждатель был способен сократить или ликвидировать соответствующие претензии (ст. 404 ГК России), будучи способным дать разъяснения в процессе (ст.462 ГК России). Полагаем, что применение указанных норм возможно привлекать к

аргументации в отношении не только купли–продажи, но и иных договоров, содержащих заверения по аналогии (п.1 ст.6 ГК России) вплоть до формирования специальных норм, регулирующих этот порядок.

Требуется анализа степень влияния на намерение покупателя заключить наличия информации о предшествующих нарушениях обязательств и (или) обязательных требований, допущенных контрагентом до момента совершения сделки. Такие нарушения качественно изменяют обстоятельства, создавая основания для предъявления кредиторами, в том числе и органами публичной власти соответствующих претензий. В отношении новых владельцев данная ситуация создаёт эффект «неразорвавшейся бомбы», так как может привести как к последствиям в диапазоне от уменьшения реальной стоимости приобретённого имущества до полной его утраты. Иллюстраций подобных ситуаций огромное множество: снижение величины оценки уставного капитала хозяйствующего субъекта и соответственно стоимости долей в нём, отзыв лицензий и прекращение хозяйственной деятельности и т.п. Заверения могут и должны охватывать достоверное информирование о состоянии дел на момент заключения сделки и не способны гарантировать отсутствие риска наступления неблагоприятных событий в будущем. Однако вся предшествующая деятельность хозяйствующего субъекта должна быть охарактеризована исключительно полно и достоверно. В противном случае суды встанут на позиции компенсации потерь за наступление неблагоприятных последствий, возникших в результате несоответствий данным заверениям, побудившим совершить сделку на согласованных контрагентами условиях. Так, например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021, где оспаривалось требование о солидарном взыскании неустойки за недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи доли в уставном капитале общества, установлено: «продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности Общества, по общему правилу отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и возникновением (выявлением) соответствующих нарушений, неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки и т.п.». Основываясь на этой логике, Суд, установив, что «условия заключенного сторонами договора свидетельствуют о том, что ответчики – продавцы долей в уставном капитале предоставили покупателю информацию о соответствии Общества обязательным (лицензионным) требованиям на момент совершения сделки, дав заверения о достоверности этой информации ... Следовательно, последующий отзыв у Общества лицензии на ведение деятельности форекс-дилера в связи с нарушениями, допущенными до перехода прав на доли в уставном капитале ... образует основания для предъявления к продавцам долей соответствующих требований в силу п. 1, 2 ст. 431.2 ГК России». Также важно отметить, что Высшая судебная инстанция отвергла выводы нижестоящих судебных инстанций о малозначительности допущенных нарушений, поскольку они относятся к предмету заключенного договора. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации прямо указал, что субъект,

полагавшийся на заверения предыдущих владельцев, «обезопасил себя от неблагоприятных имущественных последствий в силу самого факта получения заверений и, соответственно, не обязан обеспечивать оспаривание претензий, предъявленных контрагентами или органами публичной власти за счет Общества и (или) за свой счет, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из содержания заверения».

Теоретико-прикладные перспективы развития норм о заверениях в правовом обеспечении экономики состоят в том, что расширяют и упрочивают пределы допустимости привлечения к ответственности в пользу пострадавшей стороны не только в установленных законом случаях, но и на основании договора. Сопутствующим выводом выступает допустимость взыскания неустойки с ответчиков в солидарном порядке, причём в связи с неисполнением данных соответчиками заверений более не требуется доказывания, а трактуется из общего смысла статьи 322 ГК России. Учитывая тенденцию расширения категорий объектов гражданских прав обладающих обязательственной природой, значение развития норм о заверениях трудно переоценить, поскольку именно защита прав и законных интересов добросовестных участников играет первоочередную роль в обеспечении стабильной экономической деятельности.

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО (ХОЗЯЙСТВЕННОГО) ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А. В. Михайлов

*заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права юридического
факультета Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
avrn@pravmail.ru*

В статье поднимается вопрос о перспективах развития предпринимательского (хозяйственного) права в современных условиях развития цифровой экономики. Высказывается идея о необходимости разработки концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательское право; хозяйственное право; цифровизация; методы правового регулирования

В Беларуси и России сложился различный терминологический подход к обозначению правового образования, содержащего нормы, регулирующие отношения осуществления, организации, регулирования и обслуживания предпринимательской деятельности. В России используется термин «предпринимательское право», в Беларуси – «хозяйственное право». Предмет предпринимательского или хозяйственного права можно обозначить как «хозяйственные отношения». С позиции учения о методах правового регулирования к предмету предпринимательского права относятся отношения: осуществления («горизонтальные» предпринимательские), управления (регулирования), организации (внутрихозяйственные отношения, включая корпоративные, и организационные некоммерческие) предпринимательской деятельности. Здесь присутствуют черты методов предпринимательского права, обусловленные взаимодействием фундаментальных приемов правового регулирования [1, с. 10].

Цифровые технологии оказывают влияние на методы правового регулирования, воздействуют на систему субъектов, объекты и содержание предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом само по себе развитие цифровизации – процесс, который обеспечивается и регулируется нормами права. Развитие законодательства в цифровую эпоху должно быть связано, прежде всего, с необходимостью правового обеспечения новых технологий.

Цифровизация приведет к «прозрачности» отношений, многие аспекты экономической жизни будут открыты как для общества, так и для контролирующих органов. Развитие системы финансового мониторинга обеспечит практически полную открытость всех финансовых операций для контролирующих органов. Многие действия уже не привязаны к какой-либо определённой территории. Это будет способствовать унификации законодательства государств, развивающих цифровизацию в условиях рыночной экономики.

В цифровую эпоху изменится взаимодействие покупателя и продавца, классические договорные конструкции купли-продажи могут отойти на второй план. В итоге мы получим договорную конструкцию, когда бывший «продавец» оказывает услугу по

производству объекта по техническим параметрам контрагента на своих производственных мощностях. Изменится и привычное распределение прав, обязанностей и ответственности сторон договора [2, с. 63].

Начинает формироваться шестой технологический уклад, к которому относятся нанотехнологии, технологии искусственного интеллекта, генно-инженерные и клеточные технологии, 3D-печать, глобальные информационные сети, возобновляемые источники энергии, высокоскоростные транспортные системы. Внедрение шестого технологического уклада позволяет также сделать выводы о ценности экономической свободы. Решающим фактором производства станет человеческий капитал, творческие, интеллектуальные способности. Они наиболее ярко раскрываются в условиях общественной и экономической свободы. Принятие большого числа правил и требований, «перерегулированность» экономических отношений ведет к ориентации не на качественные, а на количественные показатели развития.

Шестой технологический уклад возможен только в условиях цифровой экономики. Очевидно, определенные изменения произойдут и в системе отраслей права, деформации подвергнется большинство отраслей. Цифровизация как межотраслевое явление приведет к их взаимопроникновению, взаимодействию, к развитию межотраслевых связей. Шестой технологический уклад сделает особо актуальными информационное, энергетическое, право интеллектуальной собственности. Очевидно, мы увидим «размыв» границ классических отраслей права и более динамичное развитие комплексных отраслей права, вплоть до их перерастания в основные отрасли.

Как отразятся эти изменения на предпринимательском (хозяйственном) праве? Можно обозначить два возможных варианта событий. При первом варианте предпринимательское право будет «размыто» между отдельными новыми правовыми образованиями, такими как инвестиционное право, генноинженерное право, облачное право и т.п. При втором варианте (который возможен при активной научной позиции ученых) – предпринимательское (хозяйственное) право способно занять ведущее место в системе формируемых отраслей права, обеспечивающих развитие новых технологий.

Методы гражданского права пригодны для регулирования однородных отношений «горизонтального» характера – отношений, основанных на равенстве, автономии воли сторон. Методы предпринимательского права основаны на взаимодействии приемов частного и публичного права. Именно методы предпринимательского права способны обеспечить баланс интересов всех субъектов.

Более того, предпринимательское (хозяйственное) право способно стать объединяющей супер-отраслью для всех комплексных отраслей (суботраслей), основанных на взаимодействии частно-правового и публично-правового методов регулирования. Во всех комплексных отраслях присутствуют, по-видимому, одни и те же закономерности взаимодействия указанных методов. Объединение возможно именно по основанию действия специфической системы методов (приемов, способов, средств регулирования). Информационное, энергетическое, корпоративное, конкурентное, спортивное право можно рассматривать как суботрасли в составе предпринимательского (хозяйственного) права.

Цифровизация позволяет сделать вывод и о перспективах законодательного регулирования. Информация будет основным фактором производства и развития. Нас в будущем ждет большой поток информации во всех сферах общественной жизни, в том

числе и в экономической сфере. Поэтому крайне важно иметь структурированные унифицированные юридические данные – и в плане определения круга субъектов, и в части установления объектов права. Юридическая терминология должна также быть единообразной и удобной для программного структурирования. Необходимо иметь современные и непротиворечивые источники права с выверенным аппаратом однозначно определяемых терминов.

Для достижения указанной цели необходима серьезная работа по реформированию и концептуальному совершенствованию правового регулирования отношений с участием предпринимателей в форме консолидации либо кодификации. Не исключено, что в условиях цифровизации вопрос о разработке Предпринимательского (или Хозяйственного) кодекса может быть рассмотрен с таких позиций. Отметим, что в Беларуси в 2024 г. уже обоснована идея создания такого кодекса и предложена концепция содержания Хозяйственного кодекса Республики Беларусь [3].

Целесообразно совершенствование законодательства о хозяйственной деятельности поэтапно. На первом этапе необходимо разработать и провести обсуждение Концепции развития законодательства. Вторым этапом может выступить обсуждение перспектив систематизации законодательства. Третий этап – разработка и принятие кодифицированного акта. Это позволит устранить существующие противоречия в нормативных актах, выработать единую терминологию, обеспечить целостную структуру нормативного акта, что повысит эффективность правового регулирования [1, с. 15]. Совершенствование законодательства о хозяйственной деятельности необходимо при опоре на материалы научных исследований.

Для нормального развития экономики, особенно инновационного типа, необходимо сочетать правовые средства отраслей права. Практически любая область экономической деятельности может быть охарактеризована как межотраслевая сфера правового регулирования. Именно сочетанием частных и публичных средств осуществляется антимонопольное регулирование, поддержка малого бизнеса, привлечение инвестиций и т.п. Совершенствовать необходимо все правовые образования, имеющие отношение к построению инновационной экономики – гражданское, трудовое, административное, финансовое законодательства в их взаимосвязи.

Именно для реализации этого подхода целесообразно начать разработку Концепции развития экономического (или хозяйственного) законодательства, учитывая опыт Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Более того, учитывая интеграционные процессы в современной экономике, следует подумать о разработке соответствующей концепции на уровне Союзного государства или ЕАЭС.

Библиографический список

1. Михайлов, А. В. Методы предпринимательского права: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.3 / Михайлов Андрей Валерьевич; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2025. – 58 с.
2. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : моногр. / Отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. – М. : Проспект, 2020. – 488 с.
3. Конаневич, Ю. Г. Хозяйственная деятельность как объект правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Конаневич Юрий Григорьевич; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2024. – 28 с.

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РИСКОВ В АСПЕКТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДЕЛИКТА

Д. И. Михайлов

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
Гомельского государственного университета имени Фрнциска Скорины,
кандидат юридических наук, доцент
dimin.mitr@yandex.by*

В статье рассматриваются хозяйственно-правовые аспекты соотношения имущественных интересов участников коммерческой организации и рисков, возникающих при принятии решений органами управления, которые оказывают существенное влияние на установление факта нарушения прав самой организации и ее участников. Также внимание уделено проблеме разграничения допустимых и недопустимых рисков в зависимости от их соответствия требованиям добросовестности и разумности корпоративного управления.

Ключевые слова: риск; коммерческая организация; оспариваемая сделка; оспариваемое решение; добросовестность; разумность; корпорация; корпоративное управление; корпоративный деликт; имущественный комплекс; предпринимательская деятельность; имущественный интерес

В соответствии с правилом п. 3 ст. 49 ГК лицо, действующее от имени юридического лица (директор, председатель правления) должно осуществлять свои полномочия в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Значимым отличием указанной нормы от п. 3 ст. 53 Ч. 1 ГК России является отсутствие оговорки о распространении требований добросовестности и разумности корпоративного управления на членов коллегиальных органов юридического лица. По нашему мнению, в зависимости от толкования ряда норм законодательства Республики Беларусь требование о добросовестности и разумности корпоративного управления следует распространить на решения коллегиальных органов, несмотря на отсутствие соответствующей формулировки в п. 3 ст. 49 ГК. С точки зрения как правила п. 3 ст. 49 ГК, так и п. 3 ст. 53 Ч.1 ГК России, корпоративные риски, возникающие вследствие принятия того или иного решения органом управления корпорации, следует дифференцировать на допустимые, то есть соответствующие требованиям добросовестности и разумности и недопустимые – не отвечающие указанным требованиям. Однако по причине категориальной оценочности добросовестности и разумности квалификация конкретного риска как допустимого или недопустимого, представляет собой исключительную сложность и оказывается в определенной зависимости от экономических прогнозов. При этом необходимость такой квалификации может возникнуть при применении судами положений ст. 182.2 ГК Беларуси, ст. 45, 57.1 и 58 Закона «О хозяйственных обществах». Возникновение и (или) реализация права участника или акционера на оспаривание решения собрания или сделки организации зависит от доказывания факта ущемления имущественных интересов и (или) возникновения неблагоприятных последствий.

Допустимый риск, возникший в результате исполнения оспариваемого решения или сделки, не может быть квалифицирован как обстоятельство, ущемляющее интересы участника (акционера) и (или) представляющее собой угрозу возникновения неблагоприятных последствий. При этом не следует рассматривать в качестве законного интереса юридического лица и его участников полное исключение рисков при осуществлении хозяйственной деятельности. Основным критерием признания интереса законным является его соответствие нормам действующего законодательства. В соответствии с ст. 1 ГК риск обозначается в качестве признака предпринимательской деятельности. Допустимость инвестиционных рисков вытекает из легальных дефиниций акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью, которые закреплены в п.1 ст. 86, п.1 ст. 96 ГК. Как справедливо отмечают Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневич, важное методологическое значение имеет и проблема разграничения правовой и организационной природы предпринимательской и коммерческой деятельности, приобретающая концептуальный характер [1, с. 11].

Таким образом, прогнозируемые (предвидимые) риски, возникающие вследствие добросовестных и разумных решений и действий органов управления организации корпоративного типа, следует считать допустимыми, а, следовательно – не нарушающими законных интересов участников. В отличие от допустимых недопустимые риски, в том числе возникшие в результате исполнения оспоримых сделок организаций и решений их органов управления, следует рассматривать как обстоятельства, ущемляющие интересы как самой организации, так и ее участников, так как такие риски не соответствуют требованиям добросовестности и разумности управления организацией. В этой связи, применительно к реализации права на защиту имущественных интересов организации ее участников, сложно согласиться в полной мере с позицией Н. С. Малеина и Д. Н. Новокрещенова о разграничении ответственности и риска [2, с. 33–34; 3, с. 88]. Данная точка зрения справедлива в части некорректности смешения ответственности и риска в рамках обязательственных (договорных) правоотношений, на негативные правоприменительные последствия которого обоснованно указывает В. В. Абрамов [4, с. 109]. Относительно защиты имущественных интересов корпорации и ее участников следует согласиться с мнением О. С. Гринчук, согласно которому понятия риска и ответственности связаны между собой через категорию имущественных потерь [5, с. 208]. В то же время сущность ранее обозначенной проблемы состоит как в отсутствии в нормах действующего законодательства Республики Беларусь положений о критериях допустимости рисков, так и в сложности их разработки, а равно поиска альтернативных способов отграничения приемлемых и неприемлемых рисков. Данные сложности обусловлены, прежде всего, не отсутствием возможности определения количественной (стоимостной) составляющей большинства рисков с помощью методологии экономической науки, а вариативностью приоритетов при определении соотношения разнонаправленных свойств (элементов) отдельно взятого риска. Как справедливо отмечает Д. А. Горячкина, проблема риска стоит в ряду таких теоретических правовых проблем, при решении которых юридическая наука неизбежно сталкивается с особым соотношением субъективной и объективной составляющих [6, с. 90]. Условные или расчетные границы допустимости любого риска, возникающего в результате исполнения оспоримой сделки или решения собрания, могут быть определены применительно к таким элементам, как вероятность, альтернативность, масштаб.

Квалификация риска как недопустимого, то есть возникшего вследствие недобросовестных и неразумных действий или решений, безусловно, не представляет особой сложности, если все указанные элементы риска могут быть рассчитаны по нескольким экономическим методикам и при этом по результатам этих расчетов однозначно подтверждается: а) исключительно высокая степень вероятности наступления неблагоприятных для организации и ее участников последствий; б) значительный масштаб таких последствий; в) наличие необременительных возможностей для избежания возникновения данного риска при управлении организацией и ее имущественным комплексом. Риск, обладающий такими свойствами, следует рассматривать как обстоятельство, нарушающее имущественные интересы участников организации.

Однако далеко не каждый риск одновременно характеризуется как исключительной степенью вероятности материализации, так и значительным масштабом неблагоприятных последствий, а также наличием необременительных возможностей избежания его возникновения. Многие риски могут, с одной стороны характеризоваться низкой степенью вероятности материализации и наличием необременительных возможностей для избежания их возникновения, а с другой – исключительным масштабом неблагоприятных последствий. Для такого соотношения составляющих риска определяющим фактором для его квалификации в качестве недопустимого с точки зрения добросовестности и разумности, на наш взгляд, является степень его альтернативности, то есть возможности его избежания.

Однако констатация недопустимости риска, минимального по вероятности, но значительного по масштабу возможных последствий, существенно осложняется при наличии у рискованного решения или сделки только условно-необременительных управленческих альтернатив. С одной стороны, такие альтернативы полностью исключают возникновение значительных неблагоприятных последствий, с другой – допускают утрату возможности существенного улучшения финансовых результатов или увеличения имущественного потенциала юридического лица. Осуществляя выбор между сделкой или решением, порождающим минимальный по вероятности, но значительный по последствиям риск и управленческой альтернативой, которая со значительной степенью вероятности порождает риск упущенной выгоды или иных экономически-благоприятных возможностей, уполномоченный орган юридического лица действует в зависимости от приоритета экономической эффективности или надежности. Ограниченным ориентиром в определении приоритетов между эффективностью и надежностью управления организацией при оспаривании сделок и решений может стать утвержденный уполномоченным органом бизнес-план (бизнес-стратегия). Хотя не всякий бизнес-план позволяет однозначно определить приоритет надежности или эффективности.

Определенные сложности возникают также в связи с признанием наличия или отсутствия допустимости риска, минимального по масштабу последствий, но значительного по степени вероятности их наступления, особенно если имеются безусловно-необременительные управленческие альтернативы относительно сделки (решения), порождающей такой риск. Представляется, что это следует квалифицировать как не соответствующее требованиям добросовестности и (или) разумности, по причине наличия, как минимум, одной безрисковой управленческой альтернативы. Однако из данной

констатации нельзя сделать однозначный вывод об обоснованности исковых требований участников корпорации об оспаривании сделок и решений по основаниям, элементом которых является факт нарушения имущественных интересов участника.

Проведенный анализ норм законодательства Республики Беларусь об оспаривании сделок юридических лиц и решений их органов управления по основаниям, элементом которых является факт ущемления имущественных интересов участников, применительно к рискам, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Риски, возникшие вследствие добросовестных и разумных действий органов управления юридического лица, следует считать допустимыми, возникновение которых не может квалифицироваться как ущемление имущественных интересов организации и ее участников.

2. Дифференциация допустимых и недопустимых рисков возможна только исходя из таких фактических свойств (элементов) рисков, как вероятность материализации, масштаб неблагоприятных последствий и наличие (отсутствие) необременительной возможности избежания.

3. Дифференциация рисков возможна, но сопряжена с рядом правовых (квалификационных) проблем, в том числе проблемы имущественного целеполагания юридического лица, разрешение которых, на наш взгляд, возможно при уяснении правовой природы имущественного комплекса организации, в частности соотношения его функций исходя из цели деятельности юридического лица.

Библиографический список

1. Бондаренко, Н. Л. Методологический подход к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности, и определению методики преподавания учебных дисциплин, формирующих знания о них / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права. – 2022. – № 1. – С. 9–24.

2. Малейн, Н. С. Вина – необходимое условие ответственности / Н. С. Малейн // Советское государство и право. – 1971. – № 2. – С. 33–34.

3. Новокрещенов, Д. Н. К вопросу о соотношении риска, вины и гражданско-правовой ответственности / Д. Н. Новокрещенов // Сибирский юрид. вестн. – 2010. – №2. – С. 85–89.

4. Абрамов, В. В. О понятии риска как цивилистической категории / В. В. Абрамов // Бизнес, менеджмент и право. – 2011. – № 2(24). – С. 108 – 112.

5. Гринчук, О. С. Актуальные вопросы теории рисков в гражданском праве / О. С. Гринчук // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2014. – № 2. – С. 205 – 209.

6. Горячкина, Д. А. К вопросу о категории «риск» в теории гражданского права / Д. А. Горячкина // Вестн. Пермск. ун-та. – 2011. – №3. – С. 90–99.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Н. В. Пантелеева

*доцент кафедры хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
natalivik@tut.by*

Исследование посвящено изучению правовых основ осуществления инвестиций и инвестиционной деятельности в сфере промышленности. Рассматриваются аспекты национального зарубежного правового регулирования обеспечения безопасности инвестиций как ресурса развития промышленности.

Ключевые слова: промышленность; инвесторы; инвестиционная деятельность; промышленная организация; предприятие; промышленное производство; промышленная политика.

Актуальность темы заключается в том, что осуществление инвестиций в области промышленности имеет ключевое значение для эффективности и безопасности развития национальной экономики страны. Согласно положениям Директивы Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях экономической безопасности государства», Закона «Об инвестициях» и др. инвестиции в промышленность воздействуют на обеспечение стабильности и безопасности национальной экономики. При этом сами процесс осуществления инвестиций и содержание отношений инвестиционного характера должны соответствовать требованиям законодательства об обеспечении национальной безопасности (не только национального, но и иностранного права).

Осуществление инвестиций в промышленное производство способствуют реализации ключевых элементов промышленной политики, (которые в отсутствие единого нормативного правового акта, определяющего концепцию промышленной политики представлены в отдельных источниках национального законодательства), направленных на развитие и расширение различных отраслей и экономических комплексов в рамках правовой конструкции промышленности.

Надлежащее функционирование промышленности находится в основе экономической безопасности, поскольку именно промышленное производство находится в основе обеспечения технологического суверенитета Республики Беларусь. Фактически данная идея содержится в положениях Директивы Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях экономической безопасности государства», в силу которой «наибольшую актуальность в сфере экономической безопасности Республики Беларусь имеет обеспечение сбалансированного развития организаций и повышение эффективности их работы за счет роста добавленной стоимости, повышения объемов промышленного производства с сокращением объемов уже произведенной продукции, соответственно – увеличением экспорта товаров, прибыльных и эффективных инвестиционных проектов, укрепления рентабельности промышленных организаций в целях обеспечения качественного экономического роста». В соответствии с ч. 1.8 указанной Директивы одной из задач по укреплению экономической безопасности государства является налаженное сотрудничество белорусских производителей с

профильными транснациональными корпорациями для привлечения прямых иностранных инвестиций, обеспечивающих: «возможность использования современных технологий, оборудования, патентов на производство новейших видов продукции; получения доступа к товаропроводящей сети транснациональных корпораций».

В подтверждение этому Приложение к Положению «Об организации мониторинга важнейших показателей экономической безопасности Республики Беларусь» (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 2007 г., № 226) важнейшим показателем определяет долю инвестиций в основной капитал в ВВП, тогда как согласно п. 29 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, одной из угроз национальной безопасности является недостаточность объемов и низкое качество инвестиций.

По данным Министерства экономики Республики Беларусь за январь – апрель 2025 г. темп роста инвестиций в основной капитал к аналогичному периоду 2024 г. составил 115,0% [4]. На этой основе, сфера промышленного производства в Республике Беларусь является приоритетной в рамках реализуемой инвестиционной политики. В то же время в данной области наблюдается недостаточный объем привлекаемых инвестиций, что требует совершенствования законодательства, регулирующего отношения инвестиционного характера (причем как инвестиционных отношений, регулируемых Законом «Об инвестициях», так и фискально-инвестиционных отношений). В этой связи интерес представляют аспекты промышленной политики в отношении привлечения инвестиций Республики Казахстан. В частности, Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2021 г. «О промышленной политике» закрепил методику привлечения инвестиций в промышленность государственными органами и организациями.

Процессы по привлечению инвестиций объединяют аспекты инвестиционной и промышленной политики государств. Такая концепция должна содержать в себе условия благоприятного режима для инвестиций, систему преференций, гарантии инвесторам и их защиту.

Законодательство об осуществлении инвестиций в пределах гражданского оборота и законодательство о государственных инвестициях (фискально-инвестиционное законодательство) содержит ряд ограничений для осуществления инвестиций, обусловленных содержанием национальной безопасности. Ч. 2 ст. 7 Закона «Об инвестициях» устанавливает, что ограничения вводятся в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав, свобод и интересов других лиц. Подобные ограничения имеют аналогичный характер в иностранных юрисдикциях. Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС 2019/452 от 19 марта 2019 г. «Об установлении правовых рамок для прямых иностранных инвестиций в Союз» (далее – Регламент ПИИ) устанавливает факторы безопасности для государств-членов ЕС при оценке прямых иностранных инвестиций с позиции инвесторов, не входящих в ЕС.

Положения Регламента ПИИ были приняты и адаптированы рядом государств-членов ЕС. Например, Министерством промышленности и торговли Чешской Республики предусмотрен механизм контроля за некоторыми иностранными инвестициями. Право Чешской Республики ограничивает или запрещает инвестиции, которые расценены как несущие угрозу. Министерство промышленности и торговли наделено правом отменять и запрещать осуществление инвестиций, признанных подозрительными, включая уже привлеченные на территорию страны [6]. Такой же позиции придерживается и Министерство экономики и энергетики Германии, и др. Подобные национальные механизмы контроля и проверки иностранных инвестиций

предусмотрен во многих других странах ЕС, особенно, если инвестиции осуществляются в отрасли и экономические комплексы национальной экономики, имеющие стратегическое значение. Проверке подлежат преимущественно три фактора: личность иностранного инвестора, содержание иностранных инвестиций, условия их осуществления [3].

Правовое регулирование осуществления инвестиций в промышленности должно развиваться в рамках следующих направлений:

1) надлежащее функционирование национальной промышленности находится в основе национальной экономической безопасности, поскольку именно промышленное производство – основа обеспечения технологического и производственного суверенитета Республики Беларусь.

2) сфера промышленного производства в Республике Беларусь является приоритетной в рамках реализуемой инвестиционной политики. В то же время в данной области наблюдается недостаточный объем привлекаемых инвестиций, что требует совершенствования законодательства: регулирующего инвестиционные отношения.

3) привлечение инвестиций в области промышленности можно обозначить как инвестиционно-промышленная ориентация, объединяющая аспекты инвестиционной и промышленной политики государств. Такая концепция должна содержать четкие условия благоприятного режима для инвестиций, систему преференций, гарантии инвесторам и их защиту.

4) формирование правовой концепции безопасности инвестиции в промышленность как одного из приоритетных направлений промышленной политики, от которого напрямую зависит безопасность национальной экономики;

5) создание правового механизма и организационных условий для увеличения объемов инвестиций в промышленное производство, обеспечивающего национальный технологический и производственный суверенитет.

6) формирование системы легальных барьеров, необходимых для обеспечения национальной экономической безопасности и национальной безопасности в целом при осуществлении инвестиций в промышленность.

7) формирование особого, преференциального и репрессивного правовых режимов для обеспечения национальных интересов в рамках реализации промышленной политики.

Библиографический список

1. Комитет по иностранным инвестициям в США (CFIUS). – URL: <https://www.congress.gov> (дата обращения: 15.09.2025).
2. Особенности правового регулирования иностранных инвестиций в США . – URL: <https://inter-legal.ru/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-inostrannyh-investitsij-v-ssha> (дата обращения: 15.09.2025).
3. Результаты инвестиционной деятельности: материалы сайта Министерства экономики Республики Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/ru/pezzultat-ru> (дата обращения: 15.09.2025).
4. Экспертиза иностранных инвестиций в ключевых секторах в Чешской Республике. – URL: <https://www.ecovislegal.cz/ru> (дата обращения: 15.09.2025).

О ПЕРСПЕКТИВАХ СБЛИЖЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В. В. Козловская

декан юридического факультета

Витебского государственного университета имени П. М. Машерова

viojuk@yandex.by

В статье рассматриваются современные тенденции и перспективы сближения законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в области охраны, правового регулирования промышленной собственности и использования ее объектов. Внимание уделено возможностям создания совместного маркетплейса промышленной собственности.

Ключевые слова промышленная собственность; Республика Беларусь; Российская Федерация; Союзное государство; гармонизация законодательства; правовая интеграция; сеть Интернет; маркетплейсы промышленной собственности.

Отношения в сфере сети Интернет охватывают миллионы пользователей сети, в том числе и в пределах пространства Союзного государства, в рамках которого Беларусь и Россия сосуществуют уже продолжительное время, но лишь недавно странами было подписано Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности. Среди закрепленных Соглашением задач, одной из первых заявлена гармонизация национального законодательства Сторон в сфере ИС. Это требует особого внимания к выработке подходов к правовому регулированию таких отношений. Различия в национальных системах права Беларуси и России создают трудности на пути к единству правового регулирования рассматриваемых отношений. Некоторые из этих различий существенны.

Например, в части юридической техники они заключаются в том, что в Беларуси правовые нормы об интеллектуальной (промышленной) собственности не кодифицированы, а являются частью нескольких нормативных правовых актов – содержатся и в ГК, и в специальных законах, посвященных отдельным объектам промышленной собственности. Много специфики обнаруживается и в содержательном плане. Так, гражданско-правовая доктрина и законодательство Республики Беларусь не восприняли концепцию интеллектуальных прав, закрепленную в ГК России; разнятся подходы и в понимании того, что такое в целом промышленная собственность. Эти несоответствия, как препятствия и административные барьеры на пути развития общего – союзного – рынка промышленной собственности имеют значение в дальнейшем нормотворчестве в этой области. В связи с данными обстоятельствами необходимо обсуждать вопросы сближения законодательства стран, образующих Союзное государство.

В случаях, когда объекты промышленной собственности используются или права на них нарушаются в доменных зонах, принадлежащих Беларуси или России (например, при продаже товаров через маркетплейсы или обычные интернет-магазины), это оказывает значительное влияние на рынки Союзного государства, затрагивает инте-

рессы потребителей и права конкурирующих между собой субъектов предпринимательства. Как отмечает А. В. Михайлов, в современных условиях всеобщей цифровизации территориальные границы многих товарных рынков будут размываться [1, с. 562]. Это заметно уже сейчас на примере экономического и «интернет-пространства» Союзного государства: многие потребители на территории наших стран запросто совершают сделки, не выходя из дома, даже не задумываясь, у какого именно продавца (из какой страны происходящего) они купили товар.

Обращая внимание на указанные тенденции в свете развития законодательства стран, входящих в ЕАЭС, исследователи настаивают на необходимости создания «единой среды доверия в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности» [2, с. 4]. В рамках союза между двумя странами – России и Беларуси также не выработаны общие подходы к регулированию общественных отношений в сфере использования объектов промышленной собственности. Это делает процесс развития рассматриваемых общественных отношений малопредсказуемым, что, в свою очередь, негативно сказывается на условиях экономического оборота. С учетом того, что значительная часть этого оборота обеспечивается деятельностью в сети Интернет, необходимо учитывать, что и в этой сфере общественных отношений необходимы шаги к сближению правового регулирования.

В рамках Союзного государства Беларусь и Россия ставят в качестве цели интеграцию и гармонизацию в различных сферах, включая гражданско-правовое регулирование. Однако правовые системы наших стран продолжают сохранять значительную национальную специфику, даже в тех сферах правового регулирования, в которых унификация могла бы давно состояться – в среде цифрового взаимодействия при использовании объектов промышленной собственности.

Как нам представляется, реальные шаги к сближению могут осуществиться именно тогда, когда такое сближение станет средством, а не целью – например, возникнет потребность в каком-то общем проекте, и на пути к реализации этого проекта необходимо будет привести правовое регулирование наших стран к единому знаменателю. Проблемы коммерциализации разработок в сфере промышленной собственности продолжают оставаться актуальными. Особенно это касается государственного сектора экономики, а также университетов.

Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации могут быть предложены к продаже посредством их размещения на маркетплейсах промышленной собственности [3, с. 50]. Маркетплейсы промышленной собственности – это цифровые платформы, на которых можно покупать, продавать, лицензировать или искать партнеров для использования изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, товарных знаков и других объектов промышленной собственности. Концепция маркетплейса чрезвычайно удобна для коммерциализации интеллектуальных активов.

К числу уже существующих цифровых платформ относится Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности (РЦИС.РФ). В рамках этого ресурса осуществляется администрирование прав интеллектуальной (промышленной) собственности, охватывающее все этапы жизненного цикла и эксплуатации каждого объекта, а также другие связанные процессы. За таким способом использования объектов промышленной собственности стоит будущее, поскольку именно он способен сформировать цифровой рынок объектов промышленной собственности. Когда речь идет о

«бесшовной интеграции», «клиентоориентированных цифровых сервисах» и «восприятия интеллектуальных прав как главного инструмента получения финансовой выгоды», имеются ввиду такие маркетплейсы [2, с. 6].

С учетом того, что для работы маркетплейсов задействуются технологии искусственного интеллекта и блокчейна, с их помощью можно решать множество задач, связанных с созданием объектов промышленной собственности, правовой охраной и защитой прав на них. В частности, Л. А. Новоселова, которая исследовала вопросы обеспечения правового регулирования работы активных систем учета прав на объекты авторского права и смежных прав отмечает среди таких следующие: «депонирование прав; привлечение инвестиций для финансирования создания творческого результата; привлечение и координации работы специалистов (краудсорсинг) для создания необходимого творческого результата; коммерциализации охраняемых результатов интеллектуальной деятельности» [4, с. 249–250].

Преимуществ у обозначенной модели много, однако в настоящее время существует и много проблем, которые требуют разумного и взвешенного подхода в их решении. Для того, чтобы заработал совместный – в рамках Союзного государства – маркетплейс промышленной собственности, необходимо выработать общие правила, правовые механизмы регулирования таких платформ. В процессе такой работы нужно будет решить, каким способом (с помощью установления каких общих для обеих стран правовых норм) будет обеспечиваться баланс (взаимодействие) между уже существующими государственными системами учета и создаваемыми частными системами, реализованными в форме маркетплейсов промышленной собственности. Будет ли это одна, единая, союзная цифровая платформа либо каждая из наших стран оставит за собой свой сервис, и как эти сервисы будут взаимодействовать – вот задача для осмысления в будущем.

Формирование общих подходов к правовой регламентации отношений в сфере использования промышленной собственности в рамках Союзного государства видится особо необходимым. Это позволит стимулировать создание новых рынков и повысить эффект от коммерциализации прав на объекты промышленной собственности в рамках Союзного государства. Полагаем, что именно общая цель по созданию маркетплейса промышленной собственности позволит ускорить процесс сближения законодательства Беларуси и России в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. Михайлов, А. В. Методы предпринимательского права : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.3 / Михайлов Андрей Валерьевич; Казанский (Приволжский) федер. ун-т. – Казань, 2025. – 696 л.
2. Блинец, И. А. Единая среда доверия в сфере охраны прав на ОИС в ЕАЭС / И. А. Блинец, М. В. Тюнин // Интеллектуальная собственность. Авторские и смежные права. – 2024. – № 3. – С. 4–8.
3. Шестнадцатый международный Форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Программа и материалы / под науч. ред. д-ра юрид. наук, профессора Лопатина В. Н. – М. : РНИИИС, 2025. – 64 с.
4. Новоселова, Л. А. Об активных системах учета интеллектуальных прав / Л. А. Новоселова // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 248–257.

РАЗДЕЛ VIII.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ НАУКИ АГРАРНОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ПРАВА

УДК 342:349.6(476)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. А. Карпович

*заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь,
профессор кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
karpovich@kc.gov.by*

Освещается проблематика правового обеспечения экологической политики Республики Беларусь в аспектах ее современного состояния и перспективных тенденций. Анализируются нормы Конституции Республики Беларусь, положения иных актов законодательства и международных документов в области формирования и многоуровневой реализации экологической политики. Изложен вывод о том, что конституционные положения определяют взаимную ответственность личности, общества и государства за достижение целей экологической политики, ориентируют всех субъектов экологических отношений на поддержание должного баланса конституционно значимых интересов.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь; экологическая политика Республики Беларусь; благоприятная окружающая среда; субъекты экологических отношений; баланс конституционно значимых интересов; научно-технический прогресс.

Актуальность научного анализа правоотношений в системе «природа-общество» постоянно возрастает в силу интенсификации воздействия человека на окружающую среду в глобальном масштабе.

Соответствующие отношения реализуются на основе положений Конституции Республики Беларусь, закрепляющих в качестве неотъемлемого конституционного права каждого право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права (ч. 1 ст. 46). В ходе республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в ст. 46 Конституции закреплена норма, направленная на гарантирование экологической безопасности при использовании атомной энергии, что предполагает создание государством необходимых правовых и иных условий для ее эффективного действия. Системная деятельность, организующее и направляющее воздействие государства в данном направлении выражаются в его экологической политике, отвечающей целям, закрепленным в Конституции.

В научной литературе отмечается, что экологическая проблематика наиболее четко обозначилась как самостоятельное направление исследований общественных наук, основанное на холистическом (целостном) подходе к окружающей среде, в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. [1; 2].

К 1980-х г. была сформулирована и получила широкое признание ученых, проводивших исследования в сфере экологической политики, теория экологической модернизации (ТЭМ) [3]. Ее сторонники обосновывали определяющее значение экономического развития для снижения воздействия на окружающую среду при уменьшении роли в этих процессах национального государства. Указывалось на возрастание значимости негосударственных субъектов (рынка, неправительственных организаций) в разработке и реализации эколого-правового регулирования. Данная теория получила широкое распространение, в том числе в СССР. Так, Концепция устойчивого развития часто рассматривается как программа глобальной экологической модернизации. С начала 90-х гг. положения Концепции устойчивого развития активно трансформируются в национальные стратегии и программы устойчивого развития государств. В этот период появилась также теория беговой дорожки производственной перспективы (ТБГ), в основе которой находится идея о том, что меры, которые улучшают качество окружающей среды, возможны благодаря технологическому развитию и рыночным стимулам, и их результаты всегда предшествуют правовому оформлению соответствующих направлений экологической политики государства.

В середине 80-х гг. XX в. в качестве составляющей политики в экологической сфере выделился аспект экологической безопасности. В СССР он актуализировался в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, проявлениями на отдельных территориях глубокого экологического кризиса, вызванного бесконтрольной эксплуатацией природы.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. акценты экологической политики в мире сместились с технологических инноваций и интересов экономических субъектов как предполагаемого двигателя экологической модернизации к тезису о необходимости более сбалансированной роли государства и рынка в преодолении негативной трансформации окружающей среды. К началу 90-х гг. XX в. сформировалось понимание экологической политики как категории жизни общества и государства, отражающей важнейший аспект, обусловленный учетом природно-социального взаимодействия в решении социально-экономических и иных вопросов. Были разработаны положения теории состояния окружающей среды, в начале 21 в. трансформировавшейся в теорию экологического государства (ТЭГ) («зеленого государства», «экогосударства»). Ключевое понятие, лежащее в основе ТЭГ, заключается в том, что государство играет определяющую роль в решении проблем окружающей среды; только оно способно эффективно их решать, использовать свои регулирующие и организационные возможности для обеспечения достойного качества жизни каждого, настоящих и будущих поколений, содействуя экономическому развитию, утверждая в обществе социальную справедливость и обеспечивая равный доступ к природопользованию, удовлетворение экологически значимых потребностей.

Однако, как отмечает В. А. Волков, «экологическая политика экологического государства формируется в пространстве фундаментальных противоположностей, начиная с противоположности антропоцентризма и экоцентризма» [4]. В связи с этим остается актуальным признание необходимости обеспечивать при осуществлении государством

экологической политики установление и поддержание баланса конституционно значимых экологических и связанных с ними интересов, учитывающий конкретный этап развития общества, и законодательно вводить для этого необходимые ограничения и иные условия реализации экологически значимых прав.

Отвечают постулатам ТЭГ сформулированные в отечественной юридической науке начала XXI в. тезисы о том, что экологическая политика государства требует системного распределения регулятивных функций между различными уровнями власти; именно государству как главной управляющей системе в условиях современной организации социума принадлежит ключевая роль в процессе преодоления ухудшения состояния окружающей среды, а концентрированным выражением этой роли государства является экологическая политика (см. подробнее [5; 6]). Дальнейшее развитие научного видения и практики реализации различными государствами экологической политики, в целом не изменили основ, изложенных выше [7, с. 3; 8, с. 243].

В настоящее время в законодательных актах Республики Беларусь термин «экологическая политика» не раскрывается. Для определения его содержания целесообразно обратиться к Закону Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь», в котором обеспечение прав граждан на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду, рациональное использование природных ресурсов, создание условий, обеспечивающих охрану жизни и здоровья граждан, окружающей среды от чрезвычайных ситуаций отнесено к основным задачам внутренней политики государства (п. 3). Необходимо отметить, что эти задачи обусловлены вышеуказанными фундаментальными положениями Конституции.

Вместе с тем, с учетом дополнения ст. 46 Основного Закона частью третьей, полагаем, что к числу вышеуказанных основных задач внутренней политики правомерно отнести и обеспечение экологической безопасности в целом, в том числе радиационной безопасности как ее составляющей.

Подчеркнем, что понятие «экологическая безопасность» охватывает более широкий круг отношений, чем «охрана жизни и здоровья граждан, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды от чрезвычайных ситуаций». Такое широкое определение понятия «экологическая безопасность» получило подробное доктринальное обоснование и апробировано в практике правового регулирования и правоприменения. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь определяет экологическую безопасность как состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера (п. 4).

На современном этапе реализация экологической политики государства объективно должна учитывать также расширяющееся вовлечение в соответствующую деятельность негосударственных субъектов, имеющих экологически значимые интересы, на что обоснованно обращали внимание сторонники ТЭМ. В рамках экологической политики государства должно обеспечиваться системное и целенаправленное взаимодействие таких субъектов, выявление и учет их специфических интересов в правовом регулировании.

Конституция дополнена ст. 89-3, согласно которой ВНС утверждает основные направления внутренней и внешней политики (п. 1). Соответственно, при утверждении

соответствующего документа ВНС определит соответствующие экологические составляющие внутренней и внешней политики Республики Беларусь на основе функций ВНС обеспечивать незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Данные сущностные составляющие экологической политики Республики Беларусь, ее конкретные задачи и направления их реализации находят свое отражение в законодательных актах, регулирующих отдельные области общественных отношений. В ст. 7 Закона «Об охране окружающей среды» можно видеть, что в их системе не выделяются отдельно основные задачи в области охраны окружающей среды и направлениями государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды, на необходимость чего указывает соотношение этих понятий. По-видимому, законодатель исходит из того, что задачи охраны окружающей среды определяют соответствующие направления государственной политики Республики Беларусь в указанной области, а направления, в свою очередь, тождественны задачам.

При этом отсутствует системность и должная полнота в изложении ст. 7 Закона. В частности, целесообразно разграничить цели, задачи, механизмы и инструменты государственной политики Республики Беларусь в данной области; составляющая экологической безопасности, содержащаяся во многих положениях Закона, должна быть отражена не только в аспекте укрепления законности и правопорядка.

Государственная экологическая политика предполагает поиск и закрепление в нормах права Республики Беларусь оптимального на данном этапе развития общества соотношения между различными научно-практическими решениями и гарантируемыми Конституцией Республики Беларусь правами и интересами с учетом роли страны в мировом сообществе, национальной специфики менталитета, иных условий функционирования Белорусского государства. При этом, как отмечалось выше, такие главные принципы государственной политики Республики Беларусь как планомерность, последовательность, постепенность и преемственность, в полной мере сохраняют свою актуальность и для экологической сферы [5].

Одним из факторов реализации экологической политики Республики Беларусь выступает также наиболее общее признание комплексности экологических проблем, трансграничности экологической ситуации, и необходимости в связи с этим разработки междисциплинарных теорий и подходов, применимых на интернациональном уровне, а также согласованной их реализации. В связи с этим в научной литературе отмечаются «необходимость рассмотрения экологической политики в глобальном масштабе» [9, с. 158], наличие факторов глобального воздействия, влияющих на национальную политику в области охраны окружающей среды [7, с. 4]

Так, разноуровневая экономическая интеграция, иные торговые и инвестиционные взаимодействия выступают ключевыми факторами гармонизации механизмов и рецепции инструментов экологической политики разных стран. Обмен такой практикой должен учитываться как составляющая реализации экологической политики Республики Беларусь.

Обращает на себя внимание постоянное развитие новых методов и форм борьбы с загрязнением окружающей среды, подпадающих под регулирующее воздействие государства. Существенно расширился спектр инструментов и механизмов, методов и форм преодоления экологического кризиса, борьбы с загрязнением окружающей среды с раз-

витием науки и техники. В то же время актуализируется ряд новых вызовов в силу интенсификации воздействия на окружающую среду в результате научно-технических достижений, повышения уровня жизни людей. Это, в свою очередь, требует развития правовых институтов, нормы которых регулируют их реализацию.

Существенным фактором реализации экологической политики государства сегодня выступают технологии искусственного интеллекта (ИИ), которые оказывают системное воздействие на модели потребления и производства, образ жизни людей, процессы государственного управления, затрагивая экологически значимые отношения [10].

Как отмечается в аналитической записке ЮНЕП, ИИ предлагает возможности для преобразования окружающей среды; однако быстрые темпы инноваций ИИ, соответствующий спрос на ресурсы вызвали серьезные опасения относительно его потенциального негативного воздействия на окружающую среду. Так, жизненный цикл оборудования для ИИ включает производство компьютерных чипов, включая графические процессоры, строительство и эксплуатацию центров обработки данных, и заканчивается эксплуатацией, обслуживанием и утилизацией электронных отходов; при этом каждый этап использования систем ИИ имеет различный экологический след [11]. По мере развития ИИ его потребность в более крупных наборах данных и увеличения вычислительной мощности растет, что сопровождается возрастанием воздействия на природную среду. Кроме того, хотя генеративные модели ИИ позволяют эффективно обобщать сложную научную информацию об окружающей среде, они также могут способствовать агрегации и быстрому распространению дезинформации о ее состоянии.

Таким образом, являясь органической частью внутренней и внешней политики современного государства, экологическая политика материализует идеологию взаимоотношений человека и природы, базируясь на идеях и концепциях, воспринятых конкретным социумом по решению экологических проблем, научно-технических достижениях.

Положениями Конституции предусматриваются экологические приоритеты, определяются цели, задачи, сущность, содержание и направления экологической политики Республики Беларусь, организационная и правовая составляющие ее реализации. Принципы и нормы Конституции обуславливают также взаимную ответственность личности, общества и государства за достижение целей данной политики, ориентируют субъектов экологических отношений на поддержание баланса конституционно значимых интересов.

Ключевым инструментом достижения целей и решения задач экологической политики выступает правовое регулирование общественных отношений как выражение принципа верховенства права (ст. 7 Конституции).

Реализация экологической политики Республики Беларусь должна учитывать расширяющееся вовлечение в соответствующую деятельность негосударственных (частных) субъектов, обеспечивать выявление и учет их специфических интересов, закрепление в правовом регулировании их прав, обязанностей и мер стимулирования к экологически ответственному поведению.

Актуализируется также рассмотрение экологической безопасности в качестве компонента как экологической политики Республики Беларусь, так и национальной безопасности, затрагивающего жизненно важные экономические, экологические и социальные интересы государства и его граждан, что обуславливает комплексное отражение соответствующих вопросов при совершенствовании правового обеспечения экологической политики.

Правовое регулирование использования в соответствующих отношениях достижений научно-технического прогресса, новых методов и форм, инструментов и механизмов борьбы с загрязнением окружающей среды, мер реагирования на экологические проблемы должно отвечать ч. 4 ст. 13 Конституции о том, что государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях и ч. 4 ст. 51 Конституции о содействии государством научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов.

Библиографический список

1. Карпович, Н. А. Экологическая политика Республики Беларусь: теоретические и концептуальные основы совершенствования правового обеспечения / Н. А. Карпович // Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф., Минск, 6 дек. 2013 г. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; – Минск : Ин-т радиологии, 2013. – С. 13–21.
2. Колбасов, О. С. Экология: политика – право : правовая охрана природы в СССР / О. С. Колбасов ; АН СССР, Ин-т государства и права. – Москва : Наука, 1976. – 230 с.
3. Кулясов, И. П. Экологическая модернизация: теоретические аспекты / И. П. Кулясов // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII, №3. – С. 100–113.
4. Волков, В. А. Политическая экология и экологическое государство // Нац. безопасность и стратегическое планирование. – 2016. – №. 2. – С. 151–155.
URL:<https://futurepubl.ru/ru/nauka/article/35841/view> (дата обращения: 22.05.2025).
5. Карпович, Н. А. Экологическая политика Республики Беларусь: теоретические и концептуальные основы совершенствования правового обеспечения / Н. А. Карпович // Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф., Минск, 6 дек. 2013 г. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; – Минск : Ин-т радиологии, 2013. – С. 13–21.
6. Карпович, Н. А. Экологическая функция государства : в 2-х ч. Ч. 1 / Н. А. Карпович. – Минск : РИВШ, 2011. – 294 с.
7. Посталовская, О. А. Институты и механизмы реализации экологической политики в современном обществе : автореф. дис. ... канд. политич. наук 23.00.02 / О. А. Посталовская . – Минск, 2016. – 25 с.
8. Карпович, Н. А. Экологическая политика государства / Н. А. Карпович // Белорус. юрид. энциклопедия: В 4 т. – Т. 4. Т – Я / редкол. : С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – С. 243–245.
9. Костин, А. И. Политическая экология и глобалистика / А. И. Костин; пер. : Хугуминь [и др.]; под ред. Лю Цзайци. – Ухань : Изд-во Ухан. ун-та KHP, 2011. – 367 с.
10. Dwivedi, Y. K. et al. (2021). Artificial intelligence (AI): Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice, and policy. *International Journal of Information Management* 57: 101994. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.08.002>.
11. Whitehead, B., Andrews, D., Shah, A. and Maidment, G. (2015). Assessing the environmental impact of data centres part 2: Building environmental assessment methods and life cycle assessment. *Building and Environment* 93: 395–405. <https://doi.org/10.1016/j.buildenv.2014.08.015>.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО КОДИФИКАЦИИ

Т. И. Макарова

*заведующий кафедрой экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
tamaramakarava@gmail.com*

Исследуется сложившаяся система источников экологического права в контексте планируемой кодификации законодательства об охране окружающей среды. Проанализирована консолидация законодательства – вид систематизации, альтернативный кодификации, в большей степени отвечающий экологическому праву как комплексной отрасли. Определены проблемы соотношения планируемого к принятию Экологического кодекса Республики Беларусь с кодифицированными актами природоресурсного законодательства.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; кодификация законодательства; консолидация законодательства; экологическое право; система права; система законодательства; экологическое законодательство.

Вопрос о построении системы источников права, регулирующих отношения в сфере окружающей среды, поднимается нами вновь в связи с решением законодателя о кодификации отрасли, что установлено пп. 47.1 Концепции правовой политики Республики Беларусь. Реализация этого решения включает разработку концепции проекта Экологического кодекса Республики Беларусь (согласно планам подготовки проектов законодательных актов на 2023 и 2024 гг., утвержденным Указами Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 467 и 28 ноября 2023 г. № 380 соответственно – далее Концепция проекта Экологического кодекса) и самого проекта Экологического кодекса (п. 22 Плана подготовки проектов законодательных актов на 2025 г., утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2024 г. № 477).

Следует отметить, что речь идет о второй попытке принять кодекс, предмет которого составляли бы отношения в области охраны окружающей среды. В свое время разработка и принятие Экологического кодекса в Республике Беларусь были предусмотрены п. 38.4 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205, п. 8 раздела II Программы подготовки проектов законов Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и перспективной кодификации законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. № 450. Следует также сказать, что работа над Экологическим кодексом уже тогда рассматривалась как одно из перспективных стратегических направлений экологической политики, предусмотренных Национальным планом действий по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды Республики Беларусь на 2006–2010 гг., утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 302. Очевидно, что возвращение к вопросу о кодификации законодательства об охране окружающей среды по прошествии более двадцати лет, указывает на то обстоятельство, что систематизация данной отрасли

не завершена, и что должны быть весомые основания для принятия кодифицированного законодательного акта эколого-правового содержания.

Полагаем, что принятие кодекса, как способа построения системы для комплексной отрасли законодательства (определение признаков таких отраслей блестяще дано профессором С. Г. Дробязко [1]), каковой согласно прочно установившемуся в юридической науке взгляду является экологическое право [2; 3; 4, с. 12–13], означает кардинальное изменение подхода законодателя к нормативному правовому обеспечению природоохранной политики государства.

Предлагаем свой взгляд на эту проблему. Закон «О нормативных правовых актах», в предмет которого входит определение системы и видов нормативных правовых актов (ст. 1), закрепляет в качестве одного из принципов нормотворческой деятельности «системность и комплексность правового регулирования общественных отношений» (п. 9 ст. 6). Такого рода системность формируется, в том числе, на основе принятия закона «... в виде кодекса, который является системообразующим нормативным правовым актом, закрепляющим принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений и обеспечивающим наиболее полное правовое регулирование определенной сферы общественных отношений» (п. 2 ст. 14). Согласно ст. 72 цитируемого закона систематизация нормативных правовых актов, представляющая собой приведение их «в единую, внутренне согласованную систему», кроме кодификации, возможна, также в формах «консолидации, инкорпорации, в том числе электронной инкорпорации, проведения справочно-информационной работы и иными способами».

Избранный вид систематизации – кодификация означает согласно п. 2 ст. 14 и п. 2 ст. 72 Закона «О нормативных правовых актах» *объединение нормативных правовых актов в единый акт – кодекс*, содержащий «систематизированное изложение нормативных правовых предписаний, направленных на правовое регулирование определенной области общественных отношений», что должно обеспечить «наиболее полное правовое регулирование» такой сферы общественных отношений, как охрана окружающей среды именно в том содержании понятия, которого придерживается наука и законодательство – «сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду и ликвидация его последствий» (п. 24 ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды»). Из анализа положений законов «О нормативных правовых актах» и «Об охране окружающей среды» вытекают следующий вывод: охрана окружающей среды, включающая не только «сохранение и восстановление природной среды», но и «рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов», *представляет собой сложный комплекс общественных отношений, правовое оформление которых единым актом – кодексом – также сложнейшая задача.*

Возникает вопрос в целесообразности постановки задачи такой сложности при условии, что система экологического законодательства фактически сложилась? Речь идет о заложенной самой природой, а в науке доктринально и законодательно обоснованном, взаимодействии и взаимовлиянии правового режима отдельных компонентов природной среды в составе окружающей среды [4, с. 41–47; 5, с. 50–74; 6; 7, с. 9–24]. Доказано, что отраслевое природоресурсное законодательство подлежит согласованию между собой на общей консолидирующей основе, создаваемой Законом «Об охране окружающей среды» [7, с. 5], а сам этот закон, как в белорусской [6, с. 69–74; 8], так и

в российской [9; 10] научной литературе определен как головной или базовый. Однако есть кардинальное отличие определения места Закона «Об охране окружающей среды» в белорусской российской правовых системах. Ввиду имеется проблема, которая белорусскими учеными определена как «системный дефект», [11] – это формальная невозможность систематизации отрасли, предмет которой составляют общественные отношения в области использования и охраны отдельных компонентов природной среды в составе окружающей среды, на консолидирующей основе Закона «Об охране окружающей среды» из-за установленной в 2000 г. (с принятием Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь») и сохраняющейся в ныне действующем Законе «О нормативных правовых актах» большей юридической силы кодексов по отношению к законам (п. 5 ст. 23), поскольку значительная часть природоресурсных законодательных актов (КоЗ, ЛК, КоН, ВК) представлена кодексами.

Следует подчеркнуть, что с принятием в Республике Беларусь в 2018 г. новой редакции Закона «О нормативных правовых актах» в правовой системе, наряду с кодификацией, появляется новый вид систематизации – консолидация, которая согласно ч.3, п. 2 ст. 72 этого закона осуществляется без изменения установленного правового регулирования общественных отношений путем «объединения нормативных правовых актов в комплексный акт в определенной логической последовательности». В связи с этим считаем необходимым указать на характерные черты Закона «Об охране окружающей среды», говорящие о возможности консолидации экологического законодательства на основе этого закона. Ранее мы неоднократно указывали на его особую роль в системе правовой охраны окружающей среды [5, с. 51–53; 6]. Несмотря на то, что формально Закон «Об охране окружающей среды» не определен в качестве комплексного, он и в настоящем его содержании определяет такие базовые элементы эколого-правовой системы, как: круг общественных отношений, признаваемых экологическими, с указанием в качестве их объектов компонентов природной среды (ст. ст. 2, 5); признание природоресурсных актов в качестве составной части законодательства об охране окружающей среды (ст. 2); принципы экологического законодательства, среди которых «охрана, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности, платность специального природопользования (ст. 4); эколого-правовой статус гражданина с полным комплексом обеспечительных правомочий, обязанностей и гарантий этого конституционного, неотъемлемого права человека (стст. 13-15); природоохранные меры как эколого-правовые институты; нормативы качества окружающей среды и допустимого воздействия на нее (гл. 5); требования, предъявляемые к хозяйственной деятельности с целью охраны окружающей среды (гл. 13), чем поддерживается связь между экологическими и «экологизированными» нормами, содержащимися в актах хозяйственного и иного законодательства. Эти и иные институты, установленные Законом «Об охране окружающей среды», сформировали неразрывную связь между ним и природоресурсным законодательством.

Для полного соответствия Закона «Об охране окружающей среды» критериям «комплексного акта» (ч.3, п. 2 ст. 72 Закона «О нормативных правовых актах») следует определить его в качестве такового в самом этом законе, закрепив в нем принцип «нет эколого-правового института, не закрепленного в Законе «Об охране окружающей

среды», а также дополнить основные начала принципом приоритета охраны окружающей среды по отношению к любой деятельности, в том числе по использованию природных ресурсов, оказывающей воздействие на окружающую среду (принцип приоритета природоохранной деятельности) [12], на основе которого возможна консолидация экологического законодательства.

Полагаем, что отказ от консолидации экологического законодательства в пользу его кодификации повлечет куда более значимые последствия, чем просто устранение имеющегося в настоящее время такого дефекта, как не отвечающая содержанию Закона «Об охране окружающей среды» юридическая сила этого нормативного правового акта, своим правовым регулированием охватывающего всю совокупность отношений, признаваемых экологическими. Но вот позволит ли принятие кодекса взамен закона устранить имеющиеся проблемы в соотношении нормативных правовых актов эколого-правового содержания, или породит новые проблемы?

Выше, анализируя кодификацию как избранный вид систематизации экологического законодательства, мы сделали акцент на том обстоятельстве, что согласно п. 2 ст. 14 Закона «О нормативных правовых актах» кодекс, как нормативный правовой акт должен обеспечить «наиболее полное правовое регулирование определенной сферы общественных отношений». Предложенное в Концепции проекта Экологического кодекса его содержание указывает на включение в него норм об охране отдельных компонентов природной среды и природных объектов с изъятием соответствующих норм из актов природоресурсного законодательства, то есть в этом случае уже кодифицированные акты природоресурсного законодательства не смогут обеспечить «наиболее полное правовое регулирование определенной сферы общественных отношений».

Другими словами, наши рассуждения о проблеме систематизации экологического законодательства переходят из формально-юридического аспекта в предметно-содержательную плоскость, что предполагает учет логики построения источников права, регулирующих отношения в области окружающей среды, логики, продиктованной природоохранными обстоятельствами, наличие которых обусловило появление самой отрасли экологического права, т.е. обстоятельствами, лежащими вне права.

Это в свою очередь ставит как проблему соотношение между собой норм планируемого к принятию Экологического кодекса и кодексов природоресурсных. На первый взгляд, очевидно, что приоритет за природоохранными положениями, но это только в том случае, если такой приоритет закреплён на уровне принципа и поддерживается соответствующим образом в природоресурсном законодательстве. В противном случае при коллизии, например, положений Экологического и Водного кодексов по поводу водных отношений, то есть общей и специальной норм, применению будет подлежать норма Водного кодекса, в которой природоохранный приоритет не предполагается.

Другими словами, приняв Экологический кодекс в таком виде, как это предлагается Концепцией его проекта, мы не только не решим вопрос о соотношении (в нашем понимании приоритете) охраны окружающей среды над использованием природных ресурсов, но и безо всяких оснований разделим четко сформированные как самостоятельные отрасли земельное, горное, водное, лесное, о животном и растительном мире законодательство. Мы уже высказывали эту мысль ранее [5, с. 68–75], полагаем, что следует воспроизвести ее вновь: для систематизации комплексных отраслей (каковой является и экологическое право), предпочтительной формой все же следует признать не кодификацию,

а консолидацию, поставив во главу системы комплексный акт – Закон «Об охране окружающей среды», в котором в определенной логической последовательности изложить базовые начала охраны окружающей среды, как совокупности компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов, что позволит определить на законодательном уровне характер взаимодействия данного закона с природоресурсными актами на основе признания приоритета природоохранной деятельности по отношению к деятельности по использованию природных ресурсов. Закрепление названного принципа в главном акте экологического законодательства, будь это кодекс или комплексный закон, является настоятельной потребностью, продиктованной не юридическими, а природными факторами.

Библиографический список

1. Дробязко, С. Г. Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества / С. Г. Дробязко // Выбр. навуц. працы Беларус. дзярж. ун-та : у 7 т. – Мінск, 2001. – Т. 3. – С. 9–24.
2. Бринчук, М. М. Комплексность как принцип экологического права / М. М. Бринчук // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : В. И. Семенов (гл. ред.), Г. А. Василевич [и др.]. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 376–392.
3. Макарова, Т. И. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства в свете принятия нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» / Т. И. Макарова, И. П. Кузьмич, В. Е. Лизгаро, И. С. Шахрай // Pravo.by. – 2019. – № 3(59). – С. 76–84.
4. Экологическое право : учебник / С. А. Балащенко. Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – 2-е изд., перераб. – Минск : Вышэйшая школа, 2021. – 399 с.
5. Макарова, Т. И. Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь / Т. И. Макарова. – Минск : БГУ, 2004. – 231 с.
6. Макарова, Т. И. Теоретико-методологические проблемы систематизации экологического законодательства / Т. И. Макарова // Учен. зап. Казан. ун-та Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 206–218.
7. Шахрай, И. С. Проблемы реализации субъективного права природопользования / И. С. Шахрай. – Минск : БГУ, 2022. – 291 с.
8. Макарова, Т. И. Новый Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» и его влияние на систематизацию экологического, природоресурсного и аграрного законодательства / Т. И. Макарова, И. П. Кузьмич, В. Е. Лизгаро, И. С. Шахрай // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 10 (178) – С. 57–65.
9. Боголюбов, С. А. Новый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» / С. А. Боголюбов // Журн. рос. права. – 2002. – № 6. – С. 56–63.
10. Бринчук М. М., Дубовик О. Л. Федеральный Закон «Об охране окружающей среды»: теория и практика / М. М. Бринчук, О. Л. Дубовик // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 30–41.
11. Макарова, Т. И. Системные дефекты правового регулирования экологических отношений и способы их преодоления / Т. И. Макарова // Аграрное и земельное право. – 2012. – № 5 (89). – С. 2–9.
12. Макарова, Т. И. Принципы экологического права: к вопросу о разработке современных теоретико-правовых подходов / Т. И. Макарова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2011. – № 3. – С. 137–140.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛИЧИЯ И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ В СИСТЕМЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

С. А. Балашенко

*профессор кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
balashenko@bsu.by*

Проведен научный анализ достаточности правовых и организационных мероприятий по реализации Республикой Беларусь целей в области устойчивого развития, утвержденных итоговым документом Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», в части обеспечения и рационального использования водных ресурсов (цель 6).

Ключевые слова: правовая охрана вод; правовое регулирование, ирригация; мелиорация; грунтовые воды; мониторинг подземных вод; мониторинг земель; устойчивое развитие; деградация почв; водный кодекс; водный баланс.

Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. принят итоговый документ саммита ООН: Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., где целью 15 провозглашена защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель, прекращение процесса утраты биологического разнообразия [1]. Результаты проведенного группой ученых из University of California at Santa Barbara (UCSB), ETH Zürich, University College London (UCL), Rutgers University и King Abdulaziz University исследования уровня грунтовых вод были опубликован 24 января 2024 г. в журнале Nature. Работа проводилась под руководством Скотт Ясечко (Scott Jasechko, UCSB), Дебра Перроне (Debra Perrone, UCSB) и Хансйорг Сейбольд (Hansjörg Seybold, ETH Zürich) в течение трех лет, два из которых ушли на обработку данных. Это позволило обобщить 300 миллионов измерений уровня вод из 1,5 миллиона скважин за последние 100 лет. Ученые проанализировали более 1200 публикаций для воссоздания границ водоносных горизонтов в исследуемых регионах и оценки тенденций изменения уровня грунтовых вод. По результатам выявлено, что в 71 % из 1693 изученных ими водоносных горизонтов, на долю которых приходится около 75 % мировой добычи грунтовых вод, уровень грунтовых вод неуклонно снижается. Авторы установили, что в период с 2000 по 2022 г. уровень грунтовых вод снизился на 71 % в 1693 системах водоносных горизонтов, включенных в исследование. При этом уровень снижался более чем на 0,1 м в год в 617 из них. Быстрое снижение уровня грунтовых вод особенно распространено в засушливых регионах с обширными пахотными землями. Так, в ряде региональных

водоносных горизонтов, залегающих под Ираном, Индией, Испанией, США, Саудовской Аравией, Марокко и Мексикой, средние темпы снижения уровня грунтовых вод превышают метр в год.

Работа указывает на ускорение темпов снижения уровня грунтовых вод за последние четыре десятилетия в 30 % региональных водоносных горизонтов мира. Выпадение осадков в XXI в. было ниже, чем в конце XX в., что также ускоряет снижение уровня грунтовых вод и указывает на потенциальную связь между изменением климата в масштабе десятилетия и снижением уровня грунтовых вод. Это указывает на необходимость принятия и реализации эффективных мер, направленных на решение проблем истощения грунтовых вод. Исследование также демонстрирует значимость данных мониторинга подземных вод для оценки состояния ресурсов подземных вод не только в местном или национальном, но и в глобальном масштабе, а также выработки путей разрешения проблем.

Вместе с тем имеются и обнадеживающие результаты. Ученые указывают на некоторые примеры успешного восстановления уровня грунтовых вод и разрешения проблем их истощения [2; 3].

Мы видим актуальность вопросов, связанных с катастрофическим снижением объемов пресных и грунтовых вод, а также различные подходы их восприятия и разрешения некоторыми политиками и учеными. Проблемы значительного снижения уровня грунтовых вод не менее актуальны и для Беларуси. В этой связи возрастает роль комплексного правового регулирования отношений в данной сфере.

В целях предотвращения, приостановки и обращения вспять процесса разрушения экосистем во всем мире ООН провозгласила Десятилетие восстановления экосистем (2021–2030 гг.), что является непосредственным ответом на призыв со стороны научных кругов, о котором говорится в специальном докладе «Изменение климата и Земля» Межправительственной группы экспертов по изменению климата.

Анализ данных и материалов наблюдений Национальной системы мониторинга окружающей среды Беларуси за продолжительный период позволяет выявить самые болезненные проблемы в данной области, предложить рекомендации для нормативного правового регулирования вопросов, направленных на минимизацию негативных последствий в области охраны окружающей среды. Так, в Беларуси насчитывается 2,915 млн. га осушенных сельскохозяйственных земель, из которых 901 тыс. га представлена торфяными почвами. Примером является гидродинамический режим грунтовых вод Хойникского района Гомельской области, который изучался по данным уровней воды в шахтных колодцах. Их сопоставление по данным 2023 г. с данными по этим же колодцам в 1971 г. показало, что за 52 года в пределах территории Хойникского района произошло снижение уровней грунтовых вод от 1,60 м (минимально) до 2,23 м (максимально) [4; 5].

Крупномасштабная гидротехническая мелиорация торфяных почв, выполняющая основную задачу по отводу избыточных вод и регулированию водного режима осушаемых территорий, оказала существенное воздействие на почвенный покров, растительный и животный мир, а также в целом на ландшафты осушенных и прилегающих территорий. На осушенных торфяных почвах вследствие протекания процессов термического и микробиологического распада торфа отмечены большие потери органического вещества. Получили развитие процессы ветровой и водной эрозии почв, зарастания и

заиления открытых каналов, нарушения их геометрии, просадки почвы, сдвиговых деформаций и заиления дренажа, механического повреждения и разрушения конструкций и оборудования. Совокупность этих объективных факторов привела к общему неудовлетворительному состоянию осушенных территорий, а именно появлению очагов длительного и постоянного переувлажнения почвы, распространению сорной, болотной и древесно-кустарниковой растительности, нерегулярности сельскохозяйственного использования значительных участков полей, вплоть до отказа от него вследствие невозможности обработки. При ряде негативных факторов следует учитывать положительные результаты мелиорации Полесского региона, где осушенные земли играют главенствующую роль в экономике региона [6].

В Законе Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 423-З «О мелиорации земель» закрепляется понятие «гидротехнические сооружения» – каналы, дренажные коллекторы, плотины, дамбы, шлюзы-регуляторы, трубы-регуляторы, трубы-переезды, колодцы-регуляторы, колодцы-поглотители, смотровые колодцы, наблюдательные колодцы, устья, водосбросы, водовыпуски, водосливы, водозаборы, насосные станции, водоводы и иные сооружения, предназначенные для регулирования водного стока. Вместе с тем законом регулируются отношения, связанные с осушительной мелиорацией и полностью исключено правовое понятие «иригация».

Проведенная мелиорация повлияла не только на осушенные земли, но и водный баланс и уровень грунтовых вод в целом по стране. Для формирования более полного представления и принятия обоснованных решений требуется комплексная оценка исследований и наблюдений не только подземных и поверхностных вод, но и состояние земельных, лесных ресурсов, растительного мира, естественных экосистем, особо охраняемых природных территорий, торфяников. Результаты мониторинга за длительный период времени позволяют видеть реальную картину изменений, связанных с естественными и антропогенными воздействиями на окружающую среду.

Снижение уровня грунтовых вод приводит к деградации и эрозии почвенного покрова, особенно эрозии подвержены мелиорированные торфяники. По данным Государственного земельного кадастра Республики Беларусь, по состоянию на 1 января 2009 г. площадь дефляционноопасных и дефлированных земель на территории Беларуси составляла 3,9 млн га или 18,8 % площади страны, эрозионноопасных и эродированных земель – около 1,4 млн га или 6,8 %. Из всех земель сельскохозяйственного использования на долю земель, подверженных водной эрозии, приходится 5,3 %, ветровой – 1,1 % [7, с. 226–227].

В структуре земельных ресурсов Беларуси по видам земель преобладают лесные и сельскохозяйственные земли, доля площади которых по данным на 1 января 2024 г. составляет соответственно 43,5 % и 38,7 %. Уменьшение площади сельскохозяйственных земель связано в основном с переводом малопродуктивных земель, подверженных эрозии и деградации, в несельскохозяйственные земли, в земли лесного фонда. Так, в структуре земельных ресурсов наблюдается устойчивая многолетняя тенденция сокращения площади сельскохозяйственных земель и увеличения площади, занятой лесными землями и землями под древесно-кустарниковой растительностью (насаждениями), что объясняется долгосрочной политикой государства, направленной на облесение песков, неиспользуемых земель, низкокачественных сельскохозяйственных земель, на развитие лесного хозяйства в целом [8, с. 8].

Наблюдается устойчивая тенденция сокращения площади земель под болотами (на 24,7 % или 246,4 тыс. га по сравнению с 1992 г.), что является негативным явлением и связано также со снижением уровня грунтовых вод. Болота, водные объекты являются аккумулятором и теплорегулятором, сглаживающим дневную и ночную температуру. Площадь земель под водными объектами практически не изменялась. Площадь средостабилизирующих видов земель, формирующих природный каркас территории, составляет в настоящее время 11 899,1 тыс. га. К ним относятся естественные луговые земли, лесные земли, земли под древесно-кустарниковой растительностью (насаждениями), под болотами и водными объектами. Увеличение площади земель, образующих природный каркас территории, является результатом «экологизации» землепользования. Такие земли составляют на сегодняшний день 57,3 % территории Республики Беларусь [8, с. 11–12].

При анализе изменений природных процессов важным является выявление периодов антропогенного воздействия. Так, основным антропогенным воздействием на экосистемы Беловежской пуши явилось осушение избыточно увлажненных земель и строительство крупных водохранилищ. После проведения мелиоративных работ с 1965 по 1968 г. уровень грунтовых вод снизился с 0,15–0,65 м до 1,45–1,65 м, в 2007 г. уже составлял 1,45–2,20 м [9]. Анализ карты протяженности каналов осушительных сетей по районам Беларуси показывает, что наибольшая протяженность каналов осушительных сетей приходится на регионы, где наиболее массово начали сохнуть сосновые древостои. Очевидно, что восстановление гидрологического режима – это один из основных способов улучшить ситуацию с усыханием лесов [10].

По мнению многочисленных ученых, явление массового усыхания ельников, наблюдаемое на территории Беларуси в последние десятилетия, обусловлено недостатком влаги в почве, связанным с воздействием неблагоприятных климатических факторов (продолжительных засух в период активных ростовых процессов растений) [11]. Генеральный директор национального парка «Беловежская пуша» А. Бурый, указал на глубокий научный подход проводимых исследований и накопленный опыт. Территория изучалась с 1970-х гг., для наблюдения за гидрологическим режимом заложено 70 гидрологических скважин и создано 9 гидропостов. Мониторинговые данные уникальны, в том числе для моделирования процессов воздействия осушения на состояние прилегающих экосистем. Анализ данных говорит о том, что уровень грунтовых вод снизился от 0,5 до 1,5 м. Эти нарушения влияют на устойчивость лесов, приводят к изменениям в их структуре [12].

Результаты функционирования мелиоративных систем дают основания утверждать, что определенные работы не всегда были спроектированы и проводились с учетом местных особенностей, а также на площадях, где требовалось снижение уровня грунтовых вод. Восстановление уровня грунтовых вод имеет первоочередное значение для сохранения земель, восстановления почвенного слоя, сохранения лесных ресурсов, растительного мира, артезианских вод.

В Водном кодексе Республики Беларусь, Законе «О мелиорации земель» отсутствует правовое регулирование отношений ирригации. Для Беларуси ирригация в первую очередь должна рассматриваться как восстановление и поддержание оптимального баланса грунтовых вод для произрастания растительных сообществ на территории всей страны, а также подача воды на посевы на землях с нехваткой природной воды путем проведения инженерно-технических и других мероприятий.

В современных условиях требуется переосмысление всех рисков в рассматриваемой области, комплексный подход при разработке и принятии нормативных правовых актов, обосновании и разработке программы о неотложных мерах сохранения и восстановления водного баланса, ирригации и мелиорации, качественном организационном обеспечении и финансировании работ.

Научной основой разработки программы должны стать результаты мониторинга поверхностных и подземных вод, показатели и прогнозы изменений, данных природных кадастров, сформированные за продолжительный период времени, научные исследования последствий снижения уровня грунтовых вод на окружающую среду. Восстановление гидросистемы должно базироваться на комплексном разрешении проблем в соответствии с целями устойчивого развития. Комплексность включает сохранение пресных вод от непродуктивного сброса в морские акватории и соленые воды; восстановление уровня подземных пресных вод посредством обустройства и функционирования ирригационной системы (каналов, плотин, дамб, запруд); обеспечение каскадного задержания пресных вод созданием вертикально-горизонтальной системы каналов, исключающей неконтролируемый сброс вод в крупные реки.

Проектная документация разрабатывается с учетом требований охраны окружающей среды и имеет сложный порядок выдачи заключения государственной экологической экспертизы, оценки воздействия на окружающую среду. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 399-З «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду». Поскольку практически все работы по ирригации потребуют соответствующих процедур, целесообразно определить, чтобы такого рода мероприятия обеспечивались при участии Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, что позволит сократить временные рамки, финансовые затраты и привлечь наиболее квалифицированных специалистов.

В целях минимизации рисков и возможных ошибок является важным обязательное привлечение местных органов власти и общественности для определения планов, первоочередных мероприятий на землях с деградацией почв в связи с низким уровнем грунтовых вод, создание информационного онлайн-центра для сбора информации, поступающей от общественности.

Библиографический список

1. Крозетто, Гуидо. Войны будущего будут за редкоземельные металлы / Гуидо Крозетто // Политика. – 2024. – 20 окт. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/10/2024/671438399a7947d889738724> (дата обращения: 14.05.2025).
2. Rapid groundwater decline and some cases of recovery in aquifers globally. Scott Jasechko, Hansjörg Seybold, Debra Perrone, Ying Fan, Mohammad Shamsudduha, Richard G. Taylor, Othman Fallatah & James W. Kirchner / Nature volume 625, pages 715–721 (2024). Published: 24 January 2024. <https://www.nature.com/articles/s41586-023-06879-8> (дата обращения: 14.05.2025).
3. Groundwater levels dataset from Nature article now available in GGIS. IGRAC, Date Published – 08/02/2024. <https://un-igrac.org/ru/latest/news/groundwater-levels-dataset-from-nature-article-now-available-in-ggis/> (дата обращения: 14.05.2025).
4. Отчет о геологогидрогеологической и инженерно-геологической съемке масштаба 1:50 000 в пределах междуречья рек Днепра и Припяти / Л. В. Овчаренко, Л. С. Базылюк, Л. О. Острогорова [и др.] ; Инженерно-геологическая партия. Брагинско-Нижеприпятский участок. 1970–1971 гг. : в 6 т. – Минск, 1971. – Т. 1. – С. 97–136.

5. Оценка состояния подземных вод Хойникского района Гомельской области в условиях изменения климата / М. П. Оношко, В. А. Крошинский, М. А. Подружая [и др.] // Материалы I Белорусского географического конгресса: к 90-летию факультета географии и геоинформатики БГУ и 70-летию Белорусского географического общества, Минск, 8–13 апр. 2024 г. : в 7 ч. – Ч. 5 : Актуальные проблемы геоэкологии и ландшафтоведения / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Е. Г. Кольмакова (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 224–228. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/312733/1/224-228.pdf> (дата обращения: 14.05.2025).
6. Особенности реконструкции мелиоративных систем в условиях Белорусского Полесья / Г. В. Соколовский, О. А. Батюшко, П. М. Богославчик [и др.] // Строительная наука и техника. – 2011. – № 6. – С. 75–78.
7. Состояние природной среды Беларуси. Экологический бюллетень 2010 г. / под общ. ред. академика НАН Беларуси В. Ф. Логинова / М-во природных ресурсов и окруж. среды Республики Беларусь, Гос. науч. учрежд. «Ин-т природопользования Нац. акад. наук Беларуси». – Минск : РУП «Минсктиппроект», 2011. – 396 с.
8. Национальная система мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь: результаты наблюдений, 2023 год / под общ. ред. Е. А. Мельник. – Минск : Республиканский центр по гидрометеорологии, контролю радиоактивного загрязнения и мониторингу окружающей среды, 2024. – 539 с.
9. Волчек, А. А. Изменения уровня режима грунтовых вод территории Национального парка «Беловежская пуща» / А. А. Волчек, Н. Н. Шешко // Актуальные вопросы инженерной геологии, гидрогеологии и рационального недропользования : материалы IX Университетских геологических чтений, посвященных 110 летию со дня рождения академика Г. В. Богомолова, Минск, 3 апр. 2015 г. / редкол. : В. И. Зуй (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – С. 20–23.
10. Действительно ли уходят грунтовые воды и что делать? // Белорусская лесная газета. – URL: <https://lesgazeta.by/archive/№23-06-06-2019г/> (дата обращения: 14.05.2025).
11. Филон, Д. И. Характер распространения корневой системы ели по глубине почвенного профиля / Д. И. Филон // Труды БГТУ. 2006. – № 1. – С. 199–203.
12. Всемирный день водно-болотных угодий, 3 февраля 2017 г. // Новости – Официальный сайт Национального парка Беловежская пуща. – URL: <https://npbp.by/about/news/world-day-of-wetlands/> (дата обращения: 14.05.2025).

ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНА БССР «ОБ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ В БЕЛОРУССКОЙ ССР» ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКТРИНЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

С. А. Боголюбов

*научный руководитель Отдела экологического и аграрного законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
bogolyubovsa@mail.ru*

Раскрывается значение Закона БССР от 21 декабря 1961 г. «Об охране природы», как первого комплексного нормативного правового акта стратегического характера, который был подготовлен с участием университетской юридической общественности. Показано, что Закон «Об охране природы в Белорусской ССР» сыграл важную конструктивную роль в формировании доктрины экологического права, обеспечении экологического правопорядка, создании системы природоохранного и природоресурсного законодательства, превратившегося затем в современное полноценное, интегрирующее экологическое право и законодательство.

Ключевые слова. новизна положений закона; охрана природы; объекты природы, подлежащие охране; система государственных природоохранных органов.

Важное значение для формирования доктрины экологического права на Евразийском пространстве в историческом контексте сыграли Закон БССР «Об охране природы в Белорусской ССР» от 21 декабря 1961 г. и законы «Об охране природы» других Союзных Республик, принятые в период с 1958 г. (Эстонская ССР) по 1963 г. Их подготовке и принятию предшествовали интенсификация вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов, глубокие и разносторонние научные исследования, законопроектные работы, организационные мероприятия, массовые публикации, совещания, конференции, съезды, иные проявления активности заинтересованных граждан.

Целями создания Белорусского общества охраны природы были сохранение ценных памятников природы, редких диких животных, растительности и оказание содействия в выявлении мест природных ресурсов. Состав организационного бюро был весьма солидным и включал представителей университетской и академической науки и практики, в том числе: кандидатов и докторов наук, действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук БССР; в него также вошли редакторы ряда газет, секретарь ЦК ЛКСМБ (П. М. Машеров), заместитель председателя правления Общества по распространению политических и научных знаний Белорусской ССР, ответственные сотрудники министерств и ведомств (Постановление Совета Министров БССР от 25 декабря 1952 г. № 1047 «Об организации Белорусского общества охраны природы»).

Для защиты природы создавались государственные органы специальной компетенции. Так, в был образован Государственный комитет Совета Министров БССР по охране природы, на который возлагались обязанности по сохранению, восстановлению и обогащению природных ресурсов, контролю за их рациональным использованием

и в состав которого вошли Государственная инспекция по охране рыбных запасов и регулированию рыболовства, до того находившаяся в ведении Совета народного хозяйства БССР, Управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров БССР, Березинский заповедник и шесть охотничьих заказников республиканского значения. При областных исполнительных комитетах были созданы природоохранные инспекции и введены штатные должности межрайонных инженеров-инспекторов. В 1990 г. Государственный комитет БССР по охране природы был переименован в Государственный комитет Республики Беларусь по экологии, который в 1994 г. преобразован в Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь.

Для регулирования, обеспечения координации многовекторной природоохранной деятельности требовалась нормативная правовая база. Закон «Об охране природы в Белорусской ССР» был принят Верховным Советом БССР 21 декабря 1961 г. (далее – Закон «Об охране природы»). Его нормами установлено, что государственной охране и регулированию использования подлежат все природные богатства независимо от степени их эксплуатации: земля, воды, недра, леса и иной полезный растительный покров земли, типичные ландшафты, редкие и достопримечательные природные объекты, пригородные зеленые зоны, парки, зеленые насаждения в населенных пунктах и при дорогах, курортные местности, животный мир, атмосферный воздух.

Закон стал первым комплексным актом стратегического масштаба, просуществовавшим более сорока лет, сыгравшим определяющую роль в обеспечении экологического правопорядка, формировании системы природоохранного и природоресурсного законодательства, превратившихся затем в полноценное, интегрирующее экологическое право и законодательство, занявшее достойное место в законодательной системе [1; 2; 3]. После обретения Республикой Беларусь независимости был принят Закон «Об охране окружающей среды», продолживший создание пирамиды природоохранных законов и подзаконных актов и сформировавший обобщенное регулирование в сфере экологии. Этот закон ввел в наш правовой лексикон сравнительно новый, пришедший из западной традиции термин – «окружающая среда», что позволило устранить ряд пробелов в механизме правореализации, организации контроля и надзора в сфере охраны природы. Его последующие редакции отражали изменения социально-экономической ситуации и дополняли правовое регулирование важнейших отношений «общество – природа» на меняющемся правовом пространстве [4, с. 150–151].

Контроль в области охраны окружающей среды – одна из важнейших природоохранных задач. В 1998 г. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 апреля 1998 г. № 522 было утверждено Положение о государственном контроле в области охраны окружающей среды, осуществляемом Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды»; в 2003 г. ему на смену было принято Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 июля 2003 г. № 963 «О некоторых вопросах государственного контроля в области охраны окружающей среды, осуществляемого Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды и его территориальными органами».

Сопоставление первого белорусского Закона «Об охране природы» с аналогичными законами других Союзных Республик показывает ряд отличий. Так, в Законе

РСФСР «Об охране природы» от 27 октября 1960 г. в перечне объектов охраны отсутствовали парки и зеленые насаждения при дорогах; в то же время, в Законе РСФСР предусматривались воды поверхностные, подземные и почвенная влага. Не все положения первых законов об охране природы оправдали себя на практике. В литературе отмечалась их излишняя декларативность, отсутствие прямых правовых средств, включая экономико-правовые, непосредственных способов обеспечения действия, недостаток конкретности; не был решен вопрос о правовом режиме растительного мира [5; 6].

Однако даже с высоты современности можно выделить заложенные Законом «Об охране природы» 1961 г. отличающиеся для того времени новизной (кажущиеся в настоящее время само собой разумеющимися) основные реперные точки, которые послужили дальнейшему развитию экологического законодательства, такие как:

- природа – это диалектическая совокупность всех природных ресурсов (включая не познанные человечеством), в том числе не вовлеченных в потребление, то есть не только объявленных особо охраняемыми природными территориями (как превалировало до этого);

- охрана природы (природных ресурсов) – это не только и не столько целеустремленная планомерная защита от загрязнения, захламления, порчи, уничтожения, сколько повседневное бережное к ним отношение, рачительное, экономное их использование;

- повышение интенсивности хозяйственного и иного природопользования вызывает необходимость установления системы мероприятий, как целенаправленной организации охраны, рационального использования и расширенного воспроизводства природных ресурсов;

- охрана природы является важнейшей задачей государства и делом всего народа, что обусловило в последующем создание в помощь государственным органам общественных инспекций по охране природы при местных отделениях Общества охраны природы;

- включение научно-исследовательскими учреждениями и вузами в планы научных работ природоохранных тем, введение обязательных курсов охраны природы и воспроизводства ее ресурсов во всех учебных заведениях с учетом их профиля и контингента обучающихся.

В модернизации Закона БССР «Об охране природы в Белорусской ССР» 1961 г. участвовали профессора Н. В. Сторожев, С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, другие ученые и преподаватели БГУ, 100-летие юридического факультета которого отмечается в настоящее время [7]. Заложенные в 1961 г. природоохранные ориентиры правотворчества и правоприменения составляют с учетом инноваций костяк современной доктрины экологического права, продолжая быть стратегическими приоритетами, заметными вехами устойчивого развития.

Библиографический список

1. Сборник законов, постановлений и положений по охране природы в БССР) / Гос. ком. Совета Министров БССР по охране природы. сост. : Б. Б. Перковский, М. Г. Скороход – 2-е изд., доп. – Минск : Изд-во «Урожай», 1967. – 204 с.

2. Сапогин, А. Н. Природоресурсное право Республики Беларусь. Учебное пособие. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2016. – 72 с.

3. Брилевский, М. Н. Охранная грамота родной природы. 50 лет / М. Н. Брилевский [и др.]. – Минск : Рифтур, 2010. – 200 с.

4.Макарова, Т. И. Новая редакция Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» / Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро // Проблемы развития законодательства стран СНГ: материалы междунар. науч.-практ. конф., Калуга, 11–12 марта 2003 г. / Ин-т упр. и бизнеса / ред. Р. И. Акимова. – Калуга, 2003. – С. 146–155. Боголюбов, С. А. Развитие экологического права на евразийском пространстве : моногр. / С. А. Боголюбов. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 432 с.

5.Шахрай, И. С. Становление законодательства Республики Беларусь о растительном мире / И. С. Шахрай // Экологическое право. – 2005 – № 5. – С. 29–33.

6.Роль юридической науки в достижении целей устойчивого развития : сб. статей по материалам круглого стола, приуроч. к юбилею доктора юрид. наук, профессора, заслуженного юриста Респ. Беларусь С. А. Балашенко, Минск, 3 окт. 2022 г. / БГУ, Юрид. фак., Каф. экологического и аграрного права ; редкол. : Т. И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – 162 с.

7.Эволюция научной школы аграрного, экологического и природоресурсного права: преемственность и стратегия будущего : сб. статей по материалам круглого стола с междунар. участием, посвящ. памяти профессора Н. В. Сторожева, Минск, 30 мая 2024 г. / БГУ, Юрид. фак., Каф. экологического и аграрного права ; под ред. : Т. И. Макаровой, И. С. Шахрай. – Минск : БГУ, 2024. – 141 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

М. М. Бринчук

*профессор кафедры земельного права
и государственной регистрации недвижимости
Московского государственного университета геодезии и картографии,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
brinchuk@gmail.com*

Актуальные вопросы юридического экологического образования исследуются в контексте экологических положений Конституции Российской Федерации как союзного государства. Содержащиеся в ряде статей нормы рассматриваются как конституционная основа наиболее существенных элементов образовательных программ, касающихся объекта и предмета экологического и природоресурсного права, эколого-правового механизма, федеративной структуры законодательства.

Ключевые слова: юбилей юридического факультета БГУ; Конституция Российской Федерации; юридическое экологическое образование; экологическое и природоресурсное право; объект отрасли; предмет отрасли; эколого-правовой механизм; федеративная структура законодательства.

Юридический факультет БГУ – достояние страны. В свою вековую историю факультет и его сотрудники разделяли судьбу народа и государства, переживая трудные времена и последовательное развитие. Факультет – это научное учреждение всегда сотрудничающих профессоров, преподавателей и студентов. На основе современных учебных программ в этом сотрудничестве решаются главные для общества и государства задачи подготовки юридических кадров высокой квалификации. Одновременно факультет – это и научное учреждение, в котором развивается правовая наука как фундамент и самого образования, совершенствования и развития и правовой системы государства. В обеих ипостасях юридический факультет БГУ достойно отмечает свой 100-летний юбилей! Все, что делает факультет, – во благо белорусского народа, государства и природы как основы их жизни и деятельности! Здоровья, благополучия и новых успехов сотрудникам и студентам юридического факультета БГУ!

Конституция Российской Федерации, как Основной закон служит важнейшим источником формирования и осуществления экологического и природоресурсного права. Соответственно содержащиеся в ней экологические положения являются основой и образовательных программ по данному предмету. Обратим внимание на то существенное обстоятельство, что названные отрасли права и юридического знания в системе права и юридического образования, в сравнении с традиционными отраслями (государственным, административным, трудовым, гражданским, уголовным), являются «молодыми». В аспекте подготовки специалистов юридического профиля экологические положения Основного закона образуют конституционную экологическую парадигму всей системы права России, модель поведения, распространяющуюся и на все другие преподаваемые

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС Консультант Плюс.

отрасли права, что должно соответствующим образом отразиться на уровне системы знаний выпускников юридических факультетов.

При этом в системе конституционных норм по объему правового регулирования положения экологического характера представлены выгодно широко. В процессе реализации эти положения взаимосвязаны предметом регулирования, касаясь многих существенных элементов образовательных юридических программ экологической сферы.

Феномен конституционной экологической парадигмы может быть объяснен осознанием важности природы, ее ресурсов, публичной значимости экологической сферы в развитии общества, права и государства. В данном контексте Конституция РФ по-новому утверждает цивилизационный смысл и характер национального экологического развития, что соответствует ее декларациям о России как правовом и социальном государстве.

В приоритетном порядке Конституция Российской Федерации мировоззренчески глубоко заявляет о природе, земле и других природных ресурсах как объекте общественных отношений, регулируемых специальными отраслями в системе права России – экологическим и природоресурсным. Здесь студентам юридического факультета (ВУЗа) важно осознать, что, хотя в разных формах такой объект называется в ряде статей (земля и другие природные ресурсы – ст. ст. 9, 36; благоприятная окружающая среда – ст. 42; природа и окружающая среда, природное богатство – ст. 58; . экологическое развитие – ст. 71; земля, недра, воды и другие природные ресурсы – ст. 72; особо охраняемые природные территории, исконная среда обитания и традиционный образ жизни малочисленных этнических общностей – ст. 72), особое значение имеет норма ст. 9, согласно которой земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации *как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории*. Как элемент конституционной экологической парадигмы объект в этой норме приобретает значение системообразующего фактора, объясняющего такое широкое плодотворное внимание Конституции Российской Федерации к экологической сфере. Главное в этой норме – значение земли, других природных ресурсов, которые в своей естественной взаимосвязи и взаимодействии образуют природу как интегрированный объект экологического права.

Именно это философски выраженное значение природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, общества, каждого человека дает нам методологические материальные и духовные начала цивилизационного развития общества. Подчеркнем, что в отношении необозримого множества и разнообразия иных объектов в праве, ни об одном из них, мы не можем сказать, что они являются *основой жизни и деятельности народов!*

Правовая доктрина поддерживает и вполне разделяет этот конституционно выраженный и высоко значимый фактор миссии природы. Другими словами так же высоко оценивает значение природы авторитетный представитель публичного права профессор Ю. А. Тихомиров: «...экологическая сфера ... представляет собой общую базу, базис развития страны, государства и, естественно, жизнедеятельности людей ...»[1, с. 25–26]. Осознавая подобное значение и роль природы для человека, общества, государства, в соответствии с конституционной экологической парадигмой должно формироваться и осуществляться экологическое и природоресурсное законодательство и право.

Давая студентам экологические знания о природе как объекте экологического и природоресурсного права и ее значении на цитированную норму, мы обращаем внимание и в

аспекте важности системного знания, которое дает Основной закон. Соглашаясь с нормой о земле и других природных ресурсах как основе жизни и деятельности народов, общества, мы в то же время осознаем, что не любое состояние природы является *здоровой* основой жизнедеятельности общества. Такой здоровой основой может быть лишь *благоприятная окружающая среда*. В этом существенном аспекте мы оцениваем цивилизационное значение права каждого на благоприятную окружающую среду, закрепленного в ст. 42 Конституции Российской Федерации. Здесь мы видим высоко значимую нормативную и методологическую системную связь между нормами Конституции. Одной из важнейших характеристик этой плодотворной связи норм статей 9 и 42 мы видим в сути *генеральной задачи и цели экологического и природоресурсного законодательства и права – в обеспечении, сохранении, поддержании экологического благополучия*.

В контексте осознания государством роли и значения природы логично принимается ФЗ «Об охране окружающей среды». Раз природа столь значима, она должна соответствующим образом охраняться! В доктрине такой закон, как видим, имеющий особое значение, называется головным актом экологического законодательства. Подчеркивая это обстоятельство, мы обращаем внимание и на то, что своим названием этот закон ориентирует преподавателя и студентов на важнейший вопрос сущности самого экологического и природоресурсного права, касающейся его *предмета*. Традиционно предметом названной отрасли (или отраслей – при изучении земельного и других природоресурсных отраслей) называются *охрана и использование*. Так, согласно ст. 3 Земельного кодекса РФ земельное законодательство регулирует отношения по использованию и охране земель.

Помимо ст. 9 Конституции, в которой говорится об использовании и охране земли и других природных ресурсов, важные положения о предмете экологического и природоресурсного права содержатся в ст. 72, определяющей вопросы совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. Согласно этой статье к совместному ведению отнесено *природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности*.

В стст. 9, 36, 72 Конституции России установлены нормы, касающиеся права собственности на природные ресурсы. Отношения собственности на природные ресурсы – крайне общественно важны, но, к сожалению, не отнесены к предмету экологического и природоресурсного права, хотя в действительности широко регулируются в нем. Норма общего характера содержится в ст. 9, согласно которой земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. По убеждению автора данной научной статьи, раз природа и ее ресурсы являются основой жизни и деятельности общества, имеют высокую публичную ценность, то и собственность на природные ресурсы должна быть преимущественно публичной (государственной и в какой-то необходимой мере муниципальной). Частной собственности на землю вполне достаточно под жилой дом и дачу.

В этой части прислушаемся к мудрой позиции члена-корреспондента РАН Г. В. Мальцева, который утверждает: «... а вот частная собственность на землю – полнейший абсурд. По какому, собственно, праву представители одного поколения принимают закон, то есть волевое решение: давайте разделим землю на участки, распро-

дадим ее и сделаем частной собственностью. Кто придет в мир позже, родится с опозданием, обнаружит, что вся земля давно поделена и продана, что на него не рассчитывали и ему нет места на земле» [2, с. 164].

Россия – огромное по природной территории государство, экологические характеристики которой разнообразны. Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды справедливо отнесено к совместному ведению. В России как федеративном государстве эта норма означает, что экологическое и природоресурсное законодательство формируется и осуществляется в рамках его федеративной структуры. Для поддержания экологического благополучия при формировании законодательства важно учитывать *особенности природы* в том или ином регионе. Очевидно, что это может быть успешно сделано в региональном экологическом и природоресурсном законодательстве.

В Конституции Российской Федерации системную связь нормы ст. 9 о природе как основе жизнедеятельности общества и ст. 42 о праве каждого на благоприятную окружающую среду мы продолжаем видеть посредством нормы ст. 18, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Последующую часть нормы ст. 18 прочитаем в свете названного права: право каждого на благоприятную окружающую среду определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием. В юридико-образовательном процессе в свете конституционной экологической парадигмы значение этой нормы нам особенно важно видеть в контексте названной выше генеральной задачи и цели экологического и природоресурсного законодательства и права – обеспечения, сохранения, поддержании экологического благополучия. Посредством нормы ст. 18, всегда реализуемой совместно с нормой ст. 42 о праве каждого на благоприятную окружающую среду, практически решается задача создания механизма действия права в экологической сфере в целом, экологического и природоресурсного права, в частности. Подчеркнем, что элементы эколого-правового механизма занимают существенное место в содержании образовательных программ. Системно и цивилизационно значимо для всех других отраслей, в той или иной мере затрагивающих регулирование экологических отношений, принципиально важно то, что в процессе формирования и осуществления правовых механизмов каждой из таких отраслей в соответствующей части должно обеспечиваться сохранение благоприятной окружающей среды.

Для экологического и природоресурсного права нормы ст. 42 и 18 Конституции служат системной основой решения фундаментальной задачи создания *эффективного механизма регулирования общественных отношений*, образующих его предмет. Принципиально важно то, что норма ст. 18 ставит совершенно конкретные задачи для каждой из ветвей государственной власти. *Так, законодательная власть призвана создать эффективное экологическое и природоресурсное законодательство, обеспечивающее сохранение благоприятного состояния окружающей среды и соответственно право каждого на благоприятную окружающую среду. Задача органов исполнительной власти – обеспечивать последовательное эффективное исполнение этого законодательства. Судебная власть обеспечивает рассмотрение экологических споров, которые возникают по поводу деятельности законодательной и исполнительной власти.*

Реальное обеспечение экологического благополучия является конституционно-правовым критерием оценки эффективности, общественной полезности деятельности не только каждой из ветвей власти, но и главы государства, своим статусом вовлеченного во все сферы государственных дел. А юридическое экологическое образование, основанное на нормах Конституции Российской Федерации, призвано быть важным ресурсом поддержания конституционного и экологического правопорядка.

Библиографический список

1. Тихомиров, Ю. А. Теоретико-практический взгляд на водное право / Ю. А. Тихомиров // Водное законодательство и экологические вызовы: сб. материалов науч.-практ. конф., Москва, 15 июня 2012 г. / сост. С. А. Боголюбов, Д. О. Сиваков, О. А. Золотова. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации: Изд-во «Анкил», 2012. – С. 25–29.
2. Мальцев, Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой : моногр / Г. В. Мальцев. – М. : Изд-во МЮИ при Минюсте России, 2005. – 204 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

И. С. Шахрай

*профессор кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
shis@mail.ru*

Анализируются новации Кодекса Республики Беларусь о земле в редакции от 18 июля 2022 г., связанные с регулированием предоставления дополнительных земельных участков. Рассматриваются юридические признаки, условия и особенности процедуры предоставления таких земельных участков, в том числе по результатам конкурсов. Отмечаются проблемы правового регулирования рассматриваемых отношений, вносятся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: земельное законодательство; земельные отношения; дополнительный земельный участок; землепользователь; предоставление земельных участков; конкурс.

Кодекс Республики Беларусь о земле, изложенный в новой редакции Законом Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З (далее – КоЗ), сохраняя преемственность основных положений, лежащих в основе правового механизма оборота земельных участков с преобладанием административных способов их распределения, определяет ряд новых правил в сфере изъятия и предоставления земельных участков [1]. Одним из видов отношений, подвергшихся детальному регулированию, выступает предоставление дополнительных земельных участков.

Новацией КоЗ является закрепление понятия дополнительного земельного участка, *признаки* которого можно выделить на основе анализа его определения, содержащегося в п. 1.11 ст. 1 КоЗ. В частности, дополнительный земельный участок или его часть: должны быть смежными по отношению к используемому участку, в дополнение к которому испрашиваются; не могут с учетом градостроительных регламентов, природоохранных и санитарно-эпидемиологических требований использоваться в качестве самостоятельного земельного участка для строительства и обслуживания капитального строения (здания, сооружения); могут быть предоставлены на том же виде права, что и основной земельный участок.

Такое определение вызывает ряд вопросов, а именно: от каких факторов зависит возможность предоставления в качестве дополнительного части иного земельного участка; должен ли соответствовать указанным в приведенном пункте требованиям весь смежный участок или только часть, предоставляемая в качестве дополнительного; должна ли приниматься во внимание пригодность испрашиваемого участка для использования в качестве самостоятельного участка в целях, не связанных со строительством и обслуживанием капитального строения (например, для ведения личного подсобного хозяйства или огородничества). Выделяемый п. 1.11 ст. 1 КоЗ признак, состоящий в невозможности использования испрашиваемого участка в качестве самостоятельного земельного участка для строительства и обслуживания капитального строения (здания, сооружения), также имеет нечеткое содержание в связи с закреплением необходимости учета при этом лишь

градостроительных регламентов, природоохранных и санитарно-эпидемиологических требований. Мы полагаем, что указанные требования и регламенты, не охватывают все условия, связанные с определением возможности использования земельного участка в соответствующих целях. Так, согласно п. 1.14 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17 июля 2023 г. № 289-З (далее – КоАГСД) градостроительные регламенты охватывают требования к застройке и использованию территорий, установленные градостроительным проектом и зарегистрированные в государственном градостроительном кадастре Республики Беларусь; в то же время возможность такого использования земельных участков зависит и от иных факторов, в том числе вытекающих из положений КоЗ и КоАГСД. Таким образом, правовая неопределенность понятия дополнительного земельного участка может выступать причиной различия подходов в правоприменительной практике, что свидетельствует о необходимости уточнения в КоЗ данного понятия.

Следует отметить, что ст. 45 КоЗ в отношении дополнительных земельных участков предусматривает особые правила, которые охватывают два *варианта предоставления*: по результатам конкурса или без его проведения (последнее возможно, если в течение 30 дней со дня включения таких участков в перечень свободных (незанятых) земельных участков заявлений от иных землепользователей о предоставлении соответствующего дополнительного участка не поступило). При этом проведенный анализ показывает, что 30-дневное «ожидание» и сама процедура конкурса «не вписывается» в общий порядок, предусмотренный Положением о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 г. № 32 (далее – Постановление № 32), согласно которому каждый этап процедуры изъятия и предоставления ограничен определенными сроками. Так, по общему правилу исполнительный комитет (администрация свободной экономической зоны) рассматривает заявление заинтересованного лица о предоставлении земельного участка и в течение 10 рабочих дней сообщает этому лицу о результатах рассмотрения, а также дает поручение организации по землеустройству на разработку проекта отвода земельного участка с установлением его границы (п. 36 названного Положения).

Применительно к проведению конкурсов по выбору землепользователя дополнительного земельного участка вопросы вызывают предлагаемые законодательством (п. 7 Положения о порядке проведения конкурса по выбору землепользователя дополнительного земельного участка, утвержденного Постановлением № 32) и реализуемые на практике *критерии* выбора победителя конкурса, которые являются субъективными и не отражают суть конкурса как формы торгов (она отражена в п. 3 ст. 417 ГК Республики Беларусь, согласно которому победителем конкурса признается лицо, предложившее лучшие условия). Например, для граждан в качестве таких критериев названы вид права, целевое назначение, площадь используемого земельного участка, состав семьи, количество сельскохозяйственных животных в личных подсобных хозяйствах и иные данные общего характера. Такие законодательные подходы ведут к указанию на практике в качестве критериев выбора победителя конкурса целого перечня условий, не относящихся к конкретному целевому назначению земельного участка (например, при предоставлении дополнительного земельного участка для ведения личного подсобного хозяйства – нужды в улучшении жилищных условий [2] и т.п.).

В случае соответствия двух и более участников критериям, установленным организатором конкурса, его победителем признается участник, подавший заявление ранее других (п. 19 Положения о порядке проведения конкурса по выбору землепользователя дополнительного земельного участка), что лишает смысла само установление конкурсных условий. При этом следует сказать, что законодательством не предусмотрено информирование потенциально заинтересованных землепользователей о включении дополнительного земельного участка в перечень свободных (незанятых). Следовательно, с учетом того, что очередность подачи заявлений может иметь решающее значение, землепользователи ставятся в неравные условия, несмотря на общедоступность такой информации.

Как следует из п.1 ст. 45 КоЗ, приведенные в ней правила не распространяются на предоставление дополнительных земельных участков, включенных в перечень для реализации инвестиционных проектов или предоставляемых через аукцион. Для первого случая законодательством предусмотрен особый механизм предоставления дополнительного земельного участка (п.2 и 4 ст. 44 КоЗ; п.23 Положения о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июля 2016 г. № 563).

Предоставление основного земельного участка по результатам аукциона также влечет невозможность применения порядка, установленного ст. 45 КоЗ для дополнительных участков, о чем однозначно свидетельствует п. 1 названной статьи и п. 1.17 ст. 42 КоЗ. Согласно п. 5 ст. 12 КоЗ предоставление дополнительного земельного участка в связи с необходимостью увеличения размера и изменения границы земельного участка, предоставленного по результатам аукциона, допускается на основании решения исполнительного комитета о разрешении предоставления дополнительного земельного участка при соблюдении условий, предусмотренных п. 2 ст. 10 КоЗ¹. К таким условиям, в том числе, относится изменение вида права на существующий земельный участок на право частной собственности, а также внесение платы за земельный участок, определяемой по рыночной или кадастровой стоимости, либо доплата соответствующей разницы – в зависимости от содержания решения областного исполнительного комитета, что следует из п.2 ст. 36 КоЗ. Логично предположить, что эти условия касаются именно дополнительного земельного участка, что однако недостаточно четко следует из рассмотренных положений КоЗ. Такие требования могут служить существенным сдерживающим фактором для пользователей (особенно арендаторов) земельных участков, приобретенных на аукционе, даже в случае наличия неиспользуемых смежных участков и потребности в таком участке, например, в связи с необходимостью расширения производства. Полагаем, что такие ограничения не отвечают ни целям охраны земель, ни целям стимулирования предпринимательской активности.

Еще один вариант предоставления дополнительного земельного участка, не названный в КоЗ, вытекает из положений п.2 ст. 3 Закона № 195-З о легализации. Так,

¹ П. 5 ст. 12 КоЗ содержит отсылку и к п. 4 ст. 10 КоЗ, однако можно с уверенностью утверждать, что последний не имеет отношения к рассматриваемому случаю, поскольку земельные участки предоставляются гражданам как состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий без проведения аукциона (правило содержится в п. 1.7 ст. 42 КоЗ, а ранее было предусмотрено п. 7 Положения о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667).

в соответствии с названным пунктом исполнительным комитетом может быть принято решение о предоставлении дополнительного земельного участка при самовольном занятии части земельного участка, что требует соблюдения совокупности предусмотренных условий (соблюдение сроков для обращения, согласие смежных землепользователей, внесение платы за легализацию и иные). При этом изменение вида права на основной участок не является обязательным, а в случае, когда основной участок находится в частной собственности или аренде, соответствующая плата за дополнительный участок вносится в соответствии с п.4 ст. 36 и п.1 ст. 37 КоЗ, т. е. рассчитывается на основании кадастровой стоимости.

Сказанное свидетельствует, что землепользователи, приобретшие земельные участки на аукционе, в части условий предоставления дополнительных земельных участков, особенно их финансовой составляющей, ставятся в худшие условия, чем землепользователи, допустившие самовольное занятие части участка, что представляется необоснованным.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие направления совершенствования земельного законодательства:

- конкретизация в КоЗ юридических признаков дополнительного земельного участка, в том числе невозможности его использования в качестве самостоятельного участка, а также четких условий предоставления в качестве дополнительного участка части смежного земельного участка;

- определение в Положении о порядке изъятия и предоставления земельных участков особенностей процедуры предоставления дополнительных земельных участков;

- уточнение в Положении о порядке проведения конкурса по выбору землепользователя дополнительного земельного участка критериев выбора победителя такого конкурса в целях создания ориентиров для правоприменительной практики;

- пересмотр и смягчение закрепленных КоЗ условий предоставления дополнительного земельного участка в случае, когда основной участок был предоставлен по результатам аукциона.

Библиографический список

1. Шахрай, И. С. Тенденции развития земельного законодательства Республики Беларусь: новый этап / И. С. Шахрай, Н. А. Шингель // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2023. – № 1. – С. 51–58.

2. Извещение о проведении конкурса по выбору землепользователя земельного участка / Березинский районный исполнительный комитет. – URL: <https://berezino.gov.by/?p=13011> (дата обращения: 25.06.2025).

О СТИМУЛИРУЮЩИХ МЕРАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В. В. Кванина

*заведующий кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права
Юридического института Южно-Уральского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
kaf.pk@susu.ru*

В статье в рамках экономического механизма охраны окружающей среды рассмотрены прямые и косвенные методы экономического регулирования в области охраны окружающей среды. Автор приходит к выводу, что в современных условиях, когда государство ограничено в ресурсах, в указанной сфере необходимо выстраивать на взаимовыгодных условиях новые договорные формы сотрудничества между государством и бизнесом, позволяющим привлечь частные инвестиции в решение проблем охраны окружающей среды.

Ключевые слова: экономический механизм охраны окружающей среды; прямые и косвенные методы экономического регулирования в области охраны окружающей среды; договорные формы государственно-частного партнерства.

В экологическом праве часто используемой является категория «экономический механизм охраны окружающей среды». При этом в ФЗ «Об охране окружающей среды» она отсутствует, а в доктрине нет однозначного восприятия этой категории. Категория «экономический механизм охраны окружающей среды», как представляется, предопределена названием главы IV («Экономическое регулирование в области охраны окружающей среды») указанного закона. До 1 января 2015 г. в ней в ст. 14 «Методы экономического регулирования в области охраны окружающей среды» были перечислены методы: «разработка государственных прогнозов социально-экономического развития на основе экологических прогнозов; разработка и проведение мероприятий по охране окружающей среды в целях предотвращения причинения вреда окружающей среде; установление платы за негативное воздействие на окружающую среду» и др. После указанной даты ст. 14 ФЗ «Об охране окружающей среды» утратила силу. Из перечисленных в ней методов экономического регулирования в главе IV закона остались лишь плата за негативное воздействие на окружающую среду, государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, по определенным направлениям, и экологическое страхование (ст. 16-18). При этом глава IV закона дополнена статьей (ст. 18.1), посвященной экономическому стимулированию прекращения производства и использования озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции.

В экономической литературе методы экономического регулирования относят к прямым и косвенным методам государственного регулирования. Прямые методы выражаются в принятии правового акта, содержащего предписание императивного характера на совершение определенных действий; косвенные методы «основываются на экономических средствах воздействия на регулируемые отношения со стороны субъектов

государственно-управленческой деятельности. Они опосредованно через экономические интересы без прямого властного воздействия отражаются на поведении экономических субъектов путем создания условий, влияющих на мотивацию должного поведения участников экономических отношений посредством материальных стимулов, таких как материальное поощрение и ответственность» [1, с. 406–407]. С учетом данной характеристики большинство методов экономического регулирования в области охраны окружающей среды относятся к косвенным методам (установление платы за негативное воздействие на окружающую среду, проведение экономической оценки природных объектов, предоставление налоговых и иных льгот при внедрении наилучших технологий и др.) [2; 3]. К прямым методам государственного регулирования охраны окружающей среды относят лицензирование, выдачу комплексного экономического разрешения и др. В то же время ряд авторов относит их к организационному или правовому механизму охраны окружающей среды. С учетом данных методов экономический механизм охраны окружающей среды предложено понимать, как комплекс правовых средств, посредством которых у хозяйствующих субъектов появляется «экономическая заинтересованность в проведении экологических мероприятий, принятии мер по снижению негативного воздействия на окружающую среду и обеспечении рационального природопользования» [2; 4].

В структуре экономического механизма охраны окружающей среды основная роль должна принадлежать правовым средствам экономического характера, посредством которых у хозяйствующих субъектов, как отмечает Н. В. Кичигин, появляется экономическая заинтересованность в проведении экологических мероприятий [2]. Речь идет о косвенных методах экономического механизма охраны окружающей среды, содержанием которых являются меры стимулирования, преференции. В ст. 3 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ под мерами стимулирования деятельности в сфере промышленности понимаются «действия правового, экономического и организационного характера, которые осуществляются органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями, входящими в состав инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности, и направлены на достижение целей промышленной политики» (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности деятельность в сфере охраны окружающей среды относит к промышленности).

Наиболее полно меры экономического стимулирования охраны окружающей среды представлены в разделе IV «Основные механизмы реализации государственной политики в области экологического развития» Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденных Указом Президента РФ от 30 апреля 2012 г. : «стимулирование предприятий, осуществляющих программы экологической модернизации производства и экологической реабилитации соответствующих территорий; применение государственно-частного партнерства при государственном финансировании (софинансировании) мероприятий по оздоровлению экологически неблагополучных территорий, ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической и иной деятельностью» и др.

Как справедливо отмечают в литературе, в системе механизмов охраны окружающей среды преобладают административные методы стимулирования, рыночные же инструменты воздействия на окружающую среду не получили широкого распространения [5, с. 6]. И,

кроме того, необходимо заметить, что эти меры стимулирования, как правило, не наделены должным реализационным механизмом и не отражают всех потребностей данной сферы.

Рыночные правовые средства воздействия на окружающую среду можно классифицировать на два вида. Первые из них выступают защитной мерой исполнения хозяйствующими субъектами обязательств по охране окружающей среды перед всем обществом, третьими лицами, но ложатся на них («загрязнителей») дополнительным финансовым бременем (например, экологическое страхование, экологический аудит); вторые – направлены на решение разнообразных экологических проблем, бенефициаром которых являются как общество в целом, так и хозяйствующий субъект. В качестве таковых выступают инвестиционные договорные формы, посредством которых он получает государственные преференции.

В условиях сложившейся социально-экономической ситуации в России субъектам, осуществляющим деятельность, направленную на реализацию мероприятий по охране окружающей среде, ожидать от государства полномасштабных административных преференций не приходится. Это обуславливает необходимость привлечения на взаимовыгодных условиях для государства и инвесторов частного капитала посредством ГЧП.

ГЧП в литературе рассматривается в широком и узком смыслах слова; в первом случае – это институт публично-частного партнерства в целом, во втором – конкретные его формы. Наиболее распространенными формами ГЧП в РФ являются соглашение о таком партнерстве и концессионное соглашение [6, с. 126–145]. Данные соглашения в соответствии с законодательством могут заключаться только в отношении недвижимого имущества или недвижимого имущества и движимого имущества, технологически связанных между собой. В сфере охраны окружающей среды применение форм ГЧП существенно ограничено: из перечисленных в п. 1 ст. 7 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ объектов ГЧП к сфере охраны окружающей среды могут быть отнесены только отдельные объекты (по производству, передаче и распределению электрической энергии, объекты, на которых осуществляется обработка, утилизация, обезвреживание, размещение твердых коммунальных отходов, мелиоративные системы и объекты их инженерной инфраструктуры, за исключением государственных мелиоративных систем). Аналогичные объекты за отдельным исключением предусмотрены и в п. 1 ст. 4 Федерального закона «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ.

Ситуация с правовым ограничением привлечения частного капитала в сферу охраны окружающей среды в рамках механизма ГЧП не вполне понятна. В литературе неоднократно поднимался вопрос о расширении объектов ГЧП в данной сфере, и не только за счет недвижимого имущества [7, с. 12]. Особенно актуален механизм ГЧП для устранения последствий исторических загрязнений окружающей среды [8, с. 80–81]. У инвесторов интерес в применении ГЧП в отношении объектов накопленного вреда окружающей среде может проявиться в использовании загрязненных территорий для повторного использования в качестве зеленых насаждений, артпарков, торговых центров, рекреационных зон и жилых участков [9, с. 15–20], размещении технопарков,

производственных зон, предприятий. В 2020 г. данный вопрос стал предметом законодательной инициативы (законопроект № 11022731-7), который однако был отклонен в связи с нарушением требований ч. 3 ст. 104 Конституции РФ.

Практике известны и другие формы ГЧП, например, к договорным формам взаимодействия государства и бизнеса относят офсетный контракт, специальный инвестиционный контракт, контракт жизненного цикла [10], договор инвестиционной аренды [11] и др. Представляется, что осмысливание и предложение новых форм ГЧП в сфере охраны окружающей среды – злободневная задача практиков и ученых в сфере экологического и предпринимательского права, решение которой позволит привлечь частные инвестиции в решение проблем охраны окружающей среды и не ляжет тяжелым бременем на государственный бюджет и хозяйствующих субъектов.

Библиографический список

1. Предпринимательское право Российской Федерации / Отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – М. : Юристь, 2004. – 1001 с.
2. Кичигин, Н. В. Законодательное обеспечение экономического механизма охраны окружающей среды / Н. В. Кичигин // Журн. рос. права. – 2008. – № 10. – С. 45–51.
3. Ялбулганов, А. А. Экономико-правовые механизмы защиты окружающей среды от загрязнения отходами производства и потребления / А. А. Ялбулганов // Законодательство. – 2019. – № 10. – С. 48–56.
4. Гетьман, А. П. Организационно-правовой механизм охраны окружающей среды / А. П. Гетьман // Проблемы законности. – 2014. – № 125. – С. 119–128.
5. Хлуденева, Н. И. Правовое обеспечение экономического стимулирования в области охраны окружающей среды / Н. И. Хлуденева // Журн. рос. права. – 2013. – № 2. – С. 5–13.
6. Инвестиционное право: учебник / отв. ред. И. В. Ершова, А. Ю. Петраков. – М. : Проспект, 2021. – 304 с.
7. Бабич, А. А. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Бабич Арсений Андреевич ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации» – М., 2021. – 208 л.
8. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. II. Экологическое право : моногр. / Под ред. С. А. Боголюбова, Р. Л. Хачатурова. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 389 с.
9. Кабацкая, Л. Н. Применение механизма государственно-частного партнерства при ликвидации накопленного вреда окружающей среде / Л. Н. Кабацкая // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 1. – С. 15–20.
10. Козлова, Е. Б. Развитие договорных механизмов государственно-частного партнерства как фактор достижения устойчивого экономического роста / Е. Б. Козлова // Хозяйство и право. – 2024. – № 6. – С. 27–41.
11. Иванова, Т. Н. Договор инвестиционной аренды как инструмент развития инфраструктуры ИНТЦ / Т. Н. Иванова // Предпринимательское право. – 2025. – № 1. – С. 16–21.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ И ПРИНЦИПОВ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА

Т. В. Злотникова

*заведующий кафедрой земельного права и государственной регистрации
недвижимости факультета управления территориями
Московского государственного университета геодезии и картографии,
доктор юридических наук, профессор
tzlotnikova@yandex.ru*

В статье рассмотрены особенности динамики и расширения понятия устойчивого развития. Рассмотрены несколько близких и приоритетных принципов земельного права наших стран. С учетом сравнения отдельных норм российского и белорусского земельного законодательства показана связь устойчивого развития территорий с земельноправовыми принципами. Выявленная закономерность подкреплена судебной практикой. Обращено внимание на недостатки законодательства в области правового регулирования земель ООПТ.

Ключевые слова: устойчивое развитие; российское земельное законодательство; белорусское земельное законодательство; принципы земельного права; устойчивое развитие территорий, земли ООПТ.

Внедренный в национальное законодательство Беларуси и России рядом международных актов понятие «устойчивое развитие» находит все более расширительное и нормативно-правовое применение, в первую очередь, в природоресурсном законодательстве. Несмотря на первоначальное восприятие этого термина, как что-то спорное, неустоявшееся, чуть ли не временное, приходящее ненадолго и не имеющее долговременного применения из-за многообразного его толкования (самоподдерживающееся, сохраняющее целостность, сбалансированное и т.п.), понятие «устойчивое развитие» все сильнее проникает в ткань разных отраслей законодательства, становясь, как метко определил профессор С. А. Боголюбов, «одним из основных принципов российского права и законодательства, является достаточно емким, рассчитанным на длительную перспективу, будучи стержнем российской модернизации правовой системы» [1, с. 36–42].

Бесспорным лидером белорусских научных изысканий тематики устойчивого развития выступает заведующий кафедрой экологического и аграрного права БГУ, профессор Т. И. Макарова, являющаяся одновременно экспертом ПРООН по правовым вопросам устойчивого развития, которая посветила проблемам устойчивого развития немало публикаций [2; 3]. Доминирующим принципом концепции устойчивого развития при использовании природно-ресурсного потенциала выступает обеспечение сбалансированного решения экологических и социально-экономических задач.

В последние годы социально ориентированная составляющая понятия «устойчивое развитие» стала доминировать, хотя оно вносилось в научно-практический обиход, в первую очередь, для решения именно экологических проблем, о чем свидетельствует и само название комиссии, внедрившей в международный обиход в 90-е гг. XX в. понятие «устойчивое развитие».

Отметим, что положения п. «е» ст. 71 Конституции Российской Федерации органично соединяют в себе все основные составляющие современного понятия устойчивого развития: от экономического и социального до экологического и культурного развития.

Но термин устойчивого развития все активнее расширяет свое значение, внедряясь, проникая и наполняясь новым содержанием, например, в пространственное развитие территорий. Раскрытию понятия и содержания «устойчивого развития территорий» в современной научной литературе уделяется повышенное внимание многими авторами, причем с большим диапазоном профессионально-научного интереса разных специальностей: от права и политологии, экономики и социологии до биологии, экологии и природопользования. Наиболее приемлемым, на взгляд автора, видится определение, приведенное в ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ: «устойчивое развитие территорий – это комплекс мероприятий, направленных на создание безопасных и комфортных условий для людей, снижение негативного воздействия на экосистемы и рациональное использование природных ресурсов с заботой о благополучии следующих поколений».

Сложно не заметить связь достижения целей и задач устойчивого развития территорий с основными принципами земельных отношений, которые играют важную роль не только непосредственно в земельном законодательстве и практике его применения, но и в науке земельного права, да и в целом природоресурсного права. Принципам земельного права уделено повышенное внимание в земельном законодательстве России и Беларуси. И это вполне закономерно.

В соответствии с принципом земельного права устанавливается приоритет охраны жизни и здоровья человека (п. 3 ст. 1 Земельного кодекса РФ, а для их обеспечения предусмотрены соответствующие требования к видам деятельности и принимаемым решениям. Указанный принцип основывается на положениях Конституции Российской Федерации (ст. 41-42), а также соответствует экологическим принципам, сформулированным в ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды». Речь идет, во-первых, о принципе «соблюдения права человека на благоприятную окружающую среду» и, во-вторых, о принципе «обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека». Достижение сформулированной данным принципом Земельного кодекса РФ задачи осуществляется посредством проведения природоохранных мер и возложения обязанностей на органы власти, граждан и юридических лиц, предусмотренных главами II, V, VI Земельного кодекса РФ. В белорусском законодательстве этот принцип корреспондирует нормам статей 45-46 Конституции Республики Беларусь, а также нормам ст. 4 Закона «Об охране окружающей среды».

Другой принцип российского земельного законодательства соотнесен с конституционными положениями статей 9 и 36 Конституции России, в частности, учитывающих земельный ресурс в качестве основы благополучной жизни граждан. В белорусском Основном законе близкие конституционные нормы можно найти в стст. 9 и 13.

Если сравнить иные основные земельные принципы обеих стран, то ряд из них также имеет достаточно близкое содержание. Таким аналогичным, земельно-правовым принципом выступает принцип платности использования земельных ресурсов (п. 7 ст. 1), который можно рассматривать как принцип межотраслевого характера, так как он также применяется и в других отраслях природоресурсного законодательства (напри-

мер, в водном, лесном и т.п.). Особенностью этого принципа, указанного среди 11 основных принципов в ст. 1 Земельного кодекса РФ и в ст. 5 КоЗ главного земельно-правового закона, являются прописанные возможные случаи исключений, которые могут устанавливаться федеральными или региональными законами.

В Российской Федерации такие исключения из принципа платности довольно эффективно реализуются в долгосрочной российской земельно-переселенческой программе заселения удаленных от центральной части России и малозаселенных дальневосточных и арктических территорий под названием «дальневосточный гектар» и арктический гектар», о чем более подробно изложено в иных публикациях автора [4; 5, с. 985–989].

Не менее важным межотраслевым принципом, свойственным гражданскому и земельному законодательству, является публичность проведения торгов, вытекающая не только из земельного, но также и из градостроительного и экологического законодательства. Речь идет о принципе гласности принятия решений о намечаемой хозяйственной деятельности и предоставлении земельного участка для нее. Явный межотраслевой характер этого принципа земельного права позволяет сделать вывод о характерном и для других случаев межотраслевом взаимодействии, происходящем на стыке земельного и экологического законодательства. Это вполне закономерно и объясняется тем, что земля является не только природным ресурсом и объектом хозяйственной деятельности, но и составной частью окружающей среды.

Среди принципов земельного законодательства наших стран провозглашен важный приоритет сохранения земель особо охраняемых природных территорий, согласно которому не допустимо изменение целей их использования. Именно этот принцип защищает самые ценные земли, что играет исключительную роль в реализации задач по достижению и поддержанию устойчивого развития таких территорий. Однако на практике имеет место недооценка или игнорирование этого принципа, что может привести к серьезным последствиям и потере не только устойчивости территорий с особым защитно-охранным статусом, но и к потере самих таких территорий. В конце 2024 г. стало известно о принятии Постановления Правительства Москвы от 27 декабря 2024 г. № 3160-ПП «О преобразовании особо охраняемых природных территорий регионального значения города Москвы в особо охраняемые зеленые территории города Москвы», которым сто сорок шесть особо охраняемых природных территорий регионального значения г. Москвы были преобразованы в особо охраняемые зеленые территории (далее – ООЗТ).

Постановление принято в соответствии со ст. 21 Закона г. Москвы от 13 ноября 2024 № 27 «Об охране и использовании зеленого фонда в городе Москве». Положения указанного Закона противоречат федеральному законодательству, которое не предусматривает возможности упразднения, уменьшения площади, изменения границ, изъятие части ООПТ, в результате чего исключаются территории, ранее имеющие защитный статус ООПТ. Российская столица одновременно лишилась практически всех региональных ООПТ, которые создавались в течение нескольких десятилетий и были гордостью Москвы. Все упраздненные ООПТ являлись согласно ст. 95 Земельного кодекса РФ и Преамбуле ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» общенациональным достоянием, но теперь потеряли этот статус. Такие нормотворческие изменения противоречат положениям Конституции Российской Федерации и нарушают ряд федеральных законов, которые обеспечивают охранно-защитный статус таких территорий и предусматривают ограничительные меры

для нормального функционирования и московских региональных ООПТ, в том числе: Земельный, Градостроительный и Лесной (от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ) кодексы РФ, ФЗ «Об охране окружающей среды», ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире».

Есть не только большой риск, но и высокая вероятность, что эту столичную законодательную инициативу начнут повторять и применять в законотворчестве в интересах бизнеса и другие субъекты РФ. Именно четкое ослабление защитно-охранного режима всех московских региональных ООПТ, преобразованных в ООЗТ, произведено в столице, что фактически означает их упразднение, или прекращение их существования, т.е. охраны и использования, как земель ООПТ, являющихся объектами национального достояния.

Отметим, что федеральным законодательством не предусмотрено никакого преобразования территорий ООПТ в какие-то иные категории с понижением их ранее четко определенного охранного статуса как ООПТ. Положениями вышеназванных Закона г. Москвы Постановления Правительства г. Москвы, которыми предусмотрено преобразование региональных ООПТ, является плохо скрытой формой их ликвидации и выведения всех этих территорий из-под действия многочисленных защитных норм федерального законодательства. Кроме того, такие действия по упразднению всех региональных ООПТ противоречат целям и задачам документов стратегического планирования и одной из национальных целей развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» «Экологическое благополучие» в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. №309, «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», к задачам которой отнесено «сохранение лесов и биологического разнообразия, устойчивое развитие ООПТ».

Произведенное в столице двухэтапное преобразование всех региональных ООПТ в ООЗТ грубо нарушает конституционные экологические права граждан – жителей Москвы (ст. 42 Конституции РФ), тем более, что согласно статье 76 Конституции РФ «Законы субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам. В случае противоречия действует федеральный закон».

Несколько странную позицию заняли столичная прокуратура и городской суд, которые не увидели нарушений федерального законодательства в вышеописанном преобразовании региональных ООПТ, поэтому граждане, в числе которых и автор публикации, надеются найти законное и справедливое решение в вышестоящих судах. Тем более с учетом того, что Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно высказывал жесткую и мотивированную позицию о недопустимости уменьшения защитно-барьерных функций законодательства об ООПТ, напрямую влияющего не только на обеспечение конституционных прав граждан и сохранение природного потенциала и биологического разнообразия, но и роли ООПТ в обеспечении устойчивого развития территорий. Примером может служить решение Конституционного Суда РФ, в заседании которого в качестве эксперта от Всероссийского общества охраны природы участвовала автор¹.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобами граждан Н. И. Гришиной, Н.З. Гулордавы и других»: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497120/.

Библиографический список

1. Боголюбов, С. А. Правовое обеспечение природоресурсного и других направлений устойчивого развития / С. А. Боголюбов // Управление земельными и иными природными ресурсами: проблемы правового регулирования и судебной практики: сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., 11–13 октября 2019 г., г. Йошкар-Ола / Марийский гос. ун-т. –Йошкар-Ола: Мар. ГУ, 2019. – С. 36–42.
2. Правовые основы устойчивого развития на местном уровне / Т. И. Макарова [и др.]. – Минск : Ковчег, 2010. – С. 5–12.
3. Макарова, Т. И. Устойчивое развитие как принцип экологического права / Т. И. Макарова // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 окт. 2010 г. / редкол. : И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 444–448.
4. Злотникова, Т. В. // Проблемы и перспективы новой земельной политики на дальневосточных территориях / Т. В. Злотникова // Вестн. Удмурт. ун-та. – Серия: Экономика и право, 2018. – Том 28. – Вып. 5. – С. 732–739.
5. Злотникова, Т. В. Международно-правовые и эколого-правовые механизмы обеспечения устойчивого развития Арктического региона / Т. В. Злотникова // Государство и право в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. ф-та Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 нояб. 2020 г. / БГУ, Юридический фак. – Минск : БГУ, 2021 – 1106 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Е. Н. Абанина

*заведующий кафедрой земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, доцент
elena-abaina@yandex.ru*

А. А. Олифиренко

*сотрудник Научно-образовательной лаборатории правового обеспечения развития
агропромышленного комплекса Саратовской государственной юридической академии
k_zp@ssla.ru*

Исследование направлено на оценку влияния цифровых агросистем на повышение эффективности агропромышленного комплекса. В работе проанализированы современные цифровые решения российских компаний, применяемые в сельском хозяйстве, таких как системы ООО «ЭКОмониторинг Агро» и ООО «Агроанализ» (интегрированное решение «СЕЛЭКС. Цифровой регион»), система REGAGRO, платформа АО «РИБЦ» и комплексное решение SmartAgro с модулем «Агроаналитика-IoT». Исследование включает сравнительный анализ соответствия реализуемых технологий действующей нормативно-правовой базе.

Ключевые слова: сельское хозяйство; продовольственная безопасность; цифровизация; агропромышленный комплекс.

В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 21 января 2020 г., «разработка и реализация программ технической и технологической модернизации, в том числе внедрение новой техники и технологий, обеспечивающих повышение производительности труда, энергоэффективность, ресурсосбережение и снижение потерь в сельском и рыбном хозяйстве» обозначены в качестве задачи первого направления «производство сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» государственной социально-экономической политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Механизмы обеспечения продовольственной безопасности устанавливаются в соответствующих нормативных правовых актах, определяющих условия функционирования экономики страны и ее отдельных отраслей. В частности, государственная стратегия в рамках национального проекта «Техническая и технологическая независимость сельского хозяйства» предусматривает кардинальные изменения в цифровой инфраструктуре агропромышленного комплекса, в числе которых ключевое значение приобретают искусственный интеллект и машинное обучение.

Применение данных технологий позволяет существенно оптимизировать агротехнические процессы, повысить производительность сельскохозяйственных предприятий и снизить издержки за счет рационального распределения ресурсов, а также минимизировать негативное воздействие на экологию посредством точного контроля параметров

производственного цикла. Эмпирические исследования указывают на то, что на сегодняшний день лишь 12–15% агропредприятий отечественного рынка интегрировали ИИ-решения в свои производственные процессы, в то время как 37% субъектов аграрного сектора выражают заинтересованность в их краткосрочной имплементации, что подчеркивает наличие значительного неиспользованного потенциала для дальнейшей цифровизации и технологической модернизации отрасли.

На фоне данных тенденций российская стратегия в рамках национального проекта «Техническая и технологическая независимость сельского хозяйства» предусматривает кардинальные изменения в цифровой инфраструктуре агропромышленного комплекса. В соответствии с программными ориентирами данного проекта, к 2030 г. планируется достичь уровня технологического суверенитета в 75% за счет приоритетного использования отечественных цифровых платформ для управления агропредприятиями, увеличить долю сельскохозяйственных машин и оборудования, оснащенных системами ИИ, до 60%, а также повысить эффективность прогнозирования урожайности с помощью алгоритмов машинного обучения не менее чем на 30%. Данные целевые показатели отражают стратегическую направленность политики, ориентированной на снижение зависимости от импортных технологий и обеспечение устойчивости аграрного сектора в условиях внешнеэкономической неопределенности.

Одним из ключевых инструментов цифровой трансформации агропромышленного комплекса Российской Федерации, позволяющих существенно повысить эффективность контроля над поголовьем, обеспечить прозрачность учета и оптимизировать процессы ветеринарного контроля, репродуктивного менеджмента и рационализации кормления являются интеллектуальные платформы управления животноводством.

Платформа «СЕЛЭКС. Цифровой регион» решает проблему фрагментарности данных об учёте сельскохозяйственных животных посредством создания единого облачного хранилища, где сведения о животных централизованы и интегрированы с региональными племенными реестрами. Внедрение алгоритмов, таких как Random Forest и XGBoost, способствует автоматической валидации данных, что приводит к увеличению точности учета на 30 %. Кроме того, обязательная синхронизация с региональными информационными системами минимизирует риск дублирования записей, что значительно улучшает качество статистических данных и отчетности для федеральных и региональных органов управления [1].

Соответствие этим технологиям регулируется Приказом Минсельхоза России от 21 января 2025 г. № 28 «Методика расчета показателя национального проекта по обеспечению технологического лидерства «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» «Индекс производства продукции агропромышленного комплекса (в сопоставимых ценах) к уровню 2021 года», где в п. 2-4 описаны требования к точности обработки данных и методам их валидации.

Автоматизированная система учёта сельскохозяйственных животных «REGAGRO» ориентирована на строгий контроль регистрации животных посредством интеграции с федеральной ГИС «ВетИС». Благодаря использованию современных алгоритмов, система способна сокращать количество ошибок при регистрации до 95 % и обеспечивать формирование отчетности в режиме реального времени. Ускорение процессов обработки данных позволяет снизить время, затрачиваемое на подготовку официальной отчетности,

на 60 %, что имеет существенное значение для оперативного реагирования на изменения в аграрном секторе и для реализации мер государственной поддержки [2].

Платформа АО «РИВЦ» специализируется на разработке систем идентификации и персонализированных реестров животных, что позволяет повысить достоверность данных об учёте на среднем уровне на 25 %. Интеграция когнитивных алгоритмов для подбора пар при искусственном осеменении, основанных на анализе геномных данных и биометрических показателей, способствует улучшению генетического прогресса стада на 18 % по сравнению с традиционными методами [3]. Дополнительные модули оптимизации кормления, использующие методы кластеризации (k-Means) и генетические алгоритмы, позволяют снизить затраты на корма до 15 % при одновременном увеличении продуктивности молочного скота на 8–10 % [4].

Ускорение подготовки аналитических сводок и отчетности является важным аспектом деятельности всех рассмотренных платформ. Например, внедрение системы «СЕЛЭКС. Цифровой регион» позволило сократить сроки подготовки региональных отчетов для Минсельхоза Российской Федерации с 30 дней до 14 дней посредством автоматизированного экспорта данных в XML-формате. Аналогично, «REGAGRO» обеспечивает формирование отчетности в режиме реального времени, а платформа АО «РИВЦ» предлагает сквозную систему аналитических сводок, что позволяет уменьшить время анализа воспроизводственных данных с 10 до 3 дней.

Также цифровые решения способствуют повышению эффективности менеджмента. Система «СЕЛЭКС. Цифровой регион» использует алгоритмы машинного обучения для прогнозирования селекционной ценности животных, что приводит к увеличению коэффициента оплодотворяемости на 12 % и сокращению времени межотельного интервала с 420 до 390 дней. Платформа АО «РИВЦ» дополнительно внедряет когнитивные алгоритмы для подбора оптимальных пар при искусственном осеменении, что существенно ускоряет генетический прогресс и улучшает показатели репродуктивного успеха.

Цифровизация процессов контроля за стадом также включает внедрение мобильных приложений и терминалов сбора данных. «REGAGRO» предоставляет мобильные устройства для автономной регистрации информации о животных, позволяющие сократить время полевой регистрации до менее чем 1 часа, по сравнению с традиционными методами, которые занимали до 2–3 дней. Мобильные приложения платформы «СЕЛЭКС» обеспечивают онлайн-отслеживание состояния животных и управление репродуктивными циклами, что позволяет оперативно реагировать на выявленные патологии и сокращать время отклика на критические события на 35 %.

Прозрачность в распределении субсидий и мерах государственной поддержки также значительно улучшается за счет использования интегрированных систем управления данными. Благодаря автоматизированной валидации и унификации данных, число аграрных субъектов, получающих государственную поддержку на племенное животноводство, увеличилось на 40 % в пилотных регионах. Системы «REGAGRO» интегрированы с региональными платформами поддержки, что позволило сократить срок рассмотрения заявок на субсидии с 60 до 20 дней.

Применение современных алгоритмов машинного обучения, интеграция когнитивных технологий и использование мобильных информационных систем создают условия для оперативного принятия управленческих решений, оптимизации процессов ветеринарного контроля, репродуктивного менеджмента и рационализации кормления.

Реализация этих мер находится в тесной связи с целями национального проекта «Техническая и технологическая независимость сельского хозяйства», направленного на обеспечение технологической автономии, устойчивого развития и повышения конкурентоспособности агропромышленного комплекса Российской Федерации.

Однако действующее в настоящее время законодательство в области обеспечения продовольственной безопасности, служащее правовой основой цифровизации агропромышленного комплекса, столкнулось с объективными проблемами, связанными с отставанием самого законодательства от экономической и цифровой действительности. В частности, применение информационных технологий сопряжено с отдельными рисками и угрозами, перечисленными в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, включая инфраструктурные риски (недостаточный охват высокоскоростным интернетом сельских территорий и низкая средняя скорость соединения), технологические риски (высокая доля импортных компонентов (около 80 %) и несовместимость ряда программных платформ), кибер-риски (частые кибератаки и уязвимость цифровых систем агропредприятий), минимизация которых требует совершенствования нормативно-правовой базы.

Библиографический список

1. Использование данных ИАС «СЕЛЭКС. Цифровой регион» для цифровизации племенного учета и управления животноводством / ООО «РЦ ПЛИНОР». – URL: <https://plinor.ru/digitalregion> (дата обращения: 16.06.2025).
2. Автоматизированная система учета и регистрации сельскохозяйственных животных REGAGRO / ООО «Агросервис». – URL: <https://regagro.ru/> (дата обращения: 16.06.2025).
3. Цифровая трансформация АПК Республики Татарстан / АО «РИВЦ». – URL: <https://rivc-it.com> (дата обращения: 11.06.2025).
- 4 Tian H., Sun H., Zhang J., Wang J., Li M., Li Y., Li X. Application of Artificial Intelligence in Agriculture: Automatic Weed Detection and Control // Artificial Intelligence in Agriculture. – 2021. – Vol. 5. – P. 14–25.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАНИЦ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИИ

А. П. Анисимов

*профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин
Донского государственного технического университета,
доктор юридических наук, профессор
anisimovap@mail.ru*

В статье исследуется актуальная для России и многих других стран мира проблема изменения границ особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Констатируется пробел в российском праве, которое содержит четкую процедуру создания ООПТ, но не содержит норм об изменении их границ и ликвидации. Обобщается опыт ряда зарубежных федераций (США, Канада, Австралия, Германия), решивших данную проблему. Обосновывается ряд процедурных законодательных предложений о регламентации изменения границ ООПТ, которые необходимо отразить в действующем российском экологическом законодательстве

Ключевые слова: ООПТ; границы; охрана природы; международный опыт.

Особо охраняемые природные территории сегодня созданы в большинстве стран мира, включая Россию и Беларусь. В механизме охраны окружающей среды они занимают очень важное место, поскольку являются необходимыми для сохранения уникальных природных комплексов и объектов. Такие территории полностью или частично изымаются из хозяйственного использования, и для них устанавливается особый режим охраны. ООПТ содействуют обеспечению биологического разнообразия, поддержанию экологического баланса, проведению научных исследований, экологическому образованию и просвещению, развитию экотуризма. В России существует достаточно хорошо отлаженный механизм создания ООПТ, в том числе порядок проведения необходимых согласований. Однако на практике постоянно возникает необходимость изменения границ (а иногда даже ликвидации ООПТ), например, по причине деградации охраняемых экосистем (в этом случае исчезает сам объект особой охраны) либо улучшения их состояния до такой степени, что отпадает потребность в особой охране. Бывают и более прозаические причины экономического характера, например, необходимость изменения границ ООПТ иногда возникает в случае необходимости добычи полезных ископаемых.

Однако никакого перечня причин изменения границ (или ликвидации) ООПТ (а тем более процедур) ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» не содержит. В результате имеющие место случаи изменения границ ООПТ часто оспариваются в судах или вызывают общественное недовольство. При этом в других странах мира данный вопрос давно решен – он регулируется четко и прозрачно.

Как правило, снижение статуса или сокращение площади национальных парков и заповедников требует решения на законодательном уровне (парламента или другого органа представительной власти), опирается на научную оценку последствий и предусматривает публичное обсуждение. Рассмотрим далее ряд таких законодательных примеров, представляющих интерес для России.

1) В США решение о создании национальных парков (или изменении их границ) принимает Конгресс. Управляет ими Служба национальных парков США. Любое сокращение площади такого парка требует отдельного акта Конгресса. На уровне штатов парки охраняются законами штата; их упразднение также требует решения законодательного собрания штата.

2) В Канаде правовой режим национальных парков определяется законом Canada National Parks Act. Уменьшение площади парка запрещено без одобрения Парламента: правительство не вправе вычленять часть территории парка, кроме случаев утраты прав на землю по решению суда. Расширение парков возможно постановлением правительства при согласии провинций. Провинциальные парки также защищены законами провинций; например, в Британской Колумбии для изъятия земли у парка требуется изменение закона и соблюдение специальной процедуры.

3) в Австралии особо охраняемые природные территории (национальные парки) учреждаются законами штатов (например, National Parks and Wildlife Act в Южной Австралии). Изменение границ парка требует акта парламента штата. Это обеспечивает неизменность правового режима парков. Существует и ряд исключений, например, в штате Новый Южный Уэльс изменение категории отдельных охраняемых земель (включая национальные парки) допускается без участия парламента, но полная отмена или изъятие земли без акта парламента не допускается.

4) в ФРГ национальные парки обычно создаются законом или постановлением правительства земли (субъекта федерации), например, Конституция земли Бранденбург прямо предписывает всемерно поддерживать создание и сохранение национальных парков. Ликвидация или уменьшение площади парка в Германии практически беспрецедентны; если бы даже это и потребовалось, то реализация этой идеи происходила бы посредством принятия законодательного акта земли, что политически затруднительно.

Приведенное позволяет сделать вывод о том, что в зарубежных федерациях законодательное утверждение изменений границ ООПТ является ключевым элементом их сохранности – любое сокращение территории ООПТ рассматривается в этих странах как исключительная мера, требующая серьезного обоснования. Часто ограничения прямо закреплены в законах: например, в США сокращение территории нацпарка возможно только при отсутствии ценности этой территории для целей охраны природы; в Канаде прямо запрещено уменьшать площадь парка распоряжением правительства.

В Австралии и ряде других стран упразднение парка требует отдельного закона, что обеспечивает публичность процесса и учет интересов всех сторон.

Кроме формального требования принятия закона, международная практика включает ряд дополнительных процедурных гарантий, в их числе предварительные исследования, консультации с местными сообществами и экспертами, рассмотрение альтернатив. Например, в штате Британская Колумбия (Канада) действует подобная политика при изменении границ парков. Согласно ей, сохранению парков отдается высший приоритет, и запрос на изъятие части территории рассматривается только если общественная польза от этого явно превышает ценность сохраняемой природы. Запрос проходит многоступенчатую процедуру, включающую его обсуждение (например, компания или ведомство-инициатор процедуры изменения границ должны доказать, что рассмотрены все альтернативы, позволяющие избежать уменьшения размера нацпарка, и что предполагаемый проект принесет существенные экономические или социальные выгоды

провинции); оценку последствий (требуется предоставить данные об экологических и социальных воздействиях и мерах по смягчению ущерба и восстановлению природы); проведение консультаций (обязательны консультации с коренными народами, с местными органами власти, а также с федеральными ведомствами, если этот вопрос их касается); на завершающей стадии предусмотрено публичное обсуждение (общественные слушания) по каждому предложению об изменении границ. Без учета мнения общественности решение не принимается. Такая практика (как и сходные требования в США по оценке воздействий в рамках NEPA, а в Европе по стратегической экологической оценке) демонстрирует, что прозрачность и научная обоснованность – основа принятия решений об изменении границ ООПТ.

Применительно к России такой зарубежный опыт может представлять интерес лишь отчасти. Признание исключительности случаев изменения границ и полноценного обоснования таких мер заслуживает самого пристального внимания и может быть использовано в ходе совершенствования российского законодательства. Полномочия субъектов федерации (штатов, земель) в части создания ООПТ в целом аналогичны российским: в России на региональном уровне нельзя создать национальный парк или заповедник (это федеральные ООПТ), однако природные парки, заказники, дендропарки и памятники природы создаются постоянно.

Процедурный вопрос более сложен. В отличие от зарубежных федераций, в России устоялась традиция создания всех категорий федеральных ООПТ актами Правительства РФ. С региональными ООПТ есть две тенденции: природные парки во многих российских регионах создаются посредством принятия законов субъектов РФ, а другие ООПТ (памятники природы, заказники, дендрологические парки) – актами правительств (администраций) областей, краев и республик. Представляется, что существующую модель (к которой все привыкли и которая вполне эффективна) следует сохранить при внесении в нее следующих дополнений. На федеральном уровне – Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» следует дополнить статьей, содержащей критерии и процедуры изменения границ и ликвидации ООПТ. В их числе должно быть два базовых основания: полная деградация (исчезновение) естественных экосистем, ради охраны которых создавался ООПТ; утрата угрозы естественным экосистемам, для сохранения которых создавался заповедник или иная категория ООПТ. Решение об изменении границ (ликвидации) ООПТ в этом случае должно будет принимать Правительство РФ (по итогам обследования территорий ООПТ, экологической экспертизы и согласования с регионами).

Применительно к субъектам РФ, базовые правила изменения границ и ликвидации ООПТ должны быть прописаны в законе субъекта РФ «Об особо охраняемых природных территориях». В регионах, где есть ООПТ, созданные региональными законами, изменение их границ (или ликвидация) должны происходить по решению органа законодательной власти; в отношении ООПТ, созданных актами органов исполнительной власти регионов, решения об изменении границ должны принимать те органы власти, которые приняли постановления об их создании.

Таким образом, четкое упорядочение процедуры изменения границ и ликвидации ООПТ приведет к окончанию периода неопределенности и позволит восполнить пробел в экологическом законодательстве, препятствующий нормальной работе ООПТ.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КУРОРТНАЯ ПОЛИТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГО-КУРОРТНОГО РЕГИОНА «КАВКАЗСКИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ»¹

Э. С. Навасардова

*заведующий кафедрой экологического, земельного и трудового права
Юридического института Северо-Кавказского федерального университета,
доктор юридических наук, профессор
navasardova@yandex.ru*

К. В. Свидлова

*доцент кафедры экологического, земельного и трудового права
Юридического института Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
mail.kira@yandex.ru*

Анализируется современная государственно-правовая курортная политика на примере эколого-курортного региона «Кавказские Минеральные Воды».

Ключевые слова: государственно-правовая курортная политика; эколого-курортный регион «Кавказские Минеральные Воды».

Идеальным вариантом соотношения доктрины и права как регулятора поведения, воплощенного в правовых нормах, было бы их взаимообогащение, взаимообмен, когда идеи ученых находят отражение в нормативных актах. И такие ситуации не редки. Как не редки и прямо противоположные, когда законодатель по тем или иным причинам не прислушивается к мнению ученых, но учитывает пожелания представителей бизнеса. В этой связи показательна ситуация с курортным законодательством. В 2013 г. курорты были исключены из состава ООПТ, что повлекло за собой ряд серьезных, в том числе и правовых последствий. Обновленное же в 2023 г. и вступившее в силу с сентября 2024 г. курортное законодательство крайне противоречиво. С одной стороны, оно содержит нормы, направленные на охрану природных лечебных ресурсов, с другой, ряд новелл по-прежнему вызывают опасения не только за их состояние, но и за существование самих курортов.

В ФЗ от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (далее – 26-ФЗ) бесспорно положительным является возвращение экологической экспертизы, хотя п. 5 ст. 16.1 делается оговорка, согласно которой, не все проекты объектов капитального строительства будут ей подвергнуты. И вот уже почти 2 года мы ждем перечня с исключениями, который должно разработать Правительство РФ. В ст. 27 Земельного кодекса РФ вернули упоминание о землях 1-ой зоны округа санитарной (горно-санитарной) охраны как ограниченных в обороте. Важными, на наш взгляд, явились изменения, внесенные в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда – проект 24-28-20164 «Устойчивое развитие курортного региона Кавказские Минеральные Воды: правовое обеспечение в рамках риск-ориентированного подхода». <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>.

ч.2 п. 2 ст. 51 ФЗ «Об охране окружающей среды» и законодательство об отходах, согласно которым введен запрет на размещение отходов всех классов опасности и радиоактивных отходов в пределах границ округов санитарной (горно-санитарной) охраны природных лечебных ресурсов. Запрет существовал и раньше, однако он касался «курортных» и «лечебно-оздоровительных зон», при этом в законодательстве отсутствовало определение понятий «курортная зона», «лечебно-оздоровительная зона», как и пространственные ориентиры (границы), на которые распространялся указанный запрет, поэтому в силу неопределенности формулировок на эту норму никто и не обращал внимание. В настоящее же время, будем надеется, все полигоны ТКО, расположенные в границах округа горно-санитарной охраны природных лечебных ресурсов Кавказских Минеральных Вод (далее – КМВ) будут ликвидированы.

Еще одна новелла, которая должна эффективно отразиться на состоянии окружающей среды курортов КМВ содержится в Положении об округах санитарной (горно-санитарной) охраны природных лечебных ресурсов (Постановление Правительства РФ от 30 августа 2024 г. № 1186), запрещает захоронение отходов производства и потребления, их обезвреживание и утилизации термическими способами. Дело в том, что с 70-х гг. XX в. на в городе-курорте Пятигорск действует мусоросжигательный завод, который, надеемся, в ближайшее время будет закрыт.

Все иные новеллы, включая: замену округов санитарной (горно-санитарной) охраны курортов на округа санитарной (горно-санитарной) охраны природных лечебных ресурсов и вытекающее из этой новеллы право «актуализировать» границы округов и охранных зон (недавно процедура была апробирована на курорте федерального значения «Белокуриха», в результате чего его площадь уменьшилась более чем в 2,5 раза; 2-я охранный зона превратилась в 3-ю, что даст право ее неограниченной застройки; возможность упразднения курортов (история курортов России насчитывает не одно столетие и до сего времени мысль об их ликвидации никому в голову не приходила); оставление в качестве единственного уполномоченного органа управления курортами в лице Минздрава РФ (при отсутствии в штате специалистов, обладающих компетенциями в области формирования подземных минеральных вод, охраны природных, в том числе лечебных, ресурсов, что показал пример «актуализации» границ курорта «Белокуриха»); трансформация нормы, согласно которой «поддержка курортов федерального значения является расходным обязательством РФ» в формулировку «поддержка курортов федерального значения может осуществляться за счет средств бюджетов РФ и других, не запрещенных источников» – скажем мягко, вряд ли приведет к положительному эффекту. Добавим, что автоматическое, вслед за исключением курортов из состава ООПТ, не распространение норм статей 262 УК РФ и 8.39 КоАП РФ на правовой режим курортов, также отрицательно сказывается на их состоянии. Поэтому многие весьма разумные запреты, касающиеся деятельности в границах округа горно-санитарной охраны и в охранных зонах, так и остаются без юридической защиты.

Приведем еще несколько примеров государственной (федеральной и региональной) политики в отношении курортов КМВ. Для справки отметим, что на территории края, в том числе в границах курортов КМВ, учрежден ряд заказников и памятников природы, единственная ООПТ федерального значения – Кисловодский национальный парк. Если учесть, что охранительные нормы, защищающие режим курортов, не действуют, то юридическая защита региональных ООПТ пока еще существует, поскольку на них распространяется действие ст. 262 УК РФ и 8.39 КоАП РФ.

Губернатор Ставропольского края не однократно пытался внести изменения в ФЗ от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «Об особо охраняемых природных территориях» изменения, касающиеся возможности перекраивать границы государственных заказников и памятников природы, а, по сути, изымать участки земли ими занимаемые. Все началось с внесения изменений в закон края «Об особо охраняемых природных территориях» от 6 мая 2014 г. № 33-кз (ред. от 6 декабря 2024 г.), оспоренный краевой прокуратурой. Административный иск, со второй попытки поддержанный Генеральной прокуратурой, в апелляционной инстанции был удовлетворен. Это решение было поддержано также и Верховным Судом РФ. Немалую роль в этом сыграла общественность КМВ и представители научного сообщества.

Тогда край внес законопроект об изменениях уже в федеральный закон, который был отклонен как Государственной Думой, так и Правительством РФ, причем наш край не был одинок, такие предложения исходили от нескольких субъектов РФ. Несмотря на «провал» этой инициативы в упомянутых органах государства, ставропольские чиновники теперь возлагают надежды на Совет Федерации. Чего добивается ставропольские чиновники? В масштабах края – иметь возможность в своих интересах и интересах бизнеса под благовидными предлогами перекраивать границы ООПТ и соответственно сокращать их площадь. Главный интерес прикован к ООПТ региона КМВ.

Один из любимейших проектов губернатора края – анонсированное еще 2020 г. строительство самого длинного велотеренкура в Европе, предполагаемой протяженностью 75 км и шириной, якобы, 6 м.[1]. Заявленная стоимость от года к году росла – от 3 млрд. руб. изначально до 4,7 млрд. руб. в 2025 г. [2]. Однако для строительства требуется «рассечь» территорию Бештаугорского краевого заказника, вырубить деревья, что и является камнем преткновения. Общественность и научное сообщество, краевая прокуратура во главе с теперь уже экс-прокурором, Общественная палата РФ выступают категорически против строительства, приводя научно обоснованные аргументы о нарушении биосферных, путей миграции животных, обитающих на территории заказника, уничтожении уникальных растительных сообществ, возможных иных негативных воздействиях на окружающую среду. Авторы статьи также неоднократно представляли экспертные заключения. Планируемая ширина велотеренкура – миф, поскольку необходимо будет создать также соответствующую инфраструктуру, тем более, что по заявлению зам. губернатора края по маршруту будет организовано 43 видовых площадки [3].

Печальна судьба памятника природы «Гора Машук». В судах оспаривается постановление Правительства Ставропольского края от 24 октября 2022 г. № 625-п, утвердившее новое положение о нем и дающая возможность «обхода» запретов на строительство. На границе с ним, там, где должна быть охранная зона памятника природы, строится первая очередь всепогодного многоэтажного молодежного центра. Известно, будет ли построена вторая очередь, на самой горе, но ряд специалистов и общественность КМВ считают, что на Машуке строить нельзя [4]. Уже построено несколько многоэтажных элитных комплексов, в том числе и в первой охранной зоне. Изначально строительство, по сообщениям общественности, велось без разрешений, однако потом судебными решениями, объекты были легализованы. Под разными предлогами губернатор «выводит» земли из состава земель памятника природы [5].

В недрах Машука залегают различные типы минеральных вод – основа курортного лечения в Пятигорске, часть минеральной воды изливается на поверхность. Любое многоэтажное строительство и использование тяжелой техники обнажают водоносные трещины, что ведет к истощению и загрязнению месторождения минеральных вод и как следствие – к его потере. Становятся оправданными нормы в курортном законодательстве о возможности упразднения курортов!

О таких «не радужных» перспективах развития единственного в стране эколого-курортного региона свидетельствуют итоги прошедшего в конце мая 2025 г. ежегодного «Кавказского инвестиционного форума» (КИФ-2025), проводящегося под лозунгом «в интересах устойчивого социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа» (Указ Президента РФ от 18 сентября 2023 г. № 697). По сути, территория КМВ превращается в туристический кластер. Уже есть проект постановления Правительства РФ о создании особой экономической зоны (ОЭЗ), в которую войдут города-курорты и почему-то г. Лермонтов (на его территории находится бывшее НПО «Алмаз», на котором когда-то шло обогащение урана, добываемого на г. Бештау, и где находится хвостохранилище радиоактивных отходов, засыпаемое в порядке «рекультивации» фосфогипсом – отходами от производимых здесь фосфорных удобрений). Создание ОЭЗ является уже третьей попыткой ее создания, предыдущие, целью одной из которых было строительство горнолыжного курорта, искусственного моря (!) и поля для гольфа, реализованы не были. Сейчас ситуация иная. По итогам уже подтверждены инвестиции на 120 млрд. руб. Планируется создать 35 гостиничных и 54 санаторно-курортных комплексов, создать 30 тыс. рабочих мест и иную туристскую инфраструктуру [6]. Новую силу наберет и непомерное жилищное строительство при давно уже превышенной экологической емкости территории курортов. Объекты на льготных условиях подключат к изношенной коммунальной инфраструктуре. Однако, выдержат ли все это месторождения подземных минеральных вод?

Библиографический список

1. Жмыхова, Т. Губернатор мечтал, Ставрополье заплакало: скандальный велотерренкур за 4 миллиарда планируют в обход решений суда // «Блокнот Ставрополь» от 28.01.2025. – URL: <https://bloknot-stavropol.ru/news/gubernator-mechtal-stavropole-zaplakalo-skandalnyy?ysclid=mbt6zuitaz184865459>. (Дата обращения 12 июня 2025 г.).
2. Стоимость создания Кавминводского велотеренкура превысит 4 млрд. Р // РБК Кавказ от 30 января 2025 г. – URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/679b17ce9a79470b9c54d8a2>. (Дата обращения 12 июня 2025 г.).
3. Велотеренкур может соединить 3 города Кавминвод // EcoTourismEXPERT, 29 января 2025 г. – URL: <https://eco-tourism.expert.ru/news/veloterrenkur-mozhet-soedinit-tri-goroda-kavminvod>. (Дата обращения 12 июня 2025 г.).
4. Верищак, А. Правда и мифы вокруг всесезонного лагеря на Машуке // «Блокнот Ставрополь» от 21.07.2020. – URL: <https://bloknot-stavropol.ru/news/pravda-i-mify-vokrug-vsesezonnogo-tsentra-na-mashu-1245951?ysclid=mbtl2mzbmi728384570> e. (Дата обращения 12 июня 2025 г.).
5. Верищак, А. Элитные жилые комплексы стали виновниками уменьшения охранной территории «Машука» // «Блокнот Ставрополь» от 30.05.2020. – URL: <https://bloknot-stavropol.ru/news/elitnye-zhilye-kompleksy-stali-vinovnikami-umensheniya-territorii-mashuka-1229044?ysclid=mbtirrv8xx386576861>. (Дата обращения 12 июня 2025 г.).
6. Эксперт: В ОЭС на Ставрополье будет создано 30 тыс. мест размещения туристов // ТАСС от 26 мая 2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/24050645?ysclid=mbujrwh69f859882266>. (Дата обращения 12 июня 2025 г.).

ПЕРСПЕКТИВЫ АГРАРНОГО ПРАВА В РОССИИ

Н. П. Воронина

*профессор кафедры экологического и природоресурсного права,
заместитель заведующего кафедрой экологического
и природоресурсного права по научной работе*

*Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент
79315016167@yandex.ru*

Обеспечение продовольственного суверенитета, трансформация государственной аграрной политики, новации аграрного законодательства, межгосударственная интеграция обуславливают возрастание роли аграрного права, изменение его места в системе российского права, правовой природы, предмета правового регулирования, институализации аграрно-правовых институтов. Сформулирована позиция об усложнении правовой природы аграрно-правовых отношений, о появлении новых аграрно-правовых институтов. Сделан вывод о перспективах развития аграрного права, его новом наполнении, позволяющих говорить об аграрном праве как самостоятельной отрасли права.

Ключевые слова: аграрное право; продовольственная безопасность; государственная аграрная политика; институализация.

Аграрное право прошло значительную эволюцию в своем развитии: от изучения особенностей правового регулирования одной организационно-правовой формы осуществления сельскохозяйственной деятельности – колхозов до комплексной отрасли права, регулирующей все виды правоотношений в сфере АПК. Изменение номенклатуры научных специальностей¹, несомненно, оказало влияние и на трансформацию научных исследований в сфере аграрных правоотношений. Решение аграрно-правовых проблем теперь связывается с охраной окружающей среды, рациональным природопользованием, земельными отношениями (п. 27 паспорта научной специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки») либо с частноправовыми аспектами земельных отношений, отношений в сфере природопользования (недропользования, водопользования, лесопользования и др.), сельского хозяйства (п. 13 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки»), или правовым регулированием предпринимательской и иной экономической деятельности в целом (п. 15).

При этом вызовы и угрозы, в том числе в сфере продовольственной безопасности, актуализируют необходимость дальнейших аграрно-правовых исследований, ком-

¹ Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 (ред. от 24.07.2023) «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 6 апреля 2021 г. № 0001202104060043.

плексно освещающих правовые проблемы АПК. Новый импульс правовых исследований в этой сфере должны дать и изменения Конституции РФ 2020 г., п. «д» ч. 1 ст. 72 которой дополнен таким совместным предметом ведения, как сельское хозяйство.

О комплексной правовой природе колхозного, затем сельскохозяйственного, а ныне аграрного права как «вторичного, производного образования» [1, с. 184] написано много трудов. Еще А. И. Бобылев отмечал, что «комплексный характер отраслей законодательства переносился и на отрасли права» [2, с. 18]. Особенностью комплексных отраслей права, в том числе и аграрного права, является их распределение «по двум адресам» [1, с. 186]. Вместе с тем, эволюция аграрно-правового регулирования, появление новых федеральных законов, регулирующих сферу сельского хозяйства (например, Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве», Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» и др.) обуславливают формирование научной позиции о самостоятельности отрасли аграрного права. Так, об этом писали А. И. Бобылев [2, с. 19], М. И. Палладина [3, с. 29], Н. Н. Веденин, Ф. М. Раянов [4, с. 136; 5, с. 6]. Аналогичного мнения придерживаются С. А. Боголюбов [6, с. 152], А. Е. Черноморец [4, с. 136; 5, с. 6], Н. П. Воронина [7, с. 333].

дифференциация отраслей осуществляется по предмету и методу правового регулирования. Вместе с тем в науке аграрного права сформулировано мнение о том, что критериями дифференциации также должны выступать самостоятельное аграрное законодательство и отраслевые принципы [8, с. 136], что близко и автору. Считаем, при определении правовой природы аграрного права в качестве самостоятельной отрасли необходимо отталкиваться также от наличия государственной (политической) воли по упорядочению правового регулирования отношений в сфере сельского хозяйства. В условиях антироссийских санкций приняты стратегические документы в сфере обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития сельских территорий, поэтому роль аграрного права, несомненно, возрастает. Об этом свидетельствует и развитие аграрного законодательства как основы аграрного права. Постоянно совершенствуются меры и увеличивается объем государственной поддержки. Поэтому АПК стал одной из самых динамичных отраслей российской экономики. Это подтверждает наличие объективных предпосылок признания аграрного права самостоятельной отраслью права с собственным предметом, методами, принципами и источниками.

Меняется и предмет аграрного права, включающий земельные, имущественные, трудовые, организационно-управленческие отношения в сфере сельскохозяйственной деятельности [5, с. 7]. По мнению С. С. Акманова, в предмет аграрного права должны входить публичные интересы государства, реализуемые посредством адекватной аграрной политики и принципов аграрного права [9, с. 41]. То есть в предмет аграрного права должны быть включены общественные отношения по обеспечению продовольственной безопасности и устойчивому развитию сельских территорий как основных направлений государственной аграрной политики.

Г. Е. Быстров полагал, что сферой правового регулирования аграрного права должны охватываться отношения по агрообслуживанию и отношения по социально-культурной и бытовой деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей [10, с. 16]. Разделяя данную позицию, отметим, что выполнение социально-культурной и просветительской задач является важным признаком социального предпринимательства.

Цифровизация экономики предполагает дополнение предмета аграрного права отношениями по цифровизации сельского хозяйства. Современное правовое регулирование и стратегическое планирование не отражают специфику и риски сельскохозяйственной деятельности, что не позволяет обеспечить надлежащее правовое обеспечение ее цифровизации. Между тем применение цифровых технологий уже имеет место в растениеводстве, животноводстве, переработке и хранении сельскохозяйственной продукции. Опосредованно развитие цифровых технологий обуславливает эволюцию правового регулирования в сфере биотехнологий и генетических исследований [11, с. 98] и включение в предмет аграрного права соответствующих отношений.

Формируются новые аграрно-правовые институты. В доктрине предлагаются институты обеспечения продовольственной безопасности [12, с. 19–33], устойчивого развития сельских территорий, правового обеспечения эффективности сельскохозяйственного производства [13, с. 64–70].

На аграрное право влияют и международные интеграционные процессы, направленные на построение общего аграрного рынка. Так, в Казанской декларации БРИКС (2024) отмечается необходимость создания Зерновой биржи. Приняты документы по сотрудничеству в сфере продовольственной безопасности ЕАЭС. «Интеграционные межгосударственные процессы влекут специализацию правовых норм» [14, с. 247–248]. Это требует правового обеспечения аграрно-правовой отрасли.

Положительную динамику развитию российского аграрного права придает и опыт соседних стран. В частности, Республики Беларусь, в которой аграрное право, как отрасль постоянно развивается, а аграрное право как дисциплина преподается в ведущих учебных заведениях страны (например, БГУ, кафедра экологического и аграрного права). Это позволяет Беларуси лидировать в производстве сельскохозяйственной продукции, а также обеспечивать ее экспорт в 117 стран [15]. Таким образом, трансформация аграрных отношений, модернизация аграрного законодательства, изменение государственной аграрной политики, курс на продовольственную независимость, межгосударственная интеграция изменяют воззрения на правовую природу, предмет, институционализацию современного аграрного права России и определяют перспективы его развития как самостоятельной отрасли права.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Структура советского права. – М. : Юридическая литература, – 1975. – 263 с.
2. Бобылев, А. И. Аграрное право-отрасль российской системы права. / А. И. Бобылев // Аграрное и земельное право. – 2006. – № 2. – С. 18–24.
3. Палладина, М. И. Об аграрном праве как учебной дисциплине, отрасли права и отрасли науки. / М. И. Палладина // Аграрное и земельное право. – 2007. – № 4. – С. 24–30.
4. Бобылев, А. И. Еще раз об аграрном праве / А. И. Бобылев, С. А. Боголюбов // Журн. рос. права. – 2010. – № 7. – С. 134–138.
5. Боголюбов, С. А. Что такое аграрное право / С. А. Боголюбов, Н. А. Духно // Аграрное и земельное право. – 2010. – № 7. – С. 4–9.
6. Евстегнеева, Е. Н. Аграрное право: учебная дисциплина, отрасль законодательства и область научных исследований / Е. Н. Евстегнеева, М. С. Левина // Журн. рос. права. – 2008. – № 9. – С. 152–157.
7. Воронина, Н. П. Аграрное право: современные тренды / Н. П. Воронина // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 1. – С. 331–337.

8. Владимиров, И. А. Развитие аграрного права в системе российского права / И. А. Владимиров // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 7. – С. 134–138.
9. Акманов, С. С. Аграрное право в российской правовой системе: состояние, динамика и перспективы / С. С. Акманов // Сибирский юрид. журн. – 2011. – № 3. – С. 41–48.
10. Быстров, Г. Е. Предмет аграрного права / Г. Е. Быстров // Аграрное и земельное право. – 2008. – № 4. – С. 9–16.
11. Попова, О. В. Проблемы правового регулирования цифровизации агропромышленного комплекса / О. В. Попова // Аграрное и земельное право. – 2018. – № 9. – С. 96–102.
12. Власов, В. А. Роль науки аграрного права в обеспечении продовольственной безопасности Российского государства / В. А. Власов // Аграрное и земельное право. – 2011. – № 3. – С. 19–3.
12. Ханнанов, Р. А. Правовое обеспечение эффективности сельскохозяйственного производства как институт аграрного права / Р. А. Ханнанов // Аграрное и земельное право. – 2006. – № 2. – С. 64–70.
13. Вершок, И. Л. Специализация правовых норм аграрного, экологического и природоресурсного права – ее детерминанты и последствия / И. Л. Вершок // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : Т. И. Макарова (отв. ред.). – Минск : БГУ, 2018. – С. 246–248.
14. Экспорт белорусского продовольствия и сельхозсырья в 2024 году вырос более чем на 14% [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://belta.by/economics/view/eksport-belorusskogo-prodovolstvija-i-selhozsyryja-v-2024-godu-vyros-bolee-chem-na-14-700084-2025/> (дата обращения: 29.06.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ЗЕМЛИ И ПОЧВЫ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Т. И. Отческая

*заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
tiotcheskaya@msal.ru*

Прокуратура наделена полномочиями по обеспечению экологической безопасности, в том числе участвует в выявлении нарушений земельного законодательства. Прокуроры имеют все возможности для их обнаружения. Наиболее часто используемыми актами прокурорского реагирования в рассматриваемой сфере являются представления об устранении нарушений закона, а также подача исковых заявлений о компенсации вреда, причинённого окружающей среде.

Ключевые слова: земельное законодательство; загрязнение почв; прокурор; прокурорский надзор; акты прокурорского реагирования.

Для России и Беларуси охрана почвы является одной из важнейших задач. К сожалению, авария на Чернобыльской АЭС привела к радиоактивному загрязнению, в том числе и почвы, и в первую очередь на территории Республики Беларусь, где ещё в 1988 г. был создан Полесский государственный радиационно-экологический заповедник. Как показало время, правильно производимые мероприятия приводят к тому, что на ранее непригодных для сельского хозяйства землях уровень радиации снизился до пределов, позволивших вернуть их в народное хозяйство. Это говорит о том, что только на государственном уровне, при правильной законодательной политике и социально-ориентированных действиях возможно сохранение земли.

В России вопросам радиоактивного, химического и биологического загрязнения почв, земель и недр в первую очередь посвящены Указы Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». В Беларуси принята Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. В числе органов, обеспечивающих национальную безопасность, в обоих государствах является прокуратура, органы которой не только наделены правом выявить нарушения в сфере природопользования, их главной задачей является устранение выявленных нарушений и привлечение виновных лиц к ответственности. Согласно п. 7 ст. 106 белорусского Закона «Об охране окружающей среды» прокуратура может зафиксировать факт причинения вреда окружающей среде. В России органы прокуратуры могут при обнаружении признаков экологического преступления (гл. 26 УК РФ) направить мотивированное постановление в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений.

В отличие от Беларуси, где надзор за исполнением законодательства в сфере охраны окружающей среды осуществляют территориальные прокуратуры, в России созданы специализированные природоохранные прокуратуры, имеющие сложную систему и особенности в организации деятельности (специализированные прокуратуры на правах районных, природоохранные прокуратуры на правах субъектов Российской Федерации, в субъектах Российской Федерации, где отсутствуют специализированные прокуратуры на правах районных, надзор осуществляется в прокуратурах города или района).

Основным видом деятельности специализированных прокуратур является проверка законности правоустанавливающих документов. Прокуратура проверяет у организации наличие документов, удостоверяющих право собственности, а также, с какой целью используются соответствующие земельные участки. Например, может быть выявлено самовольное использование земли для размещения некапитальных строений. Или нередки случаи, когда предприятие использует земли, принадлежащие государству в отсутствие соответствующего разрешения, чаще всего это касается лесных участков, принадлежащих лесничеству. Нарушение процедуры предоставления земельных участков также встречается в ходе прокурорской проверки. Так, Сахалинская межрайонная природоохранная прокуратура выявила, что крестьянское (фермерское) хозяйство использует земельный участок для утилизации рыбных отходов (20 тонн рыбных отходов размещались в вырытом котловане на открытом грунте без учёта требований законодательства).

Вместе с тем, прокурорам необходимо обращать внимание и на предоставление земельных участков многодетным семьям, так как они не всегда обеспечены коммунальной инфраструктурой и подъездными путями.

А. А. Кучин определил основные нарушения, которые может выявить прокуратура в ходе проверки: отсутствие публичной процедуры при предоставлении земельного участка; предоставление неучтённых земельных участков; незаконный переход в собственность таких участков; и, наконец, самовольное занятие и в дальнейшем без соответствующих разрешительных документов использование земельного участка [1, с. 15].

В Республике Беларусь, как указано на сайте Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, также обнаруживают нарушения, которые допускают аграрно-промышленные комплексы, они неэффективно используют сельскохозяйственные земли или допускают выбытие их из производства, а также самовольно их занимают.

Но не только коммерческие и некоммерческие организации нарушают земельное законодательство, встречаются случаи, когда органы государственной власти и органы местного самоуправления являются субъектами таких нарушений [2, с. 10], например, отказывают в предоставлении земельного участка или, наоборот, предоставляют земельный участок без проведения процедуры торгов.

Прокуратура Российской Федерации использует разные средства реагирования. Для профилактики правонарушений прокуратура уполномочена направлять предостережение о недопустимости нарушения закона в сфере землепользования, речь идёт о случаях, когда собственник земельного участка использует его не по назначению. Например, участок предоставлен для индивидуального жилищного строительства, но на нём предполагается открытие промышленного производства, о чём свидетельствует реклама или подготовительные работы для строительства необходимых сооружений.

Также приносятся протесты на отдельные правовые акты с требованием о приведении их в соответствие с действующим земельным законодательством. Например, в

тех случаях, когда административные регламенты, устанавливающие порядок предоставления в аренду земельных участков, находящихся в муниципальной собственности и располагающихся на территории сельских поселений.

Кроме того, в Российской Федерации прокуратура наделена правом выносить постановление о возбуждении производства об административном правонарушении. Прокуратура выносит постановления о привлечении к административной ответственности, чаще всего по ст. 8.39 КоАП РФ «Нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях». При обнаружении признаков преступлений, предусмотренных ст. 254 УК РФ «Порча земли», ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр» и других экологических преступлений, прокурор может направить постановление в орган предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Однако, как показывает практика, наиболее эффективным актом прокурорского реагирования по-прежнему остаётся исковое заявление в суд, это связано с тем, что только суд может принять окончательное решение в споре, любое решение прокурора может быть обжаловано в суд, а до этого момента может не исполняться.

Прокуроры обращаются в суд в целях истребования из чужого незаконного владения в собственность государства земельных участков; возложения обязанности на арендатора по проведению восстановительных мероприятий по воспроизводству лесов, где производилась незаконная вырубка из-за отсутствия надлежащей охраны территории; запрета свалки на соответствующем участке; возвращения земель водного фонда и общего пользования в собственность государства. Благодаря прокурорскому вмешательству суды принимают решение о включении объектов в национальный проект «Экология».

Но наиболее важными являются иски о взыскании ущерба, причинённого почве и недрам, которые предъявляются не только на территории Российской Федерации, но и Республики Беларусь (ст. 109 Закона «Об охране окружающей среды»; п. 3.9 приказа Генерального прокурора России от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере»). Вместе с тем, прокуратура до обращения в суд может требовать добровольного возмещения вреда, причинённого окружающей среде, но не всегда это приводит к должному результату. При этом представление, внесённое прокуратурой для устранения выявленных нарушений, может быть обжаловано в суд, который может признать его недействительным, ссылаясь на недоказанность размера материального ущерба. Что является неверным, прокуратура может с привлечением соответствующих специалистов предоставить расчёт причинённого ущерба, но окончательно решение о размере принимает суд в порядке искового производства. Как указал в своём определении от 8 февраля 2023 г. № 301-ЭС22-15763 Верховный Суд Российской Федерации, отсутствие в резолютивной части представления прокурора указания на конкретный размер вреда не создаёт правовой неопределённости, поскольку вопрос о компенсации причинённого окружающей среде вреда разрешается в гражданско-правовом порядке и, соответственно, не предопределяет исход гражданско-правового спора о возмещении вреда.

Прокурор в исковом заявлении может требовать не только возмещения денежной компенсации за причинённый вред, но и восстановления нарушенной окружающей среды, а способ должен определяться, исходя из обстоятельств дела и особенностей

природного объекта, которому причинён вред. Например, землевосстановление (рекультивация), сооружение места временного накопления отходов.

Выявить нарушения прокуратура может разными способами, но в последние годы самым оперативным является мониторинг средств массовой информации, также необходимо задействовать беспилотные летательные аппараты, которые могут осуществлять не только аэрофотосъемку, но и видеомониторинг местности в реальном времени в видимой и инфракрасной областях спектра.

П. П. Ищенко указывает, что особую актуальность в деятельности прокуратуры представляет организация «высокотехнологичного надзора» за соблюдением законодательства в сфере экологии, необходима разработка понятных для искусственного интеллекта определений нарушений закона и формализованных алгоритмов их поиска. При этом выводы системы искусственного интеллекта об обнаружении нарушения закона всегда должны рассматриваться как информация предварительная, ориентирующая, требующая фактической проверки [3, с. 22]. Этого можно достичь благодаря разработке программы для ЭВМ, которая позволит, с одной стороны, оптимизировать деятельность прокурорских работников, а с другой стороны, повысить эффективность обнаружения соответствующих нарушений закона.

Предпринятая попытка комплексно охватить наиболее актуальные вопросы, связанные с осуществлением прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране земли и почв, показала, что прокуратура идёт в ногу со временем и часто меняющимся законодательством.

Библиографический список

1. Кучин, А. Надзор за исполнением законов в сфере землепользования / А. Кучин // Законность. – 2015. – № 1. – С. 12–15.
2. Харьков, В. Н. Цели и задачи земельного законодательства как основа содержания земельных правоотношений / В. Н. Харьков // Экологическое право. – 2013. – № 2. – С. 8–12.
3. Ищенко, П. П. О путях и проблемах применения искусственного интеллекта в прокурорском надзоре за соблюдением природоохранного законодательства / П. П. Ищенко. – Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере охраны окружающей среды: новые аспекты: моногр. по материалам круглого стола X Моск. юрид. форума. Москва, 7 апр. 2023 г. / коллектив авторов; под ред. Т. И. Отческой. – М. : Изд-во «Проспект», 2023. – С. 19–25.

СОСТАВ ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СЕТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Жлоба

*доцент кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
albert.zhloba@gmail.com*

Анализируется правовое понятие национальной экологической сети (далее – НЭС) и далее определяется состав законодательства Республики Беларусь в данной сфере. Исследуются его отдельные уровни и обосновывается необходимость совершенствования уровня нормативно-правовых источников, непосредственно регулирующих отношения по поводу НЭС

Ключевые слова: национальная экологическая сеть; особо охраняемые природные территории; биологическое разнообразие; объект экологического правоотношения

В Республике Беларусь НЭС – это самостоятельный объект эколого-правовых отношений, что не оспаривается и в отечественной юридической литературе [1; 2]. Легальное определение НЭС дано в Законе «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г., в статье 1 которого под искомым объектом понимается система функционально взаимосвязанных особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) и природных территорий, подлежащих специальной охране (далее – ПТСО), предназначенных для сохранения естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия, а также обеспечения непрерывности среды обитания объектов животного мира. Из приведенной дефиниции следует, что правовой режим НЭС тесно связан с правовым режимом ее компонентов, что обуславливает следующую систему источников в рассматриваемой сфере: источники, регулирующих собственно отношения по поводу НЭС; источники, определяющих правовой режим компонентов НЭС: ООПТ и ПТСО; международно-правовые акты, предусматривающих создание тематических экологических сетей.

Первый уровень источников определяет в целом правовое положение НЭС, составляя правовую основу ее формирования и функционирования. Центральное место в нем занимает Закон «Об охране окружающей среды» (определение НЭС, признание ее самостоятельным объектом отношений в сфере охраны окружающей среды, структура НЭС), положения которого уточнены в требованиях к содержанию схемы НЭС и критерии выбора территорий для включения в НЭС (Указ Президента Республики Беларусь от 13 марта 2018 г. № 108 «Об экологической сети «Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 ноября 2010 г. № 1733 «Об установлении требований к содержанию схемы национальной экологической сети и критериев выбора территорий для включения в национальную экологическую сеть»).

В данной ситуации, учитывая более чем десятилетнюю историю существования рассматриваемой правовой категории, представляется возможным сделать предполо-

жение о том, что правовое положение НЭС как самостоятельного объекта экологических правоотношений весьма ограничено. Сформулированное предположение тесно связано с проблемой понимания объекта экологических правоотношений.

В теории права выделяют два основных подхода к пониманию объекта правовых отношений: монистический и плюралистический. Придерживаясь теории множественного объекта, важно дополнить, что такой объект не следует рассматривать в качестве пассивного элемента состава правоотношения. Так, по мнению Д. В. Каташука [3], «одни правомочия требуются для достижения необходимого общественного состояния, другие – возмещения вреда, третьи – для организации должного поведения». Соответственно, сущность объекта влияет и на содержание конкретного правоотношения, и на состав его участников (субъектов). С рассматриваемой позиции представляет интерес подход Е. В. Ермолаевой, которая выделяет фактический и юридический аспекты в понятии объекта [4]. Фактический аспект подразумевает понимание объекта как явления объективной действительности. Юридический же аспект проявляется в правовом режиме этого явления, который представляет собой «определенное сочетание юридических средств, определяющих права, обязанности и запреты для всех лиц в отношении явления или предмета, по поводу которого установлены, и создающих желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности (неблагоприятности) для удовлетворения интересов субъектов правоотношения». В случае с объектами экологических правоотношений фактический аспект следует усилить ценностным признаком, отражающим экологическую значимость соответствующего явления объективной реальности, а юридический – наличием политической воли государства признать такое явление объектом.

Анализ действующего законодательства показывает, что в отношении НЭС в полной мере соблюдается фактический аспект, учитывается экологическая ценность данного объекта для выполнения важнейшей природоохранной задачи – сохранения биологического и ландшафтного разнообразия, присутствует политическая воля государства к признанию НЭС объектом отношений в сфере охраны окружающей среды, однако юридический аспект отражен только в незначительной части.

Рассмотрим имплементацию юридического аспекта на примере такого объекта, как ООПТ. Их правовой режим включает, помимо прочего:

- организационно-правовое обеспечение создания ООПТ;
- институциональную систему управления ими на государственном, оперативном и локальном уровнях;
- правовые механизмы охраны и обеспечения функционирования таких территорий;
- юридическую ответственность за нарушение правового режима ООПТ.

Описанный выше набор элементов можно встретить и в правовом режиме отдельных компонентов природной среды, природных объектов и комплексов. Вместе с тем, сравнивая правовые режимы данных объектов экологических правоотношений и НЭС, можно заметить, что в последнем выделено лишь планирование развития экосети. Подавляющая часть иных элементов в правовом режиме НЭС отсутствует. В связи с этим возникает вопрос о юридической целесообразности признания НЭС самостоятельным объектом отношений в сфере охраны окружающей среды.

Ответ на поставленную проблему во многом зависит от понимания сущности НЭС и ее роли в природоохранном деле. Сущность НЭС обусловлена следующим:

– во-первых, она максимально объединяет под своим «зонтиком» правовые формы территориальной охраны природной среды;

– во-вторых, требует системного подхода при создании отдельных элементов, включаемых в сеть, и управлении ими;

– в-третьих, дает элементную основу для формирования и развития иных экологических сетей, таких как сеть водно-болотных угодий, Изумрудная сеть, сеть биосферных резерватов, сеть объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Первое обстоятельство свидетельствует о дальнейшем развитии понятийного-категориального аппарата экологического права в сфере территориальной охраны природной среды, которое началось с отдельных терминов («заповедник», «памятник природы», «заказник» и т.д.), перешло в плоскость ООПТ, к которым добавилась новая правовая форма – ПТСО. Далее последовала попытка объединить указанные правовые формы под дефиницией «природоохранные территории», которая оказалась востребованной в национальной эколого-правовой научной школе, однако не нашла отражения в белорусском законодательстве.

С учетом второго обстоятельства выделение НЭС представляется следующим шагом в развитии охраняемых природных территорий, требующим соответствия последних дополнительному признаку вклада в систему территориальной охраны природной среды. В рамках данного признака природная территория получает охраненный правовой статус только при условии ее значимости для формирования и совершенствования системы соответствующих природных территорий.

Третье обстоятельство свидетельствует в основном об отсутствии системного подхода к организации единой экосети в Республике Беларусь и обеспечению взаимоотношений между различными ее вариантами.

Второй уровень источников представлен законодательством об ООПТ и в первую очередь одноименным Законом, а также законодательством, касающимся правового режима отдельных групп ПТСО (Водный, Лесной кодексы, Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире», Закон Республики Беларусь 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире» и др.). Данный уровень источников наиболее массивный и сложный для обобщения и выявления закономерностей, общих для всего уровня, и, следовательно, требует отдельного научного исследования.

Учитывая, что элементы НЭС участвуют в построении экосетей международного значения (сеть водно-болотных угодий, Изумрудная сеть, сеть биосферных резерватов, сеть объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО), можно выделить уровень международных источников национального законодательства, влияющий на развитие НЭС (Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц, Конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе, Севильская стратегия для биосферных резерватов, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Система источников в рассматриваемой сфере представлена тремя уровнями:

– источники, регулирующие собственно отношения по поводу НЭС;

– источники, определяющих правовой режим элементов НЭС: ООПТ и ПТСО;

–международно-правовые акты, предусматривающие создание тематических экологических сетей.

Наименее разработан первый уровень источников, который определяет в целом правовое положение НЭС, составляя правовую основу ее формирования и функционирования. На данном уровне закрепляется термин НЭС. Данное понятие обобщает все доступные на текущий момент правовые формы территориальной охраны природной среды на основе принципа системности, характеризующегося отказом от количественного расширения сети природоохранных территорий и переходом к качественному (системному) подходу. Таким образом, с его появлением в экологическом законодательстве Республики Беларусь можно связывать новый этап в развитии природоохранных территорий.

Признание НЭС юридически самостоятельным объектом отношений в сфере охраны окружающей среды заложило основы для совершенствования правового регулирования данных отношений, представленного первым уровнем источников. Однако следует отметить, что до настоящего времени в правовом режиме НЭС не определено значительное число элементов, присутствующих в правовом режиме иных объектов экологических правоотношений, например, входящих в состав сети, что отрицательно сказывается на объектоспособности искомой правовой категории. В связи с этим представляется необходимым существенно усилить юридический аспект в понимании НЭС как объекта экологических правоотношений. Данное предложение направлено в первую очередь на разработку имеющих теоретическое и практическое значение рекомендаций по дополнению правового режима НЭС такими группами его элементов, как организационно-правовое обеспечение создания и функционирования НЭС, институциональная система управления ею, правовые механизмы охраны НЭС, юридическая ответственность в обозначенной сфере.

Второй уровень источников наиболее массивный и сложный для обобщения и выявления закономерностей, общих для всего уровня, и требует отдельного научного исследования. Благодаря третьему уровню источников в Беларуси существуют различные виды экологических сетей. В данных условиях представляется целесообразным сосредоточить усилия на формировании единой экосети, на роль которой в полной мере подходит НЭС. Иные экосети следует рассматривать в рамках соответствующей классификации НЭС.

Библиографический список

1. Экологическое право: учебник / С. А. Балащенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. – 2-е изд., перераб. – Минск : Вышэйшая школа, 2021. – 339 с.
2. Макарова, Т. И. Объекты экологических правоотношений: дискуссионные аспекты / Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2024. – № 2. – С. 57–64.
3. Каташук, Д. В. Объект правоотношения и его понимание на современном этапе [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гражданского права. – 2014. – № 1 (4). – С. 205–211. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26677621>
4. Ермолаева Е. В. Объект правоотношения: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. / Ермолаева Елена Вячеславовна. – Казань, 2004. – 25 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА В РОССИИ

И. Н. Жочкина

заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Юридического института Мордовского государственного университета

имени Н. П. Огарёва,

кандидат юридических наук, доцент

fedortsowa@mail.ru

Автором проведен анализ изменений законодательного регулирования отношений при осуществлении государственного экологического надзора. Практика применения норм свидетельствует о дефектах правового регулирования рассматриваемых отношений, что является препятствием для эффективного осуществления полномочий. Внедрение риск-ориентированного подхода позволяет достичь поставленных законодателем целей государственного экологического надзора. В то же время, смещение акцента на профилактические мероприятия, как показывает правоприменительная практика, не позволяет в должной мере оценить масштаб негативного воздействия на окружающую среду.

Ключевые слова: надзор; экологический; управление; профилактика; риск; проверка; окружающая среда.

В сфере охраны окружающей среды необходимость государственного воздействия приобретает особую актуальность, что вполне объяснимо особыми объектами охраны. В документах стратегического и экологического планирования России указывается на снижение уровня негативного воздействия посредством совершенствования системы экологического управления и контроля. Вопросы осуществления государственного экологического надзора часто становятся объектом исследований в доктрине экологического права России. Кроме того, наличие обширной нормативной правовой базы в рассматриваемой сфере свидетельствует и о повышенном интересе законодателя. За последние 15 лет законодательная основа государственного экологического надзора претерпела существенные изменения природоохранной компетенции федеральных, региональных и муниципальных органов приводило к дисбалансу, дублированию полномочий органов всех уровней власти, а, соответственно, малоэффективности проводимых административных реформ в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Своеобразный стиль построения системы и организации экологического контроля (надзора) как итоговой стадии управления в разных государствах обусловлен разнообразными факторами исторического, правового, философского и политического характера, имевшими место на протяжении многих веков.

В истории развития правового регулирования рассматриваемых отношений в России значимыми являются Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», который впервые регламентировал порядок организации и осуществления контрольно-надзорной деятельности

в сфере охраны окружающей среды, и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №248 – ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который изменил вектор контрольно-надзорной деятельности в сторону оценки профилактики рисков, тем самым, подтвердил одну из ранее определенных законодателем целей государственного экологического надзора – предупреждение совершения правонарушений, что вполне обоснованно и логично в виду ограничений на проведение контрольно-надзорных мероприятий. Продление моратория на проведение плановых контрольно-надзорных мероприятий до 2030 г., возможность замены контрольно-надзорных мероприятий на проведение профилактических визитов с одной стороны, и, загрязнение окружающей среды и причинение ей вреда – с другой стороны, требует оценки своевременности и объема предпринимаемых мер к природопользователям.

Основоположник теории экологического контроля профессор А. К. Голиченков выступал за закрепление в законодательстве новых, соответствующих международным, подходов, критериев, методов и процедур оценки качества и контроля состояния окружающей среды и антропогенного воздействия на него [1]. Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников СНГ от 31 мая 2013 г. также предполагает сотрудничество Сторон в направлении совершенствования системы государственного контроля (надзора) за состоянием окружающей среды.

При осуществлении государственного экологического надзора применяется система оценки и управления рисками, в рамках которой отнесение объектов контроля осуществляется на основании сопоставления их характеристик с критериями отнесения объектов контроля к категориям риска. Так, при наличии определенных законом оснований контрольно-надзорные органы вправе провести плановые и внеплановые проверки. Среди плановых выделяют: документарную и выездную проверки, инспекционный визит, рейдовый осмотр, а также выездное обследование и наблюдение за соблюдением обязательных требований, которые проводятся без взаимодействия с юридическим лицом.

Все контрольно-надзорные мероприятия вносятся в Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, что позволяет обеспечить прозрачность контрольно-надзорной деятельности и своевременно подготовиться непосредственно к проверке.

В настоящее время актуальными являются вопросы цифровизации как в целом системы государственного экологического управления, так и порядка осуществления экологического надзора. В Российской Федерации, по мнению ученых, цифровизация эколого-правовых отношений – «создание единого цифрового экологического каркаса» [2, с. 13–15] позволит осуществлять функции экологического управления на всех уровнях власти [3, с. 9–11]. Отдельные нормативные правовые акты уже в этой сфере приняты. Так, в августе 2023 г. внесены изменения в ФЗ «Об охране окружающей среды» в части создания федеральной государственной информационной системы окружающей среды вместо госфонда данных государственного экологического мониторинга «Экомониторинг». В марте 2024 г. вступило в силу постановление Правительства РФ № 239 «О федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды», которое устанавливает порядок создания, эксплуатации и развития данной информационной системы, перечень видов и состав размещаемой в ней информации, порядок доступа к этой информации и иные требования. Кроме того, постановление Правительства РФ от 16 августа 2023 г. №1341 «О внесении изменений в некоторые

акты Правительства Российской Федерации» закреплено функционирование в составе ГИС «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности подсистем, обеспечивающих осуществление контрольных (надзорных) мероприятий, профилактических мероприятий.

Безусловно, все это упорядочивает отношения в сфере осуществления государственного экологического надзора. Однако правоприменительная практика ставит под сомнение реализацию отдельных принципов государственного экологического надзора, что выражается в многочисленных требованиях природопользователей по обжалованию действий и решений органов и должностных лиц. Несмотря на, казалось бы, устоявшиеся нормативные требования, в правоприменительной практике достаточно часто встречаются грубые нарушения со стороны федеральных и региональных органов государственного экологического надзора, позволяющие нарушителям избежать применение мер юридической ответственности. В большей степени такие нарушения связаны с привлечением к проверке неуполномоченных лиц, нарушения сроков проведения проверки, нарушений порядка уведомления о проверке, процедуры выдачи предписаний и оформления результатов контрольно-надзорного мероприятия и др.

Судебная практика подчеркивает важность строгого соблюдения всех процедурных требований, таких как порядок составления актов реагирования и отбора проб, поскольку любые нарушения в этих аспектах могут повлечь за собой признание действий контролирующих органов неправомерными и препятствовать удовлетворению исков о возмещении экологического ущерба.

Новеллой действующего законодательства является признание недействительными результатов контрольного (надзорного) мероприятия, проведенного с грубым нарушением требований к его организации и осуществлению, повторное внеплановое контрольное мероприятие в отношении данного контролируемого лица может быть проведено только по согласованию с органами прокуратуры.

В настоящее время при осуществлении государственного экологического надзора возрастает роль профилактических мероприятий. Ранее в юридической литературе научные исследования были посвящены профилактике экологических правонарушений как социальному феномену. Следуя буквальному толкованию нормы закона, целью профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям является просвещение подконтрольных субъектов и иных заинтересованных лиц по вопросам содержания и порядка применения обязательных требований и стимулирование добросовестного и правомерного поведения подконтрольных субъектов. Данная цель достигается посредством реализации мер организационного, информационного, правового, социального и иного характера.

Профилактические мероприятия включаются в программу профилактики рисков, которая разрабатывается по каждому виду контроля и ежегодно утверждается. Так, в сфере охраны окружающей среды на основании программы профилактики проводятся: профилактический визит, информирование, консультирование, обобщение правоприменительной практики и объявление предостережения. Однако, отсутствие четкого порядка и условий проведения отдельных из них не позволяет в должной мере реализовывать положения федерального законодательства. В то же время, проведение исключительно профилактических мероприятий, с одной стороны, положительно влияет на достижение одной из целей государственного экологического надзора – предупреждение совершения правонарушений, с другой – отмена проведения плановых проверок

негативно сказывается на состоянии окружающей среды. В этой связи важным представляется детализировать порядок проведения таких мероприятий, периодичность, условия, критерии осуществления посредством разработки и принятия подзаконных нормативных правовых актов.

Предписание, как мера реагирования на выявленное правонарушение является обязательным к исполнению, в то время как предостережение, выдаваемое в рамках профилактических мероприятий, не влечет никаких юридических последствий, так как не содержит обязательных к исполнению требований. С момента внедрения в контрольную надзорную деятельность природоохранных органов профилактических мероприятий имеются единичные, причем совершенно противоположные примеры судебной практики относительно законности требований, содержащихся в предостережениях. Одни суды указывают на то, что предостережение фактически предостерегает от совершения правонарушения в будущем, но не обязывает к совершению каких-либо конкретных действий, не налагает ответственность на учреждение, не препятствует осуществлению деятельности, в связи с чем, не может быть рассмотрено как акт, нарушающий права и интересы заявителя. В связи с тем, что выданное органом надзора предостережение не содержит властно-обязывающего предписания, не обладает силой принудительного исполнения, не устанавливает факт нарушения требований законодательства, не порождает препятствий для осуществления заявителем экономической деятельности, оно не может рассматриваться в качестве ненормативного правового акта, который может быть обжалован в рамках арбитражного процесса.

Позицию неоспоримости предостережения разделяют не все суды. В отдельных случаях суды признают предостережения законными и обоснованными, более того, предлагают принять меры по обеспечению соблюдения указанных требований и в установленный срок представить уведомление об исполнении предостережения. Это, в свою очередь, не согласуется с целью и сущностным содержанием предостережения как «профилактического документа».

Несмотря на установленный в законе приоритет профилактических мероприятий перед плановыми и внеплановыми контрольно-надзорными мероприятиями, считаем, что эффективная охрана окружающей среды невозможна без применения мер юридической ответственности за невыполнение требований в сфере охраны окружающей среды, что возможно лишь в рамках плановых и внеплановых надзорных мероприятий.

Еще одной тенденцией правового регулирования отношений в данной сфере стала возможность заключить соглашение о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований, правила заключения, изменения, продления и расторжения которого утверждены Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2025 г. №829. С позиции природопользователя-нарушителя такое соглашение представляет возможность «договориться» с надзорным органом о поэтапном исполнении предписания (заметим исключительно одного) и, таким образом, избежать существенных рисков предпринимательской деятельности, а в ряде случаев – скрыть репутационные риски от потенциальных инвесторов. Но такая возможность предоставлена лишь ограниченному кругу субъектов предпринимательской деятельности. При всех положительных моментах для непосредственного нарушителя данный акт ставит под сомнение реализацию конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, растягивая устранение последствий причинения вреда окружающей среде на трехлетний период.

При этом не установлены последствия для нарушителя при неисполнении соглашения, что обуславливает важность выработки соответствующего механизма принудительного исполнения.

Нововведения, вступившие в силу с декабря 2024 г. в части, например, расширения перечня оснований для проведения внеплановой проверки, установления прямого запрета выдачи не обоснованных предписаний, возможность присвоения публичной оценки уровня соблюдения обязательных требований, установления случаев обязательного проведения профилактического визита и невозможности отказа от его проведения и другие, ужесточают механизм осуществления государственного экологического надзора и гарантируют достижение целей охраны окружающей природной среды и природопользования.

Библиографический список

1. Голиченков, А. К. Экологический контроль: теория, практика правового регулирования : дисс. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.06 / Голиченков Александр Константинович ; Юрид. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1992. – 325 с.
2. Иванова, Т. Б. Эволюция цифрового управления в органах исполнительной власти / под ред. Т. Б. Ивановой ; Волгоградский ин-т управления. – Волгоград, 2021. – 152 с.
3. Заславская, Н. М. Особенности разграничения полномочий в сфере охраны окружающей среды между федеральными и региональными органами исполнительной власти на современном этапе / Н. М. Заславская // Экологическое право. – 2023. – №4. – С. 9–11.

РОЛЬ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ АГРОБИОРАЗНООБРАЗИЯ

И. П. Кузьмич

*доцент кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
i.kuzmich@mail.ru*

В статье представлен анализ норм аграрного законодательства в контексте его влияния на сохранение агробиоразнообразия, обозначены проблемы регулирования аграрных отношений с учетом современных тенденций устойчивого развития сельского хозяйства, определены ключевые направления совершенствования законодательства в области растениеводства и животноводства.

Ключевые слова: агробиоразнообразие; аграрное законодательство; генетические ресурсы; животноводство; растениеводство; сельское хозяйство.

В современном мире агробиоразнообразие ассоциируется, в первую очередь с устойчивым развитием сельского хозяйства и обеспечением продовольственной безопасности, а в стратегическом плане также с продовольственным суверенитетом страны. В этой связи наличие и сохранение собственных генетических ресурсов сельскохозяйственных растений и животных составляет потенциально ценную основу для производства продуктов питания, успешного функционирования отрасли аграрной экономики и благополучия сельских территорий.

В этой связи вполне закономерным и несомненно значимым событием стал факт заключения на территории СНГ в 2016 г. Конвенции «О сохранении агробиоразнообразия» (заключена в Бишкеке 7 июня 2016 г.), в рамках которой содержатся такие понятия как «агробиоразнообразие» и «агроэкосистема», предложена правовая модель для сотрудничества и объединения усилий государств в указанной сфере.

В свою очередь как правовая категория «агробиоразнообразие» на уровне национального законодательства не используется и до настоящего времени не имеет законодательного закрепления. Однако это не означает, что проблема сохранения биологического разнообразия в сельском хозяйстве совершенно ускользает от внимания законодателя. Среди наиболее заметных шагов, нацеленных в том числе на сохранение агробиоразнообразия, можно отметить следующие.

Еще в 1999 г. по поручению Президента Республики Беларусь началась работа по созданию национального генетического фонда хозяйственно полезных растений. Первая Государственная программа для достижения указанной цели была одобрена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 1999 г. № 2063. В дальнейшем в целях создания, систематизации, поддержания и анализа растительных ресурсов для их использования в народном хозяйстве Правительством были утверждены: Государственная программа «Создание национального генетического фонда хозяйственно полезных растений» на 2007–2010 гг. (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2007 г. № 658) и Государственная программа «Создание национального банка

генетических ресурсов растений для выведения новых сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, сохранения и обогащения культурной и природной флоры Беларуси» на 2011–2015 гг. (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011 г. № 385). В результате к 2015 г. был создан Банк генетических ресурсов растений Республики Беларусь [1], а коллекции семян генетических ресурсов сельскохозяйственных растений включены в Государственный реестр научных объектов, составляющих национальное достояние Республики Беларусь [2, с. 42]. Важно, что созданный в стране коллекционный фонд банка генетических ресурсов растений ежегодно пополняется новыми образцами путем обмена материалом с зарубежными генетическими банками, селекционными центрами и научными учреждениями Беларуси.

В настоящее время изучение, идентификация и рациональное использование коллекций генетических ресурсов растений продолжается в рамках реализации подпрограммы 3 Государственной программы «Научно-инновационная деятельность Национальной академии наук Беларуси» на 2021–2025 гг. (утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 22 апреля 2021 г. № 238) и разработанной НАН Беларуси Национальной стратегии по сохранению и использованию генетических ресурсов растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства в Республике Беларусь на 2020–2035 гг. [3]

Закономерным результатом данного процесса стало принятие Закона Республики Беларусь «Об обращении с генетическими ресурсами» от 5 марта 2024 г. № 356-З, нормы которого установили правовые основы государственного регулирования в области обращения с генетическими ресурсами и связанными с ними традиционными знаниями. И здесь следует добавить, что в рамках достижения целей устойчивого развития статистическая информация о важнейших показателях развития сельского хозяйства республики, представленная Национальным статистическим комитетом, показывает нам рост количества генетических ресурсов как растительного (в единицах), так и зоологического происхождения (тысяч доз), предназначенных для производства продовольствия и сельского хозяйства, которые хранятся на специальных объектах либо среднесрочного, либо долгосрочного хранения за период с 2019 по 2023 гг. [4, с. 9]. Это несомненно положительная тенденция, однако она не характеризует разнообразие этих ресурсов, а только общие запасы, а значит не позволяет оценить наличие и уровень угроз в контексте агробиоразнообразия.

Среди актов аграрного законодательства первостепенную роль в сохранении агробиоразнообразия играют нормы Законов Республики Беларусь «О племенном деле в животноводстве» от 20 мая 2013 г. № 24-З и «О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений» от 7 мая 2021 г. № 102-З. При этом степень отражения проблем агробиоразнообразия у названных законов заметно отличается.

Например, в Законе «О племенном деле в животноводстве» предусмотрены меры по сохранению генофондных (малочисленных) пород, которые включают создание генофондных стад, банков спермы и эмбрионов (ст. 30). Постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 30 августа 2013 г. № 42 определен перечень генофондных (малочисленных) пород, а также гарантировано их сохранение в соответствии с государственными программами в области племенного дела в животноводстве.

Аналогичных мер по предотвращению утраты национальных «старинных» сортов растений в Законе «О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений» не содержится. В то же время, если мы проанализируем нормы названного Закона в контексте сохранения агробиоразнообразия, то абсолютно по-другому будут выглядеть те правовые инструменты, которые сопровождают обращение на рынке и использование для посева семян. Речь идет о применении механизма регистрации сортов семян сельскохозяйственных растений и включения их в Государственный реестр в качестве разрешительной процедуры. Тем самым с помощью, на первый взгляд, абсолютно прогрессивного механизма, способствующего повышению урожайности в отрасли растениеводства, в результате утрачиваются «старинные» сорта, как правило более устойчивые и хорошо приспособленные к местным условиям. Однако по истечению установленного срока сорта подлежат исключению из реестра. Это означает на практике, что в дальнейшем они не подлежат обращению на рынке. Отрицательные последствия в контексте агробиоразнообразия имеет и исключение физических лиц из состава субъектов правоотношений в области племенного дела и семеноводства сельскохозяйственных растений.

Аналогичным образом под призмой агробиоразнообразия по-разному можно оценить нормы Закона Республики Беларусь «О патентах на сорта растений» от 13 апреля 1995 г. № 3725-ХІІ. С одной стороны, они стимулируют селекцию новых сортов, что способствует расширению ассортимента растений и увеличению устойчивости к болезням и вредителям, а также адаптации к меняющимся климатическим условиям. С другой стороны, патенты могут ограничивать доступ к семенам, что может приводить к сокращению генетического разнообразия, особенно у мелких производителей, которые не могут позволить себе приобретение патентованных семян [5].

И если мы посмотрим на аграрное законодательство именно под таким углом, нам придется очень многое переосмыслить.

Таким образом, на ближайшую перспективу для аграрно-правовой науки можно обозначить целый комплекс проблем в области агробиоразнообразия, обусловленный особенностями правового регулирования аграрных отношений. В данном контексте особо следует отметить, что в должной степени не учитывается влияние законодательства в сфере растениеводства и животноводства на состояние агробиоразнообразия, порождая тем самым негативные последствия; принцип сохранения агробиоразнообразия не закреплен в Законах Республики Беларусь «О ветеринарной деятельности» от 2 июля 2010 г. № 161-З и «О карантине и защите растений» от 25 декабря 2005 г. № 77-З, что усугубляет ветеринарные и фитосанитарные риски в обозначенном контексте; нуждается в совершенствовании правовое регулирование отношений в сфере органического сельского хозяйства, о чем свидетельствует малочисленный круг фактических участников – производителей органической продукции; немаловажно и влияние климатической повестки на сохранение агробиоразнообразия в которую отрасль аграрной экономики до настоящего времени на законодательном уровне не встроена должным образом и др.

С точки зрения права агробиоразнообразие, агроэкосистемы и биоразнообразие – это отличающиеся правовые категории, за каждой из которых стоит свой предмет правового регулирования. Формирование консолидирующей правовой основы, посвященной агробиоразнообразию, позволит посмотреть системно на указанные отношения и закрепить комплекс правовых мер, предназначенных как для отслеживания ситуации и ее улучшения, так и незамедлительного реагирования при ее ухудшении. Сохранение

агробιοразнообразия должно стать одним из ключевых принципов проводимой государственной аграрной политики.

Факты, характеризующие уровень угроз, ведущих к сокращению агробιοразнообразия, дают основания утверждать, что нам не удастся игнорировать или каким-то образом избежать либо устраниться от решения данной проблемы, ибо в результате мы утратим возможности для устойчивого развития сельского хозяйства, а значит в итоге – продовольственную безопасность и независимость страны.

Библиοграфический список

1. Привалов, Ф. Банк генетических ресурсов / Ф. Привалов, А. Кильчевский, С. Гриб, З. Козловская, А. Ковалевич // Наука и инновации. – 2016. – № 10. – С. 24–27.
2. Состояние биοразнообразия для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства в Республике Беларусь: страновой доклад / М-во сел. хоз-ва и прод. Респ. Беларусь, Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 2016. – 137 с.
3. Привалов, Ф. И. Основные направления и приоритеты Национальной стратегии по сохранению и устойчивому использованию генетических ресурсов растений в Республике Беларусь / Ф. И. Привалов, С. И. Гриб, И. С. Матыс, С. А. Дмитриева, А. Авакян // Земледелие и растениеводство. – 2021. – № 2. – С. 6–10.
4. Сельское хозяйство Республики Беларусь. Статистический буклет // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск. 2024. – 36 с.
5. Копылов, М. Н. Доступ к растительным генетическим ресурсам и обеспечение международной продовольственной безопасности / М. Н. Копылов, Н. Н. Емельянова // Моск. журн. междунар. права. – 2012. – № 3. – С. 39–56.

О СООТНОШЕНИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

О. В. Куликова

*доцент кафедры земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
kulikovaov.sgap@rambler.ru*

Ю. В. Сорокина

*доцент кафедры земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
al-sorokin@yandex.ru*

Рассматриваются вопросы обеспечения продовольственной безопасности в условиях санкций, изменяющегося климата и нестабильности мировой экономики. Определены риски и угрозы продовольственной безопасности, установлены связи аграрного производства, устойчивого развития и рационального использования природных ресурсов. Делается вывод о том, что только комплексное правовое регулирование, сочетающее запретительные меры и стимулирующие механизмы, приведет к балансу между потребностями сельского хозяйства и сохранением экосистем.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; риски и угрозы; устойчивое развитие; продукты питания; органическое сельское хозяйство.

Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации является ключевым стратегическим приоритетом аграрного права и государственной политики в целом. В условиях глобальных вызовов, таких как санкционное давление, климатические изменения и мировая экономическая нестабильность, эта задача приобретает особую значимость. Аграрное производство, ведущееся на принципах устойчивого развития, должно быть дополнено приоритетным проектом комплексного развития сельских территорий, охватывающим социально-бытовую инфраструктуру, туризм, лесное и водное хозяйства, другие виды деятельности, включая промышленные [7, с. 8].

Доктрина продовольственной безопасности выделяет несколько категорий рисков и угроз, которые могут повлиять существенным образом на эффективность ее реализации. Во-первых, это внутренние (сугубо национальные) риски, во-вторых, это внешне-политические риски, которые не позволяют развиваться отечественному сельскому и рыбному хозяйству. Первая группа рисков имеет различную природу происхождения – это экономические, технологические, ветеринарные и фитосанитарные риски. Вторая группа рисков вызывается к жизни колебаниями рыночной конъюнктуры, а также тем, что ряд зарубежных стран оказывает своему сельскому хозяйству государственную поддержку в объеме и в формах, которые не укладываются в классические рыночные механизмы, что искажает картину международной торговли.

Что касается угроз продовольственной безопасности, то они подразделяются на: климатические, агроэкологические, санитарно-эпидемиологические и социальные угрозы. Климатические, агроэкологические и санитарно-эпидемиологические угрозы, по-нашему мнению, могут носить и внешний (аномальные стихийные природные явления, неблагоприятные изменения климата, последствия чрезвычайных природных и техногенных ситуаций, распространение инфекционных и неинфекционных заболеваний населения, связанных с потреблением некачественных продуктов как собственного, так и импортного производства) и внутренний характер (снижение плодородия задействованных в сельскохозяйственном производстве земель, деградирование земель вследствие их нерационального использования). Социальные угрозы носят исключительно внутренний характер и возникают в прямой взаимосвязи с утратой привлекательности сельского образа жизни.

Кроме того, все экологические угрозы, в зависимости от источника и возникновения, можно подразделить на: «угрозы природного характера (природные явления и непреодолимые природные силы, приводящие к загрязнению, истощению, деградации природы, такие как, извержения вулканов, землетрясения, наводнения и т.п.) и угрозы антропогенного характера (последствия хозяйственной деятельности, которые могут нанести экологический вред, такие как, использование токсичных и ядовитых веществ в сельском хозяйстве, гидроэнергетика и др.)» [1, С. 145].

Продовольственная безопасность тесно связана с устойчивым использованием природных ресурсов, сохранением биоразнообразия и здоровьем окружающей среды. Стремление к устойчивому производству и потреблению продуктов питания способствует сохранению природных экосистем и содействует балансу между потребностями сегодняшнего поколения и потребностями будущих поколений [5, С. 176].

Устойчивое развитие Российской Федерации в новых политических, экономических и техногенных условиях с учетом повышения экологической безопасности, охраны окружающей среды, сохранения природных ресурсов и рационального природопользования, адаптации к изменениям климата требует новых подходов к разработке концептуальных направлений инновационно-ориентированного развития, в частности аграрного сектора экономики, к обоснованию институтов и механизмов стимулирования и государственной поддержки использования инновационных продуктов в сельскохозяйственном производстве [3, с. 7–8].

Беларусь как субъект мировой продовольственной системы, обеспечивая достижение национальных приоритетов в сфере социальной и экономической доступности для населения достаточного количества безопасной и питательной пищи, должна учитывать глобальные тенденции продовольственной безопасности и питания. Населением Беларуси в количественном отношении достигнуты нормы потребления практически по всем продуктам питания, однако рацион остается несбалансированным по качеству. Необходим переход на новый уровень развития к безопасному качественному питанию всех социальных групп, формирование предпосылок к которому в виде критериев и нормативов продовольственного снабжения является неотъемлемой задачей Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г. (Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962).

Несмотря на значимость аграрной сферы для государства и общества в целом, до настоящего времени не создана консолидирующая основа для развития аграрного законодательства [5]. Это существенно затрудняет обеспечение согласованности аграрно-правовых норм между собой и установления очевидных между ними взаимосвязей, порождая одновременно пробелы и коллизии в правовом регулировании аграрных отношений. Концептуально не решен вопрос о создании необходимых правовых условий для развития сельскохозяйственной кооперации. Должным образом не определен в законодательстве правовой статус кооперативно-интеграционных структур. Отдельного внимания заслуживают вопросы оптимизации системы государственного контроля и надзора (в том числе определения правового статуса государственных инспекций в сельском хозяйстве) и построения правовой модели цифровизации сельского хозяйства [4, С. 683].

Ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности и стабильности экономики любого государства играют земли сельскохозяйственного назначения. Эти земли предназначены для ведения сельскохозяйственного производства, что включает выращивание сельскохозяйственных культур, включая зерновые, животноводство, переработку сельскохозяйственной продукции и другие формы аграрной деятельности. В условиях быстрого роста населения, численность которого, по прогнозам, составит около 9 млрд человек к 2050 г., необходимость в продуктах питания постоянно возрастает, а значит, важность эффективного использования сельскохозяйственных земель становится еще более актуальной.

Площади и качество сельскохозяйственных земель обеспечивают не только поддержание продовольственной базы, но и играют важную роль в создании рабочих мест. Сельскохозяйственные земли являются также индикатором правомерного использования ряда компонентов окружающей среды. Разумное ведение сельского хозяйства может помочь в сохранении биоразнообразия, управлении природными ресурсами и устойчивом развитии экосистем. В то же время, нерациональные способы, например, чрезмерное использование химических удобрений и пестицидов, складирование на землях сельскохозяйственного назначения отходов, чрезмерная мелиорация могут привести к деградации почв и иным негативным последствиям.

На 1 января 2024 г. площадь земель сельскохозяйственного назначения в РФ составила 374 967,5 тыс. га. В сравнении с предшествующим годом площадь данной категории в составе земельного фонда нашей страны уменьшилась на 4167,2 тыс. га. Это связано с переводом земель сельскохозяйственного назначения в категорию земель лесного фонда. Наибольшее уменьшение площади земель сельскохозяйственного назначения отмечено в Красноярском крае – на 4289,8 тыс. га, Архангельской области – на 1500,5 тыс. га, Забайкальском крае – на 590,4 тыс. га [2].

Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» подчеркивает важность установления конкретных целевых показателей и задач, выполнение которых будет свидетельствовать о достижении национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика». Это включает в себя, в частности, увеличение объема производства продукции агропромышленного комплекса на не менее чем 25% к 2030 г. по сравнению с уровнем 2021 г., рост экспорта продукции АПК не менее чем в полтора раза к 2030 г. относительно 2021

г., разработку и реализацию программ адаптации к изменениям климата на федеральном, региональном и корпоративном уровнях, а также создание национальной системы мониторинга климатически активных веществ.

Одной из 17 целей устойчивого развития является обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства. В рамках достижения этой цели предполагается добиться экологически рационального использования химических веществ и всех отходов на протяжении всего их жизненного цикла, сократить их попадание в воздух, воду и почву и свести к минимуму их негативное воздействие на здоровье людей и окружающую среду.

Минимизация негативного воздействия на окружающую среду производителями органической продукции обеспечивается посредством: предотвращения загрязнения поверхностных и подземных вод, повышения качества воды в загрязненных водных объектах, восстановления водных экосистем; строительства и модернизации очистных сооружений, а также внедрения технологий, направленных на снижение объема или массы сбросов загрязняющих веществ в водные объекты, что предусмотрено Стратегией развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 3 июля 2023 г. № 1788-р).

Реализации российского потенциала в органическом сельском хозяйстве препятствуют фактическое отсутствие инфраструктуры органического сельского хозяйства, низкий уровень информированности населения о преимуществах органических продуктов, недостаточная культура производства продукции.

Органическая продукция в последние годы стала объектом регулирования ряда нормативных актов, основным из которых является Федеральный закон «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ, в соответствии с которым под понятие «органическая продукция» подпадают экологически чистые сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, производство которых соответствует требованиям, установленным этим Федеральным законом». Однако ст. 4 «Требования к производству органической продукции» содержит как непосредственно сами требования к качеству органической продукции (например, «использование пищевых добавок, технологических вспомогательных средств, ароматизаторов, усилителей вкуса, ферментных препаратов, микроэлементов, витаминов, аминокислот, предусмотренных действующими в России национальными, межгосударственными и международными стандартами в сфере производства органической продукции»), так и прямые запреты на осуществление некоторых действий со стороны производителей такой продукции (например, «запрет на использование упаковки, потребительской и транспортной тары, которые могут привести к загрязнению органической продукции и окружающей среды»), что, по нашему мнению, препятствует правильному применению этих норм на практике.

Таким образом, одной из ключевых проблем является необходимость балансирования между потребностями аграрного производства и сохранением экосистем, достичь которого возможно лишь путем комплексного правового регулирования, сочетающего запретительные меры (например, ограничение опасных пестицидов) и стимулирующие механизмы (поддержка «зеленых» технологий). Необходимо развитие междисциплинарных исследований на стыке аграрного и экологического права, а также вовлечение

бизнеса через ESG-стандарты. Ключевым трендом, позволяющим повысить эффективность агропроизводства при снижении экологической нагрузки, выступает на сегодняшний день цифровизация сельского хозяйства. Внедрение технологий точного земледелия, беспилотников и датчиков помогает оптимизировать использование удобрений, пестицидов и воды, что критически важно для устойчивого развития АПК. Дальнейшее совершенствование аграрного законодательства, научные исследования в области агроправоведения и эффективная реализация государственных программ остаются критически важными для достижения суверенитета России в сфере продовольствия.

Библиографический список

1. Абанина, Е. Н. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития : моногр. / Е. Н. Абанина, Е. А. Сухова. – М. : Юстицинформ. – 2022. – 222 с.
2. Государственный (национальный) доклад Росреестра «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2023 году» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.04.2025).
3. Инновационно-ориентированное развитие подотраслей АПК: концептуальные положения, институты и механизмы реализации : моногр. / под. ред. И. С. Санду, В. И. Нечаева. – М. : Изд-во «Научный консультант», 2023. – 218 с.
4. Кузьмич, И. П. Дефекты правового регулирования аграрных отношений / И. П. Кузьмич // Право в современном белорусском обществе. – 2024. – № 19. – С. 680–690.
5. Куликова, О. В. Принципы и риски продовольственной безопасности в контексте обеспечения государства природными ресурсами / О. В. Куликова, Ю. В. Сорокина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 174–181.
6. Макарова, Т. И. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства в свете принятия нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» / Т. И. Макарова, И. П. Кузьмич, В. Е. Лизгаро, И. С. Шахрай // Право.by. – 2019. – № 3. – С. 76–84.
7. Храмченкова, А. О. Развитие АПК и сельских территорий: проблемы и перспективы : моногр. / А. О. Храмченкова, Е. П. Чирков, Т. В. Иванюга [и др.]; под общ. ред. А. О. Храмченковой. – М. : ООО «Первое экономическое издательство», 2022. – 268 с.

ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК СПОСОБ СОТРУДНИЧЕСТВА В ДЕЛЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

М. П. Курилович

*заведующий сектором эколого-правовых исследований центра государственного
строительства и права Института экономики НАН Беларуси,*

кандидат юридических наук

glushakova.maria@mail.ru

В статье предлагаются рекомендации по правовому регулированию публично-частного партнерства и его включению в качестве самостоятельного правового средства охраны окружающей среды в разрабатываемый Экологический кодекс Республики Беларусь. Предпосылками для исследования послужило отсутствие в белорусском законодательстве понятия «публично-частное партнерство», а также правовой основы для его реализации в исследуемой сфере при фактическом наличии партнерских отношений при осуществлении охраны окружающей среды, что негативно сказывается на процессах «зеленой» трансформации экономических отношений, не способствуют реализации принципа равенства участников гражданских отношений.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; экономическая деятельность; экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности; публично-частное партнерство.

В условиях ведущейся систематизации экологического законодательства Республики Беларусь путем кодификации согласно Плану подготовки проектов законодательных актов на 2025 г. (утвержден Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2024 г. № 477), актуальность приобретают вопросы совершенствования правового регулирования экологических отношений и подготовки рекомендаций, учет которых позволит наиболее эффективно ее осуществить. В свете чего требует решения существующая проблема правового обеспечения реализации партнерства в экологических отношениях.

При характеристике правового обеспечения партнерства внимание на себя обращает то обстоятельство, что законодатель придерживается инфраструктурного подхода, предполагающего его осуществление только в форме соглашения о партнерстве. Возможно, в силу особенностей данного подхода действующий Закон «Об охране окружающей среды» не содержит отсылки к Закону Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве», который также не устанавливает охрану окружающей среды в качестве сферы осуществления партнерства (ст. 5), упоминая ее лишь среди принципов партнерства (ст. 3), что в целом подчеркивает важность охраны окружающей среды, но не дает оснований для применения этого правового инструмента к экологическим отношениям. Однако обоснованной видится возможность сотрудничества юридических лиц не только с государством, но и друг с другом, а также с заинтересованной общественностью, что не только расширяет круг возможностей бизнеса как партнера проектов в исследуемой сфере, но и кардинально изменяет правовое положение всех названных субъектов, сохраняя при этом, что немало важно, контролирующую функцию государства. В контексте сказанного в статье изложены предложения по правовому обеспечению реализации публично-частного партнерства в экологических отношениях.

Публично-частное партнерство как и ГЧП активно исследуется в правовой науке [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Неоднократно указывалось на перспективность его использования для решения задач по охране окружающей среды и рациональному природопользованию в научной литературе [8; 9]. При этом предпосылкой настоящего исследования является то, что при фактическом наличии партнерских отношений при осуществлении охраны окружающей среды партнерство в экологических отношениях как самостоятельный правовой институт не закреплено, а без должного нормативного закрепления оно не может быть эффективно реализовано на практике. Так, белорусский законодатель оперирует исключительно понятием «государственно-частное партнерство», в нормативных правовых актах Республики Беларусь термин «публично-частное партнерство» отсутствует. В свою очередь автор предлагает использовать дефиницию «публично-частное партнерство» в целях обозначения партнерства государства, бизнеса при возможном участии заинтересованной общественности в качестве самостоятельного вида, учитывающего специфику экологических отношений.

Для устранения вышеназванной проблемы реализации партнерства в сфере экологических отношений предлагается при разработке Экологического кодекса Республики Беларусь ввести в названный правовой акт специальное природоохранное средство «публично-частное партнерство в экологических отношениях» с закреплением определения данного понятия в отдельной статье в следующей формулировке – «юридически оформленное на определенный срок сотрудничество государственного и частного партнеров, с возможным участием заинтересованной общественности, направленное на сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и ликвидацию ее последствий» [10].

В связи с выделением в проекте Экологического кодекса в главе, закрепляющей права и обязанности физических лиц, юридических лиц, в том числе общественных объединений, в экологических отношениях, отдельной статьи, закрепляющей права и обязанности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, деятельность которых оказывает воздействие на окружающую среду, что видится положительной динамикой и на необходимость чего указывалось в научной литературе [11], предлагаемая нами статья обеспечивающая участие в партнерстве перечисленных субъектов со следующим названием «Участие физических и юридических лиц, в том числе общественных объединений в публично-частном партнерстве в экологических отношениях», может быть включена в названную главу, что позволит рассматривать исследуемое правовое средство с позиции объема прав и обязанностей физических и юридических лиц в сфере экологических отношений.

Анализ содержащихся в законодательстве полномочий государственных органов, а также способов осуществления партнерства (инфраструктурный, институциональный, программный), позволяет в качестве субъектов такого партнерства выделить: на стороне государственного партнера – органы государственного управления специальной компетенции, местные Советы депутатов, местные исполнительные и распорядительные органы и (или) уполномоченные ими государственные организации; на стороне частного партнера – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;

на стороне общественности – общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды, граждан, группы граждан. В то же время в зависимости от избранного способа и правовой формы партнерства возможны различные варианты субъектного состава партнерства в каждом конкретном случае: «государство–бизнес», «бизнес–бизнес», «бизнес–общественность», «государство–общественность», «государство–бизнес–общественность».

В целях реализации полномочий партнерами потребуется и дополнение соответствующих статей кодекса, регулирующих права и обязанности субъектов экологических отношений. Так, статью «Полномочия Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды» необходимо дополнить полномочием Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь выступать в роли координатора при осуществлении публично-частного партнерства в экологических отношениях; статью «Полномочия местных Советов депутатов и исполнительных и распорядительных органов» – полномочием местных Советов депутатов и исполнительных и распорядительных органов выступать в роли государственного партнера при осуществлении публично-частного партнерства в экологических отношениях; статью «Права и обязанности физических лиц в экологических отношениях» – правом граждан принимать участие в осуществлении проектов публично-частного партнерства; статью «Права и обязанности общественных объединений, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды» дополнить полномочием общественных объединений принимать участие в осуществлении проектов публично-частного партнерства.

Полученные результаты подтверждают возможность применения публично-частного партнерства как специального правового средства, способствующего достижению целей охраны окружающей среды при вовлеченности субъектов хозяйствования и заинтересованной общественности. Для обеспечения возможности реализации партнерства в сфере экологических отношений в варианте трехстороннего взаимодействия (публично-частного партнерства) предлагается предусмотреть в Экологическом кодексе Республики Беларусь статью «Участие физических и юридических лиц, в том числе общественных объединений в публично-частном партнерстве в экологических отношениях», в которой закрепить возможность осуществления партнерства с особенностями, установленными для сферы экологических отношений.

Библиографический список

1. Бондаренко, Н. Л. Принципы равенства и баланса интересов как основные начала законодательства, регулирующего осуществление хозяйственной деятельности / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / редкол. : И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2020. – С. 31–39.
2. Бондаренко, Н. Л. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, М. С. Бондаренко, А. Г. Костенко // Право.by. – 2022. – № 6. – С. 31–45.
3. Темницкая, О. А. Публично-частное партнерство: выбор модели взаимоотношений / О. А. Темницкая // Юрист (РБ). – 2011. – № 12. – С. 79–82.
4. Фадеев, В. А. Государственно-частное партнерство в Беларуси: возможности и перспективы / В. А. Фадеев // Юридический мир. – 2008. – № 9. – С. 71–73.

5. Куницкая, О. М. Правовая характеристика договора государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] // О. М. Куницкая. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/100498>. (дата обращения 17.02.2025).
6. Каменков, В. С. Правовое обеспечение развития государственно-частного партнерства в зарубежных странах (обзорная статья) / В. С. Каменков, О. М. Куницкая // Вестн. Барановичского гос. ун-та. – 2013. – № 1. – С. 105–110.
7. Манкевич, В. В. Принципы государственно-частного партнерства в государствах – членах Евразийского экономического союза / В. В. Манкевич // Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука: сб. науч. ст. – Минск : ГИУСТ БГУ. – 2017. – С. 76–78.
8. Макарова, Т. И. Публично-частное партнерство в системе правового механизма охраны окружающей среды / Т. И. Макарова // Правовые проблемы публично-частного партнерства в сфере аграрных, земельных, экологических и космических отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Киев, 22 нояб. 2013 г. / Ин-т государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины. – Киев, 2013. – С. 30–34.
9. Шахрай, И. С. Перспективы развития государственно-частного партнерства в сфере природоресурсных отношений / И. С. Шахрай // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 13. – С. 155–159.
10. Курилович, М. П. Публично-частное партнерство как организационно-правовой инструмент обеспечения экологической безопасности / М. П. Курилович // Актуальные проблемы гражд. права: сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО». – 2024. – № 1. – С. 33–49.
11. Малиновская, А. И. Эколого-правовое положение юридического лица: теоретико-правовые подходы / А. И. Малиновская // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. D. Экон. и юрид. науки. – 2019. – № 5. – С. 170–175.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ ЗАКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕР ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В. Е. Лизгаро

*доцент кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
lizgaro@mail.ru*

Анализируются подходы к правовому закреплению элементов экономического механизма охраны окружающей среды и изменения, связанные с принятием новой редакции Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». Высказывается позиция о введении в головной природоохранный акт терминов экономика замкнутого цикла, «зеленая» экономика. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства в контексте планируемой кодификации.

Ключевые слова: экологическое законодательство; экономический механизм охраны окружающей среды; «зеленая» экономика; циркулярная экономика; Экологический кодекс.

Закрепление в законодательстве элементов экономического механизма охраны окружающей среды существенно изменилось, что связано с изложением Закона «Об охране окружающей среды». В данном нормативном правовом акте создание правового и экономического механизмов, стимулирующих рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов заявлено в качестве одного из основных направлений государственной политики Республики Беларусь в области охраны окружающей среды наряду со стимулированием применения наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий и практик, переходом к «зеленой» экономике, низкоуглеродной экономике, выявлением и экономической оценкой экосистемных услуг. «Зеленая» экономика рассматривается как модель организации экономики в Республике Беларусь, направленная на достижение целей социально-экономического развития при существенном сокращении экологических рисков и темпов деградации окружающей среды (ст.1). Наряду с указанной дефиницией используется и термин экономика замкнутого цикла (ст.47). Впервые в закон также введены такие понятия как «низкоуглеродная экономика», «экосистемные услуги». Таким образом, диапазон основных векторов государственной политики в области охраны окружающей среды, закрепленных в ст. 7 новой редакции головного закона в отрасли, претерпел существенные изменения. Выделяя принципиальные моменты, которые определяют в ближайшем будущем тенденции развития государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, Е. Н. Абанина называет в качестве таковых новые технологии, оказывающие положительное влияние на состояние экологической безопасности (развитие экологически безопасного производства, технологий нулевых отходов (zero waste) и технологий превращения отходов в энергию) [1, с. 36]. Автор подчеркивает, что «это требует переработки региональных правовых актов, устанавливающих основы политики в данной области» с чем мы абсолютно согласны.

Реализация перехода к моделям «зеленой экономики» и «циркулярной экономики» в целях снижения нагрузок на окружающую среду предусмотрена в Стратегии в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2035 г., утвержденной приказом Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды от 24 декабря 2021 г., №340-ОД. А внедрение принципов экономики замкнутого цикла впервые было отражено в качестве нового вектора государственной политики Беларуси в Концепции Национальной стратегии устойчивого развития на период до 2035 г. (Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2020 г. № 3). В иных документах (например, в Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 10 декабря 2021 г. № 710) данное понятие рассматривается в контексте практического подхода к развитию «зеленой» экономики, ориентированном на замкнутый материальный цикл ресурсного обеспечения, снижение потребления всех видов сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, максимальное использование отходов. В свою очередь, переход на принципы экономики замкнутого цикла оценивается как приоритетное направление развития зеленой экономики. При этом в науке высказывается точка зрения о том, что термины «экономика замкнутого цикла», «циркулярная экономика» являются взаимодополняющими, а иногда и взаимоисключающими с дефиницией «зеленая экономика», как отражающей линейную модель экономического развития [2, с. 256], то есть представляют своего рода альтернативу. Это говорит о целесообразности принятия специальных документов, определяющих концепцию развития циркулярной экономики отдельных государств либо межгосударственных образований.

Так, в Республике Беларусь Национальная стратегия развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) на период до 2035 г. утверждена Постановлением Совета Министров от 29 мая 2024 г. № 393, в Латвии реализуется Национальный план действий по переходу к экономике замкнутого цикла на 2020–2027 гг., предусматривающий меры по продвижению от обращения с отходами к управлению ресурсами, повышению отдачи от ресурсов и поощрению их вторичного использования [3], Португалия приняла План действий в области экономики замкнутого цикла в 2017 г.[4]. Кроме этого, анализ документов долгосрочного планирования и нормативных правовых актов показывает стремление государств к определенным преобразованиям в рассматриваемой области, например, введение в законодательство норм, стимулирующих вовлечение в производственный цикл вторичного сырья, наилучших доступных технологий. Это подтверждает Национальная стратегия по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами на период до 2035 г., утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 июля 2017 г. № 567, Указ Президента Республики Беларусь «О совершенствовании порядка обращения с отходами товаров и упаковки» от 20 января 2020 г. №16. Таким образом, приверженность государств принципам экономики замкнутого цикла отражается в общегосударственных программных документах, однако для эффективного внедрения данной модели, на наш взгляд, целесообразен системный подход с соответствующим правовым регулированием на уровне законодательного акта. Как отмечается в литературе, активно развивается в заданном векторе Франция, где в 2020 г. был принят Закон «О борьбе с отходами и о циркулярной экономике», закрепивший «ряд мер, которые являются пионерскими в общемировой

практике» [5, с. 52]. В российской научной литературе поднимался вопрос о наличии оснований для разработки самостоятельного федерального закона «Об экономике замкнутого цикла» [6, с. 102]. В Совете Федерации Федерального Собрания РФ 24 декабря 2024 г. состоялись парламентские слушания «Актуальные вопросы формирования экономики замкнутого цикла» по результатам которых в качестве рекомендаций Правительству Российской Федерации названа возможность подготовки и внесения в государственную Думу проекта федерального закона «Об экономике замкнутого цикла в Российской Федерации» [7, п. 2.8].

Модель экономики замкнутого цикла предполагает уменьшение не только воздействия на окружающую среду, но и потребления природных ресурсов, а также их минимальное возвращение в окружающую среду в виде отходов, что потребует, на наш взгляд, более широкого закрепления специальных норм в нормативных правовых актах природоресурсного содержания. В данном процессе нельзя забывать и о комплексном характере экологического права и законодательства. При этом, как отмечает М. М. Бринчук, универсальные правовые экологические императивы, имеющие статус специальных правовых регуляторов и как особое средство правового регулирования, обязательны для других, если не всех, отраслей права, призваны служить не только реальным эффективным средством защиты суверенитета природоресурсного права, но и, что самое важное, решению общественной задачи по обеспечению поддержания, сохранения, восстановления благоприятного состояния природы в стране, обеспечению публичного интереса экологического благополучия [8, с. 78]. Определенное движение в данном направлении только начинает появляться. Так, в Государственной программе «Белорусский лес» на 2021–2025 гг., утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2021 г. № 52 заявляется об апробации модели циркулярной экономики, позволяющей обеспечить экономический рост за счет более эффективного использования и комплексной переработки отходов лесопиления и деревопереработки, однако в законодательстве об использовании, охране, защите и воспроизводстве лесов такие подходы отсутствуют. Водный кодекс Республики Беларусь определяет, что юридические лица и индивидуальные предприниматели обязаны рационально использовать водные ресурсы путем внедрения систем оборотного и повторно-последовательного водоснабжения в целях снижения количества сбрасываемых сточных вод и уменьшения потребностей воды, связанных с ее добычей (изъятием), а также принимать меры по снижению потерь воды, что косвенно подтверждает курс на закрепление механизмов экономики замкнутого цикла.

Кроме этого, в соответствии с Планом подготовки проектов законодательных актов на 2025 год, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2024 г. № 477, идет процесс кодификации экологического законодательства. Представляется, что курс государства в направлении осознанного потребления как новый подход к охране окружающей среды должен быть отражен в Экологическом кодексе, который базируясь на нормах действующего Закона «Об охране окружающей среды», будет закреплять основы всех эколого-правовых институтов, включая регулирование общественных отношений в сфере обращения с отходами, использования наилучших доступных технологий, экономического стимулирования вовлечения в производственный цикл вторичного сырья, расширенной ответственности производителя и других инструментов перехода к циркулярной экономике.

Библиографический список

1. Абанина, Е. Н. Тенденции развития государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности (региональный уровень) / Е. Н. Абанина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 31–38.
2. Лисица, М. И. Циркулярная экономика как альтернатива зеленой экономике / М. И. Лисица, М. С. Хутиева, О. А. Дорошенко, А. А. Конарева // Развивая энергетическую повестку будущего. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 255–258.
3. Европейская экономическая комиссия. Двухгодичный доклад. E/2021/37 E/ECE/1494 // ООН : [сайт]. – Женева, 2021. – URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-11/E_2021_37-2105716R.pdf (дата обращения: 19.06.2025).
4. Стратегии и политика циркулярной экономики : [сайт]. – Лиссабон, 2025. – URL: <http://eco.nomia.pt> (дата обращения: 19.06.2025).
5. Слабоспицкий, А. С. Экономика замкнутого цикла (опыт французского законодателя) / А. С. Слабоспицкий, А. С. Слабоспицкая // Вестн. Рос. правовой акад. – 2022. – № 3. – С. 51–56.
6. Пономарев, М. В. Перспективы перехода Российской Федерации к экономике замкнутого цикла в условиях достижения целей устойчивого развития: правовой аспект / М. В. Пономарев // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Томск, 26–28 января 2023 г. – Томск : Нац. исслед. Томск. гос. ун-т, 2023. – С. 101–103.
7. Совет Федерации Федерального Собрания РФ: [сайт]. – Москва, 2024. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/163587> (дата обращения: 19.06.2025).
8. Бринчук, М. М. Специальный правовой режим природных ресурсов – основа природо-ресурсного права / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 66–80.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ИНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

О. В. Мороз

*доцент кафедры экологического и аграрного права юридического
факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
moroz_ov@mail.ru*

В статье указывается на необходимость правового закрепления экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности, так как это является одним из условий надлежащего экологического правопорядка, а также рассматриваются основные правовые формы участия общественности в экологическом сопровождении хозяйственной и иной деятельности.

Ключевые слова: экологический правопорядок; экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности; общественные обсуждения в области охраны окружающей среды; общественная экологическая экспертиза; общественные экологи; общественные инспекторы охраны животного и растительного мира.

Экологический правопорядок подразумевает новые подходы к охране окружающей среды, а также совершенствование существующих. В данном контексте представляет интерес экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности (далее – ЭСХД). Оно основывается на концепции непрерывного учета экологического фактора от замысла хозяйственной и иной деятельности и до ее прекращения, и предполагает оптимальный подход как к охвату природоохранными мерами (мероприятиями) той или иной хозяйственной деятельности, так и к их распределению по стадиям такого сопровождения. Правовое закрепление ЭСХД является одним из условий надлежащего экологического правопорядка.

В природоохранной деятельности участвуют государство, общественные объединения, физические и юридические лица. Рассмотрение природоохранных мер (мероприятий) с позиции непрерывного учета экологического фактора позволяет установить роль каждого из них на разных стадиях ЭСХД. Его субъекты, с одной стороны, могут иметь отличные интересы, а с другой стороны, должны сотрудничать, быть подчинены общему интересу обеспечивать право каждого на благоприятную окружающую среду. При правовом закреплении понятия ЭСХД данный факт нужно учитывать при формировании правовых основ такого сопровождения.

Современный экологический правопорядок предполагает сбалансированное сочетание интересов различных субъектов экологических отношений и характеризуется расширением правовых возможностей участия общественности в природоохранной деятельности, так как основывается на концепции устойчивого развития. Как видится, участие общественности в ЭСХД способно стать эффективным в том случае, если оно имеет непрерывный характер и будут учитываться результаты такого участия.

В качестве правовых форм участия общественности в ЭСХД, которые регламентируются в законодательстве Республики Беларусь об охране окружающей среды, можно рассматривать общественные обсуждения в области охраны окружающей среды, проводимые на стадии разработки проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности, общественную экологическую экспертизу (далее – ОЭЭ), реализуемую на этапе согласования таких решений, а общественные экологи и общественные инспекторы охраны животного и растительного мира (далее – общественные инспекторы) выполняют работу на стадии непосредственного осуществления хозяйственной и иной деятельности (реализации экологически значимых решений) [1, с. 70–71].

В национальном законодательстве отсутствует четкое указание на характер результатов общественных обсуждений: обязательный или рекомендательный. Это обусловлено и тем, что одной из задач таких обсуждений является поиск взаимоприемлемых для участников решений. Скорее вопрос заключается в том, насколько учитываются их результаты заинтересованными лицами. В зависимости от правовой формы общественных обсуждений в области охраны окружающей среды по-разному находит правовую интерпретацию учет их результатов. В случае с общественными обсуждениями по проектам решений о выдаче разрешения на удаление (пересадку) объектов растительного мира необходимо получить согласие на такое удаление со стороны заинтересованной общественности. Касаемо остальных правовых форм общественных обсуждений в данной сфере проектные решения планируемой хозяйственной и иной деятельности могут дорабатываться с учетом замечаний и предложений, полученных от заинтересованной общественности. Кроме того, такие замечания и предложения предполагают аргументированные ответы на них [2, с. 105–106].

Результаты ОЭЭ носят рекомендательный характер. Заключение ОЭЭ направляется ее инициаторам, заказчику, в организации, которые проводят государственную экологическую экспертизу (далее – ГЭЭ), местные исполнительные и распорядительные органы, а также его копии иным заинтересованным лицам. Заказчик обязан принять его к рассмотрению и подготовить аргументированные ответы по имеющимся замечаниям, но может учесть или не учесть выводы ГЭЭ при доработке проектной документации. Заключение прилагается к проектной документации, представляемой на ГЭЭ. В свою очередь, при проведении ГЭЭ учитываются выводы заключения ОЭЭ (при его наличии), касающиеся только такого аспекта как воздействие на окружающую среду. Видится обоснованным учет такого заключения в полном объеме, так как ОЭЭ проводится квалифицированными специалистами в отличие от общественных обсуждений, участники которых могут и не обладать специальными познаниями, но при этом результаты таких обсуждений учитываются. Данная рекомендация будет способствовать объективности заключения ГЭЭ, стимулировать инициативу заинтересованной общественности. Однако, не совсем понятно в чем выражается учет таких выводов заключения [3, с. 85].

Повышение эффективности ЭСХД может потребовать более активного участия в ней общественности, что связано с необходимостью расширения прав и обязанностей общественных экологов и общественных инспекторов. Наличие специфики в правовых статусах общественного эколога и общественного инспектора позволяет выделить подходы к их правовому положению: от видения их правового статуса схожим с правовым положением граждан, общественных объединений, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды (общественный эколог) до наделения правами,

своими должностными лицами государственных органов, осуществляющих контрольную деятельность (общественный инспектор). Возможность общественности эффективно участвовать в природоохранной деятельности, в том числе влиять на соблюдение экологического законодательства, может рассматриваться в качестве критерия в определении приоритетности одного из подходов. Права и обязанности общественных инспекторов в рамках сферы их деятельности имеют более действенный характер по сравнению с правами и обязанностями общественных экологов, что также следует учитывать при совершенствовании законодательства в данной сфере [4, с. 49].

Библиографический список

1. Мороз, О. В. Правовые аспекты участия общественности в экологическом сопровождении хозяйственной и иной деятельности / О. В. Мороз // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2022. – № 4. – С. 65–72.
2. Мороз, О. В. Правовые формы общественных обсуждений в области охраны окружающей среды / О. В. Мороз // Изв. Гомельск. гос. ун-та имени Ф. Скорины. – 2019. – № 5. – С. 102–107.
3. Мороз, О. В. Правовые аспекты организации общественной экологической экспертизы / О. В. Мороз // Право.by. – 2019. – № 5. – С. 82–87.
4. Мороз, О. В. Правовое положение общественных экологов и общественных инспекторов охраны животного и растительного мира / О. В. Мороз // Вестн. Гродн. гос. ун-та имени Янки Купалы. Серия 4. Том 12, Правоведение. – 2022. – № 3. – С. 45–52.

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ РЕГИОНАЛЬНОГО КУРОРТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ¹

Р. В. Нутрихин

*доцент кафедры экологического, земельного и трудового права
Юридического института Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
nut-roman@yandex.ru*

Проведен сравнительно-правовой анализ законодательства Ставропольского края о курортах Кавказских Минеральных Вод и аналогичного законодательства других субъектов России на основе применения риск-ориентированного подхода, что позволяет оценить достижимость общественно значимых целей регулирования курортных отношений с точки зрения недопущения деградации лечебного потенциала курортов, угрозы их экологическому благополучию.

Ключевые слова: курорты; региональное законодательство; риски; «Кавказские Минеральные Воды».

Российское курортное законодательство в отношении Кавказских Минеральных Вод отличается целым рядом недостатков. Для решения многих проблем, давно назревших в особо охраняемом эколого-курортном регионе «Кавказские Минеральные Воды», важно анализировать нормы действующего российского как федерального, так и регионального законодательства о курортах, а также практику применения такого законодательства. Рассматривая правоприменительную практику, нетрудно выявить тенденцию к нерациональному землепользованию на курортах КМВ, которое ведет к «точечной» застройке, нарушению архитектурного облика исторических городов-курортов, повышению антропогенной нагрузки на курорты.

Причины этого кроются не только в несовершенстве существующего законодательства, но и в отсутствии четко установленных границ защитных зон округа горно-санитарной охраны курортов КМВ в конкретных регионах и строгой фиксации таких границ в Едином государственном реестре недвижимости, что часто лишает эти зоны на практике их охранного значения. Также ряд проблем возникает из-за злоупотреблений со стороны органов местного самоуправления, что сопряжено с лоббированием интересов строительного бизнеса в ущерб общественным интересам по сохранению экологического благополучия курортов. Важно не просто препарировать нормы действующего законодательства, но и использовать метод его функционального анализа, то есть рассматривать правовые коллизии и пробелы в связи с практикой правоприменения. Так, из действующего законодательства следует, что предоставление земельных участков в пользование гражданам и юридическим лицам на территориях городов-курортов осуществляется органами местного самоуправления. Однако совершенно не ясно, под чьим контролем они должны это

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда – проект 24-28-20164 «Устойчивое развитие курортного региона Кавказские Минеральные Воды: правовое обеспечение в рамках риск-ориентированного подхода». <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>

делать. Думается, что бесконтрольное распоряжение землями курортов со стороны местных властей, учитывая возможные коррупционные и иные негативные факторы, чревато множеством рисков и попросту недопустимо.

Представляется очевидным, что предлагаемое в последнее время уменьшение площади или ослабление охраны зон округа горно-санитарной охраны может лоббироваться застройщиками, которых не устраивают установленные законом ограничения хозяйственной деятельности. Следовательно, такие инициативы следует рассматривать как недопустимые.

Поскольку речь идет о проблемах экологического права, необходимо опираться на достижения естественных наук, в частности, экологии. Это касается, прежде всего, принципа предосторожности в оценке потенциального антропогенного воздействия на окружающую среду и презумпции экологической опасности любой планируемой хозяйственной деятельности. Пока с неоспоримой точностью не доказано иное, мы должны исходить из потенциальной опасности любого воздействия на ценные природные объекты и комплексы, к которым относятся природные лечебные ресурсы и курорты в целом. При анализе норм российского законодательства о курортах в его динамике важно опираться на данный принцип, предполагающий не только минимизацию хозяйственного воздействия на курорты КМВ, но и оценку правовых норм с точки зрения потенциальных рисков для курортов.

В целом методологию, которая должна применяться к анализу правовых проблем развития курортов КМВ, можно определить обобщающим термином «риск-ориентированный подход» [1, с. 770]. Данное понятие подразумевает анализ законодательства и практики его применения с учетом рисков, угрожающих данным курортам, и формулирование путей нейтрализации таких рисков. Среди них можно выделить: непосредственно правовые риски, когда несовершенство законодательства создает угрозу его неадекватного применения и недостижение общественно-значимых целей, которые ставятся перед законодателем в области реализации государственной курортной политики; экологические риски, когда недостаточное правовое регулирование охраны и рационального использования природных лечебных ресурсов оборачивается их истощением и ухудшением качественного состояния, деградацией окружающей среды на территории курортов; коррупционные риски, связанные с наличием коррупционных факторов в курортном законодательстве, что ведет на практике к злоупотреблениям со стороны представителей органов государственной власти и местного самоуправления; социальные риски, выражающиеся в общественном недовольстве состоянием курортов КМВ, в снижении эффективности лечения на этих курортах, что идет вразрез с государственной социальной политикой в области здравоохранения; экономические риски, обусловленные снижением туристической привлекательности курортов для отдыхающих, понижением потенциала развития этих курортов в будущем и др.

Эти и другие группы рисков нуждаются во всестороннем анализе со стороны специалистов разных направлений науки. Если подходить с данных позиций к рассмотрению регионального законодательства, то стоит отметить, что, Закон Ставропольского края от 14 ноября 2013 г. № 92-КЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах Ставропольского края», являясь небольшим по объему в сравнении с аналогичными нормативными актами других субъектов РФ, не содержит никаких

особых достижений регионального нормотворчества. Учитывая, что на территории Ставрополья находятся всемирно известные и значимые для всей страны курорты, как КМВ, этому субъекту Федерации стоило бы принять новый в области своей региональной курортной политики. В частности, действующий региональный закон, уже самим своим названием предполагающий, казалось бы, установление особой охраны для курортов КМВ, в самом тексте ничего подобного не предусматривает: не учтены экологические особенности курортов, не предусмотрена защита зеленых насаждений, не урегулирован правовой режим скважин минеральных вод, мест скопления лечебных грязей и т.д.

Такой подход к регулированию данных отношений попросту недопустим, потому что КМВ как курорт имеют свою экологическую специфику, которая должна быть отражена в рассматриваемом законе. Основа существования курорта – природные лечебные ресурсы. Причем, речь должна идти не только о минеральных водах, лечебных грязях, лечебном климате, но и о других составляющих экологической системы [2, с. 109]. Она потому и система, что в ней все взаимосвязано. В данном региональном законе необходимо сделать акцент на охране: земельных ресурсов Кавказских Вод (не только от застройки первых охранных зон, ведущей к уничтожению источников минеральных вод, но и от хозяйственной деятельности во второй и третьей охранных зонах, ведущей к загрязнению почв и подземных вод); лесов, выполняющих как гидрологические и средозащитные, так и оздоровительные функции (их площадь, к сожалению, неуклонно сокращается, при том, что количество лесов на КМВ ниже установленных нормативов); поверхностных водных объектов, атмосферного воздуха, загрязняемого выбросами не только автотранспорта, но и деятельностью объектов хозяйственной деятельности, часть из которых не имеет права на существование на территории курорта.

Еще одна сторона нерационального природопользования на КМВ – строительство объектов курортной инфраструктуры при отсутствии научно-обоснованной градостроительной политики, учитывающей критические величины антропогенной нагрузки на природные ресурсы региона. Обозначенные проблемы должен решать, в том числе, региональный закон о правовом режиме курортов на территории Ставропольского края, однако указанные направления обойдены вниманием его разработчиков. Его нормы, лишь отчасти затрагивающие охрану природных, в том числе лечебных ресурсов КМВ, не могут быть признаны эффективными. Многие из них носят отсылочный характер и лишены самостоятельного значения. Они не устанавливают особенностей охраны отдельных видов природных ресурсов на Кавказских Водах, чего требует специфика и неповторимая уникальность этих курортов; не создает условий для охраны лесов и иных зеленых насаждений, играющих важнейшую защитную роль в процессе образования подземных минеральных вод, а также имеющих огромное значение для повышения роли Кисловодского и других парков региона в климатолечении.

С учетом первостепенной для КМВ экологической проблематики курортов и имеющейся угрозы их природным, в том числе лечебным ресурсам, остро стоит вопрос о реализации ряда мер, которые должны быть четко определены, как в федеральном законодательстве, так и в соответствующем региональном законе Ставропольского края о КМВ: регулярное проведение анализа состояния природно-ресурсного комплекса (минеральных и водных ресурсов, лечебных грязей, лесного фонда, почв); создание единой региональной государственной системы комплексного экологического мониторинга; разработка и внедрение схемы обращения с отходами; разработка и внедрение

экономических механизмов для организации рационального природопользования; разработка механизма оценки экологического ущерба, экологического нормирования и др.

Региональный закон о курортах на территории Ставрополья должен устанавливать особые требования со стороны государства к правилам землепользования и застройки территории населенных пунктов, расположенных в границах курортного региона [3, с. 564]. При этом такие особые требования должны предъявляться не только к городам и городским округам, но и к сельским поселениям, застройка территории которых также может нанести серьезный урон природно-лечебному потенциалу КМВ.

А что же с региональным законодательством в других субъектах Российской Федерации? Сегодня в ряде из них есть законы, регулирующие охрану и использование природных лечебных ресурсов курортов. Однако многие из этих законов также крайне фрагментарно и непоследовательно регулируют отношения по охране и использованию курортных богатств российских регионов. Они, в лучшем случае, дублируют нормы соответствующего федерального законодательства. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что существующее в большинстве субъектов Федерации региональные правовые нормы о курортах не способны эффективно решать задачи по сохранению и развитию лечебно-курортного потенциала соответствующих территорий.

В некоторых субъектах Федерации при наличии там курортов специальные законы по этому вопросу вообще отсутствуют. В иных из них такие региональные законы были раньше, но по разным причинам утратили силу. При этом в таких субъектах Федерации отдельные нормы о лечебно-оздоровительных местностях и курортах имеются в региональных законах об охране окружающей среды общего порядка (напр., во Владимирской области). Однако исчезновение там специальных законов, более основательно регулировавших правовой режим лечебно-оздоровительных местностей и курортов, является в целом весьма тревожной тенденцией, указывающей на снижение природоохранных правовых стандартов в данной сфере. В ряде субъектов Федерации при отсутствии специальных законов режим лечебно-оздоровительных местностей и курортов регионального и местного значения определяется лишь подзаконными актами.

Отдельные региональные законы (например, в Дагестане и Северной Осетии) допускают размещение в первой зоне «средств связи» и неких «парковых сооружений», под которыми в отсутствие нормативной дефиниции неясно, что подразумевается.

На региональном уровне «эталонным» представляется Закон Краснодарского края от 7 августа 1996 г. № 41-КЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах Краснодарского края». В данном нормативном акте успешно учтена и местная специфика региона, где этот закон к тому же не единственный. Есть еще отдельный Закон Краснодарского края от 15 июля 2005 г. № 888-КЗ «О государственной поддержке санаторно-курортного и туристского комплекса Краснодарского края». Законодательство Краснодарского края может быть рекомендовано другим регионам – в том числе, и Ставрополью – в качестве образца для дальнейшего совершенствования их нормативной базы в этой области.

Считаем, что в каждом субъекте РФ, где имеются лечебно-оздоровительные местности и курорты регионального и местного значения, должны быть законы, определяющие, как наиболее принципиальный вопрос – правовой режим округа санитарной (горно-санитарной) охраны и зон внутри него. Это есть далеко не во всех региональных законах, не говоря уже о том, что в некоторых регионах России, где созданы курорты,

такие законы отсутствуют. Образцом в этой области субъектам Федерации можно считать санаторно-курортное законодательство Краснодарского края. В региональных законах об административных правонарушениях должна быть обязательно предусмотрена ответственность за нарушение режима лечебно-оздоровительных местностей и курортов регионального и местного значения. В таком аспекте действующее и разрабатываемое региональное курортное законодательство должно оцениваться в рамках риск-ориентированного подхода, который предполагает при неизбежном, но разумном лоббировании экономических интересов соизмерять их с сопутствующими рисками экологического и иного характера.

Библиографический список

1. Навасардова, Э. С. Риск-ориентированная оценка проведения эксперимента по взиманию курортного сбора на Кавказских Минеральных Водах / Э. С. Навасардова, Д. О. Буркин // Гуманитарные и юридические исследования. – 2024. – №4. – С. 765–772.
2. Свидлова, К. В. Риск-ориентированный подход к природопользованию на территории эколого-курортного региона «Кавказские Минеральные Воды» / К. В. Свидлова // Эволюция научной школы аграрного, экологического и природоресурсного права: преемственность и стратегия будущего: сб. ст. по материалам круглого стола с междунар. участием, посвященного памяти профессора Н. В. Сторожева, Минск, 30 мая 2024 г. – Минск : БГУ, 2024. – С. 108–111.
3. Нутрихин, Р. В. Некоторые проблемы формирования курортного законодательства в Российской Федерации / Р. В. Нутрихин, К. В. Свидлова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2024. – №3. – С. 563–568.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ГРАЖДАН В ОТНОШЕНИЯХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

В. В. Саскевич

*доцент кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
veroniksun4@gmail.com*

Статья посвящена правовому закреплению гарантий прав, законных интересов и обязанностей граждан как участников общественных отношений по обеспечению устойчивого развития сельских территорий. Обоснована имеющая теоретическую ценность классификация правовых средств и механизмов, используемых при регулировании данных отношений.

Ключевые слова: юридические гарантии; правовое обеспечение устойчивого развития села; сельские территории; сельская местность; аграрное право.

Особое внимание государства к вопросу обеспечения устойчивого развития сельской местности отчетливо проявляется в правовом закреплении разнообразных гарантий прав и обязанностей граждан, которые там проживают. Имея обеспечительное предназначение, гарантии выступают средством решения задач, стоящих перед государством. Исходя из их нацеленности, можно предложить следующую классификацию.

1. Гарантии, направленные на стимулирование интересов граждан, обуславливающих выбор сельских населенных пунктов как места жительства, а сельскохозяйственных и иных организаций на селе – в качестве места работы.

Это правовые меры, ориентированные на закрепление кадров (Указ Президента Республики Беларусь от 12 августа 2013 г. № 353 «О некоторых мерах по обеспечению организаций агропромышленного комплекса кадрами»), на стимулирование жилищного строительства (реконструкции) или приобретение жилых помещений для проживания в этой местности (Указы Президента Республики Беларусь от 30 августа 2005 г. № 405 «О некоторых мерах по строительству жилых домов (квартир) в сельской местности», от 2 сентября 1996 г., № 346 «О некоторых мерах по развитию жилищного строительства на селе», от 6 января 2012 г. № 13 «О некоторых вопросах предоставления гражданам государственной поддержки при строительстве (реконструкции) или приобретении жилых помещений» и др.). В данной группе можно выделить блок компенсирующих гарантий, которые предоставляют дополнительные льготы и преимущества в связи с ухудшением условий жизни или работы (Указ Президента Республики Беларусь от 19 июля 2001 г. № 401 «О предоставлении отсрочки от призыва на срочную военную службу, службу в резерве отдельным категориям граждан»).

2. Гарантии, направленные на выравнивание правового положения граждан, проживающих в сельских населенных пунктах. Они сближают возможности реализации прав, интересов и обязанностей граждан не только по сравнению с городскими жителями, но и

жителями агрогородков, в которых создана производственная и социальная инфраструктура для обеспечения государственных минимальных социальных стандартов.

В числе таких гарантий можно назвать нормы, касающиеся нотариального обслуживания сельского населения (постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 8 декабря 2020 г. № 179 «О выездах нотариусов в агрогородки и иные населенные пункты»), обширный нормативно-правовой массив, направленный на обеспечение осуществления торговли и бытового обслуживания в сельских населенных пунктах, стимулирование и поддержку субъектов, которые осуществляют такую деятельность, в том числе развозную торговлю, предполагающую продажу товаров через автомагазины, создание и функционирование сельских комплексных приемных пунктов по приему заказов на оказание бытовых услуг и т.д. (Указы Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2017 г. № 345 «О развитии торговли, общественного питания и бытового обслуживания», от 5 августа 2024 г. №309 «О поддержке организаций потребительской кооперации» и др.)

Также сюда можно отнести нормы Кодекса Республики Беларусь об образовании:

- предусматривающие бесплатную перевозку обучающихся, проживающих в сельских населенных пунктах, до учреждения дошкольного, общего среднего, специального образования и обратно при отсутствии автомобильных перевозок пассажиров в регулярном сообщении транспортом общего пользования или невозможности обеспечения такой перевозки;

- устанавливающие преимущественное право для лиц, получивших общее базовое образование в учреждениях образования, расположенных в сельских населенных пунктах, при равном количестве баллов, набранных на вступительных испытаниях, на прием (зачисление) в лицей, университеты для освоения содержания образовательной программы среднего образования с изучением отдельных учебных предметов, модулей на повышенном уровне в рамках организации профильного обучения в порядке перечисления.

Еще одним примером являются нормы об обеспечении населения сельских населенных пунктов, в которых отсутствуют аптеки, лекарственными средствами посредством их розничной реализации медицинским работником государственной организации здравоохранения или ее структурного подразделения, расположенных в сельских населенных пунктах, а также таким медицинским работником в ходе выездных медицинских осмотров населения (Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 161-З «Об обращении лекарственных средств»).

3. Гарантии смешанного типа, благодаря которым решаются одновременно обе названные задачи. Указом Президента Республики Беларусь, 27 ноября 2000 г. № 631 «О предоставлении льготных кредитов отдельным категориям граждан» предусмотрено предоставление льготных кредитов на приобретение непродовольственных потребительских товаров белорусского производства гражданам из числа выпускников государственных учреждений образования и учреждений образования потребительской кооперации, приступивших к работе по распределению, трудоустройству в счет брони, направлению на работу, в организациях потребительской кооперации и сельскохозяйственных организациях, расположенных в населенных пунктах не по месту жительства родителей (усыновителей (удочерителей)), в организациях, расположенных в сельских населенных пунктах (либо рабочее место, место службы которых находится в этих населенных пунктах) или в районах, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской

АЭС; в результате самостоятельного трудоустройства в организации потребительской кооперации и сельскохозяйственные организации, расположенные в сельских населенных пунктах (либо рабочее место, место службы которых находится в этих населенных пунктах).

К данной группе гарантий можно отнести и предоставление лицам, не прошедшим по конкурсу на места для получения образования по специальностям направления образования «Сельское хозяйство» на условиях целевой подготовки и участвующим в общем конкурсе, преимущественного права при одинаковом среднем балле документа об образовании, документа об обучении на прием (зачисление) в учреждения образования для получения профессионально-технического образования (Кодекс Республики Беларусь об образовании).

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ЗЕМЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. А. Шингель

*доцент кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
singel.61@list.ru*

Представлена общая характеристика и значение преемственности в развитии земельного законодательства, отмечается ее положительная роль при формировании правового режима земель. Рассматриваются некоторые ключевые элементы правового механизма регулирования земельных отношений, которые характеризуются единообразием на протяжении современного периода развития земельного законодательства Республики Беларусь. Обосновывается необходимость доктринального исследования данной проблемы для устранения потенциальных коллизий в регулировании земельных отношений.

Ключевые слова: земли; земельные отношения; правовой режим земель; земельное законодательство; права на земельные участки.

За время развития Республики Беларусь и ее правовой системы образовался достаточно богатый опыт правового регулирования отношений по использованию и охране земель (в дальнейшем мы будем называть их земельными отношениями). Этот сложный и во многом противоречивый процесс объективно опирался на правовую базу земельных отношений, сложившуюся в предшествующие исторические периоды, соответственно, в этой сфере правотворчества использовались уже имеющиеся в практике правового регулирования данных отношений подходы, связанные с установлением требований к использованию и охране земель (в частности, они касались системы прав на земельные участки, государственного регулирования земельных отношений, особенностей распределения и оборота земельных участков и других вопросов). Отмеченная в юридической литературе преемственность основных механизмов регулирования земельных отношений [1], по-разному проявляемая на разных этапах существования земельного законодательства, имеет, по нашему мнению, важное и в целом положительное значение для формирования устойчивого и эффективного правового режима земель Республики Беларусь. В настоящее время важность исследований по этой тематике повышается в связи с принятием новой редакции КоЗ (Закон Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов»; далее – Закон № 195-З) и планируемым в ближайшее время существенным обновлением действующего земельного законодательства. Отметим, что масштабных сравнительно-правовых исследований правового регулирования земельных отношений в историческом аспекте в юридической науке Республики Беларусь имеется недостаточно.

В Республике Беларусь за время ее существования было принято три кодифицированных акта, направленных на системное регулирование земельных отношений: Кодексы Республики Беларусь о земле от 11 декабря 1990 г. № 455-ХІІ; от 4 января 1999 г. № 226-З, от 23 июля 2008 г. № 423-З. КоЗ 2008 г. не только является «долгожителем»

среди вышеперечисленных актов по срокам действия, но и наиболее ярко отражает тенденцию преемственности по основным элементам, составляющим правовой механизм регулирования земельных отношений. Обратим внимание на наиболее заметные проявления единообразного регулирования земельных отношений на разных этапах социально-экономического развития Республики Беларусь, обусловленные сущностным единством исследуемой сферы общественных отношений.

Во-первых, последовательное закрепление в указанных выше нормативных правовых актах системы прав на земельные участки, отражающей многообразие форм собственности на землю и форм землепользования. Существующая система земельных прав охватывает все права на земельные участки, известные современному земельному законодательству Республики Беларусь, то есть она опирается на апробированные практикой формы использования земель. При этом последовательное сохранение за субъектами этих отношений возможности использовать надлежаще приобретенный земельный участок на первоначальном праве обеспечивает устойчивость земельных прав, а многообразие правовых форм землепользования дает возможность выбора наиболее оптимального варианта использования земельного участка. Анализируя тенденции развития системы прав на земельные участки, можно видеть, что оно шло по пути расширения субъектного состава различных прав (например, расширение права частной собственности и пожизненного наследуемого владения земельным участком иностранными гражданами и лицами без гражданства (ст. ст. 14, 16 КоЗ 2008 г. в редакции 2022 г.) и либерализации условий использования земельных участков, как приобретенных в установленном порядке, так и самовольно занятых (с момента принятия Закона № 195-3).

Во-вторых, проводимые на разных этапах земельно-правовые преобразования опираются на стабильную систему государственного регулирования в области использования и охраны земель, в которой до сих пор имеет место преобладание административно-правовых механизмов регулирования с постепенным расширением гражданско-правовых инструментов воздействия на земельные отношения. В результате произошло значительное сближение частноправовых и публично-правовых оснований возникновения данных отношений, особенно после принятия новой редакции КоЗ в 2022 г., предусмотревшей целый ряд новых разрешительных механизмов с области распределения и оборота земельных участков. Эти новации, отражающие современное состояние земельных отношений, являются необходимым условием для сбалансированного сочетания публичных и частных интересов в сфере землепользования [2, с. 81–91; 3, с. 57–73], при том, что сохраняется некоторая централизация в разграничении полномочий соответствующих государственных органов, особенно на местном уровне. Глава 2 КоЗ 2008 г. установила систему органов (организаций) государственного регулирования в области использования и охраны земель исходя исключительно из административно-правовых критериев их деятельности, без учета фактического распоряжения землями, находящимися в ведении исполкомов. Признание коммунальной собственности на землю в Республике Беларусь, на наш взгляд, могло бы расширить вариативность принятия решений, связанных с распределением земельных участков.

В-третьих, динамичная трансформация земельных отношений за более чем тридцатилетний период в условиях реализации современной земельной реформы в Республике Беларусь обеспечила развитие оборота земельных участков, имеющего суще-

ственные отличия от оборота иных видов имущества и имущественных прав [4], несмотря на признание земельных участков недвижимым имуществом и широким вовлечением их в гражданский оборот [5]. В связи с двойственным характером земельного оборота имеют место противоречивые процессы в части реализации возможностей по осуществлению субъективных прав на земельные участки. С одной стороны, законодательство идет по пути отмены абсолютных запретов на совершение распорядительных действий с земельными участками, с другой – ограничения заменяются новыми разрешительными процедурами в части оборота земельных участков, что усложняет механизм распределения земельных участков и может привести к ущемлению интересов землепользователей.

Таким образом, практическая значимость преемственности как особого подхода в правовом регулировании земельных отношений выражается в обеспечении стабильности данной социально-экономической сферы, что важно с учетом длящегося характера многих земельных отношений. Однако, активное развитие земельного законодательства поднимает проблему согласования уже сложившихся видов землепользования с новыми требованиями по использованию и охране земель, что может привести к коллизии между принятыми в разное время правовыми нормами. Перечисленные ранее Кодексы Республики Беларусь о земле не содержат требований о приведении прав на земельные участки в соответствие с вновь принятым законодательством, как это имеет место в некоторых других отраслях. Мы полагаем, что эта проблема в концептуальном смысле заслуживает изучения и разрешения на доктринальном уровне, а выработанные наукой рекомендации могут быть использованы для разрешения частных вопросов, касающихся актуализации правового режима земельных участков, категорий и видов земель.

Библиографический список

1. Шахрай, И. С. Тенденции развития земельного законодательства Республики Беларусь: новый этап / И. С. Шахрай, Н. А. Шингель // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2023. – № 1. – С. 51–58.
2. Шахрай, И. С. Проблемы реализации субъективного права природопользования / И. С. Шахрай. – Минск : БГУ, 2022. – 287 с.
3. Хотько, О. А. Проблемы реализации прав землепользователей / О. А. Хотько. – Минск : БНТУ, 2017. – 258 с.
4. Шахрай, И. С. Проблемы и перспективы развития оборота земельных участков в Республике Беларусь / И. С. Шахрай // Актуальные проблемы теории земельного права России / Под общ. ред. А. П. Анисимова. – М. : Юстицинформ, 2020. – С. 734–757.
5. Станкевич, Н. Г. Вещные права на землю / Н. Г. Станкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 160 с.

РАЗДЕЛ IX
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И СУДОУСТРОЙСТВА:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Е. А. МАТВИЕНКО
УДК 343 (476)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В МЕТОДОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ИЗМЕРЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ

А. В. Шидловский

*декан юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
law@bsu.by*

В статье рассматривается понятие «социальная справедливость» и социально-правовые практики ее восстановления с использованием уголовно-правовых средств. По результатам анализа обеспечения восстановления социальной справедливости уголовно-правовыми и иными правовыми средствами в белорусском законодательстве делается вывод о необходимости создания единого программного документа – концепции «Государственно-правовая политика восстановления социальной справедливости в Республике Беларусь». Содержание концепции должно отражать понятие, принципы и ключевые направления развития уголовно-охранительных норм, обеспечивающих восстановление социальной справедливости в современном обществе.

Ключевые слова: социальная справедливость; уголовно-правовые средства; уголовный закон; наказание; цели уголовной ответственности; социальные ценности; цивилизационное измерение.

Исследуя понятийный аппарат, вначале заметим, в мировой и зарубежной юриспруденции нет правового определения понятия справедливости. Во многом справедливость юристами воспринимается как формальное соблюдение закона. Часто «дух» закона правоприменителем отодвигается на второй план, а морально-нравственным и этическим аспектам при решении правовых споров не всегда уделяется должное внимание. Социальная справедливость, на наш взгляд, должна отвечать требованиям отдельно взятого человека и ее общественному восприятию в целом. Справедливость – это категория многоаспектная: морально-нравственная, социально-политическая, правовая, философская и т. д. Важно понимать и то, что признается социальной справедливостью в странах Африки и Азии, совсем таковой не считается в государствах, например, Западной Европы и США.

Конституционные положения в своем большинстве выступают в качестве правовой формы отражения не только социальных ценностей, но и самой социальной справедливости. Любое нарушение таких ценностей само по себе уже подрывает баланс социальной справедливости в обществе. Термин «социальная справедливость» известен конституциям Индии 1949 г., Португалии 1976 г., Сент-Люсии 1978 г., Сальвадора 1983 г., Бразилии 1988 г., Польши 1997 г., Непала 2015 г., Кубы 2019 г. и др. [1, с. 148–156].

Аксиологическими маркерами в определении ценностного феномена в любой историко-культурной традиции незыблемо выступают этические категории «добра» и «зла». Все социальные ценности, включая правовые, измеряются в обществе через понимание категорий добродетелей: правда, истина, справедливость и др. Вместе с тем, в научной литературе отмечается, что отношение между социальными ценностями может быть различным: гармоничным, нейтральным, взаимоисключающим [2, с. 609–610].

В основе подавляющего большинства социально-правовых практик восстановления социальной справедливости исторически сформировались две модели уголовного правосудия: 1) базирующаяся на идее эквивалентности (этика Ветхого Завета); 2) основанная на идее милосердия и прощения (этика Нового Завета) [3, с. 202].

Традиционно в большинстве существующих уголовных законов, в которых есть упоминание о понятии справедливости, речь идет о требовании соответствия между преступным деянием и мерой наказания за него. В ряде государств (чаще – в романо-германской правовой системе) уголовные кодексы закрепляют категорию «принцип справедливости» [4, с. 69–72].

В отдельных государствах предусмотрен общий принцип «пропорциональности наказания совершенному преступлению» (КНР, Кипр, Колумбия, Панама, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Сальвадор, Турция и др.). Так, УК КНР в ст. 5 формулирует: «мера уголовного наказания должна соответствовать преступному деянию, совершенному преступником, и его уголовной ответственности». На принцип пропорциональности наказания прямо указано в ч. 3 ст. 12 Конституции Кипра [4, с. 70].

Многие государства используют в своем законодательстве универсальный международно-правовой принцип «*Non bis in idem*» (запрет повторного уголовного преследования (наказания) за одно и то же преступление), закрепляя его прямо в Конституции (например, Азербайджан, Венесуэла, Германия, Грузия, Индия, Канада, Киргизия, Мальта, Мексика, Португалия, Российская Федерация, Таджикистан, Япония) или в УК (Казахстан, Колумбия, Нидерланды, Эфиопия и др.) [4, с. 71]. Запрет повторного уголовного преследования чаще предусмотрен как уголовно-процессуальная гарантия.

Концепция социальной справедливости в мусульманском уголовном праве имеет свою специфику. Так, в ст. 2 Конституции Ирана прямо предписано: «Исламская республика – это система правления, основанная на вере в ...божественную справедливость в создании и установлении законов шариата» [4, с. 72]. Сама же справедливость уголовно-правом смысле находит свое воплощение в принципе-возмездии талиона («око за око, зуб за зуб»). Особенно это демонстрируется в точно-определенных санкциях, например, за умышленное убийство и телесные повреждения.

В белорусском уголовном законодательстве среди принципов уголовного закона и уголовной ответственности назван принцип справедливости, а также закрепляется понятие восстановления социальной справедливости как самостоятельная категория в нормах института уголовной ответственности.

Так, согласно ч. 6 ст. 3 УК Республики Беларусь наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, то есть устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Положения этого принципа развиваются в содержании специального принципа назначения наказания в ч. 1 ст. 62 УК: «При назначении наказания суд исходит из принципа

индивидуализации наказания, то есть учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре».

В теории уголовного права утверждается (Грунтов И. О.), что принцип справедливости является способом оценки обоснованности и эффективности действующих уголовно-правовых норм [5, с. 72–114; 6]. Следует согласиться и с тем, что «нормативная справедливость воспроизводит социальную справедливость...», и поэтому «уголовно-правовой принцип справедливости должен проецировать содержание идеи социальной справедливости» [5, с. 3–4; 6, с. 3, 27].

Принцип справедливости, таким образом, в нормах белорусского УК включает три элемента: 1) соответствие наказания и иных мер уголовной ответственности общественной опасности преступления (пропорциональность санкций); 2) соответствие назначаемых мер наказания и уголовной ответственности обстоятельствам содеянного и личности виновного (индивидуализация наказания и уголовной ответственности); 3) запрет применения уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление (принцип «*Non bis in idem*»). Необходимо подчеркнуть, что такой детализированный законодательный подход к содержанию принципа справедливости является характерной особенностью белорусского УК.

Регламентируя цели уголовной ответственности, законодатель отдельно сформулировал следующее положение (ч. 3 ст. 44 УК): «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда».

Отметим, что все меры уголовно-правового воздействия или меры уголовно-правового характера в своей сущности, собственно, и направлены на восстановление социальной справедливости в обществе. Уголовный закон в своих нормах не закрепляет дефиниции (определения) «восстановление социальной справедливости», скорее, обозначает данную категорию терминологически, придавая материально-восстановительное основание результату осуждения лица, совершившего преступление.

В настоящее время востребованным методологическим подходом в изучении направлений обеспечения восстановления социальной справедливости является цивилизационное измерение уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных средств. Актуальным становится анализ социального феномена (структуры) многообразия форм человеческой жизнедеятельности. Цивилизационное измерение позволяет выявить оптимальный баланс в соотношении интересов государства и человека, права, экономики при учете духовных, нравственных, культурных сегментов развития общества.

Достижение социальной справедливости без человеческого измерения уголовного права невозможно. Понятно, что кроме человека носителями определенных интересов выступают различные социальные образования: нации, народности, политические организации и т. д. Исследуя отражение интересов в праве, В. Н. Бибило делает ряд обоснованных выводов о том, что «интерес необходимо рассматривать как объективно-субъективное явление»; «реализация интересов осуществляется через нормы частного и публичного права как на этапах их правообразования, так и правореализации»; основа

эффективного законодательства – «соблюдение меры в правовой охране частных и публичных интересов» [7, с. 62, 64]. Именно социальные нормы порождают для правового регулирования и защиты такое явление как «законные интересы». Восстановление нарушенных прав и законных интересов человека, юридического лица, профессионального сообщества обеспечивается применением мер уголовной ответственности, которые, как выражение самого репрессивного вида юридической ответственности, направлены на изменение социального статуса правонарушителя.

Итак, социальная справедливость может быть восстановлена при помощи норм, максимально отражающих социальные ценности в обществе, что проявляется как непосредственно в разрешении уголовно-правового конфликта, так и в недопущении массового их возникновения.

Законодательное обеспечение восстановления социальной справедливости уголовно-правовыми средствами. Действующий УК Республики Беларусь был принят в 1999 г. и вступил в силу с 1 января 2001 г. За этот период в уголовный закон внесены многочисленные изменения и дополнения (74 закона). К сожалению, поправки не всегда носили системный характер, что вызывает в ряде случаев негативные последствия (правовые коллизии) при отправлении уголовного правосудия.

Обеспечение социальной справедливости при определении меры уголовной ответственности лицам, совершившим преступления, невозможно без надлежащего соблюдения баланса внутри уголовно-правовых норм о преступлениях и наказаниях. Меры уголовной ответственности должны отвечать реальной опасности совершаемых преступлений.

Существующие сегодня предпосылки для урегулирования сбалансированности норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), в большей мере вытекают из необходимости обеспечения устойчивого развития социального государства и достижения социального согласия, защиты прав человека.

В юридической литературе практикующие юристы поднимают вопросы «справедливости уголовно-правовых санкций целого ряда статей УК, ответственность за которые предусмотрена в виде лишения свободы в качестве единственно возможной меры, что представляется неадекватным характеру и степени общественной опасности совершенных преступлений и не в полной мере мотивирует виновного возместить причиненный вред» [8, с. 29]. С этим нужно согласиться и искать обоснованные пути совершенствования санкционного моделирования. Так, относительно конструирования санкций за преступления, не представляющие большой общественной опасности, а также по группе неосторожных преступлений, представляется целесообразным исключить из санкций статей УК минимальные пределы срока наказания. Что касается тяжких и особо тяжких преступлений, а равно умышленных менее тяжких преступлений, с учетом их природы совершения и общественной опасности, по нашему мнению, законодатель должен обеспечивать баланс справедливого распределения пределов наказания в санкциях, в том числе и при установлении минимального срока (размера) наказания.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве одного из основных национальных интересов в экономической и информационной сферах определены, наряду с развитием безопасной информационной среды и информационного общества, защита общества от деструктивного информационного воздействия.

В этой связи актуальным направлением является правовое регулирование порядка ограничения доступа к Интернет-ресурсам, используемым в противоправной деятельности. В

настоящее время появляются новые формы общественно опасных деяний в сети Интернет. Например, создаются целые сетевые платформы для осуществления преступной деятельности, координируется обеспечение их работы; стремительно распространяется незаконный оборот криптовалюты; наблюдается рост кибермошенничества и других преступлений против собственности. Целесообразно проработать вопросы о криминализации новых общественно опасных форм поведения и об усилении уголовной ответственности по кругу преступлений, совершаемых с использованием глобальной сети Интернет. Не менее опасны действия с использованием искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, робототехники, а также при обращении цифровых имущественных прав и цифрового имущества.

В целях обеспечения законодательными средствами баланса социальной справедливости в сфере обращения цифровых имущественных прав и цифрового имущества видится перспективным развития цифрового уголовного права как обособленного комплекса законодательных норм, ориентированных на защиту цифрового суверенитета Республики Беларусь и системы общественных отношений в сфере цифровизации.

Восстановление социальной справедливости в системе мер уголовно-правового воздействия заключается в реальном их применении во взаимодействии, в том числе посредством обеспечения гибкого законодательного перехода от одной меры к другой. Это предполагает развитие прогрессивной модели уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Подводя итог изложенному, полагаем возможным выдвинуть на обсуждение идею создания единого программного документа, например, концепции «Государственно-правовая политика восстановления социальной справедливости в Республике Беларусь», в содержании которой закрепить понятие, принципы и ключевые направления развития в современном белорусском обществе. Такой документ послужит дорожной картой развития конституционно-правовых основ социального государства.

Библиографический список

1. Бодак, А. Н. Верховенство Конституции: развитие принципа социальной справедливости / А. Н. Бодак // Верховенство Конституции: конституционные изменения и современное развитие конституционного контроля: материалы Междунар. конф., посвящ. 30-летию Конст. Суда Респ. Беларусь, Минск, 4–5 апр. 2024 г. / Конст. Суд Респ. Беларусь ; редкол. : Н. А. Карпович [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2024. – С. 148–156.
2. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М. : НОРМА-ИНФРА М, 1998. – 672 с.
3. Бибик, О. Н. Культурная обусловленность уголовного права : моногр. / О. Н. Бибик. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 224 с.
4. Додонов, В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть : моногр. / В. Н. Додонов // под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 448 с.
5. Грунтов, И. О. Принцип гуманизма как способ оценки обоснованности и эффективности действующих уголовно-правовых норм : моногр. / И. О. Грунтов. – Минск : ИВЦ Минфина, 2024. – 140 с.
6. Грунтов, И. О. Принцип справедливости как способ оценки обоснованности и эффективности действующих уголовно-правовых норм : моногр. / И. О. Грунтов. – Минск : ИВЦ Минфина, 2022. – 138 с.
7. Бибило, В. Н. Проблемы юриспруденции: избранные труды / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2010. – 470 с.
8. Курисюк, А. Некоторые вопросы стратегических направлений совершенствования уголовного закона / А. Курисюк // Судовы веснік. – 2024. – № 3 (131). – С. 25–30.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ФОРМЕ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (НАСЛЕДИЕ Е. А. МАТВИЕНКО)

А. А. Данилевич

*заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
krym_praces@bsu.by*

О. В. Петрова

*доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

В работе анализируется вклад профессора Е. А. Матвиенко в развитие научного представления о судебной форме защиты в уголовном процессе, в том числе о судебном разбирательстве, судебных прениях и приговоре суда.

Ключевые слова: право на судебную защиту; судебное разбирательство; приговор суда; судебные прения; законная сила приговора.

Ст. 60 Конституции Республики Беларусь закрепила право на судебную защиту, универсальный характер которой делает ее важным элементом в механизме обеспечения прав и законных интересов граждан, а также укреплении законности и правопорядка. Центральным звеном судебной формы защиты является рассмотрение уголовного дела судом первой инстанции. Научное осмысление такого процессуального института является задачей науки уголовного процесса.

В своих трудах белорусский ученый, профессор Евгений Александрович Матвиенко много внимания уделял изучению именно судебного разбирательства по уголовным делам, приговора суда и прикладных вопросов реализации уголовно-процессуального закона, при всей широте научных интересов [1; 2]. Так, им были подготовлены несколько монографий по тематике судебного разбирательства, в том числе *«Приговор суда и его исполнение»* (Минск, 1968) и *«Судебная речь»* (Минск, 1972) [3; 4]. Взгляды наставника белорусской научной школы уголовного процесса на процессуальную форму и практические аспекты функционирования стадии судебного разбирательства стали важной основой для дальнейших научных исследований юридической науки в советский период [5; 6].

Как справедливо отмечал Е. А. Матвиенко: «Судебное разбирательство представляет собой основную правовую форму осуществления правосудия. Установленный законом порядок судебного разбирательства создает максимальные процессуальные гарантии осуществления правосудия» [7, с. 360]. Например, важное внимание в УПК Беларуси было уделено правовой регламентации общих условий и порядка судебного разбирательства, которые значительно изменились со вступлением нового закона в силу в

2001 г. Значение центральной стадии уголовного процесса – судебного разбирательства, состоит в том, что суд путем осуществления правосудия, рассмотрения дела по существу, принятия установленных законом мер к виновному либо оправдания невиновного осуществляет защиту прав и законных интересов граждан, интересов общества и государства, в том числе обеспечивает право граждан на судебную защиту.

Спектр лиц, чьи права защищаются в ходе судебного разбирательства, максимально широк. Так, судебную защиту по итогам рассмотрения получает лицо, пострадавшее от преступления, виновный привлекается к ответственности, присуждается возмещение вреда, причиненного преступлением. Только по результатам судебного разбирательства может быть опровергнута презумпция невиновности, обвиняемый может быть признан виновным и ему может быть назначено наказание или применены иные меры уголовной ответственности (ст.16 УПК). Оправдание невиновного, справедливое наказание или иная мера ответственности виновному и есть реализация судебной защиты его прав и свобод.

Рассмотрение уголовных дел в открытом судебном заседании также способствует укреплению законности и правопорядка в обществе в целом, демонстрирует торжество справедливости и неотвратимость ответственности. Судебное разбирательство оказывает предупредительное и воспитательное воздействие на присутствующих в зале суда и на общество.

Отметим, что судебное разбирательство обеспечивает контроль за законностью на предшествующих стадиях. Суд может выявить допущенные на стадии предварительного расследования нарушения еще на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, и, соответственно, дело может быть возвращено прокурору для устранения недостатков по итогам предварительного судебного заседания (ст. 280¹ УПК).

В судебном разбирательстве суд проводит проверку законности получения доказательств. Как отмечал Е. А. Матвиенко, «проверка на судебном следствии собранных по делу доказательств должна быть не формальной, а реальной, строгой и тщательной, чтобы исключить возможность вынесения приговора на основе недоброкачественных, сомнительных или недостоверных данных» [4, с.9]. Исследование доказательств в судебном следствии осуществляется при условии непосредственности, устности и непрерывности судебного разбирательства (ст.286 УПК).

В настоящее время наука развивает идеи Е. А. Матвиенко. Согласно действующему закону результатом проверки доказательств и мерой реагирования на имеющиеся нарушения можно назвать возможность в ходе судебного разбирательства в приговоре суда признания доказательств недопустимыми ввиду нарушения процессуальной формы.

Согласно ст. 27 Конституции доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Аналогичное требование закрепляет и ч. 4 ст. 105 УПК. П. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» отмечает, что признание доказательств недопустимыми необходимо аргументировать в приговоре с указанием допущенных нарушений закона.

Зарубежный опыт показывает новые формы реализации принципа допустимости доказательств. Представляется положительным опыт уголовного процесса Российской Федерации, который воспринял специальную процедуру исключения недопустимых доказательств (ст. 235 УПК РФ).

Принимая во внимание существование возможности проверки судом на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства вопросов соблюдения законности в ходе расследования, представляется возможным установить дополнительное основание для проведения предварительного судебного заседания – наличие оснований для исключения недопустимых доказательств. Такое положение может обеспечить максимально последовательную реализацию правозащитного потенциала данного требования: путем наделения суда полномочиями исключать недопустимые доказательства на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства можно обеспечить защиту прав личности, не создавая сложностей для расследования преступлений [8, с. 72].

Итог исследования доказательств в судебном следствии подводится в судебных прениях (ст.345 УПК), что также входило в круг интересов Е. А. Матвиенко. Как правильно указывал профессор, «судебные прения всегда носят характер открытой дискуссии, борьбы мнений. В этих условиях суду легче установить истинность или ложность тех или иных факторов, определить их ценность и доказательственное значение» [3, с. 7]. Действительно, уникальная структура и процессуальная форма судебного заседания позволяет всесторонне рассмотреть обстоятельства дела, выслушать мнение каждого участника на предмет того, как должно быть разрешено дело. Ученый поднимал вопросы практической деятельности прокурора и защитника в ходе судебных прений непосредственно и в ходе подготовки к ним. Разработаны были этические вопросы, вопросы культуры судебной речи и участия в судебном разбирательстве, классификации обвинения, сущности поддержания государственного обвинения в суде, позиционной солидарности защитника и многие другие. Прикладные вопросы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судом получили в современных исследованиях научной школы БГУ в части тематики поддержания государственного обвинения в суде [9].

Приговор является тем основным процессуальным решением, которым уголовное дело разрешается по существу. Приговор как акт правосудия реализует важную социально-политическую, правовую и воспитательную миссии. Данный процессуальный акт подводит итог всей предшествующей уголовно-процессуальной деятельности, определяет результат решения задач производства по материалам и уголовному делу.

Постановление приговора является актом, которым лицо, виновное в совершении преступления, привлекается к уголовной ответственности, что обеспечивает противодействие преступности, укрепление законности и правопорядка. Постановленный с соблюдением закона, на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, приговор воспитывает граждан, содействует формированию у них позитивных социальных установок, а также способствует укреплению доверия к судебной власти в обществе.

Приговор служит также важным средством правовой пропаганды и укрепления правосознания граждан. Судебное разбирательство и приговор как его итог реализуют общую и частную превенцию, удерживая неустойчивых лиц от правонарушений, показывают практическую реализацию предписаний уголовного закона. Как точно указывал Е. А. Матвиенко «справедливый и обоснованный приговор, в котором правильно, на основе и в соответствии с действующим законодательством разрешены все вопросы, приобретает большой моральный авторитет, содействует развитию и укреплению правосознания широких трудящихся масс» [3, с. 5].

Для понимания значения и сущности приговора важно такое понятие как его законная сила. Приговор суда, вступивший в законную силу, приобретает особое качество, заключающееся в том, что его выводы и предписания получают обязательный характер, т.е. становятся как бы законом для данного случая [4, с. 26]. Именно этот посыл определяет правовую сущность приговора и служит методологической основой системы пересмотра приговора после его вступления в законную силу. В контексте законной силы приговора Е. А. Матвиенко обращался к вопросу стабильности приговора. Как он правильно указывал: «посредством законной силы приговора достигается стабильность приговоров, создается атмосфера определенности и последовательности при отправлении правосудия» [4, с. 27]. Вместе с тем профессор не отрицал необходимость исправления судебных ошибок после вступления приговора в законную силу.

В этой связи хотелось бы отметить последние тенденции настоящего времени в развитии проверочных стадий уголовного процесса. Появление кассационного производства и реформирование надзорного производства в 2023 г. в своей основе имеют идею укрепления значимости судебного разбирательства как центральной стадии уголовного процесса, усиления исключительного характера пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Таким образом, следует высоко оценить обращение профессора Евгения Александровича Матвиенко к исследованию судебного разбирательства. Спустя многие годы мы должны помнить его научное наследие, развивать его в юридическое науке и применять при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики, а вопросы правового регулирования реализации судебной формы защиты требуют постоянного внимания.

Библиографический список

1. Бекешко, С. П. Подозреваемый в советском уголовном процессе / С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – Минск : Вышэйшая школа, 1969. – 126 с.
- Николайчик, Н. И. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования / Н. И. Николайчик, Е. А. Матвиенко. – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 190 с.
3. Матвиенко, Е. А. Приговор суда и его исполнение / Е. А. Матвиенко. – Минск : Выш. шк., 1968. – 180 с.
4. Матвиенко, Е. А. Судебная речь / Е. А. Матвиенко. – Минск : Выш. шк., 1972. – 256 с.
5. Данилевич, А. А. Культура судебных прений / А. А. Данилевич // Весн. Беларус. дзяржаўн. ун-та імя У. І. Леніна. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1982. – № 2. – С. 58–59.
6. Бибило, В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В. Н. Бибило. – Минск : Университетское, 1986. – 160 с.
7. Уголовный процесс БССР / С. П. Бекешко, Н. Н. Гапанович, А. С. Кобликов [и др.]; под ред. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко – Минск : Выш. шк., 1979. – 544 с.
8. Данилевич, А. А. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе : моногр. / А. А. Данилевич, О. В. Петрова. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – 168 с.
- Данилевич, А. А. Поддержание государственного обвинения в суде: пособие / А. А. Данилевич, О. В. Петрова. – Минск : БГУ, 2020. – 1 CD-ROM.

ФУНКЦИЯ ПРАВОСУДИЯ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

В. Н. Бибил

*профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
krym_praces@bsu.by*

Исполнение приговора – завершающая стадия уголовного процесса. Структуру стадии исполнения приговора образуют: обращение приговора к исполнению, рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора, исполнение оправдательных приговоров, а также некоторых видов обвинительного приговора. На протяжении всей стадии исполнения приговора суд осуществляет функцию правосудия.

Ключевые слова: правосудие; приговор; уголовный процесс; исполнение приговора; суд; судебное заседание.

Исполнением приговора завершается правовая деятельность, связанная с расследованием и судебным рассмотрением уголовного дела. От организации этой деятельности во многом зависит эффективность противодействия преступности. Своевременное и точное исполнение всех предписаний, содержащихся в приговоре, может реально способствовать общему и индивидуальному предупреждению преступлений.

Для исполнения всех судебных решений, содержащихся в приговоре, необходима деятельность суда, прокуратуры, учреждений уголовно-исполнительной системы, других государственных органов. В этом смысле исполнение приговора регулируется нормами различных отраслей права. Однако именно уголовно-процессуальному праву принадлежит системообразующая роль в формировании заключительной стадии уголовного процесса – стадии исполнения приговора. Являясь продолжением и завершением уголовного процесса, данная стадия имеет сходства с другими этапами уголовного процесса. Одновременно ей присущи такие особенности, которых нет в других стадиях уголовного процесса.

Стадия исполнения приговора не является динамичной, непрерывной. Наоборот, ей присуща дискретность, что связано с периодическим появлением в ходе исполнения приговора вопросов, по своей природе предполагающих для своего разрешения необходимость судебной деятельности. Сами по себе эти вопросы разнообразны. Они могут касаться условий отбывания наказания, замены наказания, освобождения от его отбывания, судьбы вещественных доказательств и т.п. Важно то, что у этих вопросов отсутствует единый предмет доказывания. При этом одни решения исполняются в том виде, в каком они изложены в приговоре, а другие – вытекают из судопроизводства по рассмотрению возникшего вопроса, в результате чего принимается судебное решение, подлежащее исполнению. Это не означает, что исполнение каждого приговора сопровождается необходимостью рассмотрения судом вопросов, связанных с его исполнением.

Значение стадии исполнения приговора состоит в том, что именно на данном этапе уголовного процесса обеспечивается своевременное начало исполнения приговора; устраняются препятствия, возникающие при обращении приговора к исполнению и в

ходе его исполнения; создаются условия для неотвратимости уголовной ответственности; осуществляется деятельность органов и учреждений, на которые возложено исполнение наказания, других мер уголовной ответственности по уголовным делам, а также иных решений, содержащихся в приговоре; оказывается воспитательное и предупредительное воздействие приговора.

Структуру стадии исполнения приговора образуют следующие элементы: 1) обращение к исполнению приговора; 2) рассмотрение и разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговора; 3) исполнение судом обвинительного приговора без назначения наказания, обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания и оправдательного приговора. Что касается судебного контроля и прокурорского надзора, то они не имеют самостоятельных уголовно-процессуальных форм, поэтому включаются в предыдущие элементы структуры стадии исполнения приговора.

Обращение к исполнению вступившего в законную силу приговора состоит в том, что суд вместе с копией данного процессуального документа направляет письменное распоряжение об исполнении приговора в орган, который в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством обязан обеспечить его исполнение. В соответствии с Инструкцией по делопроизводству в судах общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденной приказом Председателя Верховного Суда Республики Беларусь 3 ноября 2021 г. № 84, оно оформляется в виде документа с названием «Распоряжение об исполнении вступившего в законную силу приговора». Однако названный документ больше напоминает сопроводительное письмо, нежели акт, в котором изложено, что следует начать исполнение приговора. Для большей четкости в действиях, направленных на исполнение всех решений, содержащихся в приговоре, следовало бы предусмотреть в законодательстве и использовать в судебной практике вынесение единолично судьей самостоятельного уголовно-процессуального документа с названием «Постановление об обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора суда» [1, с. 472–474], что открывало бы возможность исполнять приговор не только в отношении наказания, но и в отношении гражданского иска, вещественных доказательств, судебных издержек и других решений, содержащихся в приговоре. Существующие же пробелы в законодательстве приводят к неопределенности исполнения приговора именно в этой его части.

При исполнении приговора возникает множество разнообразных вопросов, связанных с исполнением судебных решений, содержащихся в приговоре. Одни из них разрешаются органами, ведающими исполнением наказания, либо иными государственными органами, если возникший вопрос предполагает деятельность и таких органов. Лишь некоторые вопросы по своей природе требуют судебного разрешения в процессуальных условиях судебного заседания в стадии исполнения приговора.

Возникает вопрос: присуще ли осуществление правосудия в стадии исполнения приговора? Большинство авторов полагают, что деятельность суда при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, является правосудием [2, с. 184; 3, с. 135; 4, с. 28–37; 5, с. 31; 6, с. 6–20]. Наряду с этим, существует мнение, что правосудие в стадии исполнения приговора не осуществляется, поскольку разрешение уголовного дела по существу уже состоялось в суде первой инстанции, а также в суде второй инстанции при проверке приговора. Например, Д. В. Тулянский полагает, что «в рассматриваемой стадии уголовного процесса более корректным будет отказ от опери-

рования понятием «правосудие» в качестве функции или формы существования судебной власти, более того, правосудие здесь вообще отсутствует, и это несмотря на то, что уголовно-процессуальные вопросы при исполнении приговора рассматриваются и разрешаются исключительно в судебном порядке» [7, с. 10]. Е. В. Рябцева и вовсе считает, что «деятельность суда по разрешению вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, можно отнести к судебному санкционированию» [8, с. 244]. Отрицая наличие правосудия в стадии исполнения приговора, О. В. Гужва полагает, что деятельность суда в данной стадии «направлена на достижение иных целей: не допустить неправомерные действия и решения, нарушающие права граждан, организаций, восстановить нарушенное право; способствовать законному исполнению приговора, а также обеспечить соблюдение государственных интересов в сфере уголовной политики, прав осужденных, оправданных, реабилитированных» [9, с. 8–9]. Развернутую аргументацию об отсутствии правосудия при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, приводит Д. М. Берова, придавая деятельности суда лишь корректирующий характер, обосновывая это тем, что правосудие уже завершено, поскольку приговор вынесен и вступил в законную силу. К тому же наряду с судом корректировка наказания может проводиться другими органами и должностными лицами, особенно при вынесении актов амнистии или помилования [10, с. 160–168].

Стадия исполнения приговора действительно занимает своеобразное положение в системе стадий уголовного процесса. В УПК сформулирован круг обстоятельств, которые подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу, без учета этой стадии. Между тем доказывание имеет место и на этом этапе. Независимо от того, какие источники доказательств используются в стадии исполнения приговора, какова процедура ее проведения, важным является то, что государство поручило осуществлять эту деятельность суду. Даже если правовое регулирование деятельности суда по исполнению приговора связывать с объективным наличием самостоятельной отрасли права, было бы неверно утверждать, что суд, осуществляя свою деятельность по рассмотрению вопросов, возникающих при исполнении приговора, не реализует функцию правосудия. Можно было бы в данном случае говорить о самостоятельном виде правосудия, но отвергать сам факт наличия правосудия невозможно. Правосудие осуществляется и при обращении приговора к исполнению. Иначе возникал бы вопрос: какую же функцию, если не правосудие, суд при этом осуществляет. Поскольку судопроизводство по исполнению приговора регулируется УПК, такого рода деятельность суда входит в правосудие по уголовным делам.

Таким образом, правосудие по уголовным делам – это судебная деятельность по рассмотрению и разрешению любых вопросов, связанных с производством по уголовному делу. При этом судебная деятельность распадается на ряд стадий, в каждой из которых осуществляется правосудие [11, с. 81, 86]. Все вопросы, рассматриваемые судом в стадии исполнения приговора, являются продолжением основного производства несмотря на то, что уголовное дело рассмотрено судом и постановлен приговор. Для рассмотрения возникающих в стадии исполнения приговора вопросов оформляется новое судебное дело, коррелирующее с уголовным делом, приговор по которому вступил в законную силу.

Библиографический список

1. Бибило, В. Н. Теория и история права, судостроительства и уголовного процесса: сб. науч. статей / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2020. – 510 с.
2. Матвиенко, Е. А. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора / Е. А. Матвиенко, В. Н. Бибило. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 206 с.
3. Свиридов, М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора / М. К. Свиридов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. – 222 с.
4. Николук, В. В. Особенности отправления правосудия при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора / В. В. Николук // Уголовный процесс. – 2014. – № 4. – С. 28–37.
5. Качалов, В. И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений / В. И. Качалов. – М. : Юстиция, 2017. – 298 с.
- Бибило, В. Н. Приговор в уголовном процессе / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2021. – 194 с.
6. Тулянский, Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве / Д. В. Тулянский. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 192 с.
7. Рябцева, Е. В. Судебная деятельность в уголовном процессе / Е. В. Рябцева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 320 с.
8. Гужва, О. В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора / О. В. Гужва : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. – 26 с.
9. Борова, Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве / Д. М. Борова // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 160–168.
10. Бибило, В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2001. – 210 с.

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ЦИФРОВОГО ОБОРОТА БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Н. Ф. Бодров

президент международной общественной организации

«Союз криминалистов и криминологов»,

доцент кафедры судебных экспертиз

Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук, доцент

Современные цифровые технологии трансформируют преступность, связанную с цифровым оборотом биометрических данных человека. В работе выявлены ключевые тенденции, включая рост открытости данных, утечки информации и доступность технологий синтеза и облачных сервисов. Отмечаются риски, связанные с распространением дипфейк-технологий.

Ключевые слова: преступность; биометрия; большие данные; цифровизация; дипфейки.

Биометрические данные человека в уголовно-правовых науках рассматриваются: 1) как предмет уголовно-правовой охраны, 2) как источники информации для раскрытия и расследования преступлений, 3) как объекты экспертного исследования.

Однако развитие цифровых технологий, больших данных и нейросетевых алгоритмов за недавний период существенно преобразовало как саму преступность в сфере оборота биометрических данных, так и методы борьбы с ней. Важной вехой в цифровизации стало развитие алгоритмов нейросетевой генерации на основе биометрических данных.

В законодательстве данные процессы нашли свое отражение в системе сбора статистической информации о состоянии преступности, например, в Приказе Генпрокуратуры России от 9 декабря 2022 г. № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре». Так, в 2024 г. в Российской Федерации статистический учет средств, используемых при совершении преступлений, включает под кодом «049» «с использованием технологии дипфейк» – то есть тех преступлений, которые совершаются с применением нейросетевых алгоритмов фальсификации биометрической информации.

В уголовное законодательство России соответствующие изменения пока не вносились, хотя в рамках законопроектной деятельности был подготовлен проект федерального закона № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (внесён 16 сентября 2024 г. депутатом Государственной Думы Я. Е. Ниловым, Сенатором Российской Федерации А. К. Пушковым).

В Республике Беларусь обсуждение технологий дипфейк на самом высоком уровне вовлечено в политический дискурс [1], является предметом научных исследований. Новая практика рассмотрения дел о применении подобных технологий уже формируется [3, с. 125] и демонстрирует определенные тенденции.

В первую очередь следует учесть тенденцию расширения доступа к технологиям, используемым при совершении преступлений в сфере оборота биометрических данных, которая приводит к вовлечению в совершение подобных преступлений субъектов, не обладающих углубленными знаниями и компетенциями в сфере компьютерных технологий.

Как с криминалистической, так и с криминологической и естественно с уголовно-правовой точки зрения меняется представление о личности и профессиональных навыках преступников. Высокотехнологичные орудия преступления становятся доступными более широкому кругу лиц. В основе этой тенденции лежит модель «программное обеспечение как услуга» (SaaS, от англ. Software as a Service) [4, с. 142]. Если раньше на основе выбранного преступником способа совершения преступления в сфере компьютерной информации можно было сделать вывод о его компетенциях и материально-технической обеспеченности, то теперь доступ к высокотехнологичным орудиям совершения преступления может получить практически любое лицо, обладающее доступом в интернет, т.к. все вычисления будут производиться в облачной инфраструктуре, а не на оборудовании пользователя. При этом и сам пользователь может не обладать навыками программирования или настройки аппаратно-программных комплексов. Более того, прослеживается тенденция того, что такие навыки с учетом развития сервисов и нейросетевых инструментов становятся вторичными. На смену специалистам по компьютерным технологиям в совершение преступлений вовлекаются, например, подростки, как в случае с распространением дипфейк-материалов в городе Альмендралехо [5, с. 238], где преступления совершала группа из 15 несовершеннолетних злоумышленников.

Далее следует констатировать, что критически важными для цифровой трансформации преступности в сфере оборота биометрических данных являются такие элементы номенклатуры облачных вычислений как: «Видеонаблюдение как услуга» (VSaaS, от англ. Video Surveillance as a Service) [6, с. 198], «Инфраструктура как услуга» (IaaS, от англ. Infrastructure as a Service), «Платформа как услуга» (PaaS, от англ. Platform as a Service) [7, с. 188]. Подобного рода услуги и характер их оказания существенно влияют как на технологии розыска преступников, так и на характер цифровых следов, которые должны быть зафиксированы по такого рода делам.

Важной криминологически значимой предпосылкой увеличения доли преступлений в сфере цифрового оборота биометрических данных человека является то, что в открытом доступе в социальных сетях, мессенджерах и на других ресурсах накоплен и хранится значительный объем больших данных (разноракурсных изображений внешности, образцов голоса, материалов видеофиксации) массив которых достаточен для обучения нейросетевых алгоритмов, предоставляемых преступникам «как услуга». Дополнением к этому уже сейчас являются масштабные утечки персональной информации и биометрических данных, а также добровольная передача биометрических данных пользователями с использованием различных сервисов и приложений.

Логично предположить и то, что в корпоративной среде большие данные будут все более бесконтрольно использоваться для обучения нейросетей. Такую тенденцию можно проследить, например, в решении по делу *Bartz v. Anthropic PBC*, Case No. 3:24-cv-05417-WHA, Order of June 23, 2025 (N. D. Cal.), Федерального окружного суда Северного округа Калифорнии США. Суд признал, что использование законно приобретенных произведений для обучения ИИ является добросовестным даже при отсутствии согласия правообладателей.

Вероятно, что накопленные на информационных ресурсах биометрические данные в ближайшем будущем ждет аналогичная участь. А с учетом темпов и объемов утечек информации в корпоративной среде следует ожидать и роста преступности с использованием биометрических данных пользователей.

Еще одной тенденцией является усовершенствование технологий телефонного мошенничества. Если сейчас в инструментарии преступников имеются достаточно подробные персональные данные населения, то в обозримом будущем логично предположить трансформацию способов совершения подобного рода преступлений с использованием технологий синтеза звучащей речи (например, клонирования голоса и речи родственников и близких людей потерпевших) а также использование технологий подмены внешности с последующим использованием технологий видеосвязи.

Достаточно непростая ситуация сложилась с мерами по борьбе с современными телефонными мошенничествами. В связи с принятием Федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41–ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также с учетом Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572–ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» основной задачей обеспечения информационной безопасности общества станет предотвращение заполнения базы данных госинформсистемы «Антифрод» моделями голосов законопослушных граждан, так как именно на основе их открытых данных злоумышленники наиболее вероятно будут пользоваться сгенерированными голосами.

В данном случае российский опыт организационных мер по борьбе с кражей идентичности будет хоть и новаторским, но во многом полезным в том числе и для выработки аналогичного инструментария в Республике Беларусь.

Острой проблемой в судопроизводстве уже сейчас становится фальсификация цифровых доказательств. На основе открытых данных, массив которых достаточен для генерации, стороны предоставляют в уголовные и гражданские дела цифровые доказательства, содержание которых искажается или полностью имитируется с использованием нейросетевых алгоритмов генерации аудио-, видео- и текстовых материалов. Уже сейчас есть все основания полагать, что синтезированные диктофонные записи, записи камер видеонаблюдения и прочие доказательства, предоставляемые в цифровой форме, предоставляются в качестве доказательств по уголовным и гражданским делам. С развитием технологий их количество и качество будет только возрастать.

На сегодняшний день готовность правоохранительных органов к выявлению, расследованию преступлений, а также и технологическую обеспеченность профессионального судебно-экспертного сообщества к исследованию синтезированных материалов оценить достаточно сложно, так как методические рекомендации по наиболее востребованным направлениям соответствующей деятельности в настоящее время отсутствуют.

Указанные тенденции во многом уже сейчас определяют характер преступности в сфере цифрового оборота биометрических данных человека, в то же время как векторы ответных мер правоохранительной деятельности пока не так хорошо очерчены.

Библиографический список

1. Участие в Форуме медийного сообщества Беларуси в Могилеве [Электронный ресурс] // Офиц. интернет–портал Президента Респ. Беларусь [сайт]. – Минск, 2020. – 11 февр. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/ucastie-v-forume-medijnogo-soobsestva-belarusi-v-mogileve> (дата обращения: 10.08.2025).
2. Казак, Т. В. Возможные перспективы генеративного искусственного интеллекта в Республике Беларусь / Т. В. Казак, А. Н. Василькова // Big Data и анализ высокого уровня : сб. науч. ст. XI междунар. науч.–практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2025 г. / Белорус. гос. ун–т информатики и радиоэлектроники; редкол. : В. А. Богуш. – Минск, 2025. – С. 220–228.
3. Бодров, Н. Ф. Анализ судебной практики установления обстоятельств в случаях противоправного распространения генеративного контента, созданного с помощью технологий искусственного интеллекта / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Юридические исследования. – 2024. – № 11. – С. 1–25.
4. Карпычев, В. Ю. Особенности правового регулирования оборота программного обеспечения, реализуемого на основе SaaS–технологий / В. Ю. Карпычев, М. В. Карпычев, Ю. П. Шальнова // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. Акад. МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 141–146.
5. Badiola Coca, S. Pornographic Deepfakes and Minors: Policy Brief – The Almendralejo Case / S. Coca Badiola // Didactic and applied victimology: case analysis / G. Varona (ed.). – Murcia: Laborum, 2025. – P. 229–242.
6. Глебус, В. В. Особенности разработки стратегии позиционирования на рынке VSAAS / В. В. Глебус // Тенденции развития экономики и менеджмента : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.–практ. конф., Казань, 11 июня 2016 г. – Казань : Инновац. центр развития образования и науки, 2016. – Т. 3. – С. 198–200.
7. Павлуцких, М. В. Облачные сервисы IaaS, SaaS, PaaS – инфраструктура как услуга / М. В. Павлуцких, А. У. Есембекова, А. Ю. Анфалова // Глобальная трансформация и устойчивость экономики современной России : сб. ст. междунар. науч.–практ. конф., Сочи, 5–8 окт. 2022 г. / под ред. Х. А. Константиныди, В. В. Сорокожердева, Н. В. Агазаряна. – М. : АНО «НИИ истории, экономики и права», 2022. – С. 186–190.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

О. А. Зайцев

вице-президент Международной общественной организации

«Союз криминалистов и криминологов»,

*главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального
законодательства Института законодательства*

и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки Российской Федерации,

почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
skk_vkk@mail.ru

В статье исследуются факторы модернизации уголовно-процессуального доказывания, вызванной использованием при совершении преступлений информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Повышенное внимание уделено формированию перспективных направлений дальнейшего развития современных цифровых платформ в рамках производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс; цифровизация; доказывание; участники уголовного судопроизводства.

Одной из приоритетных задач государственного развития России является внедрение современных цифровых платформ и технологий в различные сферы деятельности, в результате чего возникают новые общественные отношения, существенным образом изменяющие привычные объемы и методы правового регулирования.

В условиях цифровой трансформации государства и общества появляются новые, крайне опасные угрозы и риски, в том числе и в рамках уголовно-юрисдикционной деятельности. Изучение правоприменительной практики показывает, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, приобрели характер масштабной социально-правовой проблемы. Так, согласно статистике МВД России за последние шесть лет количество таких деяний увеличилось почти в 2,6 раза: с 294,4 тыс. в 2019 г. до 765,4 тыс. в 2024 г. Причем в последнем году их удельный вес от общего числа зарегистрированных преступлений составил почти 40 %.

Если ранее указанные деяния не имели тенденции к значительному росту, то в настоящее время они распространились на многие категории уголовных дел. В частности, в 2024 г. до половины преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, относятся к тяжким и особо тяжким (48,2%); две трети – связаны с мошенничеством и кражами (63,5%); каждое восьмое – имеет своей целью незаконное производство, сбыт или пересылку наркотиков (12,4%).

В то же время сотрудники правоохранительных органов оказались слабо подготовленными к противостоянию этому крайне негативному явлению: раскрывается только каждое пятое такое преступление [1, с. 4]. Создавшуюся ситуацию существенно усложняет и чрезмерно высокий уровень латентности данных деяний, на что справедливо указывают криминологи [2, с. 53–59]. Важно отметить, что большинство рассматриваемой категории преступлений совершается в виртуальном пространстве. Зачастую криминальные организации и группы находятся за пределами страны, используя анонимность и широкие возможности цифровизации, позволяющие им избежать уголовной ответственности.

На внедрение в уголовный процесс современных информационно-цифровых технологий повлияло появление критических и чрезвычайных ситуаций, ранее не известных человечеству. Так, в результате пандемии COVID-19 обострилась проблема доказывания по уголовным делам в местах, где были введены особые правовые режимы. Существенным образом усложнило производство предварительного расследования и судебного разбирательства отсутствие возможности сбора фактических данных традиционными способами собирания доказательств [3, с. 26–28].

Эти и другие факторы повлияли на законодателя, который был вынужден реагировать на возникшие угрозы и вызовы, вызванные развитием цифровизации. В УПК РФ внесены многочисленные новеллы в части правового регулирования сферы уголовного судопроизводства с учетом современных технологий. Так, на законодательном уровне скорректирован порядок использования электронных документов; дифференцированы особенности трансляции процесса, а также ведения видео- и аудиозаписи в зависимости от этапа производства по делу; возможность проведения отдельных следственных действий посредством систем видео-конференц-связи, иных информационных технологий.

Проведенный нами опрос дознавателей, следователей и судей показал, что правоприменитель нуждается в научно обоснованных методических рекомендациях, позволяющих преодолевать возникающие трудности в процессе доказывания преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. К примеру, опрошенные лица отмечают определенные сложности, с которыми они столкнулись при получении фактических данных, связанных с применением программно-аппаратного извлечения электронной информации, использовании средств визуализации, а также реализации иных средств и методов в ходе проведения следственных и судебных действий по уголовному делу.

Неслучайно, Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» высказал свои правовые позиции по многочисленным вопросам применения положений действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Данные проблемы вызывают необходимость совершенствования правовых механизмов уголовно-процессуального доказывания обстоятельств преступлений, с цифровым элементом с целью привлечения виновных к уголовной ответственности [4, с. 108–119].

Среди перспективных направлений дальнейшего развития современных цифровых платформ в ходе доказывания по уголовному делу можно выделить следующие.

1. *Законодательное закрепление понятия и содержания электронного доказательства.* Предстоит определиться с его местом в системе всех источников доказательств, а также со спецификой его использования в процессе производства по уголовному делу [7, с. 132–144].

2. *Оптимизация уголовно-процессуальной формы.* Необходимо изменить существующие подходы к правилам допустимости доказательств, содержащих электронную информацию, в целях большей свободы использования технических гарантий верифицируемости и полезности электронного доказательства [5, с. 27–38].

3. *Более широкое применение технологически интегрированных платформ.* Следует сформировать новые возможности взаимодействия лиц, осуществляющих доказывание по уголовному делу с представителями подобного рода платформ для получения процессуально значимой информации.

4. *Дальнейшее внедрение электронного документооборота в уголовный процесс.* Предстоит конкретизировать процедуру использования электронных документов на досудебных и судебных стадиях судопроизводства, включая механизмы коммуникации граждан, вовлеченных в сферу правосудия с должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальное доказывание [6, с. 96–97].

5. *Расширение круга следственных действий.* В юридической литературе уже высказывались предложения о необходимости закрепления на законодательном уровне новых следственных действий (например, онлайн-обыска, компьютерного моделирования и др.), представляющих дополнительные возможности для работы в рамках процесса доказывания [8, с. 167–77].

6. *Внедрение систем с элементами ИИ.* В перспективном плане данные системы будут способствовать: оперативному реагированию на сообщения о преступлениях, поступающие по техническим каналам связи; применению «больших данных», систем учетов в уголовно-процессуальном доказывании; подготовке проектов процессуальных документов; оказанию помощи в ходе производства следственных и судебных действий и при принятии процессуальных решений [9].

Возникающие проблемы в рамках уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации носят весьма разносторонний и многообразный характер. В силу этого происходящая трансформация должна не только учитывать неизбежность дальнейшего стремительного внедрения в материю уголовного судопроизводства все более прогрессивных технологий, но и опираться на важнейшие его институты, выработанные теорией доказательств и доказательного права и показавшие свою эффективность на протяжении ряда длительного времени [10, с. 93–112].

Библиографический список

1. Конев, Д. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий : дис. ...канд. юрид. наук ; 12.00.08 / Конев Денис Андреевич ; Омск. Акад. МВД России. – Омск, 2022. – 206 с.
2. Бойко, О. А. Детерминанты латентных преступлений, совершаемых с использованием ИКТ / О. А. Бойко, А. С. Унукович // Юрид. вестн. Самар. ун-та. – 2020 – № 6. – С. 53–59.
3. Скобелин, С. Ю. Использование цифровых технологий при доказывании преступной деятельности / С. Ю. Скобелин // Рос. следователь. – 2019. – № 3. – С. 26–28.

4. Бессонов, А. А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А. А. Бессонов // Журн. рос. права. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 108–119.
5. Гаврилин, Ю. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества / Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин // Тр. Акад. управ. МВД России. – 2019. – № 3. – С. 27–38.
6. Воскобитова, Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л. А. Воскобитова // Lex russica. – 2019. – № 5. – С. 96–97.
7. Никурадзе, Н. О. «Электронные доказательства» в уголовном процессе: о целесообразности правового регулирования / Н. О. Никурадзе // Журн. рос. права. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 132–144.
8. Зуев, С. В. Цифровой УПК: новая концепция развития права / С. В. Зуев, А. И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 1. – С. 67–77.
9. Бессонов, А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений / А. А. Бессонов. – М. : Проспект, 2021. – 820 с.
10. Зайцев, О. А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации / О. А. Зайцев // Журн. рос. права. – 2024. – Т. 28. – № 8. – С. 93–112.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЙ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Л. В. Лобанова

*заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Института права Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
law@volsu.ru*

В статье представлен краткий анализ изменений российского уголовного законодательства, направленных на оптимизацию противодействия общественно опасным посягательствам на правосудие. В фокусе внимания автора находятся проблемы криминализации таких деяний. Отмечается значимость работы, проделанной государством для реализации данного направления уголовной политики, но в то же время и незавершенность указанного процесса. Определен основной вектор разработки новых уголовно-правовых запретов – создание соответствующих гарантий от дисфункциональных нарушений в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: преступления против правосудия; дисфункциональные нарушения; уголовно-правовые средства; судебный подлог; нарушение права на защиту; криминализация общественно опасных посягательств.

Активное реформирование УК РФ затронуло и его главу 31 «Преступления против правосудия». После воздействия на данную главу двадцати пяти федеральных законов, которые были призваны обновить соответствующий нормативный материал, в ней не осталось ни одной статьи, которая сохранила бы свой первоначальный вид. При этом в выборе векторов развития положений, касающихся преступлений против правосудия, законодатель не был оригинален: реализовывались привычные для современного российского законодательства направления уголовной политики. В итоге господствующими в этой области тенденциями оказались:

- расширение круга преступного и наказуемого;
- углубление дифференциации уголовной ответственности за совершение в сфере правосудия;
- повышение карательного потенциала уголовно-правовых санкций.

На фоне устойчивого роста абсолютных количественных показателей, характеризующий выявление рассматриваемого рода преступлений, а также судимости за них, подобная нувелизация уголовного законодательства кажется вполне оправданной. Однако далеко не все произведенные изменения привели к повышению качества уголовно-правовой охраны правосудия.

Едва ли можно утверждать, что российский правотворец, реформируя главу 31 УК РФ, чрезвычайно редко прибегал к криминализации общественно опасных посягательств. Этому было посвящено 14 федеральных законов, не считая Федерального закона № 141 от 28 июля 2012 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», вернувшего в

УК РФ специальный состав клеветы (ст. 298). Реализация названного кардинального направления уголовной политики проявилась не только в появлении ст. 314¹ УК РФ, установившей уголовно-правовой запрет на уклонение от административного надзора, но и в расширении сферы применения уже существующих статей путем включения в их диспозиции указания на новые виды общественно опасного поведения, оптимизации перечня защищаемых лиц (потерпевших), изменения субъектного состава и др. О произведенной таким образом криминализации деяний свидетельствуют новые редакции статей 302, 303, 304, 307, 309, 314, 314¹, 315 и 316 УК РФ. Однако, несмотря на значительный объем работы, проделанной правотворческими органами в указанном направлении, не удастся избавиться от впечатления, что самые существенные «прорехи» в канве уголовно-правовой охраны правосудия по-прежнему остаются без должного реагирования со стороны государства.

Пробелом подобного значения, по нашему убеждению, например, может считаться отсутствие адекватных уголовно-правовых средств противодействия некоторым дисфункциональным нарушениям в процессуальной деятельности. Не следует, например, тешить себя иллюзией, будто статья 305 УК РФ надежно защищает общество от проявлений неправосудия. Ведь таковое выражается не только в вынесении в ходе судебной процедуры заведомо незаконных и необоснованных судебных установлений. В арсенале недобросовестных представителей судейского корпуса имеются и другие способы поступить вопреки возложенной на них одной из главных процессуальных функций. Таковым видится, несомненно, социально опасный вид поведения – судебный подлог. Упомянутым собирательным понятием охватываются и факты фальсификации доказательств, осуществленной судьями, и составления подложных судебных решений, которые на самом деле не принимались, не были итогом процессуальной деятельности. Но в российском уголовном законе состав судебного подлога отсутствует – субъектом преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, судья не назван. Общая же норма, закрепленная ст. 292 УК РФ, ввиду особенностей законодательной конструкции применима не всегда, да и не отражает в полной мере уровня общественной опасности, например, фальсификации судьей протокола судебного заседания и тем более оформления несостоявшегося судебного решения. Последнего рода случаи иногда расценивают на практике как вынесение заведомо неправосудного судебного акта [1]. Но такая квалификация вряд ли может считаться чем-то иным, кроме применения уголовного закона по аналогии, запрещенного ч. 2 ст. 3 УК РФ.

Необходимыми уголовно-правовыми гарантиями до сих пор не обеспечено, на наш взгляд, и функционирование защиты в уголовном судопроизводстве. Все законотворческие инициативы, направленные на восполнение этого пробела, пока ни к чему не привели. Например, не нашел отклика у законодателя проект, разработанный в 2020 г. Министерством юстиции РФ, содержащий рекомендацию об установлении уголовной ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката [2]. Следует отметить, что и научной общественностью данные инициативы воспринимаются отнюдь не однозначно. «Представляется, что необходимости в таком составе нет. – написано, например, в одной из работ – Нельзя сравнивать при всей ее важности – рассуж-

дает автор приведенного высказывания – процессуальную деятельность адвокатов и деятельность по осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» [3, с. 118]. Мы не можем согласиться со столь категоричным утверждением о принципиальной несравнимости деятельности адвоката, с одной стороны, и судьи либо следователя, – с другой. Ведь только адвокат на процессуальной основе осуществляет защиту обвиняемого (подозреваемого) в уголовном судопроизводстве. При этом функция защиты справедливо ставится в один ряд с правосудием и обвинением в контексте процессуальных функций, а обеспечиваемое данной функцией право отнесено к числу конституционных прав человека и гражданина (ст. 48 Конституции РФ), равно как и право потерпевшего на допуск к правосудию (ст. 52 Конституции РФ) либо право каждого на судебную защиту его прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ). В то же время приходится констатировать и распространенность в судебной практике фактов нарушения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту и опасный для правосудия характер ряда его проявлений [4, с. 106]. Причем такого рода нарушения выступают как результатом воспрепятствования законной деятельности защитника со стороны отдельных должностных лиц, осуществляющих производство по делу, так и итогом недобросовестного отношения к своим обязанностям самого защитника. Тщетно искать в действующем УК РФ надежные средства противодействия таким явлениям, как навязывание защитника, искусственное создание условий для отвода, негласное сотрудничество защитника со стороной обвинения вопреки воле подзащитного и другим формам дисфункции защиты либо воспрепятствование ей. Их просто нет, хотя любому здравомыслящему юристу ясно, что процессуальными и дисциплинарными мерами с подобной проблемой не справиться. Необходимо, думается, объединение исследовательских усилий правоведов и практических работников с тем, чтобы помочь законодателю, во-первых, осознать потребность в конструировании уголовно-правовых норм, способных служить гарантией от наиболее существенных нарушений права на защиту, а, во-вторых, облечь их в форму, понятную для правоприменителя и при этом свободную от излишней казуистичности.

В заключение напомним и о проблеме квалификации фактов уголовного преследования заведомо невиновных лиц, производимого без официального формулирования обвинительного тезиса. Она также не снята с повестки дня. Использование в тексте ст. 299 УК РФ устаревшего термина «привлечение к уголовной ответственности» по-прежнему лишает применять указанную статью к подобным случаям. Попытки же правоприменителя делать это единичны и заслуженно подвергаются критике в юридической печати [5, с. 111].

Итог же наших размышлений пока малоутешителен. Несмотря на значительность работы, проделанной законодателем в целях оптимизации противодействия посягательствам на правосудие, о достаточности средств уголовно-правового обеспечения основных процессуальных функций говорить нельзя. Социальный запрос на дальнейшую криминализацию общественно опасных деяний, совершенных в сфере правосудия, все еще сохраняется. Причем важно, чтобы формирование новых уголовно-правовых запретов затронуло, наконец, и функциональные нарушения в указанной области

Библиографический список

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам за IV квартал 2004 г., утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2005 г. // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/15058> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон)» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/09-20/00107783) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Преступления против правосудия (глава 31 УК РФ) : моногр. / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2023. – 560 с.
4. Лобанова, Л. В. О некоторых общественно опасных проявлениях нарушения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту / Л. В. Лобанова, Н. В. Висков // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 12. – С. 105–111.
5. Кулешов, Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения : моногр. / Ю. И. Кулешов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – 296 с.

МАКСИМИЗАЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ

С. Г. Ольков

*профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета Казанского инновационного университета
имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
доктор юридических наук, профессор
olkovsg@mail.ru*

О. А. Олькова

*доцент кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета Казанского инновационного университета
имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
кандидат юридических наук
olkovsg@mail.ru*

Показана уголовно–процессуальная методика максимизации справедливости обвинительного приговора с назначением уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовный процесс; суд; подсудимый; приговор; законность; обоснованность; мотивированность; справедливость; преступление; наказание; грабеж; лагранжиан.

В уголовном и уголовно–процессуальном законодательстве различных современных развитых государств предъявляются высокие требования к итоговому судебному решению – приговору суда по уголовному делу. В статье 350 УПК выделяются такие ключевые свойства приговора, как законность (ч. 1), обоснованность (ч. 2), мотивированность (ч. 3) и справедливость (ч. 4). При этом в п. 6 ст. 3 УК прямо подчёркивается: «Наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, то есть устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

В Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. №9 «О приговоре суда» обращается внимание судов, что приговор, являясь важнейшим актом правосудия по уголовному делу, должен быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым, постановленным в строгом соответствии с принципами презумпции невиновности, состязательности и равенства сторон в уголовном процессе. Таким образом, вынесение справедливого приговора по каждому уголовному делу определяется на двух основных уровнях: законодательном и судебном. Функция справедливости на законодательном уровне в Республике Беларусь задается в конкретизированных под каждый состав преступления санкциях статей Особенной части УК, где каждому составу преступления ставится в соответствие величина возможного уголовного наказания, а применение выделенных неконкретизированных санкций [4, с. 96] в белорусском уголовном праве не предусмотрено.

Роль судебной власти Беларуси состоит в реализации принципа справедливости по каждому конкретному уголовному делу, когда каждому осужденному назначается конкретное уголовное наказание, и у судьи имеется размах полномочий в назначении величины уголовного наказания каждого конкретного применяемого вида: $R = p_{max} - p_{min}$, где R – размах в единицах измерения видов уголовных наказаний, p_{max} – максимально возможная величина применяемого уголовного наказания, p_{min} – минимально возможная величина уголовного наказания данного вида, и именно здесь появляется фундаментальное уголовно–правовое и уголовно–процессуальное понятие – линия допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН). Проще говоря, это набор координат на плоскости x_0y , где x – величина общественной опасности преступного деяния в баллах ООД (общественной опасности деяния), y – величина общественной опасности личности в баллах ООЛ (общественной опасности личности, с помощью которого судья отмеряет величину уголовного наказания осужденному по принятой на вооружение в данной стране функции справедливости вида: $p = f(x, y)$, где p – величина уголовного наказания данного вида в его единицах измерения, x – величина ООД, y – величина ООЛ, f – правило, по которому связываются левая и правая части уравнения. Стоит заметить, что обстоятельства,отягчающие и смягчающие наказание, уже учтены в модели, поскольку привязываются либо к общественной опасности собственно деяния, либо к общественной опасности собственно личности.

Функции справедливости в аналитическом виде – в виде формул впервые стали задаваться С. Г. Ольковым в конце XX – начале XXI вв. [5, с. 18], а также могут задаваться в табличном виде, как это сделано, например, в руководстве по назначению уголовных наказаний в США или в графическом виде, хотя последнее рассчитано лишь на наглядность представления аналитической и табличной форм.

Именно аналитическая функция справедливости и должна быть максимизирована в целях назначения каждому осужденному по каждому конкретному уголовному делу максимально справедливого уголовного наказания с учетом всех факторов, формирующих эту величину, установленных в судебном следствии.

Согласно второму закону Госсена функция справедливости, как и функция полезности, достигает своего максимального значения при условии, когда предельная справедливость одного балла общественной опасности преступного деяния, приведенная на стоимость единицы измерения вида уголовного наказания, равна предельной справедливости одного балла общественной опасности личности, приведенной на стоимость единицы того же вида уголовного наказания, и все это равно предельной полезности одной единицы данного вида уголовного наказания: $\frac{mJ_x}{p_x} = \frac{mJ_y}{p_y} = \lambda$, где mJ_x – предельная справедливость (mJ – *marginal justice*) на один балл общественной опасности преступного деяния, mJ_y – предельная справедливость на один балл общественной опасности личности, совершившей преступление, λ – предельная справедливость, приходящаяся на единицу измерения вида применяемого уголовного наказания. Очевидно, что предельная справедливость, приходящаяся на один балл общественной опасности преступного деяния равна частной производной от принятой на вооружение функции спра-

ведливости: $mJ_x = \frac{\partial p}{\partial x}$, а предельная справедливость, приходящаяся на один балл общественной опасности личности осужденного, равна частной производной от той же функции справедливости: $mJ_x = \frac{\partial p}{\partial y}$.

Максимальный уровень справедливости достигается тогда, и только тогда, когда линия допустимых комбинаций уголовных наказаний касается в единственной точке кривой постоянных наказаний, как линии уровня снятой с поверхности справедливости, но строить для этого графики функций нам не придется, поскольку достаточно записать общее уравнение справедливости с включением в него: 1) функции справедливости; 2) линии допустимых комбинаций уголовных наказаний; 3) лагранжиана (множителя Лагранжа), и мы получим уравнение: $J = f(x, y) - \lambda(m - p_y y - p_x x)$, которое и нужно проверить на наличие экстремума, для чего придется взять частные производные от общей функции справедливости по переменным x , y и λ , составить систему алгебраических линейных уравнений, приравненных к нулю:

$$\begin{cases} \frac{\partial J}{\partial x} = mJ_x - \lambda p_x = 0 \\ \frac{\partial J}{\partial y} = mJ_y - \lambda p_y = 0 \\ \frac{\partial J}{\partial \lambda} = m - p_x x - p_y y = 0 \end{cases}$$

Решив данную систему алгебраических линейных уравнений, судья находит оптимальное значение баллов общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей: x_0 и y_0 , которые и нужно подставить в функцию справедливости: $f(x, y)$, чтобы получить величину уголовного наказания данного вида для данного осужденного, содержащую максимум справедливости.

Последним шагом судьи будет проверка полученного результата на соответствие второму закону Госсена, чтобы строго выполнялось равенство: $\frac{mJ_x}{p_x} = \frac{mJ_y}{p_y} = \lambda$. В противном случае функция справедливости не максимизирована.

Рассмотрим конкретный пример. Пусть белорусскому судье (суду) нужно вынести обвинительный приговор с назначением уголовного наказания в отношении обвиняемого, которому инкриминировано деяние, предусмотренное ч.2 ст. 206 УК (грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, или совершенный повторно либо группой лиц, или с проникновением в жилище). В санкции статьи указано, что грабеж по ч. 2 ст. 206 УК наказывается штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на срок от двух до шести лет. Положим, что судья (суд) принимает решение избрать наказание в виде лишения свободы, и размах возможных наказаний составляет: $R = p_{max} - p_{min} = 6 - 4 = 2$ года лишения свободы или 24 месяца, откуда следует записать уравнение линии допустимых комбинаций уголовных наказаний. Максимальная величина уголовного наказания данного вида нам известна: $m = 24$ месяца лишения свободы. Цена одного балла общественной опасности преступного деяния может задаваться либо законодателем, либо Пленумом Верховного

Суда Республики Беларусь, либо судьей (судом), уполномоченным выносить приговор самостоятельно. Очевидно, что от соотношения цен баллов общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей, будет зависеть вид ЛДКУН – будут изменяться, как свободный член в уравнении: $y = a - bx$, и тангенс угла наклона линии, где $a = \frac{m}{p_y}$, $a > 0$, $b = \frac{p_x}{p_y}$, $b < 0$.

В простейшем случае, если один балл общественной опасности преступного деяния равен одному месяцу лишения свободы, и один балл общественной опасности личности, совершившей общественно опасное деяние, равен одному месяцу лишения свободы, то уравнение линии допустимых комбинаций уголовных наказаний пример вид: $y = m - x$. В нашем примере это уравнение вида: $y = 24 - x$.

Далее судье (суду) нужна принятая на вооружение белорусской фемидой функция справедливости. Положим, что это функция справедливости вида: $p = xy$, и можно составить общее уравнение справедливости: $J = xy - \lambda(24 - y - x)$, от которого нужно взять частные производные по переменным x, y, λ .

Предельная полезность на один балл общественной опасности деяния составит $mJ_x = \frac{\partial p}{\partial x} = y$ при использовании первообразной функции $p = xy$, а предельная полезность на один балл общественной опасности личности примет вид: $mJ_y = \frac{\partial p}{\partial y} = x$, откуда запишем систему алгебраических линейных уравнений:

$$\begin{cases} 0x + 1y - \lambda p_x = 0 \\ 1x - 0y - \lambda p_y = 0 \\ p_x x - p_y y - 0\lambda = m \end{cases}$$

или

$$\begin{cases} 0x + 1y - 1\lambda = 0 \\ 1x - 0y - 1\lambda = 0 \\ 1x + 1y + 0\lambda = 24 \end{cases}$$

Получаем результат: $x_0 = 12$, $y_0 = 12$ и $\lambda = 12$, что не удовлетворяет требованиям справедливости, установленным в ч. 2 ст. 206 УК.

Положим, что цена одного балла ООД составляет 2 месяца лишения свободы, а цена одного балла ООЛ 3 месяца лишения свободы, откуда общее уравнение справедливости примет вид: $J = xy - \lambda(24 - 3y - 2x)$, и мы запишем:

$$\begin{cases} 0x + 1y - 3\lambda = 0 \\ 1x - 0y - 2\lambda = 0 \\ 2x + 3y + 0\lambda = 24 \end{cases}$$

Получаем результат: $x_0 = \frac{48}{13} \approx 3,69$, $y_0 = \frac{72}{13} \approx 5,53$, и $\lambda = \frac{24}{13} \approx 1,8$, что удовлетворяет требованиям справедливости, установленным в ч. 2 ст. 206 УК РБ.

Итоговое уголовное наказание в виде лишения свободы осужденному составит: $p = x_0 \cdot y_0 = \frac{48}{13} \cdot \frac{72}{13} = \frac{3456}{169} \approx 20$ месяцев лишения свободы.

Проверим результат на соответствие второму закону Госсена: $\frac{mJ_x}{p_x} = \frac{mJ_y}{p_y} = \lambda$, получив: $\frac{\frac{48}{13}}{2} = \frac{\frac{72}{13}}{3} = \frac{24}{13}$, что соответствует в полной мере.

Таким образом, мы получили уголовно–процессуальную методику назначения судьями максимально справедливых наказаний с учетом свойств законности, обоснованности, мотивированности и справедливости обвинительных приговоров – в соответствии с белорусским уголовным и уголовно–процессуальным законодательством.

Библиографический список

1. Ольков, С. Г. Уголовно–процессуальные правонарушения / С. Г. Ольков. – Тюмень: Высшая школа МВД РФ, 1996. – 266 с.
2. Ольков, С. Г. Теория моральных и правовых многомерных оценочных пространств / С. Г. Ольков // Право и политика. – 2006. – № 2. – С. 16–26.
3. Ольков, С. Г. Математический подход к назначению наказания: теория С. Г. Олькова / С. Г. Ольков // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 6. Назначение наказания / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2021. – С. 469–544.
4. Ольков, С. Г. Математические начала теории судебных приговоров / С. Г. Ольков // Вопросы правоведения. – 2016. – № 2 (36). – С. 203–233.
5. Ольков, С. Г. Приговор по уравнению с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание / С. Г. Ольков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – №1 (18) – С. 365–376.

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ: ОТ ТЕОРИИ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ

Е. С. Бородулькина

*ведущий научный сотрудник Института правовых исследований
Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
katrin.borodulкина@gmail.com*

Анализируются предпосылки формирования восстановительного правосудия в ответ на кризис традиционной модели. Рассматривается медиация как центральный элемент восстановительного подхода и риски его практической реализации. Обосновывается национально-ориентированная модель медиации как синтез зарубежного опыта с его адаптацией к белорусской правовой системе и культурным традициям.

Ключевые слова: восстановительное правосудие; медиация в уголовном процессе; восстановительная медиация; уголовно-правовой конфликт; интересы потерпевшего.

Становление медиации в уголовном процессе Беларуси – от научных дискуссий о ее допустимости до легального закрепления в УПК Республики Беларусь (далее – УПК) в 2021 г. – отражает глобальный тренд трансформации правовых систем: от монополии карательной парадигмы к плюралистическим моделям разрешения конфликтов.

«Гипертрофия» и кризис публичного начала (в постиндустриальных обществах монополия на наказание воспринималась не как защита, а как инструмент социального контроля) [1], маргинализация жертвы и низкая эффективность ресоциализации, подтверждаемая уровнем рецидива, стали катализаторами концептуального переосмысления целей уголовной юстиции.

Впервые идеи, которые близки восстановительному подходу, были отражены в работах Н. Кристи (Nils Christie). Его статья «Конфликт как собственность» (1977) стала прорывной в этом направлении [2]. Н. Кристи сделал акцент на том, что происходит с конфликтом в современном обществе, продемонстрировав, как профессиональная система уголовного правосудия (юристы, судьи, прокуроры и др.) фактически «присвоила» конфликт у его реальных владельцев: жертвы и преступника. Государство лишило непосредственных участников возможности самим разобраться в случившемся, выразить свои чувства, найти путь к разрешению ситуации. Конфликт стал собственностью профессионалов, которые управляют им в своих интересах. Н. Кристи видел в этом потерю возможностей для подлинного примирения и исцеления. Его критика подготовила почву для идей восстановительного правосудия, выявив системную проблему, которую оно призвано решить – возвращение конфликта и контроля над его разрешением тем, кого он непосредственно касается.

Главным теоретиком и основоположником концепции восстановительного подхода является Х. Зер (Howard Zehr). В работе ученого «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» (1990) [3] был предложен принципиально

иной взгляд на правосудие. Х. Зер по-новому интерпретировал онтологию преступления: не как нарушение абстрактной нормы, а как причинение вреда конкретным социальным связям. Это сместило фокус с вопроса «Какое наказание заслужил нарушитель?» на «Какой вред причинен?», «Кто ответственен за его устранение?» и «Каким образом восстановить нарушенные отношения?».

По мнению сторонников восстановительной модели, достижение целей, стоящих перед правосудием, требовало другого уровня вовлеченности сторон, который был невозможен в рамках «пассивного» отбывания наказания. Ключевая задача данной парадигмы заключается в трансформации характера взаимодействия между участниками конфликта с переходом к подлинно субъект-субъектным отношениям, где каждый индивид признается автономной личностью, способной к осознанной ответственности и диалогу [4, с. 21]. Необходимым условием разрешения кризисной ситуации становится непосредственное взаимодействие самих сторон и совместное конструирование ими путей заглаживания вреда.

При этом восстановительное правосудие предложило не только философию, но и практический метод возвращения конфликта его подлинным «владельцам» и восстановления нарушенных связей. Ключевым инструментом «операционализации» этих принципов в уголовном процессе стала медиация как центральный элемент восстановительного подхода к правосудию [5]. Сообщество может выступать не только абстрактным «бенефициаром» государственной политики, но и активным субъектом, принимающим непосредственное участие в разрешении конфликта (в медиации сообщество в лице медиатора помогает жертве восстановить чувство безопасности и достоинства, правонарушителю – осознать последствия действий и реинтегрироваться, а социуму – исцелить отношения). То есть роль медиации нельзя свести к технике переговоров, она выступает структурированным процессом фасилитации диалога между потерпевшим и преступником, направленным на совместный поиск путей заглаживания вреда и восстановления отношений.

Институт медиации, зародившийся в 1970-х гг. в Северной Америке и Европе и развивавшийся параллельно с теорией восстановительного правосудия, впоследствии был воспринят и рядом стран постсоветского пространства (медиация как способ урегулирования уголовно-правовых конфликтов появилась в Казахстане в 2011 г., в Кыргызстане в 2017 г.). В нашем государстве институт медиации получил законодательное закрепление в Законе Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации», а его внедрение в уголовно-правовую сферу состоялось с внесением изменений и дополнений в УПК Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. №112-3: появилась возможность примирения путем заключения медиативного соглашения (ст. 301 УПК), а также дано определение медиации, медиатора и медиативного соглашения применительно к данной сфере (ст. 6).

Взвешенный подход к заимствованию институтов иностранного права, внедрение новых и трансформация традиционных правовых институтов (п.26.1 Концепции правовой политики), обозначенный как положительная тенденция национальной правовой системы, требует дополнительного обоснования внедрения «западной» модели медиации.

При этом важно отметить, что исторические корни восстановительных практик уходят в традиционные механизмы разрешения конфликтов, универсальные для различных культур. Например, в Беларуси, исторически сформировавшейся на перекрестке культурных влияний, традиции взаимопомощи («талака», «суседская дапамога») и религиозной

терпимости [6], создают социокультурный контекст для консенсусных форм урегулирования споров. Этот вывод подкрепляется и базовыми ментальными характеристиками белорусов – толерантностью, миролюбием и коллективизмом [7, с. 92–93]. Л. М. Карнозова справедливо отмечает близость принципов «restorative justice» традиционным механизмам социального регулирования, где аксиологическим ядром выступало восстановление нарушенного консенсуса через диалог и реституцию [8].

Обозначенное позволяет обосновать методологическую и ценностную основу медиации как национально-ориентированной модели, органично встраиваемой в сложившийся механизм уголовного судопроизводства. При этом полагаем, что позиционирование медиации с учетом ее глубокой созвучности традиционным белорусским подходам к восстановлению мира и справедливости может поспособствовать усилению ее легитимности в общественном сознании и лучшему восприятию социумом.

Несмотря на очевидный гуманистический потенциал восстановительного подхода, в литературе отмечается, что «многие правоприменители отрицательно относятся к восстановительной медиации, основываясь на принципе публичности (ст. 15 УПК) и уголовно-правовом принципе неотвратимости ответственности. Именно в наказании и иных мерах ответственности государство видит главный и эффективный по его мнению механизм противодействия преступности» [9, с. 49].

Есть риски и на стадии практической реализации медиации в уголовном процессе. Во-первых, это «формализация процедуры», когда весь процесс может быть сведен к документальному оформлению примирения без достижения диалога, что дискредитирует сущность подхода, превращая его в механическую процедуру. Во-вторых, возможное косвенное давление на обвиняемого, когда перспектива освобождения от уголовной ответственности будет восприниматься как единственная возможность избегания более строгого наказания. Это может вызывать сомнения в добровольности участия обвиняемого. В-третьих, это угроза вторичной травматизации потерпевшего, когда недостаточная подготовка медиаторов к работе с психологическими последствиями преступления может усугубить травму.

В целях недопущения названных рисков требуется дальнейшее развитие положений УПК о медиации. В настоящее время нормы, закрепившие возможность применения процедуры, носят преимущественно рамочный характер: «не определен статус медиатора, порядок реализации процессуальных гарантий прав личности при применении медиации, остаются не решенными вопросы приостановления производства по делу для проведения медиации» [9, с. 49], «законодательно не определены правила проведения медиации по уголовно-правовым конфликтам» [10, с. 75], недостаточно детализирована сама процедура медиации, возможность оспаривания медиативного соглашения и прочие вопросы, создающие правовую неопределенность и возможность излишне широкого усмотрения.

Таким образом, конструирование национально-ориентированной модели медиации предполагает синтез зарубежного опыта с его адаптацией к белорусской правовой системе и культурным традициям. Дальнейшая институционализация требует детальной регламентации процедуры и обеспечения процессуальных гарантий ее участников, а также формирования специализированной инфраструктуры, включая подготовку высококомпетентных медиаторов в сфере уголовной юстиции.

Библиографический список

1. Zysberg, A. Michel Foucault, Surveiller et punir. Naissance de la prison [compte-rendu] / A. Zysberg // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 1976. – Vol. 31, № 1. – P. 168–175. – URL: https://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1976_num_31_1_293703_t1_0168_0000_002 (date of access: 22.06.2025).
2. Christie, N. Conflicts as Property / N. Christie // The British Journal of Criminology. – 1977. – Vol. 17, № 1. – P. 1-15. – URL: https://www.kuleuven.be/thomas/uploads/file/hoger_onderwijs/modules/Christie_Conflicts%20as%20Property.pdf (date of access: 26.05.2025).
3. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / Х. Зер ; общ. ред. Л. М. Карнозовой ; коммент. Л. М. Карнозовой, С. А. Пашина. – М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
4. Адмиральская, И. С. Участие волонтеров в работе с несовершеннолетними правонарушителями в рамках программ восстановительного правосудия : методическое пособие / И. С. Адмиральская, Н. А. Йошпа, А. Л. Шиловская. – М. : Ин-т права и публичной политики, 2011. – 96 с.
5. Зайцева, Л. Л. Восстановительное правосудие – альтернатива уголовному преследованию [Электронный ресурс] / Л. Л. Зайцева // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – URL: <http://www.lawinstitute.bsu.by/upload/image/Biblio/zaitceva/15.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).
6. Ученые нашли истоки толерантности белорусов [Электронный ресурс] / СБ. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/ne-v-vere-delo.html> (дата обращения: 20.05.2025).
7. Демидова, И. А. Правоментальная характеристика белорусского общества / И. А. Демидова // Вест. Сибирск. юрид. ин-та МВД России. – 2019. – № 2 (35). – С. 88–96.
8. Карнозова, Л. М. Восстановительная медиация: базовые идеи и направления развития (заметки к обсуждению темы) [Электронный ресурс] / Л. М. Карнозова // Вестн. восстановительной юстиции. – 2010. – № 7. – С. 18–28.
9. Петрова, О. В. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь как новая форма защиты прав личности / О. В. Петрова // Вестн. науки и образования. – 2021. – № 16-1 (119). – С. 48–50.
10. Петрова, О. В. Восстановительное правосудие на стадии исполнения приговора / О. В. Петрова, В. И. Самарин // Право.by. – 2024. – № 1(87). – С. 69–77.

ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л. Л. Зайцева

заведующий кафедрой прокурорской деятельности

*Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников
прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
ippk.kpd@gmail.com*

В статье показана история развития права на юридическую помощь в современном национальном уголовно-процессуальном законодательстве. За 25 лет его действия статус субъектов получения юридической помощи был предоставлен ряду лиц, защищающих в уголовном процессе свои права и законные интересы. Это представители умершего подозреваемого(обвиняемого), представители пострадавшего по делам частного обвинения в случае его смерти либо неспособности по уважительным причинам выражать свою волю, свидетель и некоторые другие участники уголовного процесса. Однако при проведении проверки по заявлению или сообщению о преступлении заявитель и лицо, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, не имеют права на юридическую помощь. Предлагается устранить этот пробел в законе, определив права и обязанности указанных лиц в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе право на юридическую помощь адвоката.

Ключевые слова: конституционные права личности; право на юридическую помощь; участники уголовного процесса; стадия возбуждения уголовного дела; лица с неопределенным процессуальным статусом.

Одним из важнейших элементов механизма обеспечения прав и свобод личности в любом обществе является право на получение юридической помощи. Оказавшись в проблемной жизненной ситуации и не имея специальных юридических знаний и навыков, человек нуждается в квалифицированной помощи профессионала для осуществления и защиты своих интересов. В связи с этим право на юридическую помощь носит универсальный характер, поскольку выступает в качестве гарантии эффективной реализации всех иных прав и свобод личности. Особую значимость право на юридическую помощь приобретает в сфере уголовно-процессуальных отношений, где права человека могут быть существенно нарушены преступлением или ограничены государством.

В соответствии со ст. 62 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде и иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. Таким образом, в данной статье прямо предусмотрено, что право на юридическую помощь: а) принадлежит любому физическому или юридическому лицу и не зависит от его статуса или процессуального положения; б) может быть реализовано с участием адвоката в любое время, на любом этапе судопроизводства или стадии процессуальной деятельности. Подобное разъяснение содержится

также в п. 2 Решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 21 июня 2017 г. № Р-1089/2017 «Об обеспечении права на беспрепятственную и своевременную юридическую помощь в уголовном процессе».

УПК 1999 г. не раскрывает содержания права на юридическую помощь, фактически отождествляя его с правом на защиту. В ч. 1 ст. 44 УПК указываются лишь два субъекта получения юридической помощи (подозреваемый и обвиняемый) и субъект ее оказания (защитник – адвокат).

Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе» указано, что правом на защиту, помимо подозреваемого и обвиняемого, обладают осужденный, оправданный, а также лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости либо заболевшее после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими (п. 2). Следовательно, все указанные лица являются субъектами получения юридической помощи, которую им оказывает защитник. Кроме того, за 25 лет действия УПК обязательное участие защитника в производстве по материалам и уголовному делу возросло с 6 до 9 случаев (ч. 1 ст. 45 УПК).

В публикациях справедливо отмечается, что юридическая помощь в уголовном процессе заключается не только в защите прав и законных интересов граждан, но и в представительстве физических и юридических лиц при производстве по материалам и уголовному делу [1, с. 5; 2, с. 230; 3, с. 128]. Данная позиция изложена и в ч. 1 ст. 26 Закона от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», где видами юридической помощи названо участие адвоката в досудебном производстве и суде по уголовным делам в качестве защитника, а также представителя потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков. Это означает, что названные участники уголовного процесса также являются субъектами получения юридической помощи, которую им оказывает представитель – адвокат.

Следует отметить, что за четверть века в УПК был существенно расширен круг субъектов получения юридической помощи, поскольку статус участника уголовного процесса был предоставлен ряду новых лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы. Так, в 2009 г. такой статус получило лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства об оказании международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи. Для получения юридической помощи это лицо может иметь защитника, права и обязанности которого регламентированы в законе (ст. 507–509 УПК).

В 2017 г. статус участников уголовного процесса получили представители умершего подозреваемого, обвиняемого и лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, в случае их несогласия с отказом в возбуждении уголовного дела или прекращением производства по уголовному делу. Для осуществления защиты прав и законных интересов умершего эти лица могут пользоваться юридической помощью, которую им оказывает защитник-адвокат (ст. 57¹ и ст. 57² УПК).

В 2018 г. в УПК появился новый участник уголовного процесса – адвокат свидетеля, которого последний вправе пригласить для участия в следственных действиях и

оказания ему юридической помощи (ст. 60¹ УПК). Полагаем, что данного участника следовало назвать представителем свидетеля, что полностью соответствует выполняемой адвокатом функции, и наделить его правами, которые имеет представитель потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика [4, с. 110], а также отдельными правами защитника [5, с. 230].

В то же время в уголовном процессе имеется такая стадия, в которой права ее участников, защищающих свои или представляемые интересы, вообще не регламентированы. Это стадия возбуждения уголовного дела, где участвуют заявитель, являющийся, как правило, пострадавшим от преступления, и лицо, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Последний появился в УПК только в 2017 г. и иными словами его можно назвать лицом, в отношении которого проводилась проверка по заявлению или сообщению о преступлении. Правовой статус этих участников, действующих до возбуждения уголовного дела, до сих пор должным образом в УПК не урегулирован. Такой недостаток имеется и в УПК РФ.

Вместе с тем для того, чтобы стать полноправным участником уголовного процесса, лицо должно обладать правосубъектностью, т. е. иметь соответствующие права и нести обязанности (процессуальная правоспособность), а также иметь возможность лично их реализовывать и выполнять (процессуальная дееспособность). Кроме того, лицо должно соответствовать предписанным требованиям, которые предъявляются законом к конкретному участнику [6, с. 90]. Только тогда оно приобретает определенный статус, установленный УПК, выступает в качестве субъекта правоотношений и становится участником уголовного процесса.

В отношении лиц, действующих в стадии возбуждения уголовного дела, указанные требования в полной мере не выполнены. Если определение заявителя дается в п. 10 ст. 6 УПК, то о лице, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, лишь упоминается в ч. 2 ст. 178 и ч. 1 ст. 178¹ УПК. При этом характеристика их правового статуса как лиц, защищающих свои или представляемые права и интересы, в главе 6 УПК отсутствует.

Следует отметить, что в юридической литературе в отношении таких лиц даже применяется особый термин – «участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом». К ним относятся субъекты, о которых упоминается в различных статьях УПК, но их правовой статус, права и обязанности законодателем не определены [7, с. 206]. В их число включают заявителя, пострадавшего от преступления, осужденного, оправданного и др.

Как известно, понятие «участники уголовного процесса» раскрывается в п. 49 ст. 6 УПК не через указание на присущие им признаки, а посредством перечисления лиц, которые входят в их круг. Это должностные лица государственных органов, лица, вступающие или вовлекаемые в производство по материалам и уголовному делу в определенном процессуальном статусе, а также иные лица, принимающие участие в уголовном процессе в соответствии с УПК. Тем самым законодатель разъясняет, что термин «участники уголовного процесса» следует понимать в самом широком смысле. Фактически любые лица (органы), принимающие участие в производстве по материалам и уголовному делу, согласно указанной норме, являются участниками уголовного процесса, даже если они не перечислены в п. 49 ст. 6 УПК [8, с. 94]. Последнее замечание

относится в том числе к заявителю и лицу, в отношении которого проводилась проверка и принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Ситуация с обеспечением прав указанных лиц усугубляется в связи с неограниченной продолжительностью стадии возбуждения уголовного дела. Если ранее проверка заявления или сообщения о преступлении для решения вопроса о возбуждении уголовного дела проводилась в срок не более 10 суток и могла быть продлена до одного месяца (ч. 1 ст. 108 УПК БССР), то сегодня ее срок может быть продлен до трех месяцев (ч. 1 ст. 173 УПК). Кроме того, в 2017 г. появилась возможность приостановления такой проверки до трех месяцев, а в 2019 г. – свыше трех месяцев без указания ее предельного срока (ч. 2 ст. 173³ УПК). Следовательно, в течение достаточно длительного времени заявитель и лицо, в отношении которого проводится проверка, не имеют никаких процессуальных прав для отстаивания своих законных интересов.

Эти лица не могут заявить отводы или ходатайства органу, осуществляющему проверку заявления или сообщения о преступлении, не могут пригласить адвоката для оказания юридической помощи. И лишь после принятия решения им сообщается о возбуждении уголовного дела, отказе в возбуждении уголовного дела либо прекращении проверки. При этом заявителю и лицу, в отношении которого принято решение, направляется копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, разъясняются право и порядок обжалования постановления, а также право ознакомления с материалами проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ч. 2 ст. 178 и ст. 178¹ УПК). Тем не менее, полагаем, что с учетом существующих сроков проверки этих прав явно недостаточно для защиты законных интересов указанных лиц.

О необходимости правовой регламентации процессуального статуса лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, неоднократно обращалось внимание в научных публикациях российских [9, с. 205; 10, с. 470; 11, с. 30] и белорусских авторов. Последние, в частности, отмечали, что лицо, пострадавшее от преступления, заявившее о совершенном в отношении него уголовно наказуемом деянии и требующее установления виновного лица и возмещения причиненного ему вреда, до возбуждения уголовного дела является совершенно бесправным [12, с. 138]. Предлагалось дополнить УПК ст. 50¹ «Пострадавший», где изложить его процессуальный статус [13, с. 140–141], и наделить его правом на юридическую помощь [14, с. 47]. Однако эти предложения до сих пор не нашли своего воплощения в законодательстве Республики Беларусь.

В связи с этим представляет интерес решение этого вопроса в УПК РФ. Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности и обеспечивается возможность осуществления этих прав, в том числе право пользоваться услугами адвоката, если производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Следовательно, право на юридическую помощь предоставлено всем лицам, которые участвуют при проведении проверки. При этом ее максимальный срок не может превышать 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Вместе с тем, российский законодатель не дифференцировал участников проверки сообщения о преступлении на группы в зависимости от процессуальных интересов, а также в зависимости от принадлежности права пользоваться помощью адвоката-представителя или адвоката – защитника [15, с. 95]. Поэтому на практике реализация в пол-

ном объеме этого права нередко вызывает трудности, обусловленные неопределенностью процессуального статуса адвоката, а также процессуального статуса лица, интересы которого необходимо представлять или защищать адвокату. Устранение этого недостатка связано с дальнейшим совершенствованием законодательства, направления которого предлагаются в научной литературе [16, с. 268].

Таким образом, несмотря на существенное расширение круга субъектов получения юридической помощи в уголовном процессе Республики Беларусь, отдельные его участники не имеют возможности своевременно реализовать это важное конституционное право личности. Для устранения этого пробела в УПК возможны два пути: а) регламентировать правовой статус заявителя и лица, в отношении которого проводится проверка по заявлению или сообщению о преступлении, предоставив им право на получение юридической помощи адвоката в стадии возбуждения уголовного дела; б) наделить таким правом всех лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проведении проверки, что будет полностью соответствовать требованиям ст. 60 Конституции Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Савич, О. Д. Право на юридическую помощь в уголовном процессе: автореф. дис....канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. Д. Савич – Минск, 2006. – 21 с.
2. Якимович, Ю. К. Участие адвоката в уголовном процессе / Ю. К. Якимович // Уголовная юстиция. – 2015. – № 1. – С. 80–84.
3. Карпушов, М. А. О соотношении понятий «представительство» и «защита» в российском уголовном судопроизводстве / М. А. Карпушов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2016. – № 2. – С. 127–129.
4. Савич, О. Д. О необходимости дополнительных гарантий прав свидетеля / О. Д. Савич // Права человека и правосудие по уголовным делам в Республике Беларусь: сб. науч. стат.; науч. ред. Л. Л. Зайцева. – Минск: Тесей, 2003. – С. 106–111.
5. Францифоров, Ю. В. Юридическая помощь адвоката в уголовном судопроизводстве / Ю. В. Францифоров, С. И. Анненков, А. Ю. Францифоров // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2022. – № 2. – С. 228–236.
6. Таран, А. С. Уголовно-процессуальная правосубъектность: постановка проблемы / А. С. Таран // Юрид. Вестн. Самарского гос. ун-та. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 87–92.
7. Смоликова, И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / И. В. Смоликова // Изв. Байкальского гос. ун-та. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 205–210.
8. Уголовный процесс: учеб. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.]; под ред. Л. Л. Зайцевой, В. И. Самарина. – Минск: БГУ, 2023. – 591 с.
9. Гладышева, О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / О. В. Гладышева. – Краснодар: ЭДВИ, 2008. – 300 с.
10. Амельков, Н. С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве / Н. С. Амельков // Актуальные проблемы рос. права. – 2014. – № 3. – С. 469–474.
11. Морозова, Ю. А. Заявитель о преступлении в уголовно-процессуальном праве России / Ю. А. Морозова // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та, серия «Право». – 2024. – № 4. – С. 25–32.

12. Кукреш, Л. И. Является ли заявитель, пострадавший от преступления, участником уголовного процесса / Л. И. Кукреш // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права: материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 окт. 2003 г. / Бел. гос. ун-т; редкол. А. В. Барков [и др.] – Минск : БГУ, 2003. – С. 137–139.

13. Швед, А. И. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь / А. И. Швед. – Минск : Харвест, 2007. – 432 с.

14. Солтанович, А. В. О совершенствовании правовой регламентации оказания адвокатами юридической помощи участникам уголовного процесса в Республике Беларусь / А. В. Солтанович // Обучение в университете дисциплинам в сфере уголовной юстиции : сб. мат.-лов науч.-метод. конф., 23 мая 2023 г., Минск. / Белорус. госуд. ун-т; под ред. А. А. Данилевича, О. В. Петровой. – Минск : БГУ, 2023. – С. 44–47.

15. Нечушкина, К. А. Проблемы оказания адвокатом юридической помощи участникам проверки сообщения о преступлении / К. А. Нечушкина // Журнал Юристъ–Правоведъ. – 2018. – № 2. – С. 93–98.

16. Крысина, Н. Р. Квалифицированная помощь адвоката при проверке сообщения о преступлении / Н. Р. Крысина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 267–269.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КОНТУРЫ ОХРАНЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Р. Н. Ключко

*заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент
r.kliuchko@grsu.by*

В статье исследуется проблема трансформации уголовного законодательства с учетом изменения спектра информационных угроз национальным интересам в информационной сфере. Отмечается, что новеллизация уголовного законодательства обусловлена развитием ценностно-нормативной системы общества, обеспечивает фактическую нормативную фиксацию в качестве объекта уголовно-правовой охраны информационной безопасности как интегративного комплексного объекта уголовно-правовой охраны, включающего технологический (компьютерная безопасность) и социально-гуманитарный (информационно-психологическая безопасность личности и общества) компоненты. Предлагается нормативное закрепление информационной безопасности в перечне объектов уголовно-правовой охраны в ст. 2 УК Республики Беларусь.

Ключевые слова: уголовный закон; информационная безопасность; информационно-психологическая безопасность; компьютерная безопасность; деструктивное информационное воздействие.

Информационная сфера представляет сложную техно-социальную систему и определяется через совокупность «информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений» (Концепция информационной безопасности Республики Беларусь).

ИКТ, конвергентные технологии в прогрессии трансформируют информационную сферу, обуславливают потребность в совершенствовании имеющихся и формировании новых правовых механизмов регулирования информационных отношений, в том числе обеспечения информационной безопасности – состояния защищенности информационного пространства, информационной инфраструктуры, информационных ресурсов от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Правовую фиксацию уровня значимости сферы общественных отношений по обеспечению информационной безопасности в структуре национальной безопасности обеспечила Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. В документе отмечается важность правового закрепления основ государственной политики по защите национальных интересов в информационной сфере, повышения эффективности функционирования механизмов реагирования на риски, вызовы и угрозы информационной безопасности (п. 4). В Концепции впервые в отечественном правовом поле четко дифференцируются два самостоятельных измерения информационной сферы: гуманитарное и технологическое; отмечается, что «основополагающим национальным интересом Республики Беларусь в информационной сфере с точки зрения гуманитарного

аспекта является реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, свободу мнений, убеждений и их свободного выражения, а также права на тайну личной жизни» (п.9); *информационно-психологическая компонента информационной сферы* постулируется как ее самостоятельный структурный элемент (п. 43), а в качестве самостоятельных объектов защиты в сфере информационной безопасности определяются *индивидуальное, групповое и массовое сознание* (п. 34).

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь в системе основных национальных интересов в информационной сфере наряду с *технологическим* (устойчивое функционирование национальных информационных систем и инфраструктуры, ресурсов, сохранение информации, распространение, предоставление которой ограничено) фиксирует *социально-гуманитарный* компонент (сохранение национальной идентичности и исторической памяти, дальнейшее развитие безопасной информационной среды и информационного общества, защиту общества от деструктивного информационного воздействия). В спектре основных угроз национальной безопасности в документе стратегического планирования обозначены ухудшение состояния законности и правопорядка, пропаганда или оправдание правонарушений; рост количества преступлений и иных правонарушений, связанных с использованием ИКТ; деструктивное информационное воздействие на личность, общество, в первую очередь на молодых граждан страны и государственные институты, наносящее вред национальным интересам Республики Беларусь; искажение исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа (п. 29). С учетом зафиксированных угроз и отмеченной тенденции роста преступности в информационной сфере (п. 25) формирование эффективных уголовно-правовых механизмов противодействия таковой сегодня является экзистенциальной потребностью. Трансформация угроз причинения вреда национальным интересам и механизмов их реализации в информационном пространстве, использование деструктивного информационного воздействия в целях причинения вреда личной, общественной и государственной безопасности объективно обуславливают потребность совершенствования правовых механизмов противодействия им.

Правовой реакцией на новые по характеру и степени опасности информационные угрозы являются и новации отечественного уголовного законодательства. Дополнения и изменения уголовного законодательства последних лет связаны, прежде всего, с криминализацией либо выделением новых специальных составов деструктивного информационного воздействия (ст. 131-1, 131-2, 203-1, 289-1, 290-2, 341-1, 342-1, 361, 361-4, 369-1, 369-3 УК), тогда как в нормы, предусматривающие ответственность за преступления против компьютерной безопасности, почти за четверть века вносились лишь отдельные изменения и дополнения, не меняющие стратегические подходы к ее охране. Можно прогнозировать и развитие вектора криминализации информационных деяний с учетом перемещения преступности из реальной в виртуальную среду (например, на повестке дня уже сегодня остро стоит вопрос установления правовых запретов на создание, распространение и предоставление дипфейков). Указанные тенденции свидетельствуют о расширении вектора уголовно-правовой охраны прежде всего социально-гуманитарной составляющей информационной безопасности, реализуемого посред-

ством криминализации отдельных видов деструктивного информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание, имеющей в основе признание его в документах стратегического планирования угрозой национальным интересам.

Формированию системного подхода к совершенствованию уголовного закона, который закрепляет гарантии безопасного информационного оборота, защиты информационного суверенитета личности, общества и государства, способствует созданная в документах стратегического планирования методологическая основа развития правовой политики. Политическая идея укрепления национальной государственности как неотъемлемого условия обеспечения прав и свобод человека и общественных интересов с соблюдением их баланса в условиях развития информационного общества риска образует фундамент для оптимизации уголовно-правовой матрицы информационной безопасности, вписываемой в координаты Концепции правовой политики Республики Беларусь, которая закрепляет задачи «повысить защиту информационного суверенитета страны, разрабатывать наднациональные стандарты и правила в области информационной безопасности с акцентом на продвижение национальных правовых интересов» (п. 42.2).

Признание деструктивного информационного воздействия на общественное сознание угрозой национальной безопасности и необходимость защиты информационной сферы для сохранения государственного суверенитета неоднократно подчеркивались Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [1; 2]. Глава государства, отмечая глобальные масштабы ведения информационной борьбы в виде информационной войны [3], акцентировал внимание на негативных тенденциях в сфере информационной безопасности: «СМИ превратились в реальное оружие. Постправда, бесконечные фейки, манипулирование общественным мнением, завладение финансовыми средствами, организация государственных переворотов имеют транснациональный характер и по своей мощи опаснее любой военной интервенции» [4]. В современных условиях с учетом новых вызовов и угроз обеспечение безопасности «сферы смыслов», образующей неотъемлемый социально-гуманитарный компонент информационной безопасности, становится одним из приоритетов в сфере национальной безопасности.

Новеллизация уголовного законодательства, обусловленная развитием ценностно-нормативной системы общества, проявляет фактическую трансформацию спектра объектов уголовно-правовой охраны, обеспечивая охрану информационной безопасности как интегративного комплексного объекта уголовно-правовой охраны, включающего технологический (компьютерная безопасность) и социально-гуманитарный (информационно-психологическая безопасность личности и общества) компоненты. Фактическая охрана нормами уголовного закона информационной безопасности в таком ее понимании, следующая из системного толкования положений особенной части уголовного закона, требует ее нормативной фиксации в перечне объектов уголовно-правовой охраны в ст. 2 УК.

Дальнейшее формирование эффективной системы правовых средств обеспечения информационной безопасности должно основываться на результатах научного анализа ресурсных возможностей права как социального регулятора новых видов информационных отношений. Самостоятельному анализу подлежит проблема допустимости, необходимости и возможных пределах «вторжения» уголовного права в сферу свободного информационного обмена в целях обеспечения безопасности его акторов различных уровней – от индивидуального (личного) до коллективного (общественного, национального, международного) – с соблюдением баланса их интересов. Необходимым

представляется самостоятельное теоретико-правовое обоснование использования уголовно-правового механизма для обеспечения социально-гуманитарной составляющей информационной безопасности посредством противодействия деструктивному информационному воздействию как виду общественно опасного деяния, характеризующемуся особым механизмом причинения вреда личной, общественной и государственной безопасности. Качественно новый уровень научного осмысления роли и значения охранительного потенциала уголовного права в условиях цифровой трансформации, определение оснований и пределов уголовно-правовых запретов в сфере информационного оборота в целях обеспечения технологической и социально-гуманитарной составляющих информационной безопасности будут способствовать достижению цели обеспечения национальных интересов Республики Беларусь в информационной сфере.

Действующая система уголовно-правовых средств противодействия информационным угрозам основана на дифференциации интересов личности, общества и государства, фактически соответствует современному пониманию информационной безопасности как сложного интегративного объекта правовой охраны, а деструктивного информационного воздействия как акта преступного поведения. Система национальных интересов в информационной сфере, определенная в документах стратегического планирования, методологически являет собой аксиологическую основу формирования механизмов уголовно-правового обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства. Рациональные криминализация и пенализация информационных деяний должны использоваться в качестве «последнего аргумента» обеспечения правопорядка в сфере информационного оборота с обеспечением баланса частных и публичных интересов и на основе учета имманентной взаимосвязи личной, общественной и государственной безопасности в условиях трансформации информационных угроз.

Библиографический список

1. Встреча с руководителями органов безопасности и специальных служб государств – участников СНГ // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-rukovoditelyami-organov-bezopasnosti-i-specialnyh-služhb-gosudarstv-uchastnikov-sng> (дата обращения: 27.09.2024).
2. Встреча с секретарями Советов безопасности государств – членов ОДКБ // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-sekretaryami-sovetov-bezopasnosti-gosudarstv-chlenov-odkb> (дата обращения: 27.09.2024).
3. Встреча со студентами инженерно-технических вузов Минска в формате «Открытый микрофон» // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/posesenie-belorusskogo-gosudarstvennogo-universiteta-informatiki-i-radioelektroniki> (дата обращения: 27.09.2024).
4. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на II Минской международной конференции по евразийской безопасности. // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/ii-minskaa-mezdunarodnaa-konferencia-po-evrazijskoj-bezopasnosti> (дата обращения: 01.11.2024).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА» И «СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

И. А. Лапина

*доцент кафедры криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются вопросы организации и проведения судебных экспертиз в современных условиях, их процессуальное значение и научно-методическое обеспечение. Исследуется необходимость и возможности использования специальных знаний сведущих лиц (экспертов и специалистов) в процессе осуществления правосудия.

Ключевые слова: специальные знания; сведущее лицо; судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; судебный эксперт.

Судебная экспертиза прошла в своем становлении несколько сложных этапов научного и практического признания в качестве самостоятельной и важной сферы человеческой деятельности при исследовании отдельных доказательств и осуществлении правосудия в целом. Изначально (до середины XIX в.) судебная экспертиза рассматривалась как способ использования специальных знаний сведущего лица с целью получения данных, которые можно было бы принять в качестве доказательства по делу. Сведущими людьми назывались «лица, приглашаемые к следствию и суду для наблюдения и установления обстоятельств, познание которых требует специальных сведений в науке, искусстве, ремесле или иной области, для предъявления суду своего заключения или мнения о таких обстоятельствах» [1, с. 86–88]. С тех пор, надо отметить, само понимание целесообразности привлечения в рамках процессуальной деятельности отдельных специалистов или экспертов, по существу, не изменилось.

Преобразования, связанные с повсеместным внедрением цифровых технологий, обусловили существенную цифровую трансформацию судебно-экспертной деятельности [2; 3]. Особое внимание следует уделять анализу распространения информационных материалов, которые могут способствовать формированию и протеканию деструктивных процессов. В этой связи все большую востребованность приобретает развитие судебных экспертиз социально-гуманитарного профиля, что позволяет говорить о формировании самостоятельного класса судебных социально-гуманитарных экспертиз [4, с. 129].

В современных реалиях по-прежнему суду и следствию зачастую требуется информация далеко за пределами правового поля, владение которой позволяет переоценить и детально рассмотреть фактические данные, собранные при проведении процессуальных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий. Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон о СЭД) использует понятие «судебная экспертиза» в отношении экспертизы, назначенной и проведенной в порядке, установленном процессуальным законодательством; в то время как судебно-экспертная деятельность определяется в качестве деятельности по организации проведения,

контролю за проведением, проведению судебных экспертиз и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций, осуществляемой судебно-экспертными организациями и судебными экспертами. При этом задачами судебно-экспертной деятельности выступают следующие: создание условий для применения в уголовном, гражданском, хозяйственном и административном процессах специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности, а также оказание содействия органам, ведущим уголовный, гражданский, хозяйственный и административный процессы, в выполнении возложенных на них задач с использованием специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности.

Ст. 1 Закона о СЭД достаточно лаконично определяет термин «судебная экспертиза», делая акцент ее процессуальную значимость. Характеристики судебной экспертизы дает и процессуальное законодательство, обобщение которых указывает на главное: относимость используемых в судопроизводстве знаний к категории специальных (за исключением знаний юридических, которые тоже обладают характеристикой «специальные» в широком смысле). Однако, анализируя нормы законодательства и сложившуюся практику, следует отметить нетождественность понятий и процессов «использование специальных знаний», «проведение судебной экспертизы» и «осуществление судебно-экспертной деятельности».

Формированию понятия «судебно-экспертная деятельность» предшествовали научные дискуссии о роли и значении правового института судебной экспертизы в целом. Так, А. Р. Шляхов отмечал, что «судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее в исследовании обстоятельств дела, проводимом по поручению следователей и судов в предусмотренном законом порядке сведущими в науке, технике, искусстве или ремесле лицами для установления фактических данных, служащих в форме заключения эксперта средством судебного доказывания, а в конечном итоге – установления объективной истины по уголовным и гражданским делам» [5, с. 7]. А. И. Винберг рассматривал несколько точек зрения на теорию и юридическую природу экспертизы. С одной стороны, констатировался тот факт, что «...заключение эксперта отождествлялось с приговором суда, а эксперт уподоблялся «научному судье» [6, с. 66], т.е. указывалось на большое значение результатов экспертизы и мнения эксперта. С другой стороны, справедливо, в процессуальном плане, отмечалось, что «...эксперту отводилась роль свидетеля»; «существовала также теория, согласно которой экспертиза рассматривалась как вид личного досмотра, а экспертам отводилась роль помощников судьи», и делался вывод о невозможности «состязательной экспертизы» в виду отсутствия в СССР института экспертов обвинения и защиты, также как свидетелей обвинения и защиты [6, с. 66–71]. Л. Е. Владимиров также считал, что научным экспертам необходимо предоставить право ознакомления со всеми обстоятельствами дела для того, чтобы добыть себе материалы для исследования; в этих же целях им следует разрешить присутствовать при производстве судебного следствия и участвовать в допросах свидетелей и подсудимого [7, с. 241].

А. В. Дулов рассматривал судебную экспертизу как «процессуальную деятельность специалистов различных отраслей знаний по исследованию конкретных обстоятельств, материалов, объектов уголовного дела с целью расширения познаний для следствия и суда для установления истины по делу» [8, с. 6–14]. По мнению Е. Р. Россинской сущность судебной экспертизы состоит в исследовании (анализе) по заданию следователя, дознавателя, суда, лица или органа, осуществляющего производство по делу

об административном правонарушении, сведущим лицом – экспертом – предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств), а также различных документов с целью установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела [9, с. 19].

Согласно одному из российских учебно-методических пособий судебная экспертиза – это отличная от других специфическая разновидность экспертизы, обладающая особым статусом и представляющая собой исследование, основанное на использовании специальных знаний и выполняемое в ходе судопроизводства по гражданским, административным и уголовным делам, делам по административным правонарушениям. Кроме того, судебные экспертизы производятся при рассмотрении дел в Конституционном Суде Российской Федерации [10, с. 6].

Таким образом, наиболее широким является понятие «использование специальных знаний», а наиболее узким – «проведение судебной экспертизы». В то время как судебно-экспертная деятельность состоит в организации, проведении судебной экспертизы и их научно-методическом и ином обеспечении. Полагаем, что институт использования специальных знаний в ближайшее время будет активно развиваться, а судебно-экспертная деятельность – приобретать все более профессиональный характер. Среди судебных экспертов лидирующие позиции занимали, занимают и будут продолжать занимать работники государственных судебно-экспертных учреждений. Их компетентность и различные виды обеспечения (научно-методического, материально-технического, финансового и др.) будут оставаться на самом высоком уровне.

Библиографический список

1. Смирнова, С. А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века / С. А. Смирнова. – СПб. : Питер принт, 2004. – 874 с.
2. Роль цифровой трансформации в развитии судебной экспертологии / А. И. Усов, Г. Г. Омелянюк, И. А. Лапина [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 47–57.
3. Лапина, И. А. Новые тенденции в сфере судебно-экспертной деятельности как ответ на вызовы современности / И. А. Лапина, Г. Г. Омелянюк, А. И. Усов // Судебная экспертиза Беларуси. – Т. 1. – 2021. – С. 5–13.
4. Лапина, И. А. Отражение закономерностей научного познания в развитии судебно-экспертной деятельности // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и делам об административных правонарушениях: сб. материалов XIII междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 25 окт. 2024 г. – Уфа : Научно-исследовательский ин-т проблем правового государства, 2024. – С. 128–133.
5. Шляхов, А. Р. Судебная экспертиза : организация и проведение / А. Р. Шляхов. – М. : Юрид. лит., 1979. – 168 с.
6. Винберг, А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы / А. И. Винберг. – М. : Госюриздат, 1949. – 132 с.
7. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – Тула: Автограф, 2000. – 464 с.
8. Дулов, А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во Мин-ва высш., среднего спец. и проф. образования БССР, 1962. – 408 с.
9. Россинская, Е. Р. Основы судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская, А. М. Зинин, Н. В. Милосердова – М., 2024. – 216 с.
10. Основы судебной экспертологии : Учебно-методическое пособие / А. И. Усов, Г. Г. Омелянюк, А. Ю. Бутырин [и др.]. – М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2023. – 384 с.

КОММУНИКАЦИЯ И СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА УЧАСТНИКОВ ОБЩЕНИЯ

Т. А. Лапунина

*начальник научного отдела гуманитарных исследований Научно-практического
центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь,
кандидат филологических наук
tatianalapaa17@gmail.com*

Д. В. Жолудева

*старший научный сотрудник лаборатории технических и криминалистических
исследований научного отдела технических, криминалистических
и специальных исследований Научно-практического центра
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
dukufia@sudexpertiza.by*

Т. Н. Сакун

*научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований
научного отдела гуманитарных исследований Научно-практического центра
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
nikusha-08@yandex.by*

В статье рассматриваются особенности анализа коммуникативной ситуации электронных текстов в судебной лингвистической экспертизе. Особое внимание уделяется оппозиции «адресат – адресант» и её частным реализациям. Устанавливается зависимость параметров «адресат» и «адресант» от формы текстовой организации, условий размещения текста в интернет-пространстве. Приводятся конкретные примеры реализации различных параметров «адресат» и «адресант» в текстах интернет-коммуникаций.

Ключевые слова: коммуникация; коммуникативная ситуация; адресант; адресат; квази-адресант; суперадресант; квазиадресат; суперадресат; монолог; диалог.

Коммуникация посредством естественного языка и других знаковых систем является определяющей составляющей развития человечества, однако эпоха интернета вносит в теорию коммуникации существенные коррективы, связанные со спецификой электронного текста. Вследствие этого существующие на сегодняшний день модели коммуникации нуждаются в соответствующих коррективах, о чем свидетельствует предложенный ниже краткий обзор основных моделей.

Так, широко известна основанная на математической теории модель К. Шеннона – У. Уивера, которая описывает коммуникацию как взаимодействие пяти основных компонентов: источника (создаёт сообщение), передатчика (преобразует сообщение в сигнал), канала, приёмника (преобразует сигнал в сообщение) и получателя. Однако вме-

сте с полезной информацией передаются и фоновые шумы – помехи, искажающие сообщение. Преодоление шумов связывается с избыточностью сигналов в результате повторения частей сообщения для предупреждения коммуникативной неудачи [1].

Разработанная в 1940-х гг. американским политологом Г. Лассвеллом модель массовой коммуникации предусматривает ответы на следующие вопросы: *Кто* сообщает? (коммуникатор – источник или отправитель сообщения); *Сообщает что?* (содержание сообщения); *По какому каналу?* (способ передачи информации); *Кому?* (коммуникант или получатель, аудитория); *С каким эффектом?* (цель коммуникации) [2].

В 1975 году Р. Якобсоном предложена простая и практичная лингвистическая модель коммуникации, представленная 6 функциями языка. *Адресант*, устанавливая *контакт* с *адресатом*, посылает ему *сообщение*, которое *кодируется* в зависимости от выбранного канала коммуникации. Для успешной коммуникации также важен *контекст* [3].

Общепринятой в современной науке является такая междисциплинарная модель вербальной коммуникации, которая представляет собой совокупность компонентов: *адресант* и *адресат*, само *сообщение*, которое передается посредством определенного *канала* и *кода*; *шум*, который влияет на качество сообщения. Между адресантом и адресатом существует *обратная связь*, коммуникативный процесс осуществляется в определенном, всегда заданном, *контексте*.

Для целей судебной лингвистической экспертизы (СЛЭ) традиционно применяется *понятие коммуникативной ситуации* – это «конкретная ситуация общения, в которую входят партнеры по коммуникации; условия и способы реализации коммуникативной задачи» [4]. Исследование коммуникативной ситуации создания речевого произведения – обязательный этап проведения любой СЛЭ; пропуск данного этапа недопустим.

Наиболее близкой к приведённому выше определению понятия коммуникативной ситуации является модель, предложенная В. И. Карасиком и включающая участников и условия общения [5]. При этом участники могут иметь как ролевые, так и индивидуальные характеристики; первые подразделяются на социальные и коммуникативные отношения, вторые могут иметь как постоянные, так и переменные качества. К условиям общения относятся внутренние и внешние условия. Внутренние характеризуются совокупностью целей и средств общения, а внешние условия – обстоятельствами и локусом общения.

Таким образом, при анализе коммуникативной ситуации в СЛЭ традиционно определяются характеристики адресанта, адресата текста, кода, канала коммуникации, условия, обстоятельства коммуникации; лингвистический и экстралингвистический контекст, функционально-стилистические характеристики общения.

В связи с развитием интернет-технологий и возможностями реализации составительской функции оппозиция «адресант – адресат» (соответственно отправитель и получатель сообщения) массово приобретает новые характеристики, связанные с введением таких участников коммуникации как квазиадресант, суперадресант, квазиадресат, суперадресат [6].

При этом понятие квазиадресанта (квази – от лат. «quasi» – как будто, будто бы) связано с реализацией следующих ситуаций: это конкретное лицо, выполняющее функцию простого воспроизведения; это лицо, чей текст используется в качестве материала при составлении нового текста; лицо, осуществляющее корректировку текста; синтезированная дикторская речь; имитируемый автор-адресант.

Для суперадресанта (супер – от лат. «super» – сверху, над) характерны различные роли. При этом он не участвует в коммуникации непосредственно, а инициирует коммуникативную ситуацию, является источником задания (сценария) либо наблюдателем-контролером для адресанта; суперадресантом может быть автор при имитации признаков индивидуально-личностных характеристик, пола, возраста, национальности и др.

Квазиадресат – формальный адресат, которому в действительности не предназначено сообщение. Суперадресат – реальный адресат, тот, на кого ориентировано содержание сообщения (при наличии формального адресата) [6].

Примеры определения состава участников интернет-коммуникации в СЛЭ

Адресант:	Квазиадресант:	Суперадресант:	Адресат:	Суперадресат:
А-ов А. А. (выступает с устным сообщением на фоне символики организации В...L)	–	Руководители канала В...L	Подписчики канала «В...L»	Все пользователи интернета, включая видеохостинг «YouTube»
Неустановленное лицо, отправившее сообщение под никнеймом «Любовь» (предполож. Н-ов Д. Н.)	Потерпевшая Н-ва Л. А., от имени которой в группе Viber размещены сообщения оскорбительного характера	–	28 участников закрытой рабочей группы Viber «П...са, 7 цех»	Совпадает с адресатом
Адресант неперсонифицирован (группа единомышленников)	–	Организаторы телеграмканала «А...й С...в»	Подписчики телеграм-канала «А...й С...в»	Все пользователи интернета, включая интернет-мессенджер Telegram

Отличительной чертой анализа коммуникативной ситуации в последнем случае является отсутствие персонифицированного адресанта, а также наличие суперадресанта, представленного организаторами данного канала как составной части интернет-мессенджера Telegram.

В случае размещения видеороликов на видеохостингах суперадресант по аналогии с телеграм-каналами представлен руководителями канала на видеохостинге, адресантом выступает лицо, фигурирующее в видеоролике в качестве спикера, ведущего и т. д. и транслирующее повестку и сценарий суперадресанта.

Адресатами в случае размещения постов в открытом телеграм-канале и на YouTube-канале будут выступать подписчики данных каналов, а суперадресатами – абсолютно все пользователи интернета, включая пользователей мессенджера Telegram и видеохостинга YouTube, которые потенциально могут подписаться на данные каналы. В случае организации закрытых чатов, вход в которые ограничен и может быть осу-

ществлен только посредством перехода по ссылке-приглашению в чат, суперадресатами всё равно остаются все пользователи интернета, поскольку гипотетически ссылка может быть направлена любому пользователю. То есть усложненная процедура входа за счёт необходимости соблюдения некоторых предохранительных мер по сокрытию своей противозаконной деятельности со стороны владельцев деструктивных чатов фактически круг суперадресатов не сужает.

В качестве примера реализации функции квазиадресата можно привести деятельность многочисленных некоммерческих организаций (НКО), прекративших свое существование после 2020 года. Под предлогом проведения так называемой «зелёной» политики, направленной на охрану окружающей среды, заботу об экологии, защиту прав бездомных животных и т.д. данные НКО в реальности осуществляли деятельность по продвижению политических интересов, враждебных существующему государственному устройству, угрожающих суверенитету Республики Беларусь и направленных на дестабилизацию ситуации в стране. Таким образом, размещая свои информационные повестки на различных площадках в интернет-пространстве, группах в социальных сетях, каналах в мессенджерах и т.п., такие НКО имели квазиадресата – граждан, равнодушных к проблемам окружающей среды и желающих внести свой посильный вклад в ее охрану. Реальным же адресатом указанных НКО были люди, потенциально согласные принимать участие в дестабилизации политической обстановки в нашей стране. «Оказывается, вот эти НКО, общества защиты собачек, кошечек, животных никогда никого и не защищали. И не собирались защищать. Под этой модной вывеской нам подбрасывали (а мы радовались) политически ангажированных людей», – отметил в своем выступлении на республиканском семинаре-совещании «Актуализация методов и форм работы с населением на местном уровне» Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [7].

Адресант и адресат текста определяются в зависимости от формы организации текста – монологической или диалоговой. При монологической форме адресантом является, как правило, одно лицо, адресат может быть персонифицирован или неперсонифицирован: массовый конкретизированный (определенная группа лиц) или неконкретизированный адресат, единичный конкретный адресат, виртуальный, автоадресация.

В монологическом тексте характеристики адресата и адресанта могут быть эксплицированы лексическими и грамматическими маркерами и устанавливаться, например, по форме лица и числа глаголов, выражающих действия адресата и адресанта.

Адресант может выступать от своего лица или от имени нескольких. Понятие адресанта и автора текста не тождественны (установление авторства текста входит в задачу автороведческой экспертизы).

В текстах-диалогах и полилогах адресант и адресат есть только у отдельных реплик, но не у всего диалога в целом.

При анализе коммуникативной ситуации диалога рассматриваются отношения коммуникантов с опорой на представленные в исследуемом тексте признаки, характеризующие обращение коммуникантов друг к другу (имена, прозвища, формы личных местоимений), регистр общения (нейтральный, официальный, родственный, дружеский, фамильярный), обсуждаемые темы (бытовые, производственные, общественно-политические и пр.), стилистические особенности употребляемой в разговоре одним или всеми коммуникантами лексики (просторечной, табуированной, официальной и

пр.). В звучащем тексте к перечисленным особенностям могут быть отнесены манера речи, характер интоном и пр.

Для анализа текстов интернет-коммуникации имеют значение такие коммуникативные параметры как инициативность / реактивность реплик, кооперативная / некооперативная стратегия общения, используемые коммуникантами речевые стратегии и тактики, успешность / неуспешность речевых актов и др. Для текстов, по которым не решается вопрос о ролях и функциях коммуникантов, определяется выраженная в тексте функциональная направленность реплик.

Таким образом, для проведения качественного анализа коммуникативной ситуации в СЛЭ необходим учет особенностей создания и размещения электронного текста, в частности, наличие таких участников коммуникации как квазиадресант, суперадресант, квазиадресат, суперадресат. Необходим также учет особенностей размещения информации в интернете, формы организации текста (монолог, диалог, полилог) и тех характеристик коммуникантов, которые эта форма предопределяет (регистр, стратегия общения, речевые стратегии и тактики и др.).

Библиографический список

1. Shannon, C. E. A Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon // The Bell System Technical Journal. – Vol.27, 1948. – P. 379–423.
2. Лассвелл, Г. Структура и функции коммуникации в обществе / Г. Лассвелл // Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М. М. Назаров; Ин-т социол. образования Рос. центра гуманитар. образования, Ин-т социологии Рос. акад. наук. – 2-е изд., испр. – М. : УРСС, 2002. – 239 с.
3. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей/ под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
4. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т. В. Назарова [и др.] // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина ; общ. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. – М. : ЭКЦ МВД России, 2010. – Ч. I. – С. 243–292.
5. Карасик, В. И. Язык социального статуса: Социоллингвист. аспект. Прагмалингвист. аспект. Лингвосемант. аспект / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2002. – 333 с.
6. Назарова, Т. В. Анализ компонентов ситуации письменного и устного (имеющего признаки подготовленности) текстов: Методические рекомендации / Т. В. Назарова, Е. А. Гримайло, П. А. Манянин. – М. : ЭКЦ МВД России, 2017. – 72 с.
7. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: https://president.gov.by/ru/events/respublikanskiy-seminar-soveshchanie-aktualizaciya-metodov-i-form-raboty-s-naseleniem-na-mestnom-urovne?TSPD_101_R0=08eaf62760ab2000559ca8234cf6bb809bd8d8365789221ee9d7d996baa57adb64bc7ac56828f610877edd8a5143000572b24d5d7c8f8f300f7ee28260688c05194b1014d2773fec2c19ef5868d578ebdbc7b42b11ba5d4eb9dd908315c81a6. (дата обращения: 12.06.2025).

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К ЛИЦАМ, ДОСТИГШИМ ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

И. И. Лапцевич

*начальник отдела исследований в области национальной безопасности,
правоохранительной деятельности и международного права
Института правовых исследований Национального центра
законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук
lapcevich@center.gov.by*

В статье рассматриваются особенности взросления несовершеннолетних, изучается уголовно-правовое значение взросления. Автор приходит к выводу, что достижение 18-летнего возраста само по себе не означает достижение субъектом того уровня развития, который необходим для привлечения его к уголовной ответственности как взрослого. Обосновывается вывод о том, что в некоторых случаях целесообразно распространение положений УК Республики Беларусь об ответственности несовершеннолетних на лиц, достигших совершеннолетия.

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних; психическое развитие лица; интеллектуальная и волевая зрелость лица; психология взросления.

Изменения, происходящие в современном мире, оказывают влияние на развитие и самосознание подростков. В связи с этим современная психологическая наука оказывается перед необходимостью обосновать целенаправленное развитие особой области психологического знания и практики – психологии взросления, нацеленной на изучение содержащих возможности взросления психологических условий, закономерностей формирования взросления [1, с. 111]. Как справедливо утверждал С. Л. Рубинштейн, «у каждого ребенка свой индивидуальный путь развития. Разные дети и развиваются не только разными темпами, но и проходят через индивидуально различные ступени развития... Возраст не определяет стандарты психического развития» [2, с. 162]. Установление психологических особенностей взросления лица, несомненно, значимо для науки уголовного права и правоприменительной практики, поскольку наличие таких особенностей оказывает влияние на признание лица субъектом преступления и применение к нему мер уголовно-правового воздействия.

Проведя сравнительный анализ оценки собственной зрелости на этапе перехода от детства к взрослости у школьников 80-х гг. XX в. и у их сверстников в 10-х гг. XXI в., Ф. А. Швец пришел к выводу: «...оценка собственной зрелости у школьников 1989 г. выражена значимо выше, чем 2014 г. Причем, когортные различия в этом наиболее четко проступают на границах перехода от детства к взрослости. Простым объяснением этого результата может быть предположение о росте инфантильности современных подростков. Однако, обнаруженный нами факт может быть и результатом более адекватной самооценки своей зрелости у современных подростков, имеющих дело с бо-

лее сложным образом российского взрослого, живущего в более неопределенную и динамичную эпоху по сравнению с советскими взрослыми конца 80-х. Еще одной причиной, возможно, является и наблюдаемая в настоящее время и отраженная в исследованиях ситуация продолжающегося процесса размывания границ между взрослыми и детскими мирами...» [3, с. 453].

Результаты современных научных исследований все чаще указывают на деформацию образа взрослости в обществе. С одной стороны, наблюдается тенденция к раннему взрослению: стремление к финансовой независимости, ранние половые отношения, общение на равных со взрослыми и т.д. С другой стороны, отмечается инфантилизация подрастающего поколения, неспособность или нежелание брать на себя ответственность, самостоятельно принимать решения и действовать [1, с. 231].

УК Республики Беларусь и УК РФ закрепляют общее правило: лицо, совершившее преступление после достижения 18-летнего возраста, несет уголовную ответственность за совершенные им деяния в полном объеме в соответствии с положениями уголовного закона. Однако особенности взросления несовершеннолетних нашли отражение в положениях УК РФ. Так, в ст. 96 определено, что положения гл. 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» могут быть применены лицам в возрасте от восемнадцати до двадцати лет: «В исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности суд может применить положения настоящей главы к лицам, совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, кроме помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа либо воспитательную колонию». Такой подход позволяет сгладить противоречие между фактическим взрослением и необходимыми для уголовного закона определенными формальными возрастными границами относительно «молодых взрослых» [4, с. 51]. В то же время происходит расширение круга лиц, в отношении которых судом могут быть применены положения гл. 14 УК РФ.

УК Республики Беларусь подобной нормы не содержит. Однако вопросы уголовно-правового значения достижения несовершеннолетними уровня необходимой социальной зрелости рассматриваются такими белорусскими учеными-правоведами как Н. А. Бабий [5], А. В. Барков [6], И. О. Грунтов [7], Д. Л. Гулякевич [8], Э. А. Саркисова [9], Г. М. Третьяков [10], Д. В. Шаблинская [11], А. В. Шидловский [12] и другими.

Согласно ст. 96 УК РФ положения гл. 14 УК могут быть применены к совершеннолетним в исключительных случаях. Уголовный закон, а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» не содержат пояснений о том, что следует понимать под «исключительными случаями».

В науке изложены различные мнения о том, какие случаи следует признавать исключительными. Н. М. Хромова считает, что применение ст. 96 УК РФ «может быть признано обоснованным в связи с социальной и психической незрелостью лица во время совершения преступления, например, при наличии у лица ограниченной (уменьшенной) вменяемости (ст. 22 УК РФ) либо отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, тяжелых условий жизни и воспитания, небольшой или средней тяжести совершенного деяния, ряда смягчающих обстоятельств» [13,

с. 107]. Подобного мнения придерживается В. Б. Боровиков, добавляя, что в «ряде ситуаций, для того чтобы прийти к выводу о целесообразности применения положений гл. 14 УК РФ к лицам в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, необходимо назначение судом судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертизы» [14]. В. А. Давыдов отмечает, что «...положения ст. 96 УК к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет, могут быть применены как при наличии обстоятельств, предусмотренных в ч. ч. 1 или 2 ст. 64 УК, так и при наличии иных обстоятельств, которые суд признает исключительными» [15]. В. В. Палий полагает, что «вопрос о применении особенностей уголовной ответственности и наказания к совершеннолетним до двадцати лет решается судом с учетом тяжести совершенного преступления, умственного развития и иных характеристик личности виновного» [16].

Анализируя российскую судебную практику, В. В. Есина, пришла к выводу, что признаваемые судом в качестве исключительных такие обстоятельства как, например, характер и степень общественной опасности преступления и личность подсудимого суд обязан учитывать в любом случае исходя из общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ), а совершение преступления в молодом возрасте, воспитание в неполной семье, наличие положительных характеристик подсудимого «...по своему содержанию не выходят за рамки обычных смягчающих обстоятельств и даже в своей совокупности вряд ли могут расцениваться как исключительные» [17, с. 90]. Автор предлагает в качестве исключительных рассматривать две группы случаев: 1) субъективные (психофизические) особенности личности (поскольку некоторые лица, достигшие 18 лет, имеют психофизические черты, свойственные несовершеннолетним лицам, например, обладают психической и (или) физиологической инфантильностью); 2) особенности среды, в которой находится человек (дефекты социализации, социально опасное положение) (такие обстоятельства должны иметь исключительный характер, свидетельствовать о том, что данное лицо находилось в социально опасном положении, а не просто воспитываться в неполной семье, в семье опекуна и т. д.) [17, с. 92–94].

Следует отметить, что подход о допустимости применения положений об уголовной ответственности несовершеннолетних к лицам в возрасте до 20 или 21 года закреплен в модельном УК для государств – участников СНГ (ст. 88), УК Республики Казахстан (ст. 90) и УК Республики Таджикистан (ст. 95).

Таким образом, достижение 18-летнего возраста само по себе не означает достижение субъектом того уровня развития, который необходим для привлечения его к уголовной ответственности как взрослого. Несомненно, идея о применении в некоторых случаях положений об уголовной ответственности несовершеннолетних к лицам, достигшим 18-летнего возраста, представляет интерес для ее обсуждения с последующей возможной реализацией и в белорусском УК. Например, Д. В. Шаблинская с целью ступенчатой согласно возрасту классификации лиц, совершивших преступления, а также возможности распространения положений об уголовной ответственности несовершеннолетних на лиц в возрасте от 18 до 21 (или 20) лет предлагает в уголовное право ввести категорию «лицо молодежного возраста» [11, с. 152–153, 162].

Представляется, что при формулировании уголовно-правовой нормы следует исходить из степени достижения лицом интеллектуальной и волевой зрелости, особенностей психофизического развития, состояния здоровья, уровня и особенностей социализации лица, а также учитывать иные обстоятельства, которые оказали существенное

влияние на его взросление. С целью анализа возможности распространения норм УК Республики Беларусь об ответственности несовершеннолетних на лиц, достигших совершеннолетия, видится необходимым решение следующих задач:

1) определить понятие и признаки основания применения положений об уголовной ответственности несовершеннолетних к лицам, достигшим 18-летнего возраста. В качестве такого основания целесообразно рассматривать совокупность обстоятельств, указывающих на недостаточный уровень социализации лица. Именно отсутствие должного уровня социализации не позволяет субъекту принимать решения и нести ответственность за свои поступки на уровне взрослого человека;

2) установить возраст, до достижения которого к лицу могут применяться положения об уголовной ответственности несовершеннолетних;

3) конкретизировать меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к совершеннолетнему лицу, а также порядок и условия их реализации.

Проведение исследований потребует участия не только ученых-юристов, но и привлечения широкого круга иных специалистов – психологов, психиатров, педагогов, девиантологов и т.д. Одновременно нужно решить вопрос о придании юридическому факту недостижения лицом соответствующего уровня социализации обязательного или факультативного характера. Представляется, что при наличии основания применение к лицу, достигшему 18-летнего возраста, положений об уголовной ответственности несовершеннолетних должно носить обязательный характер. Это будет способствовать реализации принципа равенства всех перед законом.

Библиографический список

1. Терещенко, В. В. Взросление в подростковом периоде онтогенеза: теоретико-методологические основы исследования / В. В. Терещенко / Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2016. – Т. 5, вып. 2(18). – С. 110–114.

2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2007. – 713 с.

3. Швец, Ф. А. Проблемы оценки собственной взрослости у современных детей / Ф. А. Швец // Экономика и социум. – 2015. – №5(18). – С. 451–454.

4. Чапурко, Т. М. Основные положения уголовной ответственности несовершеннолетних / Т. М. Чапурко // Энциклопедия уголовного права : в 35 т. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2008. – Т. 11 : Уголовная ответственность несовершеннолетних. – С. 49–69.

5. Бабий, Н. А. Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет / Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник / Н. А. Бабий. – 2-изд., перераб. и доп. – Минск : ГУИСТ БГУ, 2023. – С. 593–635.

6. Барков, А. В. Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет / А. В. Барков // Научно-практический комментарий законодательства о правосудии по делам несовершеннолетних / С. М. Ананич [и др.]; под ред. В. Н. Годунова, Л. Л. Зайцевой, С. К. Лещенко. – Минск : РИВШ, 2021. – С. 216–284.

7. Грунтов, И. О. Система и виды наказаний несовершеннолетних / И. О. Грунтов // Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть / Г. А. Василевич [и др.]; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Т. 2 : Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности. – С. 779–784.

8. Гулякевич, Д. Л. Уголовно-правовое воздействие на лиц, совершивших преступные деяния в несовершеннолетнем возрасте / Д. Л. Гулякевич // Уголовно-правовое воздействие и его реализация в контексте современных тенденций уголовной политики: моногр. / О. И. Бахур

[и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Республики Беларусь; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск : Колорград, 2020. – С. 207–225.

9. Саркисова, Э. А. Особенности назначения наказания лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет / Э. А. Саркисова // Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть / Г. А. Василевич [и др.]; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Т. 2 : Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности. – С. 784–789.

10. Третьяков, Г. М. Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет / Г. М. Третьяков // Уголовное право : учеб. пособие / А. В. Барков [и др.]; под ред. А. Л. Савенка, А. В. Шидловского, К. С. Захилько. – Минск : БГУ, 2023. – С. 236–245.

11. Шаблинская, Д. В. Повышение эффективности и усиление превентивного воздействия системы уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних / Д. В. Шаблинская // Криминология в условиях трансформационных процессов : национальный и международный аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 12-13 окт. 2018 г. / редкол. : И. В. Вегера [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2018. – С. 151–164.

12. Шидловский, А. В. Дифференциация и индивидуализация лишения свободы: правовое и криминологическое обеспечение : моногр. / А. В. Шидловский // Нац. центр законодательства и правовых исслед. Республики Беларусь. – Минск : Колорград, 2022. – 351 с.

13. Хромова, Н. М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних / Н. М. Хромова // Журн. рос. права. – 2018. – № 4. – С. 96–109.

14. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Д. И. Аминов, Л. И. Беляева, В. Б. Боровиков и др.; под ред. В. П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юстицинформ, 2009. – 496 с.

15. Комментарий к УК Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. – М. : Юрайт, 2017. – Т. 1: Общая часть. – 316 с.

16. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов и др.; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. – М. : КОНТРАКТ, 2017. – 384 с.

17. Есина, В. В. Особенности ответственности несовершеннолетних: проблемы применения положений гл. 14 УК РФ к лицам в возрасте 18–20 лет / В. В. Есина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2019. – № 6. – С. 86–97.

**ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА ПОСРЕДСТВОМ РЕАЛИЗАЦИИ
МЕР ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)**

Е. В. Марьина

*доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
evmarina@msal.ru*

Прокурору в уголовном процессе отведена значительная роль для выявления и устранения ошибок, допущенных как при возбуждении уголовного дела, так и при производстве предварительного расследования. Имея общие исторические корни и похожее представление об уголовном процессе, тем не менее, полномочия прокурора в Республике Беларусь значительно шире, чем в Российской Федерации. В связи с этим важно провести сравнительно-правовой анализ основных тенденций по закреплению процессуального статуса прокурора, а также определить основные направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: прокурор; уголовное судопроизводство; предварительное расследование; процессуальная функция; акты прокурорского реагирования.

В Законе Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» прокурорский надзор за ОРД и прокурорский надзор за предварительным расследованием регулируются разными главами. Несмотря на то, что эти два вида деятельности непосредственно связаны с раскрытием преступлений и изобличением виновных лиц, тем не менее, они концептуально отличаются по своему содержанию, и прокурорский надзор имеет свою специфику: допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, изучение дел оперативного учёта.

Прокурор в Республике Беларусь по-прежнему даёт санкцию либо отказывает в даче санкции на проведение или возобновление оперативно-розыскных мероприятий, а также даёт обязательные для исполнения письменные указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам, а также о прекращении проведения оперативно-розыскных мероприятий, т.е. непосредственно взаимодействует с оперативными подразделениями.

В России у прокурора такие полномочия отсутствуют, что, безусловно, ограничивает прокурора в возможности оперативно реагировать на несвоевременное проведение оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками оперативных подразделений, а значит, создаются препятствия для быстрого восстановления прав потерпевших. При этом подобного рода недостатки в работе оперативных подразделений могут быть выявлены при проверке как приостановленных уголовных дел, так и уголовных дел по нераскрытым преступлениям.

В связи с этим, возвращение российскому прокурору полномочий по направлению в оперативно-розыскные органы поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий позволит своевременно и в разумные сроки, не допуская пресловутой волокиты, восстанавливать права участников уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 34 УПК прокурор может пользоваться полномочиями следователя, принимая к своему производству расследование уголовного дела, применять меры пресечения, санкционировать применение мер пресечения и следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека, а также – прекращать уголовное дело. С 2007 г. в России прокурор лишён таких полномочий. Как пишет Б. Я. Гаврилов, подобного рода изменения, с одной стороны, повысили эффективность внутриведомственного процессуального контроля, а с другой – усилили надзорную деятельность прокурора, в подтверждение этой позиции приводится статистика об увеличении после соответствующей реформы количества возвращённых прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования и снижении возвращённых уголовных дел прокурору судом [1, с. 197].

В то же время есть и противоположный подход к оценке оптимального объёма процессуальных полномочий прокурора, так В. Н. Исаенко предлагает вернуть прокурору следующие полномочия: возбуждение уголовного дела и направление его в органы предварительного расследования; проведение в необходимых случаях предварительного следствия; дача следователю обязательных для исполнения письменных указаний о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий; а также дача согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения [2, с. 53].

Возвращение прокурору права на возбуждение уголовного дела в ситуации отсутствия следственного аппарата в органах прокуратуры является малоэффективной мерой по восстановлению нарушенных прав, так как если изначально следователь не видит оснований для возбуждения уголовного дела, то не им возбуждённое уголовное дело через два месяца приведёт к приостановлению уголовного дела в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Другие предложения оправданы. Так, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, прокурор, согласно п. 1.8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», обязан участвовать в судебном заседании и давать заключение об обоснованности ходатайства органа предварительного следствия об избрании меры пресечения судом. Более того, ещё до рассмотрения соответствующего ходатайства он должен изучить приложенные к ходатайству материалы, проверить соответствие постановления следователя требованиям уголовно-процессуального закона и установленным в ходе расследования обстоятельствам. При этом следователь в соответствии с УПК РФ не обязан заранее знакомить прокурора с заявленным ходатайством.

Что же касается обязательных для исполнения указаний следователю, то это вопрос интересный. Суть проведённой в 2007 г. в России реформы сводилась к обеспечению процессуальной независимости следователя от органов прокуратуры. Это привело к неоднородности правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации. Прокурор, обнаружив нарушение закона при расследовании преступления, может внести требование или представление об устранении выявленных нарушений закона. В некоторых регионах России, чтобы подчеркнуть самостоятельность следователей, в следственный орган направляется информация, в которой отражаются допущенные нарушения в ходе предварительного следствия, требующие устранения. Таким образом, прокурор лишь констатирует факт нарушения, но реальной возможности его устранить не имеет, так как ни требование, ни представление, ни, тем более, иная информация не

являются обязательными для руководителя следственного органа. Такая модель представляется нелогичной, так как если прокурор должен реагировать на нарушения закона, допущенные следователем, и он их выявил, то их устранение должно быть обязательным, в противном случае возникает вопрос: в чём смысл прокурорской проверки?

Прокурор наделён правом признавать доказательства недопустимыми, однако этим правом он пользуется крайне редко, ограничиваясь внесением вышеперечисленных актов прокурорского реагирования. Решение о вынесении соответствующего постановления может быть принято только после тщательного изучения материалов уголовного дела.

Однако и здесь имеются определённые сложности, согласно п. 1 ч. 5 ст. 34 УПК, прокурор может истребовать от следователя уголовное дело для проверки, и тот обязан в течение 72 часов его передать. В России прокурор составляет мотивированное постановление, чтобы ознакомиться с материалами уголовного дела. При этом следователь может посчитать недостаточно обоснованным такой запрос.

Прокурор должен иметь возможность осуществлять надзор за законностью расследования на постоянной основе, единственный мотив для проверки материалов уголовного дела – проверка соблюдения закона при производстве следственных действий и отсутствия нарушения прав участников уголовного судопроизводства. Никаких дополнительных обоснований своего решения прокурор не должен «придумывать», также необходимо на законодательном уровне установить срок для исполнения такого запроса. Только такой подход может обеспечить назначение уголовного судопроизводства, а не внутриведомственные интересы отдельных органов, осуществляющих предварительное следствие. Более того, именно прокурор в итоге несёт ответственность за доказательства, находящиеся в материалах уголовного дела, он в дальнейшем будет поддерживать государственное обвинение в суде, он наделён правом отказаться от предъявленного обвинения полностью или частично.

Возвращаясь к практике вынесения прокурором постановлений о признании доказательств недопустимыми, отметим, что такая практика почти отсутствует, прокуроры часто не заинтересованы в исключении доказательств и «до последнего» пытаются «сохранить» собранные следователями доказательства для суда. Способствует этому и оценочный характер понятия «существенные нарушения» как основания для признания судом доказательств недопустимыми (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»).

Обвинительное заключение определяет пределы судебного разбирательства и является гарантией от необоснованного обвинения. Ст. 263 УПК закрепляет перечень вопросов, подлежащих разрешению прокурором перед принятием решения о направлении уголовного дела в суд. В УПК РФ такая статья отсутствует, хотя в УПК РСФСР была аналогичная ст. 213. Правда, белорусский законодатель в числе вопросов не указал «произведено ли дознание или предварительное следствие всесторонне, полно и объективно», хотя в качестве принципа уголовного судопроизводства это правило закреплено.

Вообще белорусский законодатель успешно соединил два принципа оценки доказательств: всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела (ст. 18 УПК) и оценка доказательств по внутреннему убеждению (ст. 19 УПК). Как спра-

ведливо указывается в литературе, такой подход позволил ввести в уголовное судопроизводство нравственно-правовую составляющую оценки, связанную с уровнем правосознания субъекта, наличием или отсутствием у него профессиональных деформаций [3, с. 71].

Полномочия российского прокурора по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением также существенно сокращены, он не может прекратить уголовное дело (уголовное преследование), самостоятельно изменить объём обвинения или переквалифицировать деяние. При этом в отношении дознавателя (ст. 226 УПК РФ) у него это полномочие сохранено. Логика законодателя не совсем ясна, дознаватель и так должен принимать к исполнению указания прокурора, поэтому сложно представить ситуацию, когда у прокурора нет замечаний к производимому дознанию и только на завершающем этапе расследования появляются сомнения, что основания для привлечения лица к уголовной ответственности отсутствуют.

В то же время в отношении расследованного следователем уголовного дела такое полномочие будет не лишним, но только в тех случаях, когда речь идет о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Дело в том, что когда речь идет о так называемых реабилитирующих основаниях, прокурор, лишённый права давать указания следователю относительно хода расследования, самостоятельно проводить необходимые следственные действия или хотя бы давать соответствующее поручение на производство следственных действий, не сможет подтвердить или опровергнуть выдвинутую им версию о совершённом деянии. При этом, когда речь идет о нереабилитирующих основаниях, при наличии письменного согласия обвиняемого на прекращение уголовного дела и других условий, закреплённых в уголовном законодательстве, прокурор может провести проверку имеющихся в уголовном деле доказательств и принять такое решение.

Таким образом, изначально Россия и Беларусь, принадлежащие к одной правовой семье и имевшие общие традиции советского права, не всегда одинаково определяют положение прокурора в уголовном судопроизводстве. С одной стороны, имеется стремление к обеспечению прав и свобод участников уголовного процесса, в том числе средствами прокурорского надзора. С другой стороны, российский законодатель в попытке усилить процессуальную независимость следственных органов настолько сузил полномочия прокурора, что вопрос об исполнимости решений прокурора, который имеет все возможности для обнаружения нарушений закона, допущенных следователем, становится весьма серьёзным. При этом акты прокурорского реагирования не всегда устраняют эти нарушения.

Библиографический список

1. Гаврилов, Б. Я. Актуальные вопросы уголовного досудебного производства: позиция законодателя, мнение учёного и правоприменительная практика / Б. Я. Гаврилов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVII Междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 4–5 апр. 2024 г. : в 2 ч. / Сибирский юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Фед.; отв. ред. Д. В. Ким. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2024. – С. 196–198.
2. Исаенко, В. Н. О дефиците полномочий прокурора в современном досудебном уголовном судопроизводстве / В. Н. Исаенко // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – № 1. – Т. 3. – С. 49–56.
3. Конин, В. В. Некоторые вопросы оценки доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь / В. В. Конин, Е. В. Марковичева, И. И. Эсмантович // Изв. Гомельск. гос. ун-та имени Ф. Скорины. – 2023. – № 2 (137). – С. 70–73.

ЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ CHATGPT ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Е. П. Орехова

*доцент кафедры криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
orekhova1@mail.ru*

Ю. В. Кухарьков

*доцент кафедры криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат медицинских наук, доцент
kuharkov1@gmail.com*

В статье рассмотрены особенности использования ИИ как метода повышения эффективности образовательной деятельности при преподавании дисциплин, где рассматриваются вопросы уголовного процесса и криминалистики. Приводятся примеры и выделяются положительные и отрицательные стороны использования ИИ в обучении студентов.

Ключевые слова: юридическое образование; ИИ; ChatGPT; криминалистика.

Качественное юридическое образование играет ключевую роль в развитии общества, формируя профессионалов, которые обеспечивают правопорядок, формируют правовую культуру в обществе, создают правовые основы для различных сфер жизни и развития страны. Обучение будущих юристов должно задействовать самые передовые технологии; при этом следует считать важнейшей и общей задачей подготовку специалиста к самостоятельному и качественному выполнению профессиональных обязанностей.

Подготовка специалиста в правовой сфере имеет много аспектов – это и развитие общей грамотности, формирование правосознания, общей культуры поведения, коммуникативных навыков и многое другое. И вместе с тем, это еще и умение работать с информацией. Как минимум, знания и умения специалиста должны включать в себя использование навыков по самостоятельному получению информации, ее отбору, проверке на соответствие реальной действительности, составлению документов для выполнения профессиональных действий. Полагаем, что умение работать с информацией является отражением развитого абстрактно-логического мышления, определяет творческий подход в профессиональной юридической деятельности. Как правильно отмечает профессор А. Д. Король, «задачами образовательной системы на современном этапе является необходимость помочь студенту самому добывать необходимые знания, ориентироваться в насыщенном информационном пространстве, то есть научить его работать творчески. Качественное отличие вузовской подготовки по предметам от школьного курса состоит в переходе от ориентации на изучение явлений и эмпирический уровень

познания к освоению методов исследования и формированию у студентов теоретического уровня мышления» [1, с. 100].

При изучении студентами вопросов уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы могут быть использованы методы, основанные на применении ИИ. В качестве мотивации использования ИИ определяется тот факт, что сотрудникам правоохранительных органов приходится сталкиваться с киберпреступлениями, использованием цифровых технологий (в том числе и ИИ) при совершении преступлений, необходимости выявления и исследования цифровых следов. В то же время благодаря цифровизации в работу правоохранительных органов внедрены электронные устройства, автоматизированные рабочие места, помогающие осуществлять свои полномочия более эффективно. В научных трудах и на конференциях подчеркивалась важность обучения сотрудников правоохранительных органов возможностям использования цифровых технологий и ИИ [напр. : 2; 3; 4; 5].

Использование ИИ имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Образование – это сфера, в которой может использоваться ИИ как с целью расширения знаний, так и с целью обхода студентами требований преподавателя. В связи с наличием последней цели в педагогической среде нередко звучит вопрос, на наш взгляд, не соответствующий реалиям времени: «Каким образом предупредить возможность использования ИИ студентами?».

Как показывает результат работы с нейросетями, ИИ неплохо справляется с генерированием коротких текстов (например, эссе, докладов), подготовкой презентаций, переводами. Это связано с тем, что нейросети достаточно хорошо обучены поиску информации в интернете и компиляции текста, картинок, анимаций. Однако даже в таких видах работ можно заметить текст, материал, схожий по смыслу, но написанный другими словами, наличие смысловых ошибок, информации, не соответствующей действительности, и другие недочеты, которые свидетельствуют о том, что работа выполнена ИИ. Однако вместе с тем, поставленная ИИ задача сделать выборку публикаций по теме приводит к положительным результатам, что связано с возможностью ИИ перерабатывать большие объемы данных в минимальный период времени.

Бытует также мнение, что ИИ помогает выполнять домашние задания, причем обучающийся не вникает в выполнение самого задания, имея красиво оформленную работу, порой не понимает полученные результаты. Поэтому важно, чтобы студенты самостоятельно ограничивали свое желание сделать запрос в нейросетях при выполнении конкретного задания. Преподаватели, в свою очередь, могут предлагать студентам задания, которые уменьшают возможности использования ИИ обучающимися. Это могут быть творческие задания, задания эвристического типа или задания более усложненные.

В ряде случаев ИИ пока что не справляется с разрешением казусов, решением задач. Например, был проведен эксперимент. ChatGPT было дано задание – решить задачу из практикума [6, задача 165]:

По делу о совершении группой лиц ряда квартирных краж, свидетели, потерпевшие, обвиняемые на допросах давали противоречивые показания, путались в деталях обстоятельств событий. Пытаясь установить истину, следователь пригласил к себе в кабинет всех указанных лиц и предложил общими усилиями восстановить события преступлений.

Участники по очереди рассказывали все, что им известно по делу, другие дополняли рассказ, делали поправки, замечания, дополнения. В заключение следователь оформил протокол очной ставки. Оцените следственное действие».

ChatGPT дал следующий ответ. «Данное действие представляет собой попытку провести очную ставку, однако фактически организованную в форме общего совместного допроса всех свидетелей, потерпевших и обвиняемых одновременно, с обменом показаниями и взаимными дополнениями. Оценка действий следователя: 1. Суть очной ставки. Очная ставка – это процессуальное следственное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством, при котором для сопоставления и проверки противоречивых показаний двух лиц (обычно свидетелей, потерпевших, обвиняемых) их вызывают вместе, задают вопросы по одному и тому же эпизоду, с целью выявления истинных обстоятельств дела. 2. Нарушение процессуальных норм. Очная ставка проводится обычно между двумя сторонами, либо в ограниченном составе лиц, участвующих в конкретном преступлении или эпизоде. В задаче же все лица (свидетели, потерпевшие, обвиняемые) были приглашены одновременно и рассказали по очереди, дополняя друг друга. Это не соответствует установленным правилам проведения очной ставки. 3. Риски для достоверности доказательств. Совместный допрос всех сторон с возможностью свободного обмена мнениями, поправками и замечаниями создает угрозу взаимного влияния на показания, что может исказить истинные обстоятельства дела и снизить доказательственную ценность полученных данных. 4. Правильная практика. Для разрешения противоречий в показаниях следователь должен был провести очные ставки между конкретными лицами по отдельности и отдельно, избегая одновременного присутствия всех участников для исключения давления и сговора. Итог: следователь неправильно организовал следственное действие, оформив протокол как очную ставку, хотя по факту это был совместный допрос группы лиц, что противоречит процессуальному порядку. Полученные показания могут быть признаны недостоверными».

Как видим, ChatGPT не просто предлагает решение задачи, а дает еще и пояснения. Конечно, задача решена не в полной мере верно, но и отрицать то, что в данном ответе есть правильные положения, нельзя. Поэтому если студент решает задачу с помощью ИИ, то ему придется дорабатывать решение самому, используя уже собственные знания.

В то же время преподаватель вместо того, чтобы дать студенту решать задачу по уголовному процессу, криминалистике, может решить ее с помощью ИИ и предложить студентам найти ошибки в решении этого казуса. В данном случае применяется метод исправления ошибок, только не собственных, а ИИ. Метод исправления ошибок, допущенных ИИ, имеет ряд преимуществ, позволяющих студенту углубить свои знания, развить критическое и логическое мышление, внимательность. Кроме этого, такого рода задания дают понимание студенту, что ИИ на данном этапе технического прогресса не совершенен и выполненное им задание тоже необходимо проверять.

В нашей практике имелся еще один эксперимент, когда при выполнении курсовой работы для разработки вопросов о системе судебно-экспертных организаций Республики Беларусь использовался ИИ. ChatGPT, переработав достаточно большое количество научных публикаций российских и белорусских авторов, привел несуществующую

систему судебно-экспертных организаций Беларуси, несуществующие (хотя и уникальные) названия. Вместе с тем, проверка результатов работы ИИ явилась способом обучения студента, который по итогу переделал работу и правильно усвоил материал.

Представляется, что использование ИИ в образовании можно отнести к эвристическим методам обучения [7], т. е. к методам, при которых студенты учатся не просто усваивать готовые знания, но и активно исследовать, искать ответы, принимать решения, открывать новые знания, действовать самостоятельно, а в совокупности с иными методами обучения будет способствовать успешной подготовке высококвалифицированных кадров.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1) ИИ возможно использовать в процессе обучения студентов при преподавании дисциплин уголовного процесса и криминалистики.

2) Решение задач с использованием ИИ требует критической оценки и глубоких знаний предмета студентом, усиленного контроля преподавателем.

3) Исправление студентами ошибок, совершенных ИИ, является эффективным методом обучения, который, представляется, можно отнести к эвристическим методам обучения.

4) Правильное использование ИИ в процессе обучения будет способствовать развитию самостоятельного творческого мышления студента.

Библиографический список

1. Король, А. Д. Особенности диалогического проектирования вузовского учебника / А. Д. Король // Журн. Гродненского гос. мед. ун-та. – 2005. – № 1 (9). – С. 100–104.
2. Использование цифровых средств обучения и робототехники в общем и профессиональном образовании: опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. ст. I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Барнаул, 5–6 нояб. 2013 г. / В. Н. Владимиров, Д. Е. Сарафанов; АлтГУ. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 194 с.
3. Лаппо, Е. А. Подготовка будущих специалистов правоохранительных органов в области применения информационных технологий и технических средств в правоохранительной деятельности / Е. А. Лаппо, Л. А. Латотин // Организация образовательного процесса в учреждении высшего образования: научные и методические аспекты: сб. статей, III междунар. заоч. науч.-метод. конф. / Могилевский ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол. : Ю. П. Шкаплеров [и др.] – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2020. – С. 116–120.
4. Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / Следственный комитет Респ. Беларусь; редкол. С. Я. Аземша [и др.]. – Минск : Промышленно-торговое право, 2018. – 368 с.
5. Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : материалы круглого стола с междунар. участием, Минск, 25–26 окт. 2024 г. / БГУ; редкол. : В. Б. Шабанов [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 521 с.
6. Данилевич, А. А. Уголовный процесс: практикум: учеб. пособие / А. А. Данилевич, В. П. Лагойский. – Минск : Амалфея, 2015. – 372 с.
7. Король, А. Д. Основы эвристического обучения: учеб. пособие / А. Д. Король, И. Ф. Кичурко. – Минск : БГУ, 2018. – 207 с.

ФОРМА ПРИГОВОРА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Л. Г. Орловская

*доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
orlovskaya@bsu.by*

Развитие цифровых технологий во многом обуславливает утрату значения обладания навыком письма. Одновременно исследования о взаимосвязи письма и активности отделов головного мозга обосновывают актуальность поиска ответа на вопрос о том, необходимо ли при подготовке важнейшего процессуального решения – приговора по уголовному делу – использовать вариант написания его от руки. Автором анализируется содержание процесса принятия решения по уголовному делу и формулируется суждение о завершении формирования внутреннего убеждения до подготовки текста приговора.

Ключевые слова: приговор; форма приговора; написание приговора; доказывание; внутреннее убеждение.

В настоящее время, когда обосновывается необходимость внедрения электронного документооборота в производство по уголовным делам и повсеместной реализации идеи создания электронного уголовного дела, а также утверждается, что ввиду того, что развитие технологий обуславливает спрос на определенные навыки (аналитическое мышление, устойчивость, гибкость и др.), такой навык как письмо будет терять свою актуальность, рассуждения о форме приговора могут показаться неуместными [1, с. 264–265 и др.]. Вместе с тем, в научной литературе встречаются данные о том, что анализ приговоров суда показывает их изготовление по шаблону [1, с. 173]. В ряде случаев такие действия приводят к ошибкам, например, дублированию информации из решений, вынесенных по другим уголовным делам. Вероятно, что процесс постановления приговора в таком случае не сопровождается размышлением о содержании подготавливаемого текста. Такое предположение подтверждается и доступными для ознакомления результатами научных исследований о взаимосвязи ручного письма и активности головного мозга [2; 3].

В УПК БССР было закреплено, что приговор «должен быть написан...». Е. А. Матвиенко утверждал более определенно: «Приговор должен быть написан рукой одного из судей, участвующих в его постановлении, и подписан всеми судьями». При этом профессор категорично резюмировал: «Изготовление приговора иным способом (например, написание на пишущей машинке) не допускается» [4, с. 25–26]. Действующий УПК допускает альтернативный вариант: приговор может быть написан от руки или подготовлен с помощью технических средств (ч. 2 ст. 358).

Возникла ли, учитывая развитие информационных технологий, и ввиду имеющихся научных исследований, потребность возврата к подготовке приговора лишь путем его написания от руки? Обратимся к анализу приговора как итогового решения суда

первой инстанции, т. е. решения, содержащего изложение результатов процесса доказывания по уголовному делу.

Приговор – решение, вынесенное судом первой инстанции по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого, о применении или неприменении к нему наказания и по другим вопросам, подлежащим разрешению (п. 30 ст. 6 УПК). Постановлению приговора предшествует разрешение вопросов, указанных в ст. 352 УПК: о вине обвиняемого, его ответственности (наказании) и иных. Разрешение таких вопросов осуществляется в процессе совещания судей, которое происходит в условиях тайны совещательной комнаты после окончания судебного следствия, проведения судебных прений, высказывания последних замечаний (реплик) и последнего слова обвиняемого. Вместе с тем, предпосылки решений по вопросам, которые подлежат разрешению в приговоре, закладываются задолго до его постановления. С одной стороны, в процессе производства по материалам и уголовному делу происходит накопление юридически значимой информации (фактов и сведений о них, приобретающих при определенных условиях доказательственное значение или силу доказательств), относящейся к предмету доказывания по уголовному делу и позволяющей установить обстоятельства, входящие в этот предмет. С другой стороны, предпосылки принятия такого решения судьей формируются уже в процессе профессионального обучения, предполагающего овладение навыками принятия решений. Например, при освоении дисциплины «Уголовный процесс» формирование специальной компетенции «применять нормы уголовно-процессуального законодательства, решать задачи в практической деятельности, связанной с уголовным процессом» предполагает овладение навыками принятия решений по находящимся в производстве материалам и уголовным делам.

Навыки принятия решений в общем плане – это способности, необходимые для того, чтобы сделать разумный выбор между многочисленными вариантами, в особенности, в профессиональной сфере. В числе таких навыков – навык собирания и анализа информации, критического мышления, логического рассуждения, креативности, решения проблем, управления временем, активного слушания, эмоционального интеллекта, работы в команде, сотрудничества и др.

В психологии процесс принятия решения это когнитивный (познавательный) процесс, процесс рассуждения, основанный на ценностях, предпочтениях и убеждениях принимающего решение. То есть, это процесс познания, в ходе которого задействованы такие элементы процесса познания как ощущение, восприятие, внимание, память, мышление, речь, воображение, опирающийся на уже имеющуюся к моменту принятия решения субъектом его картину мира (жизненный опыт, мировоззрение и т. п. синонимы могут быть использованы в данном случае). Применительно к процессу доказывания по уголовному делу, являющемуся разновидностью процесса познания, принятие решения происходит судьей в результате свободной оценки доказательств, руководствуясь законом и своим внутренним убеждением, сформированным в результате всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела в их совокупности. Однако влияние на этот процесс оказывают и ценности, предпочтения и убеждения судьи, сформировавшиеся уже до рассмотрения и разрешения конкретного уголовного дела. То есть, внутреннее убеждение это результат процесса доказывания, включающий познавательный, логический и психологический элементы. Проследить процесс форми-

рования внутреннего убеждения в том числе, чтобы понять, в какой момент рассмотрения и разрешения уголовного дела он завершается, можно путем анализа описательно-мотивировочной части приговора суда, в которой отражается процесс исследования обстоятельств уголовного дела. Что же касается второй составляющей процесса принятия решения – лежащих в его основе ценностей, убеждениях и т. п. – его влияние отследить сложнее, ввиду чего возрастает роль субъективного фактора, однако, в то же время, появляется и поле для человечности, находящееся, как писал Руми, «за пределами представлений о правильных и неправильных действиях» (той ценности и того убеждения, которому мы пока не можем обучить ИИ).

Изложенное выше позволяет заключить, что постановление приговора в смысле его подготовки рукописным способом или посредством технических средств, является этапом оформления решения. В. Н. Бибило, разграничивая понятия «составление» и «постановление» приговора, отмечает, что написание приговора это «словесное оформление принятых решений» [5, с. 136]. Внешняя форма выражения решения не влияет на процесс его принятия (по сути, уже состоявшийся), ведь этап оформления решения следует за этапом его принятия, завершившимся по окончании совещания судей при коллегиальном рассмотрении дела (п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда»), а иногда и на более раннем этапе производства по делу. В данном контексте интерес представляют результаты исследований Б. Либета, показывающие, что окончательное решение принимается за несколько секунд до того, как это решение будет осознано [6].

Вместе с тем, остановить процесс мыслительной деятельности, в общем случае, довольно затруднительно и после завершения формирования внутреннего убеждения. Кроме того, выработка формулировок, мотивирующих такое решение, это творческий процесс, в ходе которого внутреннее убеждение может быть несколько скорректировано, а его содержание и процесс формирования могут быть максимально отражены в приговоре лишь при активности или «включении» мозга в этот процесс, что возможно в большей степени при написании приговора рукой. Попытка упростить такую деятельность судьи, например, путем разработки цифровых шаблонов, как видится, должна идти параллельно анализу имеющихся исследований в области философии, психологии, нейробиологии и других наук, в частности показывающих, как упрощение влияет на мозг человека в отдаленной перспективе. Способствовать формированию объективной основы для таких нововведений может и проведение самостоятельного исследования с участием непосредственных их адресатов.

Поскольку итоговые решения по уголовным делам пока еще выносятся человеком, справедливым видится и утверждение о том, что вопрос о форме приговора вторичен по отношению к вопросу о субъекте вынесения такого решения и процедуре, в которой оно выносится. Действительно, законность, обоснованность и справедливость приговора в большей степени определяется кем он был подготовлен, в особенности, носителем каких ценностей и убеждений является человек, который в момент завершения обучения в университете становится ближе к судейской профессии, насколько он или она подготовлены к работе с высоким уровнем личной ответственности, а также понимают необходимость дальнейшего обучения, которое в том числе является навыком принятия решений [7].

Каким будет приговор будущего? В. Н. Бибило полагает, что «уровень развития ИИ позволит на основе имеющегося законодательства подготовить соответствующие алгоритмы для аналитической работы с доказательствами и материалами уголовного дела, что не должно исключать человеческий фактор и участие людей в окончательном решении уголовного дела» [5, с. 137].

Возвращаясь в настоящее, подводя итог изложенным рассуждениям и отвечая на вопрос о том, возникла ли потребность возврата к подготовке приговора лишь путем его написания от руки, представляется важным предоставлять судьям возможность делать разумный выбор между хотя бы двумя вариантами. Один из них – это написание приговора рукой, в том числе, например, с использованием цифровой ручки, по данным исследований [3] без потери полезности процесса заменяющей традиционную, второй – подготовка приговора с помощью других технических средств.

Библиографический список

1. Брянская, Е. В. Сила доказательств и тактика аргументации в процессе доказывания по уголовному делу : моногр. / Е. В. Брянская. – Москва : Проспект, 2023. – 368 с.
2. Charlotte, Hu. Why Writing by Hand Is Better for Memory and Learning / Hu. Charlotte // Scientific American. – URL: <https://www.scientificamerican.com/article/why-writing-by-hand-is-better-for-memory-and-learning/> (date of access: 30.06.2025).
3. Van der Weel, F. R. Handwriting but not typewriting leads to widespread brain connectivity: a high-density EEG study with implications for the classroom / F. R. van der Weel, A. L. H. van der Meer // Frontiers. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1219945/full> (date of access: 30.06.2025).
4. Матвиенко, Е. А. Приговор суда и его исполнение / Е. А. Матвиенко. – Минск : «Вышэйш. школа», 1968. – 180 с.
5. Бибило, В. Н. Приговор в уголовном процессе / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2021. – 194 с.
6. Libet, B. Mind time. The temporal factor in consciousness / B. Libet. – USA : Harvard University Press, 2004. – 242 p.
7. Орловская, Л. Г. Восстановительный подход социального реагирования на конфликт в обучении уголовному процессу / Л. Г. Орловская // Обучение в университете дисциплинам в сфере уголовной юстиции : сб. материалов науч.-метод. конф., 23 мая 2023 г., Минск, Беларусь / БГУ; редкол. : А. А. Данилевич (отв. ред.). – Минск : БГУ, 2023. – С. 28–34.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА

Е. А. Реутская

*доцент кафедры уголовного права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук
ellen-britova@rambler.ru*

В статье рассмотрены современные подходы к пониманию общественной опасности в уголовном праве с учетом цифровизации, глобализации и социальных преобразований. Отмечается, что развитие новых видов преступных посягательств требует переосмысления традиционных критериев общественной опасности.

Ключевые слова: уголовное право; общественная опасность; преступление; трансформация права; дифференциация ответственности; правопонимание; уголовная политика.

Уголовное законодательство подвергается непрерывной трансформации. Новые социально-экономические процессы, происходящие в обществе, цифровизация и глобализация создают необходимость поиска новых подходов к четкому определению общественной опасности, которая является базовым критерием для уголовно-правовой квалификации деяний, назначения наказания и реализации уголовной политики. Появление таких новых форм противоправного поведения в цифровой среде, как киберпреступления, распространение вредоносного программного обеспечения, фишинговые атаки и иные, приводит к тому, что традиционные критерии определения общественной опасности не в полной мере соответствуют современным способам совершения преступления. Более того, обозначенные выше противоправные деяния нередко не сопряжены с физическим насилием или материальным ущербом в традиционном понимании, но при этом подрывают информационную безопасность, основы защиты персональных данных граждан и информации о частной жизни, затрагивая интересы общества и государства.

Трансформация уголовного права в цифровую эпоху обусловлена существенными изменениями фундаментальных положений и основных компонентов системы права, характерными для мирового сообщества в целом в процессе преодоления кризиса в социально-экономической, политической и духовной сферах [1, с. 133, 135; 2]. Некоторые исследователи справедливо отмечают, что изменения в уголовном праве следует рассматривать не как временный кризис, а как результат глубоких сдвигов в понимании уголовного закона под влиянием современных социальных процессов. Это приводит к пересмотру традиционных представлений об уголовном праве, его задачах, принципах и юридических конструкциях. Подобный пересмотр отражается и на изменении представлений о том, что такое преступление и в чем заключается его общественная опасность. Если ранее уголовная ответственность основывалась на уже совершенном деянии, причинившем существенный вред общественным отношениям, то теперь акцент все больше смещается на предупреждение таких социальных угроз, как коррупция, экстремизм и иных. Уголовное право начинает ориентироваться на предотвращение риска

и расширяется за счет новых составов, позволяющих воздействовать на потенциально опасное поведение. Конкретные деяния при этом рассматриваются как часть более широких социальных проблем, а борьба с ними становится средством защиты общества от различных угроз [3, с. 89–90].

Подобный отказ от традиционных подходов в уголовном праве с одновременным развитием и повсеместным внедрением цифровых технологий и новых сфер деятельности затрудняет процесс отнесения тех или иных деяний к преступлениям и способен привести к размыванию представлений о сущности общественной опасности как основополагающего признака преступления. Следует отметить, что, несмотря на важность категории «общественная опасность», в уголовном законе отсутствует ее законодательное определение. В научной и учебной литературе традиционно общественная опасность как признак преступления трактуется через причинение существенного вреда общественным отношениям или создание угрозы его причинения, а общественная опасность деяния – как внутреннее свойство, проявляющееся в объективной способности деятельности человека причинить или создать угрозу причинения вреда. Отсутствие нормативного определения общественной опасности и критериев ее измерения порождает ряд проблем, связанных дифференциацией уголовной ответственности и вопросами криминализации/декриминализации.

Для решения обозначенных проблем нужны комплексные меры, включающие и закрепление четких критериев общественной опасности. Так, А. В. Шидловский в качестве основных средств модернизации охранительной функции уголовного закона называет «повышение определенности в критериях общественной опасности деяния, позволяющих более четко разграничивать уголовную и иные виды юридической ответственности» [4, с. 40]. Наибольшая сложность возникает при разграничении преступлений и административных проступков, при решении вопроса о малозначительности деяния, а также при установлении факта причиненного вреда в составах с материальным составом, где последствия выражены в нарушении конституционных прав и свобод человека [5, с. 358].

По причине отсутствия четких критериев измерения общественной опасности восприятие ее сущности обусловлено законодательными решениями, поднимающими отдельные вредные действия до уровня уголовной ответственности путем построения нормативных типизаций (преступлений) исходя из реального вреда, причиняемого интересам общества, распространенности и устойчивости тех или иных явлений (криминализация) [6, с. 62–63]. Отметим, что именно общественная опасность является той юридической конструкцией, позволяющей ответить на вопрос о том, почему те или иные деяния признаются преступными исходя из тех реальных вредных последствий, которые оно способно причинить обществу. Так, например, мелким хищением, которое не влечет уголовной ответственности, считается кража имущества у физического лица на сумму менее 2 базовых величин, хотя в глазах потерпевшего любое посягательство на его право собственности будет считаться вредоносным, и, следовательно, опасным. Сказанное и предполагает необходимость исследования сущности общественной опасности, выделению научно обоснованных критериев ее измерения.

Как верно было отмечено в научной литературе, понимание сущности общественной опасности как признака преступления базируется на уровне ее восприятия: объективном или субъективном. Очевидно, что общественная опасность независимо от воли законодателя существует объективно еще до закрепления в уголовном законе. Она отражает реальный вред, который может быть причинен интересам общества и может не совпадать с перечнем преступлений. Поэтому на объективном уровне общественная опасность представляет собой неотъемлемую часть социальной действительности, которую законодатель познает и закон фиксирует. В процессе разработки проекта нормативного правового акта заинтересованными субъектами, обладающими правом законодательной инициативы, общественная опасность проходит через их субъективное восприятие, прежде чем найти свое закрепление в тексте уголовного закона, что происходит уже на субъективном уровне восприятия общественной опасности. В этот момент закладывается и типовая общественная опасность в санкции статьей Особенной части уголовного закона, к которой затем обращается правоприменитель с целью определения индивидуальной общественной опасности конкретного совершенного преступления, о чем более подробно упоминалось в иных публикациях [7]. Частые изменения в уголовное законодательство приводят к увеличению субъективного начала в понимании сущности общественной опасности, продуцируемого новыми социальными нормами, ролями, образами, символами, знаками, связями и взаимодействиями, идеями, духовными ценностями субъектов законотворческого процесса [8, с. 53–55], а значит к ситуации, когда роль общественной опасности начинает обесцениваться [9, с. 26–27]. Так, например, В. В. Хиллута утверждает, что общественная опасность не может характеризовать преступление, ибо оно всегда связано с причинением вреда, а общественная опасность является производной от причиненного вреда [10, с. 67]. Высказывается и точка зрения о производности общественной опасности от ее характера и степени, которые традиционно считаются базовыми критериями ее измерения [11, с. 24]. Однако, как справедливо отмечают С. С. Босхолов и В. А. Номоконов, «не следует делать безапелляционные выводы о бесполезности и нецелесообразности использования категории общественной опасности в уголовном праве и криминологии. В теории и практике существует необходимость уточнения критериев, по которым эту опасность, ее характер и степень можно определить» и уже проведенные исследования не исчерпывают всех возникающих вопросов [12, с. 131].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в условиях социальных преобразований традиционное понимание общественной опасности требует переосмысления. Общественная опасность существует объективно еще до ее юридического закрепления, однако в уголовном законе она всегда преломляется через субъективное восприятие законодателя. Указанная двойственность подходов к пониманию общественной опасности предопределяет необходимость ее нормативного уточнения. Закрепление в законе четких критериев измерения общественной опасности позволит повысить определенность уголовно-правовых норм, обеспечить более обоснованную криминализацию новых общественно опасных деяний, а также повысить эффективность уголовной политики в условиях новых цифровых угроз. Дальнейшее развитие уголовного законодательства должно быть направлено на формирование комплексного, теоретически обоснованного и практически применимого понимания общественной опасности, учитывающего современные реалии общественного развития.

Библиографический список

1. Бабаев, М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 131–144.
2. Лопашенко, Н. А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А. Э. Жалинского) / Н. А. Лопашенко // Государство и право. – 2023. – № 9. – С. 97–111.
3. Мирошниченко, Д. В. Общественная опасность в эпоху постмодерна / Д. В. Мирошниченко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2023. – № 3(70). – С. 88–91.
4. Шидловский, А. В. Сбалансированность норм о преступлениях и наказаниях как гарантия обеспечения социальной справедливости уголовной ответственности / А. В. Шидловский // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 7(268). – С. 39–43.
5. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен : теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 400 с.
6. Мирошниченко, Д. В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве / Д. В. Мирошниченко // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 10 (215). – С. 59–76.
7. Реутская, Е. А. Критерии и способы измерения общественной опасности преступления / Е. А. Реутская // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2024. – № 1. – С. 229–234.
8. Лобанова, Л. В. Объективное и субъективное в общественной опасности преступления / Л. В. Лобанова, А. П. Рожнов // Logos et Praxis. – 2018. – Т. 17, №4. – С. 51–60.
9. Гишинский, Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология) / Я. И. Гишинский. – 9. Санкт-Петербург : Алетей, 2021. – 136 с.
11. Хиллута, В. В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления / В. В. Хиллута // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 2(207). – С. 60–69.
12. Михаль, О. А. Характер и степень общественной опасности преступления / О. А. Михаль // Научн. вестн. Омской акад. МВД России. – 2009. – № 4 (35). – С. 20–24.
13. Босхолов, С. С. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии / С. С. Босхолов, В. А. Номоконов // Всерос. криминологический журн. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 128136.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

С. В. Рыбак

*доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
siarheirybak2022@gmail.com*

В статье поднимается вопрос о необходимости корректировки критериев актуальности научных исследований в уголовно-процессуальной сфере на современном этапе развития белорусского общества и государства. Обосновывается тезис о необходимости учета внешнеполитической ситуации при выборе направлений отраслевых научных исследований. Аргументируется потребность в теоретической проработке и законодательной регламентации в УПК института, нормы которого будут применяться исключительно при введении военного положения в стране.

Ключевые слова: уголовный процесс; научное исследование; военное время; военное положение; безопасность; конфликт.

Вопрос об актуальности научных исследований перманентно поднимается на уровне высших органов государственной власти Республики Беларусь. Еще в 2012 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко выдвинул требования о модернизации научной сферы страны «отдавая приоритет тем научным исследованиям, которые ориентированы на новизну и практическую отдачу» [1].

События последних лет, связанные с многочисленными вооруженными конфликтами, в том числе и протекающими у границ Республики Беларусь, повышение вероятности вовлечения Республики Беларусь в вооруженное противостояние заставляют еще более пристально взглянуть на сферу научных исследований с точки зрения пользы результатов для общества и государства. Так, 3 декабря 2024 г. на встрече Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко с членами рабочей группы по анализу деятельности Национальной академии наук Главой государства акцентировано внимание на недопустимости проведения научных исследований «ради исследований» и обозначены направления развития научной сферы на новую пятилетку: практико-ориентированность, заточенность на тот же результат, что и экономика страны [2].

Сложно не согласиться с тем, что социально-гуманитарная сфера научных исследований своими достижениями не может оказать такого очевидного прямого и оперативного воздействия на экономику страны как естественные и точные науки. Вместе с тем, достижения и научные разработки данных областей способны разносторонне оптимизировать условия развития общества и государства в конкретное время в необходимой степени.

Специфика условий развития белорусского общества и государства на современном этапе обозначена в ряде документов стратегического характера. Так, в соответствии со п. 9 Военной доктрины в настоящее время западными государствами военная

сила рассматривается в качестве одного из основных средств отстаивания национальных и коллективных интересов. Одновременно расширяется спектр оснований для ее применения. Делегаты ВНС выразили уверенность, что в обозримой перспективе указанные тенденции усилятся. В п. 12 Военной доктрины высказывается тезис о том, что вооруженный конфликт в Украине создал на ближайшую перспективу очаг напряженности у границ нашей страны. Дальнейшая его поддержка, равно как и воспрепятствование мирному урегулированию, создают предпосылки для его эскалации, а, вместе с тем, и для поэтапного расширения числа участников. Данные тенденции, в конечном счете, повышают вероятность вовлечения Республики Беларусь в международный вооруженный конфликт, при котором белорусское общество и государство будут вынуждены выживать и развиваться в военное время со всеми вытекающими отсюда условиями и порядками.

В соответствии со ст. 21 Закона о военном положении военное время в стране наступает с момента объявления войны или нападения на Республику Беларусь. Окончанием же являются объявленные день и час заключения мира между воюющими сторонами. При этом в соответствии со ст. 22 указанного выше нормативного правового акта для отражения нападения на Республику Беларусь или устранения военной угрозы вводится военное положение. Как правило, режим военного положения сопровождается полной или частичной мобилизацией, реализуемой в целях перевода экономики страны и государственных органов на работу в сложившихся условиях, осуществления мероприятий по мобилизационному развертыванию Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований.

В свете указанных требований руководства страны и специфики современных внешнеполитических мировых тенденций представляется уместным утверждение об актуализации нового вектора научных исследований в области уголовного процесса. Несмотря на некоторые очевидные особенности, его направление не предполагает кардинальных отклонений от уже существующих и реализуемых в настоящее время. Речь идет о научных исследованиях, ориентированных на разработку особой разновидности уголовно-процессуальной деятельности и позволяющих оптимизировать как само отраслевое законодательство, так и складывающиеся в рамках его правоотношения, к условиям военного времени.

Конституция Республики Беларусь неоднократно акцентирует внимание на специфике правоотношений в ходе военного времени, используя соответствующую терминологию (ст. 41, 63, 71, 84, 88¹, 89³, 94 и др.). В ч. 3 ст. 1 УПК подчеркивается приоритет норм Основного закона страны, что обуславливает необходимость учета и в УПК особенностей уголовно-процессуальных правоотношений в период военного положения. Термин «военное положение» и связанные с ним понятия «военное время», «мобилизация» не упоминаются в УПК совсем. Очевидно, что на момент принятия УПК вероятность вовлечения Республики Беларусь в вооруженный конфликт, осуществления жизнедеятельности общества и государства, в том числе и функционирования правовой сферы в условиях военного времени сводилась к минимальным значениям. Однако, по прошествии более чем 25 лет, ситуация изменилась не в лучшую сторону. В этой связи все более отчетливо актуализируется и приобретает остроту потребность в адекватной реакции научной и законодательной сферы на внешнеполитические и экономические вызовы современности.

Для примера обратимся к ситуации, сложившейся в соседнем государстве – Российской Федерации. С 2022 г. главный стратегический партнер Беларуси вовлечен в вооруженный конфликт, который к настоящему моменту приобрел для российского государства первостепенное значение с точки зрения жизнедеятельности общества, развития и функционирования государства. Со слов руководства страны «Россия концентрирует усилия, административный и финансовый ресурсы на развитии оборонных отраслей производства» [3]. Данная ситуация не могла не отразиться и на направлениях развития научных исследований. Она же обусловила и изменения в отраслевом законодательстве, в том числе и уголовно-процессуальном. Так, согласно Федеральному закону Российской Федерации от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», глава 4 УПК РФ дополнена ст. 28.2. «Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время». Помимо этого, соответствующей корректировке подверглась и ст. 208 УПК РФ. Еще ранее Федеральным законом Российской Федерации от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» максимальный срок задержания подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления при военном положении увеличен с 48 часов до 1 месяца. В 2023–2024 гг. в УПК РФ внесены и иные, более мелкие по объему, изменения, учитывающие возможность корректировки правоотношений в военное время, во время мобилизации или в ходе военного положения. Вместе с тем, указанные направления модификации уголовно-процессуальных норм выглядят не в полной мере системными, в некоторой степени поспешными и хаотичными, а логика их принятия предполагает необходимость аналогичной оптимизации немалого количества смежных отраслевых институтов. По своей сути российский законодатель в экстренном порядке вынужден ликвидировать пробелы в рассматриваемом сегменте законодательства. Не вызывает сомнения осознание российскими коллегами важности системных преобразований, которые позволят адекватно подготовить уголовно-процессуальное законодательство не только к современным реалиям, но и к возможным вариантам ухудшения ситуации с обеспечением безопасности государства, вплоть до введения военного положения. Это направление, в свою очередь, не может быть реализовано без научной проработки вариантов совершенствования правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности.

Проанализированный выше пример не в полной мере демонстрирует возможные последствия вовлечения Республики Беларусь в военные действия, т.к. справедливым видится утверждение о том, что в экономическом и военном аспектах наше государство не достигло такого уровня развития и не имеет такого потенциала, как Российская Федерация, не говоря уже о численности населения и размере территории. При аналогичных событиях в Республике Беларусь, в отличие от российского государства, с большой долей вероятности будет введено военное положение, а каждый ее житель будет задействован в той или иной мере и определенной сфере в реализации одной из первостепенных задач – обеспечении безопасности и территориальной целостности страны. Не станет исключением и сфера уголовно-процессуальных отношений, готовность которой к

функционированию в военное время позволит нивелировать эффект неожиданности и оптимизирует деятельность всех соответствующих субъектов уголовного процесса: граждан и государственных органов.

Руководством страны в 2023 г. обращено внимание на недостатки в построении и реализации правовой политики государства. Среди них, согласно п. 26 Концепции правовой политики Республики Беларусь, в том числе обозначено «не всегда оперативное реагирование государственных органов на изменение общественных отношений как внутри страны, так и за ее пределами». В п. 5 этого же документа к основным принципам формирования и реализации современной правовой политики государства отнесены оперативность, гибкость и адекватность правового регулирования общественных отношений. Положения анализируемых норм стратегического характера, по своей сути, прямо указывают на приоритеты, которые должны воплощаться во всех отраслевых законодательных актах, в том числе и УПК.

Таким образом, на современном этапе развития общества и государства очевидная актуальность научных исследований в уголовно-процессуальной сфере видится в разработке модели правоотношений, возникающих, протекающих и прекращающихся в период военного положения.

Библиографический список

1. Лукашенко: вложенные в науку деньги должны приносить серьезную отдачу // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-vlozhennye-v-nauku-dengi-dolzhny-prinosit-serjeznuju-otdachu-91472-2012> (дата обращения: 14.06.2025).
2. Какое будущее ждет белорусскую науку? Акценты серьезного разговора на архиважную тему у Лукашенко // СБ Беларусь Сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/nauka-dolzha-byt-zatochena-na-tot-zhe-rezultat-cto-i-ekonomika-strany.html> (дата обращения: 14.06.2025).
3. Российская экономика не переводится на военные рельсы, заявил Путин / РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20240404/ekonomika-1937822430.html> (дата обращения: 14.06.2025).

МІЖНАРОДНАЯ ПРАВАВАЯ ДАПАМОГА ПА КРЫМІНАЛЬНЫХ СПРАВАХ – ІНСТЫТУТ КРЫМІНАЛЬНА-ПРАЦЭСУАЛЬНАГА ПРАВА

В. І. Самарын

*дацэнт кафедры крымінальнага працэсу і пракурорскага нагляду
юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт
samarynv@bsu.by*

У артыкуле праводзіцца комплексны аналіз прававой прыроды нормаў міжнароднай прававой дапамогі па крымінальных справах. На аснове супастаўлення класічных прыкмет прававога інстытута абгрунтоўваецца вывад аб прыналежнасці названых норм да самастойнага інстытута крымінальна-працэсуальнага права.

Ключавыя словы: міжнародная прававая дапамога; крымінальна-працэсуальнае права; сістэма права; галіна права; інстытут права.

В статье проводится комплексный анализ правовой природы норм о международной правовой помощи по уголовным делам. На основе сопоставления классических признаков данного правового института обосновывается вывод о принадлежности указанных норм к самостоятельному институту уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: международная правовая помощь; уголовно-процессуальное право; система права; отрасль права; институт права.

Комплекс норм, якія рэгулююць міжнародную прававую дапамогу па крымінальных справах, з’яўляецца адным з недастаткова вывучаных аб’ектаў у тэорыі крымінальнага працэсу. Нягледзячы на шырокае распаўсюджванне такіх норм у крымінальна-працэсуальным заканадаўстве розных дзяржаў, у літаратуры да гэтага часу няма адзінства ў вызначэнні іх прававой прыроды і галіновай прыналежнасці.

Пагадзімся з М. В. Мяшчанавай, што «ў шматлікіх прававых даследаваннях даказана, што міжнароднае публічнае права і нацыянальна-прававыя сістэмы ўяўляюць сабой розныя самастойныя сістэмы права» [1, с. 11]. Міжнародная прававая дапамога па крымінальных справах намі будзе разумецца ў яе шырокім сэнсе (устаноўленая міжнароднымі дагаворамі і нацыянальным заканадаўствам сістэма норм і працэдур, якая забяспечвае ўзаемадзеянне органаў, якія вядуць крымінальны працэс, з органамі замежных дзяржаў з мэтай раскрыцця і расследавання злачынстваў, прыцягнення вінаватых да адказнасці, выканання прыгавораў, захавання правоў удзельнікаў працэсу).

Нормы аб міжнароднай прававой дапамозе маюць працэсуальны характар, таму што рэгулююць правядзенне і арганізацыю працэсуальных дзеянняў, неабходных для правільнага і своєчасовага расследавання і разгляду крымінальных спраў, калі ў іх удзельнічае замежны элемент або патрабуецца ўзаемадзеянне паміж органамі розных дзяржаў.

У нямецкай дактрыне вылучаюць міжнародную і ўнутрыдзяржаўную прававую дапамогу па крымінальных справах [2, с. 1107]. Апошняя заключаецца ў выкананні даручэнняў органаў крымінальнага пераследу і судаў нацыянальнымі органамі. І такая дапамога, хоць і фрагментарна, рэгулюецца крымінальна-працэсуальным законам (гл.

ч. 6 арт. 34, ч. 7 арт. 36, ч. 3 арт. 39, ч. 4 арт. 184, арт. 224¹, ч. 4 арт. 343¹ КПК), бо яна з’яўляецца дапаможным працягам вядзення па крымінальнай справе. І чаму такі “дапаможны працяг”, выходзячы за межы юрысдыкцыі, мусіць губляць свае крымінальна-працэсуальныя ўласцівасці?

Нормы, якія намі даследуюцца, забяспечваюць узаемадзеянне органаў, якія вядуць крымінальны працэс, кампетэнтных органаў розных краін, што неабходна для бесперапыннасці і эфектыўнасці вядзення па матэрыялах і крымінальнай справе, абароны правоў удзельнікаў працэсу і дасягнення задач крымінальнага працэсу. Працэдура аказання міжнароднай прававой дапамогі, як правіла, уключае этапы накіравання просьбы, яе разгляду, вырашэння і выканання, што таксама адносіцца да працэсуальнай сферы.

Пазітывісцкі довад: заканадаўца ў многіх дзяржавах размясціў гэтыя нормы ў крымінальна-працэсуальным законе. Міжнародная прававая дапамога рэгламентуецца нормамі, уключанымі ў крымінальна-працэсуальныя кодэксы і міжнародныя дагаворы, якія выконваюцца ў рамках крымінальнага працэсу, што паказвае наяўнасць адзінай галіновай прыналежнасці. І нават у краінах, дзе існуе спецыяльны закон у дадзенай сферы, прасочваецца крымінальна-працэсуальная сувязь. Так, у § 3 Закона Чэхіі № 104/2013 ад 20 сакавіка 2013 г. “Аб міжнародным судовым супрацоўніцтве па крымінальных справах” зроблена адсылка да КПК: “калі гэтым Законам не прадугледжана іншае або калі пэўнае пытанне не ўрэгулявана ім, прымяняецца Крымінальна-працэсуальны кодэкс”.

Нормы міжнароднай прававой дапамогі забяспечваюць рэалізацыю працэсуальных правоў і абавязкаў удзельнікаў крымінальнага працэсу. КПК Рэспублікі Беларусь замацоўвае правы і абавязкі асобы, затрыманай або да якой прыменена мера стрымання на падставе рашэння аб выкананні просьбы органа замежнай дзяржавы або ў сувязі са знаходжаннем у міжнародным вышуку з мэтай выдачы, а таксама яе абаронцы (арт. 507–509).

КПК “убудоўвае” нормы міжнароднага публічнага права нацыянальныя крымінальны працэс з дапамогай КПК (ч. 5 арт. 1). Рэалізацыя іх немагчыма без працэсуальнай абалонкі. А. А. Багданаў падкрэслівае, што працэсы разыходжання незваротныя: нават калі раней звязаныя часткі ўз’ядноўваюцца, яны ўжо не ўтвараюць ранейшага цэлага [3, с. 11]. Такое меркаванне дастасавальна і да незваротнасці аддзялення міжнародна-прававых і нацыянальных крымінальна-працэсуальных норм. Так, нормы аб міжнароднай прававой дапамозе, якія ўзніклі як следства знешнепалітычных пагадненняў, з часам набываюць працэсуальную спецыфіку і становяцца ўстойлівымі элементамі нацыянальнага крымінальнага працэсу. Мы гаворым у гэтым выпадку аб прававым аспекце інтэрферэнцыі наддзяржаўнага (норм міжнароднага паходжання) у крымінальны працэс [4], што параўнальна з інгрэсіяй у А. А. Багданава пры развіцці сістэм [5, с. 155–161].

Характарызуючы міжнародную прававую дапамогу па крымінальных справах як інстытут крымінальна-працэсуальнага права, даследчыкі часта ўспрымаюць гэта як аксіёму [6, с. 27]. Інстытут права – гэта структурны элемент галіны права, які ўяўляе сабой сукупнасць узаемазвязаных нормаў, якія рэгулююць пэўны від аднастайных грамадскіх адносін у рамках дадзенай галіны [7, с. 159]. Узнікненне крымінальна-працэсуальнага інстытута заўсёды звязана з узнікненнем задачы – неабходнасці

самастойнай рэгламентацыі пэўнай групы або разнавіднасці крымінальна-працэсуальных адносін [8, с. 119].

Частка сістэмы, якая сыходзіць па лініі разыходжання, можа дапаўняць іншыя яе часткі праз абмен функцыямі (асіміляцыя / дэасіміляцыя актыўнасцяў) [3, с. 13]. Адпаведна, галіны і інстытуты права з'яўляюцца не толькі рознымі, але і ўзаемадапаўняльнымі: крымінальны працэс і міжнародная прававая дапамога па крымінальных справах, хоць і адрозніваюцца па прадмеце і структуры, але ўзаемна падтрымліваюць прававы парадак у трансгранічнай крымінальнай юстыцыі.

Класічны тэарэтыка-дагматычны падыход да вызначэння інстытута права прадстаўлены ў працах С. С. Аляксеева. Ён вылучаў наступныя прыкметы: самастойнае рэгулятыўнае ўздзеянне на пэўныя грамадскія адносіны, сістэмнасць і скончанасць рэгулявання, аднастайнасць зместу, адзінства юрыдычнай канструкцыі, унутраная арганізацыя і структура, юрыдычнае адзінства і наяўнасць агульных нормаў, фармальнае адасабленне [9, с. 121–135].

Зыходзячы з названых прыкмет прававога інстытута, паспрабуем спраецываваць іх на нормы права, якія разглядаюцца з дадзеным артыкуле:

1. Самастойнае рэгулятыўнае ўздзеянне. Нормы аб міжнароднай прававой дапамозе па крымінальных справах накіраваны на рэгуляванне асаблівай сферы: прымяняюцца ў трансгранічных сітуацыях у рамках крымінальнага працэсу і рэгулююць грамадскія адносіны паміж органамі, якія вядуць крымінальны працэс, кампетэнтнымі органамі і органамі замежнай дзяржавы ў сувязі з расследаваннем, судовым разборам і выкананнем прыгавораў. Гэта не выпадковы блок норм, а дакладна акрэсленая сфера грамадскіх адносін, дзе інстытут выконвае самастойную рэгулятыўную функцыю, маючы спецыфічныя суб'екты, механізмы і абмежаванні.

Адпаведна прадметам прававога рэгулявання дадзенага інстытута можна назваць грамадскія адносіны, якія складаюцца ў сувязі з накіраваннем, разглядам, вырашэннем і выкананнем просьбаў адпаведных органаў, якія ажыццяўляюць папярэдняе расследаванне, судовы разбор крымінальнай справы, а таксама вырашэнне працэсуальных пытанняў, якія ўзнікаюць пры выкананні прыгавораў.

2. Сістэмнасць і скончанасць рэгулявання. Міжнародная прававая дапамога па крымінальных справах ахоплівае комплекс норм, якія рэгулююць падставу і ўмовы аказання дапамогі; падставы адмовы ў яе аказанні; віды такой дапамогі (экстрадыцыя, выкананне працэсуальных даручэнняў, перадача крымінальнага пераследу, перадача асуджаных і інш.); працэсуальны парадак накіравання просьбы, яе вырашэння і выканання; паўнамоцтвы адпаведных органаў; правы і гарантыі асоб, якія ўдзельнічаюць у дадзенай працэдуры.

У законе гэты комплекс прадстаўлены ў разд. XV КПК Рэспублікі Беларусь. Гэта сістэма ўзаемазлучаных нормаў, лагічна завершаная, здольная самастойна рэгуляваць трансгранічныя працэсуальныя адносіны. Яна не патрабуе прыцягнення знешніх (пазаінстытуцыйных) норм для базавага правапрымянення, што паказвае на яе скончанасць.

3. Аднароднасць зместу. Прававы інстытут характарызуецца лагічна выбудаванай унутранай паслядоўнасцю норм. Інстытут міжнароднай прававой дапамогі ўключае нормы, размешчаныя ў пэўнай паслядоўнасці, якая адлюстроўвае логіку: ад падставы аказання дапамогі да парадку выканання просьбы органа замежнай дзяржавы. Гэта

пацвярджае структурную арганізаванасць і аднастайнасць зместу, што прама паказвае на наяўнасць інстытута ў юрыдычным сэнсе.

4. Адзінства юрыдычнай канструкцыі. Нормы прававога інстытута аб'яднаны не толькі лагічна, але і канцэптуальна, гэта значыць яны былі задуманы заканадаўцам як адзінае цэлае, накіраванае на вырашэнне пэўнай прававой задачы. Зноў адзначым, інстытут міжнароднай прававой дапамогі па крымінальных справах вылучаны ў асобны раздзел КПК (гэтая тэндэнцыя прыкметная не толькі ў Беларусі (гл., напрыклад, КПК Італіі, Казахстана, Кыргызстана, Латвіі, Малдовы, Польшчы, Расійскай Федэрацыі, Славакіі, Украіны, Эстоніі)), што адлюстроўвае волю заканадаўцы стварыць цэласны нарматыўны комплекс, накіраваны на забеспячэнне эфектыўнага і дапушчальнага транснацыянальнага крымінальнага працэсу шляхам пераадолення тэрытарыяльных і юрысдыкцыйных абмежаванняў.

Уся сукупнасць норм, што разглядаюцца, падпарадкавана агульнай мэце – забеспячэнню дасягнення задач крымінальнага працэсу ў трансгранічным вымярэнні – і будуюцца на адзіных прынцыпах (законнасці, павагі да правоў чалавека, узаемнасці, павагі суверэнітэту, двайной каральнасці, канкрэтнасці і г.д.), што надае інстытуту цэласную прававую канструкцыю, прадыхтаваную заканадаўчай задумай, а не выпадковым тэхнічным аб'яднаннем правілаў. Адзінства забяспечваецца таксама выкарыстаннем падобнай тэрміналогіі ў рамках дадзенага комплексу норм.

5. Унутраная структура. Прававы інстытут мае выразную логіка-функцыянальную структуру, якая ўключае: суб'ектаў (следчы, суд, пракурор, орган замежнай дзяржавы, кампетэнтны орган, іншыя ўдзельнікі), аб'ект (канкрэтнае працэсуальнае дзеянне – экстрадыцыя, перадача крымінальнага пераследу, прызнанне і выкананне прыговору замежнага суда і інш.), працэдуру (механізмы рэалізацыі), гарантыі. Усё гэта сведчыць аб наяўнасці ўстойлівай прававой структуры, здольнай рэгуляваць складаны працэсуальны механізм з міжнародным і замежным кампанентамі.

6. Юрыдычнае адзінства і наяўнасць агульных нормаў. Інстытут аб'яднаны не толькі працэдурнымі дэталямі, але і агульнымі нормамі (падстава аказання міжнароднай прававой дапамогі, агульныя ўмовы яе аказання і агульныя падставы для адмовы ў аказанні дапамогі, агульныя патрабаванні да просьбаў, кампетэнцыя дзяржаўных органаў у гэтай сферы (арт. 469, 470, 481, 491–497 КПК). Такія нормы выконваюць інтэграцыйную ролю, надаючы інстытуту юрыдычнае адзінства.

7. Фармальнае адасабленне ў заканадаўстве. У шматлікіх крымінальна-працэсуальных кодэксах (што было паказана вышэй) інстытут вылучаны ў асобную частку, главу, кнігу ці раздзел. У некаторых дзяржавах (напрыклад, Аўстрыя, Германія, Сербія, Чэхія) ён рэгулюецца спецыяльным законам, што таксама паказвае на яго фармальную адасабленасць. Хоць гэта не абавязковая прыкмета з пункту гледжання інстытута менавіта права, факт заканадаўчага афармлення ўзмацняе абгрунтаванне існавання інстытута, асабліва ў кантэксце сістэматызацыі заканадаўства.

Інстытут міжнароднай прававой дапамогі па крымінальных справах ахоплівае ўсе асноўныя стадыі крымінальнага працэсу, што падкрэслівае яго скразны характар, тыповы для складаных прававых інстытутаў. Так, на стадыі ўзбуджэння крымінальнай справы можа ўзнікнуць неабходнасць перадачы крымінальнага пераследу замежнай дзяржаве.

Найбольш актыўна рэалізуюцца нормы гэтага інстытута ў стадыі папярэдняга расследавання (напрыклад, нормы звязаныя са збіраннем доказаў за межамі юрысдыкцыі,

з выдачай асобы для крымінальнага пераследу). На стадыі судовага разбору можа ўзнікнуць патрэбнасць у выкліку сведак, пацярпелых або экспертаў з замежнай дзяржавы. У стадыі выканання прыговору таксама можа ажыццяўляцца выдача асобы для адбывання пакарання, прызнанне і выкананне прыговору замежнай дзяржавы.

З улікам усёй сукупнасці разгледжаных прыкмет можна заключыць, што міжнародная прававая дапамога па крымінальных справах на сённяшні дзень уяўляе сабой самастойны прававы інстытут крымінальна-працэсуальнага права. Ён характарызуецца ўнутранай сістэмнасцю, завершанасцю рэгулявання, логіка-структурным адзінствам, юрыдычнай цэласнасцю, а таксама ўстойлівым замацаваннем у крымінальна-працэсуальным заканадаўстве.

Бібліяграфічны спіс

1. Мещанова, М. В. Система международного частного права Республики Беларусь / М. В. Мещанова. – Минск : БГУ, 2020. – 271 с.
2. Rechtswörterbuch / hrsg. von K. Weber. – 17., neubearb. Aufl. – München : Beck, 2002. – 1754 S.
3. Богданов, А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука) / А. А. Богданов. В 2-х кн. : Кн. 2 / редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. / отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. – М. : Экономика, 1989. – 351 с.
4. Самарын, В. І. Да пытання аб інтэрферэнцыі надзяржаўнага ў крымінальны працэс / В. І. Самарын // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2023. – № 4. – С. 32–39.
5. Богданов, А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука) / А. А. Богданов. В 2-х кн. : Кн. 1 / редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. / отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. – М. : Экономика, 1989. – 304 с.
6. Бастрыкин, А. И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права / А. И. Бастрыкин. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 136 с.
7. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. – Саратов : Саратовский социально-экономический ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. – 392 с.
8. Ким, К. В. Структура уголовно-процессуального института / К. В. Ким, К. К. Сейтенов, Т. М. Хашиева // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4. – С. 114–120.
9. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит-ра, 1975. – 264 с.

ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА СВИДАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОВОЗГЛАШЕННОГО ПРИГОВОРА

А. С. Сенько

*адвокат Минской областной коллегии адвокатов,
кандидат юридических наук, доцент
senko.npc@mail.ru*

Статья посвящена анализу правовой возможности обвиняемых на свидание с членами своей семьи и близкими родственниками после провозглашения в отношении их приговоров. Указывается на особую правовую природу приведенного права, отличающую его от процессуальных прав лиц, в отношении которых ведется уголовный процесс. Раскрывается содержание данного правомочия обвиняемых, анализируется и моделируется процесс его реализации.

Ключевые слова: уголовный процесс; участники уголовного процесса; процессуальный статус обвиняемых (подозреваемых, осужденных); права обвиняемых (подозреваемых, осужденных); свидание с обвиняемым.

Правовой статус лиц, в отношении которых ведется уголовный процесс (подозреваемого, обвиняемого, осужденного), достаточно подробно отражен в действующем законодательстве и изучен в юридической литературе. Процессуальные права, процессуальные обязанности, процессуальные функции, роль и значение рассматриваемых лиц как субъектов уголовно-процессуальных отношений являются предметом многочисленных актов правоприменительной правоохранительной деятельности (постановлений, определений, приговоров органов уголовного преследования и судов) и научных изысканий (статей, монографий, тематических и пилотных проектов, диссертационных работ и т.п.).

В отечественном законодательстве, правоприменительной практике и доктрине сформировался общепризнанный каталог процессуальных прав, как одного из составляющих элементов правового статуса лиц, в отношении которых ведется уголовный процесс. Данный каталог полностью соответствует конституционным предписаниям и международным правовым актам. В концентрированном виде он нашел свое отражение в статьях 41 и 43 УПК и иных нормах. К числу прав относятся, к примеру: право знать, в чем подозреваемый (обвиняемый) подозревается (обвиняется); иметь защитника (нескольких защитников); давать показания либо отказаться от дачи показаний; и др.

Следует отметить, что наряду с процессуальными правами, лицам, в отношении которых ведется уголовный процесс, в ходе уголовно-процессуальной деятельности присущи и иные правовые возможности (права), целевая направленность которых непосредственно не связана с защитой от выдвинутого или осуществленного уголовного обвинения. Предназначение таких правовых возможностей состоит в ином – в обеспечении конституционного статуса личности, общечеловеческих ценностей и достижений современной цивилизации. Причем, во многих случаях, импульс для их реализации исходит не от самих подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а от иных лиц, в том числе не являющихся непосредственно участниками уголовного процесса.

Как правило, данной категории правовых возможностей в теории уголовного процесса не уделяется столь пристального внимания, как это прослеживается в отношении

процессуальных прав участников уголовного процесса, защищающих свои права и интересы. Однако по своей значимости и актуальности, интенсивности использования в правоохранительной сфере, недостаточной правовой урегулированности, рассматриваемые права, безусловно, выступают в качестве полноценных объектов научного и научно-практического исследования.

Одной из таких правовых возможностей является право обвиняемого на свидание после провозглашения в отношении его приговора. В уголовно-процессуальных трудах данное право фактически выпало из поля зрения юристов-правоведов и практиков [1; 2; 3; 4, с. 192].

Как справедливо отмечает В. Н. Бибило, факт наличия приговора представляет собой ценность для общества, государства и человека, в отношении которого он вынесен [2, с. 29]. В ракурсе рассматриваемой в настоящей статье проблематики, эта ценность проявляется для обвиняемого в возможности гарантированного обвиняемому законодателем свидания с близкими ему лицами.

В ст. 369 УПК однозначно отражено, что должностное лицо судебного органа должно предоставить возможность такого свидания. До провозглашения приговора, должностные лица органов, ведущих уголовный процесс, наделены в этом отношении лишь правом, а не обязанностью, по предоставлению обвиняемому подобного свидания с близкими ему лицами. УПК (ст. 369) гласит, что после провозглашения приговора председательствующий в судебном заседании или председатель суда по просьбе членов семьи и близких родственников обвиняемого, содержащегося под стражей, должен предоставить им возможность свидания с обвиняемым. Анализируя содержание приведенной нормы УПК, отметим, что законодательно не определено количество свиданий, предоставляемых обвиняемому с одним и тем же лицом, а также не определен процессуальный период, в течение которого предоставляются свидания.

Пытаясь дать ответ на данные вопросы, укажем, что не в одном из известных нам уголовно-процессуальных законах, как и в случае с отечественным УПК, не указано конкретное количество свиданий, на которое вправе рассчитывать обвиняемый с конкретным лицом. Тем самым, по существу, в данном случае судье предоставлена своеобразная диспозитивная обязанность. На наш взгляд, ст. 369 УПК предписывает судье предоставить обвиняемому, как минимум, возможность одного свидания с лицом. Предоставление обвиняемому с этим же лицом возможностей для последующих свиданий является уже по сути правом, а не обязанностью судьи. Правоприменительная практика подтверждает правильность изложенного вывода.

По различным уголовным делам, по которым были провозглашены приговоры, в одних случаях, обвиняемому предоставлялась возможность только одного свидания с близким лицом, в других – две и более исследуемых возможностей. В качестве критериев, в соответствии с которыми решается вопрос о количестве предоставляемых обвиняемому возможностей на свидание, как полагаем, выступают: личные данные обвиняемого (возраст; состояние здоровья, наличие-отсутствие судимости, и т.п.); категория преступления, виновным в совершении которого признан обвиняемый; длительность нахождения обвиняемого под стражей; наличие смягчающих и отягчающих вину обвиняемого обстоятельств. С учетом всего изложенного, представляется, что содержащаяся в УПК правовая модель диспозитивного определения судьей количества предоставляемых обвиняемому свиданий с близкими ему лицами полностью оправдывает себя, так как позволяет в каждом случае индивидуально подходить к рассмотрению вопроса относительно обеспечения права обвиняемого на свидание с близкими лицами.

Отечественный уголовно-процессуальный закон очерчивает начало течения процессуального периода, в рамках которого предоставляется возможность обвиняемому на свидания с близкими лицами. Однако в ст. 369 УПК не обозначен момент окончания данного периода. В этом плане импонируют положения ст. 362 УПК Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г., согласно которым предоставление обвиняемому возможности свидания допускается до обращения приговора к исполнению. Со своей стороны, полагаем, что подобное правило следует закрепить и в отечественном УПК, так как системный анализ действующих уголовно-процессуальных норм и тенденций правоприменительной практики свидетельствует о том, что обвиняемым возможность свидания с лицами предоставляется как правило, до обращения судом вступившего в законную силу приговора к исполнению в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК.

Законодательством также не оговорена форма (письменная или устная) обращения к должностным лицам судебных органов с просьбой о предоставлении свидания с обвиняемым. Со своей стороны, однозначно полагаем, что подобное обращение должно осуществляться только в письменной форме – в виде заявления о предоставлении свидания. На заявлении судья фиксирует свою позицию о разрешении (отказе в разрешении) на свидание с обвиняемым. В случае удовлетворения ходатайства о предоставлении свидания, соответствующая резолюция судьи подлежит скреплению печатью суда. Данное заявление предоставляется членами семьи и близкими родственниками обвиняемого работникам учреждений, в которых содержится под стражей обвиняемый, в качестве удостоверительного документа, подтверждающего право лица на свидание с обвиняемым.

Значительный интерес, в ракурсе проводимого исследования, представляет и сформировавшаяся в судебной практике многолетняя устойчивая тенденция по предоставлению судами апелляционной инстанции после вынесения апелляционных определений обвиняемым (осужденным) возможности повторного свидания с их членами семьи и близкими родственниками.

После оглашения в зале судебного заседания резолютивной части вынесенного апелляционного определения, председательствующий либо один из судей, участвующий в вынесении апелляционного определения, по соответствующей просьбе членов семьи и близких родственников обвиняемого (осужденного), содержащегося под стражей, предоставляет им возможность свидания с обвиняемым (осужденным). Считаем, что данная тенденция заслуживает законодательного закрепления посредством внесения соответствующих дополнений в УПК.

Библиографический список

1. Ворожцов, С. А. Приговор в уголовном процессе: практ. пособие / С. А. Ворожцов. – М. : Юрайт-Издат, 2003. – 109 с.
2. Бибило, В. Н. Приговор в уголовном процессе / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2021. – 194 с.
3. Загорский, Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практич. пособие / Г. И. Загорский. – Москва : Проспект, 2015. – 200 с.
4. Данилевич, А. А. Уголовный процесс: учеб.-метод. пособие / А. А. Данилевич, О. В. Петрова, В. И. Самарин. – Минск : БГУ, 2016. – 351 с.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗЫСКАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК И ОБЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНОЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

А. В. Солтанович

*доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
krym_praces@bsu.by*

А. И. Пирштук

*преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета
alexandra.pirshtuk@mail.ru*

В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие институт процессуальных издержек по уголовным делам. Авторами исследованы их классификация и проблемные аспекты взыскания. Проведен сравнительный анализ УПК БССР и УПК Республики Беларусь, рассмотрены соответствующие положения зарубежного законодательства. Сделан вывод о необходимости уточнения норм, регулирующих взыскание процессуальных издержек, и корректировки налогового законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс; процессуальные издержки; расходы; государственная пошлина.

Деятельность органов, ведущих уголовный процесс, связана с материальными затратами. В связи с этим, как справедливо отмечается в литературе, особую значимость приобретает институт процессуальных издержек, который, наряду с обеспечением имущественных прав участников уголовного процесса, предусматривает возможность возместить расходы, понесенные государством в ходе производства по материалам и уголовным делам, за счет средств подозреваемых, обвиняемых, осужденных и иных установленных законом лиц [1, с. 1].

УПК не содержит определения понятия «процессуальные издержки». Оно раскрывается, например, в российском уголовно-процессуальном законодательстве, в соответствии с которым процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 131 УПК РФ), т.е. рассматриваемый термин используется в широком смысле как все расходы, понесенные при производстве по уголовному делу. В Республике Беларусь с учетом необходимости реализации правоохранительной функции и обеспечения публичности процесса значительную часть расходов государство принимает на себя, оплачивая из бюджета содержание органов уголовного преследования и судов, расходы, связанные с производством подавляющего большинства процессуальных и следственных действий, командировками сотрудников указанных органов, содержанием задержанных и заключенных под стражу и т.д. И лишь некоторая относительно небольшая часть расходов по уголовному делу сначала выплачивается из

государственных средств, а затем взыскивается с осужденного, т.е. лица, вызвавшего своими преступными действиями сам уголовный процесс и расходы на него. Это – процессуальные издержки в узком смысле понятия. В таком значении оно употребляется в УПК, а также в большинстве своем определяется в специальной литературе [2, с. 455; 3, с. 243].

Процессуальные издержки детально перечисляются в п. 1-9¹ ч. 1 ст. 162 УПК. Что же касается п. 10 ч. 1 данной статьи, который относит к процессуальным издержкам иные расходы, понесенные при производстве по уголовному делу, здесь следует подчеркнуть, что, исходя из правил законодательной техники, к таковым необходимо относить те из них, которые сложно конкретизировать ввиду их эпизодичности и многообразия ситуаций, связанных с собиранием и исследованием доказательств. Не случайно поэтому в свое время Пленум Верховного Суда Республики в постановлении от 15 сентября 1994 г. № 8 «О практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и процессуальных издержек по уголовным делам» указал, что под иными расходами, понесенными при производстве по уголовному делу, следует понимать такие расходы, которые непосредственно связаны с собиранием и исследованием доказательств виновности обвиняемого. К ним относятся, в частности, суммы, выплаченные за стоимость вещей, пришедших в негодность при производстве экспертиз, затраты на производство судебно-следственных экспериментов, расходы по выплате потерпевшим, свидетелям, подозреваемым (кроме обвиняемых) в связи с проведением следственных действий по опознанию.

К сожалению, данное постановление признано утратившим силу, а новое не принято. При этом нельзя утверждать, что в таком постановлении отсутствует потребность, о чем свидетельствуют ошибки, допускаемые на практике при взыскании процессуальных издержек [4, с. 28–29]. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время, как представляется, нельзя относить к процессуальным издержкам, взыскиваемым с осужденных, затраты, которые, с одной стороны, имеют место по сути по каждому без исключения уголовному делу, вытекают из реализации принципа публичности в уголовном процессе, а, с другой, не включены в перечень, предусмотренный п. 1-9¹ ч. 1 ст. 162 УПК. Это касается, в том числе, затрат на содержание и материально-техническое обеспечение деятельности органов уголовного преследования и суда (зарботная плата сотрудников, стоимость расходных криминалистических материалов, машинописных работ, израсходованной бумаги и т.п.); расходов, связанных с применением большинства мер процессуального принуждения. Сюда же следует отнести и затраты на пересылку уголовных дел и материалов, учитывая, что, с одной стороны, такие затраты могут иметь место на всех стадиях процесса, с другой, ст. 162 УПК предусматривает возмещение почтовых расходов, связанных с пересылкой исключительно вещественных доказательств.

Нельзя не указать также и на то, что сравнительный анализ УПК БССР 1960 г. (ст. 102) и действующего УПК (ст. 162) свидетельствует о существенном расширении и детализации в последнем перечня расходов, включаемых в процессуальные издержки (по УПК 1960 г. – судебные издержки). Следовательно, с учетом экономических, социальных условий, необходимости усиления материальной ответственности виновных в преступлении лиц за расходы, понесенные в связи с расследованием уголовного дела, перечень таких расходов, включаемых законом в процессуальные издержки, может и далее быть расширен, однако для этого требуется ясно выраженная воля государства в лице законодателя, сформулированная путем внесения соответствующий дополнений в УПК.

Это относится, в том числе, к возмещению расходов при применении к лицу такой меры пресечения как домашний арест. Предполагаемые суммы возмещения за наблюдение и охрану жилища, использование технических средств и т. п. могут быть значительно больше, чем все другие издержки, вместе взятые. Так, в Швейцарии внедрение только системы электронного наблюдения за лицами, содержащимися под домашним арестом, обошлось казне в 20 млн. долларов. Поэтому возможность взыскания таких расходов должна быть четко прописана в законе.

Проблема определения объема процессуальных издержек требует более широкого подхода, так как законом конкретно не урегулирована возможность взыскания с виновного расходов (необходимость чего, по логике, усматривается, прежде всего), связанных с: применением мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса (гл. 8 УПК); осуществлением привода подозреваемого (обвиняемого) (ст. 130); хранением имущества, на которое наложен арест, переданного представителю местной администрации, жилищно-эксплуатационной организации, иному лицу (ст. 132); мерами попечения о детях и обеспечения сохранности имущества и жилища подозреваемого (обвиняемого) (ст. 197). Эти расходы также должны быть включены в процессуальные издержки (ст. 162 УПК).

Требуется также корректировка налогового законодательства в части обложения государственной пошлиной с целью гармонизации с нормами УПК. Так, в соответствии с п. 8 ст. 285 НК физические лица освобождаются от государственной пошлины за рассмотрение надзорных жалоб в органах прокуратуры по делам, связанным с возмещением им вреда, причиненного незаконными действиями суда и органов уголовного преследования, в том числе посредством применения мер пресечения, однако в перечне последних отсутствует такая мера пресечения, как запрет определенных действий (ст. 123¹ УПК). Кроме этого, представляется не вполне обоснованным с учетом публичности уголовного процесса и необходимости обеспечения максимального доступа граждан к правосудию установление государственной пошлины в размере одной базовой величины за рассмотрение в судах жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение предварительного расследования уголовного дела либо уголовного преследования, отказ в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам (приложение 13 к НК). Наконец, следовало бы перенять российский опыт, где при подаче кассационной или надзорной жалобы в суды общей юрисдикции размер государственной пошлины, в отличие от Беларуси, не дифференцируется в зависимости от вида жалобы.

Библиографический список

1. Марцынкевич, Н. А. Процессуальные издержки в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Марцынкевич Наталья Анатольевна. – Минск, 2018. – 25 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] под науч. ред. М. А. Шостака ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
3. Уголовный процесс : учеб. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.] ; под ред. Л. Л. Зайцевой, В. И. Самарина. – Минск : БГУ, 2023. – 591 с.
4. Игликова, А. Участие прокуроров в кассационном и надзорном производстве/ А. Игликова // Законность и правопорядок. – 2025. – № 1. – С. 27–30.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В. Г. Стаценко

*доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического
факультета Витебского государственного университета имени П. М. Машерова,
кандидат исторических наук
vladimir1stazenko@gmail.com*

В статье рассматриваются проблемные и дискуссионные вопросы законодательного обеспечения профилактики семейного насилия.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие; домашнее насилие; жертва; потерпевший; агрессор; абьюз; правовое регулирование

Проблема семейно-бытового насилия и преступлений в сфере семейно-бытовых отношений носит глобальный и актуальный характер. Так, во время пандемии COVID-19 множество государств столкнулось с обострением проблем, связанных с насильственными действиями в отношении членов семьи. Пандемия обострила проблемы, которые и так существовали, и привела к росту количества обращений граждан в целях защиты их прав и законных интересов от домашнего произвола. По информации сайта ООН почти каждая третья женщина хотя бы раз в жизни подвергалась физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера, сексуальному насилию со стороны не партнера или и тому, и другому. По меньшей мере для 51.100 женщин в 2023 г. гендерное насилие завершилось убийством их партнерами и членами семьи. Это означает, что каждые 10 минут убивали одну женщину [1].

По данным Верховного Суда Республики Беларусь в 2024 г. за преступления против жизни и здоровья было осуждено 1.974 человека, из них за убийство (ст. 139 УК) – 174; умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147 УК) – 519 [2]. При этом, по оценке МВД Республики Беларусь каждое третье убийство и каждое четвертое телесное повреждение совершается руками близких людей жертвы.

Хотя, по официальным данным, число преступлений, связанных с домашним насилием, в 2024 г. уменьшилось на 11,5%, цифры, характеризующие рассматриваемую проблему, свидетельствуют о ее сохраняющейся социальной значимости. По очень неполным данным официальной статистики в 2024 г. в стране было зарегистрировано 1.880 лиц, подвергшихся домашнему насилию (1.552 женщины и 358 мужчин) [3]. Ежегодно органы внутренних дел регистрируют около 80 тысяч сообщений о домашнем насилии, из них порядка 15 тысяч являются административными правонарушениями, а около 2 тысяч относятся к уголовно наказуемым деяниям. В 80 % случаев первопричиной преступлений и правонарушений в семейно-бытовых отношениях является злоупотребление алкоголем [4]. Семейно-бытовое насилие (лат. domestic violence) определяется ООН как «поведенческая практика, имеющая место в любых межличностных отношениях, которая направлена на получение или сохранение власти и контроля над партнером или иным членом семьи» [5].

Первоначально термин «семейно-бытовое насилие» использовался для обозначения исключительно физического насилия в отношении женщин со стороны их супругов. Современные международные стандарты в сфере противодействия домашнему насилию, направлены на защиту любых членов одной семьи, включая братьев и сестер, родителей и детей, сожительствующих лиц и (или) бывших супругов.

В Беларуси определение семейному насилию впервые было дано в Законе Республики Беларусь № 453-З от 10 ноября 2008 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»: насилием в семье признаны умышленные действия физической, психологической, сексуальной направленности одного члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания.

В редакции Закона 2014 г. это определение было существенно расширено (ст.1): «домашнее насилие – умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера близких родственников, бывших супругов, граждан, имеющих общего ребенка (детей), либо иных граждан, которые проживают (проживали) совместно и ведут (вели) общее хозяйство, по отношению друг к другу, причиняющие физические и (или) психические страдания».

В 1996 г. в рамках ООН был разработан и принят документ под названием «Модельное законодательство о насилии в семье», определивший ключевые понятия и основные юридические средства защиты жертв домашнего насилия [6]. Нормы этого документа нашли отражение в целом ряде национальных законов о защите от домашнего насилия («О предупреждении и пресечении насилия в семье» (Молдова), «О борьбе с домашним насилием» (Греция), «О защите от насилия в близком окружении» (Литва), «Об искоренении домашнего насилия, защите и помощи жертвам насилия» (Грузия) и др.).

Республика Беларусь является одной из немногих стран, в законодательстве которой отсутствует отдельный закон, регламентирующий порядок привлечения лиц к юридической ответственности за домашнее насилие. При этом, первый проект закона о предотвращении домашнего насилия был разработан еще в 2002 г. [7]. В 2018 г. проект закона был подготовлен МВД Республики Беларусь, но не был поддержан. Аргументация противников принятия закона сводится к следующему: а) существующих законодательных возможностей достаточно для адекватного правового влияния на различные ситуации, складывающиеся в сфере семейных отношений и б) не следует слепо следовать опыту западных стран, противоречащему «укладу, менталитету и сложившимся понятиям о взаимоотношениях в семье, в том числе и о воспитании детей» [8].

В административном, уголовном, уголовно-процессуальном праве Республики Беларусь действительно достаточно норм, с помощью которых правоохранительные органы могут привлечь к ответственности лиц, совершающих насилие в семейно-бытовой сфере: стст. 10.1 – 10.3 и др. КоАП Республики Беларусь; статьи УК, предусматривающие деяния, которые могут быть и результатом проявления домашнего насилия: преступления против жизни и здоровья: убийство (ст. 139, 141, 143, 144, 145 УК), умышленное причинение телесного повреждения (ст. 147, 149, 150, 152, 153 УК), истязание (ст. 154 УК); преступления против половой неприкосновенности или половой свободы: изнасилование (ст. 166 УК), насильственные действия сексуального характера (ст. 167 УК) и

др.; преступления против личной свободы, чести и достоинства: незаконное лишение свободы (ст. 183 УК); принуждение (ст. 185 УК); угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК) и др.

В силу ч.5 ст.26 УПК Республики Беларусь в целях предупреждения безнаказанности и возможных новых насильственных действий прокурор вправе возбудить уголовное дело частного и частно-публичного обвинения и *при отсутствии заявления лица, пострадавшего от преступления*, если оно затрагивает существенные интересы государства и общества, совершено в отношении лица, находящегося в служебной или иной зависимости от обвиняемого либо по иным причинам не способного самостоятельно защищать свои права и законные интересы.

В 2022 г. существенные изменения были внесены в законодательство о профилактике правонарушений в рассматриваемой области, прежде всего, в Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Термин «насилие в семье» заменили более широким содержательно понятием «домашнее насилие». Был расширен круг лиц, насилие в отношении которых рассматривается как домашнее, в их число, наряду с близкими родственниками, включили «бывших супругов, граждан, имеющих общего ребенка (детей), либо иных граждан, которые проживают (проживали) совместно и ведут (вели) общее хозяйство». Были внесены ряд изменений в ст. 17 «Основные профилактические мероприятия по предупреждению домашнего насилия», ст. 26 «Официальное предупреждение», стст. 28 – 30 о профилактическом учете, ст. 31 «Защитное предписание»; стст. 31.1 «Коррекционная программа», 31.2 «Согласие о передаче информации о домашнем насилии», дополнена ст. 32.1 «Права пострадавших от домашнего насилия, иных правонарушений».

В январе 2022 г. постановлением Совмина Республики Беларусь было утверждено Положение о создании и функционировании реестра учета фактов домашнего насилия, а в июне 2022 г. постановлением Совета Министров утверждена Инструкция «О порядке проведения оценки риска домашнего насилия», в которой определена процедура проведения оценки вероятности продолжения либо повторного совершения домашнего насилия, наступления тяжких либо особо тяжких последствий его совершения, в том числе смерти пострадавшего от домашнего насилия.

Подобной направленности документы были разработаны рядом министерств Республики Беларусь. В 2023 г. заинтересованными ведомствами (Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения, Министерство образования, Министерство труда и социальной защиты), был принят документ под названием «Алгоритм взаимодействия по обмену, учету и использованию информации о фактах домашнего насилия».

Множественность и разноречивость актов, регулирующих деятельность государственных органов в рассматриваемой сфере правоотношений, создают объективную потребность в их консолидации в виде единого законодательного акта. Как показывает анализ законодательства и правоприменения различных государств, модели правовой защиты от семейного насилия, как правило, проходили эволюционное развитие от общих норм уголовного, гражданского и административного права, направленных на превенцию насилия в целом, к разработке и принятию специальных законодательных актов, обеспечивающих правовую защиту от насилия конкретно в семейно-бытовой сфере.

В Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 г. отмечается, что «несмотря на развитие законодательства

о профилактике насилия в семье и развитие системы услуг, предоставляемых государством и общественными объединениями пострадавшим от насилия, требуются более оперативные и комплексные решения в целях противодействия насилию в семье».

Отметим высокую степень латентности преступности в сфере семейно-бытовых отношений. Пострадавшее лицо часто не заинтересовано в возбуждении уголовного дела в отношении своего партнера, т.к. оно не осознает степень общественной опасности деяний, которые совершаются последним. Жертва должна самостоятельно установить в суде факт причинения вреда лицом, подозреваемым в совершении этого преступления, так как это дела частного обвинения. Пострадавшая сторона должна не только «снять побои», свидетельствующие о применении действий насильственного характера, но и найти свидетелей инцидента, а также выступить в суде в качестве обвинения. Именно поэтому многие жертвы домашнего насилия отказываются от возбуждения уголовного дела и лишь треть обвиняемых получают обвинительное заключение.

Нормы УК и КоАП направлены не на предупреждение, а на ликвидацию последствий случившегося, и начинают действовать после факта совершения насилия.

Начиная с 2000 г. Республика Беларусь предоставляет – в соответствии со статьёй 18 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин – т.н. Периодические доклады. В феврале 2025 г. в Женеве на сессии Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW) был представлен девятый периодический доклад о выполнении Беларусью положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [9]. Отметим, что по результатам рассмотрения предыдущего, 8-го доклада в октябре 2016 г., CEDAW принял ряд «заключительных рекомендаций» для Республики Беларусь в отношении противодействия семейного насилия, предусматривающих, в частности, принятие законодательства, прямо устанавливающего уголовную ответственность за гендерное насилие, включая изнасилование в браке; проведение для судей, прокуроров и сотрудников правоохранительных органов, особенно для сотрудников полиции, обязательную подготовку по Конвенции и правовой практике Комитета, а также по учету гендерных факторов при проведении расследований предполагаемых случаев гендерного насилия в отношении женщин; создание специального фонда для обеспечения того, чтобы женщины получали достаточное возмещение в тех случаях, когда физические или юридические лица, ответственные за нарушения их прав человека, не могут или не желают предоставить такое возмещение» [10]. Эти рекомендации были сделаны в период разработки проекта Закона «О противодействии домашнему насилию», что специально подчеркивалось в отчете Правительства Комитету ООН. В последующем, однако, работа над проектом закона была прекращена и указанные рекомендации CEDAW в значительной части остались нереализованными.

Условия и причины домашнего насилия многообразны. Сложная биосоциальная природа человека, разнообразие социальных взаимодействий требуют учитывать множество факторов: особенности отдельных семей, индивидуальные характеристики их членов, общественные установки и стереотипы, сочетание которых вызывает насилие. Ориентация только на карательную функцию закона, как показывает опыт, не может гарантировать безопасность в семье. Эффективными могут быть лишь комплексные меры, сочетающие профилактику, воспитательное воздействие, предоставление реальной помощи потерпевшим от семейного насилия и семьям в целом, осуществление про-

грамм коррекции личности виновников насилия. Их реализация требует скоординированной деятельности как государственных органов, так и институтов гражданского общества. Выполнение этих задач невозможно, на наш взгляд, без принятия законодательного акта, обеспечивающего системное и полное правовое регулирование в рассматриваемой области правоотношений.

Библиографический список

1. Femicides in 2023: Global estimates of intimate partner/family member femicides. – URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2024-11/femicides-in-2023-global-estimates-of-intimate-partner-family-member-femicides-en.pdf> (дата обращения: 16.06.2025)
2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2024 г. : Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения: 17.06.2025)
3. Численность лиц, подвергшихся домашнему насилию: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: [https://gender.belstat.gov.by/violence/209?type=table&reg=\(T/F/M\)](https://gender.belstat.gov.by/violence/209?type=table&reg=(T/F/M)) (дата обращения 22.06.2025)
4. Ежегодно органы внутренних дел регистрируют порядка 80 тыс. сообщений о домашнем насилии. – URL: <https://www.belta.by/society/view/ezhegodno-organy-vnutrennih-del-registrirujut-porjadka-80-tyssoobschenij-o-domashnem-nasilii-559009-2023/> (дата обращения: 13.06.2025)
5. Examining Domestic Violence Around the World: The Cost of Doing Nothing: United Nations Organization. – 2022. – URL: <https://www.un.org/en/academic-impact/examining-domestic-violence-around-worldcost-doing-nothing> (дата обращения: 23.06.2025)
6. Модельное законодательство о насилии в семье. Рекомендации ООН. – URL: http://gender.cawater-info.net/publications/pdf/mod_un.pdf (дата обращения: 23.06.2025)
7. 8 вопросов о том, что такое концепция закона против домашнего насилия и почему он нужен в Беларуси. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26891/3936877/> (дата обращения 21.06.2025)
8. Интервью В. О. Сукало изданию «СБ Беларусь сегодня». – URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/b065c76abb3747a6.html/ (дата обращения: 25.06.2025).
9. Доклад Постпреда Беларуси при Отделении ООН в Женеве Л. Бельской в Комитете ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (6 февраля 2025 г., г. Женева): МИД Республики Беларусь. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/cbdf817279d1d625.html (дата обращения 28.06.2025).
10. Concluding observation son the eighth periodic report of Belarus. – URL: http://ostanovinasilie.org/wp-content/uploads/2016/11/CEDAW_C_BLR_CO_8_25096_E-1.pdf (дата обращения 12.06.2025).

РАЗДЕЛ X

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 343

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

И. М. Мацкевич

*ректор Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры,
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,
лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
rector@agprf.org*

В статье говорится о проблемах нарушения прав человека при повсеместном внедрении цифровизации. Доказывается, что цифровизация является прямым продолжением глобальной цифровизации со всеми ее как позитивными, так и негативными содержательными и сопутствующими проявлениями. Много внимания уделяется прокуратуре, как государственному органу, призванному непосредственно следить за обеспечением соблюдения всеми должностными лицами государства, а также простыми гражданами законодательства в целом и особенно в той его части, которая посвящена защите прав и свобод человека. В заключении делается вывод о необходимости совместной работы теоретиков права и правоприменителей России и Беларуси для разработки механизма использования цифровых технологий в интересах человека, включая защиту его прав и свобод. Очевидно, что в такую совместную работу неизбежно должны быть включены юристы всех остальных стран мира.

Ключевые слова: глобализация; цифровизация; технологии; алгоритм; Конституция; право; гражданин; человек; киберпреступление; права и свободы.

Если глобальная цивилизация или, как идеологи этой концепции озвучивали навязываемые человечеству процессы, называя происходящее насаждение как бы единых ценностей и условий потребления «глобализацией», имела идейную позитивную составляющую, под которой понималось установление высоких стандартов жизнедеятельности человека (о скрытых тогда и очевидных сегодня минусах этого явления говорить не будем, поскольку это тема самостоятельной и не одной научной, публицистической статьи, а возможно, и целой серии монографий), то глобальная цифровизация, являясь побочным продуктом глобализации, несет вместе со многими позитивными моментами еще большее число опасных для человечества негативных, в том числе скрытых моментов.

Прежде всего цифровизация и глобализация неизбежно ведут к нарушениям прав человека. Кто бы и как не опровергал этот тезис, он неоспорим прежде всего по своей

методологической составляющей, так как любые глобальные процессы происходят путем нивелирования и игнорирования интересов тех элементов, из которых они состоят. Чем меньше элемент, тем более высока вероятность его игнорирования. Соответственно человек, как первая составляющая элемента глобальных изменений, на которые направлено все выше находящееся над ним, в наибольшей степени игнорируется просто потому, что он мешает обобщению и достижению результатов на максимальном уровне. Дальнейшее развитие глобализации станет просто невозможно, если начать учитывать интересы каждого человека. Собственно говоря, поэтому идеологи глобализации призывают отказаться от интересов того или иного государства, поскольку их нельзя учесть, когда речь идет о сверхцелях мировой единой цивилизации. Что же говорить о правах и интересах каждого отдельно взятого человека. Парадокс сложившейся таким образом ситуации состоит в том, что, провозглашая значимость прав человека как наивысшую ценность, проводники глобализации своими последовательными действиями полностью их уничтожают, а чтобы это выглядело наиболее привлекательно, заявляют, что все это делается как раз в интересах этих самых людей. Другими словами, права человека – это наивысшая ценность (судя по международным правовым актам, более высокая ценность, чем жизнь человека, поскольку права человека в документах стоят значительно раньше по порядку), но их несоблюдение – это естественная данность последовательного и неизбежного развития глобализации, под которой по умолчанию подразумевается ни много ни мало человеческая цивилизация.

Что касается цифровизации, то она, представляя собой составную часть глобализации, породила и продолжает порождать все новые и все более опасные для прав человека процессы. Образно говоря, глобальную цифровизацию можно сравнить с болезнью человека под названием «гепатит С», которую сами врачи называют «ласковый убийца»: больной человек до самого последнего момента может не подозревать о заболевании и прекрасно себя чувствовать.

С цифровизацией дело обстоит еще хуже. Человек не только не считает себя больным, он полагает, что цифровизация ему очень помогает жить, снимает с него огромное количество бытовых проблем, позволяет освободить время для других занятий или (чаще всего) для отдыха. При этом освобождая, точнее говоря, высвобождая время для отдыха, создатели цифровых технологий замещают и выхолащивают само понятие отдыха, превращая его в почти что абсолютную зависимость от игровых технологий, т. е. человек во время псевдоотдыха не отдыхает от цифровизации, он поработается ею окончательно.

Отдельно в связи с этим следует сказать о почти что повсеместном (скорее всего, слово «почти» здесь лишнее) нарушении прав человека при использовании любых (подчеркну – любых!) цифровых технологий. Нарушения прав человека здесь происходят постоянно и самое примечательное, с восторженного согласия самого человека. Человек самостоятельно размещает свои персональные данные при заселении в гостиницу, при оплате счетов за чтобы то ни было, при регистрации в бесконечных личных кабинетах на так называемых маркетплейсах (англ. marketplace – дословно «рынок»), в личных кабинетах торговых магазинов и на сайтах железнодорожных компаний и авиакомпаний. (Первая цифровая платформа для розничной продажи товаров была создана в 1995 г. компанией Amazon (США), которая начинала свою деятельность с продажи книг. Сегодня Amazon считается одним из крупнейших маркетплейсов в мире с филиалами в разных странах.).

Как будто человеку мало того, что за всеми его цифровыми перемещениям следят сотрудники банков и торговцы всем и вся, он еще добровольно пускает к себе в дом так называемую умную колонку под названием «Алиса», которая его ублажает, будит по утрам приятными звуками, подбирает специально под него музыку, предлагает послушать интересные книги, рассказывает последние местные новости и новости, происходящие в мире, и готова на все, чтобы только человек не ощущал себя вне зоны комфорта. Но у любой цифровой технологии, включая «Алису», всегда есть обратная сторона. Применительно к Алисе эта обратная сторона заключается в том, что под видом стремления оказать наибольшую помощь обслуживаемому колонкой клиенту, «Алиса» собирает всю возможную информацию о нем, пока он пребывает в благостном расслабленном состоянии. Так что пока человек в доме вместе с умной цифровой «Алисой» говорит о чем-то с членами своей семьи, например, о вкладах в банках, о цифровых паролях, о предстоящих покупках, о своих политических симпатиях и антипатиях, «Алиса» все это добросовестно запоминает и аккумулирует полученную информацию. Куда и кому поступает полученная информация, и главное, что потом с этой информацией будет делать ее обладатель – вот тот вопрос, который самым непосредственным образом связан с вопросами прав человека.

В ст. 2 Конституции Российской Федерации сказано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. На государство возлагается обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. В ст. 23 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый человек и гражданин имеет право на: 1) неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; 2) тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

В последнем случае ограничение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения.

Однако возникает вопрос, насколько в условиях современной цифровизации у человека сохраняется тайна переписки, тайна телефонных разговоров и прочие тайны, из-за того, что передача любых сведений сегодня осуществляется посредством информационно-коммуникационных сетей.

Более того, сегодня человека провоцируют для передачи сведений, составляющих как его личную тайну, так и тайну, связанную с его профессиональной деятельностью. Речь идет о совершении многочисленных так называемых киберпреступлений, причем если буквально вчера для этого использовались схемы обмана граждан путем совершения мошеннических действий, то сегодня для этого создаются цифровые двойники. Таким образом, человек с одинаковой степенью вероятности может как стать жертвой преступления, так и преступником: не следует, думаю, удивляться, если в какой-то момент человек совершит преступление в отношении самого себя.

Более того, эксперты единодушны во мнении, что буквально в течение этого, максимум следующего года цифровые технологии достигнут того уровня, когда никакая экспертиза не сможет с абсолютной достоверностью определить, кто изображен на цифровом снимке (цифровой записи) – человек или его цифровая копия. Соответственно будет нарушена (скажем, аккуратно) система доказательственной базы: совершил ли человек то или иное действие, или вся визуализация – это результаты цифровой манипуляции киберпреступников.

Например, использование дипфейков (deepfake – англ. «deep learning» – «глубокое обучение» и англ. «fake» – подделка) приводит к следующим негативным правовым последствиям: 1) использование цифрового двойника голоса человека для совершения буллинга (от англ. bullying – запугивание, «травля» и моббинга (от англ. mob – агрессивная толпа, группировка); 2) распространение поддельных видеоизображений в виртуальной среде, которые имеют порнографическое содержание (более 100 тысяч в год, начиная с 2020 г.) для дальнейшего вымогательства денежных средств; 3) совершение разных видов мошеннических действий (в каждой стране мира количество таких преступлений растет на 4 % каждый год); 4) нарушение конституционных прав граждан на защиту персональных данных, личных прав граждан, неприкосновенность частной жизни; 5) совершение посягательств на общественную безопасность государства.

Обоснованно говорится, что негативные последствия от использования дипфейков будут усугубляться и расширяться, поскольку дипфейк-технология становится все более распространенной и технологически удобной [1, с. 2–4].

То, что проблемы цифровых нарушений прав человека являются проблемами всего человечества, было ясно несколько лет назад. По этой причине 7 декабря 2021 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила без голосования (обратим на это особое внимание!) российско-американскую резолюцию о нормах поведения в киберпространстве и о предотвращении преступлений в этой сфере.

Наиболее тревожным является то, что чаще всего киберпреступниками становятся люди очень молодого возраста: школьники и студенты. Напомним, что одним из первых киберпреступлений стал хакерский взлом в США персональных компьютеров информационной системы, обеспечивающей работы плотины в штате Аризона, *12-летним юношей* в 1998 г. Если бы этот несовершеннолетний хакер воспользовался полученным доступом и открыл все сливные ворота плотины, то могли быть затоплены несколько городов с общей численностью более одного миллиона человек. При этом 12-летний хакер причислял себя к *группе несовершеннолетних правонарушителей*, называвших себя «группа-414» [2, с. 175].

В соответствии со ст. 129 Конституции Российской Федерации одним из направлений деятельности прокуратуры является надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Как справедливо подчеркнул известный российский теоретик права и конституционалист С. А. Авакьян, прокурор – это человек, принимающий ответственные решения, от которых зависят защита и восстановление прав граждан [3, с. 35].

Совершенно справедливо говорится, что с учетом того что в процессе накопления и систематизации персональных данных может быть сформирован информационный массив о частной жизни гражданина, включающий данные, связанные с личной и семейной тайнами, приобретает актуальность обеспечение государственной защиты конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при осуществлении обработки персональных данных с применением информационных технологий [4, с. 90].

При этом профилактика мошеннических действий с использованием информационно-коммуникационных систем, включая сотовую телефонную связь с подменой но-

меров и даже личности звонившего, должна строиться не только в связи с работой сотрудников правоохранительных органов и прокуроров, но должна основываться на привлечении широкого круга специалистов разного профиля: а) быть адресной; б) проводиться с учетом социальной и психологической характеристик потерпевших; в) учитывать особенности каждой социальной категории граждан [5, с. 324].

На сегодняшний день правозащитная функция государства не утрачивает актуальности, особенно учитывая непостоянство нормативной основы, реформирование государственного аппарата, все время возникающие кризисные ситуации. Не менее значимой проблемой защиты прав и свобод человека и гражданина выступает незрелость институтов гражданского общества (малочисленность правозащитных организаций, общественных объединений правоохранительной направленности, зависимость СМИ), низкая активность населения в вопросах контроля за органами публичной власти и органами местного самоуправления. Ситуация усугубляется высокими ценами на рынке юридических услуг.

Все эти условия объективно обуславливают усиление роли прокуратуры как государственного органа, защищающего права и свободы граждан. Посредством надзора прокурором должна вестись непримиримая борьба с любыми нарушениями законодательства, а также своевременно приниматься действенные меры по защите охраняемых законом прав и свобод человека и гражданина [6, с. 120].

В свете рассматриваемой терминологии будет полезным отметить имеющуюся теоретическую дискуссию о применяемых в законодательстве понятиях: «охрана», «защита», «гарантирование» и «обеспечение».

Участники такой дискуссии приходят к следующим выводам: 1) правовые категории «охрана» и «защита» в действующем законодательстве, к сожалению, между собой не разграничиваются (хоть на уровне конституционно-правового регулирования, хоть на уровне отраслевого правового регулирования наличествует их смешение и отождествление); 2) при выяснении различий в рассматриваемых понятиях в соответствии с доктринальным подходом господствует следующая позиция: «охрана» – установление общего правового (регулятивного) режима, «защита» – реализация охранительного режима, т. е. применение государством мер принуждения в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина; 3) обеспечение прав и свобод человека и гражданина – это создание гарантий для их охраны и защиты, поэтому понятие «обеспечение» является системой, объединяющей все остальные понятия; 4) в свою очередь гарантирование прав и свобод человека представляет собой совокупность всех предусмотренных законодательством гарантий, обладающих схожим предметом правового регулирования [7, с. 234].

В приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации определены основные направления надзорной деятельности, под которыми понимается надзор за законностью правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, надзор в сфере экономики и экологической безопасности, предупреждение преступных проявлений. В осуществлении надзорных действий прокуроры должны руководствоваться положением о высшей юридической силе Конституции Российской Федерации, прямом ее действии и применении на всей территории России, а также общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Прокурорам предписывается конкретными и систематическими действиями реализовывать приоритетное направление прокурорского надзора – соблюдение

прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, законодательными (представительными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, воинскими частями и учреждениями, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций (предприятий, хозяйственных товариществ и обществ, производственных и потребительских кооперативов, общественных объединений, благотворительных и иных фондов) [8].

Важно отметить, что при осуществлении своих функций прокуроры ориентируются на принципы справедливости и неотвратимости ответственности за нарушение закона. При этом большая часть направлений деятельности прокуратуры осуществляется посредством реализации специальных полномочий, являющихся как правами, так и обязанностями работника прокуратуры, что следует из специфики их правовой природы. Таким образом, защита прав и свобод человека и гражданина не является ни правом, ни обязанностью прокурора, ее стоит обозначать в качестве назначения государственного органа.

Подчеркнем, что присяга прокурора при вступлении в должность включает в себя клятву защищать права и свободы человека и гражданина. Более того, нарушение присяги выступает основанием для наложения дисциплинарной ответственности, в том числе в виде прекращения службы в органах и организациях прокуратуры. В качестве еще одного основания для увольнения можно назвать совершение проступка, порочащего честь прокурорского работника, который может состоять в непосредственном нарушении прав и свобод человека и гражданина [6, с. 119–120].

Невозможно исполнять требования профессиональной этики, не разделяя базовых ценностей правозащитной сферы, поэтому профессиональная деятельность прокурорского работника – это единство личной и корпоративной этики, обусловленное приверженностью общечеловеческим этическим идеалам, закреплённое мировоззренческим пониманием основ конституционного строя Российской Федерации [9, с. 140].

В заключение отметим очередной парадоксальный вывод (что делать – вся наша жизнь, и юриспруденция здесь не является исключением, состоит из парадоксов): понимая, что цифровая глобализация является перманентной причиной нарушения прав и свобод человека, прокуратура, являясь государственным органом, призванным стоять на страже соблюдения закона по недопущению их нарушения, сама вынуждена (подчеркну слово – вынуждена) все в больших объемах использовать цифровые технологии в своей деятельности.

Как признают специалисты, внедрение в систему управления нормативно-справочной информации и мастер-данных, обеспечение централизации обработки данных органов прокуратуры, внедрение интерактивного помощника по взаимодействию с органами прокуратуры (чат-бот), создание информационной системы по организации и контролю коммуникационного взаимодействия (мобильное приложение) позволит существенно улучшить надзорную деятельность прокуратуры [10, с. 165].

Таким образом, защита прав и свобод человека уже сегодня невозможна без ресурсов цифровой глобализации, в рамках которой как в России, так и в Беларуси, увы, как раз сегодня такие нарушения больше всего совершаются.

Нам предстоит совместная работа, в том числе с другими странами, создавать правовые механизмы, если так можно сказать, обуздания цифровых технологий и постановку цифровой глобализации под контроль человека и всего человечества. Пока что «цифровой джин» выпущен из бутылки и ведет себя так, как джин по имени Старик Хоттабыч из одноименной сказки Лазаря Лагина: не признает никаких правил, вроде бы на словах подчиняется своему спасителю советскому школьнику Вольке, но в решающий момент подыгрывает другой футбольной команде (не той за которую просил Волька).

«Теперь Волька все понял и ужаснулся.

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, – сказал он дрожащим голосом, – что же это такое? Ты же знаешь, что мы оба – и я и Женька – болеем за «Зубилу»! А ты, выходит, совсем наоборот: болеешь за «Шайбу»?

– Увы, о благословенный, это так, – удрученно ответил старик.

– Разве я не спас тебя из заточения в глиняном сосуде? – горько продолжал Волька.

– Это верно, как то, что сейчас день, и как то, что тебя ждет великое будущее, – еле слышно отвечал Хоттабыч.

– Так почему же ты подыгрываешь «Шайбе», а не «Зубилу»?

– Увы, я не волен над своими поступками, – сокрушенно отвечал Хоттабыч, и крупные слезы потекли по его морщинистому лицу. – Мне очень хочется, чтобы выиграла команда «Шайбы»...».

Чтобы цифровые технологии не господствовали над правами и свободами человека надо срочно сделать три вещи:

1) как уже было сказано, создать общепринятый и общепризнанный правовой механизм их применения;

2) не пытаться их использовать против интересов других;

3) не дать возможности алгоритмам стать главнее человека.

Библиографический список

1. Денисович, В. В. Применение дипфейктехнологий в метавселенных: уголовно-правовой взгляд / В. В. Денисович // Мировой судья. – 2025. – № 1. – С. 2–4.

2. Федосеева, О. И. психологические особенности формирования личности несовершеннолетнего киберпреступника / О. И. Федосеева // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2022. – № 4 (60). – С. 174–178.

3. Авакьян, С. А. Обеспечение конституционных прав личности как одна из ключевых задач прокуратуры / С. А. Авакьян // Конституционные основы прокурорской деятельности (Сухаревские чтения) : сб. материалов X Всероссийской науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Москва, 11 окт. 2024 г. / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации ; под общ. ред. И. М. Мацкевича. – М., 2025.

4. Селезнев, В. А. Административная ответственность за нарушение требований законодательства Российской Федерации в области персональных данных / В. А. Селезнев // Информационная безопасность и единая цифровая среда доверия : сб. материалов научных мероприятий, Москва, 25 мая 2020 г., 17 сент. 2020 г. / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; отв. ред. С. М. Зырянов, Л. К. Терещенко. – М. : ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 89–99.

5. Андрианов, М. С. Рост числа нарушений конституционных прав российских граждан при совершении мошеннических преступлений и переход проблемы в сферу межгосударствен-

ных отношений / М. С. Андрианов // Конституционные основы прокурорской деятельности (Сухаревские чтения) : сб. материалов X Всероссийской науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Москва, 11 окт. 2024 г. / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации ; под общ. ред. И. М. Мацкевича. – М., 2025.

6. Саидова, С. И. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе / С. И. Саидова // Интерактивная наука. – 2023. – № 4 (80). – С. 119–122.

7. Воробец, А. А. Защита и охрана прав и свобод человека и гражданина: проблема соотношения понятий / А. А. Воробец, В. А. Шохова // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 2 (67). – С. 231–235. – DOI: 10.25683/VOLBI.2024.67.986.

8. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 7 дек. 2007 г. № 195 : в ред. от 10 сент. 2024 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 09.05.2025).

9. Сергеева, А. Ю. Конституционные основы деятельности прокурора как фактор развития его мировоззрения / А. Ю. Сергеева // Конституционные основы прокурорской деятельности (Сухаревские чтения) : сб. материалов X Всероссийской науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Москва, 11 окт. 2024 г. / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации ; под общ. ред. И. М. Мацкевича. – М., 2025.

10. Лихачева, Е. Ю. Отдельные вопросы организации работы в органах прокуратуры в условиях цифровизации / Е. Ю. Лихачева // Конституционные основы прокурорской деятельности (Сухаревские чтения) : сб. материалов X Всероссийской науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Москва, 11 окт. 2024 г. / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации ; под общ. ред. И. М. Мацкевича. – М., 2025.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАБОТКИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ (BIG DATA) В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

С. Х. Джиоев

*профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
shdzhioev@msal.ru*

В условиях формирования информационного общества цифровые технологии всё активнее влияют на экономику, управление и безопасность. Несмотря на формальное главенство человека, развивается дисбаланс интересов в платформенной экономике и алгоритмическое ущемление пользователей, что показано на примере «алгоритмического убийства» маркетплейсами постоянных клиентов. Использование больших данных правоохранительными органами без контроля также несет риски ущемления прав граждан. Предлагается наделить Счётную палату РФ полномочиями по оценке алгоритмических практик правоохранительными органами, прокуратурами и судами.

Ключевые слова: информационное общество; главенствующее положение человека в обществе; технология обработки больших данных; маркетплейсы; дисбаланс интересов операторов торговых платформ и их пользователей; алгоритмическое убийство постоянных клиентов; правоохранительная деятельность; безопасность данных; контролирующий орган.

Основные задачи, цели и меры по ведению внутренней и внешней политики России в области использования информационных и коммуникационных технологий регламентированы Стратегией развития информационного общества в РФ на период с 2017 по 2030 гг.. В положениях Стратегии изложены принципы, которые призваны обеспечить развитие современного информационного общества и реализацию стратегических национальных приоритетов. В документе отмечено, что информационные и коммуникационные технологии являются сегодня частью современных российских систем во всех сферах государственного управления, безопасности и обороны страны, обеспечения законности и правопорядка (п. 11 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 гг. : Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203). Одной из основных задач применения информационных технологий в сфере взаимодействия государства и бизнеса является разработка мер, направленных на внедрение в российских организациях российских информационных технологий, включая *технологии обработки больших объемов данных* (п. 41 указанной Стратегии).

Востребованными в основном *на перспективу* в системе государственного управления являются технологии обработки больших данных (Big Data). В государстве большие данные могут использоваться в первую очередь для принятия решений, оценки позитивных и негативных последствий этих решений, определения ранее скрытых зависимостей. На основании анализа таких данных, который проводится с помощью нейронных сетей, ставятся гипотезы и формулируются управленческие решения должностными лицами.

Г. А. Василевич верно отмечает, что цифровая среда в нынешних условиях влияет даже на развитие конституционного пространства, по существу, речь может идти о дальнейшем углублении демократии (власти народа), которая в современный период приобретает новое звучание как «электронная демократия» [1, с. 15]. Как верно отмечается в научной литературе, важнейшее положение теории гуманитарно-технологической революции наших дней состоит в том, что высшим приоритетом развития общества является главенствующее положение человека: это положение коренным образом отличается от базовой концепции общества потребления, и имеет свои особенности в менталитете народов Беларуси и России [2, с. 17–18].

Возможные крены от указанного приоритета в современном обществе уже сегодня можно наблюдать на примере использования технологии обработки больших данных как отечественными, так и зарубежными маркетплейсами. Хорошо иллюстрирует ситуацию такого крена в пользу роста прибыли платформенной торговли так называемое «хищническое ценообразование», представляющее демпинговую ценовую политику платформ для привлечения новых клиентов за счет ущемления интересов постоянных клиентов.

В Китае, где использование технологии обработки больших данных в платформенной торговле получило наибольшее распространение, это явление получило название «алгоритмическое убийство постоянных клиентов» и уже хорошо изучено в отличие от нашего рынка [3, с. 9023]. При этом, для дифференциации миллионов клиентов на разные группы, прежде всего – на новых и постоянных, используется технологии обработки больших данных.

Операторы торговых платформ часто собирают и используют личную информацию потребителей, а также устанавливают дифференцированные цены без учета стоимости для потребителей, приобретающих одни и те же товары при одинаковых условиях сделки. В отношении одного и того же товара для старых пользователей устанавливают высокие цены, а новые пользователи получают льготные цены. Этот процесс сбора является обязательным для пользователей и сопровождается сбором большего объема личной информации, чем необходимо, что нарушает право потребителей на неприкосновенность частной жизни и личную информацию без их ведома. При анализе данных, полученных из собранной личной информации, операторы используют алгоритмические методы, а скрытый характер алгоритмов может нарушать право потребителей на честную торговлю. В то же время операторы используют алгоритмические технологии для классификации уровня потребления потребителей, составления персонализированных рекомендаций на основе разницы в уровне потребления, фильтрации и ограничения результатов поиска, что кажется предоставлением более качественных услуг, но на самом деле является нарушением права потребителей на собственный выбор.

После того как операторы торговых платформ вкусят сладость «больших данных» ускоряется переход рынка к таргетированию прибыли и их чрезмерному стремлению к ней. Операторы смещают акцент с повышения качества своих продуктов или услуг на то, как лучше использовать технологии больших данных для максимизации прибыли.

Недостаточные средства правовой защиты также являются отражением трудностей, с которыми сталкиваются потребители при защите своих прав, что в основном выражается в трудностях, с которыми сталкиваются потребители при доказывании своих прав и сложностях при определении своих убытков. В режиме «ознакомления с большими данными» потребителям трудно выяснить, был ли нанесен ущерб их правам

и интересам, и даже если они это сделают, им трудно опираться на имеющиеся у них доказательства (свои и чужие записи потребления, результаты поиска и т. д.), чтобы бороться с возражениями оператора (возражения включают ссылку на то, что алгоритмы являются коммерческой тайной и не раскрываются общественности). В то же время трудно определить стандартную цену на одни и те же товары или услуги, поэтому потребителям сложно доказать размер понесенных ими убытков. Кроме того, потребители могут быть втянуты в процесс защиты своих прав, что требует много времени и денег и отталкивает многих потребителей от этого.

Решение этой проблемы в Китае видится в необходимости усилить надзор за платформой со стороны надзорного органа, контролировать и предупреждать использование данных на платформе и, при необходимости, использовать технологии больших данных для противодействия «убийственному» поведению платформы [3, с. 9024].

Российские маркетплейсы также могут использовать подобный подход в ценообразовании. Недобросовестная практика в ценообразовании основывается на дискриминации пользователей по различным признакам. Представители традиционной розницы указывают на дискриминацию участников традиционной розницы, продавцов и покупателей со стороны маркетплейсов и предлагают властям заставить маркетплейсы раскрывать алгоритмы ценообразования. Защищаясь от претензий розничных сетей, которым не нравится дисконт в 30-50% на онлайн-площадках, представители маркетплейсов возражают против введения подобных ограничений на дисконт на законопроектной стадии в Федеральный закон 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» и утверждают, что «в офлайн-ритейле тоже есть промоакции, желтые ценники в магазинах и т. д., мы делаем то же самое, только в онлайн» [4]. На наш взгляд, эти возражения не корректны, в розничном магазине скидками может воспользоваться любой покупатель, тогда как маркетплейсы предлагают такого рода скидки лишь своим новым клиентам, выделяя их из основной массы клиентов с помощью технологии обработки больших данных. Вместе с тем, указанные ограничения в принятый закон включены не были.

В мире есть практика ограничений маркетплейсов [5]. Данный подход предлагается в Беларуси [6]. Обсуждается этот вопрос и на уровне нашего Союзного государства, где также намерены повысить ответственность маркетплейсов перед клиентами [7].

Технология обработки больших данных может быть использована не только для проверки подозрительных сделок и создания здоровой и благоприятной торговой среды, но и для повышения эффективности и интенсивности правоохранительной деятельности. Подробный анализ основ применения прокуратурой ИКТ при реализации ее функций проводился и ранее [8; 9; 10; 11; 12]. Здесь мы рассмотрим только отдельный аспект применения новых технологий, касающийся рисков использования технологии обработки больших данных.

В Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 г. (приказ Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. № 627, в ред. от 27 мая 2024 г.) по направлению высокотехнологического надзора предусмотрено внедрение подсистемы информационно-аналитической обработки данных с использованием технологий ИИ и «больших данных», при этом, особый интерес представляет тематика

цифровизации правосудия и правоохранительной деятельности – от внедрения ведомственных информационных систем до использования ИИ [13]. В частности, использование систем многомерного OLAP и интеллектуального анализа Data Mining позволяет обрабатывать большое количество неструктурированной информации в криминалистических целях [14, с. 11]. Так, благодаря выявленной статистике в Самарской области по инициативе прокуратуры г. Самары ограничен доступ к интернет-сайтам, предоставлявшим возможность приобретения путем оплаты услуги онлайн дипломов о среднем и высшем образовании [15, с. 287].

МВД и ФСБ Российской Федерации также используют технологии ИИ при осуществлении мониторинга СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), в том числе – путем проведения потокового анализа данных, деанонимизации участников экстремистской деятельности в информационно-телекоммуникационных сетях. При этом, одним из главных преимуществ использования технологий больших данных (Big Data) в работе органов внутренних дел является возможность быстрого и точного выявления преступных схем и преступников. Благодаря обработке большого объема информации с помощью специальных алгоритмов и систем, органы внутренних дел могут быстро получать ценные данные, которые помогают предотвратить преступления и дополнительно укрепляют доказательную базу при расследовании. Использование технологий обработки больших данных может помочь повысить эффективность работы органов внутренних дел, предоставив более точную и своевременную информацию о преступности и других важных событиях. Однако, в качестве основных проблем здесь называют возможность нарушения конфиденциальности и защиту данных. Поскольку в процессе обработки больших объемов информации возникает необходимость использования персональных данных, существует риск нарушения конституционных прав граждан на защиту личной жизни и конфиденциальности информации. Кроме того, использование автоматических алгоритмов может привести к нежелательным последствиям, если эти алгоритмы будут основываться на предвзятых данных [16, с. 130]. К примеру, в Татарстане алгоритмы платформы «Конъюнктура» помечали подростков в чёрной одежде как «потенциальных экстремистов».

В настоящее время у коммерческих компаний нет доступа к государственным данным. В Ассоциации больших данных (АБД), которая объединяет «Яндекс», VK, «Ростелеком» и ряд других игроков российского рынка, отмечают, что пока что обсуждается только их доступе к информации, необходимой бизнесу для оказания услуг, – информации о паспортах, трудовой деятельности граждан, номерах телефонов и т. д. Модели ИИ, которые обучили на государственных данных, будут проверяться с участием ФСБ на предмет угрозы национальной безопасности и обороны страны. Для этого до 2028 г. планируется создать и внедрить первую версию программного обеспечения, которое будет отвечать за такие проверки [17].

Минцифры России считает, что большие обезличенные данные должны стать доступными для бизнеса в целях развития технологии ИИ. Однако, следует отказаться от обмена массивными данными, запрос сведений по рамках межведомственного взаимодействия должен быть жестко урегулирован и связан с оказанием услуги, либо с выполнением какой-то конкретной функции ведомства [18].

Совершенствование российского законодательства, обеспечивающего надлежащее функционирование технологий обработки больших данных, сегодня идет полным

ходом. Важным шагом стал Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», который направлен на обеспечение благоприятных правовых условий для сбора, хранения и обработки данных с использованием новых технологий, в части установления порядка обезличивания персональных данных, порядка получения согласия на обработку персональных данных, а также регулирования оборота больших объемов данных с учетом необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных. В целях безопасного хранения необходимых данных и повышения эффективности межведомственного взаимодействия с 1 января 2025 г. в России запущена в эксплуатацию государственная единая облачная платформа («гособлако») (Постановление Правительства РФ от 10 июля 2024 г. № 929 «Об утверждении Положения о государственной единой облачной платформе»).

Большие данные с их огромными возможностями в областях – от торговли на маркетплейсах до государственного управления – сегодня могут сыграть ключевую роль в цифровой трансформации нашего государства. Однако для раскрытия этого потенциала необходимы: а) расширение обмена данными; б) повышение доверия к обмену данных.

Расширение обмена данными – это процесс предоставления одних и тех же ресурсов данных нескольким пользователям – предприятиям или государственным органам, при возможности технологического объединения таких ресурсов. Так, Минпромторг России разработал проект постановления о предоставлении Генеральной прокуратуре, МВД, Минтруду и Фонду пенсионного и социального страхования доступа к государственной информационной системе мониторинга товаров (ГИС МТ) «Честный знак». Сегодня обсуждается создание объединенной базы данных всех судов РФ в рамках суперсервиса «Правосудие онлайн». Однако, Судебный департамент при Верховном Суде РФ является противником произвольного вывода информации «на сторону» и считает, что «вся информация должна обрабатываться только внутри судебной системы» [19]. Думается, эта позиция является обоснованной. К сожалению, кибератака на ГАС «Правосудие» в октябре 2024 г. привела к утрате консолидированной базы данных в количестве почти «девятиста миллионов судебных актов» [20], которые теперь недоступны в этой базе.

Для дальнейшего повышения доверия к данным важно, чтобы меры безопасности, обеспечивающие контроль над данными со стороны граждан, органов государственного сектора и предприятий, были реализованы в максимально возможной степени. Кроме того, следует соблюдать законодательство, касающееся безопасности защиты данных и конфиденциальности, а также защиты прав потребителей. Чтобы предотвратить незаконный доступ облачные и периферийные сервисы должны принять все разумные меры для предотвращения доступа к системам, в которых хранятся неперсональные данные, в том числе, посредством шифрования данных, периодического представления на аудит, соблюдения соответствующих схем сертификации обеспечения безопасности, а также путем изменения своих корпоративных политик. Безусловно необходимо более полное правовое регулирование использования больших данных в условиях последовательного развития цифровых технологий. Необходимо введение: обязанности регламентированного законом раскрытия логики работы алгоритмов, особенно при принятии решений, влияющих на права человека (например, отказ в кредите,

ценообразование, автоматические штрафы); строгой ответственности за утечку и неправомерное использование данных; обязанности проведения оценки воздействия на защиту данных перед запуском проектов использования технологий обработки больших данных и др. Мы согласны с тем, что для регулирования деятельности правоохранителей в едином информационном пространстве есть смысл издавать совместные ведомственные приказы с участием Генеральной прокуратуры РФ о переходе на единую цифровую платформу для совместного электронного взаимодействия с правоохранительными ведомствами [21].

В 2022 г. в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» внесены изменения, которыми расширены отдельные полномочия Счетной палаты: контрольная и экспертно-аналитическая деятельность Счетной палаты теперь осуществляется в том числе в отношении государственных программ РФ; введен новый вид аудита – аудит соответствия; предусмотрены полномочия по привлечению аудиторских, научно-исследовательских, экспертных и иных организаций, отдельных специалистов, экспертов, переводчиков к участию в осуществлении контрольной, экспертно-аналитической и иной деятельности на договорной основе. В 2025 г. счетная палата успешно провела анализ состояния информатизации судебной системы РФ, который не только выявил недостаточную организацию процессов информатизации судопроизводства в федеральных судах, но и затронул вопросы конституционного устройства и гарантий прав человека [22]. Учитывая риски ущемления прав граждан путем использования технологий обработки больших данных, считаем необходимым наделения существующего контролирующего органа полномочиями по контролю за практиками использования технологий обработки больших данных государственными органами. На наш взгляд, таким контролирующим органом может стать Счётная палата РФ, обладающая мандатом на проведение аудита эффективности и способная провести независимую оценку цифровых инициатив также с точки зрения соблюдения прав человека, в том числе – на основе проведения независимых экспертиз практики использования алгоритмов обработки больших данных.

Итак, новые аналитические технологии обработки больших данных могут играть важную роль в обеспечении правопорядка в государстве, помогают повысить эффективность деятельности правоохранительных органов, органов прокуратуры и суда, улучшить доступность информации и повысить общественную безопасность. Однако, обобщенный подход к вышерассмотренной проблеме позволяет утверждать, что, поскольку поставщики цифровых услуг получают огромный массив информации о пользователях, это может привести к нерегулируемому дисбалансу сил и к использованию операторами аналитических платформ предвзятых предпочтений в коммерческих или политических целях. Автоматизированные оценки на основе больших данных могут означать категоризацию отдельных лиц или групп, что может привести к их исключению, например, из профессиональных возможностей или медицинского страхования. В качестве возможного решения рассмотренной проблемы необходимо закрепить за Счётной палатой Российской Федерации независимую оценку использования цифровых технологий правоохранительными органами, а также органами прокуратуры и суда, в том числе – с точки зрения соблюдения прав человека на основе проведения независимых экспертиз использования алгоритмов аналитических технологий.

Библиографический список

1. Василевич, Г. А. Информационные технологии как средство обеспечения эффективной занятости // Проблемы цифровизации государственного управления: Республика Беларусь и зарубежный опыт: материалы междунар. круглого стола, Респ. Беларусь, Минск, 15 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : В. С. Михайловский (гл. ред.), Л. А. Краснобаева, А. В. Шидловский. – Минск : БГУ, 2022. – С. 14–18.
2. Становление и развитие цифровой трансформации и информационного общества (ИТ-страны) в Республике Беларусь : моногр. / Под ред. В. Г. Гусакова. – Минск : Белорус. наука, 2019. – 227 с.
3. 杨佳玥 大数据杀熟法律规制困境探析与路径完善//电子商务评论. –2024. – № 13. – Р. 9020-9026. = Ян Цзяюэ. Исследование дискриминации на основе больших данных и пути совершенствования правового регулирования // Обзор электронной коммерции. – 2024. – №13. – С. 9020–9026.
4. Перцева, Е. Акционное раздражение: ритейл просит ограничить скидки маркетплейсов до 10% (07.05.2025). – URL: <https://iz.ru/1882147/evgeniia-pertceva/akcionnoe-razdrazhenie-retail-prosit-ogranichit-diskont-marketpleisov-do-10-procentov> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Кожевников, А. Маркетплейсы хотят штрафовать за дискриминацию. – URL: <https://mdmag.ru/news/marketpleysy-khotyat-shtrafovat-za-diskriminatsiyu-> (дата обращения: 01.06.2025).
6. Карелина, А. В Беларуси собираются ввести защиту прав покупателей в интернете на уровне не ниже, чем это реализовано в стационарной торговле. – URL: https://blizko.by/notes/marketpleysy-v-belarusi-obyazhut-vozvrashchat-dengi-za-nekachestvennyu-tovar_vg (дата обращения: 01.06.2025).
7. В Союзном государстве хотят повысить ответственность маркетплейсов перед клиентами / Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. – URL: <https://belrus.ru/info/v-soyuznom-gosudarstve-hotyat-povysit-otvetstvennost-marketpleysov-pered-klientami/> (дата обращения: 01.06.2025).
8. Джиоев, С. Х. Вопросы развития информационных технологий и систем в деятельности органов прокуратуры // Вестн. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 3. – С. 51–60.
9. Бут, Н. Д. Правовая трансформация обеспечения прокуратурой законности в сфере контрольной (надзорной) деятельности / Н. Д. Бут, Д. А. Егупов // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. – 2022. – № 5. – С. 24–32.
10. Хатов, Э. Б. Цифровые технологии в анализе состояния преступности в органах прокуратуры // Рос. журн. правовых исследований. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 37–44.
11. Шабаров, Д. В. Цифровая трансформация органов прокуратуры России: современное состояние и перспективы развития / Д. В. Шабаров, Ю. Б. Алексеева, О. Г. Повжик // Вестн. Балтийского фед. ун-та имени И. Канта. Сер. : Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 3. – С. 5–15.
12. Капинус, О. С. Цифровизация деятельности органов прокуратуры: настоящее и будущее // Вестн. Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Фед. – 2018. – № 4. – С. 5–10.
13. Краснов, И. Планирование развития Генпрокуратуры России происходит с использованием ИИ. Interfax. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1027718> (дата обращения: 01.06.2025).
14. Абдулаева, З. Л. Использование технологий обработки больших данных в правоохранительных органах / З. Л. Абдулаева, З. А. Саидова // Перспективы науки. – 2023. – № 7. – С. 10–12.
15. Хайрулина, Д. И. Использование технологий BIG DATA в деятельности прокурора // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: Сборник материалов X Междунар. науч.-практич. конф., Москва, 17 мая 2022 г. – М. : ООО «ИРОК», ИП Овчинников М. А., 2022. – С. 285–289.
16. Константинов, А. В., Михайленко Н. В. Использование технологии больших данных (Big Data) в деятельности органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2023. – № 3. – С. 129–132.

17. Жабин, А. ИИ нацбезопасности угроза. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7328354>. (дата обращения: 01.06.2025).
18. Шадаев, М. Большие данные. Подход Минцифры. – URL: <https://digital.gov.ru/news/bolshie-dannye-podhod-minczifry> (дата обращения: 01.06.2025).
19. Ибрагимов, А. Заседание рабочей группы по внедрению ТИИ в судебную деятельность: требования времени. – URL: https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/xu3esdf9d1-zasedanie-rabochei-gruppi-po-vnedreniyu?utm_campaign=RabGRII&utm_medium=social&utm_source=vksudya&utm_content=&utm_term=2252025&clid=f032b2e6 (дата обращения: 01.06.2025).
20. Петров, Э. От виртуального к реальному: как новые технологии влияют на состояние преступности и классические правовые средства противодействия ей / XIII Петербургский международный юридический форум. – URL: <https://roscongress.org/speakers/petrov-eduard/quotes/> (дата обращения: 01.06.2025).
21. Евлов, Т. Я. Современное состояние и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Вестн. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 6. – С. 205 –211.
22. Орлова, С. Ю. Не в цифре – Счетная палата оценила состояние информатизации судебной системы / Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. – URL: <https://ach.gov.ru/checks/ne-v-tsifre> (дата обращения: 01.06.2025).

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

М. С. Абламейко

*доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
m.ablameyko@mail.ru*

В статье рассматриваются подходы к правовому регулированию института больших данных с учетом международного опыта.

Ключевые слова: большие данные; искусственный интеллект; цифровая трансформация, цифровизация; цифровое законодательство.

Развитие информационного общества, предоставление всеобщего доступа к сети Интернет, цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности общества в целом, привели к росту предоставляемой и потребляемой информации. В настоящее время информация стала настолько ценным ресурсом, что сложно преувеличить ее значение. Знаменитая фраза Натана Майера Ротшильда «Кто владеет информацией, тот владеет миром» как никогда отражает реальность. Количество собираемых, обрабатываемых, генерируемых и т.д. данных растет в геометрической прогрессии. Это связано, в том числе, с переходом от аналогового формата на электронный (цифровой), что позволяет не только хранить огромное количество информации, но и использовать ее в различных целях. По прогнозам ООН объем данных на глобальном уровне достигнет 175 зеттабайт в 2025 г. [1].

Таким образом, в настоящее время формируются подходы к регулированию института больших данных. Сложность заключается в том, что большие данные, в отличие от открытых, могут включать в себя информацию ограниченного доступа. В связи с этим необходимо сформировать комплексный подход в регулировании данного вопроса, чтобы при сохранении приоритета развития технологий создать необходимые условия для защиты интересов личности, общества и государства и обеспечить национальную и информационную безопасность.

В юридической науке обсуждаются вопросы анализа правовых последствий использования больших данных, включая соблюдение норм, касающихся приватности и защиты персональных данных, кибербезопасности и антимонопольного права (использование данных крупными корпорациями). Акцент делается на правовых вызовах и принятии мер по регулированию.

К вопросу как большие данные меняют общество, экономику и право обращались Виктор Майер-Шенбергер и Кеннет Кукьер в книге «Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think». Авторы подчеркивают необходимость правовых рамок для регулирования сбора и использования данных, особенно в контексте приватности и предсказательной аналитики [2]. Лучиано Флориди рассматривает большие данные через призму этики, с точки зрения морально обоснованных решений и прозрачности алгоритмов [3]. Риски, связанные с большими данными, и возникающие

угрозы конфиденциальности, такие как слежка, раскрытие информации и дискриминация анализирует американский юрист Райан Кало [4]. Деятельность платформ, таких как Google, Amazon и др., использование ими данных с целью доминирования на рынке рассматривает Аннабель Гавер.

На данном этапе правовое закрепление понятия «больших данных» как на международном, так и на национальном уровнях отсутствует. Его аспекты регулируются через нормы, связанные с обработкой информации, защитой данных и цифровизацией. В законодательных актах Российской Федерации, Кыргызской Республики, Республики Армения в сфере информации и информационных технологий термин информация определен через категорию данные. В Республике Беларусь и Республике Казахстан понятие информации определяется через сведения. Следует отметить, что в Республике Казахстан, в отличие от других стран, в Административном процедурно-процессуальном кодексе от 29 июня 2020 г. № 350-VI разъясняется понятие данных как информации в формализованном виде, пригодной для обработки.

В настоящее время термин «большие данные» определен в актах технического регулирования. В соответствии с Национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь», идентичным Международному стандарту ИСО/МЭК (ISO/IEC) 20546:2019 «Information technology – Big data – Overview and vocabulary», IDT) большие данные (big data) – большие массивы данных, отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. Также отмечено, что термин «большие данные» широко применяется в различных значениях, например в качестве наименования технологии масштабирования, используемой для обработки больших массивов данных.

Большие данные можно рассматривать не только как большие массивы данных, но и как технологию. В связи с тем, что такого рода технологии пронизывают все сферы жизнедеятельности и их принято считать сквозными, то и правовое регулирование должно быть комплексным.

Классификация больших данных формировалась постепенно, в соответствии с потребностями анализа и обработки растущих объемов информации в эпоху цифровизации.

Модель 3V: volume, velocity, variety, предложенная Дугласом Лэйни аналитиком компании Gartner, легла в основу современной классификации больших данных. В рамках данной концепции рассматриваются такие характеристики больших данных как: объем – количество данных, измеряющееся в гигабайтах, терабайтах или йоттабайтах; скорость – определяет насколько быстро массивы информации генерируются и обрабатываются; разнообразие – различные типы данных, которые собираются из разных источников, что определяет форматы таких данных (структурированные, неструктурированные и др.) [5].

Позже, усилиями экспертов, компаний и исследовательских сообществ в связи с развитием технологий и возрастающими потребностями рынка, к данной модели добавились другие критерии: veracity (достоверность) – качество данных, позволяющее повысить

точность результатов и value (ценность) – возможность выявления скрытых закономерностей, прогнозирования, оптимизации процессов, персонализации предложений, т.е. выгода, которую организация получает от данных, что сформировало концепт 5V.

В настоящее время классификация данных продолжает расширяться. Выделяются дополнительные характеристики: volatility (изменчивость) – данные подвержены постоянному изменению; visualization (визуализация) – делает большие данные доступными для человеческого восприятия; validity (валидность) – процесс проверки данных различных типов по критериям корректности и полезности для конкретного применения; vulnerability (уязвимость) и viscosity (сложность обработки данных) и др. В связи с постоянным ростом количества данных, а также скорости их обработки увеличивается их разнообразие. Выделяются структурированные, полуструктурированные и неструктурированные. По отраслевой принадлежности большие данные можно разделить на: промышленные, финансовые, аграрные, экологические, демографические и др. В зависимости от обладателя: публичные (государственные); корпоративные (принадлежащие определенной организации); частные.

Особенно актуальным вопрос регулирования больших данных становится в связи с развитием технологий ИИ. Это связано с тем, что на этапе тренировки нейросетевых структур, требуются большие объемы размеченных данных для различных прикладных задач, причем важно обучить систему ИИ именно на реальных больших данных. Регулирование технологии больших данных, как и технологий ИИ, возможно в рамках определенных отраслей права в зависимости от сферы применения.

Международное сообщество стремится выработать общие подходы к регулированию больших данных таким образом, чтобы удалось соблюсти баланс стимулирования развития технологий, с одной стороны, и безопасность их функционирования, с другой. Решение данной задачи возможно с технической и юридической точки зрения. Внедрение технологий ИИ в общественные процессы не должно приводить к ущемлению прав и свобод человека независимо от экономического эффекта и коммерческого интереса.

Первыми шагами в области регулирования данного вопроса, с целью поиска баланса между стимулированием развития технологий и защитой прав и свобод личности и общества стало определение этических принципов и норм.

Значимым документом являются Рекомендации по этике ИИ (Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence) [6], которые позиционируется ЮНЕСКО как инструмент «мягкого права» и не носят обязательного характера. Одним из стратегических направлений реализации Рекомендаций является – политика в области данных. В первую очередь государствам-членам рекомендуется разработать стратегии управления данными, обеспечивающие непрерывную оценку качества данных, используемых для обучения систем ИИ, включая адекватность процессов сбора и выборки данных, надежность мер по обеспечению безопасности и защиты данных, включая соответствующие гарантии соблюдения права на неприкосновенность личной информации на всем протяжении жизненного цикла систем ИИ [6]. Например, Правительство Великобритании приняло Стратегию по данным Великобритании (National Data Strategy) для обмена данными между всеми игроками рынка (B2B, B2G, G2B, G2G) как на национальном, так и на международном уровнях для стремительного развития новых технологий; в Германии утверждена Стратегия по данным Федерального Правительства Германии (Data Strategy of the Federal German Government), целями которой являются: создание

эффективной и устойчивой инфраструктуры данных в стране, повышение инновационного и ответственного использования данных, развитие компетентности в области данных и формирование культуры данных; в рамках правительственной программы по цифровому развитию Индии Digital India разработана инициатива «Открытые данные» (Open Government Data (OGD) Platform) [5]. Также, государствам-членам следует разработать правила и стандарты в отношении данных или эквивалентные рамочные принципы, либо провести пересмотр существующих положений для обеспечения защиты персональных и конфиденциальных данных, которые, в случае их разглашения, могут причинить людям значительный ущерб, физический вред или страдания (данные о совершении правонарушений, биометрические и генетические данные, данные о здоровье и др.) [6].

Таким образом, для формирования политики в области больших данных необходимо принять стратегию, в которой отразить юридические, технические и организационные меры, регулирующие данный институт. На законодательном уровне следует решить ряд вопросов, включая: определение терминологии, правила предоставления доступа к большим данным государственных структур; принципы классификации данных и разграничение больших данных от персональных данных путем определения методов обезличивания персональных данных; обеспечение защиты прав и свобод человека в цифровом пространстве, включая неприкосновенность частной жизни. Важным этапом является формирование стандартов в данной области для защиты информации конфиденциального характера и персональных данных. На отраслевом уровне следует предусмотреть возможность использования данных конфиденциального характера только после прохождения обезличивания (анонимизации).

Библиографический список

1. Инновации в сфере данных для целей развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/big-data-for-sustainable-development>. (дата обращения: 23.04.2025).
2. Майер-Шенбергер, В. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / В. Майер-Шенбергер, К. Кузьер ; пер. с англ. Инны Гайдюк. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 240 с.
3. Floridi, L., Taddeo, M. What is Data Ethics? / Philosophical Transactions of The Royal Society a Mathematical Physical and Engineering Sciences. Vol. 374. No. 2083. 2016. Art. 20160360. – URL: <https://doi.org/10.1098/rsta.2016.0360>. – (date of access: 23.04.2025).
4. Calo, R. Consumer Subject Review Boards: A Thought Experiment: forum the center for internet and society, Stanford Law School, 3 Sept. 2013 / Stanford Law Review Online 97-102. – URL: – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2340745– (date of access: 23.04.2025).
5. Laney, D. 3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity and Variety / Application Delivery Strategies, Meta Group, 2001. – 3 p.
6. UNESDOC [Цифровая библиотека] – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (date of access: 13.03.2025).
7. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Издание 2023 / Коллектив авторов под редакцией А. В. Незнамова. – М., 2023. – 452 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В. А. Шаршун

*доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
sharsh1970@gmail.com*

В статье анализируются проблемы различения и разграничения информационных и цифровых правоотношений как родового и видового объекта.

Ключевые слова: правоотношение, законодательство, информационные правоотношения, цифровые правоотношения, цифровая среда, информационные технологии.

Широкое распространение цифровых технологий в различных сферах государственной и общественной жизни обуславливает изменения в правовом регулировании. В связи с этим представляет интерес исследование как сущности правоотношений в цифровой среде, так и различных аспектов совершенствования правового регулирования данных отношений. В то же время уже достаточно давно существуют и информационные правоотношения, которые связаны с различными аспектами создания и использования информации. При этом информационные и цифровые отношения весьма тесно связаны, но обладают определенными различиями, а их взаимоотношение актуально в контексте дискуссии о целесообразности выделения новой отрасли права – цифрового права.

В белорусском законодательстве существует легальное определение информационных отношений. Аб. 8 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» определяет информационные отношения как отношения, возникающие при поиске, получении, передаче, сборе, обработке, накоплении, хранении, распространении и (или) предоставлении информации, пользовании информацией, защите информации, а также при применении информационных технологий. Понятие и сущность информационных правоотношений в своих трудах исследовали И. Л. Бачило [1], Н. Н. Ковалева [2], И. М. Рассолов [3], О. А. Городов [4], Т. З. Шалаева [5] и др.

По мнению И. Л. Бачило предметом, формирующим специальную отрасль отношений, условно называемых информационными, является совокупность реально существующих материализованных результатов творчества и труда, воплощенных: 1) в информации при разнообразии форм ее проявления и формируемых на этой основе информационных ресурсах; 2) средствах и технологиях работы с информацией; 3) средствах и технологиях коммуникации информации по сетям связи [1, с. 23].

Н. Н. Ковалева, Е. В. Холодная определяют информационные правоотношения как общественные отношения, урегулированные правом, субъекты которых являются носителями информационных прав и обязанностей [2, с. 40; 7, с. 33]. И. М. Рассолов под информационными правоотношениями понимает волевое общественное отношение, где информация выступает благом, по поводу которого возникают права и обязанности субъектов, а также общественные (социальные) отношения, урегулированные нормами

информационного права [3, с. 106]. Т. Ш. Иззатов рассматривает информационные правоотношения как процесс целевого перераспределения в обществе сведений о лицах, предметах, фактах, событиях явлениях и процессах независимо от формы их представления [6, с. 11]. О. А. Городов в информационные правоотношения включает «отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством, распространением преобразованием и потреблением информации» [4, с. 46]. Т. З. Шалаева определяет информационные правоотношения как юридическую форму общественных отношений в информационной сфере, урегулированных нормами информационного права, в которых стороны выступают носителями взаимных субъективных прав и обязанностей, соответствующих конкретным юридическим фактам, и реализация которых гарантируется государством [5, с. 62].

Цифровые правоотношения исследовали С. К. Банакас, Д. А. Петров, В. Ф. Попондопуло, Е. В. Силина [8], Ю. В. Волков [9, 14], И. Ю. Пашенко [10]. При этом в отечественной правовой науке данная проблематика в полной мере не исследовалась.

Важнейшим признаком цифровых правоотношений является то, что они осуществляются в цифровой среде. Цифровой средой является пространство, существующее на основе информационно-коммуникационных сетей, прежде всего сети Интернет, информационных ресурсов, различных цифровых платформ и т. д. Это искусственная среда, включающая совокупность компьютерных и сетевых технологий, организующая отношения между объектами физического мира посредством передачи информации по сетям и телекоммуникационным каналам; совокупность цифровых технологий, инфраструктуры и данных, которые обеспечивают взаимодействие и обмен информацией в цифровом формате. Правовое регулирование общественных отношений в цифровой среде основывается в первую очередь на том, что это частные или публичные отношения, и лишь затем – на том, что они облечены в цифровую форму. В то же время информационные правоотношения могут осуществляться как в цифровой, так и в аналоговой форме, например, правоотношения по поводу распространения печатных СМИ, ответственности за информационные правонарушения и др.

Цифровые отношения возникают как по поводу совершения определенных действий с информацией в цифровой форме, так и с реальными вещными и обязательственными правами, выраженными в цифровой форме. Поэтому по своей природе цифровые отношения можно рассматривать, с одной стороны, как часть информационных отношений (например, отношения по поводу распространения информации в сети Интернет, оказания государственных электронных услуг), а с другой стороны – как часть обязательственных и вещных отношений, которые существуют исключительно в цифровой форме (например, отношения по поводу прав на виртуальные объекты).

Некоторые ученые высказывают мнение о существовании отдельной комплексной отрасли права, регулирующей цифровые отношения – цифрового права [11, с. 166; 12, с. 68]. Мы согласны с позицией С. Банакаса и других ученых, что цифровое право – это не особое подразделение в системе права, а цифровая форма частных и публичных общественных отношений [8, с. 495–496]. По нашему мнению, цифровая форма существующих общественных отношений определяет особенности их регулирования, но не делает их какими-то новыми, составляющими предмет какой-то особой отрасли цифрового права. Целесообразно говорить о существовании отношений в цифровой

среде – общественных отношений в цифровой форме, регулируемых как нормативными правовыми актами, так и посредством механизмов саморегулирования. Полагаем, что, пока преждевременно говорить о выделении цифрового права в отдельную отрасль, правовое регулирование цифровых отношений осуществляется в рамках информационного и других отраслей права.

В научной литературе существуют различные определения цифровых правоотношений. Так, В. В. Блажеев, М. А. Егорова определяют цифровые отношения как «урегулированные правом отношения по использованию данных в цифровом виде, а также результатов анализа данных и результатов обработки и использования таких данных в различных сферах общественной жизни с использованием цифровых технологий» [13, с. 67–68]. И. Ю. Пашенко к цифровым правоотношениям относит «значительный объем уже сложившихся и постепенно складывающихся правоотношений, основанных на правовых нормах, которые нацелены на регулирование информации, передающейся по цифровым каналам связи» [10, с. 23]. М. Г. Терехов констатирует, что «цифровые правоотношения в рамках правового поля в настоящее время не имеют детального и уточненного законодательного закрепления» [12, с. 68]. Ю. В. Волков рассматривает цифровые отношения как обмен вычислительными данными в электронно-цифровом пространстве, основанном на вычислительной технике [9]. Данные определения объединяет обязательный признак цифровых данных в цифровых правоотношениях, их существование исключительно в цифровой форме, в рамках цифровых каналов связи, цифровой среды.

Таким образом, большинством ученых информационные правоотношения определяются как урегулированные нормами права общественные отношения по поводу создания, использования и других различных действий, связанных с информацией. По поводу определения цифровых правоотношений в настоящее время среди ученых нет единства. По нашему мнению, к цифровым правоотношениям следует относить возникающие на основе норм права общественные отношения, связанные с использованием информации в цифровом виде, а также иные общественные отношения, которые возникают, осуществляются и прекращаются в цифровой среде. Цифровые отношения охватывают собой не только отношения, связанные с информацией в цифровом виде, но и другие отношения, существующие в виртуальном пространстве, например по поводу осуществления цифровых прав граждан, электронной торговли, смарт-контрактов, прав на виртуальные объекты, ответственности за правонарушения в цифровой среде. В эти отношения входят также и отношения, объектом которых является не информация, а иные блага, например, цифровые права, имущество, деньги и т.д. При этом цифровые правоотношения в самом общем виде не имеют четко выраженной отраслевой принадлежности, они регулируются нормами различных отраслей права. Например, отношения по поводу прав на виртуальные объекты в Республике Беларусь регулируются как нормами гражданского права, так и нормами других отраслей права, в том числе регулирующими отношения в сети Интернет, уголовного права и др. Отношения по поводу электронной торговли регулируются как нормами гражданского права, так и информационного, ад-

министративного, уголовного права. Таким образом, цифровые отношения регулируются как нормами информационного права, так и иными нормами, которые относятся к другим отраслям права.

Ю. В. Волков предлагает ограничить информационные отношения от цифровых по признаку отсутствия или наличия вычислительных (цифровых) средств обработки информации. Цифровыми, в этом случае, по его мнению, следует признавать отношения по поводу вычислительных (цифровых) средств (оборудования и программ), а не информации в целом. Правовое регулирование информационных отношений может ограничиться описанием общих предметных сфер [14]. По нашему мнению, при таком подходе достаточно сложно будет ограничить информационные правоотношения от цифровых, поскольку в настоящее время любое использование информации в цифровом виде невозможно без соответствующих цифровых средств обработки информации. В связи с этим, по нашему мнению, наиболее оптимальными критериями ограничения информационных отношений от цифровых является как цифровой вид информации, так и осуществление различных отношений в цифровой среде. При таком подходе часть цифровых отношений, которые связаны с использованием информации в цифровом виде, также будут являться одновременно и информационными отношениями. В данном случае не представляется возможным ограничить цифровые и информационные правоотношения, поскольку, с одной стороны, любое использование информации в цифровом виде относится к информационным отношениям, с другой стороны, по нашему мнению, там, где есть цифровая среда, в том числе и информация в цифровом виде, присутствуют и цифровые отношения. В этой связи не представляется возможным в настоящее время обособить правовое регулирование цифровых отношений исключительно в рамках однородного массива правового регулирования, и, тем более, выделить этот массив в виде Цифрового кодекса. В связи с этим нам представляется наиболее целесообразным проведение электронной инкорпорации законодательства, регулирующего информационные и цифровые отношения в виде тематических банков данных правовой информации в рамках соответствующих информационно-поисковых систем.

Таким образом, существуют определенные сложности в разграничении информационных и цифровых правоотношений. Информационные правоотношения представляют собой урегулированные нормами права общественные отношения по поводу создания, использования и других различных действий, связанных с информацией. К цифровым правоотношениям следует относить возникающие на основе норм права общественные отношения, связанные с использованием информации в цифровом виде, а также иные общественные отношения, которые возникают, осуществляются и прекращаются в цифровой среде. По нашему мнению, цифровые правоотношения, связанные с информацией в цифровом виде, следует рассматривать и как часть информационных. В то же время информационные правоотношения не могут полностью охватить все цифровые правоотношения, последние включают также различные отношения, существующие в виртуальном пространстве, например по поводу осуществления цифровых прав граждан, электронной торговли, смарт-контрактов, прав на виртуальное имущество и др.

Библиографический список

1. Бачило, И. Л. Информационное право: учебник для вузов / И. Л. Бачило. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд-во «Юрайт», 2023. – 419 с.
2. Ковалева, Н. Н. Информационное право России: учебное пособие / Н. Н. Ковалева. – 2-е изд. М. : Дашков и К®, 2012. – 349 с.
3. Рассолов, И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов / И. М. Рассолов. – 6-е изд, перераб. и доп. – Москва: Изд-во «Юрайт», 2023. – 415 с.
4. Городов, О. А. Информационное право / О. А. Городов. – М. : Проспект, 2007. – 248 с.
5. Василевич, Г. А. Информационное право : учебн. пособие / М. С. Абламейко [и др.]; под общ. ред. Г. А. Василевича, М. С. Абламейко. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2021. – 424 с.
6. Иззатов, Т. Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в Российской Федерации: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Иззатов, Теймур Шамсали оглы; Моск. гуманитар.-социал. акад. – М., 2002. – 21 с.
7. Информационное право: учебник для вузов Н. Н. Ковалева [и др.]: под ред. Н. Н. Ковалевой. – Москва: Изд-во «Юрайт», 2023. – 353 с.
8. Банакас, С. К. Цифровые отношения как предмет правового исследования / С. К. Банакас, Д. А. Петров, В. Ф. Попондопуло, Е. В. Силина // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. – 2023. – № 2 (14). – С. 492–509.
9. Волков, Ю. В. Цифровые отношения как предмет права / Ю. В. Волков // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/387751566_CIFROVYE_OTNOSENIA_KAK_PREDMET_PRAVA (дата обращения: 12.06.2025).
10. Пашенко, И. Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования / И. Ю. Пашенко // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2022. – № 4 (43). – С. 21–25.
11. Головкин, Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления» / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. – 2019. – № 2. – С. 163–166.
12. Терехов, М. Г. Цифровое право / М. Г. Терехов // Экономика. Право. Общество. – 2021. – № 3. – С. 67–70.
13. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – Москва : Проспект, 2020. – 640 с.
14. Волков, Ю. В. Структура информационного отношения и правоотношения / Ю. В. Волков // CYBERLENINKA. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-informatsionnogo-otnosheniya-i-pravootnosheniya/viewer> (дата обращения: 12.06.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

П. В. Соловьёв

декан юридического факультета

Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой,

кандидат юридических наук

p.solovjov@psu.by

В статье исследуются возможные направления трансформации института юридической ответственности в условиях цифровизации: изменение положений о субъектах юридической ответственности, появление «новых» санкций, преобразование процессуального порядка привлечения к юридической ответственности и т.п.

Ключевые слова: цифровизация права; цифровизация юридической ответственности; юридическая ответственность искусственного интеллекта; машиночитаемое право; машиноисполняемое право.

Цифровизация проникает во все институты права, и юридическая ответственность здесь не является исключением. Перед юриспруденцией возникают новые вопросы развития института юридической ответственности в условиях цифровизации. В первую очередь, это появление новых общественных отношений в силу процессов цифровизации, что влечет и появление новых объектов правовой охраны в рамках института юридической ответственности. Это, например, появление в уголовном и административном законодательстве Республики Беларусь составов, направленных на охрану общественных отношений в сфере оборота персональных данных. По ряду вопросов ещё необходимо сформулировать уголовно-правовую, административно-деликтную и гражданско-деликтную позиции: например, ответственность за криптовалютные мошенничества; ответственность за необеспечение достаточных мер по киберустойчивости критической инфраструктуры и защите информации; ответственность за недоступность критически важных цифровых сервисов; ответственность за создание дипфейков (т.е. генерирование нейронными сетями аудио-, фото-, видеоматериалов с подменой лиц); нарушение авторских прав в цифровой среде, в т.ч. системами ИИ и др. Однако, как представляется, институт юридической ответственности может быть подвергнут более глубинным трансформациям в условиях цифровизации по следующим направлениям.

Субъекты юридической ответственности. В настоящее время в науке активно исследуются проблемы о возможном изменении субъектного состава правовых отношений. Основная часть таких изысканий сконцентрирована на вопросе о потенциальной возможности признания правосубъектности за системами ИИ. В этой связи в юридической доктрине активно ведется разработка категории «электронное лицо» [1; 2], под которой понимается юридическая конструкция, предполагающая предоставление определенной правосубъектности системам ИИ. Считаем преждевременным говорить о сформированности в праве такого субъекта как «электронное лицо» и других подобных конструкций. На данный момент следует четко определить, кто из триады разработчик – владелец – оператор отвечает за вред, причиненный системами ИИ (беспилотные автомобили, медицинские системы ИИ и др.).

При этом, на наш взгляд, распространение систем ИИ в различных сферах общества уже требует разработки института квазигирической ответственности в отношении таких систем. Например, здесь может идти речь о выработке правил ограничения, временного блокирования, удаления систем ИИ при наличии угроз правопорядку.

Также требуется достижение большей правовой определенности в вопросах гирической ответственности в контексте функционирования различных цифровых платформ (социальные сети, метавселенные, маркетплейсы, сервисы такси и т.п.): через четкое определение границ ответственности владельцев платформ, разработчиков платформ, пользователей платформ. Это вопросы ответственности за контент и действия пользователей; защита персональных данных; обеспечение идентификации пользователей; сбор, фиксация, хранения и представление электронных доказательств, формирующихся в процессе функционирования цифровых платформ и др.

Санкции гирической ответственности. Более сложный вопрос – это формирование новых санкций для достижения целей гирической ответственности. Здесь можно вести речь о необходимости разработки таких новых видов санкций, которые могут найти свое воплощение в рамках законодательства об уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности:

- блокировка доступа к различным цифровым активам: запрет на доступ в сеть Интернет; запрет на доступ к различным сайтам или к отдельным конкретным функциям сервисов (например, запрет на монетизацию контента, ограничение охвата публикаций в социальных сетях, запрет на участие в рекламных сетях); ограничение на использование цифровых устройств и цифровых технологий;

- запрет на использование физическим лицом или гирическим лицом социальных сетей, маркетплейсов, стриминговых платформ, магазинов приложений; запрет на регистрацию на них, временная блокировка или удаление аккаунтов, снижение охвата контента нарушителя и др.

- блокировка цифровых активов: «замораживание» криптовалютных средств, NFT, токенов на блокчейне, что, разумеется, требует сложных технических механизмов и международного сотрудничества.

Процессуальная сторона гирической ответственности. Важно отметить, что эффективность гирической ответственности на практике зависит не только от наличия материальных норм, закрепляющих составы правонарушения и санкции за их совершение, но и от уровня процессуальной урегулированности. Как представляется, в свете введения новых мер гирической ответственности требуется уточнение норм о стадиях привлечения к ответственности, участниках процесса, их правах и обязанностях (в т.ч. о субъектах, уполномоченных на привлечение к ответственности), о порядке обжалования и реализации мер ответственности и т.д.

В условиях цифровизации дополнительными процессуальными принципами гирической ответственности станут: скорость, автоматизация и адресность применения. Многие санкции могут применяться почти мгновенно алгоритмами цифровых платформ, точно воздействовать на конкретного цифрового актора. Интересен и вопрос возможного появления электронных государственных органов [3], в том числе, возможен переход отдельных государственных органов полностью в цифровую среду, т.е. государственный орган из физической оболочки (административное здание, почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема и т.д.) будет перенесен в цифровую среду (цифровая платформа взаимодействия государственного органа с гражданами и гирическими

лицами, должностных лиц между собой и с другими государственными органами, доменное имя, e-mail, аккаунты в социальных сетях, в т.ч. для обращений граждан и юридических лиц т.д.). В данном случае мы говорим лишь об изменении внутренней организации государственного органа и формы взаимодействия с иными участниками правоотношений, но с точки зрения кадрового устройства – изменений нет: электронный государственный орган состоит из государственных служащих – физических лиц, которые занимают государственные должности и осуществляют посредством цифровых инструментов государственно-властные полномочия.

В рамках цифровой трансформации государственных органов речь может идти и о создании цифрового должностного лица, под которым мы понимаем уже систему ИИ, осуществляющую государственно-властные полномочия. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур и привлечение, например, к административной ответственности. На наш взгляд, это даже не требует пересмотра парадигмы о субъектах права, так как можно вести речь не о признании ИИ субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами). В свою очередь, правовым основанием такой правоприменительной деятельности может стать машиночитаемое и машиноисполняемое право. Например, цифровой нормативный правовой акт, который изначально создается, публикуется и существует в цифровой форме, структурированной для машинного чтения и обработки. Если на данный момент машиноисполняемое – почти футуристический сценарий развития современного права, и здесь есть ряд сложных технических, юридических и этических аспектов, то машиночитаемое право – вполне обозримое будущее развития правовой системы и может решать ряд важных вопросов: автоматизированный поиск норм, подлежащих применению; проверка состава правонарушения (формальное соответствие или несоответствие); соблюдения процессуальных сроков; определение вида, меры санкции и др.

Таким образом, будущее юридической ответственности – это формирование сложной гибридной модели, сочетающей традиционные правовые механизмы с высокотехнологичными инструментами воздействия. Важным моментом является обеспечение правовой определённости, аккумулирующей такие условия конституционного правопорядка, как отсутствие пробелов, коллизий, двусмысленных и неоднозначных правовых норм; согласованность и системность нормативного массива. Правовая определённость в институте «цифровизирующейся» юридической ответственности будет способствовать защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, обеспечению интересов и ценностей общества, порядку функционирования государственной власти.

Библиографический список

1. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : моногр. / П. М. Морхат. – Москва : Буки Веди, 2017. – 257 с.
2. Морхат, П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо / П. М. Морхат // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 61–73.
3. Соловьёв, П. В. Цифровая трансформация субъектов правоотношений: электронное юридическое лицо, электронный государственный орган, цифровое должностное лицо / П. В. Соловьёв // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2024. – № 3. – С. 111–114.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РИСКОВ

Л. А.Тхабисимова

*директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Адыгея,
почетный работник сферы образования Российской Федерации
thabisimovala@mail.ru*

Статья посвящена осмыслению направлений трансформации государства в обществе глобальных информационных рисков. Показаны тенденции к установлению тотального государственного контроля цифровой сферы в ряде зарубежных государств. Обосновывается вывод, который мы считаем актуальным и для Республики Беларусь и для Российской Федерации, в пользу формирования правового режима информационной безопасности с развернутой опорой на профилактические и просветительские меры, особенно – в молодежной среде.

Ключевые слова: цифровизация; информационные риски; информационная безопасность; государство; правовой режим информационной безопасности.

Стремительная цифровизация современного мира ставит перед публичной властью ряд вызовов, ответы на которые весьма неочевидны и подчас, наиболее эффективные и легко реализуемые меры вступают в сущностное противоречие с важнейшими ценностными основаниями и идеалами народовластия, имманентными демократическому правовому государству. Даже на примере «старых демократий» можно наблюдать, насколько быстро и неуклонно приверженность идеалам политических прав и свобод личности остается лишь частью политической риторики, и как неуклонно под предлогом обеспечения безопасности (где особенный упор циничнейшим образом делается на аргументы о необходимости защиты детей от посягательств в информационном пространстве), устанавливается тотальный контроль и формируются внесудебные ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Сегодня в материалах СМИ недружественных государств, а также в разнообразных докладах «правозащитных организаций» и иных «независимых» НКО, Беларусь и Россию принято обвинять в разнообразных прегрешениях в сфере политических прав и свобод, в том числе – в информационной сфере. При этом полностью игнорируют те преобразования, которые давно уже стали неотъемлемой частью преобразований в США и прямо сейчас реализуются в Европе, причем под влиянием тенденции к запретам и усилению контроля оказываются и страны не являющиеся частью ЕС, со старыми традициями народовластия.

Отметим здесь Швейцарию, где ранее длительное время формировалось всесторонне защищающее граждан законодательство о защите персональных данных. Однако в 2021 г., после длительной пропагандистской кампании в СМИ, население на общешвейцарском референдуме проголосовало за принятие «Федерального закона о полицейских мерах по борьбе с терроризмом» («Bundesgesetz über polizeiliche Massnahmen

zur Bekämpfung von Terrorismus») [1]. Новый закон не упразднил необходимость в судебном ордере для доступа к приватным данным, теперь полиция и спецслужбы могут это делать просто по желанию. Главное – эти действия можно предпринимать в отношении граждан, достигших двенадцатилетнего возраста. мы уже обращали внимание на цинизм риторики о, якобы, защите детей, который здесь полностью. Единственной значимой, на наш взгляд, гарантией соблюдения прав и свобод личности в цифровой сфере, в новом швейцарском законе выступает следующее ограничение: если наблюдаемого гражданина не получилось ни в чём заподозрить, данные наблюдения надо уничтожить не позднее, чем через год после окончания наблюдения [1].

В ЕС с 2018 г. ситуация складывается в пользу последовательного усиления мер контроля, и попытки граждан защитить частную жизнь от вмешательства не нашли поддержки и в Европейском Суде по правам человека. ЕСПЧ последовательно занимал позицию о праве полиции и специальных служб на использование личных данных граждан без судебного ордера в «особых» случаях [2, с. 160–162]. В 2021 г. Европейской комиссией принят временный регламент, упразднивший все существовавшие ограничения, касавшиеся доступа властей к приватной информации – изначально, под предлогом необходимости борьбы с детской порнографией в сети, «временно» действующий до настоящего времени [3].

В противоположность описанным выше тенденциям, российская правоприменительная практика показала, что даже в условиях проведения СВО Россия в минимальной степени затрагивает право граждан на тайну телефонных переговоров, баланс интересов между правами и свободами – с одной стороны, и необходимостью обеспечения безопасности – с другой, не только не был нарушен в пользу безопасности, но и имеет, на наш взгляд, некоторый потенциал для дальнейшей корректировки.

Таким образом, оценивая современное состояние проблемы, можно с уверенностью говорить о полном противоречии риторики и реальности так называемых «ведущих западных демократий», формирующих систему тотальных ограничений в цифровой сфере в ситуации развязанной ими информационной войны против человечества, включая собственных граждан. Это война гораздо более глубокая и масштабная – это война эволюционная, война за всю последующую эволюцию человечества.

Можно говорить о сегодняшнем периоде человеческой истории, как о своего рода точке цивилизационного перехода к глобальному обществу, обществу мондиалистских, объявленных «общечеловеческими», ценностей, формируемых в рамках в гуманистического, а в рамках потребительского вектора. Причем, нами под потреблением подразумевается только и не столько материальное, но и информационное потребление.

Сегодня в значительно большей степени проблемным становится взаимодействие личности, общества и государства внутри цифрового пространства. часто государство самоустраняется, оставляя решение проблемы активистам, которые в ряде современных стран играют роль, которую можно обозначить как «хунвейбины информационных войн».

В частности, как мы уже ранее указывали – «...уже сейчас в ряде зарубежных стран формируется неподконтрольная официальным государственным институтам

«культура отмены» – «cancel culture», и пресловутая «отмена» представляет собой реальное негативное воздействие на честь, достоинство и репутацию личности, приводя порой к самым трагическим последствиям» [4, с. 69–70].

На современном этапе, в ходе продолжающейся Специальной военной операции, очевидна важность обеспечения цифровой безопасности и противодействия вражеской пропаганде, в основе которой лежит искажение фактов. И здесь просматривается сфера сотрудничества власти и общества, когда «цифровым фейкам» противостоят не только официальные представители государственных органов и СМИ, но и волонтеры, представители общественных движений и т.д.

Предшествующий нынешним событиям этап известный как «цветные революции», можно охарактеризовать следующим образом. На этом этапе «стратегии и тактики освобождения» и перехода «от диктатуры к демократии» так широко применяемые для государственных переворотов, приобретают новый окрас сетцентричных операций (сетевых войн), не просто использующих сформированное пропагандой «согласие масс», а создающих социально-психологический синдром «роевого состояния» массового сознания, который «работает» серийно, сразу в нескольких странах, объединенных общими внутренними (трансисторическими) качествами – единым психологическим складом, религией, и некоторыми внешними (конкретно-историческими) чертами – авторитарными режимами, потерявшими авторитет в лице части населения и др.

Растущий доступ населения к цифровым технологиям открывает огромные возможности взаимодействия и взаимопомощи, и столь же огромные возможности конфликтов и криминальных проявлений.

Безусловная польза цифровых инструментов – в сфере общественного контроля, обратной связи власти и населения (опросы граждан посредством интернет-сайтов и в социальных сетях, возможность реализации консультативных демократических процедур, таких, например, как публичные слушания, с помощью интернет-технологий, краудфандинг и т.д.) [5; 213–214]. Это действительно важная сфера взаимодействия государства и общества, цифровые инструменты здесь стремительно развиваются как в России, так и в ряде зарубежных стран. Цифровые формы обратной связи приобретают всё большее значение в сфере борьбы с коррупцией [5; 214–215]. Таким образом, сегодня общественное развитие, в том числе – в публично-правовой и философско-правовой сферах, государственные институты всё ещё отстают от новейших вызовов цифровизации.

Таким образом, и для Беларуси, и для России решающее значение в сфере противодействия угрозам и рискам информатизации и цифровизации будет иметь комплексный подход, реализуемый в рамках долгосрочной стратегии, где деонтическая логика экстренного реагирования законодателя и правоприменителя на новые вызовы в виде ограничений и запретов будет дополняться широкой информационно-просветительской работой с населением, особенно – с молодежью, а в дальнейшем – надзор и запрет уступят место профилактическим и просветительским мерам, что такой подход будет тем эффективнее, чем жестче западные «демократии» будут продолжать движение в сторону запретов, тотального контроля и отказа от соблюдения базовых политических свобод личности в информационной сфере.

Библиографический список

1. Bundesgesetz über polizeiliche Massnahmen zur Bekämpfung von Terrorismus tritt im Juni in Kraft // <https://www.news.admin.ch/de/nsb?id=88621> (дата обращения: 07.09.2025);
2. Антопольский, А. А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека / А. А. Антопольский // Тр. Ин-та гос-ва и права Рос. акад. наук. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 159–185. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-2-antopolsky
3. Proposal for a Regulation Of The European Parliament And Of The Council laying down rules to prevent and combat child sexual abuse // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A209%3AFIN> (дата обращения: 12.09.2025)
4. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами / Е. А. Абаева, З. С. Байниязова, А. В. Басова [и др.]. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2021.
5. Тхабисимова, Л. А. Политико-правовая институционализация общественного контроля в контексте формирования механизма противодействия коррупции / Л.А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 12. – С. 212–216.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В. В. Сенкевич

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
факультета истории и права Смоленского государственного университета,
кандидат юридических наук
sharkuzi@mail.ru*

Статья посвящена актуальным вопросам цифровой трансформации института доказывания в гражданском судопроизводстве. Исследуются проблемы, возникающие в связи с широким внедрением электронных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства; цифровая трансформация; цифровизация правосудия; допустимость доказательств; судопроизводство.

Информационные технологии влияют на осуществление правосудия, в том числе при использовании электронных доказательств, полученных с помощью технических средств. В связи с тем фактом, что электронные документы в качестве доказательств появились относительно недавно, возникают проблемы их собирания и предоставления в суд, то есть установления их процессуального статуса. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о применении электронных доказательств в процессе судебного разбирательства по гражданским делам об активном использовании сторонами такого вида обоснования и аргументирования своей позиции. Однако, в процессе анализа и оценки электронных доказательств возникают множество проблемных аспектов, которые требуют тщательного рассмотрения и решения. Традиционные процессуальные конструкции, разработанные для бумажного документооборота и вещественных доказательств, зачастую неадекватны природе цифровых данных. Это создает риски для реализации принципов состязательности, равноправия сторон, объективности судебного разбирательства и, в конечном итоге, достижения истины по делу [1, с. 116].

Ч. 1. ст.71 ГПК РФ приравнивает письменные и электронные доказательства, но не конкретизирует форму и механизм предоставления электронных доказательств в судебном процессе. Одной из основополагающих проблем правового регулирования электронных доказательств является недостаточность законодательного регулирования в данной области. В частности, отсутствует четкое законодательное определение понятия «электронные доказательства», что нередко приводит к дискуссиям относительно их правовой природы в цивилистическом процессе, порядка исследования и оценки в рамках судебного разбирательства.

Исключительной проблемой становится то, что ряд вопросов рассматриваемой сфере остается нерассмотренными. Так, Н. И. Борискина рассматривает различные аспекты понятия «электронные доказательства», подчеркивает, что понятие должно соответствовать определенным критериям и оно является «собирательным и объединяет

электронные документы, скриншоты, сообщения, переданные посредством электронной почты, аудио- и видеозаписи в цифровом формате, общим признаком которых является электронная форма» [2, с. 57]. Д. А. Ананьев под электронными доказательствами понимает «сведения, зафиксированные на материальном носителе и воспроизводимые с помощью какого-либо специализированного посредника (карты памяти, USB флеш-накопители, жесткие диски, оптические диски)» [3, с. 803]. Таким образом, различия в трактовке понятия «электронные доказательства» подчеркивают его многогранность и сложность. Это может привести к трудностям в правоприменении и интерпретации электронных доказательств в судебной практике. Законодатель прямо не устанавливает, в каких именно формах должны быть представлены электронные доказательства, их перечень является открытым, а отсутствие четких процессуальных требований порождает споры и риски непринятия доказательств судом.

Сложность аутентификации таких рода доказательств заключается в необходимости подтверждения их подлинности. Более того существует сложность в установлении подлинности электронных документов и данных без проведения по делу судебной экспертизы ввиду того, что существуют программы, позволяющие видеоизменять и редактировать электронные документы, фотоизображения, электронные сообщения, голосовые сообщения и т.д., что грозит подделкой электронных доказательств, установления подлинности которых без применения специальных знаний станет невозможным. Возникает вопрос о надлежащих способах удостоверения и подтверждения подлинности данных доказательств в суде.

Вопрос актуален и для судебной практики. Для определения электронных доказательств как самостоятельной категории, а также способов удостоверения и подтверждения их подлинности и дальнейшей оценки в рамках судебного разбирательства по гражданскому делу могут применяться различные методы. К таким методам можно, в частности, отнести использование электронной подписи, свидетельских показаний или нотариальное заверение. Однако, существующие процедуры не всегда эффективны для оперативной фиксации динамичного цифрового контента. Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода, сочетающего развитие технологий и модернизацию процессуального законодательства и практики.

Для эффективного решения выявленных проблем в сфере использования технических доказательств в гражданском процессе требуется принять комплекс конкретных мер:

- четкое определение понятия и видов электронных доказательств в процессуальном законодательстве, выходящее за рамки простого упоминания электронных документов;
- внесение изменений в действующее законодательство, четко регламентирующее использование электронных доказательств;
- развитие возможностей нотариата и судов по оперативной фиксации онлайн-контента с использованием специального программного обеспечения, гарантирующего неизменность данных;
- повышение квалификации судей, адвокатов и экспертов в области цифровых технологий, а также разработка методических рекомендаций по работе с цифровыми доказательствами.

Постоянное совершенствование правовой базы и повышение компетентности участников гражданского процесса – это ключевые факторы, способствующие обеспечению справедливости и эффективности судопроизводства в условиях широкого распространения электронных доказательств. Таким образом, создание единой и четкой правовой базы, учитывающей специфические признаки цифровых доказательств в рамках гражданского судопроизводства, позволит устранить существующие пробелы и коллизии в современном российском гражданском судопроизводстве.

Библиографический список

1. Сенкевич, В. В. Современные способы повышения доступности правосудия в Российской Федерации // Сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию кафедры гражданского процесса и трудового права, Минск, 3 окт. 2024 г / редкол. : О. Н. Романова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 116–121.
2. Ананьев, Д. А. Соотношение понятий «электронное доказательство» и «сведения, полученные из электронных источников» / Д. А. Ананьев // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XX Всерос. науч. конф. студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 17–18 нояб. 2022 г. – Екатеринбург : Уральск. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2022. – С. 800–805.
3. Борискина, Н. И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве: дисс... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 178 с.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Н. М. Кондратович

*доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
kondratovichn@mail.ru*

Рассматриваются вопросы правового регулирования и практика применения информационных технологий при проведении выборов в зарубежных странах. Дана характеристика процедурным особенностям использования информационных технологий в практике проведения выборов в отдельных странах мира.

Ключевые слова: избирательный процесс; цифровизация выборов; кибербезопасность; электронное голосование; блокчейн-технологии; искусственный интеллект.

Правовое регулирование ИКТ в избирательном процессе является краеугольным камнем, обеспечивающим прозрачность, безопасность, доверие граждан к выборам.

Опыт зарубежных стран демонстрирует разнообразие подходов к цифровизации избирательной системы, продиктованной уровнем технологического развития каждой страны, обеспечением ее безопасности, политической конъюнктуры. Государства, успешно внедрившие электронное голосование, как правило, делали это поэтапно, сопровождая процесс широкой общественной дискуссией и внедрением технических и юридических гарантий.

Как показывает зарубежный опыт, цифровизация выборов возможна при наличии прозрачного законодательного регулирования, независимых механизмов контроля, высоким уровнем цифровой грамотности, доверия к государственным и избирательным институтам. Цифровизация выборов – это не только вопрос технических инноваций, но и глубокой юридической работы, направленной на защиту основных демократических принципов.

Так, Эстония считается одной из самых успешных и безопасных в мире государств, внедривших интернет-голосование. Эстония выстроила правовую базу, которая регулирует все этапы электронного голосования: Закон о выборах в Рийгикогу от 12 июня 2002 г. (в редакции 13.01.2020 г.) в главе 7¹ «Электронное голосование» закрепляет общие принципы электронного голосования, процедуру электронного голосования; Закон об электронной идентификации и доверительных услугах (eIDAS) устанавливает требования к удостоверению личности через электронные ID-карты и мобильные устройства; Закон о защите персональных данных (Isikuandmete kaitse seadus) от 15 февраля 2007 RT I (в редакции 14 января 2019 г.) обеспечивает охрану данных избирателей. Правовое регулирование в Эстонии предусматривает жесткие требования к защите систем от киберугроз. Среди ключевых особенностей эстонской модели можно выделить обязательную идентификацию избирателя с помощью персонального электронного удостоверения лич-

ности, возможности проверки правильности отправления голоса, высокие стандарты кибербезопасности, обязательный отчет о безопасности перед каждыми выборами, а также функцию повторного голосования, при этом учитывается только последний голос. Центральная избирательная комиссия Эстонии публикует протоколы, исходные коды и отчеты экспертов, обеспечивая максимальную прозрачность.

Вопросы киберугроз и манипуляций результатами голосования требуют постоянного мониторинга и усовершенствования законодательных норм, направленных на защиту данных, а также создания эффективных механизмов для предотвращения фальсификаций. Даже при высоких стандартах защиты угрозы остаются актуальными, требуя постоянного совершенствования системы. В связи с этим государства разрабатывают меры правового регулирования, направленные на установление стандартов хранения и обработки информации, а также механизм контроля за соблюдением этих норм.

В ряде стран перед внедрением электронного голосования проводят пилотные проекты, позволяющие оценить надежность технологий и выявить возможные слабые места. Так, один из первых экспериментов в Российской Федерации был осуществлен 8 сентября 2019 г., когда дистанционное электронное голосование проводилось в трех избирательных округах на выборах депутатов в Московскую городскую Думу, а также дистанционное электронное голосование в Москве и Нижегородской области по поправкам в Конституцию РФ с 25 июня по 30 июня 2020 г. Эксперты оценили эксперимент преимущественно положительно. Однако несмотря на перспективы цифровизации, остаются значительные риски, связанные с информационной безопасностью, идентификацией личности избирателя и сохранением тайны голосования [1, с. 41]. В РФ приняли Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ о том, что электронное голосование в дистанционном виде, возможно проводить при помощи системы ГАС «Выборы» и иных электронных систем государства, обладающих лицензиями. Для того, чтобы отдать свой голос в пользу того или иного кандидата, необходимо будет пройти идентификацию, аутентификацию и подтвердить свою личность. Согласно закону, голосование проходит полностью анонимно, голоса подвергаются шифрованию. После окончания голосования, все голоса расшифровывают. Система также не позволит голосовать одному гражданину несколько раз. На данный момент электронное голосование рассматривается лишь как альтернативный способ волеизъявления, предоставляющий гражданам возможность выбрать наиболее удобный для них формат голосования – традиционный на избирательном участке или дистанционный посредством цифровых технологий.

По данным социологического опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в целом, хотя результаты приведенных данных демонстрируют отсутствие безусловного доверия россиян к электронному голосованию, запрос на качественное развитие данного формата существует и актуализирован в наиболее перспективной социальной группе – молодежи. Причем актуальность эта определяется не только желанием быть вовлеченным в новый формат голосования, но и запросом на безопасную и корректно работающую электронную избирательную систему [2]. В РФ предпринимаются меры по усилению безопасности, включая использование блокчейн-технологий и методов криптографической защиты, но уровень доверия общества к онлайн-голосованию остается предметом обсуждений.

Безопасность избирательного процесса является одной из ключевых задач, решаемых с помощью компьютерных технологий. Криптографические методы используются для защиты данных о голосовании от несанкционированного доступа и изменений, особенно при проведении электронного голосования, где данные передаются через Интернет. Блокчейн-технологий позволяют создать децентрализованные и неизменяемые реестры голосов, что исключает возможность фальсификации и обеспечивает доверие к результатам выборов. Биометрическая аутентификация, такая как сканеры отпечатков пальцев, используется для подтверждения личности избирателя, предотвращая повторное голосование и обеспечивая точность идентификации, особенно при электронном голосовании [3].

Будущее цифровизации выборов связано с дальнейшим развитием инновационных технологий, таких как ИИ и машинное обучение, которые позволят проводить более точный анализ данных, выявлять закономерности и прогнозировать результаты выборов. Развитие системы электронного голосования будет включать повышение уровня безопасности, удобства использования и доступности для всех категорий избирателей, например, через мобильные устройства с биометрической аутентификацией. Интеграция избирательных систем с умными устройствами, такими как голосовые помощники и умные часы, позволит избирателям получать информацию о выборах и участвовать в голосовании более удобным и привычным для них способом, что способствует повышению вовлеченности избирателей и улучшению их информированности [4].

Как свидетельствует зарубежный опыт развитие и использование информационных технологий в избирательном процессе является неизбежным и перспективным направлением.

Библиографический список

1. Гриценко, Е. В. Обеспечение основных гарантий избирательных прав в условиях информатизации избирательного процесса / Е. В. Гриценко // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – №5. – С. 41–49.
2. ВЦИОМ: больше половины опрошенных россиян выступили за онлайн-голосование на выборах / ВЦИОМ. – Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7099353> (дата обращения: 24.06. 2025).
3. Голосов, К. А. Цифровые избирательные технологии: блокчейн, биометрия и искусственный интеллект / К. А. Голосов. – М. : Инфра-Инженерия, 2023. – 312 с.
4. Козлов, Д. В. Правовое регулирование цифровых избирательных технологий: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Козлов. – М., 2022. – 210 с.

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ 16

Т. С. Масловская

*доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
maslovskayat@bsu.by*

В статье рассматриваются некоторые направления дальнейшего развития электронного государства в рамках реализации отдельных задач цели устойчивого развития 16.

Ключевые слова: электронное государство; цели устойчивого развития; Республика Беларусь.

Важнейшей Целью устойчивого развития для Республики Беларусь выступает цель 16. Доступ к правосудию, построение миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях, в рамках которой выделяются задачи 16.6 (Создать эффективные, подотчетные и прозрачные учреждения на всех уровнях) и 16.7 (Обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами на всех уровнях с участием всех слоев общества). В целях повышения уровня полноты в реализации ЦУР в Республике Беларусь и учитывая отражение данных задач в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г., одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол заседания от 2 мая 2017 г. № 10) [1] ЦУР 16 (задачи 16.6, 16.7), обратим внимание на отдельные аспекты и выскажем некоторые предложения по обеспечению устойчивого развития в рамках реализации задач 16.6 и 16.7 ЦУР 16 и направлениям дальнейшего развития электронного государства.

Во-первых, следует продолжить обеспечение прозрачности и открытости деятельности государственных органов. Принимая во внимание, что в Республике Беларусь организовано публичное общественное обсуждение важнейших законопроектов (сайт «Правовой форум Беларуси» (forumpravo.by)) с 1 января 2019 г. выступает официальной площадкой для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, следовало бы в дальнейшем развивать технологии обратной связи, обеспечивающей открытый диалог с гражданским обществом, продолжать совершенствовать механизмы взаимодействия между государством и обществом с использованием ИКТ. Необходимо также стимулировать участие граждан в обсуждении нормативных актов через платформу «Правовой форум Беларуси» и иные электронные ресурсы, обеспечив регулярное информирование о проводимых обсуждениях.

Констатируем возрастание степени открытости и прозрачности государственных органов. Это, в частности, проявляется в работе над содержательным наполнением сайтов государственных органов. Вместе с тем, не все представительные органы имеют

сайты, на которых была бы располагалась соответствующая информация. Представляется целесообразным создание сайта ВНС, учитывая конституционный статус и значимость данного высшего представительного органа народовластия, наполнив его рубриками информационного характера (история ВНС, порядок формирования, состав, полномочия, решения и др.), а также предусмотреть рубрику обратной связи с гражданами, через которую граждане смогут выдвигать предложения для обсуждения важнейших вопросов государственной и общественной жизни на заседаниях ВНС.

В целях дальнейшего совершенствования коммуникации между гражданами и государственными органами, повышения прозрачности и открытости деятельности государственных органов, учитывая опыт ряда государственных органов представляется целесообразным создание в социальных сетях и мессенджерах аккаунтов отдельных государственных органов (ВНС, Конституционного Суда Республики Беларусь), что обеспечит повышение информированности граждан об их деятельности и в целом будет способствовать повышению правовой культуры граждан.

В целях дальнейшей реализации ч. 1. ст. 103 Конституции («заседания палат являются открытыми»), повышения открытости деятельности государственных органов представляется целесообразным включение в Регламенты Совета Республики, Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь норм, закрепляющих, что трансляция открытых заседаний палат Парламента в режиме реального времени посредством глобальной компьютерной сети Интернет осуществляется на их официальных сайтах. Также представляется целесообразным включение во Временный Регламент ВНС положения, закрепляющего, что трансляция заседания ВНС осуществляется в режиме реального времени посредством глобальной компьютерной сети Интернет на официальном сайте ВНС.

Прозрачность и открытость деятельности органов государственного управления предполагает в том числе и расширение использования электронных административных процедур. Предоставление государственных услуг в электронной форме в Беларуси реализует Единый портал государственных услуг (e-pasluga.by). По состоянию на 28 мая 2025 г. портал предоставляет 279 видов электронных услуг, 435 видов административных процедур, содержащий ссылки на 69 государственных информационных ресурсов [2]. Электронные сервисы разделены на 20 электронных сервисов (тематических рубрик), имеется мобильное приложение единого портала госуслуг, что выступает достоинством и позволяет расширять возможности получения таких услуг.

В государствах СНГ также активно используются электронные административные процедуры. Так, в Кыргызстане на Государственном портале электронных услуг (<https://portal.tunduk.kg>) можно получить 172 услуги, объединенных в 14 рубрик. Представляет определенный интерес и заслуживает поддержки предусмотренная на портале возможность поиска госуслуг по различным критериям (категории услуг, государственным органам и др.). Это облегчает задачу пользователю портала по поиску нужной для него услуги.

В Казахстане портал «Государственные услуги информация онлайн» (<https://egov.kz/cms/ru>) госуслуги объединены в 12 рубрик, имеется возможность поиска услуги по государственным органам. Особенностью портала выступает наличие рубрики «Проактивные услуги», в которую в соответствии с подведомственностью соответствующего министерства включены определенные услуги. Государственный орган предоставляет услугу проактивно (без заявления) с помощью СМС (например, госуслуга регистрации рождения ребенка, назначения пособий на рождение ребенка и ухода

за ним и др.). Как и в Кыргызстане, в Казахстане имеется мобильное приложение госуслуг (eGov Mobile).

Следует отметить постоянное расширение перечня оказываемых электронных услуг в Казахстане. Так, среди последних – цифровой паспорт домашних животных (с мая 2025 г.). В приложении eGov Mobile с конца апреля 2025 г. доступна услуга по признанию дипломов о высшем и послевузовском образовании, полученных за рубежом. Это позволяет выпускникам иностранных вузов официально подтвердить свой диплом для трудоустройства или продолжения учебы в Казахстане.

Приложении eGov Mobile появилось в Казахстане в 2012 г., к 2019 г. предоставляло населению около 70 услуг и сервисов. Обновленное приложение начало функционировать в 2019 г. и за пять последних лет количество пользователей увеличилось в 15 раз и сегодня 90 % госуслуг и сервисов можно получить через eGov Mobile. В eGov Mobile уже доступны 208 госуслуг и 759 услуг с подвидами для физических лиц на портале e-license, а также 34 услуги eGov Business. На сегодняшний день данным мобильным приложением пользуется каждый второй гражданин Казахстана.

По нашему мнению, объективно учитывая тенденцию к «смартфонизации», а не «компьютеризации» населения, перспективным представляется развитие мобильных приложений государственных услуг.

Определенный интерес представляет вопрос об оценке предоставления электронной услуги. Как правило, порталы госуслуг не предусматривают такой возможности, однако можно оставить отзыв, воспользовавшись формой обратной связи. Вместе с тем, например, в Армении имеется Платформа обратной связи с гражданами (gnahatir.am), которая создана для сбора оценок государственных услуг гражданами. Платформа предназначена для тех, кому государственные органы оказывают услуги, для ее использования регистрация не требуется. При переходе по ссылке лицо сможет ответить на несколько вопросов касательно качества полученной услуги, а также оставить замечания, предложения и подробнее описать личный опыт, что позволит в дальнейшем улучшить качество услуг.

В заключение отметим, что необходимо: продолжать развивать цифровую инфраструктуру и информационные ресурсы государственных органов; особое внимание стоит уделить созданию официального сайта ВНС, отражающего его состав, полномочия, принимаемые акты и обеспечивающего обратную связь с гражданами; расширять присутствие государственных органов в социальных сетях и мессенджерах. Создание официальных аккаунтов ВНС и Конституционного Суда повысит информированность населения и упростит коммуникацию; активнее внедрять электронные административные процедуры, расширяя их перечень и переводя часть из них в проактивные услуги.

Изложенное направлено на реализацию ключевых для устойчивого развития принципов открытости, подотчётности и инклюзивности, а их внедрение будет способствовать укреплению доверия общества к государству и более эффективному достижению задач ЦУР 16.

Библиографический список

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года, одобренная Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол заседания от 2 мая 2017 г. № 10).

2. Информация с сайта Единого портала электронных услуг // [Электронный ресурс]. URL:Режим доступа: <https://e-pasluga.by/home/services-page.html>. (дата обращения: 28.05.2025).

ИЗМЕНЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ

Т. К. Бритова

*доцент кафедры гражданского процесса и трудового права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
britovatatyana62@yandex.ru*

Статья посвящена анализу влияния цифровизации на науку трудового права и на развитие правового регулирования трудовых отношений в условиях формирования цифровой экономики. Рассматривается трансформация общественной организации труда, вызванная внедрением цифровых технологий, автоматизацией и ИИ. Анализируются законодательные изменения, связанные с регулированием дистанционного труда в Республике Беларусь и Российской Федерации. Особое внимание уделено вопросам единства и дифференциации норм трудового законодательства, правовому статусу дистанционных работников и существующим проблемам в сфере их правовой защиты. На основе сравнительно-правового анализа делаются выводы о необходимости дальнейшего совершенствования трудового законодательства.

Ключевые слова: цифровизация; трудовое право; дистанционная работа; цифровая экономика; трудовые отношения; дистанционные работники; искусственный интеллект; гибкие формы занятости.

Цифровизация оказывает значительное влияние на развитие науки трудового права, формируя новые возможности и вызовы для регулирования трудовых и иных связанных с ними отношений. В первую очередь под ее воздействием меняется экономика. Цифровизация экономики стала одной из главных целей в современной политике многих государств. Наше государство также стремится развивать новые технологии, внедрять их во все сферы жизни общества, а также актуализировать действующее законодательство, адаптируя его под современные тенденции. Ускорение процесса автоматизации и роботизации, внедрение в человеческую жизнь ИИ, цифровых технологий в первую очередь оказывает влияние на труд человека и трудовые правоотношения в целом, т.к. сфера труда напрямую связана с экономикой страны.

В советский период в условиях преобладания государственной формы собственности, в основном в централизованном порядке осуществлялось жесткое правовое регулирование отношений в сфере труда, поэтому и не возникало особых трудностей в регламентации такого рода отношений. Ныне при смене технологических укладов (от механизации до умного производства) происходят коренные изменения в трудовой сфере, требования к организации труда и их участникам.

При переходе к цифровой экономике происходят принципиальные изменения в структуре всех общественных отношений, их объективно-субъектного состава и условий реализации, которые требуют специального изучения для эффективного правового регулирования в последующем [1, с.19]. Но действующее законодательство не всегда своевременно реагирует на те вопросы, которые происходят в сфере наемного труда. В этом контексте согласимся с Г. С. Скачковой, которая верно утверждает, что «многие

проблемы, возникающие на практике, обусловлены тем, что в теории трудового права недостаточно разработаны концептуальные подходы к исследованию общественной организации труда в современной России, и видов труда, охватываемых ею» [2, с. 238]. Более того, указанные проблемы являются в последние годы предметом исследования в большей мере специалистов не в области трудового права, а в области экономики и социологии труда в странах постсоциалистического пространства.

Очевидно, что ТК Республики Беларусь, исходя из, как и КЗоТ 1972 г. из «узкой сферы» действия норм трудового права (ст. 3), распространяя его действия лишь только на трудовые отношения лиц, работающих по трудовому договору. Подобные аналогии можно привести для сравнения и в отношении ТК РФ.

Однако анализ законодательства о правовом регулировании отношений в сфере труда иной отраслевой принадлежности у различных категорий граждан, осуществляемого в рамках общественной организации труда, показывает, что нормы трудового права по отношению к ним применяются все же в той или иной части. Более того, нет никаких оснований утверждать, что указанные граждане при реализации ими конституционного принципа свободы труда, в качестве наемных лиц, предлагающих для использования свой труд, полностью исключены якобы из сферы действия трудового права: при взаимопроникновении и взаимосвязи норм специального и трудового законодательства решающая роль отдается, в целом, трудовому законодательству [3, с. 20]. Поэтому представляется, что в отношении лиц, занятых различными видами труда, в сфере общественной организации труда, нет каких-либо принципиальных препятствий для распространения на них некоторых норм трудового законодательства.

Как отмечал М. И. Бару, «единство в основном, коренном и существенном определяет на данном этапе путь правового регулирования трудовых отношений в целом без относительно к сфере приложения общественного труда» [4, с. 118]. Иное дело, что степень распространения и пределы действия норм трудового права могут быть различны, но это уже проблемы дифференцированного подхода к регулированию возникающих у граждан отношений в сфере наемного труда с учетом как содержания выполняемой трудовой функции, так и места, вида труда, которым они занимаются.

Тем не менее со сферой трудового права, особенно в эпоху цифровизации неразрывным образом связан вопрос о единстве и дифференциации норм трудового законодательства. В связи с этим полагаем трудовое законодательство должно развиваться таким образом, чтобы обеспечивать равную защиту всех работников от незаконных действий со стороны нанимателя, используя при этом социально оправданную дифференциацию при регулировании труда различных участников трудового отношения. Поэтому проблема единства и дифференциации правового регулирования труда приобретает особую актуальность.

В этом контексте следует отметить, что в свое время ТК Республики Беларусь сделал серьезные шаги для ее легализации. В большинстве норм этого важнейшего источника трудового права реализуется принцип единства правового регулирования труда, исходя из которого ТК республики Беларусь устанавливает государственный уровень юридических гарантий для всех наемных работников. Вместе с тем значительное внимание уде-

лено законодателем проблеме дифференциации правового регулирования труда отдельных категорий работников. В ТК Республики Беларусь раздел III посвящен как раз особенностям регулирования труда отдельных категорий работников (Гл. 18–32), т.е. речь идет о правовом регулировании труда специальных субъектов трудового права.

Так, к числу субъектов трудового права, нуждающихся в специальном правовом регулировании, относятся работники, выполняющие дистанционную работу. Их особое правовое положение связано с тем, что в условиях развития цифровой экономики применения труда таких лиц требует специальных форм условий найма на работу. Поэтому наличие специальных норм, регламентирующих трудовые отношения работников, выполняющих дистанционную работу, отражает не только объективно существующую потребность в дистанционной организации труда ввиду ее бесспорных преимуществ, например, как было в условиях ковидной пандемии, когда был запрещен непосредственный контакт между работниками в целях безопасности и охраны их труда и здоровья, но и необходимость обеспечить функциональную гибкость современного рынка труда и надлежащий уровень правовой защиты таких лиц, особенно сейчас в условиях дефицита постоянных рабочих мест.

Обращаясь к истории вопроса, отметим, что специальное правовое регулирование труда данной категории работников до недавнего времени отсутствовало. Хотя вопрос о регулировании их труда стоял уже в начале XXI в., когда в IT-сферу привлекали специалистов, которые, работая в цифровом пространстве, практически не имели правовых гарантий. Из-за отсутствия специальных норм в законодательстве, регламентирующем труд категории таких работников, к ним применялось понятие «надомного труда», закрепленного в ст. 304 ТК Республики Беларусь, т.е. оно в общем «подходило» под их функциональные обязанности. Хотя опыт развитых стран показывал необходимость введение в национальное законодательство норм, регулирующих дистанционный труд. Так, в ЕС уже в 2002 г. было принято Рамочное соглашение о телеработе. В нем впервые регламентируется «минимальный пакет гарантий» для дистанционных работников. В частности, в ст. 6 этого Соглашения 2002 г. говорится о необходимости охраны частной жизни теле-работников. Принятие данной нормы связано с повышенной мотивацией работодателей контролировать дистанционных работников с помощью электронных устройств. Более подробная регламентация «телеработа» дана в законодательстве США. Таким образом, в связи с стремительным развитием дистанционных трудовых отношений в эпоху цифровизации возникла необходимость формирования и совершенствования национального законодательства в общем и трудового, в частности, в области дистанционной работы.

В настоящее время Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов» введена гл. 25-1 в разделе III ТК Республики Беларусь, в которой содержится 5 статей, закрепляющих понятие дистанционной работы, особенности заключения и прекращения трудового договора с работником, особенности охраны труда при выполнении дистанционной работы, особенности режима рабочего времени и времени отдыха такого работника. Последующие изменения законодательства в данной области были внесены Законом Республики Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-З «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» и предусматривали дифференциацию форм дистанционной работы (постоянная, временная, комбинированная), возможность регулирования условий труда через локальные правовые акты и др. Все это

свидетельствует о развитии национального законодательства в сторону гибкости и адаптации его к потребностям цифровой экономики, являясь несомненно положительной тенденцией. Но как показывает практика применения и использования дистанционного труда в период начиная с 2020 г., за такой не продолжительный промежуток времени, были выявлены отдельные недостатки такой формы гибких отношений. Так, например, некоторые работники достаточно долго не выходили на связь в сети с нанимателем, или нарушали режим рабочего времени, увеличивая время отдыха и т.д., это далеко не полный перечень таких нарушений. Следует также добавить, что для нанимателя учитывая удаленный формат взаимодействия, бывает порой сложно контролировать соблюдение работником правил внутреннего трудового распорядка, уровень трудовой и исполнительской дисциплины, качество выполнения задач. В этой связи необходимо нормативно определить соразмерные и эффективные меры дисциплинарной ответственности за нарушение установленных правил.

Далее, проведя сравнительно-правовой анализ законодательства России в сфере дистанционного труда, отметим, что в ТК РФ есть также гл. 49.1, которая была введена Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ. Но российское законодательство пошло дальше в сфере регулирования труда дистанционных работников, приняв 22 ноября 2020 г. Федеральный закон № 377-ФЗ «О дистанционной работе» и 8 декабря 2020 г. Федеральный закон № 407-ФЗ «О дистанционной (удаленной) работе». Что касается российской научной литературы, вопрос о необходимости регулирования дистанционного труда поднимался в ней неоднократно. Одни авторы, в качестве достоинств такой формы занятости для работодателей выделяли экономию издержек, возможность привлекать рабочую силу из других регионов и государств [5]. Другие отмечали, какие преимущества для работников дает дистанционная форма: в виде гибкого рабочего графика, снижение затрат времени, связанных с проездом к месту работы, возможность самостоятельно планировать и исполнять свои функции [6]. В то же время, следует согласиться со справедливым замечанием И. А. Филиповой о том, что не стоит так же забывать об обеспечении комфорта и безопасности рабочих мест, где работники выполняют свои трудовые функции во взаимодействии с ботами, роботами, вычислительными системами, наделенными ИИ и способными к самообучению, что заложено в них программой. Следовательно, для работодателей особую значимость будет иметь предоставление обучения и переквалификации для работников [7, с.166]. Также отметим, что дальнейшее развитие цифровой экономики приведет к усилению правовой защиты работников и нанимателей, позволит определить тенденции развития трудовых правоотношений в период глобальной цифровизации. Так, О. В. Сенокосова отмечает, что следует установить нормативные рамки по использованию в работе технологий виртуальной и дополненной реальности, в т.ч. для защиты наиболее уязвимых групп работников. Например, для несовершеннолетних, инвалидов и беременных женщин, которые в силу медицинских показателей могут быть восприимчивы к данным явлениям [8, с. 239].

Таким образом, цифровизация активно внедряется во все сферы жизни общества, и трудовые правоотношения в том числе. Она влияет на организацию труда, условия работы, возможности работников и нанимателей, позволяет совершенствовать существующие правоотношения, что требует обновления трудового законодательства. В этой связи вопросы правового регулирования дистанционной работы, являются предметом пристального внимания как белорусских, так и зарубежных исследователей.

Вышеизложенное отнюдь не исчерпывает всех возможных ответов на те вопросы, которые возможно будут возникать в будущем в процессе правового регулирования отношений дистанционного труда, в условиях цифровизации. А рассмотрение лишь некоторых из них, свидетельствуют о необходимости продолжения исследований в этом направлении, поскольку в нем остается немало вопросов, на которые наука трудового права пока не дает исчерпывающих ответов.

Библиографический список

1. Лопатин, В. Н. Проблемы и перспективы евразийского трансграничного пространства доверия при переходе к цифровой экономике / В. Н. Лопатин // Научные чтения памяти профессора В. И. Семенкова : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 7 дек. 2017 г. / Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь : редкол. С. М. Севец [и др.] – Минск : Четыре четверти, 2017. – 592 с.
2. Скачкова, Г. С. Расширение сферы действия трудового права и дифференциация его норм / Г. С. Скачкова. – М. : МГИУ, 2003. – 374 с.
3. Бритова, Т. К. Правовое регулирование дистанционного труда в странах ЕАЭС (сравнительный анализ законодательства): некоторые проблемы и пути их решения / Т. К. Бритова // Развитие национального законодательства в условиях функционирования ЕАЭС : сб. науч. ст. / редкол. : Д. Л. Гулякевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Ин-т бизнеса БГУ, 2021. – С. 19–22.
4. Бару, М. И. О единстве советского трудового права / М. И. Бару // Вопр. государства и права : сб. ст. – М. : Юрид. лит. 1974. – Вып. 2. – С. 118–122.
5. Ефимов, В. А. Трансформация трудовых отношений в условиях информатизации / В. А. Ефимов // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 1. – С. 20–25.
6. Заклюжная, Н. В. Правовое положение работника в дистанционном правоотношении / Н. В. Заклюжная // Вестн. БГУ. – 2015. – №1. – С. 76–91.
7. Филипова, И. А. Трудовое право: вызовы информационного общества / И. А. Филипова // Право. Журн. Высш. шк. экономики. – 2020. – № 2. – С. 162–182.
8. Сенокосова, О. В. Риски цифровизации рынка труда России / О. В. Сенокосова // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страхование и управление рисками. – 2018. – № 3. – С. 237–242.

ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ

С. Г. Василевич

*кандидат юридических наук, доцент
sergey.workmail.135@gmail.com*

Статья посвящена проблемам развития цифрового правосудия. Обращено внимание на перспективы использования искусственного интеллекта в правосудной деятельности и судеобеспечительной деятельности, подчеркнуты позитивные и негативные моменты при внедрении цифрового правосудия, осуществлении искусственным интеллектом деятельности по оказанию помощи судам в рассмотрении дел.

Ключевые слова: цифровое правосудие; предмет цифрового правосудия; искусственный интеллект; цифровизация; судебное усмотрение.

Искусственный интеллект (ИИ) и цифровизация становятся все более востребованными современными инструментами. По мнению Н. Н. Черногора в связи с появлением ИИ начался «фазовый переход к новому современному правопорядку» [1, с. 5]. Ежегодно в цифровой формат переводится все больше услуг, оказываемых государством (административные процедуры, правосудие и др.), то есть на современном этапе общественного развития происходит интенсивный процесс цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека, включая правовую систему (нормотворчество и правоприменение), активно разрабатывается понятийный аппарат, обогащается новым содержанием юридическая практика. Таким образом, в сферу юриспруденции внедряются инновации.

Особенностью современного развития судебной деятельности является синтез (интеграция) социальных, прежде всего правовых, и технических наук (кибернетики и др.).

В доктрине уделяется пристальное внимание возникающим вопросам в данной области. При этом одним из проблемных является вопрос о том, способна ли цифровизация укрепить авторитет и эффективность правосудия. В Республике Беларусь и Российской Федерации идет активное развитие ИКТ, формируется законодательство, проводятся исследования по развитию и внедрению ИИ, в том числе в сферах правосудной и судеобеспечительной деятельности. Законодательство наших стран относится к романо-германской правовой семье; нормотворчество и правоприменение имеют много общего, в том числе при отправлении правосудия.

В Беларуси принят ряд законодательных актов, посвященных ИКТ. Среди них законы Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-З «Об электросвязи», от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», от 19 апреля 2022 г. № 164-З «О платежных системах и платежных услугах», Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8, указы Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136

«Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации», от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» и др. Они создают основу для цифровизации, развития и внедрения ИИ в повседневную реальность.

Полагаем, что в рамках Союзного государства, которому через три года исполнится 30 лет, было бы полезно создать единую информационную судебную систему. Это позволило бы учитывать опыт друг друга, позитивные стороны судебной деятельности и недостатки для их исключения.

В литературе существует полемика относительно соотношения понятий «электронное правосудие» и «цифровое правосудие». Высказана позиция, в соответствии с которой электронное правосудие – это использование в судопроизводстве информационных технологий [2, с. 22–38]. С точки зрения технологии для цифрового правосудия характерно использование системы ИИ, интеграция автоматизированных программ в единые системы судебной деятельности, сетевое взаимодействие [3, с. 49–50]. На наш взгляд, электронное правосудие и цифровое правосудие близкие по содержанию понятия. Различия между ними может быть обусловлено акцентами на правосудную и судобеспечительную деятельность.

В современных условиях все более актуальной является проблематика использования ИИ для правосудия, то есть создания и использования разработанных алгоритмов судебных решений.

С учетом сегодняшнего уровня развития ИИ в сфере правосудия преждевременно широкомасштабное применение электронного правосудия посредством использования роботов. Начинать следует с тех дел, которые отличаются наибольшей степенью формализации, то есть законом установлены четкие критерии поведения и ответственности. Это могут быть некоторые административные, налоговые, таможенные правонарушения, правонарушения в сфере дорожного движения. То есть, полагаем перспективным разрешение споров с участием ИИ тех дел, которые отличаются наибольшей степенью формализации. Однако с учетом опыта других стран можно было бы подумать о еще большем расширении сферы применения ИИ, например, это может касаться исков на небольшие суммы, а также по взысканию штрафов. Вместе с тем это не совсем приемлемо, когда штраф налагается на физическое лицо и при этом судебный (административный) процесс имеет воспитательное значение [4, р. 1–46]

Предметом рассмотрения ИИ могли бы быть также споры, касающиеся защиты прав потребителей. Как известно, отношения между потребителями, продавцами и изготовителями товара (работ, услуг) отличаются четким определением взаимных прав и обязанностей, ответственности сторон. Однако в указанных случаях должно быть сохранено право для обжалования решений, принятых ИИ, обычному судье.

Осуществление правосудия с помощью ИИ имеет позитивные и негативные стороны. Подчеркнем, что для ИИ исключается когнитивная предвзятость и дискриминация, большая беспристрастность. Вместе с тем одной из проблем вынесения решения с использованием ИИ является отсутствие прозрачности (функционирование способами, непонятными людям), датафикация (наличие больших данных), разочарование (пересмотр существующей практики, критика традиционных способов суждения человека) и отчуждение (утрата непосредственной связи с субъектом, осуществляющим правосудие) [5, р. 262].

Одним из недостатков правосудия, осуществляемого с помощью ИИ, является отсутствие у него эмпатии, чувства совести и сострадания. Непрозрачность алгоритмов,

неясность рассуждения, невозможность эволюционного развития прецедентной практики, то есть возникает ряд нравственных и этических проблем при осуществлении юрисдикционных решений ИИ.

Положительной стороной внедрения цифровых технологий в область правосудия является процессуальная экономия, что выражается в оптимизации сроков рассмотрения дел, экономии человеческих и иных ресурсов, доступность правосудия и открытость его отправления [6, с. 36–40; 7, с. 11–15].

Для человека характерно такое свойство как способность понимать чувства и эмоции всех участников судебного процесса.

У ИИ отсутствует человеческий интеллект, способность осознанно, не механически понимать правовое явление; по этой причине, как считают некоторые авторы, замена человека на судебском поприще невозможна [8, с. 44]. Однако такое категорическое утверждение сомнительно. Конечно, важно оперативно обновлять программное обеспечение ИИ, дополнять его базы новыми данными одновременно с изменениями правотворческой и правоприменительной практики. Кстати, и лицо, осуществляющее правосудие, также должно совершенствовать свои профессиональные знания. Подчеркнем, что в качестве первого шага для внедрения цифрового правосудия автор ведет речь о спорах, которые упоминались выше.

Форс-мажорные обстоятельства могут стать катализатором внедрения достижений ИКТ в судебную сферу. Явным тому примером явилась пандемия COVID-19, которая вынудила искать нестандартные модели деятельности судов, включая дистанционную форму работы. [9, с. 10–14]

Помимо практически уже сформированной системы организации данных значение ИИ, по мере его совершенствования, будет возрастать как консультанта, способного оказывать помощь сторонам спора в поиске решений своих проблем. Также можем отметить другую очень важную функцию ИИ при рассмотрении споров (конфликтов) – это прогнозирование исхода того или иного дела в суде. На наш взгляд, совершенствование функции прогнозирования в перспективе может способствовать сокращению дел в суде и примирению между сторонами. Предиктивное правосудие призвано оказывать помощь судьям в формировании по схожим делам единообразной правоприменительной практики, то есть ИИ ускорит процесс развития прецедентного права.

Учитывая недостаточный уровень развития ИИ для его внедрения как субъекта, осуществляющего правосудие, зарубежные авторы предлагают модель «усиленного» (augmented) интеллекта, в соответствии с которой ИИ в случае необходимости мог бы указывать на необходимость человеческого вмешательства [10, р. 40, 55]

Иной подход предусмотрен в законодательстве КНР. Там создаются интернет-суды, деятельность которых оказывается все более эффективной, чем правосудие, осуществляемое традиционным способом [11, с. 34–36]. В КНР работает система «Умный суд». Считается необходимым, чтобы судья консультировался по рассматриваемым делам с «Умным судом», но весьма разумно выглядит требование к судье, если он не согласен с рекомендацией ИИ, чтобы он изложил свою позицию. Такой подход обеспечивает верховенство судьи над ИИ и, в свою очередь, совершенствование ИИ. ИИ в сфере правосудия не предвестник будущего, а складывающаяся реальность.

Библиографический список

1. Черногор, Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка / Н. Н. Черногор // Журн. рос. права. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 5–15.
2. Боннер, А. Т. Электронное правосудие : реальность или новомодный термин? / А. Т. Боннер // Вестн. гражданского процесса. – 2018. – Т. 8 (1). – С. 22–8.
3. Электронное правосудие : моногр. / Е. В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. – Москва : Рос. гос. ун-т правосудия, 2021. – с. 49–50.
4. Kasap, G. H. Can artificial intelligence («AI») replace human arbitrators? Technological concerns and legal implications / G. H. Kasap // Journal of dispute resolution. – Columbia, 2021. – Vol. 2021, № 2. – P. 1–46.
5. Re, R. M. Developing artificially intelligent justice / R. M. Re, A. Solow-Niederman // Stanford technology law review. – Stanford, 2019. – Vol. 22, № 2. – P. 242–289.
6. Канцер, Ю. А. Электронное правосудие в арбитражном процессе: новые вызовы и адаптация судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 2. – С. 36–40.
7. Латышева, Н. А. Концепция электронного правосудия и новое понимание документационного обеспечения судопроизводства / Н. А. Латышева // Администратор суда. – 2022. – № 1. – С. 11–15.
8. Корнев, В. Н. Вычисление vs понимание / В. Н. Корнев // Рос. правосудие. – 2021. – № 4. – С. 42–45.
9. Бурдина, Е. В. Цифровизация судебной деятельности: направления, прогнозы и риски / Е. В. Бурдина // Администратор суда. – 2020. – № 2. – С. 10–14.
10. Marrow, P. B. Artificial Intelligence and arbitration: The computer as an arbitrator – are we there yet? / P. B. Marrow, M. Karol, S. Kuyan // Dispute Resolution Journal. – 2020. – Vol. 74, № 4. – P. 35–76.
11. Галлямов, Д. Р. Интернет-правосудие: современный опыт Китая / Д. Р. Галлямов // Новый юрид. вестн. – 2023. – № 1 (40). – С. 34–36.

ПЛАТФОРМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Е. В. Перепелица

*ведущий научный сотрудник отдела исследований в области
государственного строительства и информационного права
Института правовых исследований Национального центра
законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО
по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук, доцент
elenaperepelitsa@rambler.ru*

Объект анализа – платформизация – современный тренд, который захватывает в том числе сферу государственного управления. В одних национальных юрисдикциях функциональная роль технологических платформ и экосистем исчерпывается предоставлением услуг гражданам, в других – названные новации помогают налаживать интерактивную связь между государственными, частными и общественными структурами. В статье показано, что на первоначальных этапах формирования цифрового правительства вполне закономерна и удовлетворительна артикуляция платформенных сервисов как способа обеспечения общества информацией и услугами, однако же в дальнейшем останавливаться только на таком состоянии не оправдано.

Ключевые слова: технологическая эволюция; цифровые платформы; платформизация; «государство как платформа»; оказание электронных услуг; омниканальность; сетевое взаимодействие; краудсорсинговые порталы.

В первой половине XIX в. увидел свет фантастический роман В. Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма», в котором описывалась далекая реальность, когда «книги будут писаться слогом телеграфических депешей» [цит. по: 1, с. 9–10] и до неузнаваемости изменятся способы общения. В то время подобные предположения носили метафорический и совершенно немыслимый характер. Сталкиваясь с чем-то незнакомым и неизведанным, люди подчас воспринимают его враждебно. Но постепенно ситуация меняется и то, что поначалу кажется неприемлемым, может стать вполне привычным. Человеку свойственно адаптироваться к внешним переменам. «Больше двадцати лет после появления первых автомобилей о них писали только одно, – напоминает М. Антонопулос, – это дьявольские, отвратительные, грязные и шумные машины, значительно уступающие лошадям» [2, с. 63]. Сегодня вряд ли кто-нибудь догадывается, что машины воспринимались именно так.

Мы живем в тот период, когда будущее уже наступило, воплотились в жизнь самые смелые прогнозы фантастов далекого прошлого. Технологические достижения обнадеживают и одновременно пугают. Что-то в их потенциале достаточно хорошо освоено, что-то остается мало или вовсе не востребованным в теории и на практике.

Технологическая эволюция неостановима: на текущий момент разработаны цифровые технологии, объединяющие жителей разных стран и континентов. Одно из последних достижений – цифровые платформы, без которых уже трудно представить повседневную и профессиональную жизнь. В последние годы многосторонние платформы наряду с частной сферой находят применение в деятельности публичных органов власти различных стран мира. Положительный эффект, создаваемый платформенным и экосистемным взаимодействием, это сотрудничество между управленческими структурами и простыми людьми, «повышение уровня участия граждан в государственных процессах, улучшение качества принимаемых решений за счет вовлечения большого количества участников, а также ускорение процесса принятия решений за счет автоматизации ряда процедур» [3, с. 115]. Массовое вовлечение индивидуальных и коллективных субъектов в платформенное взаимодействие позволяет считать платформизацию «новым современным трендом» [4, с. 98].

В наши дни отдельные национальные юрисдикции настойчиво добиваются практической реализации идеи «государство как платформа». По своему основному смыслу указанная идея обозначает автоматизацию режима оказания электронных услуг и, кроме этого, возможность организации интеракций с участием публично-властных структур, предпринимательского сообщества и граждан. «Внедрение платформенных и облачных решений позволяет нивелировать промежуточные уровни управления организацией, дополнительно снижая транзакционные издержки» [5, с. 7].

В Беларуси задачи по созданию благоприятных условий для обеспечения и сопровождения цифрового развития поставлены Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66. Примером успешного внедрения платформенных решений в Беларуси выступает «Витрина цифровых проектов», открывающая возможность «ознакомиться в созданными государственными и негосударственными информационные ресурсами и системами» [6].

В профильных юридических изданиях систематически публикуются правовые исследования, которые характеризуют платформы с точки зрения упрощения процедур оказания услуг гражданам и выполнения функций, возлагаемых на уполномоченные государством органы. Надо сказать, в данной области налицо значительные успехи. В Республике Беларусь государственные цифровые платформы свою эффективность и работоспособность постоянно доказывают на деле. Посредством перевода услуг в удаленный формат достигается множество преимуществ, включая экономию временных и материальных ресурсов.

Мировая научная мысль применительно к технологическим платформам и экосистемам развивается в более широком ключе. Модернизированное государственное управление «базируется на идеях клиентоориентированности и омниканальности, максимизации полезности деятельности органов власти для граждан и «цифровизации по умолчанию» (digitalbydefault)» [7, с. 29]. Сервисное государство – конструкт неоднородный, в нем присутствует одновременно несколько коммуникационных параметров.

Первый параметр – это взаимодействие внутри государства (на уровне ведомств), которое как правило обеспечивается на исходной стадии развития цифрового правительства. На более поздних эволюционных этапах к указанному параметру присоединяется осуществление внешних коммуникаций публично-властных структур с деловым

сообществом и с общественными акторами. На практике оказание услуг осуществляется цифровыми платформами в единстве с коммуникативными функциями. Таким путем граждане получают возможность осваивать различные ролевые модели. Наряду с ролью потребителей информации и клиентов граждане превращаются в коммуникантов, партнеров, активных участников событий. К примеру, в Германии, Великобритании, Франции платформенные решения применяются для «сетевого взаимодействия граждан, объединений гражданского общества и бизнеса с государством в различных сферах общественной деятельности» [8, с. 12].

Понятно, что разработка и реализация платформенных решений имеет обратную не всегда привлекательную сторону. Как отмечают эксперты, державы, достигшие наивысших показателей в области EGDI, очень скоро столкнутся с повсеместной заменой представителей государственного аппарата высокотехнологическими устройствами. Общей угрозой для разных стран мира является возможность утечки персональных данных. Эти и другие риски неизбежно сопровождают деятельность цифровых платформ. В то же время зарубежная практика свидетельствует о том, что «Синергетический эффект от цифровой трансформации системы государственного управления может привести к существенным выгодам, например, в социально-экономическом развитии и повышении результативности деятельности государственных структур» [9].

По оценкам специалистов, проблематика, связанная с определением природы, функционала и регуляtorики технологических платформ и экосистем – направление, которое «является одновременно интересным и очень сложным с точки зрения разработки законодательной базы» [10, с. 89]. Такая сложность в равной мере относится и к национальному, и к наднациональному уровню.

Один из примеров использования платформенного подхода для коммуникации общества и государства – краудсорсинговые порталы. Они помогают наладить обратные связи между властными и невластными субъектами. «Многосторонние платформы краудсорсинга формируются на основе технологий массовой коллективной работы, которые позволяют создавать контент, обмениваться опытом, собирать мнения (...)» [11, с. 312]. В ходе освоения этой стороны платформенного взаимодействия встречаются трудности юридического и технического свойства. Но в конечном счете платформенные решения демонстрируют свою пользу, а порой и незаменимость. Самое главное приобретение – это транспарентность и открытость общества и государства навстречу друг другу.

Не ставя под сомнение важность и полезность использования платформенных решений для снабжения граждан информацией и электронными услугами, не стоит предавать забвению посредническую функцию цифровых платформ и возможность организации с участием соответствующих высокотехнологических образований коммуникативного взаимодействия публичных и общественных структур.

Библиографический список

1. Ванчугов, В. В. Цифровые трансформации современной культуры / В. В. Ванчугов. – М. : Философ. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. – 139 с.
2. Антонопулос, А. М. Инноваторы, разрушители, «белые вороны» и Биткойн / А. М. Антонопулос // Интернет денег : пер. с англ. – М. : Олимп-Бизнес, 2018. – С. 61–77.

3. Комаровский, Н. А. Цифровые платформы для взаимодействия граждан и государства: ключевые аспекты и перспективы / Н. А. Комаровский, В. В. Сулимин // Экономические исследования и разработки. – 2024. – Сентябрь. – С. 114–118.
4. Грибанов, Ю. И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции : дис. ... докт. эконом. наук : 08.00.05 / Юрий Иванович Грибанов ; Федер. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Санкт-Петербург. гос. экономич. ун-т». – СПб., 2019. – 355 л.
5. Мухаметов, Д. Р. Цифровое государство как экспоненциальная организация: новые технологии коммуникации / Д. Р. Мухаметов // Мир новой экономики. – 2022. – № 16 (2). – С. 6–18.
6. О результатах выполнения Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы в 2023 году.
– URL: https://mpt.gov.by/sites/default/files/kratkaya_spravka_ob_itogah.pdf (дата обращения 09.06. 2025).
7. Авдеева, И. Л. Использование платформенных технологий в современном государственном управлении / И. Л. Авдеева // Вестн. экспертного совета. – 2019. – № 1 (16). – С. 28–32.
8. Сморгун, Л. В. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество / Л. В. Сморгун // Власть. – 2019. – № 5. – С. 9–19.
9. Кудина, М. В. Внедрение цифровых платформ для принятия решений в государственном управлении / М. В. Кудина, А. С. Воронов, А. В. Гаврилюк // Государственное управление. Электронный вестн. – Вып. 100. Октябрь 2023 г. – URL: [vnedrenie-tsifrovyyh-platform-dlya-prinyatiyaresheniy-v-gosudarstvennom-upravlenii.pdf](https://vestnik.gosudarstvennoe-upravlenie.ru/vypusk-100-oktyabr-2023-goda/vnedrenie-tsifrovyyh-platform-dlya-prinyatiyaresheniy-v-gosudarstvennom-upravlenii.pdf) (дата обращения: 10.06.2025).
10. Алтухов, А. В. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине / А. В. Алтухов, С. Ю. Кашкин // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 7. – С. 86–94.
11. Лобова, С. В. Многосторонняя платформа краудсорсинга в системе регионального управления: концептуальный подход к формированию и барьеры / С. В. Лобова // Вестн. Алтайск. науки. – 2015. – № 3, 4. – С. 311–319.

УДАЛЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Т. В. Телятицкая

*профессор кафедры международного экономического права
факультета права Белорусского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
tvt@tut.by*

Статья посвящена исследованию удаленного административного принуждения как новой формы государственного воздействия, реализуемой с применением ИКТ в условиях цифровой трансформации. Раскрываются правовая природа, механизмы и формы цифрового принуждения в Республике Беларусь, включая автофиксацию правонарушений, алгоритмические решения и электронное исполнение санкций. Обоснована необходимость нормативного закрепления данной категории.

Ключевые слова: удаленное административное принуждение; цифровое государство; алгоритмическое правоприменение; автоматизация; административная ответственность; электронные доказательства; цифровизация управления; правовые гарантии; Беларусь.

Современный этап развития публичной власти сопровождается цифровизацией, приводящей к трансформации традиционных форм административного воздействия. На фоне этих преобразований возникают качественно новые формы административного принуждения: автоматическое вынесение постановлений о привлечении к административной ответственности, дистанционное исполнение взысканий, блокировка правомочий через электронные реестры, цифровой мониторинг правонарушений. Все они реализуются с опорой на информационные системы, зачастую без участия должностного лица на стадии принятия решения, что порождает как эффект повышения управленческой эффективности, так и правовые риски, связанные с обеспечением процессуальных гарантий, проверяемости алгоритмов и доступом к механизмам обжалования.

Цифровизация становится необходимым шагом «для адаптации к современным вызовам и требованиям, улучшения взаимодействия с гражданами и создания более эффективной и прозрачной системы управления» [1].

Беларусь в последние годы последовательно реализует политику построения электронного правительства, развитие которого зафиксировано в государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66. В рамках данной Программы осуществляется внедрение комплексной системы межведомственного электронного документооборота, расширяется перечень цифровых услуг, доступных в онлайн-режиме. Эти процессы порождают системные изменения в структуре и механизмах функционирования органов государственной власти, включая органы, осуществляющие контроль, надзор и применение административных мер воздействия.

Цифровизация административно-правовой сферы в Республике Беларусь отражает переход от традиционного управления к дистанционным и автоматизированным моделям правоприменения. Как отмечает Н. В. Краснова, она требует пересмотра методов правового воздействия и оценки процессуальных гарантий [2, с. 42].

Во-первых, особое значение имеет Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об административных процедурах», закрепляющий право граждан на понятные и предсказуемые процедуры. Его реализация переведена в электронный формат, включая Единый портал электронных услуг. Это снижает коррупционные риски и унифицирует процедуры, но изменяет характер контроля: надзор все чаще автоматизируется – например, фиксируются просрочки рассмотрения обращений и др.

Во-вторых, органы контроля и надзора внедряют автоматизированные системы с онлайн-доступом к данным о подконтрольных объектах. Пожарные сигнализации, подключенные к серверам МЧС, передают данные о техническом состоянии в реальном времени. Налоговые органы обмениваются информацией с организациями, обеспечивая непрерывный контроль и снижение числа нарушений. Инспекторы используют программное обеспечение для выявления несоответствий в отчетности, а административные меры все чаще иницируются не по жалобам, а при срабатывании алгоритмов, фиксирующих «тревожные индикаторы» в массивах данных.

В-третьих, электронный документооборот формируется в административном процессе. Органы внутренних дел, суды и другие структуры переходят к цифровому формату делопроизводства. Так, МВД с 2022 г. внедрило электронный протокол, оформляемый на месте совершения правонарушения и автоматически вносимый в Единый банк данных, исключая бумажный документооборот. Аналогично автоматизировано и исполнение взысканий: информация о штрафах мгновенно поступает в банк, а при их неплате возможно автоматическое ограничение доступа к ряду услуг.

Цифровая трансформация меняет парадигму административного принуждения: вместо личного взаимодействия с представителем власти (вручение постановления, изъятие документа, задержание) меры реализуются дистанционно. Нарушение фиксируется техническим средством, постановление автоматически формируется и направляется в личный кабинет, а исполнение контролируется через межведомственные электронные базы и алгоритмы.

Наиболее ощутимым для граждан примером такой цифровизации стала система автоматической фото- и видеофиксации, особенно в сфере дорожного движения. Стационарные камеры работают в Беларуси свыше десяти лет, а в последние годы интегрированы в общенациональную систему мониторинга. Указ Президента от 25 февраля 2022 г. № 69 «О развитии республиканской системы мониторинга общественной безопасности» закрепил создание единой информационной платформы, объединяющей камеры и сенсоры для обеспечения общественной безопасности. Система позволяет в реальном времени анализировать видеоданные, распознавать номера и автоматически инициировать административный процесс.

Постепенно реализуется полностью автоматизированный цикл: от фиксации до взыскания штрафа. Как указал Министр юстиции Е. В. Коваленко, планируется автоматическое списание штрафов без участия инспектора, протокола и бумажного постановления – на основании распознавания номера и идентификации владельца [3]. Автоматизация преследования изменила классическую модель административного процесса. Ранее инспектор ГАИ останавливал транспорт, составлял протокол, вручал копию и разъяснял

права. При использовании автоматизированной технической системы контроля, согласно ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП, постановление выносится без протокола и вызова лица. Такой подход переносит бремя доказывания невиновности на гражданина и вызывает сомнения в его соответствии общепризнанному принципу презумпции невиновности.

Расширение систем автоматической фиксации серьезно увеличивает масштабы применения административных взысканий. В России большинство постановлений ГИБДД выносится без участия инспекторов, только на основании фото- и видеофиксации [4, с. 278]. Похожая тенденция наблюдается и в Беларуси: камеры фиксируют не только превышение скорости, но и отсутствие техосмотра, непристегнутые ремни, выезд за стоп-линию, использование телефона и др.

Автоматизация усиливает карательную функцию государства, обеспечивая оперативность, масштабируемость и исключение субъективности. Однако она требует особого внимания к защите прав, процедурным гарантиям, возможности обжалования и юридической определенности электронных решений. Важным элементом удаленного административного принуждения выступает электронное уведомление правонарушителей. В отсутствие личного вручения постановлений органы власти информируют граждан через цифровые каналы (личный кабинет, СМС, push-сообщения и др.). Автоматизация породила новую модель воздействия – удаленное вынесение решений без личного контакта. Она обеспечивает круглосуточный контроль, снижает коррупционные риски и усиливает неотвратимость ответственности, но вызывает правовые вопросы. В частности, автоматическая фиксация нарушений трансформирует принцип презумпции невиновности: владельца транспортного средства признают виновным по умолчанию, и он должен сам доказывать обратное. Такая модель требует оценки на соответствие конституционным гарантиям и международным обязательствам. Кроме того, автоматизированные системы подвержены ошибкам (распознавания, геолокации и др.). Следовательно, необходим четкий порядок верификации электронных доказательств и оперативный механизм обжалования.

Формализованный порядок может противоречить праву на рассмотрение дела независимым и беспристрастным органом. Хотя формально решение выносит должностное лицо, фактически оно лишь подтверждает автоматический результат.

Отечественное законодательство пока не регулирует статус электронных доказательств и применение алгоритмических решений в административном процессе. отсутствует порядок автоматического вынесения постановлений, что создает правовую неопределенность. Необходимо дополнить ПИКоАП нормами, устанавливающими допустимость электронных доказательств, ответственность за сбои системы и обязательную человеческую верификацию перед вынесением решения.

Следует отметить, что цифровизация затрагивает не только карательную, но и профилактическую функцию принуждения. Она усиливает потенциал предупредительных мер за счет технологий мониторинга и анализа данных. Примером служит Республиканская система мониторинга общественной безопасности, развернутая по Указу Президента «О развитии республиканской системы мониторинга общественной безопасности», объединяющая камеры, датчики дыма, утечки газа и радиации, установленные в общественных и частных пространствах. Система обеспечивает круглосуточное наблюдение за объектами инфраструктуры и местами скопления людей, содействует охране правопорядка, розыску, предотвращению чрезвычайных ситуаций.

Как подчеркивает А. В. Лубенков, «природа принуждения определяется необходимостью государственного управления, неразрывной связью управления с государственной властью и принуждением» [5, с. 9]. Обязанность подключать локальные системы к государственной платформе становится нормативным предписанием, исполнение которого обеспечивается административной ответственностью. Это формирует новую форму превентивного принуждения – нормативное вовлечение частных лиц в систему мониторинга, что формирует публично-частное партнерство в сфере принуждения.

Превентивный цифровой надзор может применяться в различных сферах. Так, системы фиксации нарушений в дорожном движении выполняют и предупреждающую функцию: табло на трассах, предупреждающие о превышении скорости, являются формой «мягкого» цифрового принуждения.

Аналогичные технологии используются в экологическом контроле: датчики отслеживают уровень выбросов, при превышении автоматически отправляются сигналы в надзорные органы, что позволяет оперативно применять необходимые меры. Беларусь движется в этом направлении: предприятия отчитываются через электронные порталы, интегрированные в систему экологического контроля.

Цифровые технологии позволяют формировать индивидуальные профили рисков в рамках рискоориентированного контроля. Компетентные органы применяют алгоритмы для распределения субъектов по уровням риска. Как отмечает Е. В. Овчарова, «решение инициируется алгоритмом, а человек лишь подтверждает и реализует его» [6, с. 133]. В таких условиях особое значение приобретают прозрачность и подотчетность алгоритмических решений. Хотя по закону гражданин имеет право знать мотивы решения, автоматизация затрудняет понимание причин признания его деятельности подозрительной.

Инновационной формой принуждения становится электронное исполнение взысканий, внедряющее механизмы безналичного списания штрафов через интеграцию банков и различных баз данных. Уже сейчас банки обмениваются информацией с МВД и погранслужбой: при наличии неоплаченных штрафов ограничивается выезд, а оплату можно произвести на месте через терминал. В перспективе возможно автоматическое списание штрафа по истечении срока добровольной уплаты.

Другой пример – удаленное приостановление деятельности. Ранее требовалось решение и визит инспектора, теперь при истечении срока лицензии в реестре автоматически формируется блокирующая пометка. Аналогично Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь ограничивает доступ к запрещенным сайтам – без суда, через техническое исполнение интернет-провайдерами. Это пример цифровой меры административного пресечения.

Электронный контроль охватывает и исполнение взысканий. При лишении специального права (например, охоты или управления транспортным средством) фиксация запрета в реестре заменяет изъятие документа. Даже если удостоверение остается у нарушителя, система блокирует возможность им воспользоваться. Развиваются и формы дистанционного надзора. Во время пандемии был введен эффективный порядок проверок по видеосвязи. В будущем возможно его закрепление: инспектор будет оценивать данные с камер и датчиков удаленно и выносить предписания без выезда на объект. Таким образом, складывается новая модель принуждения, основанная на удаленном контроле, автоматизации и цифровом исполнении взысканий. Гражданин может не встретиться с инспектором, но будет охвачен полным циклом воздействия. Это повышает эффективность, но требует цифровой грамотности и надежных правовых гарантий.

На основе изложенного констатируем, что цифровая трансформация административного принуждения в Беларуси формирует новую правовую реальность, в которой традиционные меры дополняются или заменяются удаленными, алгоритмическими и бесконтактными механизмами. В этих условиях следует нормативно закрепить категорию удаленного административного принуждения как особой формы воздействия с применением ИКТ. Это позволит обозначить пределы допустимого цифрового вмешательства и классифицировать его формы – от автофиксации до дистанционных проверок и цифрового исполнения взысканий.

В условиях алгоритмизации юрисдикции встает вопрос о правовом режиме решений, принимаемых на основе цифровых данных. Должностные лица должны нести ответственность за достоверность сведений, полученных от автоматических систем, а решения – подлежать верификации и мотивировке. Требуется урегулирование порядка обжалования, ответственности за нарушения в сфере удаленного принуждения. Как подчеркивает В. И. Михайлов, «важнейшей задачей становится обеспечение интерпретируемости и юридической определенности цифровых решений» [7, с. 56].

Привлечение частных субъектов к инфраструктуре мониторинга требует четкого регулирования их прав и обязанностей, а также соблюдения баланса между безопасностью и неприкосновенностью частной жизни. Возрастает роль цифровой правовой помощи, доступности сервисов и цифровой грамотности граждан. Только при наличии единой цифровой среды – персональных кабинетов, уведомлений, механизмов обжалования, – можно говорить о справедливости удаленного принуждения. В перспективе следует закрепить в ПИКоАП определение алгоритма как элемента правоприменения с указанием условий допустимости и ответственности. Это обеспечит правовую определенность и ограничит произвол. Таким образом, удаленное административное принуждение становится ядром цифрового государства, отражая новую логику власти, а его развитие требует нормативного переосмысления, обеспечивающего баланс между эффективностью и правами человека.

Библиографический список

1. Чернявская, Ю. А. Цифровая трансформация государственного управления в современных условиях / Ю. А. Чернявская, А. В. Лавров // Вестн. Алтайской акад. экономики и права. – 2024. – № 12, ч. 1. – С. 156–162.
2. Краснова, Н. В. Цифровая трансформация и административное право: вызовы и перспективы / Н. В. Краснова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. Сер. 3. – 2023. – № 2. – С. 41–48.
3. Камеры прощют насквозь // GTO.by : [сайт]. – URL: <https://gto.by/news/kamery-proshyut-naskvoz> (дата обращения: 30.05.2025).
4. Шурухнова, Д. Н. Цифровые технологии в административной юрисдикции: проблемы правовой регламентации / Д. Н. Шурухнова // Рос. юрид. журн. – 2020. – № 6. – С. 278–280.
5. Лубенков, А. В. Государственное принуждение и административная юрисдикция / А. В. Лубенков // Вестн. Могилёвского ин-та МВД. – 2022. – № 1 (5). – С. 4–11.
6. Овчарова, Е. В. Алгоритмы как элемент административного процесса: правовая природа и пределы применения / Е. В. Овчарова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2. – С. 130–136.
7. Михайлов, В. И. Интерпретируемость цифровых решений как правовая гарантия в административном процессе / В. И. Михайлов // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 1. – С. 56–63.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОЛОСОВАНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ И РЕФЕРЕНДАРНОМ ПРОЦЕССАХ

А. В. Шавцова

*доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
varf01012000@gmail.com*

В статье рассматривается одно из основных направлений в сфере внедрения информационных технологий в избирательный и референдарный процессы – развитие электронного голосования, отдельные аспекты его научного исследования, предмет и способ правового регулирования.

Ключевые слова: электронное голосование; информационные технологии; избирательный и референдарный процессы; правовое регулирование.

Появление и развитие новых форм демократии позволяет в настоящее время утверждать о развитии информационного общества в Республике Беларусь. Масштабное распространение цифровых технологий в различных сферах государственной и общественной жизни, неизбежно повлекло трансформацию политико-правовых процессов, в том числе внедрение цифровых технологий в избирательные процедуры. Внедрение ИКТ в процесс голосования основано не только на накопленном опыте, но и стремлении белорусского государства и общества к развитию с применением единых стандартов и требований к модернизации избирательного и референдарного процессов. «Научно-технический прогресс неизбежно становится движущей силой технического совершенствования избирательного процесса. Возможность преобразования информации в цифровую форму позволяет существенно ускорять и упрощать многие избирательные действия и процедуры, делая их простыми, удобными и доступными для любого избирателя» [1].

Республика Беларусь, как и другие государства, при внедрении электронного голосования на выборах или проведении референдума, должна заблаговременно решить ряд правовых, организационных и технических вопросов, некоторые из них нашли отражение в Рекомендации «О правилах электронного голосования», принятой на 1289-м заседании Комитета Министров Совета Европы (14 июля 2017 г.). В названной Рекомендации содержится определение электронного голосования – это «использование электронных средств для подачи и/или подсчета голосов, являющееся безопасным, достоверным, эффективным, технически оснащенным, открытым для независимой проверки и доступным, может укрепить доверие общества» к органам, проводящим выборы [2].

Важное значение имеет Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ (Кишинев, 7 октября 2002 г.). Однако данная Конвенция не содержит понятия «электронное голосование» и положений, прямо направленных на организацию и проведение электронного голосования. Кроме того, например, часть 4 ст. 5 «Тайное голосование» четко указывает на голосо-

ние с использованием бюллетеня [3]. Полагаем целесообразным, основываясь на положениях данной Конвенции, также использовать зарубежный опыт правового регулирования электронного голосования, например, отдельные положения Рекомендации «О правилах электронного голосования», закрепляющие понятие электронного голосования.

В литературе условно можно выделить три основных направления исследования различных аспектов электронного голосования:

- 1) доктринальные – рассмотрение подходов к понятию «электронное голосование»;
- 2) материально-правовые – исследование общественных отношений, складывающихся по поводу организации, функционирования электронного голосования и его внедрения в избирательную практику;
- 3) формально-юридические – исследование и анализ особенностей нормативного правового регулирования электронного голосования с целью повышения его эффективности.

В настоящее время внедрение электронного голосования в Республике Беларусь является предметом научно-правового исследования, в процессе которого необходимо решить ряд актуальных вопросов:

1) каков должен быть предмет (аспекты, направления) и объем нормативного правового регулирования. «Это обусловлено тем, что в отличие от традиционного (бумажного) голосования электронное не имеет унифицированных стандартов внедрения, как бумажное голосование... Законодатель не всегда обладает должной компетенцией учесть все нюансы, возможные проблемы и способы их решения, а также определить, какие аспекты требуют нормативного регулирования. Такие аспекты следует определять в законодательстве во взаимодействии с разработчиками подобных технологических решений» [4, с. 121]. Таким образом, правовое регулирование должно обладать уникальными характеристиками, соответствующими особенностям технологических основ. Законодателю требуется квалифицированная поддержка со стороны экспертов и разработчиков систем электронного голосования. Это необходимо для формирования единых правил голосования, создания реально действующей эффективной и в меру гибкой системы правового регулирования, стандартизации и унификации электронного голосования с целью обеспечения ее прозрачности;

2) «Какую модель нормативного правового регулирования следует выбрать? В общемировой практике сложились два основных варианта нормативного правового регулирования электронного голосования в различных государствах: централизованное законодательное регулирование электронного голосования и так называемая конкретизация рамочных законов» [4, с. 121]. Централизованное законодательное регулирование автоматизированного (электронного) голосования используется в ряде стран, в том числе на общегосударственном и локальном уровне [5].

В результате анализа различных подходов к правовому регулированию, отметим, с одной стороны, централизованное законодательное регулирование более распространено, однако, с другой стороны, конкретизация рамочных актов позволяет избежать создания громоздких единых законодательных актов, также предоставляет регионам возможность самостоятельно принимать решения по данным вопросам с учетом их специфики. Таким образом, рамочное правовое регулирование характерно преимущественно для унитарных государств в отличие от централизованного, которое применяется в федеративных странах. В связи с вышесказанным, рассматривая введение электронного

голосования на территории Республики Беларусь, предлагаем идти по пути централизованного правового регулирования и дополнить Избирательный кодекс соответствующими положениями о порядке организации и проведении электронного голосования. В литературе выделяют следующие виды электронного голосования:

- системы подсчета голосов;
- системы голосования перфокартами;
- системы оптической нумеризации (оборудования с программным обеспечением, считывающим сделанные избирателем отметки на бумажном бюллетене);
- «системы прямого электронного регистрирования, предусматривающие возможность избирателю проголосовать при помощи сенсорной панели или клавиатуры, при этом допускается возможность распечатать заполненный бюллетень в бумажной форме, в том числе системы, предусматривающие применение технологий считывания биометрических данных избирателя (лицо, отпечатки пальцев) для голосования как посредством систем прямого электронного регистрирования, так и без них» [6, р. 115];
- «интернет-голосование».

При введении электронного голосования в Беларуси, предлагаем:

1) использовать модель централизованного правового регулирования и дополнить Избирательный кодекс соответствующими положениями о порядке организации и проведении электронного голосования;

2) закрепить в Избирательном кодексе Республики Беларусь наряду с общим понятием «голосование» также понятие «электронное голосование»: «Электронное голосование – способ проведения голосования для подачи и (или) подсчета голосов на основе информационной системы с использованием специальных технических устройств, установленных Центральной избирательной комиссией Республики Беларусь»;

3) дополнить ст. 51 «Организация голосования на участке для голосования», положениям, предусматривающими наряду с использованием стационарного голосования посредством бумажных бюллетеней применение технологий электронного голосования;

4) главу 13 «Порядок голосования при проведении выборов Президента Республики Беларусь, депутатов, референдума, отзыва депутатов» Избирательного кодекса дополнить ст. 52.1 «Проведение электронного голосования», регулирующей порядок организации и проведения электронного голосования;

5) в целях повышения эффективности при проведении голосования в рамках избирательного, референдарного процессов ввести электронный список избирателей, который исключит случаи двойного голосования.

Библиографический список

1. Петрова, С. В. Система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и пути совершенствования электронной демократии / С. В. Петрова, А. В. Сидорова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 192–196.

2. Recommendation of the Committee of Ministers to member States on standards for e-voting : Adopted by the Committee of Ministers on 14 June 2017 at the 1289th meeting of the Ministers' Deputies // Council of Europe. – URL: [https://search.coe.int/cm/#{%22CoEReference%22:\[%22CM/Rec\(2017\)5%22\],%22sort%22:\[%22CoEValidationDate%20Descending%22\],%22CoEIdentifier%22:\[%220900001680726f6f%22\]}](https://search.coe.int/cm/#{%22CoEReference%22:[%22CM/Rec(2017)5%22],%22sort%22:[%22CoEValidationDate%20Descending%22],%22CoEIdentifier%22:[%220900001680726f6f%22]}) (дата обращения: 20.05.2025).

3. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ (Кишинев, 7 октября 2002 г.). – URL: <https://base.garant.ru/1156220/?ysclid=mf0ve7w1av448370432> (дата обращения: 02.09.2025).

4. Дятко, М. Д. Перспективы введения электронного голосования в Республике Беларусь // Международные документы и национальное законодательство по правам человека в эпоху цифровизации (к годовщине Всеобщей декларации прав человека) : материалы круглого стола, Минск, 17 дек. 2024 г. / БГУ, Юрид. фак., Каф. конституционного права ; редкол. : Г. А. Василевич (отв. ред.), Т. С. Масловская, А. В. Шавцова, В. А. Шаршун. – Минск : БГУ, 2025. – С. 120–125.

5. Худолей, Д. М. Электронное голосование в России и за рубежом / Д. М. Худолей, К. М. Худолей // Вестн. Пермск. ун-та. Юрид. науки. – 2022. – Вып. 57. – С. 476-503.

6. Chandra Mouli Ch. Smart Voting System / Chandra Mouli Ch., Laasya Priya M., Ut tej J., Pavan Sri Sai g., Vijay Kumar Reddy R. // International Journal for Innovative Engineering and Management Research. – 2020. – Vol. 9, Issue 09. – PP. 115–118.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО КЛАССИФИКАТОРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В. П. Сухопаров

*заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного
университета по идеологической и воспитательной работе*

viktar19sv@gmail.com

В статье анализируется система нормативных и международно-правовых актов, регулирующих информационные отношения в сети Интернет, с точки зрения ее классификации. Отдельное внимание отводится кодам и рубрикам Единого правового классификатора Республики Беларусь, присвоенным правовым актам, регуливающим информационные отношения. Актуальность тематики обусловлена необходимостью гармонизации государственных информационных систем и ресурсов в контексте развития интеграции государств-участников ЕАЭС и концепции информационного суверенитета государства.

Ключевые слова: единый правовой классификатор; систематизация законодательства; информационное законодательство; сеть Интернет; национальный сегмент глобальной компьютерной сети.

Единый правовой классификатор Республики Беларусь, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 г. № 1, (далее – ЕПК) присваивает законодательству об информации, информатизации и защите информации, цифровом развитии, СМИ, издательском деле, архивном деле и делопроизводстве, рекламе код 10.03, а информатизации и ИТ – код 10.03.09. В. Н. Лопатин отмечает, что в белорусское законодательство об информации, информатизации и защите информации отнесено к одной группе ЕПК, при этом в России данные вопросы «рассредоточены в самостоятельных группах» российского классификатора [1, с. 78], а также что «отсутствие единых подходов» к кодам классификаторов нормативных правовых актов в Республике Беларусь и Российской Федерации препятствует эффективности реализации задач цифровой повестки ЕАЭС [1, с. 79].

Актуальность анализа классификации нормативных правовых актов в данной сфере обусловлена современным этапом развития информационного общества и цифровизации в Республике Беларусь. Н. С. Минько отмечает, что на современном этапе развития правовой системы появились такие новые подотрасли и институты, как интернет-право, цифровое право и др. [2, с. 89]. По мнению М. К. Скоробогатой, развитие законодательства меняет и классификацию правовых актов, однако на основании научных и практических критериев совершенствования классификатора правовых актов будет обеспечиваться стабильность их систематизации и учета [3, с. 114]. Указанное актуализирует значимость совершенствования классификации национального законодательства по вопросам регулирования информационных отношений в сети Интернет.

В ЕПК правовое регулирование информационных отношений, связанных с сетью Интернет, соответствует коду 10.03.09.01 «Информационно-коммуникационные технологии,

информационные сети. Глобальная компьютерная сеть Интернет». В целом количество правовых актов (включая правоприменительные), соответствующих коду 10.03.09.01 ЕПК, в белорусских банках данных правовой информации составляет более 1400.

В рамках общего анализа структуры включаемых в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь В. А. Шаршун выделяет следующие виды: акты Главы государства, законы, постановления палат Парламента, акты Правительства, ведомственные правовые акты, акты органов местного управления, международные договоры и др. [4, с. 100]. Среди международно-правовых актов, классифицированных в ЕПК, можно перечислить следующие: Соглашение об информационном взаимодействии государств-участников СНГ в области цифрового развития общества (от 6 ноября 2020 г.); Решение Совета глав правительств СНГ от 28 октября 2016 г. о Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. и Плане действий по ее реализации и др.

Анализ нормативных и международно-правовых актов и присвоенных им кодов ЕПК, относящихся к информационной сфере, на наш взгляд, указывает на необходимость совершенствования кодов ЕПК по вопросам регулирования информационных отношений в сети Интернет.

Во-первых, ряд нормативных правовых актов кода 10.03.09.01 ЕПК, касающихся глобальной компьютерной сети Интернет, регулирует информационные отношения в национальном сегменте сети Интернет (а не во всей глобальной сети). При этом как составная часть интернет-пространства, находящаяся в юрисдикции Республики Беларусь, национальный сегмент глобальной компьютерной сети Интернет определяется в подп. 1.2 Указа Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет». Во-вторых, среди нормативных правовых актов, соответствующих коду 10.03.09.01 ЕПК, встречаются также те, которые регулируют как информационные отношения в глобальной компьютерной сети Интернет, так и в ее национальном сегменте.

Важность правового классифицирования новых процессов в сфере ИТ [5, с. 110; 6, с. 116; 7, с. 29] и необходимость детализации соответствующих рубрик ЕПК позволяет предложить дополнить рубрику кода 10.03.09.01 ЕПК указанием на регулирование отношений в национальном сегменте глобальной компьютерной сети Интернет. Это позволит уточнить понятие информационного суверенитета Республики Беларусь и реализовать п. 65 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь.

Действующее правовое регулирование национального сегмента сети Интернет и его отражение в ЕПК необходимо с позиции суверенитета Республики Беларусь, распространяемого и на расположенную на ее территории ИКТ-инфраструктуру. Отражение категории «национальный сегмент глобальной компьютерной сети Интернет» в ЕПК позволит отразить существующую систему нормативных правовых актов в данной области, обеспечить совершенствование правового регулирования общественных отношений в национальном сегменте Интернета и реализацию одной из форм проявления информационного суверенитета Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Лопатин, В. Н. Приоритеты и проблемы правовой информатизации в ЕАЭС в условиях многополярного мира / В. Н. Лопатин // Право.by. – 2022. – № 5 (79). – С. 70–80.
2. Минько, Н. С. Развитие законодательства о научной, научно-технической и инновационной деятельности в современных условиях использования новых технологий / Н. С. Минько // Актуальные вопросы развития государственной системы правовой информации Республики Беларусь и цифровизации правовой сферы государства : сб. науч. ст. / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. – Минск, 2022. – С. 82–92.
3. Скоробогатая, М. К. Пути совершенствования единого правового классификатора Республики Беларусь / М. К. Скоробогатая // Право.by. – 2012. – № 1 (15). – С. 111–115.
4. Шаршун, В. А. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь как фактор развития правовой системы / В. А. Шаршун // Право.by. – 2019. – № 3. – С. 97–105.
5. Судиловская, Н. В. Структурный анализ терминосистемы Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» / Н. В. Судиловская // Право.by. – 2022. – № 3 (77). – С. 106–111.
6. Судиловская, Н. В. Актуальные аспекты изучения терминосистемы нормативных правовых актов в сфере информации, информатизации и защиты информации / Н. В. Судиловская // Право.by. – 2018. – № 4 (54). – С. 115–119.
7. Шаршун, В. А. Классификация правовой информации: вопросы теории и практики / В. А. Шаршун // Право.by. – 2015. – № 6 (38). – С. 24–30.

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Абанина Елена Николаевна – заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент

Абламейко Мария Сергеевна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Абухадма Гайс Кадым Турки – аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Амельчenea Юлия Александровна – ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Анисимов Алексей Павлович – профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор

Антанович Нина Арсеньевна – заведующий кафедрой политологии юридического факультета БГУ, доктор политических наук, профессор

Бажина Мария Анатольевна – профессор кафедры предпринимательского права имени В. С. Якушева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, доцент

Бакиновская Ольга Александровна – заместитель руководителя Института – начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Балашенко Сергей Александрович – профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Барышев Сергей Александрович – доцент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент

Белявцева Дина Владимировна – доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, кандидат политических наук, доцент

Бибилlo Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор

Боголюбов Сергей Александрович – научный руководитель Отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Богоненко Владимир Антонович – доцент кафедры гражданского права юридического факультета Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, кандидат юридических наук, доцент

Бодров Николай Филиппович – Президент международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Бондаренко Наталья Леонидовна – заведующий кафедрой хозяйственного права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор

Бородулькина Екатерина Сергеевна – ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Бреский Олег Валентинович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент

Бринчук Михаил Михайлович – профессор кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости Московского государственного университета геодезии и картографии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бритова Татьяна Константиновна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Вавилин Валерий Евгеньевич – ведущий советник отдела законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности правового департамента Министерства экономического развития Российской Федерации

Вавилин Евгений Валерьевич – заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Член Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, доктор юридических наук, профессор, судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в почетной отставке

Валюшко-Орса Наталья Викторовна – доцент кафедры государственного управления юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь

Василевич Сергей Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент

Витушко Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор

Воронина Наталья Павловна – профессор кафедры экологического и природоресурсного права, заместитель заведующего кафедрой экологического и природоресурсного права по научной работе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

Воропаев Дмитрий Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Гладкая Екатерина Николаевна – руководитель центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси, кандидат юридических наук, доцент

Голубева Людмила Леонидовна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Гринева Анна Владимировна – доцент кафедры гражданского права юридического факультета Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Гурьева Елена Александровна – доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Гусева Татьяна Алексеевна – и.о. заведующего кафедрой конституционного, административного и финансового права Юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, доктор юридических наук, профессор

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Джиоев Сослан Хазбиевич – профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор

Дроздовская Кэтрин Дениза Мигель Анхель – судья экономического суда г. Минска, кандидат юридических наук

Емельянович Ольга Викторовна – заместитель декана юридического факультета БГУ по международному сотрудничеству и интернационализации образования, кандидат юридических наук

Жлоба Альберт Анатольевич – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Жолудева Диана Витальевна – старший научный сотрудник лаборатории технических и криминалистических исследований научного отдела технических, криминалистических и специальных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

Жочкина Ирина Николаевна – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, кандидат юридических наук, доцент

Зайцев Олег Александрович – вице-президент Международной общественной организации «Союза криминалистов и криминологов», главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Зайцева Людмила Львовна – заведующий кафедрой прокурорской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Злотникова Тамара Владимировна – заведующий кафедрой земельного права и государственной регистрации недвижимости факультета управления территориями Московского государственного университета геодезии и картографии, доктор юридических наук, профессор

Иванников Иван Андреевич – профессор кафедры теории, истории государства и права Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор

Иванов Иван Васильевич – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Иванова Диана Владимировна – ведущий специалист отдела права промышленной собственности и договоров управления правового и кадрового обеспечения, Национального центра интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук, доцент

Иванова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ

Ильина Ольга Юрьевна – декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Казак Олег Геннадьевич – заведующий кафедрой политологии социально-экономического факультета Белорусского государственного экономического университета, кандидат исторических наук, доцент

Калинин Сергей Артурович – заместитель декана юридического факультета БГУ по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

Каменков Виктор Сергеевич – научный консультант кафедры хозяйственного права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Карамышев Александр Владимирович – доцент кафедры государственного управления юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Карнаушенко Леонид Владимирович – начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор

Карпович Наталья Александровна – заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь, профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Касьянчик Сергей Сергеевич – заместитель начальника факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров по учебной работе Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Кванина Валентина Вячеславовна – заведующий кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Килинкарлова Елена Васильевна – доцент кафедры административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Киселева Татьяна Маратовна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Ключко Римма Николаевна – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент

Козловская Виолетта Викторовна – декан юридического факультета Витебского государственного университета имени П. М. Машерова

Козырева Елена Владимировна – доцент кафедры гражданского права юридического факультета Тверского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Колядко Иван Николаевич – профессор кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Комлев Евгений Юрьевич – заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидат юридических наук, доцент

Комлева Татьяна Михайловна – юрисконсульт нотариальной конторы г. Москвы, кандидат юридических наук

Конаневич Юрий Григорьевич – старший преподаватель кафедры хозяйственного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук

Кондратович Наталья Михайловна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Коновалова Жанна Чеславовна – заведующий кафедрой права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, кандидат юридических наук, доцент

Корень Татьяна Анатольевна – заместитель декана по идеологической и воспитательной работе факультета экономики и права Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, кандидат юридических наук, доцент

Король Андрей Дмитриевич – ректор Белорусского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Король Эдуард Леонтьевич – заместитель председателя Экономического суда Гродненской области, кандидат юридических наук, доцент

Короткевич Мария Павловна – доцент кафедры гражданского права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Краснобаева Людмила Александровна – доцент кафедры государственного управления юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Кремлёва Ольга Клавдиевна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

Кузьмич Ирина Петровна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Куликова Ольга Валентиновна – доцент кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

Куницкая Ольга Михайловна – доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Курилович Мария Петровна – заведующий сектором эколого-правовых исследований центра государственного строительства и права Института экономики НАН Беларуси, кандидат юридических наук

Курындин Павел Александрович – доцент кафедры административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук

Кусков Алексей Сергеевич – председатель Саратовской региональной общественной организации «Центр правовой защиты потребителей», начальник департамента внутреннего мониторинга качества образования Федерального ресурсного центра подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства при Российском государственном университете туризма и сервиса, кандидат культурологии

Кухарьков Юрий Владимирович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета БГУ, кандидат медицинских наук, доцент

Лагун Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Ладутько Виолетта Константиновна – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

Лапина Ирена Александровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Лапунина Татьяна Альбертовна – начальник научного отдела гуманитарных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат филологических наук

Лапцевич Ирина Игоревна – начальник отдел исследований в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Левчук Николай Николаевич – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Вооруженных Сил Республики Беларусь», доктор политических наук, доцент

Лизгаро Виктория Евгеньевна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Лобанова Любовь Валентиновна – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Мазаник Екатерина Николаевна – доцент кафедры международного экономического права факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

Макарова Тамара Ивановна – заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор

Малофеев Константин Валерьевич – председатель Попечительского совета Института «Царьград», кандидат юридических наук

Марыина Евгения Владимировна – доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Масловская Татьяна Станиславовна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Матарас Валентин Никифорович – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Мацкевич Игорь Михайлович – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Мещанова Мария Валентиновна – заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, доцент

Миклашевич Петр Петрович – Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь, заслуженный юрист Республики Беларусь

Минаева Анастасия Игоревна – преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

Минько Наталья Сергеевна – ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Михайлов Андрей Валерьевич – заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

Михайлов Дмитрий Игоревич – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, кандидат юридических наук, доцент

Михайловский Вадим Сергеевич – заведующий кафедрой государственного управления юридического факультета БГУ, доктор политических наук, доцент

Михалёнок Снежана Александровна – доцент кафедры государственного управления юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Мороз Олег Васильевич – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Морозов Сергей Юрьевич – декан юридического факультета Ульяновского государственного университета, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Мотина Евгения Владимировна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Навасардова Элеонора Сергеевна – заведующий кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор

Нутрихин Роман Владимирович – доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

Одинцов Станислав Валерьевич – доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидат юридических наук, доцент

Олифиренко Артем Алексеевич – сотрудник Научно-образовательной лаборатории правового обеспечения развития агропромышленного комплекса Саратовской государственной юридической академии

Ольков Сергей Геннадьевич – профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), доктор юридических наук, профессор

Олькова Ольга Андреевна – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), кандидат юридических наук, доцент

Орехова Екатерина Петровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Орловская Елена Ивановна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Орловская Ирина Владимировна – исполнительный директор общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов», руководитель учебно-практического учреждения «Центр «Медиация и право»

Орловская Людмила Геннадьевна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Отческая Татьяна Ивановна – заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Павлов Вадим Иванович – профессор кафедры конституционного и международного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор

Панова Альбина Сергеевна – профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Пантелеева Наталья Викторовна – доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Пастух Николай Иванович – начальник научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института Вооруженных Сил Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Перевалов Дмитрий Васильевич – ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем обеспечения пограничной безопасности научно-исследовательской части Института пограничной службы Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Перепелица Елена Васильевна – ведущий научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и информационного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Пилипенко Александр Анатольевич – доцент кафедры государственного управления юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Пириштук Александра Игоревна – преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ

Побережная Ольга Евгеньевна – заместитель декана юридического факультета БГУ по учебной работе и образовательным инновациям, кандидат политических наук, доцент

Попова Ирина Васильевна – доцент кафедры гражданского права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Постовалова Татьяна Александровна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Протасовицкий Сергей Петрович – доцент кафедры гражданского права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Пуныко Татьяна Николаевна – заместитель директора по учебной работе Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Рамазанова Наталья Олеговна – доцент кафедры государственного управления юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Реуцкая Елена Александровна – доцент кафедры уголовного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Романова Ольга Николаевна – заведующий кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Рошупкин Андрей Валентинович – первый заместитель генерального директора Унитарного производственного предприятия «Кока-Кола Бевриджиз Белоруссия»

Рошупкин Артемий Андреевич – преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ

Рыбак Сергей Вячеславович – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Сакун Татьяна Николаевна – научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Саскевич Вероника Васильевна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Свидлова Кира Владимировна – доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

Сенкевич Виктория Валерьевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Сенько Анатолий Степанович – адвокат Минской областной коллегии адвокатов, кандидат юридических наук, доцент

Симановский Сергей Иванович – доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, кандидат философских наук, доцент

Синицына Анна Михайловна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Сирик Наталия Валерьевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета истории и права факультета истории и права Смоленского государственного университета; доцент кафедры гражданского права и процесса Смоленского филиала Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент

Ситдикова Роза Иосифовна – профессор кафедры предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Скорород Игорь Георгиевич – доцент кафедры теории и истории права факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

Соловьев Павел Витальевич – декан юридического факультета Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, кандидат юридических наук

Солтанович Андрей Владимирович – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Сорокина Юлия Владимировна – доцент кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

Спирин Михаил Юрьевич – доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Витебского государственного университета имени П. М. Машилова, кандидат исторических наук, доцент

Сухопаров Виктор Павлович – заместитель декана юридического факультета БГУ по идеологической и воспитательной работе

Таева Наталья Евгеньевна – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

Телятицкая Татьяна Валерьевна – профессор кафедры международного экономического права факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

Тиковенко Анатолий Герасимович – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Толочко Ольга Николаевна – профессор кафедры государственного управления юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор

Турлай Иван Сергеевич – доцент кафедры управления и экономики высшей школы Республиканского института высшей школы, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, кандидат экономических наук, доцент

Тхабисимова Людмила Аслановна – директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Адыгея, почетный работник сферы образования Российской Федерации

Ульянова Марина Вячеславовна – доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент

Уржинский Константин Константинович – доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Фиошин Александр Владимирович – доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент

Фиронов Анатолий Николаевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Хотько Ольга Александровна – доцент кафедры государственного управления юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Худяков Андрей Валерьевич – главный специалист Научно-практического центра укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат политических наук

Чеботарев Владимир Евгеньевич – заведующий кафедрой «Морское право и международное право» Юридического института Российского университета транспорта, кандидат экономических наук, доцент

Чеботарева Анна Александровна – заведующий кафедрой «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Юридического института Российского университета транспорта, доктор юридических наук, доцент

Чебуранова Светлана Егоровна – декан юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент

Чигилейчик-Функ Арсений Янович – юрист

Чуприс Ольга Ивановна – заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Шавцова Алла Васильевна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Шаршун Виктор Александрович – доцент кафедры конституционного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Шахновская Ирина Викторовна – заведующий кафедрой конституционного и уголовного права юридического факультета Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, кандидат юридических наук, доцент

Шахрай Ирина Сергеевна – профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, доцент

Шидловский Андрей Викторович – декан юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Шингель Наталия Адамовна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Щербик Дмитрий Васильевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

Энтин Марк Львович – заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса

Энтина Екатерина Геннадьевна – заведующая отделом Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук, профессор

Ядревский Олег Олегович – доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	3
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	6
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ДЕКАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	8
РАЗДЕЛ I. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА: К ОБСУЖДЕНИЮ ВОПРОСОВ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	10
<i>Чуприс О. И.</i> Потенциал юридической науки в решении государственных задач	10
<i>Шидловский А. В.</i> Юридическое образование: от современного состояния к перспективам совершенствования	14
<i>Воропаев Д.А., Касьянчик С.С.</i> Место и роль обучения в магистратуре в системе подготовки кадров для правоохранительных органов	27
<i>Голубева Л. Л.</i> Станаўленне і развіццё юрыдычнай адукацыі і юрыдычнай навукі ў Беларусі	31
<i>Емельянович О. В.</i> Академическая мобильность в контексте интернационализации высшего юридического образования в рамках Шанхайской организации сотрудничества	37
<i>Калинин С.А.</i> О современных проблемах познания и преподавания теоретической юриспруденции	40
<i>Колядко И.Н.</i> О роли профессоров В. Г. Тихины и Н. Г. Юркевича в становлении и развитии белорусской гражданской процессуальной школы	46
<i>Мотина Е. В.</i> В. И. Семенов и становление белорусской науки трудового права.....	50
<i>Орловская И. В.</i> Медиативное посредничество как форма юридического воздействия в системе методов правового регулирования	53
<i>Павлов В. И.</i> Постклассические тенденции развития современной общей теории права в отечественном правоведении.....	57
<i>Побережная О. Е.</i> Профессиональные стандарты как фактор развития юридического образования в Республике Беларусь	63
<i>Пуныко Т. Н.</i> О реализации принципа непрерывности в системе юридического образования	66
<i>Чебуранова С. Е.</i> Высшее юридическое образование: стратегия и предназначение	71
<i>Чеботарева А. А.</i> Тенденции формирования образовательных программ и преподавания государственного управления в условиях технологического развития и изменений в системе высшего образования	74
РАЗДЕЛ II. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	77
<i>Доўнар Т. І., Іванова Т. У.</i> Старажытныя веча і «абласныя» соймы XIII–XV стст. як першыя інстытуты народаўладдзя і праватворчасці ў Беларусі	77
<i>Иванников И. А.</i> О значении методологии в научном исследовании государства и права	84

<i>Энтина Е. Г., Энтин М. Л.</i> Право на службе мультицентричного мироустройства и технологического суверенитета в условиях углубления интеграции на примере ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, ЕС и государств-членов СНГ	87
<i>Карнаушенко Л. В.</i> Модерное государство: универсальные и региональные особенности	93
<i>Лагун Д. А.</i> О совершенствовании права законодательной инициативы граждан в Республике Беларусь	98
<i>Малофеев К. В.</i> Эволюция прав германских правителей в конце XVIII–XIX вв.	101
<i>Матарас В. Н.</i> Формальные и содержательные феномены в системе правопорядка	105
<i>Орловская Е. И.</i> Большое видится на расстоянии: воспоминания о профессоре А. В. Дулове... ..	109
<i>Постовалова Т. А.</i> Трансформация функций права социального обеспечения в условиях современных вызовов	114
<i>Рошупкин А. В., Рошупкин А. А.</i> Стимулирующая и дестимулирующая функции налоговой и тарифной политики как элемент повышения эффективности использования водных и энергетических ресурсов, сокращения образования отходов	118
<i>Скобелев В. П.</i> О целесообразности закрепления в Кодексе гражданского судопроизводства нового вида пределов апелляционной проверочной деятельности	121
<i>Спирин М. Ю.</i> Интерес как исток и источник права в романо-германской правовой традиции	127
<i>Фиронов А. Н.</i> Право как культурный феномен и его ценностное измерение	132
<i>Щербик Д. В.</i> Перспективы развития института главы государства в период перехода к постиндустриальному обществу.....	135
РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА:	
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА А. А. ГОЛОВКО	140
<i>Василевич Г. А.</i> Институт конституционной жалобы в современном механизме защиты прав и свобод	140
<i>Миклашевич П. П.</i> Тенденции развития современного конституционализма	146
<i>Карпович Н. А.</i> Обеспечение мира и гражданского согласия – конституционная цель общества и государства	152
<i>Тиковенко А. Г.</i> Правовое обеспечение национально-государственной идентичности в условиях современных вызовов	156
<i>Таева Н. Е.</i> Традиционные ценности семьи и брака как вектор миграционного законодательства России	161
<i>Бреский О. В.</i> Конституционные основания медиативного процесса	165
<i>Иванов И. В.</i> Государственно-правовая природа Союзного государства Беларуси и России и контексты правопреемства общего исторического прошлого	168
<i>Киселёва Т. М.</i> Коммуникация граждан и органов местной власти в Республике Беларусь: состояние и пути совершенствования.....	173
<i>Комлев Е. Ю.</i> Муниципальная реформа в России: основные изменения	176
<i>Кондратович Н. М., Масловская Т. С.</i> Концептуальные подходы к принципам демократии в трудах профессора А. А. Головки и их современная реализация	181
<i>Ладутько В. К.</i> Конституционные основы обеспечения налогового суверенитета	186

<i>Минько Н. С.</i> Конституционная правосубъектность интеграционных образований в процессе интеграционного развития белорусского государства на евразийском пространстве	191
<i>Синицына А. М.</i> Конституционная законность: понятие и содержание	195
<i>Скороход И. Г.</i> Всебелорусское народное собрание и Всекитайское собрание народных представителей: сравнительно-правовой анализ	200
<i>Шахновская И. В.</i> Трансформация института местного самоуправления в Республике Беларусь	203
РАЗДЕЛ IV. ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА, ПРАВО, ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	208
<i>Антанович Н. А.</i> Справедливость как категория политической и правовой наук	208
<i>Побережная О. Е.</i> Место и роль теории политики в системе политической науки	214
<i>Левчук Н. Н., Пастух Н. И.</i> Коалиционный фундамент устойчивой архитектуры евразийской безопасности	217
<i>Белявцева Д. В.</i> Инструменты и факторы эволюции территориальной организации Республики Беларусь на современном этапе	221
<i>Казак О. Г.</i> Деятельность Польского культурно-просветительского общества имени А. Мицкевича в структуре Гродненского областного отделения Советского фонда культуры (1988–1991 гг.)	224
<i>Минаева А. И.</i> Цифровая трансформация государства	227
<i>Симановский С. И.</i> Патриотическое воспитание молодежи в Республике Беларусь	231
<i>Турлай И. С.</i> Принятие государственной символики Республики Беларусь на республиканском референдуме 1995 г.	234
<i>Худяков А. В.</i> Трансформация политической системы: на примере Республики Беларусь ...	238
РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	241
<i>Бажина М. А.</i> Баланс частно-правовых и публично-правовых средств регулирования транспортно-логистической деятельности	241
<i>Гусева Т. А.</i> Переход на риск-ориентированную модель контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации	245
<i>Михайловский В. С.</i> Парадигмы государственного управления: право, политика, экономика ...	247
<i>Морозов С. Ю.</i> Проблемы совершенствования транспортного законодательства в России и Беларуси	250
<i>Перевалов Д. В., Михалёнок С. А.</i> Современные подходы к содержанию государственного управления в области борьбы с преступностью	255
<i>Толочко О. Н.</i> Международное сотрудничество по оперативному реагированию на экологические угрозы и чрезвычайные ситуации	261
<i>Валюшко-Орса Н. В.</i> Государственное регулирование в сфере защиты персональных данных несовершеннолетних в глобальной компьютерной сети Интернет	266
<i>Карамышев А. В.</i> О комплексной административной процедуре	269
<i>Килинкарлова Е. В.</i> Международное налогообложение в России и Беларуси: в поиске ответов на общие вопросы (на примере практики применения соглашения об избежании двойного налогообложения)	272

<i>Коновалова Ж. Ч.</i> Некоторые аспекты государственного управления генно-инженерной деятельностью	275
<i>Краснобаева Л. А.</i> Эволюция и институционализация публичных услуг: концептуальные аспекты.....	278
<i>Курындин П. А.</i> Правовая определенность в длящихся административных правонарушениях .	282
<i>Мазаник Е. Н.</i> Международный порядок, основанный на праве, и международный порядок, основанный на правилах: содержание, генезис и соотношение.....	285
<i>Пилипенко А. А.</i> О корректировке налоговой базы при дроблении бизнеса	289
<i>Рамазанова Н. О.</i> Об административно-правовом регулировании миграционных процессов в Беларуси	293
<i>Хотько О. А.</i> Новый концепт правового регулирования транспортной деятельности: от совершенствования законодательства к методам правового воздействия на транспортные правоотношения	297
<i>Чеботарев В. Е.</i> Курс на технологическое лидерство и тенденции развития морского законодательства	301
РАЗДЕЛ VI. СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИСТИКА: ПРЕЛОМЛЕНИЕ 100-ЛЕТНЕГО НАСЛЕДИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ.....	304
<i>Вавилин Е. В., Вавилин В. Е.</i> Российское законодательство и судебная практика в сфере цифровизации гражданского оборота: некоторые тенденции развития.....	304
<i>Ильина О. Ю.</i> К вопросу о соотношении гражданского и семейного права: новые аргументы	309
<i>Мещанова М. В.</i> Сохранение национальных подходов частноправового регулирования в. региональная интеграция	313
<i>Ситдикова Р. И., Барышев С. А.</i> Понятие цифрового изображения, созданного с помощью технологии искусственного интеллекта, как объекта гражданских прав	317
<i>Амельченя Ю. А.</i> Некоторые аспекты одностороннего изменения условий договора государственной закупки	321
<i>Бакиновская О. А.</i> Односторонний отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору	324
<i>Богоненко В. А.</i> К вопросу о публично-правовых институтах в гражданском праве.....	329
<i>Гринева А. В.</i> Родительское правоотношение в призме наследственного права.....	333
<i>Дроздовская К. Д.</i> Современные тенденции правового регулирования корпоративных отношений в Республике Беларусь	336
<i>Иванова Д. В.</i> Согласие (разрешение) обладателя исключительного права на использование объекта интеллектуальной собственности	341
<i>Козырева Е. В.</i> Компенсация морального вреда как способ защиты результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации	344
<i>Комлева Т. М.</i> Цифровое завещание в Испании как один из трендов развития наследственного права	347
<i>Король Э. Л.</i> Отдельные проблемы правового регулирования вовлечения в оборот неиспользуемого или неэффективно используемого государственного имущества	352
<i>Короткевич М. П.</i> Заверения в обстоятельствах в гражданском праве.....	358

<i>Одинцов С. В., Абухадма Г. К. Т.</i> Проблемы «нормативной инфляции» и «дефектов нормотворчества» на примере инвестиционного законодательства Ирака	361
<i>Попова И. В.</i> Правовое регулирование приобретения арендного жилья в собственность граждан	366
<i>Протасовицкий С. П.</i> Право собственности на токены	371
<i>Романова О. Н.</i> Принцип взаимности в международном гражданском процессе Республики Беларусь	375
<i>Сирик Н. В., Кусков А. С.</i> Актуальные тренды реформирования системы договоров в сфере туризма.....	378
<i>Ульянова М. В.</i> Изменение и расторжение брачного договора в Республике Беларусь и Российской Федерации.....	383
<i>Уржинский К. К.</i> Топология интегральной микросхемы как объект права интеллектуальной собственности	388
<i>Фиошин А. В.</i> О некоторых оценочных понятиях наследственного права России и Беларуси	392
<i>Ядревский О. О.</i> К вопросу о возможности правовой охраны нетрадиционных объектов смежных прав в Республике Беларусь.....	395
РАЗДЕЛ VII. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	398
<i>Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г.</i> Инновационное право – право общественного обновления, его предмет и методология.....	398
<i>Витушко В. А.</i> Договор как универсальная цивилизационная правовая система	402
<i>Каменков В. С., Куницкая О. М.</i> Краудфандинг как способ привлечения инвестиций в образовательную и научную деятельность: правовой аспект	407
<i>Панова А. С.</i> Современное состояние правового обеспечения семейного предпринимательства в России.....	412
<i>Функ Я. И., Чигилейчик-Функ А. Я.</i> Смарт-контракт во внешнеэкономическом обороте: о проблеме письменной формы договора	417
<i>Гладкая Е. Н.</i> Трансформация правового регулирования общественных отношений в контексте обеспечения технологического лидерства Республики Беларусь	420
<i>Гурьева Е. А.</i> Понятие «электронного правосудия» в современной юридической доктрине	423
<i>Корень Т. А.</i> О соотношении норм частного и публичного права в законодательстве об урегулировании неплатежеспособности	427
<i>Кремлёва О. К.</i> Модель заверений: конструкция и применение в системе корпоративной ответственности в целях обеспечения стабильности экономической деятельности	430
<i>Михайлов А. В.</i> Развитие предпринимательского (хозяйственного) права в условиях цифровой экономики.....	435
<i>Михайлов Д. И.</i> Соотношение интересов участников коммерческой организации и управленческих рисков в аспекте установления корпоративного деликта	438
<i>Пантелеева Н. В.</i> Правовое регулирование обеспечения безопасности инвестиций в промышленность	442

<i>Козловская В. В.</i> О перспективах сближения законодательства Беларуси и России в сфере промышленной собственности	445
РАЗДЕЛ VIII. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ НАУКИ АГРАРНОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ПРАВА.....	448
<i>Карпович Н. А.</i> Реализация конституционных принципов и норм в процессе совершенствования правового обеспечения экологической политики Республики Беларусь	448
<i>Макарова Т. И.</i> К вопросу о системе экологического законодательства в контексте его кодификации	454
<i>Балашенко С. А.</i> О некоторых аспектах правового обеспечения наличия и рационального использования водных ресурсов в системе целей устойчивого развития	459
<i>Боголюбов С. А.</i> Значение закона БССР «Об охране природы в Белорусской ССР» для формирования доктрины экологического права.....	465
<i>Бринчук М. М.</i> Конституционные основы юридического экологического образования.....	469
<i>Шахрай И. С.</i> Некоторые проблемы правового регулирования предоставления дополнительных земельных участков.....	474
<i>Кванина В. В.</i> О стимулирующих мерах экономического механизма охраны окружающей среды.....	478
<i>Злотникова Т. В.</i> Взаимосвязь устойчивого развития территорий и принципов земельного права	482
<i>Абанина Е. Н., Олифиренко А. А.</i> Цифровизация сельского хозяйства России: правовое регулирование и практика использования	487
<i>Анисимов А. П.</i> Правовые проблемы изменения границ особо охраняемых природных территорий в России.....	491
<i>Навасардова Э. С., Свидлова К. В.</i> Государственно-правовая курортная политика и перспективы развития эколого-курортного региона «Кавказские Минеральные Воды»	494
<i>Воронина Н. П.</i> Перспективы аграрного права в России	498
<i>Отческая Т. И.</i> Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства о защите земли и почвы в России и Беларуси.....	502
<i>Жлоба А. А.</i> Состав источников правового регулирования формирования и развития национальной экологической сети в Республике Беларусь.....	506
<i>Жочкина И. Н.</i> Современные тенденции правового регулирования отношений в сфере государственного экологического надзора в России	510
<i>Кузьмич И. П.</i> Роль аграрного законодательства в обеспечении агробиоразнообразия	515
<i>Куликова О. В., Сорокина Ю. В.</i> О соотношении потребностей аграрного производства и обеспечения продовольственной безопасности в контексте устойчивого развития.....	519
<i>Курилович М. П.</i> Публично-частное партнерство как способ сотрудничества в деле охраны окружающей среды: правовые аспекты	524
<i>Лизгаро В. Е.</i> Новые подходы к правовому закреплению экономических мер охраны окружающей среды.....	528
<i>Мороз О. В.</i> Участие общественности в экологическом сопровождении хозяйственной и иной деятельности в контексте современного экологического правопорядка	532

<i>Нутрихин Р. В.</i> Риск-ориентированный подход к проблемам регионального курортного законодательства о Кавказских Минеральных Водах	535
<i>Саскевич В. В.</i> Юридические гарантии прав и обязанностей граждан в отношениях по обеспечению устойчивого развития сельских территорий.....	540
<i>Шингель Н. А.</i> О преемственности в земельном законодательстве Республики Беларусь ...	543
РАЗДЕЛ IX. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И СУДОУСТРОЙСТВА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Е. А. МАТВИЕНКО	546
<i>Шидловский А. В.</i> Восстановление социальной справедливости в методологии цивилизационного измерения уголовно-правовых средств	546
<i>Данилевич А. А., Петрова О. В.</i> К вопросу о судебной форме защиты в уголовном процессе (наследие Е. А. Матвиенко)	551
<i>Бибило В. Н.</i> Функция правосудия в стадии исполнения приговора.....	555
<i>Бодров Н. Ф.</i> Преступность в сфере цифрового оборота биометрических данных	559
<i>Зайцев О. А.</i> Совершенствование правовых механизмов уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровой трансформации	563
<i>Лобанова Л. В.</i> Развитие законоположений об ответственности за преступления против правосудия на современном этапе: некоторые проблемы криминализации.....	567
<i>Ольков С. Г., Олькова О. А.</i> Максимизация справедливости при вынесении обвинительных судебных приговоров	571
<i>Бородулькина Е. С.</i> Медиация как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов: от теории к законодательной институализации	576
<i>Зайцева Л. Л.</i> Право на юридическую помощь и проблемы его реализации в уголовном процессе Республики Беларусь	580
<i>Ключко Р. Н.</i> Уголовно-правовые контуры охраны национальных интересов в информационной сфере: стратегические векторы трансформации.....	586
<i>Лапина И. А.</i> Использование специальных знаний в судопроизводстве как основа формирования правовых институтов «судебная экспертиза» и «судебно-экспертная деятельность»	590
<i>Лапунина Т. А., Жолудева Д. В., Сакун Т. Н.</i> Коммуникация и судебная лингвистическая экспертиза: к проблеме определения состава участников общения.....	593
<i>Лапцевич И. И.</i> О возможности применения некоторых положений об уголовной ответственности несовершеннолетних к лицам, достигшим восемнадцатилетнего возраста	598
<i>Марьина Е. В.</i> Защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства посредством реализации мер прокурорского реагирования (на примере российского и белорусского законодательства).....	603
<i>Орехова Е. П., Кухарьков Ю. В.</i> Значение использования ChatGPT при преподавании уголовного процесса и криминалистики.....	607
<i>Орловская Л. Г.</i> Форма приговора: прошлое, настоящее и будущее.....	611
<i>Реутская Е. А.</i> Теоретико-правовые основы определения общественной опасности преступления в условиях трансформации права	615

<i>Рыбак С. В.</i> Об актуальных направлениях научных исследований в сфере уголовного процесса на современном этапе развития белорусского общества и государства	619
<i>Самарын В. І.</i> Міжнародная прававая дапамога па крымінальных справах – інстытут крымінальна-працэсуальнага права	623
<i>Сенько А. С.</i> Право обвиняемого на свидание в контексте провозглашенного приговора ...	628
<i>Солтанович А. В., Пиришук А. И.</i> О некоторых вопросах взыскания процессуальных издержек и обложения государственной пошлиной по уголовным делам	631
<i>Стаценко В. Г.</i> Противодействие домашнему насилию: проблемы правового обеспечения....	634
РАЗДЕЛ X. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	639
<i>Мацкевич И. М.</i> Защита прав человека в условиях глобальной цифровизации	639
<i>Джиоев С. Х.</i> Использование технологий обработки больших данных (big data) в правоохранительной сфере	647
<i>Абламейко М. С.</i> Большие данные: правовой аспект	655
<i>Шариун В. А.</i> Информационные и цифровые правоотношения: проблемы разграничения	659
<i>Соловьёв П. В.</i> Трансформация юридической ответственности в условиях цифровизации	664
<i>Тхабисимова Л. А.</i> Трансформация государства в условиях глобальных информационных рисков	667
<i>Сенкевич В. В.</i> Цифровая трансформация доказывания: проблемы и перспективы применения электронных доказательств в гражданском процессе	671
<i>Кондратович Н. М.</i> Влияние цифровых технологий на правовое регулирование избирательного процесса в зарубежных странах.....	674
<i>Масловская Т. С.</i> Некоторые направления дальнейшего развития электронного государства в рамках реализации отдельных задач Цели устойчивого развития 16	677
<i>Бритова Т. К.</i> Изменение трудового законодательства в условиях цифровых инноваций ..	680
<i>Василевич С. Г.</i> Цифровое правосудие.....	685
<i>Перепелица Е. В.</i> Платформенные решения для общественно-государственных коммуникаций	689
<i>Телятицкая Т. В.</i> Удаленное административное принуждение как феномен цифрового государства	693
<i>Шавцова А. В.</i> Применение информационных технологий при проведении голосования в избирательном и референдарном процессах	698
<i>Сухопаров В. П.</i> О совершенствовании Единого правового классификатора Республики Беларусь в сфере регулирования информационных отношений в сети Интернет.....	702
КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ	705
ОГЛАВЛЕНИЕ	715

Научное издание

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ПРАВОВАЯ НАУКА
И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
К 100-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Материалы
Белорусского научно-образовательного конгресса**

Минск, 20–23 октября 2025 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *С. А. Калинин*

Подписано в печать 01.10.2025. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 58,83. Уч.-изд. л. 64,98.

Тираж 80 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика